КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

октябрь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1882 г.

I. МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ. **Гр. П. Галагана**, съ предисловіемъ **П. И. Житецкаго** 1

II. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) **N.** *(Продолженіе)* . . 39

III. ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО, по воспоминаніямъ разныхъ лицъ. (1831—1861 г.). **Н. Бѣлозерскаго** 66

IV. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ Н. Д. ИВАНИЩЕВА (бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммисіи, ректора и профессора кіевскаго университета). **О. Л.** 78

V. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 ГОДА. *(Продолженіе)* 89

VI. РѢЧЬ «О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ» МАЛОРОССІИ . . . 119

VII. ДВА ДОКУМЕНТА О СОСТОЯНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII СТ. 126

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.—б) Polàci a Rusini. Sepsal prof. Josef Perwolf.—в) D-r Antoni I... Z przeszłości Polesia kijowskiego. Warszawa, 1882.—г) Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы юго-западнаго края. К. 1882. . . . 134

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Къ исторіи Запорожья.—б) Отецъ Аполлоній Сендульскій, священникъ села Сивокъ острожскаго уѣзда.—в) Двѣ записки св. Димитрія Ростовскаго о пріемѣ и сдачѣ имъ елецкаго черниговскаго монастыря.—г) Старинные малороссійскіе портреты.—д) О днѣ смерти князя Василія-Константина Константиновича Острожскаго.—е) Украинскій Геліосъ.—ж) Св. муро въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали.—з) Кармелюкъ 159

ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кіевская Старина».

ПРИЛОЖЕНІЕ: нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софіевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

ОКТЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ *).

Предварительныя замѣчанія.

Вертепная южно-русская драма издана была еще покойнымъ Н. А. Маркевичемъ [1]) въ книгѣ, которая въ настоящее время вышла изъ продажи, поэтому для читателей „Кіевской Старины“ статья Г. П. Галагана, въ живомъ очеркѣ возстановляющая своеобразныя сцены южно-русскаго вертепа, представляетъ особенный интересъ. Она написана по его сокиринскому списку, представляющему нѣкоторыя отклоненія отъ варіанта, изданнаго Маркевичемъ. Спеціалисты не затруднятся отмѣтить особенности сокиринскаго текста, но ради этихъ особенностей не было надобности въ изданіи самаго текста, довольно близкаго къ напечатанному Маркевичемъ. Гораздо важнѣе объясненіе сценическихъ подробностей, относящихся къ вертепу, и воспроизведеніе самыхъ сценъ вертепа подъ живымъ впечатлѣніемъ идей, составлявшихъ содержаніе старинной нашей

*) Рукопись 1875 г.—Мы глубоко признательны достоуважаемому Гр. П. Галагану за дозволеніе ознакомить нашихъ читателей съ интереснѣйшимъ содержаніемъ его рукописи, особливо-же за доставленіе намъ возможности впервые дать читающей публикѣ потную часть вертепной драмы, драгоцѣнную по ея древнимъ, истинно народнымъ мотивамъ, равно изящный рисунокъ вертепнаго ящика, который можетъ дать наглядное представленіе о способѣ вертепнаго дѣйствія, долгое время поучавшаго и увеселявшаго нашихъ предковъ. Любовь къ родной древности въ этомъ именитомъ родѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія сохранявшая драгоцѣнное наслѣдіе сѣдой древности не въ пыли архивной, не въ сонномъ забвеніи, но въ ежегодно возобновлявшемся живомъ дѣйствіи, достойная глубокаго уваженія и самыхъ искреннихъ симпатій. Огромный хоръ, прекрасный оркестръ, богатая обстановка сокиринскихъ владѣтелей сообщали воспроизведенію простодушной старины торжественность и великолѣпіе, достойныя его священнаго содержанія и истинно-народнаго значенія.—Ред.

[1]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Кіевъ. 1860 г.

Библиотека "Руниверс"

жизни. Чтобы дать читателямъ наглядное представленіе о вертепной драмѣ, къ статьѣ прилагаются 24 музыкальныхъ напѣва, которые сообщаютъ сценамъ вертепа истинно народную физіономію, а также рисунокъ вертепнаго ящика. Съ своей стороны я, по вызову автора, представляю нѣсколько соображеній объ отношеніи южно-русскаго вертепа къ другимъ типамъ драматическихъ представленій, занимавшихъ видное мѣсто въ культурной исторіи нашего края.

Вертепная драма ведетъ свое начало изъ театра маріонетокъ [1]).

Въ западной Европѣ театръ маріонетокъ существовалъ независимо и рядомъ съ мистеріями. Но, по мѣрѣ развитія мистерій, онъ становился достояніемъ народной массы, пониманію которой болѣе доступны были дѣйствія куколъ, чѣмъ богословскіе трактаты, драматизированные въ мистеріяхъ, особенно если взять въ разсчетъ, что дѣйствія куколъ, производимыя скрытыми двигателями, сопровождались не однимъ пересказомъ евангельской исторіи Рождества и Воскресенія Христова, но и народными рѣчами, анекдотами изъ народной жизни, юмористическими замѣчаніями о текущихъ явленіяхъ жизни и т. п.

Такъ было въ католическихъ странахъ Европы и въ католической Польшѣ, такъ было и у насъ на югѣ Россіи.

Что появилось у насъ раньше, мистеріи или вертепная драма, сказать трудно. Первое извѣстіе о вертепѣ относится къ концу XVI в. Изопольскій видѣлъ въ Ставищахъ древнѣйшій экземпляръ вертепа съ отмѣткой 1591 года [2]). Безъ сомнѣнія, и въ это болѣе отдаленное время вертепныя сцены стояли въ связи съ школьными мистеріями соотвѣтствующаго содержанія, но позднѣйшій типъ школьной мистеріи, который появился у насъ въ XVIII в., еще не положилъ на вертепную драму своего непосредственнаго вліянія.

Извѣстно, что реформа Лютера произвела своего рода кризисъ въ исторіи средневѣковой драмы. Лютеръ воспользовался ею для пропаганды своихъ идей. Онъ считалъ ее прекраснымъ педагоги-

---

[1]) Marionette – уменьшительное имя пр. Дѣвы Маріи, отсюда маріонетки — не большія статуи или, лучше сказать, куклы, которыя изображали Богоматерь.

[2]) Athenaeum. Крашевскаго. 1843 г. Odział 3.

Библиотека "Руниверс"

ческимъ пособіемъ для воспитанія будущихъ проповѣдниковъ въ духовныхъ школахъ и академіяхъ. Такимъ образомъ, сдѣлавшись орудіемъ посторонникъ цѣлей, оторвавшись отъ народной почвы, духовная драма не могла дальше развиваться. Въ свою очередь и католики внесли тенденціозныя драмы въ свои школы. Таковъ послѣдній періодъ существованія мистеріи въ Европѣ,—послѣдній видъ ея, который носитъ названіе школьной или учебной драмы. Составленіе подобныхъ драмъ вмѣнялось обыкновенно въ обязанность учителю поэзіи, поэтому школьное начало въ видѣ тѣхъ или другихъ господствующихъ воззрѣній на поэтическое искусство проникало въ самое существо драмы. Форма ея начала замѣтнымъ образомъ отдаляться отъ древняго типа, а подъ вліяніемъ возрожденія вкуса къ классическимъ образцамъ, духовная драма сдѣлалась слабымъ снимкомъ съ древней трагедіи. Отсюда прологъ, иногда даже антипрологъ, раздѣленіе на акты съ опредѣленнымъ числомъ сценъ, и притомъ въ сопровожденіи музыки, которою завершался каждый актъ, отсюда миѳологическія имена боговъ для аллегорическаго изображенія отвлеченныхъ идей, иногда-же эти идеи являлись въ чистомъ видѣ, не прикрытыя миѳологической одеждой: таковы, напримѣръ, дѣйствующія лица подъ разными названіями: истина, любовь, радость, плачь, жизнь, смерть и проч.

Наша вертепная драма непосредственно примыкаетъ къ типу школьной драмы, но ее нужно отличать отъ католическаго вертепа.

Въ первой части нашей вертепной драмы нѣтъ тѣхъ игривыхъ подробностей, которыми сопровождалось иногда вертепное изображеніе Ирода въ католическихъ приходахъ. Согласно съ евангельской исторіей, иногда представляли Ирода поклонникомъ женской красоты въ лицѣ Иродіады; по ея внушенію Иродъ приказываетъ отрубить голову Іоанну Крестителю, за что смерть отсѣкаетъ ему самому голову. Умирая Иродъ восклицаетъ: „отъ-се-жъ мені лихо! Якъ-би я знавъ, що всему причиною дівчата, то-бъ не танцювавъ и не жартовавъ: карае за нихъ небесный царь“ [1]). Иногда въ вертепныхъ сценахъ Иродъ являлся въ сопровожденіи жида, совѣтника на всякое злое дѣло, по наущенію котораго Иродъ вы-

[1]) Тихонравовъ. Начало рус. театра. Лѣтоп. рус. литературы. кн. 5-я стр. 23.

Библиотека "Руниверс"

сказываетъ угрозу погубить чуть не весь свѣтъ, за что смерть прекращаетъ жизнь изступленнаго царя [1]). Тутъ уже иной мотивъ появленія смерти—демоническая натура самаго Ирода, обставленнаго совѣтниками, ненавистными народу, врагами народнаго блага.

Въ нашей вертепной драмѣ смерть есть мстительница за избіеніе младенцевъ. Всѣ элементы шутливые, простонародные отодвинуты ко 2-му дѣйствію. Въ 1-мъ дѣйствіи нѣтъ ни жида, ни трагикомической погибели Ирода за дівчатъ. Трагическіе моменты дѣйствія отдѣлены отъ комическихъ, при чемъ послѣднія очень слабо связаны съ первыми. Простонародныя сцены представляютъ рядъ веселыхъ интерлюдій, но они поставлены совсѣмъ не такъ, какъ въ старинной мистеріи, т. е. не въ видѣ „междудѣйствій", на которыхъ отдыхалъ зритель, утомленный продолжительнымъ созерцаніемъ важныхъ событій, составлявшихъ обычное содержаніе мистерій.

Въ общемъ расположеніи драматическаго матеріала большое сходство съ нашей вертепной драмой представляетъ „Комическое дѣйствіе" на Рождество Христово Митрофана Довгалевскаго, учителя піитики въ кіевской академіи (1736—1737 г.) [2]). Довгалевскій въ своей піитикѣ, сообразно съ требованіями псевдоклассической теоріи, отдѣляетъ трагедію отъ комедіи и въ послѣдней предлагаетъ выводить на сцену лица низкія, какъ-то: литвина, цыгана, еврея, полака, козака и т. п. Всѣ эти лица должны выражаться слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ. „Комическое дѣйствіе" на Рождество Христово есть ничто иное, какъ литературный образецъ, написанный для поясненія теоріи. Въ противоположность католическому типу Вертепа, о которомъ мы говорили выше, въ 1-мъ дѣйствіи драмы Довгалевскаго Иродъ поставленъ внѣ бытовыхъ условій живой, народной дѣйствительности,—за то во 2-мъ дѣйствіи объ Иродѣ нѣтъ ни слова, а рѣчь идетъ исключительно о лицахъ низкихъ—о козакахъ, о полякахъ, о евреяхъ и ксендзахъ.

Собственно говоря, содержаніе 1-й части „Комическаго дѣйствія", равно какъ и нашей вертепной драмы, заимствовано глав-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Очерки изъ исторіи Украинской литературы XVIII в. Н. Петрова, стр. 68.

Библиотека "Руниверс"

нымъ образомъ изъ школьныхъ рождественскихъ мистерій, въ которыхъ не было интерлюдій. Это легко подтвердить ссылками на „Рождественскую драму“, о которой Тихонравовъ высказываетъ предположеніе, что она написана Димитріемъ Ростовскимъ, слѣдовательно, относится къ послѣднимъ годамъ XVII в. [1]). Она могла быть извѣстна Довгалевскому, можетъ быть даже въ болѣе древнемъ первоисточникѣ. Изъ „Рождественской драмы“ Довгалевскій выбросилъ многія аллегорическія подробности, напримѣръ олицетворенія натуры людской, земли и неба, вѣка золотаго и желѣзнаго, разныхъ добродѣтелей и пороковъ человѣческихъ, разныхъ состояній души человѣческой. Весь аллегорическій матеріалъ онъ ограничилъ олицетвореніемъ гнѣва, смерти, декрета Божія и человѣколюбія Божія. „Любопытство звѣздочетское“ онъ представилъ въ конкретномъ образѣ астрономовъ, выступающихъ съ первой интерлюдіи, вслѣдъ за драмой. Но при этомъ образъ Валаама, который въ „Рождественской драмѣ“ выставленъ „звѣздочетцемъ“, Довгалевскій перенесъ въ прологъ своей драмы, а для связи дѣйствія самихъ царей, открывающихъ драму, назвалъ внуками Валаама, которые однако-же не обладаютъ искусствомъ своего дѣда, какъ въ „Рождественской драмѣ“, гдѣ они говорятъ о себѣ: „мы трое равны семи въ ученіи значномъ, въ звѣздочетствѣ“ [2]). Затѣмъ завязка драмы и причины погибели Ирода у Довгалевскаго та-же, какъ и въ „Рождественской драмѣ“.

Совершенно не зависимо отъ „Комическаго дѣйствія“ Довгалевскаго, вертепная драма удержала изъ „Рождественской драмы“ пастуховъ, которыхъ нѣтъ у Довгалевскаго, и образъ плачущей Рахили, тоже опущенный Довгалевскимъ. Пастухи въ вертепной драмѣ—довольно живыя лица съ рѣзкимъ южно-русскимъ колоритомъ. И составитель „Рождественской драмы“ поддѣлывался подъ народный тонъ, но „пастыри“ его Борисъ, Аврамъ да Афоня —говорятъ языкомъ крайне искусственнымъ. Въ славянскую основу этого языка вплетены безъ разбора слова великорусскія и малорусскія. „Здравствуй, о Спасителю“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „намъ нынѣ рожденный!“..

---

[1]) Лѣтоп. Русской литературы Тихонр., т. IV.

Библиотека "Руниверс"

И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ-бы тебе (sic) нашему сохранится свѣту!
На небѣ, нѣ сказуютъ, въ тебе палать много,
А здѣсь, что въ вертепишку, лежишки убого" [1]).

А вотъ привѣтствіе пастуховъ въ вертепной драмѣ:

„Отъ-се-жъ и мы, паниченьку, до вашои таки мости,
Якъ самъ бачишъ, Грицько зъ Прицькомъ припхалися въ гости...
И янятко принесли изъ сільского спида,
Нехай буде здорова вся наша громада!"

Въ „Рождественской драмѣ" вмѣсто живой Рахили въ 10-мъ явленіи слышится и плачь, и рыданіе о убіенныхъ отрочатахъ *подобіемъ* плачевной Рахили. На цѣлыхъ четырехъ страницахъ блѣдными фразами разведенъ этотъ неестественно длинный плачъ, который скорѣе можно назвать проповѣдью на тему: „гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть". Самъ проповѣдникъ называетъ себя „гласомъ Рахили", „вѣстникомъ" ея материнской печали. Между тѣмъ, въ вертепной драмѣ мы видимъ настоящую мать, убитую горемъ о погибшемъ чадѣ: въ сущности это простая сельская женщина, носящая только имя Рахили, поэтому воины Ирода называютъ ее просто бабой. Вообще говоря, даже въ 1-й части вертепной драмы мы видимъ живыхъ людей, а не мертвыя ходульныя аллегоріи, которыми изобилуетъ не только „Рождественская драма", но и „Комическое дѣйствіе" Довгалевскаго. Только одно отвлеченіе—именно смерть—играетъ въ вертепной драмѣ значительную роль, конечно, потому, что народная фантазія давно привыкла представлять смерть живымъ существомъ, независимо отъ позднѣйшихъ школьныхъ вліяній. Очевидно, вертепная драма, заимствуя свое содержаніе изъ школьной мистеріи, перерабатывала его съ большею самостоятельностію, чѣмъ тотъ типъ школьной драмы, который явился позже въ драматическихъ опытахъ Довгалевскаго.

Что касается до 2-й части вертепной драмы, то она вся цѣликомъ составлена изъ народныхъ сценъ. Бытоваго содержанія ея нельзя вывести непосредственно изъ интерлюдій, имѣвшихъ мѣсто въ католическомъ вертепѣ. Можно сказать только, что наша вер-

[1]) Ibidem. 167—168.

Библиотека "Руниверс"

тепная драма воспользовалась обычаемъ католическаго вертепа вносить яркія картины народной жизни въ вертепное „дѣйство“. Но заимствуя изъ католическаго міра оружіе для защиты праотеческой вѣры, южно-русскій вертепъ закалилъ его въ горнилѣ народнаго духа, народныхъ симпатій и антипатій. Въ сценахъ нашего вертепа нѣтъ тонкаго рисунка лицъ и характеровъ, нѣтъ психологическихъ моментовъ, дающихъ жизнь и движеніе драмѣ, но онѣ богаты изображеніемъ массоваго настроенія, которое управляло отдѣльными лицами, соединяя ихъ въ трудныя минуты жизни для защиты всенародныхъ интересовъ.

Сопоставляя 2-ю часть вертепной драмы съ интерлюдіями Довгалевскаго, приложенными къ „Комическому дѣйствію“, мы видимъ разницу главнымъ образомъ въ постановкѣ народныхъ сценъ. Центромъ дѣйствія Довгалевскій ставитъ не козака, но москаля. Для борьбы съ козаками ляхъ призываетъ другихъ пановъ и заранѣе уже хвастаетъ своею побѣдою. Въ свою очередь козакъ призываетъ на помощь москаля, который обращается къ козаку съ такою рѣчью:

„Козакъ! Пріймайся, не бойся, бери зъ плечей двоихъ!
А я тотъ часъ уберу долгополыхъ отъ тихъ.
А што здесь о рубежахъ они споминали,
Будто ляшонки Украину въ областяхъ держали,
Добро вотъ: покажемъ рубежи кнутами на спинѣ!“ [1])

Между тѣмъ въ вертепной драмѣ главное дѣйствующее лице есть запорожецъ. Въ немъ почиваетъ народная сила, поэтому отъ него исходятъ и къ нему направляются отдѣльныя сцены вертепа [2]).

Но есть въ нашей вертепной драмѣ внутреннее родство съ „Комическимъ дѣйствіемъ“ Довгалевскаго. Мы разумѣемъ отдѣленіе трагическаго элемента отъ комическаго. Еще у Ѳеофана Прокоповича, напр., въ его трагикомедіи „Владиміръ“, являются они въ смѣшанномъ видѣ,—у Довгалевскаго рѣзче выступаетъ требованіе псевдоклассической теоріи не смѣшивать комическихъ элементовъ

---

1) Очерки изъ исторіи Украин. литерат. XVIII в., Петрова стр. 72.

2) Разсказываютъ кіевскіе старожилы, что въ сороковыхъ годахъ имъ случалось видѣть представленіе вертепной драмы, въ которой вмѣсто запорожца главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Богданъ Хмельницкій. Нѣтъ-ли какихъ-нибудь

Библиотека "Руниверс"

съ трагическими. Въ то-же время Довгалевскій удержалъ кое-что изъ средневѣковыхъ пріемовъ драматическаго искусства: комическія сцены не составляютъ у него отдѣльной драмы, чего требовала псевдоклассическая теорія, но приклеены внѣшнимъ образомъ къ сценамъ трагическимъ, составляя вмѣстѣ съ послѣдними одно цѣлое драматическое представленіе. Это уже не старинная мистерія, въ которой отдѣльные моменты трагическаго дѣйствія оживлялись посредствомъ интерлюдій, т. е. вставочныхъ веселыхъ сценъ, ибо эти послѣднія заняли отдѣльное мѣсто, представляя вторую дополнительную часть драмы. Это особый школьный типъ драмы, не похожій на другіе школьные типы, напримѣръ, на „Рождественскую драму“, изъ которой „Комическое дѣйствіе“ и наша вертепная драма могла позаимствовать содержаніе для начальныхъ сценъ. Но мы видѣли, что въ обработкѣ этого содержанія объ послѣднія драмы шли самостоятельно. Моделью для нихъ уже не могла служить „Рождественская драма“; богатое бытовое содержаніе, особенно въ нашей вертепной драмѣ, побуждало выдѣлить комическіе элементы, а своеобразно понятая псевдоклассическая теорія возводила этотъ пріемъ въ правило. Нужно замѣтить при этомъ, что такое устройство драмы было на-руку актерамъ, которые промышляли своимъ искусствомъ среди городскихъ и сельскихъ обывателей. Не вездѣ требовалось представленіе всей драмы цѣликомъ: въ одномъ мѣстѣ зрители могли пожелать строго-благочестивыхъ поучительныхъ картинъ, въ другомъ мѣстѣ могли интересоваться преимущественно смѣшными, веселыми сценами. По обстоятельствамъ можно было представить то и другое. Такъ оно и было конечно въ большинствѣ случаевъ, но не всегда.

Такимъ образомъ, вертепная драма въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, есть школьный типъ драмы, на которомъ отразилось вліяніе позднѣйшей школьной теоріи. Тѣмъ не менѣе, вертепная драма далеко раздвинула рамки простонародности, признанныя теоріей. Приспособленная для всенароднаго употребленія, она представляетъ одно изъ явленій, указывающихъ на живую связь старинной южнорусской школы съ жизнію.

П. И. Житецкій.

Библиотека "Руниверс"

Вертепная драма и ея сценическая постановка.

Къ числу остатковъ средневѣковыхъ мистерій и тому подобныхъ представленій принадлежитъ малорусскій вертепъ. Такъ названъ этотъ родъ представленій отъ пещеры, въ которой родился Христосъ. Это событіе составляетъ главное содержаніе вертепной драмы, которая пережила много другихъ средневѣковыхъ представленій, вѣроятно потому, что она соединялась съ обычаемъ хожденія со звѣздою и колядованіемъ во время рождественскихъ праздниковъ. Представленіе вертепа, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія весьма распространенное во всей Малороссіи, въ настоящее время почти совершенно исчезло, подобно тому, какъ, вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ и внутреннихъ, или вѣрнѣе — вслѣдствіе всей совокупности историческихъ явленій, исчезаютъ съ неудержимою быстротою и другія старинныя черты мѣстной жизни.

Совершенно случайно, вслѣдствіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, старинный вертепъ съ его представленіями сохранился въ имѣніи моемъ Сокиринцахъ, прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи. Не знаю, водилось-ли представленіе вертепа въ домѣ моихъ предковъ въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія: и тогда, вѣроятно, производилось оно захожими артистами, но, по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770 годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, причемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ вертепное представленіе, будучи постоянно повторяемо на рождественскихъ праздникахъ въ продолженіи стольнихъ лѣтъ, сохранено не въ устныхъ преданіяхъ, а въ писанномъ текстѣ и въ положенной на ноты музыкѣ, хотя безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени въ немъ могли появиться нѣкоторыя отступленія отъ стариннаго текста. Какъ-бы то ни было, мы видимъ въ настоящемъ видѣ сокиринскаго вертепнаго текста,

Библиотека "Руниверс"

которые способствуютъ вѣрному представленію понятій, вкусовъ и даже взаимныхъ отношеній людей половины прошедшаго столѣтія въ малороссійскомъ краѣ. Самыя пѣсни и стихи проникнуты схоластическимъ характеромъ академіи того времени, съ сильнымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ: это языкъ различныхъ стихотвореній, рѣчей, надгробныхъ надписей, эпохи между Стефаномъ Яворскимъ и Сковородою. Что касается до мелодіи пѣсень, то она замѣчательна въ томъ отношеніи, что вполнѣ проникнута мѣстнымъ характеромъ. Имѣя всѣ свойства священныхъ напѣвовъ, эта музыка совершенно малороссійская, безъ всякой чуждой примѣси. Она исполнена какой-то неподражаемой доброй простоты, дѣйствующей на душу своимъ успокоительнымъ и смягчающимъ свойствомъ.

Переходя къ описанію самаго вертепнаго представленія, считаю нужнымъ напередъ замѣтить, что вертепный ящикъ имѣетъ видъ небольшаго домика, раздѣленнаго на два яруса. За задней стѣной этого домика, дѣйствуетъ скрытый исполнитель представленія: онъ водитъ куклы и фигуры по путямъ, прорѣзаннымъ въ полу театра, и говоритъ за нихъ различными голосами, сообразно ролямъ дѣйствующихъ лицъ. Весь вертепъ имѣетъ 2 аршина съ 1 вершкомъ въ вышину и $1^1/_2$ аршина въ ширину. Верхній ярусъ его посвященъ изображенію святаго семейства и дѣйствіямъ, сопровождающимъ явленіе Христа. Нижній ярусъ предназначенъ для свѣтской части представленія: въ первомъ дѣйствіи изображается судьба Ирода, избившаго младенцевъ, во второмъ идетъ рядъ сценъ изъ жизни бытовой.

Дѣйствіе начинается въ верхнемъ ярусѣ.

Прямо передъ зрителями, въ углубленіи, сидитъ Дѣва Марія съ младенцемъ на рукахъ; возлѣ нея, съ одной стороны—праведный Іосифъ, съ другой, по обыкновенію, нѣсколько домашнихъ животныхъ. Представленіе открывается хоровымъ пѣніемъ:

Нынѣю время и молитві час.

См. въ приложеніи № 1-й.

По окончаніи пѣсни въ нижнемъ ярусѣ выходитъ пономарь въ подрясникѣ и съ косою. Онъ кланяется на всѣ стороны и тонкимъ

Библиотека "Руниверс"

Востаните отъ сна и благо сотворите:
Рождьшагося Христа повсюду возвѣстите.
Сіе вамъ охотно глаголю, да благословите:
Пойду, позвоню...

За симъ онъ подходитъ къ привѣшенному между колонками болокольчику, звонитъ и уходитъ, а хоръ исполняетъ цѣлый рядъ священныхъ кантовъ. (См. № 2-й).

По окончаніи пѣнія въ верхнемъ ярусѣ являются два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Послѣ поклоновъ на всѣ стороны, одинъ ангелъ подходитъ къ боковой двери и говоритъ:

Востаните, пастыріе, и бдите зьло,
Яко се приспѣло Рождество Спасово...

Вслѣдъ за этимъ призывнымъ голосомъ ангеловъ, хоръ поетъ:

Слава буди во вышнихъ Богу! (См. № 3-й, купл. 1-й).

По окончаніи перваго стиха пѣсни слышится за стѣной вертепа разговоръ двухъ пастуховъ:

— „*Грицьку!*“ — „*А що, Грицьку?*“
— „*Вставай хутенько,*
Да выберемъ ягня,
Да притко підемо ген-ген на гору,
Може ще й мы поспіемо въ пору“.

За симъ хоръ продолжаетъ пѣніе новыхъ кантовъ, тѣмъ-же напѣвомъ. (См. № 3-й, куп. 2 и 3-й).

По окончаніи хороваго пѣнія, въ верхнемъ ярусѣ появляются пастыри. Это два малороссійскіе пастуха, съ чубами и усами, въ коротнихъ нагольныхъ полушубкахъ и кожаныхъ постолахъ. Одинъ изъ нихъ несетъ подъ мышкой ягненка. Они становятся предъ Дѣвой Маріей, кланяются и одинъ изъ нихъ говоритъ:

Отъ-се-жъ и мы, паниченьку, до вашої таки мості,
Якъ самъ бачишъ, Грицько съ Прицькомъ прихалися въ гості...
И ягнятко принесли изъ сільского стада,

Библиотека "Руниверс"

Испросивъ позволеніе „пісню заспівати“, они въ два голоса поютъ извѣстную колядку:

Нова рада стала... (См. № 4-й).

По окончаніи колядки, скрипки играютъ малороссійскую „дудочку“ (№ 5-й), а пастухи танцуютъ, приговаривая: „зуба зуба на сопілку“, затѣмъ удаляются со сцены съ такими словами:

Спасибі вамъ, паниченьку!...
Мы-бъ и довше тутъ гуляли,
Такъ, признаться, хліба зъ дому не брали...

Между тѣмъ хоръ поетъ:

Днесь Иродъ грядетъ во своя страны... (См. № 6-й).

Въ нижнемъ ярусѣ, гдѣ посреднѣ стоитъ тронъ Ирода, появляются три воина, осматриваютъ комнату и тронъ, послѣ чего входитъ Иродъ и садится на тронъ, а воины удаляются. Иродъ одѣтъ въ порфиру и съ короной на головѣ, а воины въ солдатскихъ мундирахъ и въ каскахъ.

Хоръ продолжаетъ пѣть второй куплетъ предыдущей пѣсни, по окончаніи которой входятъ три царя—въ шубахъ и съ коронами на головахъ. Хоръ поетъ новымъ напѣвомъ:

Шедше тріе царіе ко Христу со дари,
Иродъ ихъ призваси, куда идутъ—испроси. (№ 7, куп. 1).

Между куплетами этой пѣсни происходятъ различныя сцены и разговоры. Послѣ перваго куплета, Иродъ обращается къ тремъ царямъ съ вопросомъ, куда они идутъ. Онъ говоритъ голосомъ важнымъ, рѣчью оффиціальною, съ примѣсью церковно-славянскихъ словъ. Цари отвѣчаютъ ему смиреннымъ тономъ, что идутъ они къ „Христу новорожденному“. Иродъ коварно проситъ ихъ, чтобы они извѣстили его о мѣстѣ рожденія Христа, чтобы и онъ могъ поклониться ему, какъ Царю. По окончаніи разговора Ирода съ царями, хоръ поетъ второй и третій куплеты начатой пѣсни. Во время пѣнія зажигается звѣзда на самомъ верху вертепа, причемъ хоръ поетъ четвертый куплетъ, затѣмъ въ верхнемъ ярусѣ являются цари, поклоняются Христу и кладутъ къ ногамъ его дары.

Библиотека "Руниверс"

Поклонившись Христу, цари собираются идти далѣе, но на встрѣчу имъ является ангелъ и предупреждаетъ ихъ, чтобы они не довѣряли Ироду и шли другою дорогой. Цари благодарятъ ангела за совѣтъ и просятъ его, чтобы онъ провелъ ихъ другою дорогой. Они уходятъ съ ангеломъ, а хоръ продолжаетъ пятый, шестой, и седьмой куплеты той же пѣсни.

По окончаніи пѣнія, сцена снова переносится въ нижній ярусъ, гдѣ Иродъ сидя на тронѣ выражаетъ досаду свою, что его обманули цари, какъ простого мужика. Онъ зоветъ къ себѣ воиновъ и велитъ имъ обойти всѣ города его царства и безпощадно избить всѣхъ младенцевъ. Воины удаляются, а хоръ поетъ новую пѣсню, на новый мотивъ:

Перестань рыдати, печальная мати!... (№ 7-й, купл. 1-й)

Во время исполненія этой пѣсни воинъ вводитъ къ Ироду Рахиль, держащую на рукахъ малое дитя. Она одѣта по малороссійски, съ *намѣткою* на головѣ, *въ плахту* и въ *запаскѣ*. Вообще должно замѣтить, что въ малороссійскомъ вертепѣ, даже въ священно-исторической его части, лица второстепенныя, какъ-то: пастыри, Рахиль и проч. сохраняютъ въ костюмахъ вполнѣ мѣстный народный характеръ: это та-же особенность, что и въ картинахъ священнаго содержанія до-Рафаэлевской школы. Воинъ объявляетъ Ироду, что во всемъ царствѣ его только одинъ младенецъ Рахили и остался, но „мать хочетъ замѣнить его смерть собою". Онъ спрашиваетъ царя, какъ быть, и получаетъ въ отвѣтъ приказъ „отроча убить". Воинъ подымаетъ дитя на копье и съ нимъ уходитъ, а Рахиль начинаетъ рыдать, метаясь по сценѣ; хоръ между тѣмъ поетъ второй куплетъ пѣсни. На упреки Рахили Иродъ отвѣчаетъ:

„Полно, полно, баба, шуметь,
За убитымъ уже нечего жалѣть."

Хоръ утѣшаетъ убитую горемъ мать, исполняя третій куплетъ пѣсни:

„Не плачь, Рахиле, видя чадо не живе"...

Библиотека "Руниверс"

Рахиль осыпаетъ Ирода проклятіями, но является воинъ и выталкиваетъ ее.

Послѣ сцены съ Рахилью, Иродъ оставшись наединѣ, въ раздумьи, говоритъ:

„Увы! Какая сила времень, вдругъ сдѣлалась перемѣна,
Думалъ жить вѣчно, напротивъ того приходитъ и кончина.
Однакожъ еще со смертью воюваться буду“...

Онъ приказываетъ воинамъ стать у порога и, чтобы не убѣжала смерть, ловить ее, „яко мога“. Воины исполняютъ приказаніе царя, а хоръ поетъ грозную пѣснію, возвѣщающую царю о приближеніи смерти. (№ 9, куп. 1-й).

Между тѣмъ въ дверь врывается и страшная гостья, изображенная, какъ обыкновенно, въ видѣ скелета, съ косою въ рукахъ. Воины въ страхѣ убѣгаютъ, а смерть обращается къ Ироду со словами:

„Что ты, Иродe несытый,
Почто сіе болтаешь,
Мене убити—
Своимъ воинамъ повелѣваешь?
Я въ помощь призову
И свою брата,
Изъ пропасти ада.
Выйди, брате, друже любезный, пособити,
Кровопійцу Ирода отъ земли истребити.“

По вызову смерти является чортъ. Наружный видъ его снятъ съ обычныхъ рисунковъ церковной живописи: цвѣта онъ чернаго, съ выпученными глазами, съ красною грудью, съ хвостомъ, рогами и черными крыльями. При входѣ его за сценой слышится:

„Гу, гу, гу, гу!
Почто, другиня, требуеши на нараду?“

Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, онъ приказываетъ сестрѣ своей, смерти, подпять косу и убить Ирода

„Во главу,
Щобъ знали повѣсду нашу державу!“

Библиотека "Руниверс"

Въ виду смерти Продъ обнаруживаетъ безполезную заносчивость, говоритъ о своей славѣ и силѣ, но смерть прекращаетъ жизнь жестокаго и властолюбиваго царя, ударяя его своею косою, а хоръ провожаетъ душу его въ адъ, выражая желаніе, чтобы она тамъ вѣчно пребывала. (№ 9, купл. 2).

Вслѣдъ за тѣмъ чортъ подходитъ къ убитому Ироду, заключаетъ его въ свои объятія и говоритъ:

Друже мій вірный, друже прелюбезний!
Довго ждавъ я тебе въ глубочайшій безднѣ...

При этомъ за стѣной вертепа произносится правоученіе:

Отъ-такъ беруть, а такъ несуть
Роскошниківъ сёго світа,
Понеже вони не могуть
Отдать передъ Богомъ одвіта...

Ту же мысль выражаетъ и хоръ въ заключительныхъ словахъ своей пѣсни, которою заканчивается первое дѣйствіе.

(№ 9-й купл. 3).

Вторая часть вертепнаго представленія заключаетъ въ себѣ свѣтскія и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто народныя сцены, въ которыхъ являются почти всѣ разряды лицъ, дѣйствовавшихъ въ малороссійскомъ краѣ въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Сцены эти далеко не лишены внутренняго значенія и юмора и могутъ служить вѣрнымъ отраженіемъ своеобразной жизни края и его обитателей съ ихъ понятіями и привычками, съ ихъ воззрѣніями на жизнь и людей. Въ пестрой смѣнѣ лицъ второго дѣйствія, по видимому, нѣтъ послѣдовательности и связи, но уже то обстоятельство, что надъ всѣми дѣйствующими лицами господствуетъ запорожецъ, указываетъ на основную идею, соединяющую отдѣльныя сцены въ одно цѣлое. Запорожецъ, представленный въ вертепѣ, видимо принадлежитъ уже ко времени упадка „славнаго товариства“, когда Сѣчь высылала изъ себя уже болѣе гайдамаковъ, героевъ партизанской войны за вѣру и народность, чѣмъ воиновъ съ строгимъ характеромъ старыхъ сѣчевиковъ. Отъ такого времени упадка Запорожья оставались въ Малороссіи слѣды довольно долго: еще въ

Библиотека "Руниверс"

двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія малороссіяне часто употребляли слово „запорожецъ“, для выраженія понятія о грубости и даже злости. Не менѣе того въ личности вертепнаго запорожца находятся и черты еще свѣжаго тогда прошедшаго, о которомъ воспоминаніе возбуждало въ слушателяхъ живое сочувствіе и подобострастное уваженіе къ силѣ народнаго героя. Въ рѣчахъ запорожца много глубокаго своеобразнаго юмора, а въ его дѣйствіяхъ много сознанія силы и господства, хотя и выражающагося въ грубой формѣ: онъ всѣхъ и все побѣждаетъ, нанося смертельные удары кому попало, даже самому чорту, котораго онъ и въ грошъ не ставитъ, одинаково не понимая, ни чувства уваженія къ кому бы то ни было, ни чувства страха предъ кѣмъ или чѣмъ либо.

Появленію запорожца предшествуетъ цѣлый рядъ различныхъ сценъ какъ-бы нанизанныхъ одна на другую безъ внутренней связи, но тяготѣющихъ къ общему центру. Только въ первыхъ двухъ сценахъ „дѣда и бабы“ и „солдата съ красавицей“, выведена связь этого втораго дѣйствія съ первымъ, такъ какъ въ нихъ говорится о Рождествѣ Христовомъ и смерти Ирода.

Дѣдъ и баба, являющіеся первыми на сцену, одѣты въ крестьянскія платья и дѣдъ такъ начинаетъ свою рѣчь:

„Отъ теперъ-же и мы, бабусенько, дождались, якъ Ирода не стало“, при чемъ приглашаетъ молодичку потанцовать по этому случаю. Баба сначала отказывается отъ танцевъ, опасаясь: „щобъ наши танці, та не вшли насъ въ лихо“. „Де бъ забраться у тісный куточъ, та и істы хлібъ собі тихо“. Дѣдъ настаиваетъ на своемъ, хоръ поетъ извѣстную пѣсню:

„*Ой підъ вишнею, підъ черешнею*“ (№ 10).

и баба не устояла противъ искушенія: оба они потихонько танцуютъ. Такимъ наивнымъ образомъ въ лицѣ дѣда и бабы изображается радость народа о смерти Ирода. Но вотъ неожиданно на сцену является солдатъ въ мундирѣ временъ Александра перваго (вѣроятно передѣланный изъ Екатерининскаго) и производитъ порядки. Онъ обращается къ дѣду и бабѣ съ грозною рѣчью:

Библиотека "Руниверс"

„Кой васъ чортъ здѣсь развеселилъ?
Вѣдь тотчасъ потащу къ офицеру,
Чтобы вы знали христіанскую вѣру“.

Дѣдъ и баба убираются, а солдатъ произноситъ длинную рѣчь о Рождествѣ Христовомъ и о дѣйствіяхъ Ирода. Въ текстѣ этой рѣчи ничего нѣтъ особенно замѣчательнаго; это просто повѣствованіе изъ священнаго писанія, съ соотвѣтствующими разсужденіями, изложенными въ тяжелыхъ стихахъ. Не совсѣмъ понятно, почему подобная рѣчь вложена въ уста солдата, къ которому она вовсе не идетъ. Не сдѣлали-ли этого составители вертепа съ цѣлію показать свое знаніе великорусской рѣчи, которая въ половинѣ XVIII вѣка была еще новизною въ Малороссіи?

Послѣ рѣчи солдата, выходитъ къ нему на сцену госпожа, называемая красавицей Даріей Ивановной. Начинаются взаимныя привѣтствія, и потомъ эта пара танцуетъ подъ звуки комаринской (см. № 11-й). Не успѣли танцующіе вдоволь повеселиться, какъ за сценой слышенъ барабанъ. Солдатъ спѣшитъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей и, выступая въ походъ, на вопросъ красавицы, когда они увидятся, говоритъ: „прощай навсегда“!...

На смѣну солдата является воинъ другаго типа, въ лицѣ гусарина-венгерца. Въ вертепномъ представленіи типъ этотъ смѣшанный, не то мадьярскій, не то сербскій,—вѣроятно такъ называемый ново-сербскій пикинеръ. Гусаринъ начинаетъ свою рѣчь съ какого-то мадьярскаго ругательства, смѣшаннаго съ сербскими словами:

„Терентеть басà, мàленька басà и вèлко басà,
„Мòя пòля, мòя вòда, мòе блàто, мое злàто,
„Мое све“...

Съ этой сцены продолжается группировка дѣйствующихъ лицъ по народностямъ: къ гусарину выходитъ мадьярка, они цѣлуются и танцуютъ подъ звуки пѣсни:

Гусаръ коня напоивъ (см. № 12-й).

Послѣ мадьярской пары является цыганъ. Ему посвящена довольно длинная сцена, въ которой малороссійскій юморъ и насмѣшка надъ цыганомъ, уступающимъ развѣ только жиду въ ан-

Библиотека "Руниверс"

тинатіи къ нему народа, находитъ для себя полное примѣненіе. Цыганъ выѣзжаетъ верхомъ на клячѣ. Его рѣчь испещрена разными непонятными словами, заимствованными, вѣроятно, изъ цыганскаго языка, который нашъ народъ такъ часто слышитъ на ярмаркахъ. Цыганъ, сидя верхомъ, говоритъ:

Діги, діги,
Забувъ батько дуги!
На шляхъ да-ри-да-ти,
Бо йду съ праздникомъ поздравляти...

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Гей! Крица—не лошица,
Кремінь—не кобыла:
Якъ біжить, ажъ дрожить,
Якъ впаде, то й лежить!

При этомъ кобыла падаетъ и цыганъ летитъ на землю. Цыганъ продолжаетъ:

Пху! Побила-бъ тебе нещаслива година,
Пре-пре-прекаторжного ты батька скотина!
Щобъ тобі ні стрило, ні брило,
Щобъ тебе на світі не було!
Одинъ-однимъ зубъ держався,
Та й той теперъ у сніту зостався!

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, продолжаетъ:

Панове! Хто хоче—будемъ міняти,
Бо далебі, що стоіть ії продати!
Що-жъ? Ніхто ні шажка, ні копічки не хоче дати?
А тутъ-то кобыла суча
Брикуча.
Хочъ ребри въ сі и дуже видно,
Та вже-жъ за годъ поправити можна,
Коли жива буде,
То боятимуться ії люде:
Отъ дивіться, якъ вона, суціна,
Дуже біга!

Библиотека "Руниверс"

Цыганъ бьетъ кобылу и кричитъ:

До шатра! До шатра! До шатра!..

Кобыла вскакиваетъ и убѣгаетъ.

Охъ, юсти-жъ, юсти,
Смаженої капусти!
Хочъ-бы сальцемъ зашаровати,
Та добре попировати!

Но старому цыгану не суждено было попробовать капусты съ любимымъ „сальцемъ“

Иди, батьку, кличе мати вечеряти,—говоритъ ему сынъ.

— *А що тамъ доброго, сынку, варили?*

— *Казала мати: „нічого“.*

— *А хлібъ же є?*

— *Де бъ вінъ взявся? нема!*

— *Такъ дарма! Вечеряйте собі на здоровье, а я зъ добрыми людьми погомоню!*

Ту-же печальную вѣсть слышитъ цыганъ и отъ своей жены, которая появляется на сценѣ съ кувшиномъ въ рукѣ:

Гараську, Гараську!
Изъіла собака порося и паску,
Да щей перець вынюхала:
Теперь кого пеняти?
Нідe хліба узяти“...

Цыганъ упрекаетъ свою жену, подозрѣвая ее въ обманѣ: „И, стара котюга!“

„Ще й тобі мене дратовати?“—отвѣчаетъ ему жена.

Знавъ-бы собі міхомъ подувати
Та залізо кувати.
Якъ ударю тебе кинвою сією,
То не будешъ знущатися надъ бідностю моєю!

Съ этими словами она даетъ своему супругу пощечину. Цыганъ грозитъ ей плетью:

„Охъ, жінко, жінко!
Якъ почну я тебе отъ симъ серцемъ латати,
То вся никта ни тобі буде тягнати“

Библиотека "Руниверс"

Смирилась цыганка.

„И не май мене,
И не бий мене,
Принесу тобі борщику
Въ поливянімъ горщику“.

Цыганка приноситъ что-то въ кувшинѣ, приговаривая:

„Тутъ-то страва, тутъ-то люба:
Покуштуешъ—звисне губа!“

Цыганъ пьетъ съ жадностью, потомъ отплевывается и говоритъ съ досадою:

„Побила-бъ тебе година лихая!
Така твоя страва, якъ и ты—дурная!
Борщъ твій похожій на ракову юшку!“

—*„Кидала, мій миленькій, цибулю й петрушку“*, отвѣчаетъ цыганка,

„А ще для свого господаря
Кусокъ сала изъ комаря!“

Сцена заканчивается, какъ и предыдущія, пляскою. Цыганъ съ цыганкою поютъ и танцуютъ. (См. № 13).

Слѣдующая затѣмъ сцена посвящена народности польской. Появляется предъ зрителями польскій панъ, одѣтый въ кунтушъ съ рукавами на вылетѣ. На головѣ у него конфедератка. За нимъ слѣдуетъ молодой хлопъ. Панъ говоритъ по-польски нѣсколько уже искаженнымъ нарѣчіемъ:

А цо тута слыхать галась?
Ньхъ дзябло вьзмь гайдамацъ!
Идзь, хлопку, до женскои палацъ!

Мальчикъ уходитъ, а полякъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

А цо, панове?
Я изъ дзяда, изъ прадзяда уродзоный естемъ шляхтичъ!
Былемъ ве Львовъ,
Былемъ въ Краковъ,
Былемъ въ Кіёвъ.

Библиотека "Руниверс"

Былемъ въ Варшавѣ и Платавѣ,
А теперь естемъ у ясновельможного пана... (имя рекъ),
Ктуромуду нуъ падамъ,
Жичу здрувья и многа лята!

Затѣмъ слѣдуетъ обычное появленіе женщины—соотвѣтственно народности дѣйствующаго лица. Жена поляка въ сокиринскомъ варіантѣ почему-то названа платавкой. Она цѣлуется съ мужемъ и оба танцуютъ подъ звуки краковьяка (№ 14). Мальчикъ выглядываетъ изъ за дверей и тоже танцуетъ, наконецъ, выскакиваетъ на сцену и начинаетъ танцовать за спиною пана; оба сталкиваются, панъ падаетъ и кричитъ:

„А пудзь до дзябла, лайдакъ:
Я цъ батогами забію.“

Тогда полька обращается къ мужу съ словами:

Пшепрошамъ пана Яна!
Идзь зе мнѣ,
Бо цебѣ лайдамака забіе.

Полякъ заносчиво отвѣчаетъ:

„Цо ты, не здуковѣна кобѣто, мувишъ?
Якъ Бога кохамъ,
Едень тшидзести лайдамакъ забіе!“

Здѣсь происходитъ сцена весьма характеристическая; только что полякъ произнесъ свои хвастливыя слова, какъ раздается за сценой пѣсня запорожца:

Та не буде лучше,
Та не буде краще,
Якъ у насъ, та на Украіні!
Що немае жида,
Що немае ляха:
Не буде изміни! (№ 15).

Трудно было-бы ожидать отъ маленькаго, скромнаго театра маріонетокъ такой знаменательной и характерной сцены.

Чрезвычайно умѣстны звуки этого величаваго и глубоко народнаго напѣва короткой исторической пѣсни, похожей скорѣе на

Библиотека "Руниверс"

всенародный возгласъ южной Руси, проносившійся по ней отъ края до края всякій разъ послѣ того, какъ народъ кровію и страданіями хоть на время отстаивалъ отъ захватовъ запада свою русскую народность и восточное благочестіе. Можетъ быть, составители вертепнаго представленія и не задавались глубокими соображеніями о значеніи этой сцены, въ которой вслѣдъ за рѣчами самонадѣяннаго поляка является запорожецъ съ своею величавою, знаменательною пѣснью; но довольно того, что они брали сцены съ натуры, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавнихъ тогда событій, и великое даетъ себя чувствовать даже въ мелкомъ кукольномъ представленіи.

Заслышавъ звуки пѣсни запорожца, полякъ быстро убѣгаетъ и на сцену является запорожецъ. Онъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ фигуръ вертепа, одѣтъ въ широкіе красные шаровары и синюю куртку, обшитую галуномъ. Въ правой рукѣ у него булава, съ выбритой головы виситъ чуприна. Вошедши на сцену, онъ поворачивается въ ту сторону, куда бѣжалъ полякъ, и произноситъ слѣдующій, драгоцѣнный по историческимъ чертамъ, монологъ:

На, на! махнувъ,
Мовъ паньскій хортяга,
Або опареный песъ!..
Що то за народъ
Изъ ихъ пресмѣлый,
Що самъ и въ огонь не вскочитъ,
Хиба ею силою впрешъ!—
Хотъ дивись на мене,
Та ба не впадаешъ,
Відкиль родомъ
И якъ зовутъ;—
Ни чичиркъ не знаешъ!
Коли траплялось кому
У степахъ бувати,
То той може прізвище
Мое угадати...
А въ мене имя не одно,
А есть ихъ до ката;

Библиотека "Руниверс"

Такъ зовутъ,
Якъ набіжишъ
На якого свата:
Жидъ, зъ біды,
За рідного батька почитае.
Милостивымъ добродіемъ
Ляхва называе,
А ты, якъ хочъ, назови,
На все позволяю,
Абы лишъ не назвавъ крамаремъ,
За те то полаю.
Теперъ, бачу, на світи біда,—
Що мене одцурався рідъ.
Не бійсъ, якъ бувъ богатъ,
То казали: Иванъ братъ;
А теперъ, якъ нічого не маю,
То никто й не знае.
А якъ розживется голота
Дай загуляе,
Тоді до чорта роду
И всякій пізнае.
Відкіль родомъ
Я на світі,
Всякъ изъ васъ
Може знать приміты.
Жінокъ въ Січі немае,
Всякъ тее знае.
Хиба скажешъ:
Зъ Рима родомъ,
Або зъ пупача
Дідъ мій плодомъ?
Но въ тімъ собі милишъ [1]),
Инаково лывишъ (?).
У насъ сунакивъ тільки сліды,
Дикій кони намъ сусіды,

[1]) Ошибаешься, обманываешь себя.

Библиотека "Руниверс"

Да дніпрове сремя,—
О то наше племя!
Правда, якъ кінь въ степний волі,
То такъ козакъ не безъ долі:
Куды хоче, туды скаче,
За козакомъ нихто не заплаче.--
Гай, гай! якъ я молодъ бувавъ,
Що то въ мене була за сила!
Було, ляхивъ борючи, и рука не мліла.
А теперъ и вошъ сильніша
Відъ ляхивъ сдается,
Плечи и ніги болять,
Якъ день попобьеся.
Такъ то бачу, що уже
Не добра літъ нашихъ година:
Скоро цвіте и вьяне,
Якъ у полі билина.
Хочажъ мені и не страшно
На степу вмірати,
Да тільки жаль,
Що нікому буде поховати:
Татаринъ цурается,
А ляхъ не приступить,
Хиба яка звіряка
За ногу въ байраки поцупить.
И справді, пристарівшись,
На Русь пійти мушу,
Бо тамъ одномінають
Попы мою душу.
Тільки жъ мені и нечуеця
На лаві вмирати,
Бо щежъ мене тяне охота
Зъ ляхами гуляти.
А хай мині що небудь
Прикинуть для смерти,
То ще жиду або ляху
Мушу носа втерти.

Библиотека "Руниверс"

Хочь уже мало изледащивъ,
Однакъ чують плечи:
Здиеця поборовся бъ
Ище зъ лягами гречи,
Ище бъ проиавъ шороньку
За Вислу хочь трохи;—
Гинули бъ лягги
Якъ отъ жару блохи!
Трохи лягва угадала,
Що лошака даровала.

Случалось мині и не разъ
Въ степу варить пиво:
Пивъ турчинъ,
Пивъ татаринъ,
Пивъ и лягъ на диво;
Батацько лежить
И теперъ зъ похмілья
Мертвіхъ головъ и кистокъ
Одъ того весілья.
Надія въ мене певна—
Мушкетъ сіромаха,
Да ще не заржавіли
И шабля моя свахи.

Хочи вона и не разъ
Пиюхою амилась,
Таки й теперъ
Якъ бы розізмилась,
То не одинъ католикъ
Лобомъ двинымъ (?) стане,
Коли-жъ втікать схватиться,
То на спису застряне.
Да якъ и лукъ натягну.
Брязну тетивою,
То мусить съ поля втікать
Ханъ крымській зъ ордою.
Гей, путе-жъ вы, степы.
Горіть пожарами!

Библиотека "Руниверс"

Бо вже часъ кожухи мінять
На жупаны зъ ляхами.
Де ярмарокъ добрый,—
Удача покаже,
Да въ барыші жидъ зъ ляхомъ
Не одинъ поляже.

Пекъ имъ! якъ наможуться,
До мусиш уступити
За шкатулу червонихъ
Золотомъ литихъ
Кожухъ шкарупиный.

Скинемъ имъ до ката,
Абы якъ одцураться
Упрямого свата,
Да вже бѣжимъ до Січи
Могорычу пити!

Цуръ имъ! бодай ихъ!
Якъ повыкли ляхи
Насъ дурити.

Козакъ Иванъ Виногура,—
У ёго добра натура,—
Въ Польщи ляхівъ оббирае,
А въ корчмі пропивае.

Въ степахъ бобры та лисичі,
А въ шинку дівки да молодиці.
Козакъ, душа правдивая,
Сорочки немае;
Коли не пье, такъ вони бье,
Таки не гуляе.

Надъ бандурою.

Гей, бандуро моя золотая!
Коли-бъ до тебе жінка молодая,
Скакала-бъ и плясала-бъ до зари,
Що не одинъ бы чумакъ
Одцурався бъ соли й міха.

Библиотека "Руниверс"

Або якъ заграю,
То не одинъ поскаче,
А, підождавши, одъ того весілья
Та ще й заплаче.

Появленіе запорожца вызвало на сцену и всю обычную его обстановку: первое лице, являющееся къ нему, есть шинкарка Феська.

„А здорова, шинкарко,
Здорова, пілтавко!
Якъ я тебе давно бачивъ!“
—„Якъ бачились у Ромні
Объ Ильі,
Та и досі ні“

Этотъ отвѣтъ похожъ на мѣстную приставку, такъ какъ въ то время въ нашей мѣстности Ильинская ярмарка въ Ромнѣ имѣла большое значеніе. Грубый сѣчевикъ начинаетъ заигрывать съ шинкаркой:

Такъ, Фесю, такъ!
Поцілуй-же мене по знакомості у крутый усокъ...
Отъ-такъ, цмокъ!
Ще поцілуй и въ чуприну
Хоть разокъ!
Поцілуй ще въ булаву!
А теперъ потанцюй съ козакомъ,
Бо дамъ и прочухана!

Они танцуютъ козачка подъ музыку весьма стариннаго напѣва (№ 16).

Своенравному запорожцу надоѣдаетъ Феська, онъ ее прогоняетъ и продолжаетъ танцовать одинъ. Но Феська, какъ чаровница, не оставила обиды безъ мщенія: она послала козаку двѣ змѣи, которыя кусаютъ его и онъ съ крикомъ: „ой, лишечко! гадъ, гадъ“, выражаетъ желаніе, чтобы пришла поворожить цыганка, которая и является.

„Поворожи, будь ласкава! я тобі оддячу—
Хочъ не зъ рукъ, то на вкидячу“.

Библиотека "Руниверс"

Цыганка съ сожалѣніемъ говоритъ: „Охъ милый, волошину чорнобривый! се тобі Феська наробила, що тебе гадюка укусила“,— послѣ чего она начинаетъ ворожить, говоря козаку на выворотъ недоброжелательныя слова:

Ходила цыганка по горахъ, по долинахъ,
Носила пісокъ на вилахъ;
Скіжки на вилахъ сдержиться пуху,
Стільки въ тобі, козаченьку, духу.
Вставай та дохідъ давай, бо вже ты,
Козаченьку, зовсімъ здоровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на вывороченную ворожбу цыганки, запорожецъ выздоравливаетъ.

О, спасибі тобі, цыганко, говоритъ онъ, *що ты мене відъ смерти відвалила, теперъ-же потанцюй изъ козакомъ, бо дамъ и прочухана.*

Они вдвоемъ немного танцуютъ (см. № 17), послѣ чего цыганка начинаетъ просить вознагражденія:

Не жалуй, батеньку, копіечки, та дай дві.

— *Що ты, цыганко, кажешъ?—Бо якъ просять, то не дочуваю.*

Цыганка повторяетъ свою просьбу о двухъ копѣйкахъ.

— *На що тобі, або за що?—скажи мені, будь ласкава,* спрашиваетъ козакъ.

— *Ябъ собі, мій голубе сизый, рыбки купила.*

— *Може бъ ты, цыганко, и товченики ила?*

— *Та ила бъ, козаче-бурлаче, та де-то ихъ узять!*

„Оцаплена твоя голова!“—отвѣчаетъ запорожецъ. „Чому ты мені давно не сказала, я бъ тобі оцю новину назушину наздававъ Отъ тобі товченики!“... приговариваетъ козакъ, ударяя цыганку и прогоняя ее со сцены. Послѣ этого онъ продолжаетъ танцовать одинъ (см. № 18).

Наконецъ, утомившись, онъ чувствуетъ потребность выпить, „бо такъ щось дуже на языку сухо“. Онъ подходитъ къ одной изъ боковыхъ дверей, которая должна изображать шинокъ Феськи и тутъ начинается сцена, вѣроятно, часто повторявшаяся въ тѣ времена, когда козаки разбивали шинки и доставали даромъ водку,

Библиотека "Руниверс"

которую имъ отказывали давать въ кредитъ и за которую они потомъ незамѣтно расплачивались очень дорого.

Фесю, відчини! Не чуешъ? Фесю сердце, любко, голубко, відчини! Не чуешъ? Бодай ты зозулі не чула! Відчини, капостна халява, а не то —Бігъ мене вбій—коли віконъ не выбью и дверей выставлю!

Угрозу свою козакъ приводитъ въ исполненіе: онъ разгоняется и лбомъ высаживаетъ дверь.

Слѣдующая сцена рисуетъ мирное настроеніе еврейской пары, которая воспоминаетъ библейскія времена, когда—

Явреевъ самъ Богъ засцисцивъ,
За отеннымъ стовпомъ ихъ ховавъ,
Сще друге чудо вінъ луцее изробивъ,
Якъ у Чорному морю все війско затопивъ.
Мовсей, Аронъ, Давидъ—вони-жъ пакъ наші святиі,
Озидали-зъ Месіаса и тиі.
Вінъ пакъ, якъ прійде,
Крунмъ насъ обійде
И сказе такъ:
„Цесні яврей! Я—царь васъ,
Теперь и світъ весь насъ".
Теперь, Суро, нумо танцювати
Та горілку продавати.

Еврей и еврейка танцуютъ подъ музыку (№ 19).

Въ это время раздается стукъ въ двери. Еврей обращается къ женѣ:

Бізи, Суро, до хаты,
Гросей ховати,
А то йде гайдамака,
Буде грабувати!

Является запорожецъ.

— *Здоровъ бувъ, жидовину, єретичій сыну!*
— *А здоровъ зе бувъ, всемилостивіший пане!*
— *Що се ты у барылці носишъ?*
— *Сабаховы горілонки носи*

Библиотека "Руниверс"

— *А дай мені попробовать.*
— *Ты-зъ у мене, козаченьку, буфъ,*
Медъ и горілоцку пифъ
И грошей не заплатифъ.
— *Да ты не знаешъ, якъ мене й зовуть.*
— *Ты-зъ панъ Максимъ!*
— *Брешешъ, бо я Протись!*
— *Нехай-зе будесъ ти и Прокись,*

Тилько головоньки моеи не бий,
А на! горілоцку пий!

— „О такъ бы й давно казавъ!“

Запорожецъ пьетъ водку изъ барила, еврей поддерживаетъ барило и дрожитъ отъ страху.

— „Не труси бо, гадючій сыну, бо зубы побьешъ. Отъ-се жъ яка въ проклятого жида міцна горілка! Якъ я бачу, то я унився“.

Козакъ хмѣлѣетъ и падаетъ на землю, а еврей начинаетъ душить его колѣнками, приговаривая:

А! цузої крові напивсь,
Та й самъ скрутивсь!

Козакъ пробуждается отъ сна —съ словами:

„Ухъ! що се по мені товчеться? глянь, глянь! Се, бачу, жидъ порається по мені... Чи въ насъ же такъ бьють?“

Онъ машетъ булавою, еврей падаетъ, восклицая: „Вухъ, вухъ!“ а запорожецъ говоритъ со смѣхомъ:

Я ще ёго и не вдаривъ,
А вінъ кричитъ, що вже опухъ!

„У насъ якъ бьють, то зъ притиска, та зъ відваги, отъ такъ и ты, сучій жиде, учись бить“, говоритъ онъ, нанося еврею удары.

„Не проклятый же и жидъ“, восклицаетъ козакъ, видя, что онъ уже мертвъ. „Уже бачу вінъ и скрутивсь. Де лишь тіи макогоны, чи въ правдоньку дзвоны? пійду по его душецьці бовкну хоть разъ“.

Козакъ подходитъ къ колоколу и ведетъ при этомъ довольно безсмысленныя рѣчи пьянаго человѣка:

Библиотека "Руниверс"

„Що се воно таке? на-ві-що воно похоже? підъ хуртовину добра була бъ шапка, та щебъ и брязчала зъ потиляці, тоді— хочъ бы якій машталіръ—то звернувъ бы зъ дороги. Ні, се та не те я кажу... А воно підъ непогоду и горобцямъ добре було бъ ховатися въ ему. Ні, се-та не те я кажу... А якъ бы его въ болото застромивъ, то раківъ бы повну вершу наловивъ“...

Такъ и не позвонилъ козакъ, но тѣло убитаго жида лежитъ на полу.

„Пійти та заволокти еретичого жида, а то залігъ місто, нігде козакові погулять“, говоритъ запорожецъ.

„Де такъ, якъ такъ чорта величають? Про се мабуть не всі знають. Алежь на хрещеного кажуть „дядьку“, то вже его треба назвать „дідькомъ“; послѣ этого разсужденія онъ зоветъ чорта:

„Дідьку, дідьку, дідьку, го! Ходи сюды, будь ласкавъ, возьми собі жида, таки-рідного твого діда, то-то зъ его гарне буде жарке! що ты зъ роду не ївъ таке; буде зъ тебе на цілий мість, відпасеся, то піднимешь и хвістъ“.

Послѣ этой довольно грубой, но характерной остроты, запорожецъ уходитъ, а въ другую дверь входитъ чортъ съ обычнымъ своимъ гудѣніемъ: „гу, гу, гу, гу!.. Отъ теперъ я дождався, що жидъ мені у руки попався“!

Возвращается запорожецъ и говоритъ чорту:

Чи се ты и дòсі не однісъ?
Якій-же зъ тебе проворный бісъ?

„Неси, неси, та поживай собі на здоровье“, добавляетъ онъ, выталкивая чорта съ жидомъ, самъ-же продолжаетъ танцовать. (№ 20). Но наконецъ и мощный сѣчевикъ утомился. „Отъ-се, якъ панове дуже вморився! мовъ коло плуга два дні возився“.

Послѣ этого, онъ ложится на бокъ: „ляжу отъ такъ—не гарно“, переворачивается на другой бокъ: „а такъ ще гірше“. Ложится на спину: „а такъ, то на груди хто якъ сяде, то певно задушить, бо я признаться слабоватый“. Ложится ницъ. „Ляжу отъ такъ, якъ колись мій батько лежавъ, то хочъ хто на шиі и сяде, то повезу, якъ добрый вілъ“.

Библиотека "Руниверс"

Но только что успѣлъ козакъ заснуть, какъ входятъ два чорта и напавъ на запорожца, хотятъ его задушить. Козакъ просыпается и хватаетъ одного изъ нихъ за хвостъ:

„Ухъ! херувимы-серафимы!“

„Чортъ у бокдагъ улізъ!“—послѣ чего онъ начинаетъ чорта разсматривать:

Що се таке я піймавъ?
Яка се птичка:
Чи перепеличка,
Чи не синичка,
Що не дыше,
Та тільки головкою колыше?
Глянь, глянь, яке воно чудне та страшне:
Очи зъ пьятака,
А языкъ вываливъ мовъ собака!
Де ты собі груди обідравъ?
Може гліддъ, або груши кравъ.
А повернись, я подивлюсь, яке ти зъ-заду!

Чортъ поворачивается—запорожецъ продолжаетъ:

Эге! Воно бачу й крыльця мае:
Се-жъ мабуть те, що нічью літае,
Та курей хватае...
Ні, се да не те кажу я...
А воно, стеменно, той конякъ, що по полю скаче
Та хрущівъ давить.
А коли скаче, то вже-жъ танцювать уміе...
Та може не по силі...
А, ну лишъ! Не соромся та потанцюймо трохи,
Щобъ выскакали до-чиста усі зъ тебе блохи...

Музыка играетъ (№ 21), а запорожецъ танцуетъ:

„А що жъ ты стоишъ“, обращается онъ къ чорту, „въ кожухъ „дубленый?“ Чортъ продолжаетъ стоять неподвижно. Тогда запорожецъ бьетъ его булавой. Чортъ убѣгаетъ.

Но вотъ въ головѣ козака мелькаетъ мысль о покаяніи и онъ говоритъ:

Библиотека "Руниверс"

Де-бъ то отъ-се, панове, узять попа хоть ледащичку,
Абы не пьяничку,
Бо я, признаться, самъ того не люблю.

Является уніатскій попъ

„Про вовка помовка“, говоритъ запорожецъ,
Ажъ, бачу, дідько и попа примчавъ!
Бачъ, мовъ ёго лизень злизавъ!
Висповідай—пакъ мене, пане, підъ сією сухою попінкою!
—Ты, козаче, говоритъ попъ, *въ гріхахъ мені признавайся,*
Та не соромляйся.
—Чого соромляться?
Я, паноче,
Роскажу все коротше,
Що знаю.
Що воно бути має,
Якъ кажуть: „бездна бездну призываетъ?“
—Се значитъ: грішникъ на землі.
—Эге! Бачъ куды вінъ відвернувъ?
А по нашому: бездна бездну призываетъ—
Се значитъ: пінъ попа на обідъ кличе,
А той ёму дулі тиче..
Такъ я тобі гріховъ своихъ не доказавъ:
Ходивъ я съ малку по білому світу,
Бивъ ляхивъ, жидівъ,
Купцівъ, панівъ
И всіхъ кого заманеться.
Правду сказать, уніятскихъ попівъ не бивъ,
А съ нихъ живихъ кожу лупивъ,
Бо ждуть вони надъ козакомъ смерти,
Щобъ скоріше въ сыру могилу запертти,
Таскаютъ, співаютъ,
Тілько що не танцюютъ,
А на поминкахъ якъ попьются,
То мовъ коні гарцюютъ“.

Не добрыя ноты слышались въ иронической рѣчи запорожца Предчувствуя бѣду, уніатскій попъ дрожащимъ голосомъ смиренно отвѣчаетъ ему:

Библиотека "Руниверс"

Треба тобі до косцёла ходить
И частиі поклоны бить.

— *О, я зроду*, возражаетъ ему запорожецъ, *до косцёла не ходивъ*

И поклонівъ ніколи не бивъ!..
Хіба тебе, якъ хочешъ, попобью...

Попъ убѣгаетъ.

„Добре зробивъ, що втікъ", говоритъ буйный рыцарь. Танцуетъ. Музыка играетъ (№ 22).

Этою послѣднею побѣдою надъ всѣми своими врагами оканчиваются сцены съ запорожцемъ. Грубою кистью изображены черты степнаго героя, который и въ дѣйствительности не могъ обладать мягкими качествами души; но этотъ герой былъ близокъ сердцу народа, какъ главный выразитель самостоятельной народной силы и народныхъ стремленій въ его борьбѣ за вѣру и землю русскую. Подъ вліяніемъ такихъ еще живыхъ впечатлѣній и отведено было въ нашемъ вертепѣ столь значительное и почти главное мѣсто запорожцу.

Прощаясь съ зрителями, козакъ какъ будто чувствуетъ, что онъ не всѣмъ могъ угодить своими рѣзкими выходками и, уходя со сцены, говоритъ:

Щожъ, панове? По сій мові
Будьмо здорові!
За пісні слова не викинешъ...
А що було, то барзо прошу про те не поминати,
Бо вже піду теперь въ курінь віку доживати.

Наконецъ въ вертепной драмѣ отведено скромное мѣсто и простонародью. На сцену является Климъ и жена его съ своимъ убогимъ хозяйствомъ—свиньей и козой. Онъ гонитъ на сцену свинью, приговаривая: „аля, аля", и говоритъ, обращаясь къ зрителямъ:

Хіба дякамъ на школу дать,
Бо вона давно уже хотіла издыхать.

Сверхъ того оказывается, что свинья, какъ ей и подобаетъ, „.шкодливая".

Библиотека "Руниверс"

Увесь городъ, жалуется Климъ цыгану, *вона порыла,*
Капусту й постернакъ поіла.

Цыганъ предлагаетъ Климу свои услуги:

Отдай намъ ії, говоритъ онъ, *до шатра:*
Мы ії научимъ халяндры танцёвати,
То вже тоді не буде вона въ городы скакат.

Климъ расчитывалъ, что цыганъ купитъ свинью, но, разувѣрившись въ этомъ, съ досадой прогоняетъ его:

Пане купче, тікай,
Щобъ не вразивъ тобі я вида,
Тоді позывай мене хочъ и въ Свирида,
А Свиридъ—мій кумъ, для мене дуже хорошій,
То не поможутъ тобі твої гроші.

Жена извѣщаетъ Клима, что къ нимъ „кондякъ (дьячекъ) прихався".—„Я его", отвѣчаетъ Климъ, „дуже сподівався... Не соромся его, хочъ вінъ и пісьменный, говори ему сміло".

Входитъ дякъ.

„Дай, Боже, здоровья пану Климу!"

— *Здоровъ бувъ, пане бакаляру*
И нашъ—таки кондяче!
Возьми собі, будь ласкавъ, отсю свиню:
Нехай черезъ тинъ не скаче!

Дьякъ радъ подарку:

Ци, ци, ци, фертикъ Иванець!
Спіши сюди зіло,
Климій сотворивъ намъ честь,
Давъ свиняче тіло!

На призывъ дьяка входитъ Иванецъ—школяръ, и говоритъ:

Азъ путешествую: кое ваше діло?
— *Вземъ сіе бремя, неси въ наши клѣти,*
— *Помозите на рамена взяти,*
Бо, ей-богу, самъ не можу подняти.
— *Возгласа: аля! аля! до школы пірья драти!*

Библиотека "Руниверс"

Всѣ возглашаютъ: аля! аля! Иванецъ съ свиньею уходитъ. Дьякъ въ напыщенной высокопарной рѣчи благодаритъ Клима:

Гевалъ, Амонъ и Амаликъ и всі живущі въ Тирі...
Да пріемлетъ Богъ душу твою въ Эфирі!
Обреченную вашу жертву съ благодарностью пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ.
— *Тее-жъ и тобі посполу, пане кондяче!* отвѣчаетъ Климъ.

Дьякъ уходитъ, а Климъ въ раздумьи говоритъ: „Отожъ пресучій дякъ подякувавъ гарно, ажъ слези навернулись... Правда, панове, есть за що й дякувать: свиня хочъ вуда свиня, ребра такъ и свѣтяться“...

Входитъ жена и извѣщаетъ мужа, „що уже кондяки принесли изъ свинячки обідрану кожу“.

Отъ бачъ, жінко, що я можу!—отвѣчаетъ ей Климъ,
Свиняка-бъ и дома пропала,
А дяку платить за сына пора настала,
Теперъ-же мы зъ нимъ рощиталисъ
И цілі гроші въ насъ остались.

Климъ съ женою радуются выгодной сдѣлкѣ:

Потанцюймо, говоритъ жена, *хочъ мало,*
Якъ колись водилось,
Щобъ у насъ побільше
Конопель родилось.

Они танцуютъ (№ 23), а затѣмъ Климъ припоминаетъ, что у нихъ, кромѣ свиньи, водилась въ хозяйствѣ и коза. Онъ выгоняетъ на сцену козу, которая прячется подъ Иродовъ тронъ. Климъ думаетъ, что коза пропала, и обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Панове громадо! Чи не бачили мосі—таки козы?
Що то за солодке було въ неі молоко!
По дві дійниці молока давала,
А теперъ бідна, якъ у воду впала.
Одна-жъ біда не минулась,
А друга не забаромъ навернулась:

Библиотека "Руниверс"

Заснувъ учора я підъ Лысою горою,
Таки вечірнею порою,
Де взявся Макогоненківъ Прицько,
Се бачъ, казавъ-таки, нашъ Грицько,
Та й виняъ зъ кишені люльку, кришю й кремінець,
Ще въ кисеті—що на пуу—ремінець,
Уразивъ вінъ мое сердце въ самый край,
Теперъ мені—ні до жінки, а ні въ пекло, а ні въ рай,
А тутъ ище й козу загубивъ,
Лучше було-бъ, якъ-би самъ її убивъ.

Наконецъ, Климъ находитъ свою козу и говоритъ:

Бачъ, де моя козонька,
Де моя голубонька!
Бачъ, якъ вона скаче,
Мовъ танцёвать хоче!

Коза танцуетъ подъ звуки музыки (№ 24). Климъ хочетъ поймать козу, но неосторожно убиваетъ ее.

„Бідна жъ моя головонько, козу вбивъ!“—восклицаетъ злополучный Климъ, „понесу жъ її до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мяса справлю жинці кожухъ!“ Этою шуткою оканчиваетъ Климъ свою рѣчь и уходитъ.

Нельзя не замѣтить, что какъ въ первой сценѣ свѣтской части вертепнаго представленія, такъ и въ сценѣ Клима съ его бѣднымъ хозяйствомъ, простолюдинъ изображенъ скорѣе съ оттѣнкомъ комическимъ, чѣмъ юмористическимъ: это, вѣроятно, произошло отъ того, что составители вертепнаго представленія того времени чувствовали себя по развитію своему неизмѣримо выше посполитаго мужика, на котораго смотрѣли скорѣе съ чувствомъ снисхожденія, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ чувствомъ. Дякъ и его ученикъ изображены болѣе благожелательною рукою и комизмъ ихъ заключается въ велерѣчивыхъ выраженіяхъ. Между тѣмъ, въ этой сценѣ Клима съ дьячкомъ отражаются отчасти тогдашнія внутреннія отношенія народа къ просвѣтительному началу, исходившему главнымъ образомъ отъ кіевской бурсы: Климъ, бѣдный

Библиотека "Руниверс"

мужикъ, считаетъ необходимымъ учить сына грамотѣ и наставника своего сына называетъ бакаляромъ.

Вертепное представленіе оканчивается явленіемъ нищаго съ торбою (мѣшкомъ) въ рукахъ. Онъ подходитъ къ краю сцены и говоритъ зрителямъ:

Я, Савочка нищій,
Прошу на харчъ—на горілку.
Хто дасть шаг, а хто рубъ,
Прійму и копійку,
На дощечку, на клепало,
Хто що вкине, то пишіть—пропало.

Въ эту торбу обыкновенно публика бросала свои даянія въ благодарность за представленіе.

Гр. П. Галаганъ.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го сентября 1882 года.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины" выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при

Библиотека "Руниверс"

содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ**. Въ слѣдующей книжкѣ мы объявимъ къ общему свѣдѣнію, какими новыми матеріаламя располагаемъ на будущій годъ. Къ той-же книжкѣ будетъ приложенъ портретъ Гонты, съ его біографіею, сост. В. Б. Антоновичемъ. Далѣе будетъ портретъ жены Гонты,—оба художественной работы, превосходно воспроизведенные въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.**

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются, остальныя—по мѣрѣ выхода.

Библиотека "Руниверс"

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія,

по воспоминаніямъ дѣтства.

(Продолженіе)*).

По разсказамъ отца моего, еще въ рождественскіе праздники 1830 года мѣстные жиды и паны о чемъ то шушукались, отъ *двора* до *двора* ѣздили то панки, то жидки, заѣзжали къ богатымъ мужикамъ, подмигивали мелкой шляхтѣ. Крестьяне недоумѣвали, священники въ страхѣ ѣздили другъ къ другу... Всю зиму шли толки и предположенія. Одни говорили, что „Константинъ“ идетъ войной на „Николая“ за отнятіе у него престола. Другіе полагали, что Бонапартъ, долго скрывавшійся гдѣ-то, снова появился и съ несмѣтною силою идетъ на Россію. Мелкая шляхта проговаривалась, что въ Варшавѣ уже царствуетъ король польскій. По весной дѣло стало проясняться: по деревнямъ появились всадники при саблях, постолетахъ и т. под., мелкая шляхта готовилась „do broni“, уніатскіе священники, которыхъ въ нашей околицѣ оставалось въ это время всего три, громко твердили, что снова здѣсь будетъ Польша и унія. Въ маѣ или въ началѣ іюня, поздно вечеромъ, вбѣжалъ къ отцу крестьянинъ съ крикомъ: „утікайте, панъ-отче! ляхівъ пришла сила, видимо-невидимо, якъ хмары; всі узбруени (вооружены), утікайте“!... Въ ту-же ночь отецъ отправилъ жену и дѣтей къ тестю, а самъ спрятался въ ровъ, поросшій высокимъ и густымъ бурьяномъ. Пановъ оказалось не „якъ хмары“, но всего пять—шесть, за то чвалства было „видимо—невидимо“. Подобные шайки ежедневно проходили по деревнѣ, съ пѣніемъ: „*Jeszcze Polska nie zgi-*

---

*) См. въ сентябр. книжкѣ «Кіев. Старины».

Библиотека "Руниверс"

пѣла"... требовали у крестьянъ подводъ, провизіи, говорили про унію, бранили *поповъ*. Одна изъ шаекъ, въ большомъ составѣ, собирала во *дворъ* крестьянъ, объявила о возстановленіи польскаго королевства, посылала розыскивать отца для приведенія крестьянъ къ присягѣ. Крестьяне, знавшіе, гдѣ отецъ укрывался, не выдали его. Прошелъ мѣсяцъ или болѣе томительной неизвѣстности, какъ въ свою очередь ляхи, раненные, оборванные, въ ужасѣ стали появляться по рвамъ, пасѣкамъ, приставать къ пастухамъ, чумакамъ, появились мелкіе отряды русскихъ войскъ, разыскивавшихъ бѣглецовъ. Стало извѣстнымъ, что подъ Дашевымъ польское войско совершенно разбито. Отецъ вздохнулъ свободно... По деревнѣ крестьянскіе мальчишки распѣвали уже пѣсню, которую и я потомъ въ дѣтствѣ пѣвалъ:

Ой, бувъ ляшокъ морквяный,
А кінь буряковый,
Шапка въ ёго съ постернаку,
Жупанъ лопуховый.
Пистолетъ съ качана,
Кулі зъ бараболі,
Шабеличка изъ петрушки,
Піховки зъ квасолі.
Выйнявъ ляшокъ пистолетъ,
Тай почавъ стрілляти,—
Свині кулі похапали,
Нічимъ воювати!...

Но скоро радостныя ожиданія крестьянъ и духовенства стали омрачаться. Розыски „мятежниковъ" ложились тяжкимъ бременемъ на народъ, наводили страхъ на всѣхъ... Никто не былъ свободенъ отъ подозрѣній расходившихся сыщиковъ, искали „мятежниковъ" не только въ панскихъ дворахъ, но и въ священническихъ домахъ; у богатыхъ крестьянъ—на хуторахъ, въ мельницахъ и т. под., причемъ нерѣдко исчезало все цѣнное, съѣстное. Сталось такъ, что едва появлялся въ деревнѣ отрядъ русскихъ войскъ, или проносилась молва о приближеніи его, какъ одни уходили изъ деревни, другіе прятали въ землю все цѣнное, трепетали за коровъ, барановъ и т. п. Между тѣмъ „мятежниками" въ нашей околицѣ оказа-

Библиотека "Руниверс"

лись только мелкіе шляхтичи, не имѣвшіе никакой собственности, или такіе паны, которые продали свои имѣнія, или уступили ихъ своимъ роднымъ, на что оказались въ исправности необходимые акты. Только владѣлецъ огромнаго имѣнія, достаточнаго для образованія цѣлаго большаго уѣзда, одинъ изъ видныхъ польскихъ магнатовъ, генералъ польскихъ войскъ, не успѣлъ спрятать концовъ, и имѣнія его конфискованы, а потомъ превращены въ военныя поселенія. Такимъ образомъ всѣ помѣщики остались при своихъ владѣніяхъ. Они теперь приковали себя къ нимъ и занялись исключительно хозяйствомъ. Наступило господство военныхъ командъ, военныхъ коммисій, исправниковъ и становыхъ, разъѣзжавшихъ по деревнямъ съ козаками, разсыльными и т. под. Девизомъ въ краѣ стало строгое повиновеніе установленнымъ властямъ, которое для крестьянъ значило строгое повиновеніе своимъ помѣщикамъ. Ослушаніе помѣщика наказывалось, какъ неповиновеніе властямъ, какъ революціонный духъ, бунтъ. Вмѣстѣ съ розысками мятежниковъ и установленіемъ порядка въ краѣ наступило отнятіе помѣщиками у крестьянъ хуторовъ, мельницъ, *излишнихъ* земельныхъ угодій, прекращеніе права отлучки ихъ изъ деревни, права промысловъ и торговли, даже права собственности, потому что помѣщикъ могъ отобрать у крестьянина его хату, усадьбу, скотъ и все имущество. Народъ быстро сталъ бѣднѣть... Вмѣстѣ съ своими прихожанами потерпѣлъ и отецъ мой. Законъ 1833 года установлялъ для каждаго православнаго причта не менѣе тридцати трехъ десятинъ земельныхъ угодій: гдѣ въ пользованіи причтовъ имѣлось земли менѣе этого количества, тамъ помѣщикъ обязанъ былъ прирѣзать недостающее число десятинъ изъ собственныхъ земель, а гдѣ имѣлось земельныхъ угодій болѣе тридцати трехъ десятинъ и право владѣнія ими подтверждалось эрекціями, тамъ все количество земли оставалось въ пользованіи причта и на будущее время. Отецъ мой наслѣдовалъ отъ своего предшественника значительныя земельныя угодья, которыя точно описаны были еще въ уніатскихъ церковныхъ визитахъ, хранившихся при церкви, съ указаніемъ въ нихъ на подлинныя эрекціи. Но подлинныхъ эрекцій отецъ мой не нашелъ въ церкви послѣ своего предшественника; полагали, что таковыя забраны были базиліанскимъ визитаторомъ, ревизовавшимъ церкви предъ самымъ присоединеніемъ края къ Россіи. Не смотря на существованіе

Библиотека "Руниверс"

базиліанскаго монастыря, посылавшаго визитаторовъ, коммисія, приводившая въ исполненіе законъ 1833 года, не нашла нужнымъ навести точныя справки; отцу моему съ причтомъ отрѣзали тридцать три десятины земли въ указанныхъ помѣщикомъ мѣстахъ, наименѣе выгодныхъ для пользованія, причемъ на узаконенныхъ трехъ десятинахъ сѣнокоса помѣщикъ вырубилъ дубовый лѣсъ; бывшія угодья всѣ отошли во владѣніе помѣщика. Съ измѣненіемъ имущественныхъ и полицейскихъ отношеній въ деревнѣ, стали измѣняться внутреннія отношенія и расположенія въ приходѣ. Помѣщикъ уже не стоялъ высоко надъ громадою, въ ореолѣ величія, повелѣвавшаго изъ туманной дали, чуждавшагося вмѣшательства въ ближайшія интересы громады; онъ жилъ теперь безъвыѣздно въ деревнѣ мелкимъ трусливымъ панкомъ, который, какъ клещъ, впился въ громадское тѣло, производя зудъ и томленіе въ цѣломъ деревенскомъ организмѣ. Скоро помѣщикъ умеръ, оставивъ имѣніе двумъ сыновьямъ своимъ. Стало въ деревнѣ два помѣщика, два клеща въ громадскомъ тѣлѣ. Колокольчикъ становаго пристава усиливалъ зудъ въ крестьянскомъ тѣлѣ, потому что всякая жалоба помѣщика строго взыскивалась на крестьянахъ, а всякое заступничество отца за прихожанина вело за собою строгое внушеніе: „ваше дѣло, батюшка, въ церкви, а не здѣсь; сидите смирно, не то—пойдете муку сѣять“...

Такія-то послѣдствія принесла южнорусской деревнѣ польская революція 1831 года. На глазахъ всѣхъ быстро падали одно за другимъ прежнія, польско-католическія начала общаго быта: падали польскія учрежденія, литовскій статутъ, отдѣленія польскаго банка, польскія школы, господство полонизма и католичества въ администраціи и полиціи,—появлялись и грозно подчиняли себѣ всѣхъ и все новые законы, новыя учрежденія, новый духъ. Но для простаго глаза не доступны были внутреннія основы и высшія задачи наступившихъ перемѣнъ; онъ видѣлъ только перемѣны въ тѣсной деревенской сферѣ и въ отношеніяхъ деревенскаго ежедневнаго быта,—видѣлъ и страшно недоумѣвалъ... Въ сокрушеніи польско-католическаго величія чувствовалось что-то отрадное, имѣвшее въ виду поднять въ краѣ русскій духъ изъ долгаго приниженія его, поднять и одушевить все русское, а между тѣмъ на дѣлѣ видѣлось совсѣмъ другое: вмѣстѣ съ полонизмомъ далеко бо-

Библиотека "Руниверс"

лѣе прежняго принижался русскій народъ, вмѣстѣ съ католичествомъ сильно ограничивалось вліяніе православной церкви, надъ всѣми господствовала только угроза и кара. Появились въ краѣ и всѣмъ овладѣли два теченія, вступившія между собою въ отчаянную борьбу, задачи которой были слишкомъ туманны не для одной только деревни. Съ одной стороны чувствовалось, что точно глаголъ Божій прогремѣлъ по всему краю, что наступило время торжества для всего, что такъ долго страдало, терпѣло, надѣялось,— съ другой стороны, на каждомъ шагу раздавались только грозные голоса панскихъ приставниковъ и разсыльныхъ станового пристава, появлялись новыя бѣдствія, требовалось новое, болѣе сильное терпѣніе, а надеждъ впереди не видѣлось никакихъ... Злая сила—какой-то винигретъ изъ польскаго, раздраженнаго неудачею, озлобленія и русской, невѣжественной, дикой и грубой разнузданности —вступила въ упорную борьбу съ рѣшеніемъ судебъ исторіи, измѣняла требованія новаго духа, затирала слѣды его, затемняла и обезображивала его, чтобы создать изъ него бичъ и пугало для тѣхъ, кто долго жилъ надеждами на лучшее будущее. Всѣ новые законы, въ которыхъ чувствовалось присутствіе добрыхъ намѣреній, на дѣлѣ приносили для края только обратныя послѣдствія, данные народу охранители на дѣлѣ часто казались хуже исконныхъ притѣснителей его. Полонизмъ, преслѣдуемый въ законахъ и распоряженіяхъ, загнанный въ деревенскія трущобы, быстро приручилъ къ себѣ невѣжественныхъ и грубыхъ агентовъ мѣстной администраціи и полиціи и всею тяжестію своего озлобленія обрушился на деревню, высасывая изъ нее послѣдніе гроши для новаго „будованья“ и усиливаясь лишить правительство надежной опоры въ ней для края...

Для отца моего, привыкшаго по старинѣ быть едино съ своими прихожанами, жить его радостями и печалями, всегда оставалось сфинксовою загадкою: „знай церковь, въ дѣла крестьянъ не мѣшайся“... Онъ чувствовалъ надъ собою точно мечь Дамокла— грозное слово станового пристава: „пойдете муку сѣять“—позоръ, которымъ неразъ потомъ стращалъ его панъ, даже арендаторъ— шинкарь Азриль, а за нимъ зять и преемникъ его Мошко. Въ представленіи отца моего императоръ Николай былъ рыцаремъ, какого свѣтъ не видѣлъ; онъ отъ всей простой души своей вѣрилъ

Библиотека "Руниверс"

многочисленнымъ сказкамъ, разносимымъ солдатами, о его необычайныхъ подвигахъ, въ родѣ, напр., разгрома всѣхъ сенаторовъ и министровъ, заманившихъ его въ сенатъ, чтобы тутъ секретно покончить съ нимъ,—внезапнаго появленія въ синодѣ, отъ котораго всѣ архіереи попрятались подъ столъ,—посылки въ Варшаву своей палки вмѣсто короля и т. п.; онъ не допускалъ, чтобы такой рыцарь, заставившій поляковъ сидѣть смирно, разжаловавшій мелкую шляхту въ однодворцы, прижавшій жидовъ приказомъ брать ихъ въ солдаты, освободившій духовенство отъ зависимости польскихъ помѣщиковъ, надѣлившій его жалованьемъ, уменьшившій потомъ народу панщину на половину и т. п.,—чтобы этотъ благодѣтельный для края царь могъ не знать, что тутъ творится панами, становыми и т. п., и только утѣшалъ себя мыслію о томъ, что вѣроятно онъ собирается съ кѣмъ либо воевать и что, покончивши войну, онъ примется снова за пановъ...

Среди этой общей тяготы, отца постигло горе, которое онъ считалъ для себя тяжелѣе всякаго другаго. Наша мать стала болѣть; три года отецъ возилъ ее по докторамъ, надолго оставлялъ ее у знаменитаго въ то время „Михалка“, жившаго въ Бердичевѣ и лечившаго больныхъ травами, и у другаго подобнаго лѣкаря, жившаго на Подольи. Наконецъ, въ 1837 году мать наша умерла. Живо помню отчаяніе отца и всеобщій плачъ при гробѣ ея сосѣдей и прихожанъ. Изъ причитаній попадей найболѣе осталось у меня въ памяти: „ой, хто-жъ намъ такъ красно заспіває!...“ Крестьянки-же всегда потомъ поминали, какъ „покойная“ убирала ихъ къ вѣнцу, любила съ ними потанцовать на свадьбахъ, попѣть, повеселиться. Насъ дѣтей осталось послѣ матери въ живыхъ четверо: старшему брату было 13 лѣтъ, и онъ учился уже въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, слѣдующему было 8 лѣтъ, мнѣ 6 лѣтъ, сестрѣ 4 года. Отецъ, весь разбитый горемъ, часто надолго уѣзжалъ изъ дому, куда глаза глядятъ, или дома принималъ компанію, то сосѣдей—священниковъ, то крестьянъ, заливая съ ними тоску. Мы дѣти оставались на попеченіи слугъ и жили, по выраженію отца, „якъ потерчата“. Не имѣя возможности управиться съ нами дома, отецъ въ томъ же году, когда мнѣ не было еще семи лѣтъ, опредѣлилъ и насъ двухъ въ то-же духовное училище, въ которомъ обучался

Библиотека "Руниверс"

старшій нашъ братъ. Отецъ почти еженедѣльно пріѣзжалъ къ намъ; когда репетиторъ усадитъ насъ за книгу, онъ сядетъ подлѣ, смотритъ въ книжку, плачетъ, и мы плачемъ; идемъ въ классъ—онъ провожаетъ насъ до воротъ—плачетъ, и мы плачемъ. Идемъ по дорогѣ, оборачиваемся—стоитъ отецъ на томъ-же мѣстѣ и утираетъ слезы... Нужно было отцу уѣзжать отъ насъ почью, когда мы уснемъ, иначе мы поднимаемъ вой, цѣпляемся за него, за колеса, бѣжимъ за возомъ съ отчаяннымъ воплемъ... Старшій нашъ братъ совсѣмъ свихнулся отъ этой жалости къ отцу. Бывало уѣдетъ отецъ отъ насъ—онъ ходитъ совсѣмъ потерянный, сядетъ у окна или на крылечкѣ, глядитъ на дорогу, по которой уѣхалъ отецъ, и все поетъ. На другой день утромъ просыпаемся—нѣтъ его! Спустя нѣсколько дней, отецъ привозитъ его, внушаетъ не убѣгать, угрожаетъ наказаніемъ, но едва уѣдетъ—тотъ плачетъ, мечется, не ѣстъ, не пьетъ, начинаетъ пѣть—и опять пропалъ! Снова привезетъ его отецъ, инспекторъ выпоретъ, а онъ снова удеретъ. Противна стала ему и книжка, и школа, и городъ до смерти. Когда наконецъ самъ отецъ выпоролъ его за побѣгъ, онъ—бывало—дезертировавъ изъ города, прячется дома въ соломѣ, въ кухнѣ на печи подъ покровительствомъ слугъ и под.,—ему только-бы чувствовать себя вблизи отца, слышать голосъ его, мелькомъ взглянуть на него—такъ тянуло его къ нему! Разъ пріѣзжаетъ къ намъ отецъ, а брата нѣтъ уже нѣсколько дней въ городѣ! Спѣшитъ онъ домой, роется по всѣмъ закоулкамъ—нѣтъ его, и никто не видѣлъ... Тогда-то загоревалъ отецъ! Взялъ онъ насъ изъ училища, мы видѣли его тогда только плачущимъ и рыдающимъ. Снарядилъ онъ двѣ подводы и послалъ надежныхъ людей въ разныя стороны распрашивать по большимъ дорогамъ. И вотъ въ одинъ вечеръ привезли бѣглеца, нашли его въ одной корчмѣ въ херсонскихъ степяхъ, въ кабалѣ у жида! Послѣ этого случая, отецъ отвезъ всѣхъ троихъ насъ въ далекій епархіальный городъ и опредѣлилъ въ тамошнее духовное училище. Старшій братъ скоро взятъ былъ въ архіерейскій хоръ и, нашедши пищу своему растравленному чувству въ пѣніи, пересталъ тужить по отцѣ и убѣгать. Къ книжкѣ и школѣ онъ уже не воскресилъ въ себѣ охоты и впослѣдствіи велъ плачевную долю по разнымъ мелкимъ канцеляріямъ и преждевременно погибъ жертвою своего болѣзненнаго и непонятнаго для него чувства.

Библиотека "Руниверс"

Отецъ, разлучившись съ нами, оставшись съ малолѣтнею дочерью, велъ тоскливую жизнь сельскаго вдовца—священника. И теперь, при болѣе сложныхъ условіяхъ быта, вдовство, какъ и сиротство, считается въ деревнѣ найбольшимъ нещастіемъ. Въ настоящее время, при совершенно измѣнившихся условіяхъ деревни, при существованіи въ ней общественности, какъ сословной, такъ и всесословной, при значительномъ запасѣ русскаго чиновнаго люда, считающаго себя образованнымъ, при полной возможности литературнаго чтенія, часто раздаются голоса о тяжелой долѣ вдовцовъ —священниковъ, вопіющей будто-бы о необходимости разрѣшенія втораго брака. Что-же было въ то время, когда въ деревнѣ все образованное существовало только въ лицѣ польскихъ пановъ, презиравшихъ и ненавидѣвшихъ православное духовенство, а все русское замыкалось въ кругѣ полуграмотнаго духовенства и темнаго крѣпостнаго народа! Правда, тогдашнія потребности были далеко не такъ широки и разнообразны, какъ нынѣ; за то онѣ были гораздо болѣе нынѣшнихъ глубоки, напряжены и по своей безъисходности мучительны. Мой отецъ безусловно чуждался поляковъ и смотрѣлъ на нихъ глазами своихъ прихожанъ. Урывками занимался онъ хозяйствомъ, домомъ, нашими школьными потребностями, въ которыхъ мало что понималъ, а главнымъ образомъ дѣлилъ свою жизнь съ церковію и съ своими прихожанами.

Когда онъ въ первый разъ прибылъ въ свой приходъ, въ то время въ цѣломъ благочиніи, состоявшемъ изъ 18 приходовъ, былъ только одинъ священникъ изъ *ученыхъ*, притомъ *богослов*, окончившій курсъ въ новооткрытой тогда духовной семинаріи. Всѣ прочіе священники этого благочинія были одной школы съ отцомъ моимъ, „псалтирники“, „дьячковскіе богословы“, какъ выражался о себѣ отецъ. Въ слѣдующемъ году явился другой „богословъ“. Потомъ уже только въ сороковыхъ годахъ, на мѣста вымиравшихъ „псалтирниковъ“ поступали все „богословы“, такъ что къ началу пятидесятыхъ годовъ въ цѣломъ благочиніи отецъ оставался единственнымъ представителемъ старины въ цѣломъ околоткѣ. Я помню почти всѣхъ сосѣдей моего отца—„псалтирниковъ“. Всѣ они выступали въ дымчатыхъ халатахъ съ застегнутымъ поясомъ, въ приземистыхъ пуховыхъ шляпахъ съ широкими полями и съ клеенчатымъ на шляпѣ чехломъ. Такой-же костюмъ носили тогда и бо-

Библиотека "Руниверс"

гатые евреи, вслѣдствіе чего новое поколѣніе священниковъ, одѣвавшееся уже по предписанной формѣ, даже отдиравшее мазурку, вальсъ, польку и кадриль въ рясахъ, пренебрежительно называло собратовъ—старичковъ „халдеями“. Отецъ предпочиталъ дома лѣтомъ ходить въ рубахѣ, зимою въ тулупѣ, въ деревню выходилъ въ какомъ-то длинноломъ сюртукѣ, который онъ называлъ *шпенсеромъ*, идя въ церковь на литургію, надѣвалъ кафтанъ, а рясу содержалъ только для представленій благочинному и для поѣздокъ въ городъ, и всегда почему-то считалъ эту часть священническаго костюма „ученою выдумкою“, что на языкѣ его означало глупую претензію, пустое тщеславіе. Всѣ почти „псалтирники“, которыхъ я помню, уже чувствовали надъ собою неумолимую силу новизны и съ сокрушеннымъ сердцемъ дѣлали ей уступки. Всѣ они уже воспитывали своихъ сыновей въ семинаріяхъ, по крайней мѣрѣ въ уѣздномъ училищѣ, мечтали отдать своихъ дочерей замужъ за „богослововъ“, поили заѣзжихъ семинаристовъ чаемъ, а не варенухой, снисходительно слушали пѣніе ихъ подъ гитару: „Гляжу я безмолвно на чорную шаль...“ и цѣлыя міріады безтолковыхъ сантиментальныхъ тріо, которыя еще и въ мое время поглощали все музыкальное чувство семинаристовъ. Помню только двухъ священниковъ, которые совершенно равнодушно относились къ совершавшейся въ краѣ перемѣнѣ, но одинъ былъ горькій пьяница, другой—откормленный, грубый, напыщенный богатствомъ, которое наживалъ на приходѣ, надѣленномъ большими земельными угодьями. Первый за пьянство посланъ былъ „муку сѣять“ (на жительство въ монастырь) и гдѣ-то пропалъ, второй умеръ въ своемъ приходѣ, пустивши по міру всѣхъ своихъ дѣтей, изъ которыхъ я впослѣдствіи встрѣчалъ сына—въ „наймитахъ“ у простаго шляхтича. Послѣ 1839 года въ нашемъ благочиніи появились два священника изъ уніатовъ, обращенныхъ въ православіе по способу Бибикова. Эти избѣгали всякаго сообщества съ прочимъ духовенствомъ, водили дружбу только съ шляхтою, говорили по польски. Отецъ мой рѣзко отличался отъ всѣхъ этихъ старыхъ и новыхъ типовъ духовенства. Онъ сознавалъ рѣшительную нужду въ образованіи дѣтей и страстно желалъ видѣть насъ „богословами“. Ходитъ бывало и мечтаетъ въ слухъ: „батько—псалтирникъ, а сыны—богословы!.. А ну, который нибудь буде и академистомъ!“... Въ такія минуты ему нужно было

Библиотека "Руниверс"

подѣлиться съ кѣмъ нибудь пріятною мечтою, и онъ пригласитъ для этого или кого нибудь изъ прихожанъ, своихъ пріятелей, или своего дьячка: выпьютъ по одной—по другой, помянутъ старину, мечты заносятся. „Изъ моего меньшаго, мечтаетъ отецъ, еще и благочинный буде, а може и протопопъ“... „Нехай собі!“—твердитъ какой нибудь Павло Старенькій; „а старшаго (у котораго былъ хорошій голосъ) жаль на попа, зъ нёго добрый бувъ бы дякъ“... Увы, эти мечты сильно омрачались и теряли всю сладость для отца, когда онъ сличалъ новизну съ стариною. Вмѣсто человѣка почтенныхъ лѣтъ, хорошо знавшаго и уважавшаго народный духъ, главою прихода являлся безбородый юноша, въ шолковой рясѣ, съ претензіями на *панка* или *підпанка*, у котораго крестьянину совѣстно было руку поцѣловать. Прежніе священники принимали прихожанина въ своихъ „покояхъ“, почтеннаго хозяина садили рядомъ съ собою, дѣлили съ нимъ хлѣбъ-соль и задушевную бесѣду; новое поколѣніе священниковъ видѣло въ прихожанахъ только „мужиковъ“, которыхъ принимало въ кухнѣ, стоя, или заводило для пріема ихъ и на счотъ ихъ особыя комнаты при домѣ подъ названіемъ „канцелярій“, въ которыхъ совершалъ для нихъ домашніе церковные обряды, даже таинство крещенія. Въ собраніяхъ новыхъ священниковъ не было мѣста „мужику“, за то тутъ были ненавистные „мужику“ польскіе „панки“ и „підпанки“ съ своими „паньями“ и „панёнками“, иногда „самъ становой“, или письмоводитель его, всегда почти полякъ, польская рѣчь летала здѣсь, играла на всѣхъ устахъ, смѣялась, царила. Вмѣсто прежнихъ благочестивыхъ пѣсней, теперь въ такихъ собраніяхъ распѣвались чувствительные романсы, все „къ ней“, или затѣвались танцы, въ которыхъ ряса развѣвалась и носилась въ воздухѣ съ польскою деревенскою граціей. Въ церкви вмѣсто слова простаго, грубоватаго, но выхваченнаго прямо изъ души, изъ жизни, послышались проповѣди, выхваченныя изъ вороха припасенныхъ въ семинаріи, сочиненныя по всѣмъ правиламъ „расположенія“, съ приличными хріями, фигурами, тропами, доказательствами отъ писанія, отъ разума, отъ природы, съ неумолимымъ бичеваніемъ роскоши, богатства, тщеславія,—проповѣди, послѣ которыхъ слушатели тяжело вздыхали, точно потерявъ послѣдній проблескъ свѣта и послѣднее утѣшеніе въ жизни. „Тьфу, тьфу“—плевалъ отецъ мой, поминая всѣ подобныя черты новаго священни-

Библиотека "Руниверс"

ческаго быта. Тихо и незамѣтно совершался этотъ переворотъ въ краѣ на глазахъ моего отца, пока наконецъ онъ почувствовалъ себя сжатымъ, какъ кольцомъ, новымъ бытомъ. Оставшись одинокимъ среди новыхъ товарищей, онъ попикъ всѣмъ существомъ своимъ и совершенно замкнулся въ своемъ приходѣ съ своими прйхожанами. Онъ не могъ точно опредѣлить, что претило ему въ духѣ новыхъ пастырей и по своему объяснялъ свои антипатіи. „Устава не знаютъ, на гласы пѣть не умѣютъ, а о *подобныхъ* и не спрашивай, часто стихиры и капона не умѣютъ выбрать — дяки надъ ними смѣются... Мужикомъ брезгаютъ, съ панами знаются. Ужъ лучше пить съ мужикомъ, чѣмъ съ паномъ... Иной, прости Господи, въ среду или пятницу скоромное ѣстъ у ляха, да вѣрустъ-ли онъ въ Бога?.. Не то что выпить съ мужикомъ по Божіему, но ни стать съ нимъ, ни сѣсть, ни поговорить не умѣютъ, даже выбранить его не могутъ, какъ слѣдуетъ, а только: что? какъ? мужикъ, дуракъ... Въ церкви служатъ, какъ деревянные, „мимрятъ“ себѣ подъ носъ, поютъ то какъ солдаты (придворное пѣніе), то какъ свиньи въ дождь“... Такія и подобныя рѣчи лились изъ устъ отца моего, когда заходила рѣчь о старинѣ и новизнѣ въ быту духовенства. Особенно тяжело стало отцу, когда и мы съ братомъ, ставши уже „философами“ и „богословами“, стали видимо льнуть къ новому поколѣнію священниковъ. Не разъ бывало онъ заводилъ тогда съ нами рѣчь: „и вы будете такими-жъ попами? И чему васъ въ семинаріи учатъ? За что васъ тамъ бьютъ?“.. Разсказываемъ отцу про разныя науки, порядки; онъ еще больше удивляется: „но отъ чего-же всѣ выходятъ оттуда такими дурнями?!“.. Такъ и оставался этотъ вопросъ для отца тяжелою загадкою.

Самъ отецъ мой никогда ничего не измѣнялъ до конца служенія своего въ приходѣ (1853 г.), ни въ церковныхъ порядкахъ, ни въ отношеніяхъ къ своимъ прихожанамъ: все у него шло по старинѣ. Благо, благочинный былъ все одинъ и тотъ-же, самъ пропитанный стариною, а, благодаря положенію прихода въ сторонѣ отъ большой дороги, ни одинъ архіерей не посѣтилъ его при отцѣ моемъ.

Церковь приходская была небольшая, деревянная, съ извѣстными тогда по всему южнорусскому краю тремя куполами. Изъ

Библиотека "Руниверс"

уніатскихъ „визитъ", хранившихся въ церкви, видно было, что она построена въ половинѣ прошлаго вѣка иждивеніемъ прихожанъ. Неизвѣстно, православіе или унія дали небольшому тогда поселенію побужденіе къ постройкѣ церкви. Въ визитахъ говорится, что первый священникъ въ этомъ приходѣ былъ уніятъ. Но 1) иконостасъ въ церкви, устроенный въ самомъ началѣ, былъ того стиля, который появился еще въ XVII в., какъ протестъ противъ католицизма, отвергавшаго иконостасы, и противъ уніи, урѣзывавшей ихъ до minium-a, т. е. высокій, въ три яруса, сплошь закрывавшій всю олтарную часть—какъ нынѣшній иконостасъ въ печерской лаврѣ, устроенный въ началѣ XVII в. 2) Въ 1792 году, т. е. спустя не болѣе сорока лѣтъ существованія церкви, когда не мало еще было живыхъ свидѣтелей постройки ея, прихожане рѣшительно изгнали уніатскаго священника и просили о назначеніи имъ православнаго священника. По всей вѣроятности, какъ это было по всему краю, едва построена была церковь, какъ уніаты овладѣли ею, или первый-же священникъ вынужденъ былъ принять унію, тѣмъ болѣе, что въ визитахъ говорится о немъ и о сынѣ и преемникѣ его, какъ о пьяницахъ, рѣшительно небрегущихъ объ обученіи народа догматамъ католической церкви. При отцѣ моемъ отъ уніи оставался только такъ называвшійся всѣми *цимборг*—шкафикъ подъ запрестольною иконою Божіей матери. Въ такихъ шкафикахъ, всегда имѣющихся въ католическихъ костелахъ за престоломъ подъ иконой, хранились такъ называемыя монстранціи, въ которыхъ подъ стеклышкомъ выставлялось на поклоненіе вѣрующимъ Тѣло Христово, въ видѣ освященнаго оплатка (oblata—*просфора*). При отцѣ моемъ этотъ шкафикъ служилъ для храненія въ немъ мелкихъ вещей, какъ-то: ладону, недогарковъ свѣчныхъ и под. Церковь была не крестообразная, но продолговатая (корабль). Въ дѣтствѣ моемъ это была общая форма всѣхъ сельскихъ церквей въ южной Россіи. Въ послѣдствіи стали пристраивать для расширенія церквей по бокамъ крылья, отъ чего церковь получала внутри видъ креста, а не корабля. Надъ крыльями сооружали купола, и церковь становилась пятиглавою. Молодые священники—„богословы", выносившіе изъ тогдашнихъ семинарій дикіе взгляды на памятники православія и русской народности въ южной Россіи, видѣвшіе во всемъ оригинальномъ остатки уніи и полонизма, твер-

Библиотека "Руниверс"

дили, что три купола на церкви имѣютъ происхожденіе католическое и выражаютъ идею главенства папы надъ церковію и государствомъ. Нѣкоторые утверждали, что и пять куполовъ такъ-же выражаютъ католическую мысль, именно—о главенствѣ папы надъ четырьмя восточными патріархами. Послѣ того какъ епархіальная консисторія стала выдавать планы на постройку новыхъ церквей объ одномъ куполѣ съ колокольней надъ папертью, что принято было очевидно въ видахъ экономіи, стали утверждать, что православно-русская форма церкви—однокупольная. Что касается трехкупольной формы, которая подвергалась наибольшему подозрѣнію въ католичествѣ, то древность и оригинальность ея на югѣ Руси несомнѣнна. Ни въ предѣлахъ Польши, ни въ католической Европѣ не было обычая располагать куполы по длинѣ храма: если католическій храмъ трехкупольный, то всегда два меньшіе купола располагаются по угламъ на фронтѣ, а третій, большій, надъ олтаремъ. Скорѣе всего три купола въ рядъ по длинѣ церкви соотвѣтствовали внутреннему расположенію ея, именно: олтарь (малый куполъ), средина церкви, мѣсто вѣрующихъ и молящихся, самая большая часть церкви (большой куполъ), и наконецъ притворъ—мѣсто оглашенныхъ и кающихся, въ Малороссіи *бабинецъ* (малый куполъ), а потому они имѣютъ естественное происхожденіе тамъ, гдѣ церкви строились въ видѣ корабля (въ первые вѣка христіанства), а не креста (на западѣ) или базилики (преимущественно въ Римѣ). Оригинально относился отецъ мой къ церковнымъ украшеніямъ. Онъ не любилъ ихъ внутри церкви. Здѣсь онъ почти ничего не прибавлялъ къ тому, что засталъ. Стѣны оставались въ натуральномъ видѣ топоромъ стесаннаго дуба, не крашенныя, почернѣлыя. Въ куполѣ оставалось какое-то изображеніе, сдѣланное водяными красками, совсѣмъ почти стертое; отецъ ни-за-что не хотѣлъ возстановлять его. Иконы были все давнія, безъ всякихъ украшеній. Отецъ всегда недоумѣвалъ, зачѣмъ иконѣ золото, серебро, украшенія; онъ увѣренъ былъ, что украшенія къ иконамъ „выдумали ляхи“, которые „съ Богомъ хотятъ быть за панибрата“. „Икона, говаривалъ онъ, не дівка, що въ кораляхъ и квіткахъ всякому подобаетця“. Ризы у отца были всегда очень простыя, престолъ неизмѣнно покрытъ былъ простою большою *хусткою,* какую носили въ то время на плечахъ крестьянки - щеголихи. Когда наконецъ

Библиотека "Руниверс"

отецъ мой получилъ набедренникъ — въ награду за двадцати-трехлѣтнюю службу въ санѣ священника, въ томъ числѣ за десятилѣтнюю службу въ должности окружнаго духовника, онъ никогда не надѣвалъ его, такъ и оставался за богослуженіемъ съ длинною *кустком* у пояса, вмѣсто набедренника, служившею ему для сморканія. За то отецъ очень любилъ украшать церковь снаружи. Всякій годъ лѣтомъ производились какія-либо работы подлѣ церкви: то красились купола, то обшивались досками стѣны, то поднимали всю церковь и подмуровывали ее, или поправляли фундаментъ, то строился новый парканъ, новая двухъ-этажная колокольня и т. д. Лучшаго отдыха отъ полевыхъ работъ онъ не зналъ, какъ сонъ подлѣ церкви, въ тѣни, или бесѣда съ рабочими, особенно когда рабочими были захожіе *кацапы*, которыхъ отецъ очень уважалъ за „повагу“, степенность и плотничье искусство. Еще въ первые годы по прибытіи на приходъ отецъ засадилъ весь церковный погостъ яблонями, грушами, вишнями и другими деревьями. Въ этомъ саду лѣтомъ помѣщалась церковная пасѣка — другое любимое отцомъ мѣсто для отдыха (свою пасѣку онъ содержалъ на сѣнокосѣ, въ дубовомъ кустарникѣ, во избѣжаніе соперничества пчелъ съ церковными). На Спаса (6-го авг.) добывался изъ церковной пасѣки первый медъ, изъ церковнаго садика первые яблоки и груши, то и другое освящалось на литургіи и раздавалось присутствующимъ на *починокъ*. Самъ отецъ ни за-что не ѣлъ яблокъ, грушъ и меду до Спаса и намъ — дѣтямъ запрещалъ ѣсть, а прихожанъ строго бранилъ, если замѣчалъ въ комъ отступленіе отъ этой заповѣди, которую онъ сравнивалъ съ заповѣдью въ раю. На *Семена* (1-го сентября) собирались къ церкви хозяева и совѣщались съ отцомъ, сколько ульевъ продать, сколько оставить на зимовлю. Вырученныя отъ продажи меду деньги составляли церковный доходъ и служили найбольшимъ подспорьемъ въ нуждахъ церковныхъ. Воскъ шелъ на свѣчи къ иконамъ и *братерскія*, которыя держали почетные хозяева во время пѣнія „херувимской“ и „Тебе поемъ“. Формы древнихъ братствъ давно уже не существовало, но всѣ расходы и дѣла церковные производимы были отцомъ не иначе, какъ по совѣщанію съ старѣйшими и почетнѣйшими прихожанами, которыхъ выдвигала громада. Интересны были эти выдвиганія громады. Бывало отецъ скажетъ въ церкви (на „буди имя Господне“): „пора

Библиотека "Руниверс"

бы намъ подумать о томъ-то, заходите—порадимся". Окончилась литургія и начинается выдвиганіе допутатовъ. Одни сами себя выдвигаютъ впередъ съ словами: „а що жъ, ходімъ... хто иде?" Другихъ окликаютъ прочіе или плечами выпираютъ изъ толпы: „идіть же, Омельку... Степане... Иване...". Иной удираетъ по какимъ-либо дѣламъ домой, но его догоняютъ и заставляютъ вернуться, не смотря на предъявляемые имъ резоны. Шли вообще охотно—сколько изъ почести, столько-же и потому, что отецъ дѣйствительно чествлъ громаду и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ шелъ противъ рѣшенія ея,—ну, да при томъ-же отъ отца не уйдешь безъ довольнаго угощенія.

Въ совершеніи обрядовъ и богослуженій отецъ мой отличался глубокою простотою и независимостью. Теперь-бы ему мѣста не нашлось въ монастырѣ на эпитиміи за такую самостоятельность, да и тогда, при священникахъ—„богословахъ", щеголявшихъ формами благоговѣнія и почтенія къ службѣ, онъ непремѣнно пошелъ бы „муку сѣять", если бы не старый благочинный, любившій его.

Дома отецъ молился всегда и неизмѣнно по книгѣ, утромъ и вечеромъ, а часто и въ теченіи дня. Читалъ онъ молитвы, иногда стоя предъ образомъ, иногда ходя—по комнатѣ, по двору, по выгону сельскому, то тихо шепча слова, то громко выкрикивая фразы. Среди молитвы ничего не значило для него обращаться къ прохожему съ разными вопросами, замѣчаніями, даже нагоняями. „Помилуй мя, Боже, по великѣй милости Твоей"... умиленно со вздохами читаетъ онъ..: „а куда такъ бѣжишь"? замѣчаетъ тутъ-же спѣшившему слугѣ, и, получивъ успокоительный отвѣтъ, продолжаетъ: „и по множеству щедротъ твоихъ очисти безаконіе мое".. Въ интересномъ случаѣ, прервавъ молитву, подолгу побесѣдуетъ, выбранитъ, если найдетъ за что, и опять продолжаетъ молитву. Священники—„богословы" смѣялись надъ этимъ обычаемъ „псалтирниковъ". Но я видѣлъ такой примѣръ на великомъ святителѣ русской церкви, кіевскомъ митрополитѣ Филаретѣ (1837—1857), будучи пѣвчимъ въ хорѣ его. Извѣстно, что это былъ непрестанный молитвенникъ въ буквальномъ смыслѣ, что псалтирь не сходила съ устъ его. Ходитъ бывало въ прогулкѣ по саду, а не разъ случалось и по полю съ нами, малыми пѣвчими, и все шепчетъ псалмы. Явственно слышимъ изъ устъ его псаломъ за псалмомъ, тихо идемъ за нимъ. „*Коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ,*

Библиотека "Руниверс"

желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господи... а, вотъ и малина, кушайте дѣти... *Сердце мое и плоть моя возрадовастася...* да не ломайте кустовъ, осторожно... *ибо птица обрьте себѣ...* зеленой не кушайте... ну, бѣгите"... Онъ-ли не зналъ псалтири наизустъ? А бывало, во время длинной дороги, при объѣздахъ епархіи, позоветъ къ себѣ въ карету одного изъ насъ, посадитъ противъ себя, держи предъ нимъ псалтирь, а онъ читаетъ всю дорогу, перелистывая, и тутъ-же дѣлаетъ вопросы рядомъ съ нимъ сидящему архимандриту, потребуетъ чрезъ окно у лакея апельсину, жуетъ и глазами водитъ по книгѣ. Разъ на почтовой станціи нашли нужнымъ что-то починить въ каретѣ его. Мы были въ дорогѣ съ нимъ, слѣдуя неразлучно въ своей колымагѣ за его экипажемъ. „Ну, дѣти, пойдемъ впередъ по дорогѣ". Идемъ, старикъ все шепчетъ про себя, прерывая молитву вопросами прохожимъ, въ изумленіи глядѣвшимъ на невиданную процессію, крестьянамъ: „съ работы, домой? Хороша жатва"? и т. п. Вдругъ ручеекъ поперекъ дороги... „Сядемъ на травѣ". Сѣли... солнце заходило. Пошепталъ немного святитель и громко читаетъ: „солнце позна западъ свой... пропойте, дѣти, *Свѣте тихій*"... Мы тихонько пѣли, онъ подпѣвалъ сиплымъ дребежжавшимъ голосомъ. Опять сталъ шептать. „А твердо помните вы изъ катихизиса о таинствахъ? Вотъ васъ семь, разскажите каждый по порядку про одно изъ семи таинствъ". Стали разсказывать, онъ поправлялъ, дополнялъ, иногда забывая про насъ и шепча про себя... Въ сторонѣ отъ насъ образовался кружокъ прохожихъ крестьянъ, глядѣвшихъ на дивнаго старца съ дѣтьми. Подъѣхали экипажи...

Читатель проститъ мнѣ это небольшое отступленіе по поводу формы домашней молитвы отца моего; оно достаточно поясняетъ молитвенные обычаи старины, у которой форма часто пропадала въ духѣ. Увы, отецъ мой былъ слишкомъ простъ въ своихъ внѣшнихъ молитвенныхъ дѣйствіяхъ; такимъ-же почти онъ былъ и за церковнымъ богослуженіемъ, но не соблазняло это его прихожанъ, ибо всѣ они знали, какъ искренно онъ былъ набоженъ, какъ горячо любилъ церковность и молитву. Удивительнымъ образомъ мирилось въ немъ строгое соблюденіе церковнаго устава и въ тоже время отступленіе отъ его правилъ и формъ. Все покрывала вѣра простая, духъ молитвенный и особый взглядъ на службу Божію.

Библиотека "Руниверс"

Не позволялъ напр. отецъ выбрасывать что либо изъ чтенія, какъ теперь выбрасываютъ псалмы, цѣлыя каѳизмы, стихиры, кондаки, сѣдальны, даже въ архіерейскихъ церквахъ. Но вотъ постъ великій, седмица страстная. Сколько тутъ чтенія и пѣнія! Три службы въ день и между ними говѣльщики, требы, заботы хозяйственныя. Подходитъ очередь субботныхъ паремій; при умѣломъ, бѣгломъ чтеніи они займутъ до часу времени. Отецъ укажетъ бывало дьячку двѣ—три паремія и прибавитъ: „а то дома вычитай..., та гляди, бо Богъ скарае". И отецъ и дьячекъ вѣрили, конечно, что служба Божія отъ того ничего не потеряла, ибо назначенное для Бога предъ Богомъ вычитано сполна, хотя и на дому. Когда я подросъ, отецъ обыкновенно меня заставлялъ „вычитывать" эти паремія дома предъ образомъ. Тоже самъ онъ дѣлалъ относительно евангелій въ страстную недѣлю. Въ церкви онъ читалъ только отрывки изъ того или другаго евангелія, а дома постоянно читалъ, ходя и стоя, евангелія подъ рядъ, дабы къ великому четвергу „вычитать" всѣхъ евангелистовъ отъ начала до конца. Ничего не составляло для него дѣлать подобныя отступленія при совершеніи вечерни. Служба эта краткая, но она захватывала иногда отца—сельскаго хозяина среди недоконченныхъ работъ и заботъ. Войдетъ онъ въ церковь, надѣнетъ эпитрахиль, скажетъ: „Благословенъ Богъ"... и выйдетъ изъ церкви, ходитъ по погосту, припоминаетъ недоконченное, отдаетъ приказы, дѣлаетъ распоряженія и въ то-же время молитвы, положенныя по книгѣ, читаетъ, заговариваетъ съ проходящими мимо церкви крестьянами и чутко прислушивается къ тому, какъ идетъ въ церкви чтеніе и пѣніе. Вдругъ дьячекъ запѣлъ: „Господи полилуй, Госп..." Отецъ тутъ-же, ставши лицомъ къ востоку, громко произноситъ свое: „Паки и паки... Заступи, спаси... Пресвятую, пречистую..." и продолжаетъ начатый распросъ, недосказанное распоряженіе, или опять ходитъ по погосту, пока не придетъ время кажденія или большой эктеніи и под. Дьячекъ давно свыкся съ такимъ порядкомъ, читалъ иногда и безъ священника вечерню и часы и потому, не слыша подчасъ возгласа, продолжалъ читать и пѣть и уходилъ далеко впередъ. Входившій отецъ возвращалъ его назадъ и служба шла до новаго перерыва. Разъ пропущенъ былъ малый входъ и любимый отцомъ догматикъ, дьячекъ началъ уже: *Свѣте тихій...* Вдругъ отецъ изъ олтаря: „а

Библиотека "Руниверс"

ты оце вже *Світе тихій?* Якій скорый! А ну зашень: *Въ чермнімъ морі*", и съ этимъ становится посреди церкви, начинаетъ свою любимую пѣснь, поетъ—заливается, въ глазахъ слезы, въ лицѣ молитва—искренняя, горячая, къ небу идущая... Что любилъ онъ, то пѣлъ два, три и болѣе разъ, не стѣсняясь уставнымъ порядкомъ. Въ службѣ подъ день Успенія Божіей Матери есть глубоко трогательная по содержанію и напѣву пѣснь: *Апостоли, отъ конецъ земли совокупльшеся здѣ, погребите тѣло мое, и ты, Сыне и Боже мой, пріими духъ мой!...* Отецъ особенно любилъ эту пѣснь: ея напѣвъ доводилъ его до какого-то экстаза, забытья. Пришло разъ время пѣть ее, а меня съ братомъ въ церкви не оказалось. Отецъ началъ, но послалъ искать насъ; мы прибѣжали, когда онъ съ дьячкомъ доканчивалъ пѣніе уже въ третій разъ. Тѣмъ не менѣе снова въ четвертый разъ отецъ началъ тоже: *Апостоли,* а потомъ и пятый разъ и всякій разъ при словахъ: „погребите тѣло мое, и ты, сыне и Боже мой, пріими духъ мой"! слезы неудержимо лились изъ глазъ его, и все внимало ему, молилось также глубоко и горячо. По окончаніи вечерни, иногда совсѣмъ уже пустившись домой, отецъ вдругъ поворачивалъ: „а, може, ще що заспіваемъ"? Придумаетъ, и „заспіваемъ"... На литургіи онъ едва поспѣвалъ читать эктеніи, молитвы и пѣть за клиросомъ. У него были любимые напѣвы херувимской, милость мира и т. д. Дьячекъ долженъ былъ медленно пѣть, чтобы отецъ успѣлъ прочитать положенную молитву и хотя конецъ пѣсни пропѣть съ нимъ, или-же отецъ, кончивъ молитву, снова начинаетъ ту-же пѣснь, которую дьячекъ окончилъ. Иногда дьячекъ—торопится-ли куда нибудь послѣ литургіи, или не въ духѣ противъ отца, начинаетъ пѣть *по новому* (простое, придворное пѣніе). Отецъ перебиваетъ его—поетъ по своему, тотъ упрямо продолжаетъ начатое; тогда отецъ выходитъ на сѣверную дверь и начинаетъ распекать дьяка: „ну, я-жъ тебе прошу —не чуешь? ну, співай-же, якъ прошу..." Разъ на утрени Пасхи, когда отецъ посреди церкви христосовался съ народомъ, а на клиросѣ пѣли пасхальныя стихиры, я, помня школу, гдѣ насъ заставляли иныя пѣсни пѣть по гречески, запѣлъ на клиросѣ по гречески: *Христосъ воскресе.* Но едва я началъ: Χριστος ἀνέστη ἐκ νεκρῶν... какъ отецъ, не подозрѣвавшій тутъ моего велемудрія, вдругъ прервалъ меня: „що ты, небоже, съ прюсоня"? Дьякъ, посвященный въ сек-

Библиотека "Руниверс"

ретъ, объяснилъ въ чемъ дѣло. „А, отвѣчалъ отецъ, то цікаво! Слухайте, добрі люди, якъ греки співають: *Христось воскресе...*„ „Добрі люди“ слушали съ любопытствомъ, а отецъ потомъ пояснилъ имъ, что греки когда-то имѣли своего царя и что они научили насъ, русскихъ, въ Бога вѣровать, они-же написали всѣ пѣсни, которыя поются въ церкви, и церковную службу установили. „Ну, ще разъ заспівай“. Конечно, я пропѣлъ... Безъ всякаго сомнѣнія, отецъ мой никогда не говорилъ проповѣдей въ смыслѣ нынѣшнихъ. Онъ читалъ поученія или синаксари, положенныя въ тріодяхъ, или меня (когда я былъ уже „богословомъ“) заставлялъ читать ихъ. Въ особенныхъ случаяхъ у него экспромтомъ являлись и свои поученія—въ такомъ родѣ: „Щось вы, люди добрі, св. церковь забуваете. Который разъ васъ въ церкві не повно! Василя... Степана... Івана... который разъ не бачу въ церкві! Скажить імъ, що то—гріхъ, стыдно. Прійде сповідь, піймаю я ихъ, дамъ имъ“... Но случаю какихъ либо безобразій, появившихся въ деревни, скандаловъ на *вечерницахъ* и *досвіткахъ*, пьянства, побоевъ мужьями женъ, воровства и под., отецъ выступалъ съ поученіемъ: „Що то у насъ въ селі повелось диковенного? Подуріли люди, чи що? Що то вы уже перестали Бога бояться? Забули, що вінъ есть на небі, бачитъ, що діеця на світі? Хочете хиба, щобъ вінъ прійшовъ зъ неба до васъ зъ батогомъ?“... и т. д. Но самыя внушительныя проповѣди происходили во время говѣнья. Тутъ отецъ постоянно былъ въ возбужденіи. Вотъ одинъ подошелъ къ столику съ крестомъ, иконою, сталъ на колѣни, свѣсилъ голову; отецъ, сидя на стулѣ, покрылъ его эпитрахилемъ, наклонился къ нему и въ полголоса бесѣдуетъ. Потомъ бесѣда его становится все громче и громче и явственно слышишь: „и то добре, що у тебе діти не роспустні, поважають старшихъ, и мирно въ домі, съ сусідами... Господь тебе не оставитъ“... Слѣдуетъ разрѣшительная молитва. Исповѣдавшійся встаетъ, цѣлуетъ крестъ, икону и отходитъ,—отецъ въ догонку говоритъ: „забий десять поклонівъ, та прочитай: *Отче нашъ* и *Богородице Дівo*“... Подходитъ другой: тихая бесѣда опять переходитъ въ громкую: „то що-жъ се, ты хиба святый, жадного гріха не маешъ? Пішовъ, ледащо, та одумайся... Роскажитъ ему, люди добрі, якъ треба сповідатися“—обращался онъ къ предстоявшимъ. Тотъ отходитъ со стыдомъ и являлся чрезъ часъ—два. Но вотъ

Библиотека "Руниверс"

подошелъ какой-то пасмурный, видимо растерявшійся; преклонился, въ толпѣ прошелъ шепотъ. Отецъ, не покрывая его эпитрахилемъ, всматривается въ него: „а, голубе, таки прійшовъ до Господа Бога —громко говоритъ отецъ:—отъ Бога не утічешь“... „То мы его привели“—отзываются тихо изъ толпы. „То-то, продолжаетъ отецъ —отъ Бога не утічешь, Богъ всюду найде тебе... Ну, що-жъ теперь буде зъ нами? Якъ ты самъ думаешь“?.. Грѣшникъ стоитъ на колѣняхъ, совсѣмъ потерянный. „Що мы зъ нимъ зробимъ, добрі люди“?, обращается отецъ къ предстоящимъ. „Возьміте та привяжите его на якій часъ до яблоні, нехай тамъ спокутуе гріхъ свій“... *Добрі люди* ожидали этого. Староста, дячекъ, почтенные хозяева подхватывали грѣшника, уводили изъ церкви и привязывали веревкой къ яблони у входа въ церковь. Прохожіе молча глядѣли на него, никто не удивлялся, не спрашивалъ, за что. Иная баба только проговоритъ жалостно: „охъ, тяжкій гріхъ, литечко“!... Никто не спрашивалъ о причинѣ кары потому, что давно уже все село знало его вину, долго говорили о ней и давно всѣ порѣшили, какъ поступить съ нимъ при исповѣди. Это—сынъ, побившій своего отца, пьянствующій, буйствующій въ домѣ, никого не слушавшій, не являвшійся въ церковь долгое время. Побить отца или мать считалось самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Между эпитиміями, налагаемыми на кающихся, кромѣ частныхъ или личныхъ, были и общія для всѣхъ, состоявшія въ томъ, что кающіеся должны были исполнить какія либо работы при церкви и въ усадьбѣ отца, напр. окопать огородъ рвомъ, огородить дворъ плетнемъ, поправить крыши на домѣ или хозяйственныхъ строеніяхъ, а толковые и знающіе—поправить или переложить парканъ при церковномъ погостѣ, поправить дощатую обшивку на наружныхъ стѣнахъ церкви и т. п. Такъ велось изстари и отецъ никогда не измѣнялъ этого обычая, даже послѣ введенія „инвентарей“, которыми возложена на крестьянъ обязанность строить и починять для причта дома и службы на свой счетъ—обязанность, которой отецъ мой никогда не признавалъ, предпочитая эпитимійный способъ или „толоку“ т. е. работу за угощеніе.

Въ частныхъ обрядахъ отецъ свято соблюдалъ старину, не обращая никакого вниманія на указы и запрещенія. Извѣстно, что въ „Московскомъ Требникѣ“, окончательно редактированномъ при

Библиотека "Руниверс"

патр. Никонѣ, принято весьма незначительное количество обрядовъ на разныя случаи въ быту христіанина—изъ той массы ихъ, какая существовала до того времени въ различныхъ редакціяхъ требника въ Греціи, Сербіи, Молдавіи, на Аѳонѣ, въ южнорусской церкви и въ самой Великороссіи. Въ одномъ требникѣ Петра Могилы (1646 г.) имѣется до 48 обрядовъ, не принятыхъ въ никоновскомъ требникѣ. Послѣ возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковію (1839 г.), указомъ св. синода повелѣно отобрать у всѣхъ церквей богослужебныя книги старыхъ мѣстныхъ изданій и замѣнить ихъ изданіями московской редакціи. Отецъ не подчинился этому указу въ отношеніи требника. У него свято хранилось какое-то старинное изданіе требника безъ заглавнаго листа и, кромѣ того, писанныя молитвы на разные случаи. Жучокъ появился въ поляхъ—есть обрядъ, отецъ отправляется въ поля и служитъ молебенъ объ избавленіи отъ жучковъ. Моръ на скотъ въ деревнѣ —есть обрядъ, сгоняютъ со всей деревни скотъ, отецъ служитъ молебенъ объ избавленіи отъ мора, окропляетъ скотъ священною водою. Появилась въ селѣ холера—есть такой обрядъ, отецъ обходитъ съ процессіей вокругъ всей деревни, на четырехъ сторонахъ его служитъ молебенъ и весь путь окропляетъ св. водою. Были молебны „на страждущихъ огневицею“, „противъ огня“ (во время пожара) и т. п. Однимъ словомъ, на всякую повидимому нужду находился обрядъ или молитва [1]). Помню, какъ однажды, прочитывая отцу уніатскія церковныя визиты, хранившіяся въ церкви, я встрѣтилъ въ нихъ указаніе на обычай звонить каждый вечеръ въ

[1]) У весьма многихъ священниковъ я встрѣчалъ потомъ и доселѣ то старинныя православныя, то—чаще всего уніатскія (сдѣланныя по требнику Петра Могилы) изданія требниковъ, то рукописныя сборники молитвъ, которыми они пользовались въ нуждахъ прихожанъ. Это, кажется, вполнѣ извѣстно епархіальнымъ архіереямъ и св. синоду. Остается открытымъ вопросъ: законно или незаконно въ этомъ случаѣ поступаютъ священники? Замѣна всѣхъ редакцій требника никоновскимъ означаетъ-ли запрещеніе непринятыхъ въ немъ обрядовъ, или только предоставленіе ихъ личному благоразумію священника? Кажется, пора рѣшить этотъ вопросъ. Едва-ли церковь рѣшится наложить на нихъ запрещеніе; скорѣе духъ церковный потребуетъ оживленія этой части богослуженія... Въ такомъ случаѣ необходимо пересмотрѣть и исправить эти обряды и молитвы, въ которыхъ по мѣстамъ проглядываютъ предразсудки и глубокое невѣжество.

Библиотека "Руниверс"

колоколъ, дабы прихожане во всѣхъ домахъ прочитали: *Богородице Дѣво, радуйся...*,—обычай впервые установленный въ приходѣ уніатскою властію по примѣру римско-католическихъ церквей. Отецъ, весьма дорожившій этимъ сохранившимся въ приходѣ обычаемъ, но ненавидѣвшій уніатовъ, крайне изумился этому указанію, но затѣмъ рѣшилъ, что уніатскій визитаторъ вретъ, а вѣроятно уніатскій священникъ, о которомъ визита отзывается, какъ о пьяницѣ, нерадящемъ о добрыхъ обычаяхъ въ приходѣ, опустилъ и этотъ обычай,—что у его отца звонили, во всѣхъ православныхъ приходахъ издавна звонили... Звонъ остался по прежнему... Также разсуждалъ онъ и о обливаніи при крещеніи и крестилъ чрезъ обливаніе, „по старому, а не по новому“ (чрезъ погруженіе), какъ онъ выражался.

Послѣ литургіи почетные прихожане изъ церкви шли къ отцу въ домъ „на молитву“. Въ комнатѣ, носившей громкое названіе „покоя“, былъ глиняный полъ, „канапка“, покрытая ковромъ домашней работы, шесть простыхъ стульевъ, такой-же столъ, впослѣдствіи къ нимъ прибавился комодъ и маленькій столикъ. Мебели немного! За то иконъ было немало, на всѣхъ стѣнахъ, всѣ въ натуральную величину, на полотнѣ, такъ что „покой“ походилъ на молельню или часовню. На столѣ уже заранѣе приготовлены были водка, хлѣбъ, масло, пироги. Отецъ громко прочитаетъ молитву Господню, поблагословитъ „ястіе и питіе“, наливаетъ рюмку водки и, обращаясь къ ближайшему гостю, говоритъ: „дай Боже здоровья“! затѣмъ обращается ко всѣмъ присутствующимъ, произнося: „дай намъ, Боже, здоровья“! выпиваетъ непремѣнно до дна, наливаетъ чарку вновь и подноситъ ее тому, къ кому лично обращался съ пожеланіемъ здоровья. Тотъ, принявъ чарку, такимъ-же порядкомъ обращается къ своему сосѣду и ко всѣмъ съ пожеланіемъ здоровья и т. п. Сидѣли, говорили о погодѣ, урожаѣ, о случаяхъ въ деревнѣ, нуждахъ личныхъ и общихъ, панахъ, панщинѣ, вообще о деревенской политикѣ. Словомъ: сопились прихожане у старшаго своего пріятеля и главы и ведутъ рѣчи по душѣ. Поговорили—опять начинали: „дай Боже здоровья“... Иногда и въ третій разъ здоровались. Но дольяна при этомъ никогда не напивались. Это послѣднее случалось только тогда, когда у отца сойдутся два—три пріятеля изъ прихожанъ и застанутъ его безъ дѣла, въ скукѣ и

Библиотека "Руниверс"

тоскѣ, въ которую онъ часто впадалъ съ постепенною перемѣною всѣхъ условій быта въ деревнѣ. Отецъ радъ тогда пріятелямъ. Пойдутъ тоскливыя рѣчи про личное и общее горе, про старыя времена, когда и людямъ было легче, и священникамъ лучше... На столѣ появляется „ястіе и питіе“, рѣчи становятся веселѣе, духъ бодрѣе, чувства несутся, какъ волны—то приливъ, то отливъ; оживленіе, достигши извѣстной степени, вдругъ понижается, снова попли тоскливыя рѣчи. Откуда-то появляется дякъ, всегда чуткій къ подобнымъ собраніямъ у отца и умѣющій вторить чувствамъ его, выступаемъ и мы съ братомъ на сцену и начинается: „Хвалите Господа съ небесъ“... „Излій на мя, Боже“... „Горе мнѣ грѣшнику сущу“... Вдругъ отецъ громко начинаетъ: „Ой, у полі могила“... Въ этой пѣсни соединены были два тяжкія для сердца отца событія въ его жизни: вдовство его и изломанная доля старшаго сына:

Ой, у полі річка,
Черезъ річку кладка,—
Не покидай, козаченьку,
Рідненького батька.
Бо якъ батька покинешь,
То й самъ марне загинешь,
Річенькою быстренькою
На Дунай заплынешь...

Уже на этихъ словахъ голосъ отца дрожалъ, слезы текли изъ глазъ его, онъ употреблялъ усилія, чтобы допѣть послѣдніе стихи:

А вдарився бідный вдовець
Та въ полы руками,—
Дітки мои дрибненькіи,
Пропавѣ-же я зъ вами.

Тутъ отецъ падалъ ничкомъ на „канапку“, долго и громко рыдалъ и всѣ плакали. Эта пѣсня неизмѣнно являлась на сцену и не теряла своего значенія для отца даже тогда, когда „дітки“ давно уже перестали быть „дрибненькими“ и мы съ братомъ были уже „богословами“, а сестра невѣстою...

Безъ сомнѣнія, что отецъ бывалъ въ гостяхъ у своихъ прихожанъ и не только на поминкахъ, но и безъ всякаго повода, по

Библиотека "Руниверс"

пріязни, и неразъ возвращался изъ гостей хмѣльной. Когда мы съ братомъ были уже „богословами“ и достаточно уже полированы были семинарщиною, мы иногда вступали съ отцомъ въ препирательство на счетъ подобнаго братанья съ „мужиками“. Отецъ очень сердился на насъ въ подобномъ случаѣ и бранилъ „новыхъ“ священниковъ за отчужденіе отъ „мужика“. „Со мною, говаривалъ онъ, мужикъ выпьетъ и Бога не забываетъ, а безъ меня сойдутся —напьются какъ свиньи, дерутся, сквернословятъ, въ корчму идутъ... Мужикъ пьетъ не изъ роскоши, но по трудахъ или съ горя. Не пить ему нельзя, но нужно беречь его, чтобъ не пропивался“... Конечно, это не были принципы, изъ которыхъ возникали отношенія моего отца къ прихожанамъ, но оправданіе непонятной для него и неумолимой силы старины, воспитавшей такія отношенія и поставившей священника фактическимъ и единственнымъ въ то время руководителемъ народной нравственности. Теперь не то, теперь и и писарь, и старшина, и посредникъ, и мировой судья, и становой —все опекуны народа, всякій скажетъ: „не ваше, батюшка, дѣло мѣшаться въ крестьянскія дѣла“... Прежде было другое; погрозитъ бывало развѣ становой, да всѣ *люди* знаютъ, что это онъ—„съ дуру“ да и пріѣдетъ онъ въ село разъ—два въ году, чтобы сдѣлать честь „пану“, взять съ него „получку“, а старыя отношенія въ селѣ продожали царить по прежнему. Вотъ бывало ночью гдѣ-то на селѣ слышенъ крикъ, шумятъ, бушуютъ. Отецъ тотъ часъ посылаетъ дяка, старосту—немедленно прекратить шумъ. Слышны пьяныя пѣсни, хохотъ, пьяное веселье—опять командируется староста, дякъ, сторожъ церковный съ прибавленіемъ: „скажите, что, если не послушаются, самъ приду съ палицею, да котораго нибудь такъ попотчую, что два дня будетъ чесаться“... Приходитъ баба: „ой, батюшка, чоловікъ пье, та мене и дітей убивае“!... Беретъ отецъ палку, кликнетъ дяка, старосту и идетъ—и вѣроятно судъ былъ скорый, правый, хотя и несовсѣмъ милостивый. Диву дался однажды отецъ мой, когда совершенно случайно узналъ, что священникъ по чину то-же, что и капитанъ. Это важное открытіе сдѣлалъ для него братъ жены его, священникъ „изъ философовъ“, кутило и драчунъ, разсказавшій ему при этомъ, какъ онъ заставилъ одного юнкера, чванившагося предъ нимъ своимъ чиномъ, сдѣлать „руки по швамъ“, когда показалъ ему табель о рангахъ въ духовенствѣ, гдѣ священ-

Библиотека "Руниверс"

никъ поставленъ въ одномъ рангѣ съ капитаномъ. Отецъ, никогда не подозрѣвавшій на себѣ чина, да еще такого высокаго, дня два ходилъ совсѣмъ смущенный, повторяя про себя: „капитанъ... капитанъ... то мужикъ уже повиненъ ждать и трепетать у мене передъ крыльцомъ, а не входить въ покои"?.. (такъ внушалъ „философъ" въ силу капитанскаго чина). Но „философскій" соблазнъ скоро прошелъ, и отецъ по прежнему не выходилъ изъ роли „псалтирника" въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ и вспоминалъ о своемъ великомъ чинѣ только въ раздраженіи противъ помѣщика или становаго, самодовольно поговаривая: „не посміе, короткі руки... я—капитанъ"!..

Такъ до конца отецъ остался вѣренъ завѣтамъ старины. Новыя порядки, новыя вѣянія какъ волны наступали на него со всѣхъ сторонъ, но онъ стойко и упрямо отбивался отъ нихъ, сколько хватало у него силъ. Онъ не только не былъ врагомъ новыхъ требованій, но напротивъ благословлялъ имя императора Николая, приписывая ему лично инціативу всѣхъ этихъ требованій, тѣмъ болѣе, что каждое распоряженіе начиналось: „По указу Его императорскаго величества —ская духовная консисторія *слушали*"... Но „слушали" и „приказали" большею частію не походитъ предъ нимъ одно на другое и ему все казалось, что „царь не того хоче, що *приказали*". Онъ слезами радости встрѣтилъ насъ, когда мы, пріѣхавъ на каникулы, показали ему свои виды въ доказательство, что мы „переведены въ богословіе", но онъ почти ни въ чемъ не могъ сойтись съ священниками—„богословами" и чуждался быта ихъ. Онъ радовался установленію „инвентарей", но всегда твердилъ, что съ введеніемъ инвентарей для народа пошло все хуже и для всѣхъ стало невыносимо. Не умѣла старина понять новизны, какъ и новизна съ пренебреженіемъ относилась къ старинѣ. Таковъ ужъ историческій грѣхъ нашихъ реформъ! Новыя отношенія, созданныя введеніемъ инвентарей, всего бѣлѣе подкосили энергію отца. Озлобленные паны дѣлали изъ мухи слона, ждали крестьянскихъ возстаній, рѣзни поляковъ, въ непослушаніи, спорахъ за черту владѣнія, тѣмъ болѣе въ похвальбѣ изъ-за угла видѣли бунтъ, просили о присылкѣ войскъ, и крестьяне жестоко платились за свою полуволю. Священники возбудили противъ себя сильное неудовольствіе со стороны прихожанъ за устраненіе отъ всякихъ объ-

Библиотека "Руниверс"

ясненій инвентарныхъ правилъ и отъ всякихъ ходатайствъ по дѣламъ ихъ предъ помѣщикомъ и предъ властями. Крестьяне не могли вѣрить, чтобы священникамъ запрещены были всякія объясненія по этимъ дѣламъ, потому что на глазахъ ихъ въ церкви имъ вручались исправниками инвентарныя правила, причемъ объявлено было, что за всѣми объясненіями правилъ должно обращаться къ священнику. Нѣкоторые священники уступали напору крестьянъ, но крестьяне отъ этого ничего не выигривали, а смѣльчаки—священники попадали подъ арестъ, на эпитимію, лишались своихъ приходовъ. Новая порода священниковъ хотѣла жить сообразно съ потребностями „образованнаго человѣка“ (капитана?) и, пользуясь инвентарными правилами, возлагавшими на крестьянъ обязанность на свой счетъ строить священникамъ дома и службы, пахать поля, убирать хлѣбъ, требовали постройки домовъ не хуже, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, въ какихъ жили панскіе экономы,—чтобы была передняя, залъ, семейныя комнаты, канцелярія для пріема „мужиковъ“, требовали крестьянъ на работу, а въ случаѣ отказа, обращались къ экономy или помѣщику, который чрезъ своихъ агентовъ заказывалъ по селу: „на панщину до попа“. Въ воображеніи крестьянъ священникъ сталъ рядомъ съ помѣщикомъ—голякомъ! Вмѣсто одной панщины явилось двѣ! Бывали случаи, что крестьянъ пороли на панскомъ дворѣ, да еще иногда при становомъ, за уклоненіе отъ „панщины“ священнику. Отецъ мой, никогда не прибѣгавшій къ панщинѣ, довольствовавшійся все тѣмъ-же домикомъ съ глинянымъ поломъ, все болѣе и болѣе никнулъ въ виду происходившей сумятицы въ отношеніяхъ между священниками и прихожанами и въ цѣлой сферѣ деревни. Оставшись одинокимъ среди новыхъ священниковъ, бодро выносившихъ новый духъ, требованія времени, совершенно замкнувшись въ своемъ приходѣ, онъ и тутъ не находилъ уже покоя. Изъ сосѣднихъ приходовъ толки, настроенія проникали и въ его приходъ и производили подъ-часъ недоразумѣнія. Новые священники критиковали его братанье съ „мужиками“, его воззрѣнія на свои обязанности, на все, чѣмъ онъ жилъ и дышалъ всю жизнь, собственныя дѣти его какъ будто больше льнули на сторону священниковъ—„богослововъ“... Онъ началъ терять увѣренность въ себѣ, быстро сталъ падать въ энергіи и физическихъ силахъ, считалъ себя лишнимъ на свѣтѣ, поджидалъ только жениха

Библиотека "Руниверс"

для дочери, чтобы уступить ему приходъ. Заслышитъ бывало крикъ, шумъ въ деревнѣ, буйное веселіе и крикнетъ: „эй, позовите старосту“. Приходитъ староста; отецъ уже запинается и переводитъ разговоръ на совершенно иной предметъ. Выйдетъ бывало на царскія врата и начнетъ: „що то у насъ, люде добрі, въ селі повелось? Пьянство, распутство... Бога не боітесь уже? Хочете, щобъ я“... и оборвалъ... почешется въ головѣ, махнетъ рукою и спѣшитъ окончить литургію. „Ну ихъ, потомъ объясняетъ намъ, скажутъ еще, что вмѣшиваюсь въ дѣла крестьянъ, еще на эпитимію пошлютъ“... Какъ дубъ, подточенный въ корняхъ, повалился этотъ послѣдній представитель старины въ своемъ околоткѣ.

Въ 1853 году отецъ уступилъ свой приходъ зятю, а чрезъ два года скончался.

N.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко,

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

(1831—1861 г.).

Я лично не зналъ Шевченка и въ первый разъ узналъ о немъ весною памятнаго 1847 года; въ то время я находился въ Петербургѣ, въ учебномъ заведеніи, и на праздникъ былъ отпущенъ къ брату, служившему въ Петербургѣ. Отъ брата я узналъ, что сестра моя, въ борзенскомъ уѣздѣ (черниг. губ.), вышла замужъ за малороссійскаго писателя Кулиша, что на свадьбѣ былъ малороссійскій поэтъ Шевченко—въ „боярахъ“ и въ числѣ прочихъ подписался на письмѣ къ моему брату. Я видѣлъ это письмо и помню подпись крупными буквами: „бояринъ Т. Шевченко“. Вскорѣ за тѣмъ я познакомился съ стихами Шевченка; первые, слышанные мною, были слѣдующіе изъ „Тарасовой ночи“:

На роспутті кобзарь сидить
Та на кобзі грає;
Круг̀омъ хлопці та дівчата,
Якъ макъ процвітає...

Затѣмъ слышалъ нѣкоторые стихи изъ „Посланія до земляківъ“. Стихи Шевченка произвели на меня очень сильное впечатлѣніе; они глубоко запали тогда въ мою, еще дѣтскую, душу...

Года черезъ три послѣ моего перваго знакомства съ произведеніями Шевченка, судьба привела меня на родину, въ родительскій домъ. На родинѣ я много наслышался о Шевченкѣ, который (въ началѣ 1847 г.) бывалъ у моей матери и у многихъ родныхъ въ Борзенщинѣ; всѣ, видѣвшіе его, о немъ хорошо помнили.

Я очень жалѣю, что тогда не записывалъ разсказовъ о Шевченкѣ; да и до послѣдняго времени я ничего не записывалъ о немъ. Думалось, что, такъ какъ очень многіе знали его лично, поль-

Библиотека "Руниверс"

зовались его дружбою или знакомствомъ и находились съ нимъ въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ, то они, эти многіе, и припомнятъ *многое* о Шевченкѣ, напишутъ и передадутъ въ печать. Но, къ сожалѣнію, вышло не такъ: изъ числа пяти „соузниковъ" Шевченка, которымъ онъ посвятилъ два стихотворенія [1]), въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ, протекшихъ со дня кончины Тараса Гр., только одинъ Н. И. Костомаровъ напечаталъ свои воспоминанія о немъ [2]), да другой, П. А. Кулишъ, написалъ о немъ въ свое время десятокъ строчекъ, и очень недавно, изъ личныхъ воспоминаній о Шевченкѣ, огласилъ одно, доселѣ никому неизвѣстное обстоятельство изъ жизни какъ Шевченка, такъ и своей собственной и одной своей знакомой украинки, поклонницы Шевченка [3]). Изъ числа немалочисленныхъ товарищей Шевченка по академіи художествъ только два, О. И. Пономаревъ [4]) да М. О. Микѣшинъ [5]), напечатали свои воспоминанія о немъ; а изъ многочисленнаго круга личныхъ давнихъ пріятелей Шевченка одинъ лишь А. Афанасьевъ-Чужбинскій посвятилъ памяти Шевченка свои воспоминанія [6]).

---

[1]) Одно, написанное 30 мая 1847 г., «Сидючи въ неволі», и другое, озаглавленное «Моимъ соузникамъ», написаное во второй половинѣ 1847 г.

[2]) «Воспоминанія о двухъ малярахъ». «Основа», 1861 г., IV; собственно о Шевченкѣ, стр. 48—56; «Письмо» (воспоминанія о знакомствѣ съ Шевченкомъ). «Рус. Старина», 1880, III, стр. 597—610; «Воспоминанія о Шевченкѣ», написанныя 5 декабря 1875 г., Спб., и напечатанныя въ пражск. изд. «Кобзаря», 1876 г., т. I, стр. XIII—XXIII.

[3]) Въ статьѣ: «Переглядъ українськихъ книжокъ», «Основа», 1862 г. I, отд. библіогр., стр. 60—1; друг. ст. въ газетѣ «Трудъ» 1881 г., № 26-й.— Писалъ о Шевченкѣ и третій «соузникъ» Вас. М. Бѣлозерскій; но статья его: «Значеніе Шевченка для Украины», «Проводы тѣла его въ Украину изъ Петербурга» и отъ редакціи «Основы», помѣщенныя въ ней за 1861 г., VI, стр. 1—38,—не составляютъ *воспоминаній о Шевченкѣ*.

[4]) «Воспоминанія» о пребываніи Шевченка въ академіи художествъ въ 1830—1840-хъ годахъ. «Рус. Старина», 1880 г., III, стр. 587—596.

[5]) «Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ», «Пчела», 1876 г., № 16.

[6]) «Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ», въ «Рус. Словѣ» за 1861 г. и отдѣл. оттискъ, in 8, 39 стр.—Въ печатавшихся въ «Рус. Старинѣ» 1876 г. «Воспоминаніяхъ» Т. П. Пассекъ есть замѣтки о Шевченкѣ, относящіяся къ первому періоду его литературной дѣятельности и ко времени возвращенія его изъ ссылки. Нашлись и такіе «друзья» Шевченка, которые соглашались написать свои воспоминанія о немъ, *по заказу*, и при томъ за условную и очень высокую

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ воспоминаній о Шевченкѣ его давнихъ друзей и товарищей, были напечатаны и воспоминанія лицъ, знавшихъ его лично въ послѣдніе годы его жизни; изъ нихъ упомянемъ Л. М. Жемчужникова [1]), И. С. Тургенева и Полонскаго [2]); а также А. М. Лазаревскаго, который хотя и не печаталъ своихъ воспоминаній о Шевченкѣ, но собралъ и напечаталъ матеріалы для его біографіи [3]).

Изъ лицъ, не знавшихъ лично Шевченка, интересныя и новыя біографическія свѣдѣнія о немъ собрали и напечатали: М. К. Чалый [4]) и В. П. Масловъ [5]).

Вотъ, кажется, и все, что было напечатано до сихъ поръ изъ воспоминаній о Шевченкѣ. Итогъ очень скромный, слишкомъ невеликій для такого великаго человѣка, какъ Т. Г. Шевченко: всего нашлось десять лицъ, напечатавшихъ свои личныя воспоминанія о немъ! Печально...

Теперь приступлю къ изложенію всего, что мнѣ случалось слышать отъ разныхъ лицъ, лично знавшихъ Шевченка.

О Шевченкѣ въ Варшавѣ.

Шевченко, въ сороковыхъ годахъ, разсказывалъ малорусскому поэту тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Виктору Николаевичу Забѣлѣ (жившему въ хуторѣ около Борзны, † 1869 г.), что когда его, какъ крѣпостнаго дворового, вели зимою по этапу, изъ Варшавы въ Петербургъ, то у него порвался одинъ сапогъ, такъ что

плату, такъ что пришлось отказаться отъ такихъ—заказныхъ и мотивированныхъ «воспоминаній».

[1]) «Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе», «Основа», 1861 г., III, стр. 1—21.

[2]) Ихъ воспоминанія напечатаны въ пражск. изд. «Кобзарь», 1876 г., т. I, стр. III—XIV.

[3]) «Матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченка», «Основа», 1862 г. III, стр. 1—10.

[4]) «Новые матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченка», «Основа», 1862 г., V, стр. 45—61, и VI, стр. 1—27.

[5]) «Т. Г. Шевченко, біографическій очеркъ». М. 1874 г., 56 страницъ. Заключаетъ, между прочимъ, неизвѣстныя въ печати свѣдѣнія о жизни Шевченка въ оренбургскомъ краѣ, сообщенныя А. И. Макшеевымъ, знавшимъ лично Шевченка.

Библиотека "Руниверс"

отпадала подошва, и Шевченко, чтобъ не отморозить ноги, вынужденъ былъ перемѣнять сапоги, надѣвая на время цѣлый сапогъ на мерзнувшую въ дранномъ сапогѣ ногу; эти остановки надоѣли этапнымъ солдатамъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ Шевченка по шеѣ. Это можетъ относиться къ 1831 году, когда Шевченко находился въ Варшавѣ и былъ удаленъ, въ числѣ прочихъ русскихъ, по распоряженію польскаго революціоннаго правительства.

О Шевченкѣ въ Кіевѣ.

Вас. Вас. Тарновскій—отецъ († въ 1865 г.) разсказывалъ мнѣ, что у него въ сороковыхъ годахъ, въ Кіевѣ, бывали литературные вечера, которые посѣщали П. И. Костомаровъ, Вас. Мих. Бѣлозерскій и другіе друзья и знакомые Тарновскаго, и въ числѣ ихъ и Шевченко. Однажды пришелъ онъ и прочиталъ только что написанное имъ извѣстное „Посланіе до земляківъ". Общее содержаніе этого произведенія и въ особенности тѣ мѣста, гдѣ говорится о козацкихъ гетманахъ, которыхъ Шевченко первый понялъ и выставилъ въ ихъ истинномъ видѣ, произвело на всѣхъ присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе: съ этого момента поклоненіе ясневельможнымъ и представленіе ихъ героями-рыцарями, рушилось... Слово Шевченка низвело ихъ съ пьедесталовъ и поставило на надлежащія мѣста.

Алексѣй Флоров. Сенчило-Стефановичъ, бывшій иконописнымъ живописцемъ и учителемъ рисованія въ кіево-подольскомъ училищѣ, въ 1840—60-хъ годахъ (родомъ изъ Нѣжина), былъ большимъ пріятелемъ Шевченка. О пребываніи Шевченка въ Кіевѣ (въ 1855—6 г.) онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: 1) Шевченко любилъ съ нимъ кататься по Днѣпру въ лодкѣ, и тогда они распѣвали одну изъ любимѣйшихъ пѣсень Шевченка.

Та по тімъ боці, та на толоці
Цвіте горошина,
А въ дівчини та чорніи брови,
Якъ у Волошина.

2) они участвовали въ учено-археологической экскурсіи и разрывали могилу Перепетиху. У Сенчилы былъ рисунокъ масляными красками, представлявшій эту могилу въ разрѣзѣ, нынѣ принадлежащій

Библиотека "Руниверс"

В. Б. Антоновичу. Не эти-ли раскопки навели Шевченка на мысль написать нѣсколько стихотвореній о могилахъ?

Сенчило велъ переписку съ Шевченкомъ, и у него было до двадцати писемъ отъ Шевченка (недавно утерянныхъ); письма были юмористическія; въ одномъ Шевченко писалъ: „Коли бъ васъ у Петербургъ выписать, дакъ тамъ васъ зробили бъ товкачемъ або підтовкачемъ".

О пребываніи Шевченка въ борзенск. уѣздѣ, черн. губ.

Въ борзен. у. онъ гостилъ въ Качановкѣ у Григ. Степ. Тарновскаго, у котораго собирались литераторы, художники: кромѣ Шевченка, Забѣла, Глинка; онъ также бывалъ у В. Н. Забѣлы (въ окрести. Борзны), а въ генварѣ 1847 г., приглашенный П. А. Кулишемъ и Вас. М. Бѣлозерскимъ, въ качествѣ шафера Кулиша, остановился у В. Н. Забѣлы, а по временамъ проживалъ у Н. Д. Бѣлозерскаго и Ел. Ник. Бѣлозерской въ хут. Николаевѣ подъ Борзною и гостилъ въ семействѣ Сребдольскихъ въ хуторѣ Сорокѣ подъ Борзною, въ хут. Мотроновкѣ, тоже подъ Борзною; а въ Борзнѣ бывалъ у Над. Ник. Забѣлиной и стряпчаго Д. М. Щербины. Гостивши у борзенцевъ, онъ услаждалъ ихъ слухъ своимъ очаровывающимъ пѣніемъ и забавлялъ юмористическими анекдотами. Въ это время онъ снялъ нѣсколько портретовъ въ небольшомъ видѣ, карандашемъ: съ В. Н. Забѣлы, съ Ю. Г. Сребдольской два, съ мальчика К. И. Бѣлозерскаго. Всѣ три портрета сохранились. 22 генв. 1847 г. въ вознесенской церкви села Оленовки онъ держалъ вѣнецъ во время вѣнчанія П. А. Кулиша съ одною изъ моихъ сестеръ, былъ въ „боярахъ". Когда „молодые" пріѣхали отъ вѣнца въ хут. Мотроновку, то Шевченко, подходя съ поздравленіемъ къ невѣстѣ, въ подражаніе одной колядкѣ, воскликнулъ: „Чи ти царівна, чи королівна?" На что женихъ, отшучиваясь, отвѣчалъ ему народною поговоркою: „На чужый коровай очей не порывай да собі дбай!" Шевченко очень дорожилъ тою „квіткою", которую „молода" пришпилила ему къ сюртуку. У брата моего, въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ хранилось письмо къ брату, въ которомъ, въ числѣ подписей разныхъ лицъ, бывшихъ на свадьбѣ, была и подпись „боярина Т. Шевченка". По видимому Шевченко въ Борзенщинѣ го-

Библиотека "Руниверс"

стилъ долго, и 28 генв., съ его словъ, въ Мотроновкѣ были записаны три изъ числа любимѣйшихъ его пѣсень.

Мою мать († 1857 г.) въ особенности очаровывалъ Шевченко своимъ пѣніемъ: ходитъ бывало по залѣ, заложивши руки назадъ, опустивши внизъ думную голову; шея завязана шарфомъ; выраженіе лица грустное; голосъ тихій и тонкій; мать, бывало, плачетъ отъ его пѣсень. Вотъ его любимѣйшія тогда пѣсни:

1) *Ой изійди, зійди, ты зіронько та вечірняя!*

2) *У Кііві на ринку, пьють чумаки горілку...*

3) *Ой горе, горе, який я вдався, брів через річеньку та й не омывався...*

4) *Де-жъ ты доню, барилася, барилася?—На мельника дивилася, дивилася.*

Этимъ пѣснямъ онъ научалъ и моихъ сестеръ, и мать, бывало, сердится на него за послѣднюю, считая ее неприличною.

П. А. Власенко припоминаетъ, какое сильное впечатлѣніе Шевченко производилъ на слушателей своимъ пѣніемъ; Шевченко гостилъ у Сребдольскихъ и въ будуарѣ одной изъ дѣвицъ Сребдольскихъ, въ присутствіи П. Д. Бѣлозерскаго, человѣка очень суроваго, запѣлъ: и этотъ невозмутимый старикъ заплакалъ... О пѣніи Шевченка вспоминаетъ М. А. Максимовичъ (Собр. сочин., I, стр. 529) и В. П. Масловъ („Біографич. Очеркъ", стр. 54 и 49).

Къ числу любимѣйшихъ пѣсень Шевченка принадлежала и про Морозенка.

Изъ стихотвореній Шевченка, положенныхъ на голосъ, любимѣйшими въ борзенскомъ уѣздѣ, въ 1850—60-хъ годахъ были слѣдующія:

1) *На що мені чорні брови,*
На що карі очи;
2) *Тяжко—важко въ світі жити*
Сироті безъ роду.

Есть юмористическое посланіе „до Тараса", въ стихотворной формѣ, В. П. Забѣлы, въ которомъ тотъ упрекаетъ Шевченка въ томъ, что онъ, обѣщавши пріѣхать къ Забѣлѣ погостить, не исполнилъ своего обѣщанія. Оно находится у И. И. Бѣлозерскаго.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1847 г., на разставаніи съ Забѣлою, Шевченко подарилъ ему свой картузъ и какой-то растительный порошокъ зеленоватаго цвѣта для приготовленія „лікарствéнної“ настойки. Какъ картузъ, такъ и настойку съ осадкомъ отъ порошка на днѣ полуштофа Забѣла хранилъ у себя до своей кончины (1869 г.).

У того-же Забѣлы хранились (въ 1861 г.): мужская сорочка, пошитая сестрою Шевченка, Ориною, изъ конопель ею воздѣланныхъ и пряденыхъ, а также письмо отъ Варѳоломея Шевченка къ Тарасу. Этотъ Варѳоломей посѣщалъ Забѣлу въ Борзнѣ въ 1860-хъ годахъ.

Шевченко въ Седневѣ и его арестъ.

По словамъ покойнаго Анд. Ив. Лизогуба (въ 1856 г.), Шевченко часто проживáлъ у него и брата его Ильи Ивановича; помѣщался въ особомъ флигелѣ, который называлъ „малярнею“: это, кажется, и была извѣстная „камъяпйця“, съ намалёваннымъ запорожцемъ на дверяхъ. Тамъ Шевченко „малёвавъ“, а по ночамъ кутилъ съ Лизогубовскою прислугою. Къ обѣду рѣдко выходилъ.

Когда Шевченко послѣдній разъ выѣзжалъ изъ Седнева (весною 1847 г.), то Андр. Ив. Лизогубъ умолялъ его не брать съ собою бумагъ, а оставить у него. Шевченко ни за что не хотѣлъ разстаться съ портфелемъ. Вскорѣ полиція разыскивала Шевченка въ Седневѣ у Лизогубовъ и въ с. Бѣгачѣ (городищ. уѣзда, въ 4-хъ верстахъ отъ Седнева) у кн. К—ва, гдѣ Шевченко часто гостилъ у старика—князя.

Бывши въ Седневѣ у Лизогубовъ въ 1856 г., я видѣлъ на стѣнѣ дома ихъ очаровательной виллы нѣсколько картинъ работы Шевченка. Андрей Ивановичъ показывалъ мнѣ, помнится, пять собственноручныхъ писемъ къ нему отъ Шевченка, писанныхъ въ 1847 и 1848 г.; на одномъ едва былъ замѣтенъ, счищенный резинкою рисунокъ карандашемъ. На немъ Тарасъ—въ солдатскомъ мундирѣ, и его унтеръ-офицеръ колотитъ тесакомъ, а внизу надпись: „оттакъ тобі“! Рисунокъ и надпись были стерты, по всему вѣроятію, начальствомъ Шевченка, такъ какъ письма его проходили черезъ ихъ цензуру.

Объ арестованіи Шевченка я слышалъ слѣдующіе разсказы въ Черниговѣ (1851 г.), Кіевѣ (1856 г.) и Борзнѣ (1881 г.): когда

Библиотека "Руниверс"

на поромѣ подъ Кіевомъ замѣтили присутствіе полиціи, наблюдавшей за Шевченкомъ, то, будто, артиллерійскій офицеръ С—а предлагалъ Шевченкѣ столкнуть его чемоданъ въ Днѣпръ; но Шевченко отвергъ это предложеніе: „не треба; нехай забирають". Затѣмъ Шевченко и С. были арестованы. Въ Борзнѣ-же я недавно слышалъ, будто Шевченко сбросилъ свой чемоданъ въ Днѣпръ.

Одинъ жандармскій офицеръ, порутчикъ Тѣльновъ, сидѣвшій весною 1847 г. въ 3-мъ отд. подъ арестомъ, сообщилъ мнѣ (весною 1851 г.): что онъ тамъ видѣлъ стоявшаго у окна Шевченка; Тараасъ былъ одѣтъ въ бѣлый костюмъ, стоялъ грустный и чуть напѣвалъ какую-то грустную украинскую пѣсню.

Во время пребыванія въ академіи художествъ, Шевченко бывалъ въ домѣ у извѣстнаго ветерана-инвалида Скобелева, бывшаго въ то время командиромъ петропавловской цитадели, и дарилъ старику картины своей работы. Когда Шевченка арестовали, то старикъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о немъ и называлъ его „неблагодарнымъ".

Шевченко въ ссылкѣ.

Изъ ссылки онъ писалъ письма къ В. Н. Забѣлѣ. Эти письма были сохраняемы Забѣлою; но едва ли Забѣла отвѣчалъ на нихъ Шевченку. Тогда, по поводу катастрофы 1847 г. и обысковъ, всѣ въ провинціи находились подъ такимъ страхомъ и трепетомъ, что и помышлять не смѣли о перепискѣ съ Шевченкомъ. Тогда-то погибла масса писемъ, книгъ съ надписями, рукописей и драгоцѣннаго историческаго и этнографическаго матеріала, сожженнаго или закопаннаго въ землю.

Въ 1852 г. въ Черниговѣ носились слухи о смерти Шевченка. Мѣстные поэты написали нѣсколько плохихъ стихотвореній, посвященныхъ его памяти. Тетради съ его стихотвореніями ходили по рукамъ между гимназистами и особенно между панночками: большею частію, это были стихи, переписанные изъ печатнаго.

Шевченко на свободѣ—въ Петербургѣ.

23 генваря 1859 г. Шевченко познакомился съ М. А. М—чь; Шевченко отъ автора „Народныхъ оповідань" былъ въ неописанномъ восторгѣ. 24 генваря онъ повидался съ А. М. Кулишъ, у

Библиотека "Руниверс"

которой ровно 12 лѣтъ назадъ былъ въ „бояракъ“: восторгъ былъ большой; Шевченко заплакалъ при свиданіи. Затѣмъ пѣлъ, но мало. Отъ „золота“ (жена М. А. М—ча) былъ въ восторгѣ: „Колибъ така у мене була жінка—повінчався бъ да й умеръ“. Земляки изъ Борзенщины прислали Шевченку сала и наливокъ.—Около половины марта 1859 г. К—бей заказалъ Шевченку написать четыре картины масляными красками, за что назначилъ 4 т. руб. сер. Помню два сюжета для этихъ картинъ: одинъ—„*якъ русалки місяць ловлять*“, а другой про Сомка Мушкета:

А Сомко Мушкетъ на конику та й не виправе,
Коня здержуе, до себе притягуе...
Думае—гадае...
Ой щобъ сто чортівъ вбили ту ёго думу та гаданне...

Живя въ Петербургѣ, Шевченко любилъ посѣщать трактиръ около биржи, въ которомъ собирались матросы съ иностранныхъ кораблей: голландцы, англичане и другіе и въ который, поэтому, очень рѣдко заглядывала полиція. Всегда тихій и кроткій, Шевченко, подпивши, приходилъ въ страшно-возбужденное состояніе, бранилъ все, и старое и новое, и со всего размаху колотилъ кулакомъ по столу. Очевидцы сообщали мнѣ, что подобныя „сцены дѣлалъ“, въ Венеціи, великій зоологъ Бремъ.

Однажды встрѣтили въ Петербургѣ подгулявшаго Шевченка, шедшаго съ такимъ-же Якушкинымъ подъ руку; они взаимно поддерживали другъ друга. Шевченко, обращаясь къ встрѣтившемуся съ ними знакомому и усмѣхаясь, сказалъ: „Поддержаніе народности“.

Шевченко въ Кіевѣ.

Т—скій разсказывалъ, что, бывши въ 1859 г. лѣтомъ въ Кіевѣ, Шевченко останавливался у Сенчилы, на Подолѣ. Приходитъ студентъ и застаетъ Шевченка, пожирающаго редьку; студентъ стремится облобызать Тараса; Шевченко, усмѣхаясь, отклоняется: „Бачите, діломъ занятъ“. Онъ былъ одѣтъ въ парусинное пальто и такіе-же панталоны, шляпу имѣлъ бѣлую пуховую и сильно поношенные сапоги.

Библиотека "Руниверс"

Смерть Шевченка, перевозъ тѣла и погребеніе въ Каневѣ.

Когда въ Петербургѣ, при выносѣ тѣла Шевченка изъ церкви, хотѣли поставить гробъ на дроги, то молодежь не допустила; понесли на рукахъ, смѣняясь. Народу тысячи полторы было—не чорнаго, не любопытныхъ зрителей, а людей интеллигентныхъ, уважавшихъ въ Шевченкѣ поэта и человѣка. Многіе навзрыдъ рыдали; за одного юношу просто боялись... Дамы свѣжими цвѣтами забросали, студенты принесли лавровый вѣнокъ... Сколько рѣчей было сказано!.. А какое у него прекрасное свѣтлое выраженіе лица было. Усе хотілось сказать: „Огляньсь, голубе ты нашъ, да встань! Годі уже насъ морóчить, томúть! Ты живъ, не вмеръ ще!“... Первоначально было предположено поручить провожаніе тѣла въ Каневъ художнику Мокрицкому да А. М. Лазаревскому. День для отправки былъ назначенъ 26 апрѣля, а 27 апр. въ память Шевченка предположено было дать въ Петербургѣ концертъ, а сборъ употребить на содержаніе бѣднаго студента. (Изъ современ. письма отъ очевидца).

Покойный Мих. Матв. Лазаревскій сообщилъ мнѣ, что когда разрыли могилу Шевченка въ Петербургѣ, для перевозки тѣла въ Украйну, то вскрывали и гробъ: тѣло въ теченіе двухъ мѣсяцевъ нисколько не измѣнилось, но покрылось плѣсенью. Въ Москвѣ гробъ Шевченка стоялъ за городомъ, на дворѣ какого-то столяра, среди кучъ стружекъ; стеченіе публики было значительное.

Въ Орлѣ гробъ встрѣчали ученики гимназіи; полковой хоръ игралъ похоронный маршъ, скомпонованный капельмейстеромъ изъ пѣсни: „Не ходи Грицю на вечерниці“. Тѣло было съ торжествомъ проведено за городъ.

Въ Борзенщинѣ Шевченко былъ очень хорошо извѣстенъ даже между мало-мальско образованными людьми, какъ поэтъ, пѣвецъ и рисовальщикъ; но среди просвѣтителей дѣтей оказался служитель министерства *народнаго просвѣщенія*, который даже не слыхивалъ имени Шевченка. Когда въ маѣ 1861 г., въ Борзнѣ, приготовлялись къ торжественной встрѣчѣ тѣла Шевченка, В. Н. Забѣла особенно суетился; на улицѣ къ нему подошелъ старикъ учитель уѣзднаго училища, С—кій [1]) и обратился къ Забѣлѣ съ слѣдующими

[1]) О немъ вспоминается въ «Незабудкахъ» Кулиша.

Библиотека "Руниверс"

распросами: „Дакъ кого се везтимуть у свиньцёвому гробі?“—Шевченка, отвѣчалъ Забѣла.—„Хто вінъ такий?“—Коваль.—„Дакъ за що ёго везтимуть такъ далеко?“—За те, що добре ковавъ.—Учитель и ротъ разинулъ отъ удивленія: „А—а!“...

Въ Борзнѣ на ночь гробъ былъ поставленъ на „цвинтарі“ рождественской церкви.

Въ с. Оленовкѣ, борзенскаго уѣзда, была панихида, которую отправляли два священника обѣихъ олеповскихъ церквей; за гробомъ дівчина несла „капу́нъ“. Гробъ сопровождали: художникъ Гр. Н. Чистаховскій и А. М. Лазаревскій. Первый заносилъ въ свой альбомъ картины проводъ тѣла Шевченка, сцену на цвинтарі оленовской церкви, несеніе за гробомъ „калуну“, и проч. Гробъ провожали далеко за село. Въ одномъ лѣсномъ хуторкѣ былъ обѣдъ для народа; въ числѣ бывшихъ на обѣдѣ находились лица изъ бывшей компатной прислуги Б—хъ, хорошо помнившіе Шевченка, гостившаго въ 1847 г. въ х. Мотроповкѣ.

Въ Нѣжинѣ встрѣча была особенно-торжественная: на встрѣчу вышли всѣ цеховые со значками, лицеисты и гимназисты.

Въ Кіевѣ встрѣча была на шоссейномъ мосту; лошадей выпрягли и гробъ повезла публика. Въ это время черезъ мостъ переѣзжалъ черниговскій архіерей, извѣстный писатель, Филаретъ Гумилевскій; выйдя изъ экипажа, онъ благословилъ прахъ Шевченка. По прибытіи въ городъ, гробъ поставили въ рождественской церкви на Подолѣ; на него была положена масса вѣнковъ; но вотъ вошла дама въ траурѣ и положила терновый вѣнокъ:

вѣнецъ терновой,
увитый лаврами, надѣла на него.

Это произвело сенсацію; полиція убрала этотъ вѣнокъ. Изъ Кіева до Канева гробъ везли на пароходѣ.

Могилу надъ гробомъ Шевченка высыпали въ нѣсколько дней; работали 17 человѣкъ и въ числѣ ихъ В. Н. Забѣла. Съ этой картины была снята фотографія. Забѣла поминалъ Шевченка тою настойкою, порошокъ для которой далъ ему Шевченко въ 1840-хъ годахъ.

Впослѣдствіи народъ ходилъ на могилу Шевченка для исцѣленія отъ лихорадокъ и другихъ болѣзней. Кіево-подольскія базарныя

Библиотека "Руниверс"

торговки, „сидухи“, на рынкѣ около Братства, хорошо помнившія Шевченка съ 1840-хъ годовъ, разсказывали, что люди видѣли Шевченка, послѣ его погребенія, ѣздившаго по Подолу „на білімъ коні“. Нѣкоторые польскіе паны и „недоляшки“ распустили слухъ, что въ могилѣ Шевченка были закопаны ножи для истребленія паповъляховъ; вслѣдствіе ихъ настоянія, будто-бы, была поставлена у Тарасовой могилы стража!

О портретахъ и рисункахъ Шевченка, и проч.

На одномъ экземплярѣ „Украины“ Кулиша, 1843 г., рукою Кулиша былъ начерченъ портретъ спящаго Шевченка; по словамъ Кулиша, портретъ былъ непохожій. Я видѣлъ его въ 1850 г. на экземплярѣ книги библіотеки Кулиша.

У Кулиша былъ тогда-же въ копіи небольшой рисунокъ Шевченка—„гайдамака Галайда зъ свяченымъ, надъ Дніпромъ“.

У И. И. Бѣлозерскаго находится собственноручный портретъ Шевченка тушью или сепіей, замѣчательный тѣмъ, что изображаетъ Тараса у бороді!

Слышалъ, что стихотвореніе Шевченка: „Випьешь чарку, стрепенешся“ было написано имъ въ шинку углемъ, на стѣнѣ.

Н. Бѣлозерскій.

20 августа 1882 г.
Хуторъ Зрубъ.

Библиотека "Руниверс"

Путевыя замѣтки Н. Д. Иванишева

(бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммисіи, ректора и профессора кіевскаго университета).

Дѣятельность Н. Д. Иванишева въ области собиранія и научной разработки письменныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи юго-западной Руси, достаточно извѣстна всякому. Со времени учрежденія въ Кіевѣ археографической коммисіи въ 1843 году, покойный Иванишевъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ принималъ самое дѣятельное участіе въ ученыхъ ея занятіяхъ —сначала въ должности дѣлопроизводителя и редактора юридическихъ памятниковъ, затѣмъ—главнаго редактора и, наконецъ, вице-предсѣдателя коммисіи. По его указаніямъ повсюду собирались древніе акты и другіе письменные памятники, производились развѣдки въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, церквей и монастырей юго-западнаго края, предпринимались археологическія раскопки и издавались добытые этими путями научно-историческіе матеріалы. Онъ первый обратилъ вниманіе на значеніе актовыхъ книгъ, какъ важнѣйшаго матеріала для мѣстной исторіи, и указалъ на необходимость собрать эти драгоцѣнные памятники прошлой жизни края въ одно центральное хранилище и тѣмъ предохранить ихъ отъ окончательной гибели, которая угрожала при прежней ихъ разбросанности по всему юго-западному краю и небрежномъ храненіи ихъ въ подвалахъ уѣздныхъ судовъ и другихъ мѣстахъ. По его мысли, кіевская коммисія представила въ 1843 г. въ высшія правительственныя сферы проектъ объ учрежденіи при кіевскомъ университетѣ центральнаго архива, который и былъ открытъ въ 1852 г., одновременно съ учрежденіемъ такихъ-же архивовъ въ Вильнѣ и Витебскѣ. Хранящіеся въ настоящее время въ кіевскомъ центральномъ архивѣ 5,838 актовыхъ книгъ и около полумилліона отдѣльныхъ документовъ

Библиотека "Руниверс"

по справедливости могутъ считаться памятникомъ энергіи и просвѣщенной заботливости ревнителей мѣстной старины, въ числѣ которыхъ наиболѣе почтенное мѣсто должно безспорно принадлежать Н. Д. Иванишеву.

Для розысканія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, Иванишеву неоднократно приходилось лично предпринимать поѣздки въ разныя мѣстности юго-западнаго края. Такъ, въ 1843 г. онъ былъ командированъ для осмотра и описи библіотеки умершаго инфулата Осинскаго, а въ 1850 г. онъ ѣздилъ въ м. Бичаль волынской губ. для открытія рукописей въ куполѣ тамошней церкви, указаніе на что онъ нашелъ въ одномъ древнемъ актѣ. Но всего плодотворнѣе была археографическая экскурсія Иванишева въ 1852 г., къ которой и относится помѣщаемый нами отрывокъ изъ его путеваго журнала. Въ то самое время послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи кіевскаго центральнаго архива и о передачѣ въ оный изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ юго-западныхъ губерній актовыхъ книгъ и старыхъ дѣлъ до 1800 г. Независимо отъ архивовъ правительственныхъ учрежденій, тогдашній кіевскій генералъ губернаторъ Д. Г. Бибиковъ счелъ нужнымъ произвести археографическія розысканія въ архивахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, и возложилъ это порученіе на Иванишева. Въ дѣлахъ археографической коммисіи хранится подлинное предписаніе Бибикова по этому предмету, отъ 5 іюня 1852 г., слѣдующаго содержанія: „Ординарному профессору университета св. Владиміра, статскому совѣтнику, Иванишеву. Въ м. Тульчинѣ, принадлежащемъ графу Михаилу Потоцкому и состоящемъ въ опекѣ, находится значительный частный архивъ. Въ прежнее время весь почти уѣздъ уманскій составлялъ имѣніе графа Потоцкаго, а архивъ его находился въ г. Умани; съ поступленіемъ-же онаго въ казенное вѣдомство, архивъ этотъ перенесенъ въ Тульчинъ и сданъ тамъ въ общій архивъ графовъ Потоцкихъ. Съ наступленіемъ нынѣ вакаціоннаго времени, поручаю вашему высокородію отправиться въ м. Тульчинъ и осмотрѣть тамъ помянутый архивъ. Если въ немъ окажутся какіе либо акты и книги, заслуживающіе вниманія и изданія въ свѣтъ, то таковые получить и представить въ Высочайше учрежденную при мнѣ временную коммисію для разбора древнихъ актовъ, выдавъ въ полученіи росписку, съ обязательствомъ возвратить взятыя бумаги въ совершенной цѣлости, по миновапіи въ нихъ надобности. Администратору имѣній графа Потоцкаго, статск. сов

Библиотека "Руниверс"

Абазѣ, дано предписаніе оказать вамъ въ семъ случаѣ личное содѣйствіе. Кромѣ сего, по доставленнымъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, находятся архивы съ древними актами и бумагами въ слѣдующихъ мѣстахъ; въ могилевскомъ уѣздѣ у наслѣдниковъ пом. Боновскаго; въ проскуровскомъ въ м. Сатановѣ; въ г. Заславлѣ и новоградволынскомъ, въ мѣстечкахъ Корцѣ, Полонномъ и Звягелѣ и ковельскаго у. въ м. Ратнѣ. Поручаю вашему высокородію, по осмотрѣ тульчинскаго архива, осмотрѣть и эти архивы и тоже, если что окажется замѣчательное, получить подъ росписку и представить въ коммисію; о содѣйствіи-же вамъ въ семъ прилагаются предписанія мѣстнымъ земскимъ исправникамъ. Подорожную вы получите изъ моей канцеляріи, а деньги на прогоны по особому распоряженію. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ".

Командировка Иванишева обогатила археографическую коммисію цѣнными пріобрѣтеніями: изъ тульчинскаго архива онъ привезъ болѣе 200 актовъ, а изъ остальныхъ архивовъ 153, да сверхъ того нѣсколько актовыхъ и другихъ книгъ, о которыхъ упоминается въ его запискахъ. Поѣздка эта обратила на себя вниманіе тогдашней печати и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1853 г. появилась о ней подробная замѣтка.

Составленный Иванишевымъ во время этой поѣздки путевой дневникъ очевидно не предназначался имъ къ печати; это—рядъ путевыхъ наблюденій и замѣтокъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, останавливавшихъ почему-либо на себѣ его вниманіе. Кромѣ палеографическихъ и археографическихъ замѣтокъ, имѣющихъ спеціальный интересъ, въ дневникѣ Иванишева разсѣяно множество мѣткихъ бытовыхъ и этнографическихъ наблюденій надъ жизнью и отношеніями, существовавшими въ нашемъ краѣ тридцать лѣтъ назадъ. Не меньшій интересъ представляютъ эти замѣтки и для ознакомленія съ личностью и характеромъ самаго Н. Д. Иванишева, и мы вполнѣ раздѣляемъ справедливое замѣчаніе его біографа, профессора А. В. Романовича-Славатинскаго, что дневникъ этотъ живьемъ рисуетъ предъ нами образъ Николая Дмитріевича съ его обычнымъ юморомъ и склонностью представлять изъ себя лѣниваго, празднаго сибарита, который не прочь покутить и пожуировать. Замѣтимъ, кстати, что г. Романовичъ-Славатинскій, при составленіи своей весьма интересной книги „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева" (С.-Петерб., 1876 г.), пользовался дневникомъ послѣдняго и даже помѣстилъ изъ него небольшія выдержки. Мы рѣшаемся теперь

Библиотека "Руниверс"

напечатать этотъ интересный дневникъ въ болѣе полномъ видѣ, пользуясь автографомъ самого Иванишева, сохранившимся въ числѣ другихъ бумагъ послѣ его смерти.

Путь отъ Кіева до Тульчина не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. Только и обращали на себя вниманіе курганы. Между Васильковомъ и Ксаверовкой находится множество кургановъ, разсѣянныхъ на значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи; они имѣютъ однообразную форму прижатаго конуса, весьма широкаго въ основаніи. Подлѣ самой Ксаверовки находится одинъ изъ такихъ кургановъ, очень удобный для разрытія; онъ находится подъ пашней. Съ дороги за Ксаверовкой виденъ по лѣвую руку, вдали, огромный курганъ между селеніями Пинчуки и Гребенки, на самомъ высокомъ мѣстѣ. Тоже на краю горизонта виднѣются другіе курганы, составлявшіе какъ будто одну телеграфическую линію. Замѣчательно, что за Бѣлою-Церковью кургановъ почти вовсе не замѣтно, кромѣ весьма незначительныхъ, стоящихъ на далекомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Съ того мѣста, гдѣ находится Бѣлоцерковская станція, видны четыре кургана, рядомъ стоящіе, недалеко одинъ отъ другаго. Староста и крестьяне говорили, что эти курганы внутри пустые. На Волыни до сихъ поръ попадаются землянки, состоящія изъ земляпаго вала, покрытаго досками или соломою. Если отпять дерево, то получается курганъ, пустой внутри, называемый въ народѣ „роскопанымъ“.

Не доѣзжая двѣ станціи до Брацлава, видѣлъ мужика съ огромнымъ лишаемъ на груди. Говоритъ, что получилъ отъ перепуга, когда его помѣщикъ хотѣлъ высѣчь. Въ этомъ селѣ живетъ „знахарька“, которая лѣчила его, окатывая шею, грудь и голову свѣжимъ куринымъ яйцомъ, и шептала надъ нимъ. Эта старуха лѣчитъ отъ „пранцівъ“, укушенія бѣшеной собакой и другихъ болѣзней. Тотъ-же мужикъ говорилъ мнѣ, что въ окрестныхъ селеніяхъ есть „знахарі“, заговаривающіе змѣй.

Въ Тульчинъ прибылъ 9 іюня. Архивъ вовсе не оправдалъ ожиданій, которыя можно было имѣть по слухамъ. Акты въ страшномъ безпорядкѣ. Большею частью они заключаютъ въ себѣ частныя дѣла, относящіяся къ имѣніямъ Потоцкихъ и фамилій, находившихся

Библиотека "Руниверс"

съ ними въ сношеніяхъ. Много писемъ важныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ политическихъ дѣлахъ; но они касаются позднѣйшаго времени. Такъ какъ перечитываніе нѣсколькихъ тысячъ этихъ писемъ потребовало-бы много времени, то я далъ архиваріусу Ковальскому инструкцію, и, по мѣрѣ разбора этихъ писемъ, равно какъ и другихъ бумагъ, ускользнувшихъ отъ моего вниманія, будутъ доставляемы свѣдѣнія г. генералъ-губернатору. По 21 іюля я разбиралъ архивъ и выбралъ акты о городахъ, о религіозныхъ отношеніяхъ, о войнахъ Хмельницкаго и другіе, которые при подробныхъ описяхъ будутъ высланы г. генералъ-губернатору.

Въ Тульчинѣ замѣчателенъ палацъ и садъ Потоцкаго. Впрочемъ садъ довольно запущенъ; мѣсто болотистое, требующее большихъ издержекъ. Въ такъ называемомъ французскомъ саду видѣлъ розы, похожія цвѣтомъ на розовый мраморъ; черныя еще не расцвѣли, а желтыя большею частью объѣдены червями. Есть виноградъ и абрикосы, но абрикосовыя деревья распластаны на стѣнѣ такъ-же, какъ и виноградъ, чтобы удобнѣе покрывать зимою. Время провелъ хорошо. Поутру работалъ, а послѣ обѣда гулялъ и любезничалъ съ хорошенькими хозяйками, сильно, впрочемъ, покрытыми аристократическою мишурою. Однажды заѣхали ко мнѣ Вигура и Чугаевичъ [1]), проѣзжавшіе въ Одессу. Они думали застать меня надъ рукописями, а между тѣмъ нашли среди полнаго разгула: пропасть гостей, въ саду музыка и приготовленіе къ фейерверку. Былъ и театръ; играла какая-то несчастная бродячая труппа. Когда играли „Наталку-Полтавку“, то актеръ, игравшій роль Петруся, явился настоящимъ Гамлетомъ, съ гамлетовскою физіономіею и таковыми-же замашками. Занимательнѣе всего была публика, состоявшая большею частью изъ нечесаной и неумытой дворни. Одна дѣвчонка, сидѣвшая впереди всѣхъ, одѣта была только въ грязную рубашонку и пеструю юбку. Были и жиды, но сидѣли особо, молча и не выражая ничего на своихъ лукавыхъ физіономіяхъ. Западныя идеи о равенствѣ не проникли еще въ это захолустье; аристокра-

[1]) Ив. Вигура—въ то время профессоръ кіевск. университета по кафедрѣ государственнаго права. Чугаевичъ—тогда учитель гимназіи въ Одессѣ, впослѣдствіи профессоръ аналитической химіи въ кіевск. университетѣ.

Библиотека "Руниверс"

тизмъ свирѣпствуетъ; вѣчно слышишь о знакомствѣ съ графами да князьями; барышни мечтаютъ выйти замужъ за полковника, какъ о высшемъ блаженствѣ, чтобъ за ними ухаживали офицеры и играла-бы вѣчно полковая музыка; названіе *поповича* считается хуже мужика и сапожника.

Въ православной церкви, бывшей прежде католическою, видѣлъ подвалъ или катакомбу, устроенную для погребенія Потоцкихъ. Въ маленькомъ свинцовомъ гробѣ лежитъ дитя лѣтъ десяти, набальзамированное; смотрѣть гадко. Дитя похоже на размалеванную деревянную куклу, поскобленную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ножомъ. Въ стѣнахъ катакомбы подѣланы глубокія ниши, куда ставятъ гробы и замазываютъ отверстія. Батюшка, показывавшій катакомбу, не твердо стоялъ на ногахъ.

Вообще Тульчинъ сдѣлался пріютомъ для всѣхъ проѣзжающихъ порядочныхъ людей. Они здѣсь останавливаются, пьютъ чай, имѣютъ обѣдъ и ужинъ, ночуютъ и ѣдутъ далѣе, иногда перекинувъ въ карты. Въ кабинетѣ графини, бывшей мамзель Швейковской, лежитъ на столѣ альбомъ, въ которомъ рукою графини написаны французскіе стихи, увѣряющіе супруга въ неизмѣнной и вѣчной вѣрности: „ты, говоритъ, привязалъ меня цѣпью къ своей кровати, но не бойся: если цѣпь и разорвется, то я не пойду отъ тебя“. Таковъ смыслъ несбывшихся французскихъ стиховъ [1]). Въ кабинетѣ графа, между бумагами найденъ [2])..., бывшій въ дѣлѣ, окровавленный и разорванный. На немъ означенъ годъ, число и мѣсяцъ, вѣроятно, весьма пріятнаго препровожденія времени.

Желая избавиться отъ скучныхъ прощаній и провожаній, я объявилъ хозяйкамъ о своемъ отъѣздѣ въ 12 часовъ ночи; однакожъ онѣ заставили повара хлопотать ночью и наготовили мнѣ на дорогу паштетъ, цыплятъ, булокъ, прибавивъ и двѣ бутылки портеру. Во всю дорогу, отъ Тульчина до Могилева, я думалъ о m-lle O.; даже

---

1) Они касаются семейной исторіи Мечислава (Михаила) Потоцкаго, по жалобѣ жены сосланнаго Николаемъ I въ Саратовъ на жительство.

2) Въ подлинникѣ здѣсь стоитъ слово, котораго мы никакъ не могли разобрать. Всѣ, кому мы показывали рукопись, читали это слово: *гондоль*, но мы не стоимъ за это чтеніе и рѣшительно отказываемся объяснить значеніе этого загадочнаго слова.— *О. Л.*

Библиотека "Руниверс"

когда пріѣхалъ въ Могилевъ и остановился въ корчмѣ, то не обратилъ вниманія на хозяйку, молодую жидовку. Уже на другой день я замѣтилъ, что она очень апетитна, и послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, приглашалъ ее ѣхать со мною въ Каменецъ.

Въ Могилевѣ я написалъ въ книгѣ пріѣзжающихъ: статскій совѣтникъ изъ Кіева, по порученію генералъ-губернатора. Тотчасъ явился городничій и другая полиція въ полной мундирной формѣ. Я принималъ ихъ и тѣмъ уподобился Хлестакову. Въ довершеніе сходства, городничій меня приглашалъ къ себѣ на квартиру. Кажется, они сильно струсили, такъ какъ нѣтъ человѣка безъ грѣха. Городъ по своему устройству оригиналенъ и пахнетъ востокомъ. Живутъ въ немъ: жиды, армяне, грски, цыгане, поляки и малороссы. Смѣсь эта сильно отражается на физіономіяхъ. Тутъ я встрѣтилъ одного изъ нашихъ университетскихъ воспитанниковъ—Шастова, который служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при подольскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Чай пилъ у городничаго и потребовалъ бессарабскаго вина. Скверное вино, болѣе похоже на квасъ, чѣмъ на вино.

Старшій засѣдатель и городничій объявили мнѣ, что въ м. Верховкѣ никакихъ Боновскихъ, у которыхъ-бы находился архивъ съ актовыми книгами, не имѣется. Въ Баръ я не могъ также поѣхать, потому что онъ не подлежитъ вѣдѣнію могилевскаго исправника, а имѣетъ свое особое начальство, къ которому я не имѣлъ никакого предписанія отъ генералъ-губернатора.

Изъ Могилева, переѣхавъ Днѣстръ, отправился на Хотинъ. При переѣздѣ присутствовалъ частный приставъ, титуловавшій меня генераломъ и превосходительствомъ. По переѣздѣ за Днѣстръ на первой станціи видѣлъ кузнеца съ хохлацкою физіономіею и съ цыганскою рѣчью. Отецъ отдалъ его мальчикомъ въ цыганы, съ которыми онъ кочевалъ 15 лѣтъ и оцыганился.

Кстати о цыганахъ. Въ 30-ти верстахъ отъ Тульчина живетъ колонія цыганъ „плащоватыхъ“, простирающаяся до нѣсколькихъ сотъ душъ. Они ходятъ полу- или совсѣмъ нагіе, не имѣютъ хатъ, а живутъ въ землянкахъ. Зимой также одѣваются легко, какъ и лѣтомъ; только, отправляясь въ дорогу, берутъ охапку соломы, и когда слишкомъ припекаетъ морозъ, то зажигаютъ солому и грѣ-

Библиотека "Руниверс"

ютъ ноги и другія оконечности. Живутъ милостынею и мошенничествомъ.

За Днѣстромъ проѣхалъ клочекъ Бессарабіи; природа не та, не тѣ и люди. То степи, то каменныя скалы. Лица жителей черномазыя, продолговатыя, съ черными глазами и черными длинными волосами. Народъ пригодный для живописи. Въ одной деревнѣ попробовалъ мамалыги. Корчага съ большой хлѣбъ лежала на лавкѣ; двѣ дѣвчонки отдѣляли куски ложками, клали въ миску съ молокомъ и ѣли съ большимъ аппетитомъ. Мнѣ мамалыга въ этомъ видѣ показалась не лучше сѣна. За двѣ станціи до Хотина видѣлъ отверстіе въ скалѣ, по лѣвую сторону дороги. Ямщикъ говорилъ, что тамъ находятся пещеры, высѣченныя въ камнѣ, что въ отверстіе можно въѣхать четверкой и что будто тамъ есть какія-то начертанія.

Хотинъ городъ пустой и притомъ расположенъ весьма неудобно. Улицы и площадь огромной ширины, такъ что отъ одного конца города до другаго нужно пройти огромное пространство; при этомъ жидовскіе домики кажутся еще мельче. Замѣчательна только древняя крѣпость, но ее разсмотрѣть не было времени. Здѣсь мы переправились черезъ рѣку и поѣхали въ Каменецъ.

Каменецъ городъ весьма живописный какъ по мѣстоположенію, такъ и по крѣпостнымъ постройкамъ, воздвигнутымъ турками. Непріятное только производитъ впечатлѣніе рѣка, которая въ половодіе катитъ свои мутныя глинистыя воды, а въ межень такъ мелка, что ее переѣзжаютъ дрожками. Видѣлся съ бывшими воспитанниками университета; вышли всѣ люди порядочные: Крушинскій—товарищемъ палаты уголовнаго суда, Корнѣенко-Демянскій—учителемъ законовѣдѣнія, Кальскій—кажется засѣдателемъ, Гейслеръ—инспекторомъ гимназіи и Гоголцкій[1])—кажется канцелярскимъ служителемъ. Видѣлъ въ церкви одну изъ воспитанницъ института, Бесѣдовскую, которая сдѣлалась еще дурнѣе и, говорятъ, глупѣе, чѣмъ была въ институтѣ. Воспитанники университета дали мнѣ обѣдъ въ клубѣ, при чемъ на долю каждаго досталось по бутылкѣ шампанскаго. Въ церкви и на гуляньи я замѣтилъ, что Каменецъ не отличался красотою женскаго пола.

---

[1]) Николай Сильвестровичъ былъ потомъ совѣтникомъ губернскаго правленія а послѣ директоромъ гимназіи въ г. Холмѣ, люб. губ.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Изъ Каменца отправился въ Проскуровъ,—дрянной городишко. Исправникъ сказалъ, что въ Ярмолинцахъ, въ 20-ти верстахъ отъ Проскурова, открылся погребъ, въ которомъ замѣчены бутылки съ какою-то жидкостью, вѣроятно виномъ. Отъ Каменца до Проскурова много пещеръ въ скалахъ. Изъ Проскурова въ м. Сатановъ ѣхалъ проселочною дорогою, сначала на помѣщичьихъ лошадяхъ, а потомъ на обывательскихъ. Здѣсь нашелъ воспитанника нашего медицинскаго факультета Шута или Шота, который обнаружилъ непритворную радость при свиданіи со мною. Угощенъ былъ тремя ужинами: одинъ я заказалъ въ корчмѣ, другой прислалъ пробощъ, а третій доставленъ докторомъ Шутомъ. За то на другой день нечего было ѣсть въ дорогѣ, такъ что въ обѣденное время я принужденъ былъ довольствоваться гадкою колбасою и рѣдькою, купленными въ скверпѣйшемъ мѣстечкѣ Куполѣ.

Въ Сатановѣ послѣ пожара уцѣлѣли слѣдующія книги:

1) Книга, напечатанная въ 1581 году, заключающая Speculum Saxonicum на польскомъ языкѣ въ алфавитномъ порядкѣ, и право магдебургское. Въ концѣ книги приложены нѣкоторыя рукописныя прибавленія. Заглавія и нѣкоторыхъ другихъ листовъ въ книгѣ не достаетъ.

2) Актовая записная книга мѣстечка Сатанова съ 1709 по 1733 годъ съ приложеніями въ концѣ. Всѣхъ листовъ въ книгѣ 495.

3) Такая-же записная книга съ 1728 по 1733 годъ. Начала недостаетъ. Всѣхъ листовъ 189.

4) Рукописная книга подъ названіемъ Receptarz города Сатанова, или исчисленіе податей и сборовъ за 1728 и 1746 годы. Всего 188 листовъ. № книги 230.

Всѣ эти книги вручены мною проскуровскому исправнику для отсылки къ г. генералъ-губернатору. Кромѣ этихъ книгъ я не нашелъ никакихъ рукописей, которыя были-бы важны въ какомъ-нибудь отношеніи. Прежній владѣлецъ Александръ Потоцкій перевезъ все въ Царство Польское.

По дорогѣ отъ Сатанова до Стараго-Константинова, въ одномъ селеніи зашелъ въ церковь. Было *царскіе свято*, именно день рожденія Государя. Въ церкви не было ни души. Батюшка сказалъ, что отправилъ обѣдню и молебенъ съ дьячкомъ, безъ свидѣтелей; за отсутствіемъ пономаря, самъ зажигалъ свѣчи, а дьячекъ пѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

За-то въ корчмѣ я замѣтилъ значительное многолюдство, и нѣкоторые изъ крестьянъ, между ними и два братчика, были довольно нарѣзавшись, за что я назвалъ ихъ дурнями. Братство при церкви состоитъ только изъ старосты и двухъ братчиковъ. Они обязаны заботиться о порядкѣ и благолѣпіи церковномъ. Тотъ-же священникъ сказывалъ мнѣ, что въ селѣ Глятках, недалеко отъ мѣстечка Куполя, живетъ священникъ Орловскій, у котораго находится замѣчательное собраніе старопечатныхъ книгъ и древнихъ рукописей, и что за это собраніе нѣкоторые помѣщики давали 900 рублей, но священникъ не согласился уступить. Хотѣлъ было заѣхать, но помѣшала отвратительная дорога.

Въ Славутѣ засталъ погребеніе княгини, матери теперешняго князя Евстафія Сангушка. Гробъ былъ поставленъ на высокомъ катафалкѣ; надъ нимъ висѣла княжеская корона. Костелъ обтянутъ былъ чернымъ сукномъ, на которомъ виднѣлись гербы фамилій, находившихся въ родствѣ съ Сангушками. Освѣщеніе было великолѣпное. Изъ церкви входъ въ довольно пространную катакомбу, гдѣ находились уже два гроба, третій долженъ былъ присоединиться по отправленіи панихиды. Поповъ было много; между ними рельефно выказывались два капуцина съ длинными бородами, придававшими имъ патріархальный видъ. Князь пригласилъ меня на обѣдъ и прислалъ за мною карету. Когда княжеская карета, съ какимъ-то важнымъ пляхтичемъ на козлахъ, подъѣхала къ корчмѣ, то сбѣжалась толпа жидковъ со всего мѣстечка и смотрѣла, какъ я сѣлъ и поѣхалъ. Въ залѣ, гдѣ мы обѣдали, выставлена картина въ большомъ размѣрѣ, на которой изображенъ Романъ Сангушко, побѣждающій москвитянъ. Князь созвалъ крестьянъ на похороны княгини, по четыре человѣка съ каждаго села, и далъ имъ обѣдъ. Послѣ обѣда долго возился съ ними и на дорогу далъ каждому, кажется, по 3 коп. серебромъ. Многіе изъ крестьянъ были недовольны, что ихъ звали такъ далеко киселя хлебать, и я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ, пообѣдавъ въ княжескомъ палацѣ, отводили душу въ кабакахъ, куда и перешли деньги, данныя имъ княземъ на дорогу. Князь раздавалъ также милостыню нищимъ. Князь совершенно глухъ и какъ-то странень въ обращеніи. Вѣроятно, глухота притупляетъ его умственныя способности. Говорятъ, что скупость начинаетъ овладѣвать имъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Славутѣ, въ библіотекѣ Сангушка, есть не болѣе 20 рукописей, не имѣющихъ никакой исторической важности. На счетъ архива въ Заславѣ, Сангушко сказалъ, что онъ рукописи раздроблять считаетъ не удобнымъ и что самъ предполагаетъ издать все, что важно въ историческомъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ и приказаніе къ завѣдывающему архивомъ Шулинскому: „Vous aurez la bonté de gardez comme instruction dans cette circonstance, que j'ai l'intention depuis longtemps de publier les documens de nos archives faisant un ensemble, et que j'ai même fait des démarches à cet effet. Je ne puis pas consequement livrer aucune piéce par ce que diminuer leur nombre c'est amoindrir leur richesse et leur valeur"... и проч. Письмо собственноручное 27 іюля 1852 года.

Въ Заславѣ житье прескверное. Жилъ въ сыромъ трактирѣ и имѣлъ самый плохой обѣдъ.

Въ мѣстечкѣ Ратно ковельскаго уѣзда никакихъ бумагъ, имѣющихъ историческое значеніе, не отыскалось. Книги актовыя, веденныя мѣщанами м. Ратно, пользовавшимися правомъ магдебургскимъ, оставшіяся отъ пожара, уже отправлены генералъ-губернатору.

Далѣе въ дневникѣ слѣдуетъ историко-статистическое описаніе ковельскаго уѣзда и замѣтки о произведенныхъ Ивапишевымъ археологическихъ розысканіяхъ въ церкви с. Вербки (того-же уѣзда), гдѣ онъ открылъ гробницу князя Курбскаго; но всѣ эти свѣдѣнія въ болѣе полномъ и обработанномъ видѣ помѣщены въ прибавленіяхъ къ составленной имъ книгѣ: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни" (т. II, 317—342).

О. Л.

Библиотека "Руниверс"

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 года.

(Продолженіе)*).

Похѣщаемая въ настоящей книжкѣ часть переписки Румянцева по дѣлу украинскаго возстанія 1768 г. состоитъ изъ 15-ти документовъ,—исключительно отъ него выходившихъ донесеній, писемъ, сообщеній и ордеровъ или приказовъ, и касаясь самаго важнаго періода возстанія,—когда, по разбитіи главныхъ гайдамацкихъ силъ, вошедшіе между собою въ сношенія екатерининскіе вельможи принялись уяснять для себя событіе, съ которымъ они имѣли дѣло, и причины его вызвавшія, представляетъ потому наибольшій интересъ. Она главнымъ образомъ и вращается около этого вопроса и лишь отчасти касается хода возстанія и сообщаетъ о немъ нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, свѣдѣнія.

Румянцевъ, начавшій, какъ мы уже видѣли, дѣйствовать наугадъ, не имѣя представленія ни о причинахъ и цѣляхъ возстанія, ни о взглядахъ на оное своего правительства, ни тѣмъ болѣе какого-либо полномочія вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдняго государства, получилъ однако Высочайшую аппробацію всѣмъ принятымъ имъ мѣрамъ—по усмиренію возстанія. По обыкновенному порядку международныхъ отношеній въ подобныхъ случаяхъ, онъ могъ лишь придвинуть русскія войска къ польской границѣ, дабы возстаніе въ столь близкомъ сосѣдствѣ не отразилось какъ-нибудь на спокойствіи ввѣреннаго ему края; но Польша, и только она одна, какъ выражался самъ Румянцевъ, могла все спасти, теперь-же она распалась, такъ сказать, на-двое, и огромная часть шляхты возстала противъ своего короля, котораго посадила на престолъ и поддерживала Екатерина. Уже одно возстаніе конфедератовъ грозило кліенту ея серьезною опасностію; начавшееся въ Украйнѣ народное возстаніе увеличивало смуту; то и другое колебало строй и порядокъ въ Польшѣ, поддерживаемые Россіею. Поэтому, какъ ни странно само по себѣ это обращеніе оружія русскаго противъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ, возставшихъ противъ явныхъ враговъ Россіи—конфедератовъ, противъ

*) См. сент. книжку „Кіев. Старина“.

Библиотека "Руниверс"

несноснаго ига польско-жидовскаго, въ защиту вѣры отцовъ, но оно входило въ политическіе разсчеты Панина и Екатерины, и Румянцевъ попалъ, такъ сказать, въ ихъ тонъ и заслужилъ одобреніе. Извѣщенный объ этомъ Панинымъ, онъ съ ловкостію истиннаго царедворца относитъ честь успѣха его дѣйствій къ самому Панину, воспѣваетъ его, яко-бы, мудрость, съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что возстаніе сломлено и съ увѣренностью говоритъ, что Кошъ запорожскій, котораго участіе въ семъ дѣлѣ подозрѣвалось, даже не зналъ о вышедшихъ изъ него партіяхъ для поддержки и руководства возставшихъ и только слышалъ о происходящихъ въ Украйнѣ волненіяхъ (№ XII). Повторяя почти тоже во всеподданнѣйшемъ донесеніи Екатеринѣ, посланномъ чрезъ день, 30 іюля (№ XIII), онъ всю надежду въ усмиреніи возстанія возлагаетъ на дѣйствіе манифеста Екатерины отъ 9 іюля [1]), которымъ она призывала возставшихъ положить оружіе, угрожая непокорнымъ суровыми карами, — спѣшитъ распубликованіемъ этого манифеста и, входя въ смыслъ онаго, заявляетъ, что относительно крестьянъ онъ рѣшился показывать лишь видъ оружія, а обращать оное только противъ дѣйствительныхъ грабителей. Съ такимъ приказомъ (№ XVI) онъ дѣйствительно обратился къ полковникамъ Протасьеву и Вульфу, хотя уже позже, спустя три недѣли. Усмотрѣвъ въ полученной аппробаціи полномочіе на дальнѣйшія дѣйствія по усмиренію возстанія, притомъ ему какъ-бы исключительно предоставляемое, Румянцевъ выражаетъ крайнее неудовольствіе по поводу какого-то препятствія, сдѣланнаго командированному имъ полковнику Протасьеву генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ, который, полонивши, какъ извѣстно, главныя гайдамацкія силы, думалъ, кажется, самъ воспользоваться и честію и плодами нетрудной побѣды, и предписываетъ своему подчиненному строго держаться данныхъ ему инструкцій, тогда какъ Кречетниковъ въ свою очередь считаетъ себя естественнымъ распорядителемъ этого дѣла, ссылаясь на отдаленность Румянцева отъ театра возстанія (№ XV). Положеніе дѣла было дѣйствительно неопредѣленное и при болѣе серьезныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ усмиреніе горсти беззащитнаго народа, обнаружившееся разногласіе русскихъ генераловъ могло-бы повести къ большимъ затрудненіямъ, но оно устранено было начавшимися еще прежде между ними сношеніями по предписанію коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Такъ и на этотъ разъ Воейковъ, къ которому отправлены всѣ партіи переловленныхъ гайдамакъ, обращается съ запросомъ къ Румянцеву, куда-бы, по его мнѣнію, ихъ дѣвать. Затрудненіе было дѣйствительно большое и стоило запроса, хотя онъ и не разрѣшенъ по существу. Дѣло въ томъ, что всѣ гайдамаки, за исключеніемъ запорожцевъ, были иностранные подданные, захвачены въ чужомъ государствѣ, какъ виновные противъ него только, и не русскимъ властямъ было ихъ судить и казнить; но съ Польшею и ея подданными давно уже не церемонились, и Румянцевъ, хотя находилъ «не приличнымъ» отправить всѣхъ пойманныхъ

[1]) Текстъ онаго см. въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“, стр. 308.

Библиотека "Руниверс"

къ главному начальнику польскихъ войскъ въ Украйнѣ и Подоліи, Браницкому, но за всѣмъ тѣмъ совѣтовалъ Воейкову удержать ихъ у себя, употребляя на работы городскія и крѣпостныя, пока не получится разрѣшеніе о нихъ оттуда, откуда распоряжались и всѣми дѣлами Польши (№ XIV). Въ свою очередь, Румянцевъ, освѣдомившись, что Воейковъ предписалъ полковнику Протасьеву, перешедшему уже, по письму Репнина, подъ начальство Прозоровскаго, отправлять пойманныхъ гайдамакъ въ елисаветскую провинцію, т. е. въ сосѣдство къ Запорожью, предостерегаетъ Воейкова отъ этой мѣры, могущей, по его мнѣнію, повлечь за собою новыя безпокойства и опасность, т. е. волненіе въ самомъ Запорожьѣ, и совѣтуетъ ему тѣхъ изъ гайдамакъ, которые окажутся русскими подданными, отправлять въ Глуховъ для приговора надъ ними въ генеральномъ судѣ, а польскихъ подданныхъ, куда будетъ приказано свыше (№ XXI).

Между тѣмъ возстаніе продолжалось: на мѣсто разбитыхъ гайдамацкихъ партій являлись новыя. Одна изъ такихъ оказалась даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Переяславомъ, близъ Канева, подъ предводительствомъ атамана Майбороды. Посланный Румянцевымъ отрядъ, подъ начальствомъ секундъ-маіора Вурма, загналъ ее къ Мошнамъ и, истребивши здѣсь, оставшихся въ живыхъ 26 человѣкъ съ атаманомъ Майбородою представилъ въ Переяславъ; но это не значило положить конецъ возстанію. Румянцевъ умножалъ число дѣйствовавшихъ отрядовъ,—въ свою очередь умножались то тамъ, то здѣсь и партіи гайдамакъ. Съ другой стороны надежда на дѣйствіе манифеста Екатерины оказалась почти напрасною. Можно полагать, что въ селахъ украинскихъ, гдѣ распространялся манифестъ, было въ это время лишь незначительное число жителей, огромное-же большинство ихъ скрывалось въ лѣсахъ, или пристало къ гайдамакамъ. Тѣ изъ несчастныхъ страдальцевъ, которые, положась на увѣренія русскихъ властей и довѣрясь словамъ своей природной царицы, возвратились къ своимъ помѣщикамъ, подверглись отъ нихъ жесточайшимъ истязаніямъ и даже лишенію жизни, другіе, видя, что не лучшая участь постигаетъ и тѣхъ, которые противятся русскому оружію, въ унынія и отчаяніи не знали, на что рѣшиться и наконецъ наиболѣе смѣлые и рѣшительные открыто заявили, что не могутъ считать разбойниками тѣхъ, которые избавили ихъ отъ неминуемой гибели (со стороны, конечно, конфедератовъ). Никто и не думалъ преслѣдовать и выдавать гайдамакъ, какъ разсчитывали при изданіи манифеста, многіе, напротивъ, то не отставали отъ нихъ, то вновь къ нимъ пристава-ли. Румянцевъ, прибывшій теперь (въ августѣ) въ Переяславъ для лѣтнихъ смотровъ собраннымъ туда войскамъ, прежде исполненія нѣкоторыхъ указаній въ полученномъ имъ Высочайшемъ рескриптѣ, рѣшился, какъ самъ пишетъ, ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ. Между тѣмъ здѣсь-то онъ и могъ получить нужныя для этого свѣдѣнія. Переяславская консисторія, полковая канцелярія, судъ и другія мѣста завалены были массою всевозможныхъ жалобъ, протестовъ, донесеній, сообщеній, промеморій и т. п. о происходившихъ уже нѣсколько лѣтъ въ Украйнѣ не-

Библиотека "Руниверс"

вѣроятныхъ насиліяхъ со стороны уніатовъ и поляковъ «благочестивымъ» священникамъ и народу. Тутъ жили епископъ Гервасій и мотренинскій игуменъ Мелхиседекъ, которые энергически вели борьбу съ притѣснителями отъ самаго начала оной, отстаивая свободу вѣры; тутъ скитались въ огромномъ числѣ изгнанные изъ своихъ приходовъ какъ православные, такъ и уніатскіе священники; тутъ-же витала бѣжавшая отъ разъяреннаго народа польская шляхта, которая, вызвавъ своимъ безумнымъ фанатизмомъ происходившую страшную рѣзню, одна нашла у русскихъ властей не только защиту, но даже квартиры и денежную помощь. Здѣсь сошлись такимъ образомъ обѣ враждовавшія стороны, и свѣдѣнія одной могли быть провѣрены показаніями другой. И что-же? И православные, и уніаты, и поляки (послѣдніе въ формальныхъ просьбахъ на имя Румянцева) единогласно показываютъ, что виною страшнаго возстанія были неслыханныя мучительства за вѣру отъ уніатскаго офиціала Мокрицкаго и его пособниковъ—польскихъ палевъ. Православные на ряду съ польскимъ игомъ ставятъ и жидовское, выражаясь о жидахъ, что они «*самою изъ нихъ выжатою кровію обогащались*». Румянцевъ и пишетъ въ этомъ смыслѣ Репнину, Панину, Екатеринѣ, стараясь просвѣтить ихъ на счетъ совершающихся въ Украйнѣ ужасовъ, ихъ происхожденія, основы, характера, могущихъ возникнуть отъ нихъ опасныхъ послѣдствій и единственнаго способа къ ихъ устраненію. По его представленію и словамъ «сей не безбѣдственный мятежъ произвели *двѣ крайности:* простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой и противоборство оной отъ римскаго духовенства, распространяемое съ лютымъ безчеловѣчіемъ». «Когда сими жестокими угнетеніями страждущія сердца дышали внутреннею ненавистью противъ своихъ гонителей, то при такомъ расположеніи не трудно было преклонить непросвѣщенные умы простолюдиновъ такъ называемымъ гайдамакамъ, составивъ ложные отъ имени ея величества - указы о своемъ туда приходѣ и увѣривши, что они ихъ пограничныхъ жителей навсегда изъ-подъ польскаго владычества освобождаютъ и что всѣ сіи пограничныя мѣста пріемлются подъ россійскую державу». «Многіе изъ сихъ (жителей) вилелись къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя ложныя предложенія», «теперь-же всѣ они предались отчаянію съ опасности мщенія своихъ властей, кои отдавшимся уже въ руки и начали отмщать даже отнятіемъ самой жизни», и «сей одинъ страхъ возрождаетъ истребленныя шайки и можетъ продолжать и долго въ тѣхъ мѣстахъ волненія». Единственный за тѣмъ способъ прекращенія губительнаго возстанія Румянцевъ указывалъ въ томъ, что-бы «облегчить участь сихъ польскихъ подданныхъ и изобрѣсть средства, чтобъ не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія ихъ господъ». Румянцевъ указывалъ на надежность обоихъ сосѣдей—Польши и Турціи, доказывалъ, что по этому одному «полезно сохранить единовѣріе давнее наше въ польскихъ жителяхъ, какъ обязательство ревности, усердія ихъ къ нашей сторонѣ» и выяснялъ это на отношеніи возставшихъ къ конфедератамъ, предостерегалъ, что если отнять у нихъ свободу «благочестія» и «подвергнуть состоянію тому-же, что

Библиотека "Руниверс"

и были, то «тогда поведутъ они общее съ Сѣчью дѣло», и что онъ не ручается и за тамошнихъ (лѣвобережныхъ) жителей, «чтобъ они на сіи, по ихъ разумѣнію законные подвиги себя не опредѣлили», такъ какъ и «они равно польскимъ жителямъ о гайдамакахъ думаютъ».

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали сводъ выдающихся мѣстъ изъ четырехъ бумагъ Румянцева по одному и тому-же предмету (№ XVII, XVIII, XIX и XXI), чтобъ яснѣе представить его взглядъ на возстаніе 1768 г. Для насъ драгоцѣненъ этотъ взглядъ, какъ голосъ современника, занимавшаго высокое положеніе и находившагося такъ близко къ театру событій, какъ голосъ лица посредствовавшаго между двумя противными сторонами и потому чуждый какого-либо пристрастія. Насъ однако многое поражаетъ въ этомъ взглядѣ. Румянцевъ считаетъ одинаково крайностію ревность украинскаго народа къ вѣрѣ благочестивой, какъ и лютыя безчеловѣчія его враговъ; знатному вельможѣ непонятнымъ кажется, какъ можно изъ разности въ исповѣданіи подвергать себя жесточайшимъ мученіямъ, жертвовать даже жизнію, и онъ называетъ это *простымъ*, т. е. не разумнымъ усердіемъ къ вѣрѣ. Онъ допускаетъ свободу православія для жителей Украйны, но не на основѣ историческихъ правъ ихъ, а только какъ «обязательство ихъ ревности и усердія къ нашей сторонѣ». Онъ разсматриваетъ разыгравшееся на его глазахъ кровавое событіе внѣ всякой связи съ прежнимъ и тогдашнимъ ходомъ событій въ Польшѣ, онъ забываетъ добытыя имъ-же свѣденія, что оно вызвано ближайшимъ образомъ насиліями конфедератовъ, что въ конфедераціи участвуетъ самъ папа и польско-католическое духовенство, что тутъ цѣлая система, что основа ея болѣе глубокая и отдаленная и цѣли ея болѣе широкія. Первостепенный государственный сановникъ не знаетъ судебъ столь родственнаго ему народа, въ девизѣ руководителей и помощниковъ этого народа не видитъ общенароднаго инстинкта, влекущаго его подъ державу россійскую, и этихъ послѣднихъ, подъ именемъ гайдамакъ, истиннаго смысла котораго онъ не отгадывалъ, считаетъ просто разбойниками и злодѣями, которыхъ должно безпощадно истреблять. Какъ помѣщикъ, онъ считаетъ справедливымъ привести взбунтовавшихся крестьянъ въ повиновеніе ихъ господамъ и только для лучшаго въ этомъ успѣха признаетъ необходимымъ привести въ умѣренность власть спхъ послѣднихъ. Тѣхъ не менѣе Румянцевъ по высказанному имъ взгляду на возстаніе въ Украйнѣ стоитъ гораздо выше другихъ дѣятелей, имѣвшихъ къ нему отношеніе. Кречетниковъ, на долю котораго выпало завладѣть гайдамацкимъ таборомъ подъ Уманью, просто пожелалъ воспользоваться громадною добычею награбленнаго гайдамаками у польской шляхты и жидовъ и принялся переправлять ее обозами за Днѣпръ (№ XX). Воейковъ еще въ 1766 г. опредѣлилъ свои отношенія къ религіознымъ преслѣдованіямъ въ Украйнѣ, вызвавшимъ нынѣшнее возстаніе, когда свой отказъ переяславской консисторіи—заявить въ кіево-губернской канцеляріи королевскія привилегіи на свободное исповѣданіе прав. вѣры—мотивировалъ тѣмъ, что «дѣла вѣры суть весьма деликатны». Репнину, который жупровалъ въ Вар-

Библиотека "Руниверс"

шавѣ и очутился за поляками, было просто не до дѣлъ вѣры и хотя ему болѣе всѣхъ другихъ была извѣстна кровавая картина народныхъ страданій въ Украйнѣ, но онъ смотрѣлъ на все происходившее глазами поляковъ. Подобно Прозоровскому, внимавшему лементамъ бѣжавшей подъ защиту его шляхты, и онъ всю вину возстанія въ Украйнѣ сваливалъ на переяславскаго архіерея Гервасія и мотронинскаго игумена Мелхиседека (№ XXIII и XXIV). Румянцевъ твердо отстаивалъ невиновность этихъ доблестныхъ защитниковъ православія какъ предъ Репнинымъ и Прозоровскимъ, такъ и предъ Панинымъ (№ XXII), говоря о Гервасіѣ, что всѣ дѣйствія его основаны были на «должности пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія и по установленіямъ новѣйшимъ самаго короля нынѣшняго», а о второмъ свидѣтельствуя, что онъ болѣе года уже находится въ Переяславѣ и даже свѣденій о своемъ монастырѣ не имѣетъ. Но лишь только Панинъ въ письмѣ къ Румянцеву отъ 19 сентября далъ понять, что самъ онъ и императрица имѣютъ иной взглядъ на это дѣло, какъ Румянцевъ спѣшитъ отречься отъ прежнихъ своихъ мнѣній, заявляя, что «они были только гадательныя, а не положительныя» и что «смѣшанная тамъ его идея простиралась только по воззрѣнію на обстоятельства наружныя». Какъ ловкій дипломатъ, онъ выхваляетъ мудрость Панина, выражаетъ готсвность сообразовать свои дѣйствія съ какими-то дополнительными повелѣніями, ему сообщенными, и наблюдать за поступками переяславскаго архіерея, предлагая и вовсе не пропускать къ нему уніатскихъ, т. е. обращающихся изъ уніи, по требованію народа, священниковъ, а прибывшихъ прежде всѣхъ выслать. Въ совѣтѣ Екатерины восторжествовалъ голосъ Репнина, который все дѣло возстанія считалъ плодомъ интриги двухъ лицъ: Гервасія и Мелхиседека и ихъ непомѣрнаго усердія въ поддержаніи и разширеніи православія въ Украйнѣ. О томъ, чего хотѣлъ народъ, къ чему онъ стремился, за что жертвовалъ послѣднимъ достояніемъ и самою жизнію, тогда не спрашивали, но по исконной привычкѣ искали главныхъ зачинщиковъ бунта и — нашли. Народъ-же знать не хотѣлъ уніи; онъ гналъ отъ себя тѣхъ пастырей, которые, подъ тяжестію насилій, измѣнили вѣрѣ отцевъ. Тѣ толпами стремились въ Переяславъ, чтобы заручиться свидѣтельствами своего обращенія, но ихъ рѣшили не пускать туда. Скоро и тѣ, которыхъ сочли главными виновниками кровавой смуты, были удалены. Тѣмъ надѣялись положить скорый конецъ возстанію, думая, конечно, что, за исключеніемъ православныхъ, народъ примирится и съ уніатскими священниками, а что онъ самъ станетъ уніатскимъ, кому какое до этого дѣло. Остальное должно было довершить «матернее милосердіе» Екатерины, которымъ такъ старались успокоить и обнадежить страждущій украинскій народъ, хотя отъ этого милосердія никому тамъ не было ни тепло, ни холодно, и народъ не могъ не видѣть, что вмѣсто милосердія противъ него направляется лишь оружіе, а его врагамъ и мучителямъ оказывается защита и поддержка. При такихъ условіяхъ возстаніе не скоро могло быть подавлено и хотя кн. Прозоровскій въ сентябрѣ доносилъ Румянцеву, что ни о какихъ гайда-

Библиотека "Руниверс"

макахъ уже не слышно, но въ дальнѣйшей перепискѣ мы еще встрѣтимся съ новыми онаго вспышками и новыми особенностями въ его теченіи.

Пока остановились, кажется, на томъ, что возстаніе подавлено и плодомъ такого мнѣнія надо считать приказъ Румянцева переяславской полковой канцеляріи (№ XXVI) отпустить по домамъ всѣхъ разновременно пойманныхъ и при ней содержавшихся польскихъ крестьянъ, участвовавшихъ въ возстаніи. Съ нихъ взята присяга, что они возвратятся къ своимъ помѣщикамъ и будутъ имъ покорны, полковой-же канцеляріи предписано снабдить всѣхъ ихъ «письменными препровожденіями» съ убѣжденіемъ помѣщиковъ оказать раскаявшимся помилованіе. Были-ли въ тоже время отпущены польскіе шляхтичи, сбѣжавшіеся въ Переяславъ подъ защиту русскаго оружія, изъ настоящей переписки не видно, но сдва-ли это можетъ подлежать сомнѣнію. Ихъ предполагалось отпустить еще въ началѣ августа, взявъ съ нихъ «рецессы», или письменныя отреченія отъ конфедераціи; но, вѣроятно, явились случаи побѣга ихъ въ конфедерацію, и ихъ высочайше велѣно задержать до поры въ Переяславѣ. Одинъ случай такого побѣга Румянцевъ указывалъ Панину въ лицѣ трехтемировскаго помѣщика Щенявскаго, который, воспользовавшись, пока ему нужно было, русскою защитою, очутился потомъ въ рядахъ конфедератовъ и игралъ тамъ главную роль. Такъ какъ Щенявскій и до возстанія велъ себя въ отношеніи къ русскимъ пограничнымъ властямъ съ большою продерзостію и нахальствомъ, то Румянцевъ высказывался предъ Панинымъ, что было-бы не лишнимъ взять его имѣніе въ секвестръ для возмѣщенія убытковъ разграбленной трехтемировской таможни, или для отдачи кому-либо изъ благонадежныхъ. Послѣдовало-ли это согласіе Панина, неизвѣстно; но самое предложеніе Румянцева прибавляетъ еще одну черту къ характеристикѣ нашей тогдашней политики въ Польшѣ.

Привела-ли вообще эта политика хотя къ ближайшей цѣли,—скорому усмиренію возстанію, покажетъ дальнѣйшая переписка.

(Продолженіе будетъ).

XII.

Письмо графа П. А. Румянцева къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, объ ослабленіи возстанія въ Украйнѣ послѣ истребленія главныхъ силъ гайдамаковъ и о непричастности къ этому возстанію Сѣчи запорожской.

1778 года, іюля 29.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Толь милостивымъ и себѣ лестнымъ признаніемъ почтенъ будучи отъ вашего сіятельства въ послѣднемъ письмѣ, отношу

Библиотека "Руниверс"

слѣдствія сіи къ причинѣ содѣйствующей, то есть руководительству вашему, которое начертываетъ способы и пролагаетъ стези познать мнѣ, какъ сдѣлать угодное въ настоящихъ дѣлахъ. Надѣюсь, милостивый государь, что ни тѣнь самая ласкательства, несроднаго моему чистосердечію и усердію предъ вами, не взойдетъ тутъ вашему сіятельству на мысль, чтобъ истиною не принять моихъ словъ; гдѣ уже успѣли, сами показали, колико вы искуства, проницанія и благонамѣренія во ввѣренной себѣ должности явили. Я только соединяю мой голосъ общему, что имя ваше, по прошлымъ и настоящимъ дѣламъ, всегда велико будетъ между людьми, прославившимися отличнымъ благоразуміемъ въ нашемъ отечествѣ. Себя-же счастливымъ найду, если воспріятіями моими, по вашимъ положеніямъ, продолжать исправно могу на меня возлагаемое.

Польскіе разбои, по истребленіи главной ихъ толпы, меньше уже привлекаютъ дальнѣйшего къ себѣ вниманія; и не сомнѣваюсь, что вложенныя и пагубныя мысли отъ злодѣевъ въ простодушныхъ поселянъ теперь также исчезнутъ. Словомъ, я нынѣ сдѣланною мнѣ откровенностью отъ вашего сіятельства будучи на случай праузмлсиъ, всегда мѣры удобныя готовъ буду взять на успокоеніе всякихъ пограничныхъ волненій, которыя, я чаю, одно содержаніе туда для публики посланныхъ манифестовъ сильно будетъ утушать.

Я моими ордерами взыскавши отъ Коша запорожскаго отвѣты, одно только то въ оныхъ нахожу, что тамъ не свѣдомы о своихъ козакахъ, грабленіе производившихъ въ Польшѣ. Хотя всю правду объ участіи открыть легко чрезъ пойманныхъ, однакожъ средства сія остаются теперь для Ѳедора Матвѣевича, къ которому изъ запорожскихъ козаковъ словленные злодѣи отосланы всѣ въ Кіевъ.

О полученіе всевысочайшаго именнаго указа и о первыхъ воспріятіяхъ по оному, прошу вашего сіятельства поднесть ея императорскому величеству мое всеподданнѣйшее доношеніе, а мнѣ позволить назваться съ тою-же совершенною преданностію, которая не кончится, какъ съ жизнію.—Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всенижайшій слуга.—*Слѣдуетъ подпись.*

Библиотека "Руниверс"

XIII.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о принятыхъ имъ мѣрахъ къ распространенію между жителями украинскими манифеста ея къ нимъ относительно прекращенія волненій, объ ослабленіи возстанія за разбитіемъ главныхъ гайдамацкихъ партій и поимкою самаго Желѣзняка, о непричастности возстанію запорожскаго Коша, учрежденіи надзора за перебѣжавшими за Днѣпръ поляками и пресѣченіи волненій въ народѣ военными постоями и угрозами.

Іюля 30 дня, 1768 г., № 744.

Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

При высочайшемъ вашего императорскаго величества рескриптѣ, отъ 12 числа текущаго мѣсяца, отпущенный съ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, я, получа печатные экземпляры высочайшаго манифеста, изданнаго на случай смятеній, подъятыхъ въ Польшѣ отъ самихъ крестьянъ, намъ единовѣрныхъ, по поводу злоумышленниковъ,—въ тотъ-же самый день, то есть 20 іюля, часть оныхъ отправилъ къ находящемуся въ Польшѣ полковнику Протасьеву, чтобъ оные повсюду имъ распубликованы были, а другую—въ полковую переяславскую канцелярію, предписавъ оной послать нѣсколько исправныхъ старшинъ, для разсѣянія въ пограничныхъ польскихъ мѣстахъ, а паче въ тѣхъ, гдѣ не укротились селяне отъ свирепствъ и грабленій.

Я несомнѣнно уповаю, что плоды сего премудраго воспріятія явны будутъ вскорѣ въ тишинѣ и покоѣ взволновавшихся польскихъ жителей, которые изъ подаваемыхъ имъ всевысочайшихъ и всемилостивѣйшихъ отъ вашего императорскаго величества увѣреній познавъ свои заблужденія, непремѣнно къ лучшему обратятся, тѣмъ паче, что уже разбойническія партіи, по злу ихъ одобрявшія, чрезъ команды, изъ войскъ вашего императорскаго величества отправленныя, всѣ разбиты и переловлены. О происшествіяхъ при томъ мнѣ не остается повторять, когда генералъ-аншефъ и кіевскій генералъ губернаторъ Воейковъ мнѣ сообщаетъ, что отъ него уже, по привезеніи въ Кіевъ, съ другими запорожскихъ козаковъ злодѣями, самаго главнаго разбойнической шайки начальника, называвшегося полковникомъ, Желѣзняка, о томъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донесено.

Библиотека "Руниверс"

Возвратившійся посланный отъ меня куріеръ въ Сѣчь запорожскую привезъ отъ кошеваго атамана на мои вопросы, въ ордерѣ ему данномъ, сей отвѣтъ: что они никакихъ командъ въ Польшу не отправляли, а и сами слышатъ, что изъ польскихъ мужиковъ, назвавшихъ себя запорожцами, производятъ грабленія, и онъ атаманъ всѣ предосторожности употребилъ къ пресѣченію свободности въ Польшу прокрадываться своевольнымъ козакамъ. Но теперь допросы пойманныхъ грабителей изъ запорожцевъ подадутъ въ томъ подлинную достовѣрность, хотя примѣчая по обстоятельствамъ нынѣ собраннымъ, является, что собственныя склонности къ мщенію сихъ своевольниковъ препровождали только на извѣстныя дерзновенія, нежели чѣмъ общее согласіе Коша къ тому ихъ руководствовало.

Изъ предписанныхъ предосторожностей касательно выбѣгающихъ подъ высочайшее покровительство вашего императорскаго величества поляковъ, нѣкоторыя уже взяты съ полученія предварительнаго мнѣ сообщенія господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Панина; а прочее, что въ полномъ повелѣніи отъ вашего императорскаго величества мнѣ объ нихъ предписано, я также исполню самъ, слѣдуя на сихъ дняхъ въ Переяславъ для смотру части полковъ моей дивизіи, собранныхъ тамо въ лагерь; гдѣ будучи, удобнѣе еще могу сдѣлать распоряженіе на утушеніе послѣднихъ мятежей въ польскихъ крестьянахъ, коихъ однихъ только теперь укротить осталось, когда не можетъ въ томъ успѣть своею командою полковникъ Протасьевъ, которому далъ я повелѣніе—когда за опубликованіемъ манифеста не отстанутъ сейчасъ отъ своихъ наглостей, въ способъ принужденія къ приведенію ихъ въ послушаніе своихъ властей, располагать свои команды въ жилищахъ ихъ, покудова волнованіе тамъ не укротится, угрожая имъ страхомъ оружія, что и съ ними поступятъ подобно, какъ съ шайками разбойниковъ, ежели тотчасъ не отложатъ своихъ дерзостей, и о послѣдствіяхъ вашему императорскому величеству доносить должностную.—*Слѣдуетъ подпись.*

Библиотека "Руниверс"

XIV.

Сообщеніе гр. П. А. Румянцева кіевскому генералъ-губернатору Θ. М. Воейкову съ отвѣтомъ на запросъ послѣдняго, куда дѣвать захваченныхъ во время возстанія украинскихъ жителей и козаковъ, или какъ съ ними поступать, а равно извѣстіемъ о новыхъ попыткахъ къ продолженію возстанія и принятыхъ имъ, Румянцевымъ, противъ того мѣрахъ.

Августа 3, 1768 г., № 757.

Воспріявши въ честь себѣ вашего высокопревосходительства требованіе мнѣнія моего о содержащихся польскихъ мужикахъ и козакахъ, взятыхъ между гайдамаками, подаю мою мысль въ слѣдующемъ: что хотя не неприлично-бъ было, мнѣ кажется, ихъ также, какъ и прочихъ, отправить къ главному рейментарю графу Браницкому, что и сами ваше высокопревосходительство намѣревались учинить, давали мнѣ знать сообщеніемъ своимъ отъ 14 іюля; но когда уже отъ васъ взнесено объ оныхъ подъ высочайшую резолюцію ея императорскаго величества, то до полученія на то формальнаго повелѣнія, не будетъ траты напрасной ни времени, ни иждивенію казенному, если ихъ прикажете употреблять на городовую или къ другимъ работамъ. Впрочемъ яко еще вы, милостивый государь мой, изволите сообщать съ извѣстій къ вамъ объ оставшихся и проявляющихся въ Польшѣ разорителяхъ, то меня господинъ полковникъ Протасьевъ отъ 21 числа истекшаго мѣсяца репортуетъ, что онъ свѣдавши о оныхъ разбойникахъ, въ разныхъ шайкахъ состоящихъ, намѣревающихъ соединить въ одно всѣ свои силы подъ мѣстечкомъ Бѣлою Церковью, пошелъ прямо на истребленіе ихъ туда. Въ посылкѣ-же въ прибавокъ военной команды я, прибывши на сихъ дняхъ въ Переяславъ смотрѣть собравшихся полковъ въ лагерѣ, распоряженіе по обстоятельствамъ сдѣлать не оставлю.

Имѣю честь за симъ съ моимъ вседолжнымъ почтеніемъ быть, и прочее.—*Слѣдуетъ подпись.*

XV.

Приказъ гр. П. А. Румянцева командиру московскаго карабинернаго полка полковнику Протасьеву, которымъ онъ требуетъ въ дѣлѣ усмиренія украинскаго возстанія исполнять только его распоряженія и отклонять вмѣшательство въ это дѣло генералъ-майора Кречетникова.

Августа 4-го 1768 г., № 760.

Своимъ репортомъ, отъ 31 числа истекшаго мѣсяца, вы мнѣ представляете, что господинъ генералъ-маіоръ Кречетниковъ сво-

Библиотека "Руниверс"

ими повелѣніями останавливаетъ васъ отъ исполненія предписаннаго отъ меня вамъ. Я сему тѣмъ паче удивляюсь, что вы не посланы въ его команду, но командированы отъ меня, по возмущеніямъ польскихъ жителей пограничныхъ и ради разореній тамо происходящихъ отъ гайдамаковъ, для охраненія цѣлости границъ, въ чемъ должность лежитъ на мнѣ единственно. А что къ тому-же еще онъ, господинъ генералъ-маіоръ, прибавляетъ, что мнѣ тамошнія обстоятельства неизвѣстны, то вы для того тамъ находитесь, чтобъ мнѣ подавать объ оныхъ свѣдѣнія, какъ за аппробаціею отъ ея императорскаго величества всѣхъ отъ меня воспріятыхъ мѣръ, на случай смятеній пограничныхъ польскихъ, государственная иностранныхъ дѣлъ коллегія мнѣ предложила, что и самому господину генералъ-маіору Кречетникову предписано отъ оной имѣть о сихъ дѣлахъ со мною сношеніе.

О семъ вы имѣете сообщить ему-ли господину генералъ-маіору Кречетникову, или кто командующимъ будетъ, и дѣйствовать дальше по моему ордеру, что касается до преслѣдованія разбойническихъ шаекъ и возмущающихъ поселянъ. Но гдѣ польза службы и интересъ ея императорскаго величества потребуетъ, чтобъ и отъ тамо командующихъ исполнить вамъ предписаніе, вы тому повиноваться должны непремѣнно. — *Слѣдуетъ подпись.*

XVI.

Приказъ гр. П. А. Румянцева находящимся въ Украйнѣ съ своими полками полковникамъ Протасьеву и Вульфу отклонять отъ возстанія украинское населеніе мѣрами увѣщанія и обнадеживаніемъ защиты, силу-же оружія употреблять лишь противъ непокорныхъ.

Августа 20-го 1768 г. №№: 777 и 778.

Я будучи извѣстенъ, что польскіе мужики въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы находитесь, изъ отчаянія больше, которому предаются отъ страха мщенія раздраженныхъ своихъ господъ, продолжаютъ свое согласіе съ гайдамаками, думая ихъ быть своими избавителями. Вы, на основаніи манифеста имъ публикованнаго, вразумите ихъ всякимъ увѣщаніемъ и обнадежете, что они отъ всякихъ воображаемыхъ бѣдствъ, яко единовѣрные, будутъ сохранены милосердіемъ ея императорскаго величества, ежели тотчасъ, повинуясь повелѣніямъ высочайшимъ, отложатъ мятежъ и сами вспомоще-

Библиотека "Руниверс"

ствовать станутъ истребленію вводящихъ оный. Силу-же прямую оружія обращайте на явныхъ токмо мятежниковъ разорителей. — *Слѣдуетъ подпись.*

XVII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому при варшавскомъ дворѣ послу, князю Н. В. Репнину, съ изложеніемъ дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ народное возстаніе въ Украйнѣ, указаніемъ на необходимость, въ видахъ усмиренія онаго, умѣрить жестокое мщеніе со стороны польскихъ помѣщиковъ и проч.

Августа 24 го 1768 г.

Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

По поводу перваго письма вашего сіятельства, которое получить имѣлъ честь въ сей день, я пріемлю случай сказать вамъ, что по настоящимъ польскимъ дѣламъ, въ исполненіе высочайшихъ ея величества повелѣній отъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи мнѣ данныхъ, надлежало мнѣ найтить способы какъ съ другими командующими въ Польшѣ съ нашей стороны генералами, такъ и съ вашимъ сіятельствомъ, ко взаимному сношенію. Не могъ однакожъ я лучше въ томъ успѣть, какъ пользуясь тѣмъ путемъ, который ваше сіятельство теперь мнѣ сами открываете; и потому не оставилъ тотчасъ предложить полковнику Протасьеву, чтобъ онъ съ карабинернымъ московскимъ полкомъ, такъ какъ ваше сіятельство требуете, остался въ повелѣніяхъ генералъ-маіора князя Прозоровскаго.

При семъ обязанымъ я себя считаю изъявить мои примѣчанія о причинахъ воздвигнувшихъ сей небезбѣдственный мятежъ, кои, можетъ быть, вамъ болѣе моего уже знакомы. Простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой, противоборство оной отъ римскаго духовенства, распространяемое съ лютымъ безчеловѣчіемъ, безъ сомнѣнія суть двѣ крайности, возмутившія къ мятежу польскихъ крестьянъ. Елико надлежитъ до перваго обстоятельства, то все то изъявляющія удрученія не могутъ вамъ быть несвѣдомы изъ протеста, чрезъ игумена матронинска монастыря, поданнаго сего году въ Варшаву отъ всего православнаго общества пограничныхъ старостъ и губерній; а послѣднее оправдываетъ само шляхетство, выбѣгшее сюда подъ покровительство, формально въ своихъ поданныхъ мнѣ просьбахъ сознавая, что настоящія въ

Библиотека "Руниверс"

отечествѣ ихъ бѣдствія родили суровые поступки противу исповѣдующихъ законъ греческой церкви оффиціала украинскаго уніатскаго Мокрицкаго. Когда сими жестокими угнетѣніями страждующія сердца дышали внутреннею ненавистью противъ своихъ гонителей, то при такомъ расположеніи не трудно было преклонить непросвѣщенные умы простолюдиновъ такъ называемымъ гайдамакамъ на всѣ извѣстныя дерзости. Возжечь сей пламень нашли они найлучшую удобность, составивъ ложные отъ имени ея величества указы о своемъ туда приходѣ, и увѣривши, что они сихъ пограничныхъ жителей навсегда съ подъ польскаго владычества освобождаютъ.

Я все сіе для того пишу, чтобъ показать: хотя злыя дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ жителей по себѣ не простительны, но много однакоже изъ нихъ есть такихъ, которые вплелись къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя ложныя предложенія, которыми уловили ихъ на счетъ нашего покровительства. Теперь всѣ они предались отчаянію съ опасности воображаемыхъ мученій отъ своихъ властей. Тѣ, которые для разсѣянія манифестовъ, изданныхъ на случай смятеній сихъ, посылаемы отъ меня были за границу, возвратившись объявляютъ, что во многихъ мѣстахъ съ благодарностію и повиновеніемъ жители оной приняли, однакожъ, познавъ свой обманъ, показали уныніе въ своихъ сердцахъ, потому что не чаятъ уже отъ раздраженныхъ своихъ господъ никакова себѣ помилованія, яко отдавшимся уже въ руки, и начали они отмщать даже отнятіемъ самой жизни.

Сей одинъ страхъ, не безъ основанія внѣдрившись въ ихъ сердца, возрождаетъ вновь истребленныя заграничныя шайки, и можетъ продолжать и долго, хотя слабыя, однакоже неспокойныя, въ тѣхъ мѣстахъ волненія. Сокращеніе сего представивъ зрѣлому вашего сіятельства проницанію, которое во многихъ дѣлахъ свѣтъ познало, пишу только, что мнѣ ближайшимъ кажется. Смѣю объявить способъ, что ежели облегчить сихъ польскихъ подданныхъ участь ваше сіятельство въ тамошней сторонѣ изобресть изволите средства, чтобъ не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія ихъ господъ, но привесть послѣднихъ власть въ умѣренность, то уповать можно, что оные, притомъ провождаемы будучи усѣщеваніемъ и обнадеживаніемъ высочайшимъ ея императорскаго величества, яко единовѣрнымъ, милосердіемъ, возвратятся въ свои домы къ спокойной жизни. Я о семъ писалъ въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію и къ его сіятель-

Библиотека "Руниверс"

ству графу Никитѣ Ивановичу Панину, съ которымъ всегдашнюю о семъ веду корреспонденцію, удостоившись получить отъ ея императорскаго величества высочайшую апробацію всѣмъ моимъ распоряженіямъ, воспріятымъ при нынѣшнихъ пограничныхъ неспокойствіяхъ.

Польскіе шляхтичи просили меня многіе, чтобъ для защищенія отъ разграбленія ихъ имѣній послать въ оныя на ихъ коштъ команды. Я положилъ было, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ (оставить?) полкъ московскій, и по сей причинѣ писалъ къ князю Прозоровскому, чтобъ если надобность найдетъ подвинуть сей полкъ въ даль отъ границъ, то бы меня заранѣе о томъ предувѣдомилъ, чтобъ для безопасности пограничной другимъ командамъ на его мѣсто вступить. Впрочемъ, принеся мою покорную просьбу, я ожидать буду, что ваше сіятельство по оной не оставите меня снабжать предувѣдомленіями въ настоящихъ дѣлахъ и подавать мнѣ найлучшія средства, по своему благоразумію, къ предохраненію высочайшихъ ея императорскаго величества интересовъ. А я навсегда имѣю честь съ истиннымъ слыть и пр.

P.S. Королевской пограничной трехтемировской камеры писарь Гоздава-Вилуцкій, выбѣгшій сюда, просилъ на снабденіе свое и служителей королевскихъ, съ нимъ вышедшихъ, сто рублей на счетъ королевской, показуя при разграбленіи помянутой камеры извѣстнымъ бунтовщикомъ Щенявскимъ, лишившимся всѣхъ пожитковъ. Я толикое число денегъ изъ приличія приказалъ ему выдать, и вашего сіятельства прошу, освѣдомлясь гдѣ надлежитъ, меня увѣдомить: вѣренъ-ли счетъ возвращенія быть можетъ, ежели и другіе, яко онъ самъ, здѣсь живущіе станутъ и болѣе требовать таковыхъ денежныхъ ссудъ?—*Слѣдуетъ подпись.*

Переяславъ, № 783.

XVIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графу Н. И. Панину, съ извѣщеніемъ о задержаніи имъ въ Переяславѣ перебѣжавшихъ туда поляковъ, о причинахъ возстанія въ Украйнѣ, необходимости прекращенія жестокаго мщенія украинскимъ крестьянамъ со стороны ихъ помѣщиковъ, посылкѣ имъ новыхъ командъ въ Украйну по просьбамъ тамошней шляхты, косвенномъ участіи запорожскаго Коша въ происходящемъ возстаніи и проч.

Августа 26 дня 1768 г.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Приложа о исполненіи высочайшаго ея императорскаго величества имяннаго указа, въ извѣстной вашему сіятельству ма-

Библиотека "Руниверс"

терія, всеподданнѣйшую реляцію мою для поднесенія въ собственныя руки, начинаю послѣдованіе о пограничныхъ дѣлахъ всепокорнѣйшимъ благодареніемъ, что ваше сіятельство преподаете мнѣ способы, изъ милостивой откровенности своей, къ произведенію возложенныхъ на меня повелѣній. Они посредствовали мнѣ удостоиться за то и высочайшаго ея императорскаго величества благоволенія, которое пріобрѣтаю паче въ послѣднемъ рескриптѣ. Я теперь нахожусь въ лагерѣ подъ г. Переславомъ, и какъ мнѣ хотѣлось самому ближе вникнуть въ польскія дѣла, то потому до сего времени все повелѣнное первымъ рескриптомъ еще не было выполнено надъ выбѣгшими въ сей городъ подъ протекцію поляками, кромѣ что оные обезоруженные жили подъ присмотромъ.

За проѣздомъ моимъ, когда они приведены чрезъ священника католическаго къ присягѣ и спрошены подъ оною: будучи въ Польшѣ не присягали-ль они конфедераціи барской, или другой, противъ варшавскаго сейму? и одни изъ нихъ признались, что въ повиновеніи означенному барскому заговору присягали съ принужденія конфедератовъ, наѣзжавшихъ на ихъ домы съ командою, а другіе совѣмъ показали себя въ томъ неучаствовавшими, въ сіе самое время отъ 3-го августа полученъ рескриптъ, въ которомъ по 3-му пункту иные уже объ нихъ мѣры предписаны, и для того я, не требуя отъ нихъ прежде повелѣнныхъ рецессовъ, приказалъ какъ тѣхъ, кои хотя кромѣ принужденной присяги никакимъ больше противнымъ дѣйствіямъ въ согласіи съ конфедератами не винились, такъ и необъявившихъ себя преступниками къ конфедераціи, по настоящему времени, изъ предосторожности и сомнительства, задержать ихъ неспускно въ семъ городѣ, объявивъ въ причину сего задержанія обстоятельства въ рескриптѣ значущіеся, и взявъ отъ нихъ всѣхъ обовязательства о скромномъ пребываніи, по присланной ко мнѣ формѣ на польскомъ языкѣ отъ Ѳедора Матвѣевича Воейкова.

При сихъ обстоятельствахъ, сколько явны мнѣ зрѣлыя вашего сіятельства проницанія, такъ обязаннымъ себя нахожу представить здѣсь о тѣхъ, коя и мое вниманіе на себя привлекаютъ. По объявленіямъ выбѣгающихъ сюда поповъ уніатовъ къ обращенію въ православіе, и прочимъ обстоятельствамъ, нѣтъ больше сомнѣнія, чтобъ весь сей небезбѣдственный мятежъ не подъятъ былъ изъ простаго усердія къ вѣрѣ православной, которой противоборства свои римское духовенство распространяло съ лю-

Библиотека "Руниверс"

тымъ безчеловѣчіемъ надъ простолюдинами и съ поруганіемъ нестерпимымъ попамъ благочестивымъ. Каковы неистовыя удрученія мирскимъ и духовнымъ описаны обстоятельно въ протестѣ сообщенномъ отъ синода иностранной коллегіи, которые чрезъ архіерея переяславскаго все православное общество пограничныхъ старостъ и губерній сего году переслали въ Варшаву, гдѣ оный и внесенъ въ книги. А и сами изъ пребывающихъ тутъ подъ покровительствомъ шляхетства формально въ подаваемыхъ мнѣ просьбахъ сознаютъ, что настоящія въ отечествѣ ихъ бѣдствія родили суровые поступки, противъ исповѣдающихъ законъ греческой церкви, оффиціала унятскаго Мокрицкаго; прибавивъ къ сему еще и то, что ложный слухъ, пронесенный запорожцами, и составленные отъ имени ея императорскаго величества указы, чѣмъ простолюдиновъ легко было ослѣпить умы, что сіи всѣ пограничныя мѣста пріемлются подъ россійскую державу и навсегда съ подъ владѣнія польскаго освобождаются.

И такъ хотя злыя дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ жителей по себѣ не простительны, но много однакоже изъ нихъ есть такихъ, которые присовокупились къ мятежникамъ въ лучшемъ намѣреніи и надеждѣ на вышеписанныя предложенія, которыми уловили ихъ на счетъ нашего покровительства; теперь всѣ они предались отчаянію съ опасности воображаемыхъ мученій отъ своихъ властей. Тѣ, которые для разсѣянія манифестовъ посылаемы были отъ меня за границу, возвратясь объявили, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители приняли содержаніе оныхъ со всякою благодарностію и послушаніемъ, но къ тому не преминули жаловаться, сколько они послѣ сего страшатся крайнихъ бѣдствій себѣ, въ руки отдавшись своимъ владѣльцамъ, которые то уже и показали, предавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ смерти.

Вникнувъ въ примѣры прошедшихъ временъ, ваше сіятельство сами найдете, что условія, заключенныя съ сею сосѣднею державою, не всегда оставались непоколебимы; потому мое, безъ предложенія, мнѣніе по сему преподать осмѣливаюсь: чтобъ не изгнать изъ сердецъ искренней преклонности къ нашей сторонѣ, которую соблюдать изъ тѣхъ-же самыхъ причинъ, во всякое время не безполезно изобрѣсть средства, чтобъ облегчая сихъ польскихъ подданныхъ участь, не оставить ихъ въ жертву полнаго мщенія господъ, но послѣднихъ сократить къ тому въ умѣренность власть; вы же, ваше сіятельство, изобильныя найдете, уповаю, сами къ сему средства.

Библиотека "Руниверс"

Я, по старанію о тишинѣ пограничной, умножаю посылку за границу командъ, слыша въ близости продолжающіяся еще неспокойства по поводу найпаче отчаянныхъ тамошнихъ жителей; однакожъ, истребляя гайдамакъ, для самыхъ жителей показую только видъ оружія, повелѣвая больше командирамъ увѣщевать и обнадеживать ихъ высочайшимъ императорскимъ милосердіемъ, яко къ единовѣрнымъ, чтобъ они отошли въ свои селенія и жили покойно.

Здѣсь пребывающее шляхетство подали мнѣ просьбы, чтобъ для охраненія ихъ имѣній послать въ оныя команды на ихъ коштъ. Подъ симъ претекстомъ я отправлю въ показанныя ими мѣста команды, которыя тамъ содержаны будутъ къ истребленію послѣднихъ разбойническихъ отдѣленій и къ приведенію въ тишину мятущихся; сіе учинить тѣмъ болѣе нужно, что московскій карабинерный полкъ, которому, по письму ко мнѣ съ Варшавы князя Николая Васильевича Репнина, повелѣлъ я уже обращаться по повелѣніямъ командующаго корпусомъ генерала-маіора Прозоровскаго, можетъ въ даль въ Польшу подвинутъ быть отъ границъ нашихъ.

Я еще беру смѣлость, изъ довѣренности ко мнѣ вашего сіятельства, идеально токмо начертать одно разсужденіе, оставивъ зрѣлому вашему проницанію обратить виды онаго по лучшему искусству. Староста трехтемировскій Щенявской, отъ давнихъ временъ злодѣй нашимъ граничнымъ жителямъ, его отвага не въ томъ только была, что безвинно непрестанныя дѣлалъ грабленія, но въ одно время захватилъ двухъ драгунъ съ форпоста съ капраломъ, и усиловуясь завладѣть однимъ островомъ, нашей сторонѣ надлежащимъ, поставилъ въ страхъ на ономъ висѣлицы. Я сіе вспоминаю потому, что даны уже были объ немъ съ нашей стороны повелѣнія, чтобъ его подхватить. Онъ теперь въ конфедераціи и главнымъ руководителемъ, а староство его трехтемировское самое ближнее къ нашимъ границамъ, и въ ономъ неспокойства крестьянъ продолжаются; не могутъ-ли сіи обстоятельства быть достаточнымъ поводомъ, чтобъ сіи показанныя Щенявскаго деревни взять подъ секвестръ? Польза изъ оныхъ ежели бы признана не была потребною сторонѣ нашей, то предлогъ есть взыскивать во удовольство разграбленныхъ съ повелѣнія его Щенявскаго королевской трехтемировской камеры, или отдать оныя одному изъ благонамѣренныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Говоря о запорожскихъ козакахъ, долженъ объявить вашему сіятельству мои примѣчанія, что не одна алчба, сродная симъ людямъ къ хищенію, побудила ихъ на своевольства, но въ Сѣчи пронесенная вообще молва, что грабительствовать теперь въ Польшѣ есть благословенное дѣло. Можно думать безъ ошибки, что не безъ участія въ семъ были главные ихъ старшины, ибо пойманные признаются, что строгости никакой не хранилось въ удержаніи ихъ выбѣговъ въ Польшу, и увѣрено, что сія польская страна достанется подъ начальство гетманское и кошеваго.

Я въ прочемъ имѣю честь ввѣрить себя вашему сіятельству въ непремѣнную милость, съ моею совершенною преданностію и усерднѣйшимъ высокопочитаніемъ назваться.—*Слѣдуетъ подпись.*

№ 793. Изъ лагеря подъ Переяславомъ.

XIX.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о задержаніи имъ перебѣжавшихъ въ Переяславъ польскихъ пановъ, посылкѣ имъ новыхъ командъ въ Украйну для подавленія непрекращающагося тамъ возстанія, слабомъ дѣйствіи на тамошнее населеніе манифеста (9 іюля), разбитіи отряда атамана Майбороды близъ м. Мошенъ и проч.

26 августа 1768 г.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Приводя въ исполненіе высочайшія вашего императорскаго величества мнѣ данныя повелѣнія о полякахъ, выбѣгающихъ подъ протекцію, когда, при моей бытности теперь въ лагерѣ подъ городомъ Переяславомъ, открыли подъ присягою одни изъ нихъ преступленія свои въ присягѣ одной только, кромѣ всякихъ злыхъ содѣйствій, къ конфедераціи, по принужденію якобы имъ въ томъ чинимомъ, а другіе не признались во участіи никакому противному заговору, и приступлено было, чтобъ у первыхъ взять подлежащіе рецессы,—то въ сіе самое время получилъ я другой высочайшій рескриптъ вашего императорскаго величества, отъ 5-го августа изъ иностранной коллегіи пущенный ко мнѣ, въ которомъ предписаны другія уже мѣры къ поступленію съ ними. Почему и повелѣлъ я ихъ всѣхъ въ семъ городѣ неспускно держать съ большимъ противъ прежняго присмотромъ, взявъ отъ каждаго обязательства о пребываніи во всякомъ благочиніи въ

Библиотека "Руниверс"

замѣну дозволяемаго имъ покровительства, по присланной формѣ на польскомъ языкѣ отъ господина генерала губернатора Воейкова, и объявивъ имъ, въ причину сего задержанія, обстоятельства, изображенныя въ семъ высочайшемъ рескриптѣ.

Сокращая въ близости границъ волненія польскихъ жителей, которыя до днесь еще не успокоены, и не истреблены совершенно остатки разбойническихъ шаекъ вновь возрождающихся по поводу и участію самихъ же тамошнихъ жителей, коихъ одно отчаяніе, по воображенію страха отъ мщенія своихъ господъ, подвигаютъ на всякую крайность, прибавляю я часто посылки за границу военныхъ командъ, предписуя начальникамъ больше взбунтовавшихся жителей обращать увѣщеваніемъ и обнадеживаніемъ высочайшимъ вашего императорскаго величества милосердіемъ, ежели они возвратятся въ свои домы къ спокойной жизни, а прямую силу оружія обращать паче на злыхъ разорителей.

По распубликованіи высочайшаго вашего императорскаго величества манифеста, изданнаго на случай сихъ смятеній въ Польшѣ, возвратившіеся нарочные объявляютъ, что въ однихъ мѣстахъ со всеподданнѣйшею благодарностію и повиновеніемъ жители оный приняли, въ другихъ показали унынie въ своихъ сердцахъ, потому что не чаютъ уже отъ раздраженныхъ своихъ господъ никакого себѣ помилованія, а нѣкоторые прямо объявили, что они не могутъ тѣхъ признавать разбойниками, которые отъ предстоявшей имъ отъ поляковъ за православную вѣру смерти ихъ охранили, слѣдственно и отъ поисковъ надъ оными отказуются. Сихъ упорствующихъ противъ кратчайшихъ и имъ спасительныхъ средствъ, конечно, страхъ оружія посланныхъ туда командъ принудитъ отложить всякую жестокость и неповиновеніе.

Я недавно услышавъ, что близъ Канева дѣлаетъ разоренія вновь собравшаяся шайка разбойническая подъ предводительствомъ атамана Майбороды, отправилъ для поимки оной секундъ-маіора Вурма съ однимъ эскадрономъ карабинернаго ростовскаго полку и двумя стами козаковъ, который ихъ преслѣдуя настигъ въ мѣстечкѣ Мошнахъ, гдѣ они заперлись въ замкѣ; когда начали сопротивляться командѣ (ихъ прежде увѣщевали къ сдачѣ) и подстрѣлили одного карабинера, который отъ тѣхъ ранъ и умре, то помянутый секундъ-маіоръ, ихъ атаковавъ, взялъ 26 человѣкъ съ помянутымъ атаманомъ Майбородою живыхъ, а 6 оста-

Библиотека "Руниверс"

вилъ убитыхъ, протчіе-же, бросившись къ побѣгу въ рѣку, въ оной утопились. Сихъ разбойниковъ представилъ онъ ко мнѣ въ Переяславъ, изъ которыхъ по допросамъ показавшіе себя запорожцами отданы будутъ въ надлежащій судъ, а съ польскими жителями, въ сей-же шайкѣ нашедшимись, какъ поступать—прошу въ реляцію себѣ высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія.

И при донесеніи всеподданнѣйшемъ о вышеписанномъ, представляю именный списокъ [1]) всѣмъ шляхтичамъ содержащимся въ городѣ Переяславѣ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.—*Слѣдуетъ подпись.*

26 августа 1768 года, изъ лагеря подъ Переяславомъ.

XX.

Секретное донесеніе гр. П. А. Румянцева имп. Екатеринѣ II о неотысканіи имъ переправляемыхъ генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ чрезъ Днѣпръ обозовъ (съ отнятою отъ гайдамакъ добычею), съ предположеніемъ, что таковые могутъ слѣдовать чрезъ форпосты вѣдомства генералъ-губернатора Воейкова.

26 августа 1768 г., изъ Переяслава.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Въ исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, посланные отъ меня надежные люди во всѣ мѣста вѣдомства моего пограничныя, чрезъ которыя изъ Польши проѣзды бываютъ, для отысканія свѣдѣнія о проходѣ обозовъ генерала Кречетникова, возвратясь теперь объявили, что они какъ по запискамъ смотрителей форпостныхъ, такъ и подъ секретомъ постороннимъ развѣдываніями, ни въ которомъ мѣстѣ не нашли, чтобъ пропущены были какія его посылки. Донося о томъ всеподданнѣйше, уповаю, что всѣ такія корысти, къ предосужденію толь близкому общей славѣ и чести военныхъ начальниковъ пріобрѣтенныя, ежели еще не провезены, то слѣдовать будутъ чрезъ форпосты, состоящіе подъ вѣденіемъ господина генералъ-губернатора кіевскаго Воейкова.—*Слѣдуетъ подпись.*

---

[1]) Упоминаемаго здѣсь списка въ сборникѣ М. А. Максимовича не оказалось.

Библиотека "Руниверс"

XXI.

Выписка, сдѣланная М. А. Максимовичемъ изъ письма гр. П. А. Румянцева къ Θ. М. Воейкову, которымъ Румянцевъ отклоняетъ Воейкова отъ начатой имъ посылки пойманныхъ гайдамакъ въ елисаветградскую провинцію, а совѣтуетъ отправлять таковыхъ въ Глуховъ для суда.

Графъ П. А. Румянцевъ въ сообщеніи своемъ къ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, отъ 26 августа 1768 г., между прочимъ пишетъ:

„Я не хотѣлъ повѣрить рапорту теперь полученному отъ полковника Протасьева, что онъ отправляетъ пойманныхъ гайдамакъ, по ордеру вашего высокопревосходительства, по способности, въ елисаветградскую провинцію. Я будучи преданъ вашему высокопревосходительству всякимъ чистосердечіемъ и откровенностію, нахожу потребнымъ сказать, что въ тѣ мѣста отправленіемъ сихъ гайдамакъ само собою умножитъ причины неспокойства и опасностей. Лучше будетъ, ежели вы прикажете всѣхъ малороссійскаго вѣдомства отъ мѣста до мѣста отправлять въ Глуховъ, къ поступленію съ ними паки по надлежащему, какъ и я то всегда чиню, а польскихъ мужиковъ туда дѣвать, гдѣ повелѣніе опредѣлитъ, если уже оное имѣете на свои представленія". — *Слѣдуетъ подпись*

XXII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину, которымъ онъ, опровергая дошедшее до него обвиненіе кн. Репнинымъ переяславскаго епископа Гервасія Линцевскаго и мотронинскаго игумена Мелхиседека въ происшедшемъ въ Украйнѣ возстаніи, излагаетъ свой общій взглядъ на это дѣло и выясняетъ необходимость, въ интересахъ русской политики, поддерживать въ Украйнѣ православіе, указывая на симпатіи къ возставшимъ какъ Запорожья, такъ и лѣвобережной Украйны, и проч.

Сентября (8?) дня 1768 года, Глуховъ.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

При отъѣздѣ обратномъ отсюда военной коллегіи курьера, имѣю честь вашему сіятельству объявить, что я какъ въ разсужденіи Порты Оттоманской болѣе уже не слышу извѣстій, сверхъ

Библиотека "Руниверс"

сообщенныхъ отъ меня вамъ съ нарочнымъ курьеромъ, такъ и командующій теперь корпусомъ генералъ маіоръ князь Прозоровскій и находящійся въ Польшѣ полковникъ Протасьевъ репортами своими увѣдомляютъ, что на настоящее время утихло довольно волненіе тамошнихъ жителей. Помянутый генералъ-маіоръ приложилъ мнѣ экстрактъ изъ повелѣнія ему даннаго отъ нашего посла князя Репнина, гдѣ онъ, судя поступки архіерея переяславскаго и игумена мотронинскаго монастыря Мельхиседека, признаетъ ихъ давшими поводъ и участвующими въ настоящихъ смятеніяхъ польскихъ. Я уже вашему сіятельству, отъ 26 числа прошедшаго мѣсяца, имѣлъ честь объяснить, что сей старецъ поведенія свои противъ прибѣгающихъ къ нему уніатскихъ поповъ основывалъ на должности своего пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія, и по установленіямъ новѣйшимъ самаго короля нынѣшняго о взаимной свободѣ въ перемѣнѣ состоянія такъ православнаго на уніатское, яко и послѣдняго на первое, приводя въ оправданіе свое, что его предмѣстники въ самый Радомыслъ, мѣсто каѳедральное біскуповъ уніатскихъ, посвящали въ Переяславѣ поповъ; но не извинительно одно только, что къ тому приступилъ онъ безъ формальнаго повелѣнія себѣ. Но какъ всѣмъ вещамъ въ отдаленности можно виды придѣлать иные, совсѣмъ отъ существенныхъ разные, то паче же при настоящемъ случаѣ употребить могли поляки, преобразивъ всякія извѣстія въ пользу своей стороны, ища тѣмъ способомъ удержать въ сей странѣ людей, къ крайнему ихъ неудовольству обращающихся къ вѣрѣ, прежде ими исповѣданной и отъ которой они отведены однимъ насиліемъ и принужденіемъ властей, то потому предразсужденіе ведетъ мысль, что и нашъ посолъ иногда не столь удобно обозрѣть можетъ настоящія дѣйствія, какъ въ отдаленности отъ его пребыванія происходящія.

По разумѣнію сего я мои примѣчанія представилъ вашему сіятельству въ помянутомъ письмѣ, сколько мнѣ сіи дѣла, какъ близко на нихъ взирающему, кажутся въ настоящемъ положеніи и слѣдствіяхъ своихъ; такъ и теперь, довѣренностію вашею пользуясь, въ прибавокъ прежнему сказать осмѣливаюсь: поелику обоихъ нашихъ здѣсь сосѣдей союзъ установленный не есть толь твердъ и неподвиженъ, чтобъ всегда намъ обнадѣиться возможно на непоколебимость онаго, разумѣя ихъ свойства удобопреклонныя во всѣ стороны, то изъ сихъ причинъ во всякое время полезно сохранить единовѣріе давнее наше въ польскихъ жителяхъ, какъ

Библиотека "Руниверс"

обязательство ревности и усердія ихъ къ нашей сторонѣ. Примѣръ сему показуетъ и настоящій случай: когда конфедераты, собираясь на самомъ противъ насъ берегу рѣки Днѣпра, ко умноженію своихъ силъ забрали было къ себѣ всѣхъ польскихъ козаковъ, чтобъ съ оными ополчиться противъ нашихъ войскъ, то коль скоро сіи козаки и другіе жители вооруженные противниками свѣдали, что ихъ ведутъ поборствовать по вѣрѣ римской, вдругъ не только отложились отъ послушанія своимъ вождямъ, но и прямо на самихъ ихъ по сему случаю возстали; инако-же всѣ сіи дѣйствія и силы должны были они на наши войска или на жителей пограничныхъ устремить, которыя вопреки обратили на вредъ самихъ заводителей, не хотя быть ихъ единовѣрными и единомышленниками. Извѣстный губернаторъ Сасинъ, подъ арестомъ содержащійся, уполномоченъ былъ нарочно отъ господина своего, бунтовщика Щенявскаго, чтобъ собрать всѣхъ пограничныхъ козаковъ и противо насъ поставить; токмо сіи жители, свѣдавши, для чего сіе дѣлается, притѣснили самаго конфедерата столько, что онъ, съ опасности лишиться жизни, выбѣжалъ въ наши границы.

Проницаніе вашего сіятельства, конечно, не минетъ сей пунктъ сообразить со всѣми окрестностями оному противустоящими. Я уже до сего вамъ объявилъ, что опубликованный манифестъ хотя произвелъ въ жителяхъ желаемое дѣйствіе, но гайдамаковъ не престаютъ они признавать за прямыхъ своихъ избавителей отъ несноснаго имъ ига польскаго, въ разсужденіи принужденія вѣры, а жидовскаго, по тягостнымъ ихъ сборамъ, истощающимъ силы ихъ и, какъ они говорятъ, самою изъ нихъ выжатою кровію обогащавшихся. Та и другая тягость, удручавшая ихъ несказанно, отмщевалась рукою ихъ полякамъ и жидамъ при настоящемъ случаѣ. Въ такомъ сихъ жителей положеніи, когда въ сердцахъ ихъ распространилась и усилилась горячность къ благочестію, ежели отнять ихъ въ томъ свободу, и удаливъ надежду, которую они полагаютъ въ покровительствѣ высочайшемъ ея императорскаго величества, подвергнуть ихъ состоянію тому-же, что и были, то я ваше сіятельство предварительно предувѣряю о слѣдствіяхъ непріятныхъ, неминуемо изъ того возродящихся, что тогда поведутъ они общее съ Сѣчью дѣло, ибо запорожскіе и польскіе козаки союзомъ самаго родства и преклонности такъ между собою сопряжены, что братъ одинъ въ томъ селеніи, другой въ другомъ жительствуютъ и по произволенію перемѣняютъ свое пребываніе.

Библиотека "Руниверс"

Я не ручаюсь и за всѣхъ здѣшнихъ жителей, чтобъ нѣкоторые изъ толпы на сіи, по ихъ разумѣнію, законные подвиги въ томъ случаѣ себя не опредѣлили; я примѣтилъ тайную уже молву, будучи въ Переяславѣ, въ живущихъ близъ границы, что они равно польскимъ жителямъ думаютъ о гайдамакахъ.

Но не возмните, ваше сіятельство, чтобъ я моими объясненіями преподавалъ вамъ совѣты или оные писалъ бы къ какому либо наставленію: нѣтъ милостивый государь, мнѣ достаточно извѣстно и ваше благоразуміе, и изобиліе въ способахъ предохранительныхъ интересовъ ея величества и пользы государства; а я только мои примѣчанія о дѣлахъ себѣ приближенныхъ, столько отъ должности моей, какъ и въ воздаяніе особливо дознаваемой отъ васъ къ себѣ откровенности и милости, приношу, будучи всегда съ должнымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства.

P. S. Я, противъ моего расположенія, и лѣтніе дни принужденъ былъ препроводить въ Переяславѣ, покудова могъ уже видѣть, что всѣ ватаги разбойниковъ вблизи границъ истреблены. Теперь я нахожусь въ Глуховѣ, куда меня на нѣкоторое время призвали по моей должности другія дѣла; я на сихъ дняхъ выѣду въ Полтаву для осмотру полковъ другой разъ въ лагерѣ собранныхъ, гдѣ будучи въ приближеніи, еще удобнѣе и лучше могу развѣдать обстоятельства нашихъ и въ ту сторону сосѣдей.— *Слѣдуетъ подпись.*

XXIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ командующему русскими войсками въ Новороссіи, кн. А. А. Прозоровскому, съ предоставленіемъ въ его распоряженіе дѣйствовавшаго противъ гайдамакъ московскаго карабинернаго полка, какъ уже не нужнаго, для этой цѣли, и изложеніемъ оправданія переяславскаго епископа Гервасія Линцевскаго и мотронинскаго игумена Мелхиседека Значка-Яворскаго, по обвиненію ихъ въ возбужденіи возстанія въ Украйнѣ.

Сентября 8-го (1768 г.)

Милостивый государь, князь Александръ Александровичъ!

Рапортъ вашего сіятельства, отъ 31 августа, съ приложеннымъ экстрактомъ, я имѣлъ честь получить исправно, и на оное въ отвѣтъ симъ служу. По препорученіи въ команду вашу мос-

Библиотека "Руниверс"

ковскаго карабинернаго полка, ваше сіятельство имѣете полную власть располагать онымъ по надобности случаевъ и точному своему благоразсмотрѣнію, ибо въ разсужденіи гайдамакъ, о коихъ изъ рапорта вашего видно, что ихъ въ Польшѣ уже не слышно, нѣтъ нужды оному болѣе обращаться тамо, какъ и мнѣ командировать туда другаго полку, а вмѣсто того приказалъ я господину генералъ-порутчику фонъ-Дальке: еслибы появились вновь каковы либо партіи гайдамакъ, по первѣйшимъ извѣстіямъ посылать на ту сторону Днѣпра, для истребленія оныхъ, команды, по примѣру тому, какъ въ бытность мою здѣсь то чинено было съ успѣхомъ.

Чтожъ принадлежитъ до здѣшняго епископа и мотронинскаго игумена поступковъ, и въ самомъ началѣ по пріѣздѣ моемъ въ Переяславъ усмотря великое множество здѣсь уніатскихъ поповъ, о томъ епископу сказалъ мое удивленіе, но въ отвѣтъ отъ него получилъ слѣдующее: 1) что между положеніями обоихъ церквей не позбранено уніатамъ по надобностямъ приходить къ православному, а православнымъ попамъ къ уніатскому архіереямъ, 2) что по притерпѣніи многими изъ православныхъ поповъ отъ конфедераціи великихъ въ вѣрѣ утесненій и мучительствъ, принуждены оные были иные сдѣлаться уніатами, а иные искали убѣжище у него, и 3) что по вступленіи гайдамакъ въ Польшу, кои, согласясь съ мужиками, мщеніе свое, какъ показываютъ, за прежнія отъ поляковъ мучительства производили столь далеко, что невинные младенцы щадимы не были, обратившіеся въ унію священники не имѣли другова средства къ своему спасенію, какъ только, подражая перво вышедшимъ, искать себѣ защищенія у его-же; а по миновеніи отъ конфедераціи и гайдимаковъ безпокойствъ, большая часть оныхъ обратно отправились. Но игуменъ мотронинской объявляетъ, какъ онъ еще въ прошедшемъ 1767 году, въ маѣ мѣсяцѣ, выѣхалъ изъ монастыря своего, находясь всегда внѣ онаго, не только о обращеніяхъ гайдамаковъ, но и монастырѣ своемъ никакова извѣстія не имѣетъ.

Впрочемъ особливымъ для себя имѣю удовольствіемъ пожелать вашему сіятельству, при семъ случаѣ, въ порученномъ вамъ дѣлѣ благополучныхъ успѣховъ.— *Слѣдуетъ подпись.*

Отправлено 8 сентября изъ Переяслава.

Библиотека "Руниверс"

XXIV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу въ Варшавѣ, кн. Н. В. Репнину, съ изъясненіемъ необходимости примиренія украинскихъ пановъ съ возставшими ихъ крестьянами, изложеніемъ взгляда его на переяславскаго епископа Гервасія и мотронинскаго игумена Мелхиседека по отношенію ихъ къ возстанію и выраженіемъ сочувствія къ Репнину въ его трудномъ относительно этого дѣла положеніи.

23 сентября (1768 г.)

Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

При благодареніи за послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ $^{9}/_{20}$ сентября, я новаго ничего изъ здѣшнихъ мѣстъ сообщить вамъ не нахожу, какъ повторить прежнія мои изъясненія, коль нужна благость помѣщиковъ польскихъ къ своимъ взбунтовавшимся крестьянамъ, чтобъ привесть ихъ въ прежнее повиновеніе, къ которому они уже преклоняются, и колеблются однимъ только страхомъ мщенія.

О поступкахъ архіерея переяславскаго я нимало не свѣдомъ, тѣмъ меньше ручаться могу за игумена мотронинскаго, хотя первый всегда мнѣ кажется такимъ черноризцемъ, который въ глубокой своей уже старости *) посвятилъ себя строгому благоговѣнію, и совсемъ не является удобнымъ къ сплетенію той интриги, въ которой его подозрѣваютъ. Многихъ-же къ нему уніатскихъ приходящихъ поповъ я самъ въ Переяславѣ видѣлъ, которые сказуютъ, что прежде въ унію ихъ привело принужденіе тамошнихъ властей, а теперь отъ оныя къ благочестію обращаетъ неминуемая гибель, которою угрожаетъ простой народъ возмутившійся.

Я самъ, кромѣ вашего объявленія, былъ въ томъ увѣренъ, что положеніе дѣлъ вами отправляемыхъ сколь приноситъ для васъ славы, то не меньше плотите вы за то трудами и неумѣренною заботою. Въ обстоятельствахъ сихъ я представляю вамъ, любезнѣйшій мой другъ, что не будетъ такого препятствія и самой невозможности, которую бы вы своимъ талантомъ не въ состояніи были преодолѣть. Я думаю, противъ недоброхотовъ есть много и доброжелателей, которые свои силы соединяютъ вашимъ на возстановленіе благосостоянія общаго.

---

*) Ему было въ это время 84 года.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

Я обнадежившись вашимъ благосклоннымъ обѣщаніемъ о частыхъ меня увѣдомленіяхъ въ происхожденіи вашихъ дѣлъ, имѣю честь пребывать съ должнымъ почтеніемъ.— *Слѣдуетъ подпись.*

XXV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину, которымъ онъ выражаетъ себя въ высказанномъ имъ прежде взглядѣ на украинское возстаніе, какъ не согласномъ съ общими политическими видами имп. Екатерины II и самаго Панина, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія о враждебномъ настроеніи къ намъ Турціи и ея намѣреніяхъ.

27 сентября (1768 г.).

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Если вспоможеніе во всякой вещи дѣлаетъ насъ обязанными, то какъ больше должны мы благодарностію таковымъ людямъ, которые въ дѣлахъ нашихъ руководствуютъ насъ полезными наставленіями. Такъ, милостивый государь, я сталъ долженъ вашему сіятельству непрестаннымъ чувствованіемъ великаго вашего ко мнѣ благоволенія, которое доказуетъ въ письмѣ своемъ отъ 19-го сего мѣсяца, вразумляя меня изображеніями, одвимъ—въ видѣ министра, другимъ—въ качествѣ друга. Тутъ ваше сіятельство, въ особѣ государственныхъ дѣлъ правителя, показали мнѣ верховность своего просвѣщенія содѣяніями, относящимися къ наибольшимъ между великими, столько-же и превосходства въ дружеской для меня откровенности, снисходительности и усердія. Я сіи начертанія сохраню какъ поученія мудрости, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что я, онымъ слѣдуя, безпечнымъ останусь отъ всякаго преткновенія.

Посему изъясню я вашему сіятельству, что мои примѣчанія, на которыя мнѣ отвѣтствуете, касательно до религіи и состоянія взволновавшихся польскихъ крестьянъ, были только гадательныя, а не положительныя; смѣшанная тамъ моя идея простиралась токмо по воззрѣнію на обстоятельства наружныя такъ пограничныхъ жителей польскихъ, яко и изъ предосторожности противъ сосѣда другаго, который явно уже обнажается теперь въ своихъ намѣреніяхъ.

Съ курьеромъ, вчера отправленнымъ, наполнилъ я мои къ вамъ депеши, предусматривая по положенію и движеніямъ турец-

Библиотека "Руниверс"

кихъ войскъ. Ихъ непремѣнное намѣреніе, вступя въ Польшу, воспятить нашимъ тамъ подвигамъ. Между повелѣніями, долженствующими непосредственно уже ограничить сей случай, я вашему сіятельству найбольше нужнымъ повторить честь имѣю то, что отъ 5-го числа писалъ о приведеніи всѣхъ здѣшнихъ военныхъ силъ подъ единоначаліе. Съ моей стороны, сколько позволяли здѣшніе способы, я предосторожность на неожидаемыя происшествія уже употребилъ и располагать буду; но всякій начальникъ лучше тутъ подѣйствуетъ, когда не могутъ встрѣтиться расположеніямъ его другаго мысли и несогласія.

Я немедленно начну исполнять прибавленныя мнѣ теперь повелѣнія о польскомъ шляхетствѣ и крестьянахъ, и столько-же наблюденіе имѣть и за поступками архіерея переяславскаго, если бы его не воздержало одно уже повелѣніе ваше, которому сообщеніе противное съ уніатскими попами вовсе пресѣкться можетъ, ежели ваше сіятельство изволите согласиться, чтобъ ихъ ни единаго чрезъ границу въ Переславъ не пропускать, такъ какъ и пришедшихъ назадъ высылать.

Теперь всѣ правила, поелику они въ системѣ толь полезной, коль описаны мнѣ вашимъ сіятельствомъ интересующія намѣренія ея императорскаго величества, я съ благодареніемъ отъ васъ узнавши, всѣ послѣдованія въ сихъ дѣлахъ нужныхъ соглашать оныя стараться буду. Воспоминая то въ честь себѣ, что ваше сіятельство бывши въ томъ мнѣ руководителемъ, станете вы принимать посему всѣ дѣйствія мои, какъ плодъ вашихъ наставленій, позволяя тѣмъ самимъ непрестанно называться съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію. — *Слѣдуетъ подпись.*

XXVI.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева переяславской полковой канцеляріи отпустить пойманныхъ вмѣстѣ съ гайдамаками украинскихъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ съ формальными видами, взявъ съ первыхъ присягу въ покорности, располагая послѣднихъ къ прощенію, и проч.

Сентября 27 го (1768 г.) № 940.

Ордеръ полковой переяславской канцеляріи.

Всѣхъ преданныхъ къ содержанію при оной полковой канцеляріи польскихъ жителей, взятыхъ вмѣстѣ съ гайдамаками по возмущеніямъ, отъ нихъ въ Польшѣ происходившимъ, та канце-

Библиотека "Руниверс"

лярія имѣетъ нынѣ освободивъ отправить въ ихъ домы, но со взятіемъ однако-жъ напередъ отъ нихъ присяги, что они, чувствуя сію милость, прямо въ оные возвратятся и будутъ тамъ жить въ тишинѣ и повиновеніи властямъ своимъ; а чтобъ ихъ при семъ отпускѣ охранить отъ истязаній помѣщиковъ, кои-бы иногда и надъ раскаявшимися прежнее возмущеніе мстить захотѣли, то полковая канцелярія, на сей случай, дать имъ имѣетъ урядовое отъ себя письменное препровожденіе къ ихъ помѣщикамъ, склоняя послѣднихъ въ ономъ къ прощенію въ преступленіи, отъ буйства и слѣпоты происшедшемъ, въ которомъ отпущаемые признательно раскаиваются и дали клятвенныя предъ Богомъ по себѣ обязательства о всякой отселѣ покорности; инакоже, своею мстительностію противиться они будутъ собственному своему интересу, тѣмъ паче, что на отпускъ помянутыхъ сихъ людей не инако, какъ въ сей надеждѣ, приступлено. Къ симъ присоединить и напредъ по моему ордеру присланнаго жителя польскаго мѣстечка Медвѣдовки, Саву Шпаченка, пойманнаго обще съ козакомъ сотни каневской Василіемъ Кущенкомъ, который къ осужденію отосланъ въ судъ генеральный.—*Слѣдуетъ подпись.*

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

РѢЧЬ

„О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ“ МАЛОРОССІИ.

Помѣщаемая рѣчь получена нами отъ А. М. Лазаревскаго, а ему досталась отъ умершаго уже нѣсколько лѣтъ назадъ предводителя дворянства конотопскаго уѣзда П. Гр. Кандыбы († 1868 г.), у котораго хранилась, какъ любопытная рѣдкость, съ такимъ заглавіемъ: «копія древней малороссійской рукописи, написанной въ царствованіе императрицы Елисаветы, при гетманѣ графѣ Разумовскомъ». Копія эта, судя по почерку,—30 или 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и самъ Кандыба не зналъ, кажется, ея происхожденія.

Время оригинала приблизительно опредѣляется заглавіемъ рукописи и ея содержаніемъ; но кѣмъ, гдѣ и по какому именно случаю сказана самая рѣчь, рѣшить трудно. Съ достовѣрностію полагать можно, что она произнесена гдѣ-то въ Черниговщинѣ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ первые годы гетманства Разумовскаго. Очень вѣроятно, что это призрачное и случайное возстановленіе гетманскаго достоинства и возведеніе въ этотъ санъ бывшаго придворнаго пѣвчаго воодушевило его соотчичей надеждами на возвращеніе старыхъ порядковъ, когда знатной старшинѣ козацкой жилось еще льготнѣе, чѣмъ теперь подъ протекціею и наблюденіемъ россійскихъ правителей, предъ которыми надо было изгибаться и умѣть изворачиваться, чтобы располагать богатыми «маетностями», и они, рѣшившись воспользоваться близостію гетмана къ императрицѣ, собрались гдѣ-то для разсужденій о поправленіи состоянія любезнаго своего отечества — лѣвобережной Украйны, носившей названіе Малороссіи. Ни въ самой рѣчи, ни въ какихъ-либо современныхъ документахъ нѣтъ указаній на официальный характеръ собранія. Самъ ораторъ какъ будто случайно попадаетъ въ собраніе, хотя рѣчь его видимо подготовлена и весьма старательно. Въ ней довольно мѣстнаго патріотическаго зуда, еще болѣе краснорѣчія, но немного истиннаго знанія нуждъ родины и еще менѣе яснаго представленія о способахъ къ поправленію ея состоянія. Не легко человѣку, а тѣмъ болѣе цѣлому народу свыкаться съ новыми порядками, еще менѣе совершенными, и нечего удивляться въ подобныхъ случаяхъ нѣкоторой ламентаціи и радужнымъ обращеніямъ къ прошлому; но ни самъ ораторъ, ни, по всей вѣ-

Библиотека "Руниверс"

ролятности, и его слушатели не могли стать выше своихъ мѣстныхъ и даже сословныхъ воззрѣній. Шляхетская свобода, или льготы высшихъ классовъ, и прикрѣпленіе низшихъ,—таковы идеалы того времени и вмѣстѣ неизвѣстнаго автора. Мы не будемъ касаться частностей рѣчи; скажемъ лишь вообще, что это тѣ-же вожделѣнія, которыя воодушевляли малороссійское дворянство и спустя десятка полтора лѣтъ, при выборѣ депутатовъ въ кончившуюся ничѣмъ Екатерининскую коммисію 1767 г. и составленіи для нихъ наказовъ, но здѣсь картина тогдашнихъ порядковъ общѣе и разсужденія практическаго характера системнѣе, или цѣльнѣе. Во всякомъ случаѣ рѣчь имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе и, какъ памятнику такого рода, мы и даемъ ей мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Въ частности относительно личности автора мы можемъ допустить предположеніе, что это былъ одинъ изъ двухъ выдававшихся ораторовъ того времени: или М. В. Скоропадскій, бывшій генеральный подскарбій, ставшій жертвою интригъ Теплова, или не занимавшій никакого урада, рьяный патріотъ, Политика. Кто-бы ни былъ вирочемъ авторъ рѣчи, онъ хорошо былъ ознакомленъ съ правилами высшей реторики, какъ даетъ это чувствовать сама рѣчь.

Имѣя счастіе быть участникомъ благороднаго вашего собранія, въ которое вы, какъ мнѣ небезъизвѣстно, сошлись, чтобы разсуждать о поправленіи состоянія любезнаго отечества нашего, въ сомнѣніи нахожусь, лучше ли мнѣ отъ любви и усердія къ отечеству все то говорить, что слабой мой велитъ разсудокъ, или лучше обо всемъ молчать отъ жалости. Предки наши—славный оной народъ россійскій, послѣ несчастливаго разоренія татарами, будучи, какъ по доброму согласію, такъ по большей части завоеваніями, присоединены къ республикѣ польской, не меньше благоразумiемъ, какъ и мужествомъ своимъ дошли до того, что принятъ былъ на всѣ права, вольности и преимущества, которыми еще и нынѣ помянутая республика предъ цѣлымъ свѣтомъ хвалится. Въ семъ благополучномъ состояніи умѣлъ онъ себя содержать до тѣхъ временъ, пока зависть и насиліе не стали искать способовъ, какъ его всего того лишить; но и тутъ сохранялъ онъ себя тѣмъ-же благоразумiемъ и храбростію, защищая иногда себя своими правами и привилегіями, а иногда сила силою отвращая, пока, напослѣдокъ, будучи доведенъ до крайности, свергъ съ себя иго поляковъ и пришелъ въ подданство прежнихъ своихъ государей, всемилостивѣйшихъ россійскихъ монарховъ. Сколь радостно, столь милостиво приняли въ свою протекцію малороссійскій народъ сіи новыя владѣтели и не токмо всѣ

Библиотека "Руниверс"

тѣ вольности и права, которыя мы имѣли подъ Польшею подтвердили, но новыми и лучшими насъ наградить и пожаловать обѣщали. Но кто бы подумалъ, что съ самаго того времени, когда мы чрезъ сіе подданство думали сыскать наше благополучіе, наше спокойство и безопасность, началось наше злосчастіе и нарушеніе нашего покоя и благосостоянія? Кому же сіе приписать должно? Не внутреннимъ-ли нашимъ непорядкамъ и замѣшательствамъ, не властолюбію-ль приватныхъ людей? не пренебреженію-ли общаго добра и исканію своего собственнаго? Не злому-ли употребленію законовъ?—Не упоминая о другихъ безчисленныхъ безпорядкахъ, возьмите только въ разсудокъ и здравымъ умомъ разсмотрите исторію предковъ нашихъ и ихъ состояніе снесите съ нынѣшнимъ: гдѣ нынѣ славные оные люди, которые разумомъ и перомъ своимъ защищали вольности отечества нашего и благоразумно оными правили? Гдѣ нынѣ славные оные воины, которыхъ трепетали многіе европейскіе и азіатскіе народы, которыхъ дрожали Таврика и Константинополь, которыми въ пепелъ превращены многіе непріятельскіе города, которыми напослѣдокъ потрясена Польша, славное тогда въ свѣтѣ и сильное государство? Я смѣло скажу, что ихъ немного у насъ осталось и, что всего жалостнѣе, перевелися они въ недавнія лѣта, и почти въ памяти отцовъ нашихъ и нашей. Но для меня и словъ не достанетъ, если я захочу пространно изъяснить упадокъ отечества нашего и исчислять всѣ наши несчастія. И такъ, лучше мнѣ обратить рѣчь мою къ вамъ, благородное собраніе, и просить васъ чрезъ любовь отечества, чрезъ собственную вашу и потомковъ вашихъ честь и пользу, соберите всѣ силы ума вашего, подкрѣпите оные патріотическимъ усердіемъ и, отложивъ всѣ пристрастія и партикулярныя пользы, подумайте объ возстановленіи прежнихъ отечества вашего порядковъ и благосостоянія; а если вы мнѣ позволите вольный между вами имѣть голосъ, если прикажете объявить вамъ мое мнѣніе, то я вамъ предложу оное вкратцѣ и такъ, какъ велитъ мнѣ моя честь, совѣсть и польза отечества, которое я люблю больше моей жизни.

Отъ хорошаго учрежденія гражданскихъ и воинскихъ дѣлъ зависитъ все благополучіе государствъ. Гражданскіе у насъ дѣла совсѣмъ не на такомъ основаніи, какимъ оныя были во время бытности нашей подъ республикою польской и на какомъ мы приняты подъ державу россійскую. Были у насъ суды земскіе, гродскіе, подкоморскіе и протчіе. Къ содержанію правосудія и

Библиотека "Руниверс"

порядка учрежденные мѣста и чины, былъ надъ оными трибуналъ, были у насъ сеймы или генеральные рады, на которыхъ мы всѣ общіе и важнѣйшіе наши дѣла рѣшали, а новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нашей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло отъ того, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возросла и почти все себѣ присвоила воинская сила. И такъ надлежитъ намъ стараться, чтобы учредить всѣ тѣ чины и достоинства, которыя управляютъ гражданскими дѣлами на всемъ такомъ основаніи, какъ повелѣваютъ права наши, въ подтвержденіе которыхъ имѣемъ мы привилегію блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе о учрежденіи подкоморыхъ, которое намъ вѣрнымъ служитъ залогомъ, что Ея Императорское Величество и протчіе нужные въ управленію гражданскіе чины учредить укажетъ. Направленіе гражданское тогда хорошо, когда хороши законы. Мы такія имѣемъ законы, которые только наилучшія имѣть можетъ вольный и благородный въ свѣтѣ народъ; но первое несчастіе наше состоитъ въ томъ, что имѣемъ оныя на чужестранномъ языкѣ и что не имѣемъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ; они состоятъ не въ одной книгѣ Статута, какъ, можетъ быть, многіе думаютъ, но во многихъ книгахъ конституцій или установленій сеймовыхъ, на которыхъ законодателями были и предки наши и въ которыхъ больше заключаются наши привилегіи, преимущества и вольности, нежели въ Статутѣ, а сверхъ того въ помощь вышеупомянутыхъ правъ употребляемъ мы, по древнему обыкновенію, саксонское и хелмское право. Подумайте-же, въ такомъ великомъ числѣ книгъ и законовъ, не можно-ли запутаться и самымъ искуснымъ и ученымъ людямъ, не можно-ли сыскать противустоящихъ и двоякій видъ имѣющихъ установленій, а сіе къ какой обидѣ и разоренію общества служитъ, вы сами довольно знаете. Другое наше несчастіе состоитъ въ томъ, что имѣемъ мы весьма мало людей, знавшихъ точный разумъ, силу и употребленіе нашихъ законовъ. Да и почему намъ знать то можно, когда мы не учимся и учиться гдѣ не имѣемъ законодательству наукъ. Итакъ я бы думалъ, что все благополучіе отъ того зависитъ, чтобъ мы всѣ наши права и привилегіи имѣли въ одной книгѣ, чтобъ законы наши были исправно переведены на нашъ языкъ, расположены порядочно и на всякій случай ясныя и точныя

Библиотека "Руниверс"

имѣли положеніи. На сіе можно намъ употребить разумныхъ и прямо законы знающихъ людей. Но не думайте, чтобы чрезъ сіе хотѣлъ я какого-либо нашихъ правъ нарушенія или отмѣны,— нѣтъ, я хочу порядка; мы ихъ всѣхъ можемъ имѣть въ своей силѣ и точности, только лучше и порядочнѣе, нежели нынѣ, а если захочемъ въ нихъ сдѣлать какую отмѣну по нынѣшнимъ временамъ, нравамъ и обстоятельствамъ нашимъ, слѣдуя въ томъ примѣру просвѣщенныхъ народовъ, то и то будетъ зависить отъ нашего соизволенія и отъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи. Я знаю, что законы для людей, а не люди для законовъ дѣлаются, и сего довольно о дѣлахъ гражданскихъ.

Воинство наше, то есть козаки, которыми мы въ прежніе времена толь великую пріобрѣли славу, имѣло особливые свои вольности, выгоды и пользы, а сверхъ того, хотя небольшое, получало жалованье, нынѣ не токмо того не имѣетъ, но, служа изъ своего собственнаго имѣнія, должно сверхъ того питать нѣсколько регулярныхъ полковъ, что въ такое привело истощеніе, что смѣло можно сказать, что нѣтъ десятой доли, которые во всей исправности могли-бы на службу выйти, а отъ сего презрѣніе имѣютъ отъ другихъ воинскихъ людей и уже за негодныхъ къ войнѣ и къ храбрымъ поступкамъ почитаются тѣ люди, которые недавно были сильны, храбры и страшны. Чѣмъ же имъ помочь должно? Надлежитъ прежде охранить ихъ имѣніе отъ всякихъ нападковъ и разореній, возобновить ихъ вольность, просить, чтобы сложены были съ нихъ подати, положить извѣстное небольшое число козаковъ и дать имъ хотя малое жалованье, а остальныхъ козаковъ въ подмогу, и раздѣлить ихъ такъ, чтобы зажиточнѣйшіе служили конную, а убогіе пѣшую службу, какъ-то было при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ и прочихъ его пріемникахъ. Симъ способомъ, кажется мнѣ, можете привесть ихъ въ прежнее состояніе и возобновить древнюю ихъ храбрость и славу.

Имѣнія и земли наши, которыя по правамъ и привилегіямъ нашимъ ни въ чію, кромѣ въ собственную нашу, пользу служить не должны, отошли отъ насъ то къ слободскимъ полкамъ и подъ линію, то отданы иностранцамъ и нашедникамъ, а раскольщики сами собою на земляхъ нашихъ поселившись, думаютъ, что то ихъ наслѣдіе. Не должно-ли намъ о семъ, упавъ предъ престоломъ монаршимъ, просить помилованія и возвращенія всѣхъ оныхъ имѣній и земель? Сіе-жъ самое должно разумѣть и о награжденіи деревнями и чинами иностранцевъ. Всѣ государства подкрѣпляются, по-

Библиотека "Руниверс"

лучаютъ богатство и приращеніе свое чрезъ коммерцію. Кто-жъ съ жалостію не видитъ, что какъ преизобильно Богъ благословилъ Малую Россію всякими нужными къ содержанію человѣческому произращеніями и вещми, такъ въ пребѣдномъ состояніи находится ея комерція? А сіе отъ чего произошло?—Отъ запрещенія свободного вывозу нашихъ продуктовъ, отъ положенія чрезвычайныхъ противу прежняго пошлинъ, отъ презрѣнія тѣхъ людей и ихъ привилегій, которые коммерцію отправляютъ. Кому-жъ все сіе поправлять, какъ не вамъ, благородное собраніе?

Духовный чинъ нашъ также многія потерялъ свои права и преимущества. Естьли мы хочемъ, чтобы всякій чинъ въ Малой Россіи при своихъ правахъ сохраненъ былъ, то должно намъ вступиться и за чинъ духовный и просить о сохраненіи ихъ при прежнихъ ихъ привилегіяхъ, а они напротивъ того должны намъ помогать своими имѣніями въ полезныхъ отечества нашего учрежденіяхъ.

Но сколь много всѣ малороссійскаго народа чины потеряли своихъ вольностей! Отъ чего мужики наши пріобрѣли самоволія? Они свободно изъ мѣста на мѣсто бродятъ, они безъвозбранно вписываются въ козаки, они бѣжатъ въ Польшу, выходятъ на великороссійскія земли, а отъ сего у насъ умаляется земледѣліе, неисправно платятся общенародныя подати, и протчіе безчисленные происходятъ непорядки, а помѣщики между тѣмъ отъ часу въ большую приходятъ бѣдность и разореніе. Я думаю, что и безъ моего увѣщанія согласитесь, чтобы просить о запрещеніи имъ свободного перехода.

Не должно-же позабыть и о претерпѣнныхъ убыткахъ во время турецкой войны и просить милостиваго за оные награжденія.

Ученіе какъ къ просвѣщенію разума, такъ и къ содержанію всякихъ добрыхъ порядковъ въ государствахъ больше всего способствуетъ; найлучшіе государи, полководцы, градоначальники были философы; надлежитъ намъ стараться и о распространеніи наукъ въ нашемъ отечествѣ, а распространить ихъ не можемъ, не учредивъ хорошихъ училищъ и не давъ должного на оныя содержанія.

Я бъ еще и больше хотѣлъ предлагать вамъ о нуждахъ отечества нашего, но опасаюсь, чтобы не наскучить и не вывесть васъ изъ терпѣнія. На ваше благоразуміе, на ваше усердіе надѣюсь, что мои недостаточныя предложенія исправите и свои благоразумнѣйшія прибавите, и во исполненіе приведете; словомъ

Библиотека "Руниверс"

сказать: не упустите ничего того, что только къ сохраненію правъ, привилегій, преимуществъ и вольностей вашихъ служить. При премудрой, милостивой, просвѣщенной и великодушной монархинѣ, которую мы нынѣ имѣемъ, нѣтъ никакого невозможнаго дѣла, котораго-бы мы испросить не могли, если только справедливо просить будемъ, ибо ни о чемъ она больше не мыслитъ, ни къ чему больше не устремляетъ своего монаршего сердца, какъ къ явнолюбію, къ правосудію и къ благосостоянію своихъ подданныхъ. Итакъ намъ, благородное собраніе, ничего больше не остается, какъ, собравъ всѣ нужды и просьбы наши, просить ясневельможного нашего графа гетмана, чтобы онъ присовокупилъ свое усердіе къ нашему и сильнымъ своимъ у ея императорскаго величества предстательствомъ исходатайствовалъ намъ милость и помощь; на его благоразуміе, на его великодушіе, на его усердіе къ отечеству должно намъ несомнѣнную положить надежду, что онъ, презирая всякія труды и собственную пользу, приложитъ наиревностнѣйшее стараніе о приведеніи въ прежнее состояніе бѣдствующее, презрѣнное и всякой помощи лишенное отечество наше, и тѣмъ, вмѣстѣ съ нами, получитъ сіяніе и славу предковъ нашихъ, а у потомковъ заслужитъ благодарность. Только я чѣмъ началъ, тѣмъ и кончу, что въ общемъ благѣ должно отложено быть всякое пристрастіе и собственная польза.

Библиотека "Руниверс"

Два документа о состояніи малороссійскаго козачества въ половинѣ XVIII ст.

Въ помѣщенной предъ симъ рѣчи неизвѣстный авторъ, изображая печальное положеніе Малороссіи ко всѣмъ сторонамъ ея жизни въ половинѣ прошлаго столѣтія, сѣтуетъ, между прочимъ, и на упадокъ козачества, не опредѣляя однако частными чертами этого упадка, но указывая лишь на тяжесть его службы и экономическаго положенія. Приводимые документы представляютъ официальное свидѣтельство объ этомъ упадкѣ, съ точки зрѣнія военной, идущее съ другой стороны и относящееся къ тому-же почти времени. Это два предложенія малороссійской коллегіи тогдашняго правителя Малороссіи, или лѣвобережной Украйны, и главнаго начальника малороссійскихъ козаковъ и Коша запорожскаго, гр. П. А. Румянцева. Его, не знакомаго съ исторіею и порядками страны, равно особенностями козачей службы, воспитаннаго на началахъ особой дисциплины и привыкшаго командовать регулярными войсками, поражаетъ—въ одномъ случаѣ полное отсутствіе воинскаго строя и знанія военныхъ артикуловъ въ нестроевыхъ ротахъ, видимо уже до него переформированныхъ и назначенныхъ для карауловъ при малороссійской коллегіи и ея подраздѣленіяхъ, въ другомъ—отказъ козаковъ сипявской сотни черниговскаго полка подчиниться объявленному теперь набору способнѣйшихъ изъ козачьихъ семействъ на постоянную воинскую службу. Вполнѣ убѣжденный въ вѣрности своихъ воззрѣній, основанныхъ на привычныхъ ему порядкахъ, Румянцевъ, не углубляясь далеко, твердо настаиваетъ на безусловномъ ихъ примѣненіи, а непокорныхъ подвергаетъ строгому наказанію, употребляя въ дѣло даже классическое мѣстное наказаніе «кіями».

Въ обоихъ случаяхъ, на которые указываютъ помѣщаемые документы, мы видимъ борьбу новыхъ порядковъ съ старыми, общерусскихъ, заведенныхъ Петромъ I и усиленныхъ послѣ семилѣтней войны, въ которой, какъ извѣстно, принималъ Румянцевъ и личное участіе, и мѣстными малороссійскими, унаслѣдованными отъ временъ давнихъ. Тутъ однако происходитъ тоже любопытное *qui pro quo*, какое мы видѣли въ отношеніяхъ Румянцева къ Западной Украйнѣ, при началѣ въ ней

Библиотека "Руниверс"

возстанія 1768 г. Румянцевъ усматриваетъ и строго преслѣдуетъ въ козакахъ упадокъ военнаго строя и дисциплины и уклоненіе отъ воинской службы. То и другое явленіе мы дѣйствительно видимъ въ тогдашнемъ козачествѣ, но они были послѣдствіемъ причинъ и условій, которыхъ не въ силахъ было ни измѣнить, ни преодолѣть само козачество, но которыя, при тщательномъ изученіи особенностей страны и ея исторіи, могъ-бы примѣтить и устранить всесильный ея правитель. Кто болѣе козаковъ любилъ жизнь и славу военную, кто болѣе ихъ славился воинственнымъ духомъ и самымъ строгимъ строемъ и подчиненностію, но не какъ послѣдствіемъ изученія «пунктиковъ» военнаго устава, а какъ отраженіемъ высшаго, объединявшаго ихъ духа и привычки всей жизни, посвященной военному дѣлу? Въ строгости военнаго строя и порядка, не говоря о храбрости, не отказывали имъ и самые враги ихъ—поляки во время страшныхъ козацкихъ войнъ. Вся исторія малороссійскаго народа свидѣтельствовала, что это былъ одинъ изъ самыхъ воинственныхъ народовъ. Козачество было идеаломъ жизни, козакъ—народнымъ героемъ; выше долга военнаго, цѣлей войны, самой войны не было для него ничего, для нихъ онъ жертвовалъ, какъ показываетъ весь циклъ народныхъ пѣсень, всѣми своими привязанностями и самыми возвышенными чувствами — отца, сына, мужа, жениха. Но—война родитъ и держитъ духъ воинственный, какъ любовь къ родинѣ, охрана ея цѣлости, защита ея отъ опасностей извнѣ влекутъ къ войнѣ. Ближайшее служеніе интересамъ отчизны, особливо, когда они становятся личными всѣхъ и каждаго интересами, какъ было прежде въ непрерывной борьбѣ съ угнетеніями отъ поляковъ и нападеніями татаръ, вызывало неудержимое влеченіе къ войнѣ и создавало идеалъ народнаго защитника въ лицѣ козака. Съ другой стороны постоянная походная жизнь отъ дней юности до заката ихъ, войны, сраженія и стычки, какъ явленія обыденной жизни, лучше всякихъ артикуловъ учили козака строю и порядку военно-походной жизни, закаляя его духъ и тѣло, развивая въ немъ самодѣятельность, придавая ему выносливость, выправку и видъ военный. Понятно, что когда война была насущною, такъ сказать, потребностію народной жизни, ясно всѣми сознаваемою и чувствуемою, не мыслима была какая либо обязательность воинской службы и не нужно было къ ней привлекать или обязывать какимъ-бы то ни было способомъ; каждая община, каждая семья знала, кому идти на войну и никогда сабля козачья не лежала заржавленною. Въ эпоху козацкихъ войнъ мы видимъ всенародное въ нихъ участіе и за тѣмъ поголовное стремленіе записаться въ «регистровые» и особыя усилія правительства ограничить ихъ число. Званіе козака давало извѣстныя права, въ томъ числѣ и право владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли, но за тѣмъ и служба козачая была службою за землю, и тутъ-то соглашались интересы службы съ нуждами веденія хозяйства, поддержанія семьи. Кромѣ обстоятельствъ чрезвычайныхъ, несъ службу одинъ изъ семьи,—болѣе способный, охочій или свободный, кто вызывался самъ, или кого избирала семья и много-много ближайшая община (деревня или сотня).

Библиотека "Руниверс"

Но уже давно измѣнились многія условія жизни и службы козачей. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ раздвинулись предѣлы отечества и козачество, удерживаемое еще на особыхъ правахъ и несплоченное съ прочими частями государства, не могло разширить своего патріотическаго кругозора и на мѣсто прежнихъ, уходившихъ въ область прошлаго, задачъ и идеаловъ жизни создать новые. Наступившіе новые порядки не давали ему никакой опредѣленной, жизненной почвы; они давно оторвали его отъ родной его стихіи и храбрыхъ «рыцарей» по природному влеченію превратили въ солдатъ по обязательству и, что еще хуже, въ простыхъ караульныхъ и землекоповъ. Отъ времени полтавской битвы козаки почти уже не видѣли поля сраженія и обречены были на тяжкую и унизительную работу рытья каналовъ, насыпки валовъ и устройства ретраншаментовъ, щанцевъ и другихъ укрѣпленій на сѣверѣ, югѣ и отдаленномъ востокѣ. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы они тысячами и десятками тысячъ не были отправляемы на эти работы въ то или другое мѣсто. Сѣверныя тундры, берега Ладоги и Онеги, устья Невы были въ особенности для нихъ губительны и едва десятый процентъ ихъ возвращался домой. Гдѣ тутъ было удержаться духу воинственному, гдѣ навыкнуть воинскому строю и порядку? Съ другой стороны и жизнь дома, на мѣстѣ, становилась годъ отъ году тяжелѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ I-й началъ ставить на высшіе уряды по своей волѣ, а не по исконному въ козачествѣ выбору, притомъ чужеземцевъ, а не рѣдко и проходимцевъ, и отдавать имъ полки козачіе въ награду неизвѣстныхъ козачеству заслугъ, старшина козачая стала смотрѣть на уряды, какъ на средство къ наживѣ, и обнаруживать въ своемъ управленіи тотъ-же деспотизмъ, какой сама несла. Теперь держались на урядахъ не доблестями воинными, для которыхъ не было уже и мѣста, не заботливостію о своихъ подчиненныхъ, по искапіемъ протекцій, прислуживаніемъ сильнымъ и близкимъ къ двору лицамъ, на козаковъ-же смотрѣли съ пренебреженіемъ, обращая ихъ на свои послуги и оттягивая всѣми неправдами ихъ земли и угодья. Среди такой безладицы, среди всеобщей почти погони за наживою и неразлучныхъ съ нею интригъ, искательства и тяжбъ какъ не упасть было духу и строю воинскому и самой охотѣ къ воинской службѣ? Козаки дѣйствительно отвиливали и уклонялись отъ нея, переходили въ городъ, занимались промыслами, торговали водкой. Но преданія о лучшихъ временахъ, болѣе льготной и болѣе манившей къ себѣ службѣ еще живы были въ народѣ, а обычай свободнаго вступленія въ службу и замѣны въ оной одного члена семьи другимъ и, при отсутствіи членовъ способныхъ, даже наемщикомъ, былъ еще въ полной силѣ, хотя легко допустить, что въ виду тягости и непривлекательности козачей службы, козачьи семьи отдавали ей то, что для нихъ самихъ пайменѣе было пригодно. Эти традиціи ясно сказались въ обоихъ протестахъ, съ которыми встрѣтился теперь Румянцевъ, но онъ не захотѣлъ понять ихъ и согласить нужды народа съ требованіями военнаго искусства и распорядился съ необученными и непокорными по своему,—какъ распорядился, читатель усмотритъ изъ самыхъ документовъ.

Библиотека "Руниверс"

I.

Малороссійской коллегіи.

Я отъ времени въ другое, къ немалому предосужденію службы, видеть и терпеть принужденъ находящихся при малороссійской коллегіи солдацкихъ ротъ многія неустройства и безпорятки, что хотя оне іми регулярнихъ на себе носятъ ратей ея императорскаго величества, денежное жалованье получаютъ, вовсе жъ и вида того не имѣютъ, но самого подлого и ничто вѣдущаго крестьянина. Въ доказательство жъ служитъ, что предъ недавнимъ временемъ бывшіе при коллегіи на карауле отданнихъ имъ подъ карауль полку его величества, короля полскаго, трехъ человекъ беглыхъ драгунъ изъ самои карауліи, и всехъ въ одно время, упустили и чрезъ то для всей арміи безславие нанесли, въ разсужденіи, что въ Полше о арестантахъ сихъ, яко они отдани были подъ карауль, никакова воеинова порятка не знаетъ, сведения не имеетъ; наконецъ-же сперва три изъ сихъ солдатъ, а вчерашнего числа болшая часть первой роты техъ солдатъ, ушедши зъ домовъ, безъ позволенія у меня, явясь, хотели спрашивать, какую оне службу впредь исправлять будутъ, объявляя, что оне въ регулярной вовсе быть не хотятъ, а желаютъ такъ, какъ ихъ дѣды служили волно, однакожъ ни одинъ изъ нихъ подлинно не знаетъ, какая въ то время служба была, но въ коллегіи малороссійской не безъизвѣстно, что и предки ихъ никогда козацкой службы не отправляли и ниже въ походахъ где и когда бывали, но единственно для карауловъ при бывшей здѣсь генеральной канцеляріи гетмановъ и на уряде техъ генераловъ, и содержани были на самомъ маломъ жалованье, и служили пешие, а сіи, имея жалованье болшое, мундиръ и амуницію изъ казны ея императорскаго величества, и большою частию люди охочіе, однако-жъ, какъ выше сказано, службы исправлять не хотятъ, а для того даннымъ отъ меня господину брегадиру и оной коллегіи члену, князю Мещерскому ордеромъ велѣно объявленние обе солдацкие роты разобрать и тѣхъ, а особо кои мне свое не желаніе служить объявили и за то отъ меня подъ карауль отдани, и изъ нихъ, нашедъ зачинщиковъ, нещадно при собраніи протчихъ виннихъ оныхъ солдатовъ, плетьми высѣчь и отдать въ здешней острогъ на годъ для употребленія на всякіи случающіися по городу работы, а протчимъ въ томъ-же участникамъ по тому жъ учиня плетьми наказаніе и отобравъ всѣ вещи, изъ солдацкого званія исключить и отпустить въ домъ ихъ безъ всѣхъ видовъ, а

Библиотека "Руниверс"

оберъ и ундеръ-офицеровъ приличившихся въ томъ же или попустившихъ на то, какъ незнающихъ никакова военнова порятка, въ разсужденіи что еслибъ они были свѣдущи, то конечно и подчиненіи ихъ до такой подлости и дерзновеній неслыханныхъ доведени и допущени не были, отъ службы и должности отрѣшить, а за тѣмъ изъ оставшихъ, по усмотрѣнію сво господина брегадира къ службѣ способнихъ офицеровъ и редовихъ сочинить одну роту въ числѣ полевого мушкетерского полку роты и именовать ее фузелерною, при коллегіи опредѣленною, ротою и расположить здѣсь, въ Глуховѣ, по квартирамъ, такъ чтобъ дѣлили на четыре смѣны для содержанія карауловъ при коллегіи, архивѣ, генеральномъ судѣ, скарбовой и щетной коммисіямъ, повсюды доставало ежедневно и обще съ разводомъ, а въ прочіи мѣста отнюдь никуда, въ разсужденіи, что по аппробованнымъ отъ ея императорскаго величества штатамъ коллегій и канцелярій членамъ, кои не при воинской командѣ дѣйствительно служатъ, караулу давать не опредѣлено, престарѣлыхъ-же, слабыхъ и желающихъ въ отставку отпустить въ домы ихъ съ пашпортами и свидетелствомъ, что они служили добропорядочно, всѣ мундирные-жъ, аммуничные и оружейные вещи потомужъ пересмотрѣть и самые лутчие при ротѣ на людей, а за тѣмъ излишніе и негодные въ цейхгаузъ отдать, о чемъ малороссійская коллегія имѣетъ вѣдать.

Генералъ Румянцевъ.

5 декабря 1765 г.
Глуховъ.

II.

Малороссійской коллегіи.

Полковникъ чернѣговскій Милорадовичъ представляетъ мнѣ, по репорту въ полковую канцелярію отъ асаула полкового Ивана Сахновского, который опредѣленъ, въ силу указа малороссійской коллегіи, выбрать въ томъ полку навсегда къ войсковой службѣ козаковъ, что когда онъ, окончивши въ прочихъ сотняхъ чернѣговского полку подлежащій выборъ, прибылъ для того-же въ сотню синявскую; то многіе тоея сотни козаки, отъ неистовства въ пьянствѣ будучи, повелѣнія таковаго о службѣ, чрезъ показаннаго полкового старшину имъ объявленнаго, не приняли, и подписки отъ себя не дали, которою, по инструкціи сему старшинѣ отъ полковой чернѣговской канцелярій данной, велѣно ихъ обя-

Библиотека "Руниверс"

зывать, чтобъ выбранные изъ нихъ къ службѣ завсегда-бы сами, не перемѣнялись другими, служили, а братья-бы и свойственники вспомогали ихъ въ хозяйствѣ. При семъ случаѣ нельзя похвалить и того, что полковая канцелярія отъ себя прибавила, дабы сихъ выбранныхъ козаковъ еще обовязывать подписками, что должно имъ такъ служить, какъ они выбраны. Подписками обовязывать нужда бываетъ иногда въ земскихъ дѣлахъ, или по изданнымъ въ народъ о чемъ либо публикаціямъ, въ достовѣріе, что оные къ исполненію всѣмъ объявлены; но такимъ образомъ поступать и въ дѣлахъ военныхъ вовся несходно съ военнымъ обрядомъ, гдѣ взыскуется то найпаче, чтобъ начальника всякое повелительное слово всѣ подчиненные ставили себѣ за ненарушимой долгъ исполнять, кромѣ другихъ обязательствъ. Безъ такого послушанія ослабѣли регулы военныя, произведшія столько найвящшихъ успѣховъ строгимъ соблюденіемъ повелѣній начальства, по неотложному повиновенію тому подвластныхъ. Всякому однакожъ невѣждѣ все то нововводимымъ кажется, чего онъ не знаетъ или по крайней мѣрѣ вѣдать не хочетъ. Порядокъ лучшій, изъстари уставленный и возобновляемой токмо въ нынѣшнемъ переборѣ къ службѣ козаковъ, такимъ образомъ пріемлютъ означенной синявской сотни козаки, по буйству и невѣденію о собственномъ состояніи, за новое введеніе; яко во всѣхъ статьяхъ гетманскихъ, начавъ отъ времени гетмана Хмелницкого, число козаковъ особливо для службы назначено было именемъ реестровыхъ, какъ по статьи—Богдана 2-й, Юрія 6-й Хмелницкихъ положено быть 60,000, о сихъ реестровыхъ козакахъ во 2-й упоминаетъ Бруховецкій, Многогрѣшного въ 4-й назначено 30,000, а Самойловича въ 16-й 20,000, Мазепы въ 3-й 30,000, а напослѣдокъ, по именному блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоановны (17)35 году, указу учреждено въ Малой Россіи 20,000 выборныхъ козаковъ, оставшіяся же опредѣлены къ вспомоществованію симъ. Сіи реестровые или выборные козаки, какъ по статьямъ значитъ, долженствовали быть всегда на службѣ. Прибавлено въ статьяхъ Самойловича и Мазепы, чтобъ въ недостаткѣ въ полкахъ назначеннаго числа козаковъ, записывать въ реестровое число оныхъ изъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей токмо, а изъ мужиковъ запрещено, чемъ доказывается, что одни только персоны, а не цѣлые домы служили. Такъ и нынѣ, на основаніи сихъ установленій, повелѣно выбрать изъ способнѣйшихъ къ службѣ между козаками, которые-бы разумѣя должность

Библиотека "Руниверс"

на себѣ лежащую, навыкнули прямому оныя употребленію, инакоже естьли по дворамъ наряжать къ службѣ, не выбравъ въ тому одного, то чемъ можетъ вся семья отговориться, чтобъ не быть всѣмъ вдругъ высланнымъ по нарядамъ, поелику они козачьего званія, и кого напротивъ изъ такого дому выслать останется, который-бы выборной статьи былъ, но въ немъ жила-бъ вдова или малолѣтныя дѣти? Однако-жъ не разсуждая на сіе, внесены въ ревизію въ число выборныхъ козаковъ овдовѣлые и престарѣлые жены; по дѣйствію корыстолюбія иногда начальниковъ, и что записавшій свой домъ въ статью выборную, и сложивши чрезъ то всѣ должности съ себя на подпомощниковъ, освобождается во все время отъ всякихъ дачъ, не отправляя при томъ и той службы, для которой выбранъ. Всякъ представить себѣ можетъ, воображая сіи основанія и еще другіе, здѣсь не упоминаемые, что оные потребили въ козакахъ видъ военнаго человѣка, такъ, что не остается надѣяться увидѣть ихъ когда либо лучшими, ежели не взять мѣръ могущихъ поправить настоящія непорядки. Къ чему инако нельзя приступить, какъ первіе чрезъ выборъ способныхъ козаковъ къ службѣ, которые-бы не могли уже примѣромъ нынѣшнимъ смѣняемы быть другими своими домашними или наймитами, которые по невинности часто терпятъ то, что должно несть-бы ихъ поставившему. Посему малороссійская коллегія дать указъ имѣетъ тотъ часъ полковнику чернѣговскому Милорадовичу, чтобъ онъ, съѣхавъ самъ въ сотню синявскую, всѣхъ показанныхъ, по репорту асаула Сахновскаго взятыхъ и не забранныхъ еще подъ караулъ козаковъ, дерзнувшихъ, какъ выше значитъ, показать непослушаніе командѣ, которые изъ нихъ отъ пьянства и безумія то учинили, тѣхъ при собраніи всея сотни высѣчь жестоко, и велѣть, естли способны, быть имъ выборными козаками такъ, какъ написаны Сахновскимъ, а которые отъ упорства и дерзости показали таково непослушаніе, тѣхъ высѣчь кіями, и яко огуряющихся и нехотящихъ служить, по силѣ 2 статьи гетмана Бруховецкого (гдѣ установлено: „которыи-бы козакъ послушенъ не былъ и въ войско ходить огурился, тогда таковъ отъ поставленныхъ статтей отпадать и къ градскимъ должностямъ причтенъ быть имѣетъ“), написать въ мужики подъ вѣдомство скарбовой малороссійской канцеляріи, и дабы козаковъ, при случаѣ повелѣній чинимыхъ имъ о службѣ, не обязывали въ исполненіи подписками, а приказывали имъ только, что дѣлать, какъ они должны и безъ того командирамъ во всемъ быть по-

Библиотека "Руниверс"

слушными, равно-же и о томъ, что и съ протчими въ подобныхъ ослушаніяхъ командѣ поступлено непремѣнно будетъ, дать указы всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, чтобъ отъ оныхъ чрезъ сотни о томъ къ знанію всѣмъ козакамъ опубликовано.

Генералъ Румянцевъ.

Апрѣля 11 дня 1763 года
въ Глуховѣ.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.

Задача, исполнить которую предпринялъ г. Мордовцевъ, написать бытовую и историческую повѣсть изъ жизни козачества начала XVII столѣтія, составляетъ, какъ полагаемъ, одну изъ труднѣйшихъ задачъ для беллетриста. Не смотря на усиленную въ послѣднее время разработку историческаго матеріала, бытовая сторона жизни козачества въ ту отдаленную эпоху его существованія едва установлена въ главныхъ чертахъ и далеко не разработана въ частностяхъ; весь понынѣ обнародованный матеріалъ не только не даетъ возможности раскрыть всѣ подробности, необходимыя для цѣльной бытовой картины, но оставляетъ неяснымъ, въ полумракѣ, многія весьма крупныя и существенныя черты. Сама личность Петра Конашевича Сагайдачнаго, около которой группируется разсказъ повѣсти, представляется намъ неяснымъ силуэтомъ, главные контуры котораго мы едва можемъ установить по дошедшимъ до насъ историческимъ свѣдѣніямъ; подробности біографіи этаго знаменитаго козацкаго гетмана, весьма справедливо привлекшаго вниманіе даровитаго беллетриста, остаются пока неизвѣстными. Всѣ эти трудности не устрашили г. Мордовцева и онъ выполнилъ свою задачу съ большимъ талантомъ, хотя, за скудостью историческаго матеріала, былъ поставленъ весьма часто въ необходимость брать краски для своихъ картинъ изъ народныхъ думъ и преданій, или, еще чаще, восполнять пробѣлы довольно смѣлыми гипотезами, или усиліями личнаго творчества. Намъ приходится особенно сѣтовать, читая повѣсть г. Мордовцева, на недостатокъ историческаго матеріала, такъ какъ тѣ страницы повѣсти,

Библиотека "Руниверс"

составляя которыя авторъ стоялъ на прочной исторической почвѣ, поражаютъ насъ живостью, свѣжестью колорита, драматизмомъ и истинно художественнымъ изображеніемъ. Таковыми кажутся намъ эпизоды, заключающіе описаніе пороговъ и переправы вдоль нихъ козацкихъ чаекъ, описаніе морского козацкаго похода и бури на Черномъ морѣ, описаніе выбора кошевого и особенно описаніе невольничьяго рынка въ Кафѣ и взятія этого города козаками. Авторъ въ описаніяхъ этихъ весьма удачно воспользовался историческими данными и сухія свѣдѣнія лѣтописей и документовъ превратилъ въ исполненныя жизни и художественно пересказанныя картины. Но, къ несчастью, авторъ не нашелъ для всѣхъ изображаемыхъ имъ эпизодовъ подлиннаго историческаго матеріала и долженъ былъ пробѣгнуть къ другимъ источникамъ; съ этою цѣлью г. Мордовцевъ выбралъ нѣсколько народныхъ эпическихъ произведеній, болѣе обильныхъ фактическими подробностями и развилъ на ихъ основаніи бытовыя картины. Мы находимъ такимъ образомъ въ книгѣ г. Мордовцева главы, сюжетами которыхъ служатъ думы: о Ганжѣ Андыберѣ, Самуйлѣ Кошкѣ, Алексѣѣ Поповичѣ и Федорѣ Безродномъ. Пріемъ этотъ, по нашему мнѣнію, весьма удаченъ и сообщаетъ повѣсти колоритъ народнаго современнаго взгляда и народнаго міросозерцанія; полагаемъ только, что думою о Ганжѣ Андыберѣ авторъ воспользовался для своей цѣли не вполнѣ умѣстно и совершенно напрасно отождествилъ Ганжу Андыбера съ Сагайдачнымъ, а „Настю Горовую“ съ женою этого гетмана. Главный мотивъ думы о Ганжѣ Андыберѣ—это борьба бездомной и безземельной козацкой „голоты“, опиравшейся на поддержку Запорожья, съ козацкою старшиною, „дуками“, захватившими въ собственность всѣ „займанщины, луки и луги“, стремившимися къ образованію козацкой аристократіи, своего рода шляхетства, и смотрѣвшими съ гордостью и пренебреженіемъ на „голоту“. Явленія эти имѣли мѣсто только во второй половинѣ XVII столѣтія, послѣ переворота, совершившагося при Богданѣ Хмельницкомъ, когда изъ среды козачества выдѣляется дѣйствительно кружекъ старшины, захватившей поземельную собственность и стремившейся къ образованію привилегированнаго сословія. Перенесеніе этихъ общественныхъ отношеній въ первую четверть XVII столѣтія намъ кажется анахронизмомъ, не столько важнымъ въ хронологическомъ отношеніи, сколько нарушающимъ правду исторической бытовой картины; козацкіе „дуки“, всплывшіе при Самойловичѣ и Мазепѣ, не существовали во время Сагайдачнаго,

Библиотека "Руниверс"

когда все козацкое сословіе представляло лишь преслѣдуемую и гонимую „чернь“, спасавшуюся бѣгствомъ на Запорожье; выборная старшина козацкая не могла тогда еще помышлять о захватѣ территоріальной собственности, а напрягала всѣ силы въ борьбѣ съ общимъ врагомъ всего козачества—„дуками“ польскими.

Впрочемъ указанный анахронизмъ, къ сожалѣнію, далеко не единственный въ сочиненіи г. Мордовцева. Конечно, отъ исторической повѣсти мы не вправѣ требовать такой точности, какая требуется отъ строго историческаго изслѣдованія; несомнѣнно беллетристъ имѣетъ право въ значительной степени жертвовать требованіямъ художественнаго творчества мелочами строгой исторической дѣйствительности; онъ можетъ не стѣсняться до извѣстной степени хронологическими данными, можетъ разсказывать сцены и событія не констатированныя исторіею, но возможныя въ данное время и при данной обстановкѣ, можетъ восполнять и изображать въ законченныхъ образахъ едва начертанные исторіею характеры историческихъ дѣятелей и представителей народныхъ типовъ и т. д. Но эта licentia poetica не безгранична и подлежитъ въ свою очередь извѣстнымъ требованіямъ критики, конечно болѣе широкимъ, чѣмъ требованія, предъявляемыя историческому изслѣдованію. Мы полагаемъ, что отступленія отъ строгой исторической истины не должны въ исторической повѣсти допускаться безъ причины, тамъ, гдѣ условія художественнаго творчества этого не требуютъ, что отступленія эти не должны превышать предѣловъ возможнаго въ данной мѣстности и въ данное время, т. е. что разсказъ исторической повѣсти, не имѣетъ права вводить обстоятельства, не принадлежащія описываемой мѣстности и средѣ и описываемой эпохѣ. Не соблюдая этихъ требованій, историческая повѣсть перестаетъ быть историческою, переходитъ въ область фантазіи и, сверхъ того, привлекая читателей художественностью своей формы, способствуетъ установленію въ публикѣ превратныхъ представленій о данной исторической эпохѣ и способствуетъ затемнѣнію историческаго народнаго самопознанія, вмѣсто того, чтобы восполнить его путемъ артистическаго творчества.

Въ повѣсти г. Мордовцева такихъ отступленій, болѣе или менѣе крупныхъ, весьма много, и мы должны замѣтить, что въ значительномъ большинствѣ они зависятъ не столько отъ недостаточности историческаго матеріала, сколько отъ небрежнаго его изученія, весьма замѣтной поспѣшности работы и желанія

Библиотека "Руниверс"

усилить лишними эффектными сценами и безъ того въ высокой степени интересный разсказъ. Постараемся указать нѣкоторыя изъ этихъ, болѣе или менѣе крупныхъ отступленій, замѣченныхъ нами невольно при чтеніи повѣсти „Сагайдачный", не смотря на то, что въ цѣломъ повѣсть значительно подкупала наше вниманіе художественными достоинствами.

Прежде всего бросается въ глаза небрежное отношеніе автора къ географическимъ даннымъ описываемаго имъ края. Въ 7-ой главѣ повѣсти (стр. 67—79) изображается бѣгство четырехъ козаковъ изъ Острога въ Запорожье и затѣмъ погоня за ними придворной полиціи князя острожскаго. Бѣжавъ ночью изъ Острога, козаки утромъ въѣзжаютъ уже въ безграничную степь, „которая тянулась вплоть до запорожскихъ вольностей", и въ тотъ же день перерѣзываютъ „Чорный шлях". Между тѣмъ въ дѣйствительности Острогъ вовсе не былъ пограничнымъ замкомъ, стоявшимъ на границѣ степи; онъ находился почти въ центрѣ густо населенной Волыни, ближайшее разстояніе отъ него къ западной части „Чернаго шляха"—болѣе 100 верстъ; но и за „Чернымъ шляхомъ" находилась вовсе не пустынная степь—тамъ лежали населенныя, хотя менѣе густо, чѣмъ Волынь, воеводства подольское и брацлавское, тянувшіяся болѣе, чѣмъ на 300 верстъ, по прямой линіи отъ границъ Волыни до рѣкъ Синюхи и Кодымы, за которыми только начинались „запорожскія вольности". Какъ не привлекательны у г. Мордовцева картины степи, мы полагаемъ, что онъ нашелъ-бы мѣсто изобразить ихъ, не дѣлая напрасной географической перестановки, а за то могъ-бы извлечь не одну интересную сцену, описавъ путешествіе своихъ странниковъ по заселеннымъ русскими крестьянами и мѣщанами Волыни и Брацлавщинѣ и обративъ вниманіе на отношеніе къ бѣглецамъ какъ этого населенія, такъ и властвовавшихъ надъ нимъ шляхтичей. Не менѣе страннымъ кажется намъ и та сцена въ повѣсти (стр. 221—222), гдѣ описывается охота у князя Вишневецкаго въ Лубнахъ: въ то время, когда охотники выѣзжаютъ со двора, дѣвица Кисель замѣчаетъ, что „по направленію прямо къ югу, на синевѣ чистаго неба, гдѣ-то далеко за Днѣпромъ, клубились дымныя облака и зловѣще ползли къ сѣверу". Полагать должно, что жители Лубенъ съ удивленіемъ прочтутъ эту картину, зная, что по направленію къ югу ближайшій берегъ Днѣпра (у Крылова) находится за 100 верстъ отъ нихъ по прямой линіи и, конечно, они сильно изумятся дальнозоркости дѣвицы Кисль. Во-

Библиотека "Руниверс"

обще географическихъ промаховъ и небрежностей въ повѣсти слишкомъ много. Такъ въ перечнѣ польскихъ областей (стр. 37) названы, будто двѣ отдѣльныя провинціи, Подлясье и Подляхія (это синонимы) и указана странная область—„Инфлянтъ съ Полоцкомъ", т. е. вѣроятно два отдѣльныя воеводства: полоцкое и инфлянтское (польская Ливонія съ главнымъ городомъ Динабургомъ); городъ Самборъ, родина Конашевича, перемѣщенъ изъ прикарпатской Руси на Днѣпръ (стр. 91), хотя потомъ онъ и названъ „горнымъ Самборомъ" (стр. 167); въ окрестности Кизикермена (нынѣшній Бериславъ) описанъ никогда не бывавшій въ той мѣстности дубовый лѣсъ и т. п. Всѣ эти географическія ошибки сдѣланы, конечно, по небрежности, но есть и такія, которыя авторъ ввелъ, по видимому, преднамѣренно для того, чтобы извлечь изъ нихъ вящшій эффектъ; къ такого рода разсказамъ мы относимъ описаніе охоты на тура и постоянныя указанія на присутствіе этого животнаго въ южно-русскихъ степяхъ въ XVII столѣтіи. Мы сомнѣваемся, чтобы туръ (правильнѣе зубръ), звѣрь по преимуществу лѣсной, населялъ когда нибудь эти степи; но если и допустить, что Мономахъ охотился на него не въ сѣверскихъ лѣсахъ, а въ степи, то во всякомъ случаѣ въ XVII вѣкъ во всей южной Руси о немъ не было и помину. Г. Мордовцевъ повидимому заимствовалъ описаніе тура и охоты на него изъ сочиненія Виженера [1]), но упустилъ изъ виду обстоятельство, на которое самъ Виженеръ указываетъ,—что въ концѣ XVI вѣка туры были очень рѣдки, водились исключительно на границѣ Литвы и Мазовіи, гдѣ уже тогда поручалось мѣстнымъ жителямъ оберегать ихъ въ опредѣленныхъ частяхъ пущи, загороженныхъ на подобіе парковъ. Введеніе тура, въ качествѣ запорожской дичи, очевидно сдѣлано съ цѣлью нарисовать картину охоты въ стилѣ Майнрида, можетъ быть и интересную, но выходящую изъ области исторической повѣсти въ область фантастическаго вояжа. Такой-же майнридовскій характеръ носитъ и сцена степнаго пожара, которымъ будто жители Переволочной отразили набѣгъ татарскій, нагнавъ на татарскій станъ пламя и цѣлыя стада степной дичи, въ томъ числѣ и злополучныхъ туровъ. Дѣйствительно мы встрѣчаемъ данныя о томъ, что татаре прибѣгали къ выжиганію степи, при приближеніи сильной

[1]) La description du royaume de Pologne par Blaise de Vigenère. Paris. 1573.

Библиотека "Руниверс"

непріятельской арміи; но это дѣлалось съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы лишить нападавшихъ возможности пользоваться кормомъ для лошадей, но вовсе не имѣлся въ виду самый огонь, какъ средство защиты, такъ какъ слабая растительность южныхъ приморскихъ степей не дозволяла разсчитывать на огненный ураганъ, можетъ быть и случающійся въ американскихъ саваннахъ.

Если обратимся къ историческимъ подробностямъ разсказа, то также не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ погрѣшностей какъ въ общей постановкѣ разсказа, такъ и въ его частностяхъ: такъ рисуя бытъ козачества въ началѣ XVII столѣтія, г. Мордовцевъ исключительно сосредоточиваетъ вниманіе на Запорожьи и игнорируетъ регистровое козачество и его отношеніе какъ къ Запорожью, такъ и къ польскому правительству, между тѣмъ безъ указанія на значеніе и роль этого сословія, населявшаго значительную часть Украйны, всякая историческая картина козачества того времени является неминуемо неполною и незаконченною. Въ самомъ разсказѣ о Запорожьи введены нѣкоторыя, правда второстепенныя, ошибки, по видимому безъ всякой нужды; такъ избраніе Конашевича вождемъ запорожцевъ и походъ его на Кафу отнесены почему-то къ 1614 году, между тѣмъ какъ еще покойный М. А. Максимовичъ констатировалъ точно, что взятіе Кафы случилось въ 1606 г. [1]). Полагаемъ, что еслибы г. Мордовцевъ обратилъ вниманіе на сочиненіе Максимовича, то онъ избѣжалъ-бы этой ошибки, а также не сѣтовалъ-бы на то, что исторія „пропустила Сагайдачнаго“ (стр. 91), такъ какъ онъ нашелъ-бы двѣ обстоятельныя монографіи, въ которыхъ покойный историкъ собралъ весьма тщательно всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся о Сагайдачномъ. Думаемъ также, что въ семъ случаѣ авторъ и не заключилъ-бы разсказа о походѣ на Кафу описаніемъ торжественнаго въѣзда Сагайдачнаго въ Кіевъ и встрѣчи его тамъ польскими властями. Въ то время и запорожцы и Сагайдачный считались ослушниками и бунтовщиками, и пограничнымъ старостамъ приказано было не пропускать ихъ въ осѣдлую Украйну и даже не допускать провоза хлѣба въ Запорожье; за исполненіемъ этихъ распоряженій правительства и наблюдалъ до 1618 года кіевскій воевода Станиславъ Жолкевскій, весьма не дружелюбно относившійся къ козакамъ. Ужь конечно не онъ-бы раз-

[1]) Собраніе сочиненій Максимовича т. I, стр. 359.

Библиотека "Руниверс"

рѣшилъ торжественный пріемъ въ Кіевѣ гонимаго козацкаго вождя и не онъ вышелъ-бы встрѣтить его съ почетомъ. Появленіе Сагайдачнаго въ Кіевѣ и пріемъ имъ подъ свою власть осѣдлой Украйны относятся къ болѣе позднему времени и составляютъ результатъ московскаго похода козацкаго гетмана, предпринятаго, по просьбѣ польскаго правительства, для спасенія отъ гибели королевича Владислава, въ описываемое-же авторомъ время факты эти представляютъ историческую невозможность.

Еще большую историческую ошибку дѣлаетъ г. Мордовцевъ въ изображеніи польскаго или точнѣе южно-русскаго дворянскаго общества того времени. Черты, долженствующія рисовать это общество, взяты на угадъ изъ различныхъ періодовъ его исторической жизни; но большая часть ихъ относится къ концу XVIII вѣка, начиная съ описанія изящныхъ „палаццо“ съ статуями греческихъ боговъ, каскадами и фонтанами и оканчивая произносимымъ весьма часто „слово гонору“. Въ общемъ самая существенная черта, не согласная съ исторической истиною и придающая фальшивый историческій колоритъ данной эпохѣ, состоитъ въ предположеніи автора, будто въ началѣ XVII вѣка южно-русское дворянство было вполнѣ ополячено, между тѣмъ какъ въ это время полонизація едва начиналась и, усилія езуитовъ, минуя старое поколѣніе, направлены были главнымъ образомъ на школы, гдѣ воспитывались молодые шляхтичи; если и были въ данное время, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, ополяченные шляхтичи, то вся масса шляхетскаго сословія говорила еще и писала на русскомъ языкѣ и оставалась вѣрною православной церкви. Если-бы г. Мордовцевъ пересмотрѣлъ хотя-бы юридическіе документы того времени, подписи церковныхъ братчиковъ въ изданныхъ каталогахъ братствъ, или подписи дворянъ на постановленіяхъ провинціальныхъ сеймиковъ, если-бы онъ остановилъ вниманіе на извѣстномъ ему фактѣ существованія многочисленныхъ южно и западно-русскихъ типографій и братскихъ школъ, то онъ вѣроятно воздержался-бы отъ исторически не вѣрныхъ и напрасныхъ совершенно изреченій: „литературный, ученый и юридическій языкъ хохла XVI и XVII вѣка сталъ чисто польскимъ“ и будто „писаннаго хохлацкаго языка не существовало вовсе“ (стр. 40) и т. п.—Кромѣ этой существенной фальши, мелкихъ ошибокъ и фактическихъ промаховъ въ изображеніи дворянскаго общества такъ много, что почти нѣтъ ни одной подробности отъ нихъ свободной: то въ рядахъ южно русской знати перечисляются дворянскіе роды литовско бѣлорусскіе (Ход-

Библиотека "Руниверс"

ковскіе, Пацы, Сапѣги), чисто-польскіе (Замойскіе) и даже новгородскіе (Борецкіе) (стр. 40 и 806); то княгиня Раина Могилянка Вишневецкая, почему-то переименована въ Раину (стр. 48), а княжна Анна Острожская въ Людвисю (т. е. Луизу—стр. 208); то въ одномъ обществѣ участвуютъ, въ качествѣ ровесниковъ, лица разныхъ поколѣній: такъ напримѣръ Іеремія Вишневецкій, которому въ 1614 году могло быть 4—5 лѣтъ, является ровесникомъ своего тестя Ѳомы Замойскаго, который черезъ двѣ страницы названъ уже собственнымъ своимъ сыномъ (сравни Томашъ Замойскій стр. 47 и 50) и т. д. Особенно почему-то не везетъ у г. Мордовцева роду Замойскихъ: Янъ Замойскій, учившійся дѣйствительно въ падуанскомъ университетѣ, сдѣланъ ректоромъ этого университета, Ѳома Замойскій хвалится знатностью своего рода и подаркомъ, полученнымъ его предкомъ отъ королевы Ядвиги, между тѣмъ какъ родъ этотъ сталъ выдаваться изъ среды шляхетской мелюзги только въ концѣ XVI столѣтія и т. д. Но, минуя эти мелочи, намъ кажутся въ бытовой картинѣ гораздо болѣе важными ошибки, вытекающія изъ непониманія терминовъ, рисующихъ юридическое и бытовое устройство общества, а такія ошибки мы встрѣтили нѣсколько разъ въ разсматриваемой повѣсти: такъ, единственное въ Польшѣ войско, существовавшее на средства государства—„кварцяное“ смѣшивается съ панскими надворными хоругвями, терминъ „урожоный“, составлявшій юридически установленный эпитетъ дворянскаго сословія, какъ „славетный“ было эпитетомъ мѣщанина, „працовитый“ крестьянина и т. д., понимается въ смыслѣ не сословномъ, а національномъ, и переводится значеніемъ „прирожденный полякъ“ (стр. 44).

Впрочемъ ошибочное пониманіе терминовъ, хотя въ значительно меньшей долѣ, встрѣчается въ примѣненіи къ подробностямъ козацкаго быта. На протяженіи всей повѣсти авторъ передаетъ многія изреченія козаковъ, а также всѣ названія мѣстныхъ бытовыхъ предметовъ по малорусски. Конечно, пріемъ этотъ значительно усиливаетъ мѣстный, реальный колоритъ повѣсти и помогаетъ автору сохранить цѣльнѣе характеръ изображаемаго общества; но по временамъ въ этомъ отношеніи допущены ошибки, которыя невольно вызываютъ веселую улыбку. Вотъ нѣсколько замѣченныхъ нами примѣровъ: на сценѣ является войсковой писарь съ атрибутами своей должности (стр. 23); у него чернильница за поясомъ и „каламарь“ за ухомъ; вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду за ухомъ писаря помѣстить перо, но вмѣсто него помѣстилъ „ка-

Библиотека "Руниверс"

ламарь", т. е. другую чернильницу, и писарь остался безъ пера. Во время взятія Кафы козакъ силачъ тащитъ, въ видѣ добычи, мѣдную пушку (стр. 159): пушка эта называется въ русскомъ разговорѣ „пушкою", въ малорусскомъ же „гаковницею"; но по малорусски пушка—„гармата", а гаковница—это длинное крѣпостное ружье, не требовавшее особенной силы для переноски и всегда дѣлавшееся изъ желѣза, а не отливавшееся изъ мѣди. Козаки видятъ необычное зрѣлище, не вполнѣ для нихъ понятное (стр. 105) и въ изумленіи вскрикиваютъ: „вотъ *внезапія*"!... Мы не знаемъ въ какомъ языкѣ существуетъ это слово; но можемъ поручиться, что его нѣтъ и быть не можетъ въ малорусской рѣчи; догадываемся, что авторъ желалъ сказать употребляемое въ такихъ случаяхъ малороссами слово „оказія", но забылъ его и сочинилъ „внезапію". Ужъ подлинно „внезапія"!...

Указывая всѣ эти недостатки, замѣченные нами при чтеніи „Сагайдачнаго", мы однако признаемъ, что достоинства повѣсти далеко ихъ выкупаютъ. Надѣемся притомъ, что г. Мордовцевъ, продолжая изображать историческій бытъ южной Руси въ своихъ исполненныхъ таланта повѣстяхъ, обратитъ нѣсколько болѣе вниманія не мелочную и скучную отдѣлку историческихъ деталей, необходимую однако для сохраненія вполнѣ того художественнаго впечатлѣнія, которое производятъ его историческія повѣсти.

В. А.

Polácі a Rusíni. Sepsal prof. Josef Perwolf.

(Поляки и Русины, Очеркъ проф. Перволъфа).

Статья съ выписаннымъ выше заглавіемъ печаталась въ чешскомъ журналѣ „Osvĕta" почти впродолженіи всего 1881 года и вышла потомъ отдѣльной книжкой. Въ виду того, что вопросъ объ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ, благодаря извѣстному львовскому процессу, обратилъ на себя всеобщее вниманіе, статья эта представляетъ теперь несомнѣнный интересъ, тѣмъ болѣе, что подъ словомъ „русины" авторъ понимаетъ не только русское населеніе Галиціи, какъ это обыкновенно дѣлается, но вообще населеніе всѣхъ русскихъ областей, входившихъ когда-то въ составъ польскаго государства.

Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ первоначальнаго происхожденія племенъ польскаго и русскаго и образованія ими двухъ

Библиотека "Руниверс"

государствъ. Различныя, говоритъ онъ, славянскія племена, населяющія страну къ сѣверу отъ Карпатъ, между Вислой и Днѣпромъ, уже издревле извѣстны были подъ двумя главными именами: Ляховъ и Руси. Когда произошло это раздѣленіе, достовѣрно неизвѣстно; надо полагать, что совершилось оно въ доисторическій періодъ, такъ-какъ, встрѣчаясь съ ними въ исторіи, мы уже находимъ дѣленіе на Ляховъ и Русь съ характеристическими признаками обѣихъ народностей. Тѣмъ не менѣе общность ихъ происхожденія несомнѣнно доказывается сходствомъ языка: въ большинствѣ случаевъ одни и тѣ-же слова имѣютъ лишь различное произношеніе; западныя племена (польскія) говорятъ grod, dąb, Sandomierz,—восточныя (русскія): городъ, дубъ, Судомиръ. Мало по-малу различіе между двумя народами становится все больше и больше; причины его авторъ характеризуетъ слѣдующими словами:

„Въ IX и X в. сѣверные славяне, обитавшіе къ сѣверу отъ карпатскихъ горъ, составили два государства: Польшу и Русь; первое произошло отъ соединенія привислянскихъ ляховъ подъ властью польскихъ князей,—въ составъ втораго вошли всѣ восточно-славянскія племена. Польша, послѣ нѣкотораго колебанія, прильнула къ церкви римской и образованности западной, Русь—къ церкви греческой и образованности восточной, византійской. Такое религіозное и культурное раздвоеніе сѣверныхъ славянъ сообщило и ихъ дальнѣйшему развитію противоположное направленіе и имѣло громадное вліяніе на взаимныя отношенія между Польшей и Русью. Если бы ляшскія племена остались вѣрны исповѣданію православному и языку церковно-славянскому, или, наоборотъ, римско-католическая вѣра распространилась и на Русь,—ляшскія и русскія племена соединились-бы въ одно политическое и народное цѣлое, и между Краковомъ и Кіевомъ существовала-бы лишь такая разница, какая существуетъ теперь между Кіевомъ и Владиміромъ. Но католицизмъ и православіе и соединенная съ ними двойственность культуры воздвигли между поляками и русскими стѣну, которая и до сихъ поръ раздѣляетъ оба славянскіе народа“.

Какъ два сосѣднія государства, Польша и Русь не могли не сталкиваться другъ съ другомъ. Польскіе князья вмѣшивались въ дѣла Червоной Руси, Волыни и кіевской земли, временно захватывали ихъ и, наконецъ, завладѣли ими окончательно; русскіе князья, съ своей стороны, вмѣшивались въ польскія отноше-

Библиотека "Руниверс"

нія и помогали польскимъ князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ. Ко всему этому присоединилось соперничество между пястовичами и рюриковичами въ стремленіи обѣихъ династій къ захвату русскихъ земель. Возникшія кровавыя войны еще болѣе разожгли политическую, народную и религіозную взаимную ненависть.

Вообще отношенія Польши съ юго-западной Русью были ближе и тѣснѣе, чѣмъ ея отношенія съ Русью сѣверо-восточной, такъ называемой „Москвой". Близость эта поддерживалась браками между пястовичами и рюриковичами; такъ въ XIV вѣкѣ Болеславъ, князь мазовецкій, будучи сыномъ галицко-русской княжны, достигаетъ галицкаго княжескаго престола. Послѣ его смерти король польскій Казиміръ окончательно присоединяетъ къ Польшѣ Галицію, вмѣстѣ съ землями Белзской, Холмской и Подоліей (1340 г.).

Но завоевательныя стремленія поляковъ столкнулись съ притязаніями Литвы на тѣ же русскія области, именно Подолію и Волынь. Послѣ продолжительныхъ и упорныхъ войнъ Литва получаетъ Волынь, а Польша—Подолію. Русскія земли къ сѣверу отъ Карпатъ, по Днѣпру и Бугу (Галиція, Подолія, земли Белзская и Холмская) присоединяются къ Польшѣ („Русь, что что короля слушаетъ"), земли-же по Днѣстру и Двинѣ входятъ въ составъ Литвы („Русь, что Литвы слушаетъ", какъ говорится въ договорѣ между польскимъ королемъ Казиміромъ и Литвой). Всѣ русскія земли, присоединенныя къ Литвѣ, переходятъ послѣ соединенія Литвы съ Польшей, во владѣніе послѣдней, хотя и сохраняютъ еще свою самостоятельность въ дѣлѣ управленія до 1569 года. Только съ того времени начинается широкое вліяніе Польши на литовскую Русь.

Итакъ, говоритъ авторъ, мы видимъ, что до соединенія Литвы съ Польшей однѣ русскія области принадлежатъ Польшѣ, другія—Литвѣ. Но послѣдствія столкновенія народа русскаго съ литовскимъ имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ послѣдствія его близкаго соотношенія съ народомъ польскимъ. Храбрые, но необразованные литовскіе князья и паны подверглись вліянію болѣе многочисленнаго и болѣе образованнаго русскаго народа, позаимствовавъ у него формы правленія, языкъ, религію и образованность. Русскій языкъ сдѣлался въ Литвѣ языкомъ господствующимъ, административнымъ; правители называютъ себя „великими князьями литовскими и русскими".

Библиотека "Руниверс"

Иначе было съ Русью польской. Господствующій польскій элементъ, уже сильно подвергшійся вліянію европейской цивилизаціи, не могъ подчиниться уступавшему ему въ численности и образованности русскому народу; здѣсь, напротивъ, началась успѣшная полонизація высшихъ классовъ русскихъ областей. Простой народъ какъ въ польской, такъ и въ литовской Руси, остался вѣренъ своей народности, вѣрѣ, языку, и тѣмъ самымъ сохранилъ Русь отъ окончательнаго присоединенія къ Польшѣ.

Итакъ польскому вліянію подверглись только высшіе классы русскихъ областей, и этотъ то процессъ постепеннаго ихъ перехода въ польскую народность и составляетъ предметъ разсмотрѣнія въ данной статьѣ. Въ 1-й главѣ ея авторъ разсматриваетъ отношенія къ Польшѣ Руси, такъ называемой, коронной, во 2 ой, болѣе пространной,—Руси литовской.

На первой главѣ останавливается авторъ не долго, да и для насъ она не такъ важна. Въ общихъ чертахъ онъ указываетъ на ту первенствующую роль, какую съигралъ католицизмъ и, какъ переходная ступень къ нему, унія въ дѣлѣ полонизаціи русскихъ земель, присоединенныхъ непосредственно къ Польшѣ. Съ преобладаніемъ католицизма начинается преобладаніе польскаго языка, польскихъ нравовъ, обычаевъ. Этому не мало способствуетъ то обстоятельство, что галицко-русскіе бояре, еще до водворенія польскаго владычества, отличались большимъ могуществомъ, напоминая въ этомъ отношеніи польскихъ и венгерскихъ магнатовъ. Привыкнувъ къ первенствующему положенію, они не могли примириться съ той неравноправностью по отношенію къ польскимъ панамъ, поселившимся въ литовской Руси, которая выпадала на ихъ долю, благодаря ихъ православному вѣроисповѣданію; дабы сравняться съ ними въ правахъ, бояре спѣшатъ принимать католичество. Съ ополяченіемъ бояръ, въ русскія земли начинаютъ проникать и польскія учрежденія; русскіе города, подобно польскимъ, получаютъ магдебургскія привилегіи.

„Такимъ образомъ—говоритъ авторъ въ концѣ главы—довершилась полонизація коронной Руси. Древне-русская шляхта мало по малу сливалась и слилась, наконецъ, съ пришлой, польской; русскіе бояре сдѣлались „ляхами“ въ смыслѣ религіозномъ и народномъ. Въ политическомъ отношеніи они были ими уже давно, и то, что говоритъ о себѣ Станиславъ Ожеховскій (польскій писатель 16 вѣка), называя себя по происхожденію русскимъ, по

Библиотека "Руниверс"

народности—полякомъ (gente Ruthenus, natione Polonus), могъ теперь сказать о себѣ и говорилъ каждый русскій шляхтичъ польской Руси и Подоліи.

Вторая глава обработана авторомъ очень тщательно и по содержанію своему имѣетъ для насъ несравненно болѣе интереса. Размѣры библіографической замѣтки не позволяютъ намъ познакомить читателя хотя отчасти съ тѣмъ множествомъ интересныхъ фактовъ относительно юго-западной Руси, какіе сообщаетъ авторъ. Такъ какъ сама по себѣ данная статья есть извлеченіе изъ обширнаго сочиненія подъ заглавіемъ „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и столкновенія", и заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, лишь все существенно важное, то составить нѣчто въ родѣ конспекта изъ данной статьи, выбрать изъ существеннаго существеннѣйшее представляется чрезвычайно труднымъ. Какъ источниками, авторъ пользуется актами южной и западной Руси, лѣтописями, древними рукописями, сочиненіями Эрбена, Бѣлевскаго, Горашевича, Шараневича, Шайнохи, Папроцкаго, Антоновича, Стадницкаго, Драгоманова, многочисленными историческими сочиненіями львовской библіотеки Оссолинскихъ и пр.

Прежде чѣмъ перейти къ польскому вліянію на юго-западную Русь, какъ главному предмету и вопросу, если можно такъ выразиться, авторъ останавливается на томъ обрусѣніи Литвы, которое было слѣдствіемъ присоединенія къ ней русскихъ областей. Здѣсь происходитъ явленіе совершенно обратное замѣчаемому въ русскихъ земляхъ, присоединенныхъ непосредственно къ польской коронѣ. Вліяніемъ пользуется не народъ покорившій, а покоренный, какъ уже указано выше. Уже съ незапамятныхъ временъ литовскіе князья начинаютъ принимать православную вѣру. Почти всѣ сыновья Гедимина были православные. Одинъ изъ нихъ Ольгердъ, будучи ревностнымъ послѣдователемъ православія, занимается собираніемъ русскихъ земель въ одно цѣлое, предоставляя собственно Литву и Жмудь брату своему Кейстуту, послѣднему языческому князю литовскому. Многіе Ольгердовичи пользовались большимъ расположеніемъ русскаго народа; такъ напримѣръ, кіевскій князь Владиміръ и его потомки Олельковичи (отъ имени его сына и наслѣдника Александра, иначе Олелька) были очень любимы населеніемъ подчиненныхъ имъ областей.

Далѣе слѣдуютъ указанія на несомнѣнность преобладанія въ Литвѣ не только православной вѣры, но и русскаго языка, русскихъ народныхъ обычаевъ, древне-русскихъ городскихъ и земельныхъ

Библиотека "Руниверс"

учрежденій. Согласно этимъ указаніямъ литовскій языкъ употреблялся лишь въ домашней жизни; на сеймахъ-же, въ судебныхъ и административныхъ актахъ, даже въ частной перепискѣ, не говоря уже о перепискѣ дипломатической, литовцы пользуются русскимъ языкомъ. Самъ король Владиславъ Ягелло, не смотря на свою приверженность къ католицизму, легко объясняемую, впрочемъ, желаніемъ пріобрѣсть расположеніе своихъ новыхъ подданныхъ, поляковъ, не говоритъ ни по польски, ни по латыни, а пользуется языкомъ притѣсняемыхъ имъ-же „схизматиковъ".

Такое положеніе русской народности, не смотря на ея политическую (зависимость) несамостоятельность, дало ей возможность окрѣпнуть, а потому и дольше устоять въ борьбѣ съ польскими порядками, заведенными на Руси послѣ ея присоединенія къ Польшѣ. И дѣйствительно еще долго послѣ политической уніи польскаго и литовскаго государства (въ 1386) русскій языкъ и православіе сохраняются не только въ средѣ населенія, но даже и при королевскомъ дворѣ. Самый младшій сынъ короля Владислава Казиміръ былъ православный, внукъ его Сигизмундъ I имѣлъ въ собственной библіотекѣ русскія книги и очень былъ любимъ русскимъ народомъ. Въ доказательство авторъ приводитъ отрывки изъ рѣчи смоленскаго каштеляна русина Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ (1569). Противопоставляя Сигизмунда I Сигизмунду-Августу, ревностно принявшемуся за распространеніе польскаго языка, Мелешко говоритъ: „Зыгмунта перваго, солодка память его, бо той нѣмцевъ, якъ собакъ, не любилъ, и лиховъ зъ ихъ хитростьми вельме не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ".

До начала XV вѣка сохраняется еще дѣленіе русскихъ земель на княжества, въ противоположность польскимъ повѣтамъ, и хотя древне русскіе удѣльные князья и замѣняются намѣстниками, помощниками этихъ намѣстниковъ являются еще долго тіуны, дьяки и другіе древне-русскіе чиновные люди. Послѣ появленія повѣтовъ, послѣдніе дѣлятся на волости, члены которыхъ подчиняются старѣйшинамъ. Въ управленіи и обычномъ правѣ литовской Руси тоже долго сохранялись остатки старины. Древне-русское общинное начало проявляется въ обычаѣ, по которому жители сосѣднихъ поселеній сходились на *коду* (громаду) для обсужденія споровъ и произведенія суда. Долѣе всего обычай этотъ сохранился у мелкой шляхты на сѣверѣ кіевской земли; тамъ мы находимъ его еще въ XVIII вѣкѣ. Во многихъ городахъ и селахъ

Библиотека "Руниверс"

юго-западной Руси встрѣчаются и во времена польскаго владычества такъ называемые *сѣябры*, хранители общественнаго имущества.

Но какъ ни сильно было вліяніе русскаго элемента на жизнь соединенной Литвы и Руси, — въ концѣ концовъ онъ не могъ устоять противъ наплыва болѣе могущественныхъ польскихъ порядковъ. Будучи народомъ болѣе культурнымъ, поляки не могли не достигнуть преобладанія даже помимо ихъ политическаго могущества, какъ народа господствующаго. Особенно успѣшно шла полонизація привиллегированныхъ классовъ. Русско-литовскіе бояре, въ отличіе отъ бояръ галицкихъ, несли много повинностей какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Принимая католичество, они становились въ ряды литовскихъ вельможъ, освобождались отъ всякихъ повинностей посредствомъ неоднократно издаваемыхъ польскими королями привиллегій въ пользу католическихъ пановъ. Какъ и въ польской Руси переходной ступенью къ католицизму служитъ унія.

Какъ уже указано выше, культурное преимущество много способствовало тому господству польскаго элемента, какого ему удалось достигнуть на Руси. Задавленная страшнымъ татарскимъ погромомъ и его немаловажными послѣдствіями, Русь надолго остановилась въ своемъ духовномъ развитіи. Литературная дѣятельность ея была крайне односторонняя, ограничивалась только церковными, богословскими сочиненіями, да составленіемъ и переписываніемъ лѣтописей. Распространенію этихъ книгъ мѣшало небольшое количество экземпляровъ, такъ-какъ даже долгое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, онѣ оставались писанными. Между тѣмъ Польша подъ вліяніемъ проникавшаго въ нее съ запада умственнаго движенія, явившагося слѣдствіемъ реформаціи, заняла непослѣднее мѣсто въ ряду западно-европейскихъ народовъ. Знаніе и литература, освободившись отъ церковныхъ узъ, достигли цвѣтущаго состоянія. Русь, политически разъединенная, культурно связанная съ отжившей Византіей, не могла участвовать въ духовномъ движеніи латинской Европы, всё болѣе и болѣе разширявшемся. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ русскіе привиллегированные классы подчинились вполнѣ польской культурѣ, забыли родной языкъ и мало по малу утратили свою народность.

Но оплотомъ православной вѣры и русской народности остался простой народъ. Положеніе его, послѣ присоединенія

Библиотека "Руниверс"

Руси къ Польшѣ, значительно ухудшилось; „кровью писана исторія этихъ хлоповъ, говоритъ авторъ, кровь такъ и брызжетъ съ ихъ историческихъ памятниковъ, сохранившихся въ думахъ, пѣсняхъ, пословицахъ". „Съ паденіемъ Польши кончается періодъ кровавой русской поэзіи", говорится далѣе. И вотъ являются великіе защитники этихъ хлоповъ: Хмельницкій, Перебійнісъ, Гонта, Зализнякъ...

Съ паденіемъ Рѣчи Посполитой совпадаетъ и паденіе ея культурнаго значенія. Безпристрастное и философское отношеніе къ различнымъ общечеловѣческимъ вопросамъ, составлявшее главное украшеніе и отличительный признакъ польской литературы XVI вѣка, исчезаетъ вслѣдствіе вліянія на польскую духовную жизнь папскаго и іезуитскаго авторитета. Слѣдствіемъ этого является крайне одностороннее направленіе польской литературы и культуры и теряется ея значеніе для сосѣднихъ народовъ. Петръ Великій въ своихъ стараніяхъ познакомить Россію съ западно-европейской цивилизаціей, заботится о распространеніи на Руси нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, но не польскихъ книгъ, приглашаетъ ко двору французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, даже южноруссовъ, но не поляковъ.

Казалось-бы, что съ паденіемъ Польши должны были-бы прекратиться взаимныя распри между русинами и поляками. Но, заканчиваетъ авторъ свою статью, „до сихъ поръ не прекратилась взаимная вражда между ляхами и Русью. Славянскій патріотъ со скорбью смотритъ на зіяющую между ними пропасть". „Дай Богъ", говоритъ онъ, „чтобы правду сказалъ Тарасъ Шевченко, что воспѣтыя имъ войны между козаками и поляками кончились".

Е. Н. К—ая.

D-r Antoni I.. Z przeszłości Polesia kiewskiego. Warszawa, 1882.

(Докторъ Антоній І... Къ исторіи кіевскаго Полѣсья. Варшава. 1882).

Писатель, скрывающійся подъ псевдонимомъ д ра Антонія І... принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ и талантливыхъ польскихъ историческихъ писателей нашего времени. Въ теченіи семи лѣтъ д-ръ Антоній издалъ восемь томовъ историческихъ мо-

Библиотека "Руниверс"

нографій [1]), представляющихъ особенный интересъ для читателей „Кіевской Старины", такъ какъ, за незначительными исключеніями, всѣ онѣ относятся къ исторіи юго-западной Руси. Вообще, къ несомнѣннымъ достоинствамъ автора принадлежитъ его основательное знакомство съ источниками, поясняющими избранные имъ эпизоды: онъ изучилъ не только польскую историческую литературу и польскія археографическія изданія, но основательно слѣдитъ за такими-же изданіями русскими и внимательно ими пользуется, качество, которое не особенно часто мы встрѣчаемъ у польскихъ историческихъ писателей; сверхъ того, д ръ Антоній заимствуетъ многія свѣдѣнія и характеристики изъ доступнаго ему обширнаго архивнаго матеріала, хранящагося въ частныхъ фамильныхъ архивахъ или собраннаго въ его личной, на сколько можемъ судить по ссылкамъ, весьма цѣнной коллекціи.

Изложеніе д ра І... отличается большимъ талантомъ въ группировкѣ и освѣщеніи фактовъ и весьма тщательною разработкою бытовой характеристики времени, къ которому относится тотъ или другой разсказываемый имъ эпизодъ. Отдавая полную справедливость всѣмъ исчисленнымъ качествамъ почтеннаго писателя, мы не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ пріемовъ въ его изложеніи, манерѣ и освѣщеніи, которыя, по нашему мнѣнію, составляютъ менѣе желательныя черты историческаго труда, хотя, можетъ быть, и не должны быть поставлены лично на счетъ автора, а составляютъ скорѣе принадлежность установившейся традиціи въ польской исторической литературѣ, съ которой всякій писатель долженъ болѣе или менѣе считаться въ виду своихъ читателей. Къ числу недостатковъ, замѣченныхъ нами въ первыхъ трудахъ автора, относится, по нашему мнѣнію, стремленіе къ слишкомъ наглядному воспроизведенію событій, при чемъ авторъ, желая придать болѣе живости изображаемымъ картинамъ, дополнялъ личнымъ воображеніемъ черты, выявѣтрившіяся въ документальныхъ источникахъ; въ силу такого пріема многіе изъ

---

1) Кромѣ сочиненія, заглавіе котораго выше прописано, намъ извѣстны еще слѣдующія монографіи этого автора: 1) Историческіе разсказы (Opowiadania historyczne) Львовъ, 1875 г.; 2) Новые историческіе разсказы (Nowe opowiadania historyczne)—2 тома, Львовъ 1878—1881; 3) Три историческіе разсказы (Trzy opowiadania historyczne)—Львовъ, 1880 г. и, наконецъ 4) капитальное сочиненіе: Подольскіе замки на молдавской границѣ (Zamczki podolskie na okresach multańskich)—3 тома. Варшава, 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

первыхъ очерковъ, составленныхъ д-мъ Антоніемъ, не замѣтно теряли характеръ историческаго изслѣдованія и переходили въ категорію историческаго романа или, по крайней мѣрѣ, близко къ нему подходили. Таковы почти всѣ разсказы, составляющіе первый томъ „Opowiadań historycznych“. Конечно, при такой манерѣ невозможно было частностей изложенія подкрѣпить подстрочными ссылками и авторъ долженъ былъ отъ нихъ совсѣмъ воздержаться. Впрочемъ къ чести автора нужно замѣтить, что онъ самъ немедленно замѣтилъ этотъ недостатокъ и въ дальнѣйшихъ трудахъ отклонялся все болѣе и болѣе отъ беллетристическаго пошиба, сталъ приводить источники, сначала въ видѣ общихъ перечней въ концѣ каждой монографіи, потомъ болѣе подробно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ самомъ текстѣ изслѣдованій. Конечно, отъ этой перемѣны значительно усилилось научное достоинство изслѣдованій д-ра Антонія и послѣднія его работы носятъ характеръ строго историческій, безъ всякихъ прикрасъ беллетристическихъ.

Другое, болѣе серьезное возраженіе, которое мы позволимъ себѣ сдѣлать д-ру Антонію, заключается, какъ намъ кажется, въ недостаткѣ объективизма и въ постоянномъ присутствіи предвзятой мысли, которою освѣщаются событія по мѣрѣ того, какъ авторъ возстановляетъ ихъ изъ архивнаго матеріала; факты не говорятъ сами за себя, а по большей части укладываются, иногда не безъ значительныхъ усилій со стороны автора, въ рамки, a priori придуманныя и приготовленныя. Общій критерій, изъ котораго авторъ исходитъ при сужденіи о польско-русскихъ историческихъ отношеніяхъ въ прошедшей судьбѣ юго-западной Руси, состоитъ въ томъ положеніи, которое сдѣлалось въ послѣднее время общимъ знаменемъ довольно многочисленной группы польскихъ историческихъ писателей, будто въ южной Руси Польша преслѣдовала миссію цивилизаторскую и занята была по преимуществу насажденіемъ умственной и гражданской культуры. Поставивъ въ основѣ взгляда такую мысль, писатели, проникнутые ею, въ томъ числѣ и д-ръ Антоній, всѣ историческія черты быта Польши считаютъ признаками культуры, и обратно всѣ бытовыя черты Руси признаками варварства; такимъ образомъ все то, что въ быту самой Польши составляло тормозы народнаго развитія: религіозный фанатизмъ, дѣятельность іезуитовъ, излишнее развитіе сословности, эксплоатація крестьянъ и т. п., является или признакомъ высшей культуры, или ея необходимымъ аттри-

Библиотека "Руниверс"

бутамъ, и обратно тѣ черты жизни южной Руси, которыя мы привыкли уважать въ каждомъ народѣ, какъ задатки будущаго развитія и какъ признаки самостоятельности народнаго духа: любовь къ родинѣ и къ своей національности, инстинкты равноправности гражданской, протесты противъ гнета экономическаго, религіознаго и нравственнаго, расположеніе къ вѣчевому строю и т. д., все это изображается, какъ признакъ грубости, варварства и врожденнаго какого-то отвращенія къ культурѣ. Впрочемъ, какъ намъ ни кажется невѣрною съ научной и обще-человѣческой точки зрѣнія подобная постановка вопроса, мы готовы были-бы спорить съ авторомъ только о ея справедливости, но, изъ уваженія къ искреннему убѣжденію противника, не ставили-бы ему его исходной точки въ укоръ, какъ недостатокъ историческаго научнаго пріема, если-бы онъ ее доказывалъ фактическими данными и строго послѣдовательными логическими выводами изъ этихъ данныхъ. Мы далеки отъ того, чтобы вмѣнять писателю въ вину его убѣжденія, не согласныя съ нашими, и не признавать научныхъ заслугъ противника, если онъ научно отстаиваетъ ту точку зрѣнія, которая намъ кажется ошибочною; но, въ данномъ случаѣ, мы д-ра Антонія, какъ историческаго писателя, имѣемъ право попрекнуть не за его убѣжденія, а за способъ проведенія ихъ, недостойный, какъ намъ кажется, ни его развитія, ни его таланта. Отстаивая общія, вышеуказанныя положенія, авторъ не опирается на факты, не исходитъ изъ широкихъ, общихъ для всего человѣчества, историческихъ законовъ прогресса, а старается исключительно ударять на чувство читателя, для этого онъ въ излишествѣ прибѣгаетъ къ эпитетамъ въ характеристикахъ и къ произвольнымъ положеніямъ, которыя въ качествѣ афоризмовъ онъ кладетъ въ основаніе своихъ разсужденій. Манера эта придаетъ изслѣдованіямъ доктора Антонія характеръ апологіи или адвокатской рѣчи вмѣсто объективнаго изслѣдованія исторической истины и возбуждаетъ въ читателѣ, не раздѣляющемъ априорныхъ положеній автора, нѣкоторое невольное недовѣріе даже къ тѣмъ частямъ труда, которыя правдоподобны и лишены субъективныхъ прикрасъ. Не ограничиваясь, впрочемъ, этими пріемами, авторъ иногда какъ-бы отстраняетъ нѣкоторую часть разрабатываемаго имъ матеріала, если содержаніе его слишкомъ противорѣчитъ его основной схемѣ и скользитъ слишкомъ уклончиво по поверхности нѣкоторыхъ непріятныхъ фактовъ.

Библиотека "Руниверс"

Мы позволили себѣ сдѣлать эти общія замѣчанія потому, что указанные пріемы мы находимъ и въ послѣдней книгѣ, изданной д-ромъ Антоніемъ, заглавіе которой мы выписали выше. Въ составъ этой книги вошли двѣ статьи: 1) „Исторія околичной шляхты въ овруцкомъ повѣтѣ“ и 2) „Козачество въ кіевскомъ Полѣсьѣ во второй половинѣ XVII столѣтія“. Главнымъ матеріаломъ для составленія обѣихъ статей автору, по его собственнымъ словамъ, послужили 2 тома актовъ, изданныхъ кіевскою археографическою коммисіею [1]). Извлеченіе сдѣлано весьма подробно, содержаніе разсказано живо и сгруппировано умѣло, но, къ несчастью, всѣ характеристики испещены своеобразными эпитетами и афоризмами и нѣсколько группъ актовыхъ свидѣтельствъ (какъ напримѣръ: столкновенія православныхъ околичныхъ шляхтичей съ католиками—буйства жолнеровъ) отодвинуты на второй планъ и едва упомянуты. За то въ первой статьѣ авторъ, въ началѣ, въ видѣ введенія, прибавилъ весьма живой топографическій и экономическій очеркъ кіевскаго Полѣсья, а въ концѣ списокъ овруцкихъ старостъ съ перечнемъ ихъ отношеній къ шляхетскимъ околицамъ. Въ спискѣ этомъ, впрочемъ, мы замѣтили одну довольно крупную неточность: авторъ полагаетъ, что овруцкимъ повѣтомъ съ 1471—по 1531 годъ управляли непосредственно кіевскіе воеводы и самостоятельные старосты стали назначаться только съ 1531 года; мы думаемъ, что это положеніе ошибочно, потому что въ актовыхъ свидѣтельствахъ упоминаются овруцкіе старосты съ конца XV вѣка и если полнаго списка ихъ мы не можемъ составить, по причинѣ скуднаго количества дошедшихъ до насъ актовъ, то имена нѣкоторыхъ назвать можемъ: такъ старостою овруцкимъ (1496—1503) былъ князь Григорій Борисовичъ Глинскій, затѣмъ (1506—1510) Сенько Романовичъ Полозовичъ, а въ 1525 Михайло Холецкій. Въ числѣ-же позднѣйшихъ старостъ пропущены: Лука Сапѣга, носившій этотъ титулъ въ 1621 году, и князь Іеремія Вишневецкій въ 1634 г.

Вторая статья заключаетъ въ себѣ очеркъ тѣхъ неудачныхъ попытокъ возстановленія козачества, которое предпринимало польское правительство въ концѣ XVII столѣтія въ кіевскомъ Полѣсьѣ. По неизвѣстной намъ причинѣ авторъ изъ объемистаго тома актовъ выбралъ отдѣлъ менѣе всего интересный, отъ воспроизведе-

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, часть IV, томъ I и часть III, томъ II.

Библиотека "Руниверс"

нія-же возрожденія самостоятельнаго козачества на правой сторонѣ Днѣпра усиліями Палія и его сподвижниковъ онъ воздержался.

Во всякомъ случаѣ мы благодарны д-ру Антонію за то, что онъ знакомитъ свою публику съ матеріаломъ, добытымъ русскою археографическою наукою, и полагаемъ, что взаимное ознакомленіе съ научнымъ матеріаломъ обѣихъ литературъ отразится въ будущемъ съ пользою для развитія въ обѣихъ болѣе прочныхъ историческихъ свѣдѣній и для установленія болѣе объективныхъ историческихъ взглядовъ.

В. А.

Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4-хъ картъ юзападнаго края. К. 1882, in 8°, стр. 324 + 2 таблицы, + 3 большихъ и 1 малая карты.

Мы не выписываемъ всего заглавія, наполняющаго собою обложку этой книги и не совсѣмъ складнаго, какъ это замѣтно и по выписанному его началу. Содержаніе книги далеко не соотвѣтствуетъ ея названію, такъ какъ въ ней въ сущности нѣтъ ни топографическихъ, ни статистическихъ матеріаловъ, а есть только подробный дорожникъ, приноровленный къ потребностямъ военнаго вѣдомства; ему предшествуетъ перечень административныхъ подраздѣленій края, а всему этому предпосланъ жиденькій общій обзоръ, въ которомъ авторъ пытается на 36 страницахъ совмѣстить географическія, естественно-историческія и даже этнографическія свѣдѣнія о нашемъ краѣ, заключающемъ въ себѣ около 150 тысячъ кв. верстъ и около 6½ милліоновъ населенія. Конечно, дорожники вообще, въ томъ числѣ и спеціально-военные, составляютъ предметъ необходимости, а средній уровень образованія нашего офицерскаго корпуса, въ особенности воспитанниковъ юнкерскихъ училищъ, дѣлаетъ вовсе не излишнимъ и присоединеніе къ нимъ краткихъ обзоровъ природы и населенія края. Поэтому, самый планъ изданія г. Тарановскаго не заключаетъ въ себѣ никакой грубой погрѣшности; посмотримъ, каково выполненіе.

Въ коротенькомъ предисловіи авторъ опредѣляетъ цѣль своего изданія гораздо скромнѣе и точнѣе, чѣмъ въ заглавіи,—служить справочной книгой, въ которой бы заключалось хотя краткое описаніе края и, по меньшей мѣрѣ, тѣ общія свѣдѣнія, ко-

Библиотека "Руниверс"

торыя чаще всего бываютъ необходимы гражданскимъ и военнымъ учрежденіямъ (канцеляріямъ), а также служащимъ лицамъ, разъѣзжающимъ въ краѣ на обывательскихъ (земскихъ) лошадяхъ". Конечно, ни для канцелярскихъ писцовъ, ни для военныхъ писарей, ни для „лицъ, разъѣзжающихъ на обывательскихъ" знакомство съ литературой изслѣдованій нашего края не только не обязательно, а даже можетъ подчасъ оказаться, съ служебной точки зрѣнія, „излишнимъ". Но составителю изданія, предназначеннаго служить для всѣхъ этихъ лицъ руководствомъ, такое знакомство отнюдь-бы не помѣшало. Между тѣмъ перечень источниковъ, какими пользовался авторъ, показываетъ, что кромѣ двухъ-трехъ работъ генеральнаго штаба, да почтоваго дорожника, самъ онъ пользовался почти исключительно канцелярскими источниками, а литература предмета ему вовсе незнакома. Единственное исключеніе онъ сдѣлалъ для мѣстныхъ газетъ, включивъ въ число своихъ источниковъ корреспонденціи „Кіевлянина" и „Зари".

Первый отдѣлъ книги содержитъ въ себѣ „краткій общій очеркъ края", и на первой-же его страницѣ читаемъ такое неудобопонятное мѣсто: „этотъ край имѣетъ *въ ширину*, по *длиннѣйшему* разстоянію, отъ желѣзнодорожной станціи Малорыто до ж.-д. ст. Борщи *535* верстъ; *въ длину*, по *кратчайшему* разстоянію, отъ с. Авратыня до Кіева *295* верстъ". Линія Малорыто-Борщи идетъ въ направленіи болѣе или менѣе съ сѣвера на югъ, а Авратинъ—Кіевъ съ запада на востокъ, и только по этому, вслѣдствіе смѣшенія авторомъ понятій о длинѣ и ширинѣ площадя съ понятіями о долготѣ и широтѣ географической, ширина нашего края оказывается почти вдвое длиннѣе его длины; но почему одна изъ нихъ измѣрена по длиннѣйшему разстоянію, а другая по кратчайшему,—этого и угадать невозможно.

Въ опредѣленіи границъ края допущенъ крупный недосмотръ, такъ какъ въ сѣверо-западный его уголъ отнесенъ, вмѣсто владимірскаго, новоградволынскій уѣздъ. Подраздѣливъ край въ топографическомъ отношеніи на три части: Полѣсье, Волынь съ Подольемъ и Украйну, авторъ приводитъ (стр. 5) завѣдомо невѣрную цифру населенности Полѣсья въ 15 человѣкъ на квадратную версту, тогда какъ изъ его-же свѣдѣній (стр. 320) видно, что даже для пяти вполнѣ полѣсскихъ уѣздовъ Волыни (владим., ковел., луцк., ровен. и овручскій) населеніе составляетъ 754,634 чел. на 35,618 верстъ, т. е. болѣе 21 чел. на версту; очевидно,

Библиотека "Руниверс"

первая цифра выведена изъ сильно устарѣвшихъ свѣдѣній, къ какимъ нужно отнести и мнѣніе о „непроходимости“ современныхъ лѣсовъ Полѣсья. Точно такую-же достовѣрность имѣетъ и утвержденіе, будто лѣса въ „Украинѣ“, куда авторъ относитъ кіевскую губ., кромѣ полѣсской ея части, а изъ подольской уѣзды: брацлавскій, гайсинскій, ольгопольскій и восточную половину балтскаго,—„почти вездѣ уничтожены сахарными заводами, а сохранились *только* въ кіевскомъ, *сквирскомъ* и *бердичевскомъ* въ видѣ небольшихъ дачъ и рощъ“; на самомъ дѣлѣ, въ послѣднихъ двухъ уѣздахъ только и есть, что мелкія рощи, но за то въ другихъ, именно черкасскомъ, звенигородскомъ, чигиринскомъ, южной части каневскаго и сѣверо-восточной тарашанскаго, можно еще найти и настоящій лѣсъ, съ десятками верстъ сплошного протяженія.

Недосмотры, непростительная неточность выраженій и искаженіе собственныхъ именъ преслѣдуютъ автора чуть не на каждой страницѣ. Такъ у него (12) Припять входитъ въ составъ соединяющей *Днѣпръ* съ *Двиною Березинской* системы!... Днѣпръ подходитъ *правымъ* берегомъ къ *Россіи*, а лѣвымъ къ Австріи (13); та-же рѣка замерзаетъ въ какой-то неизвѣстный промежутокъ времени *между* концемъ ноября и началомъ декабря (15); правый берегъ Западнаго Буга, холмистый до Устилуга, ниже Корытницы *расходится* (?); теченіе Припети раздѣляетъ Полѣсье на минское и кіевское, волынскому-же близъ нея нѣтъ мѣста; по Случи лѣсъ *сплавляется* не только по теченію, но и *противъ теченія;* Медоборскія горы дважды называются Медеборскими, м. Киселинъ—у автора Киселиное, Несухоѣжи—Несухая, Мерва—Меврь, р. Раставица—Ростовица и т. д; „разнаго рода звѣри“ на Полѣсьи во множествѣ водятся „въ луговыхъ травахъ“,—вѣроятно, разумѣются кабаны, дикія козы, лоси, медвѣди и т. под. По счету г. Тарановскаго нашъ край отличается замѣчательной особенностью,—въ немъ всѣ годы високосные: ясныхъ дней бываетъ среднимъ числомъ $80,_6$, облачныхъ $52,_7$, а пасмурныхъ, снѣжныхъ, дождливыхъ и туманныхъ $232,_{7_1}$—въ суммѣ 366; помимо послѣдней цифры, возбуждаютъ сомнѣніе и ея слагаемыя, по которымъ климатъ нашего края оказывается въ родѣ лондонскаго; для провѣрки, не имѣя подъ рукой другихъ источниковъ, мы сосчитали по таблицамъ метеорологическихъ наблюденій въ Кіевѣ за 1874 годъ число дней, въ которыхъ облачность показана менѣе половины,—и ихъ оказалось 153, т. е. значительно болѣе, чѣмъ значится у г. Тарановскаго ясныхъ вмѣстѣ съ облачными.

Библиотека "Руниверс"

Главные затѣмъ отдѣлы книги, т. е. справочные, имѣютъ, какъ кажется, хоть то достоинство, что списаны не съ печатнаго, не нуждались, поэтому, въ прикрываніи заимствованія и поэтому не подвергались искажающимъ передѣлкамъ и дополненіямъ. Судить о ихъ достоинствѣ, т. е. степени достовѣрности, довольно трудно, не имѣя никакихъ однородныхъ данныхъ для критической провѣрки. Мы и ограничимся только перечнемъ ихъ содержанія. Подъ рубрикой „административное дѣленіе", поименованы города трехъ губерній съ показаніемъ числа жителей по свѣдѣніямъ 1880 года, источникъ которыхъ, къ сожалѣнію, не указанъ; слѣдовало-бы здѣсь же показать и населеніе уѣздовъ. Далѣе слѣдуетъ дѣленіе уѣздовъ на станы, съ показаніемъ становой квартиры каждаго, а потомъ перечень волостей каждаго уѣзда по мировымъ участкамъ, указано при этомъ отношеніе участковаго дѣленія со становымъ. Напечатаніе этихъ свѣдѣній съ обозначеніемъ ихъ на приложенной картѣ во всякомъ случаѣ очень полезно, не для однихъ только канцелярій и „разъѣзжающихъ". Этого вовсе нельзя сказать о перечнѣ административныхъ, судебныхъ и военныхъ учрежденій края, который заключаетъ въ себѣ только названія учрежденій и положенныхъ въ нихъ по штату должностей, даже безъ числа послѣднихъ; если-бы были указаны адресы учрежденій и ихъ личный составъ, такой адресъ-календарь придалъ-бы цѣны справочной книжкѣ, безъ этого-же перечень представляетъ собою совершенно ненужный балластъ.

Третій отдѣлъ, „пути сообщенія по проселочнымъ дорогамъ края", содержитъ перечень земскихъ станцій и разстоянія отъ нихъ до ближайшихъ пунктовъ; свѣдѣнія эти въ печатномъ видѣ —новинка. Изъ нихъ мы узнаемъ впервые, что въ кіевской губерніи существуетъ 191 земская станція, въ подольской 198, въ волынской 227, всего въ краѣ 616. Конечно, дорожникъ не можетъ дать никакихъ отвѣтовъ на вопросы о существующихъ системахъ содержанія этихъ станцій, его стоимости, величинѣ налоговъ собственно на этотъ предметъ и т. д.; но онъ уже неумѣстно скупъ, не обозначивъ даже числа лошадей, которое могло бы дать косвенное нѣкоторое понятіе о размѣрахъ земско-почтовой повинности въ краѣ.

Въ отдѣлахъ о путяхъ шоссейныхъ, почтовыхъ, желѣзныхъ и водныхъ нѣтъ, конечно, ничего новаго, чего-бы не было въ почтовомъ дорожникѣ, въ росписаніяхъ поѣздовъ и пароходнаго движенія; здѣсь же помѣщены правила перевозки пассажировъ и

Библиотека "Руниверс"

багажа. Болѣе интереса, по новизнѣ въ печати, представляетъ списокъ рѣчныхъ переправъ въ краѣ.

Седьмой отдѣлъ содержитъ въ себѣ перечень телеграфныхъ станцій съ тарифомъ внутренней корреспонденціи и почтовыхъ учрежденій съ правилами относительно частной корреспонденціи и почтовою таксою.

Въ концѣ книги приложены таблицы пространства населенія, движенія послѣдняго, учебныхъ заведеній и фабрикъ и заводовъ. Изъ картъ—одна общая, другая съ административными дѣленіями и пунктами, третья—съ линіями телеграфовъ и четвертая—желѣзнодорожная.

Безспорно, всѣ перечисленныя свѣдѣнія, собранныя въ одну книгу, дѣлаютъ ее очень полезною и часто необходимою для справокъ. Поэтому, конечно, мѣстный окружной штабъ и рекомендовалъ ее съ такой стороны войскамъ. Если бы г. Тарановскій далъ ей правильное и непретенціозное названіе „общаго дорожника юго-западнаго края“ и совершенно исключилъ изъ нея попытку „общаго очерка“, превышающаго его знанія и литературныя силы,—изданіе это заслуживало-бы похвалы, конечно, въ скромныхъ предѣлахъ удовлетворенія практической потребности.

P.S. Какъ ни плохъ „очеркъ“ г. Тарановскаго, и въ немъ случайно попалось небезъинтересное „зерно“. На стр. 14 о Днѣстрѣ говорится, что тамъ, гдѣ берега долины рѣки обрывисты, дно большею частью иловатое, глинистое, усыпанное мелкими камешками (рынь). Послѣдній терминъ, выражающій мѣстную особенность строенія дна, изъясняетъ вполнѣ лѣтописный текстъ о крещеніи Руси и о низверженіи перунова кумира, который „проидѣ сквозъ пороги, изверже и вѣтръ на *рынь*, и оттолѣ прослу *Перуня рынь*, якоже и до сего дне словеть“ (Лаврент. лѣт., въ Полн. Собр., т. I, стр. 50). Ив. Н.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

I.

„ПОРУБЕЖНЫЯ ЛЮБЕЗНОСТИ".

Запорожье во все время своего существованія — какъ самостоятельная община, имѣло кромѣ заграничныхъ „порубежниковъ": татаръ и поляковъ, и ближнихъ единоплеменныхъ сосѣдей: донцовъ, малороссійскихъ козаковъ и русскіе гарнизоны. Сіи послѣдніе, разкинутые по крѣпостцамъ или „ретраншаментамъ", отъ Крылова на Днѣпрѣ до самой Новой Сѣчи, занимаемы были военными отрядами изъ регулярныхъ или гарнизонныхъ полковъ, подъ начальствомъ комендантовъ штабъ-офицерскаго чина. Состоя въ непосредственной командѣ кіевскаго генералъ-губернатора, они были сторожевыми постами не только противъ ногайскихъ татаръ и польскихъ пограничныхъ „губернаторовъ" [1]), но наблюдали и надъ запорожскимъ войскомъ, которому наше правительство, послѣ измѣны Мазепы и Дорошенка, не вполнѣ довѣряло. Ближайшими къ войску были: старо-сѣченскій, кодацкій, усть-самарскій и ново-сѣченскій ретраншаменты.

Съ донцами Запорожье имѣло постоянныя, а иногда весьма кровавыя столкновенія, преимущественно въ Калміуской Паланкѣ,

[1]) «Губернаторами» назывались управляющіе, большею частію военные, имѣвшіе «украинскихъ» вельможъ: кн. Яблоновскихъ, Любомирскихъ, гр. Потоцкихъ и др.

Библиотека "Руниверс"

за рыбныя ловли на косахъ Азовскаго моря, особенно близъ устьевъ Дона, Ей и Калміуса [1]).

Съ малороссійскимъ начальствомъ и козаками запорожцы спорили за „вольности", т. е. богатыя степи на устьяхъ Орели, Самары и другихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Днѣпръ, гдѣ, безъ позволенія Коша, украинцы заводили себѣ не только хутора и зимовники, но и цѣлыя селенія. Хотя запорожцы старались всѣми силами сохранять дружескія сношенія съ своими заднѣпровскими братьями, но иногда случались столкновенія серьезныя, а чаще трагикомическія, и одно изъ такихъ событій мы выписываемъ буквально изъ спасенныхъ нами обрывковъ архива „послѣдняго Коша запорожскаго".

Въ іюнѣ 1752 года праздновали въ Сѣчи день святыхъ Петра и Павла и, слѣдственно, имянины кошеваго атамана *Павла Иванова (Козелецкаго)*. По этому случаю было много гостей и въ числѣ ихъ товарищи депутаціи, присланной для опредѣленія малороссійскихъ запорожскихъ границъ: полтавскій эссаулъ *Яковъ Козельскій* и сотникъ *Василій Зарудный*. И вотъ что случилось въ этотъ двойной церковный и войсковой праздникъ, какъ видно изъ допесенія Коша къ „ясне-вельможному" малороссійскому гетману.

1752 года іюня 30 дня.

„Отъ насъ ниже подписанныя дана сія въ войсковую войска запорожскаго низоваго канцелярію подписка въ томъ, что сего іюня въ 29 день, ради торжества, по отправленіи молебнаго пѣнія, бывшій господинъ Кошовій *Якимъ Игнатовичъ* просилъ какъ атамана Кошеваго съ старшиною, такъ и насъ, въ томъ числѣ и сотника *Василія Зарудnаго* въ свою квартиру, гдѣ онъ, сотникъ Зарудный, въ квартирѣ господина Игнатовича первѣе хрустальный „креденцъ" [2]) побилъ, сказывая: „велено де вамъ войску самарскія *вольности* (степи) межевать, а и по сія поры не межовано, за что нынѣ „и репримендовать васъ веленожъ". А потому атамана Кошеваго Павла Иванова съ старшиною называлъ „ворами и плутами, „и въ войску де нѣтъ добраго состоянія ни единаго человѣка". По отходѣ-же атамана Кошеваго Павла Иванова, войсковаго писаря

---

[1]) Р. Калміусъ, впадающая близъ Маріуполя въ Азовское море, отдѣляетъ и теперь Ново-Россію отъ донской земли.

[2]) Креденцъ—приборъ хрустальныхъ штофиковъ для водокъ.

Библиотека "Руниверс"

Димитрія Романовскаго шельмою и дуракомъ называлъ-же, и въ щеку, безъ всякой винности, при всей компаніи ударилъ; такожъ и бывшаго атамана Кошеваго Якима Игнатовича за волосы терзалъ. О чемъ въ войсковую канцелярію о причиненной имъ сотникомъ Зарудным, въ квартерѣ господина Игнатовича, обидѣ письменнаго свидѣтельства въ Кошъ требовано, по которому его сотника отважнымъ, напившись до пьяна, недобропорядочнымъ поступкамъ, гдѣ повелено будетъ, засвидѣтельствовать имѣемъ, на томъ и подписуемся".

Чѣмъ кончилось такое любезное обхожденіе господина сотника за гостепріимство въ обществѣ запорожской старшины, объ этомъ свѣдѣній въ архивѣ не оказалось. Но вотъ другое произшествіе, тоже достойное вниманія, какъ образчикъ внутреннихъ хлопотъ нашего славнаго низоваго войска.

Въ бытность кошеваго Петра Калнишевскаго въ 1768 году въ Петербургѣ, съ депутатами отъ войска, для опредѣленія границъ и рѣшенія споровъ о земляхъ запорожскихъ, отобранныхъ подъ ново-сербское поселеніе, получены были не разъ жалобы коменданта ново-сѣченскаго ретраншамента: онъ жалуется, что козаки истоптали всѣ окопы, переломали рогатки, пускаютъ скотъ во рвы и ходятъ въ укрѣпленія безъ позволенія карауловъ. Въ этомъ ретраншаментѣ [1]), по случаю какого-то праздника, были гости и въ томъ числѣ запорожскій старшина и переводчикъ Андрей Константиновъ, и вотъ что онъ доноситъ кошевому начальству:

„1768 года апрѣля 26 дня былъ я нижеименованный въ ново-сѣченскомъ ретраншаментѣ, на квартирѣ господина прапорщика елецкаго пѣхотнаго полку *Костина*, въ компаніи, въ которой находились господина маіора *Мыкульшина* [2]) жена, капитанъ *Мошновъ* съ женою, находячій при томъ-же ретраншаментѣ за адъютанта подпоручикъ бѣлевскаго пѣхотнаго полку *Бѣлозерскій*, да запорожскіе козаки: куреня титоровскаго Якимъ Косый и Савва Губа. Гдѣ будучи капитанъ *Мошновъ* нѣсколько пьянъ, между прочимъ разговоромъ бранилъ безпричинно его вельможность, господина

---

[1]) Въ селеніи *Покровскомъ* екатеринославской губерніи и уѣзда, на пепелищѣ бывшей Новой-Сѣчи, видны доселѣ остатки валовъ этого мелкаго укрѣпленія.

[2]) Комендантъ ретраншамента.

Библиотека "Руниверс"

Кошеваго Петра Ивановича Калнишевскаго поносительными словами, а именно: въ первыхъ назвалъ „мужикомъ несмысленнымъ“, приговаривалъ многократно: „что де я самъ лучше его, я де плюю на его“; повторяя сію рѣчь стократно, продолжалъ бранить матерщино съ произношеніемъ негодныхъ словъ. При томъ примолвилъ, что де онъ „былъ уже въ моей командѣ и паки де будетъ“. Наконецъ говорилъ онъ, Мошоновъ, что де „вашего Кошеваго въ Петербургѣ хотѣли повѣсить на висѣлицѣ, или въ ссылку сослать, и въ ланцугахъ (цѣпяхъ) его скованнаго держали“. И когда ему я и адъютантъ говорили, что это несправедливо ему кто ни на есть пересказалъ и что сего не было: то упомянутый капитанъ утверждая, что такъ точно, какъ онъ сказываетъ, еще произносилъ для чести его вельможности несносные укоризны. А понеже, какъ выше значитъ, при семъ былъ я и выше прописанные свидѣтели, слушавъ съ огорченіемъ въ несносной обидѣ своего командира такія поношенія: для того, повѣренный къ охраненію моего командира чести должности, симъ Кошу войска запорожскаго представляю. А что все вышеписанное справедливо, въ томъ безъ всякаго пристрастія, при случившихся тамо вышеписанныхъ свидѣтеляхъ, утверждаю“.

Войска запорожскаго низоваго переводчикъ *Андрей Константиновъ* [1]).

Такая обида Кошевому и войску взволновала все Запорожье; собралась „рада“ изъ старшины и куренныхъ атамановъ и рѣшила послать 31 мая 1768 года жалобу о горестномъ событіи кіевскому генералъ-губернатору Воейкову. 30 іюня того-же года генералъ Воейковъ отвѣчалъ козакамъ, что онъ не медля „о поношеніи чести такой“ поважной особѣ, какъ кошевой атаманъ, къ непріятнымъ слѣдствіямъ поводомъ быть могущемъ, донесъ графу Румянцеву и просилъ капитана Мошонова предать военному суду и тѣмъ надлежащее удовольствіе обиженному кошевому доставить, дабы другіе, смотря на то, впредь отъ такого подлаго и съ офицерскимъ достоинствомъ неприличнаго поползновенія удерживаться побуждены быть могли“.

Чѣмъ кончилось и это дѣло, въ бумагахъ сѣчеваго архива никакого свѣдѣнія мы не нашли.

---

[1]) *Андрей Константиновъ* былъ войсковымъ переводчикомъ татарскаго и турецкаго языковъ и агентомъ для пограничныхъ сношеній.

Библиотека "Руниверс"

А вотъ любезности съ польскаго рубежа. Въ запорожскомъ архивѣ мы нашли цѣлые десятки документовъ 1740-хъ годовъ о спорахъ и даже кровавыхъ столкновеніяхъ между козаками и польскими пограничными „губернаторами", которые ясно доказываютъ источникъ тѣхъ ужасныхъ событій, которыя, двадцать лѣтъ послѣ, произвели уманскую рѣзню. Изъ одной „промеморіи" кошеваго Якима Игнатовича отъ 19 сентября 1749 года, посланной кіевскому начальству, видно, что съ 1733 по 1749 годъ польскіе губернаторы уманскаго, лысянскаго, смѣлянскаго и другихъ „замковъ", особенно-же гг. *Станиславъ Костка-Ортынскій*, *Михаилъ Закревскій* и *Антонъ Табанъ*, повѣсили 230 козаковъ, отнявъ у нихъ лошадей, воловъ, рыбы, оружія и пожитковъ на 27,513 рублей, что по цѣнности денегъ того времени составляло болѣе, чѣмъ нынѣшнихъ сто тысячъ рублей.

Для примѣра приводимъ оффиціальное донесеніе объ одномъ изъ такихъ польскихъ подвиговъ:

„Въ 1748 году донскаго куреня козаковъ, слѣдующихъ изъ днѣстровскаго похода, зазвавши командующій въ Умани прозваніемъ *Табанъ* съ поляками въ дворъ, якобы для удовольствія ихъ харчми или за чѣмъ другимъ, и поотбиравши: ружье, лошадей, одежу и деньги, Мартына *Гончара*, Трофима *Ярового*, Афанасія *Опатого*, Андрея *Дона*, Михаила *Долматого* и другихъ повѣшали".

Предлагаемъ также образчикъ любезной сосѣдской корреспонденціи съ того-же рубежа:

Мосци пане [1]) Кошовій низоваго запорожскаго войска, мой пріятель!

„Письмо отъ В. М. М. Пана ко мнѣ отписанное сего 1752 года, мѣсяца августа остатнихъ чиселъ, получилъ я, въ которомъ В. М. М. изволите отписывать, яко не только моего хлопця именемъ *Остапка*, але и козака именемъ *Саморыднаго* въ вашемъ войску запорожскому, при которомъ оній хлопецъ зостаетъ, не

---

[1]) *Mosci panié* самая неучтивая формула въ письменныхъ сношеніяхъ поляковъ; обыкновенно всѣ пограничные «губернаторы» и даже знатные польскіе вельможи называли кошевыхъ въ своихъ письмахъ «высокопочтенными» или «вельможными». Даже главнокомандующіе гр. Румянцевъ или князь Долгорукій такъ ихъ титуловали.

Библиотека "Руниверс"

отпытано. Въ чемъ не знаю, чи я, чили В. М. М. Панъ изволите обманываться; понежъ я не объ Самородному, но объ *Яцку Безродному* до В. М. М. писалъ, ибо оній Безродній, будучи въ Нѣжинѣ прошедшаго 1751 года на ярмарку, о Покровѣ пресвятой Богородицы, съ прочими своими компанистами, самъ онаго хлопця Остапа отъ мене къ себѣ одмовилъ (переманилъ). О чемъ и не зналъ бы я, еслибъ самъ онъ Безродній чрезъ многихъ нашихъ богуславскихъ людей (которые-те люде сами на свои очи онаго хлопця при немъ служащаго бачили),—ко мнѣ многократно не наказывалъ: дабы я, „пославши що-нибудь въ даровизну, онаго Остапка къ себѣ отобралъ". А наконецъ чрезъ Филиппа Голобородченка, который В. М. Пану и листъ оній, отъ мене посланній вручивъ, такъ предъ тимъ наказывалъ: „скажи же панови своему, нехай онъ менi пару жупанiвъ перешле, а по Остапка нехай присылае, то я его отдамъ ему". За чимъ повторнымъ листомъ В. М. М. Пана прошу оному Яцку Безродному приказати, дабы онъ минѣ моего хлопця Остапка безъ турбаціи отдалъ. Впротчемъ, если бы В. М. М. Пане изволили вѣдать, въ якомъ оній Остапко заводѣ знаходится, то бы и сами его задерживать не похотѣли, ибо оній Остапко совсѣмъ, то есть, что я на изученіе его вытративъ и что (онъ) у мене въ Нѣжинѣ, на тотъ часъ, какъ его отъ мене Безродній отмовилъ, уворовалъ,—больше коштуетъ (стоитъ), нежели 700 рублевъ. Значитъ, или оную мнѣ утрату изволите пополнить, или онаго моего злочинца (преступника) Остапка прошу выдати, бо вора вездѣ во всѣхъ народахъ пограничныхъ не заступаютъ (не защищаютъ). Ежели же самоизвольно не изволите выдати, то чрезъ листъ отъ ясне вельможнаго е. м. господина гетмана, къ вамъ имѣчій прислатися, зъ дальшею турбаціею и большею утратою, принуждены будете отдати.

„Что же В. М. М. Пане изволите въ листѣ своемъ насъ въ запорожскую службу запрашивати,—отписую: еслибъ я былъ воръ, альбо разбойникъ или якій гультай (негодяй) или драпѣжца (грабитель), если бы я похотѣлъ оныхъ рицерствъ степовыхъ по за комышами доказывати и не только худобу (имущества), але и жизни людемъ отбирати, то бы можетъ на службу вашую и дався. А понеже я подъ знакомъ (знаменемъ) коруннымъ и безъ того „товарищемъ" состою [1]), оной вашей службы не же-

[1]) Въ Польшѣ, кромѣ небольшаго числа регулярныхъ войскъ, была пограничная стража, называемая gwardiia narodowa (гвардія народова), состоявшая изъ

Библиотека "Руниверс"

лаю. Хотя же, може, и обрѣтается у васъ якій гультай, который полякомъ называется, але онъ не есть полякъ, только ровній вашъ; бо онъ польскимъ языкомъ только срастаетъ, а въ самой силѣ подобный вамъ, а не полякъ: за чимъ не мене, але подобнаго себя охотника въ службу запорожскую запрашивайте, але не мене. Теперь мене-жъ безъ большой турбаціи и утрати успокоить прошу.

„Наконецъ В. М. М. Пане навсегда зостаю приятелемъ зичливымъ.

„Михаилъ Клечковскій".

2 сентября 1752 года.

З замку Богуславского [1]).

Кошъ опредѣлилъ: хлопця отъ „вельможностей" войсковыхъ въ паньскую неволю не отдавать.

Любезность польскаго порубежника, въ отвѣтъ на радушное приглашеніе сдѣлаться низовымъ козакомъ „на защиту христіанства противъ басурманъ",—тѣмъ любопытнѣе или, лучше сказать, смѣшнѣе, что 20 лѣтъ послѣ такіе вельможи, какъ кіевскій генералъ-губернаторъ *Гзбовъ, Кочубей*, графъ *Панинъ*, князь *Прозоровскій*, графъ *Остерманъ*, даже Потемкинъ вступали охотно въ запорожское войско, и имъ выдавались аттестаты отъ избранныхъ ими куреней. Вотъ подлинный такой „аттестатъ", выданный знаменитому академику Эйлеру, посѣщавшему Сѣчь съ ученою цѣлью въ 1770-хъ годахъ.

А Т Т Е С Т А Т Ъ.

„Астрономической экспедиціи главный предводитель, артиллеріи бомбардирскаго полку господинъ поручикъ, *Христофоръ Леонтіевъ Эйлеръ*, въ пріѣздъ свой въ нынѣшнее время въ Сѣчь запорожскую, по его прошенію, въ войско запорожское, въ число

хоругвей (знаковъ), то есть отрядовъ дворянъ, служащихъ на свой счетъ, которые назывались товарищами (towarzysze); отряды, набранные королемъ, гетманами и епископами, назывались почетными знаками (znaki powazne) и были «коронные», т. е. польскіе и литовскіе.

[1]) «З замку Богуславского». Богуславъ — г. кіевской губерніи, имѣніе князей Яблоновскихъ, имѣлъ, подобно всѣмъ другимъ украинскимъ городамъ и мѣстечкамъ, небольшое укрѣпленіе вокругъ помѣщичьяго дому, и отъ того назывался «замкомъ».

Библиотека "Руниверс"

куреня Кущевскаго товарищей, принятъ и между товарищество того куреня, на всегдашнее изчисленіе въ куренные регестры, съ нижеписаннаго числа записанъ. Для чего ему, г. поручику Эйдеру, когда гдѣ надобность укажетъ объявленія, сей аттестатъ изъ Коша войска запорожскаго низоваго при подписаніи и печати войсковой выданъ. Въ Сѣчи запорожской августа 4 дня 1770 года".

(М. П.) Слѣдуетъ подпись:

„Войска запорожскаго низоваго кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій, съ старшиною и товариствомъ".

А. Скальковскій.

ОТЕЦЪ АПОЛЛОНІЙ СЕНДУЛЬСКІЙ,

СВЯЩЕННИКЪ СЕЛА СИВОКЪ ОСТРОЖСКАГО УѢЗДА.

(Некрологъ) *).

Отецъ Аполлоній Сендульскій былъ въ высшей степени выдающаяся личность. Въ немъ счастливо соединились прекрасный человѣкъ, образцовый священникъ—пастырь, незаурядный дѣятель—администраторъ и выдающійся мѣстный ученый—историкъ.

Лучшая пора жизни отца Аполлонія Сендульскаго совпала съ началомъ 60 годовъ, когда, послѣ послѣдняго польскаго возстанія, у правительства и всего образованнаго русскаго народа вспыхнула любовь къ забытой—было русской части народонаселенія

*) Считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность почтенному Ал. Тарнавскому за сообщеніе намъ его теплаго слова о скромномъ и неизвѣстномъ, но достойномъ самой свѣтлой памяти мѣстномъ дѣятелѣ въ области жизни и исторіи. Сожалѣемъ вмѣстѣ съ нимъ, что это столь интересное и на многія размышленія наводящее сообщеніе слишкомъ долго въ незаслуженномъ небреженіи пролежало въ одной изъ мѣстныхъ редакцій и является потому запоздалымъ. Присоединяемся къ его желанію, чтобы монографіи о. Сендульскаго были изданы и получили общую извѣстность. Каковы-бы ни были ихъ научныя достоинства, но онѣ могутъ дать много новаго матеріала для мѣстной исторіи, а число ихъ велико (до 40), и всѣ онѣ касаются мѣстностей, имѣющихъ несомнѣнное историческое значеніе. Мы имѣли уже случай высказать, что чѣмъ болѣе будетъ раздроблена разработка мѣстной исторіи, тѣмъ болѣе выиграетъ отъ того наша историческая наука.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

его вѣрѣ, попираемой иновѣрными пришельцами, и историческимъ мѣстностямъ и памятникамъ, приходившимъ въ большую и большую ветхость, а то и совсѣмъ въ разрушеніе и забвеніе.

Истинно-русская и глубоко православная душа отца Аполлонія не могла не откликнуться на призывъ—поднимать мѣстное народонаселеніе въ религіозно-національномъ и экономическомъ направленіяхъ. Отецъ Аполлоній Сендульскій изо всѣхъ силъ сталъ трудиться, чтобы исполнить долгъ православнаго пастыря и русскаго человѣка. Не смотря на многочисленность семьи (самый употребительный предлогъ для отказа отъ самоотверженной дѣятельности), не смотря на занятія по приходу, выражавшіяся не однимъ требоисправленіемъ, но и проповѣдью, и словесною, а нерѣдко и денежною помощью бѣднякамъ-прихожанамъ; не смотря на занятія по выборнымъ должностямъ, то члена семинарскаго правленія, то члена окружнаго училищнаго съѣзда, то предсѣдателя епархіальнаго съѣзда, не смотря на хлопоты по постройкѣ церкви въ своемъ приходѣ,—отецъ Аполлоній Сендульскій не переставалъ трудиться надъ увеличеніемъ тѣхъ познаній, которыя онъ пріобрѣлъ во время прохожденія семинарскаго курса. Отецъ Аполлоній Сендульскій вообще имѣлъ склонность къ занятію исторіей, а пережитыя краемъ и въ частности имъ самимъ событія—освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшее послѣ 1863 года общее освобожденіе края отъ многовѣковаго гнета — польщизны и католицизма, еще болѣе побудили его отдаться изученію мѣстной исторіи, историческихъ мѣстностей, памятниковъ и пр.

Историческія занятія не легки въ большомъ городѣ, представляющемъ собою крупный мѣстный центръ; а въ селѣ глухомъ, крошечномъ, отдаленномъ даже отъ уѣзднаго города, историческія занятія еще болѣе тяжелы, нерѣдко вовсе невозможны. Отецъ Аполлоній не зналъ однако невозможнаго и твердо, неустанно и послѣдовательно шелъ къ намѣченной цѣли—разработкѣ мѣстной исторіи, въ отношеніи къ существующимъ и исчезнувшимъ мѣстностямъ и памятникамъ православной Волыни. Открыть, выяснить и доказать въ изслѣдуемой мѣстности и памятникѣ остатки православія—вотъ та цѣль, къ достиженію которой стремился отецъ Аполлоній Сендульскій. Для достиженія этой цѣли отецъ Аполлоній не мало потратилъ времени, денегъ, труда и здоровья. За то не мало оста-

Библиотека "Руниверс"

вилъ послѣ себя памятниковъ. Начавъ съ исторіи села Сивокъ, своего прихода,—перваго печатнаго труда, появившагося на страницахъ мѣстныхъ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ 1868 году, отецъ Аполлоній перешелъ къ изслѣдованію сосѣднихъ мѣстностей, селъ, мѣстечекъ, городовъ и монастырей и неустанно работалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Вотъ перечень историческихъ трудовъ отца Аполлонія Сендульскаго: „Мѣстечко Ляховцы острожскаго уѣзда“, „Село Тихомль“, „Мѣстечко Ямполь“, „Мѣстечко Шумскъ“, „Мѣстечко Рахмановъ“, „Краткія историческія свѣдѣнія о православномъ валевскомъ монастырѣ“, нынѣ не существующемъ, „Историческія свѣдѣнія о православныхъ церквахъ и монастыряхъ въ г. Луцкѣ“, нынѣ не существующихъ, „Мѣстечко Вишневецъ“, „Татаринецкій мужескій монастырь, бывшій вблизи с. Обычи“, нынѣ не существующій, „Село Суражъ“, „Село Стожокъ“, „Городъ Луцкъ“, „Городъ Кременецъ“, „Село Поляховка“, „Село Городище“, „Городъ Заславль“, „Преподобный Іовъ, игуменъ почаевскій“, „Городъ Овручъ“, „Городъ Дубно“, „Загаецкій монастырь“, „Мѣстечко Бѣлокриница“, „Мѣстечко Боремль“, „Мѣстечко Олыка“, „Мѣстечко Четвертня“, „Мѣстечко Чарторыйскъ“, „Мѣстечко Берестечко“, „Городъ Ровно“, „Мѣстечко Искорость“, „Мѣстечко Пересопница“, „Мѣстечко Клевань“, „Мѣстечко Корецъ“, „Мѣстечко Вышгородокъ“, „Городъ Острогъ“, „Мѣстечко Полонное“, „Мѣстечко Домбровица“, „Изъ наблюденій сельскаго священника“, „Записка о постройкѣ новой церкви въ селѣ Сивкахъ, острожскаго уѣзда, во имя преподобнаго Ѳеодора, князя острожскаго“. Всѣ эти работы напечатаны въ промежутокъ времени между 1868 годомъ и началомъ іюньскаго 1882 года. „Городъ Острогъ“, „Мѣстечко Полонное“ печатались уже послѣ смерти ихъ автора. Кромѣ напечатанныхъ историческихъ статей, отецъ Аполлоній помѣщалъ въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ не мало своихъ проповѣдей, отличавшихся краткостью и, употребляя гомилетическое выраженіе, слейностью. Но литературная дѣятельность отца Аполлонія Сендульскаго не ограничивалась перечисленными трудами. Онъ велъ „лѣтопись“ своего прихода; въ нее онъ вносилъ все замѣчательное, какъ-то: особенныя событія и случаи, наблюденія надъ жизнію крестьянъ, статистическія свѣдѣнія о приходѣ и метеорологическія наблюденія. Послѣ отца Аполлонія осталась написанная имъ-же самимъ „Авто-

Библиотека "Руниверс"

біографія“ и множество рукописнаго матеріала, между прочимъ двѣ приготовленныя къ печати статьи: „Мѣстечко Лабунь“ и „Мѣстечко Степань“, и обширная библіотека, состоящая преимущественно изъ книгъ историческаго содержанія.

Было-бы въ высшей степени желательно, чтобы всѣ сочиненія отца Аполлонія были напечатаны въ отдѣльномъ изданіи и пущены въ продажу. За это дѣло слѣдовало-бы взяться редакціи „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, и, въ случаѣ неимѣнія средства на изданіе, выполнить его при содѣйствіи епархіальной власти и типографіи почаевской лавры. Изданіе всѣхъ сочиненій отца Аполлонія въ видѣ книги было-бы лучшимъ памятникомъ покойному и немалою поддержкою его осиротѣвшей семьѣ.

Трудясь на поприщѣ литературной дѣятельности, отецъ Аполлоній не забывалъ прямыхъ обязанностей священника. Въ отношеніи крестьянъ онъ былъ „добрый пастырь“—помогалъ своимъ прихожанамъ не только словомъ, но и дѣломъ, т. е. деньгами. Не мало семействъ избавлено было отцомъ Аполлоніемъ отъ еврейской кабалы. Но особенную заботу прилагалъ отецъ Аполлоній къ устройству церкви въ своемъ приходѣ. Такъ какъ средства прихода были недостаточны для постройки храма, то от. Аполлоній прибѣгнулъ къ помощи церковно-строительнаго комитета и... вдоволь намучился, пока не одержалъ побѣды надъ комитетомъ. Эта любопытная исторія изложена отцомъ Аполлоніемъ въ „Запискѣ“ и помѣщена въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1879 годъ. Выстроенный отцомъ Аполлоніемъ храмъ освященъ въ честь преподобнаго Ѳеодора, князя острожскаго. Если не считать придѣла въ церкви Кирилло-Меѳодіевскаго острожскаго братства, освященнаго въ честь молитвенника за Острогъ и Волынь, то церковь въ селѣ Сивкахъ есть единственная въ честь преподобнаго Ѳеодора, заступника Волыни.

Не мало потрудился отецъ Аполлоній и для своего роднаго сословія, служа по выборамъ въ должностяхъ: сначала члена правленія семинаріи, для чего ѣздилъ въ Кременецъ за 50 верстъ, потомъ члена окружнаго училищнаго съѣзда, потомъ члена и наконецъ предсѣдателя епархіальнаго съѣзда. Во время исполненія этихъ должностей отецъ Аполлоній переносилъ большія непріятности отъ своихъ-же собратій—духовенства, въ особенности

Библиотека "Руниверс"

въ послѣднее время, когда обсуждались вопросы о расширеніи житомірскаго духовнаго женскаго училища и объ открытіи такого-же въ Кременцѣ. Отецъ Аполлоній стоялъ за рѣшеніе этихъ вопросовъ въ утвердительномъ смыслѣ, а духовенство шло противъ, потому что не желало разстаться съ нѣсколькими рублями. Своею прямотою и откровенностію от. Аполлоній отличался и въ частной жизни, отъ того не многіе понимали его самоотверженную дѣятельность и строгое исполненіе обязанностей.

Отецъ Аполлоній умеръ 7 января 1882 года послѣ тяжкой болѣзни, которая, однако, не мѣшала его сильной волѣ исполнять обязанности священника: изнемогая отъ болѣзни, не имѣя силъ и голоса, отецъ Аполлоній служилъ 25 декабря за 13 дней до смерти. Такъ сильна была воля покойнаго и такъ самоотверженно исполнялъ онъ свои обязанности!

Вѣчная память имени скромнаго сельскаго дѣятеля!

Ал. Тарнавскій.

ДВѢ ЗАПИСКИ СВ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

О ПРІЕМѢ И СДАЧѢ ИМЪ ЕЛЕЦКАГО ЧЕРНИГОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Это тѣ именно записки, которыя г. Кулжинскій принялъ за дневникъ св. Димитрія, рисующій внутреннюю жизнь монастыря. Хотя онѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что привыкли мы называть дневникомъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ разбросано много данныхъ, не лишенныхъ значенія для исторіи того времени и наводящихъ на мысль о самой жизни монастыря,—той жизни, къ которой относятся слова Христа Спасителя: *идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ.* Мы видимъ здѣсь и самаго святителя въ роли главнаго хозяина монастыря, не забывающаго и тлѣнныхъ міра сего: *человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ,* какъ замѣтилъ ап. Іаковъ о пророкѣ Иліѣ, но... *молитвою молися,* о Богѣ и высшей жизни не забывалъ, среди неизбѣжныхъ заботъ мірскихъ, и стяжалъ себѣ имя великаго святителя, которое благоговѣйно чтитъ вся земля русская. Мы видимъ въ запискахъ, кромѣ монеты въ разныхъ видахъ, много животныхъ и для пищи пригодныхъ; но пусть это не вводитъ кого-либо въ соблазнъ: монастырская братія того вре-

Библиотека "Руниверс"

мени не нарушала обычаевъ всегдашняго поста; всѣ эти вепри и поросята, овцы и телята, гуси и подобная дробь разводились не для братскаго стола, но какъ предметъ промысла; одной „горѣлки" добивалась и на недостатокъ или дурное качество оной жаловалась нерѣдко тогдашняя братія, и на это часто можно натыкаться въ монастырскихъ архивахъ.—Мы находимъ наконецъ въ запискахъ данныя о денежныхъ средствахъ монастыря и ихъ источникахъ, о мѣстахъ, размѣрахъ и особенностяхъ монастырскаго хозяйства, о денежныхъ знакахъ, мѣрахъ хлѣбныхъ и проч. Но и, кромѣ указаннаго нами, читатель найдетъ еще нѣкоторыя любопытныя частности въ самыхъ запискахъ, составляющихъ автографъ святителя.

I. Записка о пріемѣ монастыря.

Року 1697, мѣсяца іюня: принявши архимандрію елецкую черниговскую, зревѣдовалисмо скринку скарбцовую, зличили въ ней талеровъ битыхъ сто, 1,000 золотыхъ чехами, а остатокъ чеховъ велѣлисмо отцу Генадію шафару взяти до шафованя на монастырскіи расходы.

Затѣмъ написаны и зачеркнуты красными чернилами слѣдующія слова: въ той-же скринци особно положено пани Полуботковыхъ грошей червонныхъ гнутыхъ 15, а чехами копа. *Вмѣсто зачеркнутаго написано краснымъ черниломъ:*

NB. Року 1698, ноября 4, умерла старая Полуботчиха и взято тихъ грошей назадъ, тилько дано 5 червонихъ до скринки, а три капрошанамъ.

Того жъ году (1697) предъ Покровою пресвятой Богородицы, якъ выбираемся въ дорогу до Батурина и Глухова, а братія о належитое себѣ зажитое просили, отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, же мало есть у него грошей, теды на прошенія ихъ выдалемъ з скринки сей чехами золотыхъ двѣстѣ.

Того-жъ часу отецъ намѣстникъ Иполитъ, ѣдучи до Нѣжина къ Покровѣ пресвятой Богородицы, на ярмарокъ, же яко отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, что не было иншихъ въ монастыру грошей, теды з сеенъ скринки взялъ золотыхъ 60.

Якъ вернулемся зъ Глухова въ Филиповъ постъ, отецъ Генадій шафаръ повѣдалъ, же отнюдь не маетъ грошей, теды зъ сеей скринки давано на расходы, и вышло золотыхъ 34 и шаговъ три.

Библиотека "Руниверс"

Того-жъ году 1697, декабря 22, учинилисмо нового шафара брата Інокентія діякона, далисмо ему зъ сихъ же грошей до шафованія золотыхъ сто. Бо отъ отца Генадія, якъ здавалъ зъ себе шафарство, не взялемъ грошей большъ, тилько полодинадцата шагаче хами, а остатковъ было 7 золотыхъ и шеляговъ щось трохи.

Року 1698, января мѣсяца, взялисмо зъ сихъ же скарбцовыхъ грошей на соль золотыхъ сто, и купилисмо соли московской гуртомъ за цѣлие сто золотыхъ.

Мѣсяца апрѣля, предъ въѣханемъ нашимъ отсюдже выдали золотыхъ 50 на расходы, бо згола нѣотколь взити.

NB. А такъ зъ сумы лежачои вышло грошей золотыхъ 544 и шаговъ три.

На потимъ еще въ року 1699, въ зимѣ, закуповуючи вѣтраного, взялисмо зъ скарбцовыхъ грошей золотыхъ сто, а прочее платилисмо грошми пана бунчуковаго, который далъ былъ зъ побожности своей на манастырь полтораста золотыхъ.

II. Записка о сдачѣ монастыря.

Року 1699, сентемврія 17. Отъѣжжаючи зъ монастыря елецкаго, оставляю господарство такое:

Въ Овдѣевци посѣяли жита осмачокъ 7 и четверикъ, а осталося немолоченого жита копъ 100 и семьдесятъ; быдла рогатого семьдесятъ и трое, овечокъ шестьдесятъ и осмеро, телятъ тридцатеро и одно, коней четвонадцатеро, свиней 13, гусей 60, овса копъ сорокъ, ячменю копъ 4, сѣна стоговъ добрыхъ 11.

Въ Горбовѣ посѣяли осмачокъ семь жита, а зосталося копъ 100 и тридцать, овса копъ двадцать, сѣна скиртъ 5.

Въ Серединци посѣяли осмачокъ десять, а зосталося немолоченаго копъ 30, овса копъ тридцать и три, ячменю копъ 21, гороху, що всюди есть, копицъ 170, проса въ монастырю и на Святомъ копъ 25, гречка ще не кошена.

Въ Серединци коней два и кляча, воловъ девять и телица, свиней трое, гусей 12, сѣна двѣ скирти и стоговъ добрихъ осмь, а еще сѣножатей некошеныхъ на толькижъ буде.

Дерева тамже на два млины рѣзаного и тертицъ пятьдесятъ и палей дубовыхъ двадцать.

Въ монастиру сѣна стирта и два стоги великихъ.

На Святомъ коровъ три, телятъ 4, гусей з двадцать.

Библиотека "Руниверс"

Въ Рижикахъ казановъ 4, пять новыхъ дома, свиней 30, въ сажи три вепри, поросятъ з двадцать, гусей двадцать и конь одинъ.

Въ пасѣци подъ Папоровкою пчолъ на зиму оставлено двадцать осмь.

Въ монастиру коней монастирскихъ семеро, а моихъ власнихъ оставляю шестеро. Ридванъ, коляса пароконная и коляска одноконная, полубъ пароконный и полубѣцъ одноконный, шоръ паръ три зовсѣмъ.

Въ церквѣ аппарата, книги, сребро все ведлугъ давнихъ реестровъ ┼ паламарскихъ ┼ вцѣлости.

Прибыло стихаровъ священническихъ, отъ пани обозной давихъ, два. Ризы пана обознаго злотоглавыи и епитрахиль. Ризы чорныи зъ золотымъ крестомъ.

Въ трапезѣ, въ кухнѣ, весь посудокъ ведлугъ давнихъ трапезнихъ реестровъ в цѣлости.

Прибыла книга до трапезы житій святыхъ декабрь, январь, февраль по небожчику Іннокентію дякону.

Прибыла до церкви книга уставъ.

Въ скарбцу церковномъ грошей въ доброй монетѣ въ червонихъ и талярахъ 1,000 золотихъ и 300, а особливе гетманскихъ чехами золотихъ 300.

Въ Копачевѣ и Надиновци закупилисмо вѣтраного, дали копъ сто, за часть млина его, и за дворъ, и за сѣножати, и за всѣ его добра лежачіи.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ *).

Въ с. Сулимовкѣ, переяславскаго уѣзда, въ усадьбѣ Ал. Андр. Войцеховича, хранятся четыре портрета, на которыхъ изображены:

30) *Иванъ Федоровичъ Сулима*, генеральный хорунжій, умершій въ 1721 г., на работахъ ладожскаго канала. Тѣло его было привезено въ родную Сулимовку, какъ говоритъ семейное преданіе, въ выдолбленной и осмоленной сосновой колодѣ, въ которой противъ лица умершаго, выставлено было стекло. Въ этой самой колодѣ хорунжій былъ и погребенъ въ склепу сулимовской церкви.

*) «Кіевская Старина», май, 337 и сентябрь, 557.

Библиотека "Руниверс"

31) *Марья Павловна Сулима,* жена предыдущаго, дочь Павла Полуботка. Умерла въ 1729 г.

32) *Семенъ Ивановичъ Сулима*, переяславскій полковникъ 1739+1766, сынъ предыдущихъ. Нарисованъ въ бѣломъ кунтушѣ, съ перначемъ въ рукѣ.

Всѣ три портрета представляютъ собою подлинники, довольно плохо впрочемъ сохранившіеся. Ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ надписей, и указаніе на принадлежность ихъ означеннымъ лицамъ сдѣлано нами со словъ Пр. М. Артемьевой [1]), происходящей изъ рода Сулимъ и хорошо знакомой съ семейными преданіями своего рода.

33) *Павелъ Леонтьевичъ Полуботокъ,* черниговскій полковникъ. Въ первой нашей замѣткѣ о малороссійскихъ портретахъ („Кіевск. Старина", май), указывая на два портрета Полуботковъ, хранящихся у гр. Гр. А. Милорадовича, мы сказали, между прочимъ, что по неимѣнію надписей, нельзя опредѣлить, который изъ двухъ изображаетъ Леонтія (отца), а который Павла (сына). Теперь съ достовѣрностью можно сказать, что портретъ будто бы Павла Полуботка, приложенный ко всѣмъ тремъ изданіямъ Исторіи Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго, изображаетъ не Павла, а должно быть отца его—Леонтія, бывшаго при Самойловичѣ переяславскимъ полковникомъ. Портретъ, находящійся у А. А. Войцеховича, имѣетъ на оборотной сторонѣ надпись, указывающую, что это портретъ—Павла Полуботка. Портретъ этотъ—двойникъ одного изъ Полуботковскихъ портретовъ, хранящихся у гр. Милорадовича, и двойникъ именно того портрета, литографію котораго (довольно плохую, впрочемъ) лѣтъ десять назадъ издалъ владѣлецъ этихъ обоихъ портретовъ, съ догадкою о его принадлежности Павлу Полуботку. Принадлежность

---

[1]) Отъ нея-же, между прочимъ, получили мы свѣдѣніе, что въ томъ же переяславскомъ уѣздѣ, въ с. В. Круполѣ, у Ипк. Ил-ча Бутовича, имѣется какой-то замѣчательный по старинѣ портретъ Мазепы. Интересно было-бы получить объ этомъ портретѣ болѣе подробныя свѣдѣнія, такъ какъ сколько нибудь достовѣрнаго портрета Мазепы пока въ виду не имѣется. Изъ всѣхъ печатныхъ портретовъ его, наибольшее вниманіе останавливаетъ на себѣ гравюра на деревѣ, напечатанная въ «Иллюстраціи» 1847 г., № 5. О подлинникѣ этой гравюры сказано только, что это «древній портретъ». Не тотъ-ли это, что въ академіи художествъ?

Библиотека "Руниверс"

Сулимовскаго портрета Павлу Полуботку подтверждается, кромѣ надписи, еще и тѣмъ, что жена Ивана Федоровича Сулимы была, какъ мы уже сказали, дочь Павла Полуботка; она конечно и привезла въ Сулимовку портретъ *своего отца* [1]).

Ал. Лазаревскій.

О ДНѢ СМЕРТИ КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ-КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ОСТРОЖСКАГО.

Въ исторіи есть лица на столько памятныя и дорогія, что не просто любопытно, но иногда и необходимо знать вѣрно не только годъ, но и день ихъ кончины, съ которою, какъ и съ ихъ жизнію, связываются иногда многія событія. Къ числу такихъ лицъ у насъ безспорно принадлежатъ два великіе ревнителя православія и народности русской, князья Константинъ Ивановичъ и въ особенности двухъ-именный сынъ его Василій-Константинъ Константиновичъ Острожскіе.

Между тѣмъ время кончины этихъ великихъ не только для своего времени, но и для потомства дѣятелей до настоящей поры съ точностію не опредѣлено. Относительно перваго можно несомнѣнно утверждать только то, что онъ скончался между 1 сентября 1529 г. и первыми числами октября 1530 г. [2]). Опредѣленіе дня смерти (18 августа) этого князя, сдѣланное Нарбутомъ, пока не будетъ извѣстенъ источникъ, изъ котораго оно заимствовано, или-же не откроется новыхъ данныхъ для подтвержденія мнѣнія этого историка, нельзя считать несомнѣннымъ.

Что-же касается князя Василія-Константина Острожскаго, то до послѣдняго времени не только день, но даже и годъ его смерти опредѣлялись и опредѣляются различно. Нѣсецкій [3]), а за нимъ и

---

[1]) Собирая свѣдѣнія о старинныхъ малороссійскихъ портретахъ, мы недавно узнали, что будто-бы имѣется довольно значительное собраніе этихъ портретовъ въ с. Очкинѣ, новгородсѣверскаго уѣзда, въ усадьбѣ умершаго въ этомъ году, А. М. Судіенка. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о составѣ этого собранія намъ получить до сихъ поръ не удалось. Не поможетъ-ли кто изъ видѣвшихъ это собраніе?

[2]) Подробнѣе объ этомъ въ Труд. кіев. дух. акад. 1877 г. октябрь, 182—188 стр.

[3]) Herbarz Polsk. t. VII.

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторые другіе обыкновенно утверждали, что онъ умеръ 21 марта 1606 г. Петровъ нашелъ въ рукописномъ сборникѣ кіево-софійскаго собора двѣ надгробныя надписи обоимъ этимъ князьямъ. Изъ нихъ видно, что кн. Василій-Константинъ скончался въ 1608 г. на 81 году жизни. Въ помянникѣ (писанномъ) дерманскаго монастыря на поляхъ отмѣчено, что этотъ князь „преставися“ отъ Р. Х. 1608 г. февраля 13 дня, въ субботу Ѳеодорову, жилъ 81 г... положенъ въ церкви соборной острожской“ [1]). Это послѣднее опредѣленіе принято нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями [2]). Но приведенная отмѣтка въ синодикѣ Острожскихъ позднѣйшаго происхожденія и придавать ей значеніе несомнѣннаго свидѣтельства нельзя [3]), ибо въ томъ-же синодикѣ на поляхъ есть грубыя ошибки и анахронизмы. Можно съ несомнѣнностію принять только годъ кончины этого князя, такъ какъ это подтверждается другими свидѣтельствами, напр., выше указанными надгробными надписями; что-же касается дня, то, кажется, гораздо вѣроятнѣе опредѣленіе его, сдѣланное Нѣсецкимъ, на основаніи свидѣтельства іезуита Янчинскаго. Этотъ іезуитъ, сообщающій много свѣдѣній о частной жизни этого дѣятеля, считаетъ днемъ его смерти 21 марта. Мы можемъ указать данныя, которыя, по видимому, даютъ этому опредѣленію большую вѣроятность. Въ сборникѣ копій писемъ кн. Острожскихъ (изъ несвижскаго архива князей Радзивиловъ), находящемся въ рукописномъ отдѣленіи спб. публичной библіотеки, есть слѣдующее письмо кн. Ивана (Януша) Константиновича Острожскаго къ князю Хр. Радзивилу [4]).

Oswiecony Xiąze, moj M-cwy Panie powinny!

Złożywszy czas pogrzebowi ciała sławnej pamięci X-cia, J-o M. Pana Ojca i Dobrodzieja mego na dzień 27 kwietnia, w Ostrogu, rozumiałem za słuszną W. X. M. oznajmić, prosząc przytem, abyś

---

[1]) Памятник. кіевск. коммис. IV, отд. I, 108. Родился-же онъ въ 1527 г.

[2]) Макарій, Истор. русск. церк. т. X, 358.

[3]) Очень можетъ быть, что авторъ ея смѣшалъ этого князя съ его прадѣдомъ Василіемъ (Красивымъ) и найдя въ древнихъ синодикахъ надпись о днѣ кончины послѣдняго, соединилъ ее съ извѣстнымъ ему годомъ смерти перваго.

[4]) Этотъ кн. Радзивилъ былъ женатъ на дочери князя Василія-Константина, сестрѣ Ивана Константиновича.

Библиотека "Руниверс"

W. X. M. z krewnej powinności swej, pomniąc na uprzejme ku sobie chęci i miłość nieboszczykowską, przybycieś raczył ku temu żałosnemu aktowi na czas pomieniony do Ostroga. Oświadczysz W. X. M., mój M-y Pan, przez to łaskę swą i powinną miłość, która była ku żywemu, tudzież którą mieć raczył przeciwko mnie i domowi memu..... z Ostrogu 1608 r. martii die ulma (ultima) [1]).

Janusz xiąże Ostroskie, kasztelan krakowski.

Приведенное письмо дастъ понять, что фактъ смерти князя Константина Острожскаго былъ извѣстенъ уже его зятю, князю Радзивилу, котораго шуринъ, князь Янушъ Острожскій извѣщаетъ теперь лишь о времени погребенія отца, назначенномъ на 27 апрѣля, приглашая прибыть къ этой печальной церемоніи; оно также показываетъ, что назначенный для погребенія срокъ былъ теперь только избранъ и не служилъ отмѣною какого либо другаго, болѣе ранняго срока. Если-же письмо писано 31 марта, то естественнѣе допустить, что смерть этого князя послѣдовала 21 марта, чѣмъ 13 февраля. Нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, чтобы тѣло кн. Василія-Константина оставалось непогребеннымъ въ продолженіи чуть не двухъ съ половиною мѣсяцевъ, если дѣйствительно онъ скончался 13 февраля. Равнымъ образомъ трудно, при этомъ предположеніи, объяснить, почему кн. Янушъ Острожскій увѣдомляетъ своего ближайшаго родственника о времени погребенія своего отца едва по истеченіи полутора мѣсяца со времени кончины этого послѣдняго. Напротивъ допустивъ, что смерть кн. Константина послѣдовала 21 марта, мы не найдемъ ничего страннаго и неестественнаго въ томъ, что сынъ его извѣщаетъ своего родственника Радзивила о времени погребенія отца спустя десять дней послѣ кончины этого послѣдняго.

В. Бала´ушевичъ.

УКРАИНСКІЙ ГЕЛІОСЪ.

(НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ О СОЛНЦѢ).

Украинскія преданія, давшія столько богатыхъ сюжетовъ для безсмертныхъ произведеній Шевченка, Гоголя, Пушкина („Гусаръ“,

[1]) IV. F. № 223, лист. 76.

Библиотека "Руниверс"

напримѣръ), Мицкевича и др., сколько извѣстно, еще не разсматривались, какъ своего рода *окамънелость* древне-языческихъ воззрѣній южно-русскаго народа. Въ настоящей замѣткѣ хочу сгруппировать украинскія легенды о *солнцѣ*, иногда значительно сходныя съ разсказами древнихъ грековъ о Геліосѣ, въ огненной колесницѣ совершающемъ свои объѣзды по небу. Есть-ли это совпаденіе взглядовъ —случайность, или это результатъ вліянія грековъ, жившихъ въ геродотовскія времена по берегамъ Чернаго моря, на древнѣйшихъ нашихъ предковъ,—я не берусь рѣшать этого вопроса.

По представленію украинцевъ, *сонце*, равно-какъ *місяць* (луна), *зорі-зорниці, морозко, вітеръ* и проч.—живыя существа, могучіе, обитающіе на небѣ великаны, способные, смотря по расположенію духа, оказывать благодѣянія людямъ или-же дѣлать людей безъисходно несчастными. Каждый изъ этихъ титановъ имѣетъ свою особую, физическую и нравственную, физіономію, свой характеръ. Болѣе добрыми изъ нихъ въ легендахъ являются *сонце* и *місяць*.

Сонце—великанъ, обладающій свѣтоносной и теплотворной одеждой, которую онъ надѣваетъ по своему усмотрѣнію и съ помощью которой онъ освѣщаетъ, согрѣваетъ и оплодотворяетъ всю природу [1]). *Місяць*—блѣдный, менѣе могучій, съ печатью „каинова грѣха“ на лицѣ, братъ солнца, созданный одновременно съ нимъ [2]). Въ заклинаніяхъ своихъ украинцы такъ обращаются къ этимъ двумъ свѣтиламъ: „И тебе прошу, красне сонце, и тебе прошу, ясный місяцю!“ [3]),—тѣмъ не меньше, и звѣзды, и мѣсяцъ далеко не пользуются у южноруссовъ такимъ уваженіемъ, какъ благодѣтельный Геліосъ, что можно видѣть хотя-бы изъ слѣдующей поговорки: „Світило-бъ мині тільки праведне сонце, а місяць и зорі я коломъ побью“...

Видя беззаконія, творимыя ежеминутно человѣчествомъ, солнце иногда, въ невыносимой горести, закрываетъ лицо свое руками, отчего и происходятъ затмѣнія солнца [4]). Другой разъ украинскіе дра-

---

[1]) Труды этнографич. экспедиціи въ юго-западн. край, т. I, в. I, стр. 5—6.
[2]) Ibid.
[3]) Ibidem., стр. 69.
[4]) Ibid., стр. 13.

Библиотека "Руниверс"

коны, *крилаті вовкулаки*, набрасываются на свѣтоноснаго великана, желая уничтожить его; вступая съ ними въ борьбу, солнце на время перестаетъ освѣщать и согрѣвать землю [1]).

Солнце, при всемъ своемъ могуществѣ, не всегда оказывается равнодушнымъ къ прелестямъ нашихъ земныхъ красавицъ, при чемъ безъ зазрѣнія совѣсти отымаетъ у мужей и отцевъ красивѣйшихъ украинокъ, насылая на нихъ въ такомъ случаѣ вихрь, который и уноситъ женщинъ въ палацы свѣтоноснаго великана [2]).

Впрочемъ, солнце и здѣсь стремится быть справедливымъ. За каждую похищенную имъ женщину оно щедро награждаетъ деньгами ея родныхъ [3]).

Солнце имѣетъ у себя трехъ дочерей, которыя, въ видѣ утокъ, плаваютъ иногда по рѣкамъ и озерамъ земнымъ; дочери эти всемогущи на землѣ, но силу свою употребляютъ исключительно на добро людямъ [4]). Нѣкій сказочный украинскій герой, которому необходимо было отыскать „палацъ“ солнца, случайно встрѣчается съ одной изъ солнцевыхъ дочерей; послѣдняя вошла въ его положеніе и дала ему золотой клубокъ, который прикатился къ самимъ дверямъ солнцева дворца [5]). Этотъ-же герой женился на дочери солнца, а всемогущій тесть сдѣлалъ его неуязвимымъ, заставивъ его окунуться въ громадномъ казанѣ въ кипящее молоко.

Проведя ночь въ подземныхъ чертогахъ, утромъ солнце начинаетъ подыматься по *блакиту*, при чемъ ему пособляютъ демоны, живущіе въ моряхъ; не одна тысяча *купанівъ* (чертей безхвостыхъ) погибнетъ отъ солнечнаго жару прежде, чѣмъ солнце наконецъ взойдётъ [6])!—Въ полдень солнце не идетъ по небу, говорится въ одной легендѣ [7]), но „трохи спочивае“ (отдыхаетъ); подъ-вечеръ идетъ совсѣмъ на отдыхъ, почью-же спитъ и встаетъ утромъ очень рано. На востокѣ прежде жила какая-то поразительно красивая

---

[1]) Труды этн. экс., т. I., стр. 13.
[2]) Рудченко, «Народныя южно-русскія сказки», вып. I, стр. 85.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., стр. 91—93.
[5]) Ibid.
[6]) «Труды этногр. экс.», т. I, стр. 4.
[7]) Ibid., 3—4.

Библиотека "Руниверс"

панна, и лишь только, бывало, солнцу надо всходить, она умоетъ, вытретъ его хорошо: вотъ по какой причинѣ въ прежнее время солнце свѣтило гораздо лучше, чѣмъ теперь [1]).

Въ параллель къ этой украинской легендѣ, приведу нѣсколько строкъ изъ сочиненія г. Петискуса о древне-греческой миѳологіи. „По вѣрованію древнихъ, говоритъ онъ, Геліосъ (солнце) вставалъ раннимъ утромъ, лишь только розоперсная Эосъ (богиня утренней зари) возвѣститъ о приближеніи его, и въ пылающей колесницѣ, на огненныхъ коняхъ, несся по своду небесному, ночь-же пребывалъ въ золотыхъ чертогахъ Тефисы прекрасной“ [2]).

Однажды солнце вмѣсто себя послало освѣщать міръ своего зятя, снабдивъ послѣдняго своими свѣтоносными „ризами“, подобно Геліосу, который то-же довѣрилъ какъ-то свою огненную колесницу сыну Фаэтону; зять во время обхода задалъ трепку „вітру и морозку“ (морозу), но тесть на другой день извинился предъ ними [3]).

Уваженіе и довѣріе, которыя украинскій народъ питаетъ къ солнцу, видны, между прочимъ, изъ одного заклинанія, влагаемаго въ уста дѣвушки, которая, желая получше устроить свою судьбу, рано утромъ, чуть взойдетъ солнце, выходитъ изъ хаты и, обращаясь къ нему, говоритъ: „День тебѣ добрый, солнышко ясное! Ты святое, ты ясное-прекрасное; ты чистое, величавое, почтенное (поважне)! ты освѣщаешь, и горы, и долины, и высокіе курганы.... Освѣти меня, рабу Божію, передъ панами, передъ попами, передъ царями, передъ всѣмъ міромъ христіанскимъ“... и т. д. [4])

Гр. Десятынъ.

СВ. МУРО ВЪ СТАРИНУ и КАКІЕ СЪ НИМЪ СЛУЧАИ БЫВАЛИ.

Въ практикѣ церкви нашей есть и теперь много невыясненнаго, неопредѣленнаго; отсюда неизбѣжныя недоумѣнія и затрудненія нетолько для молодыхъ, но и для старыхъ священниковъ, отсюда

---

[1]) Ibid.

[2]) Петискусъ. «Олимпъ», стр. 94.

[3]) Рудченко, Народныя южно-рус. сказки, в. I, стр. 94.

[4]) «Труды этногр. эксп.», т. I, стр. 93.

Библиотека "Руниверс"

по мѣстамъ особенности въ богослуженіи и обрядахъ, приводящія въ соблазнъ, а то и раздражащія иного знатока уставовъ церкви и ревнителя церковнаго благолѣпія и благочестія, отсюда выходки и оригинальныя дѣйствія нашихъ пастырей, неизбѣжныя въ прежнее, возможныя и въ наше время. Многое восполняетъ и поправляетъ теперь большая развитость и образованность нашихъ священниковъ; не то было въ старину—бѣдную и простую.

Вотъ какіе казусы бывали, между прочимъ, и съ св. мvромъ.

Обычнымъ для селъ источникомъ св. мvра, были въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія такъ называемыя протопопіи. Протопопіи эти, и въ центрѣ расположенныя, отъ крайнихъ селъ уѣзда отстояли часто на 50—60 верстъ, что въ круговой объѣздъ давало отъ 100 до 120 верстъ; иныя отстояли на 100 и болѣе верстъ, въ круговомъ объѣздѣ 200 и больше верстъ, какое разстояніе не всегда легко и удобно переѣзжать и по сухому хорошему пути. Это, впрочемъ, препятствіе больше для позднѣйшаго времени, и, такъ сказать, второстепенное. Въ старину другое было. Протопопъ для священника иного сельскаго захолустья казался чѣмъ-то особенно великимъ и страшнымъ [1]). Предстать предъ лице его, да еще и говорить съ нимъ, пожалуй, да это такое ужасное дѣло, отъ одного представленія о которомъ у иного волосы дыбомъ станутъ. А между тѣмъ какъ быть? Св. мvро совершенно истощилось, сосѣда просилъ, не даетъ, да и у самаго немного; а тутъ, какъ нарочно, являются и являются крестить. И тычетъ бѣднякъ сучцемъ въ сосудъ, немного еще мокрый отъ бывшаго въ немъ мvра, а то и совсѣмъ сухой, и утѣшаетъ себя мыслію, что, по милости Божіей, совершилъ таки таинство мvропомазанія.

---

[1]) И это не упреувеличеніе. Одинъ уважаемый протоіерей (уже умершій), служившій въ 50 и 60 годахъ, разсказывалъ намъ, какъ онъ самъ, пріѣхавъ въ село въ храмовой день, приходомъ своимъ въ церковь до того испугалъ одного старичка—священника, пріѣхавшаго нарочито принять участіе въ праздничномъ богослуженіи, что тотъ едва въ состояніи былъ окончить акафистъ, который читалъ, и затѣмъ ни за что не согласился пойти въ домъ настоятеля прихода, а изъ церкви прямо убѣжалъ домой. А вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что сотрудничая въ богослуженіи, старичокъ укрѣплялся въ трудѣ перспективой будущаго «учрежденія велія». Надо быть великому страху, чтобы уйти отъ трапезы.

Библиотека "Руниверс"

А то, говорили мнѣ старики-отцы, былъ и такой случай. У одного изъ захолустныхъ совершенно истощился запасъ св. мура, даже самый сосудъ сухой совсѣмъ. Старичокъ для мура употреблялъ стручецъ съ волосяной кисточкой. Естественно не имущему вообразить, что тамъ за долгое время скопилось таки не мало св. мура. И вотъ почтенный отецъ, когда приходится ему муропомазывать, прижметъ кисточку на свѣчкѣ, и, помазывая прижженнымъ мѣстомъ, весь погруженный въ свое дѣйствіе, уже забываетъ и слова таинства, а говоритъ только, повторяя: *още важнисть... още важнисть!*

Разсказывали и слѣдующее событіе. Одинъ священникъ давно и крайне нуждался въ св. мурѣ; но никакъ не могъ рѣшиться поѣхать въ протопопію. Матушка-попадья была похрабрѣе, и вызвалась сама побывать у страшнаго о. протопопа и получить св. муро. Кстати-же ей и въ городъ, купить или продать, нужно было. Снарядилъ батюшка „госпожу свою“, снабдилъ и сосудцемъ для св. мура, и отправилась матушка. Представляется о. протопопу. „А что вамъ?“ — „Мура св. заполучити поручили папотець“, отвѣчаетъ матушка. „Да какъ-же это? помилуйте!—восклицаетъ удивленный о. протопопъ,—женщинѣ и сосуда такого касаться не подобаетъ, а вы еще и мура“.—„Да я и не касалась, отвѣчаетъ вопрошаемая. Папотець сами надѣли мнѣ на шею сосудецъ на ленточкѣ, я же и рубаху и одежу всю чистую надѣла, совсѣмъ въ чистотѣ, какъ слѣдъ, и сказали, что тамъ о. протопопъ сами сосудецъ снимутъ, нальютъ, и опять тебѣ на шею привѣсятъ. Такъ я, не касаясь, и довезу, будьте спокойны“. Удовлетворился-ли такимъ объясненіемъ о. протопопъ, далъ-ли св. мура, неизвѣстно, да и не интересно. Интересно, какъ „госпожа“ выручала своего „господинка“ въ трудномъ дѣлѣ полученія св. мура.

Слышалъ я и еще случай—проще и естественнѣе, но вызванный тою-же отдаленною поѣздкой и тревогой видѣться и бесѣдовать съ о. протоіереемъ изъ-за нужды въ св. мурѣ. О гонорарѣ за выдачу, всегда неизбѣжномъ, не скорбѣли отцы, помня, что то дѣло обычное [1]).

---

[1]) Слышали мы, что одинъ раздаятель св. мура, принимая обычную подачку, и спѣшно пряча оную въ карманъ, имѣлъ обычай приговаривать: *зачтмъ это зачтмъ? благодать не продается.*

Библиотека "Руниверс"

Бѣда ѣхать далеко, да и представляться о протопопу—дѣло изъ ряда выходящее. Случай, ниже приводимый, разсказанъ мнѣ очевидцемъ, бывшимъ на ту пору діакономъ, и давно уже мирно скончавшимся въ санѣ священника. „Настоятель прихода, гдѣ я діаконствовалъ, разсказывалъ покойникъ, былъ мой своякъ, простой и очень добрый человѣкъ, и жили мы очень любовно. Однажды не стало у насъ св. мура, настоятель и приглашаетъ меня ѣхать съ нимъ въ уѣздный городъ къ о. протопопу". И поѣздка вдвоемъ, очевидно, для смѣлости, а по тогдашнему времени и обычаямъ и выпивка неизбѣжная для смѣлости-же. „Явились, продолжалъ разказчикъ, получили и возвращаемся домой веселые и довольные. Жара страшная, а тутъ по дорогѣ село, и въ селѣ прудокъ съ отличнымъ мѣстомъ для купанья. Хорошо-бы выкупаться, предлагаетъ настоятель. Я, конечно, согласился. Разоблачились, св. муро, которое настоятель везъ на шеѣ—на лентѣ, привѣсили на время на сучкѣ вербы, и нырнули въ воду. Выкупались, какъ слѣдъ, одѣлись и поѣхали. Вотъ мы и дома. Но вдругъ настоятель мой схватывается за грудь и страшно блѣднѣетъ. Что съ вами? спрашиваю.—Да вѣдь муро-то на вербѣ осталось, о. діаконъ.—А тамъ и дѣти еще купались. Что, какъ увидѣли, сняли, и разлили? Боже мой!.. Бѣгите, летите скорѣй на мѣсто, можетъ быть еще въ цѣлости застанете. Я быстро вскочилъ на лошадь,—верховой ѣздокъ изъ меня былъ хорошій въ молодости, и полетѣлъ стрѣлой къ мѣсту купанья, благо и недалеко, версты четыре; и, къ общей радости нашей, св. муро оказалось на сучкѣ цѣлымъ и невредимымъ. Дѣти не успѣли его увидѣть".

И много подобныхъ казусовъ можно-бы собрать между братіею, на дѣлѣ извѣдавшею, какъ не легко добывалось св. муро въ старину.

КАРМЕЛЮКЪ.

Кармелюкъ, разбойникъ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, уроженецъ Подоліи, бывшей главнымъ театромъ его страшныхъ подвиговъ, оставилъ память по себѣ и въ населеніи кіевской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

Кармелюкъ—типъ тѣхъ народныхъ героевъ, память о которыхъ будетъ жить вѣчно въ народѣ. Онъ разбойникъ и межъ тѣмъ пользуется такой доброй славой и любовью. Отъ чего-же это? Отъ того, что народъ никогда не забываетъ тѣхъ своихъ защитниковъ, которые явно выразили чѣмъ-нибудь свой протестъ противъ его угнетеннаго, бѣдственнаго положенія. Кармелюкъ стоялъ за право тѣхъ порабощенныхъ бѣднягъ, которые обречены были день и ночь работать въ ярмѣ для пана. Его протестъ выразился въ формѣ разбойничества, какъ болѣе удобной и возможной въ то время... Замѣчательныя его пѣсни (уже извѣстныя) переполнены моремъ грусти и скорби по людскомъ бездольи. Въ нихъ слышится могучая сила, готовая въ пухъ и прахъ разбить виновниковъ людскаго несчастья, но эта сила надломлена, скована,—и часто въ этихъ-же пѣсняхъ слышится плачь вмѣстѣ съ проклятіями:

Вбогі люди, вбогі люди,
Скрізь васъ, люди, бачу!
Якъ згадаю вашу муку,
Самъ не разъ заплачу.
Кажуть люди, що счастливый,
Я зъ того сміюся,
Бо не знаютъ, якъ я часомъ
Сліозами зальюся.
Куди піду, подивлюся,
Скрізь багачъ пануе,
У роскошахъ превеликихъ
И днює й ночуе.
Убогому, несчасному,
Тяжкая робота,
А ще гіршая неправда,
Вічная скорбота!

Про свое разбойничанье онъ такъ говоритъ:

Зовуть мене розбойникомъ,
Кажуть—розбиваю;
Ой нікого ще-жъ не вбивъ я,
Бо й самъ душу маю.

Библиотека "Руниверс"

Богатого обдираю,
А бідного наділяю—
И, такъ гроші поділивши,
Самъ гріха не маю.....
Ассесоры, исправники
За мною ганяють,—
Більше-жъ вони людей граблять,
Якъ я грошей маю.....

Очень интересно и важно было-бы собрать въ разныхъ мѣстахъ разсказы народные и пѣсни про Кармелюка; они уяснили-бы его личность и установили бы точный взглядъ на него народа. Характеристика-же такихъ личностей, какъ Кармелюкъ, по народнымъ разсказамъ и пѣснямъ важна для изученія самаго народа. Привожу тутъ одинъ такой разсказъ, записанный мною въ звенигородскомъ уѣздѣ. Онъ не такъ характеренъ, тамъ разсказываются болѣе интересные случаи о столкновеніи Кармелюка съ помѣщиками. Надѣюсь ихъ записать. Къ концу разсказа привожу и пѣсню; она, кажется, еще нигдѣ не напечатана, хотя и имѣетъ сходство съ нѣкоторыми уже извѣстными.

„Всі у насъ на Вкраіні знають Кармелюка—одъ малого до великого. Его жаліслівi пісьні витають и по степахъ, и по хатахъ, и по вишневихъ садкахъ. Про нёго всякий роскаже, наче вінъ ёго знавъ... Багато де-чого розсказують про нёго люди; навить показують ліса и місця, въ которыхъ вінъ живъ, и це ледве не въ кожнімъ селі. Кажуть, що вінъ бувъ розбойникъ, ще-жъ до того характерникъ. Ходивъ та ховався вінъ все по лісахъ, та по степахъ, бо ёго дуже підстерегали, шобъ якъ піймати. Тамъ де ёго ніхто не сподівався, тамъ вінъ зъявлявсь и якъ бачивъ, що про нёго вже пронюхали и хотять піймати, зразъ десь пропадавъ. Кажуть, якъ который чоловікъ робочый та чесный, то вінъ ёго и грішми наділить и всімъ, чого ему треба.— Разъ іхавъ чоловікъ на ярмарокъ; іде, та підперши голову рукою, сидить на возі, тай курникае собі підъ нісъ—скаржиця на свою долю:

Та доле-жъ моя, доле,
Чомъ ты не такая,
Якъ тая чужая!

Библиотека "Руниверс"

Такъ вінъ співае собі, ажъ ось догоняе ёго якыйсь чоловікъ.

— А здоровъ будь, чоловіче!—каже.

— Будьте й вы здорові!—одповідуе той.

— А звіткіль? А куда? Чи багато маешь волівъ та коней? Та все роспитуе. А той ёму розсказуе, шо отъ такъ и такъ: „жінка зосталась у дома безъ хліба, а я оце іду на ярмарокъ, шобъ продати остатню пару воликівъ, або шобъ стати де підъ хуру, та хоть на хлібъ дітямъ заробить, а то нема чого істи...“—А той слухавъ, слухавъ, а далі винявъ зъ кешені сто карбованцівъ та й каже: „на тобі, чоловіче, оці сто карбованцівъ, та купи собі ще дві пари волівъ, шобъ було до плуга, та згадуй Кармелюка“. Такъ той и остовпинівъ.—„Кармелюка?!“ питае, витріщявши очи, мовъ не вірить, шо це робитця въ яву. А Кармелюка вже й немае. Радый такый той чоловікъ, шо ото мае въ кишені сто карбованцівъ. Приіхавъ до корчмы, тай звернувъ трохи на радощахъ выпити. Выпивъ чарку, выпивъ другу, выпивъ третю, а далі й не зоглядівся, якъ и гроші вкрали. Сидить тоді вінъ, тай плаче въ корчмі; ба, це входить той самый чоловікъ—Кармелюкъ. Глянувъ вінъ на нёго, тай крикнувъ до своіхъ: „эй, хлопці, простягніть-но лишь ёго, та дайде ёму прочухана, шобъ знавъ, якъ пропивать гроші, коли діти сидять дома безъ хліба.

Одпустили ёму трохи, а Кармелюкъ зновъ тоді виймае сто карбованцівъ, тай дае ёму.—Теперъ гляди, каже, якъ зайдешъ въ корчму, то вже не минешъ моіхъ рукъ, тоді не викрутися!...

И багацько такъ вінъ визволявъ людей изъ біди.

А то разъ зновъ иде баба на базаръ, та якъ разъ проходить черезъ той лісъ, де живъ Кармелюкъ. Отъ иде, та все оглядаетця, та заглядае по-межъ корчі, чи не сидить тамъ часомъ Кармелюкъ. А той и наглядівъ ії, та вийшовъ изъ-за кущівъ, тай иде противъ неі. Якъ угляділа вона ёго, то такъ и похололо въ неі въ сердці, а далі, перехрестившись, й каже: „охъ, Боже-жъ мій! а я думала, шо це де-небудь вирвався той проклятый Кармелюкъ, та вже оце йде по мою душу. Такъ боюсь того Кармеля, шой не знаю, де-бъ и ділась, якъ-би вгляділа ёго“. А сама й гадки не мае, шо передъ нею стоіть той самый Кармелюкъ, котрого вона такъ боитця...

— Чого-жъ ты, бабко, боишся того Кармелюка? Вінъ тільки багатихъ чухрае, а тебе, не бійсь, не зачепить..

Библиотека "Руниверс"

— Охъ, не дай, Боже, мені зъ нимъ здибатись, зъ тимъ проклятущимъ розбіякою, такъ на місті, здаетця, и вмерла-бъ!

Ставъ ії Кармелюкъ питати, що вона несе, чи має дітей, чи є що дома істи... Все бабуся розсказала: несе півкопи яець, та низку цибулі, шобъ продать. „Та треба скоро йты, каже, шобъ не спізнитись, а то якъ забарюсь, та буду пізно ити назадъ черезъ лісъ, то ще встріне той Кармелюкъ“...

— Купи мені, бабко, на базарі, каже той, за гривню підковы до чобітъ, та десятокъ цвяшківъ за два шаги.

— А де-жъ я васъ тутъ побачу?—питае баба.

— Та я тутъ въ лісі карбівничимъ, то тутъ буду де-небудь сидіть коло шляху, бо теперъ люду всякого вештаетця... Давъ вінъ ій гроши, а вона й пішла собі.

Цілий день сидівъ Кармелюкъ коло шляху въ лісі та виглядавъ баби. Тільки уже надъ вечірь вернулась баба зъ місця. Вийшовъ до неі Кармелюкъ, тай питае: „а чи купила, бабусю, підковы?“—„Купила“, каже.—„Ну, добре, сідай-же теперъ, я тебе підкую. Уже що тамъ собі хочешъ, а підкую, бо я Кармелюкъ, а ты Кармелюка лаяла, щей казала, що вінъ бідныхъ грабуе; треба шобъ у тебе була відъ мене памятка; а шобъ ты знала, що я бідныхъ не займаю, а заступаюсь за нихъ, то ось тобі сорокъ карбованцівъ“.

Нема що, сідае баба середъ шляху, трисетця, якъ одъ пропасниці, та сідае, бо дуже боитця Кармелюка, а зъ нимъ жартувать не можна. Сховала вона въ пазуху сорокъ карбованцівъ та плаче, та проситця: „въ мене діти, каже, зостанутця сиротами; хто іхъ вигодуе, хто доглянe“?

— Та це нічого, каже Кармелюкъ, жартуючи:—одъ цёго не вмрешъ; а шобъ не дуже боліло, шобъ тобі можна було дойти до дому, то я підкую тебе тільки по два цвяшки на кожну ногу... Підкувавъ вінъ ії, а тоді звівъ, тай каже: „ну, теперъ иди зъ Богомъ, та згадуй тимъ часомъ Кармелюка“!... Пішла баба. Навспинячки стае та йде, ажъ порохъ по шляху знявся..

За Сибиромъ сонце сходить!
Хлопці, не зівайте
И на мене, Кармелюка,
Всю надію майте!

Библиотека "Руниверс"

А Кармелюкъ добрый хлопець—
Вінъ по ночамъ ходитъ,
Не одную чорнявую
Изъ розуму зводитъ...

Маю жінку, маю дѣти
Та я іхъ не бачу,
Якъ згадаю про іхъ житя,
То й самъ гірко плачу.

Кажутъ люде, що розбійникъ,
Що я розбиваю,
Брешутъ вони, та й говорятъ—
Я й самъ душу маю.

Я богатыхъ обдираю,
А убогихъ наділяю—
И, такъ гроші подѣливши,
Самъ гріха не маю.

Зібравъ собі хлопцівъ добрыхъ—
Що кому до того?
Розійдемся по дорогахъ
Для подорожнёго.

Ой хто іде, а хто йтиме—
Довго ёго ждати;
Якъ не маемъ прихилища,
Мусимъ пропадати...
Ажъ ось іде самъ владыка.
А здорово, хлопці!

Вони ёму одказали:
Благослови, отче!
Ой, якъ хочешъ въ свѣті жити,
То оддай намъ гроші.....
Оглянеця кругомъ себе—
Все хлопці хороші.
Ой выйнявъ вінъ сорокъ тысячъ—
Це вамъ усі гроші.....

Пішовъ-бы я у містечко,
Боюсь становою:

Библиотека "Руниверс"

Идуть соцькі щей десяцькі
Послані одъ ёго.
Беруть мене за рукава,
Кажуть мені сісти,
А я тее добре знаю,
Що я выйду звідти.
Встромлю руки у кешені,
У кешеняхъ тісно:
Полицейскимъ кручкодерамъ
Й тилъ про мене звісно.

Разсказъ и пѣсня записаны въ с. Гусаковой, звенигородскаго уѣзда, 1880 г.

А. Смоктій.

Библиотека "Руниверс"

Andante.

№ I.

Библиотека "Руниверс"

№ 2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Небомъ земля сталася,
Якъ Бога дождалася,
Де Творецъ Архангелівъ,
Те тамъ треба и Ангелівъ.

Мы-жъ небесной славой полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Якъ Луциферъ спавъ зъ неба,
То тамъ святихъ людей треба,
Щобъ поповнить паденіе,
Должно Христу рожденіе.

Мы-жъ небесной славы полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Богъ изъ Дівы раждается,
Небомъ земля сполняется,
Трепещутъ Архангели,
Служатъ Ёму всі Ангели;

Мы-жъ небесной славы полны
И языци всі довольны;
Веселитеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Библиотека "Руниверс"

Moderato

№ 3.

Библиотека "Руниверс"

Волъ и оселъ Христа витаютъ,
Пастыріе Его прославляютъ
И Цари-Государи
Отъ Персъ и Индіи
Принесоша ему дари.

Ты, вертепе, возвеселися;
Се бо въ тебе
Христосъ родися.
Вострунно въ псалтирѣ
Рожденнаго прославляйте
По всемъ мірѣ.

Библиотека "Руниверс"

Де Христосъ родився,
Зъ Дівы воплотився,
Тамъ чоловікъ передъ Богомъ
Пеленами повився.

Передъ тимъ дитяткомъ
Пастушки зъ ягняткомъ
На колінця упадають,
Христа Бога выхваляють.

Просимъ тебе, Царю,
Небеській Шапарю,
Пошли Боже многа літа,
Сему господарю.

Библиотека "Руниверс"

VIII

Allegro.

№ 5.

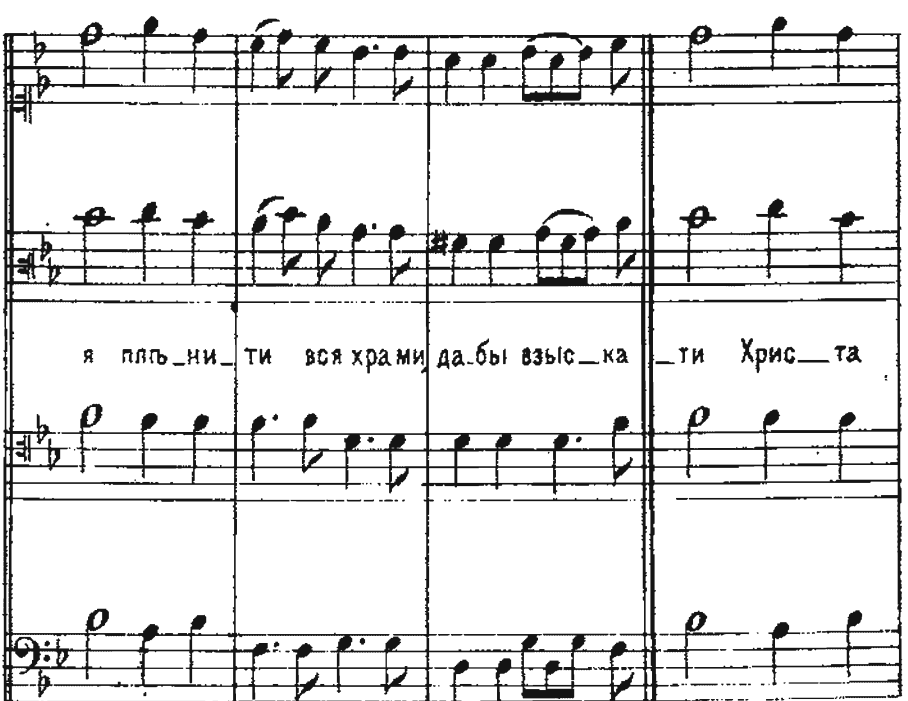

Библиотека "Руниверс"

Andante

№ 6.

Библиотека "Руниверс"

И повѣлѣ же вінъ во своемъ повіті
Живущія въ немъ вся діти избити:
Во двоихъ лѣтахъ или и нижайше,
Во троихъ лѣтахъ или и множайше.
О, Ироде преокаянний!

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

XII

Отвѣщаша ему:
Идемъ къ рожденному.—
Къ рожденному идите
И мнѣ возвѣстите.

Азъ пѣдъ поклонюся,
Передъ Царемъ смирюся,
Воздамъ честь обичну,
Какъ Цареви приличну.

Библиотека "Руниверс"

Звѣзда идетъ чудне
Зъ востока на полудне,
Надъ вертепомъ сіяетъ.
Христа Царя являетъ.

Ангелъ къ нимъ вѣщаетъ,
На путь наставляетъ;
Инимъ путемъ идите,
Ко Ироду не йдите.

Волеви возвратишася,
Въ Ирода не быша;
Вспять, вспять возвратишася,
Не вотще трудишася.

Пришли въ страни своя,
Христа славословя,
Чаютъ зъ Нимъ въ небі жити,
Ему жъ на вікъ служити.

Библиотека "Руниверс"

XIV

Moderato

№ 8.

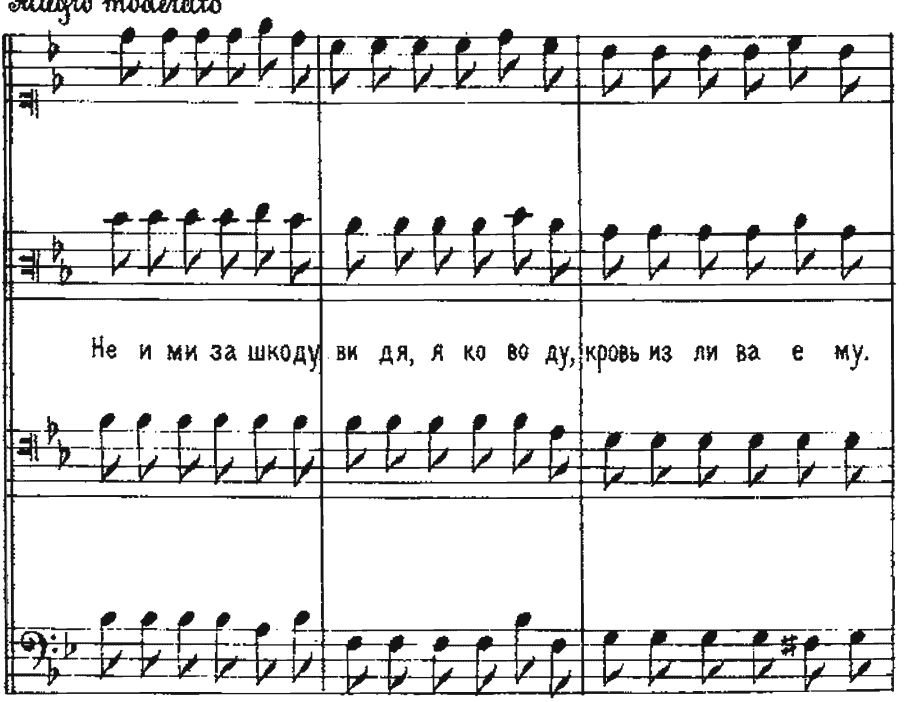

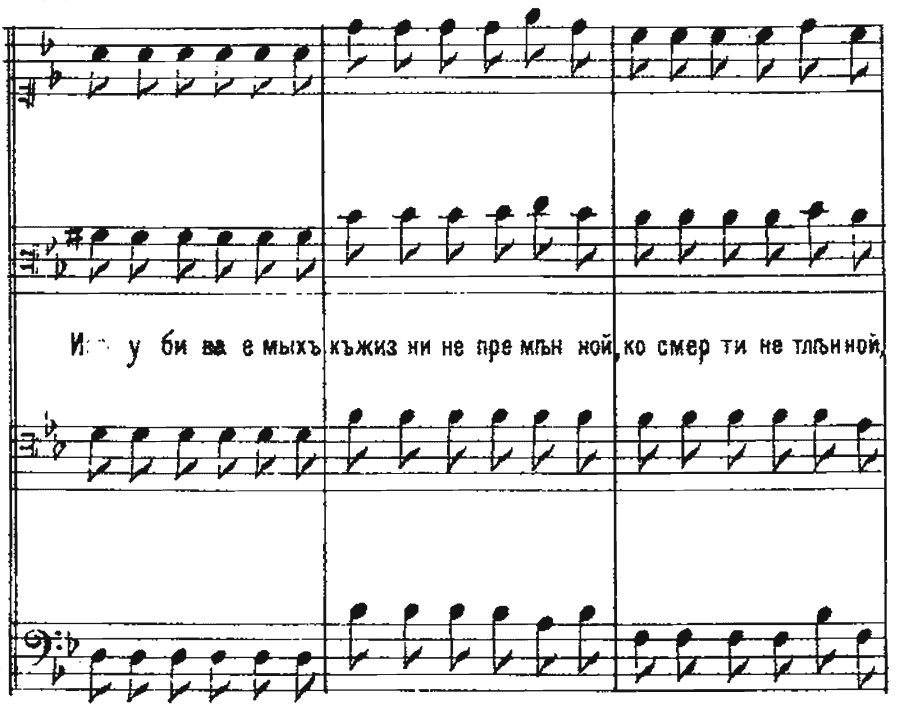
Библиотека "Руниверс"

Allegro moderato

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Ирод̀ не ситий велить убити,
А воинъ терзаетъ и убиваетъ.

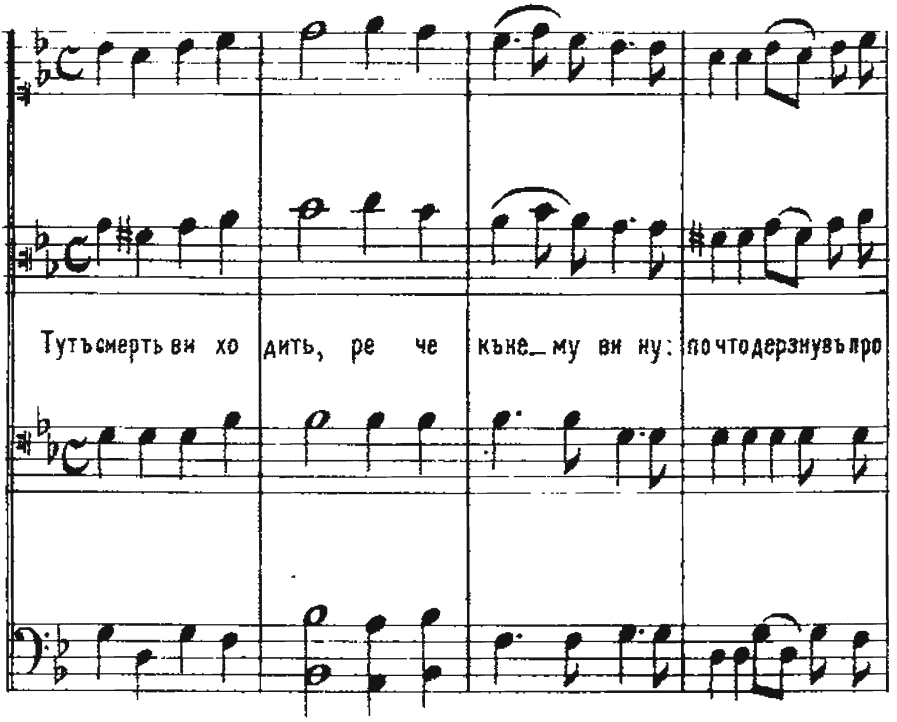
Маленькіе чада
Вси пребудуть ради;
Тѣмъ бо съ неба платятъ.
Что животъ свой тратятъ
За Христа и Бога;
То и мзда премнога
Малимъ отрочатамъ,
Закланнимъ овчатамъ.

Не плачь, Рахиле, видя чадо не живе.
Не увядаютъ, но процвѣтаютъ
Польнії крини новой святини,
Къ Богу и Сыну имѣетъ причину:

Твое бо пернате
Небомъ есть взяте;
Путь прошедшіи тісний
Побідніі пісні
Поютъ Царю славы,
Иже ихъ избави
Отъ сѣтей ловящихъ,
Пагубу губящихъ.

Библиотека "Руниверс"

№9.

Библиотека "Руниверс"

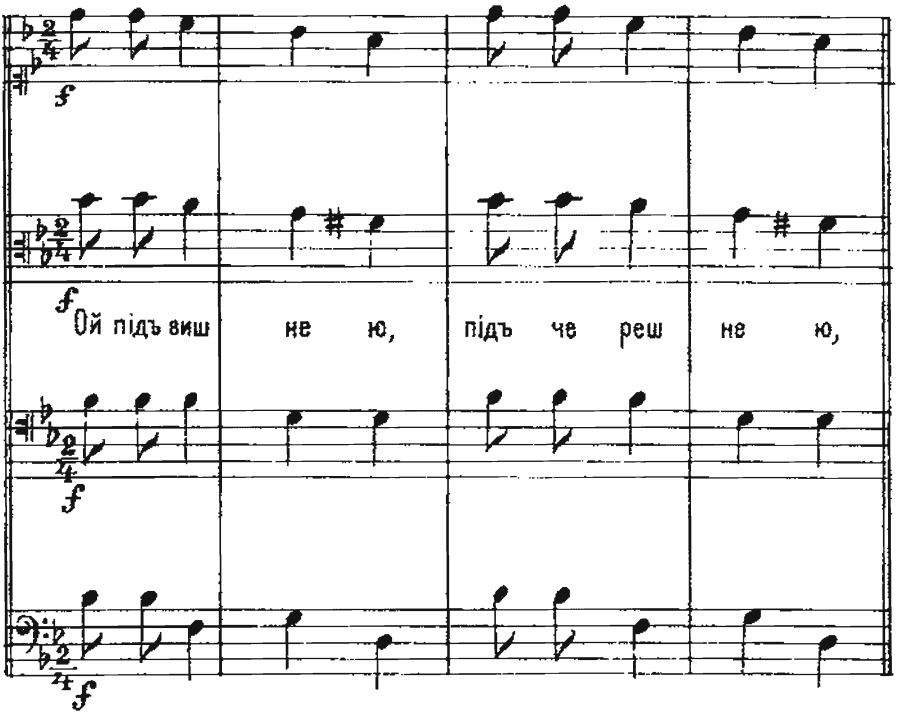
Библиотека "Руниверс"

Дерзай! отъ смерти
Посіченъ косою
Да идетъ во адъ
И живетъ съ тобою;
И будетъ тамъ
Всегда пребывати
И безъ конца непрестанно.

Не відавъ же вінъ,
Що вже истребится
И царство его
Въ конець разорится.
Заслуга ёго
Знатна всімъ и явна,
За те-жъ и пекельна
Бездна изготованна.
О. Ироде преокаянный!

Библиотека "Руниверс"

№ 10.

Библиотека "Руниверс"

XXII.

И просилася, и молилася:
Пусти жъ мене, старий діду,
На улицю погулять!
Я и самъ не піду
И тебе не пущу,
Бо ты-жъ мене старенького
Да й покинешь на біду.
Куплю тобі хатку,
И ще й сіножатку,
И ставокъ, и млинокъ.
И вышневенькій садокъ.
Не хочу я хатки
А ни сіножатки,
Ни ставка, ни млинка,
Ни вишневого садка;
Бо ты старый дідуга
Изігнувся, якъ дуга,
А я молоденька
Гуляты раденька.
Ты въ запічку: ахи, ахи!
Я съ молодымъ: хи-хи, хи-хи!
Ой ты дубъ, я береза,
Охъ ты пьяный, я тверёза.

Библиотека "Руниверс"

№11.

Библиотека "Руниверс"

Allegro.

№ 12.

Гусаръ коня наповавъ,

Дзюба воду брала,

Гусаръ пісню заспівавъ,

Дзюба заплакала.

Библиотека "Руниверс"

Andante

№ 13.

Библиотека "Руниверс"

Циганка: Де-жъ, цыгане, ты живешъ?
Цыганъ: Якъ не маю хаты,
Що выкую та выдурю,
Тілько мені платы.
Хоръ: Припѣвъ { Постукаю молоткомъ,
Бряжчи, пане, цынтакомъ.

Цыганъ: Де-жъ, цыганко, ты живешъ?
Циганка: Ой я живу у шатрі,
Не кую, не курю,
Тілько знаю ачхи-дри!
Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Циганка: Чомъ, цыгане, не орешъ?
Цыганъ: Бо немаю плужка!
Тілько въ мене плужка,—
За поясомъ пужка.
Хоръ: Припѣвъ { Постукаю молоткомъ,
Бряжчи, пане, цынтакомъ.

Цыганъ: Чомъ, цыганко, не прядешъ?
Циганка: Бо не вмію прясти.
Изъ за гаю выглядаю,
Щобъ сорочку вкрасти!
Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Циганка: Чимъ ты, цыгане, щастливый?
Цыганъ: Таке-жъ мое щастья,
Якъ украду та продамъ—
Охъ, щобъ ёму трясця!
Хоръ: Припѣвъ { Ачхи-дри, ачхи-дри!
Будемъ жити у шатрі!

Цыганъ: Де-жъ, цыганко, твої діти?
Циганка: Діти-жъ мої у шатрі:
То кавчять, то пищять,
Якъ щенята—ачхи-дри...

Библиотека "Руниверс"

№ 14.

Allegro moderato

Библиотека "Руниверс"

№15.

Библиотека "Руниверс"

Allegro

№ 16.

№ 17.

Библиотека "Руниверс"

XXX

Allegro.

№ 18.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

XXXII

Allegro

№ 20.

Библиотека "Руниверс"

XXXIII

Allegro

№ 21.

Библиотека "Руниверс"

Allegro XXXIV

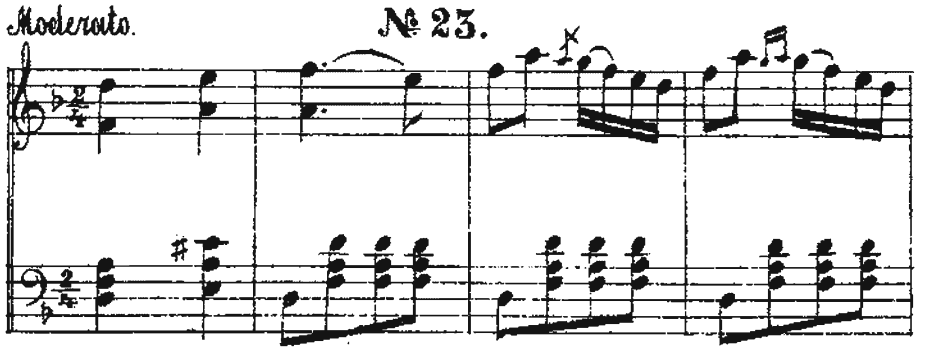
№ 22.

Moderato.

№ 23.

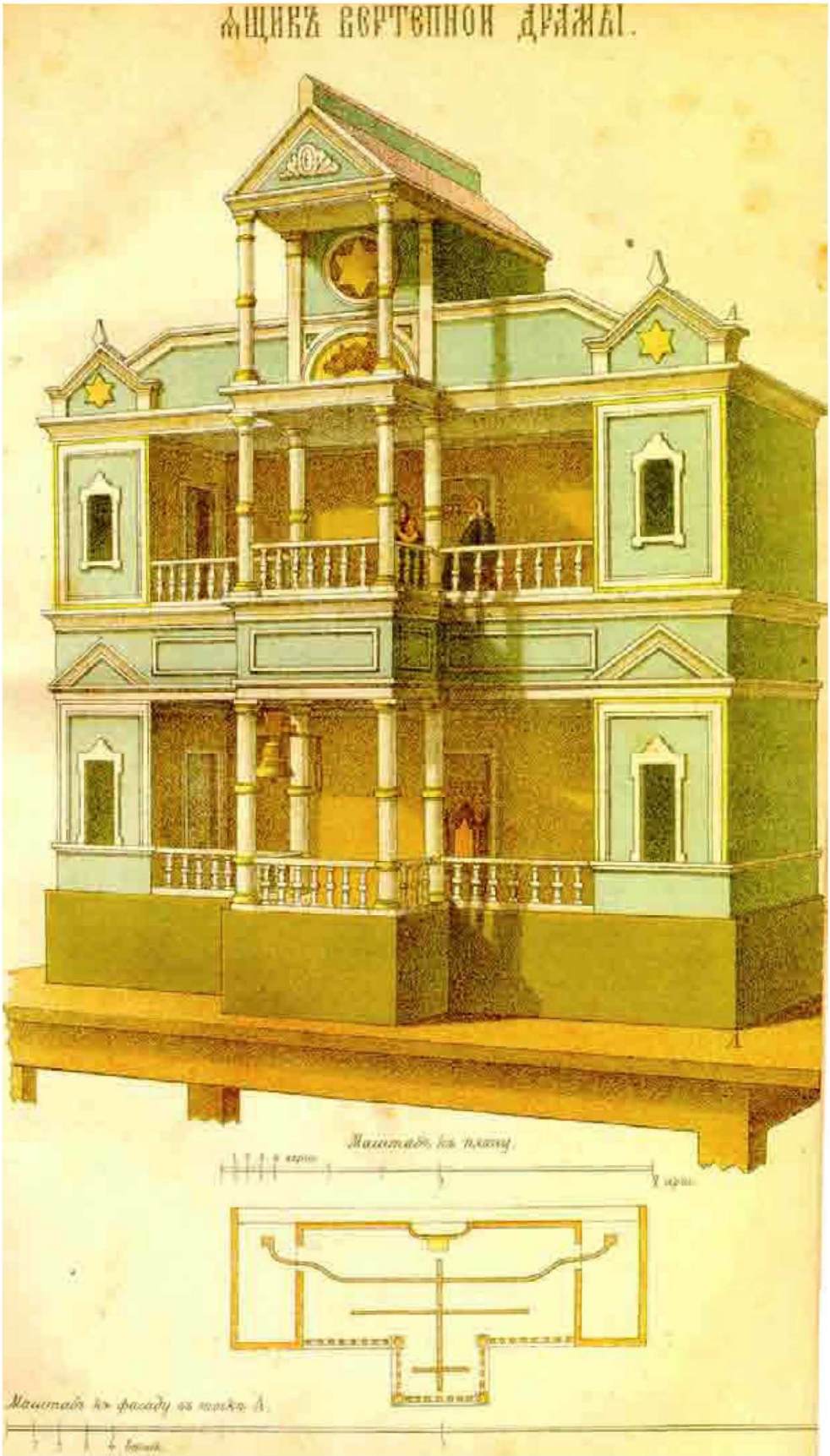

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЛЩИКЪ ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

н о я б р ь.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1882 г.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Л. Шимонова** 191

II. МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. **М. Т—ова** 229

III. УМАНСКІЙ СОТНИКЪ ИВАНЪ ГОНТА (1768 г.) **В. Антоновича** . 250

IV. СТАРИННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. **П. И. Житецкаго.** 277

V. СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. **Ал. Лазаревскаго.** . 292

VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Продолженіе*). **В. А.** . 328

VII. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНОНИМА 1768 г. (Казнь Гонты и усмиреніе «Коліивщины») 349

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоф. части «Кіев. Губ. Вѣдомостей», А. А. Кіевъ. 1882 г.—б) E. Chantre Recherches paleoethnologiques dans la Russieméridionale et spècialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.—в) 1) Бердичевъ. Сост. Петроковымъ. 2) Шпола. Сост. Шмидтомъ. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. Н. Л. Островерховымъ.—г) Сборники малорусской орнаментики (украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; Сборники «украинскаго орнамента» А. Лисенко, Махно, Квитко и др.) . . . 354

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Кіево-выдубицкій перѣвозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль.—б) Замѣтка на замѣтку о почаевской лаврѣ.—в) Къ характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества.—г) Свѣдѣніе о бугскихъ козакахъ.—д) О дикихъ лошадяхъ въ херсонской губерніи.—е) Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ.—ж) Пѣсня про Филиппа Орлика.—з) Вирша на Рождество Христово 368

ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кіевская Старина».

ПРИЛОЖЕНІЕ: [illegible] сотника [illegible] Гонты.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

НОЯБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. **Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го октября 1882 года.

Библиотека "Руниверс"

ГОНТА.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины" выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при

Библиотека "Руниверс"

содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ**.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.*, обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей*, проф. В. Б. Антоновича, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ Н. Хапенка*, *Дневникъ св. Фоки Струтинскаго*, *Разновидности „Морцьпанъ и Гапнусковой горьлки“*, рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.** На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ**.

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются.

Библиотека "Руниверс"

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

Вмѣсто предисловія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ случайно достались нѣкоторые разрозненные матеріалы по крестьянскому землевладѣнію въ харьковской губерніи. Нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ заинтересовали насъ уже потому, что самому автору, какъ уроженцу этой-же губерніи, уже не разъ бросался въ глаза тотъ загадочный непорядокъ въ нѣкоторыхъ, по преимуществу крестьянскихъ, дачахъ губерніи, который самъ по себѣ не давалъ никакого ключа къ уразумѣнію его причинъ и средствъ его устраненія: это была какая-то механическая смѣсь началъ и порядковъ личнаго и общиннаго землевладѣнія, среди которой видимо было плохо не только крестьянамъ, но и мелкому чрезполосному владѣнію другихъ сословій. По мѣрѣ того, какъ мы дополняли наши скудные матеріалы новыми, причины этой аграрной безурядицы хотя въ основныхъ чертахъ и выяснялись постепенно, но за то общая связь этихъ причинъ осложнялась и разширялась настолько, что самые предѣлы общаго вопроса объ исторіи землевладѣнія въ здѣшней мѣстности постоянно раздвигались и изчезали въ томъ непроницаемомъ туманѣ, который можно назвать забропленной и забытой исторіей прошлаго нашихъ провинцій. Вслѣдствіе этого намъ пришлось коснуться и общей исторической стороны здѣшней мѣстности, при чемъ даже бѣглый обзоръ мѣстныхъ историческихъ фактовъ показалъ намъ, что *земельный вопросъ здѣсь органически и, можно сказать, на каждомъ шагу представляетъ неразрывное цѣлое съ общей исторіей здѣш-*

Библиотека "Руниверс"

няго края, которая и сама, по своей сущности, представляетъ ничто иное, какъ рядъ непрерывныхъ, извнѣ опредѣлявшихся метаморфозъ въ судьбѣ мѣстнаго поземельнаго владѣнія. Такое неожиданное на первыхъ порахъ разширеніе рамокъ мѣстнаго земельнаго вопроса поставило на нашемъ пути нѣкоторыя задачи, выходившія не только за предѣлы нашихъ *не обширныхъ матеріаловъ,* но и за предѣлы нашей личной общей подготовки; ибо вопросъ въ своихъ сложныхъ развѣтвленіяхъ не только шелъ вглубь мѣстной областной и обще-русской исторіи, но и глубоко затрогивалъ нѣкоторые общіе вопросы изъ области права, экономической науки и, можетъ быть, народной психологіи.

Въ виду всѣхъ этихъ внѣшнихъ и субъективныхъ препятствій намъ оставалось или отказаться совершенно отъ мысли браться за непосильный для насъ, при данныхъ условіяхъ, вопросъ, или-же по крайней мѣрѣ хоть поставить его на видъ, хотя-бы со всѣми недостатками, которые неизбѣжно присущи всякому начинанію. Мы предпочли послѣднее, руководствуясь тою мыслію, что иногда самая постановка вопроса на сцену общественнаго вниманія есть уже начало дѣла.

Вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи представляетъ слѣдующія существенныя стороны для своего изслѣдованія: во первыхъ, о самомъ происхожденіи этого землевладѣнія и его дальнѣйшей внѣшней судьбѣ, во вторыхъ, объ основныхъ принципахъ этого землевладѣнія и обусловленныхъ этими принципами внутреннихъ порядкахъ, т. е. было-ли это владѣніе личное и наслѣдственное, или владѣніе общинное, или-же оно представляло собою какое-либо органическое сочетаніе началъ того и другаго типа, съ преобладаніемъ одного изъ нихъ и, въ третьихъ, какой именно характеръ и нравственный складъ воспитывалъ въ народѣ тотъ или другой типъ землевладѣнія, при данныхъ условіяхъ исторіи, и насколько здѣсь причина сама могла быть слѣдствіемъ.

Само собою разумѣется, что случайные и отрывочные матеріалы, какими мы располагаемъ по этому предмету, не даютъ намъ достаточнаго основанія для сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія намѣченныхъ вопросовъ, но мы рѣшились воспользоваться ими хотя для самой постановки общаго вопроса и нѣкотораго освѣщенія указанныхъ его сторонъ, въ томъ предположеніи, что нашъ

Библиотека "Руниверс"

трудъ составитъ, по крайней мѣрѣ, ту *общую первоначальную канву*, при наличности которой легче будетъ ориентироваться и дальнѣйшимъ матеріаламъ по занимающему насъ вопросу. А вопросъ этотъ не только назрѣлъ, но скорѣе уже перезрѣлъ въ самой жизни, которая въ послѣднее время уже слишкомъ серьезно поставила его на видъ и подъ угрозой, можетъ быть, самыхъ печальныхъ осложненій видимо не допускаетъ его дальнѣйшаго отлагательства.

Внѣшней руководящей нитью въ нашемъ изложеніи послужитъ намъ отчасти исторія и содержаніе одного судебнаго старозаимочнаго процесса, именно такъ называемаго „ахтырскаго дѣла", о которомъ года два назадъ такъ много говорилось въ газетахъ, а также нѣкоторые матеріалы по исторіи ахтырскаго полка.

„Ахтырское дѣло" есть только довольно содержательный эпизодъ сложнаго старозаимочнаго вопроса, который, съ одной стороны, затрогиваетъ самыя основы матеріальной жизни значительной части населенія многихъ южно-русскихъ мѣстностей, а съ другой, можетъ быть, существенно дополнятъ и оттѣнятъ собою намъ болѣе счастливый, съ легкой руки Гакстгаузена и славянофиловъ 40-хъ годовъ, вопросъ о поземельной великорусской общинѣ, въ послѣдніе годы, болѣе чѣмъ когда либо, переходящій въ стадію того или другаго своего практическаго разрѣшенія. Но такъ какъ вопросъ о *старозаимочномъ землевладѣніи* во многихъ мѣстностяхъ южно-русскихъ губерній ведетъ свое начало еще отъ временъ первой колонизаціи этихъ мѣстностей (главнымъ образомъ въ предѣлахъ трехъ губерній: полтавской, черниговской и харьковской), то историческая сторона и „ахтырскаго дѣла" неразрывно связана съ превратной судьбой народнаго землевладѣнія, по крайней мѣрѣ въ мѣстности бывшей Слободской Украйны, а потому, при разрозненности и отрывочности находившихся у насъ подъ руками матеріаловъ, мы по необходимости должны были дополнять ихъ, можетъ быть, и довольно извѣстными историческими фактами. Мы однако позволяемъ себѣ думать, что уже самое содержаніе многихъ изъ этихъ матеріаловъ можетъ значительно помочь намъ въ постановкѣ и даже посильномъ освѣщеніи не только общихъ сторонъ поставленнаго нами вопроса, но и вопросовъ нашей темной современности: можетъ быть эти матеріалы лишній разъ остерегутъ насъ отъ нашей почти общей

Библиотека "Руниверс"

привычки универсальничать, какъ въ сферѣ теоретическихъ сужденій, такъ и въ практическомъ разрѣшеніи сложныхъ вопросовъ давно лишенной самосознанія нашей общественной жизни, и въ то-же время обнаружатъ причины, почему многія стихійныя движенія современности застаютъ насъ врасплохъ, какъ истинное для насъ deus ex machina. Можетъ быть болѣе близкое ознакомленіе съ такимъ крупнымъ мѣстнымъ вопросомъ, какъ старозаимочный, хотя нѣсколько наведетъ насъ на мысль, что *многія своеобразныя мѣстности нашего обширнаго государства имѣютъ свои спеціальные вопросы, спеціальныя недуги*, а слѣдовательно требуютъ спеціальныхъ, а не универсальныхъ рѣшеній и врачеваній и что можетъ быть самое нарожденіе этихъ недуговъ вызвано слишкомъ легкой, традиціонной вѣрой въ примѣнимость циркулярно-универсальныхъ мѣропріятій, не говоря уже о соображеніяхъ и цѣляхъ, стоявшихъ внѣ интересовъ той или другой мѣстной народной жизни и только въ лучшихъ случаяхъ имѣвшихъ своимъ источникомъ субъективно понимаемую государственную пользу.

Вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи въ б. Слободской Украйнѣ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о происхожденіи, характерѣ и типѣ всего южно-русскаго народнаго землевладѣнія, а этотъ, въ свою очередь, не можетъ быть понятъ внѣ связи съ исторіею землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. Намѣтивъ въ самыхъ общихъ чертахъ историческую связь этихъ вопросовъ, мы перейдемъ затѣмъ къ спеціальному предмету нашего изслѣдованія.

Юридическій характеръ и внутренняя организація землевладѣнія б. московскаго государства въ значительной степени сложились подъ вліяніемъ условій татарскаго ига, не касаясь уже причинъ, лежавшихъ въ исторіи и народномъ характерѣ Великороссіи. „По началамъ монгольскаго государственнаго права, говоритъ Неволинъ, вся земля, находившаяся въ предѣлахъ владычества хана, была его собственностію: подданные хана могли быть только владѣльцами земли“. По причинамъ, которыя вѣдомы исторіи, активнымъ и нормирующимъ элементомъ въ московскомъ государствѣ была не столько сама народная жизнь, сколько искони установившаяся ея форма: „одно его, великаго государя, государство“. Отсюда единственное основаніе и оправданіе всякаго поземельнаго владѣнія въ Великороссіи заключалось въ службѣ государству; внѣ этого условія по-

Библиотека "Руниверс"

земельное владѣніе, какъ нормальное явленіе, не существовало. „Къ концу XVI вѣка, говоритъ русскій цивилистъ (курсъ гражд. права Побѣдоносцева, ч. I, стр. 132—133, изд. 1873 г.) желѣзная воля Ивана IV, очевидно дѣйствовавшая систематически, разбила послѣдніе остатки чистаго вотчиннаго владѣнія и сплавила все землевладѣніе въ московскомъ государствѣ въ одну сплошную массу владѣнія служебнаго". Только съ конца прошлаго вѣка, со времени жалованной грамоты Екатерины II дворянству, выражено было законное признаніе правъ личной собственности на землю для высшаго дворянскаго сословія, и только указомъ 1801 года было предоставлено право пріобрѣтенія ненаселенныхъ земель всѣмъ россійскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ.

При такомъ общемъ юридическомъ характерѣ землевладѣнія Великороссіи, къ ней, какъ извѣстно, присоединилась въ половинѣ XVII вѣка, а отчасти заселилась около этого времени малороссіянами почти вся территорія южной Руси или Украйны, землевладѣніе которой возникло и слагалось подъ вліяніемъ причинъ и началъ весьма своеобразныхъ, а послѣ эпохи Богдана Хмельницкаго почти полярно противуположныхъ. Хотя въ бывшемъ литовскомъ государствѣ, подъ вліяніемъ котораго формировалось до эпохи Богдана южно-русское землевладѣніе, право полной собственности на землю принадлежало единственно только великому князю и въ этомъ отношеніи была, повидимому, какъ-бы полная параллель съ юридическимъ положеніемъ землевладѣнія и въ московскомъ государствѣ: но есть основаніе думать, что эта параллель не шла дальше сходства основныхъ государственныхъ воззрѣній на землевладѣніе и не проникала собою фактически всего правоваго строя народной жизни, какъ въ московскомъ государствѣ; а со времени отдѣленія южной Руси отъ Рѣчи Посполитой само собою должно было упразднится и воззрѣніе объ исключительномъ правѣ государства на землевладѣніе южной Руси. Съ эпохи Богдана земля стала уже фактической собственностію занимавшаго ее народа.

Такъ какъ для самобытнаго развитія народныхъ южно-русскихъ началъ землевладѣнія не оказалось впослѣдствіи благопріятныхъ условій, а органическаго сліянія съ принципами и порядками землевладѣнія въ московскомъ государствѣ, по ихъ рѣзкой во многомъ противуположности, не могло и быть, то послѣдующая исторія

Библиотека "Руниверс"

южно-русскаго землевладѣнія, главнымъ образомъ въ Слободской Украйнѣ, представляетъ собою интересную для исторической мысли картину, такъ сказать, механическаго, офиціальнаго воздѣйствія началъ и порядковъ сѣвернаго землевладѣнія на южное. Полная разработка этого вопроса составила-бы общую исторію землевладѣнія Украйны со времени присоединенія ея къ московскому государству, а вмѣстѣ съ нимъ и существенную сторону исторіи южно-русскаго народа. Но, какъ уже объяснено выше, мы намѣтили себѣ гораздо болѣе скромную задачу: изложить въ нѣкоторой посильной системѣ хотя не многіе имѣющіеся у насъ подъ руками матеріалы для будущей разработки этого вопроса въ примѣненіи только къ небольшой части территоріи бывшей Малороссіи или Украйны, именно относительно земель бывшихъ слободскихъ полковъ, территорія которыхъ занимала пространство нынѣшней харьковской губерніи, нѣкоторые южные уѣзды курской и часть воронежской губерніи. По самой разрозненности этихъ матеріаловъ, мы изложимъ оные въ 12-ти отдѣльныхъ главахъ, представляющихъ происхожденіе и отдѣльные фазисы и видоизмѣненія общаго вопроса, сохраняя однако между ними внутреннюю предметную связь.

---

1) Происхожденіе поземельнаго владѣнія слободскихъ полковъ и его мѣстныя особенности.

Слободская Украйна, составляя, по національности большинства ея населенія, часть общей территоріи Малороссіи, почти съ самаго своего заселенія вошла въ составъ московскаго государства и поэтому уже съ давняго времени была подъ прямымъ вліяніемъ московскихъ государственныхъ порядковъ. Это вліяніе могло быть тѣмъ рѣшительнѣе, что колонизація Слободской Украйны производилась на территоріи уже отчасти (хотя изрѣдка) занятой великорусскими окраинными поселеніями; этому вліянію благопріятствовало и то обстоятельство, что всѣ пять слободскихъ полковъ (ахтырскій, сумской, харьковскій, изюмскій и острогожскій) не имѣли того собственнаго объединяющаго административнаго центра, какимъ представлялся гетманскій урядъ въ полкахъ бывшей гетманщины: слободскіе полки никогда не имѣли своей общей гене-

Библиотека "Руниверс"

ральной старшины, что, конечно, не могло входить и въ виды московскаго правительства. Въ первое время своего возникновенія и присоединенія къ московскому государству слободскіе полки находились въ непосредственномъ вѣдѣніи посольскаго приказа (замѣненнаго потомъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ), потомъ зависѣли отъ бѣлгородскаго разряда „и отъ губерніи бѣлгородской по гражданскимъ, а по воинскимъ дѣламъ отъ военной коллегіи".

Въ то время, какъ на сѣверѣ Россіи извѣстный строй жизни и ея аграрные порядки слагались и крѣпли цѣлые вѣка, колонизація малолюдной лѣвобережной Украйны, въ большинствѣ ея мѣстностей, принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени и главнымъ образомъ, можетъ быть, XVI—XVII вѣкамъ. Характеръ происхожденія поземельнаго владѣнія въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ этой территоріи довольно вѣрно опредѣляется слѣдующимъ объясненіемъ землевладѣльцевъ, малороссійскихъ козаковъ одного села, въ ихъ поземельномъ спорѣ съ новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ въ концѣ прошлаго вѣка: „когда при помощи Божіей малороссіяне зъ гетманомъ Богданомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха, великаго государя, Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая потамисть, покамисть они первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечки, села и деревнѣ и въ опыхъ подъ свои жилища, дворы, домы и футоры осяли и позаймали; и потому *сталися вси добра* (имѣнія) *малороссіянамъ быть власними* (собственными) *чрезъ займы*. Оніе-жъ займы свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе концами обносили и рвомъ окопували, кляками ограничали и, что хотѣли, въ тѣхъ займахъ строили, гаи возращали и сады заводили, футори, слободи, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ корысть приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мельницъ мѣста, тамъ оніе строили" [1]).

---

[1]) Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. Книга первая. Черниговъ. 1766 г. «Малороссійскіе посполитые крестьяне».

Библиотека "Руниверс"

Въ этомъ разсказѣ, говоритъ авторъ цитированной нами статьи: „Малороссійскіе посполитые крестьяне“, полная исторія поземельной собственности въ Малороссіи. Отсюда-же видно, что происхожденіе и характеръ поземельнаго владѣнія, какъ въ бывшей гетманщинѣ (нынѣ полтавской и черниговской губерніяхъ), такъ и въ предѣлахъ бывшихъ слободскихъ полковъ, позднѣе слободско-украинской губерніи, съ нѣкоторыми сопредѣльными ей мѣстностями сосѣднихъ курской и воронежской губерній, въ районѣ южно-русской колонизаціи, были почти одни и тѣ-же, ибо вся эта территорія почти до степей Дона была мало-по-малу заселена, за исключеніемъ рѣдкихъ великорусскихъ поселеній, почти сплошнымъ южно-русскимъ населеніемъ. Хотя въ территоріи слободскихъ полковъ, еще съ самаго начала ихъ возникновенія, происхожденіе землевладѣнія было довольно разнообразно,—кромѣ массы вольныхъ заимокъ, были и жалованныя и помѣстныя земли однодворцевъ, главнымъ образомъ, въ сѣверной полосѣ Слободжанщины—по такъ называемой бѣлгородской чертѣ [1]), и самыя заимки съ теченіемъ времени освящались большею

[1]) Въ книгѣ неизвѣстнаго автора: «Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ»... Москва, 1788 г., относительно бѣлгородской черты сказано, что она была проведена въ видѣ рва еще при Михаилѣ Федоровичѣ: начиналась она съ запада «отъ рубежа малороссійскаго бывшей тамъ польской границы» и простиралась до рѣки Дона, слишкомъ на 300 верстъ. По этой линіи были построены съ крѣпостями великорусскіе города: Вольное, Хотомырскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, Нежегольскъ, Короча, Яблоновъ, Новый-Осколъ, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ и Коротоякъ надъ Дономъ. Главнѣйшими изъ этихъ городовъ-крѣпостей были Бѣлгородъ и Новый-Осколъ. «Прилежащими къ сей чертѣ землями, говорится въ этой книгѣ, удовольствованы какъ города во время построенія, такъ въ помѣстные оклады жалованы дворяне, дьяки, подъячіе и дѣти боярскіе; а сверхъ того розданы тѣ земли въ дачи прежнихъ службъ служилымъ людямъ; оставшееся за раздачею пространство, большей частью съ южной стороны линіи, царь Алексѣй Михайловичъ указалъ отвесть и утвердилъ подъ поселенія слободскимъ полкамъ». Но что здѣсь не было и не могло быть какого-либо дѣйствительнаго отвода земель для колонизаторовъ слободскихъ полковъ, это подтверждаетъ и самъ авторъ названной нами книги: «восточная (бывшаго) княженія кіевскаго сторона,.... на которой послѣ слободскіе полки поселились, пробыла около 400 лѣтъ необитаемою пустынью, гдѣ отъ востока и юга набѣги татарскіе однимъ только звѣрямъ, птицамъ и пресмыкающимся не могли воспретить обиталища», почему «земли сіи... со временъ нашествія татарскаго до поселенія слободскихъ полковъ пребыли по большей части пусты»....

Библиотека "Руниверс"

частью *жалованными грамотами* московскихъ государей; но такъ какъ въ этихъ правительственныхъ актахъ относительно самаго внутренняго распорядка землевладѣнія не было никакой регламентаціи и съ этой стороны акты обыкновенно ограничивались простымъ упоминаніемъ о „старыхъ козацкихъ обыклостяхъ“, то *національный характеръ населенія, какъ видно изъ массы фактовъ, постоянно клонилъ аграрные порядки къ индивидуальному, участково-наслѣдственному землевладѣнію.* Вслѣдствіе этого характеръ землевладѣнія и Слободской Украйны, подобно аграрному устройству населенія бывшей гетманщины, во многомъ отличается отъ аграрныхъ порядковъ Великороссіи не только въ большинствѣ случаевъ своимъ происхожденіемъ, но и формой, типомъ: вмѣсто обыкновенной *дачи въ помѣстье*, для отбыванія государевой службы, здѣсь, по крайней мѣрѣ для большинства южно-русскаго населенія, была *вольная заимка*, вмѣсто общиннаго владѣнія всѣмъ міромъ великорусскаго селенія или деревни, въ Слободской Украйнѣ почти повсемѣстно, въ предѣлахъ южно-русской колонизаціи, было личное индивидуальное владѣніе, съ обычнымъ переходомъ и дробленіемъ по наслѣдству, изъ поколѣнія въ поколѣніе, что фактически представляло всѣ условія полной поземельной собственности и что для массы населенія Великороссія юридически стало возможно, кромѣ крѣпостныхъ людей, только съ начала текущаго вѣка (указъ 1801 г.).

Документальнымъ подтвержденіемъ того историческаго факта, что малороссіяне („черкассы“ по московскимъ или великорусскимъ письменнымъ памятникамъ XVII и XVIII вѣковъ) колонизировали не только земли бывшей гетманщины, но и территорію слободскихъ полковъ большей частью *вольно, безъ всякихъ* предварительныхъ откуда-бы то ни было *разрѣшеній*, служатъ многочисленныя историческія данныя, изъ которыхъ однако мы приведемъ лишь немногія, имѣя въ виду судьбу южно-русскаго поземельнаго владѣнія бывшей Слобожанщины главнымъ образомъ уже въ позднѣйшее время, почти исключительно въ текущемъ столѣтіи, и даже за послѣднія десятилѣтія нашего вѣка. Такъ относительно главнаго поселенія ахтырскаго слободско-украинскаго полка, города Ахтырки, есть историческія указанія, что онъ входилъ еще въ составъ литовскаго княжества, т. е. въ предѣлы государственной территоріи бывшей Рѣчи Посполитой. „Сочинителю географическаго словаря извѣстна

Библиотека "Руниверс"

была грамота царя Алексѣя 1669 г., въ которой сказано было, что городъ построенъ въ августѣ 1641 г., подъ надзоромъ королевскаго урядника Кульчевскаго, и въ немъ первымъ урядникомъ былъ панъ Якубовскій. Въ актѣ размежеванія границъ 1647 г. сказано, что ахтырскій городъ переданъ Польшею московскому царю вслѣдствіе бывшаго предъ тѣмъ договора. По Чугуевской перепискѣ, Ахтырка является черкасскимъ новопостроеннымъ городомъ въ 1654 г. [1]).

Также точно и основаніе другихъ поселеній западной, древнѣйшей части Слобожанщины, какъ напримѣръ полковаго города Сумъ и бывшаго сотеннаго мѣстечка сумскаго полка Лебедина, историческія преданія относятъ еще до времени присоединенія Малороссіи къ московскому государству, когда первоначальная колонизація этихъ мѣстностей не могла быть подъ вліяніемъ московскаго правительства, а непосредственнаго московскаго вліянія на внутренній аграрный строй Слобожанщины не было и въ позднѣйшее время, по крайней мѣрѣ до начала XVIII вѣка. „Въ 1654 году, говоритъ Побѣдоносцевъ [2]), харьковскій полкъ (впослѣдствіи центръ мѣстнаго управленія) былъ принятъ подъ скипетръ Россіи и вскорѣ поступилъ во владѣніе *посольскаго приказа*, и на ряду съ нимъ образовался другой главный полкъ, изюмскій. Въ послѣдней четверти XVII вѣка начинается рядъ жаловапныхъ грамотъ, которыми русскіе государи утверждали за слободскими жителями разныя льготы и привилегіи“ [3]). Такъ за вѣрность слободскихъ полковъ московскому правительству во время политическихъ смутъ въ гетманской Малороссіи при Виговскомъ и Брюховецкомъ тремъ слободскимъ полкамъ—сумскому, ахтырскому и харьковскому была дана жалованная грамота въ 1668 г.: здѣсь Алексѣй Михайловичъ за ихъ вѣрную службу и разореніе „указалъ сложить съ нихъ оброки... съ промысловъ и шинковъ по бѣлгородскому окладу, а промышлять въ городахъ тѣхъ полковъ всякими промыслы безоброчно и безпошлинно“ [4]).

---

[1]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи. Отдѣленіе III, Москва 1857 г. стр. 9—10.

[2]) Тамъ-же, стр. 279, 280 и 441.

[3]) См. его уже упомянутый нами «Курсъ гражд. права», часть I, 1873 г. стр. 350,

[4]) Тоже топограф. описан. харьковскаго намѣстничества 1788 года.

Библиотека "Руниверс"

Жалованною грамотою 1682 г. указано слободскимъ полкамъ „пашенныя земли пахать и всякими угодьи владѣть промежъ собой *по раздѣлу, по ихъ черкасской обычности*". „Къ числу такихъ обычностей, продолжаетъ авторъ уже названнаго нами „Курса гражданскаго права", перенесенныхъ, вѣроятно, изъ первоначальной родины, принадлежалъ обычай *занимать* пустыя земли для разработки и владѣнія". Такимъ образомъ *занятка* въ слободскомъ краю сдѣлалась главнымъ способомъ пріобрѣтенія собственности. Отсюда видно, что первоначальное заселеніе харьковскаго слободскаго полка, а слѣдовательно и его древнѣйшая поземельная организація (также какъ и ахтырскаго полка) стояли внѣ всякаго офиціальнаго вліянія московскаго правительства. Относительно этихъ жалованныхъ грамотъ, какъ древнѣйшихъ, такъ и послѣдующихъ, невольно обращается вниманіе на то обстоятельство, что они почему-то какъ-бы постоянно забываются со стороны московской администраціи, что нерѣдко вызывало въ прежнее время жалобы и челобитныя со стороны слободскихъ козаковъ. Эти жалобы за нарушеніе дарованныхъ правъ относятся еще къ началу царствованія Петра I-го.

Такъ въ жалованной грамотѣ Петра I-го въ 1705 г. „сумскаго полка стольнику нашему и полковнику Андрею Герасимовичу Кондратьеву", между прочимъ, говорится: „въ нынѣшнемъ 705 году били челомъ намъ, великому государю, твоего полку старшина... городовые сотники и рядовые козаки съ товарищи: въ прошлыхъ де годѣхъ дѣды и отцы и братья и родственники и онѣ изъ разныхъ малороссійскихъ городовъ подъ нашу государеву руку на сю сторону Днѣпра (переселились)... и будущіе въ Бѣлгородѣ и въ Курску бояре и воеводы, обнадеживая ихъ нашею государевою не отъемленною милостію и всякими ихъ *черкасскими неотъемленными отъ нихъ обыклыми вольностями*, и велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ городамъ по бѣлгородской чертѣ, въ дикихъ степяхъ, на татарскихъ сакмахъ, которыми мѣстами хаживали крымскія и ногайскія орды подъ наши государевы жилые украинскіе города, а для размноженія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на житье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ „*черкасъ*" и тѣми новоприхожими „черкассами" построены городы на путивльскихъ дикихъ земляхъ: Сумы, Судока, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье, и къ тѣмъ городамъ уѣзды, села и де-

Библиотека "Руниверс"

ревни и... служили они намъ, великому государю, по своему обѣщанію, не щадя головъ своихъ, вѣрно, также и во измѣнные *шаточные времена*, и ко измѣнникомъ не приставились и на прелестныя ихъ ни на какія письма... не склонялись никогда-же; и въ прошлыхъ де годѣхъ (за время отца и братьевъ Петра) для утвержденія ихъ городовъ за тѣ ихъ вѣрныя службы пожалованы, велѣно имъ вмѣсто нашего государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу государеву полковую службу служить *по черкасской обыклости*. при всякихъ вольностяхъ, и велѣно-же *заимки занимать*, пасѣки *и всякіе грунты заводить* и торговыми всякими промыслы промышлять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно, противъ старой черкасской обыклости, и оброки, которые до измѣны Ивашки Брюховецкаго на мельницы и на всякія угодьи и на торговые промыслы были наложены, за вышеупомянутую вашу службу и ко измѣнникомъ несклонность велѣно тѣ оброки сложить и впредь тѣхъ оброковъ не править *и на тѣ ихъ всѣ вольности и на грунта и на всякіе промыслы ихъ и дѣтямъ ихъ надежду и въ предидущіе годы даны наши государевы жалованныя грамоты*“... Въ заключеніе грамота эта на имя сумскаго полковника повелѣваетъ ему сдѣлать оглашеніе въ полку старшинѣ и рядовымъ козакамъ *„всякими угодьи владѣть по прежнимъ нашимъ указамъ* и жалованнымъ грамотамъ, какъ прежде сего владѣли безъ всякаго премѣненія“ [1])... Такимъ образомъ мѣстная московская администрація, по своему личному усмотрѣнію, или-же по распоряженіямъ свыше, уже предавала забвенію тѣ права и льготы, которыя были формально даны колонизаторамъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Эти привилегіи, по замѣчанію самаго автора „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества“ 1788 г., уже потому были необходимы для слободскихъ полковъ, что „они въ собственномъ военномъ одѣяніи, въ собственномъ вооруженіи, на собственныхъ коняхъ и на собственномъ провіантѣ легкоконными козаками въ войскѣ служили“ [2])...

---

[1]) Частная рукописная копія.

[2]) Матеріалы по исторіи Слобожанщины, кромѣ московскихъ архивовъ посольскаго приказа и воинной коллегіи, а также архивовъ г. Харькова, разбросаны въ старыхъ изданіяхъ и особенно провинціальныхъ: такъ исторія г. Суджи, входив-

Библиотека "Руниверс"

Итакъ въ слободскихъ полкахъ *вольная заимка земель* была главнымъ способомъ пріобрѣтенія поземельной собственности, на сколько правовая сторона землевладѣнія могла имѣть мѣсто въ смутное и тревожное время XVII вѣка. Черкасская или малороссійская колонизація мало по малу заняла и облюднила и бывшія еще въ XV и XVI вѣкахъ, въ территоріи Слободской Украйны, разныя временныя московскія сторожи, опустѣлые острожки, остатки прежнихъ городовъ и селеній, какъ напримѣръ: Олешню, Изюмъ, Валки, Чугуевъ, Царево-Борисовъ и другіе, которые такимъ образомъ и населялись почти исключительно черкассами.

Врядъ-ли будетъ ошибкой предположить, что для колонизаторовъ-черкассъ Слободской Украйны былъ важенъ самый фактъ вольнаго, безоброчнаго владѣнія землей, а не юридическое основаніе этого факта и не правовая сторона ихъ владѣнія: колонизаторы видимо вполнѣ удовлетворялись тѣмъ, что они фактически являлись полными хозяевами занятой ими земли, которой они владѣли и распоряжались, согласно своимъ народнымъ обычаямъ. Наиболѣе древнія жалованныя грамоты московскихъ государей давали имъ право выбора полковой старшины, а также „въ судныхъ и во всякихъ дѣлахъ исправу чинить въ правду по старымъ своимъ козацкимъ обыкновеніямъ“ [1]). Но есть основаніе предполагать, что даже въ древнѣйшихъ слободскихъ полкахъ, какъ напримѣръ ахтырскомъ, сумскомъ и харьковскомъ, вольная заимка военныхъ колонизаторовъ Слободской Украйны уже рано смѣшивалась и съ другими видами землевладѣнія. Такъ изъ актовъ того времени можно видѣть, что еще у первыхъ полковниковъ слободскихъ полковъ встрѣчаются помѣстныя и вотчинныя земли [2]); эти-же полковники и другая полко-

---

шей въ составъ сумскаго козачьяго полка, помѣщена въ историческомъ и географическомъ журналѣ, изданномъ профессоромъ Гавриловымъ въ Москвѣ 1829 г. Въ «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1865 г. № 22 есть небольшая замѣтка «объ отчужданіи старозаимочныхъ земель войсковыхъ обывателей людямъ всякаго сословія».

[1]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, отдѣленіе III, стр. 35.

[2]) См. грамоту ахтырскому полковнику Перекрестову 1786 г. въ историко-стат. описаніи харьковской епархіи.

Библиотека "Руниверс"

вая старшина заселяли свои пустопорожнія жалованныя и заимочныя земли въ смежныхъ поселеніяхъ великорусскихъ ратныхъ людей (у дѣтей боярскихъ) и также населяли ихъ черкассами; въ актахъ того времени упоминаются и случаи населенія „новыхъ поселеній“ даже прямо по царскимъ указамъ, при чемъ однако земли предлагались „въ вѣчное владѣніе безденежно“. Иногда чины слободской козацкой старшины получали приказаніе отъ московскаго правительства строить города и поселенія, призывать въ нихъ на вѣчное житье „всякихъ чиновъ черкасъ и дворами и всякими усадьбы ихъ строить“.

Бывали случаи дачи земель отдѣльнымъ лицамъ козачьяго населенія за ихъ заслуги отъ мѣстныхъ полковниковъ и даже уполномоченныхъ правительствомъ бояръ. Не лишено интереса и то обстоятельство, что еще въ первую пору исторіи Слобожанщины, въ ней уже являлось, главнымъ образомъ, путемъ правительственнаго пожалованія, крупное личное землевладѣніе громадныхъ размѣровъ: такъ „жалованная вотчинная милостивая грамота“ Петра I-го на имя сумскаго полковника Андрея Герасимовича Кондратьева (сына сумскаго-же полковника Герасима Кондратьева, знаменитаго своей непреклонной вѣрностью московскому правительству) утверждаетъ за нимъ громадную массу земель, „ихъ помѣстья въ отчину... вѣчно и въ роды неподвижно... и вольно ту вотчину продать и заложить и въ приданое дать и во всякія крѣпости укрѣпить“. По матеріаламъ генеральнаго межеванія 1785 г., упоминаемымъ въ томъ-же историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, въ рукахъ фамиліи бывшаго сумскаго полковника Кондратьева оказалось свыше 119,000 десятинъ земли. Даже духовный авторъ этого описанія какъ-бы невольно замѣчаетъ: „изумительно, какъ много милостей излито было на домъ Герасима Кондратьева!“ Мы не будемъ теперь касаться вопроса о томъ, насколько согласовались признававшіяся прежними грамотами старыя „черкасскія или козацкія обыклости“ съ появленіемъ подобныхъ латифундій, но по всей вѣроятности ко времени введенія крѣпостнаго права въ Слободской Украйнѣ эти латифундіи уже были заселены черкассами, обращенными такимъ образомъ въ крѣпостное положеніе. Въ ахтырскомъ полку усиленнымъ „собираніемъ земель“ занялся почти современникъ знаменитаго по царскимъ милостямъ сумскаго пол-

Библиотека "Руниверс"

ковника, ахтырскій полковникъ Ив. Ив. Перекрестовъ, по заявленію котораго въ ахтырскомъ полку будто-бы еще въ его время не стало „порожнихъ земель и дикихъ полей и разныхъ угодій“ и поэтому онъ пріобрѣталъ земли у дѣтей боярскихъ, ближайшихъ къ малорусскому населенію ахтырскаго полка великорусскихъ поселеній—Олешни, Вольнаго и Хотьмыжска. Современемъ онъ чѣмъ-то навлекъ на себя гнѣвъ Петра, вслѣдствіе чего указомъ 1704 г. онъ неожиданно лишенъ былъ званія полковника; огромныя имѣнія его были отобраны въ казну, а подъ конецъ его жизни, уже послѣ 1721 г., его, уже больнаго, умирающаго старика, начальство потребовало къ суду въ Архангельскъ, „по какимъ-то дѣламъ архангельской крѣпости“. Начальству объяснили его физическое положеніе; но все-таки получился отвѣтъ: „не взирая ни на что, выслать его въ Архангельскъ“. Старикъ умеръ въ дорогѣ. При конфискаціи имѣній Перекрестова малая толика перепала и князю Меньшикову. Другая крупная конфискація помѣстій, по приказанію Петра (1711 г.), обрушилась на тогдашняго бригадира слободскихъ полковъ Шидловскаго, благодаря интригамъ того-же Меньшикова и Рагузинскаго. Такимъ образомъ конфискованныя земли снова составляли особый фондъ въ рукахъ московскаго правительства и вносили новый элементъ пертурбаціи въ только что возникавшій порядокъ личнаго заимочнаго владѣнія.

При такомъ разнообразіи происхожденія, категорій и юридическаго положенія поземельнаго владѣнія въ Слободской Украйнѣ, только характеръ внутренняго устройства козачьихъ поселеній повидимому оставался неизмѣннымъ: насколько извѣстно по мѣстнымъ преданіямъ и старымъ актамъ *въ земельныхъ дачахъ слободскихъ козаковъ почти вездѣ существовало участко-наслѣдственное землевладѣніе,* со всѣми послѣдствіями индивидуальной, личной собственности: семейнымъ раздѣломъ, куплей, продажей, завѣщаніемъ и т. п. Въ этомъ порядкѣ аграрнаго устройства заключалась, по видимому, одна изъ существенныхъ чертъ старой черкасской „обыклости“ и народныхъ вольностей. Но есть основаніе думать, что и эта особенность аграрнаго строя, обусловленная можетъ быть прежде всего національными обычаями малороссовъ, уже издавна подвергалась разнымъ ограниченіямъ и исключеніямъ. Изъ предыдущаго изложенія мы уже видѣли, что кромѣ основнаго способа

Библиотека "Руниверс"

заселенія—вольной заимки земель, были и другіе способы заселенія: черкассы селились и на землѣ полковой старшины, на монастырскихъ земляхъ, на отводимыхъ имъ прямо отъ правительства; но мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ, чтобы категорически отвѣтить на вопросъ, всегда-ли они и въ этихъ случаяхъ сохраняли личный, индивидуальный характеръ землевладѣнія по участково-наслѣдственной системѣ. Извѣстно только, что въ позднѣйшее время, особенно послѣ полтавской битвы, когда правительство Петра и его преемниковъ выступило съ болѣе откровеннымъ образомъ дѣйствій относительно Малороссіи вообще и особенно относительно Слободской Украйны, въ предѣлахъ ея территоріи началось усиленное пожалованіе и дареніе болѣе или менѣе обширныхъ земель великорусскимъ чинамъ и помѣщикамъ, которые уже, ради удобствъ своихъ вотчинныхъ администрацій, естественно вводили у себя великорусскіе порядки крестьянскаго землевладѣнія—общинное устройство. Въ этомъ отношеніи можно положительно сказать, что *общинное владѣніе*, можетъ быть въ огромномъ большинствѣ мѣстностей теперешней харьковской губерніи и особенно восточной ея части, *началось сперва подъ вліяніемъ порядковъ, вносимыхъ великорусскими помѣщиками, а потомъ уже окончательно расширилось и явилось, можетъ быть, господствующимъ типомъ подъ вліяніемъ общихъ русскихъ законовъ и въ частности ради удобствъ фиска.* Въ послѣдующемъ изложеніи нашей компиляціи мы надѣемся подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ въ подтвержденіе только что высказаннаго нами замѣчанія. Мы лично не имѣемъ никакихъ исключительныхъ симпатій или предубѣжденій относительно личнаго или общиннаго землевладѣнія, но относительно судьбы народнаго землевладѣнія въ Слободской Украйнѣ считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что національное, участково-наслѣдственное землевладѣніе военныхъ колонизаторовъ бывшихъ слободскихъ полковъ встрѣтило на пути своего развитія и юридическаго нормированія почти неодолимыя препятствія. Достаточно только вкратцѣ припомнить суровую внѣшнюю исторію этой территоріи, чтобы прежде всего придти къ убѣжденію, что козакамъ слободскихъ полковъ буквально почти некогда было заниматься упроченіемъ и гражданскимъ развитіемъ своихъ бытовыхъ порядковъ вообще и поземельныхъ въ частности: достаточно только вспомнить, что почти

Библиотека "Руниверс"

до половины прошлаго вѣка развитію мѣстной гражданской жизни мѣшали, можетъ быть, прежде всего набѣги и разоренія отъ татаръ и другихъ степныхъ хищниковъ, въ томъ числѣ и разной степной вольницы разлагавшагося тогда, среди окружавшихъ его историческихъ условій, Запорожья; мы не говоримъ уже о крайне тревожной для Слободской Украйны эпохѣ гетманства Брюховецкаго, когда сочувствіе къ планамъ этого гетмана въ значительной части населенія Слобожанщины угрожало внести почти между-усобную борьбу (вслѣдствіе „прелѣстныхъ писемъ измѣнника и вора Ивашки Брюховецкаго и его совѣтниковъ)"... а затѣмъ скоро настала и эпоха Екатерины II, когда уже принципіально порѣшено было покончить съ областными особенностями не только Слободской Украйны, но и всей даже гетманской Малороссіи. Такимъ образомъ сперва дѣйствительное незнакомство московскаго правительства съ внутреннимъ устройствомъ поземельнаго владѣнія въ Слобожанщинѣ, а потомъ уже болѣе или менѣе намѣренное игнорированіе этого типа мѣстнаго аграрнаго устройства могли быть причиной того, что *этотъ порядокъ участково-наслѣдственнаго владѣнія остался, такъ сказать, внѣ защиты закона.* Ниже мы увидимъ, какимъ образомъ эта легальная беззащитность участково-наслѣдственнаго владѣнія, поддерживаемая временно и слабо такимъ-же беззащитнымъ народнымъ обычаемъ, мало по малу путемъ, такъ сказать, разлагающаго хаоса обращала участково-наслѣдственное владѣніе въ общинное. Въ этомъ отношеніи даже краткое ознакомленіе съ исторіей хотя-бы не многихъ поземельныхъ крестьянскихъ дачъ въ харьковской губерніи могло-бы значительно уяснить фактами нашъ давній метафизическій споръ о томъ, дѣйствительно-ли русскому народу вообще такъ врождена отъ вѣка идея поземельной общины, или-же это аграрное устройство большинства населенія Россіи есть продуктъ весьма сложныхъ и въ томъ числѣ главнымъ образомъ внѣшнихъ условій.

---

2) Четвертныя земли однодворцевъ на сѣверной границѣ Слободской Украйны.

Почти на рубежѣ двухъ аграрныхъ порядковъ Великороссіи и Украйны проходила полоса землевладѣнія, такъ сказать, средняго

Библиотека "Руниверс"

типа. Это были вотчинныя и, главнымъ образомъ, *помѣстныя земли* великорусскихъ украинскихъ людей военнаго сословія, преимущественно по направленію бѣлгородской черты.

Судьба этого послѣдняго поземельнаго владѣнія, т. е. земель пограничнаго съ Слободской Украйной великорусскаго военнаго населенія, въ позднѣйшее время получившаго общее названіе однодворцевъ, во многихъ отношеніяхъ тѣсно связана съ судьбою старозаимочныхъ земель бывшей Слободской Украйны. Изъ содержанія и взаимнаго сопоставленія различныхъ указовъ и другихъ аграрныхъ мѣропріятій московскаго, а потомъ русскаго правительства, не трудно замѣтить, что эти указы и мѣропріятія отчасти преслѣдовали (хотя и разновременно) однѣ и тѣ-же цѣли какъ относительно однодворческихъ, такъ и старозаимочныхъ земель, а отчасти видимо не различали этихъ двухъ весьма различныхъ категорій землевладѣнія; вообще-же говоря, въ томъ и другомъ случаѣ преслѣдовались главнымъ образомъ дѣйствительныя, или кажущіяся интетересы и удобства центральнаго правительства и фиска, при чемъ не рѣдко самыя крутыя преобразовательныя мѣры шли впереди ближайшаго знакомства съ тѣмъ положеніемъ вещей въ далекихъ провинціяхъ, заглазное реформированіе которыхъ они предпринимали.

Изъ краткаго изложенія многихъ превратностей поземельнаго владѣнія однодворцевъ можно было-бы установить нѣкоторыя общія положенія, которыя почти вполнѣ имѣли мѣсто и въ исторіи старозаимочнаго землевладѣнія бывшихъ слободскихъ полковъ.

Въ самомъ началѣ исторіи однодворческихъ земель мы встрѣчаемъ тотъ знаменательный въ настоящемъ случаѣ фактъ, что *землевладѣніе это, также какъ и старозаимочное, имѣло въ началѣ личный, индивидуальный характеръ*, или, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, „основано было по начальному происхожденію на помѣстномъ правѣ, а по переходу—на правѣ наслѣдственномъ“ [1]).

Какъ извѣстно, сословіе однодворцевъ, этихъ „украинскихъ служилыхъ людей“ великорусскаго происхожденія, образовалось изъ потомковъ служилыхъ людей разныхъ чиновъ московской военной службы (дѣтей боярскихъ, козаковъ, стрѣльцовъ, драгуновъ, солдатъ

---

[1]) Курсъ гражд. права, ч. I, стр. 498.

Библиотека "Руниверс"

и т. д.), поселенныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ на украинской линіи и въ окраинныхъ московскихъ городахъ, для охраненія юго-восточныхъ границъ московскаго государства отъ непріятелей. „Всѣмъ имъ, говоритъ тотъ-же авторъ „Курса гражданскаго права", раздавались на *помѣстномъ правѣ отдѣльными участками на каждаго человѣка особо земли*, на которыхъ они селились отдѣльными дворами въ слободы; раздача этихъ помѣстныхъ земель опредѣлялась *четвертями* (около $1^1/_2$ десятины), откуда эти земли получили названіе *четвертныхъ земель*. Къ этимъ четвертнымъ землямъ принадлежали: 1) данныя однодворцамъ отъ правительства для первоначальнаго поселенія и для исправленія службы въ помѣстье прежде 1724 года, т. е. прежде обращенія ихъ въ подушный окладъ, 2) заселенныя самими однодворцами изъ дикопорожнихъ земель и во время межеванія утвержденныя за ними въ указную пропорцію на душу и 3) купленныя цѣлою волостью или селеніемъ у помѣщиковъ съ правомъ собственности. *Владѣніе этого рода называлось помѣстнымъ, потому что первоначально земли розданы были служилымъ людямъ въ помѣстье, для исправленія государственной службы.* Въ послѣднее время стали называть *четвертными* отъ слова четверть (уже объясненная выше поземельная мѣра—полторы десятины). Отсюда *четвертное право* землевладѣнія [1]).

Въ классъ однодворцевъ поступали также обѣднѣвшія и ставшія мелкопомѣстными дворянскія фамиліи; а при Петрѣ I даже дворяне, имѣвшіе иногда по 100 и 200 дворовъ своихъ собственныхъ крестьянъ, избѣгая крутыхъ мѣропріятій энергическаго реформатора, тоже записывались въ однодворцы. Когда, при введеніи Петромъ I регулярнаго войска и замѣны имъ прежнихъ служилыхъ людей московскаго государства, права дворянства стали получаться на извѣстныхъ условіяхъ въ связи съ регулярной военной службой, многіе „украинскіе служилые люди" (т. е. пограничное съ Слободской Украйной московское военное населеніе) не захотѣли, или не могли подчиниться этимъ новымъ военнымъ порядкамъ и вслѣдствіе этого большая часть такъ называемыхъ однодворцевъ не вошла въ дво-

---

[1]) См. IX т. зак. о сост., изд. 1855 г. ст., 755, 756, 671, 672, 673 и 676. Судебный Вѣстникъ 1870 г., № 352, «о четвертныхъ земляхъ».

Библиотека "Руниверс"

рянское сословіе, *а въ 1724 г. всѣ однодворцы, не поступившіе въ регулярную военную службу, были причислены къ государственнымъ крестьянамъ.* Такимъ образомъ механическое начало циркулярныхъ мѣропріятій, обусловленное отсутствіемъ въ это время уже всякой автономіи областей въ предѣлахъ бывшаго московскаго государства, за исключеніемъ развѣ доживавшей свой вѣкъ гетманщины, вызвало и въ быту однодворцевъ такіе странные факты, какъ порожденіе новой массы государственныхъ крестьянъ изъ разжалованныхъ, такъ сказать, однодворцевъ, которые сами владѣли крѣпостными крестьянами; но, располагая своими крѣпостными людьми по всему произволу нигдѣ точно неоговореннаго въ законахъ крѣпостнаго права, они въ то-же время сами не имѣли полнаго права на свои помѣстныя земли, ибо, въ интересахъ охраненія поземельнаго фонда бывшаго военнаго служилаго сословія московскаго государства, однодворцы имѣли право мѣны, продажи, залога и другихъ гражданскихъ сдѣлокъ по своимъ землямъ только въ средѣ своего сословія—великорусскихъ „украинскихъ служилыхъ людей". Въ этомъ случаѣ, если не допустить фискальной точки зрѣнія, то позволительно думать, что правительственная мѣра, упраздняя почти цѣлое сословіе, какъ военно-служилый классъ, вѣроятно только по недоразумѣнію оставила прежнія историческія условія его землевладѣнія, а именно его замкнутость въ классѣ только однодворцевъ, безъ всякаго измѣненія. Только въ 1714 году, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, прекратилась раздача помѣстій и помѣстное право уравнено было съ вотчиннымъ, т. е. всѣ прежнія ограниченія въ распоряженіи помѣстными землями должны были уничтожаться.

Хотя въ это время однодворцы уже были приравнены къ крестьянамъ (владѣя однако-же, какъ мы видѣли выше, сами крѣпостными людьми) и находились въ низшемъ сословіи сельскихъ обывателей; но, очевидно, по новому простому недоразумѣнію, можетъ быть, просто по недосмотру центральнаго правительства, и для нихъ также не было сдѣлано никакого исключенія въ наставшей теперь полной свободѣ распоряженія бывшими помѣстными землями, хотя въ это-же время оставался въ полной силѣ общій порядокъ, „по которому сельскіе обыватели низшихъ сословій не могли располагать землями въ уѣздѣ на полномъ правѣ собственности". Только черезъ 13-ть лѣтъ послѣ этого недоразумѣнія, именно въ 1727 г.,

Библиотека "Руниверс"

послѣдовалъ *запрстительный указъ* объ ограниченіи поземельныхъ правъ однодворцевъ, наравнѣ съ остальной массой низшихъ сословій сельскихъ обывателей; но въ это промежуточное время 13-ти лѣтъ и даже гораздо позднѣе, почти до изданія межевой инструкціи 1766 г., однодворцы распродали массу своихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель лицамъ другихъ мѣстностей и разныхъ сословій. Всѣ эти обстоятельства и множество другихъ, каковы: дробленіе личнаго владѣнія по наслѣдству, выходъ многихъ однодворцевъ въ дворяне съ особенными правами на землю, завлекавшее многихъ переселенцевъ и покупщиковъ плодородіе земли на сѣверныхъ предѣлахъ Слобожанщины и тому подобное,—*при отсутствіи мѣстныхъ и общедоступныхъ межевыхъ и спеціальныхъ учрежденій*, которыя по мѣрѣ надобности могли-бы регистрировать и регулировать естественное непрерывное движеніе и перемѣны мелкаго поземельнаго владѣнія, были причиною какъ чрезвычайной чрезполосицы однодворческихъ дачъ, такъ и развивавшагося у владѣльцевъ этихъ дачъ духа жалобъ и сутяжничества.

Уже изъ этого бѣглаго обзора исторіи чрезполосныхъ земель однодворцевъ можно видѣть тѣ особенности этого землевладѣнія, которыя во многомъ сближали его съ старозаимочнымъ земельнымъ порядкомъ въ Слободской Малороссіи.

Такъ прежде всего, не смотря на различное происхожденіе (какъ будетъ сказано еще ниже) этихъ двухъ категорій землевладѣнія, *въ томъ и другомъ имѣло мѣсто начало личнаго и наслѣдственнаго владѣнія*. Въ бывшемъ военномъ сословіи великорусскихъ украинскихъ людей этотъ фактъ можетъ быть объясняемъ личнымъ составомъ этого класса, который во всякомъ случаѣ представлялъ уже сравнительно высшіе слои народной великорусской массы и даже иногда владѣлъ ею, какъ видѣли выше, на крѣпостномъ правѣ. Мы уже говорили, что самая раздача земель этому сословію на помѣстномъ правѣ, т. е. съ условіемъ обязательной военной службы и съ тѣми ограниченіями въ распоряженіи этой землей, которыя имѣли въ виду задержаніе этихъ земель въ одномъ только классѣ служилыхъ военныхъ людей,—производилась *„на каждаго человѣка особо“*. Обращеніе этого класса мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ въ сословіе крестьянъ не во имя какихъ либо высшихъ принциповъ соціальной правды, а просто въ интересахъ безличной ни-

Библиотека "Руниверс"

велировки для болѣе удобнаго взысканія податей и упрощенія государственнаго механизма, было во всякомъ случаѣ *приниженіемъ личности*, что, въ связи съ полной неопредѣленностью юридической и матеріальной стороны землевладѣнія и съ падавшими иногда внезапно крутыми, а порою даже взаимно противорѣчивыми, или физически неисполнимыми, какъ увидимъ ниже, мѣропріятіями, не могло не сказаться упадкомъ матеріальной и даже нравственной стороны населенія; а все это вмѣстѣ естественно должно было повлечь за собою неизбѣжный *регрессъ провинціальной жизни*. И этотъ регрессъ, какъ можно фактически прослѣдить даже въ бѣгломъ обзорѣ исторіи провинціальнаго землевладѣнія, шелъ почти рука объ руку съ тѣмъ исключительнымъ положеніемъ центральной власти, которое неизбѣжно должно было усилиться односторонне-систематическими мѣропріятіями державнаго реформатора начала прошлаго вѣка. Уже одна замѣна земскаго ополченія древней Руси регулярнымъ войскомъ сразу освобождала центральную власть отъ всякой необходимости въ чемъ-либо считаться съ тѣми или другими условіями сперва великорусскихъ областей, а впослѣдствіи и всѣхъ другихъ провинцій. Послѣдующую судьбу однодворческаго землевладѣнія мы изложимъ въ немногихъ словахъ. Вмѣсто прежняго порядка военной службы великорусскихъ украинскихъ людей, они съ 1713 г. стали комплектовать собой *ландмилиціе полки* московской украинской линіи и для обезпеченія этого комплектованія, а также для устраненія „всякаго помѣшательства въ платежѣ подушныхъ денегъ“ (т. е. ради военныхъ и фискальныхъ цѣлей) и возникло уже упомянутое нами выше ограниченіе поземельныхъ правъ однодворцевъ въ 1727 г. Впослѣдствіи различныя аграрныя мѣропріятія съ фискальными цѣлями мотивировались „устройствомъ хозяйственнаго быта“ и даже „улучшеніемъ“ быта; но пріемы и основные мотивы оставались тѣ-же. По межевой инструкціи 1754 г., въ интересахъ имущественнаго равенства и единообразія (опять ради фискальныхъ удобствъ) было предложено всѣхъ ландмилиціонеровъ надѣлить землей по 30 десят. на дворъ (изъ четырехъ человѣкъ), а потомъ уже и по 15 десят. на душу; но это благое начинаніе, по видимому, совершенно не осуществилось, ибо въ большинствѣ мѣстностей бывшей ландмиліціи (великорусская украинская ландмилиція существовала до 1769 г.) далеко не оказалось земли въ потребномъ для такого надѣла количествѣ.

Библиотека "Руниверс"

1766 годъ представляетъ собою особенно важный моментъ въ исторіи четвертныхъ земель, такъ какъ въ это время произошло окончательное стѣсненіе правъ четвертнаго владѣнія. *Въ межевой инструкціи* этого года вся XIX ея глава посвящена однодворческимъ или помѣстнымъ землямъ, которыя въ это время были уже окончательно признаны казенными, а однодворцамъ была запрещена не только продажа своихъ четвертныхъ земель, но даже и покупка новыхъ. Пунктомъ 1-мъ упомянутой выше XIX главы межевой инструкціи 1766 г. велѣно: „всѣ состоящія за однодворцами (и другими служилыми людьми) земли утверждать по всякимъ укрѣпленіямъ *не каждому въ порозь, а вообще всему селенію* особо отъ другихъ"; пунктомъ 2-мъ: *„перешедшимъ въ мѣщанство и купечество земель въ однодворческой дачѣ не напутривать"*; пунктомъ 19-мъ: „послѣ умершихъ однодворцевъ, оставшихся земель ихъ женамъ и дочерямъ ихъ, какъ наслѣдникамъ, на части не дѣлить и въ приданое за дочерьми, вышедшими замужъ за людей другаго званія и за однодворцевъ въ другія селенія, не отдавать, но оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ примежованы". Пунктъ 20-й гласилъ: „если послѣ однодворца сыновей не останется, а дочери, и онѣ выйдутъ замужъ за однодворцевъ-же въ другія селенія, то оставшуюся землю отдавать поженившимся тогда лишь, когда мужъ согласится перейти на участокъ тестя, отъ своей-же земли отречется въ пользу другихъ того селенія жителей". Пункты 19 и 20 вошли въ сводъ законовъ и образовали 672 и 673 ст. IX т. зак. о сост., изд. 1857 г. Такимъ образомъ: „генеральное межеваніе ограничило помѣстную землю однодворцевъ такъ, что она не можетъ отдѣлиться отъ селенія и вѣчно должна обращаться между односельцами. Значитъ, ни купецъ, ни мѣщанинъ, ни даже однодворецъ другаго селенія, хотя-бы они были и законные сыновья однодворца, ни дочь его, вышедшая замужъ въ другое селеніе, ни жена его послѣ смерти не наслѣдуютъ. Однимъ словомъ, не принадлежащій къ обществу не наслѣдникъ въ четвертной землѣ, а равно вдова умершаго" [1]).

Наконецъ черезъ 110 лѣтъ послѣ межевой инструкціи, закономъ 1866 и 1867 годовъ и главнымъ образомъ введеніемъ *владѣн-*

[1]) Судебный Вѣстникъ 1870 г. № 352 «о четвертныхъ земляхъ».

Библиотека "Руниверс"

ныхъ записей, все таки съ неизмѣнной цѣлью „улучшенія быта“, положенъ былъ рѣшительный конецъ своеобразному положенію однодворческаго землевладѣнія, которое и слилось съ этого времени съ общей массой безличнаго крестьянскаго владѣнія, съ почти полной для внѣшняго міра неизвѣстностью всего, что съ этого времени происходило и происходитъ въ предѣлахъ всѣхъ этихъ общинныхъ крестьянскихъ дачъ, гдѣ въ интересахъ фиска не требовалось никакой внутренней регистраціи земель по лицамъ и дворамъ, а все дѣло ограничивалось только записью земель „не каждому порознь, а вообще всему селенію, особо отъ другихъ“. Въ настоящее время, насколько намъ извѣстно по частнымъ свѣдѣніямъ, во многихъ однодворческихъ дачахъ осталось только преданіе о бывшемъ когда-то личномъ, участковомъ владѣніи: теперь эти дачи уже volens-nolens подчинились общинному порядку.

Изъ этого краткаго обзора судьбы однодворческихъ земель не трудно понять, почему съ внѣшней стороны нерѣдко крайняя, нигдѣ точно и постоянно не региструемая *чрезполосица* частнаго и общиннаго владѣнія, а въ сферѣ сознанія крайнее затемнѣніе, если не полное упраздненіе въ населеніи понятій о собственности должны были съ теченіемъ времени выработаться въ наличные господствующіе факты жизни. Такое аграрное положеніе должно было представлять собою отрицаніе какъ индивидуальнаго, такъ и общиннаго владѣнія и выражало собою развѣ только одинъ принципъ *полной случайности*, а слѣдовательно и отсутствіе всякой органичности и условій дальнѣйшаго саморазвитія. Такимъ образомъ постепенно, но почти непрерывно провинціальная жизнь все болѣе и болѣе теряла начало самоопредѣленія даже въ тѣсной домашней сферѣ имущественныхъ отношеній.

Вышеизложенный краткій очеркъ исторіи однодворческихъ земель даетъ намъ возможность замѣтить одну, какъ намъ кажется, весьма важную особенность этой исторіи: личное поземельное владѣніе было первоначально, по крайней мѣрѣ, замѣтнымъ фактомъ и среди великорусскаго военнаго населенія московской украинской линіи; превращеніе-же этого личнаго, индивидуальнаго землевладѣнія въ общинное совершилось не изъ „нѣдръ народнаго духа“, а по внѣшнимъ, почти механическимъ условіямъ, на глазахъ еще недавней исторіи. Подробности процесса этого превращенія могутъ

Библиотека "Руниверс"

быть отчасти поняты и изъ послѣдующей исторіи старозаимки. Нивелирующія и фискальныя реформы, съ начала прошлаго вѣка, остановили дальнѣйшее естественнее развитіе личнаго начала въ землевладѣніи однодворцевъ и сами по себѣ не дали, или не могли дать ему, безъ тяжелой и продолжительной ломки, органическаго общиннаго устройства; внутреннее-же положеніе дачъ, за отсутствіемъ мѣстнаго межеваго вѣдомства и необходимой при мелкомъ личномъ землевладѣніи полной децентрализаціи межевыхъ учрежденій, оставалось безъ выясненія и точной регистраціи. Отсюда сначала хаотическая чрезполосица однодворческихъ земель въ предѣлахъ одной и той-же дачи, а потомъ чрезполосица ихъ съ владѣніемъ другихъ сословій и юридическая и фактическая неопредѣленность однодворческаго землевладѣнія. Все это неизбѣжно отразилось и на самомъ характерѣ населенія: „между однодворцами и помѣщиками завелось, какъ говоритъ г. Побѣдоносцевъ, великое множество судныхъ дѣлъ о завладѣніяхъ и обидахъ, и развилась вредная привычка къ жалобамъ и сутяжничеству“ [1]). Но тутъ всякому понятно, что какъ индивидуализмъ землевладѣнія не былъ чуждъ великорусскому элементу, также точно и страсть сутяжничества не была характерной чертой однихъ малороссовъ, а вызывалась и поддерживалась довольно конкретными причинами.

Такъ какъ реформаторская дѣятельность сперва московскаго, а потомъ русскаго правительства прежде всего географически и по ходу исторіи имѣла въ виду однодворческія земли, а потомъ уже принялась за старозаимочное владѣніе; то, какъ увидимъ ниже, многія правительственныя мѣры и законы, обусловленные исторіей и характеромъ четвертнаго землевладѣнія, стали потомъ всецѣло примѣняться и къ землевладѣнію войсковыхъ обывателей слободско-украинской губерніи; такъ, напримѣръ, генеральное межеваніе въ этой губерніи опредѣлило только внѣшнія границы даже и старозаимочныхъ дачъ, а внутри этихъ дачъ опредѣлялись только земли другихъ сословій, кромѣ войсковыхъ обывателей; фактическое и даже документальное личное владѣніе этихъ послѣднихъ и въ настоящее время остается безъ всякой съемки и формальнаго опредѣленія. Впрочемъ межеваніе земель не по владѣльцамъ, а по селеніямъ

[1]) См. его «Курсъ гражд. права», стр. 499.

Библиотека "Руниверс"

могло вызываться, помимо недостатка мѣстныхъ межевыхъ средствъ и учрежденій, еще и физической невозможностію для центральнаго правительства угоняться, такъ сказать, за постояннымъ измѣненіемъ и метаморфозами въ микрокосмѣ жизни обширныхъ провинцій: извѣстно, что земли козаковъ черниговской губерніи, „составляющія частную отдѣльную собственность каждаго изъ нихъ, еще и въ 1838 г. не были приводимы въ извѣстность никакимъ измѣреніемъ“, и владѣльцы этихъ земель опредѣляли ихъ величину, такъ сказать, допотопнымъ способомъ: количествомъ времени, потребнаго для обработки, или-же количествомъ высѣваемаго зерна [1]).

Кромѣ сказаннаго объ однодворческихъ земляхъ, многія спеціальныя мѣры, какъ напримѣръ указы Петра и его пріемниковъ о воспрещеніи или разрѣшеніи пріобрѣтать земли однодворцамъ (указы 1724, 1727, 1801 г.), стали въ позднѣйшія времена примѣняться и къ старозаимочнымъ землямъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго нашего изложенія. Ошибки и недоразумѣнія позднѣйшей областной администраціи слободско-украинской губерніи, можетъ быть вызывались и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по причинамъ, угадывать которыя мы не беремся, спеціальная инструкція Екатерины II для размежеванія слободскихъ полковъ видимо осталась безъ примѣненія къ дѣлу, и позднѣйшія административныя мѣропріятія относительно старозаимочныхъ земель чаще всего ссылаются на межевыя инструкціи 1754 и 1766 годовъ, имѣвшія главнымъ образомъ въ виду условіе и положеніе однодворческаго землевладѣнія.

Теперь возвращаемся снова къ главному предмету нашей статьи—исторіи старозаимочнаго поземельнаго владѣнія Слободской Украйны. Однодворческое землевладѣніе, и помимо внѣшнихъ мѣръ, могло заключать въ себѣ начала внутренняго разложенія и механическаго превращенія въ общинные порядки. Размноженіе потомства перводачниковъ и владѣніе со стороны нѣкоторыхъ однодворцевъ крѣпостными людьми естественно порождало въ ихъ средѣ классъ безземельныхъ, которые, при безуспѣшности по тѣмъ или другимъ причинамъ личной энергіи въ дѣлѣ пріобрѣтенія жизненныхъ средствъ, естественно должны были тяготѣть къ коммунальнымъ аграрнымъ порядкамъ. При такихъ условіяхъ безземельный

[1]) Земскій Сборникъ черниговской губерніи 1877 г., № 5—8.

Библиотека "Руниверс"

и даже малоземельный сельскій пролетаріатъ, особенно при отсутствіи городскихъ промысловъ, естественно долженъ былъ идти на встрѣчу всѣмъ нивелирующимъ мѣрамъ власти въ гражданской сферѣ жизни. Легкость усвоенія этого міровоззрѣнія, во всякомъ случаѣ парализующаго, при отечественныхъ культурныхъ условіяхъ, начало личности и личной энергіи можетъ быть повлекла за собой и тотъ недостатокъ нравственныхъ началъ, который уже неоднократно замѣчался въ основѣ этого коммунальнаго міровоззрѣнія нашихъ крестьянскихъ массъ: скудный земельный надѣлъ въ общинѣ, правда, обезпечивалъ его бѣдное физическое существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ и предѣлъ дальнѣйшему личному преуспѣянію и предпріимчивости. Кромѣ того различіе самыхъ основныхъ принциповъ въ землевладѣніи высшихъ классовъ населенія и массы народа (мы разумѣемъ индивидуальную собственность первыхъ и общинное пользованіе землей послѣдними), принциповъ, порожденныхъ даже различными внѣшними причинами, не могло не развивать мало-по-малу той нравственной и матеріальной розни между этими классами, которая въ наше время уже обычно называется *пропастью* и давно тяжело задушиваетъ всѣхъ искреннихъ сторонниковъ мирнаго развитія. На этой недоговоренной мысли мы и оставляемъ затронутый нами трудный абстрактный вопросъ о культурномъ значеніи различныхъ принциповъ землевладѣнія при различныхъ общихъ политическихъ условіяхъ. Конечно, теперь безплодно сожалѣть о томъ, что наша исторія большею частію механически и прямолинейно регламентировала жизнь даже въ тѣхъ ея важнѣйшихъ моментахъ, когда она должна была формироваться постепенно, путемъ осторожнаго самоопредѣленія и только подъ умѣряющимъ и регулирующимъ вліяніемъ государства, какъ естественнаго представителя общаго интереса.

---

3) Перепись слободскихъ полковъ 1726 года.

(Административная организація и характеръ поземельнаго владѣнія въ ахтырскомъ полку).

Въ числѣ матеріаловъ у насъ имѣется рукописная книга 1726 г., которую можно назвать *Статистическимъ описаніемъ* ко-

Библиотека "Руниверс"

зачьяго населенія ахтырскаго полка. Изъ содержанія этой книги видны и причины, вызвавшія ея составленіе, и самый ходъ онаго.

Въ концѣ 1725 или началѣ 1726 г., какъ видно изъ помѣщеннаго въ этой книгѣ указа канцеляріи бѣлгородской провинціи ахтырскому полковнику Лесевицкому, рѣшеніемъ „верховнаго тайнаго совѣта и приговоромъ высокаго сената велѣно было“ *слободскіе полки выдать въ военной коллегіи* и учинить въ нихъ компанейцовъ *по прежнему*, по разсмотрѣнію той коллегіи, и для того *тѣхъ полковъ жителей переписать*, кому о томъ коллегіей опредѣлено будетъ, а сербовъ, которые пристали въ службу ея... величества и обрѣтаются въ командѣ кіевскаго генералъ-губернатора, тѣхъ росписать къ тѣмъ компанейщикамъ; тако-жъ буде въ тѣхъ-же слободскихъ полкахъ будутъ обрѣтаться какіе люди военной службы, тѣмъ безъ изъятія всѣмъ вѣдомымъ (быть) въ той-же военной коллегіи“...

Полковникомъ ахтырскаго слободскаго полка былъ въ то время Лесевицкій; отъ него, какъ конечно и отъ другихъ полковниковъ по ихъ полкамъ, предписаніемъ генералъ-фельдмаршала и полковника лейбъ-гвардіи семеновскаго полка князя Михаила Михайловича Голицына, затребована была „вѣдомость, въ самой скорости“, о составѣ всего населенія ахтырскаго полка: „о старшинѣ, сотникахъ, подпрапорныхъ, о козакахъ кумпанейцахъ и подмощникахъ и прочихъ служителяхъ и какіе военной службы люди обрѣтаются, не выключая никого, и тѣ компанейцы *съ своихъ-ли грунтовъ служатъ*, или имѣютъ подмощниковъ, и по скольку, и тѣ подмощники имъ подмогаютъ по вся-ль годы, и чѣмъ—деньгами или хлѣбомъ, тако-жъ и бобылей отъ каждой сотни отписать именно, подъ лишеніемъ не токмо чести, и живота“. Предписаніе заканчивается угрозой, что если эта вѣдомость окажется неправильной, то такая неправильность (т. е. главнымъ образомъ укрывательство) взыщется на самомъ полковникѣ Лесевицкомъ. Распоряженіе это, помѣченное 14 мая 1726 г., дано было княземъ Голицынымъ изъ его походной канцеляріи, бывшей въ то время въ Острогожскѣ.

Угроза предписанія побуждала Лесевицкаго къ точному его выполненію и вызвала въ приказѣ отъ него по сотнямъ его полка такое замѣчаніе: „да было-бы у писара вашего, когда съ оною вѣдомостію въ Ахтырку пріездитиметь, зо свого чистого паперу либеръ

Библиотека "Руниверс"

по двѣ въ запасъ, для переписки, ежели неправно что покажется"... Въ одинъ мѣсяцъ были собраны всѣ эти свѣдѣнія и отвѣтное доношеніе полковника Лесевицкаго послано по командѣ 16 іюня 1726 года. Но, не смотря на приведенное сейчасъ предостереженіе на счетъ „двухъ либеръ чистаго паперу", полковникъ сомнѣвался, кажется, въ вѣрности переписи и заканчивалъ свое доношеніе такимъ объясненіемъ: „....и во извѣстіе спокорнѣйше вашему сіятельству доношу, яко по посланнымъ вѣдомостямъ обыватели въ единомъ состояніи (т. е. какъ показано въ вѣдомостяхъ) и чрезъ малое время фундаментальнымъ житіемъ быть не могутъ, *понеже по своему черкаскому обыкновенію никоида въ однихъ домехъ не поживутъ, но переходятъ съ мѣста на мѣсто, куда хто похочетъ*, и оттого при полку бываетъ временемъ въ обывателяхъ прибель, а временемъ убель".

Произведенная теперь общая перепись слободскихъ полковъ даетъ намъ не только понятіе о характерѣ службы козаковъ, административномъ устройствѣ въ это время ахтырскаго, а слѣд. и другихъ полковъ, численности населенія полка ахтырскаго, внутреннихъ соотношеніяхъ составныхъ его частей и его территоріи, но и нѣкоторыя данныя относительно характера и организаціи землевладѣнія въ военномъ населеніи этого полка.

Въ эпоху переписи 1726 г. границы ахтырскаго полка заключали въ себѣ большую часть теперешняго ахтырскаго уѣзда (за исключеніемъ сѣверной его части), небольшую часть лебединскаго, почти весь теперешній богодуховскій уѣздъ и небольшую юго-западную часть валковскаго уѣзда. Это пространство полка опредѣляетъ намъ, какъ великъ былъ районъ козацкаго землевладѣнія въ этомъ полку. Полкъ въ это время заключалъ въ себѣ 20 сотень, при чемъ полковой городъ Ахтырка состоялъ изъ двухъ сотень; города или мѣстечки этого-же полка—Боромля и Котельва заключали въ себѣ также по двѣ сотни. Именная перепись населенія 1726 года совершенно не коснулась класса духовенства, и о немъ упоминается только мимоходомъ, при перечисленіи класса „сусѣдъ", которые вездѣ показаны живущими на чужихъ „подворкахъ".

Итогъ этой переписи ахтырскаго полка далъ слѣдующія цифры:

Полковникъ	1
Полковой старшины (обозный, асаулъ, судья, ротмистръ, три полковыхъ писаря и два хорунжихъ)	9

Библиотека "Руниверс"

Полковыхъ пушкарей	8
Прочихъ служителей (въ этомъ числѣ 3 канцелярскихъ писаря, 1 подъ-асаульный, 1 литаврщикъ, 1 сурмачъ, 4 трубача и 5 „полевыхъ сторожей“, которые учреждены „для посылки съ почтовыми письмами“)	23
Ахтырскихъ полковыхъ сотниковъ	2
Въ Ахтыркѣ городовой службы мѣщанъ и купеческихъ людей	78
Городовыхъ сотниковъ	15
Подпрапорныхъ	42
Городовыхъ и сельскихъ атамановъ	24
Сотенныхъ писарей	12
Сотенныхъ хорунжихъ	11
Выборныхъ козаковъ-компанейцовъ	1222
Ихъ подмогчиковъ или спомогателей	5510
„За подмогою самыхъ скудныхъ и въ подмогу негодныхъ“.	286
„Сусідъ“, которые жили на чужихъ подворкахъ, преимущественно у старшины; сотниковъ, духовенства и болѣе богатыхъ козаковъ, или ихъ подмогчиковъ	402
Городовыхъ и сотенныхъ „услужниковъ“ (низшій разрядъ которыхъ назывался, кажется, асаульці, а къ высшему принадлежали провіантовые зборщики)	65
Итого всѣхъ „чиновъ“ военной службы ахтырскаго полка	1359
Подмогчиковъ и посполитыхъ	6.341
Всего населенія по означеннымъ разрядамъ	7.700

Въ итогѣ „чиновъ“ пропущено 87, вѣроятно 78 мѣщанъ и 9 служителей; кромѣ того въ перепись не вошли находившіеся въ это время въ гилянскомъ походѣ 3 сотника съ 250 козаками, въ бахмутскомъ конвоѣ 40 человѣкъ, въ Изюмѣ „въ надсмотрѣніи лѣсовъ“ при Донцѣ и по другихъ мѣстахъ 11 человѣкъ, и при Коломакѣ на форпостѣ съ перемѣною одинъ сотникъ съ сотней козаковъ, а всего изъ ахтырскаго полка было въ отлучкѣ въ это время на военной и полицейской службѣ 404 человѣка.

Эта-же „именная опись“ 1726 года заключаетъ въ себѣ хотя общія, но весьма цѣнныя объясненія и замѣтки о служебныхъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ вышеназванныхъ отдѣловъ

Библиотека "Руниверс"

населенія. Въ концѣ описи каждой сотни находится приписка, дающая понятіе о служебныхъ обязанностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ перечисленныхъ въ описи отдѣловъ населенія. Она вездѣ почти одна и таже и гласитъ такъ: „а вишеписанніе подможчики (или подмогчики) мнѣ, сотнику, и подпрапорнымъ (если такіе есть въ сотнѣ) и выборнымъ козакамъ-компанейцамъ, съ примѣру противъ другихъ полку ахтырскаго старшины, опредѣлены по отпискѣ въ бытность еще въ Бѣлгородѣ боярина и воеводы князя Якова Федоровича Долгорукова, а разсмотрѣніемъ бывшаго ахтырскаго полковника Ивана Перекрестова и бывшаго въ ахтырскомъ-же полку бригадира Федора Осипова, когда въ слободскихъ полкахъ велѣно выбрать компанейцовъ и дать имъ подмогчиковъ, кои за выборомъ компанейцовъ останутся изъ поспольства, для пополненія службы въ тотъ образъ оные сотницкіе подможчики вмѣсто денежной и провіантовой подмоги, для пополненія ея императорскаго величества службы, чинять ему вспоможеніе повозкою сѣна и дровъ безъ отягощенія; да съ нихъ-же подможчиковъ беремъ за собою у военный походъ погонщиками на свои возки; а выборнихъ козаковъ компанейцовъ ихъ вспомагатели (подмогчики) спомагаютъ по своему обыкновенію и по возможности провіантомъ и деньгами для покупки лошадей и ружя и на протчіи всякіе потребства, временно, а повсягодно токмо въ ту пору, когда бываютъ козаки на службѣ ея императорскаго величества въ дальнихъ походѣхъ; да тѣжъ наши вспомогатели и, кромѣ той подмоги, армейскіе полки провіантомъ и фуражемъ суспентуютъ всѣ врядъ безобиходно—подводы возятъ и прочіе въ интересахъ ея императорскаго величества и полковие должности отбуваютъ; да изъ нихъ-же, подможчиковъ, на убылое мѣсто хто изъ служащихъ козаковъ компанейцовъ *оскудѣетъ*, или сомретъ, всегда опредѣляются въ тѣ-жъ служащіе козаки-компанейцы, дабы указный козацкій компутъ непремѣнно содержался въ въ цѣлости".

Отмѣтимъ въ этой припискѣ слѣдующіе факты:

1) Еще до переписи слободскихъ полковъ 1726 г. была произведена въ нихъ какая-то важная реформа, за время бѣлгородскаго воеводы, князя Якова Федоровича Долгорукова, состоявшая, какъ можно догадываться, въ введеніи въ козачьемъ населеніи набора козаковъ и постоянной личной службы, въ противуположность ко-

Библиотека "Руниверс"

ренному козачьему обычаю вольной службы и замѣны одного члена семьи другимъ и даже постороннимъ наемщикомъ.

2) Послѣдствіемъ этой реформы было раздѣленіе козачьяго населенія на людей служилыхъ и ихъ подмогчиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упраздненіе, какъ думать можно, класса посполитыхъ, ибо все малорусское населеніе, по крайней мѣрѣ, ахтырскаго полка, за выборомъ установленнаго числа козаковъ-компанейцовъ, было записано въ классъ подмогчиковъ для всѣхъ чиновъ козацкой службы.

3) Козацкіе подмогчики не только содержали своихъ выборныхъ козаковъ деньгами и натурою и замѣщали собою всѣ убылыя козацкія мѣста, но давали еще и на армейскіе полки „провіантъ и фуражъ", а также, какъ офиціально глухо сказано въ припискѣ, „и прочіе полковыя должности отбувають".

4) Хотя эти повинности, какъ говорится въ доношеніи, совершались „безъ отягощенія", по этому вѣрить трудно какъ потому, что они не были опредѣлены, да врядъ-ли и могли быть опредѣлены, такъ и потому, что во всякомъ случаѣ это были двойныя и совершенно разнородныя повинности предъ двумя начальствами: своей козацкой старшиной и вѣдомствомъ армейскихъ полковъ. Можетъ быть это непосильное бремя и было причиною того „черкасскаго обыкновенія, что обыватели не жили фундаментально никогда въ однихъ домахъ, но переходили съ мѣста на мѣсто", какъ доносилъ полк. Лесевицкій.

Центромъ козачьяго управленія ахтырскаго полка была ахтырская *полковая канцелярія*, и кромѣ того въ Ахтыркѣ была въ это время и *полковая ратуша*, которая, нужно думать, вѣдала купцовъ и мѣщанъ. Въ нашей именной описи 1726 г. рубрика этого класса населенія назвала: „вѣдомость городовой службы мѣщанамъ, которые стоятъ въ казни (?) на караулѣ"; въ этой рубрикѣ показаны городничій (Логвинъ Ивановъ), 12 пушкарей все великорусскихъ фамилій, 9 цѣловальниковъ—тоже великороссовъ; „рядовыхъ мѣщанъ" въ самой Ахтыркѣ показано 32 человѣка, въ сотенномъ мѣстечкѣ Кириковкѣ 9 человѣкъ, въ селѣ Рабинѣ тоже 9. Мѣщане, какъ видно, вѣдались городничимъ; кромѣ того въ Ахтыркѣ въ 1727 г. показано 6 купцовъ, о которыхъ сказано: „ахтырскіе жители купеческіе люди, которыя въ ея императорскаго величества и въ полковыхъ интересахъ надлежащія повинности врядъ

Библиотека "Руниверс"

съ другими отбуваютъ, а въ командѣ вѣдомы въ ахтырской полковой ратушѣ".

Ахтырскій полкъ въ 1726 г. состоялъ изъ 20 сотень и еще двухъ козачьихъ поселеній: Жигайловки и Хухры, которыя въ описи 1726 г. почему-то остались прямо непричисленными къ сотнямъ. Въ переписи каждой сотни населеніе исчислено по тѣмъ-же разрядамъ, какіе мы видѣли выше въ общей вѣдомости; вездѣ оно дѣлится на два главные класса: „выборныхъ козаковъ-компанейцовъ" и ихъ *подможчиковъ* или *спомогателей*; остальная, сравнительно незначительная часть населенія отнесена: 1) къ классу „самыхъ скудныхъ и въ подмогу негодныхъ", каковы были, по всей вѣроятности, одинокіе, или, по выраженію бѣлгородской администраціи, бобыли и 2) къ классу „сусідъ", которые жили на земляхъ и подворкахъ не только полковой и сотенной старшины и духовенства, но и у людей простаго козачьяго сословія и „обывателей", подъ которыми надо разумѣть мѣщанъ и купцовъ. Полковая старшина не вся жила въ Ахтыркѣ, а нѣкоторые жили въ сотенныхъ мѣстечкахъ, гдѣ, кромѣ сотниковъ, были еще и атаманы, нерѣдко называвшіеся городовыми атаманами. Число выборныхъ козаковъ-компанейцовъ по сотнямъ было крайне неравномѣрно: отъ 19—20 человѣкъ (въ сотняхъ алешанской, села Ямнаго и Высокопольской) до 98—103 человѣкъ (въ двухъ сотняхъ бывшаго города, нынѣ слободы Котельвы). Еще большее разнообразіе обнаруживается въ цифрахъ козачьихъ подпомощниковъ: при нѣкоторыхъ козакахъ (впрочемъ такихъ малый процентъ) не показано ни одного „спомогателя", а сдѣланы только краткія замѣтки: „служитъ съ своего грунту"; но обыкновенно при каждомъ козакѣ показано среднимъ числомъ около 5-ти помощниковъ, при чемъ это число варьируется отъ 1 и 2 до 7 и 8 человѣкъ при выборныхъ козакахъ, а при полковой и сотенной старшинѣ число подмогчиковъ гораздо больше: такъ при сотникѣ 1-й ахтырской сотни показано 21 подмогчикъ, при сотникѣ 2-й ахтырской сотни 20 подмогчиковъ. Нѣкоторые полковые подпрапорные также показаны служащими съ своихъ грунтовъ.

Хотя въ нашей книгѣ описанія ахтырскаго полка (которую для краткости мы будемъ называть „компутовой книгой") и нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на характеръ землевладѣнія населенія этого

Библиотека "Руниверс"

полка, но нѣкоторыя косвенныя указанія врядъ-ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что въ *предѣлахъ этого полка господствующимъ типомъ поземельнаго владѣнія было во всякомъ случаѣ необщинное владѣніе.* Эти косвенныя указанія мы отмѣтимъ по нѣсколькимъ сотнямъ этого полка.

Такъ въ обѣихъ ахтырскихъ сотняхъ въ числѣ козачьихъ „спомогателей" показано изрядное количество *вдовъ,* которыя, очевидно, по смерти своихъ мужей оставались во главѣ семьи и хозяйствъ, что всего скорѣе могло быть только при наслѣдственномъ характерѣ поземельнаго владѣнія; въ двухъ сотняхъ въ числѣ козачьихъ спомогателей показаны даже дѣвушки (дівки), очевидно, какъ единственныя наслѣдницы послѣ оставшихся родителей.

Порядочный % „скудныхъ и въ подмогу негодныхъ" (на весь ахтырскій полкъ ихъ показано 286) тоже подтверждаетъ ту мысль, что здѣсь не равнялось имущество ради внѣшнихъ, служилыхъ цѣлей, а напротивъ сама организація полка посильно приноравливалась къ данному положенію имущественной стороны населенія. Эти „скудные и въ подмогу негодные" видимо были все таки вольные, самостоятельные хозяева, хотя-бы въ предѣлахъ своего двора и хаты, ибо опись опредѣляетъ и цифру совершенно безземельныхъ— это вышеупомянутые „сусіды", которые жили на чужихъ земляхъ и, нужно думать, отбывали тѣ или другія добровольныя послуги въ пользу владѣльцовъ тѣхъ подворковъ или земель, на которыхъ они жили.

Но отсутствіе общиннаго владѣнія почти на всемъ пространствѣ ахтырскаго полка подтверждается и крайне разнообразнымъ числомъ козачьихъ *спомогателей,* что прямо указываетъ на полное разнообразіе имущественныхъ средствъ, т. е. поземельнаго владѣнія у населенія, а это разнообразіе отъ полнаго достатка, дававшаго средства служить „съ своего грунту", до совершеннаго безземелія могло быть опять таки при семейно-наслѣдственномъ характерѣ владѣнія землей, какъ единственномъ почти въ то время видѣ имущества. Это положеніе подтверждается краткимъ заключительнымъ объясненіемъ „компутовой книги", въ которомъ, между прочимъ, сказано: „...оные подмогчики старшинамъ по заслугамъ, инымъ по 20, а инымъ по 10, по 6 человѣкъ, а козакамъ-компанейцамъ по тому-жъ неровно, *по смотря по пожиткамъ—мочнѣйшихъ по 2,*

Библиотека "Руниверс"

по 3, по 4, а худшихъ по 5, по 6, по 7, по 8 человѣкъ подмогчиковъ одному компанейцу разверстани съ дворового числа".

При сотняхъ были по 1—3 человѣка „услужники-асаульці", въ родѣ посыльныхъ для объявленія приказовъ, и „провіантовые комиссары" или сборщики. Послѣднихъ въ нѣкоторыхъ сотняхъ значится обыкновенно по одному и не больше двухъ, а въ другихъ совсѣмъ нѣтъ. Наконецъ въ одной сотнѣ г. Боромли показанъ одинъ „сусідъ", живущій „за шевскимъ цехмистромъ". Это случайно оброненное слово указываетъ на существованіе въ городахъ Слободской Украйны, на ряду съ военно-козачею организаціею, и практиковавшагося издавна во всей южной Россіи цехового устройства и управленія въ городскомъ не служиломъ населеніи.

Въ „компутовой книгѣ" находимъ рядъ указаній на существованіе особаго рода отношеній козачьяго слободско-украинскаго населенія къ его полковой старшинѣ, выражавшихся назначеніемъ или отдачей кому либо изъ членовъ полковой старшины „въ курінь" цѣлой деревни съ поселенными въ ней козаками и ихъ подмогчиками „для военнаго похода". Не подлежитъ сомнѣнію, что то не было только военно-административное подчиненіе, но что тѣ-же обязанности вспоможенія натурою, какія лежали на подмогчикахъ въ отношеніи къ простымъ козакамъ, переносились на тѣхъ и другихъ по отношенію къ членамъ полковой старшины. Къ сожалѣнію, въ „компутовой книгѣ" мы не находимъ не только опредѣленнаго, но даже общаго указанія на родъ и размѣры этихъ повинностей, усиливавшихъ, конечно, экономическую тягость, но не нарушавшихъ общаго строя и порядка козачьяго землевладѣнія. Мы узнаемъ только изъ нѣсколькихъ фактовъ, которые сейчасъ укажемъ, что отдача селъ и деревень „въ курінь" была явленіемъ общимъ, что она производилась не просто для цѣлей службы, но часто лишь подъ ихъ прикрытіемъ, какъ-бы въ награду заслугъ, и что потому численность населенія отдаваемыхъ „въ курінь" селъ и деревень соразмѣрялась съ рангомъ, а можетъ быть и заслугами извѣстнаго старшины. Такъ село Бакировка кириковской сотни, по указанію „компутовой книги", „разсмотрѣніемъ и по данному универсалу отъ бывшаго ахтырскаго бригадира Федора Осипова полковому ахтырскому судьи Матвѣю Боярскому, противъ другихъ его братьи полковой старшины, съ выборными козаками и ихъ подможчиками, опредѣлено

Библиотека "Руниверс"

для военнаго похода въ *курьнь,* о чемъ и въ бѣлогородской (провинціальной) канцеляріи извѣстно"; въ колонтаевской сотнѣ сельцо Любовка, по универсалу ахтырскаго бригадира Федора Осипова опредѣлена была „въ курѣнь" полковому ахтырскому обозному; деревня Млинки, котелевской сотни, была, по универсалу того-же Осипова, опредѣлена „въ курѣнь" полковому писарю для военнаго походу, съ выборными козаками и посполитыми; въ той-же котелевской сотнѣ село Деревки, „какъ въ бытность при Малороссіи бывало ви(ѣ)дѣніемъ гадяцкаго полку у полковниковъ для военной службы въ курѣнѣ, а съ того примѣру онымъ селомъ, когда мѣстечко Котельва указомъ опредѣлена къ ахтырскому полку, вѣдалъ за собою бывшій ахтырскій бригадиръ Осиповъ, такъ нынѣ по немъ бригадиру оного-жъ села служащіе козаки съ посполитыми имѣются для военнаго походу въ курѣнѣ ахтырскаго полковника Лесевицкаго".

Отъ этихъ неизвѣстныхъ намъ въ подробностяхъ повинностей, отъ этой служебной и вмѣстѣ экономической зависимости не далеко было до своего рода закрѣпощенія не только жившихъ въ сотняхъ людей посполитыхъ, но и служилыхъ козаковъ. Такъ о мураховской сотнѣ отмѣчено въ „компутовой книгѣ", что въ ней 1 сотникъ, 1 атаманъ и 70 козаковъ-компанейцовъ, которые всѣ служатъ *съ своихъ грунтовъ,* „понеже посполитые вси обыватели той сотни обрѣтаются указомъ кіево-губернской канцеляріи отъ прошлаго 1716 года и по нынѣ въ подданствѣ у волоского полковника Василія Танскаго". Нѣсколько раньше и вся эта сотня была въ подданствѣ Танскаго, ибо теперь о старшинѣ и козакахъ этой сотни въ той-же „компутовой книгѣ" говорится: „сотни мураховской старшина и выборные козаки-компанейцы... указомъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества съ канцеляріи бѣлогородской провинціи изъ подданства отъ волоского полковника Василія Танскаго выключены и по прежнему приверстаны въ службу ея императорскаго величества въ ахтырскій полкъ". Впрочемъ во всей переписи ахтырскаго полка это единственный фактъ „подданства", относимый нашимъ источникомъ къ 1716 году. Мы не знаемъ, какое измѣненіе въ характеръ землевладѣнія этой сотни могъ внести этотъ фактъ и былъ-ли онъ послѣдствіемъ корыстолюбія Танскаго, или простаго пожалованія.

Библиотека "Руниверс"

Отмѣтимъ еще, что только въ двухъ сотняхъ м. Котельвы означены *посполитые*, во всѣхъ-же другихъ сотняхъ ахтырскаго полка значатся только подмогчики козаковъ; новая организація, какъ видно, еще не коснулась этихъ двухъ сотень, такъ какъ мѣстечко Котельва только въ 1709 году именнымъ указомъ Петра „отъ Малороссіи гадяцкаго полку въ ахтырскій полкъ *для смежности приверстана*". Посполитыхъ въ обоихъ котелевскихъ сотняхъ показано 129 человѣкъ, по всей вѣроятности главъ семействъ, ибо между ними есть и вдовы.

Каплу́новская сотня, кажется, также не избѣгла на нѣкоторое время подданства, въ какомъ была и сотня мураховская. Повидимому, она вся состояла изъ „отписныхъ перекрестовскихъ селъ", несомнѣнно бывшихъ въ подданствѣ у б. ахтырскаго полковника Перекрестова и отобранныхъ отъ него послѣ павшей на него царской опалы. Къ этимъ отписнымъ селамъ во время переписи 1726 г. принадлежали села: Каплуновка, Пархомовка, Яблучное, Новая Рабина; при 77 козакахъ-компанейцахъ этой сотни показано всего 51 подмогчикъ; при многихъ козацкихъ фамиліяхъ стоитъ краткая фраза: „самъ собою служитъ"; при другихъ козакахъ въ числѣ ихъ подмогчиковъ весьма часто означены ихъ родственники: братья, зятья, дяди, и сыновья, и „братаничи", т. е. племянники. Но кромѣ временнаго прикрѣпленія полковнику Перекрестову, нѣкоторыя части населенія каплуновской сотни и во время переписи 1726 г. состояли въ особомъ прикрѣпленіи: „а другіе тѣхъ селъ обыватели по указу императорскаго величества (Петра I-го) приписаны къ табачнымъ заводамъ, и оные всякою работою упражняютъ".

Такимъ образомъ крѣпостное право уже и тогда прокрадывалось въ свободное козачее населеніе и не могло не вліять на измѣненіе стародавняго строя и порядка землевладѣнія, хотя мы и не имѣемъ прямыхъ указаній на размѣры и степень этого вліянія.

Трудно сдѣлать другіе общіе выводы изъ изложенной нами переписи, относящіеся къ изслѣдуемому нами вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи, по самому характеру этой переписи и спѣшному ея производству. Мы знаемъ только, что это не была перепись всего населенія полка, ибо сюда не вошли: духовенство, „подданные" полковника Танскаго и какіе-то обыватели каплуновской сотни, уже въ то время бывшіе въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ

Библиотека "Руниверс"

государства; дальше, есть основаніе предположить, что число „сусѣдъ", какъ жившихъ на чужихъ земляхъ и не несшихъ войсковой службы, скорѣе было умалено, чѣмъ увеличено, уже по общему характеру того времени, когда всякое обывательское существованіе разсматривалось только съ точки зрѣнія „интересовъ службы". Принимая все это въ разсчетъ, вмѣстѣ съ цифрой козаковъ, бывшихъ въ это время на различныхъ службахъ, за предѣлами своего полка (404), общую цифру населенія ахтырскаго полка 7700 человѣкъ можно поднять приблизительно до 9.000 человѣкъ домохозяевъ, или главъ семействъ, что, полагая семью среднимъ числомъ въ 4 человѣка, дастъ общую цифру населенія въ 30—36.000 человѣкъ. Если съ этой цифрой сопоставить количество „скудныхъ" (286) и людей безземельныхъ—„сусѣдъ" (402), а также всѣхъ полковыхъ и сотенныхъ услужниковъ (65) и, въ виду остальныхъ членовъ ихъ семействъ, хотя утроить ихъ цифру (286 + 402 + 65 = 753), то количество этихъ безземельныхъ и „скудныхъ" людей составитъ всего свыше 2200 человѣкъ, что на общую цифру предположеннаго нами населенія ахтырскаго полка въ 30—35 тысячъ дастъ всего только около 7% бѣднаго или-же совсѣмъ неимущаго, безземельнаго населенія.

А. Л. Шимоновъ.

(Продолженіе будетъ)

Библиотека "Руниверс"

Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности.

Къ читателю. — 1. пѣсня о взятіи азова.—2. степанъ разинъ—козакъ гарасимъ.

Къ читателю.

Авторъ нижеслѣдующихъ замѣтокъ принадлежитъ къ категоріи лицъ, какихъ не мало было и есть среди украинцевъ и которые созданы не совсѣмъ нормальными, чтобъ не сказать: совсѣмъ ненормальными, условіями культуры на ихъ родинѣ. Страстный любитель отечественной этнографіи, авторъ имѣетъ довольно большое количество украинскаго этнографическаго матеріала, который, конечно, онъ желалъ-бы издать въ систематическомъ видѣ—сводовъ съ объясненіями. Но для такихъ изданій во-первыхъ нужны средства, которыя могли-бы доставить только правильно-организованныя ученыя общества, какихъ не достаетъ нашей родинѣ, на манеръ академій и западно-славянскихъ *матицъ*. А кромѣ того для самаго приготовленія такихъ изданій, если бы даже у извѣстныхъ индивидумовъ хватило запаса хохлацкаго упрямства, чтобъ производить труды, которые, Богъ—вѣсть, сколько могутъ пролежать „въ портфелѣ автора“, необходимы полныя ученыя пособія, богатыя библіотеки, тѣмъ болѣе, что въ виду направленія (сравнительно—историческаго), какое теперь приняла наука о такъ-называемомъ народномъ бытѣ и словѣ въ западной Европѣ, нѣсколько стыдно выпускать такія изданія, каковы даже лучшіе этнографическіе труды, выходящіе въ Россіи, т. е. ограничиваться почти однимъ опубликованіемъ сыраго матеріала, безъ комментаріевъ или съ комментаріями, вдохновенными одною теплотою національнаго чувства или

Библиотека "Руниверс"

мудрованіями домашняго пародничества. Но надо быть особеннымъ счастливцемъ, чтобъ имѣть подъ рукою нужныя пособія, такъ какъ ихъ въ должной полнотѣ не даютъ не только библіотеки русскихъ провинціальныхъ городовъ, въ добавокъ доступныя только профессорамъ, но даже столичныя. При настоящемъ положеніи вещей, полныя и достойныя требованій времени изданія нашего этнографическаго матеріала могутъ сдѣлать только люди, имѣющіе возможность пользоваться библіотеками въ Россіи, въ западной Славянщинѣ и въ Германіи, съ прибавленіемъ Парижа и Лондона.

Пишущій эти строки не только не принадлежитъ къ этимъ счастливцамъ, но опредѣленъ судьбою на жительство въ нѣкоторой трущобѣ, въ которой нельзя добыть для справки часто самой обыкновенной книги. Онъ, конечно, не теряетъ надежды обработать сколько-нибудь систематически извѣстную часть находящагося у него украинскаго этнографическаго матеріала, а пока, и помимо тѣхъ отдѣловъ, надъ которыми онъ спеціально работаетъ,—онъ рѣшился время отъ времени публиковать отдѣльные матеріалы и замѣчанія, на которыя они наводятъ, предоставляя и эти матеріалы и эти замѣчанія, особенно, конечно, первые, на усмотрѣніе другимъ любителямъ украинскаго родиновѣдѣнія. На первый разъ предлагаетъ на благосклонное вниманіе редакціи и читателямъ „Кіевской Старины“ нижеслѣдующія замѣтки, число которыхъ можетъ быть умножено, если того пожелаютъ и редакція, и читатели *).

1. Пѣсня о взятіи Азова.

Статья г. А. Стоянова „Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка“, помѣщенная въ іюльской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., какъ и слѣдовало ожидать, произвела движеніе въ средѣ украинскихъ этнографовъ. На статью эту поспѣшили отозваться

*) Съ удовольствіемъ и признательностію открываемъ страницы нашего изданія для почтеннаго автора замѣтокъ, открывающихъ недостающую намъ въ намѣченномъ имъ кругѣ предметовъ широту взгляда. Надѣемся, что и наши читатели не посѣтуютъ на насъ за это, ознакомившись по приводимымъ теперь замѣткамъ съ строго научными пріемами и взглядами ихъ автора.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

гг. Костомаровъ („Кіев. Стар.", августъ) и Новицкій (ibid., сентябрь), хотя и пришли къ выводамъ, несогласнымъ съ заключеніями г. Стоянова, такъ какъ оба признали, что пѣсня, относимая этимъ послѣднимъ къ событію XI в., взятію Торческа, относится къ событію болѣе позднему, взятію Азова козаками (донцами и запорожцами) въ 1637 г.

И мы начнемъ наши замѣтки съ предмета, подавшаго поводъ къ названнымъ статьямъ, какъ въ виду, такъ сказать, животрепещущаго характера этого предмета, такъ и по тому, что всѣ три извѣстные авторы упоминали и наши слова объ этомъ предметѣ, высказанные нѣсколько лѣтъ назадъ..

Прежде всего пополнимъ матеріалъ, на которомъ всѣ три писателя основываютъ свои соображенія.

Въ нашихъ бумагахъ находятся еще два варіанта спорной пѣсни. Первый по полнотѣ, а также и по времени записи его, находится въ тетради неизвѣстнаго любителя съ большимъ толкомъ собиравшаго народныя пѣсни, которыми, какъ видно изъ помѣтокъ, пользовались такіе издатели, какъ гг. Чубинскій, Новицкій, Антоновичъ и Драгомановъ и др. Вотъ онъ:

1. Ой, що то за крячокъ,
Що по морю літає?
Ой, що то за бурлачекъ
Да молодцівъ збирає?
5. —„Збирайтеся, братця,
Все народъ майстеровый,
Зділаемо, братця,
Півтораста возівъ,
Да накупимо мы, братця,
10. Півтораста паръ волівъ,
Посадимо мы, братця,
По семи молодцівъ,
А по восьмому попаняличку,
По девятому кашоварничку,
15. А по десятому для сторожности:
Поідемо, братця,
У славный городъ, у Азовъ.

Библиотека "Руниверс"

И станемо мы, братця,
У дванадцать рядівъ“.—
Ой, виходять, братця,
Азовскіе купці:
—Показуйте вы, славні чумаченьки,
Славный товаръ изъ возівъ.—
—„Ой, есть у насъ лисиці, куницi,
Ще й чорні соболі,
Да до завтрого не покажемъ“...—
Ой, купці пішли ночувать...
. . . . . [1])
—„А вставайте, милі братця, потихесеньку,
Заряжайте ружья помалесеньку!“
Да тоді трахнули,
Да й узяли Азовъ.

Подъ этимъ спискомъ стоятъ помѣтки собирателя: слѣва—*не кончена* (вѣрнѣе-бы, кажется, сказать: съ пропускомъ), справа: *Борзна*.

Другой варіантъ находится въ сборникѣ Маціевича и Ганицкаго, составленномъ въ 1876 г. Записанъ этотъ варіантъ въ с. Барахтахъ, василык. у., кіевск. губ., отъ стараго „дѣда“, который, по помѣткѣ г. Маціевича, „не зналъ ни происхожденія, ни конца, ни вообще смысла“ данной пѣсни. Вотъ варіантъ г. М—ча:

1. Ой, що-жъ то за крячокъ,
Що по морю крякае?
А що-жъ то за бурлакъ,
Що народъ збирае?
—„А збирайтесь, братьтя,
А все народъ майстерской,
Та изробимо, братьтя,
Півтораста та возовъ;
Та покупімъ, братьтя,
Півтораста та волівъ,
Та изробімъ, братьтя,
Півтораста та ярмъ,

[1]) Тутъ, очевидно, пропускъ.

Библиотека "Руниверс"

Та посадімъ, братьтя,
Півтораста молодціовъ;
Та пойдемъ, братьтя,
Въ городъ та Азовъ...
. . . . .
. . . . .
—Що вы за люде,
Якой у васъ товаръ?
—„Лисиці, куниці
И чорні соболі.
Дай, Боже, завтрого дождать,
То всі будемо[1]) *знать*“.—

Варіанты эти не представляютъ крупныхъ отличій отъ тѣхъ, которые были уже извѣстны по сборнику г. Рудченка (чумацкія пѣсни) и статьѣ г. Стоянова, но все таки они имѣютъ важность, во первыхъ, по мѣсту ихъ записыванья: не только въ васильковскомъ уѣздѣ, кіевск. губ., но и въ Борзнѣ, черниг. губ. И г. Стояновъ, и г. Новицкій придаютъ большое значеніе вопросу о распространеніи данной пѣсни; первый полагается на то, что она поется только въ Подпѣпровьи, т. е. въ мѣстности, въ которой лежалъ и Торческъ, а второй напираетъ на нахожденіе пѣсни, кромѣ Подпѣпровья, еще въ елисаветградскомъ уѣздѣ, краѣ запорожскомъ, что для г. Новицкаго важно въ виду его наклонности къ мнѣнію о запорожскомъ происхожденіи этой пѣсни. Теперь оказывается, что пѣсня замѣчена и въ Борзнѣ, довольно далеко и отъ Днѣпра, и отъ запорожскихъ вольностей. Взглянувъ на мѣста, въ которыхъ записаны (конечно, болѣе или менѣе случайно) всѣ семь варіантовъ пѣсни, [2]) можно сказать, что данная пѣсня вообще довольно широко распространена по Украйнѣ, особенно по кіевской и лѣвобережной, т. е, по мѣстахъ сравнительно новаго заселенія (Кіевщина наново заселилась съ XVIII в.). Послѣднее обстоятельство говоритъ болѣе въ пользу сравнительно новаго, азовскаго, происхожденія пѣсни, чѣмъ

[1]) Очевидно вмѣсто *будете*.

[2]) Варіантъ г. Костомарова (у г. Рудченка Г.), по всей вѣроятности, былъ записанъ въ Слободской Украйнѣ.

Библиотека "Руниверс"

стараго, торческаго. Далѣе, наши варіанты интересны потому, что въ нихъ обоихъ городъ, взятый хитростію, названъ прямо *Азовомъ*. Такимъ образомъ изъ семи, до сихъ поръ записанныхъ варіантовъ, въ пяти искомый городъ названъ—Азовъ (Рудченко, А, В, Стояновъ, Косачъ, наши два вар.), а въ двухъ другихъ (Рудч. Б—Стояновъ, Ильницкій и Рудч. Г.) названы Ростовъ (тутже и Кремень) и Щучинъ, оба близкіе къ Азову. Такое большинство въ пользу Азова не можетъ не имѣть значенія. Впрочемъ, самое вѣское доказательство въ пользу азовскаго происхожденія пѣсни, сходство ея съ писаннымъ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древностей", подъ именемъ: „Взятіе Азова донцами въ царствованіе Михаила Ѳедоровича" (1864 г., кн. III, 12—17), почти исчерпано въ статьѣ г. Новицкаго. Мы можемъ только прибавить, что стихи 20—26, особенно послѣдній, варіанта борзенскаго наиболѣе ясно передаютъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ совсѣмъ затемненный смыслъ разговора азовцевъ съ пріѣзжими, изложенный въ сказаніи слѣдующимъ образомъ: ...„и козаки, 10 возовъ развязавъ, скоро открыли всякій товаръ, какъ-то: котлы, порохъ, свинецъ, укладъ, холсты, сукна, *добрые соболи, лисицы* и *бѣлки*. Увидѣвъ то, турки и татары говорили: во всѣхъ-ли у васъ возахъ такой товаръ? Они имъ отвѣчали: только въ двухъ возахъ у насъ есть нашѣ вашему и коменданту подарки и развязать ихъ нельзя, *а завтра мы подарки сами принесемъ*"..., а потому варіантъ борзенскій особенно важенъ въ пользу мнѣнія объ азовскомъ происхожденіи данной пѣсни, котораго придерживается г. Новицкій.

Г. Новицкому безспорно принадлежитъ честь первенства въ указаніи на связь пѣсни, отнесенной г. Рудченкомъ къ древне-чумацкимъ, со взятіемъ Азова въ 1637 г. и на сходство ея съ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ". Это указаніе было сдѣлано имъ еще въ 1874 г., въ „Кіевлянинѣ", въ рецензіи на только-что вышедшій тогда сборникъ г. Рудченка. Статья г. Н—аго въ „К. Старинѣ" есть болѣе обстоятельное развитіе высказанныхъ имъ еще тогда соображеній. Но и въ этой статьѣ г. Новицкій все таки не только не рѣшилъ вопроса о происхожденіи этой пѣсни, ни о значеніи сходства ея съ прозаическимъ сказаніемъ, надо замѣтить, *великорусскимъ*, но даже не высказалъ по этому вопросу яснаго и опредѣленнаго мнѣнія. Касаясь и нашего мнѣнія по тому-же пред-

Библиотека "Руниверс"

мету, онъ не разобралъ онаго съ такою полнотою, чтобъ или опровергнуть его вѣскими аргументами, или видоизмѣнить, если уже не признать его, но допустивъ неточность въ объясненіи нашего мнѣнія и непонятное противорѣчіе въ собственномъ о немъ сужденіи, онъ оставилъ вопросъ на полъ-пути къ его разрѣшенію, что и побуждаетъ насъ возобновить въ памяти читателей давно высказанное нами по данному вопросу и самый вопросъ привести къ опредѣленному концу.

Это мнѣніе высказано было нами въ „Вѣстникѣ Европы“, въ статьѣ, имѣвшей цѣлью, разборомъ вышедшихъ въ 1874—75 г. украинскихъ этнографическихъ изданій, доказать необходимость сравнительнаго изученія памятниковъ украинской народной словесности. Разбирая въ концѣ статьи сборникъ г. Рудченка, мы говорили:

„Жаль, что г. Рудченко вовсе не задавался мыслію о сравнительномъ изученіи пѣсенъ. Хотя мало, но и между чумацкими пѣснями найдутся такія, которыя не исключительно принадлежатъ Малороссіи и, можетъ быть, заимствованы. Такою мы признаемъ первую пѣсню г. Рудченка, которую онъ врядъ-ли справедливо считаетъ въ предисловіи древнею. Эта пѣсня по языку и тону обличаетъ свое происхожденіе въ Великороссіи. Болѣе полныя варіанты ея, напечатанные у г. Рудченка (В. и Г.), разсказываютъ, какъ въ видѣ чумаковъ проникло въ городъ (Азовъ) войско и захватило городъ. Въ этомъ видѣ пѣсня представляется перифразировкою прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, сказанія, напечатаннаго въ „Чтеніяхъ импер. моск. общества исторіи и древностей“ (1864 г., кн. III, отд. V, стр. 12—17). Повѣствованіе это, по своему именно сказочному характеру, сильно отличается отъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи и при томъ явно составлено въ XVIII вѣкѣ. Ему должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ; пѣсня эта зашла въ Малороссію, гдѣ стала сильно измѣняться; варіанты А. и Б. у г. Рудченка уже не заключаютъ въ себѣ мотива ограбленія города чумаками, а рисуютъ обыкновенную торговлю: только складъ ихъ обличаетъ великорусскій источникъ.

Библиотека "Руниверс"

„Это не единственный примѣръ того [1]), какъ въ Малороссіи находятся пѣсни, такъ сказать, переведенныя съ великорусскихъ, тогда какъ великорусскіе оригиналы не пойманы до сихъ поръ изслѣдователями. Другой подобный примѣръ указанъ въ 1 томѣ „Истор. пѣсень малор. народа“, стр. 284. Это одни изъ варіантовъ пѣсень о кровосшеніи сына съ матерью, въ коихъ сыновья называются донцами, особенно варіанты, напечатанные въ V томѣ „Матеріаловъ“ г. Чубинскаго (№ 458, стр. 921—927, особенно варіантъ Ж.), которые явно носятъ слѣдъ великорусскаго вліянія и въ языкѣ. Мы предполагаемъ, что существовала, или, быть можетъ, существуетъ пѣсня великорусская, для которой послужило источникомъ сказаніе, въ родѣ тѣхъ, какіе напечатаны г. Костомаровымъ въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, изд. гр. Кушелева-Безбородко, II, 415—442. *И великорусскій оригиналъ вышеупомянутой пѣсни у г. Рудченка могъ образоваться изъ сказанія или сказки.* Это опять не исключительные примѣры какъ перехода сказанія въ пѣсню и наоборотъ, такъ и соотвѣтствія, которое заставляетъ предполагать переходъ изъ одной мѣстности въ другую пѣсни и сказанія. Такъ, напр., Шишковъ въ запискѣ, поданной императору Александру, указывалъ, въ числѣ другихъ примѣровъ неуваженія къ духовенству и распространенія раскола, ходившую въ народѣ молву „о нѣкоемъ попѣ, парядившемся для совершенія неистовства въ козью съ рогами кожу, которая тотъ-часъ къ нему приросла“, (Иконниковъ, гр. Н. С. Мордвиновъ, стр. 420), а въ „Запискахъ о южной Руси“ г. Кулиша (т. 2) напечатана малорусская сатира о попѣ и крестьянинѣ Кирикѣ совершенно на эту тему, только вмѣсто козьей шкуры стоитъ воловья. Мы знаемъ и другой варіантъ этой-же сатиры.

„Подобные примѣры указываютъ на настоятельную необходимость сравнительнаго изученія русской народной словесности и въ частности на необходимость изслѣдовать южную Украйну велико-

---

[1]) Такъ переходили не только баллады, но и историческія пѣсни; наприм. самарская пѣсня, напечатанная въ «Лѣтописяхъ русской литературы», т. IV, 38,— явно великорусская передѣлка малорусской пѣсни о запорожцахъ послѣ полтавской битвы, только съ перемѣной грусти побѣжденныхъ въ пронію побѣдителей. Примѣч. въ В. Е.

Библиотека "Руниверс"

русскую, которая соприкасается съ малорусскою, и которая почти не тронута въ этнографическомъ отношеніи, а между тѣмъ она издавна была мѣстомъ смѣшенія малорусской и великорусской колонизаціи".

Г. Стояновъ имѣлъ въ виду выписанныя слова, сильно расходящіяся съ его торческою гипотезою, срезюмировалъ ихъ только мимоходомъ и не совсѣмъ полно въ слѣдующихъ словахъ: „Въ варіантѣ В. сборника г. Рудченка, при взятіи Азова, разбойники берутъ въ плѣнъ *черкесочокъ* молодыхъ. Этотъ варіантъ, искаженный временемъ, какъ и всѣ прочіе, и далъ, вѣроятно, г. М. Т—ву въ его статьѣ („Вѣстникъ Европы", мартъ 1877 г.) поводъ къ сближенію пѣсни съ фактомъ взятія Азова козаками въ XVIII вѣкѣ, о чемъ будетъ сказано ниже", а ниже г. Стояновъ говоритъ: „Г. М. Т—въ признаетъ въ этой-же пѣснѣ великорусское происхожденіе и видитъ въ ней перифразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Г. М. Т—въ полагаетъ, что этому сказанію должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ".

Г. Новицкій, выписавъ первое замѣчаніе г. Стоянова, будто мы отнесли спорную пѣсню къ Азову только на основаніи *черкесочокъ*, упоминаемыхъ въ вар. В. г. Рудченка, поспѣшилъ написать, что „на самомъ дѣлѣ" мнѣніе о связи пѣсни съ взятіемъ Азова, было „высказано первоначально имъ, г. Н—имъ", но „по болѣе вѣскимъ соображеніямъ", причемъ онъ, г. Н—ій, „конечно, отрицалъ всякую возможность *перифразировки* (курс. подл.) донскаго сказанія въ малорусскую пѣсню и только указалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ". Снова повторяемъ полное признаніе первенства напечатанія г. Новицкимъ извѣстнаго мнѣнія, которое первенство не указано въ нашей статьѣ въ „Вѣстникѣ Европы" по причинамъ, о которыхъ говорить теперь было-бы мелочностью, не интересною для читателя, и которое первенство мы поспѣшили признать, при первомъ удобномъ случаѣ: при разборѣ мнѣнія г. Костомарова, относившаго сначала занимающую насъ пѣсню къ освобожденію Палія изъ Маріенбурга (см. Русск. Мысль, 1880 г., іюнь, III, 45 и „Нов. укр. пѣсни и пр.", стр. 44, примѣч. 1).

Какъ читатель самъ можетъ судить изъ выписанныхъ выше словъ нашихъ, мнѣніе наше объ отношеніи разбираемой пѣсни къ

Библиотека "Руниверс"

Азову основано вовсе не на одномъ варіантѣ ея и не на однихъ *черкесочкахъ*, какъ это представилъ г. Стояновъ. Также само и г. Новицкій ужъ слишкомъ буквально принялъ слово *перифразировка* въ нашей статьѣ и приписалъ намъ мысль о прямой передѣлкѣ сказанія о взятіи Азова, напечатаннаго въ „Чтеніяхъ“ [1]). Изъ всего выписаннаго выше, а особенно изъ подчеркнутыхъ словъ, видно, что мы предполагаемъ существованіе (въ Донской области) и устныхъ, и письменныхъ варіантовъ исторіи о взятіи Азова, каковые варіанты должны были пустить отъ себя великорусскую пѣсню, которая уже запала и въ украинскую среду, гдѣ и приняла видъ украинскихъ варіантовъ, намъ теперь извѣстныхъ.

Самъ-же г. Новицкій говоритъ теперь (стр. 430), что пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена ими немедленно, на мѣстѣ, въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону [2]), гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ-же событіи послужили источникомъ „Сказанія“, и не смотря на другое предположеніе, высказанное вслѣдъ за выписанными словами: „или-же пѣсня сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, на пути или по прибытіи въ Сѣчь“, признаетъ (на стр. 433) „несходство характера пѣсни съ общимъ тономъ южно-русскихъ чумацкихъ (и даже, вообще, малорусскихъ пѣсень“), которое несходство г. Н—ій, признаетъ признакомъ происхожденія пѣсни въ этнографически-*смѣшанной* средѣ“ [3]). Послѣ этого вдвойнѣ неожиданными показываются финальныя слова г. Н—аго: „конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто-бы *великорусскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только (?!) невѣрную передачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній“.

Мысль, продиктовавшая намъ выписанные выше строки, а именно мысль о переходѣ пѣсень, какъ и другихъ произведеній народной словесности отъ одного племени къ другому, а также изъ одной формы въ другую (изъ прозы въ пѣсню и наоборотъ) изъ

---

[1]) Кстати укажемъ и на другой напечатанный его варіантъ: въ приложеніи къ IV-му тому «Пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ», стр. 166—184, въ «Исторіи о азовскомъ взятіи».

[2]) На какомъ языкѣ? На великорусскомъ? М. Т.

[3]) О которой средѣ и о необходимости изслѣдованія ея мы и говорили. М. Т.

Библиотека "Руниверс"

письменной словесности въ устную и наоборотъ, очень туго прививается у насъ, встрѣчая иногда враждебное къ себѣ отношеніе даже у большинства спеціалистовъ, которые и до сихъ поръ еще не выбились изъ узъ теоріи, разсматривавшей памятники народной словесности, или какъ продукты одной національной почвы, или какъ наслѣдіе арійскихъ прародителей. А между тѣмъ въ Западной Европѣ эта мысль лежитъ въ основѣ новѣйшихъ работъ по народной словесности. Принятіе ея возбуждаетъ вниманіе къ изслѣдованію именно областей съ смѣшанною этнографическою средою, каковы Провансъ и Каталонія, Піемонтъ, Нидерланды (въ обширномъ смыслѣ, съ Бельгіей), Лузація съ Богеміей и т. д. Такія страны, служащія спайками между племенами, особенно интересны для изслѣдованія путей движенія сходныхъ сказаній отъ племени къ другому. Относительно украинскаго племени съ его словесностью особенно интересны области пряшевская за Карпатами, мѣсто соприкосновенія украинцевъ съ словаками, ворота, по которымъ прошло на Украйну извѣстное количество общеевропейскихъ сказаній съ Запада, и донская,—мѣсто, черезъ которое совершается взаимный обмѣнъ сказаній между украинцами и ихъ восточными сосѣдями.

Изслѣдованіе такихъ областей въ значительной степени помогаетъ тому, чтобы сравнительное изученіе памятниковъ народной словесности пошло далѣе одного только указанія параллелизмовъ между ними. Такое указаніе еще очень недостаточно.

Возьмемъ хоть данный случай. Что-же намъ изъ того, если мы успокоимся на одномъ „только указаніи замѣчательнаго параллелизма“ между украинскою пѣснею и великорусскимъ сказаніемъ? Самъ г. Новицкій, какъ видимъ изъ выписанныхъ словъ его, не захотѣлъ „только“ на этомъ успокоиться и перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, что-же значитъ этотъ параллелизмъ, иначе, гдѣ и какъ образовалась данная пѣсня; но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ выписаннаго, былъ отвлеченъ въ сторону отъ сущности дѣла заботами объ установленіи своего первенства въ указаніи параллелизма. Надо рѣшить, образовалась-ли пѣсня на Украйнѣ самостоятельно и отъ нея пошелъ разсказъ, который послужилъ источникомъ прозаической исторіи, или-же у великоруссовъ образовалась сказка, отъ которой пошли и исторія, и пѣсня—великорусская, потомъ украинская, или-же въ одно время, по воспоминаніямъ о фактахъ,

Библиотека "Руниверс"

которыхъ свидѣтелями и участниками были и великоруссы, и украинцы, образовалась фабула, которая обработана великоруссами въ прозаической формѣ, украинцами-же въ пѣсенной. Въ послѣднемъ случаѣ тѣ отличія, какія представляетъ и пѣсня, и „гисторія“ въ разсказѣ о взятіи Азова противъ указаній извѣстныхъ историческихъ источниковъ, надо будетъ признать не сказочными, а реальными.

Повторяемъ, окончательно рѣшить всѣ сомнѣнія нельзя, пока не будетъ лучше изслѣдована донская область, въ которой можетъ быть найденъ великорусскій варіантъ пѣсни *). Но и теперь возможны предположенія не совсѣмъ неосновательныя. Мы сдѣлали таковое въ подчеркнутыхъ выше словахъ, предполагающихъ существованіе великорусскаго оригинала пѣсни, близкаго къ сказанію и послужившаго источникомъ украинскихъ варіантовъ.

Сдѣлали мы это предположеніе и поддерживаемъ его теперь на основаніи, между прочимъ, языка и склада украинскихъ варіантовъ пѣсни. Складъ этотъ несомнѣнно великорусскій. Языкъ тоже носитъ на себѣ великорусскую окраску. Кромѣ упомянутыхъ варіантовъ г. Рудченка, остановимся на борзенскомъ варіантѣ.

---

*) Соблюдая полное безпристрастіе въ происходящемъ ученомъ спорѣ, мы замѣтимъ, что такое-же заявленіе о новыхъ поискахъ, но въ области древняго Торческа, съ неменьшимъ правомъ можетъ быть сдѣлано г. Стояновымъ, авторомъ торческой гипотезы, или древнѣйшаго происхожденія изслѣдуемой пѣсни, и должно быть сдѣлано всякимъ, кто для удобнѣйшаго ея изслѣдованія пожелалъ-бы возсѣсть на Энсева или Троянскаго коня... Мы во всякомъ случаѣ не можемъ не отдать должнаго уваженія и серьезнымъ пріемамъ г. Стоянова, хотя и не можемъ присоединиться къ сдѣланному имъ выводу, пока не явится болѣе твердыхъ данныхъ для его смѣлой, но симпатичной гипотезы, равно и къ мнѣнію противной стороны, требующему, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ настоящей замѣтки, новыхъ подкрѣпленій. Метаморфозы съ пѣснями, легендами и пр. явленіе общее, но трудно-уловимое. Обѣ стороны въ данномъ вопросѣ ищутъ разгадки перемѣнъ и наслоеній, но одна въ болѣе древнемъ, другая въ позднѣйшемъ времени. Несомнѣнно одно, что метаморфозы столько-же возможны были тамъ, какъ и здѣсь,— столько-же въ древней, какъ и въ позднѣйшей пѣсни. Во всякомъ случаѣ вопросъ, какъ намъ кажется, далекъ еще отъ окончательнаго разрѣшенія, а великорусскія измѣненія словъ въ его разрѣшеніи могутъ имѣть значеніе лишь въ связи съ другими, болѣе существенными данными. Такія измѣненія мы находили даже въ думахъ, распѣваемыхъ Вересаемъ, которыхъ древность и мѣстное происхожденіе никакъ не могутъ быть заподозрѣны.—Р е д.

Библиотека "Руниверс"

Форма: майстеровый, слово: *здилаемъ* — великорусскія; слово *Азовъ* тогда только получитъ себѣ рифму, когда противъ него будетъ стоять не ряд*івъ*, какъ теперь, а рядовъ. Въ варіантѣ г. Маціевича разъ поставлено по великорусски *возовъ*; въ другомъ мѣстѣ съ словомъ Азовъ должна рифмовать малорусская форма—молодц*івъ*.

Намъ остается сказать еще объ одномъ обстоятельствѣ. Вышеизложенныя соображенія говорятъ въ пользу того, что пѣсня наша принадлежитъ къ числу, такъ называемыхъ, *бродячихъ*, или *странствующихъ сказаній*, бродячихъ, скажемъ пока, только въ предѣлахъ великорусско-украинскихъ. Но не есть-ли эта пѣсня бродячая и въ болѣе обширной области. Исторія о взятіи города проникшими въ него спрятанными людьми въ сущности старая исторія Энеева коня въ Троѣ. Есть французская пѣсня о взятіи женскаго монастыря рыцарями, проникшими туда въ мѣшкахъ; есть голштинская (дитмарская) пѣсня о занятіи замка рыцаря-помѣщика крестьянами-вассалами, привезенными въ мѣшкахъ вмѣсто дани и т. п. Что реальнаго, историческаго скрывается подъ этими варіаціями старой фабулы? Въ области украинскихъ сказаній мы имѣемъ разсказъ о проникновеніи козаковъ въ товарныхъ возахъ въ пѣснѣ объ Азовѣ и въ исторіи освобожденія Палія изъ плѣна въ Магдебургѣ (Маріенбургѣ). Прибавимъ къ этому, что въ украинскихъ лѣтописяхъ, намъ помнится, есть подобное-же сказаніе въ повѣствованіи объ одномъ изъ походовъ запорожцевъ на Крымъ въ XVII и XVIII в. Намъ очень конфузно говорить объ этомъ обстоятельствѣ такъ неопредѣленно,—но, не имѣя подъ рукою всѣхъ должныхъ источниковъ, мы не можемъ сдѣлать болѣе точныхъ указаній, которыя мы и предоставляемъ лицамъ, поставленнымъ въ лучшія условія.

Стенька Разинъ—козакъ Гарасимъ.

Великорусскіе варіанты пѣсни о сынѣ Ст. Разина извѣстны давно. Весьма полный варіантъ напечатанъ уже у г. Костомарова: („Бунтъ Ст. Разина", историч. моногр., т. II, 290—291). Мы тутъ воспроизведемъ его для того, чтобъ читатель могъ лучше судить объ украинскихъ передѣлкахъ этой пѣсни.

Библиотека "Руниверс"

Какъ во славномъ во городѣ
Во Астрахани,
Очутился, проявился
Тутъ незнамовый человѣкъ.
Шибко, щепетно по городу
Похаживаетъ,
Въ тоненькой рубашкѣ
Да во нанковомъ халатѣ
На роспашечку.
Астраханскимъ тутъ купчишкамъ
Онъ не кланяется,
Господамъ-ли да боярамъ
Онъ челомъ не бьетъ,
Астраханскому воеводѣ
Онъ подъ судъ не йдетъ.
Увидалъ-же воевода
Со параднаго крыльца;
Приказалъ-же воевода
Къ себѣ его привести:
—„*Ужъ вы слуги, мои слуги,*
Слуги вѣрные мои,
Вы подите, поймайте
Удалова молодца!“
Поймали, соковали
Удалова молодца,
Привели къ воеводѣ
Незнамова на глаза.
Какъ и сталъ же воевода
Его спрашивати:
—„*Ужъ и чей такой, дѣтинка,*
Чей удалый молодецъ?
Ты какого поведенья,
Чьей ты матери, отца?
Не со города-ль Казани,
Съ каменной славной Москвы,
Или съ Дону козакъ,
Иль купецкій сынъ?“—

Библиотека "Руниверс"

—Я не съ города Казани,
Не со каменной Москвы,
Я не съ Дону казакъ,
Не купецкій сынъ,
Я со матушки со Волги
Стеньки Разина сынокъ.— [1])

Рабочіе великоруссы занесли эту пѣсню и на Украину. У насъ есть три ея варіанта, записанные на Украинѣ, при чемъ одинъ записанъ прямо отъ рабочаго великорусса, а другіе два представляютъ украинскія попытки усвоить эту пѣсню.

Первый варіантъ записанъ г. Манжурою въ Харьковѣ отъ плотника изъ владимірской губерніи:

Въ славномъ городѣ во Астрахани
Очутился, скажемъ, проявился
Тамъ незнамый человѣкъ,
Чисто, щепетко, скажемъ, погуливаетъ;
На немъ бархатный кафтанъ на распашку,
На распашку въ немъ идетъ,
Свой персицкой кумачекъ
Въ правой рученькѣ несетъ,
Перчаточки новы съ серебромъ
На его бѣлыхъ рукахъ,
Чорна шляпа съ палюмашемъ
На его русыхъ кудряхъ.
Охъ, онъ штапамъ—офицерамъ
Онъ не кланяется, идетъ,
Для мелкихъ господъ
Пуховой шляпы не мнетъ,
А самому, скажемъ, губернатору
И челомъ ему не бьетъ.

[1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что варіантъ этой пѣсни былъ найденъ въ бумагахъ Пушкина и возбудилъ въ нѣкоторыхъ газетахъ («Новое Время» и др.) разговоры о томъ, не сочиненіе-ли это Пушкина. Фактъ характеризующій степень образованія нашихъ редакторовъ русскихъ газетъ настоящаго времени!

Библиотека "Руниверс"

Губернаторъ, скажемъ, господинъ,
На крылечко выходилъ,
Закричалъ, скажемъ, губернаторъ
Громкимъ голосомъ своимъ:
—„Охъ, вы слуги, служки вѣрные мои,
Вы подите, служки, приведите
Незнамова молодца“.—
Его взяли, подхватили
И къ допросу повели,
Охъ, становили, скажемъ, молодца
Близь парадна крыльца.
Охъ, губернаторъ, скажемъ, господинъ
На крылечко выходилъ,
Таки рѣчи говорилъ:
—„Чей, откуда, разскажи, мальчишка,
Чей, незнамый молодецъ?
Охъ, не съ Москвы-ли ты купецъ,
Не купеческій-ли сынъ?
Аль не съ Дону-ли козакъ,
Не козацкой-ли сынъ?“
—А я съ Дону не козакъ,
Не козацкой я сынъ,
Я со матушки со Волги,
Я со Камы со рѣки,
Стеньки Разина сынокъ.—
—„Вы возьмите только, мои слуги,
Въ бѣлой каменной острогъ.
—А ты послушай, скажемъ, губернаторъ,
Одно слово мнѣ сказать:
Будто батюшка мой родной
Завтра хотѣлъ быть.
Ты умѣй-ка его встрѣтить,
Умѣй подчивать его,
А изъ комнаты пойдетъ,
Умѣй двери затворить!—
Приказалъ, скажемъ, губернаторъ
Вдоль по улицѣ пустить.

Библиотека "Руниверс"

Охъ, какъ на утро рано на зарь
Лёгка лодочка плыветъ,
Какъ въ этой-то во лодочкѣ
Ровно тридцать молодцовъ,
Ну, а тамъ въ самой серединѣ
Атаманъ-ли ихъ сидитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
—„Вы послушайте, скажемъ, ребята,
Что я буду говорить:
Охъ, будто чадо, чадо мое милое
Въ бѣлой каменной тюрьмѣ!“—
—Охъ, не печалься, нашъ хозяинъ-господинъ;
Охъ, бѣлой каменной острогъ
По кирпичу разберемъ,
Астраханскаво, скажемъ, губернатора
Во полонъ ево возьмемъ.

Изъ двухъ извѣстныхъ намъ украинскихъ передѣлокъ подобной пѣсни, найболѣе интересна записанная г. Ганицкимъ въ аккерманскомъ уѣздѣ, бессарабск. губерніи, въ 1874 г. въ числѣ другихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ среди рыбаковъ. Варіантъ этотъ состоитъ изъ прозаическаго разсказа, прерываемаго стихами.

„Бувъ колись на Украіні славный *козакъ Гарасимъ*, такий, якъ Максимъ Залізнякъ, або козакъ Нечай. Якъ настала недобра година, Гарасима кілька разъ сажали за камінні стіни, въ тюрму, але славний Гарасимъ завше пробиравъ стіни й втікавъ. Вінъ війська не мавъ, а якъ тільки свисне, то набіжитъ козаківъ зо всіхъ сторінъ“!

„Отъ Гарасимъ якъ втікъ уже може въ десятый разъ зъ каторжної тюрмы, зібравъ козаківъ и пішовъ въ *Рассью*, бо Украіна зо всіхъ сторінъ тоді була вже занята, а впередъ Гарасимъ пустивъ свого сына, щобъ роспізнавъ тіхъ людей и ту сторону“...

Проявився дитинушка, незнакомый чоловікъ;
Вінъ не заходитъ по Калузі, по калузінськімъ мужикамъ,

Библиотека "Руниверс"

Вінъ почавъ дитинушка въ кабаку гулять
И про себе пісню запівать... [1])

„Губернаторъ, узнавши объ ёму, велівъ ёго привести:

—„Ехъ, вы слуги, вы лакеі вірніі мои,
Идіте, приведіте мужика
Зъ пишного кабака!
—„Скуль ты, дитинушка, скуль ты родомъ чоловікъ?
Чи ты зъ Дону козакъ, чи ты козацький сынъ?“—
—Я не зъ Дону козакъ, я не козацький сынъ;
Мій батько хоче у васъ въ гостяхъ бувать,—
Знайте-жъ, якъ мою отця приймать.

„Розсердився губернаторъ на вдалого молодця:

—„Ехъ, вы слуги, вы вірніі, возьміте козака!
Засадить ёго въ тюрму, за каменну стіну.“—
—Якая ваша тюрма:
Каменна, чи кирпичная?
Мы вашу тюрму по кирпичу розберемъ,
И вашого губернатора въ полонъ візьмемъ!—

„Герасимівъ сынъ, кепкуючи надъ губернаторомъ, якъ туйнувъ ёго, то всі вікна въ губернаторському дворці потріскались. Герасимівъ сынъ ишовъ весело въ тюрму, бо добре зналъ, що отецъ ёго въ скорімъ часі прибуде и висвободить:

Ище не світъ, ище не світъ [2]),
Красну лотушку видать!

---

[1]) Ср. у Костомарова, op. cit. 241.

У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону,
Породился удалъ храбрый молодецъ....
. . . . . .
Во козачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, козаками, думу не думывалъ,
Ходилъ-гулялъ Степанушка въ царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою и т. д.

Другіе варіанты передѣлывают эти слова и на сына Ст. Разина.

[2]) Стихъ изъ извѣстной гайдамацкой пѣсни о Гнаткѣ и Савѣ Чаломъ:

Ой, ще не світъ, ой, ще не світъ,
Ой, ще не світае,
А вже Гнатко зъ Кравчиною
Коника сідлае и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Красну лотушку звидавъ,—
Отець до ёго прибувавъ.

Другой варіантъ записанъ г. Чернякомъ около 1876 г. въ деревнѣ Ракова Балка, въ павлоградскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, со словъ хлопця 14 лѣтъ, Ивана Носаченка. Вотъ онъ:

Выходила дитина
Зъ-підъ білого каміня,
Ой якъ крикне панъ губернатарь
На своіхъ прежнихъ бурлакъ:
—„Вы набийте дитині
На ноги кайдани,
На ноженьки кайданочки,
А на ручки рушнички.“—
—А чи бачишь, губернаторь,
Отой камьяный острогъ?
Я тобі камьяный острогъ
По каміньцямъ рознесу,
Я тобі Дунай-річку
До пісочку перепью...

Записыватель сообщаетъ, что хлопець долго не хотѣлъ сказать слова *губернаторъ*, пока наконецъ рѣшился проговорить его.

Мы полагаемъ, что никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что оба вышеприведенные варіанты составляютъ прямую перифразировку (на этотъ разъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова) великорусской пѣсни, хотя на нихъ, особенно на первой, налегли уже и нѣкоторыя украинскія черты. Съ перваго разу, впрочемъ, видны и отличія этихъ варіантовъ отъ пѣсни о взятіи Азова. Послѣдняя все-таки болѣе объукраинилась, что́ и совершенно понятно: пѣсня эта должна была пожить къ козацкой, смѣшанной средѣ и зашла она къ намъ давно, тогда какъ пѣсня о сынѣ Ст. Разина, очевидно, пришла на Украйну недавно и принесена чистыми великоруссами, рабочими, и не имѣла за собою никакого памятнаго, общаго сынамъ двухъ племенъ, событія [1]). Даже имя Ст. Разина ока-

[1]) Хотя нѣкоторое количество запорожцевъ и участвовало въ походахъ Ст. Разина и послѣдній писалъ грамоты въ Сѣчь, но память объ этомъ не сохранилась въ массѣ украинцевъ, которымъ, очевидно, мало было дѣла въ свой часъ до Ст. Разина.

Библиотека "Руниверс"

залось на столько чужимъ для украинцевъ, что они, чтобъ его оживить для себя, сдѣлали изъ него козака—Гарасима.

Но все-таки представленные украинскіе варіанты великорусской пѣсни показываютъ примѣры нѣкотораго ея усвоенія. Основная идея ихъ,—непокорность воеводѣ-губернатору, въ украинскихъ варіантахъ даже рѣзче выдвинута, чѣмъ въ великорусскихъ, а въ варіантѣ г. Ганицкаго Разину приданы черты запорожскаго характерника и самъ онъ сравнивается съ памятными украинцамъ героями: Нечаемъ и Желѣзнякомъ, и даже сдѣланъ украинцемъ, подъ именемъ Гарасима, который только потому пошелъ въ *Рассею,* что „Украйна уже вся была тогда занята". Украинскіе варіанты пѣсни о сынѣ Ст. Разина представляютъ собою примѣръ усвоенія чужой пѣсни все-таки *органическаго,* хотя и не такого полнаго, какъ нѣкоторые примѣры взаимнаго обмѣна пѣсенъ козацкихъ изъ временъ общей жизни донцовъ и запорожцевъ. Тутъ все-таки пѣсня усвоена потому, что она для усваивавшихъ симпатична по своему содержанію. Въ украинскомъ населеніи обращается теперь не малое количество великорусскихъ пѣсенъ усвоенныхъ иначе, *механически:* вслѣдствіе внѣшняго давленія, по привычкѣ, изъ желанія быть похожимъ на барина чрезъ усвоеніе себѣ признаковъ барской народности. Это пѣсни солдатскія, бытовыя и повѣствовательныя, (о Петрѣ Великомъ, Лопухинѣ, Платовѣ, Наполеонѣ и др.), пѣсни лакейскія, „жестокіе романсы", фабричные и т. п. У насъ у самихъ ихъ набралось на добрый томъ. На печальныя мысли навелъ бы этотъ томъ, если-бъ его напечатать. Съ внѣшней стороны этотъ матеріалъ представляетъ образцы чисто машинальнаго повторенія великорусскихъ варіантовъ, съ большими или меньшими искаженіями языка и фабулы, при чемъ иногда представляютъ въ частяхъ или въ цѣломъ полную безсмыслицу. Съ внутренней, идейной стороны, по сравненію съ украинскими пѣснями домашняго образованія, матеріалъ этотъ носитъ на себѣ признаки упадка и деморализаціи политической, общественной и семейной рабскаго духа, жестокости, грубости, цинизма, особенно относительно женщины,—при фразистой сентиментальности, нахватанной изъ романсовъ „благородныхъ". Ни одной дѣйствительно культурной идеи, ни образа изъ запасу всероссійской цивилизаціи, образовавшейся въ верхнихъ слояхъ общества въ XVIII в. изъ взаимодѣйствія украинцевъ и ве-

Библиотека "Руниверс"

ликоруссовъ, при западно-европейскомъ вліяніи, не проникло въ этотъ народный словесный матеріалъ, который въ ту-же эпоху образовался на Украйнѣ подъ великорусскимъ вліяніемъ. Да, кажется, такихъ дѣйствительныхъ культурныхъ идей и образцовъ нѣтъ въ новообразовавшейся великорусской народной словесности и у нея на дому. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить на основаніи того, что до сихъ поръ извѣстно по этой части въ печати, напр. изъ интересной работы г. Вл. Михневича „Извращеніе народнаго пѣснотворчества“ (Историч. этюды русской жизни, II, 377—421).

Впрочемъ, это вопросъ не только очень важный, но и очень сложный, а потому объ немъ до другаго раза.

М. Т—овъ.

Библиотека "Руниверс"

УМАНСКІЙ СОТНИКЪ

ИВАНЪ ГОНТА.

(1768 г.).

Для характеристики историческаго значенія гайдамачества вообще и особенно „Коліивщины“ личность одного изъ вождей послѣдней, сотника Гонты, имѣетъ особенный интересъ. Печальное состояніе края, разразившееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія страшною уманскою катастрофою, недостаточно еще обслѣдовано безпристрастнымъ историческимъ изученіемъ. Современники—мемуаристы, принадлежавшіе къ потерпѣвшей сторонѣ, оставили намъ лишь яркія картины пожаровъ, убійствъ и грабежа, сопровождавшихъ катастрофу; но о поводахъ, вызвавшихъ эти печальныя явленія, о причинахъ, которыя довели постепенно народъ мирный, земледѣльческій, стремившійся къ прочной, осѣдлой и хотя сколько-нибудь обезпеченной и спокойной жизни, они или вовсе не упоминаютъ, или-же говорятъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. По ихъ мнѣнію, страшное народное волненіе въ Украйнѣ было, съ одной стороны, плодомъ яко-бы дипломатической интриги Россіи, съ другой—результатомъ врожденнаго будто-бы южно-русскому народу варварства, его злой природы и главное—страсти къ грабежу. Конечно, такія объясненія мемуаристовъ, весьма впрочемъ естественныя въ устахъ людей мало развитыхъ и сильно раздраженныхъ, не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ всякіе огульные приговоры надъ характеромъ цѣлаго народа; конечно, легче объяснить явленіе историческое, предположивъ извѣстную, будто врожденную наклонность въ народномъ характерѣ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать истинныя причины этого явленія, часто слишкомъ сложныя для степени развитія изслѣдователя или слишкомъ не желательныя для самолюбія той общественной группы, къ которой

Библиотека "Руниверс"

онъ принадлежитъ. Но предположенія такого рода не могутъ останавливать на себѣ вниманія сколько-нибудь спокойнаго историческаго изслѣдованія и первый попавшійся фактъ, передаваемый источникомъ пристрастнымъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, совершенно разрушаетъ всѣ поверхностныя предположенія автора онаго.

Однимъ изъ такихъ фактовъ является въ разсказахъ о „Коліивщинѣ“ личность уманскаго сотника Ивана Гонты. Не смотря на то, что всѣ свѣдѣнія о немъ мы можемъ извлекать лишь изъ записокъ шляхтичей или духовныхъ лицъ польской народности, писавшихъ послѣ „Коліивщины“ (и слѣдовательно относившихся съ крайнею ненавистью къ бывшему уманскому сотнику), личность его, и по ихъ сказаніямъ, является съ характеромъ совершенно противуположнымъ тому общему ихъ взгляду на „гайдамачество“, которое высказывается ими въ мемуарахъ. Гонта является человѣкомъ не только зажиточнымъ, но даже богатымъ,—слѣдовательно не страсть къ грабежу руководитъ имъ; онъ пользуется особою милостію владѣтеля Умани, воеводы Салезія Потоцкаго, который обезпечиваетъ вполнѣ его будущую карьеру, обѣщаетъ ему подарить въ потомственное владѣніе нѣсколько селъ и выхлопотать на сеймѣ „нобилитацію“, т. е. возведеніе въ дворянство,—слѣдовательно личный интересъ и личное честолюбіе должны были-бы склонять Гонту къ защитѣ шляхетства, въ ряды котораго попасть онъ имѣлъ возможность. Свѣдѣній о вліяніи на Гонту мнимой политической интриги сами мемуаристы не передаютъ и вліянія такого даже не предполагаютъ. Такимъ образомъ побужденія, заставившія Гонту принять участіе въ „Коліивщинѣ“, остаются не разъясненными, съ точки зрѣнія на „Коліивщину“ шляхетскаго общества, и само его участіе является чѣмъ-то, по видимому, неожиданнымъ, загадочнымъ. Конечно, колоритъ этотъ исчезаетъ, если мы посмотримъ на данное событіе съ той точки зрѣнія, которая присуща была въ свое время украинскому народу; тогда станетъ понятнымъ, что Гонта дѣйствовалъ изъ-за убѣжденій, глубоко укоренившихся въ народѣ, изъ-за сознательнаго долга стать въ борьбѣ, охватившей страну, на сторонѣ своего народа, его правъ, вѣры и національности, и принести этому дѣлу въ жертву и свою карьеру и свое общественное положеніе.

Библиотека "Руниверс"

Если-бы до насъ дошли извѣстія о Гонтѣ и его участіи въ „Коліивщинѣ“ отъ лицъ, принадлежавшихъ къ другой заинтересованной сторонѣ, или, по крайней мѣрѣ, отъ свидѣтелей безпристрастныхъ и постороннихъ, то мы не сомнѣваемся, что высказанное нами положеніе можно было-бы установить самыми точными и подробными ссылками. Къ несчастію мы поставлены въ необходимость пользоваться источниками, составленными исключительно лицами враждебными Гонтѣ, и потому можемъ попытаться лишь указать путемъ сопоставленій и критическаго отношенія къ сообщаемымъ фактамъ на болѣе серьезныя и человѣчныя побужденія дѣятельности Гонты, чѣмъ тѣ, которые приписывали ему шляхтичи-современники, увлекаясь весьма естественно ненавистью къ лицу, причинившему имъ много бѣдствій и страданій [1]). Не желая, впрочемъ, теряться въ догадкахъ и гипотезахъ, мы ограничимся лишь фактическимъ изложеніемъ относящихся къ его біографіи событій.

Иванъ Гонта принадлежалъ по рожденію къ крестьянскому сословію; по словамъ Липпомана, онъ родился въ селѣ Росошкахъ, принадлежавшемъ къ уманскому имѣнію Потоцкихъ. Свѣдѣніе это заимствовано Липпоманомъ изъ записокъ Вероники Кребсъ, которая говоритъ: „Когда мой отецъ пріѣхалъ въ Умань (1757 г.), онъ уже засталъ тамъ полковника (надворныхъ козаковъ) Обуха и старшаго сотника Гонту, крестьянина изъ деревни Росошекъ“ [2]). Братъ г-жи Кребсъ, Павелъ Младановичъ, утверждаетъ въ своихъ запискахъ, будто Гонта родился гдѣ-то въ Полѣсьи и, достигши 18-лѣтняго возраста, совершилъ какое-то преступленіе, за которое былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, но будто, уже на самомъ мѣстѣ исполненія казни, отецъ Младановича, занимавшій тогда должность уманскаго

---

[1]) При составленіи этого очерка мы пользовались слѣдующими источниками: 1) Липпоманъ—«Bunt hajdamaków na Ukrainie 1768 r.». 2) Павелъ Младановичъ—«Rzeź humańska». 3) Турчанскій—«Opis krótki rzezi w mieście Humaniu». 4) Вероника Кребсъ—«Уманская рѣзня», переводъ Ревы 1879 г. 5) Мощинскій «Pamiętnik do historii polskiej. 6) Безыменный базиліанинъ—«Opisanie klęski Humańskiej». «Кіевская Старина», мартъ 1882 г. 7) Охоцкій—«Pamiętniki», т. I, глава 12. 8) Гумплевичъ «Konfederacia Barska»—переписка короля Станислава-Августа съ Ксаверіемъ Браницкимъ. 9) Рукописный отрывокъ изъ анонимнаго мемуара.

[2]) Липпоманъ, стр. 14; Записки Кребсъ, стр. 16.

Библиотека "Руниверс"

„губернатора", выпросилъ ему помилованіе, уплатилъ въ судъ штрафъ въ 4000 злотыхъ, причитавшійся за его вину, и затѣмъ зачислилъ его въ уманскую надворную милицію [1]). Конечно, весь разсказъ Павла Младановича есть не болѣе, какъ эпизодъ, сочиненный имъ самимъ для того, чтобы изобразить въ болѣе черныхъ краскахъ характеръ Гонты; разсказъ этотъ не заслуживаетъ вѣроятія не только при сопоставленіи его съ разсказомъ его сестры, но и съ данными, сообщаемыми самимъ Младановичемъ [2]).

Мы не знаемъ, когда Гонта поступилъ на службу въ надворную козацкую милицію: во всякомъ случаѣ это должно было случиться за долго до катастрофы 1768 года, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Кребсъ, за 11 лѣтъ до нея онъ уже занималъ должность старшаго въ ней сотника. Среди козаковъ этой милиціи онъ пользовался значительнымъ уваженіемъ и авторитетомъ, и шляхтичи, управлявшіе уманскимъ имѣніемъ, были увѣрены, что въ каждомъ затруднительномъ случаѣ мнѣнію Гонты и его вліянію вся уманская милиція готова повиноваться безпрекословно. Вслѣдствіе этого убѣжденія шляхтичи старались жить въ дружбѣ съ вліятельнымъ сотникомъ и обходились съ нимъ съ почетомъ, какъ съ равнымъ; впрочемъ, положеніе свое въ шляхетскомъ обществѣ Гонта поддерживалъ и личными своими качествами. Павелъ Младановичъ описываетъ его, по своимъ воспоминаніямъ, слѣдующими словами: „Гонта былъ козакъ видный, рослый и красивый, отличался постоянною удачею во

---

[1]) Записки Павла Младановича, стр. 106.

[2]) Г-жа Кребсъ была взрослою дѣвушкою (18 лѣтъ) во время уманской катастрофы, была лично хорошо знакома съ Гонтою и могла знать лучше его отношенія къ отцу, чѣмъ ея братъ, бывшій въ то время еще мальчикомъ. Притомъ невѣроятность разсказа Младановича явствуетъ изъ сопоставленія слѣдующихъ данныхъ: 1) Младановичъ—отецъ былъ назначенъ уманскимъ губернаторомъ въ 1757 году, слѣдовательно, по его словамъ, въ 1768 году Гонтѣ могло быть maximum 28—29 лѣтъ, между тѣмъ самъ Младановичъ разсказываетъ въ послѣдствіи, что у Гонты было 4 взрослыя дочери и сынъ. 2) Надворная милиція составлялась изъ осѣдлыхъ крестьянъ уманскаго имѣнія; еслибы губернаторъ и приписалъ къ ней лице постороннее, то навряд-ли можно допустить, чтобы это лице было выбрано въ сотники преимущественно передъ почетными односельцами. 3) Наконецъ солидарность Гонты съ громадою села Росошекъ, помимо записокъ Кребсъ, подтверждается еще надписью на церковной двери въ этомъ селѣ, свѣдѣніе о которой мы сообщимъ ниже.

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ своихъ предпріятіяхъ“ [1]). Въ запискахъ Кребсъ мы находимъ такую-же его характеристику: „Гонта, говоритъ составительница этихъ записокъ, былъ красивый, представительный мущина и къ тому онъ не только говорилъ, но и превосходно писалъ по-польски, а воспитаніе его было таково, что и теперь (т. е. въ началѣ XIX ст.) его можно было-бы счесть за шляхтича“ [2]). Благодаря этимъ качествамъ, Гонта, не смотря на крестьянское происхожденіе, принятъ былъ въ мѣстномъ кругу шляхетскаго общества и занялъ въ немъ даже видное положеніе, вслѣдствіе особеннаго къ нему благоволенія уманскаго владѣльца, воеводы Салезія Потоцкаго. По установленному обычаю, ежегодно 300 козаковъ изъ надворной уманской милиціи, подъ предводительствомъ сотника, отправлялись по очереди ко двору владѣльца въ его резиденцію—Кристинополь, находившуюся въ Червоной Руси, гдѣ исполняли при его особѣ службу, въ качествѣ придворной стражи. Во время этихъ командировокъ Гонта обратилъ на себя вниманіе Потоцкаго, сдѣлался его любимцемъ и довѣреннымъ лицемъ. Въ два похода Гонта пріобрѣлъ отъ воеводы грамоты, по которымъ послѣдній отказалъ въ его пожизненное владѣніе два богатыя села: его родину Росошки и сосѣднее село Орадовку, а села эти приносили въ то время ежегодно доходъ въ 20,000 злотыхъ; сверхъ того Потоцкій изъялъ Гонту и его сотню изъ зависимости отъ полковниковъ-шляхтичей, командовавшихъ уманскою милиціею и подчинилъ прямо власти губернатора [3]). Вслѣдствіе этихъ распоряженій Гонта сталъ возбуждать зависть шляхтичей, завѣдывавшихъ администраціею Уманщины; но, тѣмъ не менѣе, они, не исключая губернатора, обращались съ сотникомъ съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, такъ какъ въ средѣ ихъ установилось мнѣніе, что Потоцкій будто выслушиваетъ сообщенія Гонты о дѣйствіяхъ ихъ по управленію имѣніемъ и относится къ этимъ сообщеніямъ съ большимъ довѣріемъ.

Семейство Гонты жило въ то время въ его домѣ въ селѣ Росошкахъ; оно, по свѣдѣніямъ П. Младановича, состояло изъ жены,

---

[1]) Записки Младановича, стр. 78.

[2]) Записки Кребсъ, стр. 18.

[3]) Записки Кребсъ, стр. 17—18; П. Младановича, стр. 78; Липпоманъ, стр. 15; записки Мощинскаго, стр. 137.

Библиотека "Руниверс"

четырехъ дочерей и сына; тотъ-же мемуаристъ сообщаетъ, въ весьма впрочемъ не ясныхъ выраженіяхъ, будто Гонта вступилъ въ бракъ не по собственному желанію, а по чьему-то принужденію, но будто въ послѣдствіи онъ примирился съ судьбою и былъ совершенно доволенъ своею семейною обстановкою [1]).

Приведенными фактами исчерпываются всѣ извѣстія, сообщаемые о Гонтѣ мемуаристами до рокового 1768 года. Изъ извѣстій этихъ явствуетъ, что, не смотря на милость владѣльца и уваженіе, которымъ пользовался Гонта въ средѣ окружавшей его шляхты, онъ не увлекся личною карьерою на столько, чтобы перейти въ шляхетскій лагерь и разорвать связь съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ; тѣсная связь эта обозначается какъ признанною всѣми мемуаристами популярностью Гонты въ средѣ уманской милиціи, которой онъ былъ выборнымъ сотникомъ, такъ и его усердіемъ къ православной вѣрѣ, на которое мы имѣемъ два фактическія указанія. Въ 1860 году намъ случилось быть въ селѣ Росошкахъ, гдѣ въ старой деревянной церкви надъ дверью мы видѣли рѣзную надпись примѣрно слѣдующаго содержанія: „Церковь сія збудована коштомъ сотника Ивана Гонты и всей громады“ [2]). Въ мѣстечкѣ Володаркѣ, въ старой Воздвиженской церкви, въ числѣ церковныхъ ктиторовъ записанъ былъ и Иванъ Гонта съ женою, и портреты ихъ хранились въ церкви до 1847 года. Въ этомъ году старая церковь была разобрана и перенесена на другое мѣсто по желанію помѣщика; тогда, вѣроятно, въ собственность послѣдняго перешли и портреты ктиторовъ, въ томъ числѣ и портретъ Гонты, снимокъ съ котораго и помѣщается въ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины“.

Въ 1768 году Гонтѣ суждено было занять видную и трагическую роль въ исторіи края. Въ февралѣ этого года вспыхнула барская конфедерація; конфедераты, занявъ значительную часть воеводствъ: подольскаго, брацлавскаго и кіевскаго, стали понуждать земледѣльцевъ къ доставкѣ въ помощь конфедераціи денегъ, провіанта и вооруженныхъ людей; въ Умани полученъ былъ универсалъ,

---

[1]) Записки П. Младановича, стр. 78.

[2]) За буквальную точность приводимой надписи мы не можемъ поручиться, ибо возстановляемъ ее по памяти, такъ какъ копія, снятая съ надписи, утерялась.

Библиотека "Руниверс"

требовавшій присылки въ станъ конфедератовъ 30,000 злотыхъ, значительнаго фуража и 3,000 вооруженныхъ и форменно одѣтыхъ солдатъ, т. е., иными словами, всей надворной козацкой милиціи, и угрожавшій строгимъ взысканіемъ въ случаѣ ослушанія [1]). Универсалъ этотъ былъ препровожденъ на усмотрѣніе владѣтеля Уманщины, воеводы Салезія Потоцкаго, и управлявшій его имѣніемъ дворянинъ Младановичъ просилъ снабдить его инструкціями. Потоцкій не былъ расположенъ въ пользу конфедераціи, но съ другой стороны боялся, чтобы, въ случаѣ рѣзкаго отказа, его уманскія помѣстья не подверглись разоренію со стороны конфедератовъ, и потому занялъ двусмысленное положеніе. Онъ приказалъ Младановичу отвѣтить конфедератамъ, что онъ находитъ неудобнымъ послать имъ въ помощь свою козацкую милицію, такъ какъ на искреннее участіе козаковъ въ войнѣ съ русскими войсками невозможно положиться; но, въ замѣнъ милиціи, онъ обѣщалъ навербовать требуемое количество войска изъ шляхты и, вооруживъ ее на свой счетъ и снабдивъ мундирами, отправить въ помощь конфедераціи. Въ тоже время онъ приказалъ всю уманскую милицію расположить лагеремъ у рѣки Синюхи вдоль русской границы и вошелъ въ сношенія съ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Воейковымъ; послѣдній, по просьбѣ Потоцкаго, разрѣшилъ уманскимъ козакамъ отступить за русскую границу, въ случаѣ если-бы конфедераты заняли Умань [2]). Не довѣряя, впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ шляхтичамъ, управлявшимъ Уманщиною, симпатизировавшимъ конфедераціи, подобно всѣмъ лицамъ ихъ сословія, Потоцкій, помимо губернатора Младановича, снабдилъ Гонту особыми инструкціями относительно поведенія милиціи и вступилъ съ нимъ въ частную переписку. Одно изъ писемъ воеводы къ Гонтѣ было перехвачено и утаено Младановичемъ: мы не знаемъ, какія распоряженія заключались въ немъ, но несомнѣнно то, что Потоцкій обѣщалъ въ немъ Гонтѣ, въ награду за точное исполненіе своихъ инструкцій, выхлопотать дворянство и подарить нѣсколько селъ немедленно послѣ усмиренія конфедераціи [3]).

---

[1]) Записки П. Младановича, стр. 79.

[2]) Записки Мощинскаго стр. 138.

[3]) Записки Павла Младановича стр. 78, зап. Линиомана стр. 32, зап. Тучапскаго стр. 135—136.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ Младановичъ и другіе экономическіе урядники въ Умани, желая вмѣстѣ оказать помощь конфедераціи и исполнить формально распоряженія Потоцкаго, отправили милицію въ лагерь къ Синюхѣ, приказавъ командовавшимъ ею полковникамъ шляхтичамъ зорко слѣдить за поведеніемъ козаковъ вообще и въ особенности за дѣйствіями Гонты: затѣмъ они принялись весьма усердно подготовлять вооруженіе предположенной шляхетской милиціи. Они обложили всѣхъ крестьянъ Уманщины тяжелымъ налогомъ и за полученныя деньги стали пріобрѣтать оружіе и заготовлять мундиры: бѣлые жупаны, зеленыя шапки и куртки. Къ Младановичу стали съѣзжаться мѣстные шляхтичи на секретныя совѣщанія, являлись какія-то таинственныя лица для интимныхъ переговоровъ, по ночамъ въ экономическіе магазины привозили запасы оружія, сѣделъ и т. п. [1]).

Хотя всѣ эти приготовленія дѣлались въ тайнѣ, но слухи объ нихъ дошли до Потоцкаго и послѣдній рѣшился отправить довѣренное лице для повѣрки дѣйствій своихъ управляющихъ; выборъ его, впрочемъ, сдѣланъ былъ весьма неудачно. Въ Умань явился, въ качествѣ уполномоченнаго воеводы, белзскій мечникъ Цѣсельскій, человѣкъ, по словамъ современника, „весьма видной наружности, но скудный умомъ, лишенный храбрости и самостоятельности". Цѣсельскому поручено было: провѣрить расходы и не допустить растраты денегъ управляющими на предметы не разрѣшенные владѣльцемъ. Пріѣхавъ въ Умань, Цѣсельскій немедленно подчинился вліянію Младановича и окружавшей его шляхты; вмѣсто того, чтобы удержать ихъ отъ дѣйствій въ пользу конфедераціи, онъ сообщилъ имъ подробности о сношеніяхъ воеводы съ Гонтою и о томъ, что послѣдній сообщаетъ Потоцкому свѣдѣнія о ихъ поступкахъ [2]).

Извѣстіе это крайне взволновало шляхтичей: губернаторъ Младановичъ, главный кассиръ Рогалевскій и полковникъ милиціи Обухъ давно уже косились на Гонту, завидуя милости и довѣрію къ нему

[1]) Зап. Кребсъ, стр. 18—19; Зап. Павла Младановича, стр. 79; зап. Мощинскаго, стр. 139.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 137.

Библиотека "Руниверс"

Потоцкаго и негодуя на то независимое отъ нихъ, самостоятельное и обезпеченное положеніе, котораго успѣлъ достигнуть козацкій сотникъ. Давно ихъ коробило отъ необходимости обращаться съ хлопомъ, какъ съ равнымъ себѣ урядникомъ; теперь, узнавъ, что Гонта противудѣйствуетъ ихъ конфедерацкимъ замысламъ и служитъ органомъ непонятныхъ для нихъ намѣреній воеводы, они рѣшились изобрѣсти всевозможныя мѣры для того, чтобы уронить его въ глазахъ владѣльца и, если возможно, совершенно погубить; но для этого необходимо было добыть факты обвиненія, и шляхтичи занялись этимъ весьма усердно. Они начали съ того, что уговорили Цѣсельскаго сдѣлать представленіе Потоцкому о томъ, что Гонта получаетъ вознагражденіе не по заслугамъ, что уманская касса терпитъ значительный уронъ, вслѣдствіе отдачи ему въ пользованіе двухъ богатыхъ селъ, и что было-бы справедливо, отнявъ у него эти села, назначить ему въ качествѣ сотника жалованье въ 100 злотыхъ, (т. е. 15 р.) въ годъ, которые болѣе чѣмъ достаточны для содержанія хлопа [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Младановичъ сталъ вызывать и тщательно собиралъ всевозможные доносы на сотника. Въ доносчикахъ не оказалось недостатка: нѣсколько евреевъ уманскихъ сообщили Цѣсельскому, будто въ лагерѣ Гонта уговариваетъ козаковъ вступить въ сношенія съ гайдамаками, но что въ осуществленіи этого намѣренія помѣшалъ ему скончавшійся недавно въ лагерѣ-же сотникъ Дашко, который будто сказалъ: „я не согласенъ, ибо семь недѣль будетъ вашего господства, а потомъ въ теченіи семи лѣтъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать“ [2]). Получивъ этотъ доносъ, Цѣсельскій хотѣлъ было судить Гонту и приговорить къ висѣлицѣ; но другіе шляхтичи сообразили недостаточность уликъ и удержали его отъ рѣшительныхъ шаговъ, въ надеждѣ на болѣе вѣское обвиненіе. Новый доносъ, болѣе серьезный, не замедлилъ явиться; его прислалъ въ началѣ мая изъ лагеря полковникъ Обухъ. Онъ извѣщалъ, что Гонта по ночамъ уѣзжаетъ изъ лагеря въ свои села и тамъ проводитъ время въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ какими-то „заграничными особами“. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Умани извѣстили Обуха, что сообщенія его не достаточны для того, чтобы

[1]) Зап. Мощинскаго, стр. 138.
[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 139.

Библиотека "Руниверс"

казнить Гонту, и посовѣтовали болѣе тщательно слѣдить за нимъ, пресѣчь ему всякую возможность тайно сноситься съ посторонними лицами и, главное, стараться поймать въ расплохъ и арестовать „заграничныя особы", буде таковыя появятся. Мы не знаемъ, какія мѣры были приняты Обухомъ, но онѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; нѣсколько дней спустя, въ лагерь козацкій пріѣхали какія-то духовныя лица изъ Кіева и заявили желаніе посѣтить Гонту. Обухъ распорядился немедленно арестовать ихъ, объискать и доставить подъ сильнымъ карауломъ въ Умань вмѣстѣ съ найденными при нихъ бумагами. Узнавъ о случившемся, Младановичъ вызвалъ въ Умань Гонту, въ полной увѣренности, что нашелъ достаточныя улики для его гибели; но губернатору пришлось разочароваться. Оказалось, что духовныя арестованныя лица вовсе не занимались политикою; найденныя при нихъ бумаги заключали лишь полемическія разсужденія, направленныя противъ уніи, сѣтованія о томъ, что польское правительство воспрещаетъ православнымъ жителямъ Украйны ходить на поклоненіе въ кіевскія пещеры и, наконецъ, письмо какого-то духовнаго лица къ Гонтѣ, заключавшее исключительно заявленія дружескихъ чувствъ. Конечно, на основаніи всего найденнаго нельзя было Гонту ни казнить, ни судить, особенно въ виду расположенности къ нему Потоцкаго. Младановичъ нашелся въ затруднительномъ положеніи: чтобы выйти изъ него, онъ далъ пиръ въ честь Гонты, объяснилъ все дѣло недоразумѣніемъ Обуха и, вступивъ съ заподозрѣннымъ сотникомъ въ интимную бесѣду, предложилъ ему: или искренно поклясться въ вѣрности шляхтѣ, или сложить съ себя чинъ сотника и оставить милицію. Гонта отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ ни оставлять военной службы, ни нарушать вѣрности къ воеводѣ Потоцкому. На томъ противники и прекратили переговоры. Младановичъ, чувствуя пораженіе, отпустилъ Гонту съ честью въ лагерь, приказавъ тѣмъ не менѣе полковникамъ Обуху и Магушевскому продолжать тщательный за нимъ надзоръ [1]).

Таковы были отношенія Гонты въ Уманщинѣ въ маѣ 1768 года, когда неожиданное событіе прервало сѣть шляхетскихъ интригъ противъ ненавистнаго имъ сотника. Въ концѣ мая въ Умань пришли

---

[1]) Зап. Павла Младановича, стр. 79—80.

Библиотека "Руниверс"

первыя вѣсти о появленіи гайдамаковъ у Чигрина, но первоначально власти не обратили на эти слухи особеннаго вниманія; гайдамацкіе отряды, болѣе или менѣе крупные, каждую весну появлялись въ Украйнѣ и тревожили шляхтичей, но покушаться на болѣе сильно укрѣпленные города не дерзали. Въ числѣ украинскихъ крѣпостей Умань считалась сильнѣйшею: городъ былъ окруженъ рвомъ и валомъ съ палисадомъ; внутри его экономическій дворъ, устроенный въ видѣ цитадели, имѣлъ особыя укрѣпленія; двое городскихъ воротъ и валы кругомъ города были снабжены численною артиллеріею; наконецъ, гарнизонъ, состоявшій изъ пѣхоты подъ начальствомъ капитана Ленарта и надворная козацкая милиція представляли силы слишкомъ внушительныя для летучихъ гайдамацкихъ отрядовъ. Но на этотъ разъ тревожныя вѣсти вскорѣ стали принимать необычные размѣры: гайдамацкій набѣгъ ясно стремился перейти во всеобщее крестьянское возстаніе. Небольшой отрядъ Желѣзняка, заключавшій въ себѣ при первомъ появленіи только 18 человѣкъ, росъ по часамъ и мгновенно почти охватилъ весь юго-восточный уголъ Кіевщины, направляясь медленно къ западу; шляхта и евреи въ тревогѣ бѣжали подъ защиту крѣпостей: Бѣлой-Церкви, Лысянки и особенно Умани. Въ виду возраставшей паники, Младановичъ счелъ наконецъ нужнымъ въ началѣ іюня принять болѣе серьезныя мѣры предосторожности: онъ приказалъ запереть городскія ворота и не пропускать въ городъ никого безъ тщательнаго осмотра, отправилъ довѣренныхъ лицъ въ Бендеры для закупки у турецкаго паши пороха и ядеръ, въ которыхъ чувствовался недостатокъ, кругомъ города разставилъ стражу [1]) и наконецъ рѣшился пустить въ дѣло козацкую милицію. Младановичъ призвалъ ее изъ лагеря въ Умань и приказалъ всему полку на рынкѣ принести присягу на вѣрность владѣльцу, послѣ-же ея исполненія, онъ призвалъ къ себѣ полковниковъ: Обуха и Магнушевскаго и сотниковъ: Гонту, Уласенка и Яремку, угощая ихъ усердно, уговаривалъ не измѣнять данной присягѣ, при чемъ обращался главнымъ образомъ къ Гонтѣ; послѣдній отвѣчалъ очень краснорѣчивыми увѣреніями въ своей неизмѣнной вѣр-

[1]) Зап. И. Младановича, стр. 81—82. «Кіевская Старина» 1882 г., т. I, стр. 523—524.

Библиотека "Руниверс"

ности владѣльцу. Вслѣдъ за тѣмъ къ Гонтѣ явилась депутація отъ уманскихъ евреевъ, поднесла ему блюдо червонцевъ и другіе богатые подарки и просила позаботиться о ихъ спасеніи. Младановичъ заключилъ пиръ увѣреніемъ, что спасеніе города и всей Украйны зависитъ отъ Гонты, и далъ приказъ козакамъ выступать въ походъ [1]). Для насъ кажется очевиднымъ, что во всѣхъ переговорахъ Младановича съ Гонтою обѣ стороны не досказывали вполнѣ своей мысли и въ значительной мѣрѣ скрывали ее подъ общею среднею формулою присяги: Младановичъ, трактуя о вѣрности и требуя присяги на имя Потоцкаго, подразумѣвалъ вѣрность Рѣчи Посполитой, шляхтѣ и возникшей въ ея средѣ конфедераціи. Гонта, съ своей стороны, ограничиваясь строго формулою вѣрности воеводѣ, имѣлъ въ виду исключительно личность послѣдняго и, на основаніи бывшей переписки, могъ чувствовать себя совершенно не связаннымъ по отношенію къ шляхтѣ вообще, а тѣмъ болѣе къ конфедератамъ. Между тѣмъ обѣ стороны считали неудобнымъ открывать другъ другу вполнѣ свои побужденія и кружились въ заколдованномъ кругу недомолвокъ и взаимнаго недовѣрія. По крайней мѣрѣ иначе трудно объяснить и ту легкость, съ которою Гонта повторялъ требуемую присягу, и то недовѣріе, съ которымъ принималась присяга Младановичемъ, и ту нерѣшительность, вслѣдствіе которой онъ не осмѣлился принять сколько нибудь серьезныхъ мѣръ по отношенію къ Гонтѣ, не смотря на постоянно осаждавшія его подозрѣнія.

Выступивъ изъ Умани, козацкая милиція пошла по направленію къ Звенигородкѣ, такъ какъ получено было извѣстіе, что Желѣзнякъ взялъ Смѣлу и оттуда идетъ на Умань. Между тѣмъ количество бѣглецовъ, искавшихъ спасенія въ Умани, увеличивалось все болѣе и болѣе; они уже не помѣстились въ городѣ и расположились лагеремъ за его чертою; въ лагерѣ этомъ насчитывали до 6,000 шляхтичей, евреевъ и слугъ; между ними постоянно носились тревожныя вѣсти и паника быстро возрастала. На третій день послѣ выступленія изъ города милиціи, къ Младановичу явилась депутація изъ лагеря и сказала, что шляхтичи имѣютъ вѣрное из-

---

[1]) Зап. Липиньскаго, стр. 16—17; Зап. Павла Младановича. стр. 81; Зап. Тучапскаго, стр. 126; Зап. Кребсъ. стр. 19; Зап. Мощинскаго. стр. 140.

Библиотека "Руниверс"

вѣстіе о соединеніи Гонты съ Желѣзнякомъ у Звенигородки. Потому иляхтичи совѣтуютъ, какъ можно скорѣе, призвать Гонту обратно и отрубить ему голову.

„Я не могу этого сдѣлать, отвѣчалъ Младановичъ, не потому что Гонта въ милости у пана, а потому, что у меня нѣтъ точныхъ доказательствъ его вины. Впрочемъ, я сейчасъ пошлю къ полковнику Обуху, чтобы онъ приказалъ сотникамъ пріѣхать въ Умань".

Сотники явились. Младановичъ публично повелъ разговоръ съ Гонтою и объявилъ ему, что получено извѣстіе объ его сношеніяхъ съ Желѣзнякомъ. Гонта, не вступавшій еще въ эти сношенія, по предположенію Липпомана, отрицалъ фактъ и требовалъ очной ставки съ обвинителемъ; но никто не явился, и Младановичъ замялъ дѣло и пригласилъ сотниковъ еще разъ принести присягу въ вѣрности.

„Послѣ этой церемоніи, говоритъ Кребсъ, я слышала разговоръ Гонты съ отцемъ и думаю, что всякій, услыхавъ его увѣренія въ вѣрности, подумалъ-бы, что Гонта о томъ только и думаетъ, *какъ-бы усилить къ себѣ расположеніе воеводы*" [1]). Того-же дня сотники опять уѣхали къ войску и въ городѣ настало тревожное затишье, прерываемое лишь глухими извѣстіями о приближеніи гайдамаковъ къ Умани. Гроза дѣйствительно приближалась: гайдамаки взяли Лысянку и перебили въ ней иляхтичей; лысянская козацкая милиція присоединилась къ нимъ, и они направились на Умань; въ уманскую волость они вступили съ сѣверо-востока, перебили иляхтичей въ мѣстечкѣ Букахъ и въ окружающихъ селахъ и направились къ мѣстечку Соколовкѣ. На пути Желѣзнякъ разглашалъ, будто онъ предпринялъ походъ на основаніи указа императрицы, что онъ пришелъ возстановить козачество, въ томъ числѣ и древній уманскій полкъ, что онъ намѣренъ изгнать всѣхъ пановъ изъ Украйны, Подоліи и Волыни и т. п. [2]). Послѣ занятія гайдамаками Соколовки, къ мѣстечку подступила и уманская милиція и остановилась вблизи его на ночлегъ; здѣсь только, по всему вѣроятію, между Желѣзнякомъ и Гонтою открылись переговоры. Полковникъ

[1]) Зап. Кребсъ, стр. 19—20; Зап. Липпомана, стр. 18—19; Зап. Павла Младановича, стр. 82.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 20; „Кіевская Старина", I, стр. 522.

Библиотека "Руниверс"

Магнушевскій, объѣзжая ночью разставленные имъ вокругъ лагеря пикеты, узналъ, что они были сняты по приказанію Гонты: онъ отправился въ палатку своего товарища Обуха, разсказалъ ему замѣченный фактъ и предложилъ немедленно застрѣлить спящаго Гопту, но Обухъ воспротивился этому, вѣроятно опасаясь отвѣтственности передъ Потоцкимъ; между тѣмъ сотники Гонта и Уласенко успѣли войти въ сношенія съ Желѣзнякомъ [1]). Мы не находимъ въ мемуарахъ указанія на побужденія, которыми руководился Гонта, рѣшившись примкнуть къ движенію Желѣзняка; конечно, слухи о мнимой грамотѣ императрицы были слишкомъ наивны, чтобы могли сдѣлать на него впечатлѣніе, какъ справедливо замѣчаетъ Липпоманъ [2]), трудно также предполагать, чтобы инструкціи, данныя Гонтѣ Потоцкимъ, могли его побудить къ участію въ гайдамачествѣ; Потоцкій могъ ему предписывать уклоняться отъ участія въ конфедераціи, можетъ быть приказывалъ дѣйствовать противъ конфедератовъ или соединиться съ русскими войсками, но онъ не могъ предвидѣть движенія Желѣзняка и тѣмъ менѣе не могъ желать разоренія центральнаго города своихъ помѣстій и истребленія проживавшей въ нихъ шляхты. Очевидно, другія побужденія руководили Гонтою; скорѣе всего можно допустить, что въ переговорахъ съ Желѣзнякомъ онъ убѣдился, что послѣдній поднялъ возстаніе во имя осуществленія завѣтныхъ народныхъ идеаловъ: возстановленія козачества, изгнанія пановъ и истребленія уніи и счелъ своимъ долгомъ примкнуть къ общенародному дѣлу.

На слѣдующее утро послѣ ночлега у Соколовки, гайдамаки вышли изъ мѣстечка по направленію къ Умани, на встрѣчу имъ шли уманскіе козаки; но на пути они остановились по приказанію сотниковъ и послѣдніе обратились къ полковникамъ-шляхтичамъ, примѣрно съ слѣдующею рѣчью: „можете паны уѣхать прочь, мы не нуждаемся болѣе въ вашемъ присутствіи, совѣтуемъ вамъ: бѣгите, если хотите оставаться въ живыхъ; въ противномъ случаѣ погибнете если не отъ руки гайдамаковъ, то отъ нашей". Затѣмъ сотники объявили, что кто желаетъ изъ козаковъ, можетъ удалиться

---

[1]) Зап. Липпомана, стр. 21; Зап. Мощинскаго, стр. 140—141; «Кіевская Старина», I, стр. 523.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 21.

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ съ полковниками. Обухъ и Магнушевскій быстро отъѣхали въ сторону и направились къ русской границѣ, которой достигли не безъ большой опасности; всѣ-же козаки подъ предводительствомъ Гонты соединились съ ополченіемъ Желѣзняка и вмѣстѣ направились къ Умани [1]).

Между тѣмъ въ городѣ въ теченіи четырехъ дней не было вовсе извѣстій ни о движеніи гайдамаковъ, ни о дѣйствіяхъ уманской милиціи. Наконецъ 18 іюня около 11 часовъ дня, изъ башни экономическаго двора замѣтили приближавшійся полкъ уманскихъ козаковъ; вслѣдъ за нимъ шло ополченіе Желѣзняка. Оба остановились въ виду города, Гонта и Желѣзнякъ дружелюбно привѣтствовали другъ друга и оба войска, соединившись, бросились на таборъ, расположенный внѣ городскихъ укрѣпленій, и стали истреблять находившихся въ немъ шляхтичей [2]). Губернаторъ Младановичъ совершенно растерялся; въ городѣ водворилась анархія и безпорядокъ; кое-какія мѣры для защиты приняты были лишь благодаря находчивости капитана гарнизона Леварта и земледѣра Шафранскаго, служившаго нѣкогда въ арміи Фридриха II: они вооружили, чѣмъ попало, дворянъ, слугъ, евреевъ и учениковъ базиліанскаго училища, размѣстили ихъ за палисадами и открыли пушечную пальбу по нападавшимъ. Перестрѣлка продолжалась въ теченій 30 часовъ; но средства осажденныхъ быстро изсякли. Въ слѣдующее утро Шафранскій заявилъ Младановичу, что запасы пороху и картечи истощились; притомъ въ городѣ не было воды, колодезь, начатый за нѣсколько дней назадъ, на глубинѣ 30 саженъ, наткнулся на скалу, но воды въ немъ не оказалось; осажденные должны были утолять жажду медомъ, вишневкою и виномъ, отъ которыхъ хмѣлѣли и увеличивали безпорядокъ; сверхъ того ночью изъ города сбѣжали къ Гонтѣ всѣ солдаты гарнизона, экономическіе слуги и арестанты, содержавшіеся въ экономической тюрьмѣ, и выпущенные на волю милиціонерами [3]). Получая эти

[1]) Зап. Тучанскаго, стр. 127; Зап. Мощинскаго, стр. 141; «Кіевская Старина», I, стр. 523.

[2]) Зап. Липиомана, стр. 25—26; Зап. Младановича, стр. 83—84; Зап. Кребсъ, стр. 20—21; Зап. Мощинскаго, стр. 141—142; «Кіевская Старина», I, стр. 524.

[3]) Зап. Липиомана, стр. 26—27; Зап. П. Младановича, стр. 83—85; Зап. Тучинскаго, стр. 128; Зап. Кребсъ, стр. 21—22; «Кіевская Старина», I, стр. 524.

Библиотека "Руниверс"

неутѣшительныя извѣстія, Младановичъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ защиты и еще ночью уговорилъ купцевъ евреевъ отправить Гонтѣ и Желѣзняку въ подарокъ нѣсколько возовъ дорогихъ матерій и начать переговоры объ условіяхъ капитуляціи. Предводители гайдамаковъ приняли подарки, но переговоры отложили до утра [1]). На слѣдующій день Гонта, привязавъ бѣлый платокъ къ копью, подъѣхалъ къ воротамъ и предложилъ возобновить переговоры объ условіяхъ сдачи; онъ требовалъ, чтобы Младановичъ вышелъ къ нему лично и приказалъ-бы открыть ворота; растерявшійся губернаторъ исполнилъ это требованіе, онъ пошелъ къ воротамъ на встрѣчу Гонтѣ въ сопровожденіи мѣщанъ, несшихъ хлѣбъ и соль. У воротъ произошла безпорядочная сцена, различно разсказываемая мемуаристами. Изъ сопоставленія сообщаемыхъ ими извѣстій, весьма впрочемъ противурѣчивыхъ въ частностяхъ, несомнѣнно то, что вслѣдствіе анархіи, воцарившейся среди шляхты, переговоры не могли состояться; шляхетская старшина: губернаторъ Младановичъ, капитанъ Лепартъ, кассиръ Рогашевскій, хорунжій Марковскій и друг. вышли на встрѣчу Гонтѣ, не условившись предварительно между собою; когда ворота были отворены и Гонта и Желѣзнякъ въ сопровожденіи козацкой старшины въѣзжали въ нихъ, одни шляхтичи пытались было вступить въ переговоры, другіе прерывали ихъ бранью, иные порывались палить изъ пушекъ, другіе отталкивали ихъ и ложились на пушки. Младановичъ, хотѣвшій было предложить Гонтѣ условія, не могъ говорить среди шума; исполненный досады и отчаянія, онъ обратился къ шляхтѣ: „помышляйте-же сами о себѣ, я иду въ церковь и предаю себя Господу!“ и затѣмъ ушелъ къ костелу [2]). Между тѣмъ, пока шляхтичи ссорились и шумѣли, вслѣдъ за старшиною вошла въ городъ толпа народа и разсыпалась по улицамъ; началась кровавая расправа, извѣстная подъ именемъ „Уманской рѣзни“. Мы не станемъ передавать подробностей этого дѣла, изобильно разсказанныхъ всѣми мемуаристами, а остановимся лишь на тѣхъ фактахъ, кото-

[1]) Зап. Мощинскаго, стр. 142—143.

[2]) Зап. Липпомана, стр. 27—29; Зап. П. Младановича, стр. 85—86; Зап. Тучапскаго, стр. 128—130; Зап. Мощинскаго, стр. 142—143; «Кіевская Старина», I, стр. 525.

Библиотека "Руниверс"

рые относятся лично къ Гонтѣ и очерчиваютъ его отношеніе къ излишествамъ народной мести. Не смотря на то, что факты эти мы въ состояніи заимствовать исключительно изъ источниковъ крайне непріязненныхъ для Гонты и желающихъ свалить по преимуществу на него отвѣтственность за варварскія убійства, происходившія въ Умани, всматриваясь въ передаваемыя мемуаристами данныя, мы видимъ въ дѣйствіяхъ Гонты гораздо болѣе желанія смягчить расправу, чѣмъ усилить ее, и во многихъ случаяхъ онъ очевидно прибѣгаетъ къ всевозможнымъ компромисамъ и хитростямъ для того, чтобы исторгнуть ту или другую жертву отъ ярости народнаго озлобленія; онъ старается оттянуть время, дѣлаетъ распоряженія будто грозныя для жертвъ, но въ сущности имѣвшія цѣлью спасти ихъ и т. п. Принявъ во вниманіе составъ овладѣвшаго Уманью ополченія и отношенія къ нему Гонты, мы не можемъ относить къ его личному вліянію того кроваваго характера, который приняла расправа. Масса народа, нахлынувшая въ Умань, состояла изъ крестьянъ, сбѣжавшихся изъ всей южной Кіевщины: крестьяне эти, томившіеся долго въ тяжелой крѣпостной зависимости, раздраженные недавними событіями, направленными къ насильственному введенію уніи, представляли массу разъяренную и озлобленную и уже по степени своего развитія не способную ни сдерживать своихъ страстей, ни подчиниться правильному руководству своихъ вождей. Притомъ, какъ ни былъ популяренъ Гонта, вліяніе его ограничивалось предѣлами Уманщины и для большинства возставшихъ крестьянъ онъ былъ человѣкъ чужой и не авторитетный. Дать направленіе движенію, сдержать чувство народной мести, онъ не имѣлъ возможности и на немъ не можетъ лежать отвѣтственность за общій характеръ событій. Чтобы уяснить его личный образъ дѣйствій, посмотримъ, на какіе факты указываютъ его враги. Самый враждебный къ Гонтѣ изъ всѣхъ мемуаристовъ, Павелъ Младановичъ, приписываетъ ему лично два убійства: кассира Рогашевскаго и своей тетки Констанціи Янкевичовой; но въ первомъ случаѣ Младановичъ противурѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ онъ самъ сообщаетъ приказъ данный Гонтою о томъ, чтобы пощадить семейство Рогашевскаго, относительно-же Янкевичевой, сестра Младановича, видѣвшая ея смерть, сообщаетъ, что она была убита какимъ-то неизвѣстнымъ крестьяниномъ, въ то время, когда, въ числѣ другихъ

Библиотека "Руниверс"

женщинъ ее препровождали въ церковь по приказанію Гонты [1]). Затѣмъ Тучапскій утверждаетъ, что Гонта приказалъ привести къ себѣ губернатора Младановича, упрекалъ его въ утайкѣ важнаго письма, писаннаго воеводою къ Гонтѣ, и въ заключеніе нанесъ ему ударъ саблею, а затѣмъ приказалъ окружавшимъ убить его; но Павелъ Младановичъ, сопровождавшій отца во время этого разговора, ничего подобнаго не слышалъ; онъ утверждаетъ, что Гонта требовалъ отъ Младановича передачи кассы и вслѣдствіе его отказа, выдалъ его окружавшимъ козакамъ [2]). Кромѣ этихъ трехъ сбивчивыхъ, противурѣчивыхъ и не ясныхъ указаній, ни одинъ мемуаристъ не приводитъ ни одного не только лично Гонтою совершеннаго убійства, но даже исходившаго отъ него смертнаго приговора, между тѣмъ какъ въ разсказахъ ихъ постоянно просвѣчиваютъ свидѣтельства объ усиліяхъ Гонты спасти какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя группы шляхтичей. Такъ Тучапскій свидѣтельствуетъ, что Гонта приказалъ пощадить экопома Скаржинскаго; но крестьяне, ненавидѣвшіе его за крайнюю строгость, убили его выстрѣлами изъ толпы, помимо запрета Гонты [3]). Младановичъ и Кребсъ разсказываютъ согласно о томъ, что, явившись въ костелъ, куда укрылись многіе шляхтичи и гдѣ уже началась рѣзня, Гонта приказалъ вывести изъ него нѣсколько семействъ, въ томъ числѣ и семейство Младановича, обѣщая спасти ихъ. Выведенныхъ изъ костела препроводили частью въ домъ мѣщанина Богатого, частью въ экономическій дворъ, ихъ сопровождали козаки, назначенные Гонтою, которые, проходя среди толпы, кричали: „не тронь!“ Затѣмъ, явившись самъ въ домъ Богатого и замѣтивъ, что гайдамаки въ него врываются и обращаютъ вниманіе на спасенныхъ, онъ отвелъ Младановича въ заднюю комнату и сказалъ ему: „сиди здѣсь, будешь въ безопасности“. Желая предохранить отъ разъяренной толпы дѣтей и женщинъ уведенныхъ въ экономическій дворъ, онъ приказалъ ихъ отвести въ церковь, гдѣ священникъ прочелъ надъ ними молитву и окропилъ ихъ водою; толпѣ было сообщено, что лица эти приняли крещеніе по православному обря-

[1]) Зап. И. Младановича, стр. 87 и 94; Зап. Кребсъ, стр. 23.
[2]) Зап. Тучапскаго, стр. 135—136; Зап. И. Младановича, стр. 90—91.
[3]) Зап. Тучапскаго, стр. 136.

Библиотека "Руниверс"

ду и что воспріемниками ихъ были Гонта и Желѣзнякъ. Мальчика Младановича, будущаго мемуариста, Гонта поручилъ безотступному попеченію козака Шило, который его охранялъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, объявляя всѣмъ: „то ляцка дитына, дарована житьемъ видъ Гонты“. Когда явились изъ одного изъ окрестныхъ селъ крестьяне, преданные семьѣ Младановичей, онъ приказалъ выдать имъ и позволилъ увести изъ Умани трое спасенныхъ дѣтей. Наконецъ когда страсти успокоились, Гонта приказалъ вывести на улицу всѣхъ, скрывавшихся во время погрома, и каждому поименно объявилъ, что жизни его не угрожаетъ болѣе опасность. Записывая послѣднюю сцену, Младановичъ прибавляетъ, что Гонта случайно замѣтилъ во время разговора лежавшіе на улицѣ трупы убитыхъ дѣтей, страшно побѣднѣлъ и приказалъ немедленно похоронить ихъ [1]).

Факты, подобные приведеннымъ, разсѣяны въ значительномъ количествѣ въ мемуарахъ и они, независимо отъ воли сообщающихъ ихъ лицъ, возстановляютъ человѣчный образъ ненавистнаго для шляхтичей уманскаго сотника.

Погромъ продолжался два дня, наконецъ страсти улеглись; нужно было приступить къ устройству края и къ продолженію начатыхъ дѣйствій. О дѣятельности Гонты въ теченіи трехъ недѣль, послѣдовавшихъ за взятіемъ Умани, мы имѣемъ только весьма скудные намеки, тѣмъ не менѣе въ нихъ ясно обозначается направленіе къ тому порядку, который стремился осуществить возставшій народъ и его вожди. Послѣ взятія Умани только въ теченіи трехъ недѣль они имѣли возможность свободно распоряжаться въ краѣ; въ это время они приняли мѣры для того, чтобы распространить движеніе на возможно широкомъ пространствѣ: изъ крестьянъ формировали отряды и разсылали ихъ въ разныя стороны: въ Брацлавщину, на границы Подолія и Полѣсья, съ порученіемъ изгнать или истребить шляхтичей. Въ Умани созвана была рада для выбора войсковой старшины, на ней, по козацкому обычаю, при пушечной и ружейной пальбѣ, провозглашены были: Желѣзнякъ гетманомъ и Гонта уманскимъ полковникомъ; (о другихъ должностныхъ лицахъ

[1]) Зап. И. Младановича, стр. 87—100 и 103; Зап. Кребсъ, стр. 22—24.

Библиотека "Руниверс"

до насъ не дошли свѣдѣнія [1]). Уманщина раздѣлена была на сотни и въ каждую отправленъ сотникъ, который долженъ былъ регулировать доставку военнаго контингента и завѣдывать сборомъ провіанта и податей, въ этомъ смыслѣ разосланы были по селамъ указы за подписью Гонты [2]). Уніатскимъ священникамъ предписано было или оставить приходы, или присоединиться къ православію, испросивъ у переяславскаго епископа уставныя грамоты и антиминсы [3]). Затѣмъ приступлено было къ очисткѣ города отъ труповъ; часть козацкаго войска заняла въ качествѣ гарнизона Умань, другая выведена была за городъ въ лагерь. Гонта старался поддерживать въ войскѣ бодрость духа и веселіе: онъ раздѣлилъ между козаками богатую добычу, старался о правильномъ снабженіи лагеря провіантомъ и по временамъ устраивалъ пиры съ музыкою и танцами, на которые приглашалъ безъ различія всѣхъ жителей города, въ томъ числѣ и уцѣлѣвшихъ дамъ шляхетскаго сословія [4]). Не смотря на эту дѣятельность, Гонта однако сознавалъ всю трудность прочнаго водворенія козачества; онъ по временамъ былъ безпокоенъ и задумчивъ и говорилъ къ окружавшимъ: „Братья! сомнѣваюсь, пойдетъ-ли въ прокъ начатое дѣло“ [5]).

Дѣйствительно сомнѣнія Гонты оправдались раньше, чѣмъ онъ полагалъ, и гроза наступила съ той стороны, откуда менѣе всего она ожидалась. Русское правительство сочло необходимымъ принять участіе въ водвореніи порядка въ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, и снабдило соотвѣтственными инструкціями генерала Кречетникова, осаждавшаго въ то время отрядъ конфедератовъ въ Бердичевѣ. Кречетниковъ отправилъ въ Умань полкъ донскихъ козаковъ подъ начальствомъ полковника Гурьева [6]), съ

---

[1]) Зап. Тучапскаго, стр. 137.

[2]) Зап. Мощинскаго, стр. 145; зап. П. Младановича, стр. 103.

[3]) «Кіевская Старина» I, стр. 528.

[4]) Зап. П. Младановича, стр. 101—102; Зап. Тучапскаго, стр. 137—138.

[5]) Зап. Тучапскаго, стр. 138.

[6]) Польскіе мемуары передаютъ различно фамилію русскаго начальника, разсѣявшаго гайдамаковъ; его называютъ то Кречетниковъ, то Кологривовъ, то Кривой, то Полкинъ и т. д. Имя Гурьева сохранилось только въ Запискахъ Мощинскаго, затѣмъ оно подтверждается оффиціальнымъ рапортомъ Браницкаго королю, отъ 10 іюля. Зап. Мощинскаго, стр. 145. Gumplowicz—Konfederacija Barska, стр. 38.

Библиотека "Руниверс"

порученіемъ усмирить возставшихъ крестьянъ и вслѣдъ за Гурьевымъ послалъ туда-же отрядъ пѣхоты. Гурьевъ, прибылъ къ Умани и расположился рядомъ съ лагеремъ Желѣзняка; онъ вступилъ въ пріятельскія отношенія съ предводителями возстанія, посѣщалъ часто Гонту и Желѣзняка, предлагалъ имъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ конфедератовъ, обѣщалъ свою помощь для изгнанія шляхты изъ Волыни и давалъ совѣты относительно устройства войска и введенія правильнаго воинскаго порядка. Дружелюбныя отношенія продолжались въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока Гурьевъ не былъ извѣщенъ, что въ подкрѣпленіе ему приближается полкъ пѣхоты. Узнавъ объ этомъ, онъ устроилъ пиръ для всего войска и приказалъ донцамъ усердно угощать украинцевъ и въ тоже время незамѣтно овладѣть складомъ ихъ оружія и угнать ихъ лошадей; между тѣмъ подходившая пѣхота окружала цѣпью веселившійся лагерь. Среди этихъ приготовленій Гонта, Желѣзнякъ и другіе козацкіе старшины приглашены были въ палатку Гурьева, откуда, по условію, они должны были отправиться погостить въ домъ Гонты въ Росошки. Вдругъ, Гурьевъ, бесѣдовавшій дружелюбно съ своими посѣтителями, подалъ условный знакъ и въ палатку вошли вооруженные донцы, бросились на старшину и перевязали ее, въ туже минуту пѣхота сомкнула цѣпь и вмѣстѣ съ донцами бросилась на пировавшихъ козаковъ. ихъ хватали въ расплохъ, вязали, забивали въ кандалы; многіе успѣли бѣжать, другіе пытались защищаться, но были подавлены [1]). Къ утру лагерь украинцевъ уже не существовалъ и 900 плѣнниковъ находилось во власти Гурьева [2]).

Такимъ образомъ исполнено было приказаніе данное Гурьеву. Правительство, отъ котораго оно исходило, руководилось конечно соображеніями высшей политики, болѣе или менѣе просвѣчивающими въ перепискѣ Румянцева съ Панинымъ и коллегіею иностранныхъ

---

[1]) Зап. Липпомана, стр. 42—45; Зап. И. Младановича, стр. 107—111; Зап. Тучанскаго, стр. 141—143; Зап. Кребсъ, стр. 28—30; Зап. Мощинскаго; стр. 145—148.

[2]) Изъ росписки коменданта кіевской крѣпости Лбова, мы знаемъ, что онъ принялъ 68 плѣнниковъ, присланныхъ Гурьевымъ; въ рапортѣ Браницкаго королю показано число плѣнныхъ, переданныхъ Гурьевымъ въ распоряженіе польскихъ властей—846.

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ, и имѣло свои основанія принять данный образъ дѣйствія; но въ самыхъ пріемахъ усмиренія возставшихъ крестьянъ не менѣе замѣтны личное настроеніе и точка зрѣнія русскихъ офицеровъ, исполнявшихъ приказанія правительства. Донской полковникъ Гурьевъ и прибывшіе вслѣдъ за усмиреніемъ возстанія въ Умань генералы Кречетниковъ и Подгоричанинъ относятся къ плѣннымъ крестьянамъ и козакамъ съ крайнимъ презрѣніемъ и негодованіемъ и напротивъ заявляютъ весьма нѣжную симпатію къ шляхтичамъ; они какъ будто не сознаютъ, что возставшіе крестьяне связаны съ Россіею узами вѣры и народности, что если возстаніе и было несвоевременно и съ политической точки зрѣнія не желательно для русскаго правительства, то тѣмъ не менѣе оно исходило изъ желанія отстоять свои народныя права, опиралось на симпатію къ Россіи и прикрывалось именемъ императрицы. Русскіе офицеры не обращаютъ вниманія на все это; они видятъ въ возставшихъ лишь бунтующихъ крѣпостныхъ, въ шляхтичахъ—обиженныхъ дворянъ и потому, въ обращеніи съ плѣнными, они лично отъ себя прибавляютъ мѣры строгости и произвольныя наказанія, далеко не вытекавшія изъ служебныхъ обязанностей. Такъ Павелъ Младановичъ, оставившій самыя подробныя свѣдѣнія о первыхъ дняхъ ареста Гонты, съ радостью и похвалою описываетъ подробно дѣйствія Гурьева. Онъ сообщаетъ, что сейчасъ послѣ ареста полковникъ нанесъ собственноручно сильные побои Гонтѣ, а затѣмъ приказалъ передъ своею палаткою отсчитать по 300 ударовъ Гонтѣ, Желѣзняку и остальнымъ плѣннымъ старшинамъ. По словамъ мемуариста, наказаніе этимъ не ограничилось: въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока плѣнники не были сданы польскимъ властямъ, Гонта подвергался тѣлесному наказанію по три раза въ сутки; все тѣло его покрыто было язвами, говоритъ съ торжествомъ Младановичъ, и полковникъ провожалъ съѣзжавшуюся въ его лагерь шляхту, къ ямѣ, въ которой содержался Гонта, и указывалъ имъ плѣнника; сверхъ того жена и четыре дочери сотника были арестованы донцами, доставлены въ лагерь, нѣсколько разъ наказаны публично розгами за то, что не донесли объ измѣнѣ мужа и отца, и затѣмъ отправлены въ ссылку; сынъ Гонты спасся бѣгствомъ въ Молдавію, вмѣстѣ съ сотникомъ Уласенкомъ. Движимое имущество Гонты было конфисковано и Младановичъ сѣтуетъ только на то, что Кречетниковъ не выдалъ его потерпѣвшимъ шляхтичамъ, а

Библиотека "Руниверс"

присвоилъ себѣ въ качествѣ военной добычи [1]). Мы не имѣемъ возможности провѣрить, насколько Младановичъ преувеличилъ разсказываемые имъ факты, но подтвержденіе общаго колорита ихъ находимъ въ Запискахъ Кребсъ; она сообщаетъ, что генералъ Подгоричанинъ посѣтилъ ее въ селѣ, гдѣ она скрывалась, очень заинтересовался ея участью, перевезъ въ Умань, обезпечилъ ей содержаніе и, уходя въ походъ, со слезами просилъ Кречетникова взять ее подъ свое покровительство. Утѣшая спасенную Гонтою-же дѣвушку, Кречетниковъ привелъ ее, вмѣстѣ съ братомъ, въ палатку, гдѣ она увидѣла Гонту окованнаго по рукамъ и по ногамъ, лежавшаго лицемъ къ землѣ, но одѣтаго еще въ свое форменное платье уманской милиціи. „Кречетниковъ толкнулъ его палкою въ голову, Гонта приподнялся; тогда генералъ, указывая на насъ, сказалъ: посмотри на этихъ несчастныхъ сиротъ! Гонта съ минуту смотрѣлъ на насъ, потомъ отвернулся и крикнулъ: чортъ ихъ бери! и снова уткнулся лбомъ въ землю“ [2]).

Послѣ нѣсколькихъ дней мучительнаго плѣна, Гурьевъ передалъ Гонту, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, уроженцами польской Кіевщины, подъ стражу отряда польскаго войска, и они были препровождены въ главную польскую военную квартиру, находившуюся въ селѣ Сербахъ въ окрестности Могилева на Днѣстрѣ.

Здѣсь плѣнные ожидали суда въ теченіи мѣсяца, пока начальникъ польскаго войска сносился съ королемъ и пока установилась точка зрѣнія на предстоящій процессъ [3]). Въ то время главнымъ начальникомъ незначительныхъ военныхъ силъ, которыми Польша располагала въ юго-западномъ краѣ, былъ ловчій коронный Ксаверій Браницкій, личный другъ короля Станислава Понятовскаго; онъ имѣлъ спеціальное порученіе дѣйствовать противъ конфедератовъ; съ этою цѣлью онъ расположилъ свои небольшія силы вдоль по теченію Днѣстра, для того, чтобы пресѣчь сношенія конфедератовъ съ Молдавіею, гдѣ находились въ то время конфедератскіе па-

---

[1]) Зап. Павла Младановича, стр. 111—114.

[2]) Зап. Кребсъ, стр. 27—28.

[3]) Gumplowicz—Konfederacija Barska. Стр. 38, 68. Браницкій извѣщаетъ короля 10 іюля о присылкѣ Гурьевымъ плѣнныхъ и только 13 августа посылаетъ рапортъ объ ихъ казни.

Библиотека "Руниверс"

чальники и резервы, и куда укрывались партіи конфедератовъ послѣ каждаго пораженія. Былъ-ли Браницкій исключительно занятъ своимъ дѣломъ, или считалъ свои силы слишкомъ слабыми, или, можетъ быть, полагалъ, что крестьянское возстаніе, грозное для конфедератовъ, случилось на руку для польскаго правительства, во всякомъ случаѣ онъ не тронулся съ мѣста при вѣсти о народномъ возстаніи и не принялъ никакихъ мѣръ для его подавленія. Между тѣмъ теперь, совершенно противъ воли, ему пришлось стать судьею плѣнныхъ крестьянъ. Какъ видно изъ дошедшей до насъ переписки Браницкаго съ королемъ, онъ былъ человѣкъ для своего времени либеральный и гуманный, не раздѣлялъ фанатическихъ и эксклюзивныхъ воззрѣній шляхты и, по врожденной мягкости права, чувствовалъ отвращеніе отъ жестокой расправы. Роль уголовнаго военнаго судьи претила ему и онъ старается смягчить ее, но мимо напора общественнаго шляхетскаго мнѣнія. Въ письмѣ къ королю отъ 10 іюля, извѣщая о присланныхъ плѣнникахъ, онъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ свои взгляды и свое положеніе въ этомъ дѣлѣ: „Здѣсь господствуетъ всеобщая радость: окрестные помѣщики и евреи постоянно меня осаждаютъ, совѣтуютъ четвертовать, жечь, сажать на колъ, вѣшать безъ милосердія, только и слышу: „казни! распни"! Я объясняю, что только часть виновныхъ прикажу казнить, остальныхъ-же отправлю для крѣпостныхъ работъ и для устройства мостовыхъ въ городахъ; но они продолжаютъ настаивать. Въ другое время я не сталъ-бы ихъ и слушать, но теперь я долженъ дѣлать уступки, ибо слышатся уже намеки, будто весь бунтъ произошелъ по нашему наущенію; тѣ лица, которыя бѣжали толпами за границу при появленіи двухъ-трехъ гайдамаковъ, теперь, видя ихъ въ плѣну, проявляютъ неимовѣрное рвеніе и мужество и добиваются чести быть палачами; совѣтуютъ мнѣ, по примѣру Потоцкаго [1]), перерѣзать поголовно, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, тѣ села, которыя были причастны къ бунту; напрасно я поставляю имъ на видъ, что въ слабо населенной области нельзя истреблять населенія... Я намѣренъ поступить такъ: нѣкоторыхъ гайдамаковъ прикажу казнить для удовольствія господъ помѣ-

[1]) Это упоминаніе относится къ гетману Іосифу Потоцкому, усмирившему крестьянскій бунтъ въ Брацлавщинѣ въ 1702 году.

Библиотека "Руниверс"

щиковъ, остальныхъ-же (а ихъ наберется болѣе тысячи) отправлю для исполненія крѣпостныхъ и городскихъ работъ въ Каменецъ, Львовъ и вашей королевской милости въ Уяздовъ [1]). Король одобрилъ въ принципѣ человѣколюбивый взглядъ Браницкаго, но замѣтилъ, что онъ не имѣетъ ни войска для охраны многочисленныхъ плѣнниковъ, ни денегъ для ихъ прокормленія, затѣмъ обѣщалъ постараться добыть средства. Понуждаемый новыми письмами Браницкаго, онъ наконецъ отвѣтилъ: „мысль объ обращеніи плѣнныхъ хлоповъ къ исполненію работъ общественныхъ и монхъ частныхъ прекрасна, но возможна при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, не теперь . . . если вамъ впредь будутъ попадаться плѣнники изъ бунтующихъ крестьянъ, то прикажите одному изъ десяти отрубить по одной ногѣ и по одной рукѣ и всѣхъ выпускайте. Эта мѣра устрашитъ ихъ болѣе, чѣмъ смертная казнь; въ доказательство ея пользы есть примѣры въ прошедшемъ“ [2]).

Такимъ образомъ рѣшена была участь плѣнныхъ. Браницкій, уступая общественному мнѣнію шляхтичей и не находя поддержки у короля, назначилъ военносудную коммисію; послѣдняя опредѣлила 700 человѣкъ повѣсить въ различныхъ селахъ и городахъ юго-западнаго края; предводители-же подверглись „для примѣра, жесточайшей казни“, по выраженію Браницкаго; послѣдній все таки помиловалъ нѣсколько сотъ человѣкъ, отправивъ ихъ на работы въ каменецкую и львовскую крѣпости. „Пусть доброта вашей королевской милости извинитъ мнѣ это ослушаніе его воли, пишетъ онъ въ рапортѣ отъ 13 августа, но я не могу вынести мысли о томъ, чтобы казнить смертью столько людей изъ за того только, что намъ нечѣмъ прокормить ихъ“ [3]).

Въ числѣ начальниковъ, казненныхъ „жесточайшимъ образомъ для примѣра“, конечно, первое мѣсто занималъ Гонта. Приговоръ коммисіи присудилъ его къ слѣдующему роду смерти: казнь должна продолжаться 14 дней; въ теченіи первыхъ десяти палачь долженъ ежедневно снять съ его спины полосу кожи, въ 11-й день отрубить

---

[1]) Gumplowicz, стр. 38—39. Уяздовъ—вилла въ окрестности Варшавы, гдѣ король тогда строилъ дворецъ и заводилъ паркъ.

[2]) Ibid. стр. 41—42, 49—50, 58 и 74.

[3]) Ibid. стр. 68.

Библиотека "Руниверс"

обѣ ноги, въ 12-й обѣ руки, въ 13-й вырвать сердце и наконецъ въ 14-й отрубить голову. Затѣмъ части его тѣла должны быть прибиты къ висѣлицамъ, воздвигнутымъ въ 14 городахъ Украйны [1]). Браницкій смягчилъ этотъ приговоръ тѣмъ, что приказалъ обезглавить Гонту на третій день и продолжать исполненіе дальнѣйшей казни на трупѣ. Затѣмъ, не будучи въ состояніи выносить этого зрѣлища, онъ уѣхалъ изъ лагеря въ Каменецъ, откуда и послалъ рапортъ королю [2]).

О послѣднихъ минутахъ Гонты осталось нѣсколько характеристическихъ разсказовъ. Младановичъ сообщаетъ, что Браницкій дозволилъ нѣсколькимъ духовнымъ лицамъ напутствовать его передъ смертью [3]). Тучапскій говоритъ, что „Гонта перенесъ справедливую казнь съ полною рѣшимостью и приготовился къ ней надлежащимъ образомъ“ [4]). Охоцкій, со словъ очевидцевъ, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Гонта вышелъ на мѣсто казни съ лицемъ веселымъ и спокойнымъ, будто онъ шелъ къ куму на крестины. Палачъ оторвалъ ему полосу кожи, кровь брызнула, но лице гайдамаки не измѣнилось; оторвали другую полосу кожи, тогда Гонта сказалъ зрителямъ: „Отъ говорили, що буде болиты,—я ни крышки не болить!“ Удивительная сила воли!- въ другомъ положеніи человѣкъ этотъ несомнѣнно могъ-бы совершить великія дѣла“ [5]). Наконецъ неизвѣстный шляхтичъ, частью записокъ котораго мы пользуемся въ рукописи, передаетъ со словъ офицера, присутствовавшаго при казни, слѣдующую черту, свидѣтельствующую о томъ, что самообладаніе и даже юморъ не оставили Гонту до послѣдней минуты: „Плѣнника сторожилъ по ночамъ одинъ изъ товарищей панцырной хоругви. Послѣ прочтенія приговора, на канунѣ казни, товарищъ этотъ, подозрѣвавшій, что Гонта припряталъ кое-что изъ добычи, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Панъ полковникъ! завтра

[1]) По свидѣтельству Младановича много лѣтъ спустя виднѣлся еще черепъ Гонты, прибитый къ висѣлицѣ у города Могилева, стр. 115.

[2]) Зап. П. Младановича, стр. 115; Зап. Тучапскаго, стр. 145; Зап. Кребсъ, стр. 31; Зап. Мощинскаго, стр. 149. Рукописныя записки анонима.

[3]) Зап. П. Младановича, стр. 115.

[4]) Зап. Тучапскаго, стр. 145.

[5]) Зап. Охоцкаго, т. I, стр. 108.

Библиотека "Руниверс"

все земное будетъ кончено для васъ; не найдете-ли возможнымъ оставить что-либо на память не богатому воину, который проводитъ съ вами послѣднія минуты?“—„Охотно, отвѣчалъ Гонта, напомните мнѣ завтра, я вамъ подарю поясъ“. Товарищъ всю ночь мечталъ о богатомъ поясѣ изъ златоглава и на другой день, лишь только Гонту вывели изъ темницы, онъ обратился къ нему: „панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!“—„Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительною улыбкою,—первая полоса кожи [1]), которую снимутъ съ меня, пусть служитъ вамъ поясомъ!“

Полагаемъ, что такое полное хладнокровіе и самообладаніе въ виду мучительной варварской казни могъ сохранить только человѣкъ глубоко убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и въ чистотѣ руководившихъ имъ принциповъ и побужденій. Судя по намекамъ мемуаристовъ, такое-же представленіе о Гонтѣ присуще было всему народу. Младановичъ утверждаетъ, что послѣ казни Гонты многіе друзья его въ Уманщинѣ кончили жизнь въ отчаяніи самоубійствомъ [2]). Имя его долго хранилось въ памяти народа и служило символомъ освобожденія изъ панской неволи; и на Волыни въ 1789 году и въ Уманщинѣ въ 1826 г., когда между крестьянами зарождались неосновательные слухи объ изгнаніи пановъ, въ числѣ ихъ появлялось неизмѣнно извѣстіе о томъ, будто руководителемъ движенія будетъ сынъ Гонты, скрывающійся гдѣ-то „на Волощинѣ“.

В. Антоновичъ.

---

[1]) По польски *pas* означаетъ и *поясъ* и *полоса кожи*.

[2]) Зап. Младановича, стр. 116.

Библиотека "Руниверс"

Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.

(Рѣчь, читанная на актѣ въ коллегіи П. Галагана 1-го октября 1882 г.).

———

Языкъ всегда привлекалъ вниманіе мыслящаго человѣка своимъ загадочнымъ, чудеснымъ устройствомъ. Не чудесно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ посредствомъ разнообразныхъ комбинацій немногихъ звуковъ называетъ тысячи предметовъ, которые видитъ вокругъ себя, разсказываетъ объ ихъ свойствахъ, движеніи и перемѣнахъ и даже сообщаетъ другимъ то, что самъ думаетъ и чувствуетъ, при чемъ другіе понимаютъ его? Какая чудесная сила скрыта въ этихъ звуковыхъ знакахъ? Какъ появились эти знаки, которые мы называемъ словомъ? Что такое человѣческое слово?

Я не хочу утомлять васъ теоретическимъ разъясненіемъ этихъ вопросовъ. Не мѣсто и не время здѣсь заниматься предметомъ, о которомъ легко говорить языкомъ учебника, но не легко мыслить безъ колебаній и сомнѣній въ виду разныхъ теорій о происхожденіи и сущности человѣческаго слова. Я имѣю въ виду обратить вниманіе ваше на ту сторону поставленныхъ мною вопросовъ, которая имѣетъ прямое отношеніе къ русской школѣ и къ живому орудію ея—русскому слову. Оно звучало нѣкогда въ устахъ нашихъ предковъ, обнимая все содержаніе ихъ жизни, которая давно уже спитъ вѣчнымъ сномъ въ степныхъ курганахъ, на городскихъ и сельскихъ кладбищахъ. Но звучитъ оно и теперь въ нашихъ устахъ, давая намъ возможность вступать въ живое общеніе съ людьми, давно уже сошедшими съ земнаго поприща. Оно переходитъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, не позволяя заглохнуть нашему историческому самосознанію или, говоря языкомъ

Библиотека "Руниверс"

Слова о полку Игоревѣ, „свивая славы оба полы сего времени“. Дорогое это наслѣдство, завѣщанное намъ предками нашими.

Какъ-же они смотрѣли на свое собственное слово? Какъ они понимали тотъ русскій языкъ, съ которымъ связаны для насъ родныя преданія старины глубокой?

Думаю, что эти вопросы не лишены живаго интереса, поэтому я избралъ предметомъ моего чтенія—старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.

Въ давнее время человѣкъ видѣлъ въ словѣ вѣщую силу, которая его устами возвѣщала ему тайны жизни. Слово—не простой знакъ мысли, ибо въ звукахъ его живетъ невѣдомая сила, утоляющая печали сердца, избавляющая отъ напастей, исцѣляющая отъ недуговъ,—сила не всегда благодѣтельная, но иногда пагубная, разрушительная. Донынѣ еще не исчезла въ народѣ вѣра въ чарующее вліяніе слова, вѣра въ заклятія и заговоры.

Но и животныя произносятъ разные звуки, и у нихъ есть потребность выразить въ звукахъ то, что они чувствуютъ и чего желаютъ. Отсюда возникло представленіе о языкѣ животныхъ, въ которомъ живетъ та-же вѣщая сила, что и въ человѣческомъ словѣ. По народному міровоззрѣнію, есть вѣщіе люди, которые понимаютъ этотъ языкъ. Понятенъ онъ бываетъ и простымъ смертнымъ тогда, когда животныя произносятъ человѣческое слово. И не только животныя, даже деревья говорятъ иногда, какъ люди. На этомъ представленіи основано множество прекрасныхъ поэтическихъ образовъ, созданныхъ народною фантазіей. Я напомню вамъ одинъ изъ этихъ образовъ молодой женщины, превращенной злою свекровью въ рябину. Ходилъ добрый молодецъ на охоту и ничего не нашелъ, кромѣ рябинушки, что безъ вѣтру мается, безъ вихру къ землѣ клонится. Пришелъ онъ домой и разсказываетъ объ этомъ своей матери. „Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда“, отвѣчаетъ ему мать, „ты рубн, сынъ, рябинушку кудрявую“. „Ужъ я разъ ударилъ“, говоритъ добрый молодецъ, „руда (кровь) пошла, другой ударилъ, она охнула, ужъ я въ третій разъ ударилъ, слово молвила: не рябинушку рубишь ты, а свою жену“.[1]).

---

[1]) Народныя рус. пѣсни Якушкина, стр. 122.

Библиотека "Руниверс"

Таковы самыя давнія воззрѣнія на языкъ, не выдѣляющія человѣка изъ общей жизни природы. Они были свойственны предкамъ предковъ нашихъ задолго до того времени, когда они назвали землю свою русскою землею и языкъ свой русскимъ языкомъ. Это было сравнительно позднее время, когда явилась уже потребность рѣшить вопросъ: „откуду есть пошла русская земля". Это была эпоха составленія начальной нашей лѣтописи, въ которой слово *языкъ* часто употребляется, какъ синонимъ слова *народъ*: „словенску языку живущю на Дунаи", говоритъ лѣтописецъ, „придоша болгаре"... Такое-же значеніе иногда имѣетъ и слово *земля*: „се ведетъ на ны (Изяславъ) *землю* лядьскую"... „И приѣха вся *земля* половецкая" [1])... Понятіе о языкѣ еще не рѣзко выдѣлилось изъ понятія о говорящихъ извѣстнымъ языкомъ и живущихъ на извѣстной землѣ.

Что-же такое былъ въ сознаніи людей того времени русскій языкъ?

„А словѣнескъ языкъ и рускый одинъ", говоритъ лѣтописецъ, „отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе быша словѣне, аще и поляне звахуса, но словѣньская рѣчь бѣ, полями же прозвахуса, зане въ полѣ сѣдаху, языкъ словѣньскый бѣ ихъ единъ" [2]).

Теперь уже никто не раздѣляетъ мнѣнія лѣтописца о единствѣ языковъ славянскаго и русскаго въ его время. Самый языкъ начальной лѣтописи можно назвать церковно-славянскимъ только по намѣренію, а не по исполненію. Въ немъ сквозь церковно-славянскую основу ярко выступаютъ особенности древне-русскаго языка и въ звукахъ, и въ формахъ словъ, и въ построеніи рѣчи. Правда, начальная лѣтопись дошла до насъ въ спискахъ сравнительно позднихъ (XIV—XV в.); но и въ письменныхъ памятникахъ, современныхъ составителю начальнаго свода, легко распознать цѣлый рядъ признаковъ собственно языка русскаго. Тѣмъ не менѣе, лѣтописецъ съ особенною настойчивостію утверждаетъ, что „словѣнескъ языкъ и рускый бѣ одинъ".

Таково было убѣжденіе книжныхъ людей кіевской Руси. Смотрѣли они на языкъ съ точки зрѣнія практической. Для нихъ было довольно того, что церковно-славянскій языкъ болѣе или менѣе

[1]) Ипатскій списокъ, 122.
[2]) Ibidem. 16.

Библиотека "Руниверс"

понятенъ былъ всѣмъ племенамъ славянскимъ, которыя „прозвашася Русью... а первѣе быша словѣне... тѣмъ-же и грамота прозвася словѣньская“. Нужно было такъ или иначе приладиться къ этой грамотѣ, на которой возвѣщены были великія идеи христіанства. Нужно было привыкнуть къ „ученію книжному“, чтобы разстаться со всѣми привычками и понятіями язычества, которое, какъ извѣстно, не было формулировано и скрѣплено письменностію. Въ тотъ вѣкъ книжнымъ человѣкомъ назывался добрый христіанинъ, устроивший жизнь свою по новому христіанскому идеалу. Это была жизнь уединенная, подвижническая, монастырская, поэтому въ монастыряхъ книжность была предметомъ особенной заботы и почтенія. Сохранилось извѣстіе о томъ, что въ печерскомъ монастырѣ монахъ Иларіонъ день и ночь переписывалъ книги, другой монахъ Никонъ переплеталъ ихъ, а самъ игуменъ Ѳеодосій плелъ веревки для переплета книгъ. Это были новые „христіанскіе люди“, которые не могли не сознавать, что христіанству они обязаны готовымъ запасомъ свѣдѣній о разныхъ странахъ и народахъ, о разныхъ новыхъ формахъ и порядкахъ общежитія. Они видѣли въ христіанствѣ не только путь ко спасенію, но и путь къ просвѣщенію, которое въ тотъ вѣкъ возможно было только на языкѣ славянскомъ. Вотъ почему славянскій языкъ былъ для нихъ символомъ идей, высоко стоявшихъ надъ мелкими интересами ежедневной жизни, а также залогомъ нравственнаго союза между людьми, духовнаго братства между разрозненными племенами славяно-русскими. Отсюда стремленіе выставить на видъ родовое единство этихъ племенъ. Отсюда равнодушіе къ діалектическимъ особенностямъ языка русскаго. Они казались тогда мелочью, о которой не стоитъ говорить.

Нужно замѣтить при этомъ, что и русскій языкъ въ то отдаленное время далеко не былъ чуждъ многихъ особенностей церковно-славянскаго языка, нынѣ утраченныхъ. И теперь еще въ народныхъ русскихъ нарѣчіяхъ сохранились нѣкоторыя древне-русскія черты, напоминающія церковно-славянскій языкъ и позабытыя литературнымъ русскимъ языкомъ. Поэтому древне-русскій писатель во многихъ церковно-славянскихъ формахъ слова узнавалъ свои собственныя и вносилъ ихъ въ свою письменную рѣчь рядомъ съ церковно-славянскими и собственно русскими. Такъ образовался древне-русскій письменный языкъ, въ которомъ церковно-славянскія стихіи рѣчи

Библиотека "Руниверс"

выступаютъ не вездѣ съ одинаковою рѣзкостію. Онѣ господствуютъ преимущественно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о возвышенныхъ предметахъ вѣры и благочестія, и ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ она спускается къ явленіямъ обыденной жизни. Часто въ этихъ случаяхъ струя народной рѣчи незамѣтно сливается съ славяно-русскою,— иногда-же она льется вольнымъ потокомъ по книжному руслу, которое образовалось подъ вліяніемъ привычки къ славянской грамотѣ. Многія страницы лѣтописей блещутъ красотой литературнаго стиля, въ которомъ народный колоритъ рѣчи оттѣняется съ особенною выразительностію именно потому, что онъ поставленъ въ соразмѣрныя отношенія къ пріемамъ книжнаго изложенія. Я уже не говорю о Словѣ о полку Игоревѣ, въ которомъ эти пріемы, выработанные литературной практикой, не погасили вдохновенія поэта, создавшаго изъ народныхъ красокъ чудную поэтическую картину древне-русской жизни. Правду сказалъ лѣтописецъ: „велика полза бываетъ отъ ученія книжнаго!“

Въ XIII в. кіевская Русь пала подъ ударами татаръ. Въ первой половинѣ XIV в. она вошла въ составъ литовскаго государства. Такъ прожила она подъ чужимъ именемъ весь XV и первую половину XVI в. Мы не будемъ останавливаться на этомъ глухомъ времени, въ которое зрѣли силы, выступившія позже—въ козацкій періодъ южно-русской исторіи. Замѣтимъ только, что старыя преданія кіевской культуры сохранились и въ новой бытовой и общественной обстановкѣ литовской Руси. Въ ней господствовала та-же вѣра, тотъ-же языкъ. Высшія сословія не чужды были автономическихъ стремленій, а въ народѣ не угасалъ старый духъ вѣчевой свободы. Недоставало только новыхъ просвѣтительныхъ вліяній, которыя могли-бы оплодотворить задатки старой культуры и выразиться въ литературной формѣ.

Съ двадцатыхъ годовъ XVI в. въ умственной жизни юго-западной Руси мы видимъ цѣлый рядъ явленій, которыя были плодомъ европейскаго движенія, поднятаго протестантствомъ. По слѣдамъ протестантства шло социніанское движеніе. Оно не ограничивалось критикой внѣшнихъ порядковъ католической церкви, какъ протестантство, но стремилось поколебать самыя основы христіанскаго вѣроученія. На Волыни и въ Украинѣ социніане свили себѣ прочныя гнѣзда, изъ которыхъ распространяли свое ученіе преиму-

Библиотека "Руниверс"

щественно въ средѣ южно-русскаго дворянства. Они шли къ своей цѣли путемъ просвѣщенія, устраивая собственныя школы, путемъ печати, заводя собственныя типографіи, путемъ гласнаго обсужденія религіозныхъ мнѣній, созывая соборы и принимая живое участіе въ публичныхъ диспутахъ. Между тѣмъ для защиты католичества въ 1564 г. вызваны были въ Польшу іезуиты. Скоро распространились они по всей юго-западной Руси, дѣйствуя такъ-же путемъ школы, печати и публичной проповѣди. Нужно было за то-же оружіе взяться и православнымъ, чтобы въ общемъ броженіи религіозныхъ ученій не потерять вѣру отцевъ своихъ. Нужно было подумать о просвѣщеніи народа, чтобы выступить съ равными силами на защиту праотеческой вѣры, которая входила въ самое существо народной жизни и была, такъ сказать, хранилищемъ народнаго духа. Но какъ двинуть дѣло просвѣщенія, чтобы оно не поколебало самой этой вѣры, которая до сихъ поръ имѣла свою защиту главнымъ образомъ въ охранительномъ настроеніи народныхъ массъ? Это, въ самомъ дѣлѣ, былъ не легкій вопросъ для тѣхъ людей, которые, не желая разрывать связи съ народомъ, оставались вѣрны древнему „благочестію“ и въ то-же время, не желая отставать отъ идей вѣка, увлекались просвѣщеніемъ, возникшимъ на чужой, неправославной почвѣ. Они дѣлали нерѣшительные шаги въ разныхъ направленіяхъ. Одно изъ этихъ направленій выразилось въ цѣломъ рядѣ опытовъ перевода книгъ священнаго писанія, преимущественно Новаго Завѣта, на языкъ народный. Еще задолго до появленія социніанства въ литовской Руси явилась Библія Скорины „людемъ посполитымъ *русскаго языка* къ пожитку“. Докторъ Скорина былъ уроженецъ г. Полоцка и подъ русскимъ языкомъ разумѣлъ главнымъ образомъ бѣлорусскую рѣчь. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVI в. въ пересопницкомъ монастырѣ на Волыни трудились надъ переводомъ Евангелія „изъ языка блъгарского на *новоу рóускóую*“ архимандритъ Григорій и какой-то Михаилъ, сынъ протопопа Саноцкаго. Пересопницкіе переводчики внесли въ свой трудъ южно-русскую фразеологію въ такомъ изобиліи, что изъ нея одной можно было-бы выбрать богатый матеріалъ для южно-русской грамматики XVI в. Въ прошломъ году въ кіево-михайловскомъ монастырѣ открытъ переводъ всего Новаго Завѣта, составленный Валентиномъ Невгалевскимъ въ 1581 г. на Волыни, въ

Библиотека "Руниверс"

с. Хороповѣ. Переводъ сдѣланъ въ духѣ социніанства „съ полского языка на *речъ рускую*“ и предназначенъ для тѣхъ людей, „которые писма полского читати не умѣютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу зъ словъ его не розумѣютъ“ [1]). Кромѣ того, есть и другіе рукописные переводы Евангелія на малорусское нарѣчіе, которые до настоящаго времени совсѣмъ не описаны: одно изъ нихъ хранится въ виленской публичной библіотекѣ, другое—въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ, третье 1571 г. принадлежитъ частному лицу въ Житомірѣ. Есть даже печатное малорусское Евангеліе XVI в. съ параллельнымъ славянскимъ текстомъ, такъ называемое, тяпинское, тоже до сихъ поръ не описанное.

Въ какомъ отношеніи стоятъ эти памятники другъ къ другу? Что побуждало позднѣйшихъ переводчиковъ браться за трудъ—неудовлетворительность прежнихъ переводовъ или-же незнакомство съ ними? Какого типа были славянскіе подлинники, которыми пользовались переводчики? Въ чемъ заключается относительное достоинство переводовъ со стороны языка? Какое мѣсто занимаетъ этотъ языкъ въ исторіи малорусскаго народа?

Все это вопросы, еще не рѣшенные въ наукѣ. Судя по языку пересопницкаго Евангелія, можно сказать только, что въ XVI в. народная рѣчь рѣзко выступила съ такими особенностями, которыя едва мелькаютъ въ письменныхъ памятникахъ древне-русскаго языка. По преданію, письмо осталось церковно-славянское позднѣйшей, южно-славянской редакціи. Удержаны въ переводѣ даже многія формы словъ и обороты рѣчи церковно-славянскіе, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что они сами по себѣ понятны читателю. Тѣмъ не менѣе эта церковно-славянская видимость выражаетъ уже „*мову рускую*“, въ которой сохранились многія черты древне-русской рѣчи, свойственныя и церковно-славянскому языку, но уже видоизмѣненныя и переработанныя въ духѣ южно-русской фонетики. Мы видимъ предъ собою старинное зданіе, въ которомъ живутъ новые люди, съ новыми задачами жизни, съ новыми потребностями и вкусами. Не такъ говорятъ эти люди, какъ говорили въ старину, что „языкъ словѣнескъ и рускый одинъ“. Напротивъ того,

[1]) «Кіевск. Старина», 1882 г. май, стр. 200.

Библиотека "Руниверс"

они трудятся „людемъ посполитымъ руского языка къ пожитку“— въ виду того, что эти люди „языка словенского не розумѣютъ“. Такимъ образомъ идея русскаго языка въ его отдѣльности отъ церковно-славянскаго еще въ XVI в. сознана была южно-русскими писателями.

Между тѣмъ религіозныя столкновенія становились острѣе и больнѣе, особенно послѣ брестскаго собора (1596 г.), на которомъ провозглашена была церковная унія. Представители старинныхъ русскихъ родовъ становились въ ряды католиковъ, принимая вмѣстѣ съ католической вѣрой языкъ и имя польское. Трудно было защитникамъ православія ожидать помощи и отъ союзниковъ своихъ по положенію—протестантовъ и социніанъ, которые, поддерживая православныхъ въ борьбѣ съ католиками, сами однако-же стремились увеличить свои силы на счетъ православныхъ. Католики въ свою очередь упрекали православныхъ за то, что они не отказывались отъ союза съ открытыми еретиками-социніанами. Тогда раздался суровый голосъ ревнителей православія, отрицавшихъ всякую возможность соглашенія между наукой и вѣрой. „Егда есте па латинскую и мірскую мудрость ся полакомили“, говоритъ Іоаннъ Вишенскій въ концѣ XVI в., „тогда есте и благочестіе стратили, въ вѣрѣ онемощили и поболѣли, и ереси породили... Овъ бо зовется папежникъ, овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста, овъ зась недавно выкрещеный, овъ зась суботникъ... Чи не лѣпше тобѣ изучити часословецъ, псалтыръ, октоихъ, апостолъ и евангеліе... и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся звати и въ геену отъити?“ [1]) Нападая на мірскую мудрость, Іоаннъ Вишенскій не могъ благосклонно смотрѣть и на самое орудіе распространенія ея—языки латинскій и греческій. „Да знаете“, говоритъ онъ, „яко словенскій языкъ предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго“. Поэтому „книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте... Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи-же, для вырозумѣнья людского, попросту толкуйте и выкладайте“ [2]). Такъ-то силою со-

[1]) Акты южной и запад. Россіи, стр 210, 220.
[2]) Ibid. 210.

Библиотека "Руниверс"

бытій „простой“, т. е. народный языкъ снова отодвинутъ былъ на задній планъ. Не до того было, чтобы воздѣлывать его литературнымъ образомъ. Время не ждало. Для борьбы съ разновѣрцами казалось необходимымъ выступить во всеоружіи языка священныхъ книгъ, который, по мнѣнію Іоанна Вишенскаго, „есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій, понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, простымъ прилѣжнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ“ [1]).

Въ этихъ словахъ слышится сила убѣжденія, опиравшагося на народное міровоззрѣніе. Въ теченіе многихъ вѣковъ народъ привыкъ видѣть въ славянскомъ словѣ не простое, грѣшное слово, предназначенное для ежедневнаго употребленія, а священное слово вѣры, неразрывно связанное съ самою сущностію ея. Въ сознаніи большинства идея церковнаго языка смѣшивалась съ идеей вѣры, а та и другая—съ идеей народной самобытности. Но само собою разумѣется, что „простаго, прилѣжнаго читанія“ славянскихъ книгъ было вовсе недостаточно для того, чтобы выдержать борьбу съ людьми, вооруженными школой и наукой. Дѣло въ томъ, что славянскій языкъ въ XVI в. извѣстенъ былъ грамотнымъ людямъ южной Руси по рукописямъ позднѣйшихъ редакцій, преимущественно среднеболгарской и сербской, съ примѣсью русскихъ особенностей въ правописаніи. Цѣлыми вѣками накоплялись у разныхъ славянскихъ народовъ черты новаго церковно-славянскаго письма, подъ которыми скрывались наслоенія отъ разныхъ славянскихъ нарѣчій. Нужно было устранить разночтенія и искаженія въ самомъ текстѣ церковныхъ книгъ, чтобы надлежащимъ образомъ понимать ихъ. Поэтому нельзя было обойтись безъ грамматическаго знанія, которое въ то время можно было получить только у иновѣрцевъ. Отсюда глубоко сознанная потребность въ собственныхъ школахъ, которыя могли-бы состязаться въ научномъ достоинствѣ съ польскими школами, и въ то-же время могли-бы служить опорой для защиты народной вѣры. Такъ появилась прежде всего школа въ Острогѣ, основанная кн. К. Острожскимъ въ 1580 г. Затѣмъ братства львовское, виленское,

[1]) Ibid. 210.

Библиотека "Руниверс"

кіевское одно за другимъ начали открывать свои школы. Онѣ носили въ свое время названіе „латинскихъ“ школъ, такъ какъ самое преподаваніе въ нихъ шло на латинскомъ языкѣ, который былъ обязателенъ для учащихся даже въ разговорной рѣчи. Самая знаменитая изъ нихъ—кіевская школа, названная въ честь Петра Могилы могилянскимъ коллегіумомъ и переименованная при Петрѣ Великомъ въ академію.

Я не стану входить въ подробности о томъ, чему и какъ учили въ этихъ школахъ. Извѣстно, что въ нихъ водворилась схоластическая наука съ ея тяжелымъ формализмомъ, развивавшимъ разсудочныя силы въ ущербъ положительному знанію. Можно многое сказать противъ ея односторонняго направленія, но все-же это была методическая сила, которая могла служить точкой опоры для изученія дѣйствительности. Плодомъ этой науки была цѣлая литература, которая такъ или иначе должна была отзываться на текущіе вопросы жизни, на ея тревоги и невзгоды. Нельзя сказать, чтобы она входила въ самое существо народныхъ идеаловъ и выражала ихъ всегда понятнымъ для народа языкомъ; но было-бы несправедливо отрицать всякую связь ея съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Нужно только искать этой связи въ устныхъ произведеніяхъ народнаго поэтическаго творчества, а не въ однихъ письменныхъ памятникахъ. Что касается до языка этихъ памятниковъ, то коренной недостатокъ его заключается въ отсутствіи индивидуальной силы. Это, можно сказать, языкъ, сложенный изъ разныхъ матеріаловъ—древнихъ и новыхъ, своихъ и чужихъ. Прежде всего бросается въ глаза яркая примѣсь въ немъ словъ латинскихъ и особенно польскихъ. Тѣ и другія вплетены въ церковно-славянскую рѣчь, которая, согласно съ древне-русскимъ преданіемъ и новыми потребностями религіозной мысли, положена была въ основу книжнаго языка. Нужно сказать, что въ самомъ началѣ XVII в. (1619 г.) явилась славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, которая положила конецъ синкретическому направленію славянской письменности и возвела русскую редакцію ея на степень установившейся нормы. Тѣмъ не менѣе церковно-славянская рѣчь и послѣ того оставалась трудною и невразумительною для непривычнаго читателя. Чтобы облегчить пониманіе ея, тогда-же (1627 г.) „мужъ побожный, Памво Берында“, составилъ свой „лексиконъ славенорос-

Библиотека "Руниверс"

скій“ „ку пожитку любомудрымъ, найбарзей спудеомъ“. Въ этомъ трудѣ онъ изъ многихъ языковъ „и власнаго нашего словенскаго“ множество словъ „згромадивши, нашимъ языкомъ рускимъ объяснилъ“ [1]). Собственно говоря, эти объясненія написаны тоже языкомъ книжнымъ, не свободнымъ отъ польскаго вліянія, но въ этомъ языкѣ замѣтны уже ясно сознанныя стихіи народной рѣчи, которая выступаетъ особенно ярко на многихъ страницахъ южно-русскихъ лѣтописей и въ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеніяхъ XVIII в.

Теперь обратимся къ сѣверной Руси.

Здѣсь очень рано сознана была надобность въ переводѣ иноязычныхъ словъ на русскій языкъ. Такъ, въ новгородскомъ спискѣ Кормчей 1282 г. помѣщено объясненіе 174 еврейскихъ словъ подъ заглавіемъ: „Рѣчь жидовскаго языка преложена на роускую“. Въ этотъ списокъ позднѣйшіе переписчики вносили новый матеріалъ, такъ что ко времени другаго новгородскаго словаря, сохранившагося въ рукописи 1431 г. (при книгѣ Іоанна Лѣствичника), число словъ увеличилось до 350. Тѣмъ и другимъ матеріаломъ отчасти воспользовался П. Берында, но главнымъ источникомъ его былъ „Лексисъ“ Лаврентія-Зизанія Тустановскаго, приложенный къ его грамматикѣ 1596 г. Въ „Лексисъ“ вошло уже 1061 слово: онъ былъ извѣстенъ и составителямъ такъ-называемыхъ Азбуковниковъ или Алфавитовъ, которые начали появляться во второй половинѣ XVI в.

Это было переходное время въ сѣверной Руси, время тяжелой и страстной борьбы мнѣній. Тотчасъ послѣ усмиренія еретиковъ обнаружилось въ торжествовавшей правительственной партіи стремленіе подвести итоги прошлому и освятить новые порядки жизни старыми преданіями. „Прежніе обычаи поизпаталися“, говоритъ Іоаннъ Грозный отцамъ стоглаваго собора. Онъ указывалъ на отступленіе отъ церковнаго устава, на порчу священныхъ книгъ и иконъ, на пороки и суевѣріе въ народѣ и даже въ духовенствѣ, на небрежное ученіе грамотѣ. На соборѣ рѣшено было завести училища для обученія церковному пѣнію и чтенію. Такимъ образомъ, сознана была польза ученія, но оно ограничено было церковными нуждами. А между

[1]) Предисл. къ Лексикону Берынды, по изданію 1653 г.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ отовсюду слышался голосъ нарождавшихся новыхъ потребностей мысли, которыхъ не могла удовлетворить домашняя наука. Разными окольными путями проникали и въ сѣверную Русь западныя идеи. Вліяніе ихъ было неотразимо и въ жизни, и въ искусствѣ, и въ литературѣ. Оно выразилось, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ литературныхъ сборниковъ, предназначенныхъ для тѣхъ читателей, которыхъ томила жажда знанія.

Не высокаго достоинства матеріалъ заключается въ этихъ сборникахъ: это въ большинствѣ случаевъ пестрая смѣсь всякаго рода свѣдѣній, случайно выбранныхъ изъ разныхъ источниковъ, даже изъ апокрифическихъ сочиненій. Таковы были по своему содержанію и Азбуковники, получившіе свое названіе отъ принятаго въ нихъ способа располагать матеріалъ въ азбучномъ порядкѣ. Они представляютъ для насъ нѣкоторый интересъ только своими воззрѣніями на языкъ.

Составители Азбуковниковъ проникнуты были вѣрою въ неприкосновенность книжнаго языка. Они держались господствовавшаго въ то время мнѣнія, высказаннаго Зиновіемъ Отенскимъ, ученикомъ Максима Грека, что „низводить книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей есть лукавое умышленіе христоборцевъ,—что гораздо приличнѣе исправлять общія народныя рѣчи книжными рѣчами“ [1]). Поэтому въ Азбуковникахъ рѣдко встрѣчаются объясненія славянскихъ словъ русскими словами. Гораздо чаще мы видимъ въ нихъ этимологическія изобрѣтенія такого рода, что слово *братъ* заимствовано изъ латинскаго языка, что слово *Адамъ* составлено изъ четырехъ символическихъ буквъ, означающихъ четыре страны свѣта: *азъ*—востокъ, *добро*—западъ, другое *азъ*—полуночіе, а *мыслете*—полудница [2]). Но главное вниманіе въ Азбуковникахъ обращено было на правописаніе словъ. Это былъ своего рода острый вопросъ въ то время, когда грубыя ошибки въ богослужебныхъ книгахъ смущали совѣсть людей благочестивыхъ, сомнѣвавшихся въ возможности спастись по этимъ книгамъ. Исправленіе книгъ вызвало нужду въ грамматическихъ знаніяхъ; отсюда въ Азбуков-

---

[1]) Исторія рус. словесности Порфирьева, 563

[2]) Правосл. обозрѣніе, 1877 г., іюль.

Библиотека "Руниверс"

никахъ извлеченія изъ грамматики, приписываемой Іоанну Болгарскому, изъ грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго.

Спросъ на грамматическія знанія возрасталъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались недоразумѣнія между людьми, занимавшимися исправленіемъ книгъ. Въ 1648 г. издана была въ Москвѣ грамматика Мелетія Смотрицкаго съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ съ неподражаемою наивностію грамматика сама о себѣ разсказываетъ, что она „славою честна, и ученіемъ красовита, во устѣхъ сладка, и на сердцы чюдна, и на языцѣ свѣтла", ибо, продолжаетъ она, „писмо или слогъ, или часть или рѣчь, или слово, или статія, или стихъ, или глава, или начало, или конецъ, или чему точка, или о чемъ запинка, то все мое ученіе, и умѣніе, и разумѣніе, и умышленіе, и уложеніе, и положеніе, и всяко въ писменахъ строеніе и составленіе, мое грамматическое проразумѣніе. Такова есмь уставомъ, и поставомъ, и составомъ, и всѣмъ естествомъ грамматика именуюся" [1]). Справщики раскольники и православные толковали о грамматикѣ, но только не многіе изъ нихъ научнымъ образомъ подготовлены были къ изученію ея. Большею частію тѣ и другіе стучали въ глухую для нихъ дверь славянской грамматики, не владѣя ключемъ для того, чтобы проникнуть въ таинства ея. Многіе хотѣли славянствовать на письмѣ, встрѣчая постоянныя помѣхи въ своей родной рѣчи. Англичанинъ Лудолфъ, составитель первой русской грамматики, изданной въ Оксфордѣ въ 1696 г., замѣчаетъ, что „москвитяне говорили, будто-бы разговаривать должно по-русски, а писать по-славянски" [2]). Но только съ помощью обширной богословской начитанности можно было писать по-славянски. При первомъ движеніи живаго чувства, живой мысли, сама собою налетала народная фраза, съ которою не всегда могъ справиться писатель. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны челобитныя раскольниковъ, писанныя къ царю Алексѣю Михайловичу. Авторами ихъ были люди, близко знакомые съ подробностями исправленія книгъ, знакомые съ грамматической терминологіей, а главное—люди старой вѣры, которые желали-бы въ текстѣ священныхъ книгъ удержать старую редакцію. Такъ справщикъ Савватій въ своей челобитной

---

[1]) Предисл. къ грам. М. Смотрицкаго, по изд. 1648 г.

[2]) «Вѣст. Европы», 1807 г. № 16.

Библиотека "Руниверс"

говоритъ: „нравъ по грѣхомъ таковъ у нынѣшнихъ московскихъ грамматиковъ, что̀ новое ни объявится—за тѣмъ и пошли, а старое свое доброе покинувъ". Онъ вооружается противъ употребленія полнаго прилагательнаго вмѣсто краткаго (древнѣйш*аго* вм. древнѣйш*а*), полнаго причастія вмѣсто краткаго (сѣдящ*аго* вм. сѣдящ*а*), противъ употребленія сложнаго прошедшаго вмѣсто простаго. „Насъ", говоритъ онъ, „уничижаютъ, а и сами справщики совершенно грамматики не умѣютъ, и обычай имѣютъ тою своею мелкою грамматикою Бога опредѣляти мимошедшими времены... Въ воскресномъ тропарѣ на Пасху... прежде сего печатали: и на престолѣ *бъяше* Христе со Отцемъ и Духомъ... А нынѣ въ новой тріодѣ напечатали мимошедшимъ временемъ: и на престолѣ *былъ еси* Христе со Отцемъ и Духомъ. Яко-же иногда *былъ*, иногда *есть*. А сего не разумѣютъ, яко... лепо Богу присно быти" [1]). Таковы были теоретическія понятія Савватія, источникомъ которыхъ можно было-бы назвать особаго рода грамматику—богословскую. Савватій, видимо, старается примѣнить эти своеобразныя понятія къ изложенію собственныхъ мыслей,—подтянуть рѣчь къ старому стилю. Такъ, у него есть *времены, въ книзѣ, учинихъ, поборахъ* и тому подобныя старыя формы, но это, очевидно, старыя заплаты на новомъ платьѣ. Рядомъ съ этими формами встрѣчаются такія выраженія: „уже мнѣ, грѣшному, *несколько* жити"... „а до насъ и послѣ насъ *николи* съ тобольскихъ ясачныхъ людей ясаку *сполна* не *сбиривали*". „Въ *другорядь* я, нищей, стражду при васъ, великомъ государѣ"... „Былъ *дьячишкомъ* за Илью Бунакова" и т. п.

Цѣлый рядъ великорусскихъ письменныхъ памятниковъ XVI—XVII в. представляютъ пеструю смѣсь стараго съ новымъ. Рядомъ съ глубокими архаизмами стоятъ новые звуки и формы. Часто встрѣчаются архаизмы особеннаго рода: я назову ихъ мнимыми или-же поддѣльными. Таковы, напримѣръ, формы предложнаго падежа въ Домостроѣ Сильвестра: *въ дълехъ* и *обычаехъ*, *въ сънникыхъ* и т. п. Очевидно, такъ не говорили, а только писали, и только потому такъ писали, что не умѣли совладѣть съ книжною рѣчью, въ которую вторгался потокъ народной рѣчи, подмывая и ниспро-

[1]) Три челобытныя расколн., Спб. 1862 г. 23.

Библиотека "Руниверс"

вергая всѣ измышленія книжниковъ. Наконецъ, въ концѣ XVII в. въ пользу народной рѣчи высказалась правительственная власть. Царь Алексѣй Михайловичъ издалъ указъ, въ которомъ объявилъ, что „будетъ кто въ челобитьѣ своемъ напишетъ въ чьемъ имени или прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о-а*, или вмѣсто *а-о*, или вмѣсто *ъ-ь*, или вмѣсто *ѣ-е*, или вмѣсто *и-і*, или вмѣсто *у-о*, или вмѣсто *о-у*, и иныя въ письмахъ нарѣчія, подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился, и по обыклостямъ своимъ говорить и писать навыкъ, того въ безчестье не ставить“ [1]).

Мы подошли къ эпохѣ Петра Великаго. Первое поколѣніе русскихъ людей, затронутыхъ реформой, было оглушено новымъ міромъ идей, для которыхъ не было подходящихъ словъ ни въ книжномъ, ни въ народномъ языкѣ,—и вотъ мы видимъ своего рода нашествіе иноплеменниковъ на русскую рѣчь. Въ сознаніи современниковъ Петра Великаго спутались и смѣшались въ неорганическую массу разнообразныя стихіи рѣчи—славянской, великорусской, малорусской, съ густою примѣсью всякаго рода иностранныхъ словъ—голландскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ. Только во второмъ поколѣніи явилась потребность вывести книжный языкъ изъ хаотическаго состоянія. Трудную задачу эту рѣшилъ, какъ извѣстно, Ломоносовъ, создатель нашего литературнаго языка, который служитъ органомъ умственной жизни для всѣхъ насъ—людей Великой, Малой и Бѣлой Россіи.

П. И. Житецкій.

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. I, стр. 1000, № 597.

Библиотека "Руниверс"

СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ.

Много фамильныхъ архивовъ въ Малороссіи уже погибло навсегда. Достаточная часть ихъ погибла, конечно, отъ пожаровъ, при истребленіи всего имущества владѣльца; но гораздо больше исчезло архивовъ по кладовымъ и амбарамъ, отъ мышей и сырости... Въ настоящее время эти архивы существуютъ въ Малороссіи какъ счастливая случайность. Недавно намъ удалось осмотрѣть одинъ изъ нихъ, принадлежащій роду Сулимъ и сохраняющійся въ родовомъ ихъ селѣ Сулимовкѣ (встарину—Сулиминцахъ) переяславскаго уѣзда.

При обязательномъ участіи Т. В. Гамалѣй, настоящій владѣлецъ сулиминскаго архива — Ал. Андр. Войцеховичъ съ истинно просвѣщенною готовностію, далъ намъ возможность осмотрѣть этотъ архивъ во всѣхъ его подробностяхъ. Результатами этого осмотра дѣлимся здѣсь, желая и надѣясь вызвать свѣдѣнія и о другихъ такихъ, еще уцѣлѣвшихъ, архивахъ.

Значеніе фамильнаго архива зависитъ главнымъ образомъ отъ того общественнаго положенія, въ какомъ находились лица, накоплявшія такой архивъ. Въ этомъ отношеніи сулиминскій архивъ имѣетъ за собою всѣ преимущества: родъ Сулимъ—одинъ изъ старѣйшихъ въ Малороссіи. Семейныя преданія относятъ начальную извѣстность Сулимъ чуть-ли не къ XIII в.; мѣстная-же исторія начинаетъ ихъ знать съ начала XVII в., чѣмъ могутъ похвалиться въ Малороссіи лишь весьма немногіе роды. Иванъ Михайловичъ Сулима въ 1628 г. былъ гетманомъ запорожскихъ козаковъ [1]) и за свои службы получилъ отъ извѣстнаго Жолкѣвскаго значительное количество земель на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ имъ и поселено теперешнее село Сулимовка. О первоначальномъ поселеніи здѣсь Сулимъ мы встрѣтили въ другомъ мѣстѣ очень интересный актъ 1677 г., въ которомъ читаемъ: «славетне урожоный панъ Федоръ Сулима прекладалъ скаргу (переяславскому полковнику) на обывателей села своего дѣдизнаго Сулиминецъ, якожъ лебединскихъ и кучаковскихъ, до тоей-же его власности старожитне прислушаючихъ, въ

---

[1]) См. его письмо изъ Сѣчи къ Христофору Радзивилу, 1628 г., въ Археограф. Сборн. докум. относящ. къ исторіи сѣв.-зап- Руси, т. VII, стр. 87 (Вильна, 1870 г.).

Библиотека "Руниверс"

таковій способъ: ижъ помянутие селяне, осѣвши съ предковъ своихъ на грунтахъ еще отца его Федорова Іоана Сулимы, по всѣ тіе часи отдавали послушенство и походячіе належности; а теперь о томъ ся оперши, усиловали съ того слѣберовати (освободиться) и съ поддантства, которое предкове ихъ на собѣ мѣли, визутися» (избавиться). По этой жалобѣ тогдашній переяславскій полковникъ Иванъ Лысенко поручилъ одному изъ урядниковъ, «абы тамъ, въ Барышовцѣ, старожитныхъ людей где кого знаючи, вышукавши, досконалне выпытавъ: чіи то отъ початку вѣку ихъ были грунта, нѣмъ (пока) еще люде не осѣли на сей Украйнѣ? — Теды вынайдены Миско Харченко и Андрей Вѣтчепко, мужеве барзо въ лѣтехъ подейшлне, по сумленю старости своей визнали, *же еще наспочатку, якъ ся садила* (селилась) *Барышовка, тогда тое все положения, где тие села осьли — Сулиминци, Лебединъ и Кучаковъ, надалъ панъ Жолковскій Ивану Сулимѣ въ заслугахъ у вѣчность, абы собѣ тамъ, сколко могъ и хотѣвъ, осадывъ людей ку своему поддантству*». [1]). На основаніи приведеннаго показанія барышевскихъ старожиловъ, Сулиминцы, Лебединъ и Кучаковъ отданы были въ поддантство Федору Ивановичу Сулимѣ, который до того, какъ кажется, скитался на правомъ берегу Днѣпра, пока чигиринскіе походы не разрушили надеждъ и мечтаній, вызванныхъ извѣстнымъ гадяцкимъ договоромъ. Поселившись на лѣвомъ берегу Днѣпра, Федоръ Сулима создалъ себѣ положеніе въ тогдашнемъ обществѣ, выдавъ дочь замужъ за одного изъ сыновей гетмана Самойловича. Единственный сынъ Федора Иванъ поддержалъ это положеніе, женившись на сестрѣ Павла Полуботка, который помогъ зятю получить при Скоропадскомъ уже и генеральный урядъ «хоружаго». Бумаги Ивана Федоровича Сулимы послужили основаніемъ для Сулиминскаго архива. Одинъ изъ пяти сыновей его, Семенъ, занимая около 27 лѣтъ (1739—1766 г.) урядъ переяславскаго полковничества, значительно увеличилъ отцовское наслѣдство и сталъ однимъ изъ извѣстныхъ богачей въ Малороссіи. Такое общественное положеніе Семена Ивановича повело за собою значительное накопленіе бумагъ фамильнаго архива. Но наибольшее количество бумагъ Сулиминскаго архива относятся къ концу XVIII в., когда владѣльцемъ Сулимовки сталъ средній сынъ переяславскаго полковника Акимъ. Послѣдній, по своему образованію, рѣзко выдѣлялся изъ среды тогдашняго общества. Акимъ Семеновичъ учился сначала въ кіевской академіи, затѣмъ въ 1755 г. перешелъ въ Петербургъ, въ сухопутный шляхетскій корпусъ, откуда черезъ четыре года выпущенъ сержантомъ, при чемъ «жалованъ золотою медалью». Кончивъ ученіе, Акимъ Семеновичъ оставленъ былъ при корпусѣ «для смотрѣнія надъ обученіемъ кадетъ наукамъ». При этомъ онъ между прочимъ былъ «опредѣленъ отъ начальства кадетскаго корпуса къ переводу съ французскаго языка на россійскій двухъ томовъ исторіи о фельдмаршалѣ фран-

[1]) Генеральн. опись Румянцева, переяславскій полкъ, въ архивѣ кіевск. казен. палаты.

Библиотека "Руниверс"

цузскомъ Тюреннѣ, кои въ 1766 г. въ типографіи оного корпуса напечатаны». Въ 1764 г. Сулима изъ корпуса былъ переведенъ въ азовскій пѣхотный полкъ премьеръ-маіоромъ; но черезъ три года снова былъ возвращенъ въ кадетскій корпусъ «и былъ въ смотрѣніи надъ тѣмъ-же обученіемъ кадетъ; а потомъ опредѣленъ къ реформѣ того-жъ корпуса и къ разнымъ должностямъ, въ команду генералъ-поручика Ивана Ивановича Бецкаго и отъ него при томъ-же корпусѣ употребленъ къ сочиненію: 1) Устава шляхетскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, 2) второй и третьей частей Учрежденія московскаго воспитательнаго дома и 3) плана къ заведенію при ономъ домѣ сохранной казны, ссудной казны и вдовьей казны». Въ 1773 г. Сулиму выпросилъ въ свое распоряженіе гр. З. Гр. Чернышовъ, которому было поручено гражданское устроеніе только что присоединенной тогда Бѣлоруссіи; здѣсь Акимъ Семеновичъ составлялъ «разныя узаконенія учрежденнымъ бѣлорусскимъ губерніямъ». Но, женившись около этого-же времени на дочери стародубскаго богача, полковника Павла Григорьевича Скорупы, Сулима пересталъ интересоваться службою и въ 1777 г. выпросился въ отставку, причемъ былъ произведенъ въ рѣдкій межъ тогдашними малороссіянами и завидный для нихъ генеральскій чинъ. Двадцать лѣтъ затѣмъ онъ прожилъ въ Малороссіи, устраивая свои богатыя помѣстья (у него было 1310 крестьянъ) и воспитывая своихъ двухъ сыновей, Павла и Акима. Но когда въ 1797 г. въ Малороссіи, вмѣсто судебныхъ палатъ, возстановленъ былъ генеральный судъ, Акимъ Семеновичъ, избранный однимъ изъ четырехъ кандидатовъ въ генеральные судьи, утвержденъ былъ императоромъ въ этой должности въ первый департаментъ суда. Прослуживъ шесть лѣтъ въ судѣ, Сулима вышелъ въ отставку и поселившись въ Сулимовкѣ, главнымъ образомъ заботился объ окончаніи воспитанія сыновей. Старшій изъ нихъ Павелъ окончилъ свое образованіе въ геттингенскомъ университетѣ, а младшій Акимъ въ московскомъ. Переписка отца съ двумя сыновьями - студентами (почти исключительно на французскомъ языкѣ) составляетъ одну изъ интересныхъ частей фамильнаго архива. Перепискою съ сыновьями, дѣятельно продолжавшеюся и по вступленіи ихъ на службу, и заканчиваются бумаги собственно Сулимінскаго фамильнаго архива. Бумаги этого архива заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ три отдѣла: 1) поземельные акты, т. е. гетманскіе универсалы и купчія записи, 2) отрывки изъ множества судебныхъ дѣлъ по спорамъ за имѣнія какъ между самими Сулимами, такъ и съ сосѣдями и 3) частная переписка. Послѣдній отдѣлъ представляетъ наибольшій историческій интересъ, представляя старую жизнь такою, какою она была въ дѣйствительности.

Кромѣ бумагъ, принадлежащихъ собственно роду Сулимъ, въ ихъ фамильный архивъ вошли значительныя части еще трехъ фамильныхъ архивовъ: Есимонтовскихъ, Скорупъ и Войцеховичей. Первые два архива перешли къ Акиму С—чу по женитьбѣ его на Маріѣ Павловнѣ Скорупѣ, которая принесла мужу всѣ богатства отца своего; а Павелъ Скорупа, кромѣ половины отцовскихъ (Григорія Скорупы)

Библиотека "Руниверс"

имѣній, получилъ еще по завѣщанію отъ бездѣтной сестры Марины Григорьевны, по мужу Есимонтовской, всѣ мужнины ея имѣнія. Архивъ Войцеховичей вошелъ въ составъ Сулимипскаго, по браку дочери Акима Семеновича Прасковьи съ Иваномъ Андреевичемъ Войцеховичемъ, къ которому впослѣдствіи за бездѣтствомъ братьевъ жены, Павла и Акима, перешли всѣ имѣнія Акима Семеновича. Архивъ Войцеховичей состоитъ главнымъ образомъ изъ частной переписки Андрея Ивановича Войцеховича съ его четырьмя сыновьями и одного изъ послѣднихъ Ивана Андреевича (зятя Акима Семеновича) съ его тремя сыновьями: Николаемъ, Алексѣемъ и Андреемъ. Переписка эта, обнимающая почти полныя три царствованія, Екатерины II, Павла и Александра I, сохранилась въ найлучшемъ порядкѣ, въ который приведена была Алексѣемъ Ивановичемъ Войцеховичемъ [1]).

Для ближайшаго знакомства съ составомъ Сулимипскаго архива приводимъ здѣсь нѣсколько документовъ, преимущественно изъ частной переписки, какъ самаго цѣннаго историческаго матеріала.

Ал. Лазаревскій.

1.

Отрывокъ изъ жалобы мглинскаго сотника Алексѣя Есимонтовскаго на брата его Афанасія, стародубскаго обознаго, объ убыткахъ чрезъ него понесенныхъ во время взятія Мглина шведами въ 1708 г.

Когда я былъ у походѣ за Сожомъ, въ Литвѣ, при покойномъ пану гетману Скоропадскомъ, на тотъ часъ будучомъ полковникомъ стародубовскимъ и наказнимъ гетманомъ, и ходилъ за шведомъ, а услышалъ тое, что намѣренъ шведъ вторгнуть въ полкъ стародубовскій, якъ и указы монаршие о пересторозѣ объявлени были, писалъ до брата своего п. Афанасія Есимонтовского о томъ, дабы онъ непремѣнно и завчасу имѣніе рухомое въ пристойныхъ мѣсцахъ поховалъ, яко за совокупного нашего житія; но онъ, по своей природной презумпціи и великомыслности, не токмо писанія моего не послушалъ, лечъ и на уничтоженіе того отписалъ до мене, ганячи мене страхополохомъ, з выраженемъ того вѣршу на писмо п. Покорского, въ томъ-же до него писанное: „наши де матрони безпечно смажутъ сласціони; такъ мнѣ Боже поможи въ правдѣ моей!“ Такожде и по сближеню ся шведа во Мглину учинилъ, же и на колкократное напомнене покойной панеи родителки нашои, которой, уже будучой въ престарѣломъ вѣку, не разъ тра-

---

[1]) Умеръ въ прошломъ 1881 г., членомъ государственнаго совѣта.

Библиотека "Руниверс"

филось войни лидскіе видѣти и дознавать въ оныхъ злыхъ приключеній, не послушалъ и имѣнія нѣлкого не ховалъ, но своимъ упоромъ все на возы забравши, а согласившись зъ паномъ Турковскимъ и не освѣдчаючи указу монаршого такого, что въ ономъ повелѣвано зъ некрѣпкихъ городковъ уступать у крѣпкіе или въ посторонніе мѣста, з быдломъ и з протчимъ, а з мелницъ снасти выпимать, опасаяся того, жебы граждане ихъ не удержали, пошли были, городъ покинувши и людей, ночною добою въ Баклань и далѣй за Судость рѣку. А ему-бы можна своимъ домомъ з Есимонтовки своимъ трактомъ безпрепятно и безсорно зъ народомъ пти въ Стародубовъ; понеже за то зсора сталась, что онъ держался пана Турковскаго, на той часъ сотника мглинского будучого. Догнали мглинци великимъ тумултомъ жену его и мою зъ обозомъ всего имѣнія нашего и настращавши доволно, завернули у Мглинъ, чего ради покойная панѣ родителка наша того времени изъ дому нарушилась, зѣло осердившися. И такъ за скоримъ приходомъ шведскимъ, а не мнѣй и за тимъ, же народъ на ихъ повсталъ для вишеписанныхъ причинъ, на десять тисячъ золотихъ худобы погубилъ своей и моей, якъ и самъ въ чолобитной, подаваемой имъ п. гетману Скоропадскому на Петра Подлузкого выражалъ, по якой отъ п. Черниша, судіи енералного, высланнимъ покойный Дашкевичъ былъ; однакже з того ничого полезного не учинилось, что сие все въ сущую правду сознаю подъ страшнимъ судомъ Божіимъ. А по многихъ турбаціяхъ и страхованняхъ, бывшихъ у Мглинѣ отъ народу и отъ находу непріятелского, выходя зъ города, мое-жъ доброе давалъ великороссійскимъ людямъ зъ хутеръ и зъ протчего, свое легшое поховавши, за выводъ со Мглина, бо вже толко насилу пришло на трохъ чыли на чотирохъ возахъ выѣхать усѣмъ, посля великого обозу...

2.

Жалоба гетману вдовы генеральнаго хоружаго Ивана Сулимы на сына. Около 1728 г.

Ясневелможный пане и всемилостивѣйшій патроне.

Рада-бы вседушне и по-премногу сама вашему високоповажному реймептарскому оказатися лицу и, при належитой субмѣссіи, бѣдствуемое, отъ своей-же утробы дѣючоеся, оповѣстить житіе; лечъ крайное мое изнемагаетъ калѣтство и болѣзнь не малая.

Библиотека "Руниверс"

Еднако-жъ яко до своего полномощного рейментара и патрона з слезнимъ и ревнимъ отзиваюся чоломбиттемъ въ томъ, что позосталие сыни по покойномъ пану моемъ, старшіе Ѳедоръ и Самуилъ всякое послушенство, при обычайной чести и венерації материнской, отдавали удовствуемой мнѣ презъ немалое время; а по окончению живота Ѳедора на службѣ монаршой, и Самуила, первимъ по нихъ остался Іванъ плачливый сынъ мой, на которого еще, яко на преслушника, разграбителя и разорителя дому моего, а не яко на сына, имѣла заносити скаргу въ коллегіи, первие и прежде упоминаючи его материнско и многократне; и по нынѣ прикрие и зѣло поносние отъ него, при старости лѣтъ моихъ, досади, утиски и грабительства износила терпѣніемъ; а теперъ цале не имѣючи куди инуди въ такомъ моемъ разореній супплѣковати, толко принужденна до ясневелможности вашой кривавослезную запосити апелляцію на ослушника такого, ибо не тилко необичайними и зѣло досадливими мене словами оний очевисте изъ женою своею укораетъ, но и честь мою поносить преднародне, нѣякоесь юродство невинне мнѣ притвораючи; лечъ и на здоровю моемъ не малое увѣчча сдѣлавъ, якою причиною его зъ ущербкомъ здоровя моего и понинѣ въ калѣтствѣ пребываю, въ якомъ хотячи снабдѣніе и отраду принаймнѣй по жизнь мою зъ меншими двома сынами, Семеномъ и Стефаномъ, и зъ позосталими сиротами покойного старшого сына Ѳеодора дѣтми, а моими унучками, имѣти, лечъ онъ и на тихъ вражду не малую имѣючи, не тилко словесно ихъ укораетъ и ругаетъ безчинне и неприятно слуху людскому, але яко наступца окрутний, не имѣючи ни Бога въ сердцу, ни памятаючи единоутробыя зъ собою, весма ихъ ненавидячи, бьетъ и ни въ чомъ простертися не допускаетъ. Чрезъ волю-же нашу и чрезъ благословеніе и до полѣценного наслѣдія, по согласию обополнимъ зъ покойнимъ паномъ моимъ опредѣленного, подлугъ легованного и сочиненного тестаменту, при особахъ знатнихъ и вѣри годныхъ, дѣтямъ моимъ Семену и Стефану, при которыхъ-бы спокойне могла животъ свой кончити; а онъ самоволне грабителствомъ и насилне отобравши и себѣ подлугъ хотѣнія своего належитую часть, якой уже я ему и не претила, лечъ и тимъ еще не доволствуеться и втручается тамъ, где оному не позволяется и неблагословениемъ обаполнимъ запретилось; якого онъ чрезъ небрежение свое и упарчивость лишаючися и ослушенъ будучи, а нѣ тежъ уважаючи на клятву материнскую и калѣтство мое, и сего времени превеликое грабителство починилъ и чинитъ въ маетно-

Библиотека "Руниверс"

стяхъ за службу покойному пану моему паданнихъ; откуду въ калѣтствѣ и слабости здоровя, при старости моей, прекормленіе зъ меншими синами моими и помянутими сиротами имѣю и всякое убожеское одѣлние сооружается. А онъ тому заздростячи, послѣднему въ крайнее убожество и бѣдство мене грабителствомъ своимъ приводитъ и такими ребеллѣями, поступками и неспокойнимъ житіемъ ежеденно утруждаючи, прежде времени желаетъ мене умертвити. И дабы указомъ ясневелможности вашой признанъ оный ослушникъ былъ во оправданіе наочне и по праворазсудителному рѣшенію прещения и знатное отъ его-жъ ясневелможности принялъ наказание; и впредъ-би такового необичайного не чинилъ и не важился чинить мнѣ бѣдствуемой матери своей и сынамъ моимъ меншимъ грабителства, утѣсненія и насилства. Милостивное таковое въ занесенной апелляціи моей отъ полномощного рейментара своего дознавши помилованіе, по жизнь мою зъ позосталими сиротами одолжаюся за щастливое и долголѣтное его ясневелможности, моего всемилостивѣйшаго патрона, правителство и владѣние непрестанно Господа Бога благати, яко и повинна. Ясневелможности вашой, моего всемилостивѣйшаго пана и многодознанного добродѣя, нижайшая слуга Марія Полуботковна Иванова Сулимина, хоружая енеральная, для лучшого достовѣрия къ сей чоломбитной моей своеручно крестъ святий прикладаю †.

3.

Четыре письма къ бунчуковому товарищу Григорію Демьяновичу Скорупѣ: зятя—Петра Искрицкаго, Ивана Михайловича Миклашевскаго, Василія Алексѣевича Дмитрашко-Рашча и генеральнаго есаула Петра Валькевича. 1730—1740 г.

а) Милостивѣйшій мой отче и добродѣю.

Господаръ двору рейментарского, панъ Костантій Острожскій мѣетъ по указу ясневельможного добродѣя, прійдуючого августа 1 или 2 числа отъездить въ Мглинъ, для взятя на урядѣ тамошномъ купчой на покупленніе грунта его ясневелможности, а оттоль (еще для лучшой крѣпости) прибувши въ Стародубъ, зъ майстрату тамошного взять мѣетъ екстрактомъ купчую тихъ покупленнихъ грунтовъ; которій поневажъ, за волею ясневелможной панеи, за однимъ заходомъ, и мнѣ осмотрувать будетъ приторговать хуторъ, того ради благоволи вм. м. добродѣй, освѣдо-

Библиотека "Руниверс"

мившись о его, господара, въ Мглинъ прибытіи, объявить письмомъ своимъ о хуторѣ, ежели якій на продажѣ имѣется поблизу, а хочай и въ разстоянію отъ Стародуба, биле бы былъ угоденъ и чтобъ при немъ млинъ занять мощно было; понеже такъ вскорости, а особливе не знаючи осѣдлостей тамошнихъ, господарь не можетъ винайти безъ объявленя ему. О якую вм. м. добродѣя отеческую милость покорнѣйше просячи, зостаю вм. м. добродѣя щирозичливый синъ и нижайшій слуга Петръ Искрицкій [1]). Глуховъ, іюля 30 д. 1730 году.

Адресс: „милостивѣйшому моему отцу и добродѣю, его милости, пану Григорію Скоруппѣ, знатному товаришеву бунчуковому“.

б) Мосцѣ пане Григорій Скоруппа, мнѣ велце мосцѣ пане и сердечне коханый племѣннику.

Прибывши панъ Ѳеодоръ Ширай въ Любечъ, писалъ ко мнѣ, что никакой команды тамо не засталъ, токмо панъ Есимонтовскій поручивши де въ команду горы, воды и лѣсы, отъехалъ въ домъ. Зъ здешнихъ-же чернѣговскихъ вѣдомостей болше никакихъ газетовъ не имѣется, токмо старая войтиха Лопатиха сего на датѣ положеннаго числа рано умре; а я на кушене запрошенъ до преосвященного, где и за ваше здорове полную имѣю выпить объявляю; да если еще неизвѣстно у васъ, ижъ указъ во всѣ малороссійскіе полки, въ томъ числѣ и въ чернѣговскомъ, полученъ сего октоврія 13 д., дабы всѣ полковники зъ старшинами, бунчуковіе и значковіе товарищи и хто тилко іменомъ козачимъ зовется, подъ смертною казнею, были въ крайней къ походу готовности, дабы за полученіемъ впредъ указа въ 24 часа выступили непремѣнно, къ выше показаннимъ сообщаю вѣдомостямъ, а доброздравственного вм. м. пану желая пребиванія, остаюсь вм. м. пану, сердечне-кохапному моему племѣннику, щирозичливий дядя и слуга Іванъ Миклашевскій [2]).

1736 году, октоврія 14 д. Чернѣговъ.

Адресс: „Моему велце мосцѣвому пану, сердечне коханому племѣннику, его милости, пану Григорію Скоруппѣ, знатному товаришу бунчуковому, въ городѣ Сосницѣ у покупки провіанта обрѣтаючомуся, надлежитъ“.

---

[1]) Родной племянникъ гетманши Ульяны Апостолъ, рожденной Искрицкой.

[2]) Сынъ стародубскаго полковника Михайла Миклашевскаго. Григорій Скоруна былъ женатъ на родной племянницѣ Ивана Миклашевскаго, дочери Степана Спиридоновича Ширая.

Библиотека "Руниверс"

в) Мосцѣ пане Григорій Скорупа, вселаскавый мой свате и благодѣтелю.

Племенникъ мой, сотникъ ивангородскій п. Матвей Конискій, пришедши смотреніемъ Божіимъ въ совершенный возрастъ, будучи совершенного ума и ученія, желаетъ въ супружество себѣ пріятеля искать; а понеже сей станъ, по Божіему смотрѣнію и и его святой ординаціи установленный, избираютъ персоны не безъ пріятелского отозву и родителского консенсу, того для пріятелскую мою сватовскую вм. пану симъ моимъ выразивъ венерацію, родителского вашего соизволенія и аппробацѣи моего отозву съ охотою дожидаюсь. И ежели намѣренъ вм. панъ найменѣйшую свою панну дочъ ему пану Матѳею Конискому въ супружество отдать, покорнѣйше прошу вм. пана стороны отозву моего своимъ мене писанемъ не оставить, которое мнѣ въ надежду сватской вм. пана любвѣ висвѣдчить имѣючойся благопріятное будетъ, а нынѣ со всякимъ персони вм. пана почтеніемъ остаюсь вм. пана покорный слуга Василий Думитрашко-Райча, бунчуковий товаришъ [1]).

12 септеврія, 1737 году. Нѣжинъ.

г) Мосцѣ пане Григорій Демяновичъ, мой давно знаемий друже и брате.

Всѣмъ тое можетъ быти извѣстно, въ томъ числѣ и вм. пану, же я прежде сего за службою и за разними зъ Малой Россіи отлучками по указамъ, не вѣдалемъ о нуждахъ и долегливостяхъ дому моего, чрезъ многое время. А нынѣ, когда въ дому трохи помешкалемъ, извѣстился зъ жалобы слобожанъ моихъ, жителей слободокъ Чернетщини и Чернятки, что вм. панъ, сидячи слободою въ отчинѣ покословской и знаючи границу между Покословщиною и между грунтомъ моимъ меженковскимъ, за рѣчкою Жечою лежачимъ, въ которомъ помянутіе мои слободки поселени, черезъ межу, въ оний мой грунтъ зъ двохъ сторонъ вступаешъ и изъ слободокъ моихъ сѣно не разъ велѣлъ забирать, и въ протчемъ ихъ обидить поступая, указомъ ея императорского величества противно, понеже на тотъ грунтъ и на утвержденіе оного границы имѣю я многіе крипости подлугъ давного ограниченія и розъѣзда: первей отъ старшини полковой, а погомъ отъ енералного бунчуч-

[1]) См. ниже № 5.

Библиотека "Руниверс"

ного пана Лизогуба зъ протчіими чиненніе, послѣ декреталніе суду войскового енералного писма, универсали и приватніе указы гетманскіе, а зверхъ того всѣ кріпости утверждающая високомонаршая блаженной и вѣчнодостойной памяти его императорского величества жалованная грамота на все мое помѣсте, въ томъ числѣ и на мой меженковскій грунтъ, якъ есть въ своемъ ограниченню, данная во вѣчное владѣніе; о чемъ знать и вм. панъ, не безъизвѣстенъ будучи, писалъ къ намъ писмомъ своимъ, припоминаючи того нашого грунту граниченіе, при енералномъ бунчучномъ подтвержаное, и просилъ, жебы потому смежности не нарушать, но содержать. А якъ зъ дѣла показалось, самъ вм. панъ въ томъ не устоялъ и не видя господара грунту въ присутствіи, такожъ доброй пріязни свѣтліе очи прикривши лакомимъ упоромъ, пустился былъ по чужое, да и зъ друга въ недруга переминившися, захотѣлъ мене обидити. И затимъ неправимъ поступкомъ, приличнѣйшого иску зъ паномъ Гудовичемъ и зъ Германомъ запомнѣлъ. Якъ-же ни было прежде безъ мене, нынѣ все тое Господь Богъ и високіе указы ея императорского величества исправлятъ во благо, и впредъ я себе обидити не дамъ! Толко не опускаючи слобожанъ моихъ обиды преждней, хотѣлъ бимъ вѣдать, почему вм. панъ силенъ такъ безъ мѣри, же не толко кріпостей обыкновенныхъ, но и чрезвичайной вседостойнѣйшой твердости монаршого привилею за предѣлъ и важность не имѣете? Надѣюся, на поселеніе слободки своей, скажешъ вм. панъ, же есть универсалъ гетманскій.—Тилко чи совершенній?—Ибо извѣстенъ я, что нѣкоторый универсалъ вашъ въ канцеляріи енералной прежде подрано; а що нѣсколко купилъ вм. панъ у покослоцовъ дубовъ да сосонъ, инныхъ для латвѣйшой куплѣ въ турму сажаючи, тое здается мнѣ до нарушенія граници меженковской и до забиранія у слобожанъ моихъ сѣна не силно, да и заводци ваши, дубовіе и сосновіе почему дерева и свои-ль или чужіе, вамъ показали, жадныхъ крѣпостей не имѣютъ, подлинно знаю; однакожъ между деревомъ отчиннимъ и грунтомъ земелнимъ разнь и граница обосторонная мѣетъ быти безъ нарушенія; въ тому-же купля и купчая наша покословской полоси первѣйшая, за которую гроши наши продавцевѣ передомъ позаходили и еще за оную росправы не было. Чого ради хоти вм. панъ чимъ слобожанъ нашихъ изобидилъ, тое имъ наградить, а черезъ границу въ грунтъ мой впредъ не вступать никимъ способомъ и происвомъ, понеже я чрезъ сее мое писаніе объявляю тое, защищая себя указомъ ея императорского

Библиотека "Руниверс"

величества и чтобъ вм. панъ потомъ не вимовлялся, что о томъ извѣстенъ не былъ. Впротчемъ, остаюся вм. пану зичливий приятель и братъ охочий ко услугамъ Петръ Валкевичъ [1]).

4.

Письмо березанскаго сотника Василія Алексѣевича Дмитрашка-Райча къ своему полковнику Семену Сулимѣ, поздравительное съ рожденіемъ сына. 1746 г.

Велможний мосцѣ пане полковникъ переяславскій, милостивий мой добродѣю.

Рожденнымъ сыномъ велможности вашой Ѳеодоромъ Семеновичемъ поздравляя, желаю, даби шляхтичъ отъ шляхтича рожденний таковой дождалъ чести, какову велможность ваша и антецессори получили и въ числѣ велможнихъ считался зо временемъ, которому дай Боже совершенний возрастъ на подпору и вящшое прославленіе имени велможности вашой. Я же должность мою вѣдая, мой поклонъ отдать, по приказу велможности вашой, имѣю и со всею моею покорностію остаюсь велможности вашой всепокорнѣйшій слуга Василь Д. Райча.

1746 годъ. 8 дня іюня. Березань.

P.S. Ignosce quasi illustrissime quod hodie et cras non veniam, parce quaso 100 rublones d. Johanni Marcowicz ex vitrans actionis solvendo cui veniam posteras, fidibus non oblector potum horreo, tibi bene precari non deero.

5.

Письмо прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ Семену Сулимѣ, съ приглашеніемъ на свадьбу дочери. 1752 г.

Високородній и високопочтенний господинъ полковникъ переяславскій, сердечній мосцѣ пане брате и добродѣю мой.

Понеже, по судбахъ Божескихъ, дочь моя Елена зговоренна въ супружество умершего бунчукового товариша п. Андрея Миклашевскаго сину его, пану Петру Миклашевскому, а къ бракосочетанію ихъ, по согласію обоихъ сторонъ, положенъ термѣнъ сего

[1]) Письмо писано, по видимому, около 1740 г.

Библиотека "Руниверс"

году въ слѣдующемъ сентябрѣ мѣсяцѣ 20-е число, и яко такови веселніи акта найвящше приукрашаемы бываютъ собраніемъ достойнѣйшихъ гостей и пріятелей, такъ и я, по преданности моей, почитая вашего високородія персону за найпожеланнѣйшаго къ сему присутствію гостя, всепокорно прошу на воспоянутое число, купно съ дражайшею вашего високородія супругою, не отказатся въ домъ мой благоволить прибыть и чрезъ то ущасливить мене, обще, при такомъ случаѣ, сугубо—какъ о благополучномъ вашего высокородія прибытіи, такъ и о совершенномъ дѣтей моихъ Богомъ узаконеннаго супружества воспріятіи—порадоваться; чего сердцемъ моимъ найохотнѣйше желаю, съ равномѣрнимъ одолженіемъ, дабы и я при такихъ случаяхъ поважному вашего високородія дому щасливъ былъ мои услуги показать, къ которымъ и нынѣ совершенно и съ почтеніемъ обязуюсь и есмь вашего високородія, сердечного мосцѣ пана брата и добродѣя моего, покорний слуга Григорій Галаганъ.

Августа 23 д. 1752 г.
Прилука.

6.

Ордеръ гетмана Разумовскаго генеральному подскарбію Михайлу Скоропадскому объ отрѣшеніи его „отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ". 1753 г.

Господинъ Скоропадскій!

Изъ многихъ опитовъ, довольно мнѣ извѣстнихъ, я усмотрѣлъ, что ви, будучи мнѣ точно, по всевисочайшей волѣ ея императорскаго величества, человѣкъ подъ властію, вознамѣриваетеся противу мене нѣкоторимъ якоби самовластіемъ и весма мало уваженія имѣете на мои ордери, чрезъ что о себѣ даете въ народѣ малороссійскомъ великое мнѣніе, а моей власти нѣкоторимъ образомъ уничтоженіе. Хотя я самъ изъ многихъ вашихъ поступокъ очое примѣтилъ, однакожъ снисхожденіемъ моимъ или паче молчаніемъ старался васъ привести къ должности вашей, что самое ви видѣть всегда могли изъ того, что многое не по вашему мнѣнію отъ мене иногда опредѣляемо было, но по собственному моему разсужденію; ви-же, какъ вижу, стараетесь подъ именемъ блага народнаго, укорять мене во многихъ повелѣніяхъ, или своимъ ослушаніемъ или таковими представленіями, котория

Библиотека "Руниверс"

болше сходствуютъ возраженіямъ противу мене, такъ-какъ я самъ усмотрѣлъ въ представленіяхъ мнѣ, отъ васъ учиненныхъ отъ мая 14 и 25 чиселъ сего года, гдѣ войсковая оставшаяся въ Глуховѣ канцелярія, вашимъ уповательно руководствомъ, показываетъ мнѣ дерзостно и безъизвѣстно, яко-би при моемъ гетманствѣ, для моихъ домовихъ нуждъ, весь народъ малороссійской къ разоренію и крайнему истощенію приведенъ и будто-би уже всего малороссійскаго народа едва кто и въ домѣ остается; гдѣ хитростно мнѣ представлено и то было, чтобы я хотя половинное число толко бралъ народа на работу, ибо де уже многое число онаго къ побегу обратилося, или въ слободскіе полки, или за границу, а изъ сего уже въ тѣхъ представленіяхъ и далніи амплификаціи и непотребніи слѣдствіи дополнени. Все-же оное приписываете моей экономической канцеляріи, которая однакожъ ничего, безъ точнаго моего повелѣнія, до сего времени не дѣлала; почему всѣ такія уразителніи представленіи къ моей собственной персонѣ склоняются. Въ самомъ-же существѣ не толко ничего того не сискалося, но еще по нѣкоторимъ изъ сего слѣдствіямъ показалося, что оныя представленія вимишленни или для возмущенія противу меня народнаго, или въ сохраненіе въ архивѣ канцелярской противу настоящаго и безпристрастнаго моего гетманства, сходствуемаго во всемъ съ высочайшею волею всемилостивѣйшей моей государини, нѣкоторыхъ будто-би доказателствъ къ каковимъ-либо впредъ намѣриваемимъ жалобамъ. Напослѣдокъ, когда я учредилъ для лутшаго порядку экономическую канцелярію, не мою точно, но гетманскую, въ томъ мнѣніи, даби всѣ малороссійские дѣла лутшимъ распорядкомъ теченіе свое имѣли, а въ оной опредѣлилъ членами совѣтника Теплова и трехъ бунчуковихъ товарищей, а именно: Тернавского, Ломиковскаго и Чуйкевича, гдѣ и писменное учрежденіе далъ, что оная экономическая моя канцелярія не инное какое мѣсто есть, тоже самое, что и войсковая канцелярія, но одному мѣсту отъ меня предпоручено войсковые дѣла отправлять, другому гетманскый урядъ, касаючыйся до содержанія дому нѣкоторихъ городовъ и маетностей; то въ семъ случае возмечтали ви таковое мое учрежденіе вовся уничтожить разними проэктами и своимъ прозрѣніемъ, и перво, неприлично почитать то себѣ за обиду, что оной экономической канцеляріи опредѣлено отъ мене относиться съ вами въ равенствѣ: въ каковихъ случаяхъ никогда не взирается на честь присутствующихъ, но на важность мѣ-

Библиотека "Руниверс"

ста. Вскорѣ-же послѣ моего учрежденія, вы вздумали уравнивать войсковихъ канцеляристовъ съ членами экономической канцеляріи, и на спошеніяхъ, въ противность мнѣ, своимъ установленіемъ опредѣлили подписываться рядовимъ канцеляристамъ, а въ немалую обиду членамъ той канцеляріи; напослѣдокъ, когда оное мною пресѣчено было, то не единожди на справедливыя требованіи оной канцеляріи присылать свои грубия отвѣти и задавать иногда неприличныя требованіи, на которие я снисхождительно чрезъ долгое время съ терпѣніемъ взиралъ. Наконецъ, усматривая самъ изъ нѣкоторихъ въ экономическую мою канцелярію отъ васъ спошений таковыя экспрессіи, которыя безъ всякаго уваженія на мою собственную персону обращается, то, не требуя уже ни отъ кого себѣ болшихъ доказателствъ и экспликацій, хотѣлъ принять таковия мѣри, каковихъ власть, по всевисочайшей волѣ отъ ея императорскаго величества, мнѣ данная надъ вами требовала; но по крайней моей умѣренности еще удержался отъ того, а повелѣлъ изъ экономической канцеляріи отвѣтъ за моею аппробаціею вамъ написать, что и учинено, и хотя вы точно вѣдали, что оный отвѣтъ изъ экономической канцеляріи состоялъ изъ моихъ собственныхъ повелѣный, однако-жъ не хотячи онаго разумѣть, вздумали мнѣ приносить на совѣтника Теплова жалобу, дая чрезъ то мнѣ знать, что вы не пріемлете таковихъ моихъ отвѣтовъ; а между тѣмъ учинили у себе, яко-бы парламентское нѣкоторое опредѣленіе, въ противность моему ордеру, не сноситься писменно въ равенствѣ съ экономическою канцеляріею, чего было вамъ дѣлать никакъ не подлежало, безъ собственнаго моего повелѣнія, а слѣдовало представить прежде и ожидать на то резолюціи, а не собою отрѣшить мои ордери, чрезъ что явное подали презрѣніе къ моей персонѣ, а на себе навели нѣкоторое общественное самовластіе въ народѣ. Сколь сіе есть дерзновенно, то вы разсудить сами можете. Хотя-жъ ваша жалоба несправедливая отвѣта еще отъ мене никакова не удостоена, но для лутшаго усмотрѣнія, кто таковимъ затѣйкамъ притчиною, принужденъ я былъ господина обозного генерального [1]) въ войсковую канцелярію опредѣлить съ вами единъ, а прочихъ отрѣшить; ибо вы иногда сказиваете въ таковихъ случаяхъ, что не силни другихъ голоси оспорать. А нынѣ усматривая, что положенное вами опредѣленіе прежде

[1]) Семена Кочубея.

Библиотека "Руниверс"

сего о несношеніи съ экономическою канцеляріею письменномъ въ вашемъ мнѣніи силу свою и по сію пору имѣетъ, въ явную противность мнѣ, и господинъ обозный генеральный, хотя далеко старѣе васъ чиномъ, мнѣніемъ своимъ согласующій съ моимъ ордеромъ, не силенъ находиться васъ самихъ оспорить; чрезъ таковый поступокъ ви себе оказали, что и прежнимъ затѣйкамъ не кто иный притчиною, ибо вознамѣрилися или виискать отъ мене неправедно требуемую сатисфакцію на совѣтника Теплова, или таковымъ ослушаніемъ укорить мои поступки, которыя предъ лицемъ ея императорскаго величества всегда вѣрни и безпристрастни. Я вижу, что ви мою терпеливость и учтивое до сего времени съ вами обхожденіе толкуете своей головѣ, якобы въ нѣкоторое мое непроницателство, въ чемъ ви по сіе время весма ошибаетеся. Позволите ведать, что ваше высокомисліе мнѣ всегда видимо было и оное весма неприлично; и ви никакими знатними службами предъ ея императорскаго величества похвалиться еще не можете предъ прочими многими службами въ Малой Россіи; хотя ви и много лѣтъ щитаете вашей службѣ, и вѣдаете, что довольно найдется у ея императорскаго величества честно служащихъ малороссійскихъ людей, которые мѣсто ваше заступить могуть. И не думайте, чтобъ ви въ такой цѣнѣ были, какъ ви сами себе содержите. Когда ви презираете всѣ до сего учиненныя вамъ отъ мене милости и снисхожденіи, а па-послѣдокъ не только ослушни уже являетеся моимъ ордерамъ, но и своими противнаго содержанія приговорами отрѣшаете, чрезъ что явное поощреніе даете другимъ, то видно, что ви не хотите припамятствовать поступокъ прежнихъ моихъ антецессоровъ съ таковими ослушниками, а составляете и своей персонѣ голосъ, якоби цѣлаго народа, противу мене. Чего ради я не имѣю болшей къ вамъ никакой повѣренности и отрѣшаю васъ отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ, а сверхъ того приказиваю быть вамъ въ Глуховѣ, не выезжая ни на малое время, ни подъ какимъ видомъ, безъ моего позволенія, изъ города. А ежели что противно сему еще учините, то я другими мѣри сищу васъ заставить почитать власть надъ вами поставленную отъ всемилостивѣйшей нашей самодержицы.

Москва. Декабря 24 д. 1753 году.

Гетманъ Разумовскій [1]).

[1]) Думаемъ, что приведенный „ордеръ“ Разумовскаго, найденный нами въ сулиминскомъ архивѣ въ копіи XVIII в., писанъ подъ диктовку Теплова, который предсѣ-

Библиотека "Руниверс"

7.

Письмо А. Капоровскаго-Сохи къ Григорію Сковородѣ. 1754 г.

Любезнопріятнѣйшій другъ мой, господинъ Сковорода.

Писаніе ваше чрезъ г. А. Турчановскаго я исправно получилъ. Не мало радуюсь о вашемъ прибытіи въ Малую Россію; много паче печалень о неудачи вашей въ вашемъ странствованіи. Однако нѣчему и удивлятись: часто трудолюбивая пчела, ища пріумноженія сокровищамъ своимъ, обтекая неизмѣримые мѣста пространныхъ поль, зачавъ отъ Пелопонеса и минуя острова Серилскіе, прелетѣвъ изобилную Индію, ища цвѣту амарантового, преходитъ чрезъ сѣверные границы, гдѣ царство Хаоса и Старой Ночи граничитъ съ небомъ, тщетно возвращается, но вторично почивъ чрезъ ночъ, возводитъ очи вмѣстѣ и желаніе свое, видитъ по щедротамъ неба блещащую на листахъ полезную росу, которая развиваетъ унилые листья и показываетъ ей цвѣты корыстми потребными наполненными, она радуясь усугубляетъ трудъ свой, забиваетъ сути прошедшаго дни, возмѣщаетъ корысти и радуясь награждаетъ потерянное.

Таковымъ образомъ, пока силы еще въ насъ, а паче въ тебѣ не ослабѣваютъ, возведъ очи къ милосердимъ небесамъ и во мѣсто росы, пролитъ свой источникъ, протекающій отъ сердца чрезъ пріятные два свѣтпла, дождись оттуду корыстей; дождись и мене, твоего нелицемѣрного друга, который въ жаждѣ твоей самъ сугубо жаждетъ. Ежели тебѣ не скифство покажется, тамъ гдѣ я хочу, будешъ вомѣщенъ несумнѣнно. Все оставя, не печался и дождись меня. Я въ маи мѣсяцѣ именно буду. Я о тебѣ старателство хочу приложить и исходатайствовать тебѣ тѣхъ милость, которіи умѣютъ съ каменя сдѣлать человѣка да человѣка добрего. Не отлучайся никуда; я за тобою пришлю, какъ пріѣду; потерпи на мнѣ, вся ти воздамъ. А нынѣ заключаю, что я твой вѣрній братъ и слуга, каковыми хочу жить и умереть. А. Капоровскій-Соха.

дательствуя въ учрежденной по его мысли и для него „экономической канцеляріи“, хотѣлъ, подъ видомъ защиты интересовъ „гетманскаго уряду“, взять на дѣла всей Малороссіи. Встрѣтивъ оппозицію со стороны Скоропадскаго (р. 1697—1758), Теплову, какъ видно, безъ особыхъ затрудненій, удалось сего „отъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ“ и выдвинулъ на его мѣсто молодаго Семена Кочубея (р. 1725 г.), уже безпрепятственно взявшаго на дѣла Малороссіи.

Библиотека "Руниверс"

P. S. Бога ради, братѣку, прилѣжай ученіямъ и ежели нѣ отъ кого, то самъ, до пріезду моего, у себе учись. Не печалясь ни одѣяніемъ, ни другимъ чимъ; все будетъ, толко ученія не забывай. Вотъ тебѣ за много латинскихъ и русскій:

Питай лавръ водамы, пока не увянетъ!
И скройся грозныхъ тучъ, пока громъ не грянетъ!

Не погнѣвайсь, что я писалъ скоро и безъ разсужденія. Ты простишъ мнѣ, что не резолюцію написалъ.

P. S. Хотя не сатрапа персидскій, однакожъ не тотъ, что былъ; толко ты узнаешъ протчихъ. Оддаленъ живу и умру оддаленъ-же.

1754 г. генваря 25 д.
Москва [1]).

8.

Письма Семена Ивановича и жены его Прасковьи Семеновны Сулимъ къ сыновьямъ.

а) Любезнѣйшій сыну, Якимъ Симеоновичъ. Мы родительски сердцами обрадованы о выраженномъ въ писмѣ, что насъ Всевишній за труда не оставляя, якое нѣ есть производство подъ большій степень получили. И надѣемся, по нашему молитвенному къ Богу воскліцанію, не оставлени и впредь будете, толко по своимъ наукамъ зъ помощію (сѣтуе сутъ патроніи:) а лучше Божіею дерзать, чимъ бы еще въ живыхъ будучи, въ сердцахъ ми радостныхъ пріобрѣли хочь маленку жизнь. О Симеонѣ, сыну нашемъ, болѣе размишлять нѣчего, какъ бы ему хорошую отставку получивши, женить его, чтобъ и насъ, не лишась сего вѣка, могълъ поддержать и своими труди; ибо въ насъ въ отечествѣ много противъ прежнего перемѣнъ насилствуется; хочай на то отъ монархи имяннаго и указу нѣтъ, можете зъ копѣи у Семена вичитавши, разсудить, да и впредь, Богъ вѣсть, что происходитиметь. Васъ, любезнѣйшій сыну, родителски просимъ, всѣми мѣри стараться о дохожденіи

[1]) Письмо надписано: „Сердечному другу и пріятелю моему, Григорію Ивановичу, его благородію, Сковородѣ, или Савину, или Дунаевскому. Въ „Каврая“. О Каворовскомъ знаемъ только, что онъ былъ племянникомъ Семена Ивановича Сулимы, полковника переяславскаго. Село Каврая въ это время принадлежало Степану Васильевичу Томарѣ. Вѣроятно, о немъ и говорится въ P. S.

Библиотека "Руниверс"

по дѣлу Михалчиной и Гудовки маетностей конца и насъ наскорѣ увѣдомить. О Симеонѣ разсудить, что вскорѣ очей позбудеть, да и тамо зъ жалованья ему не прокормится, какъ въ одѣяніи и прочомъ. Бога ради, промишляйте объ немъ и какъ возможно старайся въ будущій годъ выпускъ ему совѣтовать получить. А вамъ отъ сердецъ родительскихъ зичимъ, при молитвахъ нашихъ, въ помощь благополучія вашего пробавить и континтовать до болшого степени; отъ отчизны васъ не оставляемъ во вѣки. Сивочку, за присылку книгъ много благодарю и впредь просимъ переводами своими снабдивать насъ. Книжки Тюрена, зъ которихъ мѣлъ презентовать нашему шефу П. А. Румянцову, но я его дожидалсь въ полку своемъ видѣть и тогда презентовать имѣлъ; однакъ пощастю въ насъ не бивалъ и затимъ остались въ мене. Болѣе за слабостію писать не досугъ. Васъ, любезнѣйшій сину, Божію промислу, при молитвахъ нашихъ, препоручаемъ. Вамъ всѣхъ благополучій вѣрноусерднѣйшій отецъ и мати Семенъ Параскевія Сулими.

Ноября 30 д. 1765 г. Баришовка.

б) Любезнѣйшіе дѣты, Семенъ Семеновичъ, Якимъ Семеновичъ. Отпущеннимъ моими до сего къ вамъ чрезъ Кіевъ и Глуховъ писмами дала я вамъ знать о горестномъ и тяжкомъ приключеніи нашемъ, что мой мужъ, вашъ отецъ, минувшого мая 27 числа, сполдни въ половинѣ третего часа, по долговременномъ разними болѣзнями страданіи, преставился изъ сего на вѣчное житіе, оставя мене съ вами въ сиротствѣ и въ пролитію тяжчейшихъ слезъ моихъ. А нынѣ и чрезъ сей удобной случай о томъ же нещастіи вамъ повторяю и плачливе прошу васъ, любезніе дѣти, во всемъ томъ, что покойній отець вашъ чрезъ отправленного къ вамъ Якубовского писалъ, прилагать неусыпного старателства къ вашему благополучію и моему утоленію песносних печалій. Да и сами вы, какой ни на есть съ васъ, не укосѣять сюда пріѣхать подъ сей случай, ибо братъ вашъ Евстафій Семеновичъ на время было въ домъ отпросился, да и паки на срокъ по обовязки отъѣхалъ. При томъ не оставте постараца испросить у графа Румянцова сюда въ полкъ ордеръ, чтобъ значковій товарищъ Шулговскій, въ котораго вѣдѣніи и знаніи всѣ наши письменніе дѣла, оставленъ былъ для оних, подъ такое время, при домѣ нашемъ, на свободѣ отъ полковихъ по его званію нарядовъ; и тое прислать ко мнѣ, и обо всемъ уведомить, да и Якубовскаго не медлить. Чего всего, а паче самихъ васъ, коего возможнаго

Библиотека "Руниверс"

прибытія, ожидая и поручая васъ же Божію благословенію и милости, остаюсь вамъ, любезніе сыни, усердно богомолствующая печалная маты, Параскевія Сулимина.

Іюнь 9 д. 1766 г. Варишовка.

9.

Письмо Василія Ивановича Скоропадскаго къ Ивану Андреевичу Войцеховичу. Окт. 1786 г.

Милостивый государь мой, Иванъ Андреевичъ. Признательно вамъ благодарю за исполненіе моей коммисіи относительно отсылки письма моего въ Питербургъ и за сообщеніе разныхъ бумагъ, въ пакетѣ вашемъ вложенныхъ. У насъ по Юркевичевому дѣлу есть очевидность доказательствомъ, что нынѣ въ свѣтѣ все идетъ и такъ, и сякъ. Планы я у васъ оставляю, потому что они здѣланы для покойнаго отца моего и ошибкою оставлены въ коммисіи покойнымъ Семеномъ Васильевичемъ [1]). Записку-жъ, по требованію вашему, обратно вамъ отсылаю и хотя вы таите сочинителя оной, слѣдуя въ случаи семъ скромности столько васъ отличающей, которой въ протчемъ правду говоря, между нами не долженствовало бы быть, однакожъ по надутому слогу, по чудности изреченій, по лести безмѣрно тутъ находящейся, я отгадываю, что писалъ записку тотъ грекъ, что изъ Царьграда притекъ, несносну ябеду съ собой привлекъ и матерч его да будетъ пекъ. Въ протчемъ естли тѣ безмѣрныя похвалы, коими усыпана записка, относются на имя извѣстнаго вамъ моего благодателя и правителя сего края [2]), то они справедливы суть всеконечно. Но естли паче чаянія (чего конечно быть не можетъ) клонятся они къ тому, кто столько фамилію нашу обидилъ, то вотъ мой на сіе отвѣтъ:

не ложно,	ни за что,
что можно	ни про что,
дурака,	возвышать,
простака,	украшать
выхвалять,	дѣлами,
прославлять	хвалами.
и повѣсть	На время
надъ совѣсть	и племя,

[1]) Кочубей, членъ малороссійской коллегіи. † 1779 г.
[2]) П. А. Румянцевъ.

Библиотека "Руниверс"

что течетъ; | что вертѣлъ
навлечетъ | и умомъ,
правды свѣтъ | и перомъ,
и минетъ | дабы соръ
ужъ тогда, | пустой вздоръ
на всегда, | издавать,
блескъ хвалы; | предавать
а глупый | потомству,
тотъ подлецъ, | въ знакомству
тотъ стремецъ, | всѣхъ людей
что писалъ, | по своей
что маралъ, | глупости,
что потѣлъ, | тупости,

допущенъ быть не можетъ.

Ожидаю отъ скромности вашей, любезный другъ, что сія шаль, которая ничто иное есть, какъ плодъ праздная времени, останется между нами, не съ тѣмъ однако, чтобъ я сего боялся; нѣтъ! но чтобъ не имѣть себѣ непріятелей. Въ протчемъ усердіе мое и почтеніе къ вамъ есть довольно извѣстны. Итакъ не распространяя письма моего излишними онаго повтореніями, я кончу тѣмъ для меня найпріятнѣйшимъ увѣреніемъ, что есть и пребуду навсегда вашъ покорнѣйшій слуга. В. Скоропадскій [1]).

(Ок. 1786 г., изъ с. Авдѣевки).

10.

Два письма слободско-украинскаго епископа Христофора Сулимы къ брату Акиму Сулимѣ. 1789 г.

а) 1789 года 12 августа, въ понедѣльникъ, съ Санктпетербурга.

Донесъ меня Богъ въ Питеръ благополучно сего 9 августа, въ четвертокъ. Живу въ невскомъ монастырѣ. Рязницу уже при-

---

[1]) В. Ив. Скоропадскій служилъ у Румянцова адъютантомъ. Подъ обидчикомъ Скоропадскихъ здѣсь разумѣется, кажется, генер.-лейт. Семенъ Ивановичъ Неплюевъ, мужъ двоюродной сестры В. Ив—ча, Прасковьи Петровны. Послѣдняя, будучи бездѣтною и желая передать мужу имѣнія, выдала на послѣднія купчую крѣпость какому-то Чоглокову, а Чоглоковъ на эти имѣнія выдалъ Неплюеву закладную крѣпость. Скоропадскіе, послѣ долгаго процесса, добились признанія купчей крѣпости недѣйствительною и вернули отъ зятя сс. Блотницу, Васьковцы, Чепелевъ и Охромѣевичи.

Библиотека "Руниверс"

няли въ синодѣ. Письма поручилъ; одно только еще у меня остается къ Якимовичу. Графъ [1]) сказалъ: съ удовольствіемъ пріймуся стараться и пошлю къ митрополиту записку или съ нимъ увидѣвшись, поговорю. Петръ Васильевичъ [2]) приказалъ чаще у его бывать и обѣщался такъ-же стараться, но примолвилъ еще, чтобъ собравши мѣсто, ему доложилъ. Николай Петровичъ [3]) былъ весьма доволенъ письмомъ и мнѣ показался пріятнѣйшимъ; притомъ сказалъ, когда услышилъ, что 24 года въ монашествѣ и еще безъ чина, что всѣхъ святыхъ призовемъ на помощъ, чтобъ графа понудить къ доставленію чина и—свой своему по неволѣ долженъ помогать. Есть еще дворецкій у графа съ студентовъ, Острогорскій, приближенный къ графу, а мнѣ знакомый, ибо я его отцу помогалъ еще въ Переяславѣ и онъ помнитъ; а посему меня скоро и къ графу представилъ и крѣпко съ Николаемъ Петровичемъ взялся часто напоминать о мнѣ графу. Но что Богъ устроитъ, еще не извѣстно. Въ духовныхъ нѣтъ надежды вовся, кромѣ духовника; не любятъ—съ дворянъ; хотятъ, чтобъ первѣе имъ послужилъ, а потомъ въ чинъ. Митрополитъ приказалъ намѣстнику, когда буду проситься въ невскій монастырь, то чтобъ принялъ въ число братіи; но я ни за что здѣсь оставаться не соглашуся и мнѣ здѣшнее житье вовся не кажется; я естьли недѣль чрезъ двѣ ничего не получу, отсель удалюся и оставлю стараніе Николаю Петровичу и г. Острогорскому. Желаніе-жъ мое, за возвратомъ, переселиться къ могилевскому преосвященному [4]): ибо онъ обѣщался дать мнѣ чиноначаліе, а большого буду ожидать въ маломъ чинѣ. Всѣ о вашемъ здоровьи спрашивали, а о дѣлахъ никто ничего не предлагалъ. Петръ Василіевичъ удивился, когда услышилъ о смерти Семена Семеновича. Valete et sis validus; timeo, ne teneam necessitatem rerum gerendarum ideoque cito hoc mense discedam.

P. S. Матушкѣ низенько кланяюся, а юнотъ [5]) мысленно цѣлую. Искренно желаю видѣть всѣхъ здоровыми и благоденственными.

---

[1]) Безбородко.

[2]) Завадовскій.

[3]) Румянцевъ?—Отецъ его, тогдашній правитель Малороссіи, былъ сосѣдомъ Сулимъ, по ташанскому имѣнію.

[4]) Георгію Конисскому.

[5]) Юнотъ, т. е. дѣтей Акима С—ча.

Библиотека "Руниверс"

б) Съ Санктпетербурга въ среду 1789 года, 3 октября.

Excellentissime atque clarissime!

Се! уже благоволилъ Всевышній излить на мя благость свою не по моему достоинству, но щастіемъ вашихъ юнотъ, къ ихъ можетъ быть будущему удовольствію, коихъ прошу за меня поцѣловать и есть-ли успѣшны во всемъ благомъ, то и погладить, а я имъ не премину въ гостинець привезть по одной книги съ картинами. Въ день Покрова, въ который совершается въ Сулимовкѣ память предковъ нашихъ[1]), при посвященіи переименованныя съ богородичнаго Успенія церкви каменныя во Владимира, строившіяся 50 лѣтъ, которая на питербургской сторонѣ, въ виду множества генераловъ и народа, произведенъ митрополитомъ Гавріиломъ во игумена въ свято-николскій моденскій монастырь, состоящій отъ Новагорода въ 15-ти верстахъ. Но въ сей обители мнѣ не быть и ея не видѣть, потому что за производствомъ въ Иркуцкъ архіерея и по перемѣщеніи архимандритовъ, будетъ мнѣ недѣль чрезъ двѣ производство въ архимандрита, а игуменомъ здѣланъ только для совершенія порядка. За полученіемъ сего позвольте васъ просить, чтобъ вы совершенно щитали меня архимандритомъ и о семъ-бы отецъ Павелъ и отецъ Кондратъ принесли-бъ Богу благодареніе. Благодарилъ я графа, благодарилъ я и Николая Петровича и г. Острогорскаго, коего я вѣкъ не забуду, ибо онъ меня графу представилъ и меня рекомендовалъ. Графъ чрезвычайно ко мнѣ ласковъ и благосклоненъ, а ходатайство его и промыслъ неусыпныя. Г. Новицкій бывши у меня, сказывалъ: „графъ-де росказывая, что видѣлъ тебя въ одной каретѣ съ митрополитомъ ѣхавшаго, якобы задумавшися, сказалъ: будетъ-ли то нашъ отецъ Христофоръ архіереемъ? но я-де отвѣчалъ, развѣ по времени, а теперь по производствѣ архимандритомъ, нужно чтобъ повидѣлся съ роднею". И сіе сказано въ мою пользу: ибо здѣсь у меня уже денегъ нѣтъ и ни у меня, ни у Гавриды[2]), шубъ не имѣется. О семъ объяснитьси я стыдился г. Новицкому, потому что онъ-бы графу сказалъ, что было-бъ мнѣ въ стыдъ, а вамъ-бы можетъ быть было въ поношеніе. И такъ я принужденъ занять триста рублей у г. Острогорскаго. Наконецъ Николай Петровичъ спрашивалъ

---

[1]) Сулимовская церковь посвящена Покрову Богородицы.

[2]) Слуга Сулимы.

Библиотека "Руниверс"

меня, освѣдомлялъ-ли я родныхъ о графской милости и о успѣхѣ производства. Я отвѣчалъ, что о первомъ писалъ, а о другомъ буду писать. Онъ мнѣ отвѣчалъ: пишите. Я изъ всего заключаю, что нужно и надобно, дабы вы, пока я здѣсь, письмомъ благодарили графа и г. Новицкаго; а ко мнѣ не извольте писать потому, что письмо урядъ-ли меня здѣсь застанетъ: ибо я, по производствѣ архимандритомъ [1]), немедленно выѣду и буду къ вамъ возвращаться чрезъ Москву, Смоленскъ и Могилевъ. Къ господину-жъ Острожскому писать я на волю вашу отдаю и за возвратомъ больше вамъ о немъ доложу. A Zawadowsky nihil boni fecit nec post primâ ostensit suâ faciem. Теперь позвольте терпѣливо внять прозьбу мою: 1) нижайше прошу заготовить для отдачи денегъ г. Острогорскому хотя рублей двѣстѣ, чтобъ я могъ за возвратомъ заразъ долгъ ему отдать и симъ чувствительность оказать, а у меня надѣюся сыщется сотнишка; но при семъ прошу не безпокоить ни Скорупинаго, ни пани сватовой скарбу, а изъ точнаго Сулимиваго одолжить; я-жъ надмуся десатерицею отдать. 2) Не оставте притвердить заразъ пану Матвею, чтобъ онъ часто часто чрезъ Тимоха келіи мои и въ нихъ содержимая навѣщалъ и наблюдалъ, дабы было все цѣло, чисто, тепло и въ порядкѣ; а я ему уже купилъ круговое платья. Впрочемъ прошу кланяться матушкѣ и испросить ея ко мнѣ благоволенія, а безъ сего опасаюсь заѣхать, чтобъ иногда какъ мать и съ крестомъ меня за уши не подрала; но нѣтъ! не посмѣетъ! Я теперь важенъ и гордъ! Фе! Я поистиннѣ, слава Богу, и здоровъ, и веселъ, и судбою моею доволенъ. Желаю душею моею, чтобъ мнѣ и васъ въ такомъ положеніи видѣть и воспѣть: здравствуйте! а нынѣ прощайте.

Позвольте сказать: хоть лиха набрався, но въ щастя вихався. Теперь я не прошу невѣстушку о архимандріи. Фе! и думать не хочу. А Грыбинъ отъ радости еще больше для важности грыбы свои отпасилъ. Митрополитъ моею благодарною рѣчью весьма былъ доволенъ; а по отпускѣ сего примуся за двѣ (рѣчи), т. е. одну на случай, для высочайшаго лица, а другую для митрополита. О дѣлѣ черниговскомъ ниже слышу что; я весьма опасался при-

---

[1]) Христоферъ Сулима посвященъ былъ архимандритомъ въ гамалѣевскій харламіевскій монастырь (глуховскаго уѣзда) 14 декабря того-же 1789 г. (объ отъѣздѣ Сулимы изъ Спб. см. письмо Безбородка—Сборникъ русск. ист. общ., XXVI, 478). Умеръ въ 1813 г., въ санѣ слободско-украинскаго епископа.

Библиотека "Руниверс"

ѣзду Іоськового [1]), но однакъ обманулся. Я у него не былъ еще и съ нимъ не видѣлся, а слышу, что онъ въ моей судьбѣ ни тепелъ, ни холоденъ. Графу-жъ онъ сказалъ только: умно вы здѣлали, что сему невинному помогли и я радуюся. Подлинно весьма графъ ко мнѣ благопріятенъ. Онъ до небесъ возноситъ родъ Сулимъ и доброту родителей и въ одно время сказалъ: и грѣхъ мнѣ, когда я сему Сулиминому потомку не помогу. А единожды съ сожалѣніемъ говорилъ о невинныхъ доносахъ на батюшку нашего. Иваненковы [2]) письма часто раздираетъ и терпѣть не можетъ, говоря: я-бы желалъ, чтобъ сей... ни меня не зналъ, ни я его.

11.

Письма Якима Якимовича Сулимы къ отцу. 1804—1805 г.

а) Милостивый государь, батюшка!

Съ позволенія г-дъ профессоровъ, Петра Ивановича Страхова и Антона Антоновича Антонскаго, хожу я въ преподаваемые ими публичные ординарные классы опытной физики и натуральной исторіи, по 3 часа въ недѣлю. Приватныя лекціи для философіи имѣть буду, дней чрезъ пять, у профессора философіи Павла Аѳанасіевича Сахацкаго, о учености коего извѣстно и въ самой Германіи; онъ знавъ дядюшку Христофора Семеновича [3]), еще іеромонахомъ въ кіевской академіи, съ охотою на сіе согласился; о цѣнѣ, однако жъ, за каждую часть философіи еще не объявилъ. Но профессора для смѣшенной математики до сихъ поръ не нашли; Панкевичъ, весьма прославившійся профессоръ науки сей, по причинѣ слабаго своего здоровья, приватныхъ лекцій никому не даетъ; а другіе профессора то весьма дорого цѣнятъ труды свои, то далеко живутъ.

По вступленіи моемъ въ классы, имѣлъ я честь быть съ Иваномъ Ивановичемъ [4]), 19 го сего мѣсяца, у его высопревосходительства Александра Андреевича; и приняты мы были

---

[1]) Кажется, слѣдуетъ разумѣть Судіенка (Осипа Степановича), бывшаго фактотумомъ у Безбородка.

[2]) Иваненка, Григорія Григорьевича, назначеннаго переяславскимъ городничимъ на мѣсто умершаго Семена Ив—ча Сулимы, отца Христофора.

[3]) См. выше, № 10.

[4]) Ваповскимъ, воспитателемъ Як. Як—ча Сулимы.

Библиотека "Руниверс"

весьма благосклонно: онъ изволилъ спрашивать о здоровьѣ вашемъ, о братѣ Павлѣ Якимовичѣ, вышлялъ сестры замужъ и приказалъ намъ остаться у его обѣдать. Впротчемъ я не знаю, что со мною его высокопр-ву по письму вашему, на которое отвѣчать обѣщался, угодно будетъ здѣлать. Ожидая, въ разсужденіи сего, вашихъ повелѣній и испрашивая родительскаго благословенія, честь имѣю пребыть съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію вашъ, милостивый государь батюшка, всепокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

9 октября, 1804-го года.
Москва.

P. S. Квартиру, которая была далеко отъ университета, мы перемѣнили: оная теперь близъ самаго университета, въ домѣ университетской церкви пономаря.

б) Милостивый государь, батюшка! Пользуясь недавно открывшеюся здѣсь весною, посѣщалъ я нѣкоторыя достойныя примѣчанія мѣста: и ничто мнѣ такъ не понравилось, какъ голицыная, недавно выстроенная, больница. Князь, движимъ будучи нѣжнѣйшею чувствительностью къ человѣчеству, умѣлъ украсить благодѣтельное сіе заведеніе и превосходнѣйшимъ вкусомъ въ расположеніи, и совершеннѣйшимъ искуствомъ въ исполненіи. Притти туда: въ покояхъ—цѣль и средство; во храмѣ Бога—великолѣпіе и благоговѣніе приходящихъ. Тутъ позналъ я силу произведеній великихъ артистовъ на чувствованіе наше. Величественные въ церквѣ восемь мраморныхъ столбовъ, пространство, свѣтъ, игра горящаго солнца въ яркой бронзѣ у жертвенника, вселяютъ нѣкоторый священный страхъ, и—слышенъ, кажется, гласъ: земля, на ней-же стоишь, свята есть! Сіе чувствованіе растворяется надеждою, когда обратятся глаза на картины, представляющія разительно Божество, его величіе и премудрость, его благость и милосердіе—картины, кои пребудутъ вѣчнымъ предметомъ удивленія! При таковой перемѣнѣ движенія духа, тихая и совершеннѣйшая гармонія пѣвцовъ, переливаясь изъ тона въ тонъ, изъ трели въ трель, погружаетъ его въ какое-то пріятное забвеніе, возвышаетъ его, и—онъ стремится къ своему началу—всеобщей причинѣ. Тутъ проникъ я Сократову истину: совершеннѣйшая музыка есть настоящая философія! Мраморный памятникъ, воздвигнутый въ честь строителю, за-

Библиотека "Руниверс"

служиваетъ также великаго вниманія: онъ выработанъ съ посѣднею возможностію. Женщина, стоящая предъ бюстомъ на колѣнахъ съ распростертыми руками, и обращаясь къ олтарю, упрекаетъ, кажется, самое небо въ отнятіи таковаго благодѣтеля людей! Нельзя не подумать, что въ хладный сей мраморъ, образованный рукою искуства, не заключена и жизнь, и душа. Каждая часть, каждая черта живо выражаетъ сѣдающее сердце тягостнѣйшею печалію, и не находящее ни въ чемъ утѣшенія!...

Ты былъ другъ природы! сказалъ я. Ты здѣлалъ честь нашему времени!—Достойное достойному!!!... Я приготовляю себя видѣть Останкинъ, мызу г. Шереметьева. Сіе мѣсто заслужило удивленіе двухъ императоровъ, Іосифа II и Павла I.

Приимите, милостивый государь, батюшка! усерднѣйшее почтеніе, съ коимъ имѣю честь пребыть навсегда вашъ покорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

16-го маія, 1805-го года Москва. На Никольской. Въ Богоявленскомъ монастырѣ.

P. S. Уже двѣ молотильни осматривали мы, однакожъ сверхъ того, что солома совсѣмъ къ употребленію, выключая корму скота, не будетъ годиться, вычислилъ я, что 5 человѣкъ, работая на ней 12 часовъ безъ отдохновенія, не больше могутъ обмолотить 30 копенъ. Правда, работа на ней весьма легка: шевчики, а не шевцы, съ приставникомъ съ нею управятся. Цѣна за оныя по 300 ру. Смотрѣли мы и вѣяльницы: они точно такія, какъ наша; въ нашей только размѣръ потерянъ. Сіе удержало насъ заплатить 100 ру. за простую сію машину. Бритвы при семъ имѣемъ честь поднести: для нихъ потребна только горячѣя вода и ремень, но никогда оселокъ.

в) Милостивый государь батюшка! Наконецъ пришли тѣ драгоцѣннѣйшія минуты, что хвалюся предъ вами. Выслушалъ я курсъ философіи; понимаю то, что есть чистое и человѣка достойное! Я счастливъ: знаю то, чего-бы не зналъ, не имѣя родителя философа! Чувствованіе сего счастія, недовѣдомаго многимъ, зажгло новый и вѣчный фиміамъ благодарности ему Великому! на жертвенникѣ моего сердца.

Позвольте мнѣ, милостивый государь батюшка! послушать еще отъ премудростей безсмертной Уранія, подвергающей эѳиры своему разуму, да познаю и я пути небесныя, бѣги свѣтилъ по

Библиотека "Руниверс"

неизмѣримымъ эллипсисамъ, таинственные законы звѣздъ; да узрю по ближе дѣла перстъ Божіихъ. Ни пышности должностей гражданскихъ, ни блески буйной славы подвиговъ воинскихъ, не прельщаютъ меня: я музамъ себя посвятилъ. Благоволите, что-бъ и сѣверъ къ новому году совсѣмъ не чуженъ мнѣ былъ, да поздравлю онымъ и облобызаю руки родителя, котораго почитаю и которому удивляюсь! Милостивый государь, батюшка, вашъ всенокорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

4 іюля, 1805 го года. Москва. На Никольской, въ Богоявленскомъ монастырѣ.

1) Милостивый государь, батюшка! Письмо ваше и деньги 700 р. получили мы 19-го сего мѣсяца, исправно. Мнѣ весьма прискорбно, что не могу похвалиться вамъ: воля ваша исполнена, я записанъ въ университетъ. Сему причиною крайняя слабость, которую почувствовалъ я съ 25 сентября, во всѣмъ моемъ корпусѣ, сопровождаемая чрезвычайною тяжестію. Хина, которой съѣлъ на 6 р., выключая другихъ лѣкарствъ, поставила меня теперь на ноги, но которой оставлять еще не велятъ. Въ семъ-то случаѣ увидѣлъ я наиболѣе привязанность и усердіе ко мнѣ Ивана Ивановича: не только самъ трудился онъ, но призывалъ еще старыхъ своихъ знакомыхъ изъ г-дъ медиковъ, доктора Вегнера и Фреза. Растройка сія въ здоровьи дала мнѣ знать, что я не способенъ оставаться болѣе въ ученомъ кругѣ. Чистая математика, сдѣлавшись моимъ ремесломъ, престанетъ быть уже источникомъ пріятныхъ для меня занятій, но будетъ тяжкимъ бременемъ. Того не довольно, что могу я читать свободно всю чистую математику въ ея аплікаціяхъ къ смѣшенной: но и самыя тончайшія произведенія великихъ умовъ долженъ знать механически, какъ знаю артилерію, которая однако-жъ не можетъ быть мнѣ полезна. Таковы предлежатъ мнѣ труды; а я не могу и 4-хъ часовъ въ сутки, хотя сіе время и не достаточно, работать, какъ работалъ въ астрономіи надъ плоскою и ортографическою проэкціями, въ чистой математикѣ надъ дифференціаломъ и интеграломъ, гдѣ разумная способность человѣка, отдѣляясь отъ всякой матеріи, занимается свободно вещами, внѣшнимъ чуствамъ неподверженными, дѣлаетъ ихъ возможными, дѣйствительными, даетъ имъ различные виды и назначенія. Сіе-то положеніе математиковъ страшно: они не могутъ тутъ примѣчать, какъ время, шумя на быстрыхъ крыльяхъ, похищаетъ у нихъ половину дни, или половину ночи. Да и при испытаніяхъ пуб-

Библиотека "Руниверс"

личныхъ не спросятъ: каково здоровье ваше? Мнѣ не возможно будетъ пользоваться полезнѣйшими совѣтами дражайшаго родителя! ни заниматься долго подобными работами, его нѣжнѣйшими попеченіями, его ласками—первѣйшимъ благомъ! Я долженъ пахать симъ тяжелымъ плугомъ и ожидать почти всеобщаго конца математикамъ, котораго не избѣжали ни г. Голдбахъ, ни Іде, ни Загорскій, ни Пашкевичъ! Почтенные сіи мужи вмѣсто того, чтобы пожать плоды на нивѣ долговременныхъ трудовъ своихъ, изнемогаютъ первые три—отъ лютѣйшей чахотки, дѣлающей самое бытіе ихъ несноснымъ, а послѣдній—паралитикъ. Такова математика. Сверхъ того, лишаетъ она прочихъ полезныхъ познаній, требуя безпрерывныхъ упражненій въ ней или въ ея остротахъ, часто безполезныхъ, по которыя привыкли называть математическими чудесами! Я предъ вами, дражайшій родитель!—открываюсь! не открыться—себя стыжусь: страшусь, со времени растройки въ здоровьи моемъ, принять ее и на время своимъ ремесломъ, оставляя щастливѣйшимъ меня въ комплекціи: и кандидатства, и магистерства, и адъюнкства; и прилѣжнѣйше прошу васъ, милостивый государь, батюшка! дать мнѣ другое средство къ политическимъ необходимостямъ. Практическая астрономія—веретено, возлѣ котораго обращается непрестанно моя мысль! Не уйдетъ, когда почувствую здоровье мое возстановленнымъ и представится къ тому благопріятный случай. Впрочемъ, есть-ли проходить мнѣ ученые степени есть непремѣнная ваша воля, скажите—готовъ и послѣдними силами: ибо нѣтъ для меня ничего пріятнѣйшаго и лѣстнѣйшаго, какъ совершеннѣйшее покореніе и возможнѣйшее исполненіе оной и всего того, что можетъ усладить дни ваши, толико для насъ драгоцѣнные! Милостивый государь батюшка! вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ Якимъ Сулима.

24 октября 1805 года. Москва. Богоявленскій монастырь.

d) Monsieur et très cher père! Enfin après un hyver fort irregulier, le printems commence ici à se faire sentir tout inopinement; et il n'est pas étonant que les chevaux, que vous avez eu la bonté de nous envoyer, sont venus harassés quoiqu ils n'ayent aporté pas un poud du tabac. Ces mêmes circonstances ne nous laissèrent pas nous determiner de vous envoyer en profitant du retour de Hamaniza à Koustricz: quelques modèles des machines économiques que mon frère aporta de payes étrangers et de Finlande et notre bibleotheque. Nous nous contentons donc de Vous faire passer seulement une petite quan-

Библиотека "Руниверс"

tité de confitures dont vous m'avez parlé à mon départ de chez vous, et de semense Kounjoutnoe.

Jusqu'à présant je ne vous ai rien dit que je m'ocupe d'Architecture et de l'art des Jardins. Dans la première j'ai fait déjà quelques pas, grâce à mon ami M-r de Stassoff, proffesseur de l'Architecture de l'Accademie de s-t Luc à Rome. Plus je contemple les monumens de la haute antiquité, plus j'y trouve de solidité, de convenance et de beauté. Ces productions de l'antique art de batir dont la fermeté extrême nous étone et fera l'admiration de ceux qui naitront long temps après nous, font bien voir que l'envie de plaire n'etoit jamais l'objet de l'architecture; son but étoit la solidité de batimens, l'utilité publique et particulière, le bonheure et conservation des individus. Il est bien vrai que la beauté n'y fut point oubliée; mais l'air majeustueux et inposant des enciens édifices, qui les distingue des batimens modernes chargés des ornemens et des decorations mal entendues, ne depend que de la proportion de chaque masse en particulier et de l'harmonie qui regne entre les partie et leur ensemble.

Quand à l'art des Jardins j'en suis plus satisfait que je ne m'en attendois pas. Digne enfant de la belle nature! Cette jeune Muse élevée par la philosophie des anglois qui ne sont jamais las de l'examen de la nature, nous apprens de nous entourer des objets plains d'attraits et nous inspire les plaisirs les plus doux, les plus nobles, les plus durables qui fleurissent dans le carrière de la vie, plaisirs qui convient à tous les ages, à tous les états, à toutes les situations de 'homme, plaisirs, dit M-r Guichfeld, que les sujet partage avec son roi. Car quelles connoissance de la peinture en paysage, que de gout et de jugement qu'il faut avoir pour pouvoir, en imitant la belle nature se figurer l'ordonnace d'une vaste tableau sur le terrein ou l'on rencontre presque à chaque pas une foule d'obstacles qu'on ne peut surpasser qu à force d'imagimation bien exercée et par un travail soutenu. J'aime à surmonter les difficultés et je suis conduit dans la theorie de cet art par les talens et les lumiers de Guirchfeld; je vous suplie donc mon très cher Père de faire choisir un garcon, qui sait lire et écrire, d'une meilleure et riche famille de Vos sujets, de l'angager pres d'un Alemend qui dirige le jardin imperiale à Kiew et de le faire passer d'entre les bras de sa mère tout droitement à Kiew pour qu'il ne soit pas imbu des moeurs des courtisans. J'aurois besoin de bon cultivateur des plantes et des arbres: car je veux Vous faire un jardin qui surpassera le paradis que Mahomet imagina pour le recompense de Mousoulmans. Jàl l'honneur d'être.

Библиотека "Руниверс"

Monsieur et très cher Père Votre très-humble et très obcissant serviteur et fils Ioachim Soulima.

Le 17 mars, 1811.
S. P-bourg.

Переводъ. Милостивый государь, дорогой отецъ! Наконецъ то, послѣ очень неровной зимы, совершенно неожиданно весна начинаетъ здѣсь давать себя чувствовать; а потому не удивительно, что лошади, которыя, благодаря вашему вниманію, были намъ высланы, оказались измученными, хотя не привезли ни одного пуда табаку. Тѣ-же обстоятельства не дозволили намъ воспользоваться отъѣздомъ Гаманицы въ Кустичи, чтобы переслать вамъ нѣсколько моделей хозяйственныхъ машинъ, которыя привезъ мой братъ изъ заграницы и Финляндіи, а также нашу библіотеку. Поэтому ограничиваемся только посылкою конфектъ, о которыхъ вы говорили при моемъ отъѣздѣ, и кунжутныхъ сѣмянъ.

До сихъ поръ я вамъ еще ничего не говорилъ о своихъ занятіяхъ архитектурой и садоводствомъ. Въ первой я уже сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи, благодаря моему другу Стасову, профессору архитектуры академіи св. Луки въ Римѣ. Чѣмъ болѣе изучаю я памятники глубокой древности, тѣмъ болѣе нахожу въ нихъ основательности, цѣлесообразности и красоты. Эти созданія древняго строительнаго искусства, необычайная прочность которыхъ удивляетъ насъ и заставитъ восторгаться далекихъ нашихъ потомковъ, доказываютъ ясно, что желаніе нравиться никогда не было цѣлью тогдашней архитектуры; цѣль ея заключалась въ прочности зданій, общественной и частной пользѣ, въ довольствѣ и безопасности отдѣльныхъ личностей. Правда, что красота нисколько въ нихъ не была забыта; но величественная и внушительная наружность древнихъ зданій, которая ихъ отличаетъ отъ новыхъ построекъ, обремененныхъ разнаго рода украшеніями, плохо понятыми, зависитъ только отъ соразмѣрности каждой массы въ частности и отъ гармоніи, которая царствуетъ между частями и цѣлымъ.

Относительно садоводства, я настолько доволенъ, какъ и не ожидалъ!—Достойное дитя прекрасной природы! Эта молодая муза, воспитанная философіей англичанъ, которые никогда не утомляются созерцаніемъ природы, учитъ насъ окружать себя предметами, полными привлекательности и внушаетъ намъ самыя пріятныя, самыя благородныя и самыя продолжительныя наслаж-

Библиотека "Руниверс"

денія, которыя радуютъ насъ въ продолженіе всей жизни,—наслажденія, которыя соотвѣтствуютъ всякому возрасту, всякому положенію и всякому состоянію человѣка, и которыя, по выраженію Гиршфельда, подданный раздѣляетъ съ своимъ королемъ. Какихъ нужно познаній въ пейзажной живописи, сколько нужно вкуса и разсудка, чтобы, подражая чудной природѣ, представить расположеніе обширной картины на землѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу встрѣчается масса препятствій, побѣда надъ которыми возможна лишь при помощи хорошо изощреннаго воображенія и неустаннаго труда. Я люблю преодолѣвать затрудненія и—въ теоріи этого искусства, руководясь талантами и знаніемъ Гиршфельда. Прошу, дорогой отецъ, прикажите найти межъ вашими крестьянами грамотнаго мальчика изъ хорошей и зажиточной семьи, и затѣмъ—отдать его къ нѣмцу, завѣдующему царскимъ садомъ въ Кіевѣ; но только отдать прямо изъ семьи, чтобы къ нему не могли привиться нравы дворовыхъ. Мнѣ будетъ необходимъ хорошій садовникъ, такъ какъ я желаю устроить вамъ садъ, который превосходилъ-бы рай, который созданъ Магометомъ для его мусульманъ.

12.

Письмо Ивана Якимовича Сулимы къ отцу и отвѣтъ отца. 1804 г.

a) Monsieur et très cher père. N'ayant jusqu'ici reçu aucune nouvelle de la lettre de change, qui devoit, suivant ce que Vous nous avez écrit, suivre immediatement votre lettre du $^{15}_{27}$ d'avril, je me trouve obligé de Vous en faire part en vous priant très humblement d'en accelerer l'envoi, s'il est possible, avec le supplement de 1000 r. que vous avez eu la bonté de nous accorder. Le séméstre présent tire à sa fin et en couronnant mes travaux par l'attestation de l'Université, je me flatte d'avoir satisfait aux désirs et aux souhaits de mon très cher père. Pour y parvenir il me falloit subir l'examen de la faculté de Philosophie: j'ai comparu suivant l'usage devant cette imposante compagnie; six Professeurs, le Doyen en tête, ont assisté et presidé à mon examen: M rs Tychsen, Schlötzer, Meyer, Meiners, Eychhorn et Mischerlich; c'etoit le $\frac{20\text{ Avril}}{11\text{ Mai}}$ et j'ai reçu le dyplome de Docteur en Philosophie muni de la signature de M-r Tychsen, Doyen de la faculté de Philosophie et scellé du sceau de l'Université, ci joint la copie et celle de mon serment. Apres avoir disseré

Библиотека "Руниверс"

de jour en jour en attendant la lettre de change ci—mentionée, je vous les envoie en vous faisant mille remercimens pour vos soins et vous priant tres humblement de vouloir bien les agreer comme une preuve parlante de mon zèle ardent pour l'accomplissement de vos voeux. Il ne me reste donc que commencer l'autre carriere en me rendant à Petersbourg: et je mettrai en route dès que j'aurai reçu l'argent, qui nous manque deja depuis longtems, le plutôt sera le mieux; nous serions charmés de profiter, s'il est possible, de la belle saison pour notre voyage pour ne pas arriver à Petersbourg sur l'arrière saison.

Dans l'esperance de recevoir bientôt de Vos chères nouvelles j'ai l'honneur d'etre avec le plus profond respect et la plus parfaite soumission votre très humble serviteur et fils Paul Soulima.

Le $\frac{20\text{ Juin}}{5\text{ Jul}}$ 1804. Göttingue.

Переводъ. Милостивый государь и дорогой отецъ. Не имѣя до сихъ поръ никакого свѣдѣнія на счетъ векселя, который, по вашимъ словамъ, долженъ былъ слѣдовать за вашимъ письмомъ отъ $^{15}/_{27}$ апрѣля, я принужденъ напомнить вамъ объ этомъ и покорнѣйше просить, если возможно, ускорить высылку таковаго съ прибавленіемъ 1000 р., которую вы по вашей добротѣ подарили намъ.

Настоящій семестръ приближается къ концу и, вѣнчая мои труды университетскимъ дипломомъ, заставляетъ меня надѣяться, что я удовлетворилъ требованіямъ и желаніямъ моего дорогого отца. Для достиженія этого, мнѣ нужно было держать экзаменъ по философскому факультету; я предсталъ по обычаю предъ этимъ почтеннымъ собраніемъ: шесть профессоровъ съ деканомъ во главѣ, присутствовали на моемъ экзаменѣ: Тихзенъ, Шлетцеръ, Мееръ, Мейперстъ, Эйхгорнъ и Мичерлихъ; совершилось это $^{29}/_{11}$ апрѣля—мая, и я получилъ дипломъ доктора философіи, съ подписью г. Тихзена, декана философскаго факультета, и съ университетской печатью. Прилагаю копію диплома и копію моей присяги, посылкою которыхъ медлилъ въ ожиданіи со дня на день вашего векселя. Отправляя эти документы, приношу вамъ глубочайшую благодарность за ваши заботы и покорнѣйше прошу принять эти бумаги, какъ живое доказательство моего пламеннаго усердія исполнять ваши желанія. Затѣмъ, предо мною начало другаго поприща—въ Петербургѣ. Уѣду я, какъ только получу деньги, въ которыхъ мы давно уже чувствуемъ недоста-

Библиотека "Руниверс"

тонъ. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Мы будемъ въ восторгѣ воспользоваться, если возможно, прекраснымъ временемъ года для нашего путешествія, чтобы не опоздать и не попасть въ Петербургъ осенью.

Le $^{17}/_{28}$ d'aout 1804. Souliminci.

6) Mon cher fils Paul. Je me hâte de vous avertir par la poste de Kiew, que le 22 du mois Courant du v. st., j'ai envoyé d'ici par un Expres à Czernihow chez Wasily Jw-cz Ienko, 2,200 roubles pour Vous faire parvenir cette somme par des lettres de change de Moskou. Les vôtres de Gottingue écrites le 30 d'avril et 5 de Juillet duv. st. de l'année présente me sont parvenuës la 1-ri le 31 de Mai et la dernière le 18 du mois courant. C'est au comble de ma joye, que je me vois parvenu à avoir un fils si cher comme vous, digne d'un grade de Docteur en philosophie, fondement inebranlable d'une vray felicité dans ce monde: nul autre grade, ni militaire ni civil, ne m'auroit jamais consolé autant que celui que vous venez de recevoir dans une Université aussi célèbre que celle de Göttingue: je vous en felicite mon cher fils du fond de mon coeur. Mais étant venu à Petersbourg, nonobstant le titre de docteur, vous devez subire un examen: c'est par ce moyen seul, que la loi veut qu'un Etudiant, qui a fait des Etudes aux frais de la couronne, soit accepté aux services avec un grade d' oficier: or celui, qui les a faites à ses propres depens, en merite préférablement: Que dire d'un docteur en philosophie mis déjà en epreuve et muni d'un privilège? mais ce titre vous mène aux services plutot sivils que militaires: l'entrée à ceux-ci d'un Docteur sera bien sans exemples. C'est donc au ministre des affaires interieures M-r le comte Victor Paulovicz Koczoubey, ou bien à celui de justice prince Petr Alexeewicz Lopouchin, que vous vous devrez adresser (après avoir subi l'examen) avec votre privilège de Docteur, en cherchant service pour en obtenir un grade competant à un docteur en philosophie, et non pas à un Etudiant: et je ne manquerai pas de provenir votre arrivée de Petersbourg, que je suppose vers le milieu du mois de Novembre, par des lettres aux dits seigneurs, de sorte qu'au moment de vôtre départ de Gottingue vous m'en avertirez par une lettre en l'adressant une par Kiew a Perejaslaw du Gouverment de Poltawa, et l'autre par Czernihow. Si j'ai tardé à vous envyer le dite somme, c'est à cause d'un achat de terre, que j'ai fait près de notre *choutor* pour 2 mille roubles, aussi j'avois à payer 600 roubles à Ma-me votre chère Epouse mon cher Ivan Michaïlowicz,

Библиотека "Руниверс"

dont voici la copie d'une quittance. Un catastrophe assez triste m'a fait tarder aussi: votre soeur Marie ayant pour son Mariage avec Подсудокъ de Perejaslaw M-r Маркевичъ suivie la meme voie qu' à voit prise votre soeur Paranka. Mais vous me consolerez encor par une nouvelle du soin que vous prenez toujours à conserver votre santé et les yeux. Votre frère va le mois, qui suit, à Moscou acompagné par M-r Iwan Iwanowicz Korizky, pour y achever les Etudes sous la protection (entant qu'il s'en rendra digne) de S. E. M-r Alex. Andr-cz Beklechew General Gouverneur de Moskau.

Adieu, mon cher fils.

P.S. Mille et mille respects à vous mon cher Iwan Michailowicz: le privilège de docteur sur le perchemin, dont vous m écrivez doit être presenté non pas à moi, mais à l'Academie de Petersburg.

17/28 августа 1804 г. Сулимовцы.

Переводъ. Дорогой мой сынъ Павелъ. Спѣшу увѣдомить тебя по кіевской почтѣ, что 22-го текущаго мѣсяца, я съ нарочнымъ выслалъ отсюда въ Черниговъ, Василію Ивановичу Енько, 2200 рубл., для отправки тебѣ этихъ денегъ векселями изъ Москвы. Твои письма изъ Гетингена отъ 30 апрѣля и 5 іюля сего года, получены мною, 1-е 31 мая, а послѣднее 18-го сего мѣсяца. Для меня верхъ отрады чувствовать, что я имѣю такого дорогого сына, какъ ты, сына—удостоеннаго степени доктора философіи!—Послѣднее—прочное основаніе истиннаго благополучія въ этомъ мірѣ: никакое другое удостоеніе, ни военное, ни гражданское, не доставило бы мнѣ столько отрады, какъ то, которое ты получилъ въ такомъ знаменитомъ университетѣ, какъ гетингенскій! Поздравляю тебя, сынъ мой, отъ глубины души моей!—Но за прибытіемъ въ Петербургъ, не смотря на полученную докторскую степень, ты долженъ будешь держать тамъ другой экзаменъ. Этимъ-то только способомъ по закону учившійся на казенный счетъ можетъ быть принятъ на службу съ офицерскимъ чиномъ; но учившійся на свои средства, конечно, удостоенъ будетъ этого чина съ предпочтеніемъ, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о докторѣ философіи, выдержавшемъ экзаменъ и—съ дипломомъ въ рукахъ. Но этотъ титулъ даетъ тебѣ болѣе правъ на службу гражданскую, чѣмъ на военную; военный со степенью доктора—явленіе внѣ примѣровъ. Поэтому, вслѣдъ за экзаменомъ, тебѣ слѣдуетъ обратиться съ докторскимъ дипломомъ въ рукахъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Виктору Павловичу Кочубею, или къ

Библиотека "Руниверс"

министру юстиціи, князю Петру Алексѣевичу Лопухину и—искать должности, соотвѣтствующей степени доктора философіи, а не званію студента. Я не упущу, конечно, еще до твоего пріѣзда въ Петербургъ, что будетъ, по видимому, около половины ноября, предупредить названныхъ сановниковъ письменно. И такъ, о выѣздѣ изъ Гетингена ты меня извѣсти, адресуя одно письмо черезъ Кіевъ, въ Переяславъ, а другое—въ Черниговъ. Если я опоздалъ выслать деньги, то случилось это вслѣдствіе сдѣланной мною покупки земли, поблизу нашего хутора, за которую заплатилъ 2000 р. Кромѣ того, я долженъ былъ уплатить 600 руб. вашей дорогой супругѣ, мой любезный Иванъ Михайловичъ, въ чемъ прилагаю копію квитанціи. Да случилось еще одно грустное событіе, которое также задержало меня: ваша сестра Марья, имѣющая теперь мужа, въ лицѣ переяславскаго подсудка Маркевича, пошла по стопамъ сестры вашей Параньки[1]). Утѣшилъ ты меня также и извѣстіемъ о твоей заботливости по сохраненію здоровья и глазъ. Братъ твой ѣдетъ въ будущемъ мѣсяцѣ въ Москву, въ сопровожденіи Ивана Ивановича Корицкаго, для окончанія своихъ наукъ, при помощи (если будетъ достопнъ) его пр—па Александра Андреевича Беклешева, московскаго генералъ-губернатора. Прощай, мой дорогой сынъ!

P.S. Тысячи пожеланій вамъ, мой дорогой Иванъ Михайловичъ! Докторскій дипломъ на пергаменѣ, о которомъ вы мнѣ пишете, долженъ быть представленъ не мнѣ, но въ петербургскую академію[2]).

Доставившій столько счастья отцу своимъ докторскимъ дипломомъ и затѣмъ значительными успѣхами въ службѣ, военной, а не гражданской, какъ предполагалось, Павелъ Акимовичъ умеръ въ 1812 г. Акимъ Семеновичъ въ дневникѣ своемъ, о которомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ, смерть сына Павла отмѣтилъ слѣдующими строками:

---

[1]) „Параньки", т. е. Прасковья Акимовна вышла замужъ, какъ уже упомянуто въ предисловіи, за Ивана Андреевича Войцеховича, во время службы Акима Сем—ча въ Черниговѣ, гдѣ Войцеховичъ занималъ должность совѣтника губернскаго правленія. По видимому, бракъ состоялся противъ воли отца, ожидавшаго, конечно, болѣе видныхъ женпховъ. Переяславскій подсудокъ—былъ еще ниже, по своему рангу.

[2]) Обращеніе это относится къ Ив. М—чу Ваиновскому, бывшему воспитателемъ Павла Ак—ча, сопровождавшему его и заграницу. У младшаго брата, Акима, воспитателемъ былъ И. И. Корицкій.

Библиотека "Руниверс"

„Paul Joach-cz Soulima, capitaine de la suite de S. M., étant commandé de S.-Peterzbourg à Ostaschkow pour en chasser les ennemis du district de ce nom, sous les ordres du prince Wolkonsky, alors chef de la suite de S. M., en passant par Bronica, est mort на почтовомъ дворѣ. Sa mort est publiée Московск. Вѣдом. an. 1812, № 99, page 1851“.

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Іюля 1. Въ субботу все войско отдыхало; пѣхота была изнурена трудомъ въ теченіи цѣлаго предъидущаго дня и пребываніемъ въ продолженіи всей ночи въ строю подъ дождемъ, а конница не менѣе выбилась изъ силъ, такъ какъ лошади три послѣдніе дня, не выходя почти изъ строя, оставались безъ корма. Между тѣмъ король совѣщался съ опытными въ военномъ дѣлѣ людьми о томъ, предпринять-ли штурмъ козацкаго лагеря, или заключить его въ осаду. Предпріятіе это было не легкое; таборъ козацкій былъ многолюдный и огромный, такъ, что конца его не было видно; въ немъ пылали многочисленные костры и кругомъ возвышались сильныя земляныя укрѣпленія; притомъ козаки уже находились въ отчаяніи, а отчаяніе даже боязливыхъ дѣлаетъ храбрыми. Между тѣмъ ихъ не переставали тревожить пальбою изъ небольшихъ походныхъ пушекъ, за артилеріею-же большого калибра отправили королевскихъ лошадей въ Броды. Козаки совершенно потеряли самоувѣренность и стали метаться, ища спасенія, подобно утопающимъ, хватающимся за водоросли.

Іюля 2. Въ воскресеніе козаки заявили готовность просить помилованія и прислали объ этомъ письмо къ королю. Другое письмо прислалъ князю Вишневецкому бѣлоцерковскій полковникъ Крыса; онъ просилъ князя поручиться за козаковъ, обѣщая, что въ теченіи двухъ дней они всѣ сдадутся; тѣмъ не менѣе, они

---

*) См. январь, февраль, май, іюнь и сентябрь „Кіев. Ст.“.

Библиотека "Руниверс"

продолжали непріятельскія дѣйствія, палили въ наше войско изъ пушекъ и не допускали насъ къ переправѣ. Потерявъ надежду на возвращеніе Хмельницкаго и чувствуя, что столь многочисленное войско не можетъ оставаться безъ предводителя, козаки избрали на мѣсто Хмельницкаго гетманомъ Джеджалія, того самаго, который въ началѣ возстанія, во время похода на Жолтыя Воды, поднялъ на Днѣпрѣ знамя бунта противъ старшины, преданной Рѣчи Посполитой и, вмѣстѣ съ другими, перебилъ ее. Ему, не смотря на его сопротивленіе, насильно вручили начальство; но Джеджалій принялъ оное лишь на нѣсколько дней, чувствуя, что можетъ поплатиться головою за эту должность. Многіе хотѣли перебѣгать въ нашъ лагерь, но король приказалъ стрѣлять въ перебѣжчиковъ, а для того, чтобы они не могли спасаться бѣгствомъ, приказано было князьямъ Вишневецкому и Радзивиллу съ нѣсколькими тысячами войска, переправиться черезъ рѣчку и занять позицію сзади за ихъ таборомъ; но приказъ этотъ не былъ исполненъ, ибо князь Вишневецкій потребовалъ 15,000 войска, а король не хотѣлъ отпустить такого количества. Между тѣмъ совѣщались по поводу письма, заключавшаго просьбу о помилованіи: одни заявляли, что слѣдуетъ оказать милосердіе, казнивъ смертью только старшину и особенно выдающихся бунтовщиковъ; другіе настаивали на томъ, чтобы, давъ слово относительно прощенія, и потомъ, отнявъ пушки и оружіе, распредѣлить плѣнныхъ по полкамъ, перебить ихъ поголовно, отнять у оставшихся всѣ привиллегіи, на вѣчныя времена запретить употребленіе оружія, истребить ихъ вѣру (въ виду этого предложенія кіевскій воевода Адамъ Кисель былъ удаленъ изъ совѣта подъ благовиднымъ предлогомъ) и навсегда уничтожить самое имя козаковъ. Такъ препирались, не пришли ни къ какому окончательному рѣшенію; непріятель-же, въ виду нашего бездѣйствія, не упускалъ ни одного средства къ своему спасенію; онъ отстрѣливался изъ валовъ и, выбирая удобное время, предпринималъ вылазки; въ ту-же ночь нѣкоторые ползкомъ прокрались въ одинъ изъ нашихъ редутовъ, напали на утомленныхъ пѣхотинцевъ и изъ нихъ 8 человѣкъ убили, а многихъ переранили косами; они чуть было не овладѣли редутомъ и были оттиснуты только во время подоспѣвшимъ подкрѣпленіемъ.

Іюля 3. Въ понедѣльникъ къ намъ стали перебѣгать изъ козацкаго лагеря шляхтичи, утверждавшіе, что они находились въ рядахъ бунтовщиковъ по принужденію и будто ихъ насильно

Библиотека "Руниверс"

заставили принимать участіе въ войнѣ; на самомъ-же дѣлѣ они, потерявъ все имущество, искали исхода въ козацкой службѣ. Эти-то перебѣжчики извѣстили, что среди козаковъ возникли несогласія, что обыкновенно бываетъ, когда нѣтъ вождя. Вечеромъ, когда отборные наемные полки наши возвратились въ лагерь, и когда удалился самъ кастелянъ краковскій, на горѣ-же, возвышавшейся надъ козацкимъ таборомъ, оставлены были только два полка, непріятель, сознавая неудобство для себя нашей позиціи на той горѣ, наступилъ всѣми своими силами на оставшіеся полки; и тѣ, не получая подкрѣпленій, должны были, отстрѣливаясь, отступить не безъ урона въ лагерь. Непріятель занялъ гору, но не долго могъ удержать эту позицію, ибо на разсвѣтѣ хорунжій коронный (Конецпольскій), выступивъ съ нѣсколькими полками изъ лагеря, заставилъ непріятелей отступить обратно въ таборъ, при чемъ многіе козаки были перебиты и потоплены въ прудѣ, позиція-же на горѣ вновь была нами занята.

Іюля 4. Хотя по видимому и происходили военныя дѣйствія, но вообще можно сказать о насъ то, что относится ко многимъ знаменитымъ и храбрымъ военачальникамъ, что умѣли побѣдить, но не умѣли воспользоваться побѣдою. Врагу разбитому, объятому страхомъ и ожидавшему окончательной гибели мы, пребывая долго въ бездѣйствіи, дозволили отдохнуть, оправиться, возстановить совершенно было упавшую бодрость духа и возвести сильныя укрѣпленія, себѣ-же затруднили путь къ скорому и окончательному истребленію врага и сдѣлали сомнительнымъ результатъ дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя, при большей поспѣшности, могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Чтобы не оставаться безъ дѣла, король въ этотъ день подвинулъ войско изъ прежняго лагеря, находившагося у Берестечка, ближе къ непріятельскому табору. Принято было рѣшеніе, чтобы врага окружить со всѣхъ сторонъ окопами, запять эти послѣдніе войскомъ, сзади-же войско обезпечить возами и такимъ образомъ подавить враговъ голодомъ, такъ какъ приступъ былъ невозможнымъ. Въ тотъ-же день воздвигнуто было множество шанцевъ и редутовъ и почти вся работа была завершена. Для усиленія военной дисциплины среди дворянскихъ поголовныхъ ополченій, ихъ распредѣлили по частямъ и присоединили къ отрядамъ наемнаго войска; изъ числа ихъ, ополченія краковское, сендомирское, познанское и калишское, прихода котораго еще ожидали, присоединены къ королевскому полку. Ополченія волынское, под-

Библиотека "Руниверс"

лясское и русское не хотѣли было сразу согласиться на эту мѣру, заявляя различные предлоги въ дѣйствительности-же не желая отправляться, согласно полученному приказанію, на ту сторону рѣки, гдѣ они могли ожидать частыхъ нападеній.

Между тѣмъ враги, поняв наше намѣреніе и встревожившись вслѣдствіе приближенія нашего войска, съ большою рѣшимостью вышли изъ своего табора и изъ шанцевъ на гору и отважно рѣшились сразиться, но были храбро оттиснуты нашими войсками къ табору, при чемъ нѣсколько сотъ ихъ погибло. Впрочемъ побѣда эта не даромъ досталась и нашимъ войскамъ: нѣсколько товарищей было убито; раненъ былъ выстрѣломъ панъ Сокоръ, храбро предводительствовавшій своимъ отрядомъ, равно и панъ Пясечинскій. Пушки въ теченіи цѣлаго дня гремѣли съ обѣихъ сторонъ; но наши были больше калибромъ и причиняли больше вреда, а непріятельскія ядра хотя на многихъ наводили страхъ, но немногихъ подвергали опасности; отъ нихъ убитъ былъ только одинъ товарищъ и нѣсколько рядовыхъ, также убита лошадь подъ паномъ Яцкомъ Разражевскимъ, самъ-же онъ, по милости Божьей, остался невредимъ. Ночью хлопы безпрестанно старались насъ безпокоить и тревожить и даже рѣшились стремительнымъ натискомъ ворваться въ нашъ лагерь; но ихъ зловредныя намѣренія были разстроены предусмотрительностью короля и региментарей, а также свѣтомъ луны, сіявшей ночью въ полномъ блескѣ.

Доставлено было письмо, написанное ханомъ 30 іюня подъ Константиновымъ. Ханъ, желая замаскировать позорное свое бѣгство, извѣщалъ въ немъ, что онъ отступилъ исключительно потому, что, среди окруженной болотами мѣстности, у Берестечка, не имѣлъ достаточно простора; онъ заявлялъ, что охотно подождетъ у Константинова прихода короля или пановъ, съ надеждою на лучшій успѣхъ битвы. Писарь, писавшій это ханское письмо, очевидно полякъ, хотя не подписавшій своего имени, въ концѣ письма сдѣлалъ по польски приписку, изобличавшую неискренность татарской похвальбы; онъ приписалъ слѣдующее: „Писавшій это письмо, покорный слуга вашей королевской милости, извѣщаетъ, что ханъ сильно струсилъ и что мы бѣжимъ, не останавливаясь, въ Крымъ; козаковъ извѣстили, чтобы они спасались бѣгствомъ и не надѣялись на помощь. Хмельницкій отправленъ въ оковахъ въ Чигринъ, дабы выдать свою казну“.

Библиотека "Руниверс"

Другое письмо ханъ написалъ кастеляну краковскому; въ немъ онъ требовалъ, чтобы гетманъ приказалъ хорошо обращаться съ плѣнными, особенно съ Мегечъ-мурзою, который былъ пойманъ у Каменца и отправленъ въ Варшаву, обѣщая взаимно хорошо обращаться съ нашими плѣнными. Притомъ онъ требовалъ уплаты выкупа за отпущенныхъ татарами на свободу „товарищей", подъ опасеніемъ потери впередъ всякаго довѣрія.

Іюля 5, въ среду. Утромъ татаринъ Мехметъ-Челеби, состоящій на службѣ у кастеляна краковскаго, доставилъ взятаго имъ въ плѣнъ Муртаза-Агу; послѣдній брошенъ былъ во время бѣгства татарами, которые не могли его увезти съ собою по той причинѣ, что, вслѣдствіе полученныхъ ранъ, онъ не могъ сидѣть верхомъ и долженъ былъ лежать въ повозкѣ. Муртаза-Ага человѣкъ знатнаго происхожденія и родственникъ бывшаго хана; всѣ дѣла въ Крыму рѣшались по усмотрѣнію его и ханскаго визиря; онъ раненъ былъ картечью въ руку и въ бокъ и насилу могъ говорить, когда его взяли въ плѣнъ; теперь онъ предлагалъ 10,000 талеровъ Мехметъ-Челебею за то, чтобы тотъ препроводилъ его къ хану, а не въ нашъ лагерь. Вообще татаре оставили по дорогѣ до 1,000 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Прежде этого не случалось, ибо они считаютъ не дозволеннымъ бросать трупы убитыхъ; обстоятельство это свидѣтельствуетъ о степени замѣшательства и упадка духа, до какой они дошли. Утверждаютъ, что въ теченіи трехъ дней убито было 1000 татаръ, не считая въ томъ числѣ раненыхъ и плѣнныхъ. Дѣло неслыханное, чтобы татаре понесли столь численную потерю въ открытомъ сраженіи. Самъ ханъ не былъ раненъ, какъ разглашали, только нѣсколько мурзъ, стоявшихъ возлѣ него, было убито.

День этотъ прошелъ спокойно; ночью козаки приготовлялись къ сильной вылазкѣ, но ливень, продолжавшійся въ теченіи всей ночи, помѣшалъ имъ, причинивъ значительный вредъ и нашему войску, изъ числа котораго 10,000 находилось въ строю и кромѣ того калишскій полкъ, только что подоспѣвшій въ лагерь, стоялъ на стражѣ. Поздно вечеромъ панъ Балабанъ съ 1000 человѣкъ перебрался на ту сторону для того, чтобы стать въ тылу козаковъ, не дозволить имъ выходить за провіантомъ и мѣшать ихъ бѣгству, такъ какъ они начали уходить мелкими отрядами въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Притомъ онъ долженъ добыть точное свѣдѣніе о ханѣ, ибо ходили слухи, что этотъ послѣдній, по просьбѣ Хмельницкаго, остановился въ четырехъ миляхъ отъ Вишневца.

Библиотека "Руниверс"

Іюля 6, въ четвергъ, артилерія наша открыла сильный огонь съ нѣсколькихъ сторонъ. Около полдня прибыли въ посольствѣ три полковника. Крыса, полковникъ чигиринскій, красивый мущина и, какъ говорятъ, расположенный къ намъ, Гладкій и Переславецъ; ихъ проводили прежде къ кастеляну краковскому, который прочиталъ имъ хорошую нотацію, перечисливъ всѣ ихъ преступленія. „Вы измѣнники, подобныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ, говорилъ онъ;—вы уже не христіане, ибо побратались съ татарами и турками, вы не достойны явиться передъ лице короля и т. д.“ Потомъ, съ разрѣшенія военнаго совѣта, ихъ позвали къ королю; они съ земными поклонами просили помилованія и на всѣ предложенные имъ вопросы отвѣчали только то, что просятъ милосердія; всю вину они слагали на Хмельницкаго, а также, по своему обыкновенію, на свои грѣхи; всѣмъ сенаторамъ они поочередно цѣловали руки и края одежды, словомъ, заявили достаточно смиренія (лишь-бы не притворнаго). Послѣ продолжительнаго совѣщанія, король объявилъ имъ черезъ канцлера, что хотя они за совершенныя преступленія, равныхъ которымъ нѣтъ во вселенной, и не достойны помилованія, но что король, какъ монархъ милосердный, уподобляясь милосердному Господу Богу, склоняется къ помилованію ихъ, если только смиреніе ихъ будетъ искреннее, что условія онаго будутъ имъ объявлены завтра, сегодня-же они должны въ доказательство искренности оставить въ лагерѣ одного изъ среды себя. Остался по собственной просьбѣ Крыса, хотя не безъ нѣкотораго страха.

Въ то время, когда наши вели эти переговоры у Берестечка, литовское войско также не оставалось въ бездѣйствіи; оно въ тотъ-же день съ Божіею помощью одержало за Днѣпромъ не маловажную побѣду надъ этою сволочью, какъ о томъ гласятъ слѣдующія письма:

Копія письма князя Януша Радзивилла, гетмана великаго литовскаго, писаннаго къ его женѣ 6-го іюля, въ день одержанной побѣды, въ пяти миляхъ отъ Чернигова.

„Извѣщаю васъ, что Господь даровалъ мнѣ побѣду надъ врагами. Коротко изложу за недосугомъ, ибо сейчасъ выступаю въ походъ: я быстро овладѣлъ тѣми укрѣпленіями, которыя защищали переправу черезъ Днѣпръ. Тотчасъ Небаба явился имъ на выручку и храбро наступалъ на насъ, но, подобно Кречевскому, онъ и самъ погибъ и потерялъ все свое войско; теперь выступаю преслѣдовать остатки его отряда, отступившіе къ двумъ таборамъ

Библиотека "Руниверс"

своимъ, расположеннымъ въ четырехъ миляхъ отсюда. Дай, Господи, продолжать кампанію также удачно, какъ она начата: въ битвѣ я потерялъ только одного товарища, остальные погибшіе—челядь".

Другое лицо, имѣвшее болѣе времени, сообщило подробности объ этомъ сраженіи въ слѣдующемъ письмѣ отъ 7 іюля, т. е. на другой день послѣ битвы:

„Полковника Небабу мы разгромили слѣдующимъ образомъ: панъ стражникъ Мирскій, переправившись на ту сторону Днѣпра, напалъ на козацкій гарнизонъ въ укрѣпленіяхъ, состоявшій изъ 300 всадниковъ; онъ истребилъ его такъ, что только немногіе спаслись бѣгствомъ. Бѣглецы извѣстили Небабу о томъ, что ляхи заняли уже ихъ ретраншаменты, но что отрядъ ихъ не многочисленъ. Небаба, желая разгромить Мирского, двинулся изъ-подъ Чернигова со всѣмъ своимъ войскомъ, котораго было числомъ 15,000. Онъ наступилъ на Мирскаго, не зная о томъ, что въ четверти мили дальше переправляется черезъ Днѣпръ гетманъ Янушъ Радзивиллъ. Послѣдній, успѣвъ переправить только часть своего войска, немедленно атаковалъ Небабу съ фланга; дѣло обошлось даже безъ выстрѣла, ибо, быстро окруживъ эту сволочь, мы рукопашнымъ боемъ истребили ее на повалъ. Не знаю, спаслось-ли ихъ хоть нѣсколько человѣкъ. Небаба, видя опасность, сошелъ съ коня и сражался пѣшій; на него напалъ одинъ товарищъ изъ хоругви мозырскаго старосты; онъ храбро и долго защищался; товарищъ долженъ былъ также сойти съ коня, и они вступили въ рукопашный бой; въ это время подоспѣлъ на помощь другой товарищъ и они стали его вдвоемъ одолѣвать. Небаба не допустилъ ихъ однако взять себя въ плѣнъ; когда ему изранили правую руку, онъ защищался лѣвою, пока его не убили. Послѣ этого счастливаго вчерашняго дѣла, сегодня 200 козаковъ пѣшихъ, вооруженныхъ самопалами, не зная о пораженіи своихъ, препровождали возы съ провіантомъ въ свой лагерь; наши окружили ихъ и всѣхъ забрали въ плѣнъ. Плѣнные сказывали, что въ полку Небабы было 20,000 человѣкъ, но 3,000 онъ послалъ въ сторону Кричева и они овладѣли Рославлемъ, 2,000-же отправилъ собирать провіантъ, такъ что при немъ оставалось только 15,000. Черниговскіе мѣщане пріѣзжали къ князю съ изъявленіемъ покорности; они просили лишь о сохраненіи жизни себѣ и своимъ дѣтямъ и обѣщали выдать нѣсколько тысячъ нарубковъ-бровариковъ, которые стали собираться въ помощь Небабѣ. Сраженіе это проис-

Библиотека "Руниверс"

ходило въ пяти миляхъ отъ Чернигова; одержавъ побѣду, князь направился въ Любечъ, а часть войска отправилъ въ Черниговъ.

Стольникъ литовскій вмѣстѣ съ паномъ Павшею пошли къ Припяти, а панъ Вейсъ съ 300 драгунъ подканцлера литовскаго отправился выручать Кричевъ; онъ наткнулся на передовой козацкій отрядъ въ 500 человѣкъ конницы, сразился и, положивъ на мѣстѣ 150 человѣкъ, остальныхъ разсѣялъ. На другой день онъ соединился съ поголовнымъ ополченіемъ дворянъ Мстиславскаго воеводства, и они напали вмѣстѣ на отрядъ козацкой конницы изъ полка Небабы, состоявшій изъ 3000 человѣкъ; послѣ упорнаго сраженія они одержали побѣду и перебили или разсѣяли ихъ, но и сами понесли чувствительныя потери: знатныхъ шляхтичей убито 20, самъ Вейсъ палъ въ битвѣ; погибли также: мстиславскій подсудокъ Воловичъ, мстиславскій писарь Суходольскій и панъ Каменскій; другихъ труповъ нельзя было распознать. Драгунъ убито 30 и вообще съ нашей стороны пало до 200 человѣкъ, но козаковъ почти всѣхъ уложили. Наши собираются взять Рославль. Въ Кричевѣ троцкій воевода (Александръ Служка) защищается удачно; козаки уже отбиты семь разъ съ большимъ урономъ. Такъ Господь покровительствовалъ литовскому войску.

Іюля 7. Между тѣмъ подъ Берестечкомъ въ пятницу утромъ опять пріѣхали козаки, чтобы получить условія сдачи. Объ нихъ разсуждали на совѣтѣ, о которомъ стыдно и упоминать; до того успѣхъ разслабилъ насъ, что никто и не высказалъ энергическаго предложенія. Имъ предложили слѣдующія условія: выдать начальниковъ, коихъ поименно перечислили 16 человѣкъ, въ качествѣ заложниковъ, но не безъусловно для наказанія ихъ; выдать артиллерію; доставить Хмельницкаго, Тимоша (его сына) и Выговскаго; выдать примкнувшихъ къ козакамъ шляхтичей; чернь отпустить по домамъ; предоставить королевской милости и рѣшенію будущаго сейма дальнѣйшія распоряженія относительно устройства козацкаго войска. Послы козацкіе отвѣтили, что Хмельницкаго они готовы разъискивать; что старшину, артиллерію и шляхтичей выдать трудно, но что они предложатъ условія своей радѣ. Крыса окончательно остался въ нашемъ лагерѣ. Вечеромъ козаки извѣстили, что старшина и козаки находятся внѣ лагеря, на пастбищахъ, а чернь перепилась и потому они не могутъ пока столковаться. Весь этотъ день прошелъ мирно и они допускали нашихъ чуть не внутрь своихъ укрѣпленій.

Библиотека "Руниверс"

Іюля 8, въ субботу, козаки отвѣтили на условія, предложенныя имъ королемъ, въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

„Милостивый, свѣтлѣйшій король! Умоляя о пощадѣ, мы уповали на милосердіе вашей королевской милости, но намъ предложены условія невозможныя: выдать старшину мы не можемъ и не выдадимъ, такъ рѣшила рада войска и черни; артиллеріи выдать не можемъ; шляхтичей выдать не можемъ и не выдадимъ, такъ какъ по зборовскому договору имъ обѣщано прощеніе вашей королевской милости. Хмельницкаго, его сына и Выговскаго, измѣнившихъ и вашей королевской милости и намъ, мы выдали бы охотно, но ихъ нѣтъ среди насъ; однако мы обѣщаемъ ихъ разъискивать не только въ нашемъ краѣ, но и въ Крыму, и выдать вашей королевской милости, какъ лицъ, сбившихъ насъ, какъ овецъ, съ пути; обѣщаемъ разорвать всякую связь съ татарами; просимъ, чтобы козаки и чернь оставались на такихъ правахъ, какія условлены были по зборовскому договору; пани пусть благополучно возвращаются въ свои помѣстья въ Украйну, но безъ военныхъ хоругвей, ибо въ противномъ случаѣ произойдетъ большой голодъ. Вообще просимъ вашу королевскую милость принять насъ подъ свое покровительство, какъ дѣтей и вѣрныхъ подданныхъ. Симъ окончивъ, подписываемъ: войско вашей королевской милости запорожское со всею чернью".

Подпися бывшаго у нихъ на тотъ часъ гетманомъ Джеджалія не было. Король, разгнѣванный этимъ отвѣтомъ, приказалъ немедленно палить въ таборъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько большихъ пушекъ уже доставили изъ Бродъ, другія поспѣшно везли изъ Львова.

Іюля 9. Вновь прибыли козацкіе послы, возобновили просьбу о помилованіи и обѣщали выдать 16 старшинъ, но король не хотѣлъ удовлетвориться этимъ и строго пригрозилъ имъ; они писали письма сенаторамъ, постоянно прося прощенія, но вовсе не соглашаясь на предложенныя условія и настаивая на сохраненіи зборовскаго договора. Ихъ отпустили ни съ чѣмъ. Кастелянъ краковскій разорвалъ, не читая, присланное ему письмо и строго сказалъ имъ: „Ступайте, хлопы! вскорѣ вы узнаете, что такое зборовскій договоръ"!

Между тѣмъ наши, лишь-бы что либо дѣлать, среди этихъ колебаній стали устраивать плотины на рѣчкѣ, разсчитывая на то, что если удастся запрудить воду, то большая половина ко-

Библиотека "Руниверс"

зацкаго табора, расположенная внизу надъ рѣкою и у болотъ, будетъ потоплена, и что устроенныя ими переправы будутъ наводнены и уничтожены. Сдѣлано это было по совѣту козака Крысы, который добровольно остался у насъ, не смотря на то, что козаки требовали его выдачи, какъ посла. Онъ притомъ указалъ на оплошность нашу въ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ въ томъ, что мы не отправили нѣсколько тысячъ людей въ погоню за татарами, когда они бѣжали объятые страхомъ, и когда ихъ легко можно было разгромить и уничтожить; во вторыхъ въ томъ, что мы понынѣ дозволили козакамъ имѣть свободное сообщеніе съ другимъ берегомъ рѣчки; пока это будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ, по его словамъ, невозможно будетъ смирить ихъ, ибо они будутъ постоянно надѣяться на возможность отступленія. Совѣтамъ его, впрочемъ, послѣдовали слишкомъ поздно, и потому они не имѣли надлежащаго успѣха.

Притомъ въ военномъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы ночью, въ случаѣ если погода будетъ благопріятствовать, предпринять приступъ. Для участія въ немъ предположено было командировать пѣхоту, челядь и мазовецкое ополченіе, которое въ этотъ день подошло; остальные отряды дворянскаго поголовнаго ополченія (за исключеніемъ прусскихъ воеводствъ) должны были поддерживать штурмъ въ качествѣ резерва. Рѣшеніе это было вызвано показаніями волоховъ и козаковъ, перебѣжавшихъ къ намъ въ тотъ день; они утверждали, что козаки рѣшились бѣжать и уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ большимъ усердіемъ подготовляютъ переправы. Все войско получило приказъ быть на готовѣ ночью.

Въ тотъ-же день вновь получено извѣстіе, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца; наши были этимъ сильно встревожены; для того, чтобы собрать точныя извѣстія, отправлено было нѣсколько отрядовъ въ разныя стороны. Съ наступленіемъ ночи полки гетмана польнаго (Калиновскаго), воеводы русскаго (Іереміи Вишневецкаго), воеводы брацлавскаго (Лянцкоронскаго) и хоружія коронаго (Конецпольскаго) должны были выступить противъ орды; въ случаѣ-же, если-бы татаръ не оказалось, имъ приказано было немедленно возвратиться и занять позицію въ тылу козацкаго табора, за рѣчкою, куда наши давно уже собирались. Ночью возвратился изъ разъѣзда панъ Суходольскій и объявилъ, что онъ былъ за нѣсколько миль по ту сторону Вишневца, но нигдѣ нѣтъ и помину о татарахъ. Вслѣд-

Библиотека "Руниверс"

ствіе этого предположенная экскурсія была отмѣнена. Приступъ-же и вообще всѣ другія постановленія совѣта не состоялись вслѣдствіе неурядицы и безпорядка. Только воевода брацлавскій дерзнулъ переправиться на ту сторону, въ тылъ непріятельскаго табора, съ отрядомъ въ 2,000 человѣкъ.

Іюля 10, въ понедѣльникъ, чудеснымъ образомъ проявилось покровительство, которымъ Господь постоянно охранялъ короля и Рѣчь Посполитую и соизволилъ даровать намъ новую побѣду. Когда человѣческія предначертанія относительно дальнѣйшей осады и штурма козацкаго табора оказались тщетными, ибо то и другое намѣреніе представляло величайшія трудности и опасности, когда осаждавшіе оказались болѣе павшими духомъ и угнетенными, чѣмъ осажденные, Богъ послалъ на враговъ неисповѣдимое смятеніе, тревогу и паническій страхъ. Въ теченіе всей недѣли непріятели заявляли, что они скорѣе готовы подвергнуться всякой крайности и пробиваться черезъ нашъ лагерь, нежели сдаться или серьезно просить помилованія. Хотя они и обращались въ этомъ смыслѣ нѣсколько разъ къ королю, какъ о томъ выше было разсказано, но они дѣлали это не искренно, имѣя въ виду лишь замедлить и затянуть ходъ военнаго дѣла, надѣясь отсидѣться, не опасаясь вовсе нашихъ нападеній и ожидая помощи, то отъ Тимоша, то отъ возврата Хмельницкаго и хана, въ чемъ старшина обнадеживала толпу. Правда, чернь желала перемирія для того, чтобы поспѣшить домой на защиту женъ и дѣтей, которыхъ татаре захватывали въ плѣнъ на обратномъ пути въ свои кочевья; въ виду этого желанія, Джеджалій, исправлявшій должность гетмана, началъ переговоры, но старшина, зная, что, въ случаѣ заключенія договора, жизни ихъ угрожаетъ опасность, озаботилась заблаговременно о своемъ спасеніи; ночью съ воскресенья на понедѣльникъ они вчали возмущеніе, лишили Джеджалія власти и на его мѣсто избрали Богуна. Послѣдній, освѣдомившись отъ языковъ и перебѣжчиковъ, что брацлавскій воевода съ частью войска отправился черезъ переправу въ тылъ ихъ арміи, и посовѣтовавшись съ старшиною, вышелъ изъ табора на разсвѣтѣ съ нѣсколькими тысячами конницы и съ двумя пушками, намѣреваясь занять и укрѣпить переправу. Чернь, увидѣвъ это движеніе и не зная намѣреній Богуна, встревожилась и стала теряться въ предположеніяхъ и подозрѣніяхъ, полагая, что старшина убѣгаетъ. Въ это время, около 10 часовъ утра, кто-то въ толпѣ, вѣроятно по Божьему допущенію, вскри-

Библиотека "Руниверс"

чалъ: „Вотъ старшина уже бѣжитъ"! Немедленно всѣ бросились бѣжать, куда попало, въ большемъ безпорядкѣ, чѣмъ наши подъ Пилявцами; отъ натиска на всѣхъ трехъ переправахъ стали тонуть. Увидѣвъ происходившее, Богунъ тотчасъ возвратился въ таборъ, сталъ ободрять своихъ и уговаривалъ возвратиться въ лагерь и успокоиться, но онъ не былъ въ состояніи удержать бѣглецовъ. Наши хоругви, стоявшіе на стражѣ, лишь только примѣтили это смятеніе, не смотря на свою малочисленность, придвинулись къ табору и переправамъ; тогда хлопы стали еще усиленнѣе толпиться и вязнуть въ топкомъ болотѣ; они бросали лошадей, вьюки, имущество, даже женъ и дѣтей, которыхъ множество находилось въ таборѣ; конница ихъ, стоявшая въ аріергардѣ, пыталась было выстроиться, но вслѣдствіе страха, посланнаго на нихъ Господомъ, она разсѣялась и позорно стала топиться въ болотѣ. Убѣгавшіе бросили таборъ со всѣмъ бывшимъ въ немъ добромъ и оставили въ немъ много скота, лошадей, провіанта, пушекъ, пороху и знаменъ. Когда извѣстіе объ этомъ бѣгствѣ распространилось въ нашемъ войскѣ, наши немедленно бросились въ таборъ, и стали пользоваться добычею; кто не полѣнился, тотъ могъ пріобрѣсти значительную долю имущества. Въ то время другія хоругви бросились въ погоню за убѣгавшими, но онѣ должны были прежде пройти трудныя переправы, весьма узкія и вязкія, такъ что лошади могли по нимъ идти только по одиночкѣ; между тѣмъ козацкая конница, числомъ до 20,000, успѣла сформироваться и направилась вскачь впередъ. Воевода брацлавскій, который перешелъ было на ту сторону съ отрядомъ въ 2000 человѣкъ, какъ было упомянуто, для того, чтобы препятствовать козакамъ пользоваться пастбищами (жаль, что это было предпринято слишкомъ поздно и съ незначительнымъ количествомъ войска, въ противномъ случаѣ всѣ козаки остались-бы въ западнѣ), увидѣвъ такое множество враговъ и полагая, что это нападеніе сдѣлано съ умысломъ противъ него, желая обезпечить себѣ отступленіе, отступилъ къ переправѣ къ Козину. Между тѣмъ огромное количество нашихъ выступило изъ лагеря и отправилось въ погоню за уходившими, убивая всѣхъ запоздавшихъ и отставшихъ на пути. Кажется, что нельзя было найти никого, кому-бы не довелось убить козака. Наконецъ брацлавскій воевода понялъ, что козаки обращены въ бѣгство и, оправившись отъ первоначальнаго испуга, пожелалъ вознаградить потерянное время; онъ немедленно отправился въ погоню

Библиотека "Руниверс"

и производилъ ее съ такимъ рвеніемъ, что возвратился назадъ послѣднимъ. Когда онъ впослѣдствіи хвасталъ предъ королемъ, утверждая, что онъ съ своимъ отрядомъ до того сильно билъ враговъ, что у нихъ заболѣли руки, то король насмѣялся надъ нимъ, замѣтивъ, что вѣроятно у нихъ болѣли ноги, намекая на первоначальное его бѣгство къ Козину. Весьма видное участіе въ дѣлѣ выпало на долю ополченія плоцкаго воеводства; въ то время король производилъ ему смотръ и непосредственно со смотра скомандовалъ идти на врага, потому имъ довелось принять дѣятельное участіе въ погонѣ и они били враговъ до пресыщенія въ лѣсу, въ кустарникахъ и въ болотахъ; весь день, пока не стемнѣло, наши, подвигаясь облавою, чинили кровавую бойню, вытаскивая непріятелей изъ кустовъ и болотъ, разстрѣливая ихъ и рубя головы, хотя и они наносили вредъ нашимъ, въ случаѣ ихъ неосмотрительности. Цѣлый день продолжалось убійство и кровопролитіе. Одинъ отрядъ козаковъ, числомъ отъ 200 до 300 человѣкъ, устроилъ засѣку на одномъ островѣ среди болотъ и защищался храбро и отчаянно. Кастелянъ краковскій предложилъ имъ помилованіе, но тѣ принять его не захотѣли; они, въ знакъ своей рѣшимости, высыпали изъ кошельковъ деньги и побросали ихъ въ воду, а затѣмъ стали защищаться и поражать нашихъ; пѣхота должна была пойти на нихъ въ аттаку колонною, и хотя разорвала ихъ и разсѣяла, но они не захотѣли сдаться, бѣжали въ болото и тамъ каждаго по одиночкѣ нужно было доканчивать.—Одинъ изъ нихъ добрался до лодки и на глазахъ у короля и у всего войска представилъ образецъ храбрости далеко не хлопской; онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ отбивался косою, не обращая вниманія на выстрѣлы (не знаю, не попадали-ль стрѣлки, или, можетъ быть, пули его не брали), пока наконецъ какой-то Мазовшанинъ изъ Цѣхановскаго повѣта, раздѣвшись до нага и бродя по шею въ водѣ, не нанесъ ему удара косою и потомъ не пронзилъ копьемъ. Король долго смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ и радостью на это зрѣлище. Многихъ, подобно уткамъ, ловили по болотамъ, вытаскивали и убивали, никого не щадили, даже женъ и дѣтей, но всѣхъ истребляли мечемъ. Не малая добыча досталась нашимъ въ тотъ день, хотя она не можетъ и сравниться съ добычею, взятою у насъ подъ Пилявцами, ибо козаки не употребляли серебряной посуды и не ѣздили въ каретахъ. Въ числѣ добычи оказалось 18 хорошихъ пушекъ съ лафетами, семь бочекъ пороху, кромѣ того,

Библиотека "Руниверс"

что было расхватано солдатами, и до 20 знаменъ, въ томъ числѣ знамя, которое послалъ имъ въ Кіевъ черезъ коммисаровъ король послѣ своего восшествія на престолъ; оно было краснаго цвѣта съ изображеніемъ бѣлаго орла и двухъ русскихъ крестовъ; другое знамя голубое, съ изображеніемъ орла пополамъ бѣлаго и краснаго, которое далъ имъ покойный король Владиславъ въ 1646 году, когда зазывалъ козаковъ въ предполагавшійся турецкій походъ. Оба эти знамена у козаковъ считались важнѣйшими и хранились весьма бережно, теперь-же взяты были королемъ, къ большому его удовольствію. Взятъ былъ живьемъ въ плѣнъ грекъ, прибывшій въ качествѣ посланника отъ патріарха константинопольскаго и привезшій Хмельницкому саблю и благословеніе на войну отъ лица всей греческой церкви. Его поймалъ ротмистръ волошской хоругви князя Вишневецкаго, а послѣдній доставилъ королю. Посолъ былъ одѣтъ весьма нарядно въ собольей мантіи; привезенная имъ сабля и парадный кинжалъ были отданы также королю княземъ Вишневецкимъ. Отнято было также знамя, взятое въ сраженіи, бывшемъ въ четвергъ, козаками у отряда кастеляна краковскаго. Патріархъ іерусалимскій, болѣе всего подстрекавшій Русь къ возмущенію, былъ обезглавленъ среди смятенія; королю было доставлено его облаченіе, т. е. ризы, митра, красная, бархатная, украшенная кругомъ и крестообразно золотыми бляхами, двѣ чаши большія, подсвѣчники, крестъ изъ яшмы и печать; королю отдана также печать войска запорожскаго. Пану Браницкому достался большой серебряный портфель Хмельницкаго со всѣми письмами, полученными имъ отъ султана, хана, царя и Ракочія; письма эти онъ передалъ королю. Войсковая козацкая касса была разграблена солдатами; она состояла изъ двухъ сундуковъ, наполненныхъ талерами, которыхъ было, по словамъ полковника Крысы, 30,000. Деньги эти назначены были на уплату ордѣ; ихъ расхватали тѣ, которые первые нашли кассу: одному товарищу досталось до 1500 червонцевъ, другимъ по нѣсколько сотъ или десятковъ. Одинъ изъ товарищей завладѣлъ бархатною, подбитою соболями мантіею Хмельницкаго и сорокомъ соболей. Найдено огромное количество ружей и самопаловъ, а также, между прочимъ, три колокола: два большіе и одинъ малый. Не было воина, который-бы не захватилъ въ таборѣ провизіи: пшена, сала, муки и т. п., а также разной мелочи: желѣза, возовъ и проч., что было-бы слишкомъ долго перечислять. Наши нашли въ таборѣ пищу, еще варив-

Библиотека "Руниверс"

шуюся въ горшкахъ, и жаркое на вертелахъ,—до того бѣгство враговъ случилось неожиданно вслѣдствіе паническаго страха, посланнаго на нихъ Господомъ. Они разсѣялись въ разныя стороны; ихъ истребляли въ лѣсахъ и болотахъ въ одиночку, а семь полковъ нашихъ, подъ предводительствомъ польнаго гетмана (Калиновскаго) и хорунжія коронnаго (Конецпольскаго), преслѣдовали ихъ главную массу, дабы не допустить ихъ опять собраться. Важнѣе всего было то, что побѣда, сопряженная съ столь значительною гибелью враговъ, одержана была почти безъ всякой потери съ нашей стороны; ибо убиты были только 5 поляковъ, нѣсколько иностранцевъ и одинъ капитанъ изъ полка князя Радзивила при штурмѣ засѣки, устроенной на островѣ.

Въ числѣ писемъ найдена была султанская грамота, жалующая Хмельницкому княжество русское, а также планъ предполагавшихся дѣйствій, въ которомъ условлено было, что Ракочи овладѣетъ Краковомъ и что ему назначалась польская корона.

Такимъ образомъ по милости и благословенію Божьему, за что да святится имя Его во вѣки, кампанія берестецкая счастливо была завершена въ этотъ день. Но война козацкая не кончилась, потому что слишкомъ много козаковъ и хлоповъ, поднявшихся противъ отчизны нашей, спаслось бѣгствомъ. Тому были разнообразныя причины: первая и важнѣйшая та, что заслуги наши передъ Господомъ не были достаточно усердны и Онъ не благоволилъ окончательно умиротворить Рѣчь Посполитую и истребить враговъ, а сохранилъ ихъ достаточно изъ этой бойни въ наказаніе за грѣхи наши. Другая причина—это была медлительность: вмѣсто того, чтобы ударить на встревоженнаго врага съ рѣшимостью послѣ первоначальной побѣды, мы стали дѣйствовать медленно, будто на досугѣ, дозволили ему опомниться, собраться съ силами и спастись бѣгствомъ. Указывали много причинъ этой медлительности, именно: частыя перемѣны въ рѣшеніяхъ военнаго совѣта, безпорядокъ и отсутствіе дисциплины и притомъ слишкомъ недостаточное количество пѣхоты, необходимой для приступа, ибо невозможно было посылать на штурмъ конницу по причинѣ валовъ, окружавшихъ лагерь и широкихъ и многочисленныхъ рвовъ, защищавшихъ его внутри, вслѣдствіе чего едва пѣхотинцы могли бы управиться, а для всадниковъ являлась положительная невозможность дѣйствовать. Много повліяла на вялое веденіе дѣла и вѣсть о томъ, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца, вызвавшая было у нашего войска совершенный упадокъ.

Библиотека "Руниверс"

духа, хотя я полагаю, что въ виду этой вѣсти (оказавшейся притомъ ложною) слѣдовало тѣмъ съ большею энергіею идти на приступъ, чтобы предупредить ожидаемое врагами пришествіе новыхъ силъ имъ въ помощь. Тѣ лица, которыя, по видимому, знали тайныя побужденія и намѣренія короля, утверждали, что причина медлительности состояла въ томъ, что какой-то астрологъ, на основаніи своихъ сомнительныхъ исчисленій, увѣрилъ короля, что числа 4, 5, 6, 11 и 12 іюля несчастны для него, и, потому, онъ не долженъ въ эти дни предпринимать ничего важнаго, но что конецъ мѣсяца будетъ для него неимовѣрно счастливъ. Вѣра въ это обманчивое предсказаніе и довѣріе къ его автору до того укоренились въ сердцѣ короля, что онъ рѣшился переждать, пока не минуютъ означенные дни. Между тѣмъ среди праздности, продолжавшейся въ теченіи 10 дней, силы наши ослабѣвали, войско стало испытывать нужду, многіе солдаты въ иностранныхъ и польскихъ региментахъ умирали отъ недостатка пищи, мужество и пылъ улеглись, и среди насъ воцарился такой безпорядокъ и чувствовался такой недостатокъ во всемъ, что, хотя, повидимому, мы осаждали враговъ, но скорѣе сами чувствовали себя въ осадѣ, подобно тому, какъ сказано въ старой, но остроумной поговоркѣ: „я поймалъ татарина, а онъ меня не пускаетъ“. Между тѣмъ враги набирались храбрости, усиливались, возвели укрѣпленія и мужественно въ нихъ держались; они безпокоили нашихъ постояннымъ вылазками днемъ и ночью и не оставляли безъ вниманія ничего того, что могло послужить имъ въ защиту. Наконецъ, когда они выбѣжали изъ табора,—случилось-ли это съ умысломъ или, что гораздо правдоподобнѣе, неожиданно, вслѣдствіе паническаго страха,—то успѣли спастись и ускользнуть изъ рукъ нашихъ, хотя съ большею потерею, вслѣдствіе нашей непредусмотрительности, такъ какъ мы не позаботились загородить имъ пути для бѣгства за рѣкою.

Въ тотъ-же день королю доставлена была копія письма отъ хана, писаннаго подъ Константиновымъ (текстъ его смотри выше), а также письмо отъ султана Кази-аги къ кастеляну краковскому. Султанъ въ письмѣ своемъ удивляется счастью, дарованному намъ Богомъ, и проситъ освободить Нечахъ-мурзу изъ плѣна, въ виду того, что онъ человѣкъ не богатый (слѣдовательно выкупа большого дать не можетъ), утверждая, что впредь до его освобожденія и рѣчи не можетъ быть о замиреніи.

То, что происходило въ нашемъ лагерѣ послѣ этого бѣгства и погрома козаковъ, досадно и стыдно передавать потомству, ибо

Библиотека "Руниверс"

опасно, чтобы въ подобномъ случаѣ оно не вздумало подражать позорному примѣру предковъ. Не говоря уже о многочисленныхъ упущеніяхъ, допущенныхъ послѣ сраженія, происходившаго въ пятницу 30 іюня, которыя мы достаточно выяснили выше, какъ-то: что не преслѣдовали разбитыхъ татаръ, что сейчасъ же не окружили растерявшихся и встревоженныхъ козаковъ, что въ теченіи десяти дней безъ всякаго дѣла оставались праздными и что, наконецъ, оставили свободный проходъ для бѣгущихъ козаковъ,—теперь, послѣ побѣды окончательной (какъ тогда казалось), еще болѣе ошибокъ и упущеній было сдѣлано, будто нарочно, къ величайшему стыду нашего народа, что ясно станетъ изъ послѣдующаго разсказа.

Король, слѣдуя совѣту опытныхъ воиновъ, рѣшился тотчасъ двинуться за разсѣявшимися врагами, чтобы докончить съ должною энергіей столь неожиданную побѣду, подавить окончательно врага, ускользнувшаго вслѣдствіе нашей оплошности, и добиться наконецъ прочнаго мира въ пользу нашей вѣры и отечества. Желая обезпечить, какъ можно прочнѣе, успѣхъ этого предпріятія, онъ хотѣлъ увлечь въ дальнѣйшій походъ не только регулярное наемное войско, сильно утомленное и ослабѣвшее отъ постоянныхъ трудовъ, но и дворянское поголовное ополченіе. Но лишь только онъ объявилъ имъ это предложеніе чрезъ посредство сенаторовъ, какъ вся шляхта, составлявшая поголовное ополченіе, подняла вопль, будто она явилась сюда ради пренй, а не для военныхъ дѣйствій. Но для того, чтобы всѣ сообща стали причастными общему рѣшенію, зловредному и ошибочному, они испросили позволеніе составить совѣтъ въ „генеральномъ кругѣ“. Здѣсь, основываясь на законѣ, гласящемъ, что дворянское ополченіе обязано защищать отечество только въ продолженіи двухъ недѣль (будто Господь обязанъ въ послѣдствіи все остальное чудомъ довершить, вмѣсто нерадивыхъ гражданъ) и прикрывая собственное нерадѣніе формулою закона, они избрали своимъ маршаломъ Мартына Дембицкаго, подчашія сандомирскаго, человѣка велерѣчиваго и популярнаго, и, подавивъ болѣе благоразумные голоса, даже сенаторамъ угрожая саблями, отправили къ королю свое рѣшеніе, въ которомъ, не обращая вниманія ни на уваженіе къ его величеству, ни на сохраненіе собственной вольности, ни на уронъ Рѣчи Посполитой, заявили такое, будто сеймовое, постановленіе, „что дворяне дальше не намѣрены идти“. Столь не уважительное и богопротивное мнѣніе рѣзко оскорбило королевское сердце. Желая привести ихъ къ бо-

Библиотека "Руниверс"

лѣе здравомыслящему рѣшенію, король и сенатъ представляли имъ всевозможныя доказательства, примѣры и анцецеденты, просили ихъ и умоляли, чтобы они согласились хотя еще двѣ недѣли оставаться въ походѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, хотя пройти къ Старому Константинову, для того, чтобы устрашить враговъ молвою о томъ, что и король, и дворяне, и всѣ войска двигаются противъ нихъ въ походъ. Но всѣ эти резоны оставались безъ вліянія, падая будто на бездушный камень; дворяне увлекались инстинктивною привязанностью къ домашнему очагу, торопились къ своимъ женамъ и тѣмъ болѣе стремились возвратиться во свояси, чѣмъ болѣе тяготились неудобствами и трудами лагерной, непривычной для нихъ жизни; для того же, чтобы прикрыть свое малодушіе и холодность къ интересамъ отечества, они стали упрекать короля въ томъ, что онъ съ умысломъ отпустилъ враговъ, взявъ отъ нихъ въ качествѣ выкупа 800,000 (душа содрогается при одной мысли объ этомъ невѣроятномъ подозрѣніи); сверхъ того они разсказывали множество другихъ безстыжихъ выдумокъ, которыя не только писать, но и вспоминать позорно для нашего народа. Королю, въ награду за всѣ его труды и усилія, пришлось лишь испытать справедливость пословицы: „дѣло короля—хорошо работать и дурное выслушивать“ [1]). Тогда подканцлеръ коронный, Іеронимъ Радзеевскій (съ которымъ король помирился въ пятницу во время сраженія, простивъ ему всѣ обиды, о которыхъ выше было сказано), желая услужить королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявить силу своей популярности среди шляхты и въ силу ея занять вліятельное положеніе при дворѣ, предложилъ свои услуги для того, чтобы уговорить шляхту повиноваться королевской волѣ и оставить сопротивленіе, къ которому, какъ многіе утверждали, онъ самъ подстрекалъ ее прежде. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, ибо шляхтичи, услышавъ его усердныя представленія, не только не вняли имъ, но съ большимъ крикомъ стали его упрекать въ равнодушіи къ своимъ интересамъ и въ двоедушіи по отношенію къ себѣ и къ королю; неудача эта усилила нерасположеніе къ нему короля и была поводомъ той окончательной немилости, которой онъ вскорѣ подвергся, какъ я о томъ ниже разскажу.

Наконецъ шляхтичи, страстно желавшіе разъѣхаться по домамъ, послѣ долгихъ совѣщаній, желая прикрыть благовиднымъ

[1]) Regium est cum bene feceris, male audire.

Библиотека "Руниверс"

предлогомъ свое бѣгство и то обстоятельство, что они бросали короля среди военной компаніи, отправили къ королю депутацію съ заявленіемъ, что въ замѣнъ собственной службы они готовы или уплатить деньги, или снарядить милицію, соразмѣрную съ зажиточностью каждаго изъ нихъ; но король сразу не принялъ этихъ предложеній, ибо деньги безъ войска могутъ послужить лишь въ добычу врагу, а наборъ милиціи разстроитъ только сформированные уже наемные отряды, переманивая изъ нихъ солдатъ въ новые отряды, увеличитъ замѣшательство, но не прибавитъ военныхъ силъ. Впослѣдствіи, однако, въ виду упорства шляхтичей, пришлось принять эту предложенную ими помощь, за невозможностью добиться чего-либо болѣе существеннаго. Разныя воеводства предложили субсидію на различныхъ условіяхъ: такъ сендомирское воеводство предложило сейчасъ-же уплатить деньги въ размѣрѣ удесятеренной подати, но подъ условіемъ, что за эти деньги будетъ немедленно нанята милиція; краковское воеводство обѣщало само сформировать милицію; мазовецкое воеводство и значительная часть Великой Польши предложили деньги безъ всякихъ условій и т. п. Но все это принесло мало пользы, ибо и денегъ всѣхъ они не уплачивали въ дѣйствительности и за уплоченныя негдѣ было навербовать солдатъ, такъ какъ шляхтичи почти всѣ предпочли уѣхать домой, а кварцяные солдаты, хотя, съ вѣдома ротмистровъ, и записывались въ воеводскія милиціи, но потомъ, получивъ часть денегъ и продовольствія, по требованію тѣхъ-же ротмистровъ, должны были возвращаться на службу въ тѣ хоругви, въ которыхъ числились до того времени. Дѣло кончилось тѣмъ, что собранныя деньги были выданы въ качествѣ жалованья болѣе нуждавшимся хоругвямъ регулярнаго войска.

Пока шли эти переговоры, многіе шляхтичи то въ одиночку, то толпами уходили изъ лагеря и даже цѣлые повѣты, никѣмъ не преслѣдуемые, бѣжали за Стырь; трудно предвидѣть, что случилось-бы тогда, если бы враги появились. Въ этомъ случаѣ мы извѣдали, что значитъ вести войну, пользуясь дворянскимъ ополченіемъ. Не дай, Господи, чтобы впредь мы должны были прибѣгать къ нему! Теперь мы постигли, почему всѣ народы чувствуютъ отвращеніе къ подобнаго рода ополченіямъ; его ничтожество и малодушіе вполнѣ обрисовалось. Несчастна наша Рѣчь Посполитая, въ которой безчинства многихъ цѣнятся больше чѣмъ благоразуміе немногихъ избранныхъ. Не захотѣли понять,

Библиотека "Руниверс"

что сладость мира добывается военными подвигами и готовностью къ пролитію крови. Мы до того выродились сравнительно съ нашими предками, что не захотѣли пожертвовать двѣ недѣли времени для сохраненія того, что они нѣкогда пріобрѣли, щедро жертвуя кровью; важнѣе-же всего то, что мы бросили на произволъ судьбы короля и отечество съ величайшимъ для себя позоромъ, почитая притомъ добродѣтелью тотъ поступокъ, который всякому покажется лишь величайшимъ посрамленіемъ.

Отряды, отправлявшіеся въ погоню за козаками, возвращались съ разныхъ сторонъ и доставляли свѣдѣнія о томъ, сколько ихъ удалось истребить въ различныхъ мѣстностяхъ. Гарнизонъ, находившійся въ Дубнѣ, съ помощью окрестныхъ крестьянъ, напалъ на отрядъ ихъ, числившійся до 6,000 человѣкъ и стремившійся въ какой-то переправѣ, и почти цѣликомъ истребилъ его. Другіе козаки разбрелись въ разныя стороны: въ Полѣсье и въ Подоліе.

Іюля 14. Постыдное отступленіе дворянъ не отклонило короля отъ мысли энергическаго преслѣдованія бѣгущаго врага; напротивъ того, подавляя печаль въ сердцѣ своемъ, онъ съ непоколебимою твердостью выступилъ въ путь, направляясь отъ Берестечка къ Кіеву, въ сопровожденіи лишь своего двора и наемнаго войска польскаго и иностраннаго. Польный гетманъ (Калиновскій) съ частью войска отправленъ былъ въ качествѣ передоваго отряда. Король не захотѣлъ прощаться съ дворянскими ополченіями. И, дѣйствительно, позорное поведеніе дворянъ не давало имъ права на то, чтобы король милостиво попрощался съ ними; напротивъ того, слѣдовало-бы, по примѣру Болеслава Храбраго, многимъ послать прялки и заячьи мѣха, особенно тѣмъ, которые не были въ битвѣ и опоздали приходомъ, съ умысломъ двигаясь по мѣрѣ возможности медленно, для того, дабы битва безъ нихъ произошла; а между тѣмъ эти то ополченія болѣе всего настаивали на томъ, чтобы возвращаться домой и усерднѣе другихъ спѣшили бѣжать за Стырь, бросая возы и провизію и заботясь лишь о томъ, чтобы не обнаживъ сабли, обезпечить себѣ путь для постыднаго отступленія. Знатные вельможи, особенно изъ Великой Польши, владѣющіе богатыми помѣстьями и и бенефиціями, притомъ придворные чиновники, какъ маршалъ надворный и подканцлеръ коронный, не согласились сопровождать короля даже на разстояніи одной мили. Король, не обращая на это вниманія, въ тотъ-же день выступилъ и остановился на

Библиотека "Руниверс"

ночлегъ въ полумили отъ Козина, помѣстья пана Фирлея. Онъ съ грустью увидѣлъ, что количество его войска уменьшилось въ поражающихъ размѣрахъ, ибо вмѣстѣ съ поголовнымъ ополченіемъ дворянъ ушли всѣ охотники, панскія хоругви, надворныя хоругви воеводъ и другихъ сенаторовъ и при нихъ множество товарищей, челяди и пѣхоты, даже изъ числа наемнаго войска, подъ тѣмъ предлогомъ, что они намѣрены поступить въ ряды предполагавшихся новыхъ милицій. Притомъ и оставшіяся наемныя хоругви представляли печальное зрѣлище: онѣ имѣли видъ нищенскій. Пѣхота, блиставшая прежде серебряными украшеніями мундировъ, теперь была оборвана; регименты весьма малочисленны и нѣмцы безнаказанно бѣжали изъ нихъ, какъ будто война уже совершенно была кончена.

Въ тотъ-же день возвратился изъ разъѣзда Гандза и донесъ, что онъ былъ за Гончарихою, но татаръ не встрѣтилъ, а только видѣлъ слѣды ихъ бѣгства; козаки-же отступили по преимуществу въ Полѣсье, укрываясь въ болотахъ.

(Окончаніе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Отрывокъ изъ записокъ анонима (1768 г.)[1].

(Казнь Гонты и усмиреніе „Коліивщины").

.....Когда уже Гонта понесъ заслуженное наказаніе, и россіяне укротили запорожцевъ, для усмиренія-же волнующихся еще хлоповъ приготовлялась военная экспедиція, я также рѣшился возвратиться въ окрестности Смѣлы. Узнавъ, что панъ Стемпковскій, недавно назначенный региментаремъ украинской партіи, собираетъ уже хоругви и намѣренъ съ конницею идти въ Украйну, я поспѣшилъ въ Трояновъ, гдѣ тогда находился региментарь со штабомъ своимъ, желая совершить путь безопасно подъ охраною „народовой кавалеріи"— этимъ именемъ стали теперь называть панцырныя хоругви, которыя разоблачили изъ кольчугъ.

Я былъ хорошо знакомъ съ новымъ региментаремъ въ то еще время, когда онъ носилъ титулъ жарновскаго кастелянича; я встрѣчалъ его тогда въ Ровномъ и въ Дубнѣ и бывалъ въ его домѣ въ Шепетынѣ. Онъ принялъ меня привѣтливо и гостепріимно; жилъ онъ открыто и записывалъ расположеніе шляхтичей кіевскаго воеводства, стараясь склонить ихъ на сторону короля, которому онъ былъ горячо преданъ; онъ угощалъ постоянно толпу офицеровъ и товарищей. Время у него проводили весело, ибо поляки скоро забываютъ горе; кубки опорожнивали при звукахъ пушечной пальбы и танцовали съ увлеченіемъ. Панъ региментарь выступалъ бойко въ первой парѣ полонеза, выкрикивая: эй! пошло!, а между тѣмъ на берегахъ Тыкича и Тясьмина кровь еще проливалась.

---

[1]) Отрывокъ этотъ, писанный по-польски, былъ намъ сообщенъ въ рукописи покойнымъ М. А. Максимовичемъ. Передаемъ въ точномъ переводѣ эту интересную часть записокъ анонимнаго мемуариста.—В. А.

Библиотека "Руниверс"

Госпожа Стемпковская, женщина очень привѣтливая, любезная и почтенная, страстно любила играть въ зернь, но такъ какъ она всегда играла по весьма умѣренному кушу, исключительно ради развлеченія, то настоящіе игроки сторонились отъ ея столика, но за то молодые офицеры и товарищи, съ которыми она обращалась любезно и по матерински, окружали ее и участвовали въ игрѣ, выкладывая золотые и полталеры. Я встрѣтилъ въ Трояновѣ многихъ старыхъ знакомыхъ товарищей моихъ во время барской конфедераціи и, въ томъ числѣ у столика госпожи Стемпковской, я увидѣлъ сына моего друга, чашника Нурскаго, Мартына; онъ бойко встряхивалъ кубокъ и металъ зернь, такъ какъ ему везло въ игрѣ. Онъ радостно меня привѣтствовалъ и, кончивъ игру, подсѣлъ поговорить. Я распросилъ его про отца; онъ разсказывалъ, что, возвратившись изъ плѣна, отецъ его нашелъ домъ свой совершенно ограбленнымъ и хозяйство въ полномъ разстройствѣ; при томъ, какъ человѣкъ пожилой и привыкшій къ прежнимъ военнымъ порядкамъ, онъ не могъ привыкнуть къ нововведеніямъ, примѣненнымъ къ устройству панцырныхъ хоругвей и, потому, оставилъ военную службу. Самъ-же Мартынъ долженъ былъ явиться къ хоругви по приказанію регимептаря и исполнилъ это весьма неохотно, но теперь привыкъ къ военной службѣ и полюбилъ ее.

Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ казни суровой, которой подвергся въ Сербахъ пріобрѣвшій грустную извѣстность атаманъ уманскихъ козаковъ Гонта. Онъ былъ схваченъ посредствомъ хитрости россіянами и выданъ вмѣстѣ со многими другими ловчію коронному (Браницкому). Тогда повѣсили болѣе тысячи гайдамаковъ, нѣсколько сотъ отправили въ Каменецъ, а 200 во Львовъ, гдѣ ихъ подвергли новымъ допросамъ и слѣдствію. Гонта приговоренъ былъ къ тому, чтобы съ его спины вырѣзать 3 полосы кожи и затѣмъ посадить его на колъ. Онъ терпѣливо перенесъ эти мученія, но не страдалъ долго, ибо колъ произшелъ ему шею и очень быстро причинилъ смерть.

— Правда-ли, спросилъ я пана Мартына, что въ тюрьмѣ передъ казнью, ему отрѣзали языкъ, опасаясь, чтобы онъ не назвалъ лицъ, которыя его подстрекали къ бунту и истребленію шляхты [1])?

[1]) Слухи о томъ, что Гонтѣ будто отрѣзали передъ казнью языкъ и правую руку, были распущены шляхтичами, желавшими бросить тѣнь подозрѣнія на короля и Браницкаго въ томъ, будто они вызвали съ умысломъ крестьянское возстаніе для подавленія барской конфедераціи.

Библиотека "Руниверс"

— Это подлинно ложь, отвѣтилъ товарищъ, ибо я лично слышалъ насмѣшливый отвѣтъ его одному изъ моихъ товарищей въ то уже время, когда онъ отправлялся на мѣсто казни. Случилось это по слѣдующему поводу. Не смотря на то, что Гонта былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи и что сидѣлъ въ надежной тюрьмѣ, для большей безопасности поручено было одному изъ панцырныхъ товарищей оставаться безотлучно днемъ и ночью въ его темницѣ. Послѣ того, какъ наканунѣ казни прочитанъ былъ ему приговоръ, товарищъ этотъ сказалъ Гонтѣ, пребывавшему въ задумчивости: „Панъ полковникъ! завтра все земное будетъ кончено для васъ; не найдете-ли возможнымъ оставить что-либо на память бѣдному воину, который проводитъ съ вами послѣднія минуты?“—„Охотно, отвѣчалъ атаманъ,—напомните мнѣ завтра, когда меня станутъ вести на мѣсто казни: я вамъ подарю одинъ изъ своихъ поясовъ“. Любостяжательный офицеръ поблагодарилъ за обѣщанный подарокъ, пребывая въ увѣренности, что онъ получитъ богатый поясъ изъ златоглава, вѣроятно похищенный въ какомъ либо шляхецкомъ домѣ въ Украйнѣ. На слѣдующій день, когда Гонту вывели изъ тюрьмы, офицеръ обратился къ нему: „Панъ полковникъ! позвольте вамъ напомнить обѣщанный поясъ!“—„Я не забылъ, отвѣтилъ Гонта съ презрительною улыбкою: первая полоса кожи, которую снимутъ у меня со спины, пусть служитъ вамъ поясомъ“. Товарищъ былъ сконфуженъ и товарищи долго насмѣхались надъ его униженіемъ. Негласно впрочемъ ходили слухи, будто за нѣсколько часовъ до казни Гонты курьеръ привезъ изъ Варшавы приказъ, дабы остановить исполненіе приговора и подвергнуть Гонту новому допросу, но будто Браницкій, догадавшись съ чемъ состоитъ содержаніе пакета, вскрылъ его уже послѣ совершенія казни. Не знаю, вѣренъ-ли этотъ слухъ или основанъ только на предположеніи; не знаю также, слѣдуетъ-ли кого-либо обвинять или подозрѣвать на этомъ основаніи. Говорили также, будто во Львовѣ, когда стали допрашивать отправленныхъ туда 200 человѣкъ гайдамаковъ, вдругъ полученъ былъ приказъ изъ Варшавы, предписывавшій прекратить слѣдствіе, уничтожить всѣ бумаги и казнить безъ различія всѣхъ подсудимыхъ.

Нѣсколько дней спустя конница отправилась налегкѣ въ Украйну. Офицерамъ запрещено было брать съ собою возы и разрѣшено имѣть только вьючныхъ лошадей съ багажемъ. Регементарь ѣхалъ самъ въ крошечныхъ саняхъ и взялъ другія сани, тройкою, для кухни. По дорогѣ къ намъ присоединились отряды

Библиотека "Руниверс"

надворныхъ козаковъ, присланные помѣщиками. Такъ какъ у насъ не было артилеріи, то отцы кармелиты изъ Бердичева прислали намъ четыре пушки и своихъ артилеристовъ.

Я также отправился въ путь съ войскомъ. По мѣрѣ того какъ мы подвигались въ глубину Украйны, помѣщики и ихъ прикащики, уцѣлѣвшіе отъ ножа убійцъ, возвращались въ покинутыя ими села. Оказалось, что мое хозяйство въ Матусовѣ и Осотѣ потерпѣло большіе убытки: весь годичный сборъ хлѣба исчезъ, равно какъ и рабочій скотъ. Жилой домъ мой, хотя и былъ ограбленъ, но въ этомъ отношеніи потеря моя была не значительна, ибо тогда въ Украйнѣ мы обходились самою незатѣйливою обстановкою: дубовые столы, скамьи и табуреты, покрытые ковриками и попонами, снятыми съ дорожняго экипажа—составляли всю мебель; посуду мы возили въ дорожныхъ погребцахъ и пользовались оловянными сервизами. Присмотрѣвшись къ хозяйству въ теченіи нѣсколькихъ дней, я сталъ ощущать скуку въ пустынномъ домѣ: дѣла у меня не было, ибо гумно стояло порожнее, и потому я отправился въ главную квартиру регименгаря. Панъ Стемпковскій, получая извѣстія о появленіи гайдамаковъ, весьма быстро носился съ мѣста на мѣсто. Помнится, что въ Вязовкѣ мы застали крестьянскую свадьбу, на которой веселились 18 человѣкъ гайдамаковъ; мы окружили село, но они, узнавъ о появленіи войска, удалили изъ хаты свадебную компанію, затворились въ ней и крѣпко защищались, отстрѣливаясь изъ оконъ и изъ подъ крыши. Они стрѣляли очень метко и убили и ранили нѣсколько солдатъ. Регименгарь, не желая терять по пусту людей, приказалъ солдатамъ отступить и, выдвинувъ двѣ кармелитскія пушки, приказалъ разбить имъ ту хату. Но монастырскіе артилеристы оказались на столько неопытными, что, выпустивъ до 20 выстрѣловъ, не попали ни разу въ хижину. Регименгарь выругалъ и прогналъ пушкарей и вызвалъ охотниковъ: ротмистръ козацкій изъ Богуслава, Савицкій, вызвался сжечь эту постройку; дѣйствительно, хотя онъ и потерялъ нѣсколько человѣкъ, но успѣлъ обложить стѣны соломою и зажечь ее. Вскорѣ пламя охватило всю крышу, но гайдамаки не переставали стрѣлять, пока крыша не провалилась вмѣстѣ съ потолкомъ; тогда только замолкли ружейные выстрѣлы. Солдаты выломали тогда двери, но, среди горящихъ стѣнъ, нашли только двухъ человѣкъ еще живыхъ, но сильно пострадавшихъ отъ ожоговъ; остальные 16 сгорѣли; трупъ одного найденъ на пылавшей балкѣ, которую онъ охватилъ руками и ногами. Гайдамаки

Библиотека "Руниверс"

эти при жизни еще вкусили адскія муки: израсходовавъ всю бывшую въ домѣ воду, они воспользовались двумя бочками квасу, опрокинули ихъ и, погружаясь въ жидкости, дабы хотя на мгновеніе умѣрить несносный жаръ, продолжали стрѣлять до послѣдняго издыханія. Удивительная выносливость! Жаль, что она не была примѣнена къ лучшему дѣлу.

Въ Лысянкѣ мы нашли на одной висѣлицѣ трупы: ксендза, шляхтича, еврея и собаки съ надписью: „все одна віра“. Въ Кальниболотѣ схватили до двухъ десятковъ гайдамаковъ; панъ регименгарь приказалъ повѣсить всю эту шайку на стропилахъ стараго кирпичнаго завода. Передъ исполненіемъ этого приговора, подошелъ товарищъ съ докладомъ, что одинъ изъ плѣнныхъ заявляетъ, что онъ шляхтичъ. „Какъ! шляхтичъ среди гайдамаковъ! вскричалъ панъ Стемповскій: нужно отдать подобающую честь его званію. Повѣсить его крайнимъ съ правой стороны“!

Такимъ образомъ, истребивъ по частямъ грабителей, возстановлено было спокойствіе и нѣкоторая безопасность въ этой несчастной сторонѣ. Хоругви народовой кавалеріи расположились постоемъ въ Украйнѣ, дабы сдерживать разнузданную чернь. Нѣсколько сотъ человѣкъ, обвиненныхъ въ участіи въ рѣзнѣ, были арестованы и отправлены въ Кодню, гдѣ панъ регименгарь основалъ главную квартиру и учредилъ военный судъ; они почти всѣ были казнены, въ томъ числѣ и нѣсколько духовныхъ лицъ, обвиненныхъ въ подстрекательствѣ къ бунту.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", А. А. Кіевъ. 1882.

Почтенный редакторъ „К. Губ. Вѣд." г. Андріевскій неутомимо продолжаетъ свою дѣятельность по разбору и изданію старыхъ дѣлъ изъ архива губ. правленія: еще не прошло года со времени выхода перваго выпуска, а теперь предъ нами уже третій, въ которомъ издатель нашелъ возможнымъ ввести весьма существенное улучшеніе, именно систематизацію матеріала. Настоящій выпускъ посвященъ исключительно Кіеву, хотя документы и касаются разныхъ сторонъ жизни нашего города. Четыре помѣщенныхъ здѣсь обширныхъ дѣла о городскихъ предмѣстьяхъ содержатъ очень много важныхъ указаній для мѣстной исторіи, особенно же для исторической топографіи; далѣе слѣдуетъ, довольно впрочемъ безцвѣтное, въ виду описанія Новгородцева, описаніе Кіева 1760 года; переписка о шелководствѣ въ Кіевѣ; о кіевской питейной конторѣ; о заготовленіи для царскаго двора варенья и, наконецъ, мелкія замѣтки о городскомъ хозяйствѣ и управленіи. Въ виду разнообразія матеріала, мы остановимся здѣсь лишь на разборѣ данныхъ по исторической топографіи города и его окрестностей.

Первое дѣло, 1753 года, касается городскихъ земель на Сырцѣ, Кореніовщинѣ и Преворкѣ и было первоначально возбуждено откупщиками войсковыхъ доходовъ, отрицавшими право жителей этихъ урочищъ имѣть на Преворкѣ винокурные котлы безъ платежа *показанщины*, а также вести здѣсь оптовую торговлю

Библиотека "Руниверс"

горѣлкою и дегтемъ, не платя *покуховного*. Магистратъ защищалъ права живущихъ на его земляхъ, и потому явилась необходимость въ историческомъ разслѣдованіи этихъ правъ, тѣмъ болѣе, что и старшина кіевскаго полка выступила противъ магистрата. Въ сущности здѣсь о правѣ собственности не было и спора; мѣщане настаивали только на томъ, что Преорка и „Подгорье", упоминаемое въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ,—синонимы, а потому на нее должны быть распространяемы правила о земляхъ въ городской чертѣ; полковникъ же, и совершенно справедливо, указывалъ, что поселенія на Сырцѣ, Кореніовщинѣ и Преоркѣ отдѣлены отъ города владѣніями кирилловскаго монастыря, *селомъ Плоскимъ*, съ котораго отбываются войсковыя повинности, а потому должны считаться лежащими уже внутри „полка" и тоже платить повинности. Мѣщане, дѣйствительно, дѣлали топографическую передѣржку: въ грамотахъ, на которыя они ссылались, имъ подтверждаются, между прочимъ, право владѣнія „и Оболонемъ, *и* Подгородьемъ, *и* Кожемяками, *и* Преворкою". Изъ нѣкоторыхъ другихъ указаній можно заключать, что Подгородьемъ называлось поселеніе между городскою оградою и кирилловскими землями, которыя начинались за юрковицкимъ ручьемъ. На третьемъ и четвертомъ листахъ атласа Закревскаго городская ограда и находившіяся съ этой стороны „бискупскія" ворота, придвинуты къ самому ручью; но съ правильностью такого указанія нельзя согласиться. Въ разграниченіи городскихъ и кирилловскихъ земель, 1701 года, прямо говорится, что „Подгорье горы Шкавицы", ближе юркового потока, должно принадлежать магистрату,—очевидно, оно находилось *внѣ* городской ограды. Въ настоящихъ же „Матеріалахъ" (14) находимъ и болѣе точное указаніе, гдѣ именно находились бискупскія ворота: полковая канцелярія указывала, что „отъ башты бискупской кіевской, Подгородья кіевского, дорога находится саженей маховыхъ двѣсти девяносто три, а отъ рогатокъ (т. е. на юрковицкомъ ручьѣ) село Плоски монастыря кіево-кирилловскаго". Указаніемъ этимъ опредѣляется линія городской ограды и положеніе бискупской проѣзжей башни—у нынѣшней Константиновской церкви, согласно чему и должны быть исправлены планы Закревскаго, тѣмъ болѣе, что въ этомъ мѣстѣ они противорѣчатъ его собственному тексту, опредѣляющему правильнѣе положеніе этой башни (Описаніе Кіева, стр. 388).

Помимо этого указанія, дѣло о Преоркѣ, вновь возбужденное магистратомъ въ 1784 г., даетъ намъ цифру магистратскихъ

Библиотека "Руниверс"

подданныхъ на спорныхъ урочищахъ: кромѣ урядовыхъ, мѣщанскихъ и ихъ подсусѣдковъ, въ селѣ Преворкѣ въ 1752 г. состояло дворовъ посполитыхъ, подданныхъ ратушѣ кіевской, 110 и бездворныхъ хатъ 7; въ деревнѣ Сирцѣ—дворовъ 17, бездворная хатка одна; въ деревнѣ Куреневщинѣ дворовъ 49, бездворныхъ хатъ 5 (стр. 9 и 22). Очень значительная часть земель всѣхъ этихъ урочищъ была занята хуторами различныхъ лицъ, въ числѣ 84, съ которыхъ узуфруктары платили въ городской доходъ по полушкѣ отъ аршина *окружности*, и то только за одну усадебную землю, находившіеся же внѣ усадебъ лѣсъ, покосы, пасѣки и т. под. были свободны отъ платежа вовсе. Составленная въ 1782 г. подробная опись всѣхъ этихъ хуторовъ (стр. 39—81) интересна преимущественно въ бытовомъ отношеніи, указывая сословный составъ хуторянъ, переходы владѣній и внѣшній порядокъ ихъ хозяйственнаго устройства. Она могла бы, вѣроятно, служить также практическимъ пособіемъ при повѣркѣ городскихъ земель въ настоящее время, если еще не поздно, т. е. если есть еще что̀ повѣрять.

Третье дѣло, 1781 года, касается „задвѣпровской воскресенской Слободки, почему оная во владѣніи губернаторовъ состоитъ“. Въ этомъ дѣлѣ находимъ любопытное указаніе, что земля эта была первоначально надана воскресенской церкви Евстафіемъ Дашкевичемъ, запись котораго подтверждена, 24 августа 1577 г., *зятемъ* Дашкевича, княземъ Евстафіемъ Ружинскимъ, почему и носила названіе земли Евстафьевской, а въ церкви устроенъ былъ придѣлъ во имя св. Евстафія Плакиды,—онъ существуетъ и въ настоящее время. По вѣдомости кіево-подольской протопопіи 1784 г. это была сначала отдѣльная церковь, а соединена съ воскресенскою при постройкѣ, вмѣсто двухъ деревянныхъ, одной каменной, въ 1670 году (Закревскій, стр. 221). Этимъ указаніемъ объясняется переселеніе Ружинскихъ съ Волыни въ Кіевщину, а начало связи ихъ съ козачествомъ отодвигается въ первую половину XVI вѣка. Образовавшееся впослѣдствіи на Евстафіевской землѣ поселеніе получило названіе воскресенской слободки, противъ которой находился и перевозъ изъ Кіева; а здѣсь раздѣлялись дороги на востокъ—Васанская, и на юговостокъ—Остроляцкая. Очевидно, это тотъ самый, древній, перевозъ, о которомъ упоминаетъ ипатская лѣтопись подъ 1146 годомъ по поводу битвы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами; одинъ изъ послѣднихъ, Святославъ, „бѣжа на устье Десны за Днѣпръ“, послѣ чего по-

Библиотека "Руниверс"

бѣдители „идоша до нихъ до Вышегорода, и до Днѣпра, до устья Десны, *и до перевоза до кіевского*, сѣкуще я“ (П. С. Р. Л., т. II, стр. 24). „Во время же турецкихъ походовъ прописанной слободки обыватели, имѣя свое селеніе на берегу, *при самомъ перевозѣ* чрезъ рѣку Днѣпръ, и отъ переходящихъ командъ претерпѣвая разныя обиды и разоренія, для охраненія отъ оныхъ себя просили у бывшаго тогда кіевскаго губернатора, кн. Димитрія Мих. Голицына (1715—1719 г.), залоги (т. е. караула), какова какъ отъ его с—ва, такъ и отъ бывшихъ по немъ губернаторовъ кіевскихъ давана была“. Постепенно защита губернаторами воскресенцевъ превратилась въ завладѣніе, такъ что и самая слободка получила уже названіе „Губернаторской“, пока въ 1781 г. причтъ и прихожане воскресенской церкви не стали хлопотать у гр. Румянцева о возвратѣ церковнаго имѣнія. На соотвѣтственный запросъ, кіевская губ. канцелярія не могла отыскать никакого основанія къ такому завладѣнію, и слободка, вѣроятно, была возвращена церкви, съ тѣмъ, конечно, чтобы вскорѣ совсѣмъ отойти въ казну.

Въ дѣлѣ этомъ упоминается, между прочимъ, что „въ 1577 году ноября 17 дня за нѣкоторую часть онаго Евстафіевского грунту Станиславъ Колантай, дѣтей Ивана Вигуры опекунъ, имѣлъ споръ“. Вигуры были владѣльцами сосѣдняго села, носящаго и теперь ихъ имя—Вигуровщина. Такъ какъ это поселеніе весьма древнее, то мы воспользуемся случаемъ возстановить настоящее его имя. Въ житомірской актовой книгѣ 1664 г., по списку центральнаго архива № 21, на листѣ 8, записана жалованная королевская грамота 1653 г. Льву Тышѣ-Быковскому на селище *Витославское*, alias *Вигуровщину*, въ кіевскомъ воеводствѣ, надъ Днѣпромъ. Актъ этотъ, внесенный уже по выписи изъ коронной метрики, возбудилъ въ насъ сомнѣніе: не исказили-ль многократные переписчики буквы *M* въ *W* и *l* въ *t*, т. е. не слѣдуетъ-ли здѣсь читать „Miłosławskie“. Въ справедливости этой догадки насъ убѣждаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) Милославичи лежали за Днѣпромъ противъ Кіева: по лѣтописи Быховца, князь Скиргайло, въ 1396 г., былъ на пиру на митрополичьемъ дворѣ, у святой Софіи, откуда поѣхалъ на ловы за Днѣпръ къ Милославичамъ, тамъ заболѣлъ, и немедленно вернулся въ городъ,—очевидно, разстояніе очень недалекое; 2) въ описаніи кіевскаго замка 1545 г., въ числѣ замковыхъ селъ, Милославцы упомянуты вмѣстѣ съ Погребами, лежащими по сосѣдству съ Вигуровщиной и 3) по люстраціямъ 1616 и 1622 г., замковымъ

Библиотека "Руниверс"

селомъ Милославичами владѣетъ кіевскій городничій Станиславъ Вигура [1]). Отнюдь, однако, не слѣдуетъ смѣшивать этихъ Милославичъ съ лѣтописнымъ (1151 г.) Мирославскимъ сельцомъ: то находилось гораздо ниже, у Витичевскаго брода.

Намъ остается разсмотрѣть въ „Матеріалахъ“ еще одно дѣло—о крещатицкой землѣ. Дѣло это заключалось въ спорѣ михайловскаго монастыря о захватѣ принадлежащихъ ему земель и постройкѣ на нихъ „казенной австеріи, провара, солодовни и погреба съ анбарами“, тогда какъ монастырь встрѣтилъ со стороны генералъ-губернаторской канцеляріи препятствіе въ постройкѣ на той-же собственной его землѣ „провара, воскобойни и винокурни“. По указу сената, куда обращался съ жалобой архимандритъ, губернская канцелярія должна была разслѣдовать о принадлежности земли, на которой находились означенныя постройки, и нѣтъ-ли о ней спора со стороны магистрата, питейная монополія котораго могла подвергнуться нарушенію со стороны монастыря. Магистратъ, или, вѣрнѣе говоря, писарь его Николай Родуцкій, поспѣшилъ воспользоваться случаемъ и заявилъ, что указываемая архимандритомъ какъ монастырская земля—на самомъ дѣлѣ есть городская, а въ собственность принадлежитъ ему, Родуцкому. Оказывается, что споръ шелъ о той землѣ, владѣніе которою подтверждено было монастырю Жигимонтомъ I въ 1523 г., въ такихъ границахъ: „земли къ тому монастырю.... по самый валъ, и по лядскія ворота, и по Евсейкову долину, по старую дорогу, по михайловскій взвозъ“. Точное опредѣленіе упоминаемыхъ здѣсь урочищъ было-бы очень интересно для уясненія топографіи древняго Кіева. Настоящее спорное дѣло даетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній, которыми мы и намѣрены воспользоваться.

Конечно, мѣстность эта подверглась въ настоящее время такимъ измѣненіямъ, что возстановленіе ея древней урочищной терминологіи очень затруднительно и всегда можетъ возбуждать возраженія. Остановимся, однако, на слѣдующихъ указаніяхъ: монастырь представилъ изъ приказной избы отъ 9 февраля 207 (1699) года, что „по досмотру и по мѣрѣ... въ дачѣ по урочищамъ отъ долины Евсейковой, которая сошлась того мѣста *къ берегу рѣки Почайны, съ крещатицкимъ взвозомъ обще*, идучи старою набережною

[1]) Опись актовой книги, № 21, стр. 3. Матеріалы для историч. топографіи Кіева, отд. I, стр. 34 и отд. III, стр. 31. Jabłonowscі, Źródła dziejowe, т. V, стр. 101 и 131.

Библиотека "Руниверс"

дорогою отъ крещатицкой башни и сквозь крещатицкую башню, по конецъ мосту, что нынѣ вновь построенъ былъ къ церкви Рождества Христова, противъ михайловскаго взвоза, что нынѣ противъ михайловской калитки, въ длину 203 сажени, а поперегъ, отъ того крещатицкаго моста прямо на гору къ михайловской-же калиткѣ 164 сажени". Отсюда видно, во-первыхъ, что Евсейкова долина спускалась къ Днѣпру, соединившись съ крещатицкой; Крещатикомъ-же, какъ видно по другимъ древнимъ источникамъ, называлось мѣсто, гдѣ нынѣ нижній памятникъ св. Владиміра; во вторыхъ, взвозъ пересѣкалъ соединенныя долины, черезъ которыя и былъ устроенъ мостъ; въ-третьихъ, у нижняго конца этого моста начинался нѣкогда михайловскій взвозъ, въ 1699 г. уже не существовавшій, „прямо на гору къ михайловской калиткѣ". Начнемъ съ послѣдняго. Существующія пѣшеходныя тропинки идутъ и теперь еще въ направленіи древняго спуска, который начинался между михайловской оградой и церковью Трехъ Святителей (вершина его засыпана очень недавно), противъ лежащаго отрога горы, у котораго онъ развѣтлялся: влѣво шелъ боричевъ взвозъ, а вправо, гдѣ нынѣ оканчивается Александровская гора, сейчасъ за верхнимъ памятникомъ св. Владиміра, это и есть древній михайловскій взвозъ. Опредѣливъ одну границу монастырской земли, отправимся отсюда вверхъ вдоль соединенныхъ долинъ крещатицкой и Евсейковой. Такъ какъ граница монастырской земли шла далѣе къ лядскимъ воротамъ, т. е. къ *верхнему* городу, то очевидно, что, идя снизу, крещатицкая долина оставалась *влѣво*, а Евсейкова *вправо*. Очертанія мѣстности показываютъ, что первою изъ нихъ можетъ быть только долина между институтской горою и нынѣшней Александровской улицей. То-же, что мы нынѣ называемъ Крещатикомъ, на самомъ дѣлѣ и есть Евсейкова долина. Вершина-же ея, повернувъ также влѣво, между нынѣшними улицами институтской и лютеранской, засыпана на нашихъ глазахъ подъ новую банковскую улицу. Михайловскій намѣстникъ такъ и опредѣлялъ ея направленіе: „выѣхавъ изъ города Верхнего Кіева въ ворота къ Печерскому, на праву сторону по за *Кловомъ* у яръ, у якого яру, гдѣ теперь вавозъ скидаютъ, оная Евсейкова долина окончалась". Граница-же монастырской земли сворачивала вправо, къ лядскимъ воротамъ, т. е. вдоль нынѣшняго козьеболотнаго переулка, отсюда упиралась въ валъ, гдѣ теперь присутственныя мѣста, и оканчивалась у сѣверо-западнаго угла михайловской ограды, т. е. начала михайловскаго взвоза.

Библиотека "Руниверс"

Судить о степени основательности нашихъ соображеній предоставляемъ спеціалистамъ. Мы-же закончимъ свою замѣтку пожеланіемъ заслуженнаго успѣха трудамъ почтенной редакціи „Губ. Вѣдомостей", продолженія которыхъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

Ив. Новицкій.

E. Chantre. Recherches paleoethnologiques dans la Russie méridionale et spècialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.

Э. Шантръ. Палеоэтнологическія изслѣдованія въ южной Руси, особенно-же на Кавказѣ и въ Крыму, Лионъ. 1881 г.

Извѣстный французскій археологъ, снискавшій себѣ прочную репутацію серьезнаго ученаго многочисленными трудами по археологіи и этнологіи, особенно же капитальною работою о бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Роны, г. Эрнестъ Шантръ, посвятилъ книжку, заглавіе которой мы выписываемъ, доисторической археологіи и этнологіи южной Россіи. Книжка эта явилась вслѣдствіе путешествія, предпринятаго г. Шантромъ на московскую антропологическую выставку; на обратномъ пути г. Шантръ посѣтилъ Кавказъ, Крымъ и Одессу; собранные имъ наблюденія на мѣстѣ и осмотръ музеевъ на югѣ Россіи доставили ему матеріалъ для очерка, изданнаго подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Г. Шантръ говоритъ, что онъ поставилъ цѣлью своего путешествія собрать данные по слѣдующимъ четыремъ вопросамъ: 1) констатировать существованіе бронзоваго вѣка въ южной Россіи и указать его связь съ аналогическимъ періодомъ въ западной Европѣ и передней Азіи, 2) изслѣдовать могильники Осетіи и Грузіи, содержащіе деформированные (макроцефалическіе) черепа, 3) прослѣдить оставшіеся до настоящаго времени у туземцевъ Кавказа пріемы деформаціи череповъ и 4) опредѣлить расположеніе и время постановки мегалитическихъ памятниковъ на Кавказѣ и въ Крыму. Недостатокъ времени заставилъ г. Шантра отказаться отъ послѣдней задачи. Наблюденія его надъ могильниками и черепами Грузіи и Осетіи имѣютъ характеръ строго мѣстный кавказскій, такъ, что мы уже упомянемъ только о рѣшеніи г. Шантромъ перваго изъ постановленныхъ имъ вопросовъ, какъ относящагося вообще къ южной Руси. Къ несчастью для рѣшенія этого вопроса наблюденій и свѣдѣній г. Шантръ успѣлъ

Библиотека "Руниверс"

собрать слишкомъ мало, и потому рѣшаетъ его весьма поверхностно и по предвзятой впередъ мысли. Притомъ, какъ намъ кажется, г. Шантръ не даетъ себѣ яснаго отчета о томъ, какой районъ онъ разумѣетъ подъ названіемъ „южной Россіи“ и вслѣдствіе этого частнымъ фактамъ даетъ слишкомъ широкое примѣненіе, подтверждая свои выводы весьма неопредѣленными и неточными ссылками.

Г. Шантръ утверждаетъ, что онъ убѣдился въ существованіи бронзоваго вѣка въ южной Россіи и что предметы бронзовые, найденные у подножія Кавказа и на берегахъ Чернаго моря, должны быть отнесены къ начальному періоду металлургіи и указываютъ путь распространенія древнѣйшаго металлоплавительнаго искусства изъ Индіи въ Европу (стр. 8—11). Въ доказательство своего положенія авторъ приводитъ указанія на предметы бронзовые, найденные въ бассейнѣ Днѣпра; но при этомъ г. Шантръ не указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія о приводимыхъ находкахъ, и мѣстности называетъ до того неточно, что мы не можемъ дать себѣ о нихъ никакого отчета. Вотъ его перечень: „въ деревнѣ князя Григорьева на берегахъ Конки (не должно-ли разумѣть село Григорьевку, днѣпровскаго уѣзда, таврической губ.?) не вдалекѣ отъ Днѣпра нашли 50 топоровъ (?) и слитки бронзы. Въ Гилеи (sic!) у села Малые Копани, въ Херсонскомъ (sic) на берегахъ Шуты и въ Пултанѣ (sic) на Днѣпрѣ найдены топоры, копья и стрѣлы вмѣстѣ съ отливными формами“ (стр. 10). Вотъ и всѣ данныя о южной Руси, на основаніи которыхъ авторъ дѣлаетъ вышеуказанный выводъ. Конечно, ни въ географическихъ терминахъ г. Шантра разобраться не возможно, ни въ точности его указаній нельзя быть увѣреннымъ, такъ какъ онъ не объясняетъ, кѣмъ сообщены ему были приведенныя свѣдѣнія. Но допустивъ даже, что въ небольшомъ районѣ у устья Днѣпра (въ днѣпровскомъ уѣздѣ) и найдены были указанные предметы, то во всякомъ случаѣ они не даютъ права дѣлать заключеній о существованіи бронзоваго вѣка во всей южной Россіи.

Между тѣмъ всѣ понынѣ собранныя коллекціи и научно произведенныя раскопки заставляютъ насъ предполагать, что первобытные жители южно-русскаго края пользовались каменными исключительно орудіями до того времени, пока колонизація новыхъ пришельцевъ, двигавшихся отъ береговъ Чернаго моря, не познакомила ихъ съ металлическимъ производствомъ. Но пришельцы эти появились уже вооруженные желѣзомъ и потому

Библиотека "Руниверс"

бронзовый вѣкъ не только не могъ развиться, но и вовсе не существовалъ въ южно-русскомъ краѣ. Если отстранить тѣ бронзовые предметы, которые продолжали существовать совмѣстно съ желѣзомъ и которые обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ и встрѣчаются въ курганахъ (украшенія, зеркала, наконечники стрѣлъ и булавы), то понынѣ, на сколько намъ извѣстно, найдены были только два характерные экземпляра бронзовыхъ предметовъ на всемъ пространствѣ семи южно-русскихъ губерній днѣпровскаго бассейна; это два цельта: одинъ найденъ въ черкасскомъ уѣздѣ (коллекція Волошинскаго) и одинъ въ васильковскомъ (коллекція г. Витковскаго). Конечно столь рѣдкія находки должны быть сочтены случайно попавшими извнѣ на территорію южно-русскаго края, и пока новыя точныя данныя не явится въ подтвержденіе теоріи, высказанной г. Шантромъ, мы будемъ въ правѣ считать эту теорію гипотезою, основанною лишь на поверхностномъ и неточномъ наблюденіи, и будемъ сомнѣваться въ существованіи бронзоваго вѣка въ южной Руси вообще и въ бассейнѣ Днѣпра въ особенности. **В. А.**

---

1) Бердичевъ. Сост. командиромъ 1 батал. 32 артил. бриг. полк. Петроковымъ. стр. II + 57, 2) Шпола. Сост. рыльскаго полка штабъ-капит. Шмидтомъ въ апрѣлѣ 1882 г. Стр. 10. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. каменецъ-под. уѣзднымъ воин. нач. полковн. Н. Л. Островерховымъ. Стр. 37.

Брошюры эти составляютъ начало цѣлаго ряда подобныхъ описаній городовъ и главнѣйшихъ мѣстечекъ юго-западнаго края, изданіе которыхъ предпринято мѣстнымъ окружнымъ штабомъ, съ тѣмъ, чтобы они послужили впослѣдствіи матеріаломъ для составленія общаго военно-статистическаго описанія губерній кіевскаго военнаго округа. Не касаясь этихъ описаній, по ихъ спеціальной цѣли и содержанію, во всемъ ихъ объемѣ, скажемъ нѣсколько словъ лишь о той ихъ части, которая отвѣчаетъ первому вопросу составленной окружнымъ штабомъ программы: „Краткая исторія, основаніе города или мѣстечка и дальнѣйшее его развитіе“.

Въ описаніи Бердичева находимъ очень много неточностей. Здѣсь говорится, будто Бердичевъ упоминается впервые въ 1546 г., подъ именемъ села Беричикова, въ актѣ разграниченія

Библиотека "Руниверс"

между Литвою и Украйною (sic), настоящимъ-же своимъ именемъ названъ первый разъ въ 1627 г., въ актѣ фундаціи кіевскимъ воеводою Янушемъ Тышкевичемъ бердичевскаго кармелитскаго монастыря. Не имѣя въ настоящую минуту подъ рукою разграниченія 1546 г., ни въ его первомъ, отдѣльномъ изданіи 1758 г., подъ заглавіемъ: „Dukt granic“ и т. д., ни въ первомъ томѣ виленскаго „Археографическаго сборника“, затрудняемся опредѣлить упоминаемое тамъ Беричиково, но во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть Бердичевомъ. Разграниченіе производилось между Литвою и Польшею, т. е. въ данной мѣстности между Волынью, а далѣе Украйною, воеводствами кіевскимъ и позднѣйшимъ брацлавскимъ, какъ составными частями Литвы, съ одной стороны, и принадлежавшимъ Польшѣ воеводствомъ подольскимъ, съ другой; Бердичевъ не прилегалъ къ границамъ Подоліи, проходившимъ далѣе къ юго западу; даже и брацлавская граница проходила гораздо южнѣе, около Махновки и Пиковца, такъ что авторъ ошибается и тамъ, гдѣ утверждаетъ, будто „до раздѣла Польши Бердичевъ числился въ брацлавскомъ воеводствѣ“: городъ этотъ всегда принадлежалъ къ житомірскому повѣту кіевскаго воеводства. Въ числѣ источниковъ описанія упомянуты „Акты, изд. кіевской археологической (sic) коммиссіей“, — а въ одномъ изъ этихъ изданій, именно въ 1-мъ томѣ 6-й части, снабженномъ алфавитнымъ указателемъ, Бердичевъ упоминается гораздо ранѣе 1627 года: въ 1611 г. этотъ *городъ*, съ селами Быстрикомъ и Жидовцами, былъ отдаваемъ Фридр. Тышкевичемъ въ аренду Григорію Черныку; еще ранѣе, въ инвентарѣ города Слободищъ 1593 г., упоминается, „miasto nowoosiadłe Berdyczow, w którym podymja osiadłego sto czterdzieści“; въ 1627 г. Янушъ Тышкевичъ кіевскимъ воеводою еще не былъ, а сталъ имъ только съ 1630 г. Упоминаніе о разореніи Бердичева козаками въ 1647 г. мы считаемъ за опечатку вмѣсто 1648 г., но и самый фактъ не вѣренъ,—напротивъ, козаки хотя и взяли тогда Бердичевъ, но даже оберегли его и окрестности отъ татаръ: Жолкевскій писалъ къ канцлеру Оссолинскому, 8-го іюня 1648 г., объ Ордѣ: „stali pod Berdyczowem, a nie wzięli nic..., w Bystrzyku y naymnieyszey rzeczy nie wzięli“. Нельзя считать за такую-же опечатку нѣсколько разъ повторяннаго искаженія фамиліи „Завишъ“ вмѣсто „Завиша“. Преданіе, будто въ раздорахъ кармелитовъ съ Тышкевичами, въ 1660-хъ годахъ, козаки принимали сторону первыхъ, не выдерживаетъ никакой критики; ни одинъ козацкій полков-

Библиотека "Руниверс"

никъ того времени не могъ говорить, что католическіе монахи „противъ козаковъ ничѣмъ не провинились“, — наоборотъ, монаховъ этихъ козаки считали одними изъ злѣйшихъ своихъ враговъ, а истребленіе ихъ—дѣломъ полезнымъ и даже богоугоднымъ. Замѣтимъ еще, что въ перечнѣ печатныхъ источниковъ по Бердичеву встрѣчаемъ изданія едва-ли существующія, какъ напримѣръ „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, Драгоманова, а особенно „Piesnia o Kiowi“, Скальковскаго. Сколько мы знаемъ, оба извѣстные писателя Скальковскіе, отецъ и сынъ, писали всегда по-русски и никто изъ нихъ не сочинялъ на хорватскомъ или сербско-далматскомъ нарѣчіи „Пѣсни о Кіевѣ“.

Историческія свѣдѣнія о Шполѣ чрезмѣрно скудны. Авторъ не упомянулъ даже владѣльцевъ мѣстечка между кн. Потемкинымъ и Ив. Ал. Орловымъ, какими послѣдовательно были: ген. Высоцкій, Н. Лопухинъ и ген. Скородули. Вообще, объ этомъ мѣстечкѣ нужно замѣтить, что оно должно было существовать прежде подъ другимъ именемъ; въ документахъ оно появляется внезапно, во второй половинѣ прошлаго вѣка, уже въ качествѣ города, съ двумя церквями, построенными въ 1780-хъ годахъ на мѣстѣ древнѣйшихъ,—слѣдовательно, поселеніе существовало гораздо раньше.

Что касается историческаго очерка Каменца, то онъ не подлежитъ нашему разбору, такъ какъ авторъ съ похвальной скромностью заявилъ, что свѣдѣнія имъ заимствованы изъ статьи г. Сементовскаго, и только напрасно послѣдній, по корректурному недосмотру, превращенъ въ Симантовскаго.

Говоря вообще, мы считаемъ въ высшей степени полезнымъ и интереснымъ изданіе описаній отдѣльныхъ городовъ, мѣстечекъ и даже селеній, въ которыхъ-бы наиболѣе новымъ и точнымъ статистическимъ даннымъ предпосылались обстоятельные историческіе очерки. Но при этомъ историческому элементу должно быть отводимо самостоятельное мѣсто, объемъ его долженъ быть достаточно обширенъ, и обработка произведена лицами, спеціально занимающимися мѣстнымъ историческимъ изученіемъ Какъ образецъ подобной обработки, можемъ указать статью В. Б. Антоновича о м. Ходорковѣ въ „Кіев. Губ. Вѣд.“ 1870 года. Конечно, подобная задача никоимъ образомъ не можетъ входить въ кругъ дѣятельности учрежденій вѣдомства военнаго. Намъ кажется, что органамъ послѣдняго достаточно ограничиться, по 1-му пункту программы, собраніемъ, если представится случай,

Библиотека "Руниверс"

ясторическаго матеріала, который можетъ быть утилизованъ при составленіи общаго описанія края, или-же изданъ отдѣльно. Въ самыя-же описанія вполнѣ достаточно включать краткія заимствованія изъ спеціальныхъ изслѣдованій, какъ это сдѣлалъ г. Островерховъ, и вообще приводить только факты, уже установленные. Пользованіе-же случайными и непровѣренными указаніями не только безполезно, ничего не внося въ науку, но даже вредно, сообщая офицерскому корпусу, для котораго изданіе преимущественно предназначено, ошибочныя историческія свѣдѣнія. Требовать исторической критики отъ составителей, спеціалистовъ по совершенно иному дѣлу,—невозможно. И невозможно имъ ни въ какомъ случаѣ ставить въ вину невольныхъ въ чуждой области промаховъ и ошибокъ.

Ив. Н.

Сборники малорусской орнаментики. (Украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; Сборники „украинскаго орнамента“ А. Лисенко, Махно, Квитко и др.).

Орнаментика всякаго народа представляетъ очень значительную и характерную часть этнографіи; въ желаніи и способности украшать извѣстнымъ образомъ предметы своей ближайшей обстановки сказывается степень культуры даннаго народа, культуры, въ которой могутъ быть отысканы какъ элементы чуждые, внесенные путемъ заимствованія и подражанія, такъ и элементы самобытные. Съ этой точки зрѣнія орнаментика можетъ быть изучаема и исторически, такъ какъ, зарождаясь вмѣстѣ съ самыми примитивными зачатками культуры, орнаментика сопутствуетъ и всѣ дальнѣйшее развитіе ея, идя отъ дѣтскихъ, наивныхъ способовъ украшенія первичнаго періода до изысканности стиля у народа вполнѣ цивилизованнаго.

Археологу, этнографу-историку хорошо извѣстно значеніе орнаментики, которая нерѣдко служитъ цѣннымъ подспорьемъ въ научныхъ изысканіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, весьма часты случаи, когда одна орнаментная отдѣлка, подобно краснорѣчивымъ письменамъ, проливаетъ свѣтъ на объясненіе загадочнаго памятника прошлаго.

Библиотека "Руниверс"

Что касается до орнаментики малорусской, то приходится сказать, что широкое изученіе ея принадлежитъ лишь будущему; до сихъ поръ не собраны и не изданы даже матеріалы этой отрасли нашей этнографіи, не собраны въ такой полнотѣ, какъ это выпало на долю напримѣръ нашимъ памятникамъ устнаго народнаго творчества.

А между тѣмъ матеріаловъ этихъ имѣется такъ много. Желающіе могли-бы встрѣтить и въ настоящее время массу предметовъ, носящихъ на себѣ слѣды народнаго орнаментнаго стиля. Кромѣ того, сколько еще остается въ забвеніи старинныхъ вещей съ весьма интересной и характерной отдѣлкой. Въ этомъ отношеніи и наши церкви могли-бы дать богатѣйшій матеріалъ для изслѣдователя орнаментики, такъ много могъ-бы онъ найти въ нихъ интереснаго по части орнаментныхъ изображеній, церковной утвари, ковровъ и разныхъ другихъ вещей, носящихъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго искусства.

Подобнаго обширнаго изданія, конечно, остается ждать лишь въ будущемъ.

Пока обратимся къ тѣмъ сборникамъ украинской орнаментики, какіе явились путемъ предпріимчивости отдѣльныхъ частныхъ лицъ, которымъ, пожалуй, и не подъ силу было бы издательство въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, о которыхъ говорилось выше.

Въ вышедшихъ сборникахъ малорусской орнаментики наиболѣе посчастливилось вышивкамъ, которыя, впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ представляютъ весьма видную сторону нашей народной орнаментики.

Первымъ сборникомъ этого рода явился сборникъ г жи Косачъ „Украинскій орнаментъ“, который и до сихъ поръ остается наиболѣе полнымъ и разнообразнымъ, такъ какъ въ него включено очень много образцовъ вышивокъ, съ прибавленіемъ характерныхъ образцовъ тканья и писанокъ. Матеріалъ этого сборника расположенъ въ систематическомъ порядкѣ, объясненномъ въ предисловіи, приложенномъ къ сборнику и представляющемъ собою нѣкотораго рода этнографическое изслѣдованіе. Не вдаваясь, за неимѣніемъ мѣста, въ разборъ этого изслѣдованія, скажемъ, что какъ оно, такъ и предисловіе г-на Волкова ко 2-му сборнику въ этомъ-же родѣ („Южно русскій орнаментъ“, приложеніе къ трудамъ 3 го археолог. съѣзда)—представляютъ собою начало научно-этнографической разработки малорусской орнаментики.

Библиотека "Руниверс"

Можно было-бы надѣяться, что послѣдующіе труды въ этомъ родѣ будутъ разработывать дальше интересную область. И въ самомъ дѣлѣ вслѣдъ за этими сборниками появляются одинъ за другимъ, включительно до послѣднихъ дней, изданія малорусскаго орнамента: сборники А. Лисенко, Квитко, Махно, г-жи Литвиновой, Макаровой и др.

Къ сожалѣнію, сборники эти вовсе не служатъ продолженіемъ тѣхъ началъ, на которыхъ были изданы два первые упомянутые сборника: новѣйшія изданія не имѣютъ ровно ничего общаго съ какой-бы-то ни было наукой. Еще сборникъ г-жи Литвиновой обнаруживаетъ попытку издательницы придать своему сборнику этнографическій характеръ, по крайней мѣрѣ матеріалъ собранъ въ извѣстной мѣстности и снабженъ нѣсколькими страницами текста, хотя бѣгло поясняющаго нѣкоторыя частности матеріала. Что же касается до остальныхъ названныхъ сборниковъ, то они кажется и не имѣютъ никакой претензіи считаться этнографическими изданіями. Содержаніе ихъ представляетъ собою совершенно случайный сборъ образцовъ, который было-бы даже мудрено подвести подъ какую нибудь систему; издательницы и издатели словно задались цѣлью издать сборники какихъ нибудь узоровъ, пригодныхъ для практическаго употребленія (и при томъ исключительно узоровъ вышиванья). Неразборчивость издателей при наполненіи сборника доходитъ до того, что для нихъ даже безразлично, имѣетъ-ли издаваемый матеріалъ по крайней мѣрѣ интересъ новизны, такъ напримѣръ очень многіе образцы сборника А. Лисенко уже были въ изданіи г-жи Косачъ и являются у А. Лисенко какъ-бы одной перепечаткой. Такія совпаденія въ новѣйшихъ сборникахъ „Орнаментовъ“ даже не поясняются, такъ какъ и вообще какой-бы то ни было пояснительный текстъ при нихъ не существуетъ.

Конечно, и эти сборники имѣютъ свой raison d'être, такъ какъ находятъ свою публику, которая можетъ удовольствоваться любымъ сборникомъ „узоровъ“; но съ научной стороны изданія эти, не скажемъ, что роняютъ этнографическую науку, а просто имѣютъ съ нею столь-же мало общаго, какъ напримѣръ иной „самый модный пѣсенникъ“ съ этнографическимъ изданіемъ народныхъ пѣсенъ.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ ПЕРЕВОЗЪ НА ДНѢПРѢ И ЕГО НЕЖДАННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ главный перевозъ черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ существовалъ не на мѣстѣ теперешнихъ мостовъ, а ниже ихъ, именно противъ устья р. Лыбеди. Еще въ начальной лѣтописи упоминается, что въ 1097 г. „приде Василко (Ростиславовичъ) въ 4-е ноября и перевезеся на Выдобичь, иде поклонитися къ святому Михаилу въ манастырь". Съ половины XVII в. перевозъ этотъ находился въ рукахъ честныхъ отцевъ выдубицкаго монастыря, которые содержали два парома и построили за Днѣпромъ мостъ „у Толбина". Тогдашній выдубицкій игуменъ Климентій Старушичъ былъ практическаго ума человѣкъ и усердный радѣтель объ умноженіи монастырскихъ доходовъ. На устьѣ Лыбеди, у самаго перевоза, онъ построилъ мельницу, а при ней корчму съ продажею „горелки, пива и меду". Такую-же корчму онъ поставилъ и на другомъ концѣ перевоза, въ с. Осокоркахъ, принадлежавшемъ тогда выдубицкому монастырю; а третья корчма находилась на Звѣринцѣ, который также лежалъ въ чертѣ владѣній того-же монастыря. Наконецъ тотъ-же смѣтливый игуменъ построилъ „на футорѣ выдубицкомъ винницу горѣлчаную", т. е. винокуренный заводъ. Все это—и перевозъ, и винокурню, и три корчмы, Старушичъ сталъ отдавать въ аренду кіевскимъ мѣщанамъ, и не простакамъ какимъ-либо, а все „славетнымъ дукамъ и богатырямъ": райцамъ, лавникамъ и другимъ урядникамъ ратуша кіев-

Библиотека "Руниверс"

скаго. И платили „славетные мѣщане и купци“ кіевскіе хорошую арендную плату инокамъ выдубицкимъ: въ 1653 г. она равнялась 2,000 злотыхъ польскихъ, сверхъ того арендаторъ обязался „на кождый рокъ на потребу монастырскую“ отпускать „горелки доброи 500 кварть справедливыхъ“, пять каменей воску, двѣ мажи соли и наконецъ—даромъ перевозить братію и челядь монастырскую. За то арендаторъ получалъ право брать со всякаго за перевозъ извѣстную плату — деньгами или товаромъ, кромѣ того ему дозволено было „выбиране соли отъ коломыйцовъ и приходъ отъ глины гончарской на Звериницу“. Завидно стало инокамъ печерскимъ, что выдубляне имѣютъ богатый доходъ съ перевозу, и вотъ они въ 1656 г. затѣяли съ ними процессъ о незаконномъ якобы присвоеніи печерскихъ монастырскихъ земель на устьѣ р. Лыбеди и права содержать перевозъ на Днѣпрѣ. Для разслѣдованія этого дѣла гетманъ Б. Хмельницкій назначилъ комиссію изъ генеральнаго войскового судьи Антона Ждановича и пана Ѳедора Выговскаго. Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, въ подтвержденіе своихъ претензій, сослался лишь на свидѣтельство мѣстныхъ старожиловъ, показавшихъ, будто въ старину лыбедскій перевозъ принадлежалъ печерскому монастырю; относительно-же документальныхъ доказательствъ онъ заявилъ, что такіе документы были, да погибли: одни сгорѣли въ 1649 г. въ „вежѣ васильковской“, другіе еще раньше панъ Прокопъ Верещака съ собою на Волынь завезъ. За то противная сторона, Старушичъ и его братія, кромѣ такихъ-же свидѣтельствъ старыхъ людей, представили еще цѣлый рядъ письменныхъ доказательствъ въ пользу того, что лыбедскій перевозъ издавна принадлежалъ выдубицкому монастырю, и прежде всего сослались на вышеприведенное лѣтописное свидѣтельство о перевозѣ Василька Ростиславовича, „беручи“ этотъ „доводъ Несторомъ, кройникаромъ або лятописцомъ печарскимъ, киевскимъ, за фундамѣнтъ справы своея“. Въ концѣ концовъ войсковый судъ, въ виду непреложности этихъ архаическихъ свидѣтельствъ, склонился на сторону выдубицкихъ иноковъ и рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Съ тѣхъ поръ лыбедско-днѣпровскій перевозъ, съ прилегавшими къ нему землями и угодьями, надолго оставался во владѣніи выдубицкаго монастыря и каждый годъ обогащалъ его казну громадными доходами, на зависть братіи сосѣдней печерской обители.

Библиотека "Руниверс"

Всякій годъ доставлялъ выдубицкимъ перевозчикамъ не мало работы, но послѣдняя четверть XVII столѣтія дала имъ особенно много дѣла. То была для Малороссіи своего рода эпоха великаго переселенія народовъ. Въ печальную пору „руины", въ гетманство Дорошенка и послѣ него, населеніе правобережной Украйны, разоряемое и истребляемое со стороны разгуливавшихъ по краю турецкихъ полчищъ, татарскихъ ордъ и польскихъ жолнеровъ, вынуждено было бросать землю своихъ отцевъ и искать убѣжища въ лѣвобережной Малороссіи; кто не рѣшался на это добровольно, тѣхъ силой сгоняли козаки гетмана Самойловича, для котораго эта насильственная колонизація подвластнаго ему края была весьма на руку, потому что она лучше всего могла содѣйствовать его соціально-политическимъ видамъ—образованія въ Малороссіи класса крупныхъ землевладѣльцевъ и подчиненія имъ массы посполитаго народонаселенія. Сотнями тысячъ перешли эти несчастные переселенцы на лѣвый берегъ Днѣпра и, конечно, немалая часть ихъ прослѣдовала черезъ Кіевъ и была перевезена монастырскими паромами. Но съ 1680-хъ годовъ начинается обратное движеніе. Около того времени правобережная Малороссія была очищена отъ нашествія иноплеменниковъ, а тогдашній польскій король Янъ Собѣскій, задумавшій грандіозный планъ войны съ турками для освобожденія осажденной ими Вѣны, нуждался въ военныхъ людяхъ и предпринялъ проэктъ возстановленія въ Украйнѣ козачества. Въ этихъ видахъ онъ хотѣлъ прежде всего вызвать въ опустѣлый край народонаселеніе и въ 1684 г. издалъ универсалъ, которымъ уступилъ козакамъ для поселенія земли между Тясминомъ, Тыкичемъ и границами кіевскаго Полѣсья. Мѣра Собѣскаго имѣла громадный успѣхъ. Въ короткое время въ кіевской Украйнѣ одно за другимъ возникли села и мѣстечки, образовались козацкіе сотни и даже полки, а во главѣ ихъ появились такіе талантливые вожди, какъ знаменитый Семенъ Палій, полковникъ бѣлоцерковскій, Самусь—богуславскій, Захарій Искра—корсунскій и др. Между тѣмъ въ лѣвобережной Малороссіи, вслѣдствіе искусственно созданной густоты населенія, народу приходилось поневолѣ вступать въ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ-землевладѣльцамъ и вообще жилось плохо. Можно представить, поэтому, съ какою охотою онъ бросился къ возвращенію на свои старыя пепелища, гдѣ заводи-

Библиотека "Руниверс"

лись старые козацкіе порядки, гдѣ не было (по крайней мѣрѣ на первое время) помѣщиковъ и гдѣ дѣйствовалъ и всѣмъ управлялъ его любимецъ—Палій. Но такая эмиграція въ конецъ разрушала планы гетмана Мазепы, еще болѣе яраго поборника шляхетско-крѣпостническихъ порядковъ, чѣмъ былъ его предшественникъ, и потому онъ задумалъ силой удержать на своихъ мѣстахъ бѣжавшее населеніе. Въ этихъ видахъ онъ разставилъ почти вдоль всего днѣпровскаго берега охочіе козацкіе полки и строго приказалъ имъ не пропускать бѣглецовъ за границу. Но трудно было справиться ему съ массовымъ движеніемъ взволнованнаго моря народнаго: бѣглецы или уходили черезъ южную, степную границу Малороссіи, или силою прорывались сквозь разставленную береговую цѣпь стражниковъ, или прибѣгали къ мѣрамъ обмана и хитрости, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорится въ приводимомъ ниже документѣ. Главное вниманіе гетмана естественно было обращено на существовавшія въ то время переправы черезъ Днѣпръ. Но лица, содержавшія эти переправы, болѣе склонны были заботиться о пріумноженіи собственныхъ выгодъ и доходовъ отъ перевозовъ, чѣмъ о государственныхъ интересахъ, и потому неохотно подчинялись гетманскимъ универсаламъ, запрещавшимъ перевозить переселенцевъ. Особенно слабо исполнялись эти запрещенія въ Кіевѣ, куда, вѣроятно, направлялась главная струя переселенческаго движенія. Оба здѣшніе перевоза, городской и монастырскій, конкуррируя одинъ съ другимъ, день и ночь перевозили „прочанъ“ и клали въ карманы хорошіе барыши. Этимъ и было вызвано въ 1702 г. нижеслѣдующее письмо гетмана Мазепы къ тогдашнему игумену выдубицкаго монастыря Варлааму Страховскому.

„Превелебный въ Богу мосцѣ отче ігумене монастира кіево-выдубицкого, мой велце ласковій господине, отче и пріятелю!

По преможному его царского пресвѣтлого величества указу, не поеднократъ чрезъ монаршіи грамоти выразне до насъ писаному, абы нихто з тутешнихъ малороссійскихъ жителей з сее стороны Днѣпра, з Богомъ хранимои его великого государя державы, на тамтую сторону в заграничній край на жите не былъ пропущанъ, не разъ уже по всѣхъ рейменту нашого полкахъ, а особно по надбережнихъ днѣпровыхъ городахъ (яко и в самій Кіевъ), сроктіи и суровіи посилалисмо универсали, пилно и грозно приказуючи, абы на перевозахъ и переправахъ на сегобочныхъ

Библиотека "Руниверс"

людей, в прочку заграницу утекомъ идучихъ, пилная была сторожа и жадного чоловѣка на тамтую сторону Днѣпра жадными мѣрами не пропущано, але жебы кождого такого утѣкача гамовано и назадъ завертано. А теперь допеслося намъ нѣдати, же въ Кіевѣ на перевозахъ мѣскихъ и монастирскихъ, на Днѣпрѣ будучихъ, прочане перевозятся и безъ жадного удержанія з сеей стороны на тамтую сторону Днѣпра переѣздять и такъ заграницю на жите перебираются. Що яко дѣется противко премножного монархи нашого указу и противко захованюся благопотребной отчизнѣ нашой народа полности, кгдижъ чрезъ таковый прочаномъ волній переѣздъ малороссійского народу умаленіе чинится и в городахъ и селахъ значное жителей показуется оскудѣніе, такъ через сей листъ нашъ пилно вашу превелебность упоминаемъ, а тимъ-же монаршимъ указомъ и горливостю о цѣлости и добру посполитомъ обовязуемъ, абысь ваша превелебность на перевозахъ своихъ монастирскихъ сурово приказалъ тымъ, которіи ихъ дозырають, жебы сегобочніе люде, в прочку на тамтую сторону Днѣпра уходячіи, жаднимъ способомъ черезъ Днѣпръ не были пропущаны, але овшемъ задержуваны и назадъ заворочуваны. А того пилно нехай постерегаютъ и доглядуются, жебы в мажахъ и возахъ подъ шкурами жонъ и дѣтей своихъ вмѣсто товаровъ якихъ не вывозили и на перевозахъ такимъ способомъ тыи утѣкачѣ утѣчки своеи не утаили, бо такъ они людей ошукивати звыкли. Абы теды на перевозахъ вашое превелебности монастырскихъ о прочанахъ неоплошная была пилность и остодолжность, жебы жадними мѣрами черезъ Днѣпръ не мѣли переѣзду, и повторе вашое превелебности пилное о тое жадаемъ и упоминаемъ; кгдыжъ еслибы на которого з дозорцовъ у перевозахъ будучихъ мѣло напотомъ то перевестися, жебы кого з прочанъ на тамтую сторону Днѣпра имѣлъ перепустити, теди тое его дерзновеніе указови монаршому и волѣ нашои гетманской противное, до горлового ему караня стягатися будетъ.

При семъ молитвамъ святымъ вашои превелебности отдаемся.

Вашои превелебности зичливий пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского".

З Батурина.

Мая 23, року 1702.

(Изъ рукописнаго сборника документовъ кіево-выдубицкаго монастыря).

О. Л.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКА НА ЗАМѢТКУ О ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРѢ.

Въ октябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, извѣстный нашъ беллетристъ г. Лѣсковъ въ *замѣткѣ* своей: „Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ“, написанной по поводу статьи кн. Н. С. Голицына: „Почаевская Лавра въ концѣ іюля 1855 г.“, напечатанной въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“, касается и помѣщенныхъ нами въ сентябрской книжкѣ того-же журнала двухъ документовъ, относящихся къ дѣйствіямъ коммисіи, принимавшей почаевскую лавру отъ уніатскихъ монаховъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства. Сдѣланные имъ, на основаніи этихъ документовъ и съ помощью другихъ, доступныхъ ему свѣдѣній, выводы кажутся намъ недостаточно подкрѣпленными и вѣрными, и мы хотимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Не будемъ повторять извѣстныхъ уже обстоятелствъ передачи почаевской лавры изъ рукъ уніатскихъ монаховъ въ вѣдомство православное, а равно производившагося по повелѣнію императора Николая слѣдствія о расхищеніи имущества лавры базиліанскими монахами; замѣтимъ только, что ближайшимъ поводомъ къ возвращенію древней лавры въ нѣдра православія послужилъ радушный пріемъ почаевскими иноками отряда польскихъ повстанцевъ 1831 г. подъ предводительствомъ Дверницкаго, другими словами—явное ихъ сочувствіе возстанію, а слѣдствіе о расхищеніи лаврскаго имущества вызвано распущенными, вскорѣ послѣ передачи лавры, польско-католическою партіею слухами о томъ, что почаевская святыня (чудотворная икова и стопа Богородицы) унесена базиліанами изъ лавры за границу, что на мѣстѣ стопы нѣтъ болѣе стопы, подлинная стопа выдолблена базиліанами, а на мѣсто иконы поставлена и сдана православнымъ подлѣльная икона, равно ходившими въ православной средѣ толками о пропажѣ значительной части имущества, накопленнаго въ теченіе долгихъ лѣтъ базиліанами, причемъ уніатско-католическая партія твердила, что члены пріемной коммисіи сильно нагрѣли руки при пріемѣ лаврскаго имущества, а въ средѣ православныхъ толковали, что базиліане выдали значительную часть суммъ и драгоцѣнностей мятежному отряду, а многое скрыли для себя лично про чорный день въ длинный промежутокъ между арестомъ базиліанскаго начальства и прибытіемъ

Библиотека "Руниверс"

пріемной коммисіи, когда уніаты имѣли достаточно времени, чтобы развѣдать объ угрожающей базиліанамъ опасности.

Само собою разумѣется, что такъ какъ всѣ эти толки сохранили всю свою силу и въ настоящее время, на что указываетъ и г. Лѣсковъ, то для насъ было-бы весьма важно добыть и привести въ извѣстность производившееся въ ту пору слѣдственное дѣло, которое одно могло-бы опредѣлить дѣйствительное значеніе ходившихъ и оставшихся толковъ насчетъ подлинности почаевской святыни. Но, пока намъ извѣстны только два документа изъ дѣла военно-судной коммисіи по этому слѣдствію, мы по необходимости должны воздержаться отъ выводовъ опредѣленныхъ и рѣшительныхъ. Одинъ изъ этихъ документовъ представляетъ запросъ военно-судной коммисіи, обращенной ко всѣмъ б. членамъ пріемной коммисіи, съ подробнымъ изложеніемъ показаній базиліанъ относительно наличности монастырскаго имущества и способа передачи его православнымъ пріемщикамъ, другой составляетъ показанія одного изъ 12-ти членовъ пріемной коммисіи, іеромонаха Іоанникія. Базиліане разсказываютъ обстоятельно, съ удивительною точностью относительно даже мелкихъ подробностей, причемъ стараются совершенно обѣлить себя и бросить тѣнь на дѣйствія членовъ пріемной коммисіи. Показаніе іеромонаха Іоанникія скудно фактами, такъ какъ ему порученъ былъ пріемъ такихъ хозяйственныхъ предметовъ, которые держали его вдали отъ всякихъ занятій коммисіи и отъ дѣйствій другихъ, главныхъ членовъ ея. Тѣмъ не менѣе это показаніе уже обнаруживаетъ значительныя противурѣчія въ объясненіяхъ базиліанъ. Вообще-же сами по себѣ эти два документа, открывая широкій просторъ догадкамъ, еще ничего положительнаго не выясняютъ и только прочнѣе устанавливаютъ интересъ къ дѣлу, правильное сужденіе о которомъ возможно будетъ только тогда, когда напечатаны будутъ показанія остальныхъ одинадцати пріемщиковъ, по крайней мѣрѣ главныхъ изъ нихъ, и описи принятаго имущества.

Тѣмъ болѣе насъ удивила и та подозрительность, съ которою г. Лѣсковъ отнесся къ помѣщеннымъ нами документамъ, и та поспѣшность, съ которою онъ приступилъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ, не имѣя для того достаточно твердыхъ, какъ намъ кажется, данныхъ. Такъ скудныя показанія Іоанникія, хотя изъ нихъ ясно видно, что нельзя довѣряться показаніямъ базиліанъ,

Библиотека "Руниверс"

г. Лѣсковъ, по видимому, старается еще болѣе съузить и унизить достоинство ихъ, признавая этого свидѣтеля „какимъ-то совсѣмъ безнамятнымъ", хотя нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ свидѣтель, давая свои показанія спустя полтора года послѣ событія и находясь на службѣ вдали отъ Почаева, забылъ про нѣкоторые мелкіе случаи во время пріема лавры, напр. въ который день оконченъ пріемъ лаврскаго имущества. Отказавши въ довѣріи этому пока единственному свидѣтелю со стороны православныхъ пріемщиковъ, г. Лѣсковъ сомнѣвается въ томъ, чтобы „допрошены были другіе—памятливые" (пріемщики), хотя изъ отношенія военно-судной коммисіи въ волынскую духовную консисторію (первый изъ напечатанныхъ документовъ) ясно видно, что запросъ обращенъ къ каждому изъ духовныхъ членовъ пріемной коммисіи (всѣхъ шесть), значитъ такой-же запросъ посланъ былъ и свѣтскимъ членамъ этой коммисіи. Въ то-же время г. Лѣсковъ ни словомъ не задѣваетъ показаній базиліанъ, точно въ нихъ нѣтъ никакихъ слабыхъ сторонъ, а открывается одна правда. Не диво, что послѣ этого онъ дошелъ и до огульнаго осужденія дѣйствій пріемной коммисіи. Онъ признаетъ все поведеніе ея „страннымъ и срамнымъ дѣломъ"—утверждаетъ, что „пріемщики были заняты совсѣмъ другимъ и объ иконѣ и стопѣ нигдѣ ничего не отмѣтили", что „пока православные пріемщики справлялись съ пріемомъ казны, утвари, буфета съ погребами, причемъ не умѣли освободить себя отъ скандалезныхъ (?) исторій, сдатчики базиліане, кажется, дѣйствительно вынесли предметы, казавшіеся имъ болѣе драгоцѣнными и имѣющими такое значеніе, при коемъ къ нимъ слова притекутъ деньги". „По-крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, стаканчикъ отъ стопы не у насъ, а образъ и стопа такъ приняты, какъ будто и не приняты, или словно для обозначенія ихъ у пріемщиковъ не нашлось ни минуты времени и ни одного слова". „Это теперь, заявляетъ наконецъ г. Лѣсковъ, уже конечно не оспоримо и навсегда оставитъ извѣстную долю вѣроподобія за сказаніями, въ которыхъ передается, „якъ разумни базиляне дурныхъ москалей ошукали и усе свято до себе заграницю въ кляшторъ забрали". Намъ кажется однако, что ничего подобнаго не вытекаетъ изъ начечатанныхъ нами документовъ. Прочитавъ ихъ, всякій, конечно, согласится, что до напечатанія прочихъ документовъ нельзя еще ничего сказать какъ о количе-

Библиотека "Руниверс"

ствѣ пропавшаго имущества, такъ и о степени виновности въ этомъ дѣлѣ со стороны членовъ пріемной коммисіи, хотя послѣдніе повидимому гарантированы отъ обвиненія за поступки отъ базиліанъ, имѣвшихъ всю возможность растаскать имущество въ трехмѣсячный промежутокъ отъ ареста монастырскаго начальства до прибытія пріемной коммисіи. Мы готовы допустить, что еслибы открыто было подлинное слѣдственное дѣло, то могли-бы открыться нѣкоторыя мелочи изъ дѣйствій пріемщиковъ, въ родѣ того, что становой или засѣдатель стащили по боченку старой водки, поживились рублями изъ разорваннаго мѣшка, исправникъ заполучилъ корову или лошадь, духовнымъ лицамъ досталось по куску матеріи на рясы и под., но можетъ открыться и то, что они вполнѣ добросовѣстно относились къ порученному имъ дѣлу и что если дѣйствительно многое изъ имущества утащено базиліанами, то не на глазахъ ихъ. Во всякомъ случаѣ напечатанные документы ничего еще рѣшительнаго по этому предмету не даютъ и только побуждаютъ къ розысканію и обнародованію остальныхъ документовъ.

Г. Лѣсковъ источникъ своихъ сомнѣній въ этомъ дѣлѣ, какъ кажется, нашелъ въ собранныхъ имъ въ мѣстномъ населеніи сказаніяхъ о томъ, какъ „разумни базиляне дурныхъ москалей ошукали и усе святе до себе заграницю въ кляшторъ забрали“; сверхъ того онъ самъ осматривалъ почаевскую святыню, причемъ не нашелъ въ иконѣ древности, а въ „стопѣ“—стопы. Первая оказалась подновленною настолько, что въ настоящемъ видѣ ничто не говоритъ о ея древности, а на мѣстѣ стопы онъ нашелъ только простое углубленіе въ камнѣ, увеличившееся отъ постояннаго тренія въ немъ серебреннымъ черпакомъ. Вотъ что мы можемъ сказать по этому поводу.

Кому приходилось подолгу проживать въ средѣ того населенія, въ которомъ православіе постепенно возрождалось и замѣняло собою унію, или обратно получало католическіе костелы и чтимые въ народѣ предметы, захваченные нѣкогда католиками и уніатами, тотъ хорошо знакомъ съ обычнымъ католическимъ пріемомъ считать всякую народную святыню пропавшею изъ костела или церкви, обращенной въ православный храмъ. „Матерь Божія (икона) ушла отъ схизматиковъ... видѣли ее тамъ и тамъ... тайкомъ увезена до передачи костела православнымъ“... и т. д. Обыкновенно

Библиотека "Руниверс"

при этомъ распускаются въ народѣ цѣлыя исторіи объ обстоятельствахъ перехода иконы или другой святыни въ другіе пріюты—католическіе. Наглядѣлись мы этихъ случаевъ и наслушались этихъ толковъ въ холмской епархіи при обращеніи мѣстныхъ уніатовъ въ православіе. Ни одинъ чтимый уніатами предметъ не оставленъ въ этихъ толкахъ на своемъ мѣстѣ, всѣ они католическою молвою переселены то въ католическіе костелы, то въ невѣдомыя мѣста, временно останавливались то въ такомъ-то лѣсу, то на такомъ-то придорожномъ крестѣ, то въ какомъ-либо домѣ, видали ее такіе-то, народъ толпами собирали для поклоненія мѣсту временной остановки святыни, оказывались лица, получившія на этихъ мѣстахъ видѣнія, исцѣленія отъ болѣзней и т. д. То же происходило и во время обращенія бѣлорусскихъ уніатовъ въ 1839 году, и гораздо раньше, при всѣхъ такихъ-же случаяхъ на Волыни, Подольи и Украйнѣ. Попробуйте теперь напримѣръ передать въ руки православныхъ виленскую остробрамскую икону Божіей Матери или старорусскую икону ея — ченстоховскую (говоримъ для примѣра, не видя въ такой передачѣ никакой надобности), обставьте эту передачу всѣми возможными предосторожностями, и тотчасъ появится молва, что икона или подмѣнена католическимъ духовенствомъ, а москалямъ досталась только копія ея, или икона сама ушла отъ нихъ и москали вынуждены были замѣнить ее поддѣльнымъ изображеніемъ. Третируя православіе, какъ схизму, отверженную небомъ, католическое духовенство не можетъ допустить и мысли, чтобы чудотворная икона пожелала остаться въ схизматической церкви. Это было-бы настоящимъ скандаломъ въ глазахъ истыхъ католиковъ, и они во что-бы-то ни стало перемѣщаютъ такую святыню, въ свои, католическіе пріюты, конечно, только въ молвѣ, на словахъ, потому что на дѣлѣ это не легко и ни къ чему не привело-бы.

Если-бы базиліане дѣйствительно увезли икону и стопу изъ почаевской лавры, то неужели они доселѣ скрывали-бы эту святыню и неужели можно было-бы скрыть ее такъ, что доселѣ о ней нигдѣ ничего не слышно? Въ простонародномъ воображеніи „заграница“ дѣйствительно—нѣчто таинственное и всемогущее, „ушелъ заграницу“—точно пропалъ. Но очевидно, что „заграница не такова, чтобы нельзя было узнать о существованіи почаевской святыни,

Библиотека "Руниверс"

если-бы послѣдняя дѣйствительно гдѣ либо въ ней скрывалась. Скрывать святыню такъ, чтобы о ней никто не вѣдалъ—не прямо-ли это противурѣчитъ цѣли, для которой она увезена, и самому значенію святыни? Если-бы почаевская святыня находилась въ рукахъ католиковъ и уніатовъ, то развѣ поляки промолчали-бы о ней въ то время, когда они подготовляли возстаніе на Волыни, Подоліи и т. д., когда они открывали и торжественно показывали народу *мощи* Іосафата Кунцевича, откопали и торжественно перенесли на Подлясье кости св. Виктора, „поляка IV вѣка", манифестировали со всѣми предметами, имѣвшими для народа значеніе во времена уніи? Отчего не объявятъ этой святыни, если она гдѣ либо скрывается, въ Галиціи, гдѣ въ настоящую пору такъ возбуждена польско-католическая энергія къ охраненію русскаго народа отъ вліянія православія и гдѣ опекуны народа такъ тревожно смотрятъ на пилигримство его въ Почаевъ. Вѣдь она сослужила-бы тамъ теперь такую службу, какъ никогда болѣе. Поляки не давали никакого повода подозрѣвать ихъ въ такой осторожности и сдержанности, чтобы они могли цѣлое полстолѣтіе хранить глубокое молчаніе о предметѣ, способномъ сослужить для видовъ ихъ великую службу...

Думаемъ также, что если-бы существовали какія либо подозрѣнія относительно пропажи почаевской святыни, то императоръ Николай Павловичъ, лично посѣтившій впослѣдствіи Римъ и папу и заключившій конкордатъ съ римскимъ дворомъ, непремѣнно изслѣдовалъ-бы этотъ вопросъ на мѣстѣ и настоялъ-бы на полномъ раскрытіи истины. Но очевидно, что къ такимъ настояніямъ не было никакого повода. Такой знатокъ польско-католическаго міра, какимъ былъ одинъ изъ членовъ пріемной коммисіи, протоіерей Рафальскій, вслѣдъ затѣмъ первый намѣстникъ православной почаевской лавры, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій Антоній, самъ вѣроятно бывавшій въ лаврѣ при господствѣ въ ней базиліанъ, какъ вѣроятно бывали въ ней при базиліанахъ и другіе члены коммисіи, что въ то время обычнымъ и повсюднымъ было на Волыни въ средѣ православныхъ, могъ вполнѣ узнать подмѣнъ и собрать о немъ всѣ свѣдѣнія и если онъ не давалъ никакой цѣны базиліанскимъ и бабьимъ толкамъ по этому предмету, то значитъ, что эти толки не имѣютъ основанія. Сама военно-судная коммисія, въ своемъ отзывѣ

Библиотека "Руниверс"

въ волынскую духовную консисторію, не выражаетъ никакихъ подозрѣній на счетъ иконы и стопы. Если даже, какъ почему-то полагаетъ г. Лѣсковъ, окажется по обнародованіи прочихъ документовъ, что пріемщики недостаточно подробно описали принимаемую икону и стопу, то и въ этомъ обстоятельствѣ не можетъ быть дѣйствительной пищи для подозрѣній.

Вопросъ о подновкѣ, найденной г. Лѣсковымъ на иконѣ, очевидно, относится къ художественному вкусу монастырскаго начальства и къ степени разумѣнія имъ значенія церковной древности и едва-ли можетъ что либо прибавить для рѣшенія дѣла о подлинности почаевской иконы. Равнымъ образомъ ничего не доказываетъ относительно подлинности „стопы“ заявленіе г. Лѣскова о настоящемъ видѣ ея. *Gutta cavat lapidem*, черпакъ также дѣлалъ свое дѣло въ теченіе вѣковъ, и не благоразумно было-бы желать, чтобы для поддержанія нашей слабой вѣры ежеминутно „побѣждались естества уставы“...

Отъ почаевской святыни г. Лѣсковъ переходитъ къ значенію почаевской лавры въ настоящее время и по поводу высказанныхъ нами въ предисловіи къ упоминаемымъ документамъ замѣчаній о необходимости поднять лавру до ея прежней высоты, говоритъ, что лавра „сдѣлала свое историческое дѣло“, что „благополучное время для нее прошло“, что „поднять этотъ монастырь до того значенія, какое онъ имѣлъ въ періодъ уніатскій, теперь, кажется, напрасно и мечтать. Этому, по его мнѣнію, много помѣхъ не въ однихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, но и въ общемъ складѣ житейскихъ условій и въ самомъ духѣ времени, который, чтобы противъ него ни дѣлали, самъ сильнѣе всѣхъ дѣятелей и всѣхъ передѣлываетъ“. На какія именно „помѣхи“ указываетъ онъ въ „мѣстныхъ обстоятельствахъ“ и „въ складѣ житейскихъ условій“, про какой всемогущій духъ, способный „всѣхъ передѣлать“, говоритъ онъ, этого мы не знаемъ, а потому и прямаго отвѣта дать не можемъ. Но не можемъ не сказать слѣдующее.

Духовъ у нашего времени много. Всѣ эти *духи* борются между собою, мечтаютъ о побѣдѣ другъ надъ другомъ, употребляютъ разнообразныя къ тому средства, но въ концѣ концовъ побѣда достанется тому изъ нихъ, подъ знаменемъ котораго окажется наиболѣе искренности, энергіи и правды. Церковь Божія на землѣ

Библиотека "Руниверс"

называется *воинствующею*, потому что она борется и должна бороться съ разными другими духами во имя высшихъ непреходящихъ интересовъ народа, во имя правильнаго и здороваго роста внутренняго человѣка. На этомъ полѣ ее и врата адовы не одолѣютъ, не то что неясный „духъ времени". Страшиться тутъ нечего, нужно только дѣлать дѣло Божіе чистыми руками. Но таковъ-ли въ самомъ дѣлѣ духъ нашего времени, чтобы онъ способенъ былъ серьезно противиться возрожденію стариннаго народно-религіознаго центра? Напротивъ, не самъ-ли онъ вопіетъ противъ мертвенности его, не самъ-ли онъ поэтому усиленно зоветъ его къ оживленію и къ энергической дѣятельности на пользу народа? *Не всякому духу вѣруйте, но испытывайте духа.* Не нужно однако великой проницательности и долгихъ усилій, чтобы понять, что духъ настоящаго времени въ религіозномъ отношеніи не удовлетворяется одними общими формами богослуженія, но, при значительномъ подъемѣ личности въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи, настойчиво требуетъ отъ церкви и личнаго руководства во всѣхъ частныхъ положеніяхъ и духовныхъ нуждахъ христіанина, не удовлетворяется подчиненіемъ общимъ требованіямъ и уставамъ церкви, но ищетъ пособія личному религіозному чувству. Для удовлетворенія этого внутренняго, личнаго чувства, люди бѣгутъ то въ штунду, то въ разнообразныя секты, секретная сила которыхъ состоитъ единственно въ отзывчивости на внутреннія, личныя потребы души, въ щедрости христіанскихъ наставленій и утѣшеній (о достоинствѣ ихъ не говоримъ), въ удовлетвореніи христіански эстетической потребности. Многіе обращаются за этимъ живительнымъ источникомъ къ латинству и, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, даже въ кіево-печерской лаврѣ (не тѣмъ-бы поминать ее!) монахъ пренаивно продастъ, а крестьянинъ еще наивнѣе покупаетъ варшавскія религіозныя картинки съ польскими подписями. А что сказать о милліонной массѣ православнаго населенія, помнящаго еще времена уніи и величіе почаевской лавры, во множествѣ снабжавшей народъ изданіями по этому предмету, хотя далеко менѣе нынѣшняго развитому въ то время въ народѣ? Послѣ обращенія этой массы въ православіе, у нее отняли почаевскія базиліанскія изданія: духовныя пѣсни, стихи, разсказы, молитвы, частные обряды, обычаи и даже церковные обряды на освященіе домашнихъ и хозяйственныхъ предметовъ, на

Библиотека "Руниверс"

разныя положенія и случаи въ домашнемъ быту, въ замѣнъ всего этого ничего не дали, оставивъ народъ при одномъ общественномъ богослуженіи и при небольшомъ выборѣ частныхъ молитвъ. Что-же вышло? Народъ, вмѣсто почаевскихъ изданій, бросился на подобныя-же польскія... Сколько разъ приходилось намъ, проживая въ средѣ б. уніатскаго населенія холмской епархіи, видѣть по вечерамъ въ воскресенья и праздники кучки мущинъ и женщинъ, расположенныхъ подъ хатами и заунывно тянущихъ польскіе молитвенные стихи! Но не разъ приходилось видѣть и стариковъ, владѣющихъ то тою, то другою „почаевскою книжечкою"; бережно хранятъ они эту книжечку, какъ драгоцѣнность, въ сундукѣ, завернутою въ платокъ, и съ восторгомъ читаютъ по ней: „О, Мати, Мати, Царице русского краю"... и т. п.

Поглядите, читатель, съ аналогической точки на окружающее почаевскую лавру, помнящее базиліанъ населеніе, вникните безъ предубѣжденія въ причины и характеръ разсказовъ о томъ, какъ „разумни базиліане дурныхъ москалей ошукали", и подумайте, чѣмъ не удовлетворяется „духъ времени" въ почаевской лаврѣ, куда зоветъ онъ ее, какой дѣятельности проситъ отъ нее... Думаемъ, что никто не заподозритъ насъ въ томъ, будто мы хлопочемъ объ оживленіи почаевской лавры посредствомъ изданія „Богогласника".

Что касается житейскихъ условій и мѣстныхъ обстоятельствъ, препятствующихъ оживленію почаевской лаврѣ, то намъ представляются болѣе другихъ серьезными только два слѣдующія.

1) Близость почаевской лавры къ галиційской границѣ. Извѣстно, какъ придирчива Австрія ко всему, что предпринимается у насъ по сосѣдству съ Галичиной для оживленія православія и народности. Прислушиваясь къ голосу опекуновъ галицко-русскаго народа, намъ слѣдовало-бы парализовать всякую живую дѣятельность на этой границѣ, дабы не подвергнуться рѣзкому упреку въ агитаціи въ средѣ галицкаго народа во имя православія и русской народности. Императоръ Николай Павловичъ нашелся вынужденнымъ заплатить эту дань австрійской придирчивости,—политика между прочимъ требовала, чтобы православные монахи въ почаевской лаврѣ, отстоящей отъ границъ Галичины всего на 8 верстъ, сидѣли молча, тихо, чуть дыша. Кому неизвѣстно, какъ подозрительно

Библиотека "Руниверс"

смотрятъ въ Галичинѣ на пилигримство народа въ эту тихую, мертвенно-молчаливую лавру! Кто знакомъ съ исторіей нашей пограничной съ Австріей политики, тому понятно, что мертвенная тишина въ лаврѣ, наступившая вслѣдъ за обращеніемъ ея въ православіе, не вольная, вынужденная. Но очевидно, что это условіе не абсолютное; времена перемѣняются и нынѣ нѣтъ причины смущаться слишкомъ своекорыстною придирчивостью сосѣда, отдавшаго притомъ русскую Галичину во владѣніе той партіи, которая не останавливается ни предъ какими способами агитаціи въ нашихъ предѣлахъ во имя уніи и полонизма.

2) Въ соотвѣтствіе съ вынужденнымъ бездѣйствіемъ почаевской лавры, организованъ былъ и составъ братіи ея. Полная случайность въ этомъ составѣ, крайняя простота, отрѣшенность отъ духовныхъ потребъ края, отсутствіе предпріимчивости на пользу общественную и другія подобныя свойства поражаютъ богомольца въ этой монастырской братіи, тихо и безучастно двигающейся въ виду величественнаго зданія церкви, напоминающаго костелъ и былыя времена лавры... Но, очевидно, и это условіе не непреложное...

Въ заключеніе, повторяя сдѣланное г. Лѣсковымъ заявленіе о томъ, что „святыни почаевской лавры не надо прятать отъ глазъ подъ спудомъ, что возбуждаетъ недоумѣніе и говоръ, а надо-бы сдѣлать ихъ видимыми и объяснить въ толково составленныхъ описаніяхъ ихъ видъ, значеніе и естественныя перемѣны, которымъ они подвергались отъ времени и отъ прикосновеній“, не можемъ не пожелать, чтобы такими описаніями руководило полное уваженіе къ религіозному чувству народа и его исторической святынѣ.

Е. Крыжановскій.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭПОХИ УНИЧТОЖЕНІЯ КОЗАЧЕСТВА.

Эпоха уничтоженія козачества и постепеннаго введенія общероссійскихъ порядковъ въ разныхъ мѣстностяхъ южной Руси еще очень мало изслѣдована, по крайней мѣрѣ мало извѣстна читающей публикѣ, которая не можетъ ознакомиться съ нею непосредственно по архивнымъ источникамъ: только устное преданіе, какой-нибудь характерный разсказъ старожила или какой-нибудь старинный документъ, случайно избѣгнувшій участи превратиться въ ружейный

Библиотека "Руниверс"

пыжъ или покрышку на горшокъ съ сметаной, могутъ иногда воскресить передъ вами какую-нибудь черту этого интереснаго времени. Столкновеніе двухъ началъ: единодержавія, шедшаго съ сѣвера, и вольныхъ козацкихъ общинъ на югѣ въ теченіе полутора вѣковъ вызывало непрерывную борьбу, въ которой попеременно одерживала верхъ то одна, то другая сторона, дѣлались взаимныя временныя уступки, пока, наконецъ, не наступило время окончательной ломки вѣками укоренившагося въ южно-русскомъ народѣ козацкаго строя, отъ котораго остались нынѣ только черноморскіе козаки на Кубани, постепенно все болѣе и болѣе утрачивающіе старинное самобытное устройство, затѣмъ возвращающіяся въ разныя времена изъ-за Дуная партіи запорожцевъ (часть которыхъ и до сихъ поръ еще живетъ въ предѣлахъ Турціи), да имя „козака“ въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Эпоха этой ломки, взбудоражившей все общественное сознаніе нашего юга, вызвала на сцену множество интересныхъ явленій и своеобразныхъ типовъ: съ одной стороны реформаторы изъ великороссіянъ, которымъ по секретному наказу Екатерины велѣно было имѣть „волчій ротъ и лисій хвостъ“, съ другой—малороссійскіе паны: одни, готовые, ради увеличенія своихъ правъ, служить какому угодно правительству, другіе, хотя и сжившіеся съ своимъ панствомъ, которому, повидимому, должны были благопріятствовать новые порядки (напр. введеніе крѣпостнаго права въ концѣ прошлаго вѣка), но тѣмъ не менѣе возмущавшіеся тѣмъ духомъ: „безъ разсужденія!“, который эти порядки вносили съ собой,—каковъ напр. старый Чернышъ въ повѣсти Кулиша, оплакивающій со своимъ „джурою“—бандуристомъ прежнее козацкое житье и не согласный ни на какіе компромиссы съ новымъ духомъ канцелярщины. Среди тѣхъ и другихъ проходитъ масса безличныхъ людей, которые инстинктивно отдавались новому теченію жизни и непримѣтно для собственнаго сознанія проникались инымъ духомъ, сохраняя въ тоже время нѣкоторыя неизгладимыя черты прежняго духа и быта и представляя собою крайнюю пестроту во всемъ, отъ взглядовъ и понятій до мелочныхъ привычекъ будничной жизни. Особою статьею, позади всѣхъ ихъ, стоитъ протестъ народа, въ которомъ еще живы были идеалы запорожской равноправности, противъ всякаго панства и поддерживавшей его казенщины, протестъ, выразившійся въ лицѣ такихъ людей, какъ

Библиотека "Руниверс"

Гаркуша въ слободской Украйнѣ (харьк. губ.) и въ болѣе позднее время Кармелюкъ (въ Подоліи).

Къ числу панскихъ типовъ той эпохи съ характеромъ смѣшаннымъ, безличнымъ принадлежалъ мой *дѣдушка Василь Павловичъ Григоровичъ*, котораго немудрая личность живо выступаетъ въ нѣкоторыхъ несвязныхъ *его воспоминаніяхъ* и разсказахъ, съ которыми я намѣренъ познакомить читателя для характеристики намѣченной мною эпохи.

Года три тому назадъ я гостилъ у него, въ с. Сиволожи, борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи. Григоровичи были когда-то одними изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ этой мѣстности, но раздѣлы имѣнія между наслѣдниками и различныя неудачи разстроили окончательно ихъ состояніе и теперь только старинной постройки конюшни да большой (въ 12 десятинъ) запущенный садъ съ затянутыми тиной „сáжалками“ и бесѣдкой изъ гигантскихъ липъ, насаженныхъ еще рукою сотника Дмитра Григоровича, и далеко видныхъ среди ровной мѣстности, напоминаютъ о томъ, что здѣсь когда-то широко развертывалась жизнь богатаго малороссійскаго пана. Старый большой домъ сгорѣлъ, земли почти всѣ проданы по частямъ и въ небольшомъ деревянномъ домикѣ 30 лѣтъ безвыѣздно жилъ одинъ только отставной артиллеріи полковникъ, Василь Павловичъ Григоровичъ, со второй женой.

Старикъ Василь Павловичъ, теперь уже покойникъ, любилъ по временамъ тряхнуть стариной и, такъ какъ онъ умѣлъ хорошо говорить и кстати вставить красное словце, то всѣ любили послушать его разсказы про 1813-й годъ, за который онъ получилъ Георгія, про Оренбургъ, гдѣ онъ былъ комендантомъ, про осаду Данцига, который теперь никому не придетъ въ голову осаждать, про то, какъ одинъ его товарищъ, молодой офицеръ, подвыпивши, велѣлъ стрѣлять по этому городу брандскугелями (которыми теперь уже никто не стрѣляетъ), не смотря на то, что онъ, Василь Павловичъ, и отговаривалъ его отъ этого, и какъ въ этой-же перестрѣлкѣ этотъ молодой офицеръ былъ убитъ, не успѣвши получить только что присланной ему отъ невѣсты вышитой сорочки. Однажды я сидѣлъ за столомъ, съ жадностью антикварія перебирая толстую рукописную книгу, „одаренную переплетомъ изъ древа, облеченнаго въ ременіе“, которую я только что случайно нашелъ въ ам-

Библиотека "Руниверс"

барѣ, гдѣ она валялась между папушами табаку и ломаной мебелью, предназначаясь по всѣмъ вѣроятіямъ на прочтеніе мышамъ, когда въ комнату вошелъ дѣдушка Василь Павловичъ... Но дѣдушка Василь Павловичъ самъ по себѣ не менѣе интересенъ для антикварія, чѣмъ и его разсказъ: теперь уже мало осталось такихъ людей, поэтому остановлюсь сначала нѣсколько времени на немъ.

Военная выправка и нѣкоторая рѣзкость стараго служаки соединялись въ немъ съ природнымъ малороссійскимъ юморомъ и добродушіемъ; къ этому присоединялась еще порядочная доля стараго барства, не терпящаго противурѣчій. По своему времени онъ былъ очень хорошо образованъ, хорошо зналъ языки и чрезвычайно уважалъ ученость и вообще ученье. Съ прислугой и крестьянами онъ обращался по-старому,—любилъ прикрикнуть и иногда казалось, что вотъ-вотъ онъ пуститъ въ ходъ аргументы временъ крѣпостнаго права: „за волосное правленіе“ да „въ нижній земскій судъ“,—но этого не случалось, и не знаю, что именно удерживало его: нежеланіе-ли ронять собственное достоинство, боязнь-ли новыхъ порядковъ, гуманность людей александровскаго времени, или природное добродушіе. Прислуга только улыбалась втихомолку, и крестьяне, для которыхъ этотъ характеръ представлялъ уже анахронизмъ, относились съ добродушной шутливостью къ „старому пану“: „зовсімъ—бакъ старенькій и головка облізла геть, якъ коліно“. У кухарки былъ маленькій сынъ, съ которынъ онъ любилъ забавляться и называлъ его своей собакой; утромъ, когда онъ выходилъ пить чай, мальчикъ долженъ былъ всегда быть тутъ-же. „Собака!“ крикнетъ В. П., держа въ рукѣ сладкій сухарь; мальчуганъ, подражая собачьей воркотнѣ, подскакиваетъ къ нему и вырываетъ зубами сухарь, потомъ В. П. беретъ его на колѣни и гладитъ по головкѣ: въ насъ, людяхъ конца XIX в., такое обращеніе способно возбудить отвращеніе, но В. П., какъ человѣкъ начала этого вѣка, смотрѣлъ на вещи другими глазами и никакъ не могъ предположить въ этомъ чего-нибудь оскорбительнаго для „мужицкаго мальчишки“. Похоронивъ жену, братьевъ, сестеръ, дочь и сына съ женой, онъ остался одинъ представителемъ старины; кругомъ его выросли новые люди съ непонятными ему новыми требованіями и понятіями, новыя отношенія и взгляды, и онъ иногда съ удивленіемъ озирался кругомъ, не понимая, что такое дѣлается

Библиотека "Руниверс"

теперь на свѣтѣ... По цѣлымъ часамъ сидитъ онъ бывало на крыльцѣ съ длиннымъ чубукомъ и смотритъ на садъ и на бѣгущую мимо него проселочную дорогу. „Когда-то все отъ Нѣжина до Борзны принадлежало Григоровичамъ", говаривалъ онъ. „Старъ уже сталъ, совсѣмъ старъ... и глупъ... а всебъ еще пожить хотѣлось... *та ба!*" Иногда въ немъ вспыхивалъ шляхетскій гоноръ, когда кто-нибудь начиналъ говорить объ одномъ богатомъ помѣщикѣ, котораго онъ не любилъ. „Что такое Х?"—говорилъ онъ тогда, „Х. былъ погонщикомъ, когда Григоровичъ былъ сотникомъ".

По временамъ въ немъ заговаривалъ старинный украинскій патріотизмъ, изъ рода въ родъ дошедшій до него отъ временъ самобытности гетманщины. Когда я показалъ ему свой альбомъ южно-русскихъ дѣятелей, онъ вооружился очками, усѣлся по-лучше въ своемъ креслѣ и долго и внимательно разсматривалъ его. Надъ Б. Хмельницкимъ онъ остановился и сказалъ: „Вѣдь онъ былъ простой мужикъ, ты знаешь? А голова! задалъ панамъ-ляхамъ! Вѣдь они шельмы, имъ никогда нельзя повѣрить"... „Ты читалъ нашу исторію?"—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. „Да, дѣдушка, я прочелъ исторію Бантыша-*Каменскаго*", отвѣтилъ я. „Бантышъ-*Камѣнскій!*" поправилъ онъ. На Полуботкѣ онъ вновь меня поправилъ: „*Полуботокъ*". Кулиша онъ долго и со вниманіемъ молча разсматривалъ.

Онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ и всегда старался доставить гостямъ всевозможныя удобства; при этомъ въ немъ иногда сказывались старыя барскія замашки; такъ, однажды онъ сильно разсердился и раскричался на прислугу за то, что вечеромъ, когда были гости, не было свѣчей въ пустой передней, что по его тогдашней обстановкѣ жизни было совсѣмъ лишнимъ. Я цѣликомъ занесъ нѣсколько характерныхъ эпизодовъ въ записную книжку.

— Дѣвка! А что-же тамъ свѣту нѣтъ?

— Та тамъ никого нема!

— Что я тебя бить долженъ? морду тебѣ разбить? у насъ за это палками дули, за такіе отвѣты, а её сѣчь надо или чортъ её душу знаетъ.

Ищетъ табакерки; въ это время рядомъ съ нимъ на диванъ садится барышня, пришедшая изъ другой комнаты; „ишь, вотъ она присосѣживается,—понюхать хочетъ"!

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, Василь Павловичъ, разскажите, что такое женщина! пристаетъ къ нему молодежь.

— Что-жъ? женщина не настоящій человѣкъ! говоритъ онъ, конфузя барышень; вотъ женщина должна за курами смотрѣть, тогда у нее и курочка и пѣтушокъ будетъ..., а ей не до того (сѣтуетъ онъ на современныхъ женщинъ)... и теленокъ, и ребенокъ, да! А старыхъ дѣвъ и на тотъ свѣтъ не принимаютъ. Это большое несчастіе для дѣвушки... Дѣвица должна непремѣнно стараться выйти замужъ.

Послѣ ужина В. П. любилъ долго сидѣть за чаркой и разсказывать что-нибудь или слушать чужія розсказни; но, такъ какъ онъ былъ нѣсколько глухъ, то часто перебивалъ говорящаго словами: „говорите громче и я хочу слышать; говорятъ себѣ что-то, ничего не слышно“!

— Наташа, что онъ говоритъ? спрашивалъ онъ жену, и жена его (къ голосу которой онъ привыкъ, такъ что понималъ ее даже, когда она говорила не громко) повторяла ему слова разсказывавшаго; но иногда, недослышавъ, онъ говорилъ только: „чѣмъ чортъ знаетъ что говорить, такъ лучше выпить!“ и наливалъ себѣ новую чарку. Вопросъ со стороны младшаго (а всѣ были моложе его) онъ считалъ невѣжествомъ и иногда, если отвѣтъ затруднялъ его, говорилъ, указывая на большаго желто-бѣлаго кота, который всегда помѣщался рядомъ съ нимъ на диванѣ: „ну, объ этомъ мы спросимъ вотъ у кого!“ Послѣ нѣсколькихъ чарокъ онъ начиналъ отпускать такія остроты, что дамы не знали, куда дѣваться; при этомъ онъ говорилъ какъ-бы про себя по-французски или по-нѣмецки, какъ-бы разсчитывая на то, что его не поймутъ. Я помню, какъ однажды я прохохоталъ цѣлый вечеръ до спазмовъ въ бокахъ, такъ какъ смѣхъ тѣмъ больше разбираетъ, чѣмъ больше удерживаешься. Но въ то время, о которомъ я буду говорить, В. П. уже сильно одряхлѣлъ (ему было тогда около 90 лѣтъ), къ гостямъ выходилъ въ халатѣ и рѣдко уже пускался въ длинные разговоры. Исторія семейства Григоровичей представляетъ много интересныхъ характерныхъ эпизодовъ, которыми я современемъ, быть можетъ, подѣлюсь съ читателями, теперь-же ограничиваюсь бѣглымъ очеркомъ этого типа, который я самъ могъ наблюдать, и закончу мой разсказъ нѣсколькими о немъ словами.

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, я перелистывалъ старинную рукопись, когда въ комнату вошелъ дѣдушка Василь Павловичъ. Выписываю изъ записной книжки его разсказъ дословно, со всѣми украинизмами его рѣчи.

— Что ты читаешь? спросилъ онъ меня.

— О запорожской Сѣчи, отвѣтилъ я.

— Аа! запорожская Сѣчь! давно это было... очень давно. За-поро̀ж-ская Сѣчь! торжественно и медленно отчеканилъ онъ, какъ-бы собираясь съ мыслями. Мой дѣдъ былъ запорожецъ! Дмытро́ Сэмэновичъ Григоровичъ! Это его книга. Онъ былъ прохорскимъ сотникомъ [1]) и *коллежскимъ ассесоромъ: Екатерина подавала имъ кромѣ того еще гражданскіе чины*... Старый былъ... Бутыли были такія громадныя и въ нихъ вишни и сливы (отъ наливки?). Вотъ онъ выспится и зоветъ меня доставать ему вишни оттуда, я и достаю рученками маленькими: я еще тогда ребенкомъ былъ... Дмытро́ Сэмэновычъ Гры-го-ровычъ!

— А въ сотники его вѣрно выбрали?

— Хто его знаетъ, вѣрно по выбору... А какъ Екатерина на престолъ вступила, то запорожцы отправились её поздравлять и сказали ей: „будь здорова, якъ корова, а богата, якъ земля!“ и ничего... дала имъ ручку поцѣловать, благодарила... Будь здорова, якъ корова...

— Да перестаньте уже, перебила его Наталья Романовна, вошедшая передъ тѣмъ въ комнату.

— А какъ-же? Это отличное желаніе! И вѣрно какой-нибудь профессоръ былъ,—сочинилъ вѣдь такъ (обращается ко мнѣ): будь здорова, каже, якъ корова... оно совершенно вѣрно!

— А скажите, дѣдушка, ходилъ сотникъ на войну?

— Какъ-же! Они стояли на границѣ—тамъ служили... Екатерина баба была, а при ней хорошо было; царствованіе ея очень счастливое, благополучное... всего было много: денегъ, хлѣба... и турокъ славно били... Е-ка-те-ри́на!... Оо! то была ба-ба!...

— *Н. Р.* Ахъ, что это вы право говорите!

— А шо-жъ... конечно такъ было! Да, было когда-то давно... очень давно...

---

[1]) Село Прохоры, борзенск. уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

— Да, простота была, необразованность! вставила *Н. Р.;* онъ въ острогѣ сидѣлъ, дѣдъ Василія Павловича, прибавила она, очевидно желая прекратить надоѣвшій ей разговоръ.

— Што?... Да! Это когда Екатерина вступила на престолъ... писала запорожцамъ... *спрашивала на какомъ положеніи они хотятъ, чтобы оставить Малороссію: на прежнемъ или перемѣнить, такъ онъ* (дѣдъ В. П.) *самъ своей рукой написалъ: „якъ було, нехай такъ и буде!“ такъ его въ тюрьму посадили.* Цѣлый годъ сидѣлъ въ тюрьмѣ! въ Глуховѣ.,. Екатерина! оо, то баба була!

— *Н. Р.* Да будетъ уже право!

— Нѣтъ, да посуди сама, Наташа, (съ одушевленіемъ) цѣ-лый же годъ въ темницѣ томился! Вѣдь спрашиваешъ-же! Вѣдь цѣлый годъ сидѣлъ! цѣлый годъ! А сотнички ѣздятъ и понятное дѣло курей возятъ и разныя разности... просятъ... нельзя-же такъ, безъ этого... Сотничка это почетное званіе было! Да, имъ тогда лучше жилось, легче. Сотникъ ѣдетъ: ему лошадей приготовятъ, сала натолкутъ... всего много было... Подумать только, какъ все перемѣнилось! какъ-будто и люди не тѣ. А современемъ еще больше перемѣнится и опять нельзя будетъ узнать... чортъ его знаетъ, можетъ быть такъ еще сдѣлаютъ, что и жить будетъ негдѣ.

СВѢДѢНІЕ О БУГСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Исторію Малороссіи обыкновенно оканчиваютъ вмѣстѣ съ концемъ гетманщины, не описывая самого процесса превращенія козаковъ съ одной стороны въ гусаръ и др. регулярныя войска, а съ другой стороны въ россійскихъ дворянъ—помѣщиковъ, крѣпостныхъ и казенныхъ крестьянъ. Между тѣмъ и самый послѣдній актъ окончательнаго уничтоженія козачества произошелъ не сразу, а представляетъ нѣсколько колебаній и возвратовъ къ прошлому. Зная расположеніе южно-русскаго народа къ козачеству, правительство въ годину внѣшней войны не разъ прибѣгало къ вызову козаковъ изъ населенія южныхъ губерній (таковы напр. „малороссійскіе козаки“ временъ крымской компаніи). Однимъ изъ такихъ явленій представляются, вѣроятно, и такъ называемые бугскіе козаки,

Библиотека "Руниверс"

нѣкогда существовавшіе въ нынѣшней херсонской губерніи. Такъ какъ объ нихъ вообще очень мало писано, то я считаю не лишнимъ привести нижеслѣдующую выписку изъ одного стараго указа объ отставкѣ.

Лабенскіе переселились въ ю. Россію во времена Потемкина изъ Галиціи; они были православные (русины), „хотя грамота на дворянство и писана по-польски", какъ объяснилъ мнѣ Н. С. Лабенскій. Въ то время Сѣчь запорожская была уже уничтожена, запорожцы разбѣжались кто-куда и въ огромныхъ пустопорожнихъ пространствахъ нынѣшней херсонской губерніи земля распродавалась отъ казны *по нѣсколько копѣекъ за десятину*. Переселившійся изъ Галиціи Тимофей Лабенскій купилъ большое имѣніе по р. Бугу; земли эти впослѣдствіи перешли къ его племянникамъ Любимскимъ (которые вмѣстѣ съ Лабенскими пришли изъ Галиціи). Сынъ его, Степ. Тимоф. Л—скій служилъ въ бугскихъ козакахъ; вотъ выписка изъ его указа объ отставкѣ, который представляетъ интересъ по самой формѣ своей.

„Господинъ маіоръ Степанъ Тимофѣевъ сынъ Лабенскій. Въ службу вступилъ козакомъ 1805 г. сентября 13 въ бывшее *бугское войско; урядникомъ*—806 г. мая 9; *хорунжимъ*—1814 г. апр. 5-го; отъ роду имѣлъ онъ тогда 25 лѣтъ. *Переименованъ въ корнеты 818 г. генваря 22 въ 1-й бугскій* (что нынѣ бугскій) *уланскій полкъ;* поручикомъ 820 г. „etc." Въ походахъ и сраженіяхъ находился: *Въ войну съ турками 808 года въ Молдавіи у содержанія на австрійской и турецкой и княжества варшавскаго границахъ кордонной стражи* [1]*), потомъ съ начала съ французами второй войны 812 года...* (оторванъ уголъ)... *2-го, и до окончанія оныхъ во всѣхъ случавшихся съ непріятелемъ дѣлахъ*, etc... былъ казначеемъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ съ 821 по 824 годъ etc... *Имѣетъ серебряныя медали въ память 812 года и за взятіе г. Парижа 19 марта 814 года установленные.* Россійской грамотѣ читать и писать умѣетъ и ариѳметикѣ знаетъ. 1837 года". Подпись: графъ Витте и пр.

Курсивомъ я написалъ все то, что относится къ бугскимъ козакамъ, изъ чего мы видимъ, что они участвовали въ турецкой

---

[1]) Слѣд. еще козакомъ.

Библиотека "Руниверс"

кампаніи 1808 года, при чемъ содержали пограничную стражу и пр. и въ кампаніи 12-го и 14 года, при чемъ участвовали во взятіи Парижа и, наконецъ, что они расформированы въ 1818 г. и обращены въ „Бугскіе“ уланскіе полки, изъ которыхъ теперь только одинъ сохранилъ названіе „Бугскаго“ (въ 9-й кавалерійской дивизіи). **А. Рудковскій.**

О ДИКИХЪ ЛОШАДЯХЪ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Обыкновенно считаютъ дикихъ коней, о которыхъ говоритъ Гоголь въ своемъ знаменитомъ описаніи украинской степи, давнымъ давно вымершими и нѣкоторые относятъ ихъ чуть не въ область вымысловъ. Между тѣмъ мнѣ пришлось слышать отъ очевидца, заслуживающаго полнаго довѣрія, совершенно противное. О дикихъ коняхъ въ нашихъ южныхъ степяхъ была когда-то помѣщена большая статья „Про тарпанівъ (дикихъ коней)“ въ журналѣ „Основа“ (на украинскомъ языкѣ), затѣмъ (на томъ-же языкѣ) писалъ о нихъ черноморскій козакъ генер. Кухаренко; помнится, что онъ говоритъ о нихъ (въ концѣ 50-хъ годовъ), какъ о существующемъ еще въ степяхъ Черноморіи видѣ животныхъ. Дядя мой, отставной ротмистръ Ник. Степ. Лабенскій (сынъ упомянутаго выше), сообщилъ мнѣ, какъ очевидецъ, интересныя свѣдѣнія о недавнемъ еще существованіи дикихъ коней въ степяхъ херсонской губерніи. Вотъ его разсказъ. „Дикія лошади водились въ херсонской губ. еще лѣтъ 40 тому назадъ; когда мнѣ было лѣтъ 10 (слѣд. въ 30-хъ годахъ), то я не разъ ѣздилъ съ отцемъ на охоту за ними. Это было за Вознесенскомъ около сс. Привольнаго и Полтавки херс. губ. на рр. Бугѣ и Мертвоводѣ. Отецъ мой, бывшій тогда волостнымъ командиромъ въ новороссійскомъ военномъ поселеніи, собиралъ облаву человѣкъ въ 30, 40, иногда и 100; иногда съ собой на охоту возили столбы, которые легко можно было-бы вкопать въ землю, чтобы привязывать къ нимъ пойманныхъ коней, пока они приручатся; но послѣ этотъ способъ оставили; однажды случилось—я самъ это видѣлъ и хорошо помню, хотя мнѣ тогда было всего лѣтъ девять, что одна лошадь, будучи привязана къ столбу, рвалась до тѣхъ поръ, пока не разбила себѣ совершенно голову и не задушилась. Ростъ этихъ лошадей малый: 2 арш. безъ вершка или полу-вершка, масть—мышастая съ черной полосой на спинѣ; сло-

Библиотека "Руниверс"

жены пропорціонально и довольно красиво; головы небольшія и ноги совсѣмъ не мохнатыя, какъ пишутъ о другихъ породахъ дикихъ коней. Всѣ они были очень жирные, хотя сами себѣ промышляли кормъ: травы большія, зимою пробиваютъ снѣгъ ногами и достаютъ траву. Тогда въ херсонской губерніи и табуны (ручныхъ лошадей) паслись зимою такимъ образомъ. Дикія лошади чрезвычайно боязливы: такъ и дрожитъ вся, когда поймаютъ; изъ числа пойманныхъ нѣсколько умирало, но остальныя, будучи приручены съ большимъ трудомъ, представляли чрезвычайно хорошихъ и выносливыхъ лошадей: они могли легко скакать подрядъ десять верстъ, не уставая, и притомъ очень быстро. Ихъ постоянно вылавливали и теперь едва-ли они уже существуютъ гдѣ нибудь. Они ходили табунами не болѣе 20 штукъ и охотиться за ними было чрезвычайно трудно, такъ какъ они въ высшей степени сторожки: если мѣстность ровная, то уже за 5 верстъ удаляются, и нужно не меньше 30-ти, 40-ка человѣкъ на хорошихъ лошадяхъ (напр. тѣхъ-же дикихъ прирученныхъ); они съ разными хитростями и охотничьими споровками объѣзжали ихъ и окружали съ разныхъ сторонъ. Тогда сѣдоки, которые по-крѣпче сидѣли въ сѣдлахъ, бросались на нихъ, подскакавъ шаговъ на тридцать, забрасывали арканъ и пускались вслѣдъ за убѣгавшей лошадью, не выпуская аркана, пока она не утомится; это былъ обыкновенный способъ первоначальнаго прирученія—вмѣсто привязывавшія къ столбу. Ѣдетъ бывало на охоту человѣкъ 30 и поймаютъ 3, 4 лошади.

Кромѣ настоящихъ дикихъ лошадей были еще и одичалыя. Отобьетъ напр. волкъ отъ табуна лошенка (а то и большую лошадь), а онъ и пристанетъ къ дикимъ—одичаетъ. Одинъ разъ между дикими поймали *пѣгую* лошадь (слѣд. очевидно не дикую) и она легко приручилась. Это была кобыла, тоже небольшая; ей было лѣтъ 5 и она была очень хороша подъ верхъ; даже я ѣздилъ на ней—мнѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать—такъ хорошо приручилась. Когда мнѣ было лѣтъ 9, я уже ѣздилъ верхомъ сначала на „турчинѣ“, котораго моей матери братъ привелъ изъ турецкой кампаніи 29-го года, а потомъ на этой пѣгой, пойманной. Она была чрезвычайно выпослива; бывало на охотѣ за волками отецъ—на казенной лошади, и всѣ устанутъ и отстанутъ, а моя все впереди, пока волка не поймаютъ“.

Библиотека "Руниверс"

Я помню, какъ однажды (лѣтъ восемь тому назадъ), проѣзжая по Херсонской губерніи, мнѣ пришлось разговориться съ однимъ табунщикомъ гг. Скаржинскихъ, громадныя имѣнія которыхъ простираются отъ дѣпровскихъ пороговъ къ верховьямъ Ингула. Оглядываясь по сторонамъ, онъ сообщилъ мнѣ, какъ великую тайну, что у нихъ въ заповѣдномъ мѣстечкѣ *живетъ еще теперь нѣсколько штукъ настоящихъ дикихъ коней*... Разсказъ этотъ совсѣмъ было вышелъ у меня изъ памяти и я вспомнилъ его, только услыхавъ разсказъ Н. С. Л—скаго и привожу его здѣсь въ pendant къ предъидущему. Интересно было-бы имѣть свѣдѣніе отъ самихъ гг. Скаржинскихъ, дѣйствительно-ли еще существуетъ эта живая эмблема легендарнаго запорожскаго герба?...

А. Рудновскій.

ПОПРАВКА КЪ РАЗСКАЗУ О БОНДАРЕНКѢ.

Въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старины", въ статьѣ *о Бондаренкѣ*, между прочимъ сказано, что онъ казненъ въ м. Чернобилѣ, гдѣ и нынѣ старожилы указываютъ *„Бондаренкову могилу"—по дорогѣ изъ Чернобиля въ с. Залѣсье у выѣзда изъ мѣстечка.* Считаю долгомъ, по поводу сего и въ возстановленіе исторической истины, сказать нѣсколько словъ.

Какъ уроженецъ м. Чернобиля, гдѣ отецъ мой, воспитанникъ еще старой академіи, священствовалъ слишкомъ 34 года и, будучи самъ знатокомъ историческихъ мѣстностей, окружающихъ м. Чернобиль, съ таковыми, въ часы досуга и при случаѣ, знакомилъ и меня, смѣло скажу, что таковой могилы *у выѣзда изъ мѣстечка, по дорогѣ въ с. Залѣсье* нѣтъ. У выѣзда изъ мѣстечка, съ южной его стороны, по дорогѣ въ *Залѣсье* есть не *одинъ* курганъ, а *два*, и таковые курганы носятъ въ народѣ названіе: *„могилы воиновъ"* какого-то ополченія 1812 г. [1]), умершихъ отъ эпидемическаго (кро-

---

[1]) Кажется, смоленскаго, отъ береговъ Березины, по р. Припяти, чрезъ Днѣпръ возвращавшихся на родину. Не знаю, какъ теперь, а во время оно, лѣтъ 35 назадъ, на такъ называемые *проводы* совершалась бывало торжественная на сихъ курганахъ панихида всѣми священниками м. Чернобыля *«о православныхъ здѣ почивающихъ воинахъ»*.

Библиотека "Руниверс"

ваваго) поноса въ м. Чернобилѣ и погребенныхъ, во избѣжаніе распространенія дальнѣйшей заразы, за кладбищемъ, совершенно уже внѣ мѣстечка. Есть, правда, еще третій курганъ у выѣзда, но съ западной его стороны, по дорогѣ въ *с. Корогодъ*, гдѣ я когда-то священствовалъ. Курганъ этотъ носитъ названіе *„татарскаго колодезя“*, гдѣ, по преданію, зарыты тѣла татаръ, дѣлавшихъ часто, хотя не всегда удачно, набѣги и на эту глухую мѣстность. Въ этомъ послѣднемъ курганѣ, по разсказу козацкаго сотника (изъ войска графа Ходкевича) Степана Чуры, переданному моему покойному отцу, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по распоряженію самаго генерала польскихъ войскъ Александра Ходкевича (владѣльца м. Чернобиля), производились даже раскопки, причемъ найдено довольно татарскаго оружія, сбруи и проч.

Но гдѣ-же возлѣ Чернобиля могила Бондаренка?

Есть она, но не у выѣзда изъ мѣстечка, и не по дорогѣ въ с. Залѣсье, *а по дорогѣ изъ Залѣсья въ дер. Заполье, между дер. Гапоновичами и Запольемъ* (Гапоновичи—между Залѣсьемъ и Запольемъ). Здѣсь, на нѣсколько возвышенной мѣстности, совершенно песчаной и почти обнаженной отъ всякой растительности, указываетъ преданіе мѣсто казни и могилы Бондаренки, безъ всякаго, какъ живо помню я, особаго тамъ кургана. Не разъ, проѣзжая съ покойнымъ моимъ отцемъ мимо сего мѣста, я слышалъ отъ него: „смотри, Гриша, вотъ мѣсто, гдѣ четвертовали Бондаренка“ [2]). И пошли, конечно, послѣ сего съ моей стороны распросы: кто, что, какъ, когда, гдѣ и проч. Нужно замѣтить, что покойный мой отецъ по окончаніи курса въ старой кіевской академіи и послѣ учительства въ кіево-подольскомъ духовномъ училищѣ, поступилъ на чернобильскій ильинскій приходъ еще въ 1821 г., слѣдовательно могъ легко бесѣдовать съ людьми живо помнившими многое изъ жизни прошлаго столѣтія, а по своей любви къ историческимъ преданіямъ, все слышанное имъ могъ правильно и точно удержать въ своей, довольно счастливой памяти. Въ отношеніи къ изслѣдуемому вопросу я и самъ, даже теперь, помню еще въ дѣтствѣ слышанную мною пѣсенку чернобильскихъ дѣвчатъ:

---

[1]) По обычаю тѣхъ варварскихъ временъ Бондаренка казнили *«четвертованьемъ»*.

Библиотека "Руниверс"

Ой у місті Чорнобилі
Роковеє свято,
Знать у місті Макарові
Бондаренка взято...
Ой и вы—козаки
Славни гайдамаки,..
Чомъ не вберегли пана
Свого атамана... и проч.

Свящ. **Гр. Шиманскій.**

ПѢСНЯ ПРО ФИЛИППА ОРЛИКА *)

Ой изъ-за горы, изъ-за Дніпра
Витерець повивае,
Ой якійсь-то човникъ
Филя до берега прибиває.

* * *

Ой прибила филя човникъ
Човникъ лебедочку,
Ой выскочивъ зъ неи Орликъ
Тай почавъ беседочку.

* * *

Пугу, браця, пугу,
Пугу, запорожци!
Стоить козакъ въ лугу,—
Кажуть ему хлопци.

* * *

---

*) Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщено было замѣчательное письмо б. писаря Мазепы и вице-гетмана, Филиппа Орлика, къ запорожцамъ и еще болѣе замѣчательный отвѣтъ запорожцевъ, съ предисловіемъ А. А. Скальковскаго. Помѣщаемая пѣсня служитъ иллюстраціею къ этой перепискѣ. Выдержки изъ нея приводятся въ «Исторіи Новой Сѣчи Запорожской»; но такъ какъ это сочиненіе стало теперь библіографическою рѣдкостію, то мы не видимъ причины не похѣстить ее въ нашемъ изданіи, тѣмъ болѣе въ полномъ видѣ, съ того давняго оригинала, который сообщенъ намъ тѣмъ-же многоуважаемымъ историкомъ «Сѣчи».—Ред.

Библиотека "Руниверс"

Эй, браця, ходимъ до Кошового,
Будемъ радити раду;
Зизвимъ малого и старого
На цюю важную пораду.

* * *

Ой пишовъ Орликъ до Кошового
Та въ поясъ поклонився,
Та начавъ изъ діла Карлового,
Що зъ нашимъ царемъ не помирився.

* * *

Ой батьку, Иване,
Отакая-то річь:
Кажить, Малюшевиче пане,
Чи станете намъ въ помічъ?

* * *

Ой надъ Украиною гетьманською
Громовая хмара стоить,
Ой прийшовъ царь съ армію руською
Та хоче ій та разорить.

* * *

Чому-жъ не помогати,
Коли просятъ браты сосіди,
Чому-жъ намъ татаръ не рубати,
Коли руки начали свербіти?

* * *

Та то не татаръ рубати;
Мазепа просить до насъ пристати,
Наши Вкраині помічъ дати,

* * *

А вписля до шведина привернуця
И видъ царя руського одвернуця:
Оттогди мы будемъ на волі,
Такъ якъ птахъ підъ небомъ въ полі!

* * *

О що-жъ, батьку Иване,
Прошу-жъ мині казати,

Библиотека "Руниверс"

Чи зъ твоихъ слівъ буде що гарне,
Бо я хочу Мазепі звісточку послати.
* * *
А ты-жъ те и забувъ,
Що мы цареви присягнули,
Мазепа того и не розжувъ,
Що мы въ прощеніе взули.
* * *
О що-жъ тобі казати;
Ты бачишъ діло самъ,
Намъ не можно присяги ламати,
Намъ не можно помочи дати вамъ.
* * *
Запорожець не бувъ бісовымъ сыномъ,
Коли присягу вінъ давъ;
Наменуютъ его еретичимъ чиномъ,
Коли й христиця забувавъ.
* * *
Бо вінъ забувавъ христиця,
Коли врага въ шію гнавъ,
А вписля знавъ и помолиця,
Та все присяги не ламавъ.
* * *
Отце, Орлику брате,
Одвези Мазепі цей отвітъ;
Нехай вінъ луче начне жати,
Отце буде пашъ совітъ.
* * *
Ой искра мала, та може світъ спалити
И сама счезне, пропаде.
Ой хоче Мазепа народа згубити;
Чого вінъ хоче, того тамъ не найде.
* * *
Ну, батьку Иване, прощай!
Що будемъ съ тобою робити.
Та батьку памятай,
Якъ мы будемъ тебе и Січъ голити.
* * *

Библиотека "Руниверс"

Ой Орлику, мій брате,
Не копай ты яму для насъ;
Постой, жевжику, хвате,
Бо въ ту яму та посадять васъ!

* * *

Ой повивае витерець
Та відъ моря холодный;
Ой поіхавъ нашъ брехунець,
Якъ собака голодный.

ВИРША НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Чи чули вы, панове, зъ роду,
Що Богъ прійшовъ до насъ ажъ самъ?—
Чого-жъ?
Бо старший чортъ хотівъ зривнятьця зъ Богомъ,
Надувсь, ажъ очі лізуть рогомъ...
А Богъ ему сказавъ: а вонъ, а зась!
Нема тобі тутъ місьця въ насъ!
Зайшовъ зъ иншого чортъ краю:
Адама въ гості попросивъ,
А цей гукнувъ ёго до гаю,
Тай яблука изъ нимъ вкусивъ.
Проснувсь на другий день, ажъ лихо:
Товариша и сорочку знявъ.
Адамъ питае Еву тихо:
А съ кимъ я вчора такъ гулявъ?
Не знаю, шо були за гості,
А вже чогось у насъ нема...
О, буде намъ, старый, похлостя—
Не выкупимся мы відъ сорома!
Задумався Адамъ, сівъ, тай труситця въ куточку,
А Богъ прийшовъ, пита его:
А де ты дівъ сорочку?
Не знаю, десь вчора загубивъ...

Библиотека "Руниверс"

Пішовъ-же вонъ, поганый, зъ раю!
Объівся яблукъ, ажъ сопешь...
Отъ такъ ты доглядаешь гаю,
Безъ посциту що хочешь, те и рвешь?!
И ты иди, небого, прясти,
Адамъ тебе щобъ доглядавъ;
А щобъ не сміла яблукъ красти,
Такъ я Адамові нагайку давъ.
А ну, ходи сюди, прокляте!
Ты що Адаму тамъ зробивъ?
Зайшовъ у гості погуляти,
На вікъ хозяина згубивъ.
Пишовъ-же вонъ, поганый, зъ миру
У пекло, де огонь горить;
Ось я тобі намилю гирю,
Щобъ не вчився людей дурить!
Загувъ проклятий чортъ у смолу,
Тай на вікъ зостався тамъ...
А щобъ Адама й Еву голу
Одягнути, родився Самъ...
Родився Христосъ: Адамъ гуляе,
Е нова свита и кожухъ,
И Ева въ плахті похожае,
И зновъ радіе духъ.
Теперъ и въ васъ жупани нові,
Бо вы Адамова рідня...
Такъ будьте-жъ зъ празничкомъ здорові,
Гуляйте, пийте, хочь що дня!

Вирша эта сообщена намъ уважаемымъ П. И. Ивановымъ и, по словамъ его, записана бывшимъ учителемъ купянскаго духовнаго училища, В. Лавровскимъ, но, къ сожалѣнію, безъ означенія мѣста, времени и обстоятельствъ записи. Г. Ивановъ сопровождаетъ присылку Вирши слѣд. словами:

«Въ словесныхъ произведеніяхъ народнаго творчества, съ появленіемъ письменности и съ постепеннымъ развитіемъ гражданственности, отличительныя особенности народнаго духа мало по малу теряютъ свои рѣзкія черты: сглаживается въ

Библиотека "Руниверс"

нихъ все грубо характерное, смягчаются мѣстныя краски и придаются имъ тоны, принятые цивилизованными народами, но вмѣстѣ съ тѣмъ стираются отпечатки старинныхъ вѣрованій, воззрѣній, нравовъ, обычаевъ, столь цѣнные для полнаго изученія національнаго характера. Широко распространенный еще въ началѣ настоящаго столѣтія обычай виршеваній постепенно исчезаетъ даже въ деревняхъ, унося съ собою много оригинальныхъ произведеній народной фантазіи».

Тѣмъ необходимѣе, скажемъ мы, спѣшить записывать эти произведенія и дѣлать ихъ достояніемъ науки, какъ одинъ изъ самыхъ дорогихъ для нея матеріаловъ. Настоящая вирша тѣмъ особенно дорога, что представляетъ крайне оригинально, въ самой простой и образной формѣ, высокія истины паденія и искупленія человѣчества. Всегдашняя наклонность малорусскаго народа къ популяризаціи священныхъ истинъ, къ низведенію такъ сказать божества въ кругъ обыденной жизни и облеченію его дѣйствій въ самыя простыя формы, отразилась здѣсь съ особою силою, а ради праздничнаго веселія всѣ изображенія пересыпаны глубокимъ малороссійскимъ юморомъ.—Ред.

Опечатка.

Въ октябрьской книжкѣ «Кіев. Старины» въ отдѣлѣ Библіографіи, на стр. 153-й напечатано *Днѣпръ* вм. *Днѣстръ*, что не только измѣняетъ сущность дѣла, но незаслуженно могло-бы быть относимо къ винѣ автора разбираемой книги.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ЛУКИ ВАСИЛЬЕВИЧА

ИЛЬНИЦКАГО,

Въ Кіевѣ.

Крещатикъ, домъ дворянскаго собранія,

между прочими, продаются слѣдующія Малорусскія книги:

Андерсенъ. Казкы, переклавъ Стариченко. К. 1873 г. Цѣна 1 р. 25 к.
Антоновичъ В. Историч. пѣсни малорусскаго народа т. 1-й К. 1874 г. Цѣна 1 р. 50 к., т. 2-й, в. 1-й К. 1875 г. Ц. 80 к.
Александровъ. Малорусскі Співанки. Х. 1880 г. Цѣна 15 коп.
Біленкій-Носенко. Приказки въ четырехъ частяхъ. К. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.
——— Гостинець землякамъ. Казки слѣпого Бандуриста чи співи объ різныхъ ричахъ. К. 1871 г. Цѣна 1 р.
——— Горпинида, чи вхопленная Прозерпина, жартливая поэма въ 3-хъ пісняхъ. К. 1871 г. Цѣна 30 к.
Бабуся зъ того світу, оповіданія про померши души. К. 1883 г. Ц. 5 к.
Вовчокъ Марко. Народні оповиданія т. 2-й Спб. 1876 г Цѣна 50 к.
Галка Іеремія (Костомаровъ). Збірныкъ творівъ Од. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к.
Гатцукъ. Абетка Ц. 50 к.
Гребинка Е. Пырятыньська ластівка. К. 1878 г. Цѣна 75 к.
Гуланъ-Артемовськый. Кобзарь. К. 1878 г. Цѣна 20 к.
Глибовъ Л. Байкы. Изд. 3-е. К. 1882 г. Цѣна 20 к.
Гоголь. Простакъ. Ком. Изд. 2-е. К. 1882 г. Ц. 15 к.
За Кращанку-Писанка. П. Ол. Кулішеві, написавъ Данило Сліпченко-Мордовець. С.-ПБ. 1882 г. Цѣна 50 к.
Де що про світъ Божий. Изд. 4 е. К. 1882 г. Ц. 20 к.
Дітські пісні, казкы и загадкы. К. 1876 г. Цѣна 15 к.
Евгеньева Крестьянина, Розмовы. К. 1873 г. Цѣна 30 к.
Иванов. Розмова про небо та землю зъ додаткамы та одминамы, переклавъ М Комаровъ. К 1874 г. Ц. 8 к.
——— Розмова про земні сылы зъ додаткамы та одминамы, переклавъ М. Комаровъ 1875 г. Ц. 10 к.
Казюка. П. Дві казки І. Піпівнынка. Гыпнанська казочка П. Цыганъ Кулинка. К. 1883 г. Цѣна 5 к.
Кобзарь. Сборникъ Малорусскихъ пѣсень. Цѣна 50 к.
Котляревскій И Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. К. 1875 г Цѣна 2 р.
——— Собраніе сочиненій К. 1878 г. Цѣна 75 к.
——— Наталка-Полтавка. К. 1878 г. Цѣна 25 к.
——— Москаль-Чарівникъ К. 1878 г. Цѣна 25 к.
Кулишъ П. Записки о южной Руси, т. 1-й Цѣна 1 р. 50 к.
——— Досвітки. Думы и поэмы К. 1876 г. Цѣна 80 к.
——— Дивоче серце. Идилія. К. 1876 г. Цѣна 20 к.
——— Орися. К. 1882 г. Цѣна 5 к.

Библиотека "Руниверс"

Кухаренко Я. Збірникъ творівъ. К. 1860 г. Цѣна 75 к.
Луна, Украинський Альманахъ на 1881 г. Цѣна 50 к.
Левицкій И. С. Повісті. К. 1874 г. Ц 1 р 50 к.
——— Дві Московки. Повість. К. 1882 г. Ц. 40 к.
——— Не можна бабі Парасці вдержатись на селі. Изд. 3-е. К. 1882 г. Ц. 5 к.
——— Благословить бабі Палажці скоропостижно вмерти. Изд. 3-е. К. 1882 г Ц. 5 к. Бурлачка. Пов. Ц 75 к.
——— На Кожумякахъ. Комедія. К. 1876 г. Ц. 25 к.
——— Перші Кіевскі князі. К. 1876 г. Ц. 10 к.
——— Татари и Литва на Украіні. К. 1876 г. Ц. 10 к.
——— Унія и Петро Могила. К. 1875 г. Ц. 6 к
Левченко М. Опытъ Русско-Украинскаго словаря. К. 1874 г. Ц. 1 р. 30 к.
Лисенко. Южно-Русскій Орнаментъ. Изд. 2-е. К. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
Листы съ Хутора листъ III. Чого стоить Шевченко якъ поэтъ народный. С.-ПБ. 1881 г. Цѣна 5 к.
——— листъ 5-й. Хто такій хуторянинъ. С.-ПБ. 1862 г. Ц. 3 к.
Ластивка. Ганна. Поэма. К. 1881 г. Ц 10 к.
М—ьчь. Про обкладны, яка не болість і якъ одъ неї ратуватысь. К. 1881 г. Ц. 10 к.
Маляревський. Лира (сборникъ стихотвореній.) К. 1876 г. Ц. 20 к.
Мельникъ. Подарунокъ (поэтъ-самоучка). Од. 1875 г. Ц. 25 к.
Максимовичъ. Псалмы переложенные на украинское нарѣчіе. М. 1859 г. Цѣна 30 к.
Нокисъ. Украински приказки. С.-ПБ. 1864 г. Ц. 2 р.
Опатовичъ С. Оповидання зъ святого писанія. К. 1874 г. Ц. 10 к.
Основа. Южно-Русскій журналъ за 1861 г. 12 кн. С.-ПБ. 1861 г. Ц. 10 р.
Осташевскій. Пивъ сотни казокъ для веселыхъ людей. К. 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
Пискуновъ. Словникя українськоі (або Югової-Руськоі) мовы. Ц. 1 р. 50 к.
——— Чайка. Украинській альбомъ пісень, думъ, казокъ, баекъ и віршей. К. 1876 г. Цѣна 30 к
——— Т. Г Шевченко, его жизнь и произведенія. К. 1879 г. Ц. 75 к.
Пчілка О. Переклады зъ Гоголя. К. 1881 г. Ц 35 к.
——— Сужена не огужена. Жартъ-водевиль. К. 1881 г. Ц. 50 к.
——— Украиньскимъ дитямъ, переклады зъ Лермонтова. К. 1882 г. Ц. 25 к
Про козакивъ, татаръ и туркивъ. К. 1875 г. Ц. 10 к.
Про хвороби и якъ имъ запомогты. К. 1874 г. Ц. 6 к.
Про холеру. К. 1875 г. Ц. 7 к.
Про шари, до якихъ присуждають мирові судді. К. 1876 г. Ц. 12 к.
Правды. Козакъ и Гаппуся. Украинськіе очерки. К. 1862 г. Ц. 60 к.
Поминки Т. Г. Шевченко въ Одессѣ 25 февраля 1879 г. Од. 1879 г. Ц. 30 к
Раевскій. Сцены изъ малорусскаго народнаго быта. К. 1882 г. Ц. 1 р.
Рудченко. Чумацкія народныя пѣсни. К. 1874 г. Ц. 1 р. 30 к.
——— Южно-русскія народныя сказки, т. 2-й. К. 1873 г. Ц. 1 р.
Старыцькый М. Сербськіі народні пісні і думы. К. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
——— Чорноморці. Оперета по Кухаренку. К. 1878 г. Ц. 20 к.
——— Музыка къ ней Н. Лысенка. К. 1878 г. Ц. 1 р.
——— Зъ давняго зшитку. Пісьні и думи. К. 1881 г. Ц. 50 к.
——— Гамлетъ Принць Данській. Трагедія въ 5 діяхъ, В. Шекспіра. Пер. на Українську мову. Музыка Лисенка. К. 1882 г. Ц. 1 р
——— Пісня про Ивана Васильевича Грознаго. Ц. 5 к
——— Сорочинскій ярмарокъ. 2-е видання К. 1882. г. Ц. 10 к.
——— Байки по Крылову. 2 е видання. 1882 г. Ц. 10 к.
Стороженко О. Марко проклятый. Поэма. Од. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к.
Степовикъ О. Оповідання про комахъ, яка одъ ихъ користь, або шкода въ господарстві (зъ 45 рис.). К. 1882 г. Ц. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Федьковычъ. Повісті съ переднимъ словомъ про Галицько-руське письменство. К. 1876 г. Ц. 1 р.

Хвидоровскій. Про Дифтеритъ або обкладкы для селянъ и хуторянъ на Украйни. Х. 1882 г. Ц. 10 к.

Чалый. Біографія Шевченка. К. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к.

Шевченко. Наймычка. Поэма. К. 1875 г. Ц. 5 к.

——— Катерына. Поэма, Перебендя, дума. К. 1882 г. Ц. 10 к.

——— Музыкантъ Пов. на рус. языкѣ. К. 1882 г. Ц. 50 к.

Що робытця у воздусі і що зъ того треба знаты земледробу. К. 1875 г. Ц. 10 к.

Якъ роспізнаты грунтъ і які бувають грунты. К. 1875 г. Ц. 10 к.

Яструбецъ. Про звірі по Брему. Ведмеди. К. 1876 г. Ц. 10 к.

М. Кропивніцького.—Збірныкъ творівъ (Дві драмы—„Дай серцю волю, заведе въ неволю" і „Глытай", драматычні картыны.—„Невольныкъ" і жартъ водевиль—„Помырылысь)." К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Записки Юго-западнаго отдѣла географическаго общества. Т. 1. Ц. 1 р. 80 к. Т. II. Ц. 2 р. 25 к.

Печатаются и въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ свѣтъ:

КОБЗАРЬ Т. Г. Шевченко, съ портретами его. Настоящее изданіе будетъ полнѣе изданій Кожанчикова, Пражскаго и др. но цѣнѣ доступнѣе прежнихъ изданій.

Рада. Українська збірка на 1882 рікъ. Содержаніе: Повія—романъ Мирного, повість Левицкого, два оповиданія Бабенка, два оповиданія Д. Мордовцева, оповиданіе Садовского, Лопуха, драма Старицкого, стихотворенія: Щоголева, Старицкого, Бабенка, Гриненка, Мовы, Грищенка, Хруща и др. и научныя статьи на малорус. и рус. яз. Отъ 25 30 печатныхъ листовъ большого формата.

Старицкого М.—Різдвяна нічъ. Опера. 3-е изд.

——— Думы и Пісні. Выпускъ 2-й.

Де що про світъ Божій. Изд. 4-е. К. 1882 г. Ц. 20 к.

Українська Граматка.

Готовятся къ изданію:

Луна, Украинськый Альманахъ, вып. II.

Читанка.—Перша книжка після азбуны.

Левицького И.—Кайдашева сімья. Повість.

Здѣсь-же можно достать всѣ вновь выходящія книги, какъ на Малорусскомъ языкѣ, такъ и на Русскомъ по Исторіи и Этнографіи Южно-Русскаго края.

На пересылку прилагается 10 к. на 1 руб. Здѣсь же находится складъ всѣхъ находящихся въ продажѣ малорусскихъ книгъ.

Требованіе г г. иногородныхъ за всѣми вообще книгами исполняются съ первою почтою.

Библиотека "Руниверс"

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый въ г. Кіевѣ.

1883-й годъ (второй годъ изданія).

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, *ежемѣсячно*, по той же программѣ, при участіи кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала—двѣнадцать книгъ, въ 12 и болѣе листовъ каждая. Книги выходятъ непремѣнно 1-го числа и одновременно разсылаются подписчикамъ.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочимъ, слѣд. статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *Печерскіе антики*, П. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.*, обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей*, проф. В. Б. Антоновича, *Старосвѣтскіе батюшки и митушки*, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), *Дневникъ М. Хинелка*, *Дневникъ св. Фоки Струтинскаго*, *Разновидности „Марцѣлинъ и Ганнусковой горѣлки,“* рукопись XVIII в., старод. полк. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ «Кіевской Старины,» съ приложеніями и доставкою на домъ или пересылкою внутри Россіи *десять рублей*, безъ пересылки и доставки *восемь руб. пятьдесятъ коп.*

Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію «Кіевской Старины»: *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой*, и лишь при этомъ условіи редакція отвѣчаетъ за своевременную высылку изданія.

Подписка на 1882 г. продолжается по тому же адресу и цѣнѣ. Въ ноябрьской книжкѣ—біографія и портретъ Гонты.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Дозв. ценз. Кіевъ, 20-го Октября 1882 г. Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Библиотека "Руниверс"

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Для поясненія текста, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы: портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія древнихъ украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и пр.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА", по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ" примутъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Барсуковъ А. П., Барсуковъ Н. П., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Вороновъ А. Д., Воскресенскій А. М., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Дашкевичъ Н. П., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ П. М., Крыжановскій Е. М., Лазаревскій А. М., Лашкаревъ П. А., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. П., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Маркевичъ А. П., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. П., Потебня А. А., Праховъ А. В., Стрижевичъ И. В., Терновскій Ф. А., Фортинскій Ѳ. Я., Чалый М. К. и другіе.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

д е к а б р ъ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1882 г.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Шимонова.** (*Продолженіе*) . 401

II. Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА. **А. Смоктія** 420

III. СТАРИННЫЙ ЮЖНО-РУССКІЙ ТЕАТРЪ И ВЪ ЧАСТНОСТИ ВЕРТЕПЪ. **Н. Петрова.** 438

IV. БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ. **В. Горленка** . . . 481

V. САМОЗВАНЦЫЙ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ СОЛДАТЪ СЕМЕНОВЪ. (1826 г.) **К. К—ка.** 519

VI. КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ. Внутреннее распорядки. **А. Скальковскаго.** 527

VII. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Окончаніе*). **В. А.** . 538

VIII. ПИСЬМО КН. Н. В. РЕПНИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній). Сообщ. **Ст. фонъ-Носъ** . . 557

IX. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О СУДЬБѢ ЖЕЛѢЗНЯКА ПОСЛѢ ЕГО АРЕСТА ВЪ УМАНИ. **В. А.** 564

X. БИБЛІОГРАФІЯ: a) D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia. T. 1 2. Warszawa. 1882. — б) Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива. № 13. Составилъ Л. Ильинскій. Кіевъ. 1882 г.—в) Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych... pod redakcya prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 г.—г) Высокопреосвящ. Макарій, митрополитъ московскій. Москва. 1882 г.—Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ. въ кишин. дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ. 1882 г. 569

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя: а) Откуда взялись запорожцы (народное преданіе).—б) Н. Д. Мизко (некрологъ).—в) Еще о бугскихъ козакахъ.—г) Старичные малороссійскіе портреты.—д) Протопопъ Комаръ и его вторичный бракъ.—е) Гетманское приглашеніе на свадьбу.—ж) Замѣтки стараго кіевлянина.—з)—Вирша на Рождество Христово.—и) Алексѣй Ивановичъ Ставровскій (некрологъ). 583

XII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

XIII. Библіографическое извѣщеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софіевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

ДЕКАБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го ноября 1882 года.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ.**

Библиотека "Руниверс"

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность*, его-же, *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, съ портретомъ живущаго доселѣ запорожца, 120 лѣтъ, и картою Сѣчи, Ѳ. Кондратовича, *Украинскія поселенія въ низовьяхъ Дуная*, его-же. *Анна Алоиза княжна Острожская*, съ ея портретомъ, О. И. Левицкаго, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.*, обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей*, проф. В. Б. Антоновича, *Мнимый бунтъ на Волыни 1789 г.*, его-же, *Изъ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. (Румянцевская опись)*, Д. И. Багалѣя, *Южно-русскіе архивы*, его-же, *Шпитали въ Малороссіи* П. С. Ефименка, *Очерки изъ жизни Кіева начала XIX ст.*, проф Ф. А. Терновскаго, *Серапіонъ, кіевскій митрополитъ*, его-же, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому 1854—1857. Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ Н. Ханенка, Дневникъ свящ. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Морцѣпанъ и Ганнусковой горѣлки“*, рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.** На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются.

Библиотека "Руниверс"

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе*).

---

4) Армейская реформа слободскихъ полковъ князя Шаховскаго.

По мѣрѣ того, какъ ослабленіе, или отмѣна мѣстныхъ областныхъ особенностей Слобожанщины разширяли поприще для центральныхъ мѣропріятій, непрерывныя, можно сказать, реформы преслѣдовали жизнь этой провинціи изъ поколѣнія въ поколѣніе. Есть свѣдѣніе, что еще Петръ I замышлялъ значительную передѣлку во внутреннемъ устройствѣ слободскихъ полковъ и, вѣроятно, только смерть неутомимаго реформатора остановила его дѣятельность въ этомъ уголкѣ; но это спокойствіе отъ реформъ продолжалось не долго. Преобразованіе великорусскаго земскаго пограничнаго ополченія московской Украйны въ регулярное войско входило въ общій планъ военныхъ реформъ Петра I и продолжалось его наслѣдниками, и оно-же вызвало памятную по своему характеру и послѣдствіямъ первую радикальную реформу въ области слободскихъ полковъ. Это была реформа князя Шаховскаго, которая въ отрицательномъ смыслѣ имѣетъ право занять, можетъ быть, одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ областной исторіи южно-русскаго населенія. Достойно особаго вниманія, что, производя эту реформу, кн. Шаховскій дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію, не имѣя, какъ увидимъ ниже, опредѣленныхъ указаній отъ высшей власти

---

*) См. въ ноябрской книжкѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

Библиотека "Руниверс"

и не справляясь съ указами, опредѣлявшими быть, права и привилегіи козачьяго населенія, и это тѣмъ болѣе доказываетъ, что въ данномъ случаѣ онъ является лишь случайнымъ выразителемъ господствовавшихъ въ то врѣмя стремленій и общаго государственнаго и общественнаго строя. Неудивительно по этому, что въ его мѣропріятіяхъ является полное смѣшеніе такихъ разнородныхъ, по своему происхожденію и внутренней бытовой организаціи, элементовъ, какъ московскіе служилые люди, впослѣдствіи большею частію переименованные въ однодворцевъ, и южно-русское населеніе слободскихъ полковъ. Въ чемъ однако состояли преобразованія князя Шаховскаго? —Вѣрную характеристику ихъ мы находимъ въ такомъ важномъ офиціальномъ актѣ, какъ знаменитая жалованная грамота слободскимъ полкамъ императрицы Елисаветы 1743 г. Въ началѣ этой грамоты представлено то легальное положеніе этихъ полковъ, въ какомъ застала ихъ реформа. „Довольно извѣстно, говорится въ ней отъ лица императрицы, съ какою вѣрностію и ревностію черкасскіе слободскіе полки служили предкамъ и отцу нашему“... и что „за такія... ихъ службы милостивыя жалованныя грамоты... 7177, 7192, 7197 и въ 1700 годахъ... они получали, по которымъ тѣхъ полковъ полковники, старшина и козаки за упомянутыя ихъ многія вѣрныя и усердныя службы, (в)мѣсто годоваго жалованы, пожалованы и повелѣно имъ всякими промыслы промышлять и всякими товарами торговать безпошлинно, такожъ мельницами и рыбными ловли и всякими угодьи владѣть и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ, и винокурить, и шинковать безъоброчно, и съ тѣхъ промысловъ полковую службу служить имъ безъ жалованья, и въ таможняхъ у нихъ вѣрнымъ головамъ и цѣловальникомъ русскимъ быть не велѣно, а отданы тѣ таможни и мосты и перевозы старшинѣ и козакамъ, и повелѣно имъ брать таможенную пошлину со всѣхъ пріѣзжихъ купцовъ русскихъ и съ черкасъ съ продажныхъ ихъ товаровъ по уставной грамотѣ безъ излишества, самимъ опошлинныя и откупныя деньги платить въ Бѣлгородъ по прежнимъ окладамъ, и быть въ тѣхъ слободскихъ полкахъ въ конной службѣ выборнымъ коннымъ козакамъ указанныхъ числъ, а достальнымъ помогать въ службѣ тѣмъ коннымъ *по ихъ черкасскому обыкновенію*, чтобъ оные выборные козаки тою ихъ подмогою были всегда конны и оружены и въ походахъ запасами довольствованы, а кромѣ той

Библиотека "Руниверс"

войсковой полковой конной службы никуда на годовую службу посылать и иныхъ тягостей налагать, такожъ и подводъ у нихъ безъ указу и безъ грамотъ имать не велѣно-жъ". Но вотъ какъ началась и что произвела реформа князя Шаховскаго: „а нынѣ,—продолжаетъ грамота,—нашему императорскому величеству тѣхъ слободскихъ полковъ полковники и старшины всеподданнѣйше били челомъ, что въ 1732 году, по представленіямъ покойнаго генерала князя Алексѣя Шаховскаго, который въ тѣ слободскіе полки, по указу сестры нашей императрицы Анны Іоанновны, отправленъ былъ для добраго и основательнаго тѣхъ полковъ разсмотрѣнія и исправленія, въ противность вышеупомянутыхъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и тамошнихъ порядковъ, учрежденъ *драгунскій полкъ* и опредѣлены въ тотъ полкъ многіе изъ армейскихъ полковъ штабъ и оберъ-офицеры, которымъ противъ рангова дапы въ подмогу въ тѣхъ-же полкахъ мѣстечки, села и деревни съ грунтами и съ козаками, братьевъ и свойственниковъ и изъ подпомощниковъ пожиточные и лучшіе люди довольное число, кои принуждены быть въ ихъ *подданствѣ и всякія работы по примѣру крестьянъ несть*, съ немалымъ отягощеніемъ, и дѣйствительной козачьей службы лишены, и какъ оными офицерамъ, такъ и драгунамъ противъ нерегулярныхъ отмѣнная подмога опредѣлена, и тѣ драгуны получаютъ мундиръ и аммуницію изъ собираемой суммы съ козаковъ-же и подпомощниковъ съ немалою обидою, отъ чего во всякихъ дѣлахъ происходятъ крайніе непорядки, а въ полковыхъ канцеляріяхъ въ подлежащихъ по должности исправленіяхъ немалое помѣшательство, а на мѣсто убылыхъ и умершихъ въ томъ драгунскомъ полку драгунъ выбираются слободскихъ-же полковъ изъ лучшихъ козаковъ и отъ того оные слободскіе полки пришли въ несостояніе". Такимъ образомъ вся рефора Шаховскаго сводилась къ подведенію козачьяго строя къ общимъ порядкамъ регулярной военной службы и обращенію всего неслужилаго козачьяго населенія въ экономическую и просто рабочую силу какъ для содержанія полка, такъ и въ личное довольство полковаго начальства, въ роли крестьянъ.

Такой важный періодъ въ исторіи Слободской Украйны, какъ реформа князя Шаховскаго, заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователей прошлой судьбы мѣстной областной жизни; но мы, по спеціальному характеру нашего главнаго предмета, не имѣемъ

Библиотека "Руниверс"

ни средствъ, ни цѣли всесторонне останавливаться на этомъ періодѣ и потому сдѣлаемъ только извлеченіе изъ имѣющихся у насъ подъ руками источниковъ касательно положенія слободскихъ полковъ въ это время. Въ „Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества", о которомъ мы прежде упоминали, кратко замѣчается, что съ 1732 г. слободскіе полки, по именному повелѣнію Анны Іоанновны, подчинены были „во всякихъ дѣлахъ" учрежденной въ Сумахъ *слободской коммиссіи*, и въ это-же время навербованъ былъ изъ слободскихъ козаковъ регулярный драгунскій полкъ „на всемъ слободскомъ вооруженіи, обмундированіи и содержаніи, при каждомъ козачьемъ полку по 200 драгунъ". Болѣе подробныя свѣдѣнія о произведенной кн. Шаховскимъ реформѣ и положеніи слободскихъ полковъ мы встрѣтили въ одномъ провинціальномъ изданіи [1]), гдѣ помѣщена весьма интересная для областной исторіи Слободской Украйны статья: „Войсковые обыватели воронежской губерніи". Вотъ что говорится въ ней относительно преобразованія острогожскаго слободскаго полка, а слѣдовательно и прочихъ слободскихъ полковъ, такъ какъ реформа кн. Шаховскаго ведена была одновременно во всѣхъ полкахъ: „...вскорѣ затѣмъ (послѣ Петра I) послѣдовалъ для нихъ (острогожцевъ) цѣлый рядъ самыхъ крупныхъ преобразованій. Нѣмцы, какъ пишетъ составитель экономическаго описанія [2]), были будто единственными виновниками злоключеній, которымъ подвергнулись острогожцы, начиная съ 1732 г. Господствуя при дворѣ Анны Іоанновны и стараясь все регулировать на нѣмецкій образецъ, приспѣшники Бирона обратили вниманіе и на слободское украинское козацкое войско, къ составу котораго принадлежали острогожскіе козаки. Но можетъ быть и не одно нѣмецкое регулированіе привело къ реформѣ... Козаки и реформу, и присланнаго дворомъ реформатора, — князя Шаховскаго встрѣтили непріязненно. Правду сказать, и со стороны преобразователей немного оказано было вниманія привычкамъ и интересамъ

---

[1]) Памятная книжка воронежской губерніи на 1865—1866 г. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ, 1867 г.

[2]) Тутъ прямое указаніе на другой важный для исторіи Слободской Украйны источникъ,—не изданное еще «экономическое описаніе воронежской губерніи 1781 г., находящееся, въ рукописи, въ архивѣ воронежскаго статистическаго комитета.

Библиотека "Руниверс"

козаковъ: реформа поведена была круто. Шаховскій собственно не уничтожалъ козацкаго войска; но сдѣлалъ хуже, чѣмъ если-бы его вовсе уничтожилъ, именно: онъ оставилъ существовать козацкое имя, а на дѣлѣ превратилъ одну часть козаковъ въ регулярныхъ солдатъ, а другую въ крѣпостныхъ. Это сдѣлалось такъ: учрежденъ былъ драгунскій слободской полкъ, въ который забраны были рядовыми всѣ лучшіе козаки и отданы подъ команду офицеровъ, приглашенныхъ изъ регулярной арміи. Старшинные козацкіе начальники были устранены совсѣмъ отъ войска и оставлены безъ дѣла. Затѣмъ, всѣ такъ называемые козацкіе захребетники, подсусѣдки, бѣдные козаки и прочіе люди, не попавшіе въ драгунскій полкъ, раздѣлены на участки и розданы въ аренду драгунскимъ офицерамъ вмѣсто жалованья, или назначены для будущаго укомплектованія драгунскаго полка. Нельзя не замѣтить, что военное учрежденіе, открытое Шаховскимъ, очень походило на позднѣйшія военныя поселенія". Такимъ образомъ Аракчеевскія военныя поселенія въ харьковской губерніи имѣли уже въ лицѣ князя Шаховскаго своего достойнаго предтечу еще почти за 100 лѣтъ.

Неудовольствіе станичниковъ успѣло разразиться только громкими жалобами. Кончина Анны Іоановны и вскорѣ затѣмъ восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны положили конецъ реформѣ Шаховскаго. Узнавъ о духѣ и настроеніи новой императрицы, и въ особенности о ея уваженіи ко всему, что было учреждено Петромъ I, острогожцы поспѣшили законнымъ путемъ снять съ себя положенное на нихъ иго [1]). Отправлена была депутація къ императрицѣ съ жалобой на невыносимую тягость положенія и съ просьбой о возвращеніи привилегій, утвержденныхъ и дарованныхъ грамотой Петра I отъ 1700 года. Полковникъ Иванъ Тевяшевъ (или Тевяшевскій), начальникъ депутаціи, хлопоталъ такъ усердно..., что императрица, не смотря на возраженія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ генераловъ, рѣшилась отмѣнить распоряженія военной коммисіи 1731 г., т. е. реформу Шаховскаго, и въ 1743 г. своею грамотою возвратила козакамъ всѣ ихъ прежнія права и привилегіи. Возстановлено было козацкое полковое управленіе вмѣстѣ съ зависимостью по гражданскимъ дѣламъ отъ бѣлгородскаго губернатора. Надобно

---

[1]) Также точно поступили и остальные слободскіе полки.

Библиотека "Руниверс"

было отдать дань народному чувству, оскорбленному бироновскимъ правленіемъ, и дань уваженія къ имени Петра. Впрочемъ нѣмецкіе теоретики,—продолжаетъ авторъ,—а вмѣстѣ съ ними и люди, понимавшіе положеніе и значеніе слободско-украинскаго козачества, не совсѣмъ въ этомъ случаѣ уступили; именно: одновременно съ освободительной грамотой сдѣлано было распоряженіе, чтобы особые доходы слободско-украинскаго войска обращались на содержаніе трехъ драгунскихъ и одного гарнизоннаго полка, учрежденныхъ военною коллегіею въ 1731 г. На это немаловажное ограниченіе войсковыхъ привилегій острогожцы не жаловались, очень довольные и тѣмъ, что избавились отъ реформъ Шаховскаго... Отвыкая постепенно отъ оружія, слободскіе козаки теряли вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнее стремленіе къ самостоятельному управленію и къ военнымъ почестямъ, сохранивъ только желаніе удержать привилегіи, обезпечивавшія ихъ матеріальное благосостояніе. Скоро не стало между ними ни Тевяшевскихъ, ни стариковъ, помнившихъ военныя дѣла козачества, и потомки азовскихъ воителей не просили болѣе военнаго званія, не искали привилегій за ратныя услуги, а боялись единственно потери права винокуренія, обложенія податями наравнѣ съ крестьянами и т. под. Сверхъ того упадку духа въ козакахъ способствовали печальные остатки или послѣдствія реформы Шаховскаго, именно: обращеніе многихъ козаковъ въ „подданныхъ черкасъ“, т. е. въ крѣпостныхъ. Бѣднѣйшихъ козаковъ, козацкихъ подсусѣдковъ, захребетниковъ и тому подобныхъ лицъ, не имѣвшихъ настоящаго права гражданства между козаками, Шаховской, какъ мы видѣли выше, роздалъ вмѣсто жалованья офицерамъ своего драгунскаго полка, отъ которыхъ, по возстановленіи козацкихъ правъ, эти люди перешли (на какихъ правахъ, мы сказать не можемъ) къ козацкимъ начальникамъ и, подъ властью этихъ, являются въ позднѣйшее время настоящими крѣпостными. Независимо отъ того, что этимъ уменьшился составъ войска, переходъ козацкихъ вождей въ сословіе владѣльцевъ имѣніями крѣпостныхъ людей имѣлъ самъ по себѣ пагубное вліяніе на козачество, сдѣлавъ, со времени этого перехода, интересы козацкихъ начальниковъ солидарными съ интересами прочаго дворянства въ краѣ и почти совершенно отдѣливъ ихъ отъ простыхъ козаковъ. Эти послѣдніе, оставленные своими вождями, стали быстро обращаться въ настоящихъ крестьянъ, и

Библиотека "Руниверс"

если не тотчасъ лишились всѣхъ козацкихъ привилегій, то единственно по милости винокуренной привилегіи, которая одна связывала ихъ съ козацкимъ дворянствомъ. Для послѣдняго не было-бы основанія пользоваться привилегіею, еслибъ простые козаки ее потеряли. Эти перемѣны во внутреннемъ положеніи и въ стремленіяхъ слободскихъ козаковъ послѣдовали частію прежде, частію послѣ возстановленія козацкихъ правъ императрицею Елисаветою, но уже черезъ 20 лѣтъ послѣ этого событія они привели козачество въ такое положеніе, что значительныя реформы сдѣлались совершенно возможными. Такимъ образомъ, въ 1765 г., послѣ 20-ти лѣтняго существованія, грамота Елисаветы перестала дѣйствовать... Указомъ Екатерины II острогожское козачество было уничтожено и козакамъ велѣно именоваться казенными войсковыми обывателями, при чемъ козацкая служба замѣнена службою въ острогожскомъ гусарскомъ полку. Этотъ гусарскій полкъ содержался на счетъ козаковъ. Для гражданскаго управленія учреждена острогожская провинціальная канцелярія, завѣдывавшая пятью уѣздными канцеляріями и подчиненная слободско-украинской губернской канцеляріи. Винокуренной привилегіи не тронули... Бывшее козацкое начальство въ особенности осталось довольно своимъ совершеннымъ присоединеніемъ къ мѣстному дворянству".

Въ этой краткой исторіи реформъ князя Шаховскаго въ острогожскомъ полку и послѣдствій этихъ реформъ заключается исторія и остальныхъ слободскихъ полковъ за тоже время.

По свидѣтельству автора цитированной нами статьи, въ настоящее время потомковъ бывшихъ козаковъ острогожскаго полка считается около четверти населенія воронежской губерніи. Такимъ образомъ реформа князя Шаховскаго еще почти за полвѣка до формальнаго введенія крѣпостнаго права въ Малороссіи ввела уже это право въ Слободскую Украйну, а своеобразные аграрные порядки этой области передъ судомъ такого реформатора, какъ князь Шаховской, не заключали въ себѣ, конечно, никакого вопроса. Не трудно оцѣнить въ общемъ вліяніе этой нещадной ломки жизни на правовое сознаніе населенія относительно его старозаимочныхъ земель: естественно предположить, что начатый этою реформой разрывъ классовъ бывшаго прежде солидарнаго козачьяго населенія и въ особенности прочно заложенное рабство—должны были сильно

Библиотека "Руниверс"

потрясти положеніе старозаимочнаго владѣнія козаковъ, а въ извѣстной части, гдѣ населеніе обратилось въ рабовъ, можетъ быть и совершенно упразднить старозаимочное право.

---

5) Дальнѣйшая судьба старозаимочнаго землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи. Общая межевая инструкція 1766 года.

Такая катастрофа въ жизни народа, какъ реформа князя Шаховскаго, потрясшая самыя основы его бытовой организаціи, приготовила уже открытое приличе для довершительныхъ мѣропріятій Екатерины II; въ 1765 г. изъ слободскихъ полковъ была образована слободская украинская губернія, съ губернскимъ городомъ Харьковомъ. „Послѣ воцаренія Екатерины II Слободская Украйна [1]) подверглась кореннымъ измѣненіямъ въ строѣ, унаслѣдованномъ изъ распорядковъ Богдана Хмельницкаго въ Гетманщинѣ. Тогдашній край пяти слободскихъ полковъ съ полковыми городами: Харьковомъ, Сумами, Ахтыркой, Изюмомъ и Острогожскомъ, множествомъ сотенныхъ мѣстечекъ и слободокъ, долженъ былъ утратить свое мѣстное управленіе и ввести новое, одинаковое для всей страны и ея окраинъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣропріятіяхъ правительства того времени, выказывалось стремленіе сосредоточить все мѣстное управленіе каждой провинціи въ рукахъ одного лица, которое облекалось большой властью. Съ такою-то властью въ 1767 г. прибылъ секундъ-маіоръ Е. А. Щербининъ. Матеріалы, хранящіеся доселѣ въ мѣстныхъ архивахъ, ясно свидѣтельствуютъ, что кромѣ подготовленія и образованія въ краѣ „намѣстничества“, Щербинину были даны и другія весьма обширныя полномочія“. Между прочимъ онъ прилагалъ попеченіе объ усиленномъ просвѣщеніи и немедленно вошелъ въ переписку съ бѣлгородскимъ епископомъ Самуиломъ о заведеніи при тогдашнемъ харьковскомъ коллегіумѣ типографіи, заявляя, что „для всякаго публичнаго училища необходимая есть вещь типографія, а отъ того и всему обществу слѣдуетъ польза“. Епископъ Самуилъ хотя и согласился въ общемъ,

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣдом., 1881 г., № 340.

Библиотека "Руниверс"

что просвѣщеніе можетъ быть полезно, но въ своемъ отвѣтѣ косвенно предостерегъ губернатора о могущихъ быть „вредительныхъ гадинахъ“, которыя, безъ строгаго досмотра начальства, могутъ писать сочиненія, „опроверженія Божія закона исполненныя, самодержавію и отечеству противныя, также сочиненія язвительныя и соблазнительныя“... Такъ на этомъ и окончились, кажется, заботы о просвѣщеніи, но за то гражданское и общественное просвѣщеніе было тщательно переформировано.

При учрежденіи слободско-украинской губерніи населеніе слободскихъ козаковъ было переименовано въ казенныхъ войсковыхъ обывателей, а поселенія ихъ названы войсковыми слободами. Въ губерніи учреждена была губернская канцелярія и при ней особый вотчинныхъ дѣлъ департаментъ, который былъ подчиненъ государственной вотчинной коллегіи; кромѣ губернской канцеляріи были образованы еще подчиненныя ей 4-е провинціальныя воеводскія канцеляріи съ „великороссійскими прокурорами“.

Изъ инструкціи 6 іюля 1765 г., данной слободско-украинскому губернатору, между прочимъ, видно, что поземельнаго налога въ это время не было, а былъ опредѣленъ только душевой и личный окладъ: по 95 коп. съ войсковыхъ обывателей, съ правомъ винокуренія, а безъ этого права по 85 коп.; порядокъ сбора этого оклада велѣно „каждаго мѣста жителямъ оставить на собственныя народныя раскладки“. Прежнія сотенныя управленія преобразованы были въ комиссарства; только въ мелкихъ судныхъ дѣлахъ, не свыше 12 р., оставленъ былъ въ силѣ *мѣстный народный обычай* (черкасское обыкновеніе) *словеснаго суда* съ одной журнальной запиской. 9—16 пункты этой инструкціи касаются, и то только въ самыхъ общихъ предначертаніяхъ, мѣстнаго поземельнаго вопроса, при чемъ не трудно замѣтить, что фактическое положеніе этого вопроса весьма мало, чтобы не сказать больше, было извѣстно администраціи. Мотивомъ учрежденія департамента вотчинныхъ дѣлъ было выражено: „по не имѣнію въ слободскихъ полкахъ никакого предѣла въ земляхъ, ограничить закономъ, дабы всякій удѣлъ свой или заимку зналъ и завладѣнное излишнее возвратилъ“. Далѣе, этому дерартаменту вотчинныхъ дѣлъ вмѣнено было въ обязанность „сдѣлать подлежащія пріуготовленія къ будущему размежеванію всѣхъ земель, по общему государственному о томъ установленію;

Библиотека "Руниверс"

и для того отъ всѣхъ владѣльцевъ, имѣющихъ на тамошнія земли грамоты и крѣпости, тако-жъ и отъ полковыхъ канцелярій, съ грамотъ, указовъ и всякихъ укрѣпленій... собрать копіи"... Мелкое поземельное, участково-наслѣдственное владѣніе бывшихъ слободскихъ козаковъ и горожанъ Слобожанщины повидимому было или совсѣмъ не замѣчено, или-же игнорировано. Только въ указѣ 1803 года этотъ фактъ былъ признанъ относительно козачьяго землевладѣнія бывшей гетманщины: „въ числѣ жителей Малороссіи, сказано въ этомъ указѣ 19 іюля 1803 г., находится одно состояніе, какого нѣтъ ни въ Великой, ни въ Бѣлой Россіи, т. е. состояніе козаковъ, пользующихся по древнимъ законамъ совершенно на правѣ дворянскомъ пріобрѣтенными заслугой, или покупкой у другихъ владѣльцевъ землями (главное основаніе здѣшняго землевладѣнія—старозаимка не упомянуто и въ этомъ указѣ) и имѣющихъ по онымъ многочисленные съ помѣщиками споры". Офиціальное признаніе этого факта благоразумно замедлило рѣшительныя межевыя дѣйствія въ гетманской Малороссіи почти до позднѣйшаго времени; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ „Курса гражд. права", размежеваніе Малороссіи представляло особенныя затрудненія. При меньшей спѣшности и энергіи объединительныхъ мѣръ эпохи Екатерины II эти трудности въ разрѣшеніи поземельнаго вопроса въ бывшей Слобожанщинѣ также, конечно, были-бы замѣчены и оцѣнены по достоинству; въ позднѣйшемъ законодательномъ актѣ по старозаимочному вопросу, принадлежащемъ уже 60 годамъ (о чемъ скажется въ своемъ мѣстѣ), была офиціально признана особенная важность дѣла о старозаимочныхъ земляхъ и необходимость всяческой „осторожности, съ которой должно вообще прикасаться къ древнимъ правамъ владѣнія". Это положеніе представлялось въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе серьезнымъ, что поземельное замѣшательство въ бывшей Слобожанщинѣ, вслѣдствіе цѣлой массы всяческихъ реформъ, имѣвшихъ въ виду не столько пользу населенія, сколько разныя внѣшнія служебныя и вотчинно-государственныя цѣли, началось еще до времени Екатерины II. Давнее, постепенное разложеніе козачьяго самоуправленія, переходъ козачьей старшины въ привилегированный высшій классъ, возникновеніе крупнаго землевладѣнія изъ пожалованныхъ земель людямъ мѣстнаго и главнымъ образомъ великорусскаго происхож-

Библиотека "Руниверс"

денія, фактическая и юридическая неопредѣленность мелкаго поземельнаго владѣнія массы туземнаго черкасскаго населенія—все это естественно порождало явленія насилія и захвата со стороны сильныхъ въ сферѣ поземельнаго владѣнія и даже вызвало рѣшительную правительственную мѣру—указъ 15 марта 1765 г. „о возвращеніи слободскимъ полкамъ заселенныхъ помѣщиками земель". Тогда обнаружилось, что „многіе неуказнымъ образомъ на дачахъ слободскихъ полковъ населили себѣ деревни"..., почему и предписано было эти „неправильно завлаженныя земли съ поселенными на нихъ деревнями приписать къ содержанію слободскихъ полковъ".

Всю эту сложность и неопредѣленность поземельнаго вообще и межеваго вопроса въ частности въ Слободской Украйнѣ правительство рѣшилось регулировать общей инструкціей 25 мая 1766 г. „межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ".

Цѣль этой инструкціи—„розмежеваніе во всей Имперіи всѣхъ владѣльцевъ въ ихъ земляныхъ дачахъ", дабы отмежеваніемъ земель къ селеніямъ и точнымъ опредѣленіемъ пустошей „пресѣчены были споры въ земляхъ къ селеніямъ и пустошамъ принадлежащихъ, а не во владѣніяхъ селеній и пустошей, въ чемъ споры предоставляются обыкновенному... суду и разсмотрѣнію въ томъ крѣпостей... Вотчинной коллегіей". Такимъ образомъ опредѣленіе мелкаго землевладѣнія внутри этихъ дачъ совершенно не входило въ цѣль этой инструкціи, а судебная защита этого владѣнія уже потому не могла имѣть мѣста, что старозаимочное мелкое землевладѣніе было въ массѣ почти совершенно бездокументальное. Трудно сомнѣваться въ томъ, что уже одно генеральное размежеваніе прошлаго вѣка въ Слободской Украйнѣ, согласно этой инструкціи, принесло большую пользу дѣлу поземельнаго порядка, но мелкое старозаимочное владѣніе внутри генерально-обмежеванныхъ дачъ видимо было игнорировано въ виду XIX главы инструкціи „о земляхъ однодворцевъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей". Въ первомъ пунктѣ этой главы сказано: „всѣ состоящія за однодворцами и прежнихъ службъ служилыми людьми, яко то козаками, стрѣльцами... пушкарями... черкасами и другихъ подобныхъ сему названій, которые написаны въ подушный окладъ,... слободы, села, деревни и пустоши, и прочія угодья утверждать по писцовымъ и межевымъ книгамъ, по всякимъ

Библиотека "Руниверс"

дачамъ и крѣпостямъ не каждому порознь, но вообще всѣмъ одной слободы, села или деревни съ принадлежащими къ нимъ пустошьми ко всякому особо". Эта именно глава инструкціи и была примѣнена при генеральномъ межеваніи прошлаго вѣка къ мелкому старозаимочному землевладѣнію, а первоначальное добрее пожеланіе правительства относительно установленія поземельнаго порядка въ Слободской Украйнѣ: „дабы всякій удѣлъ свой или заимку зналъ" осталось безъ практическаго примѣненія, что случилось, нужно думать, можетъ быть не столько отъ недостатка благихъ пожеланій администраціи, какъ просто отъ физической невозможности упорядочить въ то время однимъ только бюрократическимъ путемъ всю массу находящагося въ постоянномъ движеніи мелкаго землевладѣнія. Кромѣ несомнѣнныхъ практическихъ затрудненій, которыя встрѣтило-бы всякое спеціальное межеваніе мелкаго землевладѣнія въ прошломъ вѣкѣ (затрудненій, которыя могутъ быть оцѣнены и по той массѣ ошибокъ и злоупотребленій, какія сопровождали даже въ наше время спеціальное размежеваніе черниговской и полтавской губерній), на упрощенное разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ харьковской губерніи несомнѣнно вліяла и добрая вѣра въ легкую возможность установки основныхъ бытовыхъ порядковъ населенія однимъ только бумажнымъ путемъ: въ концѣ 1 пункта той-же XIX главы инструкціи мы видимъ ясную цѣль правительства совершенно отрѣшить промышленное городское сословіе отъ землевладѣнія: „на живущихъ-же въ одиодворческихъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей селеніяхъ, записанныхъ изъ сего званія въ купечество, земель не намѣривать, за тѣмъ, что они не яко поселяне, а какъ уже мѣщане должны довольствоваться не отъ пашни, но отъ торговъ и промысловъ, и жительство имѣть въ городахъ". Въ послѣдующемъ изложеніи нашего вопроса мы коснемся тѣхъ послѣдствій, которыя породила эта XIX глава въ районѣ старозаимочнаго землевладѣнія.

Авторъ имѣющейся у насъ въ рукахъ брошюры: „Старозаимочныя земли харьковской губерніи", которая, очевидно, была чѣмъ-то въ родѣ „мнѣнія" или докладной записки, представленной по начальству уже въ 40-хъ годахъ, говоритъ, что побудительной причиной ея составленія было то „великое затрудненіе и недоразумѣніе касательно старозаимочныхъ земель и лѣсовъ", которое онъ, самъ

Библиотека "Руниверс"

авторъ, испыталъ въ должности посредника по полюбовному спеціальному размежеванію чрезполосныхъ владѣльческихъ земель, при составленіи полюбовныхъ соглашеній и окончательныхъ сказокъ по дачамъ харьковскаго уѣзда. Затрудненія, встрѣченныя этимъ замѣчательно добросовѣстнымъ чиновникомъ, были разнообразны и серьезны: такъ прежде всего онъ убѣдился, что у мелкихъ владѣльцевъ старозаимочныхъ земель (а такими мелкими владѣльцами была почти вся масса крестьянства, т. е. бывшихъ войсковыхъ обывателей и многія лица другихъ сословій), нѣтъ документальныхъ доказательствъ права на землевладѣніе: „документовъ, кромѣ нѣкоторыхъ духовныхъ завѣщаній и партикулярныхъ сдѣлокъ, на таковыя старозаимки почти никто не имѣетъ: одни представляютъ, что ихъ документы по давности времени затеряны, или истреблены пожаромъ, у другихъ отобраны по начальству для разсмотрѣнія и обратно не возвращены, а иные говорятъ прямо, что у нихъ никакихъ документовъ нѣтъ, а владѣніе безспорно, какъ ихъ отцы и предки владѣли“. Въ виду этихъ многообразныхъ затрудненій, авторъ брошюры дѣлаетъ краткій историческій обзоръ вопроса о юридическомъ характерѣ старозаимочнаго землевладѣнія, ссылается на цѣлый рядъ грамотъ московскихъ государей и царей, объясняетъ, что „слово заимка выражаетъ свободное занятіе или пріобрѣтеніе участка земли; самыя неправильныя фигуры этихъ займовъ, продолжаетъ авторъ брошюры, показываютъ произвольное занятіе мѣстъ; гдѣ владѣльцы надѣлены землями по крѣпостямъ или отъ общества, тамъ участки (загоны, нивы) имѣютъ форму квадрата или параллелограмма, а здѣсь владѣльческія полосы земли и лѣса имѣютъ фигуры болѣе чѣмъ неправильныя. Стоитъ только взглянуть на планъ харьковской дачи, чтобы вполнѣ удостовѣриться, что здѣсь не было ни надѣла, ни раздѣла земли: всякій по произволу занималъ то, что ему нравилось и что возможно было пріобрѣсть“.

Въ заключеніе своего краткаго обзора какъ историческаго происхожденія заимки, такъ и освященія ея свыше цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ, авторъ дѣлаетъ такой общій выводъ: „на сихъ-то высочайше дарованныхъ правахъ основываясь, многіе изъ войсковыхъ обывателей харьковской губерніи въ прежнія времена старозаимками распоряжались какъ *неотъемлемою своею собственностію*, закладывали, продавали, дѣлали на нихъ духовныя завѣ-

Библиотека "Руниверс"

щанія и отдавали ихъ въ приданое своимъ дочерямъ; другіе изъ войсковыхъ обывателей, поступивши въ военную и гражданскую службу и за отличные подвиги и особенные ихъ труды, оказанные на пользу отечества, были возведены въ дворянское сословіе, не лишаясь предковскихъ своихъ старозаимокъ, отчего у потомковъ ихъ (безъ крѣпостей) находятся во владѣніи подобныя земли. Равнымъ образомъ нѣкоторые изъ войсковыхъ обывателей, занимаясь торговыми оборотами, промыслами и ремеслами, переходили въ купеческое, мѣщанское и цеховое состояніе, не переставая владѣть землями и лѣсами по старозаимкамъ".

Этотъ бѣглый очеркъ происхожденія и правоваго характера старозаимочнаго землевладѣнія подтверждаетъ высказанное нами положеніе, что огромная масса украинскаго народа въ слободскихъ полкахъ владѣла землей на правѣ полной частной собственности; при чемъ владѣніе это почти повсемѣстно было личное, а не общинное, съ полнымъ правомъ отчужденія и залога (заставы) и съ дробленіемъ и переходомъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мы не оцѣнивасмъ этого факта ни положительно, ни отрицательно, а просто намѣчаемъ его, какъ фактъ почти общій и безспорный: *индивидуализмъ землевладѣнія на югѣ — это его національная и типичная форма въ Малороссіи.* Здѣсь мимоходомъ лишь замѣтимъ, что этотъ фактъ несомнѣнно органически обусловленъ какъ всей исторіей, такъ и національнымъ характеромъ населенія южной Руси, и нужно думать, находится въ тѣсной связи съ самымъ устройствомъ южно-русской семьи, отличнымъ отъ многосемейнаго „двора" Великой Россіи, гдѣ „большакъ" и „большуха" стоятъ иногда во главѣ нѣсколькихъ семействъ и нѣсколькихъ поколѣній. На югѣ индивидуализмъ также наглядно проявляется въ устройствѣ семьи, какъ и въ поземельномъ владѣніи; можетъ быть еще правильнѣе было-бы сказать, что малочисленность южно-русской семьи (обыкновенно мужъ, жена и дѣти, еще неженатыя и незамужнія) и личный характеръ поземельнаго владѣнія—это только разныя стороны одного и того-же принципа индивидуализма въ южно-русской жизни. При полномъ сходствѣ происхожденія, основныхъ началъ и типа землевладѣнія на всей территоріи южно-русскаго населенія, аналогическія явленія мы примѣчаемъ и въ такъ называемой Гетманщинѣ. Здѣсь однако старый

Библиотека "Руниверс"

аграрный строй рѣже и менѣе нарушался правительственными мѣропріятіями и вліяніемъ посторонніхъ элементовъ и народная жизнь представляла въ себѣ болѣе упругости. Правда, еще указомъ Анны Іоанновны 1739 г. января 8 (значитъ именно во время реформаторскихъ дѣяній князя Шаховскаго) даже малороссійскимъ козакамъ было запрещено распоряжаться своими землями на правахъ собственности, но въ этомъ-же указѣ было объяснено, что запрещеніе дѣлается до окончанія войны, и хотя оно потомъ опять подтверждено указомъ сената 1741 г., но не имѣло рѣшительнаго вліянія на измѣненія вѣками установившагося порядка землевладѣнія. Спустя много лѣтъ, при Александрѣ I-мъ, именно указомъ 28 іюня 1803 г. дозволено было малороссійскимъ козакамъ продавать свои земли и вообще распоряжаться недвижимымъ имуществомъ по древнимъ правамъ и привилегіямъ [1]) и такимъ образомъ наслѣдственно-участковое поземельное право козацкаго сословія бывшей гетманщины было признано офиціально, какъ увидимъ еще ниже, почти 60 годами ранѣе офиціальнаго признанія правъ частной собственности на старозанмочныя земли.

Иное положеніе земельнаго вопроса было для Слобожанщины: здѣсь врядъ-ли были какія-либо условія для опредѣленнаго выраженія народныхъ потребностей и стремленій, а, какъ замѣтили мы выше, оставалось мѣсто только для активнаго воздѣйствія съ одной стороны и пассивнаго подчиненія, или-же мертвой косности съ другой: жизнь почти съ самой ранней поры была лишена возможности органическаго саморазвитія не только по условіямъ своей внутренней творческой дѣятельности, но даже для свободнаго органическаго сліянія съ великорусскими аграрными порядками; она, можно сказать, почти цѣлые вѣка находилась подъ воздѣйствіемъ однихъ непрерывныхъ, извнѣ шедшихъ мѣропріятій, въ положительномъ смыслѣ нерѣдко совершенно безрезультатныхъ, а иногда даже и взаимно противорѣчивыхъ.

Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка въ дѣйствіяхъ администраторовъ бывшей слободской территоріи уже наглядно замѣчается вольное или невольное упущеніе изъ виду того факта, что позе-

---

[1]) См. Прибавленіе къ № 14 Черниг. Губ. Вѣдомостей, 11 апр. 1864 г., ст. «Историч. очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи».

Библиотека "Руниверс"

мельное владѣніе мѣстнаго малорусскаго населенія, какъ по своему происхожденію, такъ и по неоднократно выраженному признанію высшаго правительства (относительно черкасскихъ вольностей и обыклостей) есть владѣніе личное и потомственное, на правахъ частной собственности. Такъ еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка администрація харьковскаго намѣстничества видимо проводила въ своей дѣятельности тотъ взглядъ, что землевладѣніе войсковыхъ обывателей (бывшихъ козаковъ слободскихъ полковъ) неразрывно связано съ ихъ сословнымъ положеніемъ и потому не можетъ выходить за предѣлы сословія, взглядъ, который въ позднѣйшее время былъ выраженъ и въ законодательномъ порядкѣ. Такія стремленія мѣстной администраціи могутъ быть объясняемы скорѣе простымъ упущеніемъ изъ виду существенныхъ разновидностей аграрнаго порядка той или другой области, чѣмъ сознательной ассимиляціей этихъ разновидностей съ типомъ землевладѣнія, который уже органически отвѣчалъ всему строю московскаго государства, а можетъ быть и совмѣстно обоими этими условіями. Во всякомъ случаѣ кажется несомнѣнно то обстоятельство, что коренная правительственная перетасовка однодворческаго землевладѣнія главнымъ образомъ на сѣверной границѣ слободскихъ полковъ видимо послужила администраціи готовымъ шаблономъ для послѣдующихъ аграрныхъ реформъ и въ Слобожанщинѣ. Г. Побѣдносцевъ въ своемъ „Курсѣ гражд. права“ (ч. 1, изд. 1873 г., стр. 350—351) совершенно правильно замѣтилъ, что хотя старозаимочное владѣніе происходило путемъ вольнаго занятія земель, но уже рано „образовалось офиціальное понятіе о томъ, что земли слободскихъ полковъ составляютъ фондъ, предоставленный имъ за службу и для службы“... По причинамъ, разъясненіе которыхъ принадлежитъ общей исторіи Россіи, центральная петербургская администрація прошлаго вѣка исторически усвоила себѣ взгляды и практику, отрицавшіе всякія вотчинныя права на поземельную собственность за крестьянской массой, а такъ какъ южно-русское населеніе Слобожанщины искони фактически пользовалось этими правами на землю, то вся послѣдующая реформаторская дѣятельность администраціи, руководимая идеей нивелировки и централизаціи, видимо направила всѣ свои мѣры противъ начала личной собственности въ землевладѣніи Слободской Украйны. Несоотвѣтствіе этихъ мѣръ съ основными началами мѣст-

Библиотека "Руниверс"

наго аграрнаго порядка немедленно-же оказалось существеннымъ стѣсненіемъ въ частной гражданской жизни тогдашнихъ „обывателей“ харьковскаго наиѣстничества. Такъ, когда часть харьковскихъ войсковыхъ обывателей-землевладѣльцевъ пожелала перейти въ городское сословіе харьковскихъ мѣщанъ, то они „извѣстились“, что всѣ желающіе переходить изъ войсковыхъ обывателей въ купечество и мѣщанство не должны уже мѣшаться „во владѣніе земли“, а въ замѣнъ долженствовавшей отойти отъ нихъ земли мѣстное заботливое начальство выразило готовность „отрѣзать мѣщанству надлежащее количество земли въ городовыхъ выгонахъ“, которымъ, какъ безошибочно полагать можно, мѣщане могли воспользоваться лишь для общаго выпаса мелкаго домашняго скота и для огородовъ.

Въ виду такого нежданно предъявленнаго условія кандидаты въ городское сословіе въ „прошеніи своемъ“ на имя тогдашняго харьковскаго намѣстника Василія Алексѣевича Черткова, объяснили ему, что на городскихъ выгонахъ „съ таковыми выгодами и угодьями, какъ ихъ дачи, получить земли нельзя“, и на основаніи этого просили, „буде отмѣнить того положенія не можно, оставить ихъ при всѣхъ прежнихъ привилегіяхъ въ числѣ войсковыхъ обывателей“. Защищая свои права на землю, просители объясняли, между прочимъ, что „предки ихъ.... поселились городами, мѣстечками и селами на пустыхъ земляхъ отъ крымскихъ сторонъ для защищенія россійскихъ границъ.... предки ихъ, а затѣмъ и они, просители, поселившись на вольныхъ земляхъ, каждый занялъ себѣ свободные участки поземельныхъ, лѣсныхъ и сѣнокосныхъ дачъ, мельницы, хутора и другія угодья, а нѣкіе, пріобрѣвъ то покупкою, владѣли многіе годы, не имѣя во всемъ ни малѣйшей отмѣнности; да и прошлаго 1781 г., говорятъ о себѣ просители, записались въ мѣщанство съ такимъ обнадеживаніемъ, что всѣ предъизображенныя жалованныя привилегіи, земли и другія угодья не отымутся, а всегда при нихъ безъ малѣйшаго нарушенія пребудутъ“. Таковъ былъ взглядъ народа на свою поземельную собственность, не знавшую ни общинныхъ порядковъ, ни стѣсненія правъ по сословіямъ. Тогдашній харьковскій намѣстникъ Чертковъ, какъ видно, администраторъ, еще понимавшій мѣстныя условія, призналъ то простое положеніе, что не жизнь должна безусловно подчиняться мѣропрі-

Библиотека "Руниверс"

ятіямъ, а на оборотъ, и въ своемъ „предложеніи“ харьковскому намѣстническому правленію, по поводу вышеназванной просьбы, изложилъ слѣдующее руководящее разрѣшеніе этого вопроса: „внемля выраженіямъ просьбы сей и представивъ съ одной стороны надобность, колико полезно, а затѣмъ нужно въ губерніяхъ и купечество и мѣщанство, доставленіемъ разныхъ промысловъ и торговли обществу благотворящее, съ другой обрѣтая между правилъ должности своея, что благоустройство въ губерніи, споспѣшествованіе и способъ ко удовольствію каждаго законнымъ образомъ отъ попеченія главнокомандующаго зависитъ, а посему поставляя предметомъ удовлетворить выгодамъ всѣхъ и каждаго отъ попеченія и управленія моего зависящихъ, какъ и данное харьковскому намѣстничеству земель постановленіе къ таковому-же средоточію наклоненіе имѣло, дабы приблизить недвижимость къ самимъ ихъ обиталищамъ, доставить имъ удобность къ домоводству, привилегіями дозволенному, безъ удаленія и отъ торговыхъ обращеній въ городахъ заведенныхъ, рекомендую намѣстническому правленію оставить просителей, а равно и все мѣщанство не только въ губернскомъ, но и въ уѣздныхъ вѣдомства своего городахъ, при прежнихъ заимкахъ и владѣніяхъ, которыя они выгодѣ, въ близости грунтовъ ихъ заключающейся, охотно предпочитаютъ“. Изъ содержанія этого „предложенія“ Черткова и вызвавшихъ его причинъ видно, что это затрудненіе выхода войсковыхъ обывателей въ городскія сословія было уже не единичнымъ фактомъ, ибо самъ администраторъ смотритъ на сдѣланное имъ разрѣшеніе вопроса, какъ общее для всѣхъ однородныхъ случаевъ, и офиціально оглашаетъ его для общаго примѣненія во всемъ харьковскомъ намѣстничествѣ. Умный администраторъ не могъ не знать, что огромное большинство населенія въ городахъ его намѣстничества состояло изъ старозаимочныхъ владѣльцевъ—войсковыхъ обывателей и поэтому ставить преграды этому населенію къ выходу въ городскія сословія значило-бы оставлять города только при одномъ имени, а въ сущности принудительно оставлять ихъ населеніе при одномъ земледѣльческомъ промыслѣ, что позже и случилось въ дѣйствительности въ нѣсколькихъ (если не въ большей части), только номинальныхъ, городахъ харьковской губерніи, которые на самомъ дѣлѣ остались большими, но бѣдными земледѣльческими селами.

Библиотека "Руниверс"

Послѣдующая судьба землевладѣнія въ б. Слободской Украйнѣ, не менѣе какъ предъидущая, уже извѣстная читателямъ, способна удостовѣрить насъ въ томъ, что всѣ административныя и вообще правительственныя мѣры, клонившіяся къ такому или иному опредѣленію порядка землевладѣнія, были одновременными во всей этой мѣстности, такъ что исторія одного какого нибудь небольшаго уголка этой мѣстности, одного ея уѣзда, или даже волости, можетъ представить собой почти общую исторію аграрнаго вопроса на всемъ пространствѣ бывшей Слобожанщины. Тѣмъ легче обнять и понять ее въ одной отдѣльной картинѣ, и тѣмъ необходимѣе такая картина, что историческія данныя относительно старозаимочнаго землевладѣнія имѣются далеко не для всѣхъ мѣстностей б. Слободской Украйны и не за все изслѣдуемое время. Мы и представимъ такую картину въ исторіи одной старозаимочной дачи харьковской губерніи.

А. Шимоновъ.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА.

(Исторія г. Умани.—Уманская рѣзня.—Софіевка).

I.

Та мѣстность, на которой расположенъ теперь г. Умань съ его окрестностями и знаменитымъ садомъ, составляла нѣкогда центръ такъ называвшейся *уманской пустыни*. Она занимала въ окрестности до 300 верстъ и простиралась за нынѣшній уманскій уѣздъ, захватывая земли теперешняго балтскаго уѣзда до м. Богополья. На ней нѣтъ ни одного шага земли не орошеннаго человѣческою кровью: въ прежнее время она служила мѣстомъ для кровавыхъ сценъ и народныхъ распрей. Съ одной стороны этой обширной пустыни пролегала извѣстная дорога—*Чорный шляхъ* или *Татарскія дороги*, отдѣлявшая эту пустыню отъ земель ногайцевъ. Далѣе границами были: рѣки—*Синюха и Удычь*, впадавшая съ востока въ Бугъ, небольшой деревянный замокъ—*Брацлавскій*, укрѣпленный бревенчатымъ палисадомъ и основанный въ 1550 г. княземъ Богушемъ Ѳедоровичемъ *Корецкимъ*. Пустыню прорѣзывали, извиваясь въ скалистыхъ берегахъ, незначительныя рѣчки *Уманка* и *Каменка*, которыя соединялись ниже г. Умани.

Эта пустыня съ давнихъ поръ была ареною, на которой совершались всевозможныя столкновенія и насилія одного племени надъ другимъ и даже членовъ одного племени между собою. Извѣстно, что беззащитная Украйна въ прежнее время служила дорогой для различныхъ племенъ, что и изображается аллегорически въ пѣснѣ:

Ой біда, біда чайці небозі,
Шо вывела дітокъ при биті дорозі.

Библиотека "Руниверс"

Поэтому тутъ всегда могъ останаться всякій сбродъ даже изъ сосѣднихъ націй, тѣмъ болѣе, что сюда не досягали и законы. Всѣ голодные или чѣмъ нибудь недовольные пролетаріи собирались со всѣхъ окружныхъ и отдаленныхъ мѣстъ и здѣсь подвизались на поприщѣ грабительства и разбойничества. Тутъ-же отличалась и бездомная польская пляхта, презиравшая законъ своей страны и поставлявшая въ честь и личныя заслуги свои разбойническіе подвиги. Здѣсь часто собирались ватаги запорожцевъ, мстили своимъ притѣснителямъ и огнемъ и пикой уничтожали многолюдныя поселенія польской Украйны. Не рѣдко можно было встрѣтить и рыскающихъ ногайцевъ. Здѣсь говорили на языкахъ: малорусскомъ, польскомъ, литовскомъ, сербскомъ, молдованскомъ, цыганскомъ, турецкомъ и даже на нѣмецкомъ и венгерскомъ...

Пустынею этою никто исключительно не пользовался, хотя въ XV стол. она и считалась принадлежащею къ великому княжеству литовскому и была жалуема *земянамъ*, а въ томъ числѣ и какому-то Семену Копкѣ.

Сигизмундъ III актомъ, даннымъ 13 мая 1609 г., утвердилъ эту землю за винницкимъ и брацлавскимъ старостой Валентиномъ Александровичемъ Калиновскимъ. Съ этихъ поръ она и перешла въ его владѣніе. Калиновскіе стали заселять пустыню своими крестьянами и укрѣпили г. Умань для огражденія отъ нападеній татаръ и турокъ.

Отчего произошло названіе г. Умани, неизвѣстно. Подробностей и времени его возникновенія мы не знаемъ. Можетъ быть шалашъ, поставленный у рѣчки въ непроходныхъ лѣсахъ звѣроловомъ-охотникомъ, положилъ основаніе городу, или-же землянка бездомной „голоты“, добывавшей себѣ хлѣбъ разбоемъ у большой дороги— *Чорный шляхъ*. О существованіи Умани мы знаемъ только изъ различныхъ письменныхъ памятниковъ; извѣстно, что въ 1620 г. онъ былъ уже однимъ изъ значительныхъ городовъ Малороссіи.

Въ 1596 г. малороссійскій гетманъ Наливайко, воюя съ польскимъ коронным гетманомъ Жолкевскимъ, привелъ свои войска въ окрестности Умани и здѣсь набралъ себѣ для помощи храбрыхъ и отчаянныхъ удальцовъ, съ которыми догналъ Жолкевскаго подъ Чигириномъ и тамъ разбилъ его.

Библиотека "Руниверс"

Выговскій, вторично добивавшійся гетманства, въ 1664 г. послалъ вѣрнаго ему запорожца Сулиму подъ Умань, гдѣ послѣдній набралъ и составилъ отрядъ, съ которымъ двинулся на помощь Выговскому.

Въ эпоху такъ называемыхъ „руинъ“ г. Умань часто подвергался нападеніямъ и разоренiямъ. Цѣлый рядъ бѣдствій записанъ на листахъ исторіи этого города во время гетманства Петра Дорошенка.

Послѣдній былъ утвержденъ въ гетманствѣ польскимъ королемъ, вмѣстѣ съ этимъ былъ избранъ гетманомъ и уманскій полковникъ Хапенко.

Изъ-за гетманской булавы поднялись ссоры и драки, мѣстомъ которыхъ также былъ г. Умань и его окрестности. Самое ужасное изъ всѣхъ этихъ бѣдствій было въ 1674 г. Тогда Умань былъ лучшимъ городомъ въ этомъ краѣ, сильно укрѣпленнымъ и могъ отразить даже сильное нападеніе. Петръ Дорошенко, призвавшій на помощь противъ польскаго короля турокъ, занялся покореніемъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ зап. Украйнѣ. Визирь Кара-Мустафа, начальствовавшій надъ турецкимъ войскомъ, послѣ взятія м. Ладыжина, направилъ свои силы на Умань. Это было лѣтомъ. Дорошенко обѣщалъ оставить городъ въ цѣлости и не дѣлать надъ жителями никакихъ насилій, если уманцы безъ сопротивленія сдадутъ городъ. Когда послѣдніе увидѣли, что къ городу идетъ большое турецкое войско, то немедленно выслали полковника съ старшинами и лучшими козаками къ турецкому начальнику, чтобы онъ принялъ городъ подъ свое покровительство. Турки забрали городскихъ представителей въ плѣнъ. Это уманцевъ огорчило: они заперлись въ городѣ и храбро отбивались; дѣлали вылазки и нападали на враговъ. Турки принуждены были обойти городъ и начали съ другой стороны—отъ *Грекова лѣса*—дѣлать шанцы. Такимъ образомъ они подошли подъ самый замокъ, высыпали равной высоты съ городскимъ валомъ батареи и поставили на нихъ пушки. Чрезъ двѣ недѣли городъ былъ взятъ. Кровавая битва происходила и на улицахъ. Спрятавшіеся въ погребахъ были задушены дымомъ, такъ какъ турки зажигали на входахъ солому. Головы убитыхъ христіанъ турки представляли къ пашѣ и за каждую получали по червонцу; снимали кожу, дѣлали чучелы и отвозили визирю въ Ладыжинъ. Послѣ

Библиотека "Руниверс"

многихъ неистовствъ надъ жителями, которыхъ насчитывалось до 20 тысячъ, турки разорили и истребили до основанія посредствомъ огня и весь городъ [1]).

Мѣстность, на которой стояли турки до взятія города и теперь извѣстна въ народѣ подъ названіемъ *турокъ* или *турки;* она лежитъ между старымъ базаромъ, т. е. первоначальнымъ городомъ и Софіевкой.

Послѣ этого кроваваго событія Умань, изъ укрѣпленнаго и торговаго города, сдѣлался незначительнымъ селеніемъ, въ которомъ находили убѣжище бездомные скитальцы, существовавшіе грабежемъ и разбоемъ.

Около 1712 г., въ царствованіе Петра I, когда вмѣстѣ съ козацкими полками большинство жителей западной Украйны переселилось въ восточную Украйну, остатокъ православныхъ уманскихъ жителей перешелъ также, а западная Украйна отошла во владѣніе Польши.

Отъ Калиновскихъ г. Умань перешелъ во владѣніе Потоцкихъ слѣдующимъ образомъ: дочь Мартына Калиновскаго, Елена, выдана была замужъ за Якова зъ Рацибору Мартына, воеводу сендомирскаго и, получивъ въ приданое Умань, Могилевъ на Днѣстрѣ, Ямполь и нѣсколько другихъ имѣній, передала ихъ своему другу и родственнику Станиславу Потоцкому, коронному стражнику.

Такимъ образомъ Потоцкіе сдѣлались владѣльцами Умани и сосѣдями запорожцевъ. Главное мѣсто жительства Потоцкихъ было *Потокъ* въ белзскомъ воеводствѣ, а резиденція—замокъ въ *Крыстинополь.*

II.

Съ переходомъ уманской волости въ родъ Потоцкихъ, число бездомныхъ пролетаріевъ въ этихъ мѣстахъ увеличилось; они собирались здѣсь значительными партіями и дѣлали грабежи и разбои, какъ въ окрестностяхъ Умани, такъ и во всей западной Украйнѣ. Въ народѣ они извѣстны подъ именемъ „гайдамакъ“. Такіе бурлаки, подъ предводительствомъ своихъ „ватажковъ“ или полковниковъ всѣми силами старались вредить польскимъ панамъ и католическому духовенству, и при всякомъ столкновеніи грабили ихъ.

[1]) По Ригельману.

Библиотека "Руниверс"

Часто изъ Запорожья спеціально выходили отчаянные удальцы и сорвиголовы для набѣговъ и грабили въ польской Украйнѣ и даже въ самой Польшѣ; девизомъ ихъ была поговорка: „або добуть, або дома не буть". „Ватажки" выводили часто свои шайки изъ запорожскихъ степей, грабили и разоряли шляхетскіе и еврейскіе дворы, истязали въ нихъ хозяевъ, а особенно евреевъ.

Появлялись они и исчезали моментально, такъ что даже не давали времени подвергавшимся нападенію стать въ оборонительное положеніе. Если-же польское правительство или магнаты захватывали такія шайки, то безпощадно истребляли ихъ. Поэтому поводу часто русскимъ и польскимъ правительствомъ были назначаемы коммисіи; но коммисіи рѣшали дѣла на бумагѣ и не могли предотвратить бѣдствій. Набѣги и грабительства гайдамакъ повторялись все чаще и чаще. Наконецъ гайдамачество стало принимать правильную форму и нашло себѣ опору въ народной массѣ. Оно было протестомъ противъ преслѣдованія поляками православныхъ и стѣсненія народныхъ правъ. Выражалось оно возстаніями порабощенныхъ крестьянъ противъ пановъ, ихъ управителей и евреевъ—арендаторовъ. Унія, начавшаяся въ то время распространяться, была для православнаго народа ненавистною. Когда-же при польскомъ королѣ Станиславѣ Понятовскомъ недовольные имъ поляки составили барскую конфедерацію и начали дѣлать всевозможныя изувѣрства, то народное терпѣніе и ожесточеніе дошло крайнихъ предѣловъ. Между тѣмъ православныя церкви отдавались на откупъ евреямъ, которые были откупщиками и всѣхъ церковныхъ требъ и обрядовъ *). Католическіе и уніатскіе духовные преслѣдовали и истязали священниковъ, исповѣдывавшихъ греческую религію и старались насильно обращать православные приходы въ унію. Вотъ что породило тѣ ужасныя, потрясающія душу, кровавыя драмы, которыя разыгрались большею своею частью надъ Уманью.

Дѣятельнымъ поборникомъ своей церкви со стороны православія явился игуменъ мотронинскаго монастыря Мелхиседекъ Значко-Яворскій, а мстителями за народное угнетеніе и порабощеніе запорожцы.

---

*) Письменныхъ указаній на это нѣтъ, а осталось лишь устное преданіе.— Ред.

Библиотека "Руниверс"

Поляки и евреи, страшась гайдамакъ, укрѣпляли свои жилища и города, содержали постоянную стражу, которая увѣдомляла о ихъ появленіи. Всѣ старались найти защиту и укрыться, какъ можно надежнѣе. А гайдамацкіе набѣги происходили безпрерывно. Францъ-Салезій Потоцкій, чтобы защитить свои владѣнія отъ набѣговъ, укрѣпилъ г. Умань, который до 1760 г. представлялъ ничтожное, опустошенное мѣстечко. Въ этомъ-же году городъ, находившійся на возвышеніи и отдѣлявшійся отъ предмѣстья оврагами, былъ окруженъ валомъ, острогомъ и рвомъ. Среди самаго города былъ построенъ замокъ. Такія укрѣпленія возводились и въ другихъ городахъ и значительныхъ мѣстечкахъ, находящихся въ западной Украйнѣ. Уманскій замокъ представлялъ собою большой домъ, въ которомъ помѣщался управляющій или губернаторъ. Домъ имѣлъ большой каменный магазинъ и службы, а вокругъ него было особое укрѣпленіе, состоявшее изъ палисада, тянувшагося по окраинѣ глубокаго рва. На верхнемъ этажѣ магазина находилась башня съ бойницами. Изъ замка вели двое воротъ: одни въ такъ называемый *Новый городъ*, а другія къ оврагу, со стороны предмѣстья—*Бабанка*. У воротъ всегда стояло по двѣ пушки и стража изъ шляхетства. Уманскій гарнизонъ состоялъ изъ козаковъ: одного коннаго полка въ двѣ тысячи человѣкъ, набраннаго изъ крестьянъ принадлежащихъ къ имѣніямъ Потоцкихъ, и сотни пѣшихъ, которыхъ называли *лизнями* или въ насмѣшку *лежнями;* кромѣ того была еще партія польскихъ шляхтичей (человѣкъ 60), которые именовались тѣлохранителями своего ясневельможнаго пана. Нарядъ войска соотвѣтствовалъ цвѣту герба Потоцкихъ: желтый жупанъ, голубыя шаровары, кунтушъ и желтыя шапки, отороченныя черными смушками; пояса кожаные, украшенные у простыхъ козаковъ мѣдными, а у сотниковъ серебряными бляхами и разными побрякушками. У каждаго козака на кожаныхъ перевязяхъ висѣли съ одной стороны большой рогъ съ порохомъ, а съ другой лядунка съ пулями, кремнями и т. п. Вооруженіе уманскихъ войскъ состояло изъ ружья, пики и двухъ пистолетовъ. Саблю имѣли право носить только шляхтичи и военные чины—полковникъ, сотники и хорунжіе. Внутри замка находилась особая компата, называвшаяся *команда*, въ которой хранились знамена, литавры, трубы и т. п. У дверей команды всегда находился почетный караулъ. Каждый годъ въ день

Библиотека "Руниверс"

праздника Троицы всему войску, находившемуся въ Умани, производился смотръ.

Такъ было въ Умани предъ началомъ знаменитой *уманской рѣзни* или по народному—*Колійщины*, совершившейся въ 1768 г.

Опираясь на свои придворные гарнизоны и укрѣпленія, магнаты и шляхта безпечно проводили время и безчинствовали въ своихъ имѣніяхъ. Конфедераты разбрелись по всей Украйнѣ, Волыни, Подоліи и немилосердно давили *схизматиковъ*, стараясь обратить ихъ въ унію; они грабили крестьянъ и совершали надъ ними всевозможныя несправедливости. Въ это время въ лѣсной тиши мотронинскаго монастыря созрѣвалъ планъ народнаго возстанія; здѣсь вмѣстѣ съ проповѣдью слова Божьяго сѣялась въ богомольцахъ-посѣтителяхъ ненависть къ уніи и католичеству. Игуменъ этого монастыря Значко-Яворскій не дремалъ: онъ всѣми силами противодѣйствовалъ вліянію католицизма. Наконецъ изъ Запорожья вышелъ знаменитый Максимъ Желѣзнякъ. Была изобрѣтена, неизвѣстно кѣмъ, золотая грамота, выданная будто-бы запорожцамъ Екатериной II-й, освящены ножи и дѣло было начато. Къ Желѣзняку отовсюду стекались толпы гайдамакъ изъ крестьянъ правобережной Украйны. Сначала было взято и разорено м. Жаботинъ; поляки и евреи, не успѣвшіе во время укрыться, были истреблены. Жаботинская сотня присоединилась къ Желѣзняку. Ежечасно полчище Желѣзняка увеличивалось новыми охотниками и имя его сдѣлалось громкимъ по всей Украйнѣ. Потомъ разорено было мѣстечко Лысянка. Католики, евреи и уніаты бѣжали изъ края и искали убѣжища въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ. Многіе направились къ Умани, такъ какъ этотъ городъ былъ укрѣпленъ лучше другихъ городовъ. Гайдамаки знали, куда прячутся ихъ враги, и потому направили свои силы на Умань, который поспѣшно укрѣплялся и готовился дать имъ отпоръ. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ пѣсня:

„Підъ Уманемъ, славнымъ містомъ, великіи кручи,
Гей помліли уманчики, запорожцівъ ждучи"...

Въ это время въ Умани губернаторомъ былъ Младановичъ. Стекшагося народа было такъ много, что всѣ не помѣстились внутри города, а часть размѣстилась таборомъ подъ городомъ около *Грекова лѣса*. Гарнизонъ уманскій состоялъ въ это время изъ 6 ты-

Библиотека "Руниверс"

сячъ человѣкъ и главная сила его заключалась въ надворныхъ козакахъ, въ числѣ двухъ тысячъ, подъ командою полковника Обуха.

Когда Младановичъ услышалъ о гайдамацкомъ движеніи, то выслалъ для укрощенія своихъ козаковъ. Въ этомъ числѣ былъ и извѣстный сотникъ Гонта. Младановичу и въ голову не приходила мысль, что козаки могутъ измѣнить, хотя онъ и запретилъ имъ распѣвать пѣсни о Богданѣ Хмельницкомъ.

Гонта съ своимъ отрядомъ вышелъ на встрѣчу гайдамакамъ къ селенію Соколовкѣ (въ 50 верстахъ отъ Умани) и сталъ съ ними сноситься. Евреи объ этомъ провѣдали и донесли Младановичу. Послѣдній призвалъ Гонту, который явился къ нему съ нѣсколькими атаманами, какъ ни въ чемъ не бывало. На всѣ обвиненія онъ отвѣчалъ отрицательно и клялся въ своей невинности. Однако нѣкоторые поляки тогда уже настаивали, чтобы казнить его. Младановичъ не хотѣлъ круто поступить съ Гонтой, такъ какъ послѣдній былъ въ милости у Потоцкаго, который подарилъ ему въ пожизненное владѣніе деревни *Росошки* и *Орадовку*. Уликъ противъ него никакихъ не было и ни что не давало повода подозрѣвать его въ измѣнѣ, такъ какъ онъ до сихъ поръ вѣрно служилъ своему пану. Повидимому, онъ былъ почти совсѣмъ ополяченъ: говорилъ и писалъ по-польски, женатъ былъ на полькѣ. Его заставили вторично присягнуть и снова отправили къ полку. Теперь Гонта дѣйствовалъ открыто: свидѣлся съ Желѣзнякомъ и присталъ съ своими козаками къ гайдамакамъ. Объясняютъ эту перемѣну тѣмъ, что Желѣзнякъ показалъ Гонтѣ золотую грамоту Екатерины II-й и этотъ послѣдній увѣровалъ въ ея подлинность, что однако мало вѣроятно. Въ Умани не ожидали этого. Подступая къ Умани, гайдамаки направились къ *Грекову лѣсу*, гдѣ располагался польскій таборъ. Гонта съ своими козаками шелъ впереди и остановился у лѣса. Землемѣръ Шафранскій, находившійся въ то время въ городѣ, видѣлъ съ башни въ подзорную трубу, какъ Гонта сошелъ съ лошади и, подойдя къ Желѣзняку, поцѣловался съ нимъ. Тогда только поляки поняли свою оплошность; но было уже поздно.

Весь таборъ, состоявшій по извѣстіямъ современниковъ изъ 8 т. душъ католиковъ, уніатовъ и евреевъ, былъ перебитъ. Изъ города ушли, перебивъ стражу и присоединились къ гайдамакамъ 100 человѣкъ арестантовъ, содержащихся подъ карауломъ. Туда-же

Библиотека "Руниверс"

ушла и вся прислуга, состоявшая изъ малороссовъ. Городъ былъ поднятъ на ноги и поспѣшно сталъ приводиться въ оборонительное положеніе: евреевъ даже вооружили и поставили къ палисаду; но было поздно. Отстоять городъ не было никакой возможности; кромѣ того въ немъ не было воды. Младановичъ рѣшился вступить съ гайдамацкими предводителями въ переговоры и послалъ имъ подарки. На другой день Желѣзнякъ и Гонта подъѣхали верхами къ городскимъ воротамъ, передъ которыми на внѣшней сторонѣ былъ устроенъ мостъ, перекинутый чрезъ глубокій ровъ. Къ нимъ вышелъ губернаторъ, окруженный нѣсколькими поляками. Тутъ Гонта объявилъ Младановичу, что идетъ противъ поляковъ по повелѣнію императрицы Екатерины II-й. Во время этихъ переговоровъ былъ заключенъ договоръ слѣдующій: всѣмъ полякамъ выговаривалась безопасность, а евреи съ ихъ имуществомъ отдавались на произволъ гайдамакъ. Дѣло было почти совсѣмъ улажено, но одинъ полякъ, по имени Рогашевскій, оскорбилъ гайдамацкихъ предводителей и все было разстросно. Гайдамаки напали на поляковъ, которые поспѣшно убѣжали въ городъ. Младановичъ бросился въ костелъ, гдѣ уже была собрана толпа. Гайдамаки ворвались въ городъ и принялись избивать евреевъ и самихъ католиковъ. Рѣзня была ужасная. Трудно подыскать такихъ яркихъ красокъ, чтобы ее изобразить и представить въ подходящемъ свѣтѣ. Пусть себѣ всякій представитъ пожаръ, обхватившій весь городъ и разъяренную, бушующую, какъ волны, толпу, съ остервенѣніемъ животнаго, бросающагося на все то, что носитъ названіе поляка. Тутъ кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Трупами загромождены были всѣ улицы. Народная месть удовлетворялась кровью, которая здѣсь текла потоками. Дѣти были прокалываемы копьями и подымаемы вверхъ. Гайдамаки перерѣзали монаховъ базиліанскаго монастыря; школярами базиліанской школы былъ заваленъ колодезь, находившійся на площади и имѣвшій до 30 сажень глубины [1]). Они ругались

[1]) Колодезь этотъ лѣтъ 10 тому назадъ былъ открытъ и почищенъ городомъ и изъ него, говорятъ, было вынуто множество костей. Онъ находится на главной площади предъ соборомъ и предъ старинымъ мрачнымъ зданіемъ, которое и до сихъ поръ называется «базиліанами». Въ этомъ зданіи помѣщался базиліанскій монастырь и школа. Кажется, Срезневскій въ своихъ изслѣдованіяхъ указываетъ на другой колодезь.

Библиотека "Руниверс"

надъ католической святынею, бросали ее на землю и топтали ногами. Младановичъ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими. Когда не много прошли первые симптомы ярости, гайдамаки собирали толпы католиковъ и евреевъ и гнали ихъ въ николаевскую церковь, гдѣ надъ ними совершалось крещеніе. Это крещеніе происходило среди хоругвей, при колокольномъ звонѣ. Желѣзнякъ и Гонта были воспріемниками. Дѣти Младановича: сынъ и дочь были пощажены и насильно перекрещены. Гонта, по преданію, ничѣмъ впрочемъ не подверждаемому, двухъ своихъ сыновей католиковъ самъ убилъ.

Послѣ такой кровавой расправы гайдамаки стали таборомъ въ урочищѣ *Карповка*, гдѣ въ настоящее время находится *Софіевка*. Желѣзнякъ назвалъ себя кіевскимъ воеводою, а Гонта воеводою брацлавскимъ; по другимъ извѣстіямъ первый былъ выбранъ гетманомъ, а второй уманскимъ полковникомъ.

2 іюня генералъ Кречетниковъ принудилъ къ сдачѣ конфедератовъ въ бердичевскомъ замкѣ и взялъ въ плѣнъ главнаго регимептаря Пулавскаго. Во второй половинѣ іюня онъ послалъ поручика Кологривова съ донскими козаками къ Умани, приказавши уговорить гайдамакъ разойтись, такъ какъ русское войско уничтожило польскихъ конфедератовъ и бояться ихъ нечего. Впрочемъ гайдамаки, должно быть, знали, съ какой стороны грозитъ имъ опасность и вели себя очень осторожно. Вотъ какъ народная пѣсня упоминаетъ о прибытіи къ Умани русской команды:

„Ой выглянувъ донський козакъ изъ-за Острои могилы [1]),
Утікали уманчики—штаны погубили“.

Особой хитростью успѣли арестовать гайдамацкихъ предводителей и перевязали весь гайдамацкій таборъ. Впослѣдствіи Гонта былъ самымъ варварскимъ способомъ казненъ. О Желѣзнякѣ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что онъ былъ доставленъ въ кіевскую крѣпость, въ числѣ другихъ гайдамакъ.

Такимъ образомъ кончилась эта кровавая драма, извѣстная подъ названіемъ „Коліивщины“ или „Гайдамачины“.

Лѣтъ 85 тому назадъ въ Умани видны были еще остатки старинныхъ укрѣпленій и другихъ сооруженій: разрушившійся деревянный палисадъ, окружавшій городъ во время нападенія гайда-

[1]) Село въ 30 верстахъ отъ м. Бѣлой-Церкви, по дорогѣ къ Умани.

Библиотека "Руниверс"

маковъ, костелъ и полуразрушенный базиліанскій монастырь. Потомъ Потоцкій построилъ новый каменный монастырь, а деревянный въ 1828 году уничтожилъ. Впослѣдствіи этотъ монастырь былъ обращенъ въ военный госпиталь. Теперь эти зданія пусты и принадлежатъ казнѣ; подъ ними находятъ много подземныхъ ходовъ.

Православная Михайловская церковь, въ которой совершалось крещеніе католиковъ и евреевъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія сгорѣла. Николаевская церковь, въ которой также Желѣзнякъ и Гонта принудили многихъ принять крещеніе, обвѣтшала и вмѣсто ней построена въ 1812 г. новая каменная, обращенная въ 1846 г. въ соборную.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ „Коліивщины“ г. Уманъ былъ въ упадкѣ и не могъ придти въ надлежащее положеніе: и послѣ Желѣзняка мелкія шайки не переставали опустошать его окрестности и грабить жителей. Улучшеніе его началось со времени возвращенія этого края Россіи, т. е. съ 1794 г. Въ 1797 году г. Уманъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, но принадлежалъ гр. Потоцкому. Въ 1834 г. онъ былъ конфискованъ вмѣстѣ съ другими имѣніями гр. Александра Потоцкаго. Въ 1839 г. онъ перешелъ въ вѣдѣніе начальства кіевскихъ и подольскихъ военныхъ поселеній. Теперь въ немъ считается до 25 тысячъ жителей.

III.

Въ верстѣ отъ г. Умани находится знаменитый *Царицынъ садъ* или *Софіевка,* считающійся чудомъ Украйны. Богатство польскихъ магнатовъ и множество рабочихъ рукъ, представлявшихъ даровой крѣпостной трудъ, создали это чудо. Если вспомнимъ, какимъ образомъ прежніе паны могли сдѣлать изъ лѣта зиму и покрыть пустое мѣсто въ одну ночь большимъ лѣсомъ для охоты, то легко поймемъ, какимъ образомъ возникъ и уманскій садъ.

До 1796 г. тамъ, гдѣ теперь расположена Софіевка, было пустое возвышенное мѣсто, усѣянное кусками гранита, между которыми протекалъ ручей *Каменка.* Истокъ ручья начинался близъ деревни *Войтовки.* Берега ручья отъ природы были усѣяны громадными глыбами, въ безпорядкѣ нагроможденными другъ на друга. Подпочва здѣсь гранитная и представляетъ продолженіе отроговъ Карпатскихъ горъ. Изъ разсѣлинъ камней струились маленькіе

Библиотека "Руниверс"

ручейки, собиравшіеся въ небольшихъ углубленіяхъ камней и образовавшіе озерца, заставшія лѣтомъ водяными растеніями. Чрезъ это мѣсто тянулась по направленію къ Умани ровная долина, носившая то-же названіе, что и ручей—Каменка. Тутъ на окрестныхъ возвышенностяхъ паслись стада. Это прекрасное мѣсто служило жителямъ Умани, въ особенности ученикамъ базиліанской школы, для прогулокъ и увеселеній. Послѣ разоренія Умани, гайдамаки стащили къ холму тѣла своихъ товарищей, убитыхъ при взятіи города, и здѣсь погребли ихъ. На мѣстѣ занимаемомъ нынѣ садомъ, они зарыли въ землю много денегъ и другихъ цѣнныхъ вещей, часть которыхъ въ прежнее время была отрыта.

Графъ Феликсъ Потоцкій, переселившійся изъ Тульчина въ Умань, разъ весною въ 1796 г., проѣзжая по окрестностямъ города, пріѣхалъ съ женою къ Каменкѣ. Въ это время въ описываемой мѣстности уманцы, по обыкновенію, собрались на гулянье. Берегъ ручья Каменки, холмистое мѣстоположеніе и роскошная растительность понравились Софіи Потоцкой; она сказала мужу, что на этомъ мѣстѣ можно было-бы устроить прекрасный паркъ. Графъ взялся выполнить мимолетное желаніе своей красавицы—жены. Возвратясь съ прогулки, онъ позвалъ своего управляющаго уманскимъ имѣніемъ капитана Мецеля и поручилъ ему немедленно приступить къ устройству парка и сада. Мецель—данцигскій уроженецъ много разъ путешествовалъ по Европѣ съ отцомъ гр. Феликса и самимъ графомъ и видѣлъ всѣ тогдашніе знаменитые заграничные сады.

Вскорѣ послѣ этого графъ съ женою уѣхалъ за границу. Весною 1797 г. Мецель приступилъ къ устройству сада. Масса крестьянъ, согнанныхъ изъ окрестностей, принялась за работу. Огромныя деревья съ корнями и землею привозились изъ-за сотень верстъ и насаждались аллеями. Громадныя гранитныя глыбы перетаскивались съ одного мѣста на другое и укладывались по указанію строителя, который руководился одной мыслью: скрыть искусство и труды человѣка удачнымъ подражаніемъ природѣ. И въ этомъ онъ успѣлъ: всѣ эти дикіе утесы, огромныя глыбы, образующія причудливыя формы, скалы, гроты, кажется, нагромождены самою природою.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1800 г. гр. Потоцкій возвратился съ женой въ Умань. Это было близко около дня рожденія графини, когда къ Потоцкимъ съѣзжалось много гостей съ Польши и Украйны. Графиня не знала объ устройствѣ около Умани сада; при графскомъ дворцѣ, находившемся въ центрѣ города, былъ разведенъ прекрасный садъ, изобиловавшій различными затѣйливыми сооруженіями, поэтому она и не думала о разведеніи другаго сада. Въ день рожденія графъ и графиня и всѣ гости поѣхали прокатиться по окрестностямъ города. Никто не зналъ, съ какой цѣлью была предложена эта поѣздка. Болѣе трехсотъ экипажей вереницей потянулись къ Каменкѣ. Когда пріѣхали къ парку, то всѣ, знавшіе прежнюю мѣстность, были поражены нежданною ея перемѣною: на холмистой мѣстности, усѣянной выдающимися изъ земли громадными глыбами гранита, былъ роскошнѣйшій садъ и паркъ, украшенные множествомъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй, каскадами, фонтанами, гротами, павильонами и т. п. сооруженіями. Общій видъ сада представлялъ очаровательную картину: на крутыхъ возвышенностяхъ по уступамъ проведены аллеи, идущія между скалами по разнымъ направленіямъ; внутри на каждомъ шагу встрѣчались пруды, водопады, ручьи, съ перекинутыми чрезъ нихъ красивыми мостиками и всевозможныя дорогія растенія. Тутъ-же было дано и названіе саду—*Софіевка* въ честь графини Софіи, которой принадлежала первая мысль его устройства.

До самой смерти своей гр. Феликсъ не переставалъ улучшать и украшать свою любимую Софіевку: выписывалъ растенія, устраивалъ новые фонтаны, покупалъ статуи и т. п. Ему непремѣнно хотѣлось довести садъ до той степени устройства, до котораго можетъ быть доведено только истинное произведеніе человѣка, и онъ во многомъ успѣлъ выполнить свое желаніе.

Онъ умеръ въ 1805 г. и послѣ него Софіевка досталась старшему его сыну Александру, при которомъ весь садъ пришелъ въ упадокъ и многія строенія развалились. Еще и послѣ смерти Феликса были привезены изъ Италіи и другихъ мѣстъ, заказанныя имъ для Софіевки, статуи, множество экзотическихъ растеній, оконченъ тоннель и большая оранжерея [1]).

[1]) Предмѣстье сада было заселено крестьянами Потоцкихъ и образована была слободка, существующая и до сихъ поръ подъ названіемъ *Софіевки*.

Библиотека "Руниверс"

Съ 1831 г. т. е. послѣ польскаго возстанія Софіевка вмѣстѣ съ городомъ перешла въ казенное управленіе.

До 1859 года она находилась въ вѣдѣніи императорскаго двора и называлась *Царицынымъ садомъ*, а потомъ передана была въ вѣдомство государственныхъ имуществъ и теперь принадлежитъ уманскому училищу земледѣлія и садоводства. До этого времени Софіевка считалась собственностью государыни Александры Ѳеодоровны, которая подарила ее уманскому училищу. Въ память этого въ означенномъ училищѣ, въ актовой залѣ, въ стѣнѣ вдѣлана мраморная доска со слѣдующею надписью: „30 марта 1859 г. ея императорское величество, государыня императрица Александра Ѳеодоровна соизволила предетавить уманскій Царицынъ садъ главному училищу садоводства".

Изъ особенно значительныхъ мѣстъ и сооруженій Софіевки, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, замѣтимъ слѣдующія:

1. Громовой гротъ. Онъ представляетъ собою большую каменную пещеру, сводъ которой поддерживается большой гранитной колонной. Стѣны и колонна высѣчены неправильно и поддѣланы подъ естественный видъ. Внутри темно и сыро. Съ верхняго пруда въ гротъ проведена вода, которая, проходя по трубѣ сверху внизъ, вытекаетъ въ углу изъ потолка и образуетъ гремящій водопадъ. При открытіи трубы слышится шумъ, который увеличивается все больше и больше и наконецъ раздаются сильные громовые раскаты. Отъ этого громоваго водопада гротъ и получилъ названіе *громоваго*. При входѣ на правой стѣнѣ высѣчена въ камнѣ слѣдующая надпись:

Trać tutaj pamięć nieszczęść, a szczęścia przyjm wieszcze,
A jeśliś jest szczęśliwy, bądź szczęśliwszym jeszcze.

Про надпись эту ходитъ слѣдующій разсказъ:

Въ одно время Потоцкій въ этомъ гротѣ игралъ съ бѣднымъ шляхтичемъ въ карты; шляхтичъ обыгралъ Потоцкаго на очень большой кушъ. Въ память этого и сдѣлана была здѣсь надпись, которая говоритъ, что „здѣсь память счастья"—для бѣднаго и „память несчастья"—для богатаго. Впрочемъ трудно вѣрится, чтобы это было большимъ несчастьемъ для Потоцкаго, обладавшаго громадными имѣніями и несмѣтными богатствами. Можетъ быть эти слова имѣютъ другой смыслъ, для насъ непонятный.

Библиотека "Руниверс"

2. Сломанная колонна и три слезы. Два эти памятника, вѣроятно, были сооружены въ память какого нибудь печальнаго событія. Колонна имѣетъ 2½ саж. высоты и на верху сломана. Она находится вблизи ручья, протекающаго по *Елисейскимъ полямъ.* Сбитая вершина, подножіе и вообще вся колонна представляетъ печальный видъ разрушенія. Говорятъ, что такой видъ—древности и разрушенія—былъ поддѣланъ искуственно и напоминаетъ о томъ, что ничего нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго.

На ряду съ колонной и не вдалекѣ отъ нея находятся *три слезы.* Онѣ представляютъ три небольшихъ водопада въ ручьѣ, загроможденномъ въ этомъ мѣстѣ грудою камней.

Два эти памятника дополняютъ другъ друга: колонна своимъ видомъ, а три слезы своимъ названіемъ и напоминаніемъ постоянныхъ слезъ. Устроены они, говорятъ, въ память трехъ умершихъ сыновей Феликса Потоцкаго.

3. Бюстъ Трембецкаго. Трембецкій, извѣстный польскій поэтъ, воспѣлъ уманскій садъ въ своей поэмѣ „Софіевка", за что, вѣроятно, и былъ почтенъ Потоцкимъ. Бюстъ его стоитъ надъ ручьемъ. На пьедесталѣ вырѣзаны слѣдующіе стихи изъ его поэмы, относящіеся къ ручью:

Płyń, strumyku, szybkiem biegiem,
Te na zawsze rzucaj cienie;
Z kwiecistem się żegnaj brzegiem
I krapiać dzikie spiesz kamienie!

* * *

Tak szczęśliwy dzień uchodzi,
Choć zbyt rzadki dla człowieka:
Ledwo się go ujrzeć godzi,
Tylko błyśnie i ucieka!

Плыви, ручей, теченьемъ быстрымъ,
На дики камни поспѣшай,
Простися съ берегомъ тѣнистымъ,
Мѣста цвѣтущи покидай!

* * *

Счастливый день такъ улетаетъ,
Хотя онъ рѣдокъ для земныхъ:
Мелькнетъ и быстро исчезаетъ
Едва узришь его на мигъ!

4. Елисейскія поля. Елисейскія поля представляютъ долину, лежащую ниже верхняго пруда и составляющую часть парка. Это угрюмое, невеселое мѣсто, усѣянное множествомъ большихъ, покрытыхъ мхомъ, камней, на которыхъ и между которыми растутъ дикіе кустарники и деревья. Чрезъ все протяженіе этой долины протекаетъ небольшой ручей, который беретъ начало въ верхнемъ

Библиотека "Руниверс"

прудѣ и начинается каскадомъ; конецъ его теряется въ *долинѣ гигантовъ* между громадою гранитныхъ глыбъ и впадаетъ въ нижній прудъ рядомъ съ *большимъ каскадомъ*. Можно думать, что Елисейскія поля служили для Потоцкихъ мѣстомъ грусти и скорби по какомъ-то утраченномъ счастьи, о чемъ свидѣтельствуютъ тѣ надписи на памятникахъ, которые мы разобрали выше, а также устройство самаго парка, значительно отличающагося отъ другихъ частей сада и видъ его (сломанная колонна, три слезы и т. п.). Характеръ этого мѣста носитъ особенный отпечатокъ и опредѣляется даже самыми деревьями и ихъ группировкой: тутъ растутъ чинары, тополи, березы, осина и др. Между прочими тутъ есть четыре замѣчательныхъ дерева, которыя, какъ говорятъ, имѣютъ символическое значеніе. Это четыре осины, которыя выходятъ изъ корня сростшимися, затѣмъ на высотѣ 2-хъ аршинъ они расходятся и потомъ срастаются на высотѣ 2-хъ саж. только три дерева, а четвертое идетъ въ сторону—отдѣльно. Эти деревья, выходящія изъ одного корня, означаютъ самаго Феликса Потоцкаго и его трехъ умершихъ сыновей. Впрочемъ, говорятъ еще, они означаютъ четырехъ братьевъ Потоцкихъ (какихъ, не знаю), изъ которыхъ три были дружны и ни въ чемъ не расходились, а третій измѣнилъ имъ и отечеству.

Съ одной стороны Елисейскихъ полей, ближе къ верхнему пруду, находится громовой гротъ, съ другой—сломанная колонна и три слезы—ближе къ каскаду и нижнему пруду, а посрединѣ бюстъ Трембецкаго.

5. Памятникъ. Онъ находится на возвышеніи надъ нижнимъ прудомъ и видѣнъ еще издали съ большой дороги, идущей изъ города. Отъ него открывается прекрасный видъ на прудъ и *фонтанъ*, находящійся на прудѣ, на *павильонъ* и на *рыбки* (съ противоположной стороны пруда около бассейна, сосредоточіе гуляющихъ). Воздвигнутъ онъ въ 1856 г. „въ память посѣщенія уманскаго царицына сада государемъ императоромъ Николаемъ I въ 1847 г.“ Отъ памятника идетъ красивая каменная лѣстница и оканчивается площадкой, подъ которой когда-то былъ гротъ. На высокомъ утесистомъ берегу нижняго пруда находится гальванопластическая статуя государыни Александры Оеодоровны. Она поставлена въ 1850 г. на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ.

Библиотека "Руниверс"

6. Павильоны. Одинъ павильонъ находится около нижняго пруда надъ большой дорогой, идущей изъ города въ училище, имѣетъ красивый видъ и отличается изящной отдѣлкой. Во время Потоцкихъ тутъ была сельская хижина, сдѣланная вся изъ древесной коры; потомъ былъ построенъ казной настоящій каменный павильонъ.

Другой павильонъ—маленькій находится на островѣ верхняго пруда и называется *павильономъ* или *бесѣдкой Александры Ѳеодоровны.* Это изящное, красивое строеніе, стоящее какъ разъ посрединѣ острова. Сообщеніе съ островомъ съ одной стороны происходитъ чрезъ мостикъ, а съ другой чрезъ паромъ. Въ южной части сада, на самой возвышенной точкѣ находится *китайская бесѣдка.* Она окружена дубовой рощей—*дубинкой,* въ которой снизу между высокими деревьями просѣчена прямая длинная аллея, идущая по одному направленію съ паденіемъ большаго каскада.

7. Тоннель. Идетъ онъ отъ верхняго пруда къ нижнему на протяженіи приблизительно 50 саж. Для освѣщенія внутри, сверху продѣланы окна на разстояніи 8 саж. другъ отъ друга. Тоннель заканчивается бассейномъ, отъ котораго вода идетъ уступами и низвергается съ пяти-саженной высоты грандіознымъ каскадомъ. Чрезъ бассейнъ перекинутъ красивый желѣзный мостикъ. Прежде въ тоннелѣ были лодки для катанья; для освѣщенія зажигали факелы...

Есть въ Софіевкѣ множество еще и другихъ примѣчательностей: много статуй, фонтановъ, бесѣдокъ и т. п. Изъ сада проведена въ городъ хорошая вода. Начало водопровода и ключъ находится въ *венериномъ гротѣ.* Недалеко отъ грота водопроводъ прерывается и изъ скалы струится вода и льется въ двѣ подставленныя вазы, поддерживаемыя мѣдными ужами, отчего и мѣсто это называется *ужами.*

Часто мнѣ приходилось слышать отъ старожиловъ, что изъ сада въ городъ есть подземный ходъ. Начинается онъ, по указанію ихъ, къ югу отъ большаго каскада между камнями *гигантской долины;* это приходится ниже того мѣста, гдѣ теперь стоитъ статуя купидона. О достовѣрности этого слуха я говорить не могу. Но все таки можно думать, что тутъ должно быть хотя что нибудь

Библиотека "Руниверс"

подобное, давшее поводъ къ такому предположенію. Говорили даже, что тутъ просто зарытъ Потоцкимъ кладъ.

Мѣстность, на которой расположена Софіевка часто служила мѣстомъ для таборовъ различныхъ враждебныхъ силъ, поэтому можно предполагать, что тутъ зарыто не мало кладовъ. Объ этомъ дѣйствительно и говорятъ многіе и даже откапывали нѣкоторыя зарытыя вещи.

Въ Софіевкѣ есть образцовая ферма, огородъ, плодовый садъ и питомникъ. Все это вмѣстѣ съ садомъ относится къ уманскому училищу земледѣлія и садоводства, цѣль котораго—приготовить ученыхъ управителей и садоводовъ.

А. Смонтій.

1882 г. $^{10}/_{23}$ октября
г. Умань.

Библиотека "Руниверс"

Старинный южно-русскій театръ и въ частности вертепъ.

О южно-русскомъ театрѣ и въ частности о южно-русскомъ вертепѣ существуетъ уже значительная по объему ученая литература [1]); но она все-таки не исчерпала всего содержанія этого предмета и далеко еще не рѣшила всѣхъ вопросовъ о происхожденіи и развитіи южно-русскаго вертепа. Наглядными доказательствомъ тому варіанты южно-русскаго вертепа по списку г. Галагана, отличающіе этотъ списокъ отъ списка г. Маркевича [2]). Вмѣстѣ съ другими новыми матеріалами второстепеннаго значенія, эти варіанты могутъ, по нашему мнѣнію, пролить новый свѣтъ на судьбы южно-русскаго старинаго театра и вертепа. А это обязываетъ насъ кратко обозрѣть сдѣланныя доселѣ наблюденія и открытія относительно южно-русскаго театра и вертепа и указать новыя пріобрѣтенія въ этой области.

По установившемуся понятію, старинный южно-русскій театръ слагался изъ двухъ основныхъ элементовъ: изъ заимствованной изъ чужа мистеріи и изъ начатковъ народнаго русскаго театра. Первая

---

[1]) Важнѣйшіе труды по этому предмету слѣдующіе: 1) Мистеріи и старинный театръ въ Россіи, Пекарскаго, въ «Современникѣ» за 1857 годъ. 2) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, его-же. 3) Лѣтопись русской литературы и древностей, Тихонравова, кн. 5. 4) «Вертепъ», въ брошюрѣ И. Маркевича: «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ», Кіевъ, 1860 г. 5) Историческіе очерки средневѣковой драмы, П. Полевого, С.-Петербургъ, 1865 г. 6) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ старой кіевской академіи Труды кіев. дух. акад. за 1866 г. 7) Старинный театръ въ Европѣ, А. Весловскаго. Москва. 1870 г. 8) Кіевская искусственная литература XVIII в., преимущественно драматическая, И. Петрова. Кіевъ, 1879 г.

[2]) Содержаніе перваго изложено въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ.

Библиотека "Руниверс"

заимствована у поляковъ, которые въ свою очередь переняли ее у западно-европейскихъ народовъ; а вторые, замерши въ зародышѣ, нашли потомъ нѣкоторое выраженіе для себя въ искусственной, заимствованной драмѣ, но опять-таки подъ вліяніемъ западно-европейскаго и польскаго театра, допускавшаго сближеніе церковной драмы съ народомъ. Поэтому, между старинным южно-русскимъ театромъ съ одной стороны и западнымъ и преимущественно польскимъ съ другой существуетъ тѣсная и почти неразрывная связь, которая и должна быть для изслѣдователя исходнымъ пунктомъ при его работахъ.

I.

Старинный театръ въ западной Европѣ образовался изъ народныхъ сценическихъ представленій языческаго или вообще свѣтскаго характера и изъ христіанской обрядности и началомъ своимъ восходитъ уже къ первымъ вѣкамъ христіанства и къ послѣднимъ временамъ существованія римской имперіи. Необузданная страсть римлянъ къ языческимъ зрѣлищамъ пережила самое принятіе ими христіанства и, нашедши для себя поддержку въ обычаяхъ варварскихъ народовъ, наслѣдовавшихъ римскую имперію, приражалась къ самой христіанской жизни и церковному богослуженію. Никакія обличенія пастырей и учителей церкви и кары церковныя не могли искоренить этой страсти, такъ что сама зараждавшаяся христіанская обрядность должна была допустить въ себя драматическій элементъ, для противодѣйствія языческимъ зрѣлищамъ и для уясненія народу, въ первобытно простыхъ и наглядныхъ образахъ догматовъ христіанства, или олицетворенія важнѣйшихъ событій евангельскихъ. Самая „месса“, по словамъ Газе, „была со временъ Григорія Великаго почти сплошь драматическимъ изображеніемъ всемірнаго голгоѳскаго позорища, цѣлымъ строемъ религіозныхъ ощущеній, отъ полнаго скорби *miserere* до ликующаго и торжественнаго *Gloria in excelsis*, и отъ того-то она всегда такъ удобно служила текстомъ для величественныхъ симфоній“. Развиваясь дальше, католическая обрядность произвела цѣлый рядъ торжественныхъ зрѣлищъ, процессій и драматическихъ обрядовъ. Таковы, напримѣръ: 1) процессія въ память вшествія Христа во Іерусалимъ, подобная нашему *хожденію на осляти*, при чемъ Христа изображалъ одинъ изъ свя-

Библиотека "Руниверс"

щенниковъ, сидящій на ослѣ; 2) процессія страстей Христовыхъ во время страстной недѣли, наглядно изображающая евангельскій разсказъ о страданіяхъ Спасителя; 3) драматическое распредѣленіе чтенія евангелія въ страстную недѣлю между нѣсколькими священнослужителями; 4) богослуженіе Пасхи, сопровождавшееся различными обрядами, олицетворявшими всѣ обстоятельства евангельскаго разсказа о воскресеніи Спасителя; 5) устройство въ храмѣ ясель на Рождество Христово, служащихъ прототипомъ нѣмецкаго Krippelspiel, польской шопки (szopka) и южно-русскаго вертепа; 6) въ праздникъ трехъ царей введеніе въ богослуженіе разговора ихъ съ Богородицей; 7) въ день избіенія вифлеемскихъ младенцевъ—жалобы несчастныхъ матерей и появленіе Ирода, издающаго свое жестокое повелѣніе и проч. Сначала неприкосновенность святыни не допускала людямъ маскироваться въ святыхъ, и ихъ роли въ процессіяхъ исполняли большею частію куклы и маріонетки.

Въ такихъ еще неясныхъ образахъ положены уже были основы дальнѣйшему развитію духовной драмы: всѣ ея главные роды и видоизмѣненія были уже намѣчены; оставалось спаяніемъ въ нихъ духовнаго начала съ народнымъ довершить начатое, преобразить отрывочныя сцены въ цѣльныя драматическія произведенія и постепенно возвысить ихъ отъ служебной роли при богослуженіи до вполнѣ самостоятельнаго существованія.

Драгоцѣнный образецъ духовной драмы въ самомъ ея зародышѣ, когда она еще тѣсно связана была съ богослуженіемъ, представляетъ древнѣйшая итальянская мистерія, найденная Франческо Палермо въ палатинской библіотекѣ. Отдѣлы ея или акты носятъ первобытное названіе *devozioni* и распредѣлены въ подобающихъ мѣстахъ литургіи вслѣдъ за проповѣдью или за произносимыми священникомъ литургическими словами. Эта мистерія пріурочена была къ страстной недѣлѣ и изображала страданія Спасителя.

Около указанныхъ главныхъ церковно-догматическихъ обрядовъ начинаютъ образовываться отдѣльныя группы новыхъ церковныхъ драмъ. Изъ кантонъ и рѣчей, произносившихся изъ-за алтаря, какъ бы отъ лица Богородицы, Іосифа, пастуховъ, въ то время, когда въ церкви стояли миніатюрныя ясли и куклы или писанныя изображенія названныхъ личностей, изъ этого первобытнаго рожде-

Библиотека "Руниверс"

ственскаго обряда постепенно образуется рождественская драма: неодушевленные предметы замѣняются дѣйствующими лицами въ костюмахъ, рѣчи клириковъ, скрытыхъ за алтаремъ,—естественными разговорами актеровъ внѣ его, въ виду набожной толпы; наконецъ, одинъ лишь моментъ поклоненія пастуховъ, изображавшійся дотолѣ, обставляется полнымъ пересказомъ повѣствованія евангельскаго и, начиная съ Благовѣщенія, вводитъ всѣ аксессуарныя подробности— избіеніе младенцевъ, разговоръ Ирода съ волхвами, бѣгство въ Египетъ и т. п. Подобнымъ образомъ возникла изъ обряда церковнаго драма пасхальная, обнимающая собою впослѣдствіи изображеніе страстей Господнихъ, воскресенія, явленія апостоламъ.

Возникши въ противовѣсъ языческой, свѣтской драмѣ, церковная драма, однако, не могла побѣдить послѣднюю, уберечься отъ ея вліянія и рано или поздно должна была слиться съ нею. Сначала литургическая драма, преслѣдовавшая богослужебныя цѣли, пользовалась языкомъ церкви, т. е. латинскимъ; но мало по-малу, въ видахъ пайбольшей вразумительности латинскаго богослуженія для народа, она принимаетъ въ себя народный языкъ, а затѣмъ и чисто народныя черты, идущія нерѣдко въ разрѣзъ съ характеромъ остальныхъ отдѣловъ драмы. Такимъ образомъ духовный обрядъ постепенно вырождался и приравнивался къ обычаямъ народа, исключительно жизненнымъ и нерѣдко полнымъ двоевѣрія. Духовная драма своимъ сближеніемъ съ народнымъ говоромъ, введеніемъ свѣтскихъ исполнителей, шла, съ своей стороны, къ разрыву съ первобытнымъ церковнымъ началомъ. Импульсъ въ этомъ случаѣ данъ былъ самою церковію, которая положительно стала запрещать празднества, пляски и драматическіе обряды въ храмахъ и даже мистеріи. Гонимыя изъ стѣнъ церковныхъ, послѣднія долго еще ютились въ церковныхъ оградахъ и кладбищахъ, не прерывая связи съ церковной обстановкой, пока наконецъ и оттуда онѣ не были выгнаны въ XVI вѣкѣ. Тѣснимая отовсюду, духовная драма выходитъ наконецъ за церковную ограду, сбрасываетъ съ себя путы условныхъ клерикальныхъ требованій и идетъ на встрѣчу запросамъ народной жизни. Перекрестокъ, площадь, свободное мѣсто подъ открытымъ небомъ, наскоро сколоченная сцена замѣняютъ собою алтарь, нефы, паперть и разнообразные аксессуары кладбища. Драма дожила до своего освобожденія.

Библиотека "Руниверс"

Въ послѣдовательномъ своемъ развитіи духовная драма образовала слѣдующія главныя категоріи мистеріальной драмы: 1) собственно мистерію (отъ ministerium—обрядъ), бывшую первоначально въ тѣсной связи съ церковнымъ обрядомъ, каковы напр. рождественскія и пасхальныя мистеріи; 2) мистеріи чудесъ или *миракли*, посвященныя прославленію жизни, дѣяній и чудесъ святыхъ, наиболѣе популярныхъ въ народѣ, какъ напр. объ Іосифѣ прекрасномъ; 3) морали (moralité), въ которыхъ подъ аллегорическими именами олицетворялись отвлеченныя понятія и нравственныя правила, напр. милосердіе, вѣра, любовь, гнѣвъ, жестокость и т. п.; 4) драматизированныя священно-историческія хроники главнѣйшихъ событій священной исторіи и выдѣлившіяся изъ нихъ пасторальныя мистеріи; 5) историческія мистеріи или хроники, имѣющія своимъ предметомъ историческія лица или событія, но съ вмѣшательствомъ божественной силы въ дѣла людей и вообще постояннымъ присутствіемъ духовнаго начала, коковы напр. были во Франціи крещеніе Хлодвига, жизнь Людовика святаго и короля Тіерри, подвиги Іоанны Д'Аркъ, и т. п., и 6) мистеріи, возникшія изъ народныхъ легендъ, повѣрій или сказокъ, отступающія отъ достовѣрнаго разсказа исторіи, дабы приблизиться къ нерѣдко апокрифическому сказанью или ходячей новеллѣ и повѣсти, и образующія собою звено, соединяющее старый духовный театръ съ театромъ свѣтскимъ. Таковы легенды о Варлаамѣ и Іоасафѣ, о Робертѣ діаволѣ, о папѣ Юттѣ (Іоаннѣ).

Выйдя изъ церковной ограды, мистерія была встрѣчена народомъ съ распростертыми объятіями и создала свою самостоятельную сцену. Теперь требовалось найти средство совмѣстить на небольшомъ пространствѣ изображенія троякаго мѣста дѣйствія передаваемыхъ событій—земли, рая и ада, имѣя въ виду необходимость наглядняго представленія взаимныхъ отношеній силъ неба и тьмы къ земнородным. Этой потребности удовлетворило трехъ—ярусное устройство мистеріальной сцены: земля, колеблющаяся между добромъ и зломъ, помѣщалась въ среднемъ ярусѣ, надъ которымъ возвышался рай, а внизу незатѣйливый механизмъ приводилъ въ движеніе двѣ громадныя челюсти, изображавшія зѣвъ ада и принимавшія внутрь себя отверженныхъ грѣшниковъ. Вся постройка возводилась надъ бревенчатымъ помостомъ, который въ

Библиотека "Руниверс"

первую пору по изгнаніи мистеріи изъ церкви служилъ единственною ея сценой. Каждый этажъ дѣлился двумя перегородками снова на три отдѣленія; въ нижнемъ ярусѣ, представлявшемъ жилище сатаны, собственно адъ находился въ среднемъ отдѣленіи его, сообщавшемся посредствомъ дверей съ другими. Изъ ада шли боковыя лѣстницы въ средній этажъ, изображавшій землю; устройство его было многосложнѣе другихъ по причинѣ большаго разнообразія въ представляемыхъ мѣстностяхъ и значительнаго числа вставочныхъ сценическихъ подробностей; только одна лѣстница сообщала этотъ этажъ съ верхнимъ, который возводился надъ самой глубиной сцены и отличался вообще небольшими размѣрами. Расположеніе это много способствовало оживленію дѣйствія, такъ какъ иногда случалось играть въ одно и тоже время въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ.

Въ исполненіи мистеріи принимали участіе лица всѣхъ сословій безъ различія званія; усиленію средствъ постановки мистеріи способствовали цехи, артели, братства. Но рано появляются и спеціальные призванники, посвятившіе себя, въ числѣ прочихъ поэтическихъ упражненій, и служенію цѣлямъ духовнаго театра, какъ напримѣръ трубадуры и труверы со своими жонглерами и менестрелями, судебныя ассоціаціи средневѣковой Франціи—знаменитое базошское королевство и Имперія галилейская, парижское братство страстей Господнихъ, братство беззаботныхъ и проч.

Но особыя лица и ассоціаціи, принимавшія участіе въ развитіи и представленіи мистеріальной драмы, все болѣе и болѣе освобождали ее отъ клерикальныхъ оковъ и приближали ее къ чисто народной комедіи.

Начало послѣдней коренится въ народныхъ пѣсенныхъ обрядахъ и праздникахъ и поддерживалось и укрѣплялось бродячими пѣвцами, жонглерами, скоморохами, гистріонами, которыхъ, подъ различными именами, но въ одинаковомъ положеніи и почетѣ мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ старой Европы. Эти скоморохи и проч., пріурочивая свои представленія къ эпохамъ народной жизни, поддерживали и развивали въ массѣ вкусъ и пристрастіе къ комизму, къ легкой, но рѣзкой насмѣшкѣ, и постепенно выработали цѣлую семью комическихъ типовъ: панталона у итальянцевъ, Гансвурста въ Германіи и т. п. Кромѣ того, существовали цѣлыя кор-

Библиотека "Руниверс"

пораціи придворныхъ и барскихъ шутовъ, напр. шутовской орденъ, дижонская инфантерія, къ коимъ нужно причислить отчасти упомянутыя выше судебныя ассоціаціи базошскаго общества, имперіи галилейской и т. п., также много содѣйствовавшія развитію народно-комическаго начала. Подъ такимъ одновременнымъ и дружнымъ вліяніемъ, вкусы народа не могли не подвергнуться съ ранней поры коренному измѣненію въ пользу комедіи. Міряне, призванные (въ видахъ приданія большей торжественности мистеріи увеличеніемъ числа исполнителей) къ участію въ представленіи духовныхъ пьесъ, незамѣтно ни для себя, ни для другихъ, привыкли добавлять подлинный текстъ пьесы, ея сценическій распорядокъ своими вставками, рѣчами отъ себя, которыя мало шли къ назидательному тону пьесъ, но удовлетворяли понятной прихоти людей отъ міра сего. Первые слѣды вторженія комическаго элемента замѣчаются въ тѣхъ сценахъ, гдѣ дѣйствуютъ свѣтскіе люди, коимъ поручалось первоначально исполненіе второстепенныхъ ролей. Таковы, напр., пастушескія сцены въ рождественскихъ мистеріяхъ, имѣвшія собственно цѣлью менѣе отмѣтить безыскуственность той среды, которой первой довелось узнать о великомъ событіи. Съ теченіемъ времени введенъ былъ въ драматическую среду постоянный смѣшливый амплуа въ видѣ шута, который, не относясь ни къ одной изъ сторонъ пьесы, вставлялъ свое слово всюду, гдѣ хотѣлъ, не обращая вниманія на то, что его прыжки и остроты приходились часто въ разрѣзъ съ настроеніемъ зрителей. Наконецъ, вторженіе свѣтскаго элемента въ духовную драму становится столь сильно, что приводитъ къ обособленію случайныхъ комическихъ сценъ въ одно цѣлое, къ составленію изъ отдѣльныхъ сценъ небольшихъ комическихъ пьесъ, исполняемыхъ между актами драмы и называвшихся интермедіями и интерлюдіями или „междубровенными забавными игралищами“. Образовавшіяся первоначально изъ сценъ и рѣчей свѣтскихъ дѣйствующихъ лицъ въ мистеріяхъ, интерлюдіи сохранили отъ своего первообраза особенность частыхъ уклоненій отъ сюжета главной пьесы, уклоненій, нимѣмъ неоправдываемыхъ, кромѣ стремленія развлечь слушателя. Какъ воины, дѣлящіе ризы Христовы, начинали, бывало, въ мистеріи препираться и укорять другъ друга различными семейными дѣлами, и разговоръ принималъ характеръ уличной народной сцены, такъ и интерлюдіи, храня въ началѣ до нѣкоторой

Библиотека "Руниверс"

степени связь съ духовной драмой, постепенно освобождались отъ этой связи и лишь механически сопоставлялись съ актами набожной пьесы. Въ старыхъ коллективныхъ мистеріяхъ связь интерлюдій съ основнымъ текстомъ еще замѣтна. Такъ напримѣръ, въ пастушескихъ сценахъ, предшествовавшихъ изображенію Рождества Христова и составляющихъ особый отдѣлъ коллективной мистеріи подъ именемъ Paginae pastorum, слѣдующія согласно евангелію рѣчи пастуховъ прерывались вставочной сценой, гдѣ предъ зрителями являлся великій плутъ и овцекрадъ Макъ, который, притворясь бѣднымъ и удрученнымъ семьею, проситъ позволенія у пастуховъ провести съ ними ночь. Изъ предосторожности, они кладутъ его промежъ себя, надѣясь такъ устеречь свое стадо отъ его нападеній; но ловкій воръ успѣваетъ украсть лучшаго барана, снести его къ женѣ, которая не менѣе удачно хоронитъ концы въ воду. Макъ снова возвращается спать къ пастухамъ. Когда они спохватились барана и стали искать его у Мака, жена Мака притворилась стонущею за перегородкой послѣ родовъ, а баранъ положенъ былъ въ колыбель и изображалъ собою новорожденнаго. Похожденія пастуховъ съ Макомъ внезапно обрываются пѣснью ангеловъ, возвѣщающихъ рожденіе Спасителя, и затѣмъ мистерія идетъ далѣе своей обычной чередой. Отъ такого хотя уже поверхностнаго подчиненія главной пьесѣ интерлюдія переходитъ къ полной независимости, расширяетъ предѣлы своихъ источниковъ и проникается серьезными цѣлями. Тому-же дѣлу, которому служили интерлюдіи въ серединѣ пьесы, служили часто и небольшія сцены столь-же отрывочнаго характера, которыя исполнялись по окончаніи пьесы, въ видахъ возстановленія веселаго настроенія въ зрителяхъ. Какъ интерлюдіи, такъ и заключительныя комическія сцены перешли въ фарсъ (въ болѣе ограниченномъ смыслѣ этого слова), который, будучи всегда почти чуждъ поучительныхъ цѣлей, представляетъ рядъ веселыхъ сценъ, либо схваченныхъ прямо съ натуры, либо придуманныхъ досужей фантазіей автора; порожденный духомъ народнаго юмора, онъ открываетъ обширное поприще для введенія на потѣху современной публики любимыхъ ея сатирическихъ типовъ, тѣхъ личностей и характеровъ, надъ которыми любитъ смѣяться народъ.

Реформаціонное движеніе, постепенно охватившее Европу, глубоко отразилось на судьбѣ старѣвшаго духовнаго театра. Не-

Библиотека "Руниверс"

зависимая народная сатира, порицаніе общественныхъ и государственныхъ неустройствъ получило сильную поддержку въ смѣломъ духѣ отрицанія, овладѣвшемъ обширнымъ міромъ господствующей церкви. Въ борьбѣ народной комедіи со старой драматургіей явился новый факторъ, быстро склонившій успѣхъ на сторону свѣтскаго, жизненнаго искусства. Наплывъ реформаціонныхъ началъ образуетъ кризисъ въ существованіи мистеріи, изъ котораго она выходитъ далеко не торжествующею, далеко не обыкновенною. Постепенно крѣпнувшее и раздающееся въ ширь реформаціонное движеніе не оставило безъ вниманія и драматическую область, столь много послужившую нѣкогда упроченію католицизма въ Европѣ; оно вступило и тутъ въ борьбу со старымъ началомъ. Послѣдователи Лютера и Кальвина смѣло прибѣгали къ пособію драматическаго начала для своей полемической и пропагандистской дѣятельности. А протестъ реформаціи не могъ не вызвать возраженія со стороны старой церкви и на побочномъ поприщѣ духовной драмы. Въ отвѣтъ на полемическія протестантскія драмы возникъ цѣлый рядъ сценическихъ произведеній, проникнутыхъ ультра-католическимъ духомъ и отражающихъ нападенія противника. Борьба была открыта на всей линіи, повсемѣстно выступали новые бойцы за неприкосновенность католическаго догмата и духовныхъ привилегій. Въ католическихъ академіяхъ и коллегіяхъ вошло въ обычай, въ видахъ утвержденія учащейся молодежи въ истинной вѣрѣ, слагать драмы, возвеличивающія ее и разящія еретиковъ и отступниковъ всѣми возможными карами. Онѣ пріучали также исполнителей къ развязности, быстротѣ дѣйствій и соображеній находчивости, развивали въ молодыхъ людяхъ качества хорошаго проповѣдника, руководителя пропаганды или даже простаго служителя алтаря. Въ этотъ періодъ существованія мистеріи она получаетъ названіе школьной или учебной драмы. Духовной драмѣ отводится подобающее ей мѣсто въ общей программѣ учебнаго курса. Она причислена къ вѣдомству преподавателя поэзіи, которому вмѣняется въ обязанность отъ времени до времени сочинять духовныя пьесы въ подобающемъ стилѣ и давать ихъ разучивать своимъ ученикамъ. Форма, избираемая для школьной драмы, постепенно отдалялась отъ своего прототипа и, подъ вліяніемъ усиливавшагося гуманистическаго движенія и возрожденія вкуса къ классическимъ образцамъ, стала подражаніемъ

Библиотека "Руниверс"

формамъ и стиху древней трагедіи; нравоучительныя-же пьесы, moralités, выходившія за предѣлы этого стиля, въ душной школьной обстановкѣ утратили тѣ неотъемлемыя достоинства простоты, искренности религіознаго чувства и наивности аллегорій, которыя дѣлали этотъ родъ драмы однимъ изъ любимѣйшихъ въ народѣ. Олицетворенія отвлеченныхъ понятій отзываются схоластическимъ мудрствованіемъ, или вѣютъ туманнымъ мистицизмомъ. Іезуиты были одними изъ первыхъ руководителей школъ, которые воспользовались возможностію употребить духовную драму, какъ подспорье пропагандѣ и поддержку основательнаго лингвистическаго и проповѣдническаго образованія. Опытные въ искусствѣ эффектно дѣйствовать на человѣческую природу, они окружали свои представленія всѣмъ блескомъ и пышностью свѣтскихъ торжествъ, прибѣгая къ содѣйствію музыки и сценическихъ эффектовъ. При такомъ умѣньѣ искусно привлекать и молодой персоналъ исполнителей и постороннюю публику, присутствіе которой часто бывало необходимо для скрытыхъ плановъ братства, неудивительно, что іезуитскія пьесы съумѣли сохраниться едва не до нашихъ временъ и встрѣчать сочувствіе знати и общества въ минувшее столѣтіе, несмотря на видимое торжество въ массѣ европейской публики идей энциклопедистовъ. Въ іезуитскихъ пьесахъ замѣчается смѣшеніе понятій, стилей, событій, смѣсь христіанскаго настроенія съ миѳологическими картинами, подлаживающаяся подъ вкусы современнаго общества и литературы. Помимо сюжетовъ изъ священной исторіи, драматурги-іезуиты заимствовали ихъ изъ исторіи свѣтской, поскольку избираемыя событія могли служить во славу истинной вѣры.

Старая форма драмы очевидно отживала свой вѣкъ, неудовлетворяя новымъ требованіямъ общества, искавшаго исхода изъ тяжкаго застоя драматургіи. Возрожденіе занятій классическими литературами, начало свѣтлой поры гуманистическаго движенія рано указало этотъ искомый исходъ въ подражаніи древнимъ образцамъ. Еще въ концѣ XV вѣка появляются переводы греческихъ и латинскихъ трагедій и комедій. Классическія пьесы скоро вошли, какъ важнѣйшее и неизбѣжное пособіе при преподаваніи, во всѣ школы, безъ различія ихъ вѣроисповѣднаго характера и направленія, стремясь къ неограниченному господству, давая тонъ и направленіе мѣстной литературной дѣятельности и производя подражанія. Лож-

Библиотека "Руниверс"

ный классицизмъ по-немногу водворялся въ обновлявшихся при помощи его литературахъ. Но и противъ него началась въ Англіи, а отсюда распространилась по всей Европѣ спасительная революція въ драмѣ во имя романтизма, народности, свободы творчества, въ лицѣ Марло, Шекспира и др. и послужила исходнымъ пунктомъ для образованія новаго европейскаго театра.

Таково была, въ общихъ чертахъ, служба стариннаго театра у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ и между прочимъ у западныхъ славянъ, чеховъ и поляковъ. Но изъ нихъ наиболѣе интересенъ для насъ старинный театръ въ Польшѣ, имѣвшій непосредственное воздѣйствіе на южно-русскую драму.

II.

Старинный театръ въ Польшѣ тоже слагался изъ двухъ противоположныхъ элементовъ: народныхъ обрядовъ и игръ и духовной мистеріи. Какъ и на западѣ, польское духовенство рѣшилось противопоставить полуязыческимъ зрѣлищамъ иныя, освященныя всѣмъ обаяніемъ церковнаго величія. Въ пору прежнихъ зимнихъ календъ оно учредило храмовую церемонію вертепа; встрѣчу весны оно почти допустило въ новой христіанской обстановкѣ. Введенный почти повсемѣстно у славянъ-католиковъ рождественскій обрядъ нигдѣ не получилъ столь широкаго развитія, какъ въ Польшѣ, которая впослѣдствіи въ измѣненномъ видѣ передала его на Русь. Съ кануна Рождества и до новаго года ставились въ церквахъ небольшія ясли, въ которыхъ лежала статуетка, изображавшая Спасителя; возлѣ находились изображенія вола и быка, нерѣдко даже поставленныя за особыя загородки или стойла; наконецъ, размѣщались изображенія Богородицы, пастуховъ и трехъ царей. Въ церквахъ Литвы до позднѣйшаго времени сохранился этотъ обрядъ, конечно въ измѣненномъ видѣ: въ крещенскій сочельникъ въ церквахъ вѣшаютъ на лентахъ люльки съ восковымъ младенцемъ, около которыхъ стоятъ восковыя-же изображенія Богородицы, Іосифа и трехъ царей. Подходящіе къ люлькѣ сначала качаютъ ее три раза и потомъ молятся. Сценическое изображеніе Рождества и связанныхъ съ нимъ событій дополнялось и разъяснялось или духовными пѣснями, раздававшимися изъ-за алтаря, либо сказываніемъ молодыми церковнослужителями, скрытыми тамъ-же, отдѣльныхъ тирадъ

Библиотека "Руниверс"

изъ евангелія, съ строгимъ распредѣленіемъ ролей и рѣчей. Изъ этихъ діалоговъ, сопряженныхъ съ декоративной сценой, образовался тотъ любимый въ Польшѣ и ставшій въ ней народнымъ діалогъ, который слыветъ въ ней подъ названіемъ *szopka* или *jasełka*. Повинуясь неизбѣжному влеченію къ большему простору, свободѣ и сближенію съ народной жизнію, первые исполнители мистерій, внося въ нихъ отъ себя посторонніе элементы, постепенно освобождали ее отъ исключительно духовнаго направленія. Путь этого вторженія свѣтскаго начала былъ обычный: дьяволы, воины, Іуда вмѣсто нѣмыхъ служебныхъ личностей становятся увеселителями народа; они заговариваютъ все смѣлѣе, не стѣсняются богобоязненными приличіями, и изъ ихъ разговоровъ начинаютъ образовываться вставочныя сцены и интерлюдіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобныя интерлюдіи входили и вовсе не относившіяся къ пьесѣ лица, взятыя изъ чисто народныхъ сценъ, издавна любимыхъ народомъ, получившихъ начало, вѣроятно, въ средѣ скоморошества и впослѣдствіи достигнувшихъ высокаго значенія и развитія. Мало по-малу на духовной сценѣ являются въ комическомъ видѣ лица изъ духовнаго-же міра; зритель потѣшается надъ забавной личностью приходскаго дьячка, уставщика пѣвчихъ (кантора); въ воинахъ римскихъ видитъ своихъ жолнеровъ, и такимъ образомъ населяетъ сцену найболѣе забавными или почему-либо интересными для него типами. Но тутъ драму постигаетъ суровый запретъ властей: она признана унижающею святость религіи, выходитъ за ограду, здѣсь снова распадается на составные свои элементы—мистерію и комедію, и дѣлается достояніемъ разныхъ слоевъ народа, какъ-то: духовныхъ школъ и монастырей, народа и шляхетскаго и вообще средняго сословія. Мистерія собственно нашла себѣ надежный пріютъ лишь въ школахъ и немногихъ монастыряхъ. Она скоро липнилась тутъ своего первоначальнаго искренно-набожнаго и безхитростнаго характера и стала орудіемъ либо педагогическихъ цѣлей, либо пропаганды, особенно съ тѣхъ поръ, когда ею всецѣло овладѣли іезуиты. Сельскій народъ прилѣпился къ наивнымъ представленіямъ вертепа, спустившимся къ нему изъ церковнаго обихода, и старался вложить въ нихъ свои мысли, знакомые типы, и сблизить съ своей жизнію. Рождественскій обрядъ отразился въ народѣ съ одной стороны въ образованіи цѣлаго ряда духовныхъ стиховъ,

Библиотека "Руниверс"

а съ другой—въ развитіи чисто народныхъ представленій Рождества Христова. Въ шляхетскомъ кругу и въ томъ *tiers-état*, который неизбѣжно образовывается въ каждомъ развивающемся обществѣ изъ представителей различныхъ сферъ населенія, начинаютъ обособляться свѣтскіе діалоги, получившіе начало отъ интерлюдій и проникающіеся сатирическимъ направленіемъ. Такова была разрозненность вліяній народа на его театръ,—и неудивительно, что при кастовомъ дробленіи различныхъ родовъ драматическаго искусства, общее движеніе впередъ было слабо и далеко не возвышалось надъ посредственнымъ уровнемъ. По тѣмъ не менѣе всѣ эти кастовые роды драматическаго искусства польскаго имѣютъ для насъ важное значеніе, такъ какъ всѣ они отразились на исторіи южнорусскаго театра, а потому мы и остановимся на нихъ нѣсколько.

Мистерія, выгнанная изъ церкви, пріютилась сначала въ краковской академіи и происшедшихъ отъ нея коллегіяхъ, а также въ низшихъ школахъ, и приняла видъ духовной драмы, подчинявшейся по формѣ классическимъ образцамъ. Но въ низшихъ школахъ она еще удерживала свою близость къ народной средѣ и нерѣдко допускала перевѣсъ свѣтскаго, житейскаго элемента. Іезуиты, проникшіе чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ учрежденія ихъ ордена въ Польшу и быстро овладѣвшіе народнымъ образованіемъ, ввели въ свои коллегіи великолѣпные спектакли, гдѣ латинскія стихотворныя пьесы перемежались съ польскими, сюжеты духовные съ сказаніями классической миѳологіи, и гдѣ житія святыхъ, отечественная исторія, политическія теоріи, любовныя похожденія языческихъ боговъ или легенды свѣтскаго содержанія представляли неисчерпаемый источникъ вдохновенія для іезуитскихъ драматурговъ. Прелесть, новизна и многосторонность іезуитскихъ спектаклей отвлекали молодежь отъ старыхъ школъ и краковской академіи, хотя представители чистой науки не умолкали въ своихъ протестахъ противъ укоренявшагося во вредъ ей шарлатанства. Вслѣдствіе этого, нѣсколько противоположнѣйшихъ вліяній не могло не отразиться на воспринятомъ литературномъ родѣ. Съ одной стороны традиціи старой мистеріи находили еще поборниковъ между духовными педагогами, съ другой—надъ ней тяготѣла обязательность латинскаго текста, полезнаго въ школѣ. Наконецъ, пышныя представленія, устраиваемыя іезуитами и нѣкоторыми монашескими орде-

Библиотека "Руниверс"

нами, пытались превратить духовный театръ во что-то среднее между придворнымъ пантомимнымъ балетомъ и новомодной тогда въ Германіи staats-action. Очевидно, что перевѣсъ псевдоклассицизма и іезуитскихъ парадовъ имѣлъ всего болѣе вѣроятій на успѣхъ. Образцы старой польской мистеріи почти утратились, тогда какъ напротивъ множество пьесъ, какъ изданныхъ, такъ и хранящихся въ рукописяхъ, относятся къ числу школьныхъ или ученыхъ драмъ.

Совершенно въ другую сторону тянулъ народъ. Послѣ изгнанія духовныхъ пьесъ изъ церквей, интерлюдіи получаютъ обширное развитіе и приводятъ къ созданію комедіи въ полномъ смыслѣ слова. Любимый народомъ вертепъ, всего ближе подошедшій къ массѣ, скоро создастъ свой обширный комическій репертуаръ, поддерживаемый импровизаціями. Кругъ осмѣиваемыхъ личностей становится все шире и отъ церковной сферы переходитъ къ военному быту, шляхтѣ и, хотя рѣдко, къ знати. Насмѣшка обращается наконецъ въ политическую сатиру и выводитъ на сцену олицетвореніе коренныхъ недуговъ польскаго государства. Первыя проявленія комическаго начала сохранились въ свѣтской части szopki. Судя по сохранившимся доселѣ маріонетнымъ пьесамъ, и въ старое время онѣ представляли рядъ отдѣльныхъ, едва связанныхъ между собой пьесъ, въ которыхъ передъ глазами зрителя проходили различные типы изъ окружающей жизни, съ соблюденіемъ характерныхъ особенностей ихъ произношенія, манеръ, своеобразныхъ взглядовъ; выводился краковянинъ, карпатскій горецъ, нѣмецъ, еврей. Всѣ эти типы вереницей проходятъ передъ зрителемъ, образуя какъ-бы оригинальную панораму „племенъ, нарѣчій, состояній“. Рѣчи, которыми сопровождается дѣйствіе, полны выходокъ и отличаются стремленіемъ собрать въ нѣсколькихъ бѣглыхъ чертахъ наиболѣе рѣзко выдающіяся свойства каждаго характера. Иногда эти комическія импровизаціи сплетаются съ народными пѣснями, и колядныя пѣсни замѣняютъ собою оживленный діалогъ. Сцены изъ міра сказочнаго, богатырскаго, излагающія въ драматической формѣ любимыя темы народной поэзіи, нерѣдко смѣняютъ чисто комическія, житейскія сцены. Такъ, общераспространенный мотивъ пренія жизни со смертію подаетъ поводъ къ цѣлой небольшей пьесѣ вертепа, въ которой являются дѣйствующими лицами богатый крестьянинъ, ксендзъ и скелетъ смерти. Въ интерлюдіяхъ, вкравшихся

Библиотека "Руниверс"

въ большія пьесы, и въ отдѣльныхъ комическихъ сценахъ, частью прямо возникшихъ на народной почвѣ, частью обособившихся изъ мистерій и moralités, встрѣчаемъ тѣже коренные типы народной сатиры. Ожидая только опытной руки для переработки ихъ въ болѣе стройные организмы народныхъ комедій и фарсовъ, они представляютъ для нихъ готовый матеріалъ. Отъ времени до времени появляются такія частныя передѣлки, а сохранившіеся въ довольно значительномъ количествѣ свѣтскіе діалоги или Rozmowy представляютъ собой образцы небольшихъ комедій. Таковы, напримѣръ, Rozmowy polskie, написанныя въ 1553 году Витомъ Корчевскимъ, при всей своей наивной формѣ, живо и мѣтко схваченныя съ дѣйствительности. Въ одной изъ нихъ выводится пономарь, который жалуется на побои въ корчмѣ отъ крестьянъ, у которыхъ онъ насильно хотѣлъ получить слѣдуемую ему десятину, и ксендзъ, который скорбитъ объ упадкѣ нравственности и уменьшеніи своихъ доходовъ. Споръ причта съ паствой, рѣшительно отказывающей ему въ повиновеніи и платежѣ сбора, переносится на судъ пана, который презрительно отзывается объ обычаяхъ ксендзовъ жить на чужой счетъ и, не трудясь, принимать только привозимые къ нимъ снопы, добытые не ихъ трудами. Ксендзу противопоставлена старая баба колдунья, которая, откровеннѣе его сознаваясь въ разныхъ своихъ продѣлкахъ, выражаетъ ненависть къ человѣку, столь корыстному и продажному. Отъ подобной сцены, сложившейся уже до нѣкоторой степени въ формы фарса, недалекъ переходъ къ комедіи собственно. Она тоже рѣдко грѣшитъ противъ естественности и вѣрности изображенія нравовъ. Такова, между прочимъ, комедія Петра Барыки Z chłopa król, служившая утѣхой двора Владислава IV, въ которой польскій крестьянинъ, опохмѣлившись, видитъ себя королемъ и осыпается любезностями и изъявленіями преданности со стороны гуляющихъ жолнеровъ, доставившихъ себѣ забаву отъ скуки. Ощущенія внезапно ставшаго знатнымъ хлопа, который, разлакомившись, спѣшитъ доставить себѣ всѣ привычныя незатѣйливыя удовольствія, все это представляетъ благодарную канву для построенія комедіи. Комедія 1655 года Uciechy и проч. вся основана на осмѣяніи помѣщиковъ и порицаніи ихъ жестокой власти надъ крѣпостными. Монологъ пана, дышащій звѣрскимъ негодованіемъ противъ ослушнаго слуги и жаждой мщенія, возбуждаетъ

Библиотека "Руниверс"

невольное содроганіе; это настоящій дифирамбъ тѣмъ владѣльцамъ, которые умѣютъ всегда на славу избить хлоповъ канчуками, взявъ хорошенько за шею. Слѣдствіе такого обращенія тутъ-же на лицо: воспользовавшись похмѣльемъ пана, слуга издѣвается надъ нимъ, призываетъ на него всякое зло и стремится спастись бѣгствомъ къ козакамъ въ Запорожье—воевать съ турками. Если барщина подвергается тутъ позору, то въ *комедіи Рыбалтовской* выступаютъ на сцену и нравы конфедерацій, наносившихъ своимъ разгульнымъ и буйнымъ характеромъ немалый вредъ сельскому беззащитному населенію. Дѣйствующія лица въ названной комедіи сильно возстаютъ противъ разбойническихъ пріемовъ конфедератовъ и противъ безграничнаго ихъ сластолюбія, а образецъ порицаемыхъ правовъ данъ, кромѣ того, въ лицѣ конфедерата, выжимающаго у крестьянина послѣдній грошъ.

Середины между означенными двумя крайними полюсами, т. е. духовной драмой и народной комедіей, представляютъ драматическія произведенія въ духѣ подражанія классическимъ образцамъ, какъ напримѣръ у Рея и Кохановскаго. Но и этотъ родъ драмы не имѣлъ въ Польшѣ особеннаго развитія, вслѣдствіе наплыва чужеземныхъ элементовъ, которые доканали старинную мистерію и народный фарсъ и проложили путь новому театру, вышедшему изъ чужихъ началъ и осужденному въ свою очередь, вслѣдствіе бурныхъ политическихъ волненій, раздиравшихъ страну въ продолженіе долгаго періода, на робкое и безпомощное состояніе.

III.

Въ сравненіи съ польскимъ и особенно съ западно-европейскимъ театромъ старинный русскій театръ представляется довольно блѣднымъ. Но и въ немъ все-таки замѣчаются нѣкоторыя аналогическія черты съ болѣе крупными явленіями въ исторіи западно-европейскаго театра, какъ-то: наивная вѣра, смѣняющаяся разсудочностію, народность, одерживающая верхъ надъ преобладаніемъ набожнаго характера, мистицизмъ и аллегорія, врывающіеся на сцену, педагогія, овладѣвающая ею, затѣмъ возрожденіе путемъ возврата къ классикамъ, и проч.

Богатые задатки развитія драматическаго начала таились въ пространномъ кругу народныхъ обрядовъ старой Руси, связанныхъ

Библиотека "Руниверс"

съ древнѣйшими вѣрованіями народа, какъ-то: въ хороводныхъ пѣсняхъ и плескахъ, обрядѣ чествованія временъ года, въ свадебномъ чинѣ и т. п. Всѣ эти обряды представляютъ рядъ драматическихъ сценъ, болѣе или менѣе оживленныхъ и нерѣдко сопровождавшихся переряживаніемъ и маскированіемъ. Участниками всѣхъ народныхъ важнѣйшихъ обрядовъ, или вѣрнѣе—вдохновителями и организаторами ихъ были скоморохи. Сатирическій элементъ, насмѣшка надъ дѣйствительностію, привычка къ цѣлому ряду предпочтительно забавныхъ типовъ, которыхъ народъ любитъ выбирать предметомъ своихъ остротъ и смѣха, это начало, высказываясь сперва въ скоморошьихъ и иныхъ веселыхъ пѣсняхъ, позднѣйшихъ сказкахъ съ сатирическимъ оттѣнкомъ, народныхъ легендахъ, какъ-бы ждало только удобнаго случая, чтобъ выразиться въ доступныхъ народу формахъ драматическаго произведенія.

Христіанство, появившись въ Россіи, преслѣдовало скоморошьи игры и двоевѣрные народные обычаи и обряды, какъ бѣсовскіе; но и само оно не могло вполнѣ отрѣшиться отъ элементовъ народной драматургіи и отчасти приняло ихъ подъ свое покровительство. Мы здѣсь преимущественно имѣемъ въ виду вѣковые народные обряды въ честь возрождающагося солнца, совпадавшіе съ рождественскими святками и Пасхой. Эти обряды прежде всего и подчинились вліянію церковному и образовали изъ себя нѣчто въ родѣ западно-европейскихъ мистерій, пріуроченныхъ если не всегда къ богослуженію, то непремѣнно къ отправленію христіанскихъ праздниковъ. Г. Веселовскій говоритъ, что будто-бы „извѣстенъ лишь одинъ чисто мѣстный и несомнѣнно позднѣйшій случай, гдѣ скоморохи являются носителями чего-то въ родѣ духовнаго театра. Это такъ называемые въ Бѣлоруссіи *волочебники*, по замѣчанію очевидцевъ, нѣчто въ родѣ древнихъ гусляровъ или баяновъ (?), воспѣвавшихъ въ пѣсняхъ или разсказывавшихъ въ сказкахъ какія-нибудь событія, которыми ознаменованъ такой или иной праздникъ и т. д. Волочебники ходятъ по селамъ въ теченіе всѣхъ святокъ и святой недѣли [1]). Но *волочебники*, вмѣстѣ съ колядниками, упоминаются еще въ грамотѣ Сигизмунда I, данной жителямъ Ново-

[1]) Старинный театръ въ Европѣ. стр. 307.

Библиотека "Руниверс"

грудка въ 1511 году, въ которой говорится, что „коляды и волочебнаго (мѣщане) не маютъ на замокъ нашъ даваты подлѣ давнаго обычая“ [1]). Слѣдовательно, колядники и волочебники, какъ представители религіозной драмы, пріуроченной къ праздникамъ Рождества и Пасхи, относятся къ глубокой древности. Къ рождественскимъ-же праздникамъ, именно ко второму дню праздника, пріурочивалось празднованіе полога Богородицы, отчасти удержавшееся и досель. До послѣдняго времени женщины на Волыни, на второй день Рождества Христова, приносили въ церковь хлѣбы, пироги и т. п., что на мѣстномъ нарѣчіи называлось „ходить на родины до Богородицы“. Весь этотъ приносъ, по отправленіи надъ нимъ молитвословія, обращался въ доходъ причту. Этотъ обычай ходить на второй день Рождества Христова „на родины до Богородицы“ въ словѣ христолюбца пріурочивается къ древнему поклоненію роду и рожаницамъ. „То суть идолослужители, говорится здѣсь, иже ставятъ трапезу рожаницамъ, кораваи молятъ... Не тако-же простотою здѣ служимъ, но смѣшаемъ съ идольскою трапезою трощарь св. Богородица съ рожаницами въ прогнѣваніе Богу“. Патріархъ Іеремія въ окружной грамотѣ своей 1586 г. говоритъ объ этомъ обычаѣ слѣдующее: „на второй день (назавтріе) праздника Рождества Христова празднуютъ пологъ Богородицы и приносятъ въ этотъ день семидаліонъ, муку печеную (а по другимъ актамъ—пироги), что̀ есть великое нечестіе“, и проч. [2]). Тѣмъ не менѣе въ уніатской церкви этотъ праздникъ существовалъ во все время существованія уніи и имѣлъ особыя службы, какъ-то: службы посѣщенію пресв. Богородицы, пресвятѣй Богородицѣ рожанцовой, и проч. [3]).

Если прибавить къ этому нѣкоторые сценическіе обряды сѣверно-русской церкви, какъ-то: вещное дѣйствіе, шествіе на осляти, дѣйство страшнаго суда и сохранившуюся доселѣ церемонію омовенія ногъ, то этимъ и исчерпывается почти весь кругъ зачатковъ религіозныхъ мистерій въ русской церкви. Въ православной церкви,

---

[1]) О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи, въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», октябрь, 1871 г., стр. 19—20.

[2]) Тамъ-же, сентябрь, 1871 г., стр. 574.

[3]) Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ: А. О. Хойнацкаго, Кіевъ, 1871 г., стр. 79.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ не предстояло нужды въ разъясненіи того, что такъ ясно говорилъ уму древній, но родственный народу языкъ, стремленіе популяризировать богослуженіе не пошло далѣе пяти—шести обрядовъ, носящихъ въ общихъ чертахъ драматическій характеръ. Этого было слишкомъ недостаточно для зарожденія драмы въ самой церкви, и, еслибъ позднѣе заимствованіе школьной мистеріи не повлекло за собою краткаго періода духовнаго русскаго театра, то самое существованіе его было-бы немыслимо.

Западно-европейскій театръ прокладывалъ себѣ путь въ Россію съ двухъ сторонъ, изъ различныхъ побужденій и источниковъ. Съ одной стороны южная Русь, по примѣру Польши, вводитъ у себя духовныя драмы, воспитываетъ на нихъ цѣлыя поколѣнія будущихъ русскихъ пастырей; съ другой стороны, постепенно усиливающееся тяготѣніе къ европейской жизни, завязывающіяся день ото дня все тѣснѣе связи съ европейскими государствами приводятъ бродячую труппу нѣмецкихъ актеровъ въ варварскую Московію. Ихъ репертуаръ, въ которомъ къ пьесамъ духовнаго содержанія присоединялись свѣтскія комедіи, отражавшія нравы и характеры чуждыхъ народовъ, и пьесы Мольера перемежались съ довольно неуклюжими произведеніями невѣдомыхъ писателей Германіи и Франціи, репертуаръ этотъ внесъ особое оживленіе въ зарождавшійся театръ, ограниченный до этой минуты лишь тѣснымъ кругомъ благочестивыхъ сюжетовъ.

Оставляя въ сторонѣ сѣверно-русскій старинный театръ, какъ не имѣющій отношенія къ нашей цѣли, обратимся собственно къ южно-русскимъ духовнымъ и свѣтскимъ драмамъ подражательнаго характера.

Относительно южно-русскаго духовнаго театра мы не раздѣляемъ мнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей, будто этотъ театръ сразу явился здѣсь въ видѣ школьныхъ духовныхъ драмъ, хотя и не оспариваемъ, что школьная духовная драма была здѣсь преобладающею формою. Первые опыты подражательнаго духовнаго театра южно-русскаго были, по нашему мнѣнію, чисто мистеріальнаго характера и даже иногда привязывались къ церковному богослуженію. Мы разумѣемъ здѣсь церковныя пассіи, доселѣ совершаемыя въ нѣкоторыхъ церквахъ южной Россіи. Идея ихъ появилась еще въ Греціи и выразилась здѣсь въ такъ называемомъ Ни-

Библиотека "Руниверс"

кодимовомъ евангеліи и передѣлкахъ его. Никодимово-же евангеліе въ отрывкахъ, или въ цѣломъ видѣ, извѣстно было какъ въ Россіи, такъ и на западѣ Европы, и должно было породить одинаковыя по духу религіозно-обрядовыя явленія, хотя и въ разныхъ формахъ. Выработавшаяся отсюда на западѣ Европы форма пассій могла въ свою очередь имѣть вліяніе на учрежденіе южно-русскихъ пассій, содержаніе и составъ которыхъ, однакоже, заимствованы изъ православныхъ источниковъ. На основаніи одной темной замѣтки на рукописи кіево-михайловскаго монастыря, за № 1644-мъ, полагаютъ, что южно-русскія пассіи введены, въ настоящемъ ихъ видѣ, при кіевскомъ митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ на кіевскомъ соборѣ 1629 года [1]). Въ слѣдующемъ 1630 году изданы были во Львовѣ „Верше съ трагедіи Христосъ пасхонъ [2]), изъ трагедіи Χριστὸς πάσχων, приписываемой св. Григорію Назіанзену и впервые изданной въ 1549 году Габріелемъ Гарчіа въ латинскомъ переводѣ. Дѣйствія въ этой мистеріи немного: все оно вращается вокругъ немногихъ лицъ—Богоматери, Маріи Магдалины, евангелиста Іоанна, Іосифа, Никодима и хора, играющаго здѣсь, какъ и въ древней трагедіи грековъ, важную роль. Рѣчи ведены предпочтительно діалогомъ, но многія сцены превращаютъ всю пьесу въ мелодраму, состоя изъ длинныхъ тирадъ одного и того-же лица. О событіяхъ внѣ сцены извѣщаютъ вѣстники, не ограничивающіеся при томъ ролью простыхъ гонцовъ, но относящіеся съ своей точки зрѣнія къ сообщаемымъ событіямъ. Слова Спасителя приводятся рѣдко и по возможности ближе къ евангельскому тексту. Хоръ, находящій всегда слово сочувствія и ободренія Богоматери въ ея горѣ, составляющемъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ пьесы, нерѣдко дѣлится на два полухора и исполняетъ, по видимому, свои партіи антифонически [3]).

Къ этимъ мистеріальнымъ и переводнымъ пассіямъ привиты были и первоначальныя школьныя драмы кіевскія, тоже имѣющія своимъ предметомъ страданія Христовы. Таковы пьесы: „Дѣйствіе

---

[1]) Нѣсколько словъ о происхожденіи пассіи, въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», 1876 г., № 8; см. «Кіев. Епарх. Вѣдом.», 1874 г. № 7.

[2]) «Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, 1871 г., № 336.

[3]) Старинный театръ въ Европѣ, А. Веселовскаго, стр. 11—12.

Библиотека "Руниверс"

на страсти Христовы списанное", половины XVII вѣка, предположительно приписываемое Лазарю Барановичу, и „Мудрость предвѣчная, чрезъ благородныхъ Россіи младенцовъ въ училищномъ коллегіумѣ кіево-могилеанскомъ стихотворнымъ сложеніемъ явствова(вшая)ся". Печальный конецъ обѣихъ пьесъ дастъ понять, что онѣ писались для возбужденія скорби о распятомъ Господѣ и потому болѣе всего приличествовали великопостнымъ днямъ, посвященнымъ воспоминанію страданій Спасителя [1]).

Вслѣдъ за пассіональными драмами получили развитіе въ южно-русскихъ школахъ рождественскія пьесы, имѣвшія своею цѣлію сценическое представленіе рожденія Спасителя. Мы не говоримъ здѣсь о вертепныхъ представленіяхъ, составляющихъ для насъ пока искомую величину, и имѣемъ въ виду лишь параллельныя съ ними рождественскія драмы. По старинству къ нимъ прежде всего должна быть отнесена комедія св. Димитрія Ростовскаго на Рождество Христово. Князь Шаховской говоритъ, что драмы Димитрія Ростовскаго „сперва представлялись студентами кіево-печерской лавры (кіевской академіи)" [2]), слѣдовательно написаны имъ еще во время пребыванія его на югѣ Россіи, приблизительно ~~въ~~ въ третьей четверти XVII вѣка. Комедія Димитрія Ростовскаго на Рождество есть какъ-бы оригинальное смѣшеніе трехъ мистеріальныхъ стилей: вступленіе есть чистая moralité; большая часть пьесы не отступаетъ отъ рутиннаго обычнаго пошиба мистеріи; наконецъ, сцена между пастухами есть характерный образчикъ интерлюдіи. Въ общемъ, эта пьеса довольно блѣдна, безцвѣтна. Вступленіе наполнено нескончаемыми разговорами Людской Натуры, Золотаго Вѣка, Зависти, Смерти и т. д. Разговоры эти почти безцѣльны, не могутъ служить настоящимъ прологомъ и словно случайно примкнули къ пьесѣ. Сама пьеса представляетъ обзоръ событій, обставившихъ Рождество, отъ поклоненія пастуховъ до бѣгства въ Египетъ. Но, при своей блѣдности въ общемъ, комедія Димитрія Ростовскаго на Рождество Христово замѣчательна, какъ переходная ступень отъ подражательности къ выработкѣ самобытныхъ мотивовъ. Натура

[1]) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ старой кіевской академіи, въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», за ноябрь, 1866 г., стр. 359—367.

[2]) Старинный театръ въ Европѣ. А. Веселовскаго, стр. 354—5.

Библиотека "Руниверс"

людская, выводимая въ этой комедіи, встрѣчается раньше въ трагикомическихъ діалогахъ Bellerophon Sarmaticus, представленныхъ въ краковской академіи въ 1637 году, а кантъ въ пьесѣ Димитрія Ростовскаго, начинающійся словами „Ангелъ пастыремъ вѣстилъ“, и проч., есть почти буквальный переводъ польской набожной пѣсни [1]). Несмотря однако на эти несомнѣнные слѣды подражанія, въ пьесѣ есть замѣтные проблески оригинальности: пасторальная сцена въ ней дышетъ бытовою правдою и естественностію. По замѣчанію г. Пекарскаго, въ выводимыхъ здѣсь пастухахъ легко узнать земляковъ св. Димитрія, безпечныхъ и наивныхъ малороссовъ. Одинъ изъ нихъ, Борисъ, стережетъ стадо, тогда какъ двое товарищей его ушли въ Виолеемъ за припасами. Когда они приходятъ и начинаютъ ужинъ, вдругъ раздалось чудное пѣніе. Мало по малу они замѣчаютъ, что поютъ какія-то страшныя существа на небѣ. Начинаютъ спорить о томъ, кто они: одинъ говоритъ, что это птички, другой—что „робятки невелички“. Когда является съ своею вѣстью ангелъ, они не мало дивятся, что такой воевода для нихъ собственно пришелъ. Ангелъ отвѣчаетъ, что „Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ пастырей частъ“, они-же простодушно допытываются, не нужно-ли ему чѣмъ поклониться, дары принести, подобно какъ нашему князю, и т. д.

Какъ скоро упрочены были въ кіевской академіи пассіональныя и рождественскія духовныя драмы, за ними стали появляться и другіе ея виды, постепенно отстающіе отъ духовнаго, клерикальнаго направленія и мало по малу воспринимающіе въ себя элементъ свѣтскій, какъ-то: миракли, драматизированныя священно-историческія хроники, историческія мистеріи или хроники, имѣющія своимъ предметомъ историческія лица или событія, но съ примѣсью духовнаго начала, и проч. Всѣ эти виды южно-русской школьной драмы отражали на себѣ слѣды тѣхъ направленій, какія испытывала на западѣ духовная драма подъ вліяніемъ возрожденія классицизма, борьбы католичества съ протестантизмомъ и іезуитскихъ школъ. Такъ напримѣръ, въ духѣ мираклей написанъ діалогъ объ

[1]) См. Kancyonal pieśni nabożnych, Poczajow 1820 г.; см. Богогласникъ почаевскаго изданія 1825 г., № 15, гдѣ она передѣлана изъ латинской пѣсни.

Библиотека "Руниверс"

Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ, напечатанный въ 1674 году; трагедокомедія Лаврентія Горки „Патріархъ Іосифъ“, 1708 года, можетъ быть названа драматизированной священно-исторической хроникой; трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ“, написанная имъ подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ, равно какъ и слѣдующія за ней пьесы „Милость Божія, Украйну отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмелницкого свободившая“, 1728 г., и трагедокомедія Георгія Щербацкаго „Патріахъ Фотій“, 1749 года, могутъ быть названы историческими драмами или хрониками. Трагедокомедія Лащевскаго „О тщетѣ міра сего“, 1742 г., и М. Козачинскаго „Благоутробіе Марка Аврелія“, 1744 года, напоминаютъ собою позднѣйшія іезуитскія пьесы, то обличая лютеранъ и кальвинистовъ, какъ напримѣръ пьеса Лащевскаго, то смѣшивая языческую миѳологію съ христіанскими именами и оставляя исполненіе пьесы эффектными „сальтами“, какъ у М. Козачинскаго [1]).

Всѣ эти пьесы уже значительно уклоняются отъ прежняго мистеріальнаго содержанія и характера духовной драмы и стоятъ какъ-бы на перепутьи отъ этой послѣдней къ свѣтскому театру. Однѣ изъ нихъ излагаютъ чисто гражданскую исторію отечественную, какъ напримѣръ драма „Милость Божія“, 1728 года; другія, напримѣръ трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ“, 1705 года, не смотря на серьезный тонъ свой, мѣстами допускаютъ такія живыя, комическія частности, которыя скорѣе могутъ идти къ какой либо комической интерлюдіи, чѣмъ къ серьезной драмѣ. Таковы у него—описаніе жрецомъ Жериволомъ тощаго козла, принесеннаго въ жертву языческимъ богамъ княземъ Владиміромъ, и описаніе самого Жеривола, о которомъ другой жрецъ Пѣяръ разсказываетъ своему товарищу Куроряду слѣдующее:

Видѣхъ, когда напитанный
Многими онъ жертвами лежаше во хладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное. Обаче въ сытости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой:

[1]) Подробнѣе о всѣхъ этихъ пьесахъ см. въ брошюрѣ: «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка». Кіевъ, 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

Скрежеташе зубами намнозѣ безъ мѣры,
Движа уста и гортань, и достойно вѣры
Слово твое, Исаре! время не имѣетъ,
И во снѣ жретъ Жериволъ.

Самыя пассіональныя драмы въ XVIII вѣкѣ прекращаются, и вмѣсто ихъ появляются теперь пасхальныя пьесы, болѣе веселыя и способныя къ дальнѣйшему развитію.

Всего-же замѣтнѣе обнаруживается прогрессъ развитія южно-русской драматической дѣятельности въ такъ называемыхъ „интермедіяхъ“ и „интерлюдіяхъ“ или „междувставленныхъ забавныхъ игралищахъ“, которыя, не будучи органически связаны съ самыми школьными пьесами, болѣе или менѣе серьезными, не стѣснялись ихъ серьезностію, смѣло допускали комическій народный элементъ и наконецъ пытались образовать изъ себя самостоятельную область народной комедіи.

Школьная теорія „интерлюдій“ несомнѣнно явилась въ Кіевѣ уже въ концѣ XVII вѣка. Въ Лирѣ, рукописной кіевской піитикѣ 1696 года, о комедіи говорится слѣдующее: „въ комедіи выводятся лица легкія, какъ-то—господарь (paterfamilias)“, и проч.[1]). Лаврентій Горка въ своей піитикѣ 1707—8 г. говоритъ о комедіи слѣдующее: „въ комедіи выводятся лица легкія, какъ напримѣръ господарь, дѣдъ, слуга и проч.“[2]). Митрофанъ Довгалевскій еще болѣе расширилъ кругъ комическихъ лицъ: „въ комедіи,—говоритъ онъ въ своемъ садѣ піитическомъ 1736—7 г.,—выводятся лица легкія, какъ-то: господарь, литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, татаринъ, турокъ, грекъ, итальянецъ“[3]). По правиламъ піитикъ 1726 года и Георгія Конисскаго 1746—7 г. „комедія пишется словами шуточными, низкими, обыденными“, иначе—„слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ“[4]). Эти правила о комедіи прилагались собственно къ составленію „интермедій“ и „интерлюдій“.

---

[1]) Рукоп. кіево-мих. монастыря, № 1719, chord. 1, ton. 2, cant. 3.

[2]) Idea artis poëseos, рукоп. кіев. дух. акад., № O. 4. 7, pars 1, lib. 2. cap. 9.

[3]) Hortus poëticus, рукоп кіево-мих. монастыря, № 1713.

[4]) Рукоп. кіев. дух. акад., № I. III. 92, часть III, и № I. III. 82, кн. II. гл. 2.

Библиотека "Руниверс"

Первое упоминаніе объ интермедіяхъ и интерлюдіяхъ мы нашли въ пьесѣ Лаврентія Горки, 1708 г., подъ заглавіемъ „Патріархъ Іосифъ“, въ которой послѣ втораго и четвертаго „дѣйствій“ предполагались „интермедіи“ [1]). Интермедіи эти не дошли до насъ, но за то сохранились почти одновременныя имъ „интерлюдіи или междувброшенныя забавныя игралища“ неизвѣстнаго автора, хотя и касающіяся сѣверно-русской жизни, но составленныя какимъ либо южно-русскимъ ученымъ и дающія понятіе объ этого рода южно-русскихъ драматическихъ произведеніяхъ. Въ „интерлюдіяхъ или междувброшенныхъ забавныхъ игралищахъ“ являются живьемъ взятые съ натуры: цыганъ барышникъ, малограмотный дьячекъ, трепещущій при мысли отдать сыновей въ *семинарію* на муку, раскольникъ съ жидомъ, препирающіеся о томъ, чья вѣра старше и правильнѣе, и докторъ—шарлатанъ, говорящій по-латыни предъ цыганомъ, различные секретари и подьячіе, молодцы изъ веселой голи кабацкой, мужикъ и т. п.; словомъ, видимъ здѣсь нѣсколько чертъ, мѣтко схваченныхъ изъ современной жизни [2]). Но собственно изъ кіевскихъ и вообще южно-русскихъ школьныхъ интерлюдій мы имѣемъ болѣе поздніе, относящіяся къ 30-мъ и 40-мъ годамъ XVIII вѣка. Мы разумѣемъ здѣсь интерлюдіи къ рождественской и пасхальной пьесамъ Митрофана Довгалевскаго, 1736—7 г., и интерлюдіи къ трагедокомедіи Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ, 1747 года [3]), представляющія большую аналогію съ подобными польскими произведеніями, напримѣръ Розмовами Вита Корчевскаго, 1553 г., комедіей Петра Барыки Z chłopa król, комедіей Ucieczhy 1655 г., комедіей Рыбалтовской и проч.

Едва-ли можно назвать случайнымъ то обстоятельство, что кіевскія интерлюдіи сохранились только при пасхальныхъ драмахъ, замѣнившихъ собою пассіональныя, и при рождественскихъ, т. е. при такихъ, которыя менѣе всего были случайными, получили уже

---

[1]) Рукоп. кіев. дух. акад., № 0. 4. 7.

[2]) См. о нихъ «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», Пекарскаго, т. I, стр. 447—8.

[3]) Отрывки первыхъ см. въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», за февраль 1865 и ноябрь 1866 г.; интерлюдіи-же къ пьесѣ Конисскаго изданы въ «Древней и Новой Россіи», за ноябрь, 1878 года.

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторую устойчивость и нашли почву для себя въ народныхъ русскихъ обрядахъ, соединенныхъ съ этими важнѣйшими праздниками русской церкви. Имѣя слабую, чисто внѣшнюю связь съ духовными драмами, къ которымъ относятся эти интерлюдіи, онѣ мало по малу стараются завоевать себѣ независимость отъ духовныхъ пьесъ и сдѣлаться самостоятельными.

Интерлюдіи къ школьнымъ духовнымъ пьесамъ Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго имѣютъ нѣкоторую связь съ ними и слѣдуютъ за духовными пьесами, какъ комическое за высокимъ. Возьмемъ для примѣра не изданную еще вполнѣ пасхальную драму Митрофана Довгалевскаго „Властотворный образъ“, 1737 года, съ относящимися къ ней интерлюдіями, и между ними и явленіями драмы мы увидимъ нѣкоторое соотношеніе и параллель по содержанію. Такъ, въ первомъ явленіи „Властотворнаго образа“ Совѣтъ Божій и Правосудіе Господне препираются между собою относительно сотворенія человѣка; ихъ примиряетъ Милость Божія. Соотвѣтственно этому, и въ первой интерлюдіи выходятъ два мужика-рыболова и спорятъ между собою о мѣстѣ, гдѣ бы поставить сѣти; ихъ примиряетъ третій мужикъ. Во второмъ явленіи „Властотворнаго образа“ Милость Божія вводитъ человѣка въ рай, заключаетъ съ нимъ союзъ и заповѣдуетъ ему не вкушать отъ древа познанія добра и зла, угрожая за нарушеніе этой заповѣди различными бѣдствіями; человѣкъ обѣщаетъ исполнять заповѣдь, но Прелесть склоняетъ его вкусить отъ запрещеннаго плода. Въ параллель этому, во второй интерлюдіи чортъ несетъ жида и заключаетъ съ нимъ договоръ, съ обязательствомъ не ѣсть хлѣба; жидъ соглашается, но, по уходѣ дьявола, разрѣшаетъ себѣ на хлѣбъ и обѣщаетъ не ѣсть одной только свинины; однакожъ при одномъ воспоминаніи о свининѣ у него текутъ слюнки, а тутъ еще является цыганъ и еще болѣе соблазняетъ жида свининою. Въ третьемъ явленіи „Властотворнаго образа“ человѣкъ сѣтуетъ на себя за то, что не уберегся отъ прелести и преступилъ заповѣдь Господню, а Правосудіе Господне, за нарушеніе заповѣди, лишаетъ человѣка дорогихъ одеждъ и украшеній. А въ третьей интерлюдіи мужикъ браните сына за то, что онъ не устерегъ оставленныхъ ему на сохраненіе на возу пироговъ, и лишаетъ его за это шапки, которую прежде обѣщалъ кушть ему. Въ пятомъ явленіи „Властотворнаго

Библиотека "Руниверс"

образа" Милость Божія освобождаетъ „стенящихъ и вопіющихъ праведныхъ во адѣ", повелѣвъ діаволу и смерти вывести ихъ изъ темницы адской. А въ пятой интерлюдіи козакъ освобождаетъ запроданныхъ ляхомъ жиду мужиковъ, забитыхъ въ кандалы и жалобно просившихъ о пощадѣ. Еще больше замѣчается соотвѣтствія между актами трагедокомедіи Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ и соотвѣтствующими имъ интерлюдіями [1]).

Такая связь интерлюдій съ духовными драмами, довольно внѣшняя и непрочная, не мѣшала первымъ совершенно оставлять иногда почву церковности и авторамъ ихъ углубляться въ область собственныхъ вымысловъ и народныхъ преданій, вѣрованій и легендъ. Авторы этихъ интерлюдій знакомы были съ народнымъ бытомъ, нерѣдко сами выходили изъ среды народа и, стараясь пародировать его воззрѣнія, иногда помимо воли и намѣренія высказывали сочувствіе къ нему и довольно вѣрно изображали его умственное состояніе и соціальное положеніе. Доказательство тому—въ тѣхъ-же интерлюдіяхъ Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго, которыя стоятъ въ близкой связи съ южно-русскими народными преданіями и разсказами. Вотъ примѣры тому. Въ третьей пасхальной интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго мужики-литвины смѣются надъ ксендзомъ и папой и въ заключеніе прогоняютъ ксендза. Ксендзъ вышелъ къ литвину, воскресшему изъ мертвыхъ, „пытатися, що на томъ свѣтѣ дѣется".

Литвинъ. Брешешь ти! тамъ все святцѣ, то въ піеклѣ (зла)дзіес.
Ксендзъ. Якъ-же се тамъ нашему папижу поводзи?
Литвинъ. Памѣнай ужо якъ звалѣ: пропавъ іонъ да и годзѣ.
Ксендзъ. Свенты-же бы былъ въ пеклѣ, щекашь (лжешь) ты, старушку!

Прши нимъ еще была ласка Христусова.

Литвинъ. Правда, правда! угадавъ ти:
Сагнувшись саматужки прець до піекла дрова,
А хвариштяки акругъ скачуць и играюць,
Гетакими дубцями вотъ такъ поганяюць!

---

[1]) Соотвѣтствіе это указано въ «Древней и Новой Россіи», за ноябрь, 1878 г., стр. 249.

Библиотека "Руниверс"

Подобное разсказывается въ южнорусской народной сказкѣ о безсчастномъ Иванѣ, какъ панъ послалъ его довѣдаться на тотъ свѣтъ въ пекло. Воротившись оттуда, Иванъ разсказываетъ пану, что „покойный панъ старый, того пана батько, дрова возитъ у пекло [1]). Въ третьей пасхальной интерлюдіи того-же Довгалевскаго „виздитъ мужикъ на торгъ и съ синомъ, и оставивши сина, пойдетъ торговати". Въ отсутствіе его приходятъ къ сыну московскіе „яриги" и показываютъ видъ, будто хотятъ снять рога съ вола. Сынъ старался защитить воловьи рога, но они не нужны были ярыгамъ и остались цѣлыми; за то пропали съ воза пироги съ мѣхами. Тотъ-же пріемъ отводить хозяину глаза отъ предмета поживы и при такой-же обстановкѣ встрѣчается въ малорусской сказкѣ „чоловікъ зъ масломъ и москалі". Мужикъ выѣхалъ на торгъ продавать масло, поставилъ его на землю и самъ сѣлъ на него. Замѣтили его два москаля и сговорились между собой: зайди ты сзади,—говоритъ одинъ,—а я подойду къ нему и начну говорить. Подходитъ москаль къ мужику и все присматривается къ нему, какъ будто узнаетъ его, и наконецъ говоритъ: здоровъ, Иванъ!—Здоровъ!—отвѣчаетъ мужикъ. Слово за-слово, и москаль такъ разговорился съ мужикомъ, какъ будто дѣйствительно былъ знакомъ съ нимъ, и наконецъ объявилъ мужику, что пришелъ царскій указъ, чтобы мужика взять въ солдаты. Только не знаю,—прибавилъ москаль,—годишься-ли ты, потому что нужно, чтобы былъ такого росту, какъ эта палка. Встань, помѣряю!—Мужикъ всталъ. Москаль нѣсколько разъ мѣрялъ его, но нашелъ, что мужикъ не подходитъ подъ мѣру, и пошелъ прочь. Между тѣмъ мужикъ оглянулся назадъ и тутъ только замѣтилъ пропажу своего масла [2]).

Интерлюдіи Георгія Конисскаго по внутреннему достоинству своему стоятъ ниже интерлюдій Митрофана Довгалевскаго; но и онѣ приближаются иногда къ народнымъ понятіямъ, вѣрованіямъ, историческимъ преданіямъ, симпатіямъ и антипатіямъ, и удачно схватываютъ и вѣрно передаютъ ихъ. Въ первой интерлюдіи Конисскаго мужикъ говоритъ о себѣ:

---

[1]) Народныя южно-русскія сказки, Рудченка, Кіевъ, 1869 г., вып. 1, стр. 95.
[2]) Тамъ-же, вып. 2, стр. 167—168.

Библиотека "Руниверс"

Мы за ёго (Бога) ласку и светую волю
Орюмъ и сѣюмъ на всякого долю.

Слова эти находятъ оправданіе себѣ и въ современныхъ обычаяхъ южно-русскаго крестьянина, который, начиная сѣять, приговариваетъ: „роди, Боже, на всякого долю, и бідного, и багатого“. Въ той-же интерлюдіи мужикъ въ ужасъ пришелъ отъ того, что дѣти его поймали на нивѣ бабу, которая будто-бы дѣлала тамъ закрутки. Закрутка есть извѣстнаго рода завивка нѣсколькихъ стеблей на нашнѣ, дѣлаемая лихимъ человѣкомъ и особенно вѣдьмою для уничтоженія посѣяннаго хлѣба. И въ настоящее время закрутка наводитъ неописанный страхъ на суевѣрнаго мужика, который для вырыванія ея въ прежнее время призывалъ или знахаря, или священника.

Наконецъ, и у Довгалевскаго, и у Конисскаго выводимые въ интерлюдіяхъ жиды, ляхи, москали, цыгане, литвины и проч. изображаются съ такими-же характерами, съ какими они представляются въ народныхъ южнорусскихъ сатирическихъ сказкахъ.

Какъ-бы чувствуя контрастъ съ духовными школьными драмами, въ которыя вставлялись первоначально интерлюдіи, эти послѣднія иногда помѣщались не между актами духовныхъ драмъ, а въ концѣ ихъ, какъ нѣчто самостоятельное, и, можетъ быть, разыгрывались даже отдѣльно отъ духовныхъ драмъ. А отсюда уже не далекъ переходъ и къ самостоятельной комедіи, выработавшейся изъ интерлюдій. Образчикъ такой комедіи мы видимъ, въ концѣ прошлаго вѣка, въ комедіи уніатовъ съ православными, священника Саввы Стрѣлецкаго, писанной, впрочемъ, на польскомъ языкѣ [1]). Дальнѣйшее-же развитіе мѣстной южно-русской литературы попало въ общую струю теченія русской литературы.

IV.

Важнѣйшую составную часть стариннаго южно-русскаго театра представляетъ изъ себя такъ называемый вертепъ, или театръ маріонетокъ, изображавшій въ цѣломъ рядѣ драматическихъ сценъ обстоятельства Рождества Спасителя.

---

[1]) Издана въ русскомъ переводѣ въ «Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ», за 1869 годъ.

Библиотека "Руниверс"

Рождественскому вертепному представленію предшествовали въ южной Россіи колядные обряды и пѣсни частію полуязыческаго, частію христіанскаго содержанія и характера, и до сихъ поръ удерживающіяся въ средѣ народной. На почвѣ этихъ обрядовъ и пѣсень и въ зависимости отъ церковнаго богослуженія развилось, съ теченіемъ времени, драматическое дѣйствіе, имѣющее цѣлію наглядно представить важнѣйшія обстоятельства Рождества Христова, дѣйствіе простое, несложное, отрывочное. На западѣ Европы такимъ дѣйствіемъ была коротенькая мистерія о поклоненіи волхвовъ родившемуся Спасителю, XI в. [1]). Аналогическое явленіе мы находимъ и на югѣ Россіи, гдѣ и теперь еще, мѣстами, въ рождественскіе праздники исполняются молодыми людьми отрывочныя, незаконченныя сцены, касающіяся событій Рождества Христова и особенно поклоненія волхвовъ Спасителю. Таковы, напримѣръ, сценическія представленія въ селеніи Исаковой, оргѣевскаго уѣзда, кишиневской губерніи, исполняемыя взрослыми съ третьяго дня праздника Рождества и по 5-е января. Группами въ шесть и болѣе душъ, замаскированные въ костюмы воиновъ, съ жезлами въ рукахъ и касками изъ разноцвѣтной бумаги на головахъ, молодые парни представляютъ въ зажиточныхъ домахъ хозяевъ сцену встрѣчи съ Иродомъ трехъ царей-волхвовъ, шедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю [2]).

Когда вертепъ явился въ юго-западной Россіи, съ точностію неизвѣстно; но несомнѣнно, что онъ существовалъ уже здѣсь въ концѣ XVI вѣка. Изопольскій видѣлъ въ Ставищахъ древнѣйшій экземпляръ вертепа съ отмѣткой 1591 года. Къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ о составѣ видѣннаго имъ вертепа. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній о составѣ и содержаніи старинной вертепной драмы южно-русской доселѣ служилъ списокъ ея, записанный Н. А. Маркевичемъ въ 1848 году отъ своихъ крестьянъ; но этотъ списокъ носитъ уже на себѣ явные слѣды школьнаго происхожденія пьесы. Въ настоящемъ году сталъ извѣстенъ другой списокъ вертепной драмы по изложенію, которое сдѣлано сосѣдомъ

---

[1]) См. «Историческій очеркъ средневѣковой драмы», П. Полевого. С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 73—77.

[2]) «Кишинев. Епарх. Вѣдомости» за 1881 г., № 1-й.

Библиотека "Руниверс"

Н. А. Маркевича по имѣнію, нынѣ членомъ государственнаго совѣта, Г. П. Галаганомъ. Повидимому, этотъ списокъ происходитъ изъ одного источника съ первымъ, но имѣетъ нѣкоторыя, иногда весьма важныя отличія. О происхожденіи своего списка Г. П. Галаганъ сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: „по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770 годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ; потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ вертепное представленіе, будучи постоянно повторяемо на рождественскихъ праздникахъ въ продолженіи столькихъ лѣтъ, сохранено не въ устныхъ преданіяхъ, а въ писанномъ текстѣ и въ положенной на ноты музыкѣ, хотя безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени въ немъ могли появиться нѣкоторыя отступленія отъ стариннаго текста“ [1]). Къ сожалѣнію, полный текстъ этого списка не приводится въ интересномъ сообщеніи Г. П. Галагана, между тѣмъ было-бы весьма важно опредѣлить разночтеніе этого и другихъ, могущихъ быть открытыми списковъ, такъ какъ исторію вертепной южно-русской драмы въ настоящее время только и можно изучать путемъ сличенія различныхъ ея списковъ и сопоставленія ихъ текста съ соотвѣтствующими памятниками. Мы лично, впрочемъ, имѣли возможность сличить извѣстные доселѣ два списка вертепной драмы, т. е. Н. А. Маркевича и Гр. П. Галагана, съ цѣлію извлечь данныя для внутренней исторіи южно-русскаго вертепа, и представляемъ здѣсь результаты своихъ изысканій.

Извѣстно, что дошедшая до насъ вертепная драма раздѣляется на двѣ части: духовную, вращающуюся около обстоятельствъ рожденія Спасителя, и свѣтскую, которая мало имѣетъ отношенія къ этому всемірному событію. Оба извѣстные списки вертепа *въ общихъ чертахъ* сходны между собою въ обѣихъ частяхъ; разность усматривается главнымъ образомъ въ текстѣ второй части и тогда

[1]) «Кіевская Старина», октябрь, 1882 г., стр. 9.

Библиотека "Руниверс"

какъ первая, духовная часть въ обоихъ спискахъ повторяется почти буквально, лишь съ самыми незначительными измѣненіями и отличіями, въ текстѣ второй встрѣчаются значительныя частныя отличія въ обоихъ спискахъ.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ покойнаго Н. А. Маркевича, высказаннаго имъ въ своей книгѣ [1]), будто „первоначальное происхожденіе вертепа можно отнести ко временамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, къ 1600—1620 годамъ, когда онъ началъ возобновлять кіево-братскую школу и академію", какъ потому, что существованіе въ это время кіево-богоявленской школы и академіи болѣе, чѣмъ сомнительно, такъ и потому, что стихи даже первой части вертепа не носятъ на себѣ слѣдовъ литературнаго языка того времени. Скорѣе первая часть вертепа можетъ идти въ сравненіе съ комедіей на Рождество Христово св. Димитрія Ростовскаго, второй половины XVII вѣка, и особенно съ „Комическимъ дѣйствіемъ" на Рождество Христово, Митрофана Довгалевскаго, 1736 года. Для примѣра, приведемъ одно параллельное мѣсто. Въ „Комическомъ дѣйствіи" Довгалевскаго Декретъ Божій призываетъ Смертъ, а Смерть—Діавола.

Смерть (къ Ироду): Не годѣ будетъ сего, яко посѣщу тя,
Но горѣе будетъ ти, яко во адъ возму тя;
Се приглашу и друга, что дѣлать съ тобою,
И возмемъ тя отсюду на жилье съ собою.
Пріиди, друже искренній, первѣйшій владыко,
И увиждь снѣдь готову, намъ сладку толику!
Долгое бо время сего ожидали,
Дабы въ руцѣ Ирода убійцу пріяли.
Дьявол. О гостя вождельнна, о друга прелюбезна!
Давно тя ожидаетъ глубочайша бездна, и проч.

Въ вертепѣ есть очень сходныя съ этимъ мѣста. Здѣсь смерть говоритъ Ироду:

Що ты, Ироде несытый, почто се болтаешь
И мене убити воямъ повелѣваешь?

[1]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ, Н. Маркевича, Кіевъ, 1860 г., стр. 28.

Библиотека "Руниверс"

Изъ пропасти ада будешь ты знати,
Неповинны чада якъ убивати!
Выйди, брате, друже, мени пособити,
Кровопийцю Ирода отъ земли стребити!

Чортъ (къ смерти). Почто, моя другиня, зовешь на пораду?
Тотчасъ умерщвлю и препоручу аду.

И затѣмъ, хватая Ирода въ объятія, говоритъ:

Друже мій вірный, друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глибочайшей бездни.

Почти буквальное сходство послѣднихъ словъ вертепнаго дѣйствія съ соотвѣтствующими словами „Комическаго дѣйствія" Довгалевскаго показываетъ, что или вертепъ заимствовалъ кое-что у Довгалевскаго, или-же, наоборотъ, Довгалевскій воспользовался нѣкоторыми частностями вертепной драмы. Во всякомъ случаѣ то нужно считать несомнѣннымъ, что около 1736 года текстъ вертепа въ первой своей части заключалъ уже тѣ самыя мѣста, какія находятся и въ теперешнихъ его спискахъ.

Во второй части вертепа существующіе два списка его представляютъ, какъ мы выше сказали, нѣкоторыя значительныя разности. Особенный интересъ представляетъ въ спискѣ Г. П. Галагана явленіе 12-е, въ которомъ выводится на сцену запорожецъ съ его козацкими пѣснями и думами, проливающими нѣкоторый свѣтъ и на исторію самаго вертепа. Правда, этотъ запорожецъ выводится и у Маркевича и поетъ туже самую пѣсню, но отъ думы въ спискѣ Маркевича остались только безсвязные отрывки, тогда какъ въ спискѣ Г. П. Галагана она сохранилась въ цѣломъ видѣ. Такъ какъ по этому списку пѣсня и дума запорожца цѣликомъ приведены въ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины", то, не повторяя ихъ здѣсь, мы замѣтимъ только, что обѣ онѣ отзываются глубокою древностію. Въ частности пѣсня запорожца: „Та не буде лучше, та не буде краще, якъ у насъ та на Украини" въ томъ-же почти видѣ приводится въ сочиненіи Н. И. Костомарова „Богданъ Хмельницкій" и отнесена къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, но безъ указанія, откуда она взята [1]). Текстъ ея воспроизве-

[1]) «Богданъ Хмельницкій», Н. И. Костомарова, 1870 г., т. III, стр. 352—353.

Библиотека "Руниверс"

день также въ пѣснѣ о Швачкѣ, относимой М. А. Максимовичемъ къ 1768 году [1]). Что касается думы, то она носитъ на себѣ слѣды еще болѣе древняго происхожденія своего. Въ этомъ отношеніи драгоцѣнно въ ней въ особенности то сохранившееся въ Галагановскомъ спискѣ мѣсто, въ которомъ приводятся слѣдующія слова запорожца:

Да якъ и *лукъ* натягну, брязну *тетивою*,
То мусить съ поля втікать ханъ крымскій зъ ордою.

Оно ясно говоритъ, что дума относится къ тому переходному времени, когда лукъ и тетива только-что стали замѣняться у запорожцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, слѣдовательно во всякомъ случаѣ ко времени болѣе раннему эпохи войнъ Хмельницкаго. Другое доказательство древности этой думы то, что отрывки изъ нея нерѣдко воспроизводились на безъимянныхъ изображеніяхъ запорожца, пріурочиваемыхъ иногда къ разбойнику XVIII вѣка Мамаю и дошедшихъ до насъ отъ XVIII вѣка во множествѣ экземпляровъ. По Галагановскому списку вертепа, дума запорожца начинается слѣдующими словами:

Хоть дивись на мене, та ба не вгадаешъ,
Видкиль родомъ и якъ зовуть, пичичиркъ не знаешъ.
Коли трапилось кому у степахъ бувати,
До той може призвище мое вгадати.
А въ мене имя не одно, а есть ихъ до ката,—
Такъ зовуть, якъ набіжишь на якого свата:
Жидъ зъ біды за рідного батька почитае,
Милостивымъ добродіемъ ляхва называе.
А ты якъ хочь назови,—на все позволяю,
Абы лишъ крамаремъ не назвавъ, за те—то полаю.

По словамъ А. М. Лазаревскаго, въ его собраніи древностей есть изображеніе запорожца, принадлежавшее нѣкогда полковнику Полуботку, казненному Петромъ I въ 1722 году, и подъ этимъ изображеніемъ подписаны приведенныя начальныя слова думы запорожца. Тѣ-же слова съ незначительными измѣненіями помѣщены на акварельномъ снимкѣ съ другаго подобнаго изображенія XVIII в., сдѣланномъ г. Де-ла-Флизомъ съ оригинала въ 1850-хъ годахъ.

[1]) См. Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I. Кіевъ, 1876 г., стр. 613.

Библиотека "Руниверс"

Хоть на мене дивися, та не угадаешъ,
Якъ зовуть и видкиль родомъ, и якъ прозываютъ,—нечичиркъ не знаешъ.
Коли трапилось кому у степахъ бувати,
То той можетъ мое прозвище угадати.
Жидъ зъ бѣды за ридного батька почитае,
А ляхва дурно милостивымъ добродіемъ называе.
А ты якъ хочешъ, то такъ мене (назови)...
Абы лишъ не крамаромъ...

Г. Де-ла-Флизъ называетъ этого запорожца Мамаемъ, считаетъ его историческою личностію и указываетъ Мамаевъ дубъ на урочищѣ Васильковскомъ, Мотронинской дачи, возлѣ деревни Херсонки, чигиринскаго уѣзда. По мѣстному преданію, разбойникъ Мамай вѣшалъ на этомъ дубѣ ляховъ и жидовъ и наконецъ самъ былъ повѣшенъ на немъ по распоряженію польскаго правительства [1]). Дѣйствительно, мы читали въ одной перечневой лѣтописи XVIII столѣтія о казни разбойника Мамая, помнится въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Но очевидно, что живописный типъ запорожца существовалъ раньше Мамая и только примѣненъ былъ въ данномъ случаѣ къ этому разбойнику. Наконецъ, въ распоряженіи редакціи „Кіевской Старины“ находится еще подобное изображеніе безъимяннаго запорожца, половины XVIII вѣка. Внизу и по сторонамъ этого изображенія выписаны четыре отрывка изъ вертепной думы запорожца, именно изъ начала, середины и конца этой думы. Вотъ эти отрывки:

1. Хоть дивисъ, то одначе не вѣгадаешъ,—
   Вѣдки я родомъ, правда нѣчичир(к)ъ не знаешъ.
   Називай мене гайдамакою, розбойнікомъ, пяницею...
2. Що то якъ я бувъ молодъ, що во мнѣ була за сіла!
   Якъ ляхѣвъ боровъ, то и рука не трусила.
   А тепера и вошъ одъ мене сильнѣйша здаеця.
3. Козакъ душа справедливая, сорочки не мае.
   Коли не пье, то вопи бье, то таки не гуляе.
   Того ляхи, не меніне попи и чинцѣ, набѣралися жаху.

[1]) Этнографическій альбомъ Де-ла-Флизъ находится въ церковно археологическомъ музеѣ при кіевской дух. академіи.

Библиотека "Руниверс"

4. Гей, бандура моя золотая!
Коли бъ до тебе молодиця молодая!
Скакала бъ, спѣвала. До сёго лиха
Не одинъ бы чумакъ отъчурався гроший мѣха.
Бо якъ заграю, то не одинъ и цоскаче,
А подождавше с того веселля то не одинъ и заплаче.

Такимъ образомъ, пѣсня и дума запорожда въ 12-мъ явленіи вертепа по происхожденію своему относятся къ глубокой старинѣ, можетъ быть къ началу XVII вѣка или, по крайней мѣрѣ къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго и обѣ пользовались извѣстностію и въ XVIII вѣкѣ. Когда онѣ вошли въ составъ вертепной драмы, неизвѣстно съ точностію; но такъ какъ и пѣсня, и дума, въ цѣломъ видѣ или въ отрывкахъ, помѣщаются въ обоихъ извѣстныхъ спискахъ вертепа, Маркевичевскомъ и Галагановскомъ, то надобно полагать, что онѣ вошли въ составъ вертепной драмы при установленіи основнаго текста второй части вертепа.

Относительно происхожденія основнаго текста второй, свѣтской части вертепа прежде всего нужно замѣтить, что нѣкоторыя ея мѣста носятъ на себѣ слѣды искуственнаго, школьнаго происхожденія. Не смотря на различныя наращенія и передѣлки, какимъ подвергся текстъ второй части вертепа въ устахъ его исполнителей, въ ней и доселѣ еще можно замѣтить слѣды силлабическаго школьнаго стихосложенія, состоявшаго изъ 13, 12, 11 и т. д. слоговъ, съ риѳмою на концѣ и иногда цезурою въ срединѣ. Такъ напримѣръ, тринадцати-сложное силлабическое стихосложеніе съ цезурою замѣчается въ цыганской пѣснѣ 8-го явленія:

Де-жь, цыгане, ты живешь? Я-жъ не маю хаты;
Що выкую та выдурю,—тільки мыни платы, и проч.

Двѣнадцати-сложное силлабическое стихосложеніе замѣчается въ польской пѣснѣ десятаго явленія, напримѣръ въ словахъ:

Не жалуй, дивчина, барилечка вина,
Бо собѣ достанешъ добрей матки сына, и проч.

Отличаясь веселымъ, забавнымъ содержаніемъ и характеромъ, вторая часть вертепа представляетъ прямую аналогію со школьными

Библиотека "Руниверс"

интерлюдіями, каковы извѣстныя уже намъ интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго. Въ качествѣ интерлюдій, свѣтскія сцены вертепа первоначально соотвѣтствовали своимъ содержаніемъ актамъ или явленіямъ первой духовной части вертепа, къ которой онѣ относились. Примѣры такого соотвѣтствія можно видѣть отчасти и въ настоящее время. Первая, духовная часть вертепа состояла, повидимому, изъ пролога и четырехъ актовъ. Въ первомъ актѣ говорится о поклоненіи пастырей новорожденному Спасителю; во второмъ—о путешествіи волхвовъ на поклоненіе Спасителю, встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ и возвращеніи восвояси; въ третьемъ—объ избіеніи виѳлеемскихъ младенцевъ, по повелѣнію Ирода; въ четвертомъ—о смерти Ирода. Первому акту мистеріи соотвѣтствуетъ то явленіе второй части вертепа, гдѣ жидъ, припоминая важнѣйшія событія изъ исторіи еврейскаго народа, высказываетъ надежду на скорое пришествіе Мессіи. Мистеріальной сценѣ поклоненія пастырей рожденному Спасителю и принесенія ему даровъ соотвѣтствуютъ тѣ явленія второй части вертепа, въ которыхъ мужикъ Климъ даритъ блудливую и никуда негодную свинью дьяку за обученіе дѣтей грамотѣ. Въ послѣдней сценѣ рождественской мистеріи смерть и чортъ уносятъ Ирода въ адъ. Подобнымъ образомъ и во второй части вертепа чортъ, по приказанію козака, уноситъ съ собой жида, и наконецъ два чорта хотятъ взять къ себѣ и самого запорожца. Съ теченіемъ времени, различныя сцены второй части вертепа стали перемѣщаться съ одного мѣста на другое, дополняться другими сценами, или сокращаться, какъ это наглядно можно видѣть изъ сличенія списковъ Маркевича и Галагана; а вслѣдствіе этого первоначальная связь вертепныхъ интерлюдій съ самой рождественской мистеріей или затемнилась, или вовсе утратилась.

Если смотрѣть на первоначальную форму свѣтской части вертепа, какъ на интерлюдіи къ рождественской духовной драмѣ; то происхожденіе этой части нужно отнести къ самому раннему времени появленія интерлюдій вообще и школьной теоріи ихъ, т. е. по времени не позже конца XVII вѣка, хотя матеріалъ для интерлюдій могъ быть заимствованъ изъ народнаго обращенія и раньше этого существовать въ иной формѣ. Существовалъ-же въ какой-то формѣ вертепъ, видѣнный Изопольскимъ, съ подписью 1591 г.

Библиотека "Руниверс"

Само собою разумѣется, что первоначальный текстъ свѣтской части вертепа или вертепныхъ интерлюдій не могъ оставаться неизмѣннымъ и дойти до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Давая матеріалъ для составленія новыхъ школьныхъ интерлюдій, вертепныя интерлюдіи въ свою очередь могли заимствоваться отъ нихъ и обогащаться новыми матеріалами и сценами. Этимъ взаимнымъ отношеніемъ между первоначальными вертепными интерлюдіями и позднѣйшими школьными объясняется большое сходство въ частностяхъ между вертепными интерлюдіями съ одной стороны и интерлюдіями М. Довгалевскаго и Георгія Конисскаго съ другой, весьма важное для исторіи текста второй части вертепа. Укажемъ нѣсколько примѣровъ такого сходства. Во второй части вертепа запорожецъ издѣвается надъ двумя чертями и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту, говоря:

Що се я піймавъ? чи се птичка?
Чи перепелічка?
Чи се тая синичка,
Що вона й не дыше,
Тилько хвостикомъ колыше?

Эти слова почти буквально встрѣчаются и въ первой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго. Здѣсь мужикъ Пархимъ обращается съ подобными словами къ поляку—астроному:

А що бакъ ты у чорта и скажи (что) за птиця,—
Чи мишь, чи кажанъ, чи перепелиця?

Голодный цыганъ съ цыганкой во второй части вертепа очень живо напоминаютъ цыганскую чету въ третьей интерлюдіи Георгія Конисскаго. При сходствѣ положенія дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ, мѣстами есть даже буквальное сходство между ними.

У Конисскаго голодный цыганъ говоритъ:

Охъ, істи, істи хочу, панове, ратуйте!
Хотя саломъ смажне губы пошмаруйте!

А въ вертепѣ онъ говоритъ такъ:

Эхъ, юсти, юсти
Смаженои капусты!
Хочь бы сальцемъ запаровати!

Библиотека "Руниверс"

У Конисскаго цыганка обѣщаетъ накормить цыгана и говоритъ:

Навару тобѣ борщу, испеку комара
И накормлю тебе, мого милого господара...
То-то борщь ситій, то-то страва люба!
Возми лишь да покоштуй, ажъ злипнется губа!

Цыганъ. Се-жъ твуй борщь похожъ на ракову юшку.

Цыганка. То-то для смаку кидала снитку й петрушку.

И въ вертепѣ цыганка подобнымъ образомъ угощаетъ своего голоднаго мужа.

Цыганка. Принесу тоби борщику
Въ полывяномъ горщику...
Тутъ-то страва, тутъ-то люба!
Якъ покоштуешь, то стынется (звиспе) губа...

Цыганъ. Твій борщь походивъ на раковую юшку.

Цыганка. Кидала мій миленькій (й цыбулю) и петрушку;
И для свого господаря
Кидала кусокъ сала зъ комара.

Послѣ интерлюдій Георгія Конисскаго 1746 года, кіевскій вертепъ едва-ли имѣлъ дальнѣйшее развитіе, такъ какъ съ этого приблизительно времени вертепныя рождественскія представленія теряютъ кредитъ и болѣе и болѣе переходятъ въ низменныя сферы училищной жизни. Въ 1736 году Ѳеофанъ Прокоповичъ, указывая кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому экономическія средства для содержанія кіевской академіи, не благопріятно отозвался о студенческихъ „миркованьяхъ“, составлявшихъ, вмѣстѣ съ вертепными представленіями, источникъ доходовъ для бѣднаго студенчества. Что замѣчаніе О. Прокоповича принято было къ свѣдѣнію, это видно какъ изъ отсутствія въ послѣдующее время рождественскихъ школьныхъ пьесъ, соотвѣтствующихъ вертепу, за исключеніемъ двухъ отрывковъ, такъ и изъ положительнаго свидѣтельства о томъ, что съ этого приблизительно времени вертепныя представленія пренебрегались лучшими студентами и сдѣлались достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ. Въ одномъ спискѣ „Правила увѣщательнаго пьяницамъ“, 1779 г., но встрѣчающагося въ другихъ спискахъ гораздо ранѣе, говорится слѣдующее: „радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку радуй-

Библиотека "Руниверс"

тся! се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника рождественскаго сближается. Востаньте убо отъ ложей своихъ и воспріимите всякъ по своему художеству орудія, *содѣлайте вертепи*, склейте звѣзду, составьте партесы! егда-же станите по улицахъ со звукомъ бродя, ищущи сивухи, пріймутъ васъ подъ кровы своя". „Достойно и праведно,—говорится въ другомъ мѣстѣ „Правила",—похулити подвиги и труды ваши, горкопійцы; обтекаете бо вселенную, аки орли во облацѣ парящіе отъ града въ градъ, отъ веси въ весь, творяще лядопивство, и гдѣ изобиліе шинковъ и винницъ жители имѣютъ, тамо... возгнѣздитесь" [1]). Такіе-то, вѣроятно, орлы—пиворѣзы залетѣли въ 1770-хъ годахъ и въ Сокиринцы, имѣніе гг. Галагановъ, и разыгрывали здѣсь вертепное представленіе. Но очевидно, что они уже не были творцами вертепной драмы, а только ея исполнителями, промышлявшими чужимъ добромъ ради собственнаго прибытка.

Сдѣлавшись достояніемъ пьяныхъ нѣвчихъ, а затѣмъ церковныхъ дьяковъ и полуграмотнаго народа, вертепъ мало по малу терялъ свою первоначальную школьную правильность, утрачивалъ прежнія сцены, дѣлавшіяся анахронизмомъ, или переставлялъ ихъ съ одного мѣста на другое и замѣнялъ новыми въ простонародномъ вкусѣ. Это отчасти можно видѣть изъ текста Галагановскаго списка вертепа и сличенія его со спискомъ Маркевича. Дума запорожца почти совсѣмъ выпущена въ спискѣ Маркевича, вѣроятно потому, что этотъ запорожецъ, давно уже и самъ сошедшій со сцены, говоритъ здѣсь о козацкихъ столкновеніяхъ съ турками, татарами и ляхами, о ханѣ крымскомъ съ ордою, и проч. Въ заключительномъ явленіи Галагановскаго списка выходитъ на сцену нищій Савочка, единственный человѣкъ, къ которому благоволитъ запорожецъ. Но въ спискѣ Маркевича это явленіе замѣнено болѣе современнымъ явленіемъ, въ которомъ солдатъ стрѣляетъ изъ пушки и привѣтствуетъ господъ—зрителей словомъ: виватъ! На основаніи архаическихъ мѣстъ, удержавшихся въ Галагановскомъ спискѣ вертепа, мы готовы признать его редакцію болѣе древнею, чѣмъ редакція Маркевичевскаго списка, хотя и въ послѣднемъ мѣстами сохранился болѣе древній текстъ, чѣмъ въ спискѣ Галагановскомъ.

[1]) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в., стр. 76—78.

Библиотека "Руниверс"

За небольшими исключеніями, основной текстъ вертепа въ обоихъ спискахъ, Маркевича и Галагана, довольно сходенъ между собою; небольшія разночтенія могутъ служить только къ возстановленію первоначальнаго текста вертепа. Первая, духовная часть вертепа наиболѣе осталась вѣрною первоначальному его тексту, тогда какъ во второй части его чувствуется множество искаженій, распространеній и вставокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что эта часть вертепа пришлась по вкусу исполнителямъ, которые наложили на нее свою руку. Школьное силлабическое стихосложеніе въ этой части вертепа постоянно перебивается и нарушается размѣромъ украинскихъ думъ.

Извѣстно, что въ составъ древняго эпическаго стиха, распространеннаго у другихъ славянскихъ народовъ, входило десять слоговъ съ двумя удареніями. Размѣръ этотъ выдержанъ въ украинскихъ и особенно въ галицкихъ колядкахъ. Но думы отличаются отъ другихъ украинскихъ пѣсенъ разнообразною, вольною мѣрою своихъ стиховъ, слагающихся изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ, и въ неопредѣленномъ числѣ слоговъ: есть стихи многосложные, заключающіе въ себѣ около 30 слоговъ; есть также пятисложные, даже трехсложные. Размѣръ думъ основанъ на внутренней потребности мысли оттѣнить въ каждомъ стихѣ вполнѣ отдѣльную часть ея: гармонія звука вытекаетъ изъ внутренней гармоніи мысли, что и даетъ думамъ право на ихъ названіе. Это именно *думы,* сознательные акты мысли, облеченные въ поэтическую форму воспоминаній о прошедшемъ, которое не настолько отдѣлилось отъ пѣвца, чтобы можно было говорить о немъ вполнѣ безпристрастно, въ спокойно размѣренной формѣ традиціоннаго эпическаго стиха. Пѣвецъ, слагатель думы, самъ былъ очевидцемъ и, можетъ быть, участникомъ совершившихся событій; оттого-то эпическій тонъ думы часто переходитъ въ лирическій и драматическій. Другое отличіе украинскихъ думъ отъ эпическихъ великорусскихъ пѣсенъ и юнацкихъ сербскихъ состоитъ въ риѳмѣ, столь привычной для пѣснопѣнья южно-русскаго. Рѣдко встрѣчается въ думѣ стихъ безъ отвѣтнаго и созвучнаго ему стиха; чаще ихъ бываетъ по нѣскольку (до 10-ти) на одну риѳму [1]).

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, 1877 г., стр. 459: «Что такое думы». См. «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» П. Житецкаго. Кіевъ, 1876 г., стр. 289—290.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ это-то стихосложеніе украинскихъ думъ, врываясь мало по-малу въ вертепныя школьныя интерлюдіи, нарушало ихъ силлабическій размѣръ, приближало ихъ къ народному складу и произвело во второй части вертепа тотъ видимый безпорядокъ, который теперь замѣчается въ немъ съ перваго разу. Наглядный примѣръ тому представляютъ сцены цыгана съ цыганкой, встрѣчающіяся и въ интерлюдіяхъ Г. Конисскаго, и въ вертепѣ. Вмѣсто 13 или 11 слоговъ интерлюдій, въ вертепѣ является, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, отъ 5 до 14 слоговъ. Этому перебою силлабическаго стихосложенія стихосложеніемъ думъ много содѣйствовала риѳма, усвоенная тѣмъ и другимъ стихосложеніемъ, которая вызывала у исполнителей вертепа новые стихи съ такими-же риѳмами и новыя риѳмы даже въ срединѣ стиховъ. Это видно изъ сличенія какъ цыганскихъ вертепныхъ сценъ съ соотвѣтствующими сценами въ третьей интерлюдіи Георгія Конисскаго, такъ и обоихъ списковъ вертепа между собою. Такъ напримѣръ, въ интерлюдіи Конисскаго мы видѣли слѣдующій стихъ:

Охъ, исти, исти хочу! панове ратуйте!

Въ другомъ мѣстѣ:

Навару тобѣ борщу, испеку комара, и проч.

Но въ спискахъ вертепа каждый изъ этихъ стиховъ раздѣленъ на два меньшіе, по числу слоговъ, стиха, съ приставкою къ первому полустишію риѳмы и необходимаго для нея текста. Такимъ образомъ изъ перваго стиха вышли два слѣдующіе:

Эхъ, юсти, юсти (вм. исти, исти),
Смаженои капусты.

Изъ втораго-же стиха, при помощи новой риѳмы, образовалось слѣдующее двустишіе:

Принесу тоби борщику
Въ полывяномъ горщику.

Нарощеніе нѣсколькихъ риѳмъ, съ соотвѣтствующимъ новымъ текстомъ, на первоначальную риѳму видно изъ сличенія нѣкоторыхъ мѣстъ вертепа по обоимъ его спискамъ. Такъ напримѣръ, первое явленіе второй части вертепа, по Галагановскому списку, начинается слѣдующимъ двустишіемъ:

Отъ, теперъ-же и мы, бабусенько, дождалися, якъ Ирода на світі не стало.
Теперъ, моя молодичко, потанцюймо хоть мало!

Библиотека "Руниверс"

Но въ спискѣ Маркевича вмѣсто этого двустишія являются уже три стиха съ одинаковою риѳмою, въ такомъ видѣ:

Отъ, теперъ и намъ припало,
Якъ Ирода вже не стало.

Потанцюймо-жъ, молодычко, мій ружевый квитъ, хоть мало! Въ спискѣ Маркевича девятое явленіе начинается слѣдующими стихами, сравнительно правильными въ силлабическомъ отношеніи:

А цо тута за галаце?
Нѣхъ дзембло возьме гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, ведзь до мнѣ кохану!
Я ту краковьяку вытанцевать стану.

Но въ спискѣ Галагана къ двумъ первымъ риѳмамъ прибавляется третья:

А цо тута слыхъ да галаце?
Нѣхъ дзембле возьмо гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, до женской палаце!

Послѣ этого, четвертый стихъ оказался уже неумѣстнымъ въ спискѣ Галагана и выброшенъ изъ него.

Такія и подобныя вторженія народнаго стихосложенія въ текстъ вертепа встрѣчаются въ немъ сплошь и рядомъ и сообщаютъ ему народный колоритъ и букетъ. Этотъ послѣдній усиливается, по мѣстамъ, вставками въ текстъ вертепа цѣлыхъ народныхъ пѣсенъ, или отрывковъ изъ народныхъ произведеній, или очевидныхъ подражаній имъ. Такова, напримѣръ, въ первомъ дѣйствіи второй части вертепа пѣсня: „Ой пидъ вишенькою“, и теперь распѣваемая независимо отъ вертепа.

Благодаря привнесенію народнаго элемента, южно-русскій вертепъ сдѣлался любимымъ народнымъ развлеченіемъ, получилъ широкое распространеніе и перешелъ даже въ Сибирь. Еще въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, говорятъ, онъ разыгрывался въ кіевскихъ балаганахъ, на торговыхъ площадяхъ, и привлекалъ къ себѣ толпы зрителей изъ простаго народа. Поэтому южно-русскій вертепъ имѣетъ право на полное вниманіе со стороны лицъ, заботящихся о развитіи народнаго театра, такъ какъ этотъ вертепъ и знакомитъ насъ съ театральными вкусами простаго здѣшняго народа, и можетъ дать матеріалъ для современнаго народнаго театра.

Н. Петровъ.

Библиотека "Руниверс"

БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ.

(Текстъ девяти думъ, съ біографическою замѣткой).

Въ томъ переходномъ фазисѣ своей исторической жизни, который переживаетъ теперь малорусское племя, остатки національной старины таютъ и исчезаютъ съ поразительной быстротой. Рѣшительныя и рѣзкія перемѣны послѣдняго двадцатипятилѣтія,—крестьянская реформа, общая воинская повинность, желѣзныя дороги—повліяли сильнымъ образомъ на сложившійся подъ иными условіями народный бытъ. Но нигдѣ исчезновеніе старыхъ преданій незамѣтно такъ сильно, какъ въ области историческаго народнаго самосознанія. Не поддержанное школой и научнымъ путемъ, сознаніе это, отодвинутое отъ стараго строя столѣтіемъ жизни въ иныхъ условіяхъ, теряетъ съ нимъ всякую связь. Подъ вліяніемъ этихъ-же новыхъ условій жизни одинъ изъ факторовъ такого сознанія,—народная историческая поэзія, безвозвратно умираетъ на нашихъ глазахъ.

Хранителей поэтическихъ произведеній историческаго характера,—кобзарей, бандуристовъ, лирниковъ, которыхъ въ пятидесятыхъ годахъ насчитывали еще десятки, въ настоящее время надо считать единицами. Еще недавно почтеннаго Остапа Вересая считали послѣднимъ представителемъ малорусскихъ рапсодовъ. Потомъ нашлось два кобзаря въ нѣжинскомъ уѣздѣ, съ менѣе обширнымъ репертуаромъ. Заключеніе о Вересаѣ, какъ о единственномъ живомъ хранителѣ народнаго эпоса, было слишкомъ поспѣшно. Въ глухихъ уголкахъ Малороссіи есть еще нищіе слѣпцы, прошедшіе свою *науку* въ 50—60 годахъ, когда на искусство ихъ былъ еще нѣкоторый спросъ, и поющіе по двѣ, по три историческихъ пѣсни

Библиотека "Руниверс"

общаго характера. Но кобзарей стараго типа, хранящихъ въ памяти большой запасъ думъ и пѣсень, помнящихъ еще то время, когда къ этимъ пѣснямъ прислушивалась народная толпа, на всей Украйнѣ, дѣйствительно, найдется теперь не болѣе двухъ-трехъ, да и тѣ одной ногой стоятъ въ могилѣ. Бандуристъ, именемъ котораго озаглавлена эта замѣтка, одинъ изъ этихъ послѣднихъ могиканъ. Живетъ онъ въ Лохвицѣ, полтавской губерніи, гдѣ я и записалъ отъ него печатаемые нынѣ варіанты думъ.

Первые собиратели произведеній народной поэзіи не оставили намъ никакихъ замѣтокъ о личностяхъ почтенныхъ слѣпыхъ пѣвцовъ, память которыхъ сохранила эту народную святыню. Произошло-ли это отъ того, что въ то время, въ первую четверть нашего вѣка, кобзари были еще явленіемъ общимъ, не обращавшимъ на себя вниманія своею рѣдкостью, или отъ полнаго отсутствія въ то время уваженія къ личности въ людяхъ изъ народа, но ни князь Цертелевъ, ни гг. Срезневскій, Лукашевичъ и Максимовичъ ни словомъ не упоминаютъ о кобзаряхъ, отъ которыхъ заимствовали матеріалъ для своихъ сборниковъ. Впервые кобзари названы въ „Южно-русскихъ пѣсняхъ“ Метлинскаго, вышедшихъ въ 1854 году. Три года спустя П. А. Кулишъ, въ своихъ „Запискахъ о южной Руси“, этой книгѣ, которой нѣтъ равной въ литературѣ малорусской этнографіи, далъ нѣсколько характеристикъ знакомыхъ ему кобзарей, набросанныхъ съ обычнымъ этому писателю живымъ талантомъ. Такимъ образомъ нѣкоторая извѣстность досталась только рапсодамъ позднѣйшаго времени, дольше протянувшимъ нить народнаго историко-поэтическаго преданія и какъ-бы въ награду за то. Наибольшая доля вниманія выпала въ этомъ отношеніи Остапу Вересаю, скромное имя котораго проникло даже на чопорныя страницы „Revue des deux mondes“. Къ маленькой серіи кобзарскихъ біографій должно примкнуть и это сообщеніе о лохвицкомъ бардѣ [1]).

[1]) Къ списку кобзарей, помѣщенному въ статьѣ „Остапъ Вересай, его пѣсни и думы“ („Кіевская Старина“, 1882 г. № 8), составленному главнымъ образомъ по замѣткѣ г. Бѣлозерскаго (въ сборникѣ Метлинскаго), надо прибавить еще имена: лирника Дмитра Погорилого, изъ Звенигородки, кіевск. губ., Ѳедора Кононенка, изъ с. Александровки, лубенскаго уѣзда, полт. губ. и Лександра Михайлюка, изъ того-же уѣзда. Думы отъ нихъ записывалъ Кулишъ. Упомянемъ, кстати, что въ изданіи Л. Жемчужникова „Живописная Украйна“ (1861—62 г.) помѣщено нѣсколько портретовъ кобзарей, рисованныхъ издателемъ и Кулишемъ. Таковы портреты Андрея Шута, Архипа Никоненка, Дмитра Погорилого и Вересая, лѣтъ 25 назадъ.

Библиотека "Руниверс"

Лѣтъ шестьдесятъ назадъ, при въѣздѣ въ печальную и нынѣ, а тогда совершенно захолустную Лохвицу, стояла панская усадьба—обиталище мелкопомѣстныхъ дворянъ Крюковскихъ. Земля ихъ была при городѣ; тутъ-же, близъ исчезнувшей нынѣ усадьбы, при томъ-же „городѣ“, стояли панскія хозяйственныя постройки, а въ убогихъ хаткахъ, размѣщалось десятка два крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1820 году, на зимняго Миколу, у пана родился сынъ, а три недѣли спустя, тоже сынъ родился у одного изъ его подданныхъ—Григорія Кравченка. Когда мальчику исполнилось три года, его взяли въ комнаты, къ паничу. Пока Иванъ былъ маленькій, назначеніе его было—играться съ паничемъ, когда-же онъ немного подросъ и окрѣпъ и отъ него можно было получить болѣе серьезныя услуги, обязанности его перемѣнились и онъ превратился въ лакея-попыхача. Такъ, въ „комнатахъ“, прожилъ онъ до 15-ти лѣтъ. Въ это время у него стали болѣть глаза и болѣли три года. Наконецъ зрѣніе совсѣмъ стало измѣнять ему и онъ долженъ былъ убѣдиться, что слѣпнетъ. Паничъ не вѣрилъ этому и, по разсказу кобзаря, „все було шуткуе: скаже мені—туди иди, або туди,—а я пійду та-й впаду. Звісно—паны тоді знущались надъ людьми!—А після того панъ старый уже бачить, що я сліпый, та й одпустивъ мене“. Ни хаты, ни поля онъ ему не далъ.

— Ты сліпый, сказалъ ему панъ, на що тобі хата? Ты у людей де нéбудь проживешъ.

Въ то время отецъ Ивана уже умеръ, жива была одна мать. Она то и вздумала отдать сына въ ученье къ кобзарю. Въ село Гапоновку (лохвицкаго уѣзда), незадолго передъ тѣмъ, явился кончившій свою *науку* слѣпецъ Кравченко (однофамилецъ нашего бандуриста). Къ нему-то и отправила мать Ивана на обычные три года, сказавъ: „иди, сыну, може ты у ёго чогось научишся“!

Кравченко былъ старше Ивана и учился въ зѣньковскомъ уѣздѣ у стараго кобзаря Хмельницкаго. Онъ умеръ года три назадъ въ с. Венславовкѣ, близъ Гадяча, куда потомъ переселился. Онъ не былъ, впрочемъ, единственнымъ учителемъ Ивана. Странствованія по ярмаркамъ сближали его и съ другими кобзарями, отъ которыхъ онъ, при хорошей памяти, перенималъ пѣсни и думы. Особенно памятенъ ему старый Гаврило Волкъ, жившій гдѣ-то въ зеньковскомъ уѣздѣ. Ему было лѣтъ 90. „Вінъ такий бувъ, що и

Библиотека "Руниверс"

кобзу свою вже покинувъ,—не здужавъ грать. Такъ, словесно було розсказуе. Я ёму за кажду пісню дававъ четвертакъ. У почі оце, було, яхъ посходимось,—вінъ мені разивъ три, чи чотири прокаже, то у мене памьять була дѣ-обра, то я й затверяу. То и вінъ каже бувало,—царство Боже!" „Эге, сыну, не те вже теперъ! Не такихъ співають! Багато и я позубувавъ. А колись чувъ доброго, хороше знавъ!"...

Время шло. Спросъ на думы и пѣсни все болѣе и болѣе умепьшался въ народѣ и нашъ кобзарь повѣсилъ на гвоздь бандуру и почти исключительно занялся витьемъ веревокъ и дѣланьемъ возжей, обычнымъ ремесломъ малороссійскихъ нищихъ-слѣпцовъ.

Надо было устроить какъ нибудь жизнь. Панъ не далъ ничего, кромѣ своего имени: по странной иронiи судьбы кобзарь нашъ является теперь носителемъ и продолжателемъ исчезнувшей фамилiи Крюковскихъ. Такъ назвали его съ самаго начала его скитальческой жизни; подъ этимъ именемъ знаютъ его всѣ и теперь. Въ 27 лѣтъ Иванъ женился. Бракъ этотъ далеко не былъ безплоднымъ: число дѣтей кобзаря достигло, съ лѣтами, числа сыновей Іакова. Изъ этой огромной семьи въ живыхъ осталось только три сына. Жива и жена, еще далеко не старая женщина (она моложе своего мужа на 11 лѣтъ). Вмѣстѣ сколачивали они деньги и два раза было построились, одинъ разъ въ м. Сенчѣ, другой—въ Лохвицѣ, но два раза погорѣли. Послѣ того, лѣтъ двѣнадцать, семья жила въ чужой хатѣ. Въ это время жена и старшій сынъ, поднявшійся уже на ноги, въ теченiи трехъ лѣтъ, ходили на Донъ, на заработки. Жена приносила рублей по 45 (она жала, вязала и проч.), сынъ рублей по 80 (онъ косилъ). Такимъ образомъ они сколотились на грунтъ и на хату. То и другое куплено въ пригородѣ Лохвицы-Прилипкѣ, гдѣ и живетъ теперь Крюковскій.

Быть можетъ кому нибудь будетъ страннымъ представить себѣ кобзаря въ городской обстановкѣ. Бывшіе въ Лохвицѣ поддержатъ меня, а не бывшіе повѣрятъ на слово тому, какъ мало городского въ этомъ „городѣ". Что-же касается предмѣстья Прилипки, гдѣ стоитъ хата Крюковскаго, то это совершенная деревня. Соломенныя крыши, плетневые заборы, сады и огороды, съ торчащими кое-гдѣ огромными ольхами и липами, клуни, окруженныя скирдами, собаки въ дворахъ и свиньи на улицахъ—все здѣсь, какъ слѣдуетъ быть

Библиотека "Руниверс"

въ селѣ. Даже эта строгая деревенская тишина, подъ которой чуется трудовой недосугъ, насущная работа, то очевидное прямое дѣло земледѣльческаго труда, которое наполняетъ все деревенское время, всю деревенскую жизнь и такъ выгодно отличаетъ ее отъ ничѣмъ не наполненнаго, пустого и унылаго прозябанья маленькихъ городковъ.

Колеся по полтавской губерніи и услышавъ о Крюковскомъ, я завернулъ въ Лохвицу и безъ труда нашелъ его хату, а въ ней и самаго хозяина, старика за 60 лѣтъ, средняго роста, сѣдого, съ волосами чубомъ, въ усахъ и съ двухнедѣльной бородой. Лицо его, съ довольно правильными чертами, грубовато, но смягчается оттѣнкомъ добродушія. Мы скоро познакомились и перешли къ интересовавшему меня предмету. Крюковскій охотно диктовалъ мнѣ думы, псальмы и пѣсни и не разъ сѣтовалъ на то, что многое перезабылъ изъ всего этого. „Я іхъ знавъ всіхъ пісень 70, такъ що-жъ?— Рідко приходится співать. Хоть-би кожного году по разу всі проспівавъ, то й то-бъ помнивъ, а то рідко-рідко коли проспіваешъ. На ярмарки я тількі за-молоду ходивъ, а вписля покинувъ. То ти, що зъ лирою,—то вінъ сяде середъ ярмарку та грае, та голосить, то люде его и слухають; а то співай дві чи три,—а тобі достанется ота коційка або дві! Люде старихъ пісéнь и не слухають. Ще прежде старики колись звали співать імъ, а теперъ молоді все позабували; ему співай про старовину, а вінъ не знае, що воно таке и е. Теперъ я такъ, для себе граю, та отъ коли хто зъ панівъ покличе, то граю імъ“.

Говорили о кобзаряхъ. Припоминали нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кобзари знаютъ другъ друга и распросы у нихъ лучшій способъ сдѣлать новыя находки въ этой области, еслибъ такія находки были еще возможны. Крюковскій зналъ Андрея Шута, вечірского (пирятинскаго уѣзда) Антона (помóръ торікъ!), Трихона, зъ Великихъ Бубнівъ (ромепскаго уѣзда, умеръ два года назадъ), Потапа, въ с. Новой Греблѣ, лохвицкаго уѣзда, Алексѣева изъ Крячковки (пирятинскаго уѣзда), Архипа Никоненка („той далеко живъ, такъ мы рідко стрічались“). Всѣ они поумирали. Знаетъ Вересая, но видѣлся съ нимъ лѣтъ двадцать назадъ.

Самъ онъ *зіньковской науки* и, какъ сказано, главный свой пѣсенный фондъ перенялъ отъ Кравченка, учившагося у Хмель-

Библиотека "Руниверс"

ницкаго, въ Зеньковѣ. Хмельницкій умеръ раньше Вовка и съ этимъ учителемъ своего *майстра* онъ не встрѣчался никогда. У самаго Крюковскаго есть ученики, но историческихъ пѣсень онъ нѣтъ ихъ не учитъ, во первыхъ потому что на это нѣтъ теперь никакого спроса, во вторыхъ потому что это трудно: „Иншому разъ двадцять прокажи—нічого не тямить!“ Также трудно и научить играть на бандурѣ. Одного ученика онъ играть научилъ. То былъ сиротка, плохого здоровья, слѣпой и горбатый и жилъ у нихъ. Теперь онъ ушелъ.

Для меня былъ вынесенъ изъ коморы „струментъ“, хотя я и не затруднялъ старика пѣніемъ всѣхъ думъ и прослушалъ съ бандурой только тѣ, которыя онъ самъ захотѣлъ пѣть. Голосъ у Ивана довольно свѣжъ. Думы поетъ онъ быстрыми речитативами съ протяжными окончаніями при перемѣнѣ мелодіи. Довольно гармонично звучатъ также нѣсколько исполняемыхъ имъ на одной кобзѣ, безъ пѣнія, пьесъ.

Матеріальное положеніе Крюковскаго плохо. Изъ большой семьи, рабочихъ рукъ, этого обычнаго источника крестьянскаго благосостоянія, въ живыхъ осталось только три сына. Младшему всего лѣтъ шесть, средній еще въ ученьи у кузнеца и только старшій, парубокъ, помогаетъ отцу въ его ремеслѣ,—выдѣлкѣ издѣлій изъ конопли, которыя они возятъ продавать на ярмарки и дѣлаютъ, по заказу, на мѣстѣ.

Всѣ девять думъ, записанныя мною отъ Крюковскаго, извѣстны печатно. Тѣмъ не менѣе эти, послѣдніе, можетъ быть, по записи, варіанты не лишены значенія. Сохранились они въ памяти кобзаря довольно полно всѣ, кромѣ думы о Самойлѣ Кошкѣ, изъ которой онъ могъ, по его выраженію, припомнить „хиба десяте слово“. Помѣщеніе и этого послѣдняго варіанта объясняется тѣмъ, что настоящій клочокъ варіанта есть первый, встрѣчающійся собирателямъ пѣсень послѣ того, какъ превосходная дума эта записана была въ 30-хъ годахъ Лукашевичемъ. Сравненіе остальныхъ думъ съ извѣстными прежде текстами обнаружило также отличія. Я не стану, однакожъ, удлинять безъ надобности размѣры статьи сравненіемъ этихъ варіантовъ съ прежними строка за строкой, указаніемъ что въ нихъ есть и перечисленіемъ чего нѣтъ, по примѣру русскаго композитора, печатавшаго нѣкогда списокъ произведеній, которыхъ

Библиотека "Руниверс"

онъ *не пишетъ*. При наличности девяти думъ это потребовало-бы чуть-ли не цѣлой книги. Спеціалисты сдѣлаютъ сравненіе сами; для нихъ нуженъ самый текстъ, который я и передаю въ томъ порядкѣ, въ какомъ самъ записалъ ихъ, начиная, по примѣру Крюковскаго, съ излюбленной думы бандуристовъ.

Олексій Поповичъ.

У святую неділеньку, рано—пораненько,
На Чорному морі, та на камені біленькому,
Сидівъ сокілъ ясненькій, жалібненько квилить—приквиляе,
Свою головку низенько склоняе,
А на Чорне море спильна поглядае,
Що на Чорному морі усе не добре починае:
Береть судно козацьке—молодецкее на три часті розбиває;
Одну часть узяло у орабську землю занесло,
А другу часть ухватило у Дунайске гирло забило,
А третяя часть—де ся має?—
Посередъ Чорного моря на бистрій хвилі потопае...
А при той часті бувъ гетьманъ Кошовий,—
Грицько Збурівскій.
То вінъ на чердакъ изхожае,
Гірко плаче, та рыдае
Словами промовляе:
—„Ой, вы, сотники и полковники и козаки рядовиі!
Сповідайтеся, братця, и къ Чорному морю,
И напередъ Богу милосердному и отоману Кошовому:
Который на собі найбільше гріхівъ мае!“
То всі сотники, усі полковники замовчали,
Тільки озывается Олексій Поповичъ Пирятинській, писаръ військовий и козакъ лейстровий,
То вінъ на чердакъ изхожае, словами промовляе:
—„Ой, вы сотники, вы и полковники и козаки рядовиі,
То добре вы собі учиніте, возьміть мене, чорною китайкою очи завьяжите,
Та білий камінь до шиі причепите,
Та візьміть мене самого на Чорне море пустите.
Нехай я буду на Чорному морі своею головою дарувати,
Ажъ не товарыства сердешного невинноі душі теряти!...

Библиотека "Руниверс"

Я то, каже, братця, зъ города Пирятина виїжавъ,
Изъ отцемъ, изъ матірью прощенія не йнавъ,
На свого доброго коня сідавъ,
Свого отця и матіръ въ груди поторкавъ,
И близкихъ сусідівъ зъ хліба и соли збавлявъ,
Свого старшого брата за брата не мавъ,
Добрымъ конемъ по улиці пробігавъ,
И чужихъ дітокъ ростурчавъ,
И кровь христіянську на сыру землю проливавъ;
А мимо церковъ іхавъ, мимо святого Миколи,—
Шличка не скидавъ,
На собі хреста не покладавъ;
А лишъ-бы то я на свого доброго коня поглядавъ,
Та на свое здоровье козацьке-молодецьке уповавъ.
Коли-бъ то мені Богъ помігъ у добромъ здоровьи у сіеі потребі сходити,
То могъ-бы я отцеву й материну молитву рано й пізно споминати!„
То якъ ставъ Олексій Поповичъ свої гріхи милосердному Богу и Чорному морю и отаману Кошовому по правді повідати,
То стало Чорне море унімати.
То такъ воно унімало,
Якъ-бы віколи и не грало!
Ставъ изъ Днінра тихий вітеръ повивати,
—Стало судно козацьке-молодецьке до буйної Приспи прибувати.
То одну часть взяло—зъ орабської землі выпесло,
А другую часть исхватило—изъ Дунайського горла вырвало,
Та до буйної Приспи прибило...
То всі козаки на сыру землю зхожали,
Къ сырій землі низкі поклоны ударяли;
А Олексій Поповичъ Пирятинській на сыру землю схожае,—
Береть у руки святое письмо читае,
До сотниківъ, до полковниківъ словами промовляе:
—„Ой-же козаки, паны всі молодці,
Отъ тимъ-то, каже, братця, годится отцева й материна молитва!
Хто отцеву и материну молитву споминае,
То отцева и материна молитва и помощь спомагае,
Изо-дна моря душу выймае,
И одъ гріхівъ одъ смертельныхъ искупляе!“...
То всі сотники и полковники тее зачували,
До Лексія Поповича словомъ промовляли:
—„Одъ-же, Олексію Поповичу, хотя ты береш въ руки святе письмо, читаешъ,

Библиотека "Руниверс"

А лишъ-бы то ·ты більше гріхівъ на собі маешъ?!“...
Та тоді воны на сырій землі проживали,
Молебні наймали,
Отцеву й материну молитву споминали,
Сами поміжду собою дивомъ дивували:
—„Шо на якій-то бистрій филі на Чорнімъ морі мы пробували,
На середини потопали,
Та не одного козака не втеряли!
Шо насъ Господь милосердный вынісъ
На край веселый,
Между миръ хрещеный!“...

—

Дай, Боже, миру царському,
Народу христіянському,
На многі літа,
До конця віка!

Варіантовъ этой думы извѣстно болѣе десяти [1]). Въ четырехъ изъ нихъ героемъ является Олексій Поповичъ пирятинскій, какъ и въ нашемъ спискѣ; въ остальныхъ—передъ смертью, въ виду неминуемой гибели, каются другъ другу въ грѣхахъ два утопающіе брата. Мораль всѣхъ варіантовъ—одна и таже. Это—святость сыновней любви, сыновняго долга, честной жизни и чудодѣйственная сила родительской молитвы.

Въ прекрасно сохранившемся въ памяти нашего кобзаря, варіантѣ этой думы, описываемый козацкій набѣгъ на турецкіе берега представленъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ прежнихъ варіантахъ. Тутъ, подъ начальствомъ гетмана Грицька Збурівского (Самуила Зборовскаго), находятся полковники и сотники и вообще цѣлая козацкая флотилія, что не противорѣчитъ и историческимъ свидѣтельствамъ. Впрочемъ, какова-бы ни была достовѣрность историческихъ подробностей этой прелестной думы, по своимъ высокимъ художественнымъ достоинствамъ, она должна быть отнесена къ самымъ замѣчательнымъ образцамъ малорусской народной поэзіи. Признаніе въ своихъ грѣхахъ ради спасенія ближнихъ, беззавѣтная жажда душевнаго очищенія, открытая исповѣдь предъ Богомъ, людьми и природой въ нарушеніи святѣйшихъ завѣтовъ честной

[1]) См. „Историческія пѣсни малорусскаго народа“ часть I стр. 176.

Библиотека "Руниверс"

жизни честныхъ предковъ и, какъ отвѣтъ на укрощеніе этой душевной бури, наступившій миръ и успокоеніе природы—все это счастливѣйшіе мотивы, какіе могутъ встрѣчаться въ поэзіи. Поразительно сильна, при всей сжатости, описательная, картинная часть думы. Любопытнымъ образчикомъ поэтическаго единоборства являются варіаціи Шевченка на первыя строки „Олексія Поповича“ [1]). По этому граціозному перепѣву, можно убѣдиться, сколько въ произведеніяхъ народной музы кроется живой и свѣжей силы для творческаго вдохновенія поэтовъ.

Слѣдующая дума Крюковскаго „Відчимъ“ встрѣчается въ сборникахъ князя Цертелева и Максимовича („Отъѣздъ козака изъ родины“, „Отъѣздъ козака изъ дому“) и входитъ также въ репертуаръ Вересая. Какъ въ нашемъ варіантѣ, такъ и въ другихъ, приставка объ отчимѣ, по всей вѣроятности, есть позднѣйшее прибавленіе, сдѣланное кобзарями, съ цѣлью сдѣлать думу сочувственною большему числу слушателей, послѣ того какъ основной ея мотивъ,— прощанье козака съ семьей предъ отъѣздомъ въ походъ, съ перемѣной строя жизни, сталъ мотивомъ чуждымъ. Первыя девять строкъ думы какъ-бы оторваны отъ остального и между ними и послѣдующимъ не чувствуется органической связи. Тоже самое еще рельефнѣе выступаетъ въ варіантѣ Максимовича („Украинск. народн. пѣсни“ 1834 г.) который почему-то замѣчаетъ даже отъ себя, что „сія небольшая дума перспожена изъ пѣсни „Гомонъ, гомонъ по дубровѣ“. На самомъ дѣлѣ у этой думы съ помянутой пѣсней общаго не много.

Відчимъ.

Що у святую неділеньку,
Барзо рано поранпенько,
Мати рідненька
Слізами проливає,
До свого сына словами промовляє:
—„Иди ты, сыну, між чужі люде,

---

[1]) Въ прозаической повѣсти „Матросъ“. Отрывокъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ напечатанъ, въ числѣ другихъ, въ газетѣ „Трудъ“ 1881 г. декабря 12.

Библиотека "Руниверс"

Чи не лучше тобі буде!
Нехай тебе вторяй отець не лає, не проклинає,
Щастя й долі козацькоі твоеі не теряе!“...
Старша сестра коня выводила,
А середужча сестра зброю выносила,
А найменьша сестра хустину выносила,
Та горко плакала и рыдала
И словами промовляла:
— „Відкіля-жъ тебе, братіку, въ гості выглядати:
Чи зъ буйного вітру,
Чи зъ широкого степу,
Чи зъ славнаго війска Запорожья?“
То братъ тее зачуває,
До сестры словами промовляе:
— „Возьми ты, сестра рідненька, та жовтого піску жменю,
Та посій по білому каміню.
То якъ буде жовтий пісокъ на білому каміню схожати,
Хрещатимъ зеленимъ барвінкомъ білий камінь устилати,
То тоді будешъ мене, сестра, въ гості обжидати!“
То сестра тее зачуває,
Горко плаче та рыдае,
Дрібними слізами проливае:
„Я, каже, братіку, одъ старыхъ людей сёго не чувала,
Шобъ жовтий пісокъ на білому каміні схожавъ,
Хрещатимъ барвінкомъ зеленымъ устилавъ.
То не буде хрещатимъ барвінкомъ білий камінь устилати,
То, мабуть, не буду я тебе, братіку рідненькій, голубоньку сивенькій, більше
въ світі видати!“...
Выслухай Господи,
У просьбахъ, у нещетныхъ молитвахъ!...
Дай Боже міру царському,
Народу хрістіянському,
На многі літа,
До конця віка!

Это прощанье съ сестрами и въ особенности образъ тоскующей младшей сестры одинъ изъ любимыхъ образовъ не только малорусской, но и всей народной славянской поэзіи. Мотивъ этой, популярной нѣкогда, думы перешелъ цѣликомъ въ народныя пѣсни. Въ прилуцкомъ уѣздѣ полтавской губерніи я записалъ пѣсню почти

Библиотека "Руниверс"

буквально перефразирующую „Отчима“. Привожу ее здѣсь, какъ любопытный образчикъ—одинъ изъ многихъ—переработки формъ въ народной поэзіи:

У неділю рано
Батько сына лае,
Горко проклинае:
—„Иди, сыну, прічъ одъ мене,
Черезъ тебе що дня змага у мене!“...
Шо старша сестра коня веде,
Підстарша сестра сідло несе,
Сама меньша—платокъ дае,
Платокъ дае, та й питае:
—„Ой ты, брате нашъ,
Ты одинъ у насъ,
Покидаешъ насъ, ой коли-жъ ты прибудешъ
У гості до насъ?“
—„Шійди, сестро, по-надъ моремъ,
Візьми піску жменю,
Та посій по каміню;
Та уставай ранесенько,
Поливай пісокъ частесенько,
Коли жовтий пісокъ по каміню зійде,
Тоді вашъ братъ изъ походу прийде!“...
Нема піску, нема сходу,
Нема брата изъ походу!...

Дума „Соколій“ принадлежитъ къ циклу „невольницкихъ“. До сихъ поръ она записана была только отъ Верссая. Имя Ивана Богословця, упоминаемое въ ней, есть вѣроятно искаженіе Ивана *Богуславця*. Послѣднее встрѣчается въ одной исторической пѣснѣ [1]) и въ „Исторіи руссовъ“—Конисскаго. По свидѣтельству помянутой пѣсни, это былъ ренегатъ, принявшій „бусурманскую вѣру“ и вступившій въ бракъ съ турчанкою, женою „Кізлевського“ паши (изъ г. Козлова). Въ качествѣ ренегата, онъ могъ отличаться въ неистовствахъ надъ своими плѣнными соотчичами и дума, въ этомъ случаѣ, не дѣлаетъ ошибки противъ психологическаго опыта. Вся она сложена въ формѣ поэтическаго иносказанія и тонъ этотъ вы-

[1]) См. „Историч. пѣсни малорусск. народа“ т. I, стр. 241.

Библиотека "Руниверс"

держанъ вплоть до освобожденія „бездільного, безрідного ясного соколяти“ отцемъ изъ пышной цареградской неволи.

Думу эту Крюковскій перенялъ отъ кобзаря Клима Губы, учившагося въ прилуцкомъ уѣздѣ.—„Такъ собі кобзаришка бувъ, вспоминалъ онъ о немъ, „вінъ молодымъ и умéръ. Самъ вінъ срібряньскій бувъ (изъ м. Сребного, прилуцк. уѣзда), такъ тутъ у насъ у Жабкахъ приставъ до жінки; такъ года чотири, чи що, поживъ, та й умéръ!“

Присутствіе одинаковыхъ думъ въ репертуарѣ Вересая и Крюковскаго и вообще кобзарей сосѣднихъ мѣстностей объясняется легко тѣмъ, что думы перенимались у учителей и товарищей большею частью ближайшихъ по мѣсту жительства и такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, когда репертуаръ кобзарей переставалъ обновляться, удерживались, по преданію, *по районамъ*.

Пропѣвши думу, Крюковскій говорилъ: „Це, бачте, такъ у плінъ, у неволю брали“ и, переходя къ собственнымъ, наболѣвшимъ воспоминаніямъ, продолжалъ сравненіемъ: „Якъ, мовлявъ, були панські люде, то візьметь до себе, та мучить, мучить того бідолашнёго чоловіка,—отъ якъ и менс... То воно такъ и зложено. Отъ про христіяньску землю такъ и нема, щобъ измучили підъ конець жизни чоловіка,—а все невіра! Тоді воно було такъ,—и теперъ те-жъ саме!“...

Изъ послѣднихъ словъ ясно, что недавніе разсказы о болгарскихъ звѣрствахъ проникли и въ убогую кобзарскую хату.

Соколи.

Вилинули соколи зъ чужої стороны,
И сіли—упали у лісі, на превольдобному древі орісі;
Звили собі гніздо щерлатне,
А знесли яйце жемчужне,
И вывели собі дитя, бездільне—безрідне ясне соколя.
То якъ полетівъ старый сокілъ
На чужу Украіну живности доставати,
Та живности не доставъ, а свое бездільне та безрідне ясне соколя утерявъ...

Библиотека "Руниверс"

Шли стрільці—Булахівці,
Щерлатне гніздо усмотріли,
Та оріхъ—дерево зрубали,
Та бездільне—безрідне ясне соколя забрали.
То старый сокілъ на свою Украіну прилітае,
Та свого дитяти, бездільного—безрідного ясного соколяти, на місті не заставае.
То вінъ то жалібненько квилить—проквиляе,
Сизокрилого орла у вічі забачае,
Та словами до ёго промовляе,
Горко плаче, дрібними слізами проливае:
—„Чи ты, сизокрилий орле, не чувъ, чи не бачивъ,
Де мое бездільне та безрідне дитя, ясне соколя, поділося?“
То сизокрилий орелъ тее зачувае,
До ясного сокола словами промовляе:
—„Ой, соколе ясний! Шли стрільці—Булахівці,
Та щерлатне гніздо твое усмотріли,
Оріхъ—дерево зрубали,
Та твое безрідне—бездітне ясне соколя забрали,
Та сребраные пута на ноги падівали,
Жемчугомъ очі ёму закрывали,
Та у Царіградъ-городъ, Івану-Богославцю, на утіху продавали.
То якъ-бы ты, ясний соколе старый, полетівъ на Царіградъ-городъ,
То буде Иванъ-Богославець у Царіграді-городі гуляти,
Твое дитя, ясне соколя, на рукахъ держати,
Самъ себе буде втішати;
То нехай воно въ Ивана-Богословця на рукахъ не такъ безпешно просвіщае,
Головку низенько свою склоняе,
Будто якъ нездорове бувае.
То вінъ будеть, Иванъ-Богославець, великую радість мати,
До своіхъ слугъ словами промовляти:
—„Отъ уже, довжно буть, що бездільне та безрідне дитя, ясне соколя, здорове не бувае!
Ой вы слуги мои вірнии! Вы добру безпешность собі майте,
Сребранні пута зъ ясного соколяти зъ нігъ здіймайте,
И жемчугъ изъ очей искидайте,
Та на высокій валъ ёго выношайте;
Чи не буде тихій вітеръ на ёго повивати,
Чи не буде воно на свое здоровья змагати?“
То слуги тее зачували,

Библиотека "Руниверс"

Сребраное путо зъ нігъ здіймали,
И жемчугъ зъ очей скидали
На высокій валъ ясне соколя выношали,
Изъ рукъ ёго на сыру землю пускали.
То ясний сокілъ велике милосердие мае,
Та на сыру землю сідае,
Та свое дитя, бездільне та безрідне ясне соколя, на крыла хватае,
Та підъ высоку высоту залітае,
Жаліпенько квилить—проквиляе,
Та Царіградъ-городъ закливае:
—„Ой-же хотя ты, Царіградъ-городъ, дорогими вещами украшеный,
И въ тобі сребра и злата много пробувае,
Ну чоловікові одрадости нікому нехае!“...
Одъ Цариграда-города ясний сокілъ одлітае,
Та до своего дитяти словами промовляе:
—„Чи лучше, каже, бездільне—безрідне ясне соколя, у чистому полі безпешно гуляти,
Ніжъ у Цариграді-городі у Ивана-Богословця на рукахъ проживати“...
Дай, Боже, мирові царському,
Народу христіянському,
На многіе літа,
До конця віка!

Печатаемые далѣе три думы: „Про сестру и брата“, „Про вдову та сынівъ“ и „Озовські браты“—принадлежатъ къ произведеніямъ болѣе общаго характера, почему и задержались долѣе въ памяти кобзарей, какъ доказываютъ многочисленные списки ихъ, существующіе въ сборникахъ. Воспѣвающія не дѣятельность забытыхъ историческихъ лицъ и не описывающія изгладившіяся изъ памяти народа событія, своимъ обще-житейскимъ содержаніемъ, думы эти были ближе слушателямъ недавняго времени и современнымъ. И теперь еще попадаются изрѣдка молодые нищіе—слѣпцы, которые, сверхъ своего обычнаго ярмарочнаго репертуара, поютъ ту или другую изъ этихъ думъ. Для тѣхъ, кто странствуетъ еще по малорусскимъ захолустьямъ, укажемъ въ полтавской губерніи молодыхъ кобзарей Ивана и Афанасія въ м. Хомутцѣ, миргородскаго уѣзда, кобзаря въ м. Комышнѣ, того-же уѣзда и лирника въ м. Сенчѣ, близъ Лохвицы. Дума объ азовскихъ братьяхъ должна быть отнесена къ XVI вѣку и описываетъ побѣгъ изъ турецкой неволи:

Библиотека "Руниверс"

но преобладающій въ ней моральный элементъ помогъ сохраниться этому благородному образцу малорусскаго эпоса до нашихъ дней.

Про сестру и брата.

У святу неділю, барзо рано поранесько,
Не сива зозуля закувала,
Не дрібна птиця въ бору защебетала,
Якъ сестра до брата, изъ чужої сторони,
У далекі города листи писала,
Та братіка рідненького, голубонька сивенького, у гости прохала та благала:
—„Братіку мій рідненькій, голубоньку сивенькій,
Прошу я тебе: прибудь ты до мене,
И созвідай мене на чужій чужині,
При бідній, нещасній моій злій хуртовині!
Шо я, братіку, на чужій чужині проживаю,
Усякий день дрібними слізами продиваю“...
То братъ тее зачувае,
Назадъ листи одсылае,
Та до своій сестры рідненької словами промовляе:
—„Радъ-бы я, сестро, къ тобі прибути,
Тебе созвідати,
Такъ не могу за быстрыми водами
И за широкими степами,
За дальніми, далекими сторонами,
За темними високими лугами![1])“
—„То хотя то ты, мій братику рідненькій,
Голубоньку сивенькій,
Черезъ быстрі воды білимъ лебедонькомъ переплыви,
А черезъ широки степи малымъ, невеличкимъ перепелонькомъ перебіжи,
Черезъ дальні-далекі стороны,
Черезъ темни-високи луги,
Яснимъ соколомъ перелини,
А на мое подвіръя сизокрылимъ голубомъ упади,
Та жалібненько заквили, та мое серце звесели!“...

---

[1]) На вопросъ: „Якъ-же це—високій лугъ?“—кобзарь отвѣчалъ:—„Стало быть то птиці—не високій, а чоловікові, якъ далекій,—то темний и високій; добиться якъ его?“

Библиотека "Руниверс"

Що вже-жъ то, каже, братіку, идеть праздникъ, Христово пресветле Воскресеніе,

Людямъ радость—а мені смутость...

Що люде на праздникъ до Божого дому идуть,

Якъ бджола гудуть,

А зъ Божого дому выступаютъ,

Якъ маковимъ білимъ цвітомъ процвітаютъ;

Пола изъ полою сходкае,

Братъ изъ сестрою плече о плече черкае,

На хлібъ на сіль завертае,

А на мене, бездільню та бездріднну, братіку, никто не погляне,

Мовъ-бн то насъ никто и родомъ не знае!

Якъ мы въ свого отця и матери проживали,

Якъ у насъ то пили та гуляли,

Не світъ я не зоря на-добридень давали,

На хлібъ на сіль зазивали;

А якъ пришибла лиха-нещасна хуртовина,

То тоді одрекшся усі кумы побратими,

И вся своя названа рідная родина.

Трудно, братіку, рибі безъ воды пробувати,

Птиці и звіру безъ ліса у чистімъ полі гуляти,

А ще трудніше, тяжче й важче бездільному та безрідному чоловікові на чужій Украіні проживати!..

Про вдову та сынивъ.

Ой у святую неділеньку рано—пораненько,

То не сосна въ бору зашуміла,

Якъ бідна вдова, стара жена,

Изъ сынами въ своій домівці гомоніла:

—„Ой, сыны-жъ вы мої, дітн молодіі!

Якъ я васъ изъ-малу до зросту годувала,

Пучками и ручками хліба и солі заробляла,—

А теперъ—чого я одъ васъ дождала?“...

Стали вдовиченки підростати,—

Стали молоде собі подружжя занімати,

Стали свою матусю рідненьку,

Вдову стареньку,

Изъ своего двора изгоняти.

Библиотека "Руниверс"

То у святу неділеньку рано пораненько
Бідна вдова, стара жена, изъ двора выходила,
За дрібними слізами Божого світу не виділа...
Умылася дрібними слізами,
А вдарился о поля білими рученьками,
Плаче горко, бідна вдова, дрібними слізами!
То близкі сусіди тее зачували,
До вдови словами промовляли:
—„Ой, удово, старенькая жоно!—
Не плачъ, не журися!
Иди ты у мій двіръ проживати,
Будешъ ты у мене хатку промітати,
Будешъ ты мені дітокъ маленькихъ доглядати,
Буду я тебе за матіръ рідненьку, вдову стареньку, поважати!"
То бідна вдова, старая жена, на чужому дворі двападцять літъ прожичала,
То всякій день дрібнями слёзами проливала.
То вона усякій день дрібними слёзами проливае,
А сынамъ усімъ трёмъ, вдовиченкамъ, на своімъ дворі прожитку не мае.
Стали люди зъ довиченківъ насміхатись,
Ставъ ихъ Господь милосердный невинно карати.
—„Шо то, изповить старший братъ середульшему, а середульший—меньшому,
Ой шо то мы, браття, не добре учинили,
Шо мы свою матусю рідненьку, вдову старенькую, прогнівили, изъ двора зогнали!
Добре мы, братця, учінімо,
Та ходімъ удову старенькую, свою матіръ рідненьку, у свій домъ призовімо.
Якъ буде у насъ матіръ рідненька, вдова старенька, проживати,
Чи не буде насъ такъ Богъ милосердный карати?"
Та у святу неділеньку, рано пораненько,
Не сизи орли заклектали,—
Якъ три удовиченка на чужій двіръ прибували,
До своеі матусі рідненькоі и вдови старенькоі низенько до нігъ упали,
Та въ свій домъ прохали ii и благали:
—„Ой иди-жъ ты, мати, на свій двіръ проживати,
Будемъ мы своі жони молодяі испинятн,
Будемъ дітокъ маленькихъ научати,
То не будуть тебе, при старості літъ, чужі діти у плечі торкати,
Будешъ ты у своімъ кутатстві хліба й соли вживати!"

Библиотека "Руниверс"

А вдова тое, стара жена, зачувае,
Горко плаче та ридае,
Дрібними слёзами проливае
И до своіхъ сынівъ словами промовляе:
—„Ой, сыны моі діти молодіі,
Що теперешнёго часу который чоловікъ отцеву й материну молитву рано й пізно споминае,
То отцева и материна молитва на помощъ спомогае,
Чумакові—въ чумацтві и богатому—въ богатстві
То отцева и материна молитва на всякий часъ помогае!“
Дай, Боже!...
и проч.

Про озовськихъ братівъ.

То не сині тумани вставали,
Не дрібні дощі накрапали
И не чорніі хмари наступали,
А якъ три брата рідненькихъ, голубоньківъ сивенькихъ.
Зъ города Озова, зъ тяжкоі неволи, каторги турецькоі, віри бусурмевьскоі втікали...
Два брата кіньми утікали,
Третій братъ міжъ ними пішій пішаниця, якъ би й тая чужаниця!
То вінъ біжить-підбігае,
И пожаръ подъ ноги підпадае,
И кровъ христіянськая сліди заливае.
То своіхъ братівъ кінних догапляе,
Межи коні вбігае
И коні за стремена хватае,
До братівъ словами промовляе:
—„Братики моі старші, рідненькі, голубонькі сивенькі!
Добре въ собі учиніте,—
Мене, найменьшого брата, пішого піхотинця, на коні озьміте,
Хошъ мало-немного мене надвезіте,
Шобъ я знавъ, куди въ города христіянскні до отця до матери, до роду своего дохожати!“
То старший братъ тее зачувае,
До брата найменшого словами промовляе:
—„Братіку нашъ найменшій! У насъ коні не дишлні,
Мы сами не втечемо
И тебе не ввеземо;

Библиотека "Руниверс"

Будеть изъ города Озова великая погоня, віра бусурменьска, каторга турецька, за нами, кінними братами, уганяти,
То буде насъ, кінних братівъ, доганяти,
Або стріляти,
Або рубати,
Або живьемъ у каторгу турецьку, у віру бесурменьску завертати!
То два брата кіньми утікали,
А найменшого брата, пішого піхотинця, у чистому степу, на ясному сонцю, на буйному вітрі при шляху ёго покидали.
То ище-якъ то найменшій братъ на здоровье свое козацьке-молодецьке измагае,
Свої біленькі віжкі на сире коріння, на біле каміння спотикае,
Та за кінними братами уганяе,
Ажъ пожаръ підъ ноги підпадае,
И кровъ христіянськая сліди ёго заливае.
То вінъ нижъ коні убігае,
Кові за стремена хватае,
Горко плаче-ридае,
Дрібними слёзами проливае,
До братівъ словами промовляе:
—„Братики мої старші, якъ голубоньки сивенькі!
Добре вы собі дбайте, булатну шаблю зъ ножна вийміайте,
Та мені, козацьку молодецьку, найменшому брату, голову зъ плечей издіймайте,
Тіло мое, козацьке-молодецьке, въ чистому степу хорошенько поховайте,
Птиці зіру на поталу мене не подайте!
То середульшій братъ тее зачувае,
Горко плаче, та ридае,
Словами промовляе:
—„Братику-жъ нашъ найменшій, миляй, якъ голубоньку сивий!
Булатна наша шабля шиї найменшого брата не йме,
Рука наша не оздойметця,
Серце не осмілитця,
И душа гріха до смерти не скупитця!“
То два брата кіньми утікали,
А найменшого брата, пішого піхотинця, въ чистому степу покидали...
Якъ стали брати рідненькі, якъ голубоньки сивенькі, у терни, у зелени байраки уїзжати,
Ставъ середульшій братъ велике милосердіе мати,
Ставъ тернами байраками зелене вітря верхи истинати.
Та найменшому брату примету давати,

Библиотека "Руниверс"

Шобъ и вінъ знавъ, куда въ городи христіянськні до отця, до матері, до свого роду дохожати.

То їхали старші брати не день, не два, не три, не чотирі...

Якъ стали старші брати зъ тернівъ, зъ байраківъ виізжати,

До річки до Кримки прибувати,

Ставъ середульший братъ до старшого словами промовляти:

—„Отъ тутъ, каже, брате старший рідненький, голубоньку сивенький, трави зелені. очерета воздобні, а води довольні,

Станьмо мы тутъ, коні попасімо, а найменшого брата пішого піхотинця підождімо!“

А старший братъ зачувае,

До середульшого словами промовляе:

—„Якъ будешъ ты, середульший братъ, за найменшимъ жалкувати,

Буду я шаблю булатну изъ ножна выймати,

Та твою голову зъ плечей надіймати,

И твое тіло козацьке—молоденьке на три части рубати,

А въ города христіянські до отця до матері самъ буду доізжати;

То и й самъ знатиму, який отцеві-матусі одвітъ оддавати.

То ты, брате середульшій, не знаешъ,

Що якъ буде найменьший братъ межъ нами пробувати,

То буде отець и мати батьківщину на три части паювати,

То будемъ мы въ трёхъ велику между собою супереку мати“.

Середульший братъ тее зачувае,

До старшого словами промовляе:

—„Мы-жъ будемъ въ городи христіянські до отця, до матері, до свого роду доізжати,

Буде насъ отець и мати на здоровье стрічати,

Буде объ своёму сыну и объ нашому брату питати“.

—„Тобі-жъ то, каже, брате середульший, сёго не знати,

Якій отцеві и матері одвітъ оддавати?—

Були мы въ городі Озові въ вірі бусурменській, въ каторгі турецкій,

То мы ношної доби утікали,

Свого брата найменшого одъ сна будили—не збудили,

То тамъ ёго въ каторзі турецкій, у вірі бусурменській, у городі Озові, приостановили“.

Якъ стали старші браты рідненькі, голубоньки сивеньки, Муравськими шляхами прозіжати,

Ставъ середульший братъ велике милосердіе мати:

Та одинъ на собі дорогой кантанъ мае,

Та зъ підъ того киръ-китайку выдирае,

Та найменшому брату, пішому піхотинцю, примету давае.

Библиотека "Руниверс"

Шобъ и вінъ знавъ, куди въ города христіянські до отця, до матері, до роду
своёго дохожати.
Якъ ставъ найменший братъ, пішій піхотинець, зъ тернівъ, изъ байраківъ
на Муравські шляхи выхожати,
Ставъ кіръ-китайку въ вічі забачати,
Ставъ горко плакати та рыдати,
Дрібними слёзами проливати,
И словами промовлятн:
—„Шо не дурно моіхъ старшихъ братівъ дорогіе шити кіръ-китайки по шля-
ху валяе,
Мабуть іхъ живихъ на світі не маc!
Була зъ города Озова велика погоня,
Віра бусурменська, каторга терецька за моіми братами кіньми угиняла,
Можеть іхъ постріляла, або порубала,
Або живьемъ у каторгу турецьку, у віру бусурменську, у городъ Озовъ,
завертала,
А мене, найменшого брата, пішого піхтинця у тернахъ, та у байракахъ на
спочинкахъ минала".
Якъ ставъ найменший братъ, пішій піхотинець, Муравськими шляхами
прохожати,
Ставъ буйный вітеръ повівати,
Ставъ бідного козака, найменшого брата, пішого піхотинця, зъ білихъ пігъ
валяти.
„Оттакъ-то, каже, Господи милосердный, у чистому степу,—
Одно безхлібья,
А друге безвідця,
А трете бездоровья!"...
Якъ ставъ найменший братъ до Саворъ-могилы прихожатя,
Спочивати лягати,
Та до ёго сизокрыли орлы налітали,
Въ головахъ пасідали...
Та ще вінъ на свое козацьке—молодецьке здоровья измагае,
До сизокрылихъ орлівъ словами промовляе:
—„Братики моі рідненьки, сизокрили орли, гості моі премилі,
Хочъ мало вы мені надождіть,
Поки зъ Двіпра буде тихій вітеръ повивати,
Тоді моя буде душа зъ тіломъ розлучатись".
Якъ ставъ изъ Дніпра тихій вітеръ повивати,
Стала козацька душа, пішого піхотинця, найменшого брата, зъ тіломъ
розлучатись.

Библиотека "Руниверс"

То сизокрили орли до его налітали,
Въ головахъ насідали,
На чорни кудрі наступали,
И зъ ліба очі вибирали,
Кровъ христіянську випивали;
А сірохманці-вовки его тіло, козацьке-молодецьке, на Саворъ-могилі знаходили,
Та его жовтні кості по тернахъ по байракахъ разносили,
Та до міста схожали, хорошенько поховали, надъ нимъ похоронъ одправляли;
Та сиви зозулі до его налітали,
Жалібненько закували,
Якъ рідни сестриці оплакали его!..

. . . . . .

Якъ стали старші браты рідненьки, голубоньки сиченьки, у города христіяньскі, до отця, до матері доіжжати,
Ставъ отець и мати на здоровья стрічати,
А не такъ на здоровья, якъ объ меншому сыну, а объ ихъ брату питати.
А старшій братъ зачуває,
До свого отця-матері словами промовляе:
— „Мы були у городі Озові у вірі бусурменській, у каторзі турецькій, у тяжкій неволі,
Та пошвої добя утікали,
Свого брата отъ сна будили—не збудили,
Та танъ его у каторзі турецькій, въ вірі бусурменській, у тяжкій неволі приостановили“.
Якъ ставъ середульшій братъ изъ отцемъ, изъ матіръю, изъ добрыми людьми на підпиткахъ пити та гуляти,
Ставъ горко плакати и ридати,
Дрібні слёзи проливати,
Та отцеві-матусі весь одвітъ откривати...
То отець и мати стали старшого сына зневажати,
Изъ двора свого изгонати.
Ставъ ёго Господь милосердний невинно карати:
Що якій то вінъ собі домъ коштовний збудувавъ,—
То вінъ громовимъ огнемъ пішовъ...
А середульшій братъ ставъ изъ отцемъ изъ матіръю проживати,
Ставъ ёму Господь милосердний всегда благодать изъ небесъ посилати;
А старшій братъ по чужихъ хатахъ ставъ валятись,
Чужого хліба й соли заробляти...
Отъ-же хотя трёхъ братівъ озовськихъ найменшого брата, пішого піхотинца, голова на Саворі-могилі полягла,—

Библиотека "Руниверс"

Такъ єго слава, козацькая й молодецькая, не помре, не подяже,
Помежду панами,
Помежду козаками,
Отъ нині и до віка
И на многая літа!

Послѣ этой думы, гдѣ мастерской обрисовкѣ трехъ характеровъ и грандіознымъ картинамъ степной природы могъ-бы позавидовать величайшій поэтическій талантъ, я заговорилъ о „Самійлѣ Кішкѣ". Не легко было выпытать слѣдующіе далѣе обрывки этой думы. Кобзарь говорилъ, что лѣтъ двадцать какъ пѣлъ ее и совершенно забылъ. Въ этомъ, съ грустью, убѣдились мы оба, когда онъ, по моему настоянію, сталъ припоминать стихи думы.—„Воно не такъ!—Такъ що я казатиму?" постоянно восклицалъ онъ.—„Щекуди! Багацько, багацько немає! Більше літъ двадцяти якъ співавъ! Прежде було старику якому проспіваю, то вінъ те-жъ и собі старовину споминає: отъ-такъ и такъ воно діялось!—А иноді, якъ нікому не трапилось співать, то,—була охота,—самъ собі, було, проспіваю.—Такъ давня вже річъ!—Це може черезъ десяте у двадцяте слово!"

Начало думы въ особенности передано въ видѣ безформенныхъ клочковъ. Вторая часть глаже. Но если къ уясненію этого превосходнаго произведенія прибавится хотя черта, то и тогда надо благодарить Крюковскаго. Какъ извѣстно, до сихъ поръ ни разу не случалось встрѣтить варіанта этой думы и Лукашевичъ, записавшій ее въ переяславскомъ уѣздѣ, близъ м. Березани, отъ замѣчательнаго бандуриста (имя котораго онъ даже не помянулъ), одинъ только украсилъ ею свой сборникъ [1]). Въ нашихъ отрывкахъ отъ списка Лукашевича разнится начало и упомянуто новое лицо—легендарный „дідъ Соленко", турецкій плѣнникъ. По словамъ Крюковскаго дума эта пѣлась когда-то пирятинскими и переяславскими кобзарями. Онъ зналъ кобзаря Гордія въ Тепловкѣ, пирятинскаго уѣзда, пѣвшаго эту думу. Самъ онъ перенялъ ее отъ Вовка.

---

[1]) Малорос. и червонорусскія народн. пѣсни и думы". Спб. 1836 г. стр. 15—27.

Библиотека "Руниверс"

Самійло Кішка.

У лузі у Базалузі бувъ курінь нетязьскій
И тамъ живъ-проживавъ Кішка Самійло, гетьманъ козацькій...

. . . . . .

И вінъ около себе мавъ сорокъ чоловіка нетягъ...
...Да вони тамъ у лузі—Базалузі проживали
Ніякого горя не знали...

. . . . . .

Та по Чорному морю молоде паня, турецьке баша, галярою гуляе,
Лугъ-Базалугъ завидало,
До луга до Базалуга поспішно прибувало,
Кішку Самійла, гетьмана козацького и сорокъ чоловікъ нетягъ сонних застaвало,
Та у пліщъ забірало,
И на руки и на ноги залізні пута надівало;
На закови забрало,
И на свою галяру поміщало
И до дівкі до Санджаківни прибувало..
Тамъ воно одъ неділі до неділі проживае,
И тіхъ бідних нетягъ и Кішку Самійла по три раза въ день залізними прутьями въ одно місто затинае...

. . . . . .

...И коло іхъ дідъ—Бутурлакъ проживае,
На іхъ згрозна гука...

. . . . . .

Дай той-же іхъ и бье.—Вінъ шістдесятъ літъ живъ у турка у клюшникахъ; то вінъ на его и звірявъ.
...То імъ дівка Санджаківна разні напитки-наідки присилае,
То імъ Бутурлакъ дідъ всего не одкрывае,
А тільки по одному стакану въ день вина одпущае...
(—Значитъ вона імъ хорошо присилае, а вінъ не оддае, та складае...)
А по три раза въ одно місто залізними прутьями затинае...

. . . . . .

...Що вони у дівкі у Санджаківни одъ неділі до неділі проживали,
На підпиткахъ пробували,
У неділю на Чорне море до свого дому одъізжали,
На галярі почивать всі полягали...
То турецьке паня, молоде баша, отъ сна уставае,
Та до діда до Бутурлака словами промовляе:

Библиотека "Руниверс"

— „Ой то то, каже, діду, Бутурлаку, що то менї сонъ дивний и предивний,
чудний и пречудний снився,
Що будто мене взято,
У Чорне море заметано,
Ні одного насъ не оставлено!“
Дідъ Бутурлакъ тее зачувае,
До молодого паві, до турецького баші, словами промовляе:
— „Сему сну, каже, ви не потурайте,
Та впьять спочивать лягайте!“
А до Кішкі Самійла, до козака, до гетьмана словами стихенька промовляе
И ключъ зъ кармана вийнае:
— „Цитьте, хлопці, не гряміте
И залізомъ не стучите;
Дружка-дружку одмикайте,
Залізо у Чорне море метайте,
И молодого паню, турецького башу, и памьять ёго у Чорне море изъ галяри скидайте!...
Тоді ни не дасть намъ Богъ безпешно по Чорному морю проізжати,
Турецькі калавури минати“...

. . . . . .

Якъ вони паню, турецького башу у море пометали,
Тоді на себе турецьке платте надівали...

. . . . . .

То дідъ Бутурлакъ до калавуру проізжае,
Ключі зъ кармана выймае,
До калавуру словами промовляе:
— „Цитьте! каже, не шуміте,
Турецького паню, молодого башу, не збудіте,
Потихеньку ворота одчиніте,
Бо мы у дівки у Санжаківни на гуляннї пробували,
То мало мы одночивали“ [1])...
. . . То вони, турецькі калавури якъ проізжали,
По Чорному морю тоді безпешно гуляли,
Та турецьку землю, віру бусурменську на віки заклинали:
— „Ой-же хотя ты, земле турецкая, віра бусурменська!
Хотя въ тобі весело проживати,

---

[1]) Що того, бачъ, вже й немае. А ему аби то той калавуръ проіхать, такъ вінъ забувся и думать!.. Не зложу такъ, якъ було!.. Десате слово, той то не въ ладъ!..

Библиотека "Руниверс"

Много сребра и золота въ тебе пробуває,
А чоловікові ніякої одрадости немає!“...
. . . . . .
То якъ стали вони по Чорному морю гуляти,
До буйної Пріпяти прибувати,
Та до діда до Соленка [1]) у гості заіжжати...
. . . Той дідъ Соленко якъ іхъ забачає,
И горко плаче—рыдає,
Дрібними слізами проливає,
До Господа милосердного словами промовляє:
—„Благодарю тебе, Господи милосердный, що за сорокъ літъ Господь мене привівъ
Козака гетьмана Самійла у вічі повидати!“...
. . .То вони тамъ, у діда у Соленка двенадцять день безпешно гуляли,
Та віру православну споминали,
А турецьку славу, віру бесурменську кляли—проклинали:
Коли-бъ іхъ Богъ милосердный такъ побідивъ,
Якъ вони насъ зобіждали,
Що вони у плінъ забірали,
Ніякої намъ веселості не оддавали,
Ніякої мы одради собі не мали
И роду свого у вічи не видали!“...
. . . Та тоді вони речі хороші другъ до друга промовляли,
На галяру всі посідали [2])...
„Вынеси, кажуть, насъ, Господи милосердный,
Между миръ хрещеный,
На край веселый!
Чи не дасть намъ Богъ милосердный своіхъ братівъ повидати,
Хочъ-бы мало—немного свою жизнь провождати,
Между міромъ хрещенымъ проживати!...
. . . . . .

Стараясь не упустить ничего изъ историческаго репертуара Крюковскаго, я изъ разспросовъ узналъ, что, сверхъ продиктованныхъ, ему извѣстна была еще дума о Тарасѣ Бульбѣ. Понятно, такое открытіе крайне возбудило мое любопытство. Кобзарь отго-

[1]) Вінь проживавъ тожъ на острові той дідъ—сорокъ літъ. Его турокъ тожъ замеръ.

[2]) Всі. Значить забравъ и діда того Соленка Кішка Самійло изъ собою.

Библиотека "Руниверс"

варивался однако тѣмъ, что совершенно забылъ эту думу. Подозрѣвая, нѣтъ-ли здѣсь какой нибудь ошибки и не измѣняетъ-ли старику память, я выразилъ сомнѣніе въ существованіи такой думы. Но Крюковскій стоялъ на своемъ: „Дума була настояща и співалась, говорилъ онъ, старинна, довга, отъ якъ „Конівченко", такъ и співалась"... На просьбу мою припомнить хоть содержаніе думы, или сказать, если знаетъ, хоть нѣсколько стиховъ, Крюковскій разсказалъ слѣдующую легенду:

Тарасъ Бульба та сыны.

Тарасъ Бульба самъ чи въ Чигиринѣ проживавъ, чи що... У ёго три сына було: старшій Терешко, середульшій—Дмитро, а меньшого не спомлю якъ... Такъ вони безпешно гуляли у городі Чигринѣ, та пішли турківъ, чи татаръ, чи ляхівъ воювать, Чигринъ-городъ оборонять. У ёго и хлопці були хороші! Терешкові було 22 года и 22 пуда вісу, а Дмитрові було 18 годъ и 18 пудовъ... А меньшій, якъ пошли вони, значить, розбивать татаръ та ляхівъ, то вінъ взявъ іхъ и покинувъ, та утікъ у Польщу, та тамъ у Польші не багацько проживавъ, та віттиля навстрічъ съ поляками, та давай на батька итти, щобъ то, бачъ, батька звоевать, чи що... Такъ батько якъ стрівъ ёго, то голову ёму и знявъ, та каже Терешкові:

Якъ будешъ ты віру христіянську теряти,
То буду я тобі зъ плечъ голову здіймати...

. . . . . .

. . . Эй, ходімо, каже, хлопці, ходімо турківъ та ляхівъ воювати,
Чи не дастъ намъ Богъ якої добичі достати,..

. . . . . .

Такъ вони трое пошли, то той Терешко лігъ на степу спать, а біля себе положивъ свій мечъ и добре молодецьке свое копьє (а въ ёго мечъ бувъ шість пудовъ вісу) и коня доброго молодецького свого вороного поставивъ въ головахъ, а самъ заснувъ въ степу: (звісно якъ вінъ богатыръ, то вінъ нічого и не боится, лігъ собі, заснувъ богатирскимъ сномъ). Такъ ёго найшли татари, набігли ёго сонного. А вінъ-то якъ на то саме и прокинувся, та бачить, що іхъ не мало—„э, каже, хлопці, такъ вы хотіли мені смерті придати! Глядіть-же, хлопці, постережіть мені коня и моего копья, а

Библиотека "Руниверс"

я, говорить, пійду по цёму степу погуляю, подивлюсь, чи васъ ще де есть?"... Такъ вони стали росказувать, що іхъ ще есть багато; такъ вінъ якъ покинувъ імъ коня и копье, а шаблю взявъ, та якъ пішовъ по тому степу, та найшовъ шайку іхъ, та якъ взявъ колоть, то вибивъ всіхъ. Тільки одинъ, значить, ёго якійсь, чи татаринъ, чи що, обранивъ по плечу: якъ заходився воювать зъ нимъ, такъ по плечу ударивъ, та одрубавъ плече, такъ вінъ байдуже, и не чувъ!... Вінъ изъ нихъ все тамъ познімавъ, череса то що, та приіхавъ до батька, такъ батько каже: „Що у тебе, сыну, таке красніе?"—А вінъ, гулькъ, а у ёго кровъ біжить.—„Та візьми-жъ ты, каже батько, святої землі, та затопчи, а вінъ каже, що воно на живому чоловіку скоро заживе. Вінъ затоптавъ, такъ воно и зажило, кровъ остановилась, ёму не дуже вредно було. Батько ставъ питаться: „Де-жъ твій мечъ, копье твое, та кінь добрый, молодецькый?"—„Э, каже, на степу покинувъ".—"Щобъ увівъ хто?".—„Э, ні, каже, не уведе нихто!" А вінъ тімъ приказавъ, якъ покинувъ коня:—якъ будете тікать, то все ровно жизнь вашу поріту, не будете далеко, такъ вони и не тікали. Вінъ до іхъ якъ прийшовъ, та дававъ череси, дававъ вибірать—хай узнаєе де чьего родича чересъ, чи батьківъ, чи що... А другимъ каже: „а вы тікайте, біжіть, а то якъ набіжить батько, або братъ Дмитро, то й васъ не буде. Вамъ те буде, що и тімъ.

— Вамъ тутъ, каже, не проживать, Чигрина-города не займать, а якъ тілько Чигринъ-городъ будете займать, такъ и сами на світі не будете проживать!"...

Кто сколько нибудь знакомъ съ характеромъ и складомъ думъ, не допуститъ ни на одну минуту, чтобъ эта легенда была остовомъ исчезнувшей думы. Имя Тараса Бульбы приплетено къ ней совершенно механически. Герой легенды, Терешко—обыкновенный сказочный богатырь, о другихъ-же сыновьяхъ упоминается совсѣмъ вскользь. Два двустишія, попадающіяся въ разсказѣ, не доказываютъ также ничего. По своему общему характеру они могли быть взяты изъ любой думы. Крюковскій очевидно спуталъ и, смутно помня что-то, прибавилъ имя гоголевскаго героя къ какой нибудь старой сказкѣ. Все это не говоритъ, впрочемъ, противъ того, чтобъ

Библиотека "Руниверс"

думы о Бульбѣ не существовало вовсе. Быть можетъ Гоголь слышалъ ее мимоходомъ и взялъ изъ нее сюжетъ и имя героя (какъ взялъ сюжетъ для „Вія“ изъ народнаго преданія). Возможно также и то, что пересказъ безсмертной поэмы какими нибудь судьбами дошелъ и до кобзаря и оставилъ въ его памяти свой слѣдъ. Во всякомъ случаѣ историческихъ свидѣтельствъ о Бульбѣ и сыновьяхъ надо искать не въ этой легендѣ, по фантастичности своей оставляющей безконечно далеко позади всѣ историческія „вольности“ Гоголя, перенесшаго въ поэмѣ основаніе кіевской бурсы и академіи съ XVII вѣка во времена Наливайка и проч.

Думъ о временахъ Хмельницкаго Крюковскій не зналъ. Относительно думъ о Мазепѣ слышалъ, что много ихъ было забыто въ то время, какъ имя гетмана сдѣлалось опальнымъ и произносить его было рисковано. Насчетъ Палія выразилъ недоумѣніе: „Хиба и про ёго спiвають? То-жъ только у книгахъ про ёго пишуть“.

Двѣ послѣднія думы, хорошо сохранившіяся въ памяти кобзаря, близки къ варіантамъ Вересая, что подтверждаетъ еще обычное сходство варіантовъ по близости мѣста ихъ записыванія.

Хвeдоръ Безрiдный.

По потребі, по потребі барзо то по царській,
Много війска и помпажено и посічено,
То ничто-жъ то помижъ тимъ трупомъ живъ не бувае,
Тільки джура Ярема промешкае,
Та тільки Хведора Безрідного та бездільнаго, на рани смертельныі пострілянаго та порубаного, знахожае;
Чотири рани широкихъ, а чотири глибокихъ...
То ще-жъ вінъ шличокъ пздіймае,
До Хведора до бездільного та безрідного словами промовляе:
—„Эй здоровъ, здоровъ, Хведоре, бездільний та безрідний!
Чі ты живый пробуваешъ,
Яку ты мені славу козацьку-молодецьку одкриваешъ?“
То ще-жъ Хведоръ бездільний та безрідний зачувае,
До джура до Яремя словами промовляе:
—„Джуронько мій, малий-невеличкий! Возьми ты мого доброго коня воронога!“
И свій каптанъ дорогій изъ себе скидае
И тяги червоніі изъ себе знимае,

Библиотека "Руниверс"

Та джурі Яремі на руки отдавае:
—„А візьми-жъ ты, джуронько мій, малий-невеличкий Яремо,
Каптанъ дорогий отъ пілъ до коміра золотомъ гаптований,
И тяги червоніі на себе надівай,
И на мого доброго коня сідай,
Та передо мною козацький обичай увесь обертай;
Чи можешъ ты знати
Козацький звичай козакамъ отдавати?
Біжи-жъ ты скоренько, та поспішненько по надъ Дніпромъ лугомъ,
Якъ будуть ушкали густи, то ты схоронися,
А якъ будуть козаки Дніпромъ-Славутою ити, то ты озовися,
И про мене Хведора бездільного та безрідного козакамъ обозвися!“...
Шо якъ побігъ джура Ярема по-надъ Дніпромъ-Славутою,
Козацькимъ поспіхомъ поспішненько,
То вінъ іхавъ—не день, не два...
Ушкали гудуть,—
А козаки Славутою не йдуть! [1])...
Якъ ставъ вінъ по-надъ Дніпромъ изъ лугівъ изъ зеленихъ виізжати,
Стали козаки джуру Яремy стрічати,
Стали молодецького доброго коня и тяги червоніі и каптанъ дорогій въ вічі забачати,
Стали на ёго згрозна гукати:
—„Эй, джуроньку малий-невеличкий Яремо!
Де ты сёго доброго вороного коня запопавъ,
И тяги червоніі и дорогій каптанъ заслужывъ?
Мабуть, каже, ты Хведора бездільного та безрідного, або продавъ,
Або живцемъ у землю закопавъ? [2])
Джура Ярема тее зачувае,
Шличокъ издиймае,
И козацький обичай увесь передъ козаками отдавае.
—„Ні, каже, я Хведора бездільного та безрідного не запродавъ,
Живцемъ у землю не закопавъ,
А тільки чуть живого между трупомъ заставъ,
На чотирі рани глибокихъ,
А на чотирі широкихъ
Посіченного, порубаного знаходивъ;

---

[1]) Не набіжить козаківъ сердешний!

[2]) Значить, вони бачать его заслужчини, такі. клопочутця. То-жъ бувъ іхъ атаманъ.

Библиотека "Руниверс"

То вы козацький звичай добре знайте,
Та Хведора бездільного та безрідного тіло козацьке-молодецьке
На поталу птиці-звіру не подайте;
Хорошенько тіло его, козацьке-молодецьке, поховайте!*
То вони ті слова зачували,
Сорокъ чоловіка изъ табору одлучали,
Та по Хведора бездільного та безрідного посилали.
То вони-жъ то сорокъ чоловіка та двинадять день помежду трупомъ промешкали,
Поки Хведора бездільного та безрідного тіло козацьке-молодецьке знаходили,
Ну, живого его, козака, не застали.
То вони его тіло козацьке-молодецьке на червону китайку забірали,
Та зъ Дніпра чистої води набірали,
Та ёго рани глибокиі и широкиі промивали;
Та булатними шабляки глибоку яму копали,
Та ёго тіло, козацьке-молодецьке хорошенько поховали.
Та шличками перстъ носили,
И високу могилу висипали;
И въ головахъ дубовий прапірокъ[1]) поставили,
Хорошенько поховали;
А чимъ ёго поминали,
Що въ себе сухарі въ сумкахъ мали[2])...
Хотя Хведора бездільного та безрідного голова поляла,
Такъ ёго слава, козацька молодецька, не вире, не поляже.
Між панами,
Між козаками,
Між всіма православними христіянами.
Одъ нині до віка,
На многіі літа!

Иванъ Коновченко.

На славній Украіні,
Въ славному городу у Корсуні,
Та тамъ живъ корсунський полковникъ Филонъ;
То вінъ по городахъ листи засплавъ

---

[1]) Стовпъ.

[2]) Більше-жъ тамъ нічого не було въ іхъ!

Библиотека "Руниверс"

Сотниківъ и полковниківъ и козаківъ рядовихъ въ охотне військо викликавъ:
—„Ой вы сотняки и полковники и козаки рядові!
Который охотникъ пійти изо мною на Черкесію-долину гуляти,
Слави-царствія заживати,
За віру христіянську у въ одній стані стати!...
Чи не дастъ намъ Богъ якої добичі собі мати?“
То всі сотники и полковники замовчали.
Тількі жила у городі у Черкасі, по прозванію Коновчиха, а по мужу Гриціха, удова
То вона собі мала Івася—сына единчика;
То вінъ ті листи у вічі забачае,
До своїй матусі рідненької, удови старенької словами промовляе:
—„Ой вдово, старенькая жоно, ти мати моя рідненька!
Благослови ты мене мати
Съ коруспьскимъ полковникомъ, съ паномъ Филоновъ, на Черкесію-долину пійти погулити,
Слави-царствія заживати,
За віру христіянську у въ одній стані стати!
Чи не дастъ намъ Господь милосердний якої добичі собі мати?“
А вдова сее зачуває,
До свого Івася единчика, прекрасного лицаря, словами промовляе;
—„Ой Івасю, сыну единчику, не благословлю я тобі, сыну, на Черкесію-долину гулити,
А благословлю я тобі, сыну, чотири коні вороні изъ загороди одлучати,
Та пти у поле хліба пахати“.
—„Ой хотілось мені, мати, съ коруспьскимъ полковникомъ пійти на Черкесію-долину полулити,
Та хотілось мені, мати, весь козацкій звичай узнати;
Якъ-бы ты, вдова старенька, матусею моя рідненька мою волю вволила,
Та чотири коли чабанні, и чотири коні вороні изъ загородъ одлучила,
Та двинадцять червонцівъ доложила,
Та до города до Крылова одіслала,
Та до жида до Липдаря, та мені доброго молодецького коня купила,
Которого моя душа влюбила та ухвалила[4].
То вдова тее зачуває,
До свого Івана нічого словами не промовляе,
Та до Божого дому на моленіе схожае,
А свого Івася Коновченка, единчика свого, на прочімъ єго покидае.
То Івась Коновченко отъ сна уставає,
По стінахъ поглядае,

Библиотека "Руниверс"

Шо батьківского ружья по стінахъ и ни одного немае [1]).
По світлиці вінъ прохождае,—
Тільки у запічку батьківска семипядна пищаль усіяе.
То вінъ козацький звичай знае,
Батьківску семипядну [2]) пищаль за плечи закладае,
До корсунського полковника сімсотъ верстъ піший махае,
Та корсунського полковника на Черкені-долині на спочивкахъ заставае;
То вінъ до палати прихожае,
Шапку скидае,
Громкимъ голосомъ окликае.
То корсунський полковникъ ёго голосъ зачувае,
Отъ сна уставае,
За білу руку ёго береть поспішно хватае,
Словами промовляе,
Здоровъямъ ёго поздоровляе:
—„Эй здоровъ, здоровъ, Ивасю Коновченку, прекрасний лицарю!
Чи то по своій волі зайшовъ, чи тебе добрий конь занісъ?
Чи ты здоровъямъ змагаешъ?
Чи ты въ себе доброго молодецького коня маешъ?“
—„Я, каже, доброго коня не маю,
А на молодецьке на добре здоровъя змагаю;
Благослови, корсунський полковнику, пане Филоне слави-царствия заживати,
И за віру христіянськую у одній стані стати
И по Черкені-долині безпешно погуляти!“...
Якъ стали турки и татари по Черкені-долині гуляти,
Та Ивась Коновченко не дуже безпешно піший гулявъ:
Сімсотъ душъ рубавъ, а сімсотъ живьемъ на арканъ забравъ,
Те до корсунського полковника на примету представлявъ.
А ёго мати рідненька вдова старенька зъ Божого дому, зъ ходенія прохожае,
Та свого Ивася Коновченка у домівці своей не заставае
Та горко плаче да рыдае,
Дрібними слізами проливае,
Та чотирі воли чабаніи, чотирі коні вороніі изъ загороди одлучае,
Дванадцать червонцівъ докладае,
Та до города до Крилова жида та до линдаря отгоняе,
Та молодецького доброго коня получае,

---

[1]) Мати поховала вже!

[2]) Сімъ пядей. Довга пищаль.

Библиотека "Руниверс"

Та донськимъ козакомъ Иваномъ Захарютою одсилае
И низкій поклонъ ёму передавае:
—„Ой, Ивасю, единчику, Коновченку, бодай тебе, сыну, шашка не рубала
И бистра пуля минала!“...
То Иванъ козакъ Захарюта бере коня вороного за шовкові поводи,
На Черкеню-долину приізжае;
То Ивась Коновченько оддали доброго коня своёго въ вічи забачае,
Та до корсунського полковника словами промовляе:
—„Эй, корсунський полковнику, пане Филоне,
Я-жъ думавъ, що мене мати кляне—проклинае,
Ажъ вона мені хороший гостинець передавае,
Которого коня, доброго молодецького моя душа улюбала, та вже й ухвалила.
Отъ теперъ, корсунський полковнику, благослови на Черкені-долині безпешно погулять!“
А корсунський полковникъ тее зачувае,
До Ивася—единчика словами промовляе:
—„Не благословлю, каже, я тобі на Черкені-долині безпешно гуляти,
А благословлю я тобі на червоній китайці сидіти,
Бо ще жъ ты дитя молодое“.
То Ивась Коновченко тее зачувае,
До корсунського полковника слова промовляе:
—„Эй, корсунський полковнику, пане Филоне,
Возьми ты утя одно старое, а другее малое,
Та пусти ты на Чорнее море,
Чи не поплине те малое, такъ якъ-бы и старое?
А ты, корсунський полковнику, благослови мені оковитого зеленого вина уживати,
Та тоді пойду на Черкеню-долину безпешно гуляти“!
То корсунський полковникъ тое зачувае,
Словами промовляе:
—„Хиба тобі, Ивасю Коновченку, единчику, прекрасний лицарю, оковитее вино закрите?“
То вінъ козацький звичай знае, до сороковоі бочки приступае,
Та зеленого вина скілько вгодно уживае;
То вінъ такъ зеленого вина свій кубокъ наливъ
И козацьке свое сердце звеселивъ...
То тоді свого доброго коня молодецького поспішненько и тугенько сідлае
И по Черкені-долині безпешне гуляе.
Исъ сідмого часу до четвертого гулявъ,

Библиотека "Руниверс"

Такъ ни одного ни турка, ни татарина живого не оставляетъ,
И между тимъ трупомъ безпечно по Черкені-долині гуляе,
Свою головку низенько коневі на гриву склоняе [1])...
А сідобородий татаринъ между трупівъ вставае,
Та взади забігае,
То вінъ ёго не дуже вдивъ,
А тільки чуть у пілъ съ конемъ не перерубавъ [2])...
То корсунський полковникъ по Черкені-долині поглядае,
То вже Івана Коновченка, прекрасного лицаря живого немае;
То ще-жъ то вінъ поміжъ тимъ трупомъ променяе,
Ёго тіло козацьке-молоденьке знаходжае,
На червону китайку забирае,
Та ёго тіло, козацьке-молоденьке, хорошенько на Черкені-долині ховае,
Добрего молоденького коня забирае,
До города до Черкаса до вдови старенької назадъ одеплае,
И самъ у гості до старої вдови заіжае,
И козаківъ запорожскіхъ заспілае,
И низкі поклони отдавае,
До вдови старої, Коновчихи, словами промовляе:
„Ой здорова, здорова, старая жено, по прозванью Коновчихо, а по мужу Грицихо!
Чи ты горко плачешъ, плачешъ та ридаешъ,
За своімъ Івасемъ Коновченкомъ и скучаешъ?
А твій сынъ на Черкені-долині одружився,
Взявъ собі жену німкеню! [3])...
То вона тії слова зачувала,
До корсунського полковника словами промовляла,
У свій домъ зазивала
И корсунського полковника, пана Филона угощала,
И всімъ донськимъ козакамъ запорожськимъ по червонцю награди давала.
А тільки корсунський полковникъ, панъ Филонъ, со двора зъіжжавъ [4]).
То горко заплакавъ, заридавъ,
Що прекрасного лицаря Івася Коновченка на Черкені-долині утеривъ.
То въ свою Україну прійжае,
До вдови Коновчихи листи посилае:

[1]) Уже нема нікого!

[2]) Той притаївся между трупомъ, а Ивась уже їздивъ,—уморився, ёго и вивъ розвбрало.

[3]) Вінъ ій не подобавався тоді, якъ самъ був!

Библиотека "Руниверс"

—„Ой удово, старенькая жено, не дуже радуйсь, веселяся.
Бо твій сынъ не оженився, а получивъ собі жену високу могилу я вірну дружияу!“
То вона тоді ті листи въ вічі забачае, горко плаче-ридае,
Та корсунського полковника споминае:
—„Бодай ты, корсунській полковнику, щастя свого долю мавъ,
Якъ ты мого сына, прекрасного лицаря, Ивася Коновченка, на Черкені-долині утерявъ!
Отъ-же хоть на Черкені-долині Ивася Коновченка голова полягла.
Такъ ёго слава козацька-молоденька не вмре, не поляже.
Между панами,
Между козаками,
На многія літа
До конця віка!

Два дня на Прилипкѣ минули какъ сонъ. „Поважныя“ думы, „уродливые“, по мнѣнію умниковъ, псальмы, грубоватыя шутливыя пѣсни,—весь этотъ скарбъ сѣдой головы бандуриста выгружался предо мною и погружалъ меня въ какой-то особый міръ крестьянской поэзіи, гдѣ, на ряду съ старыми преданіями, видѣлся цѣликомъ особенный, давній умственный строй. Въ старческомъ голосѣ кобзаря, въ его старосвѣтскихъ речитативахъ, въ тихомъ рокотаньи бандурныхъ струнъ чуялись самые образы старой жизни, вѣяло дыханіе сермяжной музы, слышались голоса прошлаго.

Подвигаясь на сѣверъ, я покидалъ милую Полтавщину съ ея безбрежными равнинами, гдѣ нѣтъ препонъ ни глазу, ни воображенію, мирными селами съ старыми трехглавыми церковками посредині, безконечными, далекими лугами, гдѣ тихо струятся Исель и Сула, окружая себя то зеленью лѣсовъ, то сыпучими бѣлыми песками... Среди незначительныхъ дорожныхъ встрѣчъ, столь рѣдкихъ осенью на проселкахъ, почти на выѣздѣ изъ лохвицкаго уѣзда, мнѣ попалась на полѣ кучка людей, какъ-бы землемѣровъ. Протягивали цѣпь, вбивали вѣхи и колки въ землю. То было „изысканіе“ будущей желѣзно-дорожной линіи (отъ ст. Талалаевки либаво-роменской ж. д. на Кременчугъ). Инженеръ, „всемірный гражданинъ“, въ ботфортахъ, съ шапкой на уши, съ биноклемъ въ рукахъ, стоялъ на полѣ и распоряжался рабочими, направляя ихъ съ инструмен-

Библиотека "Руниверс"

тами по проэктированному пути. Какъ разъ на чертѣ будущей дороги пришлась степная могила, какихъ много на границѣ роменскаго и лохвицкаго уѣздовъ. Безстрастный пришелецъ—„изыскатель“ далъ знакъ и заступъ ударился въ грудь старой могилы для водруженія желѣзно-дорожной вѣхи. Глядя на этотъ живой образъ столкновенія стараго міра съ новымъ, думалось невольно о томъ, что принесетъ за собою эта новая „цивилизація“ въ еще дѣвственный край. Что внесетъ она вслѣдъ за этимъ механическимъ сооруженіемъ, которое есть только одно изъ вспомогательныхъ *средствъ* новой жизни, что пробудитъ она въ умственной жизни этого края и какіе новые всходы замѣнятъ хотя-бы тѣ, взрощенные этой почвой, цвѣты поэзіи, которыми полна еще была моя душа?.. Степной вѣтеръ гулялъ надъ могилой и „равнодушная“, безтрепетная предъ будущимъ, созидательница-природа улыбалась подъ лучами осеняго солнца...

В. Горленко.

Библиотека "Руниверс"

Самозванный флигель-адъютантъ солдатъ Семеновъ.

(1826 г.) [1])

Извѣстныя изъ исторіи декабристовъ волненія, происшедшія въ 1825 году между войсками расположенными въ юго-западномъ краѣ, отразились въ слѣдующемъ 1826 году между крестьянами множествомъ ложныхъ слуховъ и толковъ о предстоящей въ скоромъ времени рѣзнѣ помѣщиковъ, шляхты и вообще всѣхъ, кто такъ или иначе стоялъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ крестьянству.

По всей южной половинѣ кіевской губерніи пронесся слухъ объ указахъ, будто-бы полученныхъ священниками, въ которыхъ повелѣвалось послѣднимъ покончить исповѣдь прихожанъ къ великому четвергу и освятить пасхи въ этотъ день, потому что на свѣтлый праздникъ всѣ церкви должны быть запечатаны, и крестьяне, отъ мала до велика, должны идти истреблять пановъ. Въ Уманьщинѣ разсказывали о появленіи сына Гонты; говорили, будто-бы онъ разослалъ всѣмъ панамъ указы съ предложеніемъ отдать всю землю крестьянамъ и выбраться, какъ можно поскорѣе, въ Варшаву; кто-же не послушается указа и до свѣтлаго праздника останется на мѣстѣ, тотъ падетъ отъ крестьянской руки.

Крестьяне подъ вліяніемъ такихъ слуховъ становились все смѣлѣе въ заявленіяхъ протеста противъ угнетеній своихъ помѣщиковъ: во многихъ мѣстахъ слышались угрозы, въ другихъ крестьяне не хотѣли отработывать барщины; въ Яблоновкѣ (таращанскаго уѣзда) крестьяне хвалились, что ихъ озеро „достачить“ на сколько угодно человѣкъ оружія; въ Ситковцахъ (того-же уѣзда) составляли списки ополченія.

---

[1]) Настоящій разсказъ извлеченъ изъ дѣла, хранившагося прежде въ архивѣ кіевской уголовной палаты и переданнаго теперь въ кіевскій центральный архивъ.

Библиотека "Руниверс"

Но наступили и прошли свѣтлые праздники, а возстаніе не вспыхнуло: тогда народная молва перенесла срокъ его на Ѳомину недѣлю.

Около этого послѣдняго срока, въ субботу, 3-го апрѣля 1826 года, провожатые изъ с. Дзендзелевки привели въ с. Иваньки (уман. уѣзда) къ мѣстному соцкому солдата днѣпровскаго полка Алексѣя Семенова. Онъ возвращался изъ домашняго отпуска (изъ с. Хмѣлеваго, орловской губ.) и, какъ видно, не особенно поспѣшалъ въ свой полкъ: въ каждомъ селеніи проживалъ онъ по два, по три дня. Это замѣтилъ экономъ с. Кутовъ и распорядился о доставленіи Семенова подъ карауломъ къ его полку, стоявшему въ м. Соколовкѣ: онъ съ десяцкими отправилъ Семенова въ сосѣднее село, написавъ всѣмъ лежащимъ по дорогѣ экономіямъ, чтобы съ такимъ-же карауломъ препровождать его дальше.

Теперь привели его въ Иваньки и подали соцкому записку кутовскаго эконома; но случившійся тутъ дьячекъ, котораго соцкій просилъ прочитать, не зналъ по-польски, тогда Семеновъ подсунулъ свой билетъ, а записку спряталъ. Дьячекъ, посмотрѣвъ на билетъ, сказалъ „хорошо“, и соцкій повелъ солдата на квартиру.

За „вечерей“ въ избѣ крестьянина Григорія Бенедя послѣдній сталъ распрашивать Семенова о новостяхъ.

— У насъ прошелъ было слухъ, началъ Семеновъ, что вышелъ отъ царя указъ забирать всѣхъ пановъ въ Петербургъ, и когда всѣхъ заберутъ, то крестьяне будутъ свободны, не будутъ больше на панщину ходить.

— Та и у насъ пішла була поголоска, що-бъ святили паски въ великий четвергъ, бо на Великдень всі, мали й великі, підуть різать панівъ: та отъ и Великдень пройшовъ, а нічого зъ того не вийшло. А, якъ-бы то який чортъ взявъ нашого...

На этомъ и кончился разговоръ. Солдатъ сообразилъ, каково настроеніе крестьянъ и какъ имъ воспользоваться, и въ этотъ-же вечеръ составилъ цѣлый планъ грабежа мѣстныхъ пановъ. Вскорѣ послѣ этого разговора зашелъ въ избу Бенедя соцкій, чтобы освѣдомиться, какъ устроился солдатъ на квартирѣ и узнать отъ него что нибудь новое. Семеновъ выслалъ всѣхъ домашнихъ изъ хаты, заперъ на крючекъ двери и, вынувъ изъ ранца записку кутовскаго

Библиотека "Руниверс"

экономa, началъ разсказывать соцкому и Бенедю о своемъ мнимомъ назначеніи.

— Вотъ указъ отъ государя императора, въ немъ велѣно мнѣ забирать по всей кіевской губерніи пановъ и везти къ нему въ Петербургъ. Вы не смотрите на то, что я въ простомъ солдатскомъ мундирѣ; но я не солдатъ, у меня оберъ-офицерскій чинъ и орденовъ, орденовъ; да только мнѣ нельзя такъ показываться, а то какъ увидятъ паны, сейчасъ-же узнаютъ меня и начнутъ прятаться, тогда ищи ихъ. Такъ ты, соцкій, собери на завтра крѣпкій карауль, человѣкъ въ сорокъ, приготовь кандалы и три тройки; я теперь ѣду въ Романовку и другія села, а завтра вернусь и возьму вашего поссесора, такъ смотри, чтобъ все было готово. Да, смотрите, никому не говорить объ этомъ до моего возвращенія; а то услышитъ вашъ панъ и уйдетъ, тогда будете искать сами; а не найдете, въ Сибирь, въ каторгу сошлю.

Затѣмъ потребовалъ у соцкаго тройку и уже поздно вечеромъ поскакалъ въ сосѣднее село Романовку. Здѣсь онъ переночевалъ; въ воскресенье утромъ, когда явился къ нему соцкій и сталъ распрашивать, по какому виду онъ ѣдетъ, то Семеновъ, ударивъ его нѣсколько разъ плеткой, велѣлъ сейчасъ-же подать тройку и къ обѣду собрать значительный карауль изъ надежныхъ людей, такъ какъ онъ на возвратномъ пути будетъ препровождать очень важныхъ арестантовъ. Тоже продѣлалъ онъ и въ с. Мошуровѣ, и въ Тальномъ, вездѣ разсыпая удары нагайкой всякому, кто сколько-нибудь ослушивался или медлилъ исполнять его приказанія.

Приготовивъ такимъ образомъ для себя возможность спастись бѣгствомъ, когда откроется его продѣлка и станутъ его преслѣдовать, Семеновъ приступилъ къ выполненію задуманнаго плана.

Вернувшись изъ Тальнаго въ Мошуровъ, онъ засталъ уже здѣсь собранныхъ соцкимъ до пятидесяти крестьянъ, готовыхъ исполнять всѣ приказанія столь строгаго начальства.

Я присланъ отъ царя взять вашего пана и объявить вамъ, что вы съ этого времени свободны, что-бы никто васъ на панщину не требовалъ; идите-же за мной и помогите мнѣ взять его,—такъ зарекомендовалъ себя Семеновъ передъ собравшимися крестьянами.

Толпа, образовавшись, двинулась за Семеновымъ по направлению къ панскому двору, вооружаясь по дорогѣ кольями, вытяну

Библиотека "Руниверс"

тыми изъ встрѣчавшихся по пути плетней. Это происходило въ воскресенье, селяне по большей части отдыхали дома отъ работы недѣльной, поэтому къ двигавшейся по улицѣ толпѣ приставало очень много любопытныхъ, и вскорѣ она возрасла до двухъ сотъ душъ.

Дорогой соцкій началъ жаловаться Семенову, что экономъ Квицинскій запретилъ выдавать ему почту. Семеновъ обѣщалъ раздѣлаться съ нимъ за ослушаніе и, отдѣливъ тридцать человѣкъ, приказалъ имъ пойти и окружить домъ поссесора Ганлея, а самъ съ прочими завернулъ къ экономy.

— Здравствуй, с.... с..., мошенникъ! Ты какъ смѣлъ спрашивать у меня бумагу?—обратился солдатъ къ Квицинскому.

Перепуганный экономъ началъ было извиняться, обзывая солдата чуть не высоко-превосходительствомъ, предлагалъ сейчасъ-же приготовить нѣсколько троекъ; но Семеновъ не слушалъ его.

— Я тебѣ покажу бумагу! У меня ея цѣлый мѣшокъ,—продолжалъ онъ кричать на экономa.

— Эй, соцкій, кандаловъ! Заковать его! А вы чего стоите безъ шапокъ, надѣвайте, уже ихъ панство кончилось; на панщину никто не посмѣетъ гнать васъ.

— Ваше высоко-превосходительство, это имѣніе генерала Нарышкина, проговорилъ едва слышно экономъ.

— А, Нарышкина?! Ну, такъ можно немного работать;—только не много!!

Крестьяне, понуждаемые плетью и кулаками Семенова, быстро заклепали въ желѣза экономa; тогда самозванный царскій посланный, поставивъ подлѣ него караульныхъ, повелъ стоявшихъ тутъ крестьянъ къ поссесору Ганлею.

Между тѣмъ Ганлей, увидавъ такую толпу съ дрекольемъ въ рукахъ и припомнивъ слухи о рѣзнѣ, испугался и велѣлъ затворить всѣ окна и двери и спрятался съ семействомъ въ бывшій подъ домомъ погребъ. Семеновъ приказалъ брать домъ приступомъ: крестьяне принялись бить стекла въ окнахъ, а другіе, подхвативъ лежавшее позади дома бревно, стали разбивать двери. Ударили разъ, другой; двери—дубовыя, не поддаются; за третьимъ разомъ съ грохотомъ и трескомъ повалились въ сѣни. Семеновъ, какъ стоялъ передъ крыльцемъ верхомъ на лошади соцкаго, такъ и двинулся прямо въ панскіе покои.

Библиотека "Руниверс"

Въ сѣняхъ стоялъ перепуганный Ганлей.

— Ты, кто таковъ? спросилъ его Семеновъ и ударилъ нѣсколько разъ нагайкой.

— Я хозяинъ дома, отвѣчалъ Ганлей. Семеновъ приказалъ ему слѣдовать за собой въ залу. Здѣсь, ударивъ нѣсколько разъ Ганлея по щекѣ кулакомъ, Семеновъ велѣлъ сельскому атаману заковать пана въ кандалы, перевести въ другую комнату, раздѣть тамъ до нага и обыскать. Крестьяне сняли платье съ Ганлея и подали солдату. Въ карманѣ сюртука лежало полтораста рублей ассигнаціями и шесть рублей серебряной монетой; Семеновъ деньги вынулъ и взялъ себѣ, а платье подалъ назадъ хозяину.

Затѣмъ онъ позвалъ экономическаго писаря и приказалъ ему сейчасъ-же составить опись всего имущества Ганлея, а самъ съ другими крестьянами пошелъ въ кладовую, гдѣ взялъ двѣ серебряныхъ ложки, ножъ и бутылку вина, и воротился назадъ въ покои. Опись была составлена. Семеновъ посмотрѣлъ на нее, сложилъ и сунулъ въ карманъ. Въ это время пришелъ какой-то отставной офицеръ Хржановскій и сталъ ругать Семенова за безчинства; Семеновъ скомандовалъ крестьянамъ дать офицеру двѣсти розокъ, и тѣ исполнили приказаніе; затѣмъ по распоряженію Семенова Хржановскаго забили также въ колодки и посадили подлѣ Ганлея.

Теперь я у васъ покончилъ, нужно ѣхать въ Романовку,—обратился Семеновъ къ крестьянамъ; ты, соцкій, поставь здѣсь крѣпкій караулъ и береги ихъ до моего возвращенія, да приведи сюда также и эконома.

Привели эконома. Семеновъ посадилъ всѣхъ троихъ пановъ посреди комнаты, вокругъ ихъ поставилъ двадцать человѣкъ стражи, потребовалъ себѣ отъ поссесора верховаго козака Захарія Кутерногу для разсылокъ и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Романовку.

Въ Романовкѣ соцкій также собралъ указанное число крестьянъ и дожидалъ пріѣзда Семенова. Да и какъ было не собрать, не послушаться его приказаній? „Вінъ-же вдавъ зъ себе такого строгого начальника“,—такъ крестьяне объясняли свое увлеченіе на допросѣ. Да, нашъ крестьянинъ того времени, привыкшій встрѣчать отъ засѣдателя и исправника самое грубое обращеніе, создалъ представленіе о высокомъ чиновникѣ, какъ о человѣкѣ съ кнутомъ и крѣпкимъ кулакомъ, разсыпающемъ удары на право и на лѣво, и чѣмъ сильнѣе

Библиотека "Руниверс"

эти удары, тѣмъ важнѣе, значитъ, чиновникъ, а Семеновъ такъ искусно выполнялъ столь несложную роль.

Въ Романовкѣ объявили ему, что помѣщика дома нѣтъ, выѣхалъ куда-то, остался только его экономъ Чайковскій, при чемъ жаловались на послѣдняго за его жестокое обращеніе съ крестьянами. Семеновъ велѣлъ написать и подать ему жалобу; обѣщалъ наказать его и послалъ за Чайковскимъ козака Кутерногу. Чайковскій не пошелъ и заперся въ своихъ „официнахъ“. Тогда Семеновъ съ шестьюдесятью крестьянами двинулся къ панскому двору, окружилъ домикъ экономa, приказалъ бить стекла въ окнахъ, выбить двери и вытащить Чайковскаго на дворъ.

— Ты какъ смѣлъ ослушаться моихъ приказаній?—закричалъ Семеновъ на Чайковскаго. Разложить его! И Семеновъ отсчиталъ экономy собственноручно двѣсти плетей. Чайковскій сошелъ кровью и лежалъ безъ чувствъ. Ожесточеніе крестьянъ противъ экономa было столь велико, что никто не тронулся пособить ему.

Затѣмъ Семеновъ повелъ крестьянъ къ помѣщичьимъ кладовымъ, отбилъ у нихъ замки и взялъ голову сахару, серебряную сахарницу, ножницы и нѣсколько связокъ табаку.

Было уже около четырехъ часовъ по полудни. Семеновъ почувствовалъ усталость отъ трудовъ и не захотѣлъ уже ѣхать къ Иваньки, а послалъ отъ себя козака Кутерногу съ романовскими войтомъ и атаманомъ, поручивъ имъ арестовать иваньковскаго нотаріуса Яворскаго и ожидать его пріѣзда. Въ знакъ полномочія онъ надѣлъ на Кутерногу взятую у Гаплея саблю.

Иваньковская громада давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда „флигель-адъютанта изъ Петербурга“, какъ тутъ окрестили Семенова, и когда полупьяный Кутернога, указывая на саблю, объяснилъ крестьянамъ свое назначеніе и сказалъ имъ идти за нимъ, то вся толпа ринулась въ панскій дворъ.

На крыльцѣ встрѣтилъ толпу Яворскій и обращаясь къ Кутерногѣ, спросилъ:

— Ты хто такий и звідки взявся?

— Я самъ собі чоловікъ, прійхавъ взять тебе; а отъ, за мною скоро прійде жандаръ, такъ пропадешъ тоді, якъ собака,—отвѣтилъ Кутернога и ударилъ Яворскаго плетью.

Библиотека "Руниверс"

Яворскій скрылся въ комнаты и заперъ за собою двери, затѣмъ, увидѣвъ черезъ окно соцкаго, закричалъ ему:

— Эй, соцкій, бійся Бога! що ты робишъ, чомъ не вяжешъ цихъ розбійниківъ? Я ніякого указу не читавъ и не бачивъ, се якійсь обманъ.

— Такъ я бачивъ і чувъ, якъ читали,—отвѣтилъ соцкій: пропала теперъ твоя голова, Яворскій!

Яворскій выслалъ двухъ дюжихъ ильхтичей, чтобы связали козака, но крестьяне не позволили имъ этого сдѣлать и поколотили ихъ. Послѣ этого Кутергога ударилъ плетью по окну, выбилъ стекла и думалъ было черезъ окно пробраться въ комнаты, но былъ оттолкнутъ находившимися тамъ экономами Яворскаго и упалъ на землю. Разсерженный такимъ сопротивленіемъ, онъ приказалъ разбивать двери. Между тѣмъ за это время Яворскій успѣлъ спрятать свое семейство въ безопасное мѣсто, а самъ рѣшился отдаться въ руки взбунтовавшихся крестьянъ, поэтому отперъ двери и пустилъ ихъ въ комнаты. Крестьяне бросились вязать поссесора и его экономовъ: принесли сдѣланныя въ этотъ-же день спеціально для своего пана колодки и набили ихъ на ноги Яворскому. Кутергога съ саблей на-голо расхаживалъ по панскимъ покоямъ и раздавалъ приказанія, копируя своего начальника: писарю онъ велѣлъ описать все имущество Яворскаго, опечатать кладовыя, погреба, а соцкому послать надежныхъ людей въ с. Полковничую и тамъ также арестовать пана и доставить въ Иваньки.

Запировали тогда мошуровскіе, романовскіе и иваньковскіе крестьяне по случаю столь легко и неожиданно полученной воли; Семенова угощали водкой, курами, яйцами. Но не долго продолжалась ихъ радость: вечеромъ того-же дня имъ пришлось разочароваться въ мнимомъ посланникѣ царскомъ, а на слѣдующій день испытать всѣ ужасы экзекуціи.

Въ ту пору, какъ Семеновъ наказывалъ въ Романовкѣ экономa Чайковскаго, черезъ Тальное проѣзжалъ засѣдатель Скинтѣевъ. Увидѣвъ стоявшую подлѣ почтовой станціи толпу крестьянъ, онъ остановился и спросилъ, по какому случаю они тутъ собрались. Соцкій отвѣтилъ ему, что пріѣзжалъ какой-то важный чиновникъ изъ Петербурга, велѣлъ ему приготовить пять троскъ и крѣпкій карауль для препровожденія арестованныхъ въ сосѣднихъ селахъ

Библиотека "Руниверс"

пановъ. Скинтѣевъ въ недоумѣніи, чтобы это значило, помчался по дорогѣ къ Мошурову, куда, какъ указали ему крестьяне, уѣхалъ петербургскій чиновникъ. Дорогой онъ старался угадать, кто-бы это могъ быть, и рѣшилъ, что, вѣроятно, пріѣхало какое нибудь весьма важное лице, чтобы арестовать пановъ, замѣшанныхъ въ исторіи декабристовъ; изо всѣхъ силъ спѣшилъ онъ встрѣтить должнымъ образомъ эту важную особу. Но въ Мошуровѣ его недоумѣніе разсѣялось: видъ разбитыхъ стеколъ и дверей, закованныхъ и избитыхъ пановъ, ограбленіе Ганлея—все этого было дѣломъ, свойственнымъ больше разбойнику, чѣмъ представителю власти. Сообразивъ быстро, Скинтѣевъ помчался по слѣдамъ за Семеновымъ.

Семеновъ въ это время выѣхалъ изъ Романовки по дорогѣ въ Иваньки, но, угостившись черезмѣрно, не могъ дальше ѣхать и тутъ-же, за селомъ, подлѣ стоявшихъ чумаковъ прилегъ и заснулъ. Тутъ его и настигъ Скинтѣевъ.

Разбуженный ударомъ Скинтѣева, Семеновъ поднялся, вынулъ ножъ и уже занесъ его надъ Скинтѣевымъ, но былъ удержанъ чумаками. Его связали, положили на повозку къ Скинтѣеву и подъ карауломъ отвезли въ Мошуровъ.

Не рѣшаясь оставить такого важнаго преступника безъ своего личнаго присмотра, Скинтѣевъ отрядилъ десять дюжихъ шляхтичей и поручилъ имъ арестовать въ Ивапькахъ козака Кутерногу и другихъ главныхъ зачинщиковъ, а самъ остался въ Мошуровѣ и арестовалъ мѣстныхъ крестьянъ.

На другой день привели закованнаго и избитаго Кутерногу, явились войска, пріѣхалъ судъ; на улицахъ запылали костры подъ громадными котлами, а по селу бѣгали солдаты, хватая куръ, гусей и поросятъ, и все это тащили къ костру.

Крестьяне долго не знали, кому вѣрить: освобождавшему-ли вчера отъ панщины чиновнику въ солдатскомъ мундирѣ, или закрѣпощавшимъ на другой день засѣдателю и исправнику, рѣшили, что паны подкупили начальство и покорились своей судьбѣ...

Семенова по суду приговорили къ смертной казни, а изъ ста пятидесяти арестованныхъ крестьянъ однихъ сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы, другихъ на поселеніе, третьимъ присудили по пятидесяти ударовъ кнутомъ, нѣкоторыхъ оправдали.

К. К—къ.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

ВНУТРЕННІЕ РАСПОРЯДКИ.

I.

Приговоръ большой экстраординарной „рады“.

Въ запорожскомъ войскѣ бывали годовыя и полугодовыя „рады“, то есть общія собранія всѣхъ чиновъ „товарищества“,—первыя для выбора кошеваго и всей „войсковой“ старшины, то есть судьи, обознаго, эссауловъ и другихъ, а полугодовыя—для отдачи по жеребью степей, рѣчекъ и другихъ угодьевъ. Экстраординарныя „рады“ или сходки собирались по особеннымъ случаямъ, какъ-то: для выслушанія высочайшихъ указовъ, гетманскихъ универсаловъ, внезапному наряду козаковъ на пограничную службу, отпускъ „громадскихъ“ денегъ, а также рѣшенія спорныхъ дѣлъ и принятія особенныхъ мѣръ по внутреннимъ распорядкамъ. Къ этому послѣднему разряду принадлежитъ „рада“ 23 декабря 1764 года, приговоръ которой, списанный нами, къ несчастію съ весьма ветхаго документа, предлагаемъ здѣсь съ возможною точностію. Этотъ документъ весьма любопытенъ и по особенной его формѣ изложенія, и по прикосновенію его къ исторіи гайдамачества, въ томъ особенно смыслѣ, что опровергаетъ категорически участіе Запорожья, какъ общины, въ набѣгахъ на поляковъ и жидовъ.

1764 года декабря въ 23 день.

„Мы всѣхъ куреней атаманы, со всѣми старшими козаками, съ стариками и молодыми, добросовѣстными, въ Кошу запорожскомъ, при собраніи полномъ войсковомъ всѣхъ старшинъ, стариковъ и атамановъ, по приговору и желанію къ доброму порядку всего Коша дали сію въ Кошу росписку въ нижписаннемъ:

Библиотека "Руниверс"

„Гдѣ есть степами и лугами, нашихъ куреней, воры и злодѣи и какой бы не былъ ватажекъ, передержатель и покупщикъ воровскаго, не только гдѣ жили, но и гдѣ шатались въ чатахъ и собраніяхъ, до единаго прибрать въ руки, искоренить и удержать вовсе отъ воровства, дабы ни въ татаръ, ни въ Польши ни въ россійскихъ подданныхъ, по шляхамъ и по зимовникамъ, ни на одну копѣйку неточъ отъ сего дня не чинили-бъ; зо всѣми до единаго козака смотрѣть отнюдь удержать обовязать; защищать, передерживать винного и за нимъ ручиться нигдѣ не будутъ; къ бунтамъ и радамъ ни одного не допускати, и за то худобою своей и горломъ со всѣмъ куренемъ ставить, не щадя одинъ одного и по всѣмъ приказамъ всегда будемъ въ послушаніи въ Кошеваго и старшинъ войсковыхъ; воровство вовсе истребить приступаемъ и прійдется (?) вѣрно. А ежели въ какомъ куренѣ атамамъ не исправенъ, ослушенъ и потатчикъ злодѣйствамъ будетъ, то господину Кошевому вольно его покарати и того приказать отставить, а другого изобрать, и только добраго и исправнаго заразъ поставить, а его во всѣхъ куреняхъ всякой чести лишить и въ другой разъ атаманомъ не выбирать и не ставить. А господину Кошевому и войсковой старшинѣ отъ сего же дня за нами, яко и за всѣми куренями такъ смотрѣть, щобъ были мы всегда въ добромъ страду и порядку и на кому что явится, не миновати и нѣякого воровства не допускать и карати, по войсковому обычаю, потачокъ, дозволенія не на что худое никому не давати, взятковъ зъ винныхъ не брати и ихъ не выпускати безъ наказанія всего Коша, ни за малѣйшую воровскую вину; ни на какіе поруки воровъ и ихъ согласниковъ не давати; а кто прійдетъ за такимъ ручитись, то и того оковати и зъ воромъ равно держати и карати".

„А ежели не такъ поступатиметъ господинъ Кошовій, судія, писарь и асауль, и явится въ чемъ потакунъ, или добрыхъ или невинныхъ козаковъ будетъ напрасно обижать, то, не дожидая рады годовой или полугодовой, атаманамъ и старикамъ такихъ правителей, заразъ съ доносомъ главнымъ командамъ, отъ Коша отставить и никогда того подозрительнаго и слабаго старшину уже не выбирать и въ ни какой чинъ не ставить, и якого дѣла и обидъ не окончить, то зъ самаго того взыскать. При томъ-же они господа въ Коши правящіе землю войсковую отъ всякихъ утисковъ оберегать и милости отъ ея императорскаго величества высочайшихъ правительствъ и главныхъ командъ искать, за всѣ

Библиотека "Руниверс"

нужды и надобности, и не пропускать никакихъ дѣлъ и всегда смотрѣть по всему Кошу о добрыхъ состояніяхъ".

„Дабы въ полномъ послушаніи, чести и вѣрности все могло жити и войсковыми прежними полезными обычаями и привиллегіями на вѣки пользовались и на то все войско въ войсковій особливый скарбецъ и табель восковій сдѣлати, съ чего лучше можно, и умножити такъ, якъ въ другихъ войскахъ, и при сборѣ стариковъ и атамановъ считати, терятп и содержати: скрынку войсковую неподвижную при церкви расходную для Коша [1]) въ судіи и о томъ всемъ стараться правящимъ въ Кошу. Тако-жъ порохъ и свинецъ войсковій неподвижно содержати. На каждую потребность атаманамъ и старшинѣ казны войсковой себѣ никогда не дѣлити и не касаться, безъ стариковъ, до скарбцу неподвижнаго войсковаго, подъ смертнымъ штрафомъ, и кто на то настояти маетъ и сей войсковый уставъ и подписи наше перемѣнитиметь, то горломъ карать и всю худобу его забирать, не уважати ни на старшину, ни на атамановъ и ни на кого. А что-бъ всегда войско запорожское низовое исправно было ружьемъ, коньми со всѣмъ прибором, того господину Кошевому и атаманамъ всѣмъ смотрѣти и приказывать безъ забутку, и за всѣми козаками атаманы будутъ неусыпно того наблюдати и на службу его императорскаго величества отъ мала до велика готовы состоять и состоятимуть на вѣки".

„Въ томъ подписуемся всякъ куреня атаманъ зъ стариками и козаками по простотѣ крестами, а кто можетъ письмомъ, и что должны все вышеписанное содержати и исполнити непремѣнно сугубо и охотно обовязуемся, а въ аппробацію и подверждевіе господинъ Кошевый атаманъ и войсковые старшины нынѣшніе и бывшіе на семъ подписываться имѣютъ, и войсковую печать при всѣхъ приложить, и представить всѣмъ высокимъ властямъ, и читать сіе всегда въ радѣ при сборѣ старшинъ".

За симъ слѣдовали цѣлыя тетради подписей, но они пропали, а уцѣлѣли лишь 26 подписей одного титоровского куреня, и во главѣ ихъ подпись, т. е. крестъ „атамана куреннаго Федора Шаяра".

[1]) Вѣроятно „съ ключемъ".

Библиотека "Руниверс"

II.

Ордеръ по пограничнымъ дѣламъ съ татарами.

„Вамъ Маркови Каженови, куренному (атаману) незамоевскому и знатному войска нашего запорожскаго низоваго товарищеви, такожъ и прочимъ войска нашего при Камянце [1]) сидячимъ и по иныхъ мѣстахъ по близу козакамъ симъ нашимъ войсковымъ открытымъ листомъ, объявивъ, приказуемъ:

„Понеже отъ насъ войска нарочно опредѣленные куренные атаманы, два человѣка: куреня корсунскаго *Наэлъ Козлецкій*, да куреня васюринскаго *Иванъ Шостакъ*, и придавъ къ нимъ пристойное число козаковъ, къ перевозу Кизи-Керменскому [2]), поставленному отъ хана крымскаго, для изслѣдствія и распросу, почему оный при Кизи-Кермени перевозъ отъ татарской стороны учрежденъ, и маютъ-ли они отъ кого на то повелительный указъ или нѣтъ, и дабы на томъ ихъ кизи-керменскомъ перевозѣ людей никакихъ купецкихъ и прочихъ не пуская, ихъ оттоль отвергнуть и возить не дерзать, запретить посылаются".

„Того ради и вамъ пригрозя приказуемъ: по ихъ вышеозначенныхъ атамановъ требованію не чинясь ослушными, всякое удобовозможное спомоществованіе чинить, и сами собою потрудитесь, и тако сколько можно будетъ съ околичныхъ тамошнихъ зимовниковъ козаковъ и взявши опыхъ къ себи, съ выше прописанными нарочно посланными атаманами, къ перевозу кизи-керменскому имѣете поѣхать, и что они прикажутъ вамъ дѣлать, не ослушаясь то и дѣлайте, а сверхъ ихъ приказу отнюдь вамъ ничего не сочинять и жадныхъ ссоровъ и дракъ, такожъ и озлобленій никому не показовать, подъ жесточайшимъ штрафомъ. Данъ зъ Коша сентября 27, 1743 году".

На означенномъ подпись: „Якимъ Игнатовичъ, атаманъ кошевый войска запорожскаго низоваго съ товариствомъ".

(М. П.).

Причиною такого распоряженія было то, что татаре, дабы переманить купцовъ и солевозовъ на свою сторону мимо запорожской переправы въ камянскомъ форпостѣ, устроили свой у нынѣшняго Борислава, существующій доселѣ.

---

[1]) С. *Каменка* херсонской губер. и уѣзда на рѣчкѣ сего имени, впадающей въ Днѣпръ, выше Борислава. Тамъ въ 1711 году была временная Сѣчь и переправа на крымскую сторону.

[2]) *Кизи-Кермень*—нынѣ *Берславъ* херсонской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

III.

Духовная умершаго запорожскаго козака.

Одинъ польскій губернаторъ прислалъ въ Кошъ духовное завѣщаніе умершаго въ его округѣ запорожца, купца Ивана Высочина, на польскомъ языкѣ написанное и въ Сѣчи переведенное на русскій—и какъ видно полякомъ. Мы списываемъ этотъ документъ буквально, раздѣливъ его только на 3 §, т. е. на *состояніе* умершимъ оставленное, на его *распоряженіе* и на *исполненіе* этого распоряженія. Гдѣ именно умеръ завѣщатель, мы еще не узнали.

„Я *Иванъ Высочинъ*, запорожецъ, симъ моимъ остатнимъ тестаментомъ записую, сколько имѣю собственной своей мизеріи и какъ оказуе, и записую настоящія доказательно такъ, дабы, по смерти моей, турбаціи и споровъ какихъ-либо какъ въ Польской Области, такъ и въ Запорожьѣ не было, всякому кому вѣдать надлежатиметъ, объявляя".

1.

„Впервыхъ имѣю я товару: горѣлки ганнусковой (анисовой) пробной до третьи воды спустивъ [1]) 220, за которую горѣлку выдавши совсѣмъ, вышло суммы . . . . . 420 р. — к.
да Иванъ Шаргородченко виноватъ . . . . . 5 р. 50 к.
Яковъ Зерденовскій виноватъ . . . . . 2 р. — к.
Грицько Солодивый виноватъ . . . . . 6 р. — к.
При мнѣ готовыхъ . . . . . 18 р. — к.

2.

„Герасимови братови записую коня бѣлаго съ кульбакою и рушницею; ратище, жупанокъ зеленый, опанчу (въ Сѣчи), шаровары синіе, ковдре (одѣяло) и килимъ (коврикъ)".

„Деревни Плещаневѣ, гдѣ были родичи мои, записую на сорокоустія за помершихъ . . . . . 10 р.
На тую жъ церковь записую . . . . . 10 р.
Тамъ-же и за мене грѣшнаго записую . . . . . 5 р.

„Что остается денегъ товарискихъ у Грицка Односума (вѣроятно по куреню), то прошу изчислити при атаманѣ Яцку, и по расчетѣ, что въ мою часть надлежатиметъ, прошу каждому просящему дать".

„Такъ-же до „Святыхъ Горъ" (въ харьковской губ.) 20 р. — к.
Въ Камянку до чудного образа Матери Божіей . . 10 р. — к.

[1]) Спустъ—три ведра.

Библиотека "Руниверс"

Герасимови братови записую . . . . . 10 р. — к.
Въ курень прошу обѣдъ справить рублей на . . 3
За похороны священникамъ: Зятковецкому 15 зл. п. 1 р. 5 к.
Мелешневскому . . . . . 1 р. — к.
Дякамъ съ товарищми. . . . . 1 р. — к.
Пономарю . . . . . — р. 10 к.
Братству . . . . . — р. 50 к.
Лошакивъ съ Односумомъ товарищскихъ пять.

Хутро (шубу) и кунтушъ отдать до Сѣчи, и Односумъ нехай продасть и деньги на церковь дасть".

„Сіе взаписую при людяхъ достойныхъ, а именно: Андрею Дубовому, Яцку Пидгѣрносу, Ивану Рудому, Василію Бѣлицкому, Костѣ Микитису, Якову Шередя и Ивану Шароградскому".

3.

„Реестръ по умершему Ивану Высочину, ще выдано на разные расходы за его покойнаго душу, а именно:

„Зъ денегъ: попу изъ братствомъ того-жъ храма готовыхъ денегъ . . . . . 12 р. — к.
Дякамъ того-же храма . . . . . 1 р. — к.
Отцу Василію Мелешковскому . . . . . 1 р. — к.
Поломареви 10 к.; дякови Мелешковскому 5 к.; братчикамъ того-жъ храма 50 к.; за ладанъ на похороны сдержано 5 коп.
За кабана на обѣдъ употреблено. . . . . 1 р. 5 к.
За борошно (муку) пшеничное. . . . . 1 р. — к.
За маслосвятіе . . . . . 1 р. — к.

„Горилки на маслосвятіе употреблено полспустъ, на обѣдъ спустъ, а потомъ вторично полспустъ".

„Попу дано хутро (шубу) чорное и кунтушъ.

„Арендарю Шліоми долженъ остался по. . . . . 4 р. 25 к.
Беркови шинкарю . . . . . — р. 5 к.
Писареви . . . . . — р. 5 к.
Иванови Шароредску . . . . . — р. 5 к.
Въ Ладыжичъ на позвонье. . . . . 1 р. — к.
За подковку коня и за подковы . . . . . — р. 20 к.
Взято на подкову 15 фугъ.

„За росписку, которую далъ покойный Иванъ къ отсылкѣ до Сѣчи, имѣвшуюся отъ жида Затковскаго, то прошу, чтобъ сюда назадъ была прислана чрезъ Ивана Шаргородіенка, яко

Библиотека "Руниверс"

жидъ проситъ, что-бъ ему обратно отданъ былъ, о чемъ и Герасимъ сознаетъ, что куда выдано".

Это примѣчаніе сдѣлано вѣроятно губернаторомъ польскимъ, приславшимъ въ Сѣчь духовную Высочина.

Для насъ въ особенности интересна цѣна припасовъ и вознагражденіе церковнослужителей. Кабанъ стоитъ всего 1 руб. 5 коп., да ладанъ 5 к. Дьяку и попомарю дано всего по 5 коп.

На подлинномъ документѣ замѣчено: „переводъ съ польскаго на русскій діалектъ".

IV.

„Печатка" по случаю опасеній напзда татаръ, въ 1769 году.

Печатками [1]) назывались въ Запорожьи тѣ приказы Коша, которые разсылались по паланкамъ и перевозамъ, особенно въ началѣ существованія войска, за неимѣніемъ писарей; онѣ состояли изъ одной печати, наклеенной на воскѣ или бумагѣ, а содержаніе ихъ передавалось изустно. Прилагаемая здѣсь „печатка" принадлежитъ уже позднѣйшимъ годамъ. Происхожденіе ея было слѣдующее: по свѣдѣніямъ доставленнымъ полковниками самарской и орельской паланокъ (нынѣ верхнеднѣпровскій уѣздъ, екатеринослав. губерніи), татары сожгли 72 зимовника и въ нихъ убили 54 чел., въ плѣнъ взяли 256 душъ обоего пола и захватили 22,080 штукъ скота, овецъ и лошадей.

„По полученіи сей печатки всѣ по зимовникамъ стоящіе въ Тарасовскомъ, Бѣленкомъ и Хортицахъ [2]) имѣютъ неотмѣнно какъ себя, такъ и тѣхъ, кто съ ихъ господаремъ живетъ, и могущественные и таковые, въ коихъ лошадей не имѣется, а они могутъ за що себѣ купить, ружемъ каждаго и по парѣ лошадей приспособить. Служителей-же своихъ, руже жь чтобы было у каждаго, а когда хозяинъ пожелаетъ, то и парою лошадей приспособить-же, и всякій козакъ хозяинъ, со всѣми въ зимовнику, быть во всемъ къ походу и отпору противъ татарскаго движенія готови, и такъ что ежели куда повелѣно будетъ выступать, то

---

[1]) Въ 1770-хъ годахъ были еще *карточки* посылаемыя по куренямъ о нарядѣ козаковъ на посты и чаты.

[2]) Херсонской губерніи и уѣзда, на границѣ.

Библиотека "Руниверс"

всѣ зъ зимовника какъ конные, такъ и пѣшіе, оставя при скотѣ въ зимовникѣ для смотрѣнія онаго одного человѣка, выступить въ повелѣнное мѣсто; а безъ позволѣнія никуда движенія не имѣть, и всѣ безотлучно находились-бы всегда при зимовникахъ".

„Сію „печатку" посылать зимовникъ отъ зимовника самоскорѣе и какъ всѣ зимовники обойдетъ, то возвратить опять до Коша и отдать въ канцелярію войсковую; посылается-жъ съ Коша, 1768 года, ноября 13".

Наша печатка, къ сожалѣнію, до того была ветха отъ сырости, что мы были принуждены дополнять ее иногда своими собственными словами.

V.

По церковнымъ дѣламъ.

Въ 1759 году запорожское войско пожелало сдѣлать для своей сѣчевой церкви паникадило серебренное, по образцу кіевской печерской лавры. Но такъ какъ это было вѣсомъ въ 7 пудовъ, то рѣшено было заказать въ Москвѣ паникадило серебренное въ 5 пудовъ и 2 аршина вышины. Къ этому случаю относятся слѣдующія два письма запорожскихъ посланцевъ, довольно любопытныя.

1) *1759 года іюня 17, изъ Кіева.* Запорожскій полковникъ Максимъ Куликовскій, посланный въ Кіевъ для снятія образцовъ съ печерскихъ паникадилъ, пишетъ Кошевому (Алексѣю Григорьеву Бѣлицкому) слѣдующее:

„Софійскаго кіевскаго монастыря всечестнѣйшій отецъ намѣстникъ, бывшій въ батуриномъ монастырѣ игуменомъ, Іосифъ Миткевичъ, просилъ къ себѣ, въ котораго въ самый праздникъ (Сошествіе св. Духа) будучи, кушали всѣ и по нашему у его прошенію, за ходатайствомъ, у преосвященнаго митрополита кіевскаго Арсенія были, и благословеніе въ понедѣльникъ на Троицу получить удостоились; а за скорымъ моимъ съ атаманомъ отходомъ въ квартиру, оставшіеся только два Онисимъ Семеновъ, да писарь у стола преосвященнаго кушали и довольно гуляли, и при отходѣ оба раза въ квартиру нашу въ межигорскій дворецъ [1]) софійскимъ монастыря поѣздомъ (экипажемъ) цугами отвозили и такъ отъ него всечестнаго угощены, что его

[1]) Подворье межигорскаго монастыря на Подолѣ Кіева.

Библиотека "Руниверс"

благопріятствомъ весьма проникнуты и предъ В. В. безъ похвалки оставить было невозможно".

Само собой разумѣется, что отъ Софійскаго и другихъ монастырей посланъ былъ въ Сѣчь, съ дозволенія митрополита, монахъ (памѣстникъ батуринскій), для сбора милостыни.

2) *Изъ Глухова, 22 сентября 1759 года* атаманъ дядьковскаго куреня, Онисимъ Семеновичъ, пишетъ тому-же Кошевому:

„По словесному повелѣнію В. В. и общему приговору, я сребро, взятое мною изъ Сѣчи для издѣланія паникадила въ Москву возилъ, и тамо какъ я самъ, такъ и его высокопреподобіе, отецъ архимандритъ новоспасскій въ издѣланіи онаго прилагалъ старанія, только-жъ въ Москвѣ тамошніе золотари, безъ выдачи заразъ денегъ, взять не похотѣли. Хотя-жъ и были тые, что нѣкоторые взять и принимались, но не скоро сдѣлать обѣщевались. Мое-жъ намѣреніе было, что-бъ взявши, по приговору войсковому съ казны жалованной деньги, которые по нашему намѣренію принять желалось въ Москвѣ, самому до сдѣлки прожить. Токмо отъ Статсъ-Конторы выдачу не въ Москвѣ, но въ Кіевѣ ассигновано принимать. Почему я принужденъ тое сребро, ѣдучи обратно, взять отъ отца архимандрита и въ Глуховѣ, по совѣту мѣщанъ, въ томъ числѣ и Григорія Приблудова (кои и ручались), отдать ко издѣланію къ майстру глуховскому мѣщанину и жителю, Карлу Яковлевичу *Кеппику*, съ такимъ договоромъ, что онъ до принятаго отъ мене 1-го пуда 20 фунтовъ и 20 лотовъ, кои состоить 8° пробы, своего прибавить 3 пуда и 8 фунтовъ 12-й пробы; фунтъ цѣною по 15 рублей. И съ того всего серебра, т. е. 4½ пуда, сдѣлать оное (паникадило) 1760 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ; а деньги съ перваго теперешняго времени, за пріемомъ въ Кіевѣ казны тысячу рублей, а по сдѣлки половинной части паникадила, нѣкоторую часть, да за привозомъ на его коштъ, всѣ остальные отдать роспискою обовязался. О чемъ въ контрактѣ пространнѣе изъяснено".

Подпись: „Онисимъ Семеновъ".

VI.

Инструкція для ревизіи паланокъ и сбора податей 1762 г.

„Изъ Коша войска запорожскаго низоваго панамъ атаманамъ (куреней): деревянковскому Николаю *Тимофѣеву*, левушковскому Якову *Качалову*, дядьковскому Гаврилу *Щирому*".

Библиотека "Руниверс"

ИНСТРУКЦІЯ.

„Въ Кошѣ извѣстно учинилось, что по ревизіи въ минувшемъ 1756 году о дворовомъ числѣ въ вѣдомствахъ кодацкомъ и самарскомъ чиненной, по якой отъ означеннаго году по нынѣ и годовой окладъ на войско съ обивателей взиманъ былъ, за расходомъ съ прочихъ селъ въ другіе мѣста обивателей, не малое несходство въ написанномъ числѣ имѣется, потому что въ какомъ селѣ написано было дворовъ большимъ числомъ, за сходомъ, нынѣ остается малымъ, а гдѣ меньшимъ было, состоитъ большимъ. Отъ того слѣдуетъ и слѣдовать можетъ народу немалая тяжесть и во взятіи за изшедшихъ излишняго платежа обида и разореніе. Дабы впредь того не слѣдовало, повелѣли Мы, полнымъ Собраніемъ, для учиненія самою вѣрностью: гдѣ именно въ вѣдомствахъ кодацкомъ и самарскомъ, въ селахъ, какимъ числомъ дворовъ тяглыхъ и пѣшихъ состоитъ, въ тѣ вѣдомства для составленія ревизіи отправить васъ, и вы имѣете получа сію нашу инструкцію, учинить нижеписанное:

1.

„Слѣдовать въ вышеписанные вѣдомства въ кодацкое и самарское, за пріѣздомъ атаманамъ „посполитымъ“ [1]) кодацкому и самарскому приказать о всѣхъ ихъ вѣдомства подданныхъ, наличныхъ, тяглыхъ и пѣшихъ, подать вѣрные списки, по якимъ вы, объѣхавъ обоихъ вѣдомствъ села, освидѣтельствовать и надлежаще безъ упущенія сочинить вѣдомости, и оные, за поворотомъ, намъ въ Кошъ представить.

2.

Живущимъ кодацкаго вѣдомства въ Биленковатомъ, Росоховатомъ и въ прочихъ байракахъ и мѣстахъ, тако-жъ гдѣ козацкія зимовники имѣются, и отъ обивателей тѣснятся, объявить, дабы они болѣе уже тамо жителями не были и утѣсненія остающимъ зимовниками козакамъ холостымъ не дѣлали, приказать въ села войти непремѣнно, по посланному въ кодацкую паланку приказу.

---

[1]) *Посполитыми* они назывались для отличія отъ куренныхъ, т. е. военныхъ, [illegible] оседлые поселяне, или „пожившіеся“ козаки.

Библиотека "Руниверс"

3.

Богородичанъ [1]), призвавъ въ самарскую паланку, каковые отъ тамошняго атамана Байраке чинятся обиды, озлобленіе и разоренія народу, спросить и по спросѣ учинивъ надлежащее разсмотрѣніе, я буде дойдетъ, что доносимыя намъ сюда обиды богородичанскимъ обивателямъ отъ него же будетъ до врама, то яко ему Байраку не до чиненія богородичанскимъ обивателямъ обидъ отъ Коша атаманску должность править велѣно,—другимъ, кого тамошніе обиватели похотятъ, добронадежнымъ человѣкомъ перемѣнить.

4.

„Воровъ и разбойниковъ, если гдѣ провѣдаете, сискивать, ловить и поступать по войсковымъ обычаямъ; равножъ съ самовольцами, ослушниками и не почитающими команды, поступать безъ попоровки, съ добрыми-же и чесными запорожскаго войска козаками поступать вамъ обходительно.

„Зъ Коша, генваря 9, 1762 года“.

Въ этомъ, вообще интересномъ документѣ, любопытнѣе всего для насъ сдѣланное наставленіе, чтобы вышедшія въ степь на поселеніе „обиватели“ возвращалися въ свои усадьбы, дабы *не стѣснять* козаковъ въ ихъ зимовникахъ. Между тѣмъ въ этихъ двухъ паланкахъ, занимавшихъ большую часть нынѣшняго екатеринославскаго и новомосковскаго уѣздовъ, т. е. на 15,500 квадратныхъ верстъ было всего 2,400 осѣдлыхъ семействъ, или до 8,000 душъ обоего пола, жившихъ въ 31 усадьбахъ, и нѣсколько сотъ козаковъ по зимовникамъ, а теперь здѣсь населенія болѣе, чѣмъ 300 тысячъ душъ обоего пола.

А. Скальковскій.

---

[1]) *Богородицкій* ретраншаментъ при впаденіи р. Самары въ Днѣпръ, близъ Новомосковска, построенъ въ 1711 году.

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Окончаніе). *)

Іюля 16. Король продолжалъ предначертанный путь, съ намѣреніемъ преслѣдовать врага до самыхъ его кочевій и тамъ его истребить; но, сообразивъ, что при такой малочисленности своего войска, если онъ отправится лично въ непріятельскую область, то подвергнетъ большой опасности и себя и всю Рѣчь Посполитую, онъ собралъ совѣтъ для обсужденія, не будетъ-ли полезнѣе отправить гетмановъ съ войскомъ въ Украйну, самому же возвратиться для того, чтобы руководить доставкою новыхъ средствъ для продолженія кампаніи. Тщательно взвѣшены были всѣ побужденія, клонившіяся въ ту и въ другую сторону; наконецъ, въ воскресенье, ставъ лагеремъ у Орли, въ полторы мили отъ Кременца и въ мили отъ передоваго отряда, двигавшагося впередъ подъ начальствомъ польнаго гетмана, король объявилъ, что онъ возвратится назадъ съ своимъ дворомъ. Многіе офицеры протестовали весьма грубо противъ этого рѣшенія, особенно-же князь Вишневецкій, требовавшій, чтобы король непремѣнно отправлялся въ дальнѣйшій походъ съ войскомъ; изъ придворныхъ чиновниковъ къ этому-же мнѣнію склонялся канцлеръ (Андрей Лещинскій). Но король заставилъ ихъ замолчать, напомнивъ князю Вишневецкому, что самъ онъ не пожелалъ отправиться въ тылъ козацкаго табора иначе, какъ въ сопровожденіи 15,000 войска, теперь-же требуетъ, чтобы король съ половиною этого количества войска отправлялся въ отдаленный походъ.

---

*) См. январь, февраль, май, іюнь, сентябрь и ноябрь „Кіев. Ст.“

Библиотека "Руниверс"

Іюля 17. Король пожелалъ передъ выѣздомъ произвести генеральный смотръ войску, съ этою цѣлью онъ отправился въ понедѣльникъ въ Кременецъ; но такъ какъ случились въ то время проливные дожди, то онъ отмѣнилъ смотръ и во вторникъ уѣхалъ въ одномъ только экипажѣ, даже не попрощавшись съ тѣми полками, которые находились въ передней стражѣ. Вечеромъ этого дня онъ прибылъ въ Броды, гдѣ ночевалъ у хорунжія короннаго (Конецпольскаго), котораго здоровье уже тогда поправилось. На слѣдующій день онъ ночевалъ въ Бѣломъ Камнѣ.

Іюля 20 въ четвергъ король ночевалъ въ Глинянахъ. Во время его путешествія постоянно шелъ проливной дождь, приходилось ѣхать по грязи, оставивъ всѣ возы и подвергаясь всякимъ неудобствамъ; королю путь этотъ опротивѣлъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ пребываніе въ лагерѣ. Если этотъ отъѣздъ короля и былъ невыгоденъ для Рѣчи Посполитой, то вся вина падаетъ на дворянское ополченіе, которое лишило его средствъ продолжать походъ, не только потому, что само удалилось, но и потому, что подало поводъ къ бѣгству всѣмъ тѣмъ, которые состояли въ войскѣ на жалованьѣ, теперь-же подъ предлогомъ поступленія въ новыя милиціи, убѣжали скоропостижно; изъ королевскаго полка осталось только три хоругви, которыя и послѣдовали за королемъ и принесли извѣстіе о томъ, что на остальныя королевскія хоругви нѣтъ никакой надежды. Не смотря на все это, Господь рѣшился до конца не оставлять насъ: панъ Суходольскій возвратился изъ-за Винницы съ извѣстіемъ, что ханъ и Хмельницкій находятся въ Крыму и что татаре вездѣ на обратномъ пути убивали и угоняли въ полонъ крестьянъ и козаковъ; наши также истребляютъ ихъ въ разсыпную. Притомъ Господь послалъ на нихъ повсемѣстный страхъ; наши, двигавшіеся „татарскимъ шляхомъ", встрѣчали на всякой переправѣ множество потонувшихъ коней. Панъ Суходольскій утверждалъ положительно, что повсемѣстно чернь затворяется въ городахъ, и вездѣ, гдѣ встрѣтится съ козаками, убиваетъ ихъ и даже истязаетъ ихъ женъ въ отместку за свои семьи, угнанныя татарами въ Крымъ. Такъ поступило ополченіе черни, которое въ числѣ до 15,000 отправлялось въ помощь козакамъ подъ начальствомъ паволочскаго войта, и по дорогѣ встрѣтивъ татаръ, было ими истреблено на половину. Чернь вездѣ заявляетъ готовность къ покорности и если это настроеніе продолжится, то подлинно можно сказать, что самъ Господь за насъ сражается, ибо мы сами не дѣлаемъ ничего такъ, какъ слѣдуетъ, хотя наши

Библиотека "Руниверс"

солдаты и доблестно сражались въ теченіи трехъ дней. Въ войскѣ съ гетманами остался писарь польный Пржыемскій; князь Радзивиллъ и Убальдъ собираются уѣзжать. Король приказалъ, чтобы ротмистры оставались при хоругвяхъ, но многіе изъ нихъ сбѣжали.

Іюля 21. Король прибылъ во Львовъ; онъ явился въ городъ вечеромъ инкогнито и до ночи остановился въ одномъ частномъ саду; затѣмъ ночь провелъ въ забавахъ и развлеченіяхъ вмѣсто того, чтобы начать съ благодарственнаго молебствія Господу за ниспосланный по его милости неожиданный успѣхъ кампаніи. Во Львовѣ король остановился недѣли на двѣ, потому что онъ заболѣлъ вслѣдствіе неудобствъ лагерной жизни. Затѣмъ, излечившись, онъ уѣхалъ въ Варшаву.

Между тѣмъ получились самыя разнообразныя вѣсти отъ разныхъ лицъ о судьбѣ Хмельницкаго: одни утверждали, что онъ въ сопровожденіи 30 козаковъ отправился въ Крымъ вмѣстѣ съ ханомъ и что, потерявъ всякую надежду на возстановленіе козачества, онъ рѣшился принять исламизмъ. Извѣстіе это подтверждали гонцы господаря волошскаго, которые находились при ханѣ во время его переправы черезъ Днѣпръ у Сапкермена (sic) и увѣряли, что видѣли тамъ Хмельницкаго. Другіе утверждали, что ханъ насильно увелъ съ собою Хмельницкаго въ оковахъ, имѣя намѣреніе отмстить ему за посрамленіе и потерю своего войска, такъ какъ онъ отправился въ походъ, полагаясь на ложныя увѣренія Хмельницкаго, будто войско наше весьма слабо и малочисленно. Многіе, подтверждая послѣднее извѣстіе, прибавляли однако какъ достовѣрное свѣдѣніе, что Хмельницкій откупился отъ хана, уплативъ ему 150,000 злотыхъ или талеровъ, вслѣдствіе чего былъ отпущенъ на свободу. Кажется, что нѣчто подобное случилось дѣйствительно; во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что онъ остался въ Украйнѣ и въ Крымъ не поѣхалъ, доказательствомъ этого служатъ универсалы, разосланные имъ изъ Бѣлой-Церкви 2 іюля, т. е. нѣсколько дней спустя послѣ битвы, въ которыхъ онъ зазываетъ разсѣявшихся хлоповъ вновь собираться. Вотъ ихъ подлинный текстъ:

„Богданъ Хмельницкій, гетманъ, съ войскомъ запорожскимъ господамъ полковникамъ: бѣлоцерковскому, винницкому, брацлавскому, уманьскому и паволоцкому добраго здоровья отъ Господа Бога желаемъ. Извѣщаемъ васъ, что по совѣту съ товариществомъ мы рѣшили: немедленно быть на готовѣ и собираться, не откладывая сбора до двухъ или даже до одной недѣли; по-

Библиотека "Руниверс"

тому приказываемъ вамъ стянуть всѣ названные полки къ Бѣлой-Церкви подъ начальство бѣлоцерковскаго полковника, остальные же полки соберутся подъ моимъ начальствомъ у Корсуня. Теперь необходимо намъ принять предосторожности, дабы враги не захватили насъ въ разбродѣ по домамъ. Съ этого времени всѣ извѣстія, какія дойдутъ до васъ, не теряя ни минуты, днемъ и ночью, сообщайте намъ; мы-же, въ свою очередь, будемъ васъ увѣдомлять обо всемъ, что узнаемъ, услышимъ или порѣшимъ въ нашемъ совѣтѣ. Вторично при томъ вамъ напоминаемъ, чтобы вы были на готовѣ и собирались въ одно мѣсто. Орда уже выступила и мы надѣемся, что враги наши не будутъ имѣть успѣха. За симъ поручаемъ васъ покровительству Господня Бога. Дано подъ Бѣлою-Церковью, дня 2 іюля, 1651 года. Богданъ Хмельницкій рукою власною".

Хотя многіе были увѣрены вполнѣ, что Хмельницкій находится въ Крыму, и потому считали эти универсалы подложными и опубликованными исключительно для того, чтобы ввести насъ въ обманъ, но впослѣдствіи истина обнаружилась, когда онъ самъ лично 9-го іюля явился съ нѣсколькими десятками козаковъ въ Любартовъ; вмѣстѣ съ нимъ находилось 2000 татаръ и три мурзы; они расположились лагеремъ у города, но вели себя скромно и смирно. Хмельницкій пообѣдалъ въ городѣ и выѣхалъ изъ него, взявъ съ собою съѣстные припасы, которыми нагрузилъ двѣ повозки.

Описавъ весь ходъ Берестецкой кампаніи и ея послѣдствій, возвращусь къ разсказу о нашемъ походѣ въ Подгорье, который имѣлъ слѣдующій исходъ: выступивъ изъ лагеря 26 іюня, какъ о томъ выше было упомянуто, мы двигались ускореннымъ маршемъ, понуждая къ нему и пѣхоту, для того, чтобы поскорѣе достигнуть Чорштына и потушить намъ вспыхнувшее пламя бунта. Чтобы избѣгнуть замедленія и траты времени на переправахъ въ белзской землѣ, гдѣ онѣ очень многочисленны и трудны, мы, переправившись черезъ Бугъ у Сокаля, раздѣлились на два отряда: мечникъ коронный и староста Сандецкій съ наемнымъ войскомъ отправились по дорогѣ на Нароль, мы-же пошли ближайшимъ путемъ на Любачевъ; мы все болѣе и болѣе ускоряли нашъ походъ, такъ какъ получали частыя вѣсти не только о происках Костки, но и о томъ, что на той границѣ собираетъ войска Сигизмундъ Ракочій, который состоялъ въ связи и съ нашими бунтовщиками и съ Хмельницкимъ. Но какъ его намѣре-

Библиотека "Руниверс"

нія оказались тщетными, такъ и наша поспѣшность, стоившая намъ столько трудовъ, была излишня; ибо, еще до нашего прихода, противъ Костки отправилась пѣхота, находившаяся въ Краковѣ въ качествѣ гарнизона, и рать краковскаго епископа; ему не хватило ни пороху, ни съѣстныхъ припасовъ въ чорштынскомъ замкѣ, и потому горцы, которыхъ 40 человѣкъ, отъявленныхъ разбойниковъ, затворилось вмѣстѣ съ нимъ, потерявъ надежду на спасеніе и получивъ обѣщаніе, что будутъ отпущены на волю, выдали его нашимъ 24 іюня вмѣстѣ съ другими начальниками, которыхъ переписка выше была приведена. Всѣхъ ихъ казнили 18 іюля въ устрашеніе другимъ бунтовщикамъ. Начальникъ, называвшійся Косткою, но въ дѣйствительности бывшій или Паперскимъ или Симеономъ Бзовскимъ, и принявши самозванно титулъ старосты Чорштынскаго, былъ посаженъ на колъ; на допросахъ подъ пыткою онъ показалъ, что онъ принялъ фамилію Костки лишь потому, что воспитывался въ домѣ пановъ Костковъ, дѣйствительная же его фамилія Паперскій, притомъ онъ назвалъ себя незаконнорожденнымъ сыномъ короля. Передъ смертью онъ назвалъ себя Симеономъ Бзовскимъ. Маршалокъ Лептовскій былъ четвертованъ, а ректоръ Щимскій обезглавленъ; тѣло послѣдняго, вслѣдствіе усиленной просьбы его сына, служившаго тогда органистомъ у краковскаго епископа, дозволено было похоронить при церкви св. Катерины, но голову его прибили къ висѣлицѣ, рядомъ съ другими казненными.

Мы очень сожалѣли, что извѣстіе о его поимкѣ сообщено намъ было слишкомъ поздно; ибо мы напрасно утруждались походомъ и лишены были возможности принять участіе въ битвѣ подъ Берестечкомъ. Желая имѣть по крайней мѣрѣ точныя извѣстія, мы поспѣшили впередъ въ Краковъ, оставивъ свой отрядъ назади; здѣсь извѣстіе вполнѣ подтвердилось. Не имѣя повода далѣе оставаться въ этомъ краѣ, мы переговорили съ краковскимъ епископомъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ защиты, присутствовали вмѣстѣ съ нимъ на смотру войска, вновь навербованнаго для защиты краковскаго воеводства, и затѣмъ отправились назадъ въ Кальбушовую, намѣреваясь оттуда отправиться обратно въ лагерь, оставивъ лишь пѣхоту, которая была сильно утомлена. Но здѣсь мы получили письма, извѣщавшія насъ о томъ, что войско пошло въ Украйну, что дворянскія ополченія разбрелись по домамъ и что король возвратился въ Варшаву; вслѣдствіе этого мы и отказались отъ предположеннаго похода.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ войско наше, разставшись съ королемъ, отправилось въ Украйну; но оно двигалось весьма медленно и съ большими затрудненіями, такъ какъ постоянно падалъ дождь, переправы оказались вездѣ плохія и испорченныя, лошади были изнурены и страшно страдали отъ оводовъ. Едва 30 іюля войско достигло Лабуни, но городъ этотъ и замокъ въ немъ были сожжены раньше. Во время этого похода наемныя хоругви поступали весьма своевольно и, желая вознаградить себя за то, что не получали жалованья отъ Рѣчи Посполитой, онѣ страшно грабили и опустошали мѣстности, по которымъ проходили.

Между тѣмъ литовскій гетманъ, князь Радзивиллъ, побуждалъ настоятельными письмами вождей нашихъ, чтобы они поскорѣе двигались къ Кіеву; онъ извѣщалъ ихъ о значительной побѣдѣ, одержанной имъ надъ козаками и о томъ, что онъ приблизился къ Кіеву, надѣясь рѣшительно одержать верхъ въ случаѣ, если оба войска соединятся. Но наше войско не могло ускорить своего движенія какъ по вышеприведеннымъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе сильнаго голода, господствовавшаго въ томъ краѣ.

Хлопы украинскіе, ускользнувъ отъ опасности, разбрелись по домамъ своимъ; они совершенно пали духомъ и въ первое время готовы были отказаться отъ всякихъ бунтовъ и своеволія и стали подчиняться панамъ и ихъ прикащикамъ и управляющимъ и исполнять свои повинности; но когда они узнали, что шляхтичи разъѣхались по домамъ, что король, одно имя котораго наводило на нихъ страхъ, оставивъ войско, возвратился въ Варшаву, и что войско наше едва двигается черепашьимъ ходомъ, они немедленно стали опять помышлять о бунтѣ, вождей нашихъ и войско безъ короля они презирали, управляющихъ стали прогонять, распоряженія ихъ и письменныя инструкціи рвали, отъ исполненія повинностей отказывались и, побуждаемые универсалами Хмельницкаго, стали вновь собираться толпами.

Августа 20. Въ этотъ день, послѣ кратковременной болѣзни, скончался въ лагерѣ доблестный рыцарь князь Іеремія-Михаилъ Вишневецкій, воевода русскій, мужъ для отечества полезный во всякое время, но преимущественно теперь, для текущей кампаніи; все войско о немъ глубоко сожалѣло и, если-бы это было возможно, готово было бы собственною кровію искупить его кончину.

Августа 21. Я пріѣхалъ въ свое имѣніе Закоморье, которое сильно опустошили и враги и собственные наши солдаты: я про-

Библиотека "Руниверс"

жилъ здѣсь нѣсколько дней. Въ это время я ѣздилъ въ Берестечко, для того чтобы осмотрѣть мѣстность, прославившуюся столь важными битвами и побѣдою; я видѣлъ непріятельскіе окопы, весьма крѣпкіе какъ вслѣдствіе мѣстоположенія, такъ и по возведеннымъ фортификаціямъ. Затѣмъ я посѣтилъ Броды, резиденцію покойнаго великаго гетмана Конецпольскаго; городъ сожженъ до основанія; остался только замокъ, укрѣпленный на подобіе голландскихъ крѣпостей и превосходящій всѣ другіе замки роскошью украшеній. Въ минувшіе годы крѣпость эта выдержала въ теченіи 12 недѣль осаду отъ 36,000 козаковъ и успѣшно ихъ отразила. Видѣлъ я также мѣстечко Лесневъ, оно все обращено было въ пепелъ татарами, когда они въ первый разъ шли аттаковать наше войско. Съ глубокимъ сожалѣніемъ осматривалъ я Подгорцы, славившіяся нѣкогда во всей Польшѣ крѣпостью и прекраснымъ дворцемъ, украшеннымъ фонтанами, гротами и каскадою. Дворецъ этотъ выстроилъ гетманъ Конецпольскій, предназначая его служить мѣстомъ отдыха послѣ утомительныхъ военныхъ походовъ и другихъ услугъ Рѣчи Посполитой. Мысль эту онъ выразилъ въ слѣдующей надписи, изсѣченной на мраморной доскѣ, помѣщавшейся надъ воротами:

Sudaris Martis—victoria
Victoriae—triumphus
Triumphi praemium—quies [1]).

Теперь все это разрушено и испорчено бѣшенствомъ разъяренныхъ хлоповъ.

Сентября 4. Относительно войска нашего и его похода въ Украйну ничего существенно важнаго не случилось въ теченіи цѣлаго мѣсяца; все это время оно двигалось впередъ крайне медленно по выше указаннымъ причинамъ. Враги сразу смутившіеся не только ободрились въ это время, но успѣли вновь скопить значительныя силы, такъ что они были въ состояніи вести не только оборонительную, но и наступательную войну. Правда на первыхъ порахъ они потерпѣли неудачу: не зная о томъ, что литовское войско выступило изъ Кіева для соединенія съ войскомъ коронымъ, непріятель отправилъ 3,000 отборной конницы къ Кіеву сухимъ путемъ и столько-же водою съ порученіемъ оттѣснить

[1]) „Награда трудовъ военныхъ—побѣда, побѣды—тріумфъ, тріумфа-же—отдыхъ“ Подгорцы и Лесневъ мѣстечка въ злочевскомъ округѣ въ Галиціи.

Библиотека "Руниверс"

литовское войско отъ Кіева, или по крайней мѣрѣ нанести ему чувствительный уронъ. Нашъ передовой отрядъ натянулся на тѣхъ козаковъ, которые двигались сухимъ путемъ и разбилъ ихъ столь основательно, что немногіе только успѣли спастись; такая-же участь постигла и тотъ отрядъ, который плылъ по Днѣпру. Однако эта потеря была незамѣтна при многолюдствѣ враговъ, которые собирались большими толпами и съ той стороны Днѣпра и со всей Украйны. Впрочемъ самыя упорныя волненія и бунты своевольныхъ хлоповъ происходили по обыкновенію въ Брацлавщинѣ вслѣдствіе подстрекательства Богуна; здѣсь, на берегахъ Днѣстра, скопища безчинствовавшихъ опрышковъ (разбойниковъ) не дозволили возвратиться никому изъ нашихъ. Александренко и Чугай[1]), истребивъ шляхтичей въ окрестности Бара, сожгли въ этомъ городѣ замокъ, экономію и даже скирды хлѣба въ полѣ и затѣмъ, собравъ 10,000 людей, отправились къ своему войску. Чугай былъ убитъ случайно выстрѣломъ, который въ знакъ привѣтствія выпалилъ одинъ изъ хлоповъ, но Александренко, принявъ начальство надъ всѣмъ скопищемъ, расположился лагеремъ у Брацлава, разослалъ разъѣзды во всѣ стороны, занялъ волости: Багрыновцы, Ваньковцы, Дубовую и другія помѣстья въ той мѣстности; козаки воспользовались помѣщичьими житницами, шляхту ограбили и истребили. Притомъ среди хлоповъ были распространены универсалы Хмельницкаго, въ которыхъ онъ приглашалъ ихъ обрабатывать и обсѣменять всѣ поля, утверждая, что ляхи находятся у него въ рукахъ, что уже нѣсколько недѣль назадъ къ нему пришло много татаръ. Господарь извѣщалъ насъ обо всемъ этомъ, равно какъ и о намѣреніи хана выступить въ походъ со всею ордою; онъ совѣтовалъ кастеляну краковскому кончать войну скорѣе, предостерегая, что въ Украйнѣ, особенно около Уманя, происходитъ наборъ лошадей для татаръ.

Вслѣдствіе того, что враги успѣли собрать значительныя силы и получили помощь отъ татаръ, наше войско, углубившись въ страну, столь отдаленную, очутилось какъ-бы въ осадѣ; враги захватили всѣ дороги и пути сообщенія, прервали всѣ сношенія, безпокоили нашихъ частыми стычками и произвели въ войскѣ нестерпимый голодъ, не допуская въ лагерь подвоза припасовъ. Хлопы въ селахъ и мѣстечкахъ вездѣ насмѣхались надъ нашими, восклицая: „ляхи отрѣзали насъ отъ Днѣпра, а мы ихъ отъ Вислы!“

[1]) Въ подлинникѣ имя этого предводителя названо разъ Чугай, другой разъ Чуйко.

Библиотека "Руниверс"

Паны гетманы, видя, что войска его королевской милости и Рѣчи Посполитой сильно страдаютъ какъ отъ безпрестанныхъ стычекъ съ врагами, такъ и отъ голода, что силы враговъ постоянно увеличиваются подходящими къ нимъ отрядами козаковъ, и татаръ (въ лагерѣ Хмельницкаго у Бѣлой-Церкви находилось уже 160,000 козаковъ и 10,000 татаръ подъ начальствомъ Карашъ-мурзы и Мехметъ-мурзы), что всѣ пути ими заняты, наши-же не имѣютъ надежды ни на какія подкрѣпленія, старались изъискивать всѣ средства для того, чтобы покончить дѣло или сраженіемъ или договоромъ на приличныхъ условіяхъ. Враги, какъ казалось, также склонялись къ переговорамъ, но тѣмъ не менѣе они не пропускали малѣйшаго случая для того, чтобы нанести уронъ нашему войску. Наконецъ Хмельницкій прислалъ трехъ козаковъ къ краковскому кастеляну, предлагая ему отправить довѣренное лице для переговоровъ объ условіяхъ мира съ его писаремъ Выговскимъ. Гетманъ отправилъ пана Маховскаго.

Сентября 11. Литовское войско подошло къ коронному и остановилось въ четверти мили отъ него, впослѣдствіи-же оно съ нимъ соединилось. Вечеромъ возвратился отъ Хмельницкаго панъ Маховскій; козаки просили, чтобы гетманы назначили комисаровъ для веденія съ ними приговоровъ; при чемъ Хмельницкій и полковники принесли клятву, что они будутъ соблюдать международное право и обезпечатъ безопасность комисаровъ; они просили послѣднихъ пріѣхать въ Бѣлую-Церковь ради собственной безопасности и не совѣтовали вести переговоровъ въ полѣ, опасаясь нападенія на комисаровъ отъ своевольныхъ татаръ.

Сентября 18. Отправились въ качествѣ комисаровъ: воеводы Адамъ Кисѣль кіевскій и Лебовичъ смоленскій, также стольникъ литовскій Гонсевскій и подсудокъ брацлавскій Коссаковскій въ сопровожденіи 500 драгунъ и двухъ полковъ кавалеріи; но конвой этотъ возвратился изъ Бѣлой-Церкви.

Переговоры продолжались въ теченіи двухъ дней; согласились на нѣсколько условій, а именно: что Хмельницкій уплотитъ нашему войску жалованье за нѣсколько четвертей года, что козаковъ останется въ регистрѣ только 12,000, что Хмельницкій останется гетманомъ по прежнему. Условія эти вызвали среди козаковъ большое волненіе. Чернь вознегодовала на Хмельницкаго: „ты пріобрѣлъ славу и богатство *нашими головами*, говорили они, *теперь еднаешся* (миришься), изъ регистра насъ исклю-

Библиотека "Руниверс"

чаешь, *ляхамъ насъ подаешь* [1]), они сядутъ намъ на шею и т. п.“ Когда они наконецъ притихли, коммисары наши въ среду, на канунѣ дня св. Матѳея, собрались ѣхать въ свой лагерь, для утвержденія предположенныхъ условій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ числа козацкой старшины. Но едва обозъ коммисаровъ выступилъ изъ города, козаки и татаре напали на возы, разграбили ихъ и все бывшее въ нихъ имущество расхитили; при этомъ убили до 30 товарищей, въ томъ числѣ и члена коммисіи пана Нагорецкаго, многихъ челядинцевъ захватили въ плѣнъ. Коммисары уже было тронулись въ путь вслѣдъ за обозомъ, когда получили извѣстіе о томъ, что творится впереди. Немедленно Выговскій и два полковника отвели ихъ обратно въ замокъ и отправились унимать буйство. Хлопы едва не вломились въ замокъ вслѣдъ за коммисарами и стали вынимать палисады; но по ту сторону частокола размѣщены были нѣсколько сотенъ регистровыхъ козаковъ, которые стали отражать нападавшихъ хлоповъ и рубили имъ руки при палисадѣ.

Когда это происходило въ Бѣлой-Церкви, оба войска наши перешли черезъ рѣчку Ольшанку; тотчасъ 1,000 татаръ подъѣхали подъ нашъ лагерь и нанесли намъ значительный уронъ, захвативъ многихъ солдатъ возвращавшихся съ провіантомъ. Въ то-же время прибѣжалъ одинъ рядовой изъ Бѣлой-Церкви съ извѣстіемъ, что коммисары находятся въ крайней опасности, ибо разъяренная чернь штурмомъ желаетъ добыть ихъ изъ замка и несомнѣнно она-бы ихъ разнесла саблями, если-бы не прибѣжалъ самъ Хмельницкій съ полковниками и не приказалъ казнить тутъ-же 15 человѣкъ черни. Гетманы и войско были опечалены этимъ извѣстіемъ и стали обдумывать различныя средства для освобожденія ихъ. Уже склонялись къ тому предложенію, чтобы всю конницу направить на Бѣлую-Церковь съ тѣмъ, чтобы или освободить коммисаровъ, или вмѣстѣ съ ними сложить головы. Одинъ только кастелянъ краковскій полагалъ, что нужно повременить. Въ это время пришло извѣстіе, что коммисары уже возвращаются, но что орда ихъ преслѣдуетъ и что они просятъ подать имъ помощь, какъ можно скорѣе. Немедленно ударили въ гетманскіе котлы, войско поспѣшно вскочило на коней и выступило въ поле. Но было уже поздно, ибо всѣ экипажи коммисаровъ были уже разграблены: воевода смоленскій и стольникъ литовскій лишились

[1]) Подчеркнутые слова въ подлинникѣ по русски.

Библиотека "Руниверс"

денегъ болѣе, чѣмъ на 100,000 злотыхъ, воевода-же кіевскій и подсудокъ брацлавскій болѣе, чѣмъ на 30,000.

Сентября 21. Въ день св. Матѳея возвратились коммисары наши въ лагерь подъ эскортою нѣсколькихъ тысячъ регистровыхъ козаковъ; вмѣстѣ съ ними Хмельницкій прислалъ Гладкого и еще кого-то другого (Москаленка) для окончательнаго утвержденія условленнаго договора. Но когда пришлось обсуждать его статьи въ палаткѣ кастеляна краковскаго, въ присутствіи гетмановъ, сенаторовъ и полковниковъ, то собралась въ палаткѣ большая толпа товарищей и среди нихъ поднялся шумъ и ропотъ. Гетманъ литовскій (кн. Янушъ Радзивиллъ), нашъ польный гетманъ (Калиновскій) и все войско протестовали противъ статей договора и негодовали за оскорбленіе нашихъ коммисаровъ. Когда кастелянъ краковскій предложилъ сѣсть козацкимъ посламъ, то польный гетманъ вскричалъ: „я приказалъ уже приготовить колы, на которыхъ они будутъ посажены, здѣсь-же среди насъ они недостойны сидѣть!“ Такимъ образомъ переговоры не состоялись; войско должно было двинуться въ походъ къ Бѣлой-Церкви. Когда оно уже остановилось въ виду этого города, прибыло посольство къ краковскому кастеляну отъ Хмельницкаго, спрашивая, почему онъ приблизился съ войскомъ къ городу, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляя, что запорожское войско не можетъ согласиться на предварительныя условія договора и требуетъ возстановленія статей договора зборовскаго.

Сентября 23. Въ виду ихъ двоедушія, кастелянъ краковскій расположилъ войско въ боевой строй такой же, каковъ былъ у насъ въ битвѣ у Берестечка; надъ правымъ крыломъ, которому угрожала самая большая опасность, ибо впереди его находились пасѣки, рвы и болота, принялъ начальство князь гетманъ литовскій, лѣвое крыло было подъ начальствомъ польнаго гетмана, центромъ-же командовалъ кастелянъ краковскій вмѣстѣ съ писаремъ польнымъ Пржыемскимъ. Козаки, которыхъ Хмельницкій угостилъ водкою, вышли въ поле вмѣстѣ съ татарами; многіе изъ нихъ наблюдали съ вершины кургановъ за движеніями нашего войска. Кастелянъ краковскій полагалъ, что не слѣдуетъ вступать въ битву; но всѣ другіе были иного мнѣнія. Между тѣмъ войска сошлись такъ близко, что необходимо было начать сраженіе. Шесть хоругвей нашихъ бросились впередъ и врѣзались въ середину непріятелей, за ними бросился съ своимъ полкомъ хорунжій сандомирскій, ему-же доставлялъ подкрѣпленія воевода подольскій.

Библиотека "Руниверс"

Въ то-же время князь гетманъ литовскій наступилъ впередъ весьма быстро правымъ крыломъ; онъ согналъ съ поля враговъ, которые обратились позорно въ бѣгство къ своему табору. Убитыхъ было немного, ибо все дѣло состояло болѣе въ бѣгствѣ, чѣмъ въ сраженіи. Въ этотъ день мы могли одержать если не окончательную, то весьма значительную побѣду, но лѣвое крыло не съумѣло воспользоваться удобнымъ случаемъ, когда литовцы отогнали враговъ отъ болотъ и пасѣкъ на обширную равнину, лежавшую противъ этого крыла.

Сентября 24. Утромъ Хмельницкій прислалъ сказать, что онъ радуется тому, что дѣло обошлось безъ большого кровопролитія; онъ утверждалъ, что вчера противъ насъ выступили только татаре и своевольные люди, которыхъ онъ не могъ удержать; онъ изъявилъ готовность возобновить переговоры. Между тѣмъ около полудня въ поле выступило болѣе 10,000 козаковъ, другіе прокрадывались къ намъ, скрываясь среди болотъ, татаре-же напали сзади на нашъ лагерь, такъ что нашимъ пришлось отражать ихъ. Однако Божіею милостью уронъ нашъ былъ незначителенъ, хотя татаре и захватили многихъ челядинцевъ. Вечеромъ Хмельницкій объявилъ, что завтра начнетъ переговоры.

Сентября 25. Съ утра до вечера происходили постоянныя стычки съ татарами въ разсыпную.

Сентября 26. Опять Хмельницкій прислалъ пословъ, заявляя, что онъ готовъ принять предложенныя коммисарами статьи договора, но только требовалъ, чтобы количество козаковъ было не менѣе 20,000; наши должны были согласиться на это, хотя противъ воли. Притомъ онъ требовалъ, чтобы кастелянъ краковскій уступилъ ему Черкасы и Боровицу; но на это кастелянъ не могъ согласиться безъ соизволенія короля и сейма.

Сентября 28. Взявъ въ качествѣ заложниковъ въ свой таборъ подскарбія литовскаго (Михаила Тризну?) и старосту красноставскаго (Яна Собѣсскаго), Хмельницкій пріѣхалъ въ нашъ лагерь въ сопровожденіи двухъ полковниковъ и Выговскаго; онъ, стоя на колѣнахъ передъ кастелляномъ краковскимъ, просилъ прощенія и благодарилъ за помилованіе. Затѣмъ прочли статьи договора слѣдующаго содержанія:

Статьи договора, заключеннаго съ козаками подъ Бѣлою-Церковью:

1) Козаковъ регистровыхъ полагается 20,000. Они должны жить исключительно въ воеводствѣ кіевскомъ, въ королевскихъ

Библиотека "Руниверс"

имѣніяхъ, и не имѣютъ права селиться въ воеводствахъ брацлавскомъ и черниговскомъ, а также въ помѣстьяхъ частныхъ лицъ, откуда предоставляется право переселиться въ королевскія имѣнія тѣмъ, которые будутъ записаны въ регистръ.

2) Составленіе регистра должно быть кончено къ празднику Рождества Христова. Регистръ, за подписью гетмана, долженъ быть представленъ королю и явленъ въ кіевскія гродскія книги.

3) Войско коронное будетъ занимать квартиры въ воеводствахъ брацлавскомъ и кіевскомъ и не будетъ размѣщаться тамъ, гдѣ живутъ козаки.

4) Помѣщики воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго, равно какъ и старосты могутъ немедленно возвратиться въ свои помѣстья или прислать своихъ управляющихъ и принять въ свое распоряженіе имѣнія и всѣ доходы: корчмы, мельницы и т. п., но они не будутъ требовать податей и даней впредь до составленія регистра, дабы тѣ лица, которыя попадутъ въ регистръ, имѣли время для того, чтобы выселиться и дабы точно опредѣлилось разграниченіе между козаками и подданными.

5) Чигиринъ, согласно выданной королемъ привиллегіи, остается во владѣніи гетмана и его преемниковъ; гетманы козацкіе должны подчиняться верховной власти гетмановъ коронныхъ; они будутъ получать уставныя грамоты и, принимая должность, должны приносить присягу на вѣрность королю. Всѣ полковники и козацкая старшина будутъ назначаться гетманомъ и состоять подъ его властью.

6) Греческая вѣра, исповѣдуемая войскомъ запорожскимъ, остается свободною, согласно съ древними правами; соборы, церкви, монастыри и кіевская коллегія останутся неприкосновенными. Въ случаѣ, еслибы оказалось, что въ смутное время кому-либо были пожалованы церковныя имущества, то такія грамоты теряютъ всякое юридическое значеніе.

7) Общая амнистія дается какъ дворянамъ римскаго и греческаго исповѣданія, принявшимъ сторону козаковъ, такъ и кіевскимъ мѣщанамъ.

8) Евреи имѣютъ право по прежнему проживать и арендовать доходныя статьи въ имѣніяхъ какъ королевскихъ, такъ и шляхетскихъ.

9) Орда, находящаяся нынѣ въ Украйнѣ, должна немедленно удалиться, не причиняя никакого вреда въ областяхъ его королевской милости. Впредь татаре не имѣютъ права останавли-

Библиотека "Руниверс"

ваться на коченья въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой и козацкій гетманъ обѣщаетъ склонить татаръ къ повиновенію волѣ короля. Хмельницкій обязывается за себя и за своихъ преемниковъ не входить никогда въ тайныя сношенія ни съ ордою, ни съ другими сосѣдними народами и монархами и пребывать въ вѣрномъ подданствѣ короля его милости.

10) Такъ какъ козачество никогда не простиралось въ предѣлы великаго княжества литовскаго, то и впредь туда простираться не должно.

11) Такъ какъ Кіевъ есть столица воеводства и мѣстопребываніе суда, то въ городѣ должно быть по мѣрѣ возможности меньше козаковъ зачислено въ регистръ.

Статьи эти для большей вѣры и крѣпости должны быть подтверждены присягою какъ коммисаровъ, такъ и запорожскаго гетмана и старшины, и должны быть точно приведены въ исполненіе.

Послѣ прочета этихъ статей, Хмельницкій исполнилъ присягу. Дай Господи, чтобы онъ ее соблюлъ точнѣе, чѣмъ предшествовавшія!

Послѣ замиренія, коронное войско удалилось немедленно въ назначенныя ему для стоянки мѣста, на которыхъ должно было оставаться впредь до составленія регистра; оно расположилось у Животова, гдѣ назначенъ былъ генеральный смотръ. Литовское войско возвратилось въ Литву. Орда должна была уйти во свояси, а козаки были отпущены по домамъ. На предстоящій сеймъ козаки должны были отправить пословъ съ изъявленіемъ благодарности королю за ихъ помилованіе.

Вышеупомянутый договоръ заключенъ былъ съ козаками на условіяхъ, не отвѣчавшихъ чести и достоинству Рѣчи Посполитой, но вынужденныхъ бѣдственнымъ состояніемъ нашего войска. Тѣмъ не менѣе онъ удовлетворялъ многихъ, особенно тѣхъ, которымъ наскучила война и постоянный сборъ податей на содержаніе войска, и которые, вслѣдствіе этого, желали какъ можно скорѣе заключенія мира, полезнаго какъ для нихъ, такъ и для отечества. Не смотря дѣйствительно на нашу безъурядицу, на малочисленность и страданія войска, договоръ принесъ Рѣчи Посполитой многія выгоды, а именно: 1) помѣщики трехъ воеводствъ: брацлавскаго, кіевскаго и черниговскаго, были освобождены отъ тяжелаго ярма, возложеннаго на нихъ зборовскимъ договоромъ, разрѣшавшимъ записывать въ регистръ козаковъ, жив-

Библиотека "Руниверс"

шихъ въ частныхъ помѣстьяхъ, 2) расторженъ былъ опасный союзъ козаковъ съ татарами, который долженъ окончательно прекратиться въ концѣ декабря, 3) войска наши получили вновь, право квартировать въ трехъ украинныхъ воеводствахъ, котораго лишены были по зборовскому договору, 4) постыдная и позорная граница, признанная по статьямъ того договора, какъ будто отчуждавшая въ пользу козаковъ три воеводства, теперь была уничтожена и предана забвенію.

Впрочемъ большинству дворянъ и самому королю договоръ не особенно понравился; они были недовольны тѣмъ, что булава гетманская была оставлена Хмельницкому, что признано было законнымъ слишкомъ большое число козаковъ, что обязанность уплаты жалованья войску, возложенная въ началѣ на Хмельницкаго, потомъ не состоялась; особенно-же неудовольствіе происходило отъ того, что въ виду столь счастливаго начала кампаніи, надѣялись завершить ее крайне выгодными условіями договора. Впрочемъ, если результатъ не отвѣчалъ надеждамъ, то на то были весьма важныя и многочисленныя причины, а именно: 1) разстроенное здоровье кастеляна краковскаго, вслѣдствіе чего не только военныя дѣйствія не могли быть ведены энергично, но цо временамъ войску угрожала серьезная опасность. 2) Несогласіе вождей, вслѣдствіе котораго въ войскѣ происходили крупные скандалы; ибо польный гетманъ публично оскорблялъ друзей и довѣренныхъ лицъ великаго гетмана, вслѣдствіе чего, что стыдно даже писать, они ругались взаимно матерними словами и хватались за сабли. 3) Войско наше страдало отъ голода, который можетъ безъ битвы привести въ разстройство самыя многочисленныя арміи; въ лагерѣ нашемъ за коровай хлѣба платили по 4 злотыхъ, а за кварту простой водки, если только возможно было ее достать, по 8 злотыхъ. 4) Войско наше, теряя постоянно людей отъ голода и болѣзней, не имѣло надежды на полученіе подкрѣпленій, между тѣмъ какъ таковыя постоянно прибывали къ врагамъ. 5) Большая ошибка сдѣлана была въ выборѣ пути: войско наше попало въ уголъ между рѣками Росью и Руткомъ и не могло оттуда ни возвратиться вспять, ни двинуться впередъ, не подвергаясь большой опасности. 6) Въ помощь козакамъ приближался многочисленный отрядъ орды подъ начальствомъ Нуреддина и находился уже у Корсуня. 7) Существовало постоянное опасеніе, что литовское войско, соскучившись вслѣдствіе голода, недостатка и безъурядицы нашей, оставитъ насъ и

Библиотека "Руниверс"

возвратится домой. Литовцы открыто говорили своему гетману, князю Радзивиллу: „напрасно ты привелъ насъ сюда смотрѣть на безначаліе“! Князь едва могъ обуздать неудовольствіе, прибѣгая къ неимовѣрной скромности и вѣжливости; онъ упрашивалъ ихъ успокоиться такъ, какъ будто онъ былъ не вождь, а рядовой воинъ. Вообще о князѣ Радзивиллѣ всѣ отзывались съ похвалою: указывали на его выдающійся умъ въ военныхъ совѣтахъ, на образцовую скромность, на умѣнье удержать среди солдатъ дисциплину и повиновеніе, на несокрушимое мужество въ битвѣ и искреннюю преданность благу Рѣчи Посполитой. Качества эти онъ заявилъ въ дѣлѣ, бывшемъ въ субботу (23 сентября), о которомъ упомянуто выше: князь настаивалъ на необходимости вступить въ сраженіе, атаковалъ храбро непріятеля, принудилъ его очистить поле битвы и вѣроятно уничтожилъ-бы окончательно его силы, еслибы наше войско его поддержало. Но онъ убѣдился въ нашей вялости, и потому на слѣдующій день, когда его спросили въ совѣтѣ: слѣдуетъ-ли продолжать начатые переговоры или нѣтъ, онъ отвѣтилъ: „еслибы вчера я убѣдился въ исправности и мужествѣ короннаго войска, то я предпочелъ-бы сражаться, но замѣтивъ въ немъ лишь безпорядокъ и апатію, я, по чистой совѣсти, могу вамъ совѣтовать лишь переговоры о мирѣ“. 8) Обстоятельство, вызвавшее также уступчивость съ нашей стороны, заключалось въ состояніи погоды: дождь и слякоть, продолжавшіеся безпрерывно въ теченіи трехъ сутокъ, до того были вредны для войска, что въ одну ночь умерло до 300 человѣкъ изъ иностранныхъ наемныхъ полковъ, остальные-же иностранцы, не будучи въ состояніи долѣе выносить нестерпимаго голода и слякоти, стали перебѣгать къ врагамъ. 9) Наконецъ, совершенное почти отсутствіе управленія, этой души военнаго дѣла, проявилось въ такой-же мѣрѣ, какъ и въ предшествовавшихъ событіяхъ, и войско дѣйствовало скорѣе на угадъ по волѣ судьбы, чѣмъ по разумно обдуманному плану. 10) Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ причинъ сдѣлана была самая крупная ошибка: въ субботу не послѣдовало рѣшительнаго сраженія, которое могло-бы увѣнчать и закончить кампанію полнымъ успѣхомъ. Сами враги впослѣдствіи сознавались, что когда войско наше въ этотъ день двинулось въ атаку, построенное въ такомъ-же порядкѣ, какъ у Берестечка, по совѣту и стараніями польнаго писаря Пржыемскаго, то всѣ хлопы, объятые страхомъ, бросились въ бѣгство; даже полковники стали отступать за Рось

Библиотека "Руниверс"

и самъ Хмельницкій сильно струсилъ. Любимецъ его Выговскій говорилъ: „мы хотѣли бѣжать, подобно тому, какъ бѣжали у Берестечка, но Господь вамъ отнялъ разумъ".

И такъ, принявъ во вниманіе всѣ перечисленныя обстоятельства, мы должны воздать благодарность Господу за то, что онъ дозволилъ намъ заключить миръ и охранилъ насъ и Рѣчь Посполитую отъ окончательной гибели, которая могла послѣдовать вслѣдствіе нашего неустройства.

Октябрь доказалъ намъ, что на столько-же легко, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заключить договоръ, на сколько потомъ трудно и тягостно удержать оный и исполнить, когда для этого потребуется нѣкоторое время и когда минуетъ угрожавшая опасность. Примѣръ этого явилъ Хмельницкій, который, показывая полную готовность исполнить подтвержденныя его присягою статьи договора, сталъ ихъ толковать на свой ладъ, согласно съ своими интересами. Онъ сообщилъ пану Маховскому, отправленному къ нему изъ лагеря, что онъ разрѣшаетъ войску занять квартиры въ брацлавскомъ воеводствѣ, но ограничилъ право сбора провіанта и прибавилъ условіе, чтобы солдаты вели себя во всѣхъ отношеніяхъ скромно и сдержанно. Тягостно показалось вождямъ и войску отъ подданнаго получать ограниченія и предписанія, но, уступая тяжелой необходимости и не желая нарушать изъ-за мелочи заключеннаго договора, они подчинились. Войско было распредѣлено въ Украйнѣ по селамъ и мѣстечкамъ, начиная съ Савраня по всей почти Уманьщинѣ; оно, согласно съ требованіемъ Хмельницкаго, получило право на сборъ самаго ничтожнаго провіанта. Панъ Маховскій привезъ еще и другую, болѣе серьезную и тревожную новость, что Хмельницкій намѣренъ отправить своего сына Тимоша съ частью войска въ Молдавію, для бракосочетанія съ дочерью молдавскаго господаря, согласно съ обѣщаніемъ, полученнымъ отъ послѣдняго; съ Тимошемъ онъ рѣшилъ отправить и татаръ, кочевавшихъ на Капустяной долинѣ у Корсуня, и назначилъ время сбора въ походъ черезъ двѣ недѣли. Кастелянъ краковскій, убѣжденный въ томъ, что это предпріятіе клонится къ большой невыгодѣ и опасности для Рѣчи Посполитой, не распустилъ войска на квартиры, но остановилъ его въ сборѣ у Махновки подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Брацлавщинѣ не прекратились еще крестьянскія волненія. По причинѣ тяжелой болѣзни онъ сдалъ начальство польному гетману, самъ же 22 октября уѣхалъ для возстановленія совершенно разстроеннаго

Библиотека "Руниверс"

здоровья въ Хмѣльникѣ. Бунты не унялись и за Днѣпромъ, гдѣ хлопы продолжали своевольничать и, не обращая вовсе вниманія на универсалы Хмельницкаго и на его приставовъ, похвалялись выбрать другого гетмана и никого изъ нашихъ не пропускали за Днѣпръ, если-жо кто-либо отваживался переѣзжать туда, то его убивали.

Ноября 20. Скончался въ Хмельникѣ кастелянъ краковскій послѣ продолжительной болѣзни, оставивъ свободное поле для соисканельства лицамъ, желавшимъ воспользоваться оставшимися послѣ его смерти вакантными должностями. При дворѣ долго колебались и отстрачивали ихъ раздачу, но наконецъ преимущество было оказано тѣмъ, которые съ своей стороны предложили болѣе возмездія. Должность краковскаго кастеляна была предоставлена воеводѣ мазовецкому Варшицкому, несмотря на то, что по общественному мнѣнію право на нее имѣлъ краковскій воевода. Барское староство передано князю Богуславу Радзивиллу, люблинское—кастеляну сендомирскому Витовскому подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ недавно оказалъ значительную услугу, принявъ на себя должность посланника въ Москву; но въ дѣйствительности его успѣху гораздо болѣе споможествовало то обстоятельство, что онъ поднесъ въ подарокъ королю 15,000 червонцевъ. Нѣжинское староство предоставлено маршалу коронному (Любомирскому), булаву-же гетмана великаго король пока оставилъ при себѣ до дальнѣйшаго усмотрѣнія. Другія, мелкія доходныя мѣста покойника оставлены были его наслѣдникамъ для того, чтобы помочь имъ уплотить выкупъ, не выплаченный еще татарамъ за его освобожденіе изъ плѣна.

Декабря 15. Между тѣмъ изъ Украйны получались постоянно новыя вѣсти о томъ, что козаки и хлопы не смирились, но безпрестанно возобновляли попытки къ бунтамъ и волненію; они не только продолжали къ намъ относиться враждебно, но производили безпорядки и въ собственной средѣ: такъ они убили бѣлоцерковскаго полковника Громыку, пытавшагося усмирить ихъ своеволіе, а также многихъ другихъ лицъ, желавшихъ прекращенія бунта. Своевольники жившіе за Днѣпромъ, избрали себѣ новаго гетмана, нѣкоего Вдовиченка и вчали междоусобіе. Но Хмельницкій энергически отстоялъ свое положеніе и авторитетъ своей власти и казнилъ до двадцати бунтовщиковъ. Въ виду этихъ событій нашъ польный гетманъ, который вслѣдствіе смерти гетмана великаго принялъ верховное начальство надъ войскомъ, не полагаясь на

Библиотека "Руниверс"

строгія мѣры, принятыя Хмельницкимъ и опасаясь, чтобы волненіе, вспыхнувшее между козаками, не разразилось неожиданно бѣдствіемъ для Рѣчи Посполитой, приказалъ немедленно всему войску, расположившемуся было уже на квартирахъ, собираться въ лагерь, назначивъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ полковъ мѣстечко Животовъ; онъ такимъ образомъ принялъ мѣры для того, чтобы всякое возможное, но непредвидѣнное событіе не застигло его въ расплохъ.

Библиотека "Руниверс"

Письмо кн. Н. В. Репнина къ императору Николаю Павловичу

(по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній).

Всемилостивѣйшій Государь!

При тягостныхъ событіяхъ отечества нашего, обращающихъ на себя всепопечительное вниманіе вашего императорскаго величества, не дерзнулъ-бы я обременять васъ новымъ представленіемъ моимъ, еслибы не вынужденъ къ тому былъ крайнимъ положеніемъ малороссійскихъ губерній и не побужденъ къ сему священною волею вашего императорскаго величества, чтобы правда невозбранно достигала подножія престола вашего. Я ручался вамъ, всемилостивѣйшій государь, въ первыхъ дняхъ сего года, что ни какіе происки людей злонамѣренныхъ не могутъ нарушить законнаго порядка Малороссіи и что здѣшнее дворянство, гордясь принадлежать вамъ, какъ государю твердому, справедливому и дѣятельному, уповаетъ на милосердіе ваше и въ васъ единомъ находитъ залогъ благоденствія и спокойствія отечества; я утверждалъ тоже, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту отечества, и, къ счастью моему, событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое. Но въ тоже время, всемилостивѣйшій государь, исполнилъ я долгъ правды и чести, обращая отеческое вниманіе вашего императорскаго величества на тягостное положеніе малороссійскихъ поселянъ, а черезъ то и дворянства, и въ отношеніи моемъ къ генералу Бенкендорфу, отъ 19 генваря, не льстилъ, яко царедворецъ, но смѣло говорилъ, что побужденіе мѣстнаго начальства къ платежу податей, несоразмѣрныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы неурожайные и общихъ несчастій возраждаютъ ропотъ на правительство, и что нищета и скорбь производятъ часто въ

Библиотека "Руниверс"

простолюдинахъ тѣже преступныя дѣйствія, какія возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей, ложно образованныхъ.

Ваше императорское величество услышали мольбу подданнаго и истинно вамъ преданнаго, козакамъ простили милліоны и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе ваше исполнилось: полмилліона подданныхъ вашихъ счастливы и съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное имя ваше; казеннымъ крестьянамъ предстоитъ таже надежда на милосердіе, чрезъ представленіе г-ну министру войти въ положеніе ихъ; въ сложеніи-же недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ комитетъ гг. министровъ положилъ рѣшительно отказать, но взысканіе сіе производить съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однакожъ мѣры сего снисхожденія, слѣдовательно дѣлая сіе невозможнымъ для мѣстнаго начальства и обвиненныхъ тѣмъ-же положеніемъ комитета гг. министровъ въ упущеніи и послабленіи! Трудно мнѣ, всемилостивѣйшій государь, оправдать себя и подчиненныхъ мнѣ, ибо на сіе положеніе комитета гг. министровъ послѣдовало уже высочайшее вашего императорскаго величества утвержденіе, и сверхъ того г. министру финансовъ угодно было сдѣлать изъ ходатайства моего о нуждахъ общихъ дѣло частное; но я измѣнилъ-бы вамъ, всемилостивѣйшій государь, и отечеству, еслибы умолкъ, предвидя стонъ шести сотъ тысячъ вашихъ подданныхъ, и разрывъ той связи народа, на коей обезпечено доселѣ спокойствіе Имперіи. Основываясь на свѣдѣніяхъ положительныхъ и на коренныхъ законахъ, осмѣливаюсь я изложить оправданіе наше въ прилагаемой у сего запискѣ, а здѣсь, всемилостивѣйшій государь, представляю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества важнѣйшую причину испрашиваемаго милосердія.

Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (поспольство) мало чѣмъ различествовали отъ козаковъ и коль скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе, покуда пользовались правомъ вольнаго перехода до 1783 года; но въ сіе время порабощены они происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ щастіемъ родины для собственныхъ выгодъ. Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти къ козакамъ; но сіи вредныя для общаго спокойствія чувства не усугубятся-ли въ помѣщичьихъ кресть-

Библиотека "Руниверс"

янахъ, когда увидятъ они милосердіе вашего императорскаго величества оказанное козакамъ и попеченіе правительства о собратіяхъ ихъ, казнѣ принадлежащихъ, а на себѣ почувствуютъ всю строгость тягостнаго взысканія податей и недоимокъ?!.. Не покажется-ли имъ рабство ихъ еще тягостнѣе прежняго, не станутъ-ли они проклинать своихъ владѣльцовъ, служащихъ для нихъ, какъ будто преградою отеческаго милосердія вашего императорскаго величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ вашимъ? Наконецъ отобраніемъ дворянскихъ имѣній въ опекунское управленіе и, вслѣдствіе закона, не только удаленіемъ помѣщиковъ изъ ихъ помѣстій на многіе годы, но и запрещеніемъ слушаться ихъ распоряженій, не разрушаетъ-ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцовъ съ ихъ крестьянами?

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, уповаю, донесъ вашему императорскому величеству, что распоряженія о взысканіи недоимокъ по обѣимъ малороссійскимъ губерніямъ сдѣланы мною еще 18 истекшаго мѣсяца, слѣдовательно я не умедлилъ исполнить высочайше утвержденное положеніе комитета гг. министровъ; но признаюсь вамъ, всемилостивѣйшій государь, что я долго колебался обременять ваше императорское величество симъ представительствомъ моимъ, боясь, чтобы оное, по заключенію г. министра финансовъ, не почлось искательствомъ собственныхъ выгодъ; но совѣсть моя не укоряетъ меня въ сей подлости, ни предъ Богомъ, ни предъ вами, ни предъ честью, и я рѣшился исполнить долгъ вѣрности и ходатайствовать въ послѣдній разъ у милосердія вашего императорскаго величества о помощи порученныхъ управленію моему, съ тою откровенностію, правда, которую я всегда дерзалъ имѣть въ донесеніяхъ вашему императорскому величеству. Можетъ быть иные осудятъ меня за сію дерзость; но могу-ли я страшиться послѣдствій, предавъ судьбу и честь мою въ непосредственную защиту вашего императорскаго величества? Справедливость ваша, всемилостивѣйшій государь, взвѣситъ сорокалѣтнюю службу мою, непоколебимую во время оной вѣрность мою Отцу, Брату и вамъ,—терпѣніе, съ коимъ она побуждала меня переносить многія оскорбленія, правду, съ которою осмѣливался я всегда излагать донесенія мои, бескорыстіе въ мѣстахъ, въ коихъ зависѣли отъ распоряженій моихъ многіе милліоны, отчужденіе себя отъ всякихъ происковъ и связей, не разлучныхъ съ высшими званіями въ государствѣ, наконецъ единое упованіе на справедливость и защиту вашу. Вы взвѣсите все сіе, всеми-

Библиотека "Руниверс"

лостивѣйшій государь, съ обвиненіемъ меня, и уповаю, ваше императорское величество удостовѣритесь, что я никогда не ограждалъ себя отъ дѣйствій силы закона, но напротивъ былъ всегда ревностнымъ блюстителемъ общаго порядка. Таже справедливость и прозорливость, всемилостивѣйшій государь, оправдаетъ жену, о коей я съ гордостью скажу, что жизнь ея не безполезна отечеству, и ваше императорское величество удостовѣритесь, что если расчесть недоимку, крестьянами ея невыплаченную, по числу душъ, то они ни чѣмъ болѣе другихъ не виновны, и что г. министръ финансовъ ошибается, почитая богатѣйшею помѣщицею владѣтельницу, хотя тринадцати тысячъ душъ крестьянъ, но изъ коихъ пять тысячъ совершенно нищихъ, не дающихъ ей ни одной копѣйки дохода, три тысячи едва усмиренныхъ мятежниковъ нижегородской губерніи и пять тысячъ скудныхъ, и которые она получила отъ родителей своихъ въ наслѣдство съ двумя милліонами восемью стами тысячъ долгу.

Тяжко мнѣ обременять ваше императорское величество частнымъ дѣломъ въ то время, когда благотворное сердце ваше скорбитъ о испытаніяхъ судьбами Всевышняго, на отечество наше налагаемыхъ; но я вынужденъ къ тому, всемилостивѣйшій государь, ибо, оправдая себя, могу только вновь пріобрѣсти довѣріе вашего императорскаго величества, лишась коего, не полезенъ уже буду для службы и чести государства и порученной надзору моему странѣ,—напротивъ совершенно вреденъ. Не могу помыслить, чтобы сіе несчастіе было для меня невозвратно и если польза государства побудитъ ваше императорское величество смѣнить меня въ мѣстѣ, нынѣ мною пятнадцать лѣтъ занимаемомъ, то милосердіе ваше, всемилостивѣйшій государь, навѣрно не откажетъ мольбѣ моей,—употребить меня на защиту отечества въ степени хотя гораздо ниже той, на которую возвела меня благость вашего императорскаго величества. Истинно русскіе должны нынѣ окружать престолъ вашъ и съ вѣрностію и съ восторгомъ принесть въ жертву отечеству жизнь, достояніе и честолюбіе. Скажу, что таковымъ я былъ и до конца дней моихъ пребуду съ благоговѣніемъ навсегда, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный

Князь Николай Репнинъ.

31 іюля 1831 года.

Библиотека "Руниверс"

Приведенный документъ, взятый „во время оно“ изъ домашняго хранилища наслѣдниковъ князя Николая Васильевича Репнина, въ Яготинѣ, В. А. Животовскимъ и переданный мнѣ, сохранялся у меня не одинъ десятокъ лѣтъ. Изъ прочтенія недавно изданнаго, цѣннаго труда М. К. Чалаго: „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“ (стр. 41) выясняется обликъ и духовный складъ двухъ лицъ: князя Н. В. Репнина и его дочери Варвары Николаевны, аристократовъ по происхожденію и по существу. Счастливая и богато одаренная семья! Среди окружающей тьмы панскаго „мочемордія“, среди животнаго мракобѣсія, какъ ярко свѣтящія солнца блистали эти два лица семьи, именитой въ краѣ. Князь Николай Васильевичъ былъ малороссійскимъ губернаторомъ, имѣя въ своемъ управленіи губерніи черниговскую и полтавскую, которыя одни тогда назывались малороссійскими, и оставилъ по себѣ самую свѣтлую память. Прочитавъ приведенное письмо его къ государю Николаю Павловичу, кто не усмотритъ въ немъ истинно государственнаго человѣка, кто не оцѣнитъ его заботливости о нуждахъ края, его прямоты, съ которою онъ высказываетъ истину строгому государю, и смѣлости, съ которою онъ идетъ противъ цѣлой партіи приближенныхъ государя? Испросивъ прощеніе недоимокъ козакамъ и казеннымъ крестьянамъ, Репнинъ настаиваетъ на сложеніи недоимокъ съ крестьянъ помѣщичьихъ, не смотря на брошенный въ него укоръ въ своекорыстіи. То были дѣйствительно тяжкія времена едва оконченныхъ двухъ войнъ, послѣдовавшихъ за ними чумы, холеры и голода и начавшагося польскаго возстанія. Чуткая къ бѣдствіямъ народа душа князя спѣшитъ къ нему на помощь, рискуя всею своею карьерою. Но не однимъ этимъ драгоцѣнно приведенное письмо его: оно приподнимаетъ завѣсу съ неутвердившагося еще въ лѣвобережной Украйнѣ крѣпостничества, указываетъ на господствовавшія тогда политическія опасенія и политическія-же интриги и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на темный конецъ карьеры князя, съ которымъ пострадали тысячи невинныхъ людей. Мы еще въ дѣтствѣ, живя въ центрѣ бывшаго управленія князя Ник. Вас. Репнина, слышали о происках и клеветѣ нѣкоей партіи на дѣйствія князя. Кто-бы могъ подумать, что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патріотъ, преданнѣйшій слуга престола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе, ни менѣе,

Библиотека "Руниверс"

какъ, говоря по нынѣшнему, въ сепаратизмѣ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ неповинныхъ. Дѣло въ томъ, что во время возмущенія поляковъ, въ 30-мъ году, энергическимъ и вмѣстѣ заслуженнымъ довѣріемъ Репнинъ сразу поставилъ нѣсколько полковъ козацкихъ. Интрига не усумнилась сію скорость, исправность и чистоту дѣла очернить особеннымъ, опаснымъ для цѣлости государства вліяніемъ... Темное преданіе связываетъ эту печальную исторію съ женитьбой Репнина на дочери гетмана Разумовскаго и родствомъ его съ А. Гудовичемъ, ради котораго якобы императоръ Павелъ хотѣлъ возстановить гетманское достоинство. Какъ-бы то ни-было, но по усмиреніи польскаго возстанія, сформированные по поводу его козаки не возвращены на родину, но отправлены на Кавказъ, гдѣ и образовали линейные полки миргородскій и полтавскій, а когда эти невольные переселенцы заявили, что не могутъ оставаться въ одиночествѣ, то съ мѣста ихъ родины для нихъ отправлено соотвѣтственное количество невѣсть, а земли ихъ, перешедшія въ другія руки, и въ настоящее время составляютъ предметъ трудно разрѣшимаго вопроса. Въ настоящемъ письмѣ Репнина сквозятъ грустныя черты, перешедшія потомъ въ едва вѣроятный фактъ, а преданіе указываетъ въ лицѣ иноземца Канкрина (сына крещеннаго еврея), главнаго коновода „тогдашнихъ царедворцевъ и клевретовъ ихъ“, какъ выражается князь въ своемъ письмѣ. Другое выраженіе князя: „истинно русскіе должны нынѣ окружать престолъ вашъ“ указываетъ на происходившую тогда борьбу коренныхъ силъ съ иноземными, изъ которой выродилось столь пригодное для многихъ дѣтище въ формѣ подозрѣванія вездѣсущей измѣны. Государственныя заслуги Репнина, были, конечно, неизмѣримо выше того страннаго обвиненія, какимъ враги его старались теперь бросить въ него, и не оно было ближайшею причиною внезапнаго удаленія его въ 1834 г. отъ службы; тутъ примѣшались новыя обстоятельства: растрата якобы суммъ по постройкѣ полтавскаго института и личное столкновеніе строгаго формалиста Репнина съ прибывшимъ по дѣлу постройки института флигель-адъютантомъ Строгановымъ. Въ заключеніе мы находимъ необходимымъ оговорить значеніе словъ князя о томъ, что долгъ превышалъ цѣнность доставшагося ему за женою имѣнія. Не одними

Библиотека "Руниверс"

долгами обременены были доставшіяся по наслѣдству имѣнія князя; по нимъ велись нескончаемые и весьма убыточные процессы. Дѣло въ томъ, что въ первое время послѣ уничтоженія гетманщины крѣпостничество, широко развернувъ свои когти, запускало ихъ и въ чисто козачьи поселенія. Изъ таковыхъ очутились въ кабалѣ у Разумовскихъ: часть Батурина, Великій Санборъ, Малый Санборъ и Корибутовъ, и объ нихъ-то и говорится здѣсь. Свободные владѣльцы земель—козаки, очутившись въ объятіяхъ кабалы, не хотѣли остаться въ ней ни пока числились во владѣніи Репниныхъ, ни когда остались „выморочными“ за казною, какъ стоившіе уже свыше стоимости долга. Долго ходаки ихъ хлопотали о возстановленіи ихъ „первобытнаго положенія“, т. е. полной свободы со своимъ земельнымъ достояніемъ, долго возили свои животы, но, уставъ порядкомъ и видя, что дѣло все болѣе затягивается, „плюнули“, сказавши: „то въ панській двіръ ворота широки, а зъ панського вельми тісни“...

Ст. фонъ-Носъ.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько данныхъ о судьбѣ Желѣзняка послѣ его ареста въ Умани.

Послѣ усмиренія „Коліивщины“ судьба человѣка, игравшаго въ ней самую важную роль, Максима Желѣзняка, теряется въ неизвѣстности: изъ польскихъ мемуаровъ знаемъ только, что онъ былъ арестованъ въ лагерѣ у Умани полковникомъ Гурьевымъ и отправленъ въ Кіевъ; затѣмъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о его участи не имѣется. Встрѣтивъ случайно нѣсколько документовъ, относящихся къ Желѣзняку послѣ его ареста, мы находимъ возможнымъ дополнить хотя нѣсколькими незначительными чертами скудныя вообще свѣдѣнія объ этомъ иниціаторѣ „Коліивщины“.

Покойный М. А. Максимовичъ сообщилъ намъ небольшую пачку документовъ, извлеченную изъ „кіевскихъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ“, въ которой находится нѣсколько фактическихъ указаній на первое время ареста Желѣзняка и его товарищей. Въ пачкѣ этой сохранились слѣдующіе документы: 1) рапортъ плацъ-маіора кіево-печерской крѣпости Лбова о томъ, что онъ принялъ подъ караулъ Желѣзняка съ 73 его товарищами, 8 іюля (20 іюля по новому стилю) 1768 года; 2) распоряженіе кіевской губернской канцеляріи о выдачѣ суммы для продовольствія арестованныхъ гайдамакъ впредь, пока судьба ихъ не будетъ рѣшена коллегіею иностранныхъ дѣлъ (17 іюля); 3) рапортъ Лбова (отъ 8 августа) о томъ, что онъ израсходовалъ отпущенную на продовольствіе сумму и 4) постановленіе кіевской губернской канцеляріи о вторичномъ отпускѣ суммы на содержаніе арестантовъ до окончанія надъ ними суда (отъ 11 августа). Изъ послѣдняго документа мы узнаемъ, что судъ происходилъ въ кіевской губернской канцеляріи, ибо, давая распоряженіе объ отпускѣ кормовыхъ денегъ, канцелярія эта мотивируетъ свое распоряженіе слѣдующимъ образомъ: „а какъ по при-

Библиотека "Руниверс"

сланному изъ оной государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 24 іюля сего году указу велѣно надъ оными присланными изъ полской Украйны, оказавшимися въ разбоѣ и во смертномъ убивствѣ, запорожцами произвести кіевской губернской канцеляріи надлежащій судъ, то въ разсужденіи того приказали... означеннымъ арестантамъ до окончанія объ нихъ суда кормовыхъ денегъ выдать".

И такъ изъ приведенныхъ документовъ видно, что 8 іюля 1768 года Желѣзнякъ съ товарищами были заключены въ кіево-печерскую крѣпость, что въ концѣ іюля послѣдовало распоряженіе о предапіи ихъ суду въ кіевской губернской канцеляріи и что въ началѣ августа судъ уже началъ свои дѣйствія. Приговоръ его неизвѣстенъ намъ, но вѣроятно онъ кончилъ свои дѣйствія только въ октябрѣ и приговорилъ осужденныхъ къ ссылкѣ на востокъ. Послѣднее мы узнаемъ изъ документа, сообщеннаго намъ обязательно А. А. Андріевскимъ, въ которомъ значится, что 1-го ноября Желѣзнякъ съ товарищами былъ уже на пути къ Бѣлгороду (курской губ.). Въ окрестности Ахтырки арестанты обезоружили конвой и спаслись бѣгствомъ, но большинство ихъ, и въ томъ числѣ Желѣзнякъ, были вскорѣ настигнуты и вновь взяты подъ стражу.

Этими немногими данными и ограничиваются тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось извлечь изъ указанной выше переписки. Въ виду заключающихся въ ней не безынтересныхъ подробностей, мы сообщаемъ ниже in extenso три изъ числа перечисленныхъ документовъ.

В. А.

1. *Рапортъ кіевскаго плацъ-маіора Василія Лбова о принятіи въ кіево-печерскую крѣпость 74 гайдамакъ и въ числѣ ихъ полковника Максима Желѣзняка. 1768 года, іюня 9.*

Кіевской губернской канцеляріи въ секретную экспедицію отъ кіевскихъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ рапортъ.

Сего іюля 8-го дня прислано изъ Польши пойманныхъ гайдамакъ семьдесятъ четыре человѣка, коимъ при семъ именной списокъ прилагается, которые и содержатся въ кіево-печерской крѣпости подъ карауломъ и пропитанія никакова ни откуда не имѣютъ; о семъ секретной экспедиціи симъ представляю: что повелено будетъ съ оными чинить, имѣю ожидать резолюціи. Плацъ-маіоръ Василій Лбовъ. Іюля 9 дня, 1768 году.

Библиотека "Руниверс"

Списокъ приведеннымъ за конвоемъ, взятымъ подъ мѣстечкомъ Гуманемъ, запорожскимъ старшинамъ и козакамъ, а именно:

Называемые: атаманъ Павло Таранъ, полковникъ Максимъ Зелѣзнякъ.

Козаки: Власъ Лаевской, Макаръ Черной, Амелко Чубъ, Иванъ Бѣлой, Степанъ Якубовичъ, Михайло Моторный, Кондратъ Верховойтъ, Андрей Калыболоцкій, Иванъ Зелепскій, Иванъ Лысой, Андрей Белой, Лукьянъ Долгопалой, Ефимъ Прейма, Максимъ Рудь, Екимъ Жерлай, Гаврило Таранъ, Власъ Сокуръ, Радко Марковщина, Иванъ Губа, Корней Черной, Давыдъ Вербенко, Степанъ Саганакъ, Семенъ Тарасенко, Андрей Майданникъ, Фома Дурной, Каленикъ Медведевскій, Федоръ Волошинъ, Яковъ Щербитенко, Лытко (sic) Грива, Петръ Бондуренко, Павло Столбовый, Иванъ Таранъ, Грицко Кочаръ, Мосей Неживенко, Евстухъ Бескуздый, Никита Таранъ, Корней Белой, Кирило Стирчакъ, Денисъ Кобинякъ, Иванъ Заверуха, Харко Круглой, Михайло Белоусъ, Филипъ Безрукавый, Грицко Таранъ, Иванъ Шрамъ, Василей Гасной, Демко Балаганъ, Иванъ Жулай, Федоръ Булка, Лецко Бурганъ, Алекса Смишко, Нестеръ Литвиненко, Кирило Мадсейчанъ, Гаврило Губа, Семенъ Ивановичъ Демьянъ Черняевской, Петръ Таранъ, Михайло Черной, Федоръ Кулбаса, Василь Таранъ, Михайло Плохий, Василей Скулчапъ, Ничипоръ Лаштабей, Игнатъ Побошкородичъ, Федоръ Губа, Василей Морчукъ, Трофимъ Чуприна, Иванъ Байрицкій, Фома Сукуръ, Павло Лабазинъ, Мосей Павловъ, Яковъ Безродной.

Итого семьдесятъ четыре человѣка. Плацъ-маіоръ Василей Лбовъ.

2. *Постановленіе кіевской губернской канцеляріи о выдачѣ кормовыхъ денегъ, по двѣ копѣйки въ день на человѣка, для содержанія поименованныхъ гайдамакъ. 1768 года, іюля 17.*

1768 году іюля 17 дня. По указу ея императорскаго величества кіевская губернская канцелярія, слушавъ присланнаго отъ находящагося въ Полшѣ каргопольского карабинерного полку полковника Гурьева рапорта, въ которомъ между протчимъ объявлено: что по командированіи его, полковника Гурьева, съ онымъ каргопольскимъ полкомъ, отъ генералъ-маіора Кречетникова къ польскому мѣстечку Умани для истребленія оказавшихся тамо гайдамакъ, поймано тамо онымъ полкомъ запорожскихъ козаковъ 48, да предъ тѣмъ поймано жъ тверского карабинерского полку поручикомъ

Библиотека "Руниверс"

Калагриновымъ таковыхъ-же запорожскихъ козаковъ 25; итого 73 человѣка, между коими оныхъ разбойниковъ начальникъ называемой полковникъ Железнякъ. И оные гайдамаки присланы въ Кіевъ при приложеніемъ при томъ рапортѣ спискѣ, по которому явствуетъ, что изъ показанныхъ въ ономъ Гордѣй Кибитной въ дорогѣ умре; а притомъ кіевского гарнизона плацъ-маіоръ Лбовъ письменно представляетъ, что изъ оныхъ арестантовъ Павла Лабазина надлежитъ исключить, потому что онъ белевского полку бѣглой солдатъ и что настоящее его имя Андрей, а прозваніе Кобызевъ. А по поданному отъ онаго плацъ-маіора Лбова списку явствуетъ, что за исключеніемъ изъ оныхъ арестантовъ вышеписанныхъ: умершаго Гордѣя Кибитнаго да бѣглаго солдата Андрея Кобызева, имѣетъ быть присланныхъ отъ онаго полковника Гурьева арестантовъ 71, да прежде того присланныхъ въ Кіевъ съ письмомъ изъ Умани отъ гайдамацкихъ начальниковъ два; итого всѣхъ 73 человѣка. Причомъ оной-же плацъ-маіоръ Лбовъ письменно представляетъ, что на содержаніе оныхъ арестантовъ, то есть на покупку имъ хлѣба, меньшимъ числомъ обойтится не можно, какъ двумя копѣйками на день на каждаго человѣка; а какъ оные арестанты присланы сюда по извѣстнымъ, происходящимъ въ Польшѣ обстоятелствамъ, о которыхъ уже на резолюцію представлено въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, того ради приказали: вышеозначеннымъ присланнымъ картонольского карабинерного полку отъ полковника Гурьева 71, да отъ гайдамацкихъ начальниковъ двумъ, итого 73 человѣкамъ арестантамъ, до воспослѣдованія объ нихъ на оное, учиненное отсюда, представленіе резолюціи, производить кормовые денги по двѣ копѣйки на день на каждого человѣка, съ приводу ихъ въ Кіевъ, то есть сего іюля съ 8 числа и на произвожденіе имъ тѣхъ кормовыхъ денегъ выдать помянутому плацъ-маіору Лбову 50 рублевъ изъ имѣющейся въ кіевской губернской канцеляріи опредѣленной на заграничныя расходы суммы мѣдною монетою, записавъ въ расходъ съ роспискою и о томъ расходчику, архиваріусу Бѣлоезерскому дать указы и плацъ-маіору Лбову на записку тѣхъ денегъ въ приходъ и въ расходъ, за губернскою печатью и за секретарскою по листамъ скрепою, книгу. Означеннаго же бѣглого солдата Андрея Кобызева, для поступленія о немъ по указамъ и воинскимъ регуламъ, отослать при ордерѣ къ генералъ-маіору, кіевскому оберъ-коменданту Елчанинову. При чемъ оному плацъ-маіору Лбову объявить, чтобы по издержкѣ тѣхъ денегъ, въ приходъ требовалъ выдачи еще на

Библиотека "Руниверс"

произвожденіе онымъ арестантамъ кормовыхъ денегъ.—Федоръ Воейковъ. Петръ Веселицкій.

3. *Приказъ кіевской губернской канцеляріи о разысканіи бѣжавшихъ изъ подъ стражи на пути изъ Кіева въ Бѣлгородъ гайдамакъ съ замѣткою о поимкѣ уже 36 изъ бѣжавшихъ, въ томъ числѣ и Максима Желѣзняка. 1768 года, декабря 19.*

1768 году, декабря 19 дня. По указу ея императорскаго величества кіевская губернская канцелярія, слушавъ промеморіи изъ канцеляріи новороссійской губерніи, въ которой объявлено, что изъ отправленной изъ оной канцеляріи за надлежащимъ конвоемъ для препровожденія въ Бѣлгородъ 71 человѣка колодниковъ, Максимъ Желѣзнякъ съ товарищи, согласясь съ прочими 51 человѣкомъ, во время ночлегу ахтырской провинціи въ слободѣ Котельвѣ, ноября 1 дня сего 1768 году, ночью, разбивъ караулъ, и выломавъ двери, и отбивъ у солдатъ десять ружей и у козаковъ копья и ружья; изъ которыхъ колодниковъ 52-хъ человѣкъ Желѣзнякъ съ товарищи 33 человѣки, да въ малороссійскомъ полтавскомъ полку два человѣка пойманы, а 16 человѣкъ за побѣгомъ ихъ не пойманы и тою промеморіею требуется о подтвержденіи, куда надлежитъ, о присматриваніи и поимкѣ, по показаннымъ въ приложенномъ при оной промеморіи спискѣ приметамъ, оныхъ бѣглыхъ колодниковъ, и, если пойманы будутъ, о присылкѣ оныхъ въ ту канцелярію новороссійской губерніи подъ карауломъ для отправленія ихъ въ надлежащія мѣста. Приказали: въ кіевской магистратъ, такожъ въ полицмейстерскую контору и на состоящіе въ кіевской губерніи главные пограничные форпосты послать указы и при оныхъ приложить съ оного, присланнаго при промеморіи изъ канцеляріи новороссійской губерніи бѣжавшимъ колодникамъ списка копіи, и велеть тѣхъ бѣжавшихъ 16 человѣкъ колодниковъ, по показаннымъ въ томъ спискѣ примѣтамъ, присматривать и ловить, и ежели гдѣ усмотрены и пойманы будутъ, то, забивъ ихъ въ колодки, прислать подъ крѣпкимъ карауломъ въ кіевскую губернскую канцелярію немедленно, и для ведома о томъ въ оную канцелярію новороссійской губерніи сообщить промеморіею. Наумъ Ск..., Василій Флеровъ, секретарь Василей Черняевской. Подписано 20 декабря 1768 года.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia. T. 1—2. Warszawa. 1882.

Д-ръ Антоній І. Историческіе разсказы—серія третья, томъ 1—2. Варшава. 1882.

Подъ этимъ заглавіемъ неутомимый докторъ Антоній издалъ новый рядъ историческихъ очерковъ (числомъ 11), которые, за малымъ исключеніемъ (кромѣ 2-хъ), относятся болѣе или менѣе непосредственно къ исторіи южной Руси. Большинство очерковъ посвящены концу XVIII столѣтія. Въ числѣ ихъ находятся три біографіи болѣе видныхъ дѣятелей тарговицкой конфедераціи: Антонія Злотницкаго, Венедикта Гулевича и Дымы Томашевскаго. Не одобряя цѣлей и пріемовъ дѣйствія самой конфедераціи, авторъ старается обрисовать совершенно безпристрастно избранные имъ типы, не произнося надъ ними огульнаго осужденія; онъ видитъ въ Томашевскомъ человѣка искренно-преданнаго старошляхетскимъ идеаламъ, считавшаго старое устройство Рѣчи Посполитой неприкосновенною святынею и всѣ попытки, клонившіяся къ расширенію правъ другихъ сословій, къ установленію вѣротерпимости и къ обузданію дворянскаго произвола—преступленіемъ; такого рода убѣжденія побудили Томашевскаго къ участію въ конфедераціи, имѣвшей, какъ извѣстно, послѣдствіемъ прекращеніе политическаго существованія Польши. Игравшій видную роль въ той же конфедераціи—Гулевичъ дѣйствовалъ также по убѣжденію: онъ ожидалъ только отъ помощи Россіи спасенія для Польши и исключительно руководился въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ этою мыслью. Иной типъ представляетъ, по мнѣнію автора, Злотницкій, который и убѣжденія и

Библиотека "Руниверс"

общественное дѣло готовъ былъ посвятить личной наживѣ и карьерѣ. Всѣ три впрочемъ названныя лица носятъ одну общую черту: они всѣ стоятъ въ зависимости въ полу-служебныхъ, полу-дружескихъ отношеніяхъ къ богатому вельможѣ—Феликсу Потоцкому и политическая карьера ихъ является гораздо болѣе результатомъ вліянія на нихъ этого магната, чѣмъ какихъ-либо убѣжденій. Не смотря на собранныя очень тщательно черты индивидуальнаго ихъ характера, помимо воли автора, изображенные имъ типы прежде всего дѣлаютъ впечатлѣніе сателлитовъ и паразитовъ важнаго пана, что конечно также составляетъ черту быта нравственно разложившагося въ XVIII вѣкѣ шляхетскаго общества. Представителемъ того же разложенія является и Іосифъ Стемпковскій, біографію котораго помѣстилъ въ числѣ другихъ докторъ Антоній, подъ эффектнымъ заглавіемъ: „грозный Іосифъ". Эпитетъ „грознаго" данъ ему вслѣдствіе жестокихъ казней, которыми онъ истреблялъ крестьянъ послѣ усмиренія „Коливщины", но въ сущности, согласно съ меткою характеристикою автора, мы думали бы, что Стемпковскій заслуживаетъ скорѣе эпитета „пошлый". Вся его жизнь посвящена на то, чтобы выслужиться, не разбирая средствъ, сдѣлать карьеру, скопить деньги и потомъ нагроможденныя средства прокутить самымъ легкомысленнымъ и сибаритскимъ образомъ. Жестокія казни крестьянъ въ 1768 году не истекаютъ ни изъ убѣжденій, ни изъ личнаго его права, онъ расточаетъ ихъ лишь потому, что ошибочно полагаетъ, что жестокій образъ дѣйствія будетъ угоденъ королю;—убѣдившись въ противномъ, онъ оставляетъ казни и ищетъ другихъ средствъ отличія: мелкія стычки съ гайдамаками раздуваетъ до размѣровъ рѣшительныхъ сраженій и наконецъ добивается того, что легкомысленное столичное и особенно придворное общество, смотритъ на него, какъ на спасителя отечества; затѣмъ онъ является постояннымъ агентомъ и клевретомъ короля въ сеймовыхъ агитаціяхъ, за что выпрашиваетъ должности, староства, ордена, доходныя бенефиціи и т. д.; всѣ эти знаки королевской милости онъ перепродаетъ, закладываетъ и т. п. и вырученныя деньги употребляетъ на изысканную эпикурейскую роскошь, пока наконецъ апоплексическій ударъ не спасъ его отъ банкротства, долговъ и нищеты.

Во второмъ томѣ разсказовъ мы находимъ слѣдующія монографіи, содержаніе которыхъ относится къ XVI и XII столѣтіямъ: 1) Княжескій столъ за женщину, 2) Жизнь на Украйнѣ до

Библиотека "Руниверс"

козацкаго возстанія, 3) Одинъ изъ числа многихъ, 4) Немиричи. Предметомъ перваго служитъ неудачное сватовство Криштофа Зборовскаго на сестрѣ молдавскаго господаря Богдана Лопушнано (1569—1572 г.). Оскорбленный отказомъ господаря, Зборовскій схватилъ его на пути и заключилъ въ темницу; когда-же господарь уплатилъ выкупъ и получилъ свободу, то оказалось, что престолъ его уже былъ занятъ однимъ изъ его соперниковъ. Эпизодъ весьма характерный для даннаго времени и для обрисовки отношеній пограничныхъ магнатовъ къ Молдавіи и ея господарямъ; онъ разсказанъ весьма живо и обставленъ подробностями, поясняющими характеръ того времени.

Второй очеркъ, не менѣе интересный, составленъ по архивнымъ матеріаламъ (1570—1642 г.); онъ повѣствуетъ о продолжительной враждѣ двухъ семействъ земянъ брацлавской земли: Микулинскихъ и Козюбъ Якушинскихъ и изобилуетъ многочисленными бытовыми, весьма интересными подробностями.

„Одинъ изъ числа многихъ“ — это біографія шляхтича изъ Брацлавщины, нѣкоего Жука-Скоршевскаго, попавшаго въ плѣнъ козакамъ въ 1648 году и спасшагося съ неимовѣрными усиліями бѣгствомъ, благодаря покровительству Адама Киселя. Жукъ поселился потомъ на берегахъ Збруча, въ имѣніи Ляцкоронскаго, но здѣсь навлекъ на себя гнѣвъ этого магната, вслѣдствіе того, что осмѣлился посвататъ его дочь; подвергшись нападенію со стороны одного изъ родственниковъ Ляцкоронскаго, убилъ его въ дуэли, происходившей ночью на паромѣ, середъ Днѣстра, и вслѣдствіе этого долженъ былъ убѣжать въ одну изъ отдаленныхъ областей Польши.

Послѣдній очеркъ „Немиричи“, составленный болѣе обстоятельно, разсказываетъ исторію этого древняго кіевскаго земянскаго рода, начиная съ Ивана Немирича (упоминаемаго въ 1535 году) и до конца XVII столѣтія; въ концѣ прибавлена въ видѣ дополненія небольшая замѣтка о Генрихѣ Немиричѣ, подвергавшемся суду въ исходѣ прошлаго вѣка по обвиненію въ атеизмѣ. Біографіи Немиричей составлены по архивнымъ источникамъ и очерчены весма отчетливо; такъ какъ многія лица, принадлежавшія къ этому роду, исповѣдывали социніанство, то авторъ прибавилъ общій очеркъ распространенія этого религіознаго ученія въ южной Руси. Разсматривая генеалогію Немиричей, авторъ полагаетъ, что дворянскій родъ Немиричей разбогатѣлъ и пріобрѣлъ значеніе потому, что онъ особенно сочув-

Библиотека "Руниверс"

ственно отнесся къ люблинской уніи и умѣлъ скорѣе другихъ приноровиться къ новому порядку вещей. Мы полагаемъ, что это положеніе автора ошибочно, такъ какъ Немиричи гораздо раньше люблинской уніи принадлежали къ числу богатыхъ и знатныхъ земянъ кіевской земли. Самъ докторъ Антоній нашелъ одно указаніе на этотъ фактъ въ описаніи овручскаго замка 1552 года, гдѣ Іосифъ Немиричъ поименованъ въ числѣ „пановъ кіевскихъ", въ качествѣ „державцы" 4 селъ; ему также извѣстно, что отецъ Іосифа Иванъ владѣлъ селами Чернеховомъ, Марморичами и тремя пустошами. Къ указаніямъ этимъ можемъ прибавить еще нѣсколько свѣденій: въ 1531 году тотъ-же Иванъ Немиричъ пріобрѣлъ покупкою отъ дворянки Ульяны Потаповичевой село „дѣдистое Ворахобовичи у Бѣлыхъ Берегахъ"; онъ былъ женатъ на послѣдней представительницѣ богатаго кіевскаго рода земянъ Скобейковъ, принесшей ему въ качествѣ приданаго вотчины и выслуги своего рода (въ томъ числѣ и Чернеховъ); Іосифъ-же Немиричъ владѣлъ дворами въ замкахъ овручскомъ и житомирскомъ. Такимъ образомъ поземельное состояніе Немиричей и значеніе ихъ рода можно констатировать уже лѣтъ за 30 до люблинской уніи.

Вообще всѣ очерки новой серіи „историческихъ разсказовъ" д ра Антонія І. написаны съ такимъ-же талантомъ и знаніемъ историческаго матеріала, какія мы отмѣтили и въ прежнихъ сочиненіяхъ того-же автора, хотя и не лишены, какъ намъ кажется, и прежнихъ недостатковъ—злоупотребленія эпитетами и нѣсколько исключительной, предвзятой тенденціи. **В. А.**

Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива. № 13. Составилъ Л. В. Ильницкій (оффиціальное изданіе архива). Кіевъ. 1882 г.

Вышедшая на дняхъ книжка составляетъ уже 24-й выпускъ описей актовыхъ книгъ, издаваемыхъ кіевскимъ центральнымъ архивомъ. Обладая громаднымъ научнымъ матеріаломъ, архивъ позаботился о томъ, чтобы привести этотъ матеріалъ въ извѣстность и, по мѣрѣ возможности, облегчить къ нему доступъ лицамъ, разыскивающимъ нужныя указанія. Съ этою цѣлью съ 1866 года приступлено было къ составленію краткихъ, но отчетливыхъ описей актовъ, хранящихся въ архивѣ и, по мѣрѣ того

Библиотека "Руниверс"

какъ подвигалось составленіе этихъ описей, архивъ печаталъ ихъ; каждый выпускъ описей обнимаетъ документы, вписанные въ отдѣльную актовую книгу. Составленіе описей происходитъ по строго выработанному плану и, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворяетъ предположенной цѣли: описи дѣлаются кратко и сжато, но притомъ такъ, чтобы не опустить ни характеристическихъ подробностей содержанія, ни личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ каждомъ документѣ. Желающій пользоваться описью можетъ въ теченіи часа ознакомиться съ содержаніемъ каждой описанной книги и вымѣтить себѣ акты, нужные для занимающаго его сюжета, между тѣмъ какъ безъ описи пересмотръ книги и ознакомленіе съ ея содержаніемъ потребовало бы по меньшей мѣрѣ недѣлю усидчиваго труда. Притомъ лица, живущія внѣ Кіева, могутъ по самой описи собрать богатый запасъ фактовъ, хотя лишенныхъ подробностей, но все таки могущихъ доставить значительный научный матеріалъ для любого историческаго или историко-юридическаго сюжета.

Вышедшая нынѣ книжка (№ 13) представляетъ опись актовой книги житомирской гродской, записовой и поточной 1617—1618 годовъ. Огромная эта книга содержитъ до 1500 листовъ, на которыхъ записано 1200 актовъ, въ числѣ которыхъ весьма многіе представляютъ историческій интересъ. Въ числѣ ихъ мы находимъ данныя и для политической исторіи края: о походахъ противъ татаръ и турокъ, о походѣ поляковъ подъ Москву въ 1618 г., о мѣрахъ польскаго правительства для укрощенія козаковъ и т. п. и еще болѣе для исторіи бытовой всѣхъ сословій края: духовенства, дворянъ, мѣщанъ, крестьянъ, козаковъ, жолнеровъ и евреевъ. Сверхъ того есть документы, относящіеся къ всевозможнымъ областямъ общественной и частной жизни даннаго времени: постановленія областныхъ сеймиковъ, мѣры для сбора податей и налоговъ, указанія на копные суды, на производство заводское (поташные заводы) и торговлю, на семейный бытъ и т. п. Для генеалогіи, біографій отдѣльныхъ лицъ, исторической топографіи описи доставляютъ также обильный матеріалъ, такъ напримѣръ въ теченіи двухъ лѣтъ мы находимъ множество матеріаловъ для біографіи: Елисея Плетенецкаго, Веніамина Рущкаго, князя Януша Острожскаго и т. д., обильныя указанія на топографію Кіева и его окрестностей, на исторію кіевскихъ церквей и монастырей и т. п.

Для того, чтобы дать понятіе о томъ, на сколько удовлетворительно составлены описи и насколько онѣ даютъ точное по-

Библиотека "Руниверс"

нятіе о содержаніи самихъ актовъ, выпишемъ для примѣра нѣсколько самихъ описей, выбравъ ихъ на угадъ:

№ 226—жалоба возпаго Николая Пузовскаго на дворянина Яна Кучковскаго, приказывавшаго жалобщику съѣсть принесенные имъ позвы и, послѣ отказа въ этомъ, нанесшаго ему тяжкіе побои".

„№ 90. Свидѣтельство возпаго по жалобѣ дворянина Витпнскаго о томъ, что *кона* села Вересова въ дѣтинцѣ житомирскаго замка безвинно и противузаконно подвергла пыткѣ раскаленнымъ желѣзомъ его крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ лошади у вересовскаго крестьянина".

„№ 631. Жалоба кіево печерскаго архимандрита Елисея Плетепецкаго на ложное обвиненіе его кіевскими мѣщанами въ незаконной торговлѣ водкою и въ устройствѣ ярмарки".

„№ 491. Жалоба кіевскаго городничаго Станислава Вигуры о грабежѣ кіевскими мѣщанами сѣна и захватѣ ими подъ г. Кіевомъ острова Муравица въ грунтѣ *Милославицкомъ*".

Полагаемъ, что этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о пріемахъ составленія описей и возможности пользоваться ими для научныхъ цѣлей. **В. А.**

Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 r.

Мы выписали въ заглавіи одинъ изъ выпусковъ „Статистическихъ Вѣдомостей", издаваемыхъ въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ „Львовскимъ Статистическимъ Бюро", въ видѣ отдѣльныхъ „Стат. Вѣдомостей". Онъ представляетъ собою брошюру въ 48 стр. (отъ 133—182) и состоитъ изъ XII таблицъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ цифровыя даты о землѣ, второй—о населеніи Галиціи, подъ особымъ заглавіемъ: „Najważniesze wyniki spisu ludności Galicyi z 31 grudnia 1880 według tymczasowych zestawień powiatowych"...

Какъ видно изъ двухъ коротенькихъ предисловій, которыми снабжены оба отдѣла, свѣдѣнія о землѣ собраны въ самое послѣднее время при „обычномъ урегулированіи поземельнаго налога", и добыты редакціей изъ краевой коммисіи", учрежденной для урегулированія поземельнаго налога, а данныя о населеніи

Библиотека "Руниверс"

представляютъ результатъ однодневной переписи, произведенной 31 декабря 1880 г. во всей австрійской имперіи, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ; систематизація-же тѣхъ и другихъ данныхъ принадлежитъ самому редактору „Стат. Вѣд.", проф Пилату. Всѣ цифры разверстаны между 74 уѣздами (powiat или starostwo), на которые дѣлится Галиція. Въ 1-мъ отдѣлѣ всего двѣ таблицы, изъ которыхъ въ первой проставлены цифровыя данныя о землѣ по угодьямъ (огороды, поля, луга и т д.), во 2 мъ—процентныя отношенія по тѣмъ же рубрикамъ. Во второмъ отдѣлѣ X таблицъ.

Таблицы I, II, III, IV содержатъ свѣдѣнія о населеніи по поламъ и мѣсту жительства, съ указаніемъ процентныхъ отношеній, таблица V—а) представляетъ населеніе по вѣроисповѣданіямъ, V—в) и VI по образованію съ процентными отношеніями, табл. VII, VIII и IX—по языку, тоже съ процентными указаніями. Наконецъ въ послѣднюю X-ю таблицу вошли общія цифры о населеніи по судебнымъ округамъ, которыхъ въ Галиціи II.

Какъ источникъ, изъ котораго взяты цифры, такъ и полнота и новизна самыхъ данныхъ (до этого времени не обнародованныхъ) дѣлаетъ эту брошюру, какъ и вообще Статистическія Вѣдомости львовскаго Бюро, весьма цѣнною для всякаго, интересующагося судьбою нашихъ единоплеменниковъ въ Галиціи, и мы со своей стороны рекомендуемъ непосредственно ознакомиться съ этой книжкой „Стат. Вѣдомостей", какъ и вообще съ изданіемъ, богатымъ статистическимъ матеріаломъ.

Мы не станемъ сообщать въ библіографической замѣткѣ подробнаго содержанія самыхъ цифръ, а ограничимся въ этомъ отношеніи только данными относительно русскаго населенія Галиціи, какъ болѣе интереснаго для читателей „Кіевской Старины".

Изъ 74 повѣтовъ Галиціи русское (точнѣе южно-русское) населеніе преобладаетъ въ 46, составляя отъ 89, 926% (это maximum въ повѣтѣ Túrka) до 56,746% (это minimum въ повѣтѣ Sanok). Такимъ образомъ южно-русское населеніе занимаетъ 9,503,854 морга земли изъ общей суммы 13,640,554, т. е. $^{2}/_{3}$ всего пространства Галиціи. Въ этой южно-русской Галиціи живетъ 3,445,101 человѣкъ, а за выключеніемъ пришлого населенія (ludnosci zakrajowa 15,640) постояннаго населенія въ южно-русской Галиціи 3,439,461. По вѣроисповѣданіямъ это населеніе заключаетъ въ себѣ 944,015 католиковъ, 2414 армяно-католиковъ (ormiańsko unickie), 33 staro katolickie, 812 православныхъ, 30,463

Библиотека "Руниверс"

лютеранъ, 63 англиканца, 698 менонитовъ, 498,459 іудеевъ, 1153 разныхъ иныхъ вѣроисповѣданій и 2,383,110 греко-уніатовъ. Относительно языка въ указанномъ районѣ: a) говорящихъ польскимъ языкомъ 827,340, b) нѣмецкимъ—274,167, c) на прочихъ языкахъ 2579 и d) на русскомъ 2,452,030. Населеніе южно русское характеризуется въ Галиціи уніатскимъ вѣроисповѣданіемъ и русскимъ языкомъ, а потому цифра уніатовъ 2,516,542 представляетъ контингентъ малороссовъ въ Галиціи; изъ нихъ 2,383,110 обитаетъ въ 46 округахъ, въ восточной Галиціи, а 133,432 въ западной ея половинѣ.

Въ цитируемыхъ нами данныхъ „Стат. Вѣдом." есть еще весьма характерныя цифры, это цифры табл V b), изъ которыхъ узнаемъ, что въ восточной Галиціи умѣющіе читать и писать составляютъ 8,94%, только читать 2,50%, а совершенно безграмотные 88,29%. Если-же примемъ во вниманіе то обстоятельство, что грамотность, какъ извѣстно, вообще развита больше въ высшемъ классѣ, затѣмъ между горожанами и послѣднее мѣсто занимаетъ населеніе деревень, въ Галиціи-же привилегированный классъ составляютъ поляки, а городское населеніе нѣмцы и евреи, то результатъ получится еще болѣе печальный. Въ южно-русскихъ провинціяхъ поляки составляютъ болѣе 23%, нѣмцы около 8, а вмѣстѣ 31%, такъ что, игнорируя уже цифру еврейскаго населенія, мы увидимъ, что русское населеніе въ Галиціи поголовно безграмотно. Процентъ грамотности въ польской Галиціи болѣе высокъ, именно совершенно неграмотные составляютъ тамъ 72,18%.

И. Житецкій.

Высокопреосвященнѣйшій Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. Москва. 1882 г.

Помникъ по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ кишиневской дух. семинаріи, съ портретомъ его. Г. М. Кишиневъ, 1882 г.

Эти двѣ небольшія брошюры, стр. 50—70 каждая, посвящены памяти тѣхъ скончавшихся въ этомъ году архипастырей, именами которыхъ онѣ названы. Это не некрологи и не біографіи, но, какъ говорится, вѣнки на могилу почившихъ: одинъ сплетенъ въ Москвѣ, другой въ Кишиневѣ. Обѣ брошюры вышли почти одновременно и одновременно сошлись въ нашихъ рукахъ;

Библиотека "Руниверс"

мы и соединяемъ ихъ въ одной общей о нихъ замѣткѣ, имѣя на то особыя причины.

Имена Макарія Булгакова, митрополита московскаго, и Филарета Филаретова, епископа рижскаго, принадлежатъ къ числу особо чтимыхъ въ сферѣ духовной и въ обществѣ свѣтскомъ. Объ нихъ, по поводу ихъ смерти, много писалось, еще болѣе говорилось. По видимому, намъ тѣмъ болѣе было повода говорить объ нихъ, что оба эти архипастыря по мѣсту окончательнаго ихъ образованія, отчасти службы и дѣятельности принадлежатъ кіевской академіи. Но обезличенная ко времени ихъ академія не положила на нихъ мѣстнаго отпечатка, въ свою очередь и они ничего не сдѣлали и не могли сдѣлать для возрожденія ея историческаго духа и характера, а слѣдовательно какъ ни почтенна ихъ дѣятельность, она мало имѣетъ общаго съ тѣмъ, что составляетъ задачу нашего изданія, чтобы говорить о ней нарочито. Иное дѣло сказать по поводу того, что говорилось и что имѣетъ прямое къ намъ соотношеніе; это мы и исполняемъ теперь, говоря о двухъ названныхъ нами брошюрахъ.

Брошюра московская о митрополитѣ Макаріѣ—это такъ сказать цвѣты краснорѣчія, разсыпанные при гробѣ его и собранные неизвѣстнымъ почитателемъ его памяти. Тутъ въ 15-ти отдѣльныхъ статейкахъ различныхъ авторовъ соединено все, что говорилось (6-ть надгробныхъ словъ и рѣчей) и писалось по поводу смерти и погребенія московскаго архипастыря. Брошюра, можно сказать, не оставляетъ въ немъ ни одной стороны и ни одной черты не разсмотрѣнною; тутъ свѣдѣнія о немъ какъ администраторѣ, богословѣ, проповѣдникѣ, историкѣ и человѣкѣ,—объ его происхожденіи, образованіи, воспитаніи, характерѣ, направленіи, самыхъ разнообразныхъ его отношеніяхъ и домашней жизни и обстановкѣ. Помимо высокихъ достоинствъ и несомнѣнныхъ и великихъ заслугъ ученаго архипастыря, все здѣсь сказанное и написанное имѣетъ видъ хвалебнаго гимна и потому еще, что говорилось и писалось въ виду такъ-сказать не закрытаго еще гроба. Изъ всего этого мы отмѣтимъ, что митрополитъ Макарій—воспитанникъ кіевской академіи, преобразованной уже за 20-ть лѣтъ предъ тѣмъ по общему шаблону, что одно-годичное его въ этой академіи баккалаврство по каѳедрѣ русской церковной исторіи не оставило, конечно, ни въ ней, ни въ немъ никакого слѣда, что вскорѣ потомъ онъ написалъ ея исторію, не обнявъ ея духа и характера, что впослѣдствіи онъ сдѣлалъ для

Библиотека "Руниверс"

своей almae matris въ годъ ея юбилея пожертвованіе въ 25,000 р., что наименованный винницкимъ епископомъ, въ должности ректора петербургской академіи, никогда онъ Винницы не видалъ и никакихъ дѣлъ съ нею и подольскою епархіею не имѣлъ, что въ управленіе епархіями харьковскою и литовскою онъ не внесъ ничего такого, что сообразовалось-бы съ историческими ихъ особенностями и что наконецъ въ своемъ монументальномъ трудѣ „Исторія русской церкви" онъ не мало труда приложилъ къ разработкѣ исторіи южно-русской церкви. У насъ сохранились воспоминанія о его мимолетномъ кіевскомъ баккалаврствѣ и необычайномъ его трудолюбіи и аккуратности. Петербургъ выработалъ въ немъ счастливѣйшую, хотя мало цѣнимую людьми способность примѣняться къ людямъ и обстоятельствамъ,—которой онъ, помимо своихъ высокихъ достоинствъ, много обязанъ своею блестящею карьерою. Сохранилось много интересныхъ разсказовъ о томъ, какъ онъ проходилъ сквозь тернія Протасовскаго и послѣдующихъ режимовъ, но насъ это также мало занимаетъ, какъ и поднятый извѣстной партіей вопросъ о томъ, былъ-ли онъ по Москвѣ или Москва по немъ. Положительныя достоинства митрополита Макарія такъ несомнѣнны, заслуги его такъ велики, дѣятельность его такъ обширна и многоплодна, что память о немъ не умретъ между русскими людьми. Своими учено-литературными трудами онъ самъ поставилъ себѣ прочный памятникъ. И къ митрополиту Макарію вполнѣ приложились слова, сказанныя имъ надъ гробомъ С. М. Соловьева. „Онъ умеръ для насъ своимъ тѣломъ, но не умеръ въ своихъ безсмертныхъ ученыхъ твореніяхъ. Онъ разстался съ нами своей душой, воспарившей въ міръ горній; но онъ остался среди насъ сокровищами своей души, которыя завѣщалъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Не довольно продолжительна была его земная жизнь, и намъ жалко, что онъ скончался еще рано; но и въ данный ему періодъ онъ совершилъ столько, сколько иные не совершили-бы въ продолженіе даже столѣтней жизни".

Брошюра кишиневская, посвященная памяти пр. Филарета, епископа рижскаго, есть плодъ прекраснаго чувства признательности къ нему его воспитанниковъ и слушателей. Въ немноголюдномъ Кишиневѣ набралось ихъ до 20-ти въ разныхъ вѣдомствахъ. Раздѣленные службою и жизнію, они сошлись, чтобы помянуть своего наставника и начальника не только молитвою, но трапезою и общею бесѣдою. Одинъ изъ нихъ, Л. М., произ-

Библиотека "Руниверс"

весъ въ этомъ кружкѣ задушевную рѣчь въ память почившаго, и она-то и составляетъ главное содержаніе брошюры.

Пр. Филаретъ также воспитанникъ кіевской академіи; но онъ посвятилъ ей 20 лѣтъ службы и связь его съ нею продолжительнѣе и тѣснѣе. Сопоставляя однако личность его, какъ она опредѣляется и въ разсматриваемой брошюрѣ, съ личностью митрополита Макарія, мы видимъ итоги жизни далеко неодинаковые. Отъ довольно продолжительной, дѣятельной и даже кипучей жизни человѣка талантливаго и высоко поставленнаго не осталось какъ будто ничего. Литературная производительность пр. Филарета почти совсѣмъ не видна и единственнымъ плодомъ ея осталась диссертація *о книгѣ Іова*, писанная во исполненіе требованій новаго академическаго устава. Въ ней несомнѣнно проявились и обширная эрудиція автора и его глубокій умъ; но покойный митрополитъ Арсеній сдѣлалъ невыгодный о ней отзывъ со стороны духа и направленія и докторантъ не получилъ искомой степени, а потомъ и вовсе уже не стремился къ ней.

Вся жизнь пр. Филарета ушла на административную дѣятельность. Плоды этой дѣтельности, по существу своему, съ трудомъ поддаются точному измѣренію и взвѣшиванію, и достоинство ихъ часто бываетъ спорнымъ. Во всякомъ случаѣ дѣятельность администратора скорѣе можетъ сдѣлаться жертвою забвенія, чѣмъ дѣятельность литератора. Книгу прочтутъ и оцѣнятъ чрезъ 200 лѣтъ; но дѣятельность администратора нужно захватывать, такъ сказать, *по горячимъ слѣдамъ*, чтобы спасти ее отъ забвенія.

Тѣмъ съ большимъ любопытствомъ мы встрѣтили брошюру Л. М., посвященную памяти Филарета, какъ ректора кіевской академіи, которой онъ служилъ такъ долго и въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ быть видны плоды его дѣятельности, хотя-бы и административной. Заслуги Филарета для академіи, по объясненію Л. М., состояли главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ академическому журналу и къ академическому музею древностей. „Онъ далъ“ (говорится въ брошюрѣ стр. 15—16) „новую постановку съ 1861 г. академическому журналу *Труды кіевской духовной академіи*; такъ что хотя этотъ журналъ задуманъ и основанъ нѣсколько раньше его ректорства, но настоящимъ организаторомъ его справедливо можно назвать Филарета. Онъ всегда старался держать этотъ академическій органъ на высотѣ *научныхъ* требованій. „Труды кіевской духовной академіи“ въ его время дѣйствительно были трудами ученыхъ людей, имѣвшихъ въ виду всестороннюю разработку

Библиотека "Руниверс"

богословской науки; цѣлей *вне-научныхъ* они себѣ не ставили. Когда Филарету замѣчали, что чрезъ это академическій журналъ имѣетъ мало подписчиковъ, онъ отвѣчалъ, что значитъ мало развита наука въ Россіи и что слѣдуетъ водворять эту науку... Научный характеръ „Трудовъ кіевской духовной академіи“ привлекалъ къ нимъ симпатіи людей науки и въ этомъ состоитъ существенная оцѣнка ихъ тогдашняго достоинства“...

Достоинство этой заслуги, конечно, вполнѣ понятно лицамъ академическаго кружка, къ которому относятся и кишиневскіе почитатели пр. Филарета, но трудно судить о ней читателю постороннему, въ виду того, что въ наукѣ вообще имя почтеннаго академическаго органа столь-же мало извѣстно, какъ и имя его редактора *ex officio*, каковымъ неизмѣнно становится всякій ректоръ. Мы можемъ отмѣтить, что въ указываемое время въ академическомъ журналѣ разработка мѣстной исторіи сдѣлала значительные успѣхи, но не можемъ сказать, на сколько въ этомъ проявилось личное вліяніе офиціальнаго редактора „Трудовъ“. Извѣстно, что самъ онъ ничего не писалъ и какою-либо спеціальностію познаній, кромѣ еврейскаго языка, не обладалъ; но любилъ все новое и смѣлое въ наукѣ, въ какую спеціальную и сухую форму оно ни было-бы облечено. Впрочемъ заслуга, о которой рѣчь, выяснилась и выросла впослѣдствіи, когда академія раздробила и размѣняла на мелочь свою учено-литературную дѣятельность и кромѣ своихъ давнихъ изданій: „Трудовъ“ и „Воскреснаго Чтенія“, притянула къ себѣ отъ консисторіи и „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“ съ ихъ обязательною подпискою, устремляясь какъ-бы разомъ за многими зайцами...

Другая заслуга пр. Филарета для кіев. академіи указывается въ его отношеніяхъ къ церковно-археологическому музею. „Филаретъ (говорится въ брошюрѣ стр. 16) основалъ при академіи кіевской новое учено-вспомогательное учрежденіе, какихъ нѣтъ (вѣрнѣе сказать: до того времени не было) при другихъ академіяхъ. Разумѣемъ церковно-археологическое общество съ музеемъ древностей при немъ. Для того, чтобы сразу же *поставить*, такъ сказать, *на ноги* это учрежденіе, Филаретъ на собственныя деньги (12 стр.) пріобрѣлъ знаменитую (?) сорокинскую коллекцію древнихъ иконъ и пожертвовалъ ее музею. Въ основаніи археологическаго общества и музея состоитъ важнѣйшая заслуга Филарета для науки, которой никогда не забудутъ будущія поколѣнія“. Въ интересахъ истины сдѣлаемъ къ этимъ строкамъ нѣсколько поправокъ. Первая

Библиотека "Руниверс"

мысль объ основаніи археологическаго музея принадлежитъ проф. П. А. Лашкареву, который привезъ ее съ 1-го археологическаго съѣзда; Филаретъ на первое время относился къ этой мысли скептически, и только впослѣдствіи расположился къ ней, когда дѣло уже пошло въ ходъ неусыпными трудами другаго профессора, Н. И. Петрова [1]). Далѣе: изъ употребленныхъ на покупку сорокинской коллекціи 12,000 р., только около 2,000 р. с. затрачено лично пр. Филаретомъ, остальные-же 10,000 р. с. пожертвованы въ его личное распоряженіе, безъ означенія цѣли, одною дамою, пытавшеюся однако получить деньги обратно, когда ей стало извѣстно данное имъ назначеніе.

Вообще въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ о пр. Филаретѣ, вызванныхъ его внезапною кончиною, ему не мало приписано такого, что вовсе не принадлежитъ ему, какъ напр. основаніе при кіевской семинаріи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей", когда Филаретъ находился еще въ Казани, или-же выдача имъ изъ собственныхъ средствъ пособій наставникамъ академіи, но опущено то, что сдѣлано имъ по собственному почину, какъ напр. капитальное переустройство обоихъ академическихъ зданій и приспособленіе ихъ ко всѣмъ потребностямъ заведенія и академическаго конвикта, обновленіе внутренняго вида братскаго храма и превращеніе онаго въ теплый, измѣненіе порядка студенческихъ испытаній, предоставленіе академической корпораціи большей самостоятельности, не смотря на то, что самъ онъ велъ съ нею иногда упорную борьбу, изгнаніе изъ академической жизни послѣднихъ остатковъ формализма и такъ называвшагося монашескаго духа и наконецъ забота о томъ, чтобы поставить на ноги академическую библіотеку, безъ которой, по выраженію Ѳ. Прокоповича, *какъ безъ души, академія.* Независимо отъ новаго помѣщенія библіотеки и снабженія ея новыми цѣнными изданіями, нельзя не указать на крайнія его въ 1869 г. усилія дать академіи библіотекаря въ лицѣ извѣстнѣйшаго библіографа С. И. Пономарева, хотя сама академическая корпорація оказала ему въ этомъ рѣшительное препятствіе. Не подлежитъ оспариванію, что это былъ замѣчательно свѣтлый и глубокій умъ, характеръ твердый, несокрушимый. Сравнивая пр. Филарета съ митр. Макаріемъ, можно

[1]) Впрочемъ Филарету и прежде были присущи археологическія тенденціи, какъ это доказывается его заботами о списываніи портретовъ академ. дѣятелей, для торжеств. акад. залы, на что онъ потратилъ не мало хлопотъ и денегъ.

Библиотека "Руниверс"

сказать, что онъ превосходилъ его богатствомъ дарованій. И однако какая громадная разница въ результатахъ и размѣрахъ дѣятельности обоихъ! Причиною сему, между прочимъ, съ одной стороны неровность въ характерѣ пр. Филарета, невыдержанность его и крайняя прямота, съ другой—природная тяжесть, малоподвижность натуры его, нѣкоторая какъ-бы апатія и сонливость, когда ничто ее не возбуждаетъ. Такимъ онъ былъ въ своихъ лекціяхъ, такъ относился онъ къ лекціямъ другихъ, которыхъ никогда не посѣщалъ, такъ глядѣлъ онъ и на всякое заурядное дѣло. Но являлось препятствіе, столкновеніе и—тутъ закипала его страстная натура и много времени и силъ уходило, иногда даже безплодно. Тѣневыя стороны дѣятельности пр. Филарета неумолчаны и въ разсматриваемой брошюрѣ о немъ. „Натура его (говорится въ брошюрѣ стр. 17—18) была *нервная*, горячо ко всему относившаяся... Это горячее, *сердечное* воспринятіе всего съ теченіемъ времени развило въ немъ *болѣзненную раздражительность*, которая разумѣется не могла не проявляться такъ или иначе въ его отношеніяхъ къ обѣимъ сторонамъ академической корпораціи, отношеніяхъ и начальническихъ, и человѣческихъ". И еще: „Филаретъ какъ будто иногда уставалъ—разочаровывался, сердился, раздражался" (стр. 25). Это вѣрно, и всякій, кто служилъ въ академіи при пр. Филаретѣ, скажетъ, что это вѣрно. Но прямота и честность Филарета были такъ ясны для всѣхъ, что ради ихъ даже люди, недовольные имъ, кое-что такъ сказать сбрасывали ему со счетовъ. Его безкорыстіе и нестяжательность были такъ велики, что, получая едва не министерское содержаніе, онъ не рѣдко занималъ копѣйки у своего-же келейника, и то для того, чтобы отдать другимъ. Его равнодушіе къ тому, что называется карьерою, могло-бы служить для многихъ поучительнымъ примѣромъ. Пожалѣть можно о томъ, что столь свѣтлый умъ и столь сильный характеръ такъ мало принесъ видимыхъ плодовъ академіи, которой онъ такъ долго служилъ, мало, по видимому, интересуясь ея историческимъ характеромъ и задачами. Но его память въ академіи увѣковѣчена устроенною имъ въ большей части на свои средства портретною галлереею въ академической залѣ, въ которой предъ глазами посѣтителя проходитъ вся исторія этого древнѣйшаго въ Россіи училища и вся его многообразная и разносторонняя жизнь. Л. Т.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ЗАПОРОЖЦЫ.

(народное преданіе).

Не смотря на довольно позднее появленіе въ исторіи запорожскихъ, или низовыхъ козаковъ, наши и польскіе лѣтописцы и историки, какъ извѣстно, отодвинули далеко въ глубь вѣковъ начало запорожскаго козачества и облекли его происхожденіе туманомъ вымысловъ.

Объясняя возникновеніе южно-русскаго козачества, всѣ почти историки, какъ принимавшіе туземное происхожденіе нашихъ козаковъ, такъ и выводившіе ихъ отъ другихъ народовъ, признавали первоначальнымъ пунктомъ появленія козачества Запорожье и уже отъ запорожцевъ выводили городовыхъ козаковъ. Грабянка, напримѣръ, полагалъ, что малороссійскій народъ произошелъ отъ славянскаго племени козаръ: „козаровъ-же нарицаніе малороссійскіе вои мало что перемѣнивши, вмѣсто козаровъ, козаками именуются". Но первые козаки поселились около Днѣпра ниже пороговъ „въ пустыхъ мѣстахъ и въ дикихъ поляхъ"; образовались-же они изъ жителей Украйны, не желавшихъ работать на поляковъ, которые, по присоединеніи Малороссіи, „усовѣтоваша въ работѣ имѣти живущіе въ нихъ (въ малороссійскихъ странахъ) люди" [1]). Было высказываемо и такое мнѣніе, что запорожскіе козаки произошли отъ

[1]) Лѣтопись Григорія Грабянки К. 1854 г. стр. 15—18.

Библиотека "Руниверс"

великороссійскихъ: козаки цѣлымъ столѣтіемъ прежде появленія ихъ въ Малой Россіи были уже извѣстны по Волгѣ и на Дону, и въ Рязани въ 1444 году, и за разбои въ княжествѣ курскомъ и мещерскомъ были выгнаны оттуда еще въ началѣ XVI вѣка и ушли въ Запорожье, гдѣ на островахъ могли найти остатки прежнихъ черныхъ клобуковъ, половцевъ и проч. [1]). Польскіе историки также высказывали различныя, болѣе или менѣе произвольныя, предположенія о происхожденіи нашихъ козаковъ, связывая ихъ происхожденіе съ производствомъ имени козаковъ. Между другими, наприм., Веспасіанъ Коховскій производитъ имя козаковъ отъ дикихъ козъ, которымъ они подобны скоростію до брани и ловомъ которыхъ наиболѣе упражнялись [2]). Не менѣе запутанности въ вопросѣ о происхожденіи южно-русскаго козачества можно найдти и у прежнихъ историковъ Малороссіи. По мнѣнію Маркевича, запорожское козачество возникало если не три, то, по крайней мѣрѣ, два раза. Въ первый разъ тотчасъ послѣ завоеванія южной Руси монголами горсть безпріютныхъ скитальцевъ, удалившись съ пепелищъ своей родины, поселилась на днѣпровскихъ островахъ... „Тамъ, безъ женъ и дѣтей, питаясь звѣриною и рыбною ловлею, тревожа набѣгами враговъ вѣры и отечества, они приняли имя исчезнувшаго, но знаменитаго войска козаковъ и черкасъ“ (т. е. черныхъ клобуковъ и торковъ). Подъ 1401 г. Маркевичъ упоминаетъ уже о городовыхъ козакахъ, не поясняя ихъ происхожденія. За тѣмъ оказывается, что на островахъ днѣпровскихъ жили козаки въ началѣ XVI столѣтія, но были разсѣяны и неустроены: переходили съ мѣста на мѣсто, и не имѣли постоянной организаціи; первымъ настоящимъ организаторомъ ихъ былъ Евстафій Дашковичъ, котораго они избрали кошевымъ. Организованы они были послѣ 1511 года, т. е. послѣ Піотрковскаго сейма, на которомъ Дашкевичъ защищалъ мысль о необходимости учрежденія постоянной стражи противъ татаръ, у днѣпровскихъ пороговъ [3]). Бантышъ-Каменскій относитъ происхожденіе южно-русскаго козачества къ началу XV столѣтія и считаетъ также, что первыми козаками на югѣ были запорожцы: „Въ сіе

---

[1]) «Черниг. Губерн. Вѣдомости» 1852 г. № 5 ст. Раковича о козакахъ.
[2]) Лѣтопись Грабянки, стр. 15.
[3]) Исторія Малороссіи, т. I-й стр. 16, 32, 33.

Библиотека "Руниверс"

время впервые появились въ Польшѣ козаки, каковое названіе приняли тогда днѣпровскіе островитяне отъ татаръ“ [1]).

Между тѣмъ, изданные въ послѣднее время разнаго рода акты даютъ возможность вполнѣ отчетливо опредѣлить причину и время возникновенія запорожскаго войска. Изъ этихъ документовъ видно, что первоначально были одни городовые козаки, которые жили въ предѣлахъ нынѣшней кіевской губерніи. Эти козаки находились подъ главнымъ завѣдываніемъ кіевскаго воеводы и украинскихъ старостъ: кіевскаго, черкасскаго и каневскаго. Въ XV и XVI-мъ столѣтіяхъ они уже выходятъ ежегодно на югъ для ловли рыбы и звѣрей и время отъ времени появляются тамъ для нападенія на татаръ, но всегда возвращаются осенью домой. Вслѣдствіе того, что кіевскіе воеводы и украинскіе старосты дозволяли козакамъ ходить на татарскіе улусы для добычи, которой козаки дѣлились со старостами, между турецкимъ и татарскимъ правительствомъ, съ одной стороны, и польскимъ съ другой, происходили большія непріятности и столкновенія. Это побуждало польскихъ королей писать украинскимъ воеводамъ и старостамъ со строгими внушеніями, чтобы тѣ приняли мѣры къ воздержанію козаковъ отъ нападеній на татаръ и даже сами указывали и предлагали эти мѣры: въ королевскихъ грамотахъ предлагается старостамъ, чтобы они, отпуская козаковъ на ловлю рыбы и бобровъ, знали точно ихъ число и наблюдали-бы, съ какой добычей возвращаются домой козаки. Чтобъ удержать козаковъ въ повиновеніи, велѣно было всѣхъ ихъ вписать въ реестры [2]). Разумѣется, такія мѣры шли совершенно въ разрѣзъ съ желаніями козаковъ, назначеніемъ которыхъ была борьба съ невѣрными и защита отъ нихъ мирнаго южно-русскаго населенія. Въ видахъ противудѣйствія указаннымъ мѣропріятіямъ, часть городовыхъ козаковъ, безъ приказанія и вѣдома короля и украинскихъ старостъ, удалилась изъ Украины на низовье Днѣпра и стала тамъ „въ полю и на иныхъ входахъ перемѣшкивать (проживать)“; поселясь же тамъ, они начали нападать на подданныхъ турецкаго султана, чабановъ, и татаръ перекопскаго хана. Это было передъ

[1]) Исторія Малой Россіи, т. I-й, стр. 114.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. археограф. коммис., т. I-й, стр. 109. Королев. грамота 1541 года.

Библиотека "Руниверс"

1568 годомъ, какъ видно изъ универсала, написаннаго въ упомянутомъ году королемъ Сигизмундомъ-Августомъ къ удалившимся козакамъ, которымъ предписывалось возвратиться обратно въ замки и города [1]). Такимъ образомъ приведенные акты свидѣтельствуютъ, что войско запорожское возникло позже всѣхъ другихъ видовъ козачества, именно въ началѣ второй половины XVI столѣтія, но что южно-русскіе козаки раньше этого времени хорошо были знакомы съ низовьями Днѣпра, такъ какъ они ходили туда для нападеній на татаръ и даже временно поселялись на островахъ, какъ напримъ это было при Димитріѣ Вишневецкомъ около 1556 г., когда тотъ укрѣпилъ о. Хортицу и засѣлъ на ней съ козаками. Еще лучше знали они низовыя мѣста по той причинѣ, что издавна имѣли тамъ свои „входы", т. е. угодья съ озами и бобровыми гонами, и ежегодно отправлялись туда „въ добытки на рыбы и бобры". Интересенъ тотъ фактъ, что не только козаки правобережной Украйны имѣли право входа въ низовыя мѣста, но даже полтавскіе козаки и севрюки (сѣверяне) нынѣшней черниговской губерніи ходили туда для ловли рыбы и звѣрей [2]), даже въ болѣе позднее время, когда уже существовала Запорожская Сѣчь, и тѣ мѣста должны были, повидимому, принадлежать исключительно низовому войску. Вѣроятно, право пользованія рыбными и звѣриными угодьями на низахъ принадлежало издавна южно-русскому населенію и оно пользовалось этими мѣстами на основаніи изстари установившихся обычаевъ. Если это такъ, то югъ съ давнихъ временъ былъ хорошо знакомъ нашимъ предкамъ и они имѣли въ тѣхъ мѣстахъ временныя жилища, курени и землянки, на подобіе тѣхъ, какіе и теперь устраиваются разнаго рода промышленниками: бакланниками, рыболовами и т. п.

Какъ лѣтописцы и историки наши путались въ своихъ объясненіяхъ причинъ и способовъ возникновенія сѣчеваго козачества, также точно и народъ въ своихъ преданіяхъ о происхожденіи запорожцевъ. Еще во время существованія Запорожья была у сѣчевиковъ легенда, которая относила ихъ происхожденіе къ 948 году. По этой легендѣ, запорожцы обязаны своимъ существованіемъ нѣ-

---

[1]) Архивъ юго-запад. Россіи. Ч. 3-я, т. 1-й, стр. 4.

[2]) «Кіевск. Старина», апрѣль стр. 18 и исторіко-статистич. описаніе харьков. епархіи Филарета. Отд. 2, стр. 320.

Библиотека "Руниверс"

косму Семену, выходцу изъ правобережной Украйны, который поселился сначала одинъ при устьѣ р. Буга для производства промысловъ, „для битья дикихъ козъ, кабановъ и прочей дичи“, затѣмъ привлекъ къ себѣ болѣе ста человѣкъ своихъ сосѣдей, которые назвали его своимъ атаманомъ. Они, по словамъ легенды, „сшили себѣ кафтаны и штаны изъ кожи дикихъ козъ, и тако произошли въ великую славу, что славные стали быть стрѣльцы, и прозвали ихъ козарами“. Упомянутыхъ казаръ съ ихъ атаманомъ Семеномъ призвалъ къ себѣ на службу греческій императоръ для войны съ сарацинами. Умноживъ свои войска добровольцами изъ Украйны, Семенъ счастливо воевалъ съ сарацинами. За это греческій царь по окончаніи войны милостиво жаловалъ ихъ и назвалъ ихъ козаками и писалъ объ нихъ къ королю польскому, чтобы ихъ, за храбрые поступки, подъ своею протекціею имѣлъ и велѣлъ называть козаками, а не козарами. Возвратясь изъ похода, Семенъ поселился по очаковской сторонѣ, при р. Днѣпрѣ [1]).

Настоящее преданіе, подробно изложенное Мышецкимъ въ его исторіи о казакахъ запорожскихъ, по всей вѣроятности дало тему для разнообразныхъ объясненій и толкованій нашихъ лѣтописцевъ относительно происхожденія запорожцевъ. Конечно, въ приведенномъ преданіи нельзя не видѣть отраженія книжныхъ извѣстій, и поэтому нужно думать, что оно было сложено какимъ либо грамотнымъ и даже книжнымъ человѣкомъ. Но что оно извѣстно было также простымъ козакамъ, въ этомъ можно убѣдиться, зная о существованіи до сихъ поръ въ народѣ преданія, которое производитъ запорожцевъ отъ козаръ. П. А. Кулишъ записалъ въ Корсунѣ отъ старика преданіе о запорожцахъ, которое именно говоритъ, что запорожцы сначала назывались казары и имѣли свою Сѣчь прежде въ Каневѣ, потомъ въ Романовкѣ и Старомъ Кодакѣ, наконецъ ниже Никополя. „Служило ихъ три у короля. Король заплативъ двомъ жалованне, а третёму сказавъ: отъ же я двомъ заплативъ гришми, а ты, коли хочъ, иди въ Каневъ, осади собі тамъ слободу. Отъ вінъ пишовъ, та й завівъ тамъ Січъ [2]). Такъ кратко, но не ясно говоритъ народное преданіе о происхожденіи запорожцевъ.

---

[1]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Мышецкаго. Од. 1851 г., стр. 1—3.

[2]) Записки о южной Руси Кулиша, т. I-й, стр. 150.

Библиотека "Руниверс"

Сообщаемое нами ниже преданіе о томъ, откуда взялись запорожцы, уже не носитъ на себѣ никакой книжной окраски и не ищетъ происхожденія сѣчевиковъ въ глубинѣ вѣковъ; напротивъ, оно преисполнено чисто народно-фантастическаго духа, хотя и относитъ основаніе Запорожья къ самому позднѣйшему времени, именно къ царствованію Екатерины 2-й. Причину возникновенія Сѣчи наше преданіе находитъ въ войнѣ между Россіей и Турціей. Если-бы можно было принимать приводимое преданіе лишь какъ объясненіе народомъ возникновенія послѣдней Сѣчи запорожской, то оно имѣло-бы нѣкоторый видъ правдоподобія. Замѣчательно наше преданіе въ томъ отношеніи, что оно желаетъ охватить все время существованія Запорожья, начиная отъ его возникновенія и оканчивая появленіемъ запорожцевъ въ Турціи послѣ паденія Сѣчи.

Приводимый ниже разсказъ, согласно съ другими народными преданіями, представляетъ запорожцевъ людьми сильными, храбрыми, смѣтливыми; онъ называетъ ихъ также *манощвиками*, т. е. людьми умѣющими напускать *ману*, околдовывать враговъ. Вообще разсказъ рисуетъ запорожцевъ симпатическими чертами и указываетъ на глубокую привязанность народа къ Запорожью.

Говоря объ этой послѣдней сторонѣ народныхъ преданій о запорожцахъ, нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что память народная о запорожцахъ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе позднее время, начинаетъ затемняться и вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ воспоминаній о нихъ раздвояется: тогда какъ одни, болѣе старые люди, высказываютъ большую симпатію къ запорожцамъ, считая ихъ чуть-ли не идеальными рыцарями, другіе, болѣе молодое поколѣніе, хотятъ видѣть въ нихъ лишь разбойниковъ. Послѣдній взглядъ возникъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ затемняющихся преданій о гайдамакахъ. Въ подтвержденіе сказаннаго можно остановиться на одномъ изъ воспоминаній о запорожцахъ, переданномъ въ журналѣ „Устои“ за нынѣшній годъ (кн. 1, стр. 78, Записки южно-русскаго крестьянина). Въ упомянутой статьѣ бурлака (бѣглый крестьянинъ) разсказываетъ, какъ онъ въ началѣ 50-хъ годовъ, будучи еще мальчикомъ, встрѣтился въ херсонской губерніи съ однимъ глубокимъ старикомъ изъ козаковъ полтавской губерніи и какой произошелъ между ними разговоръ, по поводу малороссійскихъ козаковъ вообще и запорожцевъ.— То-жъ были разбойники, говорилъ мальчикъ. „Не вѣрь, убѣждаетъ

Библиотека "Руниверс"

старикъ, то не розбойники, они были козаки, какъ вотъ теперь солдаты... Было у нихъ своей земли много, а сами они воевали; за-то и назвали ихъ разбойниками и ворами, а они были добрые люди, какъ и всѣ люди". А я говорю: какъ же это: такіе люди, а ихъ назвали такими?—„Потому что они были „*неуваи*", не давали спуску никому". А я и говорю: какъ же это не давали спуску: значитъ, они были разбойники?—А онъ говоритъ: „если кто нападалъ на нихъ, то они были сердиты и зададутъ, бывало, жару; это была ихъ земля". А я думалъ, что они разбойники. Тогда дѣдусь и говоритъ мнѣ: „тогда козаки были, какъ теперь паны: они были военные; у нихъ была своя крѣпость возлѣ Херсона, называлась Сѣчь и этотъ Херсонъ, онъ не Херсонъ назывался, а иначе".

Не такая-ли самая разница во взглядахъ, а можетъ быть и симпатіяхъ, относительно козачества вообще и Запорожья въ частности, замѣчается въ настоящее время и между нашими изслѣдователями прошлаго, принадлежащими къ двумъ противуположнымъ направленіямъ: централистическому и народническому?

Вотъ самый разсказъ, переданный намъ Г. Я. Стрижевскимъ и записанный послѣднимъ въ 70-хъ годахъ въ г. Полтавѣ отъ семидесятилѣтняго старика, бывшаго крѣпостнаго крестьянина, Павла Кислого.

Була царица велика, и сама вона царювала. Тильки супостатъ находе, богатырь, що: „подай на войну—выходи"! А вона не сміе—боиться.

„Ну, якъ ты не сміешъ выходити, такъ дай мени двадцятеро чоловіка салдатъ" (такъ, значитъ, якъ-бы у плінъ).

Вона зраділа и заразъ послала: идіть каже, оттуды й туды! Вони пішли. Ну, послани, есть вони тамъ,—царица думае.

Пішли; не дійшли до ёго, а відъ ей відійшли. Ократилися собі, кошомъ стали. Каже, „чого мы до ёго підемо: пехай вінъ насъ шука! „Прожили собі годъ въ степу, такъ—бурлаками ділo: де вівцю вкрадуть, де корову счигають.

На другий годъ требуе вибять полководецъ, каже: „вставай, иди, а то я на тебе йду! Чомъ ты мені не послала двадцятеро чоловіка?" А вона каже: именно, именно послала. Потимъ того

Библиотека "Руниверс"

сорокъ чоловіка требуе. Вона вспоружила и послала сорокъ чоловіка: абы-бъ тильки ты мене не йшовъ рубати!

Потимъ того ище годъ... То такъ: ті пишли сорокъ чоловіка, тимъ степомъ, найшли тіхъ першихъ.

„Здрастуйте!“

— Здорові! куды вы йдете?

„Цариця послала у плінъ“.

— Та й мы, каже, йшли, та тутъ окопилися; зоставайтесь и вы тутъ зъ нами, будемо жити!

Вони й остались. И стало ихъ 60 чоловіка.

На третій годъ вінъ, полководець, каже: „э, ні, царице Екатерино! ты мотаешъ, ты не посылаешъ салдатъ, якъ казала“. А вона одписуе, шо я послала, уже 60 чоловіка послала.

„А! ну ще пошли 60 чоловіка!“

Вона послала 60 чоловіка и наказала: підіть-же, каже, та щобъ вы именно тамъ були!

Добре. И ті пішли. И зновъ до тихъ пристали. Якъ разъ саме на перестриті, въ степу.

„А куда йдете?“

— Оттакъ, такъ и такъ.

„Та й мы, каже, йшли. Чого вы туда підете? Оставайтесь тутъ; будемо жити!“

И вже вони припасы зробили, и орудія, и все. И стало ихъ 120-ро чоловіка. И стали вони запорожьці.

Теперъ выходе той полководець воюватися. Цариця проситьця, каже: що я тобі винна?

„Ні, каже, давай воюватися!“

Уже цариця йде зъ своими варміями. Тутъ сі йдуть—наши, а тутъ ті йдуть.

(При этомъ разскащикъ сдѣлалъ движеніе руками съ противуположныхъ сторонъ въ одну точку).

Ще-жъ наши йдуть, а вже ёго дойшли якъ разъ до ціхъ, що въ степу окопилися.

Идуть, ажъ лісъ такий, та терны!

Запорожці поприсідали, попригинались, постанали, а имъ здаеця лісъ, що нибы-то дерева стоять. Якъ почали вони но мижъ тими тернами продиратися. То отце иншого запорожець и

Библиотека "Руниверс"

возьме за чуба, то той такъ отчеплюе, дума, що за гильлячку зачепивсь...

Отъ якъ пройшли вони той лісъ, тоді запорожьці прямо стали и хоругвъ выкинули й у трубы заграли. Тіи озирнулись, ажъ страшенне військо за ими стоить (А ихъ усихъ 120-ро чоловіка було!). Вони до орудія: тутъ бахъ! бахъ! изъ орудія—а воно тильки пссъ! вода! А запорожьці понаставляли полы, беруть тіи ядра й кули, та имъ кидають.

Запорозьці маноцивники були, такіи лыцари були—страшне діло! Оце розстелють бурку по воді, та сядуть по вуглахъ чотыри чоловіка, та й плывуть, люльки курячи, та ще й у карты граючи! Эге! Якъ-бы оце запорожець изъ нами сидівъ оттутъ биля грубы, то вінъ-бы таке пацустивъ, що намъ здалося-бъ, що домъ горить: мы-бъ жахнулись, а вінъ-бы сидівъ собі, ій-богу!

Такъ вони такъ и тутъ поробили: тіи стріляють изъ орудія—стріляють гораздъ, здаетьця, якъ слідъ, а выстриле, такъ вода: тильки пссъ... та й більшъ ничого. Тоди запорозьці якъ жахнули! такъ чисто все забрали, а татаръ на кгамузъ порубали.

Це-жъ тіхъ татаръ порубали, а тутъ идуть варміи відъ цариці изъ орудіями... Приходять... и сі наткнулися. Побачили, то страшне діло! військо стоить! Заразъ, бахъ! бахъ! изъ орудія, а воно тилько—пссъ! вода!

„Э, каже, такъ не візьмемо; тутъ нечиста сила бьеть!“

Прийшлось на питихи. Тутъ запорозьці на колінка впали. Що-жъ, говорять, мы-бъ васъ и били, такъ що-жъ, коли вы наши браты.—(Що може тамъ чий дядько, або батько есть!)

„Що-жъ вы таке?“—питають.

— Мы, каже, запорозьці, мы тіи саміи, що царица послала. Такъ и такъ, каже, скажить царіці, що мы есть запорозьці. А татаръ, каже, вже мы порубали. Такъ и царыці скажить.

Вернулися варміи назадъ. А вони зосталися.

Царыці доложили, що, мовъ, такъ и такъ. Отъ царица заразъ: „узять ихъ!“

Швидко сказать добре, тилько взять ихъ не добре. Що не робили и солдаты вставали, такъ ничого не зроблять.

Библиотека "Руниверс"

Такъ уже зібрались усі генералы, усі полковники—порадьмося, що имъ зробити, якъ ихъ обгорнути!

Такъ тамъ и межъ ими выбрався одинъ маноцивничокъ. „О, стривайте, каже, вы, каже, не знаете, що робити! Не знаете“?

— Не знаемо! кажуть.

„Постривайте-жъ каже; розложу я бурку, простелю та въ середыні хлібъ та дрибокъ соли положу; а вы который достаньте, та тільки на бурку не ступай“. Узявъ, бурку прославъ, положивъ хлібъ посередыні и соли дрибокъ изъ-верху.

„А! каже, бачите цей хлібъ? Ну хто зъ васъ, каже, розумнійшій? достань цей хлібъ и сіль, тільки не ступай на бурку. не ступай. Оттутъ стій, осьдечки; нахились тільки, а на бурку не ступай“.

Отъ, котори смілівіши, засміялись, кажуть: то вінъ выгадує?

А той каже: „не смійся, ты достань, та колінъ не згинай, а нахились та достань хлібъ; тутъ стій осьдечки, о! Та не досягнешъ. не досягнешъ“!

Отъ тутъ заходились... такъ и справді не досягнуть. Инший нахилиться та й не встоіть, та носомъ объ хлібъ. А той маноцивничокъ регочется. „А що“? каже...

Тоді всі до ёго приступили. А ну-жъ, ты, кажуть, и ты не досягнешъ!

„Ні досягну“!

— А-ну, досягни!

„Добре. О, каже, вы не знаете якъ“.

Лежить бурка розистлана. Вінъ узявъ, одинъ край загнувъ трішечки и—далі: пидійшовъ изъ другого краю, трішечки загнувъ, потимъ изъ третёго—ледви знати, изъ четвертого... Та такъ то зъ того, то зъ того краю пидгинавъ—пидгинавъ—пидгинавъ, де забігъ; усе потрошку—поки й бурку згорнувъ! Тоді нахилившись, хлібъ узявъ. „Ось“! каже.

— Ну, такъ!—кажуть [1]).

Якъ узяли-жъ вони турбоватись, якъ узяти, по той бікъ Ворсклы. А то въ букыньщині була гетьманьщина—це були тіи,

[1]) Этотъ маноцивничокъ изъ числа русскихъ генераловъ, вѣроятно, и указалъ какъ побѣдить запорожцевъ или, по крайней мѣрѣ, какъ ихъ обуздать.

Библиотека "Руниверс"

богатыри, стало буть, були. Якъ почали ихъ то зъ того боку, то зъ того. Отъ вони до Нехворощи подалися и за Орель передалися. А по сей бікъ Орели линія була, а по той бікъ Орели, за Нехворощею, полководчина була. А то, що могилы, то тамъ були сторожи, щобъ уже якъ побачимъ невіру, той тікай.

Тільки вони за Орелью пожили небагато. И відтиль ихъ попхнули. Якъ передались вони черезъ Орель, такъ вони якъ дійшли до Самары, такъ и теперъ церква е зъ дванадцятьма банями. Отъ и теперъ співаєтьця:

Ой Самаръ річка да невеличка
Да промывае кручи...
Ой да заплакавъ та панъ Коповый
А видъ цариці йдучи!

(При этомъ разскащикъ отеръ слезы).

Значить, вони й цариці жалілись, що-бъ ихъ не руйновали.

Такъ оттамъ, якъ окопились вони, добре, добре жили! Якъ вони добре жили тамъ у Самарі!

Тільки якъ стало сутужно й тамъ, и тамъ ихъ стали обижати, такъ вони рушили тоді підъ турка на островъ. Покинули свое життя й церкву — все, и пішли, бо дуже стали ихъ обижати.

Ото-жъ тіи запорожьці! ото-жъ ихъ завежденія! ото-жъ ихъ завежденія.

Оце недавно, може, пятнадцать... ні, не буде! прислали вони двадцять тысячъ на поправку, щобъ така була, якъ мы покинули; щобъ не руйновалась.

Вони й теперъ у Турещині живуть на острові; и Семенъ Палій изъ ними.

П. Ефименко.

Н. Д. МИЗКО

(некрологъ).

Недавно умеръ въ Москвѣ Николай Дмитріевичъ Мизко. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей изъ среды состоятельныхъ землевладѣльцевъ нашего юга, которые серьезно интересовались русской литературой, а также настоящимъ и прошлымъ

Библиотека "Руниверс"

южной Россіи, и писали о нихъ. Вотъ причина, по которой его слѣдуетъ помянуть на страницахъ „Кіевской Старины“.

Родъ Мизокъ происходитъ изъ козаковъ нынѣшняго борзенскаго уѣзда. По свѣдѣніямъ, заключающимся въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи, арх. Филарета, прадѣдъ Н. Д. Мизка, Ѳедоръ, былъ козакъ, а дѣдъ Тимофей († 1738—1816 г.) сначала причетникъ, потомъ дьяконъ, много лѣтъ былъ потомъ священникомъ въ г. Борзнѣ; онъ зналъ хорошо иконописаніе, такъ что ему было поручено написать иконы для черниговскаго преображенскаго собора. Отецъ покойнаго, Дмитрій († 1772—1847 г.) учился въ кіевской духовной академіи и по окончаніи курса служилъ почти въ продолженіи 30-ти лѣтъ директоромъ екатеринославской гимназіи, которая была имъ-же и открыта въ 1805 году. Изъ рода Мизокъ извѣстенъ также дядя Николая Дмитріевича Григорій († 1782—1867 г.), который былъ съ 1817 по 1833 г. попечителемъ въ обществѣ израильскихъ христіанъ.

Всѣ члены рода Мизокъ отличались особенной религіозностью, по всей вѣроятности, унаслѣдованной отъ ихъ предка Ѳедора, который направлялъ своего сына на духовное поприще. О священникѣ Тимофеѣ сохранилось свидѣтельство въ его документѣ, что онъ былъ „доброй и набожной жизни“. Директоръ Димитрій особенно любилъ сообщество лицъ духовнаго сана и передалъ эту наклонность сыну, Николаю, памяти котораго посвящены настоящія строки. Григорій принадлежалъ къ тому мистическому направленію, которое было названо масонствомъ. Пріобрѣтя въ Новороссіи хорошія матеріальныя средства, Мизки не забывали своей первоначальной родины, Борзны, жертвуя на церкви этого города разныя церковныя вещи и деньги; на ихъ средства выстроена въ Борзнѣ, надъ могилою священника Тимофея, церковь во имя Воскресенія Христова [1]).

Николай Дмитріевичъ воспитывался въ той-же гимназіи, что и пишущій настоящія строки, т. е. въ екатеринославской. Мы помнимъ его, когда онъ, окончивши курсъ въ гимназіи и подъ ру-

---

[1]) Историко-статист. описаніе черниг. епархіи, кн. 6-я, стр. 424, 428, 435, 436, 439.

Библиотека "Руниверс"

ководствомъ учителя гимназіи Андрея Степановича Понятовскаго, замѣчательнаго педагога [1]), готовился къ выдержанію экзамена на званіе дѣйствительнаго студента въ харьковскомъ университетѣ. Помнимъ время 1846—1847 г., когда Мизко уже состоялъ редакторомъ „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", гдѣ онъ усердно работалъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ мы встрѣчали его въ городахъ Кіевѣ и Борзнѣ, въ домѣ землевладѣльца Н. Д. Бѣлозерскаго, служившаго въ то время сборнымъ пунктомъ для всѣхъ интересовавшихся южно-русскимъ краемъ и работавшихъ для него. Но настоящее знакомство наше съ нимъ относится уже къ 1874 году, когда онъ разстался окончательно съ екатеринославской губерніей и переселился въ г. Воронежъ.

Располагая значительнымъ состояніемъ (онъ въ 1847 г. получилъ отъ отца въ наслѣдство до 6000 десят. земли), Мизко не имѣлъ надобности въ государственной службѣ; онъ все время посвящалъ лишь хозяйству и литературѣ. Во время своихъ хозяйственныхъ поѣздокъ по разнымъ мѣстамъ Малороссіи и новороссійскаго края, Мизко имѣлъ возможность познакомиться со всѣми выдающимися южно-русскими писателями и патріотами 40—50-хъ годовъ. Гулакъ-Артемовскій, Метлинскій, Забѣла, Кулишъ, Шевченко, Аѳанасьевъ, Чужбинскій, Бѣлозерскій и др.—вотъ лица, съ которыми онъ былъ близокъ или знакомъ. Сношенія съ указанными лицами не могли не отразиться на воззрѣніяхъ и симпатіяхъ покойнаго. Онъ принадлежалъ къ такъ называемому украинскому направленію; симпатіи къ родинѣ не помѣшали ему посвятить свои силы русской литературѣ,—онъ много писалъ по исторіи и теоріи словесности въ разныхъ журналахъ 40—70-хъ годовъ: въ „Отечеств. Запискахъ", „Москвитянинѣ", журналѣ „Мин. Нар. Просв.", „Библіографическихъ Запискахъ", „Филологическихъ Запискахъ", газетѣ „Донъ" и др. Изъ отдѣльныхъ его сочиненій стоитъ упомянуть о „Столѣтіи русской литературы" (Одеса 1849 г.) и книгѣ для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи (Москва 1865 г.). Кстати здѣсь сказать, что Мизко принадлежалъ къ числу немногихъ

[1]) Всѣ воспитанники екатеринославской гимназіи 30—40-хъ годовъ помнятъ этого учителя, вкладывавшаго душу въ свое дѣло, и благоговѣйно чтутъ его память; біографія его помѣщена была Н. Д. Мизкомъ въ журн. Мин. Нар. Пр.

Библиотека "Руниверс"

лицъ, понявшихъ и оцѣнившихъ въ свое время значеніе произведеній Гоголя—„Мертвыя Души“ и „Ревизоръ“. Ему принадлежитъ статья „Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Мертвыя Души“, появившаяся въ 1843 г. въ „Отечеств. Запискахъ“ и обратившая на себя вниманіе Бѣлинскаго и самаго Гоголя.

Перечислимъ статьи Ник. Дм. касающіяся непосредственно юга.

О самарскомъ монастырѣ и Екатеринославлѣ. „Екатерин. Губ. Вѣдомости“ 1846 г., перепеч. въ „Иллюстраціи“ 1846 г. № 15.

Рецензія проповѣдей протоіерея Гречулевича на малороссійскомъ языкѣ. „Русск. Бесѣда“ 1857 г. кн. 3.

Рецензія на книгу Метлинскаго „Народныя южно-русскія пѣсни“, „Москвитянинъ“ 1855 г. № 4.

Воспоминаніе о Соленикѣ, знаменитомъ украинскомъ актерѣ. „Основа“ 1861 г. № 2.

Изъ с. Карабиновки (тамъ-же № 5).

Краткій историческій очеркъ украинской литературы (по поводу книги Петриченка; тамъ-же, 1862 г. № 3).

Народное образованіе въ новомосковскомъ уѣздѣ, жур. „Мин. Нар. Пр.“ 1868 г. № 5.

Труды Максимовича для русской филологіи и словесности. „Филологич. Записки“ 1871 г.

Наша старина. Извлеченіе изъ рукописи малороссійскаго старожила Писаревскаго. „Донъ“ 1869 г. № 54—57.

По поводу толковъ о малороссійскомъ языкѣ и о малороссійской словесности. „Донъ“ 1881 г. № 53 [1]).

По поводу послѣдней статьи, г. Рябининъ, авторъ воспоминаній о Мизкѣ [2]), говоритъ, что хотя Мизко по образу мыслей принадлежалъ къ украинофиламъ, „но его любовь къ родинѣ и родной народности никогда не увлекала его въ крайнія и нелѣпыя теоріи; онъ не только понималъ, но и чувствовалъ всю неразрывность взаимно-тѣсной связи Малой и Великой Россіи, закрѣпленной исто-

[1]) Кромѣ того ему-же принадлежитъ рукописная статья, переданная имъ въ 1843 г. Гоголю: Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ новорос. краѣ съ 1764 года.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“, 1882 г., октябрь. Изъ этой статьи мы извлекли нѣкоторыя свѣдѣнія о Мизкѣ.

Библиотека "Руниверс"

рическими ихъ судьбами, и даже въ послѣдней предсмертной статьѣ своей, вызванной современнымъ полемическимъ вопросомъ по поводу малороссійской литературы, силился высказаться въ примирительномъ духѣ, нисколько не стѣсняя, между тѣмъ, кровныхъ своихъ симпатій". Изъ приведенныхъ словъ г. Рябинина должно заключить, что авторъ думаетъ, будто другіе украинофилы придерживаются крайнихъ и нелѣпыхъ теорій, требующихъ разрыва между Малой и Великой Россіей. Въ качествѣ исконнаго украинофила, мы позволимъ себѣ назвать такое заключеніе нелѣпымъ и вотъ почему: никто изъ украинофиловъ подобныхъ теорій не высказывалъ, да ихъ и не существуетъ въ дѣйствительности; украинскій-же политическій сепаратизмъ вымышленъ тѣми лицами, для которыхъ выгодно, чтобы ихъ считали спасителями отечества. Съ ихъ словъ или за ними уже вторятъ объ украинскомъ сепаратизмѣ люди честные, искренно дорожащіе единствомъ отечества. Но послѣдніе не могутъ понять сущности украинофильства и потому оно кажется имъ подозрительнымъ. Въ противуположность славянофильству, украинофильство вытекло не изъ готовой теоріи, а непосредственно, до извѣстной степени, безсознательно, изъ чувства, до сихъ поръ не переработаннаго мыслью надлежащимъ образомъ, не возведеннаго въ теорію. Въ этомъ его слабость, но въ этомъ-же и сила его. Источникъ украинофильства — краевое чувство или чувство любви къ родинѣ, къ своей природѣ, своему народу, къ его рѣчи и проч., отсюда-же и стремленіе къ духовному слитію съ народомъ. Чувство родинное присуще не только малороссійскому простонародью, но часто и интеллигентнымъ людямъ; оно въ особенности проявляется тогда, когда малороссъ попадаетъ внѣ родины. Въ примѣръ можно привести извѣстнаго писателя Максимовича, который, будучи профессоромъ въ Москвѣ, почувствовалъ „*непреодолимое влеченіе къ родинѣ*" и перешелъ въ Кіевъ. Родинное чувство замѣтилъ у малороссовъ еще нѣмецъ Гаксгаузенъ и не нашелъ его у великороссовъ. Дѣйствительно, у великороссовъ чувство родины расширяется въ чувство отечества (государственный патріотизмъ), при которомъ они себя одинаково хорошо чувствуютъ какъ на Соловкахъ, такъ и въ Батумѣ, какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Вержболовѣ. Для нихъ, поэтому, непонятно краевое чувство; они не могутъ понять органически, напримѣръ, выраженія историка Ма-

Библиотека "Руниверс"

лороссіи: „отечество выше родины; но для чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества“. Отъ такого непониманія является внутреннее нежеланіе допустить развитіе роднаго чувства у малороссовъ до его естественныхъ предѣловъ; отсюда-же возникаетъ у нихъ, когда они наталкиваются у малороссовъ на проявленіе роднаго чувства, боязнь за всероссійское единство. Оттого, тогда какъ на западѣ, напримѣръ, въ Испаніи, Италіи и Франціи, развитіе мѣстныхъ литературъ не считается опаснымъ для цѣлости государства, у насъ подобное-же стремленіе признается опаснымъ признакомъ сепаратизма и вызываетъ противудѣйствіе даже со стороны извѣстной части русской литературы.

Такъ мы понимаемъ основы украинофильства и источники гоненія на него. Также понималъ его и П. Д. Мизко, съ которымъ намъ приходилось не разъ бесѣдовать на эту тему, во время проживанія его въ г. Воронежѣ.

П. Ефименко.

ЕЩЕ О БУГСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“, на стр. 389—391, помѣщена замѣтка *А. Рутковскаго* о бугскихъ козакахъ. Авторъ оной сѣтуетъ на недостатокъ свѣдѣній объ этихъ козакахъ, о которыхъ, по его мнѣнію, „вообще мало писано“, и приводитъ одинъ документъ, какъ историческое свидѣтельство о ихъ существованіи. Этотъ документъ есть указъ объ отставкѣ маіора Лабенскаго.

Если-бъ авторъ потрудился отыскать книгу мою подъ заглавіемъ: *Хронологическое обозрѣніе исторіи новороссійскаго края*, Одесса, 1836—1838 г., 2 ч., то нашелъ-бы въ ней довольно подробностей объ исторіи этого козачества, почерпнутыхъ мною изъ одесскаго генералъ-губернаторскаго архива и свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ послѣднимъ ихъ атаманомъ, княземъ Н. Д. Кантакузеномъ. Но такъ какъ книги мои вообще довольно рѣдки [1]), то я предлагаю при семъ нѣсколько положительныхъ данныхъ для помѣщенія въ „Кіевской Старинѣ“.

---

[1]) Особенно въ Кіевѣ, гдѣ въ теченіи 11-ти лѣтъ продано ихъ 3 экземпляра, въ томъ числѣ, 2 въ духовную академію.

Библиотека "Руниверс"

„Бугскіе козаки“ явились въ первые въ новороссійскомъ краѣ, въ видѣ самостоятельнаго отряда, въ войну 1768—1774 г., подъ начальствомъ своего кондотіера, польскаго эмигранта *Петра Скаржинскаго*. Это была, по показанію ихъ самихъ, настоящая „голота“, набранная преимущественно изъ молдованъ, болгаръ, польской шляхты и бѣглыхъ козаковъ, и вообще людей бездомныхъ, но храбрыхъ. Изъ нихъ турки составили дружину подъ начальствомъ польскихъ авантюристовъ и за большія деньги, правда, обѣщанныя только, и направили ихъ противъ Россіи. Но наши молодцы, большею частію православные, не оправдали ожиданій турокъ. Познакомившихъ съ запорожскими отрядами, они по совѣту своего начальника, полковника Скаржинскаго, перешли „подъ царскую руку“ и хотя подвизались на свой счетъ и рискъ, служили столь честно и вѣрно, что заслужили довѣріе полководца графа Румянцева-Задунайскаго и даже милости императрицы Екатерины II-й [1]). „По окончаніи войны имъ дарованы были земли, по собственному ихъ избранію, съ обязанностію только служить въ козачьемъ званіи, по образцу слободскихъ и легкокопныхъ полковъ. Они избрали для своего водворенія богатыя земли на правой сторонѣ Буга, гдѣ завели отличныя усадьбы и содержали отрядъ въ 1.000 человѣкъ для пограничной службы, по татарско-ногайскому рубежу. Въ 1783 году они составляли часть такъ называемаго „екатеринославскаго козачества“, котораго Потемкинъ былъ гетманомъ. Въ то время они уже носили названіе „бугскихъ козаковъ“ и въ числѣ 1500 человѣкъ служили во всю компанію 1788—1791 г., и отличились особенно при осадѣ Кинбурна и Очакова.

По заключеніи въ 1791 году букарестскаго трактата, бугскіе козаки сдѣлались настоящимъ „военнымъ поселеніемъ“ и хотя содержали кордоны на бессарабской границѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ занимались и сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ богатыхъ станицахъ, такъ что къ нимъ стекались на поселеніе и службу поселяне изъ западныхъ губерній и Малороссіи [2]).

Въ 1796 году, при образованіи изъ нынѣшней херсонской и подольской губерній *Вознесенскаго Намѣстничества*, они вошли съ

---

[1]) Именно знамена съ Георгіевскими украшеніями.

[2]) Потемкинъ переманивалъ ихъ въ свои красносельскія имѣнія (алекс. уѣзда херс. губ.), но они рѣшительно отказались.

Библиотека "Руниверс"

своими селеніями въ его составъ, подъ названіемъ „вознесенскаго казачьяго войска“ и въ ихъ станицѣ *Соколы* на Бугѣ, основанъ былъ главный городъ этого края, подъ названіемъ *Вознесенска*. Судьбы его были весьма неблистательны, а въ концѣ столѣтія онъ обратился въ ничтожный заштатный городокъ.

Но въ 1797-мъ году, когда и самая вознесенская губернія была упразднена, бугскіе козаки изъ вознесенскихъ полковъ исключены, распущены по домамъ (т. е. въ свои села) и тамъ обращены въ крестьянское званіе. Въ 1830-мъ году число этого бугскаго войска, считая съ ними и болгаръ, переселившихся къ нимъ изъ-за границы, и не большую партію арнаутъ, водворенныхъ стараніями князя Николая Кантакузена, составляло 6,383 души мужескаго пола, живущихъ по обѣимъ сторонамъ Буга, т. е. въ ольвіопольскомъ, елисаветградскомъ и херсонскомъ уѣздахъ. Бугскіе козаки, видя, какъ императоръ Александръ милостиво возстанавливалъ въ Новой-Россіи всѣ предположенія императрицы Екатерины, отправили ко двору своихъ депутатовъ, капитановъ: *Хмыльницкаго* и *Солтыковскаго*, прося, чтобы ихъ освободили изъ крестьянства и обратили въ первобытное военно-земледѣльческое, или козачье состояніе. Правительство, собравъ надлежащія свѣдѣнія чрезъ губернатора Миклашевскаго, поручило военному министру Вязьмитинову и графу Кочубею составить проэктъ объ устройствѣ бугскихъ козаковъ. Проэктъ ихъ былъ утвержденъ указомъ 18-го мая 1803 г. и прежній бытъ бугскаго войска возстановленъ. Оно раздѣлено на 3 полка и многія станицы; учреждена войсковая канцелярія; дарованы войску разныя права; прощены неуплаченныя подати; обозначены служба и повинности. Войсковымъ атаманомъ избранъ былъ государемъ войска донскаго генералъ-маіоръ *Иванъ Красновъ* (указъ 8 іюня 1803 г.), который командовалъ до 1807-го года. Монархъ, въ знакъ своего покровительства и для вящшаго на будущее время поощренія бугскаго козачьяго войска, даровалъ оному 15 знаменъ при милостивой грамотѣ [1]).

[1]) Въ войскѣ прежде было 12 знаменъ: 10 данныхъ Румянцевымъ и Потемкинымъ, съ изображеніемъ Георгіевскаго креста и буквою Е въ срединѣ, и два собственныхъ, вѣроятно еще въ Турціи принятыя войскомъ, съ изображеніемъ св. Троицы и св. Григорія Великой Арменіи.

Библиотека "Руниверс"

Атаманъ Красновъ, осмотрѣвъ села и земли принадлежащія войску, нашелъ, что въ составѣ онаго находятся:

I. Въ елисаветградскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Михайловка
2. Красноселье
3. Гумницкая
4. Лозоватка
5. Лагери
6. Кучеровка
7. Нерубайка
8. Новогригорьевка
9. Сердечная
10. Рудая
11. Уховка
12. Водяная.

Въ этихъ станицахъ было: 3,361 душа мужескаго, 840 дворовъ и 43,945 десятинъ удобной земли.

II. Въ ольвіопольскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Троицкое
2. Михайловка
3. Бѣлоусовка
4. Арнаутовка
5. Новогригорьевка
6. *Вознесенскъ* или Соколы.

Здѣсь считалось: 1,592 души мужскаго пола, 308 дворовъ и 62,700 дес. удобной земли.

III. Въ херсонскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Новопетровка
2. Ѳедоровка
3. Касперовка
4. Баловная
5. Себина
6. Матвѣевская
7. Константиновка
8. Гурьевская.

Кромѣ того два села болгарскія, вновь къ войску присоединенныя:

9. Щербиновка.
10. Дымино.

Въ этихъ десяти станицахъ было: 1,430 душъ мужескаго пола, 359 дворовъ и 63,097 десятинъ удобной земли. Всего-же 28 станицъ, 6,383 души обоего пола, 1,597 дворовъ и 169,742 десятины удобной земли. Бугское войско могло поставить на службу 1,308 вооруженныхъ козаковъ. Съ теченіемъ времени присоединилось къ нему нѣсколько малороссійскихъ семействъ и небольшое число без-

Библиотека "Руниверс"

земельнаго польскаго шляхетства, такъ что въ концѣ 1804-го года считалось въ войскѣ болѣе 7,000 душъ мужескаго пола [1]).

Въ 1812 году, по случаю отечественной войны, бугское козачье войско, движимое примѣромъ своего наказнаго атамана, князя Николая Кантакузена, донесло герцогу Ришелье, что все ихъ сословіе, не смотря на исключеніе края изъ ополченія, добровольно и на свой счетъ снарядило козачью дружину въ 500 человѣкъ, и просило только оружія, въ которомъ оно имѣло недостатокъ, присовокупляя, что войско, кромѣ того, готовитъ еще 500 человѣкъ, чтобы ими замѣнять убыль въ рядахъ своихъ собратій.

Но въ 1817 году войско это окончательно упраздняется. Наконецъ начальникъ украинской уланской дивизіи генералъ-маіоръ графъ де-Виттъ, отъ 23 апрѣля сего года, донесъ генералъ-губернатору Ланжерону, что воля государя императора есть: „всѣ земли и села бугскаго войска, съ причисленіемъ 18-ти деревень ольвіопольскаго, херсонскаго и елисаветградскаго уѣздовъ, исключить изъ гражданскаго вѣдомства для учрежденія *военнаго поселенія* въ херсонской губерніи". Всѣ бугскіе станицы указомъ 24-го декабря 1817 года вошли въ составъ бугскаго поселенія, котораго центромъ остался упомянутый нами г. Вознесенскъ. Съ того времени наше козачество раздѣляетъ судьбу херсонскаго военнаго поселенія до окончательнаго его упраздненія въ близкіе намъ годы.

Замѣтимъ мимоходомъ, что основатель войска Петръ Скаржинскій, умершій въ чинѣ генералъ-маіора, и послѣдній его атаманъ князь Н. Р. Кантакузенъ, оставили своимъ дѣтямъ и внукамъ въ наслѣдство огромныя земли по обѣимъ сторонамъ Буга херсонской губерніи.

А. Скальковскій.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ [2]).

Къ свѣдѣніямъ о нашихъ старыхъ портретахъ, опубликованнымъ „Кіевской Стариной", по столь компетентному почину г. Ла-

---

[1]) Изъ одесскаго генералъ-губернаторскаго архива.

[2]) «Кіевская Старина» 1882 г., №№ 5, 9 10.

Библиотека "Руниверс"

заревскаго, присоединяю указанія на слѣдующіе образцы малорусской портретной живописи XVII и XVIII вѣковъ:

31) *Портретъ гетмана Ив. Степ. Мазепы.* Принадлежитъ мнѣ и находится въ с. Ярошовкѣ, прилуцк. уѣзда, полтавск. губ. Поясной. Принадлежность основана на преданіи. Гетманъ изображенъ здѣсь лѣтъ 45-ти. На немъ разстегнутый темно-зеленый кунтушъ съ золотыми позументами, изъ подъ котораго видна бѣлая узорчатая одежда. Фонъ темный. Лицо мужественное и красивое, совершенно несходное съ извѣстнымъ изображеніемъ, находящимся въ петербургской академіи художествъ. Доказано, впрочемъ, что академическій портретъ, писанный однимъ изъ первыхъ русскихъ живописцевъ Ив. Никитинымъ (1690—1744) и долго считавшійся портретомъ Мазепы,—есть портретъ Скоропадскаго, съ котораго снятъ въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ въ 1722 году [1]).

Въ фамиліи Горленковъ, происходящей отъ одного изъ ближайшихъ сподвижниковъ Мазепы, полковника прилуцкаго Дмитрія Горленка, приставшаго вмѣстѣ съ гетманомъ къ Карлу XII, естественно должна была сохраняться память о Мазепѣ. Документы, относящіеся къ этой эпохѣ, и письма гетмана дѣйствительно и сохранились [2]). Но такъ какъ эта близость къ Мазепѣ была источникомъ невзгодъ для лицъ этой фамиліи, то „вещественные знаки", напоминавшіе покойнаго гетмана, едва-ли особенно сохранялись и остались только акты, могущіе служить къ утвержденію тѣхъ или иныхъ имущественныхъ правъ. Описываемый портретъ сохранился также не въ родѣ Горленковъ, пріобрѣтенъ однимъ изъ позднѣйшихъ потомковъ, какъ бы по долгу старой признательности, на распродажѣ замѣчательнаго собранія портретовъ и картинъ, извѣстнаго нѣкогда черниговскаго помѣщика и богача, камергера Будлянскаго, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Будлянскій былъ зятемъ Кирилла Разумовскаго и портретъ Мазепы достался ему изъ дома послѣдняго гетмана. Большой любитель искусствъ и страстный коллекціонеръ, Будлянскій, по преданію, погибъ жертвою своей непомѣрной

---

[1]) Сомовъ, «Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи». С.-Пб. 1872 г.

[2]) Они разобраны были г. де-Пуле въ статьѣ его «Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ I». — «Вѣстн. Европы 1872 г., № 5.

Библиотека "Руниверс"

тучности, или, какъ невѣжливо выражались въ старину, „лопнулъ отъ жиру“. Его замѣчательная коллекція картинъ разсѣялась по всѣмъ странамъ свѣта. Не помнитъ ли чего о ней кто-нибудь изъ черниговскихъ старожиловъ?—Намъ случалось видѣть вещи изъ нея, дающія высокое понятіе о ея достоинствѣ, напримѣръ поразительную головку Іорданса, воспроизводящую центральную фигуру извѣстной его композиціи „Король оргіи“, находящейся въ вѣнскомъ Бельведерѣ. Судьба частныхъ художественныхъ собраній, находившихся въ Малороссіи, въ родѣ собраній Завадовскаго, князей Репниныхъ и проч., ждетъ еще своего историка.

Снимокъ съ нашего портрета Мазепы сдѣланъ въ Петербургѣ фотографомъ Лушевымъ, издателемъ „фотографическаго альбома лицъ XVI—XVIII вѣковъ“.

Старинныя наши церкви и монастыри, заключающіе въ себѣ такъ много важнаго для знакомства съ малорусскимъ искусствомъ, хранятъ въ себѣ иногда и образцики старой портретной живописи. Особенно относится это къ захолустнымъ монастырямъ, гдѣ портреты могли-бы удержаться дольше, несмотря на воздвигнутыя на нихъ каноническія гоненія, еслибъ ихъ не губило невѣжество, болѣе опасное, чѣмъ всѣ формальныя запрещенія. Вотъ что сохранилось по части портретовъ въ двухъ монастыряхъ полтавской губерніи:

32) *Портретъ гетмана Ив. Самойловича* въ густынскомъ троицкомъ монастырѣ близъ г. Прилуки. Эта обитель, основанная въ 1600 году, на островѣ, образуемомъ рѣкою Удаемъ, „гдѣ прежде сидяще пасѣщемъ зъ Путивля Москвитинъ“, въ области тогдашнихъ православныхъ князей Вишневецкихъ [1]). Самойловичъ былъ строителемъ главной монастырской церкви и щедрымъ продолжателемъ милостей, сыпавшихся раньше на обитель, со стороны князя Михаила Корибута и княгини Раины Могилянки (изъ рода Могилъ) Вишневецкихъ. Портретъ нарисованъ на стѣнѣ главнаго храма. Самойловичъ изображенъ во весь ростъ, въ накинутой на плечи красной киреѣ, подбитой мѣхомъ, и бѣломъ, съ цвѣтами, кафтанѣ, стянутомъ поясомъ. Булава и мѣховая шапка лежатъ на столѣ. Одинъ уголъ картины занятъ приподнятой драпировкой, на другомъ на-

[1]) «Лѣтопись о первозачатіи и созданіи густынскаго монастыря» издан. Бодянскимъ, Москва 1848 г.

Библиотека "Руниверс"

ходится гербъ. Плотная фигура гетмана кажется немного короче натуры. Типичное лицо, съ чубомъ и чорными усами, задумчиво и важно, руки молитвенно сложены. Внизу подпись: „гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ, сооружившій сей храмъ въ 1674 г.“

Противъ этого портрета, также въ главной церкви, висѣлъ, писанный масляными красками, портретъ Мих. Вишневецкого [1]), но въ 40-хъ годахъ былъ проданъ настоятелемъ монастыря Паисіемъ какому-то любителю старины. Назначенный въ монастырь, послѣ возобновленія его въ 1845 году, Паисій, ученый (?), какъ его называла братія, ревностно принялся за устройство благолѣпія храма и съ этой цѣлью поручилъ какимъ-то богомазамъ росписать всѣ стѣны вновь, поверхъ старой, замѣчательной живописи, по своему. Многочисленныя историческія надписи, украшавшія, по преданію, храмъ—исчезли. Портретъ ктитора-гетмана, къ счастью, тронутъ былъ самую малость. Въ настоящее время въ густынскомъ монастырѣ, кромѣ самаго храма, удивительной прочности и типичной постройки, съ двойными хорами, уцѣлѣла только превосходная рѣзьба иконостаса, да двѣ-три случайно оставшіяся вещи, въ родѣ необычайнаго, узорчатаго замка на дверяхъ, одного изъ тѣхъ предметовъ, которые, при всей своей незначительности, характерностью своей могутъ привесть въ восторгъ антикварія или поэта, живо воскрешая предъ нимъ прошлое. Все остальное увезено было въ Черниговъ, послѣ закрытія монастыря, въ числѣ другихъ, въ 1793 г. Монастырь былъ заброшенъ въ теченіи многихъ лѣтъ и я немогъ найдти даже слѣдовъ могилъ полковниковъ прилуцкихъ, похороненныхъ въ склепѣ подъ главнымъ храмомъ. Нынѣ монастырь бѣденъ и завѣтная мечта братіи, съ настоятелемъ о. Германомъ во главѣ, доказать свои права хотя на часть бывшихъ огромныхъ монастырскихъ имуществъ. Доказательствами, кромѣ густынской „лѣтописи“, выставляются, интересные для историка, „фундуши“ Самойловича, которыхъ у игумена хранится до 15-ти, и старыя купчія. Я читалъ одну изъ этихъ записей, такого содержанія: „куплено монастыремъ земли на пятнадцать дней оранки за 8 рублей“, и познался справедливость изреченія древней мудрости: tempora mutantur. Въ

[1]) Свѣдѣнія о густынскомъ монастырѣ изъ «Матеріаловъ для статистики россійской Имперіи», С.-Пб. 1841 г.

Библиотека "Руниверс"

процессѣ, о которомъ мечтаетъ густынская братія, сочувствіе всякой живой души будетъ конечно не на сторонѣ отжившаго, а живого, т. е. казенныхъ крестьянъ, являющихся въ этомъ искѣ противной стороной.

Въ лубенскомъ мгарскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1622 г. Исаіей Копинскимъ, кромѣ портретовъ почивающаго тамъ патріарха святителя Аѳанасія и племянника его Серафима, находятся два портрета малорусскихъ духовныхъ дѣятелей:

33) Стѣнной *портретъ* (фрескъ) *Іосифа Тукальскаго*, митрополита кіевскаго и галицкаго (1664—75 г.) во весь ростъ, въ облаченіи. Портретъ этотъ находится близъ могилы митрополита. Самое мѣсто могилы обозначено на стѣнѣ аллегорической фреской, изображающей смерть святителя.

34) *Портретъ Іоасафа Горленка*, епископа бѣлгородскаго (1748—1754 года), бывшаго одно время настоятелемъ лубенскаго монастыря. Святитель изображенъ въ богатомъ епископскомъ облаченіи, съ посохомъ въ рукахъ. Внизу этого поясного портрета начертана краткая біографическая надпись. По письму и по сохранности этотъ портретъ несравненно лучше находящагося въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ (по „Указателю“ музея отд. VII, № 17).

Изъ „древностей“ въ лубенской обители въ алтарѣ, на престолѣ, находится два великолѣпныхъ, украшенныхъ алмазами, евангелія, пожертвованныхъ Мазепой, да въ ризницѣ—митры временъ Петра Могилы. Иконостасъ лучше сохранился, чѣмъ въ пустыни. Онъ украшенъ обильно деревянной скульптурой. Такъ, надъ среднимъ иконостасомъ, находится скульптурное „Преображеніе“—фигуры Спасителя, пророковъ Моисея и Иліи и Бога-Отца на облакахъ,—всѣ золоченыя. На боковыхъ дверяхъ фигуры архангеловъ. Живопись иконостаса—древняя. Очень хорошъ по письму средній образъ Христа во всей своей славѣ и въ особенности большая икона Богоматери, полная изящества и граціи. Живопись иконостаса должна быть современна эпохѣ основанія обители, какъ современны ей гигантскіе дубы, грабы и ясени, сообщающіе мгарской горѣ и всей этой очаровательной мѣстности столько задумчивой и величавой красоты.

В. Горленко.

Библиотека "Руниверс"

ПРОТОПОПЪ КОМАРЪ И ЕГО ВТОРИЧНЫЙ БРАКЪ.

Подобаетъ епископу единыя жены быти мужу.
(Къ Тимоѳею 1 посл., гл. 3, ст. 2.).

Ученіемъ вселенской церкви слова эти съ древнѣйшихъ временъ примѣнены къ пресвитерамъ, или священникамъ, которые во времена апостольскія назывались иногда и епископами. 17 и 18 правила апостольскія, 26 правило VI вселенскаго собора, правила Василія Великаго давно утвердили такой смыслъ за приведенными словами св. ап. Павла и наложили запретъ на второбрачіе священниковъ. О бракахъ епископовъ въ IV и V вѣкахъ не могло быть рѣчи: принимающіе епископскій санъ, если они состояли дотолѣ въ супружествѣ, также должны были оставлять своихъ женъ и дѣтей, какъ принявшіе монашество архіереи должны были оставлять архіерейскія каѳедры и идти въ монастырь. Самое однако изданіе правилъ свидѣтельствуетъ, что до нихъ существовалъ иной порядокъ вещей, на который указываютъ слова того же ап. Павла: *или не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли* (1 Коринѳ., гл. IX, ст. 4). Запрещеніе впослѣдствіи епископамъ совмѣстнаго жительства съ ихъ женами сдѣлано не по принципу, который стоялъ-бы въ прямомъ противорѣчіи съ приведенными словами апостольскими, а въ виду дознанныхъ неудобствъ отъ такого сожительства и прямыхъ злоупотребленій въ церковномъ управленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и запрещеніе второбрачія священникамъ вызвано также внѣшними соображеніями, а не какимъ либо принципомъ, который не имѣлъ-бы вовсе значенія, если-бы не былъ подведенъ подъ апостольскія слова, поставленныя въ заглавіи нашей замѣтки.

По неизмѣнному закону природы человѣческой, въ возникающихъ вновь въ человѣчествѣ религіозныхъ обществахъ примѣчается то общее явленіе, что первоначальныя ихъ доктрины и правила отличаются строгостью, превышающею нормальное положеніе человѣческой жизни. Впослѣдствіи природа беретъ свое, опытъ жизни заставляетъ дѣлать отступленія и если они освящены бываютъ установленною въ обществѣ властію, то въ свою очередь получаютъ силу закона и правила, въ противномъ-же случаѣ правило церкви само по себѣ, а жизнь ея членовъ и даже представителей идетъ своимъ чередомъ. Въ строго обрядовой Москвѣ еще въ концѣ XV в. имѣвшій несчастье липиться жены священникъ считался какъ-бы

Библиотека "Руниверс"

отверженнымъ и самое вдовство его, величайшее изъ бѣдствій человѣческихъ, лишало его права священнодѣйствія, а слѣдовательно и всякихъ средствъ къ жизни. Но поступалъ онъ въ монастырь и съ него снималось запрещеніе; ему разрѣшалось священнослуженіе и въ томъ случаѣ, когда онъ переходилъ въ Москву въ одну изъ домовыхъ церквей, которыхъ такъ много тогда было. „Или на Москвѣ попы святы стали"?—протестовалъ попъ Георгій Скрипицынъ и отвоевалъ свободу несчастныхъ, какъ и онъ, братій своихъ.

Религіозная жизнь южно-русскаго народа, исторія церкви южно-русской представляетъ иныя явленія. Слабость польской правительственной власти, неразвитость жизни гражданской, единственная охрана имущественныхъ правъ и отношеній въ судѣ, замѣнявшемъ во многомъ и власть административную, рано вызвали здѣсь, въ средѣ мірянъ, появленіе брака гражданскаго въ связи съ бракомъ церковнымъ, а иногда и независимо отъ него. Раннее проникновеніе сюда въ разныхъ видахъ реформатскаго ученія вносило большую свободу вообще въ сферу религіозной жизни и въ частности въ ученіе о бракѣ, на который въ XVII и даже XVIII в. въ классахъ выше простаго смотрѣли какъ на актъ гражданскій, лишь освящаемый благословеніемъ церкви и сопровождаемый болѣе или менѣе торжественнымъ общественнымъ празднованіемъ. Ясно различались тогда и самымъ временемъ раздѣлялись *интерцыза шлюбная*, или предбрачный договоръ, самый *шлюбъ*, или вѣнчанье, и *актъ весельный, веселле*— свадебное празднество. Актовыя книги кіевскаго центральнаго архива переполнены „интерцызами шлюбными". „Шлюбъ" самъ по себѣ не имѣлъ силы, безъ скрѣпленія его „интерцызою" и „актомъ весельнымъ" и были случаи, что повѣнчанная уже дѣвушка выходила замужъ за другаго, когда свадебная сдѣлка не состоялась. Таже власть судебно-гражданская, которая скрѣпляла брачный союзъ, давала супругамъ и *роспустные листы*, при чемъ обое расходящіеся свободно могли вступать во второй бракъ. Разводъ такимъ образомъ совершался безъ участія духовной власти и если на „роспустныхъ листахъ" встрѣчаемъ подписи священниковъ, то лишь въ качествѣ свидѣтелей [1]).

[1]) „Рус. Ст." 1880 г., нояб., статья О. И. Левицкаго: „О семейныхъ отношеніяхъ" и пр.

Библиотека "Руниверс"

Духовенство въ южной Руси не было тогда сословіемъ, оно постоянно пополнялось людьми міра, и свободное ученіе о бракѣ, проникшее въ общество, переходило въ его среду и находило тамъ свое примѣненіе, повидимому, никого, кромѣ строгихъ ревнителей древнихъ правилъ, не соблазнявшее. Въ концѣ XVI в. на кіевской митрополичьей каѳедрѣ возсѣдалъ много лѣтъ двоеженецъ Онисифоръ Дѣвочка, епископы Діонисій Збируйскій и Леонтій Пелчицкій жили съ своими женами, второбрачіе священниковъ въ жалобахъ ревнителей приводится, какъ явленіе не рѣдкое. Съ введеніемъ уніи возникшая между православными и уніатами полемика указала въ той и другой сторонѣ не мало опредѣленныхъ случаевъ второбрачія священниковъ.

Всѣ эти свѣдѣнія мы сочли нужнымъ привести прежде того факта, о которомъ хотимъ сказать, дабы самый фактъ не показался или слишкомъ исключительнымъ, или даже маловѣроятнымъ. А фактъ былъ такого рода.

Въ началѣ XVIII ст., на Волыни, въ г. Овручѣ, при церкви св. Василія, жилъ протопопъ Комаръ, по имени Симеонъ. Его постигло одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыя особенно тяжестію ложатся на жизнь каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе священника,—онъ лишился „своего подружія“. Въ какомъ возрастѣ былъ тогда Комаръ и при какихъ обстоятельствахъ застигло его это несчастіе, объ этомъ, какъ и вообще о его жизни, никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Было это въ то тяжелое время, когда унія на всемъ пространствѣ южной Руси, остававшейся подъ владычествомъ Польши, брала рѣшительный перевѣсъ предъ православіемъ и вытѣсняла его отовсюду. Не смотря на недавній трактатъ 1686 г. между Россіей и Польшею, которымъ, въ предѣлахъ послѣдней, признаны, при полной свободѣ исповѣданія своей вѣры, 5 православныхъ епископій, православные епископы съ пасомыми подвергались крайнимъ притѣсненіямъ за вѣру, или вовсе не были допускаемы въ ихъ епархіи. Въ предѣлахъ древней митрополіи кіевской, обнимавшей всю южную Русь, давно уже считалось два митрополита—православный и уніатскій, теперь и въ епархіяхъ являлось по два епископа, или епархіею въ большинствѣ еще православною управлялъ епископъ уніатъ,—вновь назначенный, или измѣнившій раньше паствы православію. Происходило неимовѣрное давленіе уніатской власти на православное

Библиотека "Руниверс"

священство и народъ съ цѣлію склонить ихъ къ уніи. Вліятельнаго священника, тѣмъ болѣе протопопа тянула къ себѣ одна и другая сторона; при томъ въ уніи на всякое отступленіе отъ канонов церковныхъ смотрѣли снисходительнѣе, нежели въ церкви православной. Наконецъ тогдашній южно-русскій священникъ въ своемъ положеніи былъ столько-же въ зависимости отъ власти духовной, сколько и свѣтской, доминіальной, т. е. помѣщика—коллятора, имѣвшаго право не принять и удалить его, вопреки распоряженію власти духовной. При епископѣ уніатскомъ, священники православные считали себя, конечно, внѣ всякой зависимости, теперь-же православный епископъ луцкій, Кириллъ Шумлянскій, былъ вовсе изгнанъ, а епархію луцкую досматривалъ епископъ львовскій Іосифъ Шумлянскій, еще съ 1700 г. измѣнившій православію и имѣвшій въ это время титулъ администратора кіевской митрополіи. Этимъ смутнымъ положеніемъ и воспользовался православный еще протопопъ Семіонъ Комаръ и вступилъ во второй бракъ. Когда фактъ этотъ сталъ извѣстенъ Іосифу Шумлянскому, онъ, въ видахъ, конечно, смиренія своенравнаго протопопа и приведенія его въ святую унію, простеръ на него издалека свою власть и запретилъ ему священнодѣйствіе и совершеніе требъ, что равносильно было отрѣшенію отъ прихода. Запрещеніе епископа несомнѣнно поддержано было на мѣстѣ властію помѣщика. Легко понять, въ какую бѣду попалъ Комаръ съ своимъ „новымъ подружіемъ“ и какую борьбу онъ долженъ былъ выдерживать въ душѣ, колеблясь между преданностію вѣрѣ отцевъ и привязанностью къ новой женѣ. Епископъ, хотя и уніатъ, стоялъ на твердой почвѣ: унія была *de jure* перемѣною лишь іерархической подчиненности, всѣ догматы и каноны церкви восточной оставлены были за нею. Съ точки зрѣнія православія и уніи Комаръ былъ равно виновенъ и епископъ съ полнымъ основаніемъ указывалъ въ второбрачномъ союзѣ прямое нарушеніе правилъ св. отецъ. Отовсюду было тѣсно Комару. Онъ взмолился, *рыдающе и стенающе*, епископъ не измѣнялъ своего рѣшенія. Комаръ продолжалъ молить, являя „полное смиреніе и раскаяніе“, какъ значится въ грамотѣ Шумлянскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту пору рѣшилось его вѣроотступничество. Епископъ не довѣрялъ; онъ сталъ налагать на Комара разныя наказанія,—тотъ терпѣливо ихъ принималъ. Прошло такъ не мало времени, епископъ не сдавался. Явились наконецъ

Библиотека "Руниверс"

знатные ходатаи духовнаго и свѣтскаго чина и было ихъ не мало. Епископъ взвѣсилъ все и уступилъ: особою разрѣшительною грамотою онъ объявилъ, что не только принялъ второбрачнаго Комара „въ первшее благословенство, но священнодѣйствовать ему и всякія требы исполнять соизволилъ и поблагословилъ". Это было въ 1708 г.

Пр. В. Б. Антоновичъ, обнародовавшій этотъ случай въ собранномъ имъ IV томѣ I-й части Архива юго-западной Россіи [1]), сомнѣвается въ дѣйствительности онаго и готовъ видѣть въ немъ вымыслъ уніатской партіи, придуманный съ цѣлію склонить къ уніи вліятельнаго протопопа; но мы нашли новое подтвержденіе приведеннаго факта. Въ томъ-же 1708 г. послѣдовала перемѣна въ уніатской церковной іерархіи: управленіе кіевскою митрополіею, съ званіемъ экзарха, поручено было епископу луцкому и острожскому Діонисію Жабокрицкому, и онъ подтвердилъ данное Комару Шумлянскимъ разрѣшеніе [2]). Оставалось испросить разрѣшеніе помѣщика, который и разрѣшеннаго епископскою властію священника могъ не допустить къ служенію въ церкви, считавшейся, на равнѣ со всѣмъ имѣніемъ, его собственностію. Такое разрѣшеніе или дозволеніе давалось на бумагѣ и носило названіе „презенты" или „аппробаціи". Овручскимъ имѣніемъ, подъ названіемъ староства (жалованнаго лично отъ короля), владѣлъ тогда нѣкто Іосифъ Бржуховскій, а управляющимъ у него былъ шляхтичъ Іосифъ Зверюховскій. Этотъ послѣдній и допустилъ Комара къ служенію въ его приходской церкви, а спустя четыре года, именно въ 1712 г., исхлопоталъ для него у своего патрона и самый „презентъ". На немъ рукою Бржуховскаго было написано: „ponieważ duchowieństwo pozwala drugiego małżeństwa wielebnemu Semionowi y nie oddala go od służby Bożej odpawiania, y ia go nie oddalam od cerkwi swiętey w Owruczu" (т. е. поелику духовная власть позволяетъ преподобному Симеону второе супружество и не отстраняетъ его отъ священнослуженія, то и я не отстраняю его отъ святой церкви въ Овручѣ) [3]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. IV, стр. 283, № CXXVI.

[2]) Книга центр. архива № 27, л. 23.

[3]) Книга центр. архива № 27, л. 66 на оборотѣ.

Библиотека "Руниверс"

Такъ уладилъ протопопъ Семіонъ Комаръ стряшуюся надъ нимъ двойную бѣду—безвременное вдовство и запрещеніе священнослуженія, но купилъ свое благополучіе цѣною вѣры, въ которой такъ непреклонно было тогдашнее православное священство. Только не желаніе разлучиться съ второю женою и вѣроятная къ ней привязанность могли подвинуть Комара на тяжкую измѣну отеческой вѣрѣ. Болѣе 5-ти лѣтъ длилась эта тяжелая драма, которой едва слабыя черты дошли до насъ. Полагать надо, что заручившись разрѣшеніемъ двухъ епископовъ и аппробаціею своего папа-коллятора, Комаръ протопопъ продолжалъ уже безмятежно жить съ своимъ „вторымъ подружіемъ“ и оно на языкѣ того времени величало его безсумнительно своимъ „господинкомъ“, какъ онъ ее своею „госпожинькою“, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что ихъ супружеское счастье не разъ было нарушаемо тяжелыми укорами совѣсти, что промѣняли они завѣтъ отцевъ, кровію освященный, на преходящую утѣху жизни.

Что до епископа-отступника, несомнѣнно, что онъ только терзалъ попавшаго въ бѣду Комара, чтобы тѣмъ надежнѣе преклонить его къ уніи, такъ какъ наружное и временное согласіе на унію было тогда дѣломъ частымъ и даже обыкновеннымъ; много, если предположить, что онъ колебался дать открытое разрѣшеніе, мало или вовсе еще не практиковавшееся. Нѣсколько позже вопросъ о подобныхъ казусахъ былъ оформленъ и „диспенсы“, по ходатайству епископовъ, давались, хотя и не безплатно, святѣйшимъ отцемъ римскимъ. Римская церковь, знавшая одно лишь безбрачіе священниковъ, мало понимала въ тонкостяхъ воззрѣній восточныхъ аскетовъ на единобрачіе священниковъ и цѣломудріе ихъ невѣстъ, какъ на охрану и свидѣтельство ихъ собственнаго цѣломудрія. Лѣтъ двадцать назадъ намъ случилось видѣть папскую „диспенсу“, исходатайствованную около 40-хъ годовъ XVIII ст. львовскимъ епископомъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ одному уніатскому священнику, который, принимая санъ священный, женился на вдовѣ. Конечно, это была лишь формальная уступка догмѣ восточной, еще удерживавшейся въ церкви уніатской.

Наконецъ въ приведенномъ фактѣ нельзя обойти вниманіемъ и того обстоятельства, что нашелся тогда въ средѣ православной священникъ, который повѣнчалъ вторымъ бракомъ протопопа Ко-

Библиотека "Руниверс"

мара, нашлись свидѣтели и участники его семейной радости, не слышно протеста и со стороны прихода, все еще православнаго, и только епископъ, самъ недавно измѣнившій православію, простираетъ свою претензію къ кое-какъ устроившемуся вдовцу-протопопу, не подлежавшему его юрисдикціи. По видимому, второй бракъ протопопа въ Овручѣ не выступалъ въ рядъ явленій небывалыхъ и явилось „не мало годныхъ духовнаго и свѣтскаго стану особъ", которые ходатайствовали предъ епископомъ о признаніи за Комаромъ его вторичнаго брака и права священнодѣйствовать и учить народъ, что, какъ мы видѣли уже, и исполнилось въ его и многихъ, конечно, удовольствіе.

Такъ разрѣшился въ давніе годы въ смѣшанной православно-уніатской средѣ вопросъ о второбрачіи священниковъ, бывшій и остающійся у насъ самымъ жгучимъ вопросомъ жизни!

ГЕТМАНСКОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ НА СВАДЬБУ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы приводимъ доставшееся намъ въ большой массѣ бумагъ[1]) сулимовскаго архива письмо жены гетмана Даніила Апостола къ Павлу Акимовичу Скоропадскому съ приглашеніемъ его на свадьбу гетманской племянницы съ писаремъ Юркевичемъ. Письмо это любопытно не только какъ образчикъ своего рода этикета въ тогдашнемъ высшемъ малороссійскомъ обществѣ, но и какъ одно изъ подтвержденій господствовавшаго въ немъ, какъ и въ другихъ классахъ южно-русскаго населенія, взгляда на бракъ (см. здѣсь-же стр. 607), по которому такъ называемый «актъ вессльный", съ предшествовавшею ему «шлюбною интерцызою» или брачнымъ договоромъ, не только отличался отъ брака церковнаго, какъ учрежденіе гражданско-общественное, но и отдѣлялся отъ него значительнымъ, какъ въ данномъ случаѣ трехъ мѣсячнымъ, промежуткомъ времени. Не лишено значенія и то обстоятельство, что это, какъ и всѣ другія, имѣющіяся у насъ письма гетманши Апостоловой, писаны, не исключая подписи, рукою постороннею, изъ чего должно заключать, что эта первая въ Малороссіи особа прекраснаго пола или очень слабо владѣла перомъ, или просто была неграмотна. Впрочемъ тоже почти было тогда и въ высшемъ польскомъ обществѣ и съ русскими великими княжнами, дщерями Великаго Петра. Вотъ текстъ письма гетманши.

---

[1]) За сообщеніе этихъ бумагъ приносимъ искреннюю признательность уважаемому собирателю родной старины Турвонту Венедиктовичу Кибальчичу.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

Мосцѣ пане Скорупна,
мнѣ велце мосцѣ пане свате и зичливий пріятелю.

Поневажъ изволеніемъ и благословеніемъ вся устраивающаго Бога, послѣдовательно-же и нашимъ благословителнимъ желаніемъ приговорена въ доживотное сожитіе племянница наша панна Іуліана Максимовна пану Григорію Юркевичу, писарю полковому стародубовскому, и тотъ приговоръ еще прошлаго генваря 25 числа по церковному чиноположенію обрученіемъ и вѣнчаніемъ утвержденъ, а за Божіимъ-же и нашимъ благословеніемъ имѣетъ онимъ новобрачнимъ одправоватись веселній актъ здѣсь въ домѣ нашемъ сего априля 22 числа; того ради и вашей мости пана съ вселюбезнѣйшою сожителницею вашею, а нашею коханою панѣ сватовою, просимъ для присудствія оной веселной компанѣи къ означенному числу въ Глуховъ прибыть, якого вашего благополучного прибытія охотно ожидая, пребываемъ вашей милости пану вседоброжелательнѣйшая сватовая,

Іуліана Данилова Апостолова Гетманова.

Апрѣля 15 дня 1733 году.
Глуховъ.

ЗАМѢТКИ СТАРАГО КІЕВЛЯНИНА.

(КІЕВЪ ВЪ 1812 И 1824 ГОДУ).

„Но Кіевъ, на степи глухой
Дивить ужь болѣ неспособный,
Подъ властью ляха роковой
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный".

„Наливайко", поэма Рылѣева.

Въ моей сѣдой, восьмой десятокъ лѣтъ доживающей головѣ всего менѣе, кажется, осталось воспоминаній о Кіевѣ, которому я принадлежу по самому рожденію моему. И не удивительно: меня отодвинулъ отъ него слишкомъ длинный промежутокъ времени, лѣтъ въ 60, и сильныя ощущенія послѣдующей жизни вытѣснили изъ памяти нѣжныя впечатлѣнія дѣтства; но исходивъ всю почти Россію, странствуя долго по Европѣ, Азіи и Африкѣ, я всегда

Библиотека "Руниверс"

хранилъ святую память о немъ и отдавая теперь ему мои послѣднія воспоминанія, почту себя счастливымъ, если они въ комъ либо изъ читателей пробудятъ память о тѣхъ лицахъ, которыхъ я коснусь, или возбудятъ тотъ сладкій трепетъ, которымъ переполняется и мое сердце при одномъ имени „матери градовъ русскихъ".

Родился я, какъ уже сказалъ, въ Кіевѣ въ апрѣлѣ 1806 года и здѣсь, подъ южнымъ небомъ, подъ сѣнью кіеской святыни протекло мое дѣтство. Въ 1817 году родители мои отвезли меня чрезъ Москву, еще неотстроившуюся послѣ погрома 1812 года, въ Петербургъ, откуда по производствѣ изъ пажей въ офицеры арміи, въ апрѣлѣ 1824 г. я возвратился въ Украйну, гдѣ и провелъ первые годы моей службы въ стоявшемъ не далеко отъ Кіева харьковскомъ драгунскомъ полку, имѣя возможность часто посѣщать Кіевъ. Полкомъ командовалъ сперва старый воинъ Георгій Александровичъ Кончіеловъ, а потомъ Николай Николаевичъ Раевскій, младшій сынъ знаменитаго героя отечественной войны, подъ командою котораго служилъ мой отецъ. Въ то боевое время, когда Россія одна боролась противъ всей почти Европы, часто „родство по штыку" считалось выше родства по рожденію и я не могу не вспомнить здѣсь со мною вмѣстѣ вступившихъ въ полкъ: Александра Будберга, Александра Комара и извѣстнаго впослѣдствіи писателя А. Н. Муравьева, съ которымъ я переписывался до самой его кончины въ Кіевѣ въ 1874 г.

Родной мнѣ Кіевъ остался у меня въ памяти всего болѣе по 1812 г. При первомъ извѣстіи о вторженіи французовъ въ наши предѣлы, мой отецъ, тогда командиръ таврическаго гренадерскаго полка, стоявшаго въ г. Вильно, полковникъ Николай Семеновичъ Сулима, немедля отправилъ матушку съ нами дѣтьми въ Кіевъ, къ ея матери, нашей бабушкѣ, Елизаветѣ Васильевнѣ Репнинской, вдовѣ генералъ-поручика Репнинскаго, временъ Суворовскихъ и Екатерины II-й. Въ Кіевѣ царила тогда ужасная пыль лѣтомъ и бездонная грязь осенью и весной. Мы остановились въ „Липкахъ", лучшей улицѣ, названной такъ по аллеѣ великолѣпныхъ липъ въ ея срединѣ, и расположились во флигелѣ дома бабушки. Какъ тогда, кромѣ люда рабочаго, никто еще не ходилъ „per pedibus apostolorum", а ѣздилъ, какъ могъ, то улицы „матери всѣхъ городовъ русскихъ" и днемъ не были безопасны отъ множества собакъ. Кромѣ

Библиотека "Руниверс"

двухъ, вѣчно враждующихъ межъ собою партій, кіевскихъ гвельфовъ и гибелиновъ, — оборванныхъ жидовъ и голодныхъ псовъ, рѣдко случалось встрѣчать христіанскую душу пѣшую на улицахъ Кіева. Тогда въ Кіевѣ часто вспыхивали пожары, выгорѣлъ весь „Подолъ", на перекресткахъ ходили часовые „ратники", въ предохраненіе отъ поджоговъ, въ которыхъ, въ народѣ, подозрѣвали „жидівъ и ляхівъ". Скоро у насъ появилась масса нашихъ раненыхъ и еще огромнѣйшая масса плѣнныхъ французовъ и нѣмцевъ—изъ числа послѣднихъ взятъ былъ и мой „гувернеръ", саксонецъ, Іоганъ-Фридерихъ Апель. Кіевляне радушно вездѣ и всегда принимали, угощали и даже одѣвали, какъ нашихъ, такъ и враговъ... Помню французскаго генерала *Рапп*, который, со многими другими, часто обѣдалъ у моей бабушки и всегда меня ласкалъ. Помню живо, какъ однажды поздно вечеромъ, моя мать, возвратившись отъ бабушки Репнинской, меня уже спящаго выхватила изъ постели и, подкидывая меня, уже здоровеннаго мальчугана, кричала: *„наши въ Парижѣ, Парижъ взятъ!"* —къ великому восторгу сбѣжавшейся дворни.

Помню блестящаго графа Милорадовича, тогдашняго, кажется, генералъ-губернатора кіевскаго. Отсюда отозванъ онъ въ армію, но верхній этажъ дворца еще тогда сгорѣлъ, когда онъ въ немъ жилъ. Помню и почтеннаго старца митрополита Евгенія, который насъ также часто посѣщалъ. Милорадовичъ тогда еще былъ ловкій и красивый мущина, средняго роста, веселаго нрава и занимательный разсказчикъ. Онъ часто начиналъ разсказы свои восклицаніемъ: „Помилуй Богъ!" Меня мальчика онъ ласкалъ и баловалъ. Но еще болѣе баловалъ меня высокій артиллерійскій, не помню, генералъ или полковникъ въ то время, съ густыми черными бакенбардами и волосами, другъ моего отца, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, также частый гость нашъ, который много мною занимался и многое мнѣ объяснялъ, что чрезвычайно льстило моему самолюбію. Къ намъ еще весьма часто ѣздили обѣдать и на цѣлый день эмигранты,—старикъ, когда-то еще королевскій-французскій генералъ, Пуаръ, какъ его называли, съ супругою. Какъ вчерашнее помню его свѣтло-зеленый кафтанъ, съ огромною звѣздою на лѣвой сторонѣ груди, пудренную голову съ тупѣемъ, и его высочайшую, костлявую, надменную злючку-супружницу, съ длиннѣйшими желтымъ лицемъ и табашнымъ носомъ. Я ее ненавидѣлъ за ея безпрестанныя, всегда обидныя на мой счетъ замѣчанія.

Библиотека "Руниверс"

Алексѣй Петровичъ также не жаловалъ злую генеральшу. Въ одинъ для меня особенно злосчастный день, когда меня, по ея милости, безцеремонно выпроводили изъ гостинной, вскипѣла во мнѣ негодованіемъ козацкая запорожская кровь и я горько плакалъ. Алексѣй Петровичъ вышелъ за мной, чтобъ меня успокоить, въ чемъ и успѣлъ. Давно уже мнѣ хотѣлось имѣть къ моему козацкому одѣянію маленькую саблю, въ которой мнѣ рѣшительно отказывали. Я сталъ его просить. Онъ обѣщалъ, и дѣйствительно на другой-же день не только привезъ, но и выпросилъ, чтобъ мнѣ, когда послѣ окончанія уроковъ мною будутъ довольны, было дозволено не только саблю надѣвать, но, въ присутствіи гувернера, даже ее обнажать. Когда я учился дурно, по мѣрѣ вины, меня лишали сабли, что дѣйствительно, когда это случалось, приводило меня въ отчаяніе больше, чѣмъ всѣ выговоры и аресты: — какъ, у меня козака, отбирать саблю, данную мнѣ самимъ Алексѣй Петровичемъ! Не была мнѣ позже судьба служить, какъ я желалъ, подъ начальствомъ покорителя Кавказа. Бабушка наша, Елизавета Васильевна, была старушка чистенькая, свѣженькая, добрѣйшая, подвижная. Все вокругъ нея и въ просторномъ домѣ ея дышало какою-то благодатью, чистотой и спокойствіемъ. Большіе во весь ростъ портреты фельдмаршаловъ *Суворова*, Румянцева, Потемкина, подъ начальствомъ которыхъ служилъ дѣдушка и которыхъ и она знала, особенно-же Суворова, котораго письма къ ней сохраняла, какъ святыню,—какъ-то благодушно смотрѣли изъ своихъ рамъ на проходящихъ мимо ихъ по большой залѣ. Въ большой гостинной, подъ огромнымъ портретомъ Екатерины II-й, на диванѣ сидѣла бодрая, привѣтливая, чистенькая, какъ севрская статуетка, старушка, съ вѣчнымъ вязаніемъ въ крошечныхъ ручкахъ. Когда ее спрашивали, когда кончитъ и куда дѣнетъ все это вязанье, она отвѣчала обыкновенно: „ахъ, родной, да какже иначе? не можно-же *имъ* (т. е. бѣднымъ) такъ просто деньги въ руки совать!.. а такъ въ платочкѣ, фуфаечкѣ—не такъ совѣстно... приличнѣй“. Надобно было послушать ее, какъ она начнетъ разсказывать, или толковать съ старымъ инженернымъ, временъ Суворовскихъ, генераломъ Ильей Алексѣевичемъ Глуховымъ, съ которымъ служилъ и ея мужъ, или со слезами на глазахъ показывать и читать писанное къ ней письмо богатыря „Рымникскаго и князя Италійскаго“... какъ она оживля-

Библиотека "Руниверс"

лась, молодѣла!.. Но когда съ полей Бородина привезли ея тяжко раненнаго сына, надо было видѣть ея дѣятельность и силы... старуха исчезла, осталась одна любящая мать!..

Помню еще изъ русскихъ друга дома и моего покровителя, всѣми сердечно уважаемаго, почтеннаго, добрѣйшаго Христіана Карловича Бунге, его золотыя очки, добрѣйшую жену, сыновей и дочерей. Съ сыновьями его я часто игралъ у насъ и въ ихъ домѣ и саду. Помню еще губернатора Черепанова и вице-губернатора Катеринича. Помню красивыхъ, милыхъ дамъ Семека и ея сына тоже козака, какъ я,—Лошакову и ея мрачнаго супруга, веселую Всеволодскую и нашу родственницу—во всемъ высокую, добрѣйшую Елену Александровну Захаржевскую, рожденную графиню Самойлову, владѣтельницу *историческаго* с. Жаботина. Весело жилось тогда въ Кіевѣ, но когда начались пиры и балы въ торжество побѣдъ штыка русскаго солдата и дубины русскаго мужичка, веселью не было мѣры. Пожаръ жертвовавшей собою Москвы довелъ чувства до восторженности и у насъ—дѣтей... Всякій жертвовалъ, что могъ. Явились картины сраженій у разносчиковъ и новыя пѣсни народныя.

Трогательное было зрѣлище, когда на зимнихъ балахъ вводили на костыляхъ выздоравливающихъ русскихъ офицеровъ и плѣнныхъ французскихъ и саксонскихъ (французовъ приглашали по списку, данному ихъ генераломъ Раппъ), какъ къ русскимъ страдальцамъ кидались на встрѣчу хозяева и дамы и какъ бережно помѣщали ихъ на покойнѣйшія кресла, заранѣе приготовленныя, плѣнныхъ-же принимали весело какъ *своихъ гостей*. Начинались танцы, плѣнные весело плясали, танцы все болѣе и болѣе оживлялись и кончались уже къ утру веселымъ ужиномъ. Было то славное время и для насъ дѣтей, время, которое мы потомъ взрослыми не забывали и въ бою, въ память отцовъ нашихъ.

Французскій генералъ Раппъ и саксонскій Эргардтъ были вездѣ желанными и пріятными гостьми; Эргардтъ рисовалъ, а Раппъ писалъ стишки въ альбомы. Вотъ образчики:

«Coeur pur, amitié fidèle
Tendresse et vertu maternelle
Solide et modeste savoir

Сердце чистое, дружба вѣрная,
Нѣжность и доброта материнская,
Основательная и скромная ученость,

Библиотека "Руниверс"

Vanité cédant au devoir
Bonté de coeur et grandeur d'ame
C'est votre portait, Madame.

Rapp. Kieff. 1813.

Гордость преклоняющаяся предъ обязанностію,
Доброта и великодушіе—
Вотъ вашъ портретъ, сударыня.
Раппъ. Кіевъ. 1813 г.

«Chacun vous fait un compliment d'usage,
Dont vous connaissez la valeur;
L'Amitié vient aussi, modeste en son langage
Elle dit peu de mots, mais ils partent du coeur
Et vous combleriez son bonheur,
Si vous en distinguiez l'hommage.
Rapp.

Каждый дѣлаетъ вамъ привѣтствіе,
Цѣна котораго вамъ извѣстна,
Дружба скромна въ рѣчахъ,
Въ немногихъ, сердечныхъ словахъ,
А вы-бы ее осчастливили,
Отличивъ сіе приношеніе.
Раппъ. Числа нѣтъ.

Эргардтъ оставилъ много весьма не дурныхъ рисунковъ въ тѣхъ-же альбомахъ.

Къ лѣту мы уѣхали въ деревню, въ наше село Богоявленское. Помню старинный домъ, съ старинными портретами, картинами, библіотекой, мебелью, доказывающими, что и въ прошлое время край не былъ дикимъ. Помню огромный, прекрасный садъ, грознаго сѣдовласаго управителя Никиту Иванчука, котораго людъ называлъ „Мекита“, и огромныхъ дворовыхъ собакъ, съ которыми я скоро подружился. Помню большой складъ всякаго богатаго старинаго оружія въ домѣ... Помню, какъ игралъ въ солдатики съ мальчишками, которые меня звали Сулименко.

«O, primavera, gioventu dell'anno,
O, gioventu, primavera della vita»

«О, весна! юность года,
О, юность! весна жизни»!

и помню, какъ праздникомъ, прямо изъ церкви, отъ обѣдни, къ намъ являлись ветхіе старцы и старицы съ отрѣзаннымъ ухомъ или одною изъ рукъ!... Съ уваженіемъ къ нимъ приближались мужички и бабы, а самъ „Мекита“, спявъ шапку, давалъ имъ подаяніе и пищу; то были, говорили мнѣ шопотомъ, „*гайдамаки*“, мученики временъ торжества Уніи!... Народъ ихъ почиталъ почти святыми... Никто не зналъ или боялся сказать, гдѣ они проживаютъ зимой, „або въ степу, або въ байракахъ“, въ холода невозможные.

Зиму опять провели мы въ Кіевѣ, при ликованіи побѣдъ нашихъ.... Мы уже жили въ домѣ Безбородко, изъ котораго помню дивный видъ, особенно при закатѣ солнца, на старый Кіевъ, соборъ

Библиотека "Руниверс"

святой Софіи [1]) и златоверхій михайловскій монастырь, не хуже, чѣмъ съ уступа верхняго дворцоваго сада. Сколько мнѣ извѣстно, изъ видовъ Кіева и окрестностей многіе еще ждуть кисти художника. И порядочныхъ литографій еще не видать. Многое зависитъ отъ выбора поры дня, освѣщенія и мѣста, съ котораго слѣдуетъ снимать видъ мѣстностей или строеній.—Продолжаю.

Въ концѣ этой зимы и особенно къ веснѣ началось мое ученіе, а съ нимъ и всякія мученія. Сверхъ Закона Божія и языковъ, начали учить меня исторіи, географіи и, по тогдашнему, не объясняя, а просто въ долбяшку!.. Скоро прибылъ еще новый учитель русскаго языка—москвичъ, да давай меня истязать за мягкій знакъ и за мое вообще украинское произношеніе: „усе́ не до смаку“...

Наступила весна. Послѣ мучительныхъ дня и вечера, я спалъ сномъ праведника, какъ въ одно утро вдругъ—раньше обыкновеннаго—мой гувернеръ, добрый Іоганъ-Фридрихъ Ангелъ, меня поспѣшно разбудилъ и, что никогда не случалось, при умываніи и одѣваніи моей особы даже мнѣ помогалъ. На всѣ мои распросы о причинѣ необыкновенной поспѣшности, онъ мнѣ шопотомъ отвѣчалъ: „Ich darf nicht“, т. е. не смѣю. Я ожидалъ чего нибудь ужаснаго... въ родѣ новаго учителя-мучителя!.. Вышли...

Въ залѣ у стола сидѣлъ красивый, съ темными бакенбардами, мущина, въ военномъ сюртукѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Онъ вскочилъ, схватилъ и поднялъ меня, какъ перышко...

О, Боже!.. это былъ мой отецъ!..

Да, *то былъ солдатъ двѣнадцатаго года!..*

Оставивъ родной Кіевъ въ мартѣ 1817 года, я опять попалъ въ него прямо изъ холоднаго, сумрачнаго, прямолинейнаго Петербурга, въ маѣ 1824 года, въ самый разгаръ цвѣтущей украинской весны. Когда мы подвигались отъ станціи Броваровъ, меня уже издали, при утреннемъ солнцѣ, поразила прелесть знакомаго мнѣ вида златоверхой лавры печерской, среди садовъ и строеній, парящей въ высотѣ надъ зеркаломъ водъ широкаго „батюшки“ Днѣпра. Забилось мое сердце.

---

[1]) См. мою брошюру: „Зодчество восточной православной церкви“. Кіевъ. 7-го іюня 1873 года.

Библиотека "Руниверс"

Не многое могу сказать о Кіевѣ въ ту пору; онъ былъ почти въ такомъ-же положеніи, какъ я его оставилъ восемь годовъ тому назадъ; прибыло нѣсколько новыхъ каменныхъ домовъ и убыло лачужекъ. Подъ великолѣпными липами въ „Липкахъ“ устроили нѣчто въ родѣ бульвара, но все таже пыль по улицамъ и все тѣже искони враждующіе межъ собою партіи монтекки и капулетти, грязныхъ жидовъ и тощихъ псовъ. Изрѣдка несущаяся четверня барина съ визгливымъ *форейторомъ*, или *цугъ* „съ бичемъ“ яснаго пана, обращали на себя вниманіе обоихъ воюющихъ партій, изъ которыхъ дѣти Израиля, остановясь, торопливо, подъ палящимъ солнцемъ, трясли свои мѣховыя шапки, чтобъ не завязли въ нихъ ермолки, и униженно кланялись, а невѣжды собаки, съ воплемъ отчаянія, бросались за лошадьми. Нищихъ они часто пропускали мирно, судя, вѣроятно, по физіономіямъ. Меня, ѣхавшаго на почтовыхъ, въ „перекладной“ повозкѣ, они не удостоили особеннаго вниманія, тявкнувъ лишь нѣсколько разъ, чтобъ явить свою бдительность. Заѣхалъ я, по тогдашнему, прямо къ моей бабушкѣ, доброй Елизаветѣ Васильевнѣ Рєпнинской, которая уже жила въ своемъ новомъ каменномъ красивомъ домѣ, еще до моего отъѣзда изъ Кіева оконченномъ и отдѣланномъ, окруженномъ тогда вновь разведеннымъ и уже разросшимся молодымъ садомъ, въ которомъ и я работалъ и между прочимъ посадилъ и молодую грушу. Хотя еще было раннее утро, я ее засталъ уже за часомъ. Добрая, еще бодрая старушка, разцѣловала меня, съ радости не знала, чѣмъ и какъ меня угостить. Наболтавшись и наѣвшись по россійски, я, чтобъ переодѣться, пошелъ въ уже приготовленную мнѣ въ верхнемъ этажѣ, знакомую, большую, свѣтлую комнату, которой три распахнутыя окна открывали мнѣ дивный видъ чрезъ улицу и Бегичева цвѣтущій садъ на „старый Кіевъ“ и въ весеннемъ солнцѣ сіяющіе куполы св. Софіи и златоверхаго михайловскаго монастыря!..

Налюбовавшись, я переодѣлся, и въ каретѣ бабушки отправился явиться коменданту въ крѣпость. Въ комендантѣ нашелъ добраго, ласковаго старика, который, распросивъ меня о моихъ родителяхъ и представивъ, какъ стараго знакомца, своей женѣ, наконецъ меня отпустилъ домой (кажется, то былъ старикъ *Маасъ*). Возвратившись прямо къ бабушкѣ, которая мнѣ запретила къ кому-то ни было заѣзжать, я уже засталъ у ней старыхъ ея и всего

Библиотека "Руниверс"

нашего семейства друзей: съ бѣлою уже совсѣмъ головой, но все еще бодраго и какъ верста прямаго, теперь уже генералъ-лейтенанта со звѣздой, знакомаго съ моего дѣтства *Суворовца* [1]), Илью Алексѣевича Глухова, и добрѣйшаго, также все еще бодраго и веселаго Христіана Карловича Бунге, съ тѣми-же золотыми очками. Не буду распроетраняться, говоря о всѣхъ добрыхъ, незабвенныхъ знакомыхъ и друзьяхъ нашего семейства, которые всѣ обласкали меня, какъ роднаго, и объ ихъ дѣтяхъ, товарищахъ моего дѣтства, изъ которыхъ многіе уже состояли на службѣ, а изъ дѣвушекъ нѣкоторые уже были замужемъ. Изъ семействъ Бунге и Могилянскихъ еще всѣ были на лице, а Глуховы уже стали намъ родня, ибо ихъ дочь Марія уже была замужемъ за сыномъ бабушки, братомъ моей матери, тѣмъ самымъ молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, который послѣ Бородинской битвы пріѣзжалъ, жестоко израненный (три пули), къ бабушкѣ на короткое время и едва излѣчившись, поспѣшилъ догнать полкъ. Я у нихъ часто бывалъ въ Петербургѣ, гдѣ Репнинскій служилъ уже полковникомъ въ гвардіи. У Х. К. Бунге все семейство еще было на лице и всѣ здоровы. Жили они въ прежнемъ своемъ домѣ и ихъ садъ значительно разросся и похорошѣлъ. И бабушкинъ садъ чрезвычайно разросся, и *моя груша* была уже прекраснымъ молодымъ деревомъ, приносившимъ обильные и вкусные плоды. Въ высокихъ, свѣтлыхъ, новыхъ комнатахъ новаго дома висѣли по стѣнамъ мои старые знакомые, перенесенные изъ стараго дома, огромные, старинные, прекрасной живописи, портреты: Суворова, Румянцева, Потемкина, и изъ своихъ старинныхъ рамъ поглядывали на насъ всѣхъ также благосклонно, какъ во времена моего счастливаго дѣтства.

На другой день, посѣтивъ до обѣда всѣхъ знакомыхъ дѣтства моего и прекрасный дворцовый садъ, который мнѣ такъ напоминалъ прежніе годы, я съ прискорбіемъ увидѣлъ, что верхній этажъ дворца со времени пожара 1812 года еще не возстановленъ. Послѣ обѣда поѣхалъ къ вечернѣ въ софійскій соборъ. Въ храмѣ софійскомъ было не мало неопрятности и небрежности; но не смо-

---

[1]) Состоялъ инженернымъ офицеромъ при Суворовѣ; по плану Глухова взята штурмомъ Прага (завислянское предмѣстье Варшавы), что и побудило Варшаву *сдаться безъ боя*.

Библиотека "Руниверс"

тря на это, при пѣніи „Взбранной воеводѣ побѣдительная", сердце мое наполнили тѣже чувства восторженнаго моленія, какъ многіе года позже въ св. Софіи цареградской и при служеніи въ соборѣ св. гроба Спасителя въ Іерусалимѣ. Многое, многое говоритъ русскому сердцу въ нашемъ, все еще прекрасномъ, хотя старомъ Кіевѣ, „матери городовъ русскихъ". Если зданіе молитвенное, посвященное славословію премудрости Всевышняго, должно выражать чувства и мысли строителей, то какъ-же классическій Пантеонъ, поставленный хоть и самимъ Михелъ-Анжіоло Буенаротти на колоннаду Пареенона,—выраженіе языческаго культа чувственности и реализму, или дерзкіе шпили почти арабскихъ и мавританскихъ средневѣковыхъ рыцарскихъ катедралей (другаго выраженія не нахожу) могутъ выразить идею смиренія, покорности, моленія и самоотверженія пострадавшаго на крестѣ Искупителя человѣчества? Какъ св. Софія цареградская, такъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, св. Софія кіевская вполнѣ выражаютъ эту идею. Въ сѣверной Италіи, особенно въ Равеннѣ, я встрѣчалъ храмы выражающіе туже мысль и чувства. Св. Маркъ въ Венеціи лишь не совсѣмъ удачное подражаніе св. Софіи цареградской.

На третій день посѣщалъ я и другія святыни кіевскія, которыя позже описалъ мой другъ и товарищъ, по службѣ въ харьковскомъ драгунскомъ полку, уже покойный Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Да, монгольская эпоха нашего многострадательнаго прошедшаго оставила намъ здѣсь, не смотря на частые погромы татаръ, памятники, которые свидѣтельствуютъ объ свѣтлыхъ зачаткахъ отечества нашего, прерванныхъ, но не совершенно уничтоженныхъ.

Въ 1824 г. въ Кіевѣ жилъ съ своей семьей Н. Н. Раевскій, командуя 3-мъ корпусомъ 1-й арміи, штабъ котораго находился также здѣсь. То было веселое и славное время русскаго представительства въ древнѣйшей столицѣ русской и во всей древней Кіевщинѣ. Раевскіе были изъ числа богатѣйшихъ помѣщиковъ кіевской губерніи (м. Болтышка). Пышно жили они въ Кіевѣ, какъ и ихъ богатые родственники: графиня Браницкая (м. Бѣлая-Церковь), ея братъ Энгельгардтъ (м. Ольшана), генералъ временъ Потемкина, извѣстный силачъ, графъ Николай Самойловъ (м. Смѣла), Алкивіадъ того времени, его сестра Елена Захаржевская (Жаботинъ), Давы-

Библиотека "Руниверс"

довы (Грушевка), Высоцкій (м. Злотополь), Лопухины (м. Шпола), Бороздины, Поджіо и многіе другіе, какъ Орловъ (м. Матусово), Кудашевы, Могилянскій и т. д. Могучъ былъ тогда не только въ Кіевѣ, но и во всей Украйнѣ блестящій русскій элементъ, а теперь?... Но съ 1845-го года я въ Кіевѣ не былъ.

Семенъ Сулима.

ВИРША НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

1. Христосъ родився, міръ звеселився: сёгоднішними часы
   Для сихъ родинъ всякъ христянинъ вминае ковбасы.
2. Бабы, діды пиво-меды, горілку варену
   Кухликомъ пьють, съ книшами трутъ свинину печену.
3. Хлопці, дівки навпередки бітають підъ хатки
   И якъ вовки, або свинки, скиргичуть колядки.
4. Паны купці, славні кравці, шинкарство, міщаны
   Объ сімъ Різдви усі въ нови убрались жупаны.
5. Мати земля уся гуля и взявшись у боки,
   Пісни гука, бье гопака въ підківки широки.
6. На небесахъ янголи всі ажъ въ долони
   Зъ радости бьють, пісни гудуть Якимовій Доні.
7. Старенькій Бігъ на стілъ излігъ и самъ собі дума:
   «Празднякъ душамъ, тільки Адамъ изъ Евою рюма».
8. Важко здихнувъ, потимъ кликнувъ Гавріла швиденько,
   Да й приказавъ, щобъ листъославъ Адамови хутенько.
9. Архистратигъ метнувся вмигъ, папіръ и чернило,
   Де треба, взявъ да й написавъ Адаму такъ мило:
10. „Честный Адамъ, що всімъ людямъ праотець зовешся,
    Годі, не плачь, отъ-отъ, якъ бачъ, изъ пекла спасешся.
11. Бо вже на світъ, якъ рожа цвітъ, Христосъ народився.
    Вінъ адъ стребить, чорта смирить, щобъ той не гордився.
12. Смерть злу ягу зогне въ дугу и зломить ій спину,
    Гострy косу и збрую всю стре, якъ павутину.
13. Адьокихъ сіпакъ зомне якъ макъ, зибье ихъ въ макухи.
    За ихъ брехню и всю плутню вінъ дасть имъ цукрухи.

Библиотека "Руниверс"

14. Вже-жъ бо отъ сихъ катюгъ презлихъ просвітку не мають;
Правъ и не правъ, кого попавъ, знай въ пекло таскають.
15. Катъ-бы ихъ ма! у ихъ нема никому вже спуску:
Хоть-бы чернець, хоть-бы святець, осмалять, якъ гуску.
16. Вони и вамъ, честный Адамъ, зъ жоною твоею,
Племфи дали, якъ въ гріхъ ввели брехиею своею.
17. Сихъ-то покусъ хитрый искусъ твою молодыцю
На гріхъ пидвівъ, що й ты изъівъ прокляту кислыцю.
18. Отъ сихъ врагівъ вы изъ богівъ голяки зробились,
Рвали листки, шили мішки и тими прикрылись.
19. Одъ ихъ чарівъ вы изъ царівъ чортъ зна чимъ стали
Изъ усіми зъ раю дітьми у пекло попали,
20. Де день и нічь дрова у нічь возите санками,
За той-же трудъ ще васъ и бьють по ребрахъ кійками.
21. Отъ сихъ-то мукъ ты, якъ навукъ, опухъ и хвораешъ;
Ну-жъ лишь вставай, сей листъ чятай,—зарязъ очуняешъ".
22. Болізнь забувъ, хвабро скакнувъ нашъ прадідъ изъ полу,
Надівъ сірякъ и сякъ то такъ додыбавъ до столу.
23. На лавку сівъ, да й надівъ на нісъ окуляры,
Листъ той хвата, зъ сміхомъ чита, бо одійшли шпары.
24. Тутъ-же сидить, Ева глядить у вічи пильненько,
Все, що чита, Адамъ мота на усъ гарненько.
25. Якъ прочитавъ, Еви сказавъ: „давай варенухи!"
Глечикъ хильнувъ дай махнувъ въ те містце навтрюхи,
26. Де въ нічь дрова кладуть, сзывае всіхъ и репетуе:
„Христосъ родився, Христосъ родився! намъ яголь віщуе.
27. Потімъ выйма листъ и знима зъ гири капелюху,
На пень-же ставъ, всімъ прочитавъ той листъ до слуху.
28. И увесь тутъ загудівъ людъ, мовъ літомъ ті бджолы;
Беруть жінокъ, ведуть въ танокъ, затыкавши полы.
29. Тіи бычка, ті козачка, ті горлицю скачуть,
Сами-жъ старі, сидя въ шатрі, одъ радости плачуть.
30. Пророкъ Давидъ тамъ-же сидить и въ кобзу играе,
Пісню святу Спасу Христу за псалтири читае

Библиотека "Руниверс"

31. Чорнявый Хамъ сидить тежъ тамъ и ріже въ сопілку,
Самъ добре пье и всімъ дае квартою горілку.
32. Куци чорты, мовъ ты хорты голодни скиглять,
Лапы грызуть, изъ себе шкуру рвуть, скрутились и пінять.
33. Старшій ихъ бісъ нахлюпивъ нісъ, сидить въ куточку,
Скубе виски и на куски шматуе сорочку.
34. Суцiга смерть собі-жъ верть-верть, ляпъ-ляпъ кістками,
Біжить въ кутокъ, бере мішокъ зъ косою, зъ ножами.
35. Заступъ хапа, яму копа и все въ ту поклала.
Смерте, вгамуйсь! тобі Ісусъ дасть доброго драла.
36. Нашъ Богъ Христосъ чортівъ, якъ осъ, подавить ногою,
Зъ твоихъ кістокъ, смерте, трісокъ наробить и гною.
37. Всіхъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробить до раю.
Синъ я Христомъ, паны, зъ Різдвомъ васъ поздравляю.

Сообщ. С. И. Пономаревъ.

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ СТАВРОВСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ),

Когда настоящая книжка закончена была печатаніемъ, мы получили извѣстіе о кончинѣ бывшаго профессора кіевскаго университета А. И. Ставровскаго, послѣдовавшей въ г. Острѣ (черниг. губ.) 14 ноября сего года, послѣ тяжкаго и продолжительнаго недуга.

Покойный Алексѣй Ивановичъ, воспитанникъ бывшаго педагогическаго института, товарищъ славныхъ ученыхъ: Неволина, Богородскаго, Иванишева, все время провелъ на службѣ въ кіевскомъ университетѣ, занимая каѳедру всеобщей, а по временамъ и русской исторіи. Въ теченіи 25-ти лѣтъ его слушали нѣсколько поколѣній учащейся молодежи и среди читателей «Кіевской Старины» найдутся, вѣроятно, его слушатели, для которыхъ вѣсть о кончинѣ ихъ б. профессора можетъ имѣть особое значеніе. Покойный не отличался выдающимися дарованіями, велъ дѣло свое скромно, но честно и добросовѣстно. Въ свое время онъ много работалъ надъ своимъ предметомъ, много писалъ, но не оставилъ ни одного печатнаго труда и только живая память его слушателей можетъ сказать что-либо о его профессорской дѣятельности. Выйдя въ отставку въ 1870 г. и поселившись въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, онъ, отъ недостатка привычной дѣятельности, скоро подвергся параличу и въ этомъ тяжкомъ недугѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, пока смерть не прекратила тяжкихъ его страданій. Послѣ его смерти осталась библіотека въ 1,000 изданій, между которыми есть не мало рѣдкихъ и дорогихъ. Сверхъ того у него-же сохранялись весьма цѣнныя бумаги изъ такъ-называемаго рѣшетиловскаго архива, принадлежавшаго наслѣдникамъ бывшаго секретаря Потемкина Попова. Желательно было-бы, въ интересѣ науки, чтобы оставшееся теперь наслѣдство не постигла участь драгоцѣннаго въ своемъ родѣ наслѣдства Потемкинскаго секретаря.

Библиотека "Руниверс"

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV-мъ томѣ «Кіевской Старины», 1882 г. *).

Абаза, ст. сов., администр. имѣній гр. Потоцкаго, 80.
Авдѣевка, с., 313.
Аврагынь, с., 155.
Азовъ, г., 229, 231, 237.
Азовское море, 160.
Александренко, предводитель козацкаго отряда, 545.
Александровка, с., 482.
Александръ I-й, росс. имп., 236, 295, 415.
Алексѣй Михайловичъ, моск. царь, 197, 198, 200, 289.
Алексѣй Поповичъ, богатырь, 135.
Анна Іоанновна, рус. имп., 131, 403, 415.
Антоній, петерб. митроп., 378.
Антоній І..., д-ръ, 149; разб. его кн., 570—573.
Антоновичъ В. Б., пр. кіев. унив., 70, 146, 231; авт. ст. „Иванъ Гонта", 276, 362, 364.
Антонскій А. А., проф., 315.
Арсеній, кіев. митроп., 536, 580.
Архангельскъ, г., 205.
Астраханъ, г., 242.
Афанасьевъ-Чужбинскій А., этнографъ, 67, 586.
Аѳонъ, св. гора, 59.
Ахтырка, г., 199, 219, 408, 565.

—

Бабанка, предмѣстье г. Умани, 425.
Багрыновцы, волость, 545.
Байракъ, запорож. атаманъ, 537.
Бакировка, с., 225.
Баклань, 299.
Балабанъ, начальникъ польск отряда, 332.
Балабушевичъ В., авторъ замѣтки: „О днѣ смерти кн. Острожскаго", 175—177.
Бантышъ-Каменскій, историкъ, 386, 585.
Барахты, с., 232.
Варъ, г., 84, 545.
Барыка Петръ, польск. писатель XVII в., 452, 462.
Барышовка, с., 293; имѣніе Сулимъ, 309.
Басанская, дорога, 356.
Батуринъ, м., 171, 372, 563.
Безбородко, графъ, 312.
Беклешевъ Алекс. Андр., московскій генер.-губер., 326.
Бендеры, г., 260.
Беккендорфъ, генер., 557.
Бердичевъ, г., 44, 269, 352, 362.
Березань, м., 504.
Березина, р., 396.
Берестечко, м., 168, 330, 542, 544, 548, 553.
Берында-Памво, южно-русскій ученый XVII в., 286.
Бецкій Ив. Ив., генер.-порутч., 294.
Бзовскій Симеонъ, польскій революціонеръ полов. XVII ст., 549.

*) Цифры указываютъ страницы тома.

Библиотека "Руниверс"

Бибиковъ Дмитр. Г., кіев. генер.-губ., 47, 79.
Бирон'ъ, регентъ при имп. Аннѣ Іоан., 404.
Бичаль, м., 79.
Блотница, с., 311.
Богополье, м., 420.
Богородицкій ретраншаментъ, 537.
Богунъ, полковн. козацкій, сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 338, 545.
Богуславъ, г., кіев. губ., 165.
Болеславъ, князь мазовецкій, 144.
— Храбрый, король польскій, 347.
Бонапартъ, Наполеонъ I-й, француз. импер., 39.
Боновскій, помѣщ., 80.
Боремль, м., 168.
Борецкіе, русскіе бояре, 141.
Борецкій Іовъ, митроп. кіев., 457.
Борзна, г., 68, 238, 386, 595.
Боровица, 549.
Боромля, м., 219, 225.
Борщи, станція, 155.
Боярскій Матвѣй, ахтыр. полков. судья, 225.
Браиловъ, г., 545.
Браницкій, регементарь польск. войскъ XVIII ст., 91, 252; ловчій корон., 272, 274, 341.
Брацлавъ, г., 81.
Бремъ, знамен. натуралистъ, 74.
Броды, м., 328, 336, 544.
Брюховецкій, гетманъ, 131, 200, 202, 207.
Бугъ, р., 144, 390, 391, 420, 541, 588, 603.
Бугскіе козаки, 389—391; замѣтка о нихъ А. Скальковскаго, 599—603.
Будлянскій, собиратель рѣдкостей живописи и искусства, 604.
Бутовичъ Н. И., помѣщикъ, 174.
Бутурлакъ, упомин. въ думѣ о Кішкѣ Самійлѣ, 505.
Быстракъ, с., 363.
Быховецъ, лѣтоп., 357.
Бѣлая-Церковь, м., 81, 99, 260, 429, 540, 547.
Бѣлгородъ, г., 198, 201, 402, 568.
Бѣлевскій, ученый, 146.
Бѣлинскій Вас. Гр., рус. критикъ, 597.
Бѣлицкій А. Г., кошевый, 534.
Бѣлозерскій В. М., б. ред. «Основы», 67, 69, 70, 596.
— Н. Д., помѣщикъ черн. 70, 596.
— Н. М., авт. статьи: «Т. Г. Шевченко», 77.
— И. И., помѣщикъ черниг. губерніи, 71, 77.
Бѣлозерская Е. Н., 70.
Бѣлозерскій, рус. оф., 161.
Бѣлокриница, м., 168.
Бѣлополье, г., 201.
Бѣлый Камень, 539.

—

Вальи, г., 203,
Валкевичъ Петръ, 298, 302.
Ванновскій, И. И., воспитатель Якима Яким. Сулимы, 315.
Ваньковцы, помѣстье, 545.
Варшава, г., 39, 44, 68.
Варшицкій, воевода мазовецкій, 555.
Василько Ростиславичъ, князь, 368.
Васильковъ, г., 81.
Васильковское урочище, 472.
Васильковцы, с., 311.
Вдовиченко, козацкій полковн. XVII в., 555.
Вейсъ, начальникъ польск. отряда драгунъ, участникъ берестечской битвы, 335.
Великій Санборъ, с., 563.
Венславовка, с. гадяцкаго уѣзда, 483.
Вербки, с. ковельскаго у., 88.
Вересай Остапъ, бандур., 240, 483.
Вересовъ, с., 575.
Верещака Прокопъ, богатый украин. землевладѣлецъ XVII в., 369.
Веронika Кребсъ, остав. мемуаръ объ уманской рѣзнѣ, 252.
Веселицкій Петръ, 568.
Веселовскій, проф., ученый, 454.
Верховка, мѣст., 84.
Верхососенскъ, гор., 198.
Вигуры, богатые украин. землевладѣльцы XVIII в., 357.
Вигура Ив., проф. кіев. универ., 82.
— Станиславъ, кіевскій городничій начала XVII в., 358, 575.
Вигуровщина, с., 357.
Виженеръ, французскій путешественникъ, 138.

Библиотека "Руниверс"

Вильна, г., 78, 298.
Винница, г., 539, 579.
Витебскъ, г., 78.
Витинскій, дворянинъ, 575.
Витковскій, археологъ, 362.
Витъ-Корчевскій, польскій писатель XVI в., 452.
Витовскій, кастелянъ сендомирскій, 555.
Витте-де, графъ, рус. генералъ, 390, 603.
Висла, р., 143.
Вишенскій Іоаннъ, южнор. писатель конца XVI в., 284.
Вишневецъ, м., 168, 332.
Вишневецкіе, польскіе магнаты, князья, 605.
Вишневецкій Димитрій, предводитель козаковъ, 587.
— Іеремія, кн., 137, 140, 153, 328, 337, 341, 538, 543, 606.
Вишневецкая Раина, 605.
Владиміръ, г., 143.
Владиславъ IV, король польскій, 341, 452.
— королевичъ польскій, 140.
Власенко Н. А., 71.
Воейковъ Ѳ. М, кіев. генералъ-губер. пол. XVIII в., 90, 97, 104, 109, 162.
Войцеховичи, малорус. дворян. фамилія, 294.
Войцеховичъ А. И., членъ госуд. совѣта, 295.
— Андрей Ивановичъ, 295.
— А. А., помѣщикъ переясл. у., 173, 292.
— Иванъ Андреевичъ, 295.
Водяная, козачья станица, 602.
Вознесенскъ, г., 601, 603.
Войтовка, дер., 430.
Волга, р., 344, 585.
Волкъ Гаврило, кобзарь, 483.
Волковъ Ѳ. К., его сборникъ украин. орнаментики, 365.
Воловичъ, мстислав. подсудокъ. 335.
Володарка, м., 255.
Волошинскій, южнор. этнографъ, 362.
Волынь, 276, 281.
Вольное, поселеніе, 205, гор., 198.
Воронежъ, г., 596.
Ворскла, р., 594.
Вульфъ, рус. полков., 90, 100.
Вурмъ, руск. секундъ;маіоръ, 91, 108.
Выговскій Иванъ, гетм. украин., 200; приближ. гетм. Хмельницкаго, 335, 422, 546, 554.
— Ѳеодоръ, каз. старшина времени Хмельницкаго, 369.
Высокопосольское, с. алешан. сотни, ахтыр. полка, 223.
Высоцкій, русскій генер., 364.
Высочинъ Иванъ, купецъ-запорожецъ, 531.
Вышгородокъ, м., 168.
Вѣна, г., 370.
Вязовокъ, с., мѣсто сожженія и вѣшанія гайдамакъ регимент. Стемпковскимъ, 352.
Вязьмитиновъ, военный министръ при Александрѣ I-мъ, 601.

—

Габріель Таргіа, ученый, 457.
Гавріилъ, митропол., 313.
Гавриловъ, профес., 203.
Газе, ученый, 439.
Гакстгаузенъ, писатель, 193.
Галаганъ Григорій, прилуцкій полковн., 302.
— Григорій Павловичъ, членъ гос. сов., авторъ статьи: „Малорусскій вертепъ“, стр. 438, 468, 470, 474, 478.
Галичина, 381.
Гамалѣй, Т. В., 292.
Ганжа Андыберъ, герой народной думы, 135.
Ганицкій, собиратель малор. пѣсенъ, 232, 245, 248.
Ганлей, посес. имѣній генер. Нарышкина, 522.
Гапоновичи, дер., 394.
Гапоновка, с., 483.
Гаркуша, предводитель разбойничьяго отряда, 384.
Гедиминъ, князь литовскій, 146.
Герасимъ — козакъ, герой народной украин. пѣсни, 241.
Гервасій Линцевскій, переяславльскій епископъ, 92, 94, 100, 115.
Геттингенъ, г., 325.
Гизель Иннокентій, печер. архим., писатель XVII в., 369.

Библиотека "Руниверс"

Гиршфельдъ, писат., 322.
Гладкій, козацк. полковн., 333; послан. Богд. Хмельниц., 548.
Глинскій, Григорій Борисов., староста овруцкій (1496—1503), 153.
Глиняны, с., 539.
Глуховъ, г., 91, 110, 113, 130, 133, 171, 304, 306.
Гнѣбовъ, кіевскій генер.-губерн., 165.
Гватко Голый, гайдам. ватажокъ, 246.
Гоголь Н. В., изв. писатель, 177, 510, 597.
Гоздава-Вилуцкій, писарь польск. погр. камеры, 103.
Голдбахъ, ученый, 319.
Голяцынъ М. М., полковникъ лейбъ-гвардіи, 218.
— Д. М., кн., кіевскій губерн., 357.
Гонсевскій, стольникъ литов., 546.
Гонта Иванъ, уманскій сотникъ 179, 250—276; уманскій полковн., 268, 349, 427, 429, 430.
Горашевичъ, ученый, 146.
Горбовъ, помѣстье, принадл. елецкому монастырю, 172.
Горленко В., авторъ статьи: „Бандуристъ Иванъ Крюковскій", 481—518, и замѣтки о стар. малорос. портретахъ, 603—607.
Горленко Димитрій, козацкій полковн., 604.
— Іоасафъ, епископъ бѣлгородскій, 607.
Городище, с. острожскаго у., волын. губ., 168.
Грабянка, украин. лѣтоп., 584.
Гребенки, с. кіев губ., 81.
Григорій, архим. пересоп. мон., перевод. Евангелія на малорус. языкъ, въ XVI ст., 282.
Григоровичъ Дмитро, козацкій сотникъ, 384, 386.
— В. П., отст. артил. полк., 384.
Громыка, бѣлоцерков. полковн., 552.
Губа Климъ, кобзарь, 493.
Гудовичъ, украин. магнатъ, 301, 562.
Гудовка, имѣніе Сулимы, 309.
Гулакъ-Артемовскій П. П., профес., малорус. писатель, 596.
Гулевичъ Бенедиктъ, шляхтичъ, дѣятель таргов. конфедераціи, 570.
Гумницкая станица, 602.
Гумпліовичъ, авторъ историч. мемуаровъ, 252.
Гурьевъ, русскій полковн., 269, 271, 564, 567.
Гусаково, с. звенигор. у., кіев. губ., 189.

—

Дальке-фонъ, рус. генералъ XVIII в., 114.
Данцигъ, г., 384.
Дашевъ, мѣст., 40.
Дашкевичъ Евстафій, предводитель козаковъ, 296, 356, 585,
Дашко, сотникъ, 258.
Дверницкій, генералъ польскихъ войскъ, 373.
Двина, р., 144, 156.
Де-ла-Флизъ, этногр., 472.
Дембицкій Мартынъ, подчашій сандомирскій, 344.
Деревки, с. ахтырскаго полка, 226.
Десна, р., 356.
Десятынъ Гр., авт. замѣтки: «Украинскій Геліосъ», 177—180.
Джеджалій, полковн., сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 329, 336.
Дзендзелевка, с., 520.
Димитрій Ростовскій, святитель, 5; игум. елец. монаст., 170, 458, 469.
Дмитрашко-Раичъ Вас. Алексѣев., березанскій сотникъ, 298, 302.
Днѣпръ, р., 112, 114, 138, 143, 160, 197, 292, 334, 356, 372, 587.
Днѣстръ, р., 84, 144.
Довгалевскій Митрофанъ, учитель пѣнтики въ кіев. акад. (1736—1737), 4, 5; писат., 461, 463, 464, 465, 469, 474, 475.
Долгорукій Як. Ѳ., кн., рус. генералъ 163; воевода, 221.
Домбровица, мѣст., 168.
Донъ, р., 160, 198, 238, 242, 484, 585.
Дорошенко П., гетманъ, 159, 370, 422.
Драгомановъ М. П., историкъ и публиц., 146, 231, 364.
Дубно, г., 168, 349.

Библиотека "Руниверс"

Дубовая, помѣстье, 545.
Дызма-Томашевскій, участникъ торгов. конфедераціи, 570.
Дымино, с., 602.

—

Евсѣйкова Долина, древ. кіев. урочище, 359.
Евстафьевская Земля, нынѣш. Воскр. Слободка, близъ г. Кіева, 356.
Ей, р., 160.
Екатерина II, рус. имп., 80, 97, 195, 207, 216, 295, 408, 426, 427, 589, 600.
Елисавета, рус. импер., 119, 402, 405.
Елчаниновъ, кіевскій оберъ-комендантъ, 568.
Есимонтовка, имѣніе стародуб. обозпаго Есимонтовскаго, 296.
Есимонтовскіе, старинная малорус. фамилія, 294.
Есимонтовскій Афанасій, стародубскій обозный, 295.
— Алексѣй, мглинскій сотникъ, 295.
Есимонтовская Марина Григорьевна, урожден. Скоруппа, 295.
Ефименко П. С.; его статьи: «Откуда взялись запорожцы» и «Н. Д. Мизко», 599.

—

Жаботинъ, м., 426.
Ждановичъ Антонъ, генер. судья, 369.
Желѣзнякъ Максимъ, гайдамацкій предводитель, 97, 149, 245, 248, 260, 261, 268, 426, 429, 430, 564, 565, 567.
Жемчужниковъ Левъ Мих., художникъ, 68, издат „Живописной Украйны", 482.
Жеча, р., 300.
Животовъ, мѣст., 551, 556.
Жигайловка, козачье поселеніе, 223.
Жигимонтъ I, король польскій, 358.
Жиловцы, с., 363.
Житецкій П. И., его статьи: предисл. къ „Малорус. вертепу", и „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ", стр. 277—291.
Житецкій И., его рецензія на книгу проф. Пилата: „Wiadomości statystyczne"..., стр. 575—577.
Жмудь, б. провинція б. литов. княж., 146.
Жолкевскій Станиславъ, воевода кіев., 139, начальникъ польск. войскъ, 292, корон. гетманъ, 421.

—

Заборовскій Рафаилъ, митроп. кіев., 476.
Забѣла В. Н., украин. поэтъ, 68, 70, 73, 76.
Завадовскій, его коллекція художествен. произведеній, 605, 312.
Загорскій, ученый, 319.
Закоморье, им. Ст. Освѣцима, автора „Дневника", 543.
Закревскій, составитель описанія г. Кіева, 355.
Залѣсье, с., 393.
Замойскіе, польскіе магнаты, 141.
Замойскій Ѳома, воевода кіев., 141.
— Янъ, магнатъ польск., 14.
Западный Бугъ, р., 156.
Заполье, дер., 394.
Зарудный Василій, сотникъ, 160.
Заславль, г., 80, 88, 168.
Зборовскій Криштофъ, польскій магнатъ, 572.
Зборовскій или Збуровскій Самуилъ, козацкій предводитель, 487,
Збручъ, р., 572.
Звенигородка, г., кіев. губ., 261.
Звѣринецъ, предмѣстье г. Кіева, 368.
Звягель, м. новоградвол. у., вол. губ., 80.
Злотницкій Антоній, дѣятель торговищ. конфедераціи, 570.

—

Иванъ Грозный, царь москов., 195.
Иваненко Г. Г., переяслав. полковн., 315.
Иваницевъ Н. Д., кіевскій ученый, его путев. записки, 78—88.
Ивановъ Логвинъ, городничій гор. Ахтырки, 222.
— П. И., этногр., 399.
Иваньки, с., уманск. у., 520.
Игнатовичъ Якимъ, кошевой запор. атам., 530.
Изопольскій, писатель XVI вѣка, 2, 467, 474.
Икомъ, г., 203, 408.
Иконниковъ, профес. кіев. унив., 236.

Библиотека "Руниверс"

Ильницкій Л. В., собиратель этногр. матеріала, 234; рецензія на его „Опись актовой книги кіев. центр. архива", 573—575.
Ингулъ, р., 393.
Искорость, м., 168.
Искра Захарій, полковн. корсунскій, 370;
Искрицкій Петръ, 299.

—

Іоаннъ Лѣствичникъ, дух. писат., 287.
— Болгарскій, 289.
Іосафатъ Кунцевичъ, епископъ уніат. гонитель православія, 378.

—

К. К—къ, авт. статьи: „Самозв. флигель-адъютантъ, солдатъ Семеновъ", 519,
Кази-ага, султанъ, 343.
Казиміръ, кор. польскій, 147, 144.
Калиновскій, польный гетманъ, 342, 357, 337, 548.
— В. А., брацлавскій староста, 421.
Калміусъ, р., 160.
Калміусская паланка, 159.
Калнишевскій Петръ, послѣдній кошевый запор., 161, 162, 166.
Кальвинъ, религіозн. реформат., 446.
Кальниболотъ, м., кіев. губ., 353.
Каменецъ, г., 85, 274, 332, 350, 364.
Каменка, р., 420.
— с. херсонск. у., 350.
Кавдыба П. Григ., предвод. дворян. конотоп. у, 119.
Каневъ, г., 75, 91, 588.
Кановровскій-Соха А., племянникъ переяслав полковн. С. И. Сулимы, 308; его письмо къ Григорію Сковородѣ, 307.
Кантакузинъ Н. Д., кн., послѣдній атаманъ бугскихъ козаковъ, 599, 601, 603.
Каплуновка, с., 227.
Карабиновка, с., 597.
Кара-Мустафа, визирь, начальникъ, турецкой арм., 422.
Карашъ-мурза, начальникъ татарскаго ополч., 546.
Кармелюкъ, разбойникъ, 183 — 189, 384.
Карпаты, 143, 239, 430.
Карповъ, г., 198.
Карповка, урочище, 429.
Касперовка, станица, 602.
Каталонія, исп. пров., 239.
Кафа, г., 135, 142.
Качаловъ Яковъ, атаманъ куреня левушковскаго, 535.
Качановка, имѣніе Григ. Степ. Тарновскаго, 70,
Квитко, издат. сборника украин. орнамент., 365.
Кейстутъ, сынъ литов. князя Гедимина, 146.
Кизикерменъ, нынѣ г. Берославъ, 148, 530.
Кирбурнъ, укрѣпленіе, 600.
Кириловка, с., мѣсто рожденія Т. Г. Шевченка, 222.
Киселинъ, м., на Волыни, 156.
Кисель Адамъ, воевода кіев., 329, 546, 572.
Кишиневъ, г., 579.
Клевань, м. на Волыни, 168.
Клечковскій Мих., губернаторъ „замка" богуславскаго, 165.
Кодня, м., мѣсто суда надъ гайдамаками, 353.
Кодыма, р., 137.
Козачинскій М., писатель XVIII в., 460.
Козелецкій П. И., кошевой атаманъ, 160.
— Павло, атаманъ куреня корсунскаго, 530.
Козельскій Яковъ, полтавскій есаулъ, 160.
Козюбы-Якушинскіе, земяне брацлавск., 572.
Колонтай Станиславъ, обыватель кіевскій XVIII в., 357.
Кологривовъ, русскій порутчикъ, арестовавшій гайдамакъ подъ Уманью, 429, 567.
Комышня, м. миргород. у., полтавской губ, 495.
Конашевичъ-Сагайдачный Петръ, гетманъ, 134, 139, 469.
Кондратьевъ Андрей Гер., сумскій полк., 204, 201.
— Герасимъ, сынъ полковн. Кондратьева, 204.

Библиотека "Руниверс"

Конецпольскій, хорунжій коронный, 330, 337, 342, 539; гетманъ корон., 544.
Копинскій Исаія, кіев. митр., основат. лубенскаго моваст., 607.
Конисскій Георгій, архіеп. бѣлорус. и писат., 312, 461, 463, 464, 466, 474, 475, 479.
Конисскій Матфій, сотникъ ивангород, 300.
Коновченко Ив., герой народн. думы, 512—517.
Кононенко Осдоръ, кобзарь. 482.
Константиновъ Андрей, запорож. толмачъ, 161.
Константинъ Павловичъ, великій кн, 39.
Копачевъ, помѣстье елец. монаст., XVII в., 173.
Кореневщина, предмѣстье г. Кіева, 354.
Корецкій Б. Ѳ., князь, 420.
Корибутовъ, имѣніе кн. Репнина, 563.
Корицкій И. И., воспитатель сына Сулимы, 326.
Корецъ, м. новогр.-волын. у., 80, 168.
Корогодъ, с., 394.
Корнѣенко-Демянскій, учитель законовѣденія, 85.
Корсунь, м., 541, 588.
Корчевскій Вятъ, польскій писатель XVI в., 462.
Коссаковскій, подсудокъ брацл., 546.
Косачъ, собират. этногр. матер., 234.
— Ольга Петровна, ея сборникъ, украин. орнамент., 365.
Костинъ, прапорщ. рус. службы, 161.
Костка, онъ-же Наперскій, революц. польскій XVII в., 542.
Костомаровъ Н. И., историкъ, 69, 231, 236, 237, 241, 246, 470.
Котельва, слобода, 219, 223, 226, 568.
Кохановскій, польскій писат., 453.
Коховскій Веспасіанъ, польскій ученый, 595.
Кочубеи, дворян. фамилія въ Малороссіи, 165.
Кочубей Семенъ, генеральный обозный, 305; членъ малор. кол., 310.
— Викторъ Павловичъ, министръ внутр. дѣлъ, 325, 601.
Кошка Самійло, герой козацкой думы, 486, 505.
Краковъ, г., 143, 342, 542.
Красновъ Иванъ, генер.-маіоръ, атаманъ бугскихъ козаковъ, 601.
Краснополье, г., 201.
Красноселье, станица, 602.
Крашевскій Іосифъ, писат. польск., 2.
Кременецъ, г., 168, 169.
Кременчугъ, г., 517.
Кречетниковъ, генер.-маіоръ, 90, 99, 269, 333, 429, 569.
Крещатикъ, мѣстность Кіева, 359.
Кристинополь, резиденція Потоцкихъ, 254, 423.
Кричевъ, укрѣпл., 334, 335.
Крушинскій, товарищъ палаты уголовн. суда, 85.
Крыжановскій Е. М., авторъ замѣтки о поч. лаврѣ, 382.
Крыловъ, г., 137, 159.
Крыса, бѣлоцерков. полковн., 328, 333.
Крюковскіе, лохвицкіе дворяне, 483.
Крюковскій Иванъ, бандуристъ, 481—487.
Кубань, р., 383.
Куликовскій Максимъ, полковникъ запорожскій, 534.
Кулишъ П. А., писатель, 66, 67, 70, 236, 383, 386, 482, 588, 296.
Кульчевскій, польскій королевск. уряд., 200.
Курбскій, князь, русскій эмигрантъ при Иванѣ IV-мъ, писат., 88.
Курскъ, г., 201.
Куты, с., 520.
Кухаренко, генералъ, 391.
Кушелевъ-Безбородко, графъ, 236.

—

Лабенскіе, украин. дворяне, 390.
Лабунь, м., 169, 543.
Лаврентій Зизаній, западно-рус. ученый, XVII в., 289.
— Горка, писатель нач. XVIII в., 460, 461, 462.
Ладыжинъ, м., 422.
Лазаревскій А. М., 68, 75, 76, 119; авторъ замѣтки о старин. малорос. портретахъ, 173—175; 295, 471.
Лазарь Баранович, архіеп. черниг., писатель, 458.

Библиотека "Руниверс"

Ланжеронъ, новорос. генер.-губернат., 603.
Лбовъ, кіев. плацъ-маіоръ XVIII в., 564, 565.
Лебединъ, м., 200, 293.
Лебовичъ, воевода смолен., 546.
Ленартъ, капит. уманскаго гарнизона, XVIII в., 260, 264.
Лентовскій, маршалокъ, 542.
Лесевицкій, ахтырскій полковн., 218.
Лещинскій Андрей, канцлеръ, 538.
Лизогубъ, генеральн. бунчучный, 301.
Липоманъ, авт. мемуара о Коліивщинѣ, 252, 262.
Лоиниковскій, бунчуков. товарищъ, 304.
Лопухинъ П. А., князь, мин. юстиціи, 326.
— Н., влад. мѣстечка Шполы, 364.
Лопушано Богданъ, молдавскій господарь, 572.
Лохвица, г., 482.
Лубны, г., 137.
Лудольфъ, ученый англичанинъ конца XVII в., 289.
Лукашевичъ, украин. этногр., 482, 504.
Луцкъ, г., 168.
Лушевъ, фотогр., 605.
Лысенко Иванъ, переяславльскій полк., 293.
Лысянка, м., 260, 353, 246.
Львовъ, г., 274, 336, 350, 457, 540.
Лѣсковъ Н. С., беллетристъ, 373.
Ляховцы, м. острожск. у., 168.
Лянцкоронскій, воевода брацлавскій, 337, 572.
Любачевъ, м., 541.
Любечъ, г., 299, 335.
Любомирскіе, князья, 159.
— маршалокъ корон., 555.

—

Магнушевскій, полковн., 259, 260, 263.
Мазепа И. Ст., гетманъ, 131, 135, 159, 174, 371, 510, его портреты, 604, 607.
Майборода, предвод. гайдам. отряда, 91, 107, 108.
Макарій Булгаковъ, митроп. московск., 578.
Максимовичъ М. А., ученый писатель, 71, 109, 139, 471, 482, 490, 564, 597.
Максимъ Грекъ, ученый XVII в., 288.
Мамай, разбойн. XVIII в., 471.
Манджура, украин. этногр., 243.
Маріенбургъ, г., 237, 241.
Маріуполь, г., 160.
Маркевичъ Н. А., историкъ, 1, 438, 467, 470, 474, 477, 585.
Марковскій, хорунжій уманск. гарнизона, 265.
Марло, писат., 448.
Масловъ В. П., собиратель этногр. матеріаловъ, 68, 71.
Маховскій, офицеръ польс., 546, 554.
Махновка, с., 554, 363.
Маціевичъ Л. С., соб. малор. пѣсень, 238, 241.
Мглинъ, г., 295, 299.
Медвѣдовка, м., 118.
Мееръ, профес. геттингенскаго универ., 323.
Мейнеретъ, профес., 323.
Мелетій Смотрицкій, состав. грам., 289.
Мелешко Иванъ, каштелянъ смоленскій, 147.
Мелхиседекъ, игуменъ мотрон. монаст., 92, 94, 110, 113, 115, 424, 426.
Меньшиковъ, кн., 205.
Метлинскій, этногр., 482, 596.
Мещерскій, кн., бригадиръ, 129.
Мизко Н. Д., писат., 594—599.
Миклашевскій, губернаторъ, 601.
— И. М., сынъ стародубскаго полковн., 298.
Микулинскіе, земяне брацлавскіе, 572.
Микѣшинъ М. О., художникъ, 67.
Милорадовичъ Гр. А., графъ, 174.
— полковн. черниг., 132.
Миткевичъ Іосифъ, игуменъ батуринск. монаст., 534.
Михаилъ Оедоров., царь московскій, 198, 234.
Михалчина, имѣніе С. И. Сулимы, 309.
Михайлюкъ Александръ, лирникъ, 482.
Михневичъ Вл., писатель., 249.
Мицкевичъ, поэтъ польскій, 178.
Мичерлихъ, профес. геттин. универ., 323.
Младановичъ, губевнаторъ г. Умани, 256, 257, 260.

Библиотека "Руниверс"

Младановичъ Павелъ, авторъ мемуаровъ объ унан. рѣзнѣ, 252, 266.
Многогрѣшный, гетманъ, 131.
Могила Петръ, митрополитъ кіевскій, 59, 286, 607.
Могилевъ, губ., 83, 314.
— на Днѣстрѣ, 272. 423.
Мокрицкій, художн., 75.
— уніатскій оффиціалъ, 92, 102, 105.
Мордвиновъ Н. С., графъ, 236.
Мордовцевъ Д. Л., писатель, 134.
Москаленко, посолъ гетмана Хмельницкаго, 548.
Мошны, м., 91, 107, 108.
Мошоновъ, русскій капитанъ, 161.
Мощинскій, авторъ мемуаровъ, 252.
Мышецкій, его исторія о запор. козакахъ, 588.

—

Нагорецкій, польск. коммисаръ въ переговорахъ съ Хмельницкимъ, 547.
Наливайко, гетм., 421. 520.
Наполеонъ I Бонапартъ, 248.
Нарбутъ, ученый, 175.
Нарышкинъ, генер., 522.
Небаба, козац. полковн., 333.
Невгалевскій Валентинъ, переводчикъ Евангелія конца XVI в., 282.
Неволинъ, ученый, 194.
Немиричи, кіевскіе земяне XVI—XVII ст., 572.
Немиричъ Генрихъ, 572.
— Иванъ, 572.
— Іосифъ, кіев. магнатъ XVI в., 573.
Неплюевъ Сем. Ив., генер.-лейтенантъ русской службы, 311.
Нерубайка, станица, 602.
Несторъ, лѣтописецъ, 369.
Несухоѣжи, м., 156.
Нехвороща, м., 594.
Нечай, предводит. козачьяго отряда, 245, 248.
Никитинъ Иванъ, живописецъ, 604.
Николай I, импер. русскій, 39, 43, 63, 378, 381, 435.
Няконенко Архипъ, кобзарь, 482.
Никонъ, патріархъ, 59.
Новая Гребля, с., лохвиц. у., 485.
— Рябина, с., 227.
Новгородцевъ, составит. описанія Кіева, 354.
Новгородъ, г., 313.
Новицкій И. П., 231, 237, 239, 360.
Новогригорьевка, станица, 602.
Новогрудекъ, м., 455.
Новый Осколъ, г., 198.
Нурскій Мартынъ, сынъ чашника, 350.
Нѣсецкій, писат. польскій, 175.
Нѣжинъ, г., 69, 164, 300, 286.

—

Обухъ, полковн. уманской милиціи, 257, 260, 263, 427.
Овручъ, г., 168.
Ожеховскій Станиславъ, польскій писат. XVI в., 145.
Оксфордъ, г., 289.
Оленовка, с., 70, 76.
Олелько, иначе Александръ, сынъ кіевск. кн. Владиміра, 146.
Олельковичи, потомки кіевскаго князя Владиміра, 146.
Олешня, поселеніе, 203, 205.
Олыка, м., 168.
Ольгердъ, князь литовскій, 146.
Ольговичи, князья, 356.
Ольшанка, р., 547.
Ольшанскъ, г., 198.
Онега, р., 128.
Орадовка, с., подаренное Потоцкимъ Гонтѣ, 254, 427.
Орель, р., 160, 594.
Оренбургъ, г., 384.
Орликъ Филиппъ, писарь Мазепы; народная пѣсня про него, 395.
Орловъ И А., приближенный Екатер. II-й, 364.
Орловскій, священ., 87.
Осинскій, инфлатъ, 79.
Осиповъ Федоръ, бригадиръ, 221, 225.
Осота, с., 352.
Оссолинскій, канцлеръ коронный, 363,
Останкинъ, назв. мызы гр. Шереметьева, 317.
Остерманъ, графъ, 165.
Острая Могила, с., 429.
Островерховъ, полковн., 362, 365.
Острогожскъ, г., 218, 408.
Острогорскій, 113.
Острогъ, г., 137, 168, 285.
Острожскій Константинъ-Василій, князь, 175—177, 285, 298.

Библиотека "Руниверс"

Острожскій Янушъ, 176—177, 574.
Острожская Анна, княжна, 141.
Остролуцкая — назв. дороги, 356.
Отенскій Зиновій, ученикъ Максима Грека, 288.
Охоцкій, авторъ историч. записокъ, 252.
Охромѣевичи, с., 311.
Очаковъ, г., 600.
Очкино, с., 175.

—

Павелъ I, импер. русскій, 317, 295.
Павша, польскій панъ, 335.
Паисій, настоят. гуетынскаго монаст., 606.
Палермо Франческо, итальянск. ученый, 440.
Палій Семенъ, козачій полковн XVII в., 154, 237, 241, 340, 510, 594.
Панинъ, графъ, вельможа временъ Екатерины II-й, 90; презид. коллегіи иностран. дѣлъ, 95, 98, 103, 100, 165, 270.
Панкевичъ, профессоръ, 315, 319.
Папроцкій, ученый, 138.
Парижъ, г., 230.
Пассекъ, Т. П., авторъ записокъ, 67.
Паны, бѣлорусскіе дворяне, 140.
Пекарскій, ученый, 438.
Первольфъ, чешскій ученый, 142.
Перебійнисъ, начальн. козацкаго отряда, 149.
Переволочна, м., 138.
Перекрестовъ, артырскій полковникъ, 203, 205, 221, 227.
Перепетиха, названіе кургана, 69.
Пересопница, м., 168.
Переяславецъ, козацкій полковн., 333.
Переяславль, г., 91, 99, 111, 113.
Петербургъ, г., 96, 68.
Петискусъ, ученый, 180.
Петровъ Н. И., проф. кіев. дух. акад., 4, 176, 581.
Петроковъ, полковн., 362.
Петръ I-й, импер. рус., 128, 149, 201, 206, 209, 248, 286, 291, 401, 404, 471.
Петриченко, украин. писатель, 597.
Пиковецъ, с., 363.
Пилатъ, проф. львовскаго унив., 576.
Пилявцы, мѣсто пораженія поляковъ Хмельницкимъ, 339.
Писаревскій, авторъ записокъ объ украинск. старинѣ, 597.
Піемонтъ, итальян. провинція, 239.
Платовъ, генер., 248.
Плетенецкій Елисей, архимандр. кіево-печерскій XVII в., 574, 575.
Плоское, с., 355.
Побѣдоносцевъ, авторъ „Курса гражд. права“, 195, 200, 416.
Погорилый, Дмитро, лирникъ, 482.
Подгорічанинъ, русскій генер., 271, 272.
Подгорцы, мѣст. въ Галичинѣ, 544.
Подляхія, провин. польская, 138.
Покословщина, отчина бунчук. товарища Григ. Скорупы, 330.
Политика, малорос. патріотъ временъ Екатер. II, 120.
Полковниче, с., 525.
Полозовичъ С. Р., староста овручскій (1506—1510 г.), 153.
Полонное, мѣст. новогр.-волынскаго у., волын. губ., 80, 168.
Полонскій Яковъ, русскій поэтъ, 68.
Полтава, г., 113, 590.
Полтавка, с., 391.
Полуботокъ Пав. Леонт., черниговскій полковн., 174, 293, 471, 175, 386.
Полуботчиха, вкладчица черниг. слецк. монастыря, 171.
Поляховка, с., 168.
Пономаревъ С. И., библіографъ, 582.
— О. П., сотоварищъ Т. Шевченка по акад. художествъ, 67.
Попятовскій Андрей Степановичъ, учитель екатерин. гимназіи, 596.
— Станиславъ, король польскій, 424.
Потаповичева Ульяна, кіевск. дворянка XVI ст., 573.
Потемкинъ Григорій, кн., вельможа временъ Екат. II, 165, 364, 390, 600.
Потокъ, имѣніе гр. Потоцкихъ, 423.
Потоцкіе, графы, магнаты польскіе, 83, 159.
Потоцкій Александръ, богатый землевлад., 86.
— Іосифъ, корон. гетманъ, 273.
— Михаилъ, графъ, богатый помѣщ., 79.

Библиотека "Руниверс"

Потоцкій Станиславъ, коронный стражникъ, 423.
— Феликсъ, гр., польскій госуд. дѣятель, 431, 571.
— Францъ-Селезій, воевода польскій, 251, 254, 256, 425.
Потоцкая Софья, графиня, 431.
Преворка, предм. г. Кіева, 354.
Пржыемскій, писарь польный, 540, 548, 553.
Привольное, с. херсон. губ., 391.
Прилинка, пригор. г. Лохвицы, 484.
Прилука, г., 303, 605.
Припеть, р., 156, 335, 393.
Прованеъ, провинція француз., 239.
Прозоровскій, кн., генер. маіоръ русской службы, 91, 94, 101, 103, 113, 165.
Прокоповичъ Ѳеофанъ, архіеп. новгород., проповѣдникъ и богословъ нач. XVIII в., 7, 460, 476, 582.
Протасьевъ, полк. русскій XVIII в., 90, 97.
Проскуровъ, г., 86.
Прохоры, с. борзенск. у., 386.
Псёлъ, р., 517.
Пузовскій Николай, возный, 574.
Пулавскій, регинентарь барск. конфедераціи, 429.
Пушкинъ А. С., поэтъ, 177, 243.
Пцимскій, ректоръ школъ въ Галиціи XVII, 542.
Пясечинскій, польскій панъ, 331.

—

Рабино, с., 222.
Рагузинскій, приближ. Петра I, 205.
Радзеевскій Іеронимъ, подканцлеръ коронный, 345.
Радзивиллы, князья, 176.
Радзивиллъ Богуславъ, кн., староста барскій, 555.
— Христофоръ, 292.
— Янушъ, великій гетманъ литовскій, 333, 334, 342, 540, 543, 548.
Радомысль, г., 111.
Разинъ Стенька, русскій разбойникъ, 241.
Разумовскій, гр., послѣдній гетманъ, 119, 303, 562, 604.
Ракочій Сигизмундъ, кн. семиград., 341, 342, 541.
Ратно, м. ковельск. у., 80, 88.
Раставица, р., 156.
Рафальскій, протоіер., 378.
Рева И. М., переводч. и издатель мемуара В. Кребсъ, 252.
Рей, польскій писатель, 453.
Репнинъ Н. В., русскій посланникъ при варшав. дворѣ, 91, 94, 101, 106, 110, 111, 115.
— Ник. Вас., кн., малороссійскій губерн., 561, 557—560, 605.
Ришелье, герцогъ, правитель новороссійскаго края, 603.
Ровно, г., 168, 349.
Рогашевскій, главный кассиръ уманскаго „замка“ въ 1768 г., 257, 265, 428.
Родуцкій, писарь кіевск. магистрата, 358.
Романовичъ-Славатинскій А. В., профессоръ, 80.
Романовка, с., 521; мѣстопребываніе Сѣчи, 588.
Романовскій Дмитрій, войсковой писарь запорожскій, 161.
Ромны, г., 27.
Рославль, г., 334.
Ростовъ, г., 234.
Росошки, с., 252, 254, 255, 270, 427.
Рудковскій А., 391, 393, 599.
Рудченко И. Я., издат. Сборника малор. пѣсень и сказокъ, 233, 234, 237, 240.
Ружинскій Евстафій, кн., 356.
Румянцевъ Н. А., гр., правитель Малороссіи; 89, 110, 126, 162, 270, 309, 357, 600.
Руцкій, уніат. митроп., 574.
Рыбниковъ П. Н., русскій этногр., 238.
Рябининъ, писат., 597.
Рязань, г., 585.

—

Савватій, справщикъ, 289.
Савицкій, ротмистръ козацкій, 352.
Салтыковскій, капитанъ, 601.
Самара, р., 160, 594.
Самборъ, г., 138.
Самойловичъ, гетм., 131, 135 174, 293, 370; о его портретѣ, 605.

Библиотека "Руниверс"

Самуйло Кішка, герой украинской народной думы, 135.
Самуилъ, епископъ бѣлгородскій, 408.
Самусь, полковн. богуславскій, 370.
Сангушко Евстафій, князь, 87.
— Романъ, начальн. польскихъ войскъ, 87.
Сандецкій, мечн. коронный, 541.
Сонцкій Михаилъ, переводчикъ еванг. на малор. языкъ въ XVI в., 282.
Сапѣги, бѣлорусскіе дворяне, 141.
Сапѣга Лукъ, староста овруцкій, въ нач. XVII в., 153.
Сасинъ, управит. имѣн. конфедерата Щенявскаго, 112.
Сатановъ, м. под. губ., 70, 86.
Сахацкій Пав. Афан., профессоръ философіи, 315.
Сахновскій Иванъ, полковой асаулъ, 130, 132.
Семенъ, легендар. основатель Запорожья, 588.
Семеновичъ Онисимъ, атаманъ дядьковскаго куреня, 535.
Сенчило-Стефановичъ А. Ф., учитель рисованія, 69.
Сербы, с., 272, 350.
Сивки, с. острожск. у., вол. губ., 168.
Сигизмундъ I, король польскій, 147, 454, 587.
— III-й, король польс., 421.
Синюха, р., 256, 257, 137, 420.
Скаржинскіе, украин. помѣщики, 393.
Скаржинскій Петръ, предводит. бугскихъ козак., 600, 603.
— экономъ уманскій, 267.
Скальковскій А., авторъ «Исторіи Новой Сѣчи» и пр., 166, 364, 395, 537, 603.
Скиргайло, князь литовскій, 357.
Скобейки, кіевскіе дворяне XVI в., 573.
Сковорода, украинскій писатель XVIII в., 10, 307, 308.
Скорина, д-ръ, переводчикъ библіи на бѣлорусское нарѣчіе, 282.
Скоропадскій, гетманъ украин., 12, 93, 295, 296, 604.
— М. В., генеральн. подскарбій, 120, 303.
— В. Ив., адъютантъ гр. Румянцева, 310, 311.
Скоруппы, старин. украинская фамилія, 294.
Скоруппа Григ. Демьяновичъ, бунчуков. товарищъ, 298, 299.
— Марья Павловна, жена А. С. Сулимы, 294.
— Павелъ Григорьевичъ, полковникъ козацкій, 294.
Славута, мѣст., принадл. кн. Сангушкѣ, 87, 88.
Слободище, г. въ XVI ст., 363.
Слобожанщина (Слободская Украйна), 198, 199, 204, 207, 211, 401, 419.
Скужка Александръ, троцкій воевода, 335.
Смоктій А., его ст. «Г. Умань и Софіевка», 183—189, 437.
Смоленскъ. г., 314.
Смотрицкій Мелетій, составитель славянской граммат. въ нач. XVII в., 286.
Смѣла, м., 261, 949.
Собѣсскій Янъ, король польскій, 370; староста краснославскій, 549.
Сожъ, р., 295.
Сокаль, г., 541.
Соколовка, мѣст., 262, 427, 520.
Соколы, заглавіе историч. думы, 493.
— станица козачья, 601.
Сокоръ, предводит. польскаго отряда, 331.
Соленикъ, знаменит. украин. артистъ, 597.
Соловьевъ С. М., изв. историкъ, 579.
Сорока, имѣніе помѣщ. Сребдольскихъ, 70.
Сосница, г., 299.
Софіевка, знам. садъ въ г. Умани, 429.
Сребдольскіе, малорусскіе помѣщики, 70.
Сребне, м. прилукаго у., 493.
Срезневскій, академикъ, профес., 428, 482.
Ставровскій, А. И. проф., 626.
Стадницкій, ученый, 146.
Станиславъ-Августъ, король польскій, 252.
— Понятовскій, король польскій, 272.
Стародубъ, г. 296, 298.
Старый Кодакъ, 588.
— Константиновъ, 86.

Библиотека "Руниверс"

Старушичъ Климентій, игуменъ выдубицкаго монаст., 368.
Стасовъ, профессоръ архитектуры, 321.
Степанъ, м., 169.
Стемпковскій Іосифъ, регинтарь украинской партіи, 349 и 571.
Стояновъ А., авторъ ст. Пѣсня XI в., 230, 237, 240.
Страховскій Варлаамъ, игуменъ выдубицкаго монаст., 371.
Стрижевскій Г. Я., этнографъ, 590.
Строгановъ, флигель-адъютантъ, 562.
Стырь, р., 346.
Стрѣлецкій Савва, писатель конца XVIII в., 466.
Судіенко А. М., 175.
— Осипъ Степановичъ, приближенный гр. Безбородко, 315.
Суджа, г., 202.
Судока, г., 201.
Судость, р., 296.
Сула, р., 517.
Суликовка (Сулимины), род. помѣстье Сулимъ, 163, 292, 313.
Сулимы, старинная дворянская фамилія въ лѣвобережной Украйнѣ, 293.
Сулима Иванъ Михайловичъ, запорожскій гетманъ въ 1628 г., 292, 293, 422.
— Евстафій Семен., 309.
— Иванъ Федоровичъ, генеральный хорунжій, 173, 175, 293, 297.
— Марья Павловна, жена Ив. Федор., 174; ея жалоба къ гетману, 296—298.
— Прасковья Семеновна; ея письма къ дѣтямъ, 308.
— Самуилъ Ивеновичъ, сынъ генеральнаго хорунжаго, 297.
— Семенъ Ивановичъ, переяславскій полковн. (1739—1766 г.), 174, 293, 302; его письма, 308.
— Федоръ Ивановичъ, сынъ генеральнаго хорунжаго, 292—293, 297.
— Христофоръ, архимандр. гамалѣевскаго монаст., 314; епископъ слободско-украин., 311.
— Якимъ Семеновичъ, 293, 294, 311, 315.
Сулима Семенъ Николаевичъ, его статья: «Замѣтки стараго кіевлянина», 614—624.
— Николай Семенов., полк., 615.
Сумы, г., 200, 291, 404, 408.
Суходольскій, мистиф. писарь польскій, 335, 337.

—

Т—въ М., авторъ статьи: «Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности», 237, 240.
Табанъ Антонъ, губернаторъ украинскаго «замка», 163.
Тальное, с., 521.
Танскій Василій, полковн., 226.
Таранъ Павло, атаманъ гайдамацкаго отряда, 566.
Тарнавскій Ал., авторъ некролога: «Отецъ Аполл. Сендульскій», 166.
Тевяшевъ Иванъ, полковникъ, 405.
Тепловъ, членъ «экономической канцеляріи», 120, 304, 306.
Тернавскій, бунчук. товарищъ, 304.
Тимофѣевъ Николай, атаманъ куреня деревяниовск., 535.
Тихомль, с., 168.
Тихонравовъ, русскій ученый, 3, 5, 438.
Торческъ, древ. городъ въ Кіевщинѣ, 231, 233, 240.
Трембецкій, поэтъ польскій, 434, 435.
Тургеневъ Ив. С., знамен. русскій беллетристъ, 68.
Турковскій, мглинскій сотникъ, 296.
Турчановскій А., 307.
Турчанскій, авторъ мемуаровъ о Коліивщинѣ, 252, 267.
Тустановскій Лаврентій-Зизаній, составитель русской грамматики въ концѣ XVI ст., 287.
Тукальскій Іосифъ, митрополитъ Кіевскій, 607.
Тульчинъ, м., 79.
Тыкичъ, р., 349, 370.
Тыша-Быковскій Левъ, 357.
Тышкевичъ Янушъ, воевода кіевскій, 363.
Тясминъ, р., 349, 370.

—

Убальдъ, начальникъ польск. войска, 540.
Удай, р., 605.

Библиотека "Руниверс"

Удычь, р., 420.
Уласенко, сотникъ, 260, 271.
Уманка, р., 420.
Уманщина, 276.
Умань., г., 79, 231, 257, 260, 269, 420, 426, 427, 431, 432, 564, 567.
Усердъ, г., 198.
Уяздовъ, названіе виллы короля Стан. Понятовскаго, вбл. Варшавы, 274.

—

Филаретъ, митроп. кіевскій (1837—1857), 53.
— Гумилевскій, черниговск. епископъ, духовный писатель, 76.
— епископъ рижскій, 578.
Фрезъ, московскій медикъ, 318.

—

Ханенко, уманскій полковн., 422.
Харьковъ, г., 408.
Херсонка, дер., 472.
Херсонъ, г., 590.
Хмельникъ, м., 555.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ украин., 7, 82, 123, 131, 135, 149, 195, 197, 329, 335, 341, 342, 369, 427, 473, 540, 543, 545, 547, 549, 552, 554, 555.
— Тимошъ, сынъ гетмана, 335, 338, 554.
— Юрій, также сынъ, впослѣдствіи гетманъ, 131.
— капитанъ, 601.
— кобзарь, въ зѣньков. у., 483.
Ходкевичи, бѣлорусскіе дворяне въ нач. XVII в., 140—141.
Ходкевичъ Александръ, помѣщикъ, 394.
Ходорково, м., 364.
Хойнацкій А. Ѳ., проф. нѣж. лицея, 455.
Холецкій Михайло, староста овруцкій, 153.
Хомутецъ, м. миргородскаго у., полт. губ., 495.
Хорошово, с., 283.
Хортица, островъ на Днѣпрѣ, мѣстопребываніе Коша запор., 587.
Хотинъ, г., 84.
Хотомырскъ, г., 198.
Хухра, козачье поселеніе въ ахтырскомъ полку, 223.
Хмѣлевое, с. орловской губ., 520.

—

Царево-Борисовъ, 203
Цартелевъ, князь, украинскій этногр., 482.
Цѣсельскій, белзскій мечникъ, 257, 258.

—

Чалый Матв. Корн., авторъ книги: «Жизнь и произв. Т. Шевченка», 68, 561.
— Савва, герой гайдамацкихъ пѣсень, 246.
Чарторыйскъ, м., 168.
Чепелевъ, с., 311.
Черкасы, г., 549.
Чернякъ, собират. украин. пѣсень, 247.
Черняткa, слобода, 300.
Чернышъ, генеральный судья, 296.
Чернышевъ, графъ, 294.
Чернобиль, м., 393, 394.
Черниговъ, г., 333.
Чернеховъ, имѣніе Ив. Немирича, 573.
Чертковъ, В. А., харьковскій намѣстникъ, 417.
Четвертня, м., 168.
Чистаховскій Григ. Ник., художникъ, 76.
Чигиринъ, г., 290, 331, 421, 508.
Чорный Шляхъ (или Татарская дорога), названіе пути, 137. 420.
Чубинскій Пав. Пл., этногр., 231, 236.
Чуйкевичъ, бунчуковый товарищъ, 304.
Чугай, предводит. козацкаго отряда, 545.
Чугаевъ, поселеніе, 203.
Чура Степанъ, козацкій сотн., 394.

—

Шайноха, польск. историкъ, 146.
Шамрай Ѳедоръ, куренной атаманъ, 529.
Шантръ Эрнестъ, французскій археологъ, 360.
Шарашевичъ, львовскій проф. и историкъ. 146.
Шафранскій, землемѣръ, защитникъ г. Умани, 264, 427.
Шаховской, кн., 401, 458.

Библиотека "Руниверс"

Швачка, предводит. гайдамацкаго отряда, 471.
Шевченко Т. Г., поэтъ; воспоминанія о немъ, Н. Бѣлозерскаго, 66 — 77; упомин., 177, 490, 596.
Шидловскій, бригадиръ слобод. полковъ, 205.
Шило, козакъ, 268.
Шимоновъ А. Л., авторъ изслѣдованія о землевладѣніи въ харьковск. губ., 191—228, 401—419.
Шишковъ, ученый, 136.
Шлетцеръ, профессоръ геттинг. универс., 323.
Шостакъ Иванъ, куренной атаманъ, 530.
Шпаченко Савва, гайдамака, 118.
Шулговскій, значковый товарищъ, 309.
Шумлянскій Кириллъ, еписк. луцкій, Іосифъ, еписк. львов., 610.
Шутъ Андрей, кобзарь, 482.

—

Щенявскій, польскій помѣщикъ, конфедератъ, 95, 103, 106.
Щербацкій Георгій, писат. XVIII в., 460.
Щербина Д. М., борзен. стряпчій, 70.
Щербининъ Е А., рус. секундъ-маіоръ, 408.
Щербиновка, с., 602.
Щиракъ Гавріило, куренной атаманъ, 535.

—

Эйлеръ Хр. Леонт., академикъ, 165.
Эрбенъ, ученый, 147.

—

Яблоновка, с., 519.
Яблоновскіе, князья, 159.
Яблоновъ, г., 198.
Яворскій Стефанъ, митроп. и духов. писатель XVIII в., 10.
Яготинъ, м., 561.
Якимъ Игнатовичъ, кошевой запорожскій, 160, 163.
Яковъ-Мартынъ-зъ-Рацибору, воевода сендомирскій, 423.
Якубовскій, польскій урядникъ г. Ахтырки, 200.
Якушкинъ П., этногр., 74, 278.
Ямное, с., 223.
Ямполь, м. острожск. у., волын. губ., 168, 423.
Янчинскій, іезуитъ, 176.
Янкевичева Констанція, сестра уманск. губерн. Младановича, 266.
Ярема, уманскій сотн., 260.
Ярмолинцы, с., 86.
Ярошовка, с., 504.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическое извѣщеніе.

Въ Львовѣ, съ лѣта нынѣшняго года, издается **„Малорусско-нѣмецкій Словарь“**. Это первый опытъ систематизаціи издававшихся доселѣ по частямъ матеріаловъ такого рода. *Нѣмецко-малорусскій Словарь* былъ изданъ въ 1867 г. профес. Партицкимъ. Необходимость такихъ изданій для пребывающихъ подъ нѣмецкою державою галицкихъ братій нашихъ понятна сама собою; но и раньше присоединенія Галиціи къ Австріи въ малорусскій языкъ вошло много нѣмецкихъ словъ.

Составитель настоящаго словаря—учитель гимназіи въ Станиславовѣ, *Евгеній Желеховскій*. Словарь выходитъ выпусками, по два печатныхъ листа. Полное его изданіе составитъ до 60-ти печатныхъ листовъ. Доселѣ вышло два выпуска; въ послѣднемъ не окончена буква *В*. Цѣна каждаго выпуска 15 коп. Изданіе предполагается окончить до истеченія 1883 г. Составитель ставитъ скорый выходъ изданія въ зависимость отъ успѣха подписки.

Желающіе подписаться на это изданіе могутъ адресоваться или прямо въ г. Станиславовъ къ г. Евгенію Желеховскому, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ IV. 1882 г.

Октябрь.

стр.

I. МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ. **Гр. П. Галагана**, съ предисловіемъ **П. И. Житецкаго** 1

II. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) **N.** *(Продолженіе)* . . 39

III. ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО, по воспоминаніямъ разныхъ лицъ (1831—1861 г.). **Н. Бѣлозерскаго** 66

IV. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ И. Д. ИВАНИШЕВА (бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммисіи, ректора и профессора кіевскаго университета). **О. Л.** 78

V. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 ГОДА. *(Продолженіе)* 89

VI. РѢЧЬ «О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ» МАЛОРОССІИ . . . 119

VII. ДВА ДОКУМЕНТА О СОСТОЯНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII СТ. 126

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.—б) Polàci a Rusini. Sepsal prof. Josef Perwolf.—в) D-r Antoni I... Z przeszłości Polesia kijowskiego. Warszawa, 1882.—г) Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы юго-западнаго края. К. 1882. . . . 134

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Къ исторіи Запорожья.—б) Отецъ Аполлоній Сендульскій, священникъ села Сивокъ острожскаго уѣзда.—в) Двѣ записки св. Димитрія Ростовскаго о пріемѣ и сдачѣ имъ елецкаго черниговскаго монастыря.—г) Старинные малороссійскіе портреты.—д) О днѣ смерти князя Василія-Константина Константиновича Острожскаго.—е) Украинскій Геліосъ.—ж) Св. муро въ старину и какіе съ нимъ случаи бываля.—з) Кармелюкъ 159

ПРИЛОЖЕНІЕ: нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика.

Библиотека "Руниверс"

II.

Ноябрь.

стр.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Я. Шимонова** 191

II. МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. **М. Т—ова** 229

III. УМАНСКІЙ СОТНИКЪ ИВАНЪ ГОНТА (1768 г.) **В. Антоновича** . 250

IV. СТАРИННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. **П. И. Житецкаго.** 277

V. СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. **Ал. Лазаревскаго.** . 292

VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Продолженіе*). **В. А.** . 328

VII. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНОНИМА 1768 г. (Казнь Гонты и усмиреніе «Коліивщины») 349

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоф. части «Кіев. Губ. Вѣдомостей», А. А. Кіевъ. 1882 г.—б) E. Chantre. Recherches paleoethnologiques dans la Russieméridionale et spècialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.—в) 1) Бердичевъ. Сост. Петроковымъ. 2) Шпола. Сост. Шмидтомъ. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. Н. Л. Островерховымъ.—г) Сборники малорусской орнаментики (украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; Сборники «украинскаго орнамента» А. Лисенко, Махно, Квитко и др.) . . . 354

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Кіево-выдубицкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль.—б) Замѣтка на замѣтку о почаевской лаврѣ.—в) Къ характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества.—г) Свѣдѣніе о бугскихъ козакахъ.—д) О дикихъ лошадяхъ въ херсонской губерніи.—е) Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ.—ж) Пѣсня про Филиппа Орлика.—з) Вирша на Рождество Христово 368

ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кіевская Старина».

ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ уманскаго сотника Ивана Гонты.

Декабрь.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Шимонова.** (*Продолженіе*) . . . 401

II. Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА. **А. Смоктія** 420

III. СТАРИННЫЙ ЮЖНО-РУССКІЙ ТЕАТРЪ И ВЪ ЧАСТНОСТИ ВЕРТЕПЪ. **Н. Петрова.** 438

IV. БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ. **В. Горленка** . . . 481

V. САМОЗВАННЫЙ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ СОЛДАТЪ СЕМЕНОВЪ. (1826 г.) **Н. Н—ка.** 519

VI. КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ. Внутреннія распорядки. **А. Скальковскаго.** 527

Библиотека "Руниверс"

стр.

VII. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Окончаніе*). **В. А.** . 538

VIII. ПИСЬМО КН. Н. В. РЕПНИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній). Сообщ. **Ст. фонъ-Носъ** . . 557

IX. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О СУДЬБѢ ЖЕЛѢЗНЯКА ПОСЛѢ ЕГО АРЕСТА ВЪ УМАНИ. **В. А.** 564

X. БИБЛІОГРАФІЯ: a) D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia. T. 1—2. Warszawa. 1882. — б) Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива. № 13. Составилъ Л. Ильинцкій. Кіевъ. 1882 г.—в) Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych... pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 г.—г) Высокопреосвящ. Макарій, митрополитъ московскій. Москва. 1882 г.—Помники по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ книжн. дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ. 1882 г. 569

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): a) Откуда взялись запорожцы (народное преданіе).—б) Н. Д. Мизко (некрологъ).—в) Еще о бугскихъ козакахъ.—г) Старинные малороссійскіе портреты.—д) Протопопъ Комаръ и его вторичный бракъ.—е) Гетманское приглашеніе на свадьбу.—ж) Замѣтки стараго кіевлянина.—з)—Вирша на Рождество Христово.—и) Алексѣй Ивановичъ Ставровскій (некрологъ). 583

XII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

XIII. Библіографическое извѣщеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го ноября 1882 года.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ“

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ **10**-ти до **12**-ти и болѣе листовъ.

Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.

3) Церковныя *слова*, *поученія*, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) *Разсказы*, *повѣсти*, *характеристики*, *очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

Библиотека "Руниверс"

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная лѣтопись:* ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ»*, *въ С. Петербургѣ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣс.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	»10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	»11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	»12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается

Библиотека "Руниверс"

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно белетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси— или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р. и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*научная хроника,* въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій.* Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

Библиотека "Руниверс"

ляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ“.

„ЛУЧЪ“ издается безъ предварительной цензуры; экономическіе вопросы русской жизни въ немъ поставлены на первый планъ. Передовыя руководящія статьи и корреспонденціи, изо всѣхъ мѣстностей имперіи, составляютъ его характерную особенность. Между подписчиками и редакціею существуетъ тѣсная нравственная связь. «ЛУЧЪ», въ отличіе отъ прочихъ иллюстрированныхъ журналовъ, представляющихъ одно собраніе картинокъ и повѣстушекъ, является настоящимъ журналомъ, со строго обдуманною программою и намѣченными цѣлями. *Либеральный и патріотическій журналъ «ЛУЧЪ» пріобрѣлъ сочувствіе русскихъ людей, борясь со зломъ, хищеніемъ и всякою неправдою.*

Не увеличивая подписную цѣну, редакція дастъ въ 1883 году, на улучшенной бумагѣ, за **6** руб. съ доставкою и пересылкою:

52 иллюстрированныхъ номера, два печатныхъ листа каждый.

12 большихъ книгъ—приложеній романовъ и повѣстей.

Шесть безплатныхъ сюрпризовъ: Большую олеографическую картину. Четыре пейзажа акварелью (красками). Альбомъ 20 видовъ Петербурга (фототипія) въ переплетѣ.

Желающіе подписаться на одинъ «ЛУЧЪ» безъ книгъ и сюрпризовъ, платятъ за годъ съ перес. ТРИ р.

Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться передовая статья С. С. Окр—ца,

Для будущаго года въ редакціи имѣются матеріалы: 1) „Черный годъ“, большой историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. С. С. Окрейна. 2) „Болѣзнь выдала“, романъ покойнаго П. И. Глушицкаго. 3) „Ящикъ Пандоры“, повѣсть Николаевой. Кромѣ того, въ первыхъ книгахъ будутъ помѣщены: „Исторія завоеванія Перу и Мексики“, Вильяма Прескота и интересный большой романъ „Золотая Свинья“, соч. Фортюнэ-дю-Буагобей.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) ул., д. № 15, въ редакціи журнала „ЛУЧЪ“.

Библиотека "Руниверс"

„КУБАНЬ“

газета общественная, литературная и политическая.

(второй годъ изданія).

Выходитъ отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ ЕКАТЕРИНОДАРѢ (Куб. обл.), въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

ЦѢНА съ пересылкою 7 руб. за годъ, 4 руб. за $^1/_2$ года и 2 руб. за $^1/_4$ года.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеенко.

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

ВАРШАВА. Въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (№№) отъ 10 до 15 листовъ каждая, [Двѣ книги (два №№) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому № журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

Библиотека "Руниверс"

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Въ наступающемъ году «Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата по слѣд. программѣ:

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ статьи по текущимъ вопросамъ общественной и экономической жизни, извлеченія изъ выдающихся статей столичныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хронику событій общественной, городской и сельской жизни, корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ будетъ состоять изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболѣе выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и спеціальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные. Очерки провинціальной жизни. Художественная лѣтопись. Научная хроника.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ и о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ и общихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА. Статьи по желѣзнодорожному хозяйству, узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзнодорожномъ мірѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

ФИНАНСОВАЯ, ТОРГОВАЯ, АКЦІОНЕРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА. Телеграммы, хлѣбныя и торговыя сдѣлки, показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и проч.; колоніальные рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Библиотека "Руниверс"

Телеграммы изъ Россіи и заграницы печатаются ежедневно отъ спеціальныхъ корреспондентовъ, отъ Международнаго Телеграфнаго Агентства и отъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Для расширенія же спеціально литературнаго отдѣла, редакція будетъ выпускать время отъ времени полуторные номера, въ которыхъ найдутъ мѣсто повѣсти, разсказы и др. выдающіяся произведенія отечественной и иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ съ доставкой:	**Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ:**
на годъ 9 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р., одинъ мѣсяцъ 1 руб.	**на годъ** 10 р., полгода 6 р., три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Денежные пакеты адресовать непосредственно въ контору «Одесскаго Листка», въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер., д. Доре, № 10.

Редакторъ-издатель *В. В. Навроцкій.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. сѣверо-западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и заграницею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей сѣверо-западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

«Виленскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ; въ эти же дни выходятъ прибавленія, въ которыхъ помѣщаются полученныя въ предшествовавшій день телеграммы и послѣднія свѣдѣнія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ,		Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города,	
На годъ	8 р.	На годъ	10 руб.
— полгода	4 » 50 к.	— полгода	5 »
— 3 мѣсяца	2 » 40 »	— 3 мѣсяца	3 »
За 1 мѣсяцъ	— » 80 »	За 1 мѣсяцъ	1 »

Библиотека "Руниверс"

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» (*Виленская улица, домъ г. Ленскаго*), въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина (*Большая улица, собственный домъ*) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика (*уголъ Невскаго и Малой Морской, домъ № 11*); въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля (*Покровка, домъ Солодовникова*); въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера (*Сенаторская, домъ № 22*); въ Парижѣ, у Гаваса (*Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8*); въ Лондонѣ, у Даубс (*London, 130, Fleet, street, E. C.*); въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера *Gänsenmarkt, 58*).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книженъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Паннемакеру* въ Парижѣ, *Клюссу* въ Штуттартѣ, *Зубчанинову* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книженъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева.*—Женщины Пугачевскаго возстанія. *А. В. Арсеньева.*—Выгорѣцкіе совратители. *Ею-же.*—Генералъ Антоній Езерапскій. *Н. В. Берха.*—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Ею-же.*—Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской.*—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго.*—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской) *Е. М. Гаршина.*—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. *И. И. Дубасова.*—Меньшиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есипова.*—Борьба за существованіе мысли. *В. Р.*

Библиотека "Руниверс"

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его-же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Дѣтъ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *Н. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавронскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *Н. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова*—Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминаніе и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австраліи. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавня. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Сусвѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.)- Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и Моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составятся

Библиотека "Руниверс"

особый альбомъ. Въ «газетѣ» будетъ печататься новая повѣсть Н. С. Лѣскова: «Соколій перелетъ».

ПРЕМІИ: «Крестный календарь» 1884 г. на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки **4** р., съ перес **5** р.; на ½ г. **3** р.; на **1** мѣс. **75** к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

Съ 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращенъ въ **полуежедневное изданіе** и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 9-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 188 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія ука-

Библиотека "Руниверс"

занія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣсти.» на годъ **8** руб, на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп., на мѣсяцъ **1** р. Годовая цѣна за границей **10** руб. Отдѣльные №№ по **10** коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Обществ. Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2-хъ до 4-хъ печ. листовъ въ №; въ годъ до 142 печ. лист. больш. формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ офиціальной своей части, составляющей офиціальной органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофиціальной-же части даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на правосл. востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и имѣетъ слѣдующіе *постоянные отдѣлы* (кромѣ передовыхъ статей): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библіографическое обозрѣніе; 5) лѣтопись церковную; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и корреспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церк. Вѣсти.» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того «*Толкованія на ветхій завѣтъ*» съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1883 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ*», и вмѣстѣ съ тѣмъ начато будетъ печатаніе «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1883 г. выйдетъ *особою книжкою* четвертый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»—семь руб. съ перес., отдѣльно за «Церк. Вѣсти.»—пять руб., за «Христ.

Библиотека "Руниверс"

Чтеніе» съ «Толкованіями» пять руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ перес.

Иногородные подписчики адресуются: «въ редакцію Церк. Вѣсти. и Христ. Чтенія, въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣл. конторы ред. близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 5). Или при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края», отъ «Международнаго» и «Сѣвернаго» телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія. IX. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». X. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Сторонніе сообщенія. XVIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе, чѣмъ въ ста губернскихъ и уѣздныхъ городахъ южной Россіи.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ

Библиотека "Руниверс"

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ на Московской ул., въ домѣ харьковскаго университета, № 7-й.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе убористымъ, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

Редакторъ-издатель. А. А. Іозефовичъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„ВОЛЫНЬ“

Вступая въ пятый годъ своего существованія, съ будущаго 1883 года, газета «Волынь» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы. 2) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности волынской губерніи. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія во всѣхъ частяхъ свѣта. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Смѣсь, гдѣ будетъ помѣщаться шутки, курьезы, анекдоты и остроты изъ прошлаго и настоящаго времени. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ преимущественно въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

Кромѣ того по временамъ будутъ помѣщаться фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ въ домѣ женской гимназіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	3 р. 30 к.
На ½ года	1 „ 80 „
На 3 мѣсяца	1 „ — „
На 1 мѣсяцъ	— 40 „

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на доставленіе адреса и на замѣну такового новымъ въ случаѣ перемѣны мѣста жительства прилачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к., адресуясь въ г. Житоміръ въ редакцію газеты «Волынь».

Редакторъ-издатель С. Влоцкій.

Библиотека "Руниверс"

„ДѢЛО“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Издается въ Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, подъ редакціею В. Барвинскаго.

Съ 1-го января 1883 года выходитъ *три* раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Цѣна на годъ 12 рублей, полгода 6 р., а на три мѣсяца 3 руб.

При газетѣ, по прежнему, будетъ издаваться *«Библіотека повѣстей»*, выходящая два раза въ мѣсяцъ. 15 и послѣднихъ чиселъ, по 2 печатныхъ листа.

Цѣна «Дѣла» вмѣстѣ съ «Библіотекой повѣстей» на годъ 16 руб., полгода 8 руб., три мѣсяца 4 руб. Отдѣльно *«Библіотека повѣстей»* — на годъ 5 р., полгода 2 р. 50 коп., Привлачивающіе *два* рубля получаютъ 36 печат. листовъ неоконченной въ 1882 году повѣсти: «Трудъ и деньги».

Подписываться можно въ редакціи «Дѣла» (Львовъ, ул. академическая, № 8) и въ редакціи «Кіевской Старины» (Кіевъ, Соф. площ., д. Севастьяновой).

„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ“

(4-й годъ существованія).

Программа, сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ . . . . . 6 руб.
на полгода . . . . . 3 р. 50 к.
одинъ мѣсяцъ . . . . . — 75 к.

Просятъ адресоваться: въ Новочеркаскъ въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ издатель *Е. Д. Жилмановскій.*

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ЗАПИСКИ“

КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа „**Записокъ**“: протоколы общихъ собраній Отдѣленія, засѣданій Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣл. коммиссій, правительственныя распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свекловичной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься **статистическія свѣдѣнія** о свекловичной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ по **два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.**

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи **8 рублей въ годъ**, съ приложеніемъ „Трудовъ“ Кіевскаго Вспомогательнаго Комитета по Московской Выставкѣ 1882 г.—**10 р. 50 к.**

Подписка принимается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (*Кіевъ, Верхне-Владимірская улица, домъ Тамары, вблизи опернаго театра*), а также: въ *С.-Петербургѣ, въ центральной конторѣ объявленій (Невскій пр., Мал. Морская, № 11.); въ Варшавѣ: въ конторѣ Райхманъ и Френдлеръ (Сенаторская, д. № 22.)* и въ *Гамбургѣ, у Адольфа Штейнеръ.*

Объявленія принимаются исключительно въ Бюро Отдѣленія на слѣдующихъ условіяхъ.

	За каждую строку или ея мѣсто до 16 строкъ	болѣе 16 строкъ.
За одинъ разъ.	15 коп. . . .	10 коп.
За каждый разъ свыше одного .	7½ „ . . .	5 „

За разсылку при „**Запискахъ**“ печатныхъ объявленій, рекламъ и т. п., которыя будутъ доставлены въ Бюро, взимается, за одинъ разъ, съ каждаго лота по 6 руб.

Гг. подписчики и члены Отдѣленія, извѣщая Бюро о своихъ адрессахъ, благоволятъ обозначать точно: имя, отчество и фамилію, также то почтовое мѣсто (съ указаніемъ губерніи и уѣзда), чрезъ которое желаютъ получать „Записки“.

О несвоевременной высылкѣ „Записокъ“ просятъ заявлять по слѣдующему адрессу: **Т. И. Лоначевскому** (Кіевъ, зданіе Университета).

Библиотека "Руниверс"